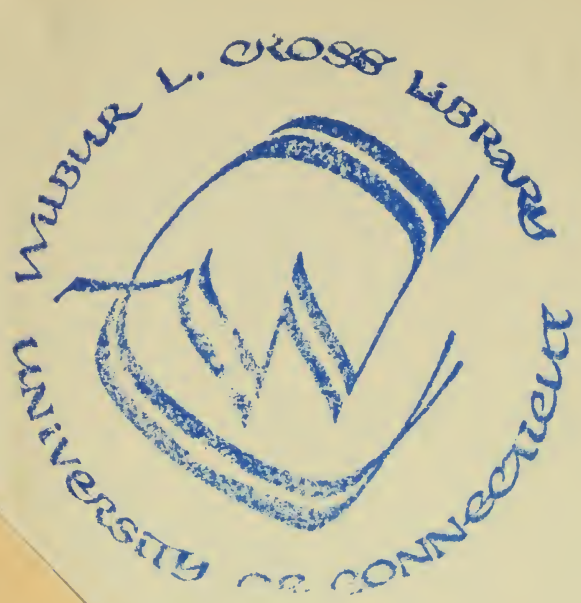

891.733
P674
1910

v. 6

BOOK 891.733.P674 1910 v.6 c.1
PISEMSKII # POLNOE SOBRANIE SOCHINENII

3 9153 00201576 8

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
Boston Library Consortium Member Libraries

http://www.archive.org/details/polnoesobranieso06pise

PG
3337
.P5
1910
t.6

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

Съ автобіографіей и двумя портретами А. Ѳ. Писемскаго и съ критико-біографическимъ очеркомъ В. В. Зелинскаго.

PG
3337

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1911 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.
1911

891.733
P677
1910
v.6

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Маркъ, Измайл. просп., № 29.

МАСОНЫ.

Романъ въ пяти частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Зима 1835 года была очень холодная; на небѣ каждый вечеръ видѣли большую комету съ длиннымъ хвостомъ; въ обществѣ ходили разные тревожные слухи о томъ, что съ Польшей будетъ снова война, что появилась повальная болѣзнь—гриппъ, отъ которой много умирало, и что наконецъ было поймано и посажено въ острогъ нѣсколько пророковъ, предвѣщавшихъ скорое преставленіе свѣта. Въ Крещенье холодъ дошелъ до 25°. Луна, несмотря на то, что подернута была морознымъ туманомъ, освѣщала довольно ясно пустынныя улицы одного изъ губернскихъ городовъ. По главной улицѣ этого города быстро ѣхала щегольская тройка въ пошевняхъ. Коренная, кровный рысакъ, шла крупной рысью, а пристяжныя скакали, держа голову около самой земли. Кучеръ стоялъ въ передкѣ на ногахъ и едва удерживалъ натянутыми, какъ струны, вожжами разгорячившихся лошадей. На барскомъ мѣстѣ въ пошевняхъ сидѣлъ очень маленькаго роста мужчина, закутанный въ медвѣжью шубу, съ лицомъ, гордо приподнятымъ вверхъ, съ голубыми глазами, тоже закинутыми къ небесамъ, и съ небольшими, торчащими, какъ у таракана, усиками,—точно онъ весь стремился упорхнуть куда-то ввысь. Лѣтъ маленькому господину было около пятидесяти. У подъѣзда большого каменнаго дома, ярко освѣщеннаго во всѣхъ окнахъ, кучеръ остановилъ лошадей. Маленькій господинъ, выскочивъ изъ пошевней и почти пробѣжавъ наружное съ

1301/28

двумя гипсовыми львами крыльцо, сталъ затѣмъ проворно взбираться по широкой лѣстницѣ, устланной краснымъ ковромъ и убранной цвѣтами, пройдя которую, онъ гордо вошелъ въ биткомъ набитую ливрейными лакеями переднюю. Здѣсь онъ сбросилъ съ себя свою медвѣжью шубу и очутился во фракѣ, украшенномъ на одномъ изъ бортовъ тоненькой цѣпочкой, унизанной медальками и крестиками. Изъ передней маленькій господинъ, съ прежней гордой осанкой, направился въ очень большую залу съ хорами, съ колоннами, освѣщенную люстрами, кенкетами, канделябрами,—залу съ многочисленной публикой, изъ числа которой паръ двадцать, подъ звуки полковыхъ музыкантовъ, помѣщенныхъ на хорахъ, танцовали французскую кадриль. Около стѣнъ залы сидѣли нетанцующія дамы съ открытыми шеями и разряженныя, насколько только хватило у каждой денегъ и вкуса, а также стояло множество мужчинъ, между коими виднѣлись чиновники въ вицмундирахъ, дворяне въ своихъ отставныхъ военныхъ мундирахъ, а другіе просто въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, и наконецъ купцы въ длиннополыхъ, чуть не до земли, сюртукахъ и всѣ почти съ огромными, неуклюжими медалями на кавалерскихъ лентахъ. Словомъ, это былъ ни болѣе ни менѣе какъ офиціальный балъ, который давалъ губернскій предводитель дворянства, дѣйствительный статскій совѣтникъ Петръ Григорьевичъ Крапчикъ, въ честь ревизующаго губернію сенатора графа Эдлерса. Нашъ маленькій господинъ, пробираясь посреди танцующихъ и немножко небрежно кланяясь на всѣ стороны, стремился къ хозяину дома, который стоялъ на небольшомъ возвышеніи подъ хорами и являлъ изъ себя, по своему высокому росту, худощавому стану, огромнымъ рукамъ, гладко остриженнымъ волосамъ и грубой, какъ бы солдатской физіономіи, скорѣе стараго, отставного тамбурмажора, чѣмъ представителя жантильомовъ. Какъ лицо служащее, Крапчикъ тоже былъ въ вицмундирномъ фракѣ и съ анненской лентой на бѣломъ жилетѣ. Увидавъ приближающагося къ нему маленькаго господина, онъ воскликнулъ:

— Наконецъ-то вы, Егоръ Егорычъ, пріѣхали!

— Дѣла, все дѣла!—отвѣчалъ тотъ скороговоркой.

И при этомъ они пожали другъ другу руки и не такъ, какъ обыкновенно пожимаются руки между мужчинами, а какъ-то очень ужъ отдѣливъ большой палецъ отъ другихъ пальцевъ, при чемъ хозяинъ чуть-чуть произнесъ: «А... Е...», на что Марѳинъ слегка какъ бы шикнулъ: «ши!». На указательныхъ пальцахъ у того и у другого тоже были довольно оригинальные и совершенно одинакіе чугунные перстни, на печаткахъ которыхъ

была вырѣзана Адамова голова съ лежащими подъ ней берцовыми костями и надписью наверху: sic eris *).

— Катринъ, развѣ ты не видишь: Егоръ Егорычъ Марѳинъ! — сказалъ съ удареніемъ губернскій предводитель проходившей въ это время мимо нихъ довольно еще молодой дѣвицѣ въ розовомъ креповомъ, отдѣланномъ валянсье-кружевами, платьѣ, въ брильянтовомъ ожерельѣ на груди и съ брильянтовой діадемой на головѣ; но при всемъ этомъ богатствѣ и изяществѣ туалета дѣвица сія была какъ-то очень аляповата; черты лица имѣла трубыя, съ весьма замѣтными слѣдами пробивающихся усовъ на верхней губѣ, и при этомъ еще бѣлилась и румянилась: природный цвѣтъ лица ея, вѣроятно, былъ очень черенъ! Впрочемъ, всѣ эти недостатки ея скрашивались нѣсколько выразительными и почти жгучими глазами и роскошными черными волосами. Особа эта была единственная дочь хозяина и отчасти представляла фамильное сходство съ нимъ. Самъ господинъ Крапчикъ, по слухамъ, былъ восточнаго происхожденія: не то грузинъ, не то армянинъ, не то грекъ.

— Какъ я рада васъ видѣть, m-r Марѳинъ! — произнесла Катринъ, слегка присѣдая.

Марѳинъ, съ своей стороны, вѣжливо, но сухо ей поклонился. Катринъ послѣ того пошла далѣе—занимать другихъ гостей.

— А графъ пріѣхалъ?—спросилъ Марѳинъ хозяина.

— Давно пріѣхалъ!.. Вонъ онъ разговариваетъ съ Клавской!—отвѣчалъ тотъ, показывая глазами на плѣшиваго старика съ синей лентой Бѣлаго орла, стоявшаго около танцующихъ, вблизи одной, если хотите, красивой собою дамы, но въ то же время съ какимъ-то наглымъ и безстыжимъ выраженіемъ въ лицѣ. Марѳинъ нѣсколько мгновеній смотрѣлъ въ показанную ему сторону чрезъ свой двойной лорнетъ. Во все это время Клавская рѣшительно не обращала никакого вниманія на танцующаго съ нею кавалера — какого-то доморощеннаго юношу—и безпрестанно обертывалась къ графу, громко съ нимъ разговаривала, разсуждала и явно старалась представить изъ себя царицу бала. Сенаторъ, въ свою очередь, тоже разсыпался передъ ней въ любезностяхъ и при этомъ своими мягкими манерами онъ обнаруживалъ въ себѣ не столько суроваго жреца Ѳемиды, сколько ловкаго придворнаго, что подтверждали и двѣ камергерскія пуговицы на его форменномъ фракѣ.

---

*) Такимъ будешь.

— Стало-быть, мнѣ правду говорили, что онъ плѣнился этой госпожой? — спросилъ Марѳинъ губернскаго предводителя.

— Черезъ недѣлю же, какъ пріѣхалъ!.. Заранѣе это у нихъ было придумано и подготовлено, — произнесъ тотъ нѣсколько язвительнымъ голосомъ.

— Но кѣмъ?

— Нашимъ общимъ съ вами другомъ.

— Губернаторомъ?

— Конечно... двоюродная племянница ему... Обойдутъ старика совершенно, такъ что все будетъ шито и крыто.

— Нѣтъ-съ, нѣтъ!.. Я не допущу этого!.. — проговорилъ хоть и шопотомъ, но запальчиво Марѳинъ.

— Пожалуйста, пожалуйста! — упрашивалъ его губернскій предводитель:—а то вѣдь это, ей-Богу, ни на что не похоже!.. Но сами вы лично знакомы съ графомъ?

— Въ глаза его никогда не видалъ!—отвѣчалъ Марѳинъ.

— Угодно вамъ, чтобы я васъ представилъ?

— Хорошо.

Между тѣмъ кадриль кончилась. Сенаторъ пошелъ по залѣ. Общество передъ нимъ, какъ море передъ большимъ кораблемъ, стало раздаваться направо и налѣво. Трудно описать всѣ мелкіе оттѣнки страха, уваженія, вниманія, которые начали отражаться на лицахъ чиновниковъ, купцовъ и даже дворянъ. На срединѣ залы къ сенатору подошелъ хозяинъ съ Марѳинымъ и проговорилъ:

— Ваше сіятельство, позвольте вамъ представить: полковникъ Марѳинъ!

Послѣдній замѣтно старался болѣе обыкновеннаго топорщиться.

Сенаторъ весьма благосклонно протянулъ ему руку.

— Мнѣ объ васъ очень много говорили министръ внутреннихъ дѣлъ и министръ юстиціи!—прибавилъ онъ къ тому.

— Да, они меня знаютъ!—отвѣчалъ почти небрежно Марѳинъ.

Сенатору, кажется, не понравился тонъ его отвѣта. Не сказавъ ему болѣе ни слова, онъ пошелъ далѣе и въ первой же небольшой гостиной, гдѣ на нѣсколькихъ столахъ играли въ карты, остановился у одного изъ нихъ. За столикомъ этимъ, увы! игралъ — обреченная жертва ревизіи — мѣстный губернаторъ, тоже уже старикъ, съ лошадиною профилью, тупыми, телячьими глазами и въ анненской лентѣ. Когда къ нему приблизился сенаторъ, на лицѣ губернатора, подобно тому, какъ и на лицахъ другихъ чиновниковъ, отразились

нѣкоторое смущеніе и затаенная злоба. Сенаторъ сталъ смотрѣть на игру.

— Вы очень разсѣянно играете: вамъ слѣдовало ходить съ бубенъ!—замѣтилъ онъ губернатору.

— Я вообще дурно играю!—отозвался тотъ, силясь улыбнуться.

— Въ такомъ случаѣ, остерегитесь: Михайла Сергѣичъ отличный игрокъ!—продолжалъ сенаторъ, разумѣя подъ этимъ именемъ своего правителя дѣлъ, съ которымъ губернаторъ игралъ въ пикетъ.

— Какой я нынче, ваше сіятельство, игрокъ, — особенно въ пикетъ! Со службой совсѣмъ разучился!—отвѣчалъ правитель дѣлъ, сухопарый, или, точнѣе сказать, какой-то даже оглоданный петербургскій чиновникъ, съ расчесанными бакенбардами, съ старательно вычищенными ногтями, въ нѣсколькихъ фуфайкахъ и сверхъ ихъ въ щегольскомъ бѣльѣ.

Фамилія его была Звѣздкинъ, а чинъ — дѣйствительный статскій совѣтникъ. Въ петербургскомъ чиновничьемъ мірѣ онъ слылъ за великаго дѣльца, но вмѣстѣ съ тѣмъ и за великаго плута. Его нарочно подсунули изъ министерства графу Эдлерсу, такъ какъ всѣмъ почти было извѣстно, что почтенный сенаторъ гораздо болѣе любитъ увлекаться вихремъ свѣтскихъ удовольствій, чѣмъ скучными обязанностями службы; вслѣдствіе всего этого можно было подозрѣвать, что губернаторъ врядъ ли не нарочно старался играть разсѣянно: въ его прямыхъ расчетахъ было проигрывать правителю дѣлъ!

Посмотрѣвъ еще нѣсколько времени на игру, графъ пошелъ далѣе въ слѣдующую большую гостиную. Хозяинъ дома, бывшій, должно-быть, несмотря на свою грубоватую наружность, человѣкомъ весьма хитрымъ и наблюдательнымъ и, повидимому, старавшійся не терять графа изъ виду, поспѣшилъ, будто бы совершенно случайно, въ сопровожденіи даже ничего этого не подозрѣвавшаго Марѳина, перейти изъ залы въ маленькую гостиную, изъ которой очень хорошо можно было усмотрѣть, что графъ не остановился въ большой гостиной, исключительно наполненной самыми почтенными и пожилыми дамами, а направился въ боскетную, гдѣ и усѣлся въ совершенно уединенномъ уголку возлѣ m-me Клавской, точно изъподъ земли тутъ выросшей.

— Опять ужъ парочкой!—шепнулъ предводитель Марѳину.

— О, дуракъ, старый развратникъ! — пробормоталъ тотъ съ досадой и съ презрѣніемъ.

— Да!—протянулъ предводитель:—не такого бы по нашимъ дѣламъ намъ надобно прислать сенатора.

Въ отвѣтъ на это Марѳинъ пожалъ плечами и сдѣлалъ изъ лица мину, какъ бы говорившую: «но гдѣ жъ ихъ взять, когда другихъ и нѣтъ?»

— Но скажите, по крайней мѣрѣ,—не отставалъ отъ него предводитель: — не привезли ли вы какихъ-нибудь извѣстій о нашемъ главномъ дѣлѣ?

— Никакихъ и много!—отвѣчалъ своимъ обычнымъ отрывистымъ тономъ Марѳинъ.

По лицу губернскаго предводителя пробѣжало любопытство, смѣшанное какъ бы съ нѣкоторымъ страхомъ.

— Мое нетерпѣніе, ей-Богу, такъ велико, — началъ онъ полушопотомъ и заискивающимъ голосомъ: — что я умолялъ бы васъ теперь же сообщить мнѣ эти извѣстія.

— Но здѣсь нельзя говорить объ этомъ!.. Надобно уйти куда-нибудь!—возразилъ ему Марѳинъ.

— Это очень легко сдѣлать: прошу васъ пожаловать за мной,—подхватилъ предводитель и, еще разъ взглянувъ мелькомъ, но пристально, на сидѣвшаго въ боскетной сенатора, провелъ Марѳина чрезъ кабинетъ и длинный коридоръ въ свою спальню, освѣщенную двумя восковыми свѣчами, стоявшими на мозаиковомъ съ бронзовыми ободочками столикѣ, помѣщенномъ передъ небольшимъ диванчикомъ.

Полъ спальни былъ покрытъ чернымъ ковромъ съ нашитыми на немъ золотыми какъ бы каплями или слезами. По одной изъ стѣнъ ея въ альковѣ виднѣлась большая кровать подъ штофнымъ пологомъ, собраннымъ вверху въ большое золотое кольцо, и кольцо это держалъ не амуръ, не геній какой-нибудь, а летящій ангелъ съ смертоноснымъ мечомъ въ рукѣ, какъ бы затѣмъ, чтобы почіющему на этомъ ложѣ каждоминутно напоминать о смерти. Передній уголъ комнаты занимала большая божница, завершавшаяся вверху полукуполомъ, въ которомъ былъ нарисованъ въ багряницѣ благословляющій Богъ съ тремя лицами, но съ единымъ лбомъ и съ еврейскою надписью: «Іегова». Подъ нимъ висѣли иконы, или, точнѣе сказать, картины религіознаго содержанія: Христосъ въ терновомъ вѣнкѣ, несущій крестъ съ подписью: «nostra salus» (наше спасеніе); *Іоаннъ Креститель* съ *агнцемъ* и подписью: «delet peccata» (вземляй грѣхи міра) и *Магдалина въ пустынѣ* съ подписью: «poenitentia» (покаяніе). По боковымъ стѣнкамъ божницы представлялись чисто какіе-то символы: на правой изъ нихъ *столбъ*, *а около него якорь* съ поясненіемъ: «spe et fortitudine» (надеждою и твердостью); а на лѣвой—святая чаша съ обозначеніемъ: «redemptio mundi» (искупленіе міра). Но собственно иконъ православнаго пошиба

не было ни одной. Передъ божницею свѣтилась и опять тоже не столько лампадка, а скорѣе лампа съ зеленымъ зонтикомъ спереди. Такимъ образомъ вся эта святыня какъ будто бы навѣяна была изъ-чужа, изъ католицизма, а между тѣмъ Крапчикъ только по-русски и умѣлъ говорить, никакихъ иностранныхъ книгъ не читалъ и даже за границей никогда не бывалъ. Далѣе на стѣнѣ, противоположной алькову, надъ огромной рабочей конторкой, заваленной приходорасходными книгами, счетами, мѣшечками съ образцами сѣмянъ ржи, ячменя, овса, планами на земли, фасадами на постройки, висѣлъ отлично гравированный портретъ какъ бы рыцаря въ шапочкѣ и въ мантіи, изъ-подъ которой виднѣлись стальныя латы, а внизу подъ портретомъ подпись: «Eques a victoria», подъ которою, вѣроятно, рукою ужъ самого хозяина было прибавлено: «Фердинандъ, герцогъ Брауншвейгъ-Люнебургскій, великій мастеръ всѣхъ соединенныхъ ложъ».

Введя гостя своего въ спальню, губернскій предводитель предложилъ ему сѣсть на диванчикъ. Марѳинъ, подъ вліяніемъ своихъ собственныхъ мыслей, ничего, кажется, не видѣвшій, гдѣ онъ, опустился на этотъ диванчикъ. Хозяинъ все съ болѣе и болѣе возрастающимъ нетерпѣніемъ въ лицѣ помѣстился рядомъ съ нимъ.

— Значитъ, нѣтъ никакой надежды на наше возрожденіе?—заговорилъ онъ.

— Никакой, ни малѣйшей!—отвѣчалъ Марѳинъ, постукивая своей маленькой ножкой: — я говорю это утвердительно, потому что по сему поводу мнѣ переданы были слова самого государя.

— Государя?..—переспросилъ предводитель съ удивленіемъ и недовѣріемъ.

Марѳинъ въ отвѣтъ утвердительно кивнулъ головой.

Сомнѣніе все еще не сходило съ лица предводителя.

— Мнѣ повелѣно было объяснить, — продолжалъ Марѳинъ, кладя свою миніатюрную руку на могучую ногу Крапчика: — кто я, къ какой принадлежу ложѣ, какую занимаю степень и должность въ ней, и какая разница между масонами и энциклопедистами, или, какъ тамъ выражено: *вольтеріанцами*, и почему въ обществѣ между ними и нами существуетъ такая вражда. Я на это написалъ все, не утаивъ ничего!

Предводитель былъ озадаченъ.

— Но, почтенный братъ, не нарушили ли вы тѣмъ нашъ обѣтъ молчанія?—глухо проговорилъ онъ.

Марѳинъ совершенно вспѣтушился.

— Это вздоръ-съ вы говорите!—забормоталъ онъ.—Я знаю и исполняю правила масоновъ не хуже вашего! Я не болтунъ, но передъ государемъ моимъ я счелъ бы себя за подлеца говорить неправду или даже скрывать что-нибудь отъ него.

Все это Егоръ Егорычъ произнесъ съ сильнымъ удареніемъ.

— Это, конечно, на вашемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы то же самое каждый, — поспѣшилъ вывернуться губернскій предводитель: — и я изъявляю только мое опасеніе касательно того, чтобы враги наши не воспользовались вашей откровенностью.

— Это ужъ ихъ дѣло, а не мое!—рѣзко перебилъ его Марѳинъ:—но я написалъ, что я христіанинъ и масонъ, принадлежу къ такой-то ложѣ... Болѣе двадцати лѣтъ исполняю въ ней обязанности гросмейстера... Между господами энциклопедистами и нами вражды мелкой и меркантильной не существуетъ, но есть вражда и несогласіе понятій: у насъ, масоновъ—Богъ, у нихъ — разумъ; у насъ — вѣра, у нихъ — сомнѣніе и отрицаніе; цѣль наша — устройство и очищеніе внутренняго человѣка. ихъ цѣль — дать ему благосостояніе земное...

— Хорошо, хорошо!—началъ ужъ похваливать предводитель.

— Знанія ихъ, — продолжалъ Марѳинъ: — болѣе внѣшнія. Наши—высшія и безпредѣльныя. Ученіе наше — средняя линія между религіей и законами... Мы не подкапыватели общественныхъ порядковъ... для насъ одинаковы всѣ народы, всѣ образы правленія, всѣ сословія и всѣхъ степеней образованія умы... Какъ добрые сѣятели, мы въ бурю и при солнцѣ, на почву добрую и каменистую стараемся сѣять...

— Превосходно, превосходно! — воскликнулъ предводитель и, кажется, съ совершенно искреннимъ увлеченіемъ.

Въ свою очередь, и Марѳинъ, говоря послѣднія слова, исполнился какого-то даже величія: про него вся губернія знала, что онъ до смѣшного идеалистъ, заклятой масонъ и честнѣйшій человѣкъ.

— А имѣете ли вы свѣдѣнія, какъ принято было ваше письмо? — допытывался у него предводитель, явно стремившійся болѣе къ земнымъ и конечнымъ цѣлямъ, чѣмъ къ небеснымъ.

— Имѣю, и самыя вѣрныя, потому что мнѣ официально написано, что государю благоугодно благодарить меня за откровенность, и что насъ, масоновъ, онъ никогда иначе и не разумѣлъ.

— Мы такіе и есть и такими всегда останемся!—не удержался и воскликнулъ съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ предводитель.

Марѳина разсердило, что его перебиваютъ.

— Дослушайте, пожалуйста, и дайте договорить, а тамъ ужъ и дѣлайте ваши замѣчанія,—произнесъ онъ досадливымъ голосомъ и продолжалъ прежнюю свою рѣчь: — иначе и не разумѣлъ, но (и Марѳинъ при этомъ поднялъ свой указательный палецъ)... все-таки желательно, чтобъ въ Россіи не было ни масоновъ ни энциклопедистовъ, а были бы только истинно-русскіе люди, истинно-православные, любили бы свое отечество и оставались бы вѣрноподданными.

— Мы и православные и вѣрноподданные! — подхватилъ губернскій предводитель.

— Нѣтъ, это еще не все, мы еще и другое! — перебилъ его снова съ нѣсколько ядовитой усмѣшкой Марѳинъ. — Мы, вы, видно, забываете, что я вамъ говорю: мы — люди, для которыхъ душа человѣческая и ея спасеніе дороже всего въ мірѣ, и для насъ не суть важны ни правительства, ни границы странъ, ни даже религіи.

— Религіи, положимъ, важны: братья масоны могутъ быть лишь христіане.

— Нѣтъ-съ, нѣтъ и нѣтъ!—закричалъ на него Марѳинъ:— вы это говорите со словъ Лопухина *), и я, пожалуй, скажу: да, христіаниномъ; но какимъ?—христіаниномъ по духу!.. Истинный масонъ, крещенъ онъ или нѣтъ, всегда духомъ христіанинъ, потому что догмы наши въ самомъ чистомъ видѣ находятся въ евангеліи, предполагая, что оно не истолковывается съ вѣроисповѣдными особенностями; а то хороша будетъ наша всѣхъ обрѣтающая и всѣхъ призывающая любовь, когда мы только будемъ брать изъ католиковъ, лютеранъ, православныхъ, а люди другихъ исповѣданій — плевать на нихъ, гяуры они, козлища!

— Если такъ понимать, то конечно! — произнесъ уклончиво предводитель и далѣе какъ бы затруднялся высказать то, что онъ хотѣлъ.—А съ васъ, скажите, взята подписка о непринадлежности къ масонству? — выговорилъ онъ наконецъ.

— Никакой!.. Да я бы и не далъ ея: я какъ былъ, есмь, такъ и останусь масономъ!—отвѣчалъ Марѳинъ.

Губернскій предводитель грустно усмѣхнулся и началъ-было:

— Опять-таки въ нашихъ правилахъ сказано, что если монаршая воля запретитъ наши собранія, то мы должны повиноваться тому безропотно и безъ малѣйшаго нарушенія.

— И опять-таки вы слышали звонъ, да не уразумѣли, гдѣ онъ!—перебилъ его съ обычною своей рѣзкостью Марѳинъ.—

---

*) Масонъ временъ Новикова, написавшій нѣсколько масонскихъ сочиненій.

Сказано: «запретить собранія наши», — тому мы должны повиноваться, а ужъ никакъ это не касается нашего внутренняго устройства: на религію и на совѣсть узды класть нельзя! Въ противномъ случаѣ, такое правило заставитъ человѣка или лгать, или изломать всю свою духовную натуру.

— Прекрасно-съ, я согласенъ и съ этимъ! — снова уступилъ предводитель. — Но какъ же тутъ быть?.. Вы вотъ можете оставаться масономъ и даже открыто говорить, что вы масонъ,—вы не служите!.. Но какъ же мнѣ въ этомъ случаѣ поступить?—заключилъ онъ, какъ бы въ формѣ вопроса.

— А вамъ кто велитъ служить? Какая необходимость въ томъ?—произнесъ почти съ презрѣніемъ Марѳинъ.

— Привычка, пятидесятилѣтняя привычка служить, больше ничего!—объяснилъ предводитель.

— Не говорите этого! Не говорите!.. Это или неправда, или какое-то непонятное заблужденіе ваше!—прикрикнулъ на него Марѳинъ.—Я, впрочемъ, радъ этимъ невзгодамъ на насъ, очень радъ!.. Пусть въ нихъ всѣ, какъ металлы въ горнилѣ, пообчистятся, и увидится, въ комъ есть золото и сколько его!

Губернскій предводитель немного сконфузился при этомъ: онъ никакъ не желалъ подобнаго очищенія, опасаясь, что въ немъ, пожалуй, крупинки золота не обрѣтется, такъ какъ онъ былъ *ищущимъ* масонства и наконецъ удостоился онаго вовсе не ради нравственнаго усовершенствованія себя и другихъ, а чтобы только окраситься цвѣтомъ образованнаго человѣка, каковыми тогда считались всѣ масоны, и чтобы увеличить свои связи, посредствомъ которыхъ ему уже и удалось достигнуть почетнаго званія губернскаго предводителя. Въ настоящее же время его мечтой была надежда сломить губернатора и самому сѣсть на его мѣсто.

— Меня больше всего тутъ удивляетъ, — заговорилъ онъ послѣ короткаго молчанія и съ недоумѣвающимъ выраженіемъ въ лицѣ:—намъ не довѣряютъ, насъ опасаются, а между тѣмъ вы, напримѣръ, словами вашими успѣли вызвать — бездѣлица!..—ревизію надъ всей губерніей.

— Я не словами вызвалъ, а крикомъ, крикомъ! — повторилъ двукратно Марѳинъ: — я кричалъ всюду: въ гостиныхъ, въ клубахъ, на балахъ, на улицахъ, въ церквахъ.

— Другой, пожалуй, кричи: его заставили бы только замолчать, а васъ нѣтъ.

— Они хорошо и сдѣлали, что не заставляли меня! — произнесъ, гордо поднявъ свое лицо, Марѳинъ:—я дѣйствую не изъ собственныхъ неудовольствій и выгодъ! Меня на волосъ чиновники не затрогивали, а когда бы затронули, такъ я и

не сталъ бы такъ поступать, памятуя слова великой молитвы: «остави намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ», но я всюду видѣлъ, слышалъ, какъ они поступаютъ съ другими, а потому пусть ужъ не посѣтуютъ.

— Вы далеко не все слышали, далеко, что я, напримѣръ, знаю про этихъ господъ, сталкиваясь съ ними, по моему положенію, на каждомъ шагу, — подзадоривалъ его еще болѣе губернскій предводитель.

Въ это время однако вошедшій въ спальню лакей возвѣстилъ:

— Ваше превосходительство, его сіятельство графъ Эдлерсъ уѣзжаетъ!

– Какъ уѣзжаетъ?—воскликнулъ съ испугомъ Крапчикъ и почти бѣгомъ побѣжалъ къ своему именитому гостю.

II.

Марѳину очень не понравилась такая торопливость и суетливость хозяина. «Что это такое? зачѣмъ все это и для чего?»— спрашивалъ онъ себя, пожимая плечами и тоже выходя чрезъ коридоръ и кабинетъ въ залу, гдѣ увидалъ окончательно возмутившую его сцену: хозяинъ униженно упрашивалъ графа остаться на балѣ хоть нѣсколько еще времени, но тотъ упорно отказывался и отвѣчалъ, что это невозможно, потому что у него дѣла, и рядомъ же съ нимъ стояла мадамъ Клавская, тоже, какъ видно, уѣзжавшая и объяснявшая свой отъѣздъ тѣмъ, что она очень устала, и что ей не совсѣмъ здоровится. Собственно, Клавскую упрашивала остаться дочь хозяина, мадемуазель Катринъ; но всѣ ихъ мольбы остались тщетными. Гости уѣхали. Хозяева пошли ихъ провожать чуть не до сѣней. Марѳинъ сейчасъ же началъ протестовать и собралъ около себя цѣлый кружокъ.

— Это чортъ знаетъ что такое! — почти кричалъ онъ: — наши балы устраиваются не для ихъ кошачьихъ свиданій!.. Это пощечина всему обществу!

— Конечно, конечно! — соглашались вполголоса нѣкоторые изъ мужчинъ.

Дамы тоже были немало поражены: однѣ пожимали плечами, другія тупились, третьи переглядывались значительными взглядами, хотя въ то же время — нельзя этого утаить — многія изъ нихъ сдѣлали бы съ величайшимъ удовольствіемъ то, что сдѣлала теперь Клавская.

Хозяинъ наконецъ возвратился въ залу и, услыхавъ все еще продолжавшіеся возгласы Марѳина, подошелъ къ нему.

— Что такое, Егоръ Егорычъ, вы шумите? Что васъ разгнѣвало?—спросилъ онъ его съ улыбкою.

— Если вы этого не понимаете, тѣмъ хуже для васъ!.. для васъ хуже! — отвѣчалъ съ нѣкоторымъ даже оттѣнкомъ презрѣнія маленькій господинъ.

— Понимать тутъ нечего, вы, по вашему поэтическому настроенію, такъ способны преувеличивать, что готовы изъ всякой мухи сдѣлать слона.

— Это—муха, ничтожная муха, по его!.. а не слонъ самоуниженія и самоплеванія!..

— Егоръ Егорычъ, пощадите отъ такихъ выраженій!— произнесъ уже обиженнымъ голосомъ предводитель.

Марѳинъ, впрочемъ, врядъ ли бы его пощадилъ и даже, пожалуй, сказалъ бы еще что-нибудь посильнѣй, но только вдругъ, какъ бы отъ прикосновенія волшебнаго жезла, онъ смолкъ, стихъ и даже поблѣднѣлъ, увидавъ входившее въ это время въ залу цѣлое семейство вновь пріѣхавшихъ гостей, которое состояло изъ трехъ молодыхъ дѣвушекъ съ какими-то ангелоподобными лицами и довольно пожилой матери, сохранившей еще замѣтные слѣды красоты. Дама эта была нѣкая вдова-адмиральша Юлія Матвѣевна Рыжова. Она наслѣдовала послѣ мужа очень большое состояніе, но, по добротѣ своей и непрактичности, совершенно почти разстроила его. Ея сентиментальный характеръ отчасти выразился и въ именахъ, которыя она дала дочерямъ своимъ, и—странная случайность!— инстинктъ матери какъ бы заранѣе подсказалъ ей главныя свойства каждой дѣвушки: старшую звали Людмилою, и дѣйствительно она была мечтательное существо; вторая — Сусанна—отличалась необыкновенною стыдливостью; а младшая— Муза—обнаруживала большую наклонность и способность къ музыкѣ.

Всѣ эти три дѣвицы воспитывались въ институтѣ, и лучше всѣхъ изъ нихъ училась Сусанна, а хуже всѣхъ Людмила, но зато она танцовала божественно, какъ фея. Рядомъ съ этимъ семействомъ шелъ высокій и стройный мужчина. Какъ левъ величественный, онъ слегка поматывалъ своей красивой головой на широкую грудь. Его лицо имѣло отчасти насмѣшливое выраженіе, а проходившія вмѣстѣ съ тѣмъ по этому лицу глубокія борозды ясно говорили, что этотъ господинъ (ему было никакъ не больше тридцати пяти лѣтъ) достаточно пожилъ и насладился жизнью. Онъ былъ дальній родственникъ Рыжовой и въ семьѣ ея просто именовался Валерьяномъ, а въ обществѣ Валерьяномъ Ченцовымъ, и слылъ тамъ за неотразимаго покорителя женскихъ сердецъ и за сильно-азарт-

наго игрока. Марѳину Ченцовъ тоже приходился племянникомъ. Между нимъ и дядей существовали какія-то странныя отношенія: Марѳинъ въ глаза и за-глаза называлъ Ченцова безпутнымъ и погибшимъ, но, несмотря на то, нерѣдко помогалъ ему деньгами, и деньгами не маленькими. Ченцовъ же, по большей части сердя дядю безъ всякой надобности разными циническими выходками, вдругъ иногда обращался къ нему какъ бы къ родной матери своей, съ полной откровенностью и даже любовью.

Мадемуазель Катринъ поспѣшила подойти къ пріѣхавшимъ дамамъ.

— Какъ поздно, какъ поздно!.. Мы съ папа были въ отчаяніи и думали, что вы не пріѣдете,—говорила она, обмѣниваясь книксенами съ дѣвушками и ихъ матерью.

— Ахъ, это я виновата, я,—отвѣчала послѣдняя:—ко мнѣ сегодня пріѣхалъ мой управляющій и привезъ мнѣ такія тяжелыя и непріятныя извѣстія, что я чуть не умерла.

Все это обѣ дамы говорили на французскомъ языкѣ: Катринъ нѣсколько грубовато и не безъ ошибочекъ, а адмиральша—какъ парижанка.

Ченцовъ между тѣмъ, тоже поклонившійся мадемуазель Крапчикъ, тутъ же пригласилъ ее на кадриль.

Какъ ни была набѣлена Катринъ, но можно было замѣтить, что она вспыхнула отъ удовольствія.

— Вы желаете со мной танцовать?—переспросила она.

Ченцовъ повторилъ свое приглашеніе.

— Извольте,—отвѣчала Катринъ.

Марѳинъ, тоже болѣе бормоча, чѣмъ выговаривая свои слова, пригласилъ старшую дочь адмиральши, Людмилу, на кадриль. Та, переглянувшись съ Валерьяномъ, дала ему слово.

Подошелъ Крапчикъ и, не преминувъ опривѣтствовать этихъ новыхъ гостей, спросилъ Ченцова:

— Вы будете играть сегодня?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Ченцовъ: въ переводѣ это значило, что у него нѣтъ ни копейки денегъ.

Губернскій предводитель удалился въ маленькую гостиную и тамъ сѣлъ около все еще продолжавшаго играть съ губернаторомъ правителя дѣлъ Звѣздкина, чтобы, по крайней мѣрѣ, хоть къ нему вмѣсто сенатора приласкаться.

Пары стали устанавливаться въ кадриль, и пока музыканты усаживались на свои мѣста, въ углу залы между двумя очень ужъ пожилыми чиновниками, бывшими за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ въ кружкѣ около Марѳина, начался вполголоса разговоръ, который считаю нужнымъ передать.

— Марѳину спасибо, ей-Богу, спасибо, что онъ такъ отдѣлалъ этого нашего губернскаго маршала,—сказалъ одинъ изъ нихъ, одѣтый въ сѣрый ополченскій чапанъ, въ штаны съ красными лампасами и вообще съ довольно, кажется, честною наружностью. Ополченецъ этотъ былъ засѣдатель земскаго суда, уже отчисленный по сенаторской ревизіи отъ службы и съ перспективою попасть подъ слѣдствіе. Бесѣдовавшій съ нимъ другой чиновникъ, толстый, какъ сороковая бочка, съ злыми, воспаленными зеленоватыми глазами, состоялъ старшимъ совѣтникомъ губернскаго правленія и разумѣлся правой рукой губернатора по вымоганію взятокъ.

— И Марѳинъ-то вашъ хорошъ, — превредный болтунъ и взбрехъ!—отозвался совѣтникъ на слова засѣдателя:—по милости его, можетъ-быть, мы и испиваемъ теперь наши горькія чаши.

— Это такъ!..—согласился тотъ:—но кто поддулъ Марѳина, какъ не губернскій предводитель.

— Что жъ поддулъ!—возразилъ гнѣвно совѣтникъ:—если бы у господина Марѳина хоть на копейку было въ головѣ мозгу, такъ онъ долженъ былъ бы понимать, какого сорта птица Крапчикъ: во-первыхъ-съ (это ужъ совѣтникъ началъ перечислять по пальцамъ), еще бывши гатчинскимъ офицеромъ, онъ наушничалъ Павлу на товарищей и за то, когда Екатерина умерла, получилъ въ награду двѣсти душъ. Второе, женился на чучелѣ, на уродѣ, потому только, что у той было полторы тысячи душъ, и, какъ разсказываютъ, когда они еще были молодыми, съ этакого вотъ тоже, положимъ, бала, онъ, возвратясь съ женой домой, сейчасъ принялся ее бить. «Злодѣй,—спрашиваетъ она:—за что?..» —«А за то, говоритъ, что я вотъ теперь тысячу женщинъ видѣлъ, и ты всѣхъ ихъ хуже и гаже!» Мила она ему была?

Засѣдатель усмѣхнулся и покачалъ головой.

— Третье-съ,—продолжалъ совѣтникъ все болѣе и болѣе съ озлобленными глазами: — это ужъ вы сами должны хорошо знать, и скажите, какъ онъ собираетъ оброкъ со своихъ мужиковъ. По слухамъ, до-смерти нѣкоторыхъ засѣкалъ, а вы, земская полиція, все покрывали у него.

— Что жъ тутъ земской полиціи дѣлать!—подхватилъ, разводя руками, засѣдатель: — господинъ Крапчикъ не простой дворянинъ, а губернскій предводитель.

— Ну да, конечно!.. Вотъ онъ и показалъ вамъ себя, поблагодарилъ васъ!.. — отозвался совѣтникъ: — вы мало что въ будущей, но и въ здѣшней жизни наказаніе за него получите.

— А правда ли, что онъ дочь свою выдаетъ за Мароина?— спросилъ засѣдатель.

— И выдастъ, по пословицѣ: деньги къ деньгамъ!.. — сказалъ совѣтникъ.

— Именно деньги къ деньгамъ! — подхватилъ печальнымъ голосомъ засѣдатель.

Раздавшаяся музыка заглушила наконецъ и совсѣмъ прекратила ихъ бесѣду.

Катринъ, ставъ съ Ченцовымъ въ кадриль, сейчасъ же начала многознаменательный и оживленный разговоръ.

— Скажите, правда ли, что у m-me Рыжовой очень разстроены дѣла по имѣнію? — спросила она, кажется, не безъ умысла.

— Наши съ ma tante дѣла — какъ сажа бѣла! — отвѣчалъ, захохотавъ, Ченцовъ:—она вчера ждала, что управляющій ея прибудетъ къ ней съ тремя тысячами денегъ, а онъ ей привезъ только сорокъ куриць и двадцать поросенковъ, но и то больше помершихъ волею Божьей, а не поваромъ приколотыхъ.

— Ну что это?.. бѣдная!..—произнесла какъ бы и съ чувствомъ сожалѣнія Катринъ: — и какъ вамъ не грѣхъ надъ такими вещами смѣяться?.. Вы ужасный человѣкъ!.. ужасный!..

— Чѣмъ?.. Чѣмъ?..—спрашивалъ Ченцовъ.

— Я знаю чѣмъ!.. Для васъ ничего нѣтъ святого!

— Напротивъ!.. напротивъ!.. — возражалъ ей подъ тактъ музыки Ченцовъ.

— Но что же для васъ есть святое?.. Говорите... — поставила уже прямо свой вопросъ Катринъ, вскидывая на Ченцова свои жгучіе глаза.

— Востокъ и восточныя женщины!—отвѣчалъ онъ.

Катринъ сильно покраснѣла подъ бѣлилами.

— Востокъ?—протянула она.

— Да, и доказательство тому—я ужасно, напримѣръ, люблю поэму Баратынскаго «Цыганка». Читали вы ее? — спросилъ Ченцовъ.

— Нѣтъ!—проговорила Катринъ, сначала не понявшая, къ чему велъ этотъ вопросъ.

— Прочтите!.. Это отличнѣйшая вещь!.. Сюжетъ ея въ томъ, что нѣкто Елецкій любитъ цыганку Сару... она живетъ у него въ домѣ, и вотъ описывается одно изъ ихъ утръ:

Въ покоѣ томъ же, занимая
Диванъ, цыганка молодая
Сидѣла, блѣдная лицомъ...
. . . . . .
Рукой сердитою чесала
Цыганка черные власы

И ихъ на темныя красы
Нагихъ плечей своихъ метала!

Декламируя это, Ченцовъ прямо смотрѣлъ на черные волосы Катринъ: между тогдашними ловеласами было въ сильномъ ходу читать дамамъ стихотворенія, какое къ какой подходило.

— Отчего сердитой рукой? — полюбопытствовала Катринъ.

— Оттого, что она подозрѣваетъ, что у нея есть соперница—одна дѣвушка нашего круга, m-lle Волховская, на которой Елецкій хочетъ жениться и про которую цыганка говоритъ:

Да и по комъ твоя душа
Ужъ такъ смертельно заболѣла,
Ее вчера я разсмотрѣла—
Совсѣмъ, совсѣмъ нехороша!

— Она такъ говоритъ, конечно, изъ ревности! — замѣтила Катринъ.

— Вѣроятно!—согласился Ченцовъ.

— Ревность, я думаю, ужасное чувство!

Произнося послѣднія слова, Катринъ какъ бы невольно взглянула на Людмилу.

— Еще бы! — подхватилъ Ченцовъ и перемѣнилъ разговоръ.—Вы вотъ поете хорошо,—началъ онъ.

— А вы находите это? — спросила съ вспыхнувшимъ отъ удовольствія взоромъ Катринъ.

— Нахожу, и главное: съ чувствомъ, съ душой, какъ говорится...

Катринъ нѣсколько стыдливо потупила глаза.

— А знаете ли вы этотъ романсъ, — продолжалъ Ченцовъ, видимо, рѣшившійся окончательно отуманить свою даму: — какъ его?..

Она безгрѣшныхъ сновидѣній
Тебѣ на ложе не пошлетъ
И для небесъ, какъ добрый геній,
Твоей души не сбережетъ!
Вглядись въ пронзительныя очи—
Не небомъ свѣтятся они!..
Въ нихъ есть неправедныя ночи,
Въ нихъ есть мучительные сны!

Цѣль была достигнута: Катринъ все это стихотвореніе отъ перваго до послѣдняго слова приняла на свой счетъ и даже выраженія: «неправедныя ночи» и «мучительные сны». Радость ея при этомъ была такъ велика, что она не въ состояніи была даже скрыть того и, обернувшись къ Ченцову, проговорила:

— Отчего вы никогда не пріѣдете къ намъ обѣдать?.. На цѣлый бы день?.. Я бы вамъ, если хотите, спѣла.

— Но я боюсь, что вашъ батюшка обыграетъ меня въ карты!—объяснилъ Ченцовъ.

— О, я не позволю даже ему сѣсть за карты!..—воскликнула Катринъ:—пріѣдете?

— Пріѣду!—отвѣчалъ Ченцовъ.

Марѳинъ и Людмила тоже начали свой разговоръ съ Юліи Матвѣевны, но только совершенно въ иномъ родѣ.

— Мать ваша,—заговорилъ онъ:—меня серьезно начинаетъ безпокоить: она старѣется и разрушается съ каждымъ часомъ.

— Ахъ, да!—подхватила Людмила:—съ ней все истерики... Сегодня два раза за докторомъ посылали... Такъ это скучно, ей-Богу!

Марѳинъ нахмурился.

— Не ропщите!.. Всякая хорошая женщина прежде всего не должна быть дурной дочерью! — проговорилъ онъ скороговоркой.

— Но неужели же я дурная дочь? — произнесла чувствительнымъ голосомъ Людмила.

— Нѣтъ! — успокоилъ ее Марѳинъ: — и я сказалъ это къ тому, что если хоть малѣйшее зернышко есть чего-нибудь подобнаго въ вашей душѣ, то надобно поспѣшить его выкинуть, а то оно произрастетъ и, пожалуй, дастъ плоды.

Людмила, кажется, и не разслушала Марѳина, потому что въ это время какъ бы съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ глядѣла на Ченцова и на Катринъ, и чѣмъ оживленнѣе промежъ нихъ шла бесѣда, тѣмъ недоумѣніе это увеличивалось въ ней. Марѳинъ, между тѣмъ, будучи весь охваченъ и ослѣпленъ сіяющей, какъ всегда ему это казалось, красотой Людмилы, продолжалъ свое:

— Ваше сердце такъ еще чисто, какъ tabula rasa, и вы можете писать на немъ вашей волей все, что захотите!.. У каждаго человѣка три предмета, достойные любви: Богъ, ближній и онъ самъ! Для Бога онъ долженъ имѣть сердце благоговѣйное, для ближняго — сердце нѣжной матери, для самого себя—сердце строгаго судьи!

Людмила при словахъ Егора Егорыча касательно совершенной чистоты ея сердца потупилась, какъ будто бы втайнѣ она сознавала, что тамъ не совсѣмъ было безъ пятнышка...

— Въ молодомъ возрастѣ, — толковалъ Марѳинъ далѣе: — когда еще не налегли на нашу душу слои предразсудочныхъ понятій, порочныхъ привычекъ, ожесточенія или упадка духа отъ неудачъ въ жизни, — каждому легко наблюдать свой темпераментъ!

— А я вотъ до сихъ поръ не знаю моего темперамента,— перебила его Людмила.

— Зато другіе, кто внимательно за вами наблюдалъ, знаютъ его и почти безошибочно могутъ сказать, въ чемъ состоятъ его главныя наклонности!—возразилъ ей Марѳинъ.

— Въ чемъ же онѣ состоятъ? Скажите!.. Я знаю, что вы наблюдали за мной!..—произнесла не безъ нѣкотораго кокетства Людмила.

Марѳинъ потеръ себѣ лобъ.

— У васъ,—началъ онъ послѣ короткаго молчанія:—наиначе всего развита фантазія; вы гораздо болѣе способны прозрѣвать и творить въ области духа, чѣмъ въ области видимаго міра; вы не склонны ни къ домовитости, ни къ хозяйству, ни къ рукодѣльямъ.

— Ахъ, я ничего этого не умѣю, ничего! — призналась Людмила.

Марѳинъ самодовольно улыбнулся и, гордо пріосанившись, проговорилъ:

— Угадалъ поэтому я, но не печальтесь о томъ... Припомните слова Спасителя: «Марія же благую часть избра, яже не отымется отъ нея».

То, что онъ былъ хоть и совершенно идеально, но при всемъ томъ почти безумно влюбленъ въ Людмилу, догадывались всѣ, не выключая и старухи-адмиральши. Людмила тоже вѣдала о страсти къ ней Марѳина, хотя онъ никогда ни однимъ звукомъ не намекнулъ ей объ этомъ. Но зато Ченцовъ по этому поводу безпрестанно подтрунивалъ надъ ней и доводилъ ее иногда чуть не до слезъ. Видя въ настоящую минуту, что онъ ужъ черезчуръ любезничаетъ съ Катринъ Крапчикъ, Людмила, кажется, на зло ему, рѣшилась сама быть болѣе обыкновеннаго любезною съ Марѳинымъ.

— А скажите, что̀ вотъ это такое? — заговорила она съ нимъ ласковымъ голосомъ: — я иногда, когда смотрюсь въ зеркало, вдругъ точно не узнаю себя и спрашиваю: кто же это тамъ,—я или не я? И такъ мнѣ сдѣлается страшно, что я убѣгу отъ зеркала и цѣлый день ужъ больше не загляну въ него.

Марѳинъ поднялъ кверху свои голубые глаза.

— Это означаетъ,—началъ онъ докторальнымъ тономъ:— что̀ въ эти минуты душа ваша отдѣляется отъ вашего тѣла и, если можно такъ выразиться, наблюдаетъ его издали и спрашиваетъ самоё себя: что̀ это такое?

— Но какъ же я не умираю, когда меня душа оставляетъ?— сдѣлала весьма разумный вопросъ Людмила.

Марѳинъ однако имѣлъ уже готовый отвѣтъ на него.

— Въ человѣкѣ, кромѣ души, — объяснилъ онъ: — существуетъ еще агентъ, называемый «Архей»—сила жизни, и вотъ вы этой жизненной силой и продолжаете жить, пока къ вамъ не возвратится душа... На это есть очень прямое указаніе въ нашей русской поговоркѣ: «души она—положимъ, мать, сестра, жена, невѣста—не слышитъ по немъ»... Значитъ, вся ея душа съ нимъ, а между тѣмъ эта мать или жена живетъ физическою жизнью, то-есть этимъ Археемъ.

— Вотъ что, — понимаю! — произнесла Людмила и затѣмъ мелькомъ взглянула на Ченцова, словно бы душа ея была съ нимъ, а не съ Марѳинымъ, который ничего этого не подмѣтилъ и хотѣлъ-было снова заговорить: онъ никому такъ много не высказывалъ своихъ мистическихъ взглядовъ и мыслей, какъ сей прелестной, но далеко не глубоко мыслящей дѣвушкѣ, и явно, что болѣе, чѣмъ кого-либо, желалъ посвятить ее въ таинства герметической философіи.

Кадриль однако кончилась, и за ней скоро послѣдовала мазурка, которую Ченцовъ танцовалъ съ Людмилой и, какъ лучшій мазуристъ, стоялъ съ ней въ первой парѣ. Остроумно придумывая разныя фигуры, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сейчасъ же принялся зубоскалить надъ Марѳинымъ и его восторженнымъ обожаніемъ Людмилы, на что она не безъ досады возражала: «Ну да, влюблена, умираю отъ любви къ нему!»—и въ то же время взглядывала и на стоявшаго у дверей Марѳина, который, опершись на косякъ, со сложенными, какъ Наполеонъ, накрестъ руками, и поднявъ, по своей манерѣ, глаза вверхъ, весь былъ погруженъ въ какое-то созерцательное состояніе; вылетавшіе по временамъ изъ груди его вздохи говорили, что у него невесело на душѣ; повидимому, его болѣе возмущалъ часто раздававшійся громкій смѣхъ Ченцова, такъ какъ каждый разъ Марѳина при этомъ даже подергивало. Наконецъ Ченцовъ вдругъ пересталъ зубоскалить и прошепталъ Людмилѣ серьезнымъ тономъ:

— Завтра maman ваша уѣдетъ въ монастырь на панихиду?

— Да, — отвѣчала она.

— А сестры ваши тоже?

— Да.

— Но вы?

— Я дома останусь!

— Можно пріѣхать къ вамъ?

— Можно!

Это слово Людмила чуть-чуть ужъ проговорила.

Съ самаго начала мазурки всѣ почти маменьки, за исклю-

ченіемъ развѣ отъявленныхъ картежницъ, высыпали въ залу наблюдать за своими дочками. Всѣ онѣ, по собственному опыту, знали, что мазурка — самый опасный танецъ, потому что во время ея чувства молодежи по преимуществу разгораются и высказываются. Наша адмиральша, сидѣвшая до этого въ большой гостиной и слегка тамъ, на основаніи своего чина, тонировавшая, тоже выплыла вмѣстѣ съ другими матерями и начала внимательно всматриваться своими близорукими глазами въ танцующихъ, чтобы отыскать посреди ихъ своихъ красоточекъ, но тщетно; ея досадные глаза, сколько она ихъ ни щурила, кромѣ какихъ-то неопредѣленныхъ движущихся фигуръ, ничего ей не представляли: физическая близорукость Юліи Матвѣевны почти превосходила ея умственную непредусмотрительность.

— Гдѣ Людмила танцуетъ?—спросила она, не надѣясь на собственныя усилія, усѣвшуюся рядомъ съ ней даму, вся и все, должно-быть, хорошо видѣвшую.

— Вонъ она!.. Вонъ съ Ченцовымъ танцуетъ! — объяснила ей та.

— Вижу, вижу!..—солгала ничего не разсмотрѣвшая адмиральша.—А Сусанна?..—разспрашивала она сосѣдку.

— Да я, мамаша, здѣсь, около васъ!..—отозвалась неожиданно Сусанна, на всѣхъ, впрочемъ, балахъ старавшаяся стать поближе къ матери, чтобы не заставлять ту безпокоиться.

— Ну, вотъ гдѣ ты!.. — говорила адмиральша, совершенно не понимавшая, почему такъ случалось, что Сусанна всегда была вблизи ея.—А Муза гдѣ?

— Муза съ Лябьевымъ танцуетъ,—отвѣтила Сусанна.

Старуха съ удовольствіемъ мотнула головой. Лябьевъ былъ молодой человѣкъ, часто игравшій съ Музою на фортепьянахъ въ четыре руки.

Мазурка затянулась часовъ до четырехъ, такъ что хозяинъ, сѣвшій послѣ губернатора играть въ пикетъ съ сенаторскимъ правителемъ дѣлъ и сыгравшій съ нимъ нѣсколько королей, нашелъ наконецъ нужнымъ выйти въ залу и, махнувъ музыкантамъ, чтобы они перестали играть, пригласилъ гостей къ давно уже накрытому ужину въ столовой, гостиной и кабинетѣ. Всѣ потянулись на его зовъ, и Катринъ почти насильно посадила рядомъ съ собой Ченцова; но онъ съ ней больше не любезничалъ и вмѣсто того весьма часто переглядывался съ Людмилой, сидѣвшей тоже рядомъ со своимъ обожателемъ—Марѳинымъ, который въ продолженіе всего ужина топорщился, надувался и собирался что-то такое говорить,

но, кромѣ самыхъ пустыхъ и малозначащихъ фразъ, ничего не сказалъ.

Послѣ ужина всѣ стали разъѣзжаться. Ченцовъ пошелъ было за Марѳинымъ.

— Дядя, вы у Архипова въ гостиницѣ остановились? — крикнулъ онъ ему.

— У Архипова, — отвѣчалъ тотъ неохотно.

— Довезите меня!.. Я тамъ же стою, — у меня нѣтъ извозчика, — продолжалъ Ченцовъ.

— Негдѣ мнѣ!.. Я на одиночкѣ!.. Сани у меня узкія! — пробормоталъ Марѳинъ и поспѣшилъ уйти: онъ очень сердитъ былъ на племянника за безцеремонный и тривіальный тонъ, который позволялъ себѣ тотъ въ обращеніи съ Людмилой.

Ченцовъ сталъ оглядывать переднюю, чтобы увидѣть кого-либо изъ молодыхъ людей, съ которымъ онъ могъ бы поѣхать до гостиницы, но таковыхъ не оказалось. Положеніе его начинало становиться не совсѣмъ пріятнымъ, потому что семейство Юліи Матвѣевны, привезшее его, уже уѣхало домой, а онъ пріостался на нѣсколько минутъ, чтобы допить свое шампанское. Итти же съ бала пѣшкомъ совершенно было не принято по губернскимъ приличіямъ. Изъ этой бѣды его выручила одна дама, — косая, не первой уже молодости и, какъ говорила молва, давнишній — когда Ченцовъ былъ еще студентомъ — предметъ его страсти.

— Валерьянъ Николаичъ, поѣдемте со мной, я васъ довезу, — сказала она, услыхавъ, что дядя отказалъ ему въ томъ.

Ченцовъ сначала-было сдѣлалъ гримасу, но, подумавъ, послѣдовалъ за косой домой и, посадивъ ее въ возокъ, мгновенно захлопнулъ за ней дверцы, а самъ помѣстился на облучкѣ рядомъ съ кучеромъ.

— Валерьянъ Николаичъ, куда вы это сѣли?.. Сядьте со мной въ возокъ!.. — кричала ему дама.

— Не могу, я васъ боюсь, — отвѣчалъ онъ.

— Чего вы боитесь?.. Что за глупости вы говорите!..

— Вы меня станете тамъ цѣловать, — объяснилъ ей Ченцовъ прямо, невзирая на присутствіе кучера.

Дама обидѣлась, тѣмъ болѣе, что у нея врядъ ли не было такого намѣренія, въ которомъ онъ ее заподозрѣлъ.

Когда они ѣхали такимъ образомъ, Ченцовъ случайно взглянулъ въ лѣвую сторону и увидалъ комету. Хвостъ ея былъ совершенно красный, какъ бы кровавый. У Ченцова почему-то замерло сердце, затосковало, и передъ нимъ, какъ бы въ быстро смѣняющейся камеръ-обскурѣ, вдругъ про-

мелькнула его прошлая жизнь со всѣми ея безобразіями. На нѣсколько мгновеній ему сдѣлалось неловко и почти страшно. Но онъ, разумѣется, не замедлилъ отогнать отъ себя это ощущеніе и у гостиницы Архипова, самой лучшей и самой дорогой въ городѣ, проворно соскочивъ съ облучка и небрежно проговоривъ косой дамѣ: «merci», пошелъ, молодцовато поматывая головой, къ парадным дверямъ своего логовища, думая въ то же время про себя: «Вотъ дуръ-то на святой Руси!.. Не орутъ ихъ, кажется, и не сѣютъ, а онѣ все-таки родятся!»

Имѣть такое циническое понятіе о женщинахъ Ченцовъ, ей-Богу, былъ до нѣкоторой степени въ правѣ: очень ужъ онѣ его баловали и все ему прощали!

III.

Въ противоположность племяннику, занимавшему въ гостиницѣ цѣлое отдѣленіе, хоть и глупо, но роскошно убранное,— за которое, впрочемъ, Ченцовъ, въ ожиданіи будущихъ благъ, не платилъ еще ни копейки, — у Егора Егорыча былъ довольно темный и небольшой номеръ, состоящій изъ двухъ комнатъ, изъ которыхъ въ одной помѣщался его камердинеръ, а въ другой жилъ самъ Егоръ Егорычъ. Комнату свою онъ, вставая каждый день въ шесть часовъ утра, прибиралъ собственными руками, т.-е. мелъ въ ней полъ, приносилъ дровъ и затапливалъ печь, ходилъ лично къ колодцу за водой и наконецъ самъ чистилъ свое платье. Старый камердинеръ его при этомъ случаѣ только надзиралъ за нимъ, чтобы какъ-нибудь баринъ, по слабосильности своей, не уронилъ чего и не зашибъ себя. Вообще Марѳинъ велъ аскетическую и почти скупую жизнь; единственными предметами, требующими большихъ расходовъ, у него были: превосходный конскій заводъ съ скаковыми и рысистыми лошадьми, который онъ держалъ при усадьбѣ своей, и тутъ же нѣсколько уже лѣтъ существующая больница для простого народа, устроенная съ полнымъ комплектомъ сидѣлокъ, фельдшеровъ, съ двумя лѣкарскими учениками, и въ которой наконецъ самъ Егоръ Егорычъ практиковалъ и лѣчилъ: перевязывать раны, вскрывать пузыри послѣ мушекъ, разрѣзывать нарывы, закатить сильнѣйшаго слабительнаго больному—было весьма любезнымъ для него дѣломъ. Приведя въ порядокъ свою комнату, Егоръ Егорычъ съ часъ обыкновенно стоялъ на молитвѣ, а потомъ пилъ чай. Въ настоящее утро онъ, несмотря на то, что легъ очень поздно, поступилъ точно такъ же и часовъ въ девять утра сидѣлъ совсѣмъ одѣтый у письменнаго стола своего.

Передъ нимъ лежалъ листъ чистой почтовой бумаги, а въ сторонѣ стоялъ недопитый стаканъ чая. Кромѣ того, на столѣ виднѣлись длинныя женскія перчатки, толстая книга въ бархатномъ переплетѣ, съ золотыми ободочками, таковыми же ангелами и надписью на срединѣ доски: «Іегова». Далѣе на столѣ лежалъ ключикъ костяной, съ привязанною къ нему мѣдною лопаточкой; потомъ звѣзда какая-то, на которой три рога изобилія составляли букву *А*, и наконецъ еще звѣзда болѣе красивой формы, на красной съ бѣлыми каймами лентѣ, представляющая кольцеобразную змѣю, внутри которой было сіяніе, а въ сіяніи — всевидящее око. Ключикъ и лопаточка были общимъ знакомъ масонства; звѣзда съ буквою *А*—знакомъ ложи, вторая же чуть ли не была знакомъ великаго мастера.

Приложивъ руку къ нахмуренному лбу, Марѳинъ что-то такое соображалъ или сочинялъ и потомъ принялся писать на почтовомъ листѣ крупнымъ и тщательнымъ почеркомъ:

«Высокочтимая сестра!

«Вчерашній разговоръ нашъ навелъ меня на размышленія о необходимости каждому наблюдать свой темпераментъ. Я вамъ говорилъ, что всего удобнѣе человѣку дѣлать эти наблюденія въ эпоху юности своей; но это не воспрещается и еще паче того, слѣдуетъ дѣлать и въ лѣта позднѣйшія, ибо о прежнихъ нашихъ дѣйствіяхъ мы можемъ судить правильнѣе, чѣмъ объ настоящихъ: за сегодняшній поступокъ нашъ часто заступается въ насъ та страсть, которая заставила насъ проступиться, и нашъ разумъ, который согласился на то!.. Слѣдуя сему правилу и углубляясь ежедневно въ самые затаенные изгибы моего сердца, я усматриваю ясно, что, по волѣ Провидѣнія, получилъ вмѣстѣ съ грѣховной природой человѣка — страсть Аббадоны — гордость! Во всѣхъ дѣйствіяхъ моихъ я мню, что буду имѣть въ нихъ успѣхъ, что всѣ они будутъ на благо мнѣ и ближнимъ, и токмо милосердый Богъ, не хотящій меня покинуть, нерѣдко ниспосылаетъ мнѣ уроки смиренія и симъ лишь хоть на время исцѣляетъ мою бѣдствующую и худую душу отъ злѣйшаго недуга ея»...

Марѳинъ такъ расписался, что, вѣроятно, скоро бы кончилъ и все письмо, но къ нему въ номеръ вошелъ Ченцовъ. Егоръ Егорычъ едва успѣлъ повернуть почтовый листъ вверхъ ненаписанной стороной. Лицо Ченцова имѣло насмѣшливое выраженіе. Вначалѣ, впрочемъ, онъ довольно ласково поздоровался съ дядей и сѣлъ

— Хочешь чаю?—спросилъ его тотъ.

— А вамъ не жаль его будетъ?—спросилъ Ченцовъ.

Марѳинъ съ удивленіемъ взглянулъ на него.

— Вы вчера пожалѣли же вашей лошади больше, чѣмъ меня,—проговорилъ Ченцовъ.

Марѳинъ покраснѣлъ.

— У меня сани узки,—пробормоталъ онъ.

— Ну, полноте на сани сворачивать, — пожалѣли каураго!..—подхватилъ Ченцовъ.—А это что такое?—воскликнулъ онъ потомъ, увидавъ на столѣ бѣлыя перчатки: — это съ дамской ручки?.. Вы, должно-быть, даму какую-нибудь съ бала увезли!.. Я бы подумалъ, что Клавскую, да ту сенаторъ еще раньше вашего похитилъ.

Марѳинъ поспѣшно взялъ бѣлыя перчатки, а также и масонскіе знаки, и все это положилъ въ ящикъ стола.

— Да ужъ не скроете!.. Теперь я видѣлъ, и если не разскажу объ этомъ всему городу, не я буду! — продолжалъ Ченцовъ.

— Всему міру можешь разсказывать, всему!—сказалъ ему съ сердцемъ Марѳинъ.

Въ это время камердинеръ Егора Егорыча—Антипъ Ильичъ, старичокъ весьма благообразный, румяненькій, чисто выбритый, въ бѣломъ жабо и въ сюртукѣ хоть поношенномъ, но безъ малѣйшаго пятнышка, вынесъ гостю чаю. Про Антипа Ильича всѣ знали, что аккуратности, кротости и богомолья онъ былъ примѣрнаго и, состоя тоже вмѣстѣ съ баріномъ въ масонствѣ, носилъ въ ономъ званіе «титулярнаго члена» *). Злившись на дядю, Ченцовъ не оставилъ въ покоѣ и камердинера его.

— Отче Антипій!—отнесся онъ къ нему: — правда ли, что вы каждый день вечеромъ ходите въ соборъ молиться Тихвинской Божіей Матери?

— Правда!.. — отвѣчалъ на это старикъ совершенно спокойно.

— И правда ли, что вы ей такъ молитесь: «Матушка!.. Матушка!.. Богородица!.. Богородица!..»—подтрунивалъ Ченцовъ.

— Правда!—отвѣчалъ и на это спокойно старикъ.

— И что будто бы однажды пьяный сторожъ, который за печкой лежалъ, крикнулъ вамъ: «Что ты, старый хрычъ, тутъ бормочешь?», а вы, не разслышавъ и думая, что это Богородица съ вами заговорила, откликнулись ей: «Ась, Мать-Пресвятая Богородица, ась?..» Правда?

---

*) Т.-е. члена, который не въ состояніи былъ платить денежныхъ повинностей.

— Правда!—подтвердилъ, нисколько не смутившись, Антипъ Ильичъ.

Марѳинъ также на этотъ разговоръ не разсердился и не улыбнулся.

Ченцова это еще болѣе взорвало, и онъ кинулся на неповинную ужъ ни въ чемъ толстую книгу.

— Что это за книжица?.. Очень она меня интересуетъ! — сказалъ онъ, пододвигая къ себѣ книгу и хорошо зная, какая это книга.

Марѳинъ строго посмотрѣлъ на него, но Ченцовъ сдѣлалъ видъ, что какъ будто бы не замѣтилъ того.

— Библія! — произнесъ онъ, открывъ первую страницу и явно насмѣшливымъ голосомъ, а затѣмъ, перелистовавъ около трети книги, остановился на картинкѣ, изображающей царя Давида съ небольшой курчавой бородой, въ коронѣ, и держащимъ въ рукахъ что-то въ родѣ лиры:—А, Богоотецъ убо Давидъ предъ сѣннымъ ковчегомъ скакаше, играя!

Все это Ченцовъ дѣлалъ и говорилъ, разумѣется, чтобы раздосадовать Марѳина, но тотъ оставался невозмутимъ.

— А что, дядя, царь Давидъ былъ выше или ниже васъ ростомъ?—заключилъ Ченцовъ.

— Вѣроятно, выше,—отвѣчалъ кротко и серьезно Марѳинъ: онъ съ твердостью выдерживалъ урокъ смиренія, частью чтобы загладить свою вчерашнюю раздражительность, подъ вліяніемъ которой онъ былъ на балѣ, а частью и вслѣдствіе нагляднаго примѣра, сейчасъ только даннаго ему его старымъ камердинеромъ: Марѳинъ, по его словамъ, имѣлъ привычку часто всматриваться въ поступки Антипа Ильича, какъ въ правдивое и непогрѣшимое нравственное зеркало.

— Напротивъ, мнѣ кажется!..—не унимался Ченцовъ: — я вотъ видалъ, какъ рисуютъ—Давидъ всегда маленькій, а Голіаѳъ страшный сравнительно съ нимъ верзила... Удивляюсь, какъ не онъ Давида, а тотъ его ухлопалъ!

Тутъ ужъ Марѳинъ слегка усмѣхнулся.

— Велика, видно, Ѳедора, да дура!—проговорилъ онъ.

Что слова: «Ѳедора, да дура» относились къ Ченцову, онъ это понялъ хорошо, но не высказалъ того и рѣшился доѣхать дядю на другомъ, болѣе еще дѣйствительномъ для того предметѣ.

— Я давно васъ, дядя, хотѣлъ спросить, что дѣйствительно ли великій плутъ и шарлатанъ Каліостро былъ изъ масоновъ?

Марѳинъ сначала вспыхнулъ, а потомъ сильно нахмурился; Ченцовъ не ошибся въ расчетѣ: Егору Егорычу болѣе всего былъ тяжелъ разговоръ съ племянникомъ о масонствѣ, ибо

онъ въ этомъ отношеніи считалъ себя много и много виноватымъ: въ дни своихъ радужныхъ чаяній и надеждъ на племянника Егоръ Егорычъ предполагалъ образовать изъ него искреннѣйшаго, душевнаго и глубокомысленнаго масона; но, кромѣ того духовнаго воспріемства, думалъ сдѣлать его наслѣдникомъ и всего своего матеріальнаго богатства, исходатайствовавъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы къ фамиліи *Ченцовъ* была присоединена фамилія *Марѳинъ* по тому поводу, что Валерьянъ былъ у него единственный родственникъ мужского пола. Охваченный всѣми этими мечтаніями, начинающій уже старѣться холостякъ принялся — когда Ченцовъ едва только произведенъ былъ въ гусарскіе офицеры—раскрывать передъ нимъ свои мистическія и масонскія ученія. Что касается до самого гусара, то онъ врядъ ли изъ жажды просвѣщенія, а не изъ простого любопытства, притворился, что будто бы съ готовностью выслушиваетъ преподаваемыя ему наставленія, и въ концѣ концовъ проситъ дядю поскорѣе ввести его въ ложу. Марѳинъ былъ такъ неосторожень, что согласился. Валерьянъ былъ принятъ въ число братьевъ, но этимъ и ограничились всѣ его масонскіе подвиги: обрядъ посвященія до того показался ему глупъ и смѣшонъ, что онъ на другой же день сталъ разсказывать въ разныхъ обществахъ, какъ съ него снимали не одинъ, а оба сапога, какъ распарывали брюки, надѣвали ему на глаза совершенно темныя очки, водили его черезъ камни и ямины, пугая, что это горы и пропасти, приставляли къ груди его циркуль и шпагу, какъ потомъ ввели въ самую ложу, гдѣ будто бы ему (тутъ ужъ Ченцовъ начиналъ отъ себя прибавлять), для испытанія его покорности, посыпали голову пепломъ, плевали даже на голову, заставляли его кланяться въ ноги великому мастеру, который при этомъ, въ доказательство своего сверхъестественнаго могущества, глоталъ зажженную бумагу. Вся эта болтовня вновь принятаго брата дошла до нѣкоторыхъ членовъ ложи. Назначено было экстренное собраніе, и тамъ бѣднаго Марѳина осыпали цѣлымъ градомъ обвиненій за то, что онъ былъ *поручителемъ* подобнаго негодяя. Егоръ Егорычъ, не меньше своихъ собратовъ сознавая свой проступокъ, до того вознегодовалъ на племянника, что, вычеркнувъ его собственноручно изъ списка учениковъ ложи, лѣтъ пять послѣ того не пускалъ къ себѣ на глаза; но когда Ченцовъ увезъ изъ монастыря молодую монахиню, ва которой онъ обвѣнчался-было и которая однако вскорѣ его бросила и убѣжала съ другимъ офицеромъ, вызвалъ сего послѣдняго на дуэль и, бывъ за то исключенъ изъ службы, прислалъ обо всѣхъ этихъ

своихъ несчастіяхъ дядѣ письмо, полное отчаянія и раскаянія, въ которомъ просилъ позволенія пріѣхать,—Марѳинъ не выдержалъ характера и разрѣшилъ ему это. Ченцовъ явился совершенно убитый и растерянный, такъ что Егоръ Егорычъ прослезился, увидавъ его, и сейчасъ же поспѣшилъ заставить себя простить все несчастному, хотя, конечно, прежней любви и довѣрія не возвратилъ ему.

— Это несомнѣнно, что великій магъ и волшебникъ Каліостро масонъ былъ, — продолжалъ между тѣмъ настоящую бесѣду Ченцовъ:—намъ это сказывалъ нашъ полковой командиръ, бывшій прежде тоже ярымъ масономъ; и онъ говорилъ, что Каліостро принадлежалъ къ сектѣ иллюминатовъ. Есть такая секта?

— Не секта, а союзъ, который однако никогда никто не считалъ за масоновъ,—объяснилъ неохотно Марѳинъ.

— Отчего же ихъ не считаютъ?—допытывался Ченцовъ.

— Потому что ихъ ученіе имѣло всегда революціонное, а не примирительное стремленіе, что прямо противорѣчитъ духу масонства,—проговорилъ съ той же неохотой Марѳинъ.

— Это чортъ ихъ дери!.. революціонное или примирительное стремленіе они имѣли!—воскликнулъ Ченцовъ:—но главное, какъ разсказывалъ намъ полковой командиръ, они, канальи, золото умѣли дѣлать: изъ неблагородныхъ металловъ превращать въ благородные... Вы знавали, дядя, такихъ?

— Нѣтъ, не знавалъ,—отвѣчалъ съ грустной полунасмѣшкой Марѳинъ.

— Эхъ, какой вы, право!..—снова воскликнулъ Ченцовъ:—самаго настоящаго и хорошаго вы и не узнали!.. Если бы меня масоны научили дѣлать золото, я бы какіе угодно имъ готовъ былъ совершить подвиги и произвести въ себѣ внутреннее обновленіе.

— А когда бы ты хоть разъ искренно произвелъ въ себѣ это обновленіе, которое тебѣ теперь, какъ я вижу, кажется такимъ смѣшнымъ, такъ, можетъ-быть, и не пожелалъ бы учиться добывать золото, ибо понялъ бы, что для человѣка существуютъ другія сокровища.

Всю эту тираду Егоръ Егорычъ произнесъ, поматывая головой и съ такою, видимо, вѣрою въ правду имъ говоримаго, что это смутило даже нѣсколько Ченцова.

— Ну, это, дядя, вы ошибаетесь!—началъ тотъ не такимъ ужъ увѣреннымъ тономъ:—золота я и въ царствѣ небесномъ пожелаю, а то сидѣть тамъ все подъ деревцами и кушать яблочки—скучно!.. Женщины тамъ тоже, должно-быть, все изъ старыхъ монахинь...

— Перестань болтать!—остановилъ его съ чувствомъ тоски и досады Марѳинъ: — кромѣ ужъ кощунства, это очень неумно, неостроумно и несмѣшно.

— Вамъ, дядя, хорошо такъ разсуждать! У васъ нѣтъ никакихъ желаній и денегъ много, а у меня наоборотъ!.. Заневолю о томъ говоришь, чѣмъ болишь!.. Вчера, чортъ возьми, безъ денегъ, сегодня безъ денегъ, завтра тоже, и такъ безконечная перспектива idem per idem!.. — проговорилъ Ченцовъ и, вытянувшись во весь свой длинный ростъ на стулѣ, склонилъ голову на грудь.

Насмѣшливое выраженіе лица его перемѣнилось на какое-то даже страдальческое.

— И что жъ въ результатѣ будетъ?.. — продолжалъ онъ разсуждать: — по необходимости продашь себя въ мужья какой-нибудь коровѣ съ золотыми сосками.

Всѣ эти слова племянника Егоръ Егорычъ выслушалъ сначала молча: видимо, что въ немъ еще боролось чувство досады на того съ чувствомъ сожалѣнія, и послѣднее, конечно, какъ всегда это случалось, восторжествовало.

— Развѣ у тебя нѣтъ денегъ?—спросилъ онъ съ живостью и замѣтно довольный тѣмъ, что побѣдилъ себя.

— Ни копейки!..—отвѣчалъ Ченцовъ.

— Такъ ты бы давно это сказалъ, — забормоталъ, по обыкновенію, Марѳинъ: — съ того бы и началъ, чѣмъ городить околесную; на, возьми!—закончилъ онъ и, вытащивъ изъ бокового кармана своего толстую пачку ассигнацій, швырнулъ ее Ченцову.

Тотъ однако не бралъ денегъ.

— Нѣтъ, дядя, я не въ состояніи ихъ взять! — отказался онъ: — ты слишкомъ великодушенъ ко мнѣ. Я пришелъ съ гадкимъ намѣреніемъ сердить тебя, а ты мнѣ платишь добромъ.

Отъ полноты чувствъ Ченцовъ сталъ даже говорить дядѣ «ты» вмѣсто «вы».

— Никакого нѣтъ тутъ добра, никакого! — все несвязнѣй и несвязнѣй бормоталъ Марѳинъ: — денежныя раны не смертельны... нисколько... никому!..

— Какъ не смертельны!.. Это ты такой безсребренникъ, а развѣ много такихъ людей!..—говорилъ Ченцовъ.

— Много, много!—перебилъ его Марѳинъ:—деньги давать легче, чѣмъ брать ихъ,—это я понимаю!..

— Ты-то, я знаю, что понимаешь!

Разговоръ затѣмъ на нѣсколько минутъ пріостановился; въ Ченцовѣ тоже происходила борьба: взять деньги ему казалось на этотъ разъ подло, а не взять — значило лишить себя воз-

можности существовать такъ, какъ онъ привыкъ существовать. Съ нимъ, впрочемъ, постоянно встрѣчалось въ жизни нѣчто подобное. Всякій разъ, дѣлая что-нибудь, по его мнѣнію, «неладное», Ченцовъ чувствовалъ къ себѣ отвращеніе и въ то же время всегда выбиралъ это «неладное».

— Эхъ,—вздохнулъ онъ:—дѣлать, видно, нечего, надо брать, но только вотъ что, дядя!.. Вотъ тебѣ моя клятва, что я никогда не позволю себѣ шутить надъ тобою.

— И не позволяй, не позволяй!—сказалъ ему на это Марѳинъ, погрозивъ пальцемъ.

— Не позволю, дядя, — успокоилъ его Ченцовъ, небрежно скомкавъ денежную пачку и суя ее въ карманъ: — а если бы такое желаніе и явилось у меня, такъ я скрою его и задушу въ себѣ,—присовокупилъ онъ.

— Ни-ни-ни! — возбранилъ ему Марѳинъ: — душевные недуги, какъ и физическіе, лѣчатся легче, когда они явны, и я прошу и требую отъ тебя быть со мною откровеннымъ.

— Не могу, дядя, очень ужъ я скверенъ и развратенъ!.. Передо мной давно и очень ясно зіяетъ пропасть, въ которую я — и, вѣроятно, невдолгѣ — кувырнусь со всей головой, какъ Донъ-Жуанъ со статуей командора.

— Вздоръ, вздоръ! — бормоталъ Марѳинъ: — отчаяніе для каждаго человѣка унизительно.

— Что дѣлать, дядя, если впереди у меня ничего другого нѣтъ! Прощай!

— Опять тебѣ повторяю: отчаяніе недостойно христіанина!— объяснилъ ему еще разъ Марѳинъ.

Но Ченцовъ ему на это ничего не отвѣтилъ и быстро ушелъ, хлопнувъ сильно дверью.

Оставшись одинъ, Марѳинъ впалъ въ смущенное и глубокое раздумье: голосъ его сердца говорилъ ему, что въ племянникѣ не совсѣмъ погасли «искры добродѣтели и изящныхъ душевныхъ качествъ»; но какъ ихъ раздуть въ очищающее пламя,— Егоръ Егорычъ не могъ придумать. Онъ хорошо понималъ, что въ Ченцовѣ сильно бушевали грубыя, плотскія страсти, а кромѣ того и разумъ его былъ омраченъ мелкими житейскими софизмами. Придумавъ и отмѣнивъ множество способовъ къ исцѣленію во тьмѣ ходящаго родственника, Егоръ Егорычъ пришелъ наконецъ къ заключенію, что веревки его разума коротки для такого дѣла, и что это надобно возложить на безконечное милосердіе Провидѣнія, «еже вся содѣваетъ и еже вся вѣсть». Успокоившись на семъ рѣшеніи, онъ мыслями своими обратился на болѣе пріятный и отрадный предметъ: въ далеко еще не остывшемъ сердцѣ его, какъ мы знаемъ,

жила любовь къ Людмилѣ, старшей дочери адмиральши. Надежды влюбленнаго полу-старика въ этомъ случаѣ, подобно нѣкогда питаемымъ чаяніямъ касательно Валеріана, заходили далеко. Егоръ Егорычъ мечталъ устроить душу Людмилы по строгимъ правиламъ масонской морали, чего, казалось ему, онъ и достигнулъ въ нѣкоторой степени; но, говоря по правдѣ, имъ ничего тутъ, ни на іоту не было достигнуто. Не ограничиваясь этими безкорыстными планами, Егоръ Егорычъ надѣялся, что Людмила согласится сдѣлаться его женою и пойдетъ съ нимъ рука объ руку въ земной юдоли. Съ послѣднею цѣлью имъ и начато было вышесказанное письмо, которое онъ окончилъ такъ:

«До какихъ высокихъ градусовъ достигаетъ во мнѣ самомнѣніе, являетъ примѣръ сему то, что я рѣшаюсь послать къ вамъ прилагаемыя въ семъ пакетѣ бѣлыя женскія перчатки. По статутамъ нашего ордена, мы можемъ передать ихъ лишь той женщинѣ, которую больше всѣхъ почитаемъ. Васъ я паче всѣхъ женщинъ почитаю и *прошу вашей руки и сердца*. Письмо мое вы немедля покажите вашей матери, и чтобы оно ни минуты не было для нея тайно. Мать есть второе наше «я». Въ случаѣ, если отвѣтъ вашъ будетъ мнѣ неблагопріятенъ, не передавайте сами, ибо вы, можетъ-быть, постараетесь смягчить его и поумалить мое безуміе; но пусть мнѣ скажетъ его ваша мать со всей строгостью и суровостью, къ какой только способна ея кроткая душа, и да будетъ мнѣ сіе—говорю это, какъ говорилъ бы на исповѣди—въ поученіе и назиданіе.

«Покорный вамъ и радѣющій объ васъ Firma rupes *)».

Подписанное Егоромъ Егорычемъ имя было его масонскій псевдонимъ, который онъ еще прежде открылъ Людмилѣ. Положивъ свое посланіе вмѣстѣ съ бѣлыми женскими перчатками въ большой, непроницаемый конвертъ, онъ кликнулъ своего камердинера. Тотъ вышелъ.

— Поди, отвези это письмо... къ Людмилѣ Николаевнѣ... и отдай его ей въ руки, — проговорилъ Егоръ Егорычъ съ разстановкой и покраснѣвъ въ лицѣ до ушей.

— Слушаю-съ! — отвѣчалъ покорно Антипъ Ильичъ; но Марѳину почуялись въ этомъ отвѣтѣ какіе-то неодобряющіе звуки, тѣмъ болѣе, что старикъ, произнеся слово: «слушаю-съ», о чемъ-то тотчасъ же вздохнулъ.

«Если не онъ самъ сознательно, то душа его, вѣрно, печалится обо мнѣ»,—подумалъ Марѳинъ и ждалъ, что не скажетъ ли

*) Твердая скала.

ему еще чего-нибудь Антипъ Ильичъ, и тотъ дѣйствительно сказалъ:

— Ей самой—вы говорите—надо въ руки передать?

— Ей!—отвѣтилъ ему съ усиліемъ надъ собой Марѳинъ.

Но Антипъ Ильичъ этимъ не удовольствовался и снова спросилъ:

— А если я ихъ не увижу и горничная ихняя выйдетъ ко мнѣ, то отдавать ли ей?

На лбу Марѳина выступалъ уже холодный потъ.

— Отдай и горничной! — разрѣшилъ онъ, махнувъ мысленно рукой на все, что̀ изъ того бы ни вышло.

Антипъ Ильичъ, опять о чемъ-то вздохнувъ, неторопливо повернулся и пошелъ.

«Сами ангелы Божіи внушаютъ этому старику скорбѣть о моемъ безуміи!..»—подумалъ Марѳинъ и вслухъ проговорилъ:

— Ты вели себѣ заложить лошадь.

— Зачѣмъ? И пѣшкомъ дойду, — возразилъ-было Антипъ Ильичъ, зная, что баринъ очень скупъ на лошадей; но на этотъ разъ вышло не то.

— Пожалуйста, поѣзжай, а не пѣшкомъ иди!—почти умоляющимъ голосомъ воскликнулъ тотъ.

Егору Егорычу очень хотѣлось поскорѣе узнать, что̀ велитъ ему сказать Людмила, и у него даже была маленькая надежда, что не напишетъ ли она ему письмо.

— Хорошо, лошадь заложатъ, коли вы приказываете!—отвѣчалъ, повидимому, совершенно флегматически Антипъ Ильичъ; но Марѳину снова послышалось въ отвѣтѣ старика неудовольствіе.

IV.

Домъ Рыжовыхъ отстоялъ недалеко отъ гостиницы Архипова. Ченцовъ, имѣвшій обыкновеніе ничего и никого не щадить для краснаго словца, давно прозвалъ этотъ домъ за его наружность и за образъ жизни, который вели въ немъ его владѣльцы, «хаотическимъ домомъ». Онъ увѣрялъ, что Марѳинъ потому такъ и любитъ бывать у Рыжовыхъ, что ему у нихъ все напоминаетъ первобытный хаосъ, когда земля была еще неустроена, и когда только-что̀ сотворенные люди были совершенно чисты, хоть уже и обнаруживали нѣкоторое поползновеніе къ грѣшку. Во всей этой ироніи его была нѣкоторая доля правды: самый домъ представлялъ почти развалину; на его крышѣ и стѣнахъ краска слупилась и слѣзла; во многихъ окнахъ виднѣлись разбитыя и лопнувшія стекла;

паркетъ внутри дома покосился и растрескался; въ нѣкоторыхъ комнатахъ существовала жара невыносимая, а въ другихъ—холодъ непомѣрный; по большей части часовъ еще съ четырехъ утра въ немъ появлялся огонекъ. Это значило, что адмиральша собиралась къ заутренѣ, и ее въ этомъ случаѣ всегда сопровождала Сусанна. Часовъ съ семи начиналось ставленіе самоваровъ и нагрѣваніе утюговъ для разглаживанія барышниныхъ юбокъ, кофточекъ, воротничковъ. Завтракъ тянулся часовъ до двухъ, потому что адмиральша и Сусанна пили чай часу въ девятомъ, Муза—въ десять часовъ и затѣмъ сейчасъ же садилась играть на фортепіано, а Людмила хоть и не спала, но нѣжилась въ постели почти до полудня, строя въ своемъ воображеніи всевозможные воздушные замки. Между тѣмъ горничныя—и все, надобно сказать, молоденькія и хорошенькія — безпрестанно перебѣгали изъ людской въ домъ и изъ дому въ людскую, хихикая и перебраниваясь съ чужими лакеями и форейторами, производившими еще спозаранку набѣгъ къ Рыжовымъ. Благодаря такой свободѣ нравовъ, нѣкоторыя изъ горничныхъ, болѣе неосторожныя, дѣлались въ «извѣстномъ положеніи», что всегда причиняло большое безпокойство старой адмиральшѣ. Тщательно скрывая отъ дочерей положеніе несчастной горничной, она спѣшила ее отправить въ деревню, и при этомъ не только что не бранила «бѣдняжку», а напротивъ, утѣшала, просила не падать духомъ и беречь себя и своего будущаго ребенка, а сама между тѣмъ приходила въ крайнее удивленіе и восклицала: «Этого я отъ Аннушки (или Паши какой-нибудь) никакъ не ожидала, никакъ!» Вообще Юлія Матвѣевна всѣ житейскія непріятности — а у ней ихъ было немало — встрѣчала съ совершенно искреннимъ недоумѣніемъ. «Что хотите, я этого не думала!.. Въ голову даже не приходило!» — повторяла она многократно, словно будто бы была молоденькая смольнянка, только-что впервые открывшая глаза на Божій міръ и на то, что въ немъ творится. Молодые люди ѣздили къ Рыжовымъ всегда гурьбой и во всякій часъ дня — поутру, послѣ обѣда, вечеромъ. Старуха-адмиральша и всѣ ея дочери встрѣчали обыкновенно этихъ, иногда очень запоздавшихъ посѣтителей радушно, и барышни сейчасъ же затѣвали съ ними или танцы, или разныя petits jeux, а на святкахъ такъ и жмурки, при чемъ Сусанна краснѣла до-нельзя и больше всего остерегалась, чтобы какъ-нибудь до нея не дотронулся неосторожно кто-либо изъ молодыхъ людей; а тѣмъ временемъ поваръ Рыжовыхъ, бывшій постоянно къ вечеру пьянъ, бѣжалъ въ погребокъ и мясныя лавки, выпрашивалъ тамъ, по

большей части въ долгъ, вина и провизіи и принимался стрянать ужинъ. Озлобленію его при этомъ предѣловъ не было: проклиная баръ своихъ и гостей ихнихъ, онъ подливалъ, иногда по неимѣнію, а иногда и изъ досады, въ котлеты, вмѣсто масла, воды; жареное или не дожаривалъ, или совсѣмъ пережаривалъ; въ сбитыя сливки — вѣроятно, для скорости изготовленія—подбавлялъ немного мыла; но, несмотря на то, ужинъ и подаваемое къ нему отвратительное вино уничтожались дочиста.

Въ то утро, которое я буду теперь описывать, въ хаотическомъ домѣ было нѣсколько потише, потому что старуха, какъ и заранѣе предполагала, уѣхала съ двумя младшими дочерьми на панихиду по мужѣ, а Людмила, сказавшись больною, сидѣла въ комнатѣ съ Ченцовымъ: онъ прямо отъ дяди проѣхалъ къ Рыжовымъ. Дверь въ комнату была нѣсколько притворена. Но прибылъ Антипъ Ильичъ и вошелъ въ совершенно пустую переднюю. Онъ кашлянулъ разъ, два; наконецъ къ нему выглянула одна изъ горничныхъ.

— Мнѣ Людмилу Николаевну нужно видѣть... у меня письмо къ нимъ,—проговорилъ ей Антипъ Ильичъ.

— Она не одѣта еще!.. Дайте, я ей отдамъ письмо!.. Отъ кого оно?

— Отъ господина моего, — отвѣчалъ Антипъ Ильичъ, по аккуратности своей не совсѣмъ охотно выпуская изъ рукъ письмо.

— Сейчасъ снесу его!—подхватила горничная и юркнула въ коридоръ.

Антипъ Ильичъ, увидавъ въ передней залавокъ, опустился на него и погрузился въ размышленія. Марѳинъ хоть и подозрѣвалъ въ своемъ камердинерѣ наклонность къ глубокимъ размышленіямъ но врядъ ли это было такъ: старикъ, впадая въ задумчивость, вовсе, кажется, ничего не думалъ, а только прислушивался къ разнымъ болѣстямъ своимъ—то въ спинѣ, то въ рукахъ, то въ ногахъ. Людмила тѣмъ временемъ стояла около Ченцова, помѣщавшагося на диванѣ въ очень нецеремонной позѣ и курившаго трубку съ длиннымъ-длиннымъ чубукомъ. Запахъ Жукова табаку сильно наполнялъ комнату. Ченцовъ заставлялъ и Людмилу курить.

— Ну, попробуйте!—говорилъ онъ.

Людмила брала изъ его рукъ трубку и начинала курить.

— Затягивайтесь!.. такъ вотъ!.. въ себя тяните!—приказывалъ ей Ченцовъ.

Людмила и это дѣлала, но тутъ же, закашлявшись, отдавала Ченцову трубку назадъ.

— Не могу, не могу и никогда не стану больше! — говорила она.

— Что за вздоръ такой: не можете!.. Я васъ непремѣнно пріучу—стоялъ на своемъ Ченцовъ.

Комната Людмилы представляла нѣсколько лучшее убранство, чѣмъ остальной хаотическій домъ: у нея на окнахъ были цвѣты; на туалетномъ краснаго дерева столикѣ помѣщалось круглое въ рѣзной рамѣ зеркало, которое было обставлено разными красивыми бездѣлушками; на выступѣ изразцовой печи стояло нѣсколько фарфоровыхъ куколокъ; полъ комнаты былъ сплошь покрытъ ковромъ. Здѣсь нельзя умолчать о томъ, что Юлія Матвѣевна хоть и тщательно скрывала это, но Людмилу, какъ свою первенцу, любила больше двухъ младшихъ дочерей своихъ и для нея обыкновенно тратила послѣднія деньжонки. Между тѣмъ въ Людмилѣ была страсть къ щеголеватости во всемъ: въ туалетѣ, въ бѣльѣ, въ убранствѣ комнаты; тогда какъ Сусанна почти презирала это, и въ ея спальнѣ былъ только большой образъ съ лампадкой и довольно жесткій диванъ, на которомъ она спала; Муза тоже мало занималась своей комнатой, потому что никогда почти не оставалась въ ней, но, одѣвшись, сейчасъ же сходила внизъ, къ своему фортепіано.

Одѣта Людмила на этотъ разъ была въ кокетливый утренній капотъ, съ волосами какъ будто бы даже не причесанными, а только приколотыми шпильками, и — надобно отдать ей честь—поражала своей красотой и миловидностью; особенно у ней хороши были глаза — большіе, черные, бархатистые и съ поволокой, вслѣдствіе которой они все словно бы гдѣ-то блуждали... Въ сущности, всѣ три сестры имѣли одно общее семейное сходство: всѣ онѣ, если можно такъ выразиться, были какъ бы не отъ міра сего: Муза воздыхала о звукахъ, и не о тѣхъ, которые раздавались въ ея игрѣ и игрѣ другихъ, а о какихъ-то невѣдомыхъ, далекихъ и когда-то ею слышанныхъ. Сусанну увлекала религіозная сторона жизни: церковь, ея обряды и больше всего похороны. Стихъ: «Пріидите ко мнѣ, братіе и друзіе, съ послѣднимъ лобызаніемъ!», или ирмосъ: «Не рыдай мене, мати, зряще во гробѣ!»—почти немолчно раздавались въ ея ушахъ. Сусанна, думая, что эти галлюцинаціи предвѣщали ей скорую смерть, и боясь тѣмъ мать испугать, упорно о томъ молчала; Людмила же вся жила въ образахъ: еще въ дѣтствѣ она, по преимуществу, любила слушать страшныя сказки, сидѣть по цѣлымъ часамъ у окна и смотрѣть на луну, слѣдить лѣтнимъ днемъ за облаками, воображая въ нихъ фигуры горъ, звѣрей, птицъ. Начитавшись по-

томъ, по выходѣ изъ института, романовъ и по большей части рыцарскихъ, которыхъ она нашла огромное количество въ библіотекѣ покойнаго отца, она не преминула составить себѣ идеалъ мужчины, который, по ея фантазіи, непремѣнно долженствовалъ быть или рыцарь, или сарацинъ какой-нибудь, въ родѣ Малекъ-Аделя, или, по крайней мѣрѣ, красивый кавалерійскій офицеръ. Весьма естественно, что, при такомъ воззрѣніи Людмилы, Ченцовъ, ловкій, отважный, бывшій гусарскій офицеръ, превосходный верховой ѣздокъ на самыхъ рьяныхъ и злыхъ лошадяхъ, почти вполнѣ подошелъ къ ея идеалу; а за этими качествами, какой онъ собственно былъ человѣкъ, Людмила нисколько не думала; да если бы и думать стала, такъ немного бы поняла.

Когда горничная, неторопливо и не вдругъ отворивъ дверь, вошла въ комнату барышни, то Людмила сейчасъ же поспѣшила отойти отъ Ченцова и немного покраснѣла при этомъ.

— Что тебѣ надобно? — спросила она горничную несвойственнымъ ей строгимъ тономъ.

— Письмо къ вамъ отъ Егора Егорыча Марѳина!—проговорила та, подавая письмо Людмилѣ, которая ей торопливо проговорила:

— Хорошо, можешь уйти!.. Пусть—кто принесъ—подождетъ.

Горничная ушла.

Людмила начала читать письмо, и на лицѣ ея попеременно являлись усмѣшка, потомъ удивленіе и наконецъ какъ бы испугъ.

Ченцовъ внимательно слѣдилъ за нею.

— Что такое можетъ писать къ вамъ мой дядюшка?—спросилъ онъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ.

— Ну, ужъ это не ваше дѣло, извините!—сказала Людмила.

— Почему жъ не мое?..—воскликнулъ Ченцовъ и, вскочивъ съ дивана, сталъ отнимать у Людмилы письмо, которое, впрочемъ, она скоро отдала ему.

Съ первыхъ строкъ дядинаго посланія Ченцовъ началъ восклицать:

— Прелесть!.. прелесть, что такое!.. Но къ чему однако все это сводится?.. Ба!.. вотъ что!.. Поздравляю, поздравляю васъ!..—говорилъ онъ, дѣлая Людмилѣ ручкой.

Та нѣсколько разсердилась на него.

— Но что же вы намѣрены отвѣчать на сіе письмо?—заключилъ Ченцовъ.

— Вы, я думаю, должны это знать!..—произнесла Людмила, гордо поднявъ свою хорошенькую головку.

Ченцовъ самодовольно усмѣхнулся.

— Но вы однако обратите вниманіе на безцѣнныя выраженія вашего обожателя!—продолжалъ онъ:—выраженіе такого рода, что ему дана, по волѣ Провидѣнія, страсть Аббадоны!.. Ахъ, чортъ возьми, этакій плюгавецъ—со страстью Аббадоны!.. Что онъ чаетъ и жаждетъ получить урокъ смиренія!.. Прекрасно!.. отказывать ему въ этомъ грѣшно!.. дайте ему этотъ урокъ, и хорошенькій!.. Терпите, молъ, дѣдушка; терпѣли же вы до пятидесяти лѣтъ, что всѣмъ женщинамъ были противны, потерпите же и до смерти: тѣмъ угоднѣе вы Господу Богу будете... Но постойте: гдѣ же его перчатки?.. Покажите мнѣ ихъ!

— Не покажу!.. Надъ этимъ нельзя такъ смѣяться!..—проговорила Людмила и начала довольно сердитой походкой ходить по комнатѣ: красивый лобъ ея сдѣлался нахмуренъ.

— Все равно, я сегодня видѣлъ эти перчатки, да мнѣ и самому когда-то даны были такія, и я ихъ тоже преподнесъ только не одной женщинѣ, а нѣсколькимъ, которыхъ уважалъ.

Тактика Ченцова была не скрывать передъ женщинами своихъ любовныхъ похожденій, а, напротивъ, еще выдумывать ихъ на себя,—и удивительное дѣло: онъ не только что не падалъ тѣмъ въ ихъ глазахъ, но скорѣй возвышался и поселялъ въ нѣкоторыхъ желаніе отбить его у другихъ. Людмила, впрочемъ, была, повидимому, недовольна его шутками и все продолжала взадъ и впередъ ходить по комнатѣ.

— Подойдите ко мнѣ, птичка моя! — заговорилъ Ченцовъ вдругъ совершенно инымъ тономъ, понявъ, что Людмила была не въ духѣ.

Она не подходила.

— Подойдите!.. — прошепталъ онъ уже страстно, измѣнившись въ одно мгновеніе, какъ хамелеонъ, изъ безсердечнаго, холоднаго насмѣшника въ пылкаго и нѣжнаго итальянца; глаза у него загорѣлись, въ лицо бросилась кровь.

— Не подойду!—объявила наконецъ Людмила.

— Почему?

— Потому что у васъ нѣтъ бѣлыхъ перчатокъ! Вы ихъ раньше меня другимъ роздали!—отвѣтила Людмила и граціозно присѣла передъ Ченцовымъ.

— О, прелесть моя!..—воскликнулъ онъ, простирая къ ней руки:—у меня есть бѣлыя перчатки!.. есть!.. и для тебя одной я хранилъ ихъ!..

— Не вѣрю!..

— Вѣрь, вѣрь и подойди! — повторялъ Ченцовъ тихимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ исполненнымъ какой-то демонической власти голосомъ.

Людмила однако не слушалась его.

— А что значитъ для васъ m-lle Крапчикъ? — спросила она, поднявъ опять гордо головку свою.

Ченцовъ никакъ не ожидалъ подобнаго вопроса.

— Ничего не значитъ!—отвѣчалъ онъ, не заикнувшись.

— Однако зачѣмъ же вы вчера на балѣ были такъ любезны съ ней?.. И я, Валерьянъ, скажу тебѣ прямо... я всю ночь проплакала... всю.

Ченцовъ всплеснулъ руками.

— Господи, что же это такое? — произнесъ онъ. — Развѣ такіе ангелы, какъ ты, могутъ безпокоиться и думать о другихъ женщинахъ? Что ты такое говоришь, Людмила?!

— А я вотъ думаю и безпокоюсь, — отозвалась Людмила, улыбаясь и стараясь не смотрѣть на Ченцова.

— Безуміе,—больше ничего!.. Извольте подойти ко мнѣ.

У Людмилы все еще доставало силы не повиноваться ему.

— Людмила, я разсержусь, видитъ Богъ, разсержусь! — почти крикнулъ на нее Ченцовъ, ударивъ кулакомъ по ручкѣ дивана.

Этого Людмила уже не выдержала.

— Ну, вотъ я и подошла! — сказала она, дѣйствительно подходя и ставъ раболѣпно передъ своимъ повелителемъ.

Ченцовъ встрепенулся, привлекъ къ себѣ Людмилу, и она, какъ кроткая овечка, упала къ нему на грудь. Ченцовъ началъ сжимать ее въ своихъ объятіяхъ, цѣловать въ голову, въ шею: чувственный и любострастный звѣрь въ немъ проснулся окончательно, такъ что Людмила съ большимъ усиліемъ успѣла наконецъ вырваться изъ его объятій и убѣжала изъ своей комнаты.

Ченцовъ остался въ раздраженномъ, но довольномъ состояніи. Сбѣжавъ сверху, Людмила, взволнованная и пылающая, спросила горничныхъ, гдѣ посланный отъ Маріина, и когда тѣ сказали, что въ передней, она вышла къ Антипу Ильичу.

Старикъ, при входѣ ея, немедля всталъ и привѣтствовалъ барышню почтительнымъ поклономъ.

— Ахъ, это вы! — начала съ уваженіемъ Людмила и затѣмъ несвязно присовокупила:—кланяйтесь, пожалуйста, Егору Егорычу, попросите у него извиненія за меня и скажите, что мамаши теперь дома нѣтъ, и что она будетъ ему отвѣчать!

Антипъ Ильичъ хоть и не понялъ хорошенько ея словъ, но тѣмъ не менѣе снова ей почтительно поклонился и ушелъ, а Людмила опять убѣжала наверхъ.

V.

Ожидая возвращенія своего камердинера, Егоръ Егорычъ былъ какъ на иголкахъ; онъ то усаживался плотно на своемъ креслѣ, то вскакивалъ и подбѣгалъ къ окну, изъ котораго можно было видѣть, когда подъѣдетъ Антипъ Ильичъ. Прошло такимъ образомъ около часу. Но вотъ входная дверь номера скрипнула. Понятно, что это прибылъ Антипъ Ильичъ; но онъ еще довольно долго снималъ съ себя шубу, обтиралъ свои намерзшія бакенбарды и сморкался. Егора Егорыча даже подергивало отъ нетерпѣнія. Наконецъ камердинеръ предсталъ предъ нимъ.

— Что, какой отвѣтъ? — забормоталъ Егоръ Егорычъ.

— Отвѣтъ-съ такой... — И Антипъ Ильичъ нѣсколько затруднялся, какъ ему, съ его обычною точностью, передать отвѣтъ, который онъ не совсѣмъ понялъ. — Барышня мнѣ сами сказали, что онѣ извиняются, а что маменьки ихней дома нѣтъ.

— Но гдѣ же маменька ея? — перебилъ его Егоръ Егорычъ, поблѣднѣвъ въ лицѣ: онъ предчувствовалъ, что вѣсти нехорошія будутъ.

— Этого я не знаю-съ! — доложилъ Антипъ Ильичъ.

Егоръ Егорычъ вскочилъ съ креселъ.

— Какъ же ты не знаешь?... какъ тебѣ не стыдно это?!.— заговорилъ онъ гнѣвнымъ и плачевнымъ голосомъ.—Добро бы ты былъ какой-нибудь мальчикъ вѣтреный, но ты человѣкъ умный, а главнаго не узналъ.

— Это, виноватъ, не догадался!—отвѣчалъ Антипъ Ильичъ, видимо смущенный.—Если прикажете, я опять сейчасъ съѣзжу и узнаю.

— Нельзя этого, нельзя, Антипъ Ильичъ! — воскликнулъ тѣмъ же досадливо-плачевнымъ тономъ Егоръ Егорычъ:—изъ этого выйдетъ скандалъ!.. Это Богъ знаетъ что могутъ подумать.

Антипъ Ильичъ рѣшительно недоумѣвалъ, почему баринъ такъ разгнѣвался, и отчего тутъ Богъ знаетъ что могутъ подумать. Егоръ Егорычъ съ своей стороны также не зналъ, что ему предпринять. Къ счастью, вошелъ кучеръ.

— Лошадь откладывать или нѣтъ?—отнесся онъ негромко къ Антипу Ильичу.

— Конечно, откладывать!., конечно!..—подхватилъ за него Егоръ Егорычъ: — что, я поѣду гулять, что ли, кататься, веселиться!..

Кучера нѣсколько удивили такія странныя слова и тонъ голоса барина.

— Ты не знаешь ли, куда уѣхала старая адмиральша? — попытался его спросить Антипъ Ильичъ.

— Она уѣхала въ Новоспасскій монастырь! — объяснилъ ему кучеръ.

— Зачѣмъ? — вскрикнулъ, обернувшись къ нему лицомъ, Егоръ Егорычъ.

— Люди сказывали, что панихиду служить по покойномъ адмиралѣ,—отвѣтилъ и на это кучеръ.

— Это тридцать верстъ отсюда?.. тридцать верстъ!..—кричалъ Мареинъ.

— Больше-съ,—верстъ сорокъ будетъ! — замѣтилъ кучеръ.

— Будетъ сорокъ!—подтвердилъ и Антипъ Ильичъ.

Этимъ они еще больше разсердили Егора Егорыча.

— Когда жъ она возвратится? Черезъ недѣлю, черезъ двѣ, черезъ мѣсяцъ? — вскрикивалъ онъ, подпрыгивая даже на креслѣ.

— Нѣтъ-съ, гдѣ же черезъ мѣсяцъ?—сказалъ кучеръ, начинавшій уже немного и трусить барина: — а что точно что: онѣ взяли овса и провизіи для себя... горничную и всѣхъ барышень.

— Какъ всѣхъ барышень? — произнесъ окончательно опѣшенный Мареинъ:—а ты говоришь, что видѣлъ барышню? — обратился онъ съ укоромъ къ Антипу Ильичу.

— Старшая, Людмила Николаевна, дома!—проговорилъ тотъ утвердительно:—госпожа адмиральша, можетъ, съ двумя младшими уѣхала.

— Надо-быть, что съ двумя! — сообразилъ смѣтливый кучеръ:—всего въ одномъ возкѣ четырехмѣстномъ поѣхала; значитъ, если бы еще барышню взяла,—пятеро бы съ горничной было, и не усѣлись бы всѣ.

Егоръ Егорычъ почти не слыхалъ его словъ и въ изнеможеніи закинулъ голову на спинку кресла: для него не оставалось уже никакого сомнѣнія, что отвѣтъ отъ Рыжовыхъ будетъ неблагопріятный ему.

— Но не сказала ли тебѣ еще чего-нибудь Людмила Николаевна?—спросилъ онъ снова умоляющимъ голосомъ Антипа Ильича.

— Сказали всего только, что сама адмиральша будетъ вамъ отвѣчать! — дополнилъ Антипъ Ильичъ, постаравшійся припомнить до послѣдняго звука все, что говорила ему Людмила.

— Хорошо, будетъ, ступайте! — сказалъ Егоръ Егорычъ.

Онъ поспѣшилъ поскорѣе услать отъ себя прислугу, чтобы

скрыть отъ нихъ невыносимую горечь волновавшихъ его чувствованій.

Антипъ Ильичъ и кучеръ ушли.

Чтобы хоть сколько-нибудь себя успокоить, Егоръ Егорычъ развернулъ библію, которая, какъ нарочно, открылась на «Пѣснѣ пѣсней Соломона». Напрасно Егоръ Егорычъ, пробѣгая поэтическія и страстныя строки этой пѣсни, усиливался воображать, какъ прежде всегда онъ и воображалъ, что упоминаемый тамъ женихъ—Христосъ, а невѣста—церковь. Но тутъ (Егоръ Егорычъ былъ увѣренъ въ томъ) дьяволъ мутилъ его воображеніе, и ему представлялось, что женихъ—это онъ самъ, а невѣста — Людмила. Егоръ Егорычъ разсердился на себя, закрылъ библію и крикнулъ:

— Заложить мнѣ лошадей, тройку, въ пошевни!

Его намѣреніе было ѣхать къ сенатору, чтобы на томъ сорвать вспыхнувшую въ немъ досаду, доходящую почти до озлобленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ вліяніемъ своихъ масонскихъ воззрѣній, онъ мысленно говорилъ себѣ: «нетерпѣливъ я и строптивъ, очень строптивъ!»

Лошади скоро были готовы. Егоръ Егорычъ, надѣвъ свой фракъ съ крестиками, поѣхалъ. Гордое лицо имѣло на этотъ разъ очень мрачный оттѣнокъ. На дворѣ сенатора онъ увидалъ двухъ будочниковъ, двухъ жандармовъ и даже квартальнаго. Всѣ они до мозга костей иззябли на морозѣ.

— Стерегутъ его, точно сокровище какое!..—сердито пробурчалъ про себя Марѳинъ.

Сенаторъ въ это время, по случаю безпрерывныхъ къ нему визитовъ и представленій, сидѣлъ въ кабинетѣ за рабочимъ столомъ, раздушенный и напомаженный, въ форменномъ съ камергерскими пуговицами фракѣ и въ звѣздѣ. Ему дѣлалъ докладъ его оглоданный правитель дѣлъ, стоя на ногахъ, что, впрочемъ, всегда нѣсколько стѣсняло сенатора, вѣжливаго до нѣжности съ подчиненными, такъ что онъ каждый разъ просилъ Звѣздкина садиться, но тотъ, въ силу, вѣроятно, своихъ лакейскихъ наклонностей, отнѣкивался подъ разными предлогами.

Марѳинъ, какъ всегда онъ это дѣлалъ при свиданіяхъ съ сильными міра сего, вошелъ въ кабинетъ топорщась. Сенаторъ, несмотря, что остался имъ не совсѣмъ доволенъ при первомъ ихъ знакомствѣ, принялъ его очень вѣжливо и даже съ почтеніемъ. Онъ самъ пододвинулъ ему поближе къ себѣ кресло, на которое Егоръ Егорычъ сейчасъ же и сѣлъ.

Правитель дѣлъ, кажется, ожидалъ, что сей, впервые еще являвшійся посѣтитель поклонится и ему, но, когда Егоръ

Егорычъ не удостоилъ даже его взглядомъ, онъ былъ этимъ замѣтно удивленъ и, отойдя отъ стола, занялъ довольно отдаленно стоявшій стулъ.

— Не были ли мы вмѣстѣ съ вами подъ Бородинымъ?— началъ сенаторъ, обращаясь къ Марѳину:—фамилія ваша мнѣ чрезвычайно знакома.

— Я былъ подъ Бородинымъ!—отвѣчалъ лаконически Егоръ Егорычъ.

— И не были ли вы тамъ ранены?.. Я припоминаю это по своей службѣ въ штабѣ!—продолжалъ сенаторъ, желая тѣмъ, конечно, сказать любезность гостю.

— Я былъ не раненъ, а переломилъ себѣ только ногу, упавъ съ убитой подо мною лошади! — отчеканилъ рѣзко Марѳинъ.

— О, это все равно!..—слегка воскликнулъ сенаторъ:—это такая же рана, какъ и другія; но скоро однако вы излѣчились?

— Очень не скоро!.. Сначала я былъ совершенно хромъ, и ужъ потомъ, когда мы гнали назадъ Наполеона и я слѣдовалъ въ арьергардѣ за арміей, мнѣ въ Германіи сказали, что для того, чтобы воротить себѣ ногу, необходимо снова ее сломать... Я согласился на это... Мнѣ ее врачи сломали, и я опять сталъ съ прямой ногой.

— Вы, видно, владѣете большимъ присутствіемъ духа!— замѣтилъ сенаторъ, опять-таки съ цѣлью польстить этому на видъ столь миніатюрному господину, но крѣпкому, должнобыть, по характеру.

— А иначе что жъ!—возразилъ Марѳинъ:—я долженъ былъ бы оставить кавалерійскую службу, которую я очень любилъ.

— Да, мы всѣ тогда любили нашу службу!—присовокупилъ какъ бы съ чувствомъ сенаторъ.

Марѳинъ поморщился: его покоробила фраза графа: «мы всѣ». «Кто же эти всѣ? Значитъ, и самъ графъ тоже, а это не такъ!»—сердито подумалъ онъ.

— А вы вчера долго оставались на балѣ?—направилъ тотъ будто бы случайно разговоръ на другой предметъ.

— Долго!—отвѣчалъ отрывисто Марѳинъ.

— А я, къ сожалѣнію, никакъ не могъ остаться... Мнѣ такъ совѣстно передъ Петромъ Григорьичемъ, но у меня столько дѣлъ и такія все запутанныя, противорѣчивыя!

— Въ чемъ вы собственно встрѣчаете противорѣчія?— спросилъ Марѳинъ.

— Во многомъ!—отвѣтилъ сначала неопредѣленно сена-

торъ.—Михайла Сергѣичъ, я слышу, въ залѣ набралось много просителей; потрудитесь къ нимъ выйти, примите отъ нихъ прошенія и разсмотрите ихъ тамъ!—сказалъ онъ правителю дѣлъ, который немедля же всталъ и вышелъ изъ кабинета.

Оставшись съ глазу на глазъ съ Марѳинымъ, сенаторъ пріосанился немного и, видимо, готовился приступить къ бесѣдѣ о чемъ-то весьма важномъ.

— Главныя противорѣчія,—началъ онъ неторопливо и потирая свои руки:—это въ отношеніи губернатора... Одни утверждаютъ, что онъ чистый вампиръ, вытянувшій изъ губерніи всю кровь, чего я, къ удивленію моему, по дѣламъ совершенно не вижу... Кромѣ того, другія лица, не принадлежащія къ партіи губернскаго предводителя, мнѣ говорятъ совершенно противное...

— Я, графъ, самъ принадлежу къ партіи губернскаго предводителя!—хотѣлъ сразу остановить и срѣзать сенатора Марѳинъ.

— Это я знаю,—подхватилъ тотъ уклончиво:—но при этомъ я наслышанъ и о вашей полной независимости отъ чужихъ мнѣній: вы никогда и никому не бываете вполнѣ подчинены!.. Такова, pardon, объ васъ общая молва.

— Молва очень лестная для меня!—проговорилъ Марѳинъ, насупившись и твердо увѣренный, что сенаторъ нарочно льститъ ему, чтобы поострѣзать у него когти.

— О, безъ сомнѣнія!—продолжалъ сенаторъ:—а потому мнѣ чрезвычайно было бы важно слышать ваше личное мнѣніе по этому предмету.

— Я уже высказывалъ и здѣсь и въ Петербургѣ мое мнѣніе по этому предмету и до сихъ поръ не перемѣнилъ его!—рубилъ напрямикъ Марѳинъ.

— И оно состояло?..—спросилъ сенаторъ.

— Состояло въ томъ, что я считаю губернатора явнымъ и открытымъ взяточникомъ!

Сенатора замѣтно покоробило такое рѣзкое выраженіе Егора Егорыча.

— Есть господа, которые оправдываютъ его тѣмъ,—продолжалъ тотъ:—что своего состоянія у него нѣтъ, жена больна, семейство большое, сыновья служатъ въ кавалергардахъ; но почему же не въ арміи?.. почему?

— О, Боже мой!..—произнесъ, нѣсколько возвысивъ голосъ, сенаторъ:—вы даже то, что сыновья губернатора служатъ въ гвардіи, и то ставите ему въ вину.

— Ставлю, потому что онъ ради этого нами властвуетъ, какъ воевода, пріѣхавшій къ намъ на кормленіе.

— Но чѣмъ же можно доказать, что онъ похожъ на воеводу?

— Можно-съ, но мнѣ гадко повторять, что о немъ разсказываютъ: ни одинъ возъ съ сѣномъ, ни одна барка съ хлѣбомъ не смѣютъ появиться въ городѣ, не давши ему чрезъ полицеймейстера взятки.

— И вы сами бывали свидѣтелемъ чего-нибудь подобнаго?

— Фи!..—произнесъ съ гримасой Марѳинъ:—буду я свидѣтелемъ этого, а если бы и увидалъ даже, такъ отвернулся бы.

— А на слова другихъ нельзя безусловно полагаться.

— Отчего нельзя?... отчего?—почти уже закричалъ Марѳинъ:—это говорятъ всѣ, а гласъ народа—гласъ Божій.

— Не всегда, не говорите этого, не всегда,—возразилъ сенаторъ, все болѣе и болѣе принимая величавую позу:—допуская наконецъ, что во всѣхъ этихъ разсказахъ, какъ во всякой сплетнѣ, есть малая доля правды, то и тогда раскапывать и раскрывать, какъ вотъ сами вы говорите, такую грязь тяжело и, главное, трудно... По нашимъ законамъ человѣкъ, дающій взятку, такъ же отвѣчаетъ, какъ и берущій.

— Ну, трудность бываетъ двухъ сортовъ!—снова воскликнулъ Марѳинъ, хлопнувъ своими ручками и начавъ ихъ нервно потирать:—одна трудность простая, когда въ самомъ дѣлѣ трудно открыть, а другая сугубая!..

Фразы этой, впрочемъ, не договорилъ Егоръ Егорычъ, да и сенаторъ, кажется, не желалъ слышать ея окончанія, потому что, понюхавъ въ это время табаку изъ своей золотой, осыпанной брильянтами, табакерки, поспѣшилъ очень ловко приподнести ее Егору Егорычу, проговоривъ:

— Не угодно ли?

— Не нюхаю!—отвѣчалъ тотъ отрывисто, но на табакерку взглянулъ и, смекнувъ, что она была подарокъ изъ дворцоваго кабинета, заподозрѣлъ, что сенаторъ сдѣлалъ это съ умысломъ, для внушенія вящшаго уваженія къ себѣ,—«вотъ кто я, смотри!»—и Марѳинъ, какъ водится, разсердился при этой мысли своей.

— Я-съ человѣкъ частный... ничтожество!..—заговорилъ онъ прерывистымъ голосомъ:—не мое, можетъ-быть, дѣло судить дѣйствія правительственныхъ лицъ; но я разъ сталъ обвинителемъ и доконч у это... Если справедливы непріятные слухи, которые дошли до меня при пріѣздѣ моемъ сюда, я опять поѣду въ Петербургъ и опять буду кричать.

Сенаторъ величаво улыбнулся.

— Крикунъ же вы!—замѣтилъ онъ:—и чего же вы будете еще требовать отъ Петербурга,—я не понимаю!.. Изъ Петер-

бурга меня прислали ревизовать вашу губернію и будутъ, конечно, ожидать результатовъ моей ревизіи, которыхъ пока никто не знаетъ, ни даже я самъ.

У Марѳина вертѣлось на языкѣ сказать: «Не хитрите, графъ, вы знаете хорошо, каковы бы должны быть результаты вашей ревизіи; но вы опутаны грѣхомъ; вы, къ стыду вашему, сблизились съ племянницей губернатора, и вамъ ужъ нельзя быть между нимъ и губерніей судьей безпристрастнымъ и справедливымъ!..» Однако привычка сдерживать и умѣрять въ себѣ гнѣвливость, присутствія которой въ душѣ Егоръ Егорычъ не любилъ и боялся больше всего, хотя и подпадалъ ей безпрестанно, восторжествовала на этотъ разъ, и онъ ограничился тѣмъ, что, не надѣясь долго совладѣть съ собою, счелъ за лучшее прекратить свой визитъ и началъ сухо раскланиваться.

Сенаторъ, по своей придворной тактикѣ, распростился съ нимъ въ высшей степени любезно, и только, когда Егоръ Егорычъ совсѣмъ уже уѣхалъ, онъ немедля же позвалъ къ себѣ правителя дѣлъ и сталъ ему пересказывать съ видимымъ чувствомъ досады.

— Вообразите, этотъ пимперле*) пріѣзжалъ пугать меня!

Правитель дѣлъ, считавшій своего начальника, равно какъ и самого себя, превыше всякихъ губернскихъ авторитетовъ, взглянулъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ на графа.

— Чѣмъ же онъ васъ пугалъ?—спросилъ онъ.

— Да опредѣлительно и сказать нельзя—чѣмъ, но пугалъ, что вотъ онъ получилъ здѣсь какіе-то слухи непріятные и что поѣдетъ кричать объ этомъ въ Петербургѣ.

Сенаторъ въ сущности очень хорошо понялъ, о какихъ слухахъ намекалъ ему Марѳинъ.

— О комъ и о чемъ слухи?—поинтересовался правитель дѣлъ, вѣроятно, нѣсколько опасавшійся, что нѣтъ ли и объ его личныхъ дѣйствіяхъ какихъ-нибудь толковъ.

— Не сказалъ!.. Все это, конечно, вздоръ, и тутъ одно важно, что хотя Марѳина въ Петербургѣ и разумѣютъ всѣ почти за сумасшедшаго, но у него есть связи при дворѣ... Ему племянницей, кажется, приходится одна фрейлина тамъ... поетъ очень хорошо русскія пѣсни... Я слыхалъ и видалъ ее—недурна!—объяснилъ сенаторъ и затѣмъ пустился посвящать своего наперсника въ разныя тонкія комбинаціи о томъ, что такая-то часто бываетъ у такихъ-то, а эти, такіе, у такого-то, который имѣетъ вліяніе на такого-то.

---

*) Очень маленькая и самая рѣзвая куколка въ нѣмецкомъ кукольномъ театрѣ, объѣзжавшемъ тогда всю Россію.

Тема на этотъ разговоръ была у графа неистощимая и весьма любимая имъ. Что̀ касается до правителя дѣлъ, то хотя онъ и былъ по своему происхожденію и положенію очень далекъ отъ придворнаго круга, но тѣмъ не менѣе понималъ хорошо, что все это имѣетъ большое значеніе, и вслѣдствіе этого призадумался нѣсколько. Его главнымъ образомъ безпокоило то, что Марѳинъ даже не взглянулъ на него, войдя къ сенатору, какъ будто бы презиралъ, что ли, его или былъ за что-то сердитъ на него.

— Могу я докладывать?—спросилъ онъ, видя, что сенаторъ больше ужъ не желаетъ говорить.

— О, пожалуйста!—отвѣтилъ тотъ и для освѣженія мозга понюхалъ табаку изъ своей золотой табакерки.

Правитель дѣлъ началъ докладъ, по обыкновенію, стоя.

— Дѣло по жалобѣ на устройство городничимъ Надеждинымъ рыбныхъ садковъ въ свою пользу!—заговорилъ онъ ровнымъ и безстрастнымъ голосомъ.

— Продѣлки этого господина вопіющія!—перебилъ его сенаторъ:—мнѣ говорили объ нихъ еще въ Петербургѣ!.. Заставлять обывателей устраивать ему садки,—это ужъ и не взятка, а какая-то натуральная повинность!

— Въ Петербургѣ, мнѣ кажется, ваше сіятельство, ошибочно взглянули на это дѣло!—возразилъ съ нѣкоторымъ одушевленіемъ правитель дѣлъ:—городничій вызванъ нами.

— Знаю я!—подхватилъ сенаторъ, очень довольный тѣмъ, что зналъ это.

— Онъ былъ у меня!..—доложилъ правитель дѣлъ, хотя собственно онъ долженъ былъ бы сказать, что городничій «представлялся къ нему», какъ стали это дѣлать, чрезъ двѣ же недѣли послѣ начала ревизіи, почти всѣ вызываемые для служебныхъ объясненій чиновники, являясь къ правителю дѣлъ даже ранѣе, чѣмъ къ сенатору, при чемъ, какъ говорили злые языки, выпадала немалая доля благостыни въ руки Звѣздкина.

— Городничій мнѣ доставилъ,—продолжалъ онъ:—собранныя имъ удостовѣренія отъ мѣстныхъ обывателей,—вотъ они!

И правитель дѣлъ показалъ цѣлую кипу бумагъ, при одномъ видѣ которыхъ сенаторъ обмеръ.

— Но что̀ такое въ нихъ говорится? — поспѣшилъ онъ спросить.

— Говорится во всѣхъ одно и то же!—отвѣчалъ правитель дѣлъ и, взявъ будто бы на выдержку одну изъ бумагъ, началъ ее читать буквально:

— «Я, нижеподписавшійся, второй гильдіи купецъ и рыбо-

промышленникъ, симъ удостовѣряю, что по здѣшнимъ цѣнамъ устройство рыбнаго садка, съ посадкою въ оный рыбы, стоитъ пять рублей на ассигнаціи».

— Какъ пять рублей?! — воскликнулъ сенаторъ: — а въ Петербургѣ что онъ стоитъ?

— Въ Петербургѣ дороже, да тамъ и велики они очень, а садокъ городничаго всего сажень въ длину и въ ширину.

— Фу ты, Боже мой! — произнесъ сенаторъ, пожимая плечами: — вотъ и суди тутъ!.. Какъ же все это не противно и не скучно?..

Правитель дѣлъ молчалъ, вовсе не находя съ своей стороны въ службѣ ничего ни противнаго ни скучнаго.

— Бросить это дѣло; оно выѣденнаго яйца не стоитъ!.. — приказалъ сенаторъ.

Правитель дѣлъ поспѣшно написалъ на первоначальной бумагѣ резолюцію: «оставить безъ послѣдствій», и предложилъ ее къ подписи сенатору, который, не взглянувъ даже на написанное, подмахнулъ: «Ревизующій сенаторъ графъ Эдлерсъ».

— Далѣе какія дѣла?.. — сказалъ онъ.

— Далѣе дѣло о кадкѣ капусты и о засѣдателѣ земскаго суда Дрыгинѣ.

При этомъ отвѣтѣ правитель дѣлъ не удержался и усмѣхнулся.

— Какъ о капустѣ и о Дрыгинѣ?.. Что такое это? — проговорилъ сенаторъ съ недоумѣніемъ: онъ этого дѣла ужъ не помнилъ.

— Г. Дрыгинъ самъ здѣсь!.. Угодно вамъ его видѣть? — доложилъ правитель дѣлъ.

— Но, можетъ-быть, онъ какой-нибудь грубый, пьяный? — замѣтилъ съ брезгливостью сенаторъ.

— Напротивъ, онъ изъ отставныхъ военныхъ! — сказалъ правитель дѣлъ.

Сенаторъ поуспокоился.

— А въ чемъ Дрыгинъ обвиняется? — нашелъ онъ нужнымъ узнать.

— Въ томъ, что при проѣздѣ черезъ деревню Вѣтриху онъ съѣлъ тамъ цѣлый ушатъ кислой капусты.

Сенаторъ окончательно былъ озадаченъ.

— Mon Dieu, mon Dieu! — произнесъ онъ, вскидывая глаза къ небу.

Правитель дѣлъ поспѣшилъ позвать засѣдателя изъ залы, и когда тотъ вошелъ, то оказался тѣмъ отчисленнымъ отъ службы засѣдателемъ, котораго мы видѣли на балу у предводителя и который былъ въ томъ же ополченскомъ мундирѣ. Наружный видъ засѣдателя произвелъ довольно пріятное впечатлѣніе на графа.

— Вы обвиняетесь въ томъ, что при проѣздѣ черезъ деревню Вѣтриху... «съѣли цѣлый ушатъ капусты»,—слѣдовало бы договорить сенатору, но онъ не въ состояніи былъ того сдѣлать и выразился такъ:—издержали ушатъ капусты.

— Ваше высокопревосходительство! — началъ Дрыгинъ тономъ благороднаго негодованія: — если бы я былъ не человѣкъ, а свинья, и уничтожилъ бы въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ цѣлый ушатъ капусты, то умеръ бы, а я еще живъ!

Сенаторъ покраснѣлъ.

— Почему же на васъ такой извѣтъ? — сказалъ онъ, стараясь не утратить нѣкоторой строгости.

— Деревня Вѣтриха, какъ, можетъ-быть, небезызвѣстно вашему высокопревосходительству, принадлежитъ губернскому предводителю, который давно мой гонитель...

Проговоривъ это, Дрыгинъ почтительно склонилъ передъ сенаторомъ голову.

Здѣсь я, впрочемъ, по безпристрастію историка, долженъ объяснить, что, конечно, засѣдатель не съѣлъ въ одинъ обѣдъ цѣлаго ушата капусты, но, попробовавъ ее и найдя очень вкусною, велѣлъ поставить себѣ въ сани весь ушатъ и свезъ его своей женѣ, большой хозяйкѣ.

— А между тѣмъ, ваше высокопревосходительство, — продолжалъ Дрыгинъ съ тѣмъ же оттѣнкомъ благороднаго негодованія: — за эту клевету на меня я отозванъ отъ службы и, будучи отцомъ семейства, оставленъ безъ куска хлѣба.

Сенаторъ взглянулъ на своего правителя.

— Отозванъ-съ! — подтвердилъ тотъ, угадавъ взглядъ начальника.

— Вы можете отправляться къ вашей должности! — отнесся сенаторъ къ Дрыгину, который вспыхнулъ даже отъ радости.

— Ваше высокопревосходительство! — началъ онъ, прижимая руку къ сердцу, но болѣе того ничего не могъ высказать, а только, сморгнувъ навернувшіяся на глазахъ его слезы, поклонился и вышелъ.

Сенаторъ остался совсѣмъ взбудораженный.

— Я теперь припоминаю, что я отозвалъ этого несчастнаго по просьбѣ губернскаго предводителя! — признался онъ своему правителю.

— Можетъ-быть-съ! — отозвался тотъ уклончиво.

— Непремѣнно со словъ Крапчика!—подхватилъ сенаторъ:— онъ, я вамъ говорю, какой-то злой духъ для меня!.. Все, что онъ мнѣ ни посовѣтовалъ, во всемъ я оказываюсь глупцомъ!.. Я велю наконецъ не пускать его къ себѣ.

Правитель дѣлъ потупился, заранѣе увѣренный, что если бы

Крапчикъ сію же минуту къ графу пріѣхалъ, то тотъ принялъ бы его только что не съ распростертыми объятіями: очень опытный во всѣхъ мелкихъ чиновничьихъ интригахъ, Звѣздкинъ не вполнѣ понималъ гладко стелющую манеру обхожденія, которой держался его начальникъ.

Покончивъ съ засѣдателемъ, сенаторъ хотѣлъ-было опять приступить къ слушанію дѣла, но въ это время вошелъ въ кабинетъ молодой человѣкъ, очень благообразный собою, франтоватый и привезенный сенаторомъ изъ Петербурга въ числѣ своихъ канцелярскихъ чиновниковъ. Молодой человѣкъ этотъ былъ въ тотъ день дежурнымъ.

— Excellence, madame Klavsky est venue vous chercher et vous engage de faire une promenade! — доложилъ онъ, грассируя нѣсколько голосомъ.

— Tout de suite, mon cher!.. dites à madame, que je suis à elle dans un instant!.. — воскликнулъ радостно сенаторъ и съ несвойственною старикамъ поспѣшностью побѣжалъ въ гардеробную измѣнить нѣсколько свой туалетъ.

VI.

Madame Клавская въ это время, вся въ соболяхъ и во всемъ величіи своей полноватой красоты, сидѣла очень спокойно въ парныхъ саняхъ, которыя стояли у сенаторскаго подъѣзда. Ченцовъ давно еще сочинилъ про нее такого рода стихотвореніе:

Madame Клавская бабица
Вальсируетъ на заказъ
И, какъ юная вдовица,
Ищетъ мужа среди насъ;
Но мы знаемъ себѣ цѣну
И боимся ея плѣну.

Клавская дѣйствительно прежде ужасно кокетничала съ молодыми людьми, но послѣднее время вдругъ перестала совершенно обращать на нихъ вниманіе; кромѣ того, и во внѣшней ея обстановкѣ произошла большая перемѣна: прежде она обыкновенно выѣзжала въ общество съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ родныхъ или знакомыхъ, въ туалетѣ, хоть и кокетливомъ, но очень небогатомъ, а теперь, напротивъ, что̀ ни балъ, то на ней было новое и дорогое платье; каждое утро она каталась въ своемъ собственномъ экипажѣ на парѣ сѣрыхъ съ яблоками жеребцовъ, съ кучеромъ, кафтанъ котораго кругомъ былъ опушенъ котикомъ. Все это нѣкоторые объясняли прямымъ источникомъ изъ кармана сенатора, а другіе — тѣмъ, что къ

madame Клавской одновременно со Звѣздкинымъ стали забѣгать разные чиновники, которымъ угрожала опасность по ревизіи; но, какъ бы то ни было, въ одномъ только никто не сомнѣвался, что графъ былъ отъ нея безъ ума.

— Madame, me permettrez-vous de prendre place auprès de vous? — говорилъ онъ почти раболѣпнымъ голосомъ, выбѣжавъ къ ней въ настоящее утро на рундучокъ своего крыльца.

— Pourquoi pas, — отвѣчала ему съ ужаснѣйшимъ прононсомъ Клавская и пододвинулась къ одной сторонѣ саней.

Сенаторъ сѣлъ съ ней рядомъ, и лошади понесли ихъ по гладкимъ улицамъ губернскаго города. Когда они проѣзжали невдалекѣ отъ губернаторскаго дома, то Клавская, все время закрывавшая себѣ муфтой лицо отъ холода, проговорила негромко:

— Заѣдемте, пожалуйста, къ дядѣ позавтракать!.. Онъ очень, бѣдный, разстроенъ и будетъ утѣшенъ вашимъ визитомъ... Поваръ у него отличный!

Сенаторъ на первыхъ порахъ поморщился немного.

— Я очень уважаю вашего дядю, и мнѣ отъ души его жаль, но заѣзжать къ нему, comprenez-vous... Онъ губернаторъ здѣшній, я — ревизующій сенаторъ.

Говоря это, онъ, кажется, трепеталъ отъ страха, чтобы не разсердить очень своимъ отказомъ Клавскую.

— Полноте, что за мелочи! — возразила она ему убѣждающимъ и нѣжнымъ тономъ: — кого и чего вы опасаетесь? Если не для дяди, такъ для меня заѣдемте къ нему, — я ѣсть хочу!

— Извольте, извольте!.. — не выдержалъ долѣе графъ: — я для васъ готовъ быть у старика... Онъ, я знаю, не такъ виноватъ, какъ говорятъ про него враги его.

— Ахъ, онъ ангелъ! — воскликнула Клавская: — и если за что страдаетъ, такъ за доброту свою!.. — присовокупила она и остановила муфтой кучера у губернаторскаго подъѣзда.

Сенаторъ выскочилъ изъ саней первый, и въ то время, какъ онъ подавалъ руку Клавской, чтобы высадить ее, мимо нихъ пронесся на своей тройкѣ Маронинъ и сдѣлалъ видъ, что онъ не видалъ ни сенатора ни Клавской. Тѣ тоже какъ будто бы не замѣтили его.

Егоръ Егорычъ, чтобы размыкать гложущую его тоску, обскакалъ почти весь городъ и теперь ѣхалъ домой; но тутъ вдругъ перемѣнилъ намѣреніе и велѣлъ кучеру везти себя къ губернскому предводителю, съ которымъ ему главнымъ образомъ желалось подѣлиться снова вспыхнувшимъ въ его сердцѣ гнѣвомъ. Услыхавъ отъ лакея, что Крапчикъ былъ еще въ спальнѣ, Егоръ Егорычъ не стѣснился этимъ и направился

туда. Губернскій предводитель въ это время, сидя передъ своей конторкой, сводилъ итоги расходамъ по вчерашнему балу и былъ, видимо, не въ духѣ: расходовъ насчитывалось болѣе чѣмъ на три тысячи. Марѳинъ влетѣлъ къ нему, по обыкновенію, вихремъ, такъ что губернскій предводитель немножко даже вздрогнулъ.

— Какими судьбами? — произнесъ онъ.

Марѳинъ бросилъ небрежно свою шапку на диванчикъ и принялся ходить по комнатѣ.

— Сейчасъ я былъ у сенатора и убѣдился, что онъ старая остзейская лиса и больше ничего! — сказалъ онъ.

— Стало-быть, вы объяснялись съ нимъ о чемъ-нибудь?— спросилъ губернскій предводитель со свойственнымъ ему въ извѣстныхъ случаяхъ любопытствомъ.

— Объяснялся... Графъ самъ первый началъ и спросилъ, что за человѣкъ губернаторъ? Я говорю: онъ дрянь и взяточникъ!

Губернскій предводитель съ удовольствіемъ усмѣхнулся.

— Что же графъ на это?

— Графъ говоритъ, что нѣтъ, и что онъ о губернаторѣ слышалъ много хорошаго отъ людей, не принадлежащихъ къ вашей партіи!

— Моей партіи? — переспросилъ губернскій предводитель съ недоумѣніемъ и отчасти съ неудовольствіемъ.

— Ну, вашей, моей, какъ хотите назовите! — кипятился Марѳинъ. — Но это все еще цвѣточки!.. цвѣточки! Ягодки будутъ впереди, потому что за пять минутъ передъ симъ, при проѣздѣ моемъ мимо палатъ начальника губерніи, я вижу, что monsieur le comte et madame Klavsky вдвоемъ на парныхъ саняхъ подкатили къ дверямъ его превосходительства и юркнули въ оныя.

Губернскій предводитель развелъ руками.

— Странно!.. — сказалъ онъ: — графъ до сегодня былъ у губернатора всего одинъ разъ, отплачивая ему визитъ.

— Но я не лгу же это и не выдумываю!.. Я собственными глазами видѣлъ и monsieur comte'а и Клавскую, и это имъ даромъ не пройдетъ!.. нѣтъ!.. Я завтра же скачу въ Петербургъ и все тамъ разблаговѣщу, все!..

Губернскій предводитель соображалъ нѣкоторое время.

— Не совѣтую, — проговорилъ онъ: — это будетъ слишкомъ поспѣшно съ вашей стороны и безполезно для самого дѣла!

— Но вы въ этомъ случаѣ — поймите вы — совершенно сходитесь въ мнѣніяхъ съ сенаторомъ, который тоже говоритъ, что я слишкомъ спѣшу, и все убѣждалъ меня, что Петербургъ

достаточно уже облагодѣтельствовалъ нашу губернію тѣмъ, что прислалъ его къ намъ на ревизію; а я буду тамъ доказывать, что господинъ графъ не годится для этого, потому что онъ плотоугодникъ и развратникъ, и что его, прежде чѣмъ къ намъ, слѣдовало послать въ Соловки къ какому-нибудь монаху для напутствованія и назиданія.

— Всему этому только улыбнутся въ Петербургѣ, — началъ было губернскій предводитель, но, замѣтивъ, что Марѳинъ готовъ былъ вспѣтушиться, поторопился присовокупить: — Вы только, пожалуйста, не сердитесь и выслушайте меня, что я вамъ доложу. По-моему, напротивъ, надобно дать полное спокойствіе и возможность графу дурачиться; но когда онъ начнетъ уже дѣлать незаконныя распоряженія, къ которымъ его, вѣроятно, только еще подготовляютъ, тогда и собрать не слухи, а самыя дѣла, да съ этимъ и ѣхать въ Петербургъ. И я, если вы позволите, поѣду съ вами: вы — какъ человѣкъ извѣстный тамъ, а я — въ качествѣ губернскаго предводителя здѣшняго дворянства.

Марѳинъ начиналъ понимать практическую справедливость Крапчика, но все-таки не могъ съ нимъ вдругъ согласиться.

— Но гдѣ жъ мы узнаемъ эти дѣла? Не таскаться же по всѣмъ канцеляріямъ?.. Мы, слава Богу, не французскіе стряпчіе.

— Вы объ этомъ не безпокойтесь! Все узнается по городскимъ слухамъ подробно и съ полною достовѣрностью, — за это я вамъ ручаюсь, — и смотрите, что можетъ произойти!.. Вы вашимъ вліяніемъ вызвали ревизію надъ губернаторомъ, а потомъ мы сообща, можетъ-быть, накличемъ острастку и на сенатора.

Отъ послѣдней мысли своей губернскій предводитель даже въ лицѣ расцвѣлъ, но Марѳинъ продолжалъ хмуриться и сердиться. Дѣло въ томъ, что вся эта предлагаемая Крапчикомъ система выжиданія и подглядыванія за сенаторомъ претила Марѳину, и не столько по исповѣдуемой имъ религіи масонства, въ которой онъ зналъ, что подобные пріемы допускались, сколько по врожденнымъ ему нравственнымъ инстинктамъ: Егоръ Егорычъ любилъ дѣйствовать лишь прямо и открыто.

— Не лучше ли,—началъ онъ съ глубокомысленнымъ выраженіемъ въ лицѣ и, видимо, придумавъ совершенно другой способъ:—не лучше ли, чѣмъ строить козни, написать этому старому дураку строго-моральное письмо, въ которомъ напомнить ему объ его обязанностяхъ христіанина и гражданина?

Крапчикъ втайнѣ готовъ былъ фыркнуть, услыхавъ такое

измышленіе Егора Егорыча, но, разумѣется, воздержался и только съ легкою полуулыбкою возразилъ:

— Развѣ подобное письмо подѣйствуетъ на столь зачерствѣлаго человѣка и испугаетъ его?

— Это такъ!.. такъ! — согласился и Марѳинъ, воображенію котораго точно нарочно почти въявь представилась котообразная фигура сенатора, да еще высаживающаго изъ саней подъ ручку m-me Клавскую.

— Прощайте!—сказалъ онъ затѣмъ, торопливо хватая свою шапку.

— Куда же вы?.. Оставайтесь у насъ обѣдать,—сталъ-было удерживать его хозяинъ.

— Не могу, и ѣсть ничего не хочу!—отговаривался Марѳинъ.

— Но позвольте, по крайней мѣрѣ, мнѣ послать сказать Катринъ, что вы здѣсь, а то она мнѣ будетъ выговаривать, что я не оповѣстилъ ее объ васъ.

— Нѣтъ, некогда, некогда!—бормоталъ Марѳинъ и, проговоривъ еще разъ: «прощайте!», уѣхалъ.

— Сумасшедшій торопыга!—произнесъ Крапчикъ, оставшись одинъ и снова принимаясь просматривать счетъ, но вошелъ лакей и доложилъ, что пріѣхалъ новый гость — Ченцовъ.

— Зачѣмъ и кто его принялъ?—крикнулъ Крапчикъ.

— Я-съ,—отвѣтилъ, сробѣвъ, лакей.

— Дуракъ! Ну, поди и скажи, что выйду въ кабинетъ...

Лакей ушелъ. Крапчикъ, поприбравъ нѣсколько на конторкѣ свои бумаги, пошелъ неохотно въ кабинетъ, куда вмѣстѣ съ нимъ торопливо входила и Катринъ съ лицомъ еще болѣе грубоватымъ, чѣмъ при вечернемъ освѣщеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ сіяющимъ отъ удовольствія.

— Вы, надѣюсь, обѣдаете у насъ?—было первое слово ея гостю.

— Обѣдаю, — отвѣчалъ Ченцовъ.

Крапчикъ же едва удостоилъ сказать ему:

— Здравствуйте!

Катринъ была увѣрена, что божественный Ченцовъ (она иначе не воображала его въ своихъ мечтахъ) явился собственно для нея, чтобы исполнить ея приказаніе пріѣхать къ нимъ съ утра, но расчетъ m-lle Катринъ оказался при самомъ началѣ обѣда невѣренъ.

— Мы сыграемъ сегодня съ вами? — спросилъ Ченцовъ хозяина.

Выраженіе глазъ того стало не столь сердито.

— Сыграемъ, если хотите, — отвѣчалъ онъ, впрочемъ, совершенно безстрастно.

М-lle Катринъ поблѣднѣла.

— Но какъ же вы мнѣ еще вчера сказали, что не будете играть?—проговорила она Ченцову.

— Языкъ на то и данъ человѣку, чтобы лгать! — отшутился онъ.

— Правило прекрасное! — замѣтила Катринъ и надулась.

Крапчикъ же замѣтно сдѣлался любезнѣе съ своимъ гостемъ и сталъ даже подливать ему вина. Ченцовъ, съ своей стороны, хоть и чувствовалъ, что Катринъ сильно имъ недовольна, но что жъ дѣлать? Поступить иначе онъ не могъ: ощутивъ въ карманѣ своемъ подаренныя дядею деньги, онъ не въ силахъ былъ удержаться, чтобы не попробовать на нихъ счастья слѣпой фортуны, особенно съ такимъ золотымъ мѣшкомъ, каковъ былъ губернскій предводитель.

Послѣ обѣда гость и хозяинъ немедля усѣлись въ кабинетѣ за карточный столъ, совершенно уже не обращая вниманія на Катринъ, которая не пошла за ними, а сѣла въ маленькой гостиной, находящейся рядомъ съ кабинетомъ, и велѣла подать себѣ работу—вязаніе бисернаго шнурка, который она думала при какомъ-нибудь мало-мальски удобномъ предлогѣ подарить Ченцову.

Между играющими начался, какъ водится, банкъ. Если бы кто спросилъ, въ чемъ собственно состоялъ геній Крапчика, то можно безошибочно отвѣчать, что, будучи, какъ бо́льшая часть полувосточныхъ человѣковъ, отъ природы золъ, честолюбивъ, уменъ внѣшнимъ образомъ, безъ всякихъ о чемъ бы то ни было твердыхъ личныхъ убѣжденій, онъ главнымъ своимъ призваніемъ на землѣ имѣлъ — быть банкометомъ какого-нибудь огромнаго общеевропейскаго банка. Несмотря на то, что Петръ Григорьичъ почти каждодневно игралъ въ банкъ или другія азартныя игры, но никто еще и никогда не замѣтилъ на черномазомъ лицѣ его, выигрываетъ онъ или проигрываетъ. Карты обыкновенно Крапчикъ клалъ медленно, аккуратно, одна на другую, какъ бы о томъ только и помышляя, но въ то же время все видѣлъ и все подмѣчалъ, что̀ дѣлалъ его партнеръ, и безпощаднѣйшимъ образомъ пользовался малѣйшей оплошностью того. Въ настоящемъ случаѣ повторилось то же самое. Крапчикъ прежде всего выложилъ на столъ три тысячи рублей серебромъ и сталъ метать. Ченцовъ, сѣвшій играть съ восемьюстами рублей (хорошо еще, что онъ предварительно заплатилъ хозяину гостиницы двѣсти рублей), началъ горячиться; видимыя имъ около предводителя три тысячи рублей ужасно его раздражали. Счастье на первыхъ порахъ ему повезло: онъ сразу взялъ карту, загнулъ ее

и взялъ вторую; загнувъ на весь выигрышъ, не отписавъ изъ него ничего, снова взялъ, и когда поставилъ на червонную даму, чуть ли не имѣя при этомъ въ виду миловидный и выразительный обликъ Людмилы, то Крапчикъ замѣтилъ ему:

— Вы ничего не оставляете себѣ?

— Ничего!—отвѣчалъ небрежно Ченцовъ и выигралъ карту; тутъ ужъ онъ потянулъ изъ денегъ предводителя значительную пачку. Крапчикъ только молча наблюдалъ, правильно ли Ченцовъ отсчитывалъ себѣ деньги, на которыя тотъ положилъ прежнюю червонную даму.

— Вся сумма идетъ? — сказалъ Крапчикъ.

— Вся!.. гну-съ!..—воскликнулъ Ченцовъ, и голосъ его при этомъ слегка дрогнулъ, а по лицу пробѣжало какое-то страдальческое ощущеніе.

Крапчикъ убилъ эту карту и тотчасъ же придвинулъ къ себѣ всю выигранную у него Ченцовымъ сумму и метать не продолжалъ.

— Угодно вамъ заплатить мнѣ проигрышъ?—спросилъ онъ послѣ короткаго молчанія.

— Затруднительно мнѣ это!—произнесъ протяжно и комическимъ тономъ Ченцовъ.

Крапчика поразилъ нѣсколько такой отвѣтъ.

— Но на что же вы играли, если не имѣли денегъ?—проговорилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Я-то видѣлъ, на что игралъ!

И Ченцовъ указалъ пальцемъ на лежавшія передъ хозяиномъ деньги.

— А вотъ вы на что играли, я не знаю! — присовокупилъ онъ.

Крапчикъ на это ничего не сказалъ и принялся молча собирать раскиданныя карты въ колоду.

Ченцовъ наконецъ захохоталъ.

— Я пошутилъ, — вотъ вамъ! — воскликнулъ онъ и выкинулъ изъ кармана всѣ дядины деньги, которыя Крапчикъ аккуратно пересчиталъ и заявилъ:

— Здѣсь недостаетъ болѣе двухсотъ рублей!

— Заплачу̀ ихъ вамъ завтра же, — подхватилъ, слегка покраснѣвъ, Ченцовъ и попросилъ дать ему вина.

Хозяинъ позвалъ лакея и велѣлъ ему принести бутылку шампанскаго. Ченцовъ сейчасъ же принялся пить изъ нея и выпилъ почти всю залпомъ.

— А не хотите ли вы сыграть со мной въ долгъ? — сказалъ онъ, видимо, сжигаемый неудержимой страстью къ игрѣ.

Крапчикъ подумалъ немного.

— Но кто же мнѣ за васъ заплатитъ въ случаѣ проигрыша? — спросилъ онъ.

— Дядя!.. Полагаю, что онъ не захочетъ, чтобы меня посадили въ тюрьму, или чтобы я пустилъ себѣ пулю въ лобъ?— отвѣчалъ Ченцовъ.

Крапчикъ еще нѣкоторое время подумалъ.

— Извольте!.. —сказалъ онъ и, кликнувъ лакея, приказалъ ему принести новую бутылку шампанскаго.

Катринъ, не проронившая ни одного звука изъ того, что говорилось въ кабинетѣ, негромко велѣла возвращавшемуся оттуда лакею налить и ей стаканъ шампанскаго. Тотъ исполнилъ ея приказаніе и, когда поставилъ начатую бутылку на столъ къ играющимъ, то у Крапчика не прошло это мимо глазъ.

— Отчего она не полна? — сказалъ онъ лакею, показывая на бутылку.

— Катеринѣ Петровнѣ я налилъ стаканъ,—объяснилъ тотъ почтительно.

Крапчикъ поморщился, а Ченцовъ воскликнулъ:

— Браво, m-lle Катринъ! Пожалуйте сюда и чокнемтесь.

— Не хочу я съ вами чокаться! — отказалась Катринъ: голосъ ея былъ печаленъ.

Игра между партнерами началась и продолжалась въ томъ же духѣ. Ченцовъ пилъ вино и ставилъ безъ всякаго расчета карты, а Крапчикъ игралъ съ еще болѣе усиленнымъ вниманіемъ и въ результатѣ выигралъ тысячъ десять.

— Ну, будетъ!—забастовалъ онъ наконецъ.

— Мнѣ поэтому надобно дать вамъ заемное письмо? — проговорилъ, почти смѣясь, Ченцовъ: выпитое вино немало способствовало его веселому настроенію духа.

— Да, ужъ потрудитесь,—отвѣчалъ Крапчикъ и, вынувъ изъ письменнаго стола нужный для писемъ этого рода гербовый листъ, подалъ его вмѣстѣ съ перомъ и чернильницей Ченцову, который, въ свою очередь, тоже совершенно спокойно и самымъ правильнымъ образомъ написалъ это заемное письмо: онъ привыкъ и умѣлъ это дѣлать. Получивъ обязательство и положивъ его въ карманъ, Крапчикъ ожидалъ и желалъ, чтобы гость убирался, но Ченцовъ и не думалъ этого дѣлать: напротивъ, оставивъ хозяина въ кабинетѣ, онъ перешелъ въ маленькую гостиную къ Катринъ и сѣлъ съ нею рядомъ на диванѣ. Крапчику это очень не понравилось. Какъ бы не зная, что ему предпринять, онъ тоже вышелъ въ маленькую гостиную и отнесся къ дочери:

— Ты развѣ еще не хочешь спать?

— Нѣтъ,—произнесла та грубо и отрывисто.

— Мы еще будемъ ужинать съ m-lle Катринъ! — поддержалъ ее Ченцовъ. — Vous voulez, que je soupe avec vous?— обратился онъ къ ней.

— Хочу! — отвѣтила и ему лаконически Катринъ.

Крапчикъ, понуривъ, какъ быкъ, голову, ушелъ къ себѣ въ спальню.

Катринъ распорядилась, чтобы дали имъ тутъ же на маленькій столъ ужинъ, и когда принесшій вино и кушанье лакей хотѣлъ-было, по обыкновенію, остаться служить у стола и стать за стуломъ съ тарелкой въ рукѣ и салфеткой, завязанной однимъ кончикомъ за петлю фрака, такъ она ему сказала:

— Можешь уйти!.. Я позову, когда нужно будетъ.

Лакей исполнилъ это приказаніе. Ченцовъ слушалъ съ какой-то полуулыбкой всѣ эти распоряженія Катринъ.

— Вы проигрались? — заговорила она.

— И очень даже сильно!—не потаилъ Ченцовъ.

— Но зачѣмъ же вы играли съ отцомъ? Вы знаете, какой онъ опытный и спокойный игрокъ, а вы ребенокъ какой-то сравнительно съ нимъ.

— О, чортъ бы его дралъ!—отозвался безъ церемоніи Ченцовъ:—я игрывалъ и не съ такими еще господами... почище его будутъ!.. Стоитъ ли объ этомъ говорить! Чокнемтесь лучше, по крайней мѣрѣ, хоть теперь!..—присовокупилъ онъ, наливая по стакану шампанскаго себѣ и Катринъ.

Она покорно чокнулась съ нимъ, выпила вино и проговорила, беря себя за голову:

— Ахъ, я не знаю, что вы способны со мною сдѣлать!..

— Я съ женщинами обыкновенно дѣлаю то, что онѣ сами желаютъ!—возразилъ Ченцовъ.

— Да, но вы ихъ завлекаете, а это еще хуже! — замѣтила Катринъ.

— Вы полагаете?—спросилъ не безъ самодовольства Ченцовъ.

— Полагаю!—произнесла съ удареніемъ Катринъ.

Ченцовъ очень хорошо видѣлъ, что въ настоящія минуты она была воскъ мягкій, изъ котораго онъ могъ вылѣпить все, что ему хотѣлось, и у него на мгновеніе промелькнула-было въ головѣ блажная мысль отплатить этому подлецу Крапчику за его обыгрыванье кое-чѣмъ почувствительнѣе денегъ; но, взглянувъ на Катринъ, онъ сейчасъ же отказался отъ того, смутно предчувствуя, что смиреніе ея передъ нимъ было не совсѣмъ искреннее и только на время надѣтая маска.

— А вы знаете, я васъ боюсь! — высказалъ онъ ей тутъ же прямо.

— Отчего?—полувоскликнула Катринъ.

— Оттого, что вы похожи на меня!..

— Я знаю, что похожа, но не боюсь васъ!..

— А я, видитъ Аллахъ, боюсь точно такъ же, какъ боюсь и вашего отца въ картахъ.

— Нѣтъ, вы меня не бойтесь!.. Отца, пожалуй, вы должны опасаться, потому что онъ не любитъ васъ, а я нѣтъ.

— И вы что же въ отношеніи меня?—допытывался Ченцовъ.

— Угадайте!—сказала Катринъ, взмахнувъ на него своими черными глазами.

Ченцовъ пожалъ плечами.

— Угадывать я не мастеръ!—отвѣчалъ онъ.

Ему, кажется, хотѣлось, чтобы Катринъ сама ему призналась въ любви, но она удержалась.

— А вотъ это мнѣ иногда представляется, — продолжалъ Ченцовъ, уже вставая и отыскивая свою шляпу: — что со временемъ мы съ вами будемъ злѣйшіе враги на смерть... на ножи...

Такое предположеніе удивило и оскорбило Катринъ.

— Можетъ-быть, вы мнѣ будете врагъ, а я вамъ никогда!— произнесла она съ увѣренностью.

— Будете!—повторилъ Ченцовъ: —и еще болѣе горшій врагъ, чѣмъ я: а затѣмъ вашу ручку!

Катринъ съ удовольствіемъ подала ему руку, которую онъ поцѣловалъ какъ бы съ чувствомъ и пошелъ нетвердой походкой.

Катринъ проводила его до дверей передней, гдѣ справилась, есть ли у него лошадь, и когда узнала, что есть, то прошла въ свою свѣтлицу наверхъ, но заснуть долго не могла: очень ужъ ее сначала разсердилъ и огорчилъ Ченцовъ, а потомъ какъ будто бы и порадовалъ!..

VII.

Въ свою гостиницу Ченцовъ пріѣхалъ очень пьяный и, проходя по коридору, опять-таки совершенно случайно взглянулъ въ окно и увидалъ комету съ ея хвостомъ. При этомъ онъ уже не страхъ почувствовалъ, а какую-то злую радость, похожую на ту, которую онъ испытывалъ на дуэли, глядя въ дуло направленнаго на него пистолета. Ченцовъ и на комету постарался такъ же смотрѣть, но вдругъ послышались чьи-то шаги. Онъ обернулся и увидалъ Антипа Ильича.

— Отче Антипій!—крикнулъ онъ ему:—ты видишь ли эту комету?

— Вижу!—отвѣчалъ старикъ.

— Что она такъ глазѣетъ, и отчего у нея такой красный хвостъ?

Антипъ Ильичъ посмотрѣлъ своими кроткими глазами на свѣтило небесное и проговорилъ медленно:

— Видно, погибла чья-то душа неповинная.

— Чортъ знаетъ что такое—душа неповинная!..—воскликнулъ Ченцовъ: — а у меня такъ вотъ душа не невинная, а *винная!*

— Ваше дѣло!—отвѣтилъ старикъ и пошелъ-было.

— Но куда же ты бѣжишь?—остановилъ его Ченцовъ.

— Егоръ Егорычъ нездоровы,—бѣгу въ аптеку!—доложилъ Антипъ Ильичъ и проворно ушелъ.

Что-то въ родѣ угрызенія совѣсти отозвалось въ душѣ Ченцова: онъ, почти угадывая причину болѣзни дяди, въ которой и себя отчасти считалъ виноватымъ, подумалъ-было зайти къ Егору Егорычу, но не сдѣлалъ этого, — ему стыдно показалось явиться къ тому въ пьяномъ видѣ!

Предчувствіе Антипа Ильича, какъ оказалось это спустя уже десятки лѣтъ, почти что было вѣрно. Въ то самое Крещеніе, съ котораго я началъ мой разсказъ, далеко-далеко, болѣе чѣмъ на тысячеверстномъ разстояніи отъ описываемой мною мѣстности, въ маленькомъ уѣздномъ городишкѣ случилось такого рода происшествіе: поутру передъ водоковымъ окномъ мѣщанскаго домика стояло двое нищихъ: одинъ старикъ и, повидимому, слѣпой, а другой—его вожакъ—молодой, съ лицомъ, залѣпленнымъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ пластырями. Оба нищіе въ одинъ голосъ вопили: «Подайте, Христа ради, слѣпому, убогому!» Въ это время на крыльцѣ присутственныхъ мѣстъ, бывшихъ какъ разъ противъ мѣщанскаго домика, появился чей-то молодой, должно-быть, приказчикъ въ мерлушечьемъ тулупчикѣ и валеныхъ сапогахъ. Другой молодецъ и тоже, должно-быть, приказчикъ, проходившій по тротуару, окликнулъ его:

— Зачѣмъ ты это, Вася, тамъ былъ?

— Плакатный выправлялъ!.. вечеромъ въ Нижній ѣду... расчетъ дѣлать хозяинъ посылаетъ — сказалъ Вася, сходя съ лѣстницы и пойдя съ товарищемъ вмѣстѣ по улицѣ.

— И много, Вася, денегъ везешь? — разспрашивалъ тотъ.

— Уйму, братецъ!.. уйму!.. ажно страшно!..—отвѣчалъ Вася.

— Ничего!.. важивалъ вѣдь прежде!—успокаивалъ его товарищъ.

Нищіе, и особенно молодой изъ нихъ, замѣтно прислушивались къ этому разговору. Изъ волокового окна между тѣмъ выглянуло заплывшее жиромъ, сизо-багровое лицо какой-то женщины, которая толстой и до плеча голой рукой подала имъ огромный кусище пирога и проговорила при этомъ:

— Не посѣтуйте, родимые!.. чѣмъ богаты...

Пробурчавъ что-то такое на это, молитву или благодарность, старикъ засунулъ пирогъ въ свою и безъ того ужъ биткомъ-набитую суму и вмѣстѣ съ вожакомъ пошелъ далѣе христарадничать по улицѣ, а затѣмъ они совсѣмъ вышли изъ города и скрылись за ближайшимъ лѣскомъ.

На другой день Крещенія, поздно вечеромъ и именно въ тотъ самый часъ, когда Ченцовъ разговаривалъ съ Антипомъ Ильичомъ о кометѣ, въ крошечную спальню доктора Сверстова, служившаго въ сказанномъ городишкѣ уѣзднымъ врачомъ, вошла его пожилая, сухопарая супруга съ сѣрыми, но не лишенными блеска глазами и съ совершенно плоскою грудью.

— Сергѣй Николаичъ, Сергѣй Николаичъ! — проговорила она, осторожно будя мужа: — отъ исправника къ тебѣ разсыльный: тѣло надобно завтра поднимать какого-то убитаго!..

Докторъ сейчасъ же поднялся на своей постели. Всякій живописецъ, всякій скульпторъ пожелалъ бы рисовать или лѣпить его фигуру, какою она явилась въ настоящую минуту: курчавая голова доктора, слегка сѣдоватая, была всклочена до послѣдней степени; рубашка разстегнута; сухія ноги его живописно спускались съ кровати. Всей этой наружностью своей онъ болѣе напоминалъ какого-нибудь художника, чѣмъ врача.

— Тѣло?.. А когда же всѣ выѣзжаютъ?—переспросилъ докторъ жену.

— Завтра утромъ,—отвѣчала она.

— Хорошо, скажи только фельдшеру, чтобы онъ заблаговременно приготовилъ мнѣ инструменты,—проговорилъ докторъ.

— Приготовимъ!—сказала докторша и, нѣсколько величественной походкой выйдя изъ спальни мужа, прошла къ себѣ тоже въ спальню, гдѣ, впрочемъ, она стала еще вязать шерстяные носки. Докторъ же улегся снова въ постель, но, тревожимый разными соображеніями по предстоящему для него дѣлу, не заснулъ и проворочался до раннихъ обѣденъ, пока за нимъ не заѣхалъ исправникъ, съ которымъ онъ и отправился на мѣсто происшествія.

Госпожа Сверстова, или, какъ издавна и странно называлъ ее мужъ, *gnädige Frau*, желая тѣмъ выразить глубокое уваженіе къ ней, оставшись дома одна, забыла даже пообѣдать

и напилась только ячменнаго кофею. Она, какъ нѣмка по рожденію и воспитанію, конечно, съ гораздо бо́льшимъ бы удовольствіемъ вкушала мокко, но тотъ былъ слишкомъ дорогъ, а потому она пріучила себя къ нашему русскому хлѣбному кофею, который, кромѣ своей дешевизны, былъ, какъ она полагала, полезенъ для ея слабой груди. Почтенную даму сію, какъ и самого доктора, безпокоила мысль, чтобы не произошло пререканій между супругомъ ея и членами полиціи, что̀ случалось почти при поднятіи каждаго трупа скоропостижно-умершаго или убитаго. Члены полиціи имѣли постояннымъ правиломъ своимъ по дѣламъ этого рода дѣлать срывы съ кого только возможно; но Сверстовъ, никогда ни по какому дѣлу не бравшій ни копейки, страшно возставалъ противъ такихъ поборовъ и не доносилъ о томъ по начальству единственно изъ чувства товарищества, такъ какъ и самъ былъ все-таки чиновникъ. Домой онъ въ этотъ разъ не возвращался до поздней ночи. Gnädige Frau начала все болѣе и болѣе волноваться: наконецъ раздавшіеся исправническіе колокольцы возвѣстили о прибытіи Сверстова. Онъ прямо прошелъ въ свою спаленку и сѣлъ тамъ за ужинъ, еще заранѣе накрытый ему предупредительною супругою и который обыкновенно у него состоялъ изъ щей съ бараниной, гречневой каши съ свинымъ саломъ и графинчика водки. Все это gnädige Frau подала мужу собственноручно, и изъ того, что онъ прежде всего выпилъ сряду три рюмки водки, она заключила, что Сверстовъ былъ сильно не въ духѣ.

— Кого это убили? — спросила она, садясь сбоку стола.

— Ивана Селиверстова сына,—милѣйшій, прелестный мальчикъ! — воскликнулъ докторъ и принялся жадно хлѣбать щи: бывая на слѣдствіяхъ, онъ никогда почти тамъ ничего не ѣлъ, чтобы избѣжать поклёповъ въ опиваніи и объѣданіи обывателей.

— За что же и кто его убилъ? — продолжала разспрашивать gnädige Frau.

— Вѣроятно, изъ-за денегъ! Говорятъ, онъ ѣхалъ съ уплатой отъ хозяина, — этого сквалыги Турбина... тысячъ пятьдесятъ везъ!

— Ахъ, эти купцы русскіе, mein Gott, mein Gott... — перебила мужа gnädige Frau:—и отчего они посылаютъ деньги не по почтѣ, а съ приказчиками — понять этого я не могу.

— Думаютъ, что на почтѣ пропадутъ ихъ деньги,—дичь!— подхватилъ Сверстовъ и выпилъ еще рюмку водки.

Въ глазахъ gnädige Frau промелькнуло неудовольствіе. Для нея было большимъ горемъ, что докторъ такъ любилъ

эту гадкую русскую водку. Дѣло въ томъ, что она вступила въ бракъ со Сверстовымъ уже вдовою; въ первомъ же замужествѣ была за лютеранскимъ пасторомъ въ Ревелѣ, который тоже пилъ и довольно много, но только благородное баварское пиво, выписываемое имъ бочками изъ-за границы. Тщетно gnädige Frau убѣждала своего второго супруга пить тоже пиво, но онъ въ одномъ только этомъ случаѣ не слушался ея и предпочиталъ наше простое пѣнное всѣмъ другимъ напиткамъ

— Но гдѣ же найденъ убитый? — снова принялась она разспрашивать.

— Верстахъ въ пятнадцати отсюда, и, знаешь, какъ спуститься съ горы отъ Аѳанасьева къ рѣчкѣ, на мосту онъ и лежитъ съ необыкновенно кроткимъ и добрымъ выраженіемъ въ лицѣ, — эхъ!..

И при этомъ восклицаніи Сверстовъ закинулъ свою курчавую голову назадъ и потрясъ ею.

— Его непремѣнно зарѣзали бритвой, — разсказывалъ онъ далѣе: — вообрази, артерія carotis на шеѣ перехвачена пополамъ, хоть бы мнѣ такъ отпрепарировать моимъ анатомическимъ ножомъ... Говорю это моимъ сотоварищамъ по дѣлу... говорю: если бритвой, такъ его непремѣнно убилъ человѣкъ, который бреется и который еще будетъ бриться, потому что онъ бритвы не бросилъ, а унесъ съ собой!.. Въ толкъ ничего взять не могутъ; по ихъ, это начудили мужики изъ села Волжина, и, понимаешь, какая тутъ подлая подкладка? Въ Волжинѣ мужики все богатые, и нельзя ли кого-нибудь изъ нихъ притянуть къ дѣлу! Они хуже этихъ подорожныхъ разбойниковъ... хуже!.. Тѣхъ, хоть недалеко вотъ тутъ, по сосѣдству, на каторгу ссылаютъ, а этимъ что?.. живутъ себѣ и благоденствуютъ!

— Но кто везъ этого молодого приказчика?—любопытствовала gnädige Frau.

— Одинъ онъ ѣхалъ, на хозяйской лошади, чтобы оставить ее въ селѣ Волжинѣ и взять оттуда сдаточныхъ...

— А лошадь гдѣ же?.. съ нимъ на мосту?

— Никакой нѣтъ лошади!.. Убійцы, вѣроятно, на ней и ускакали!..

— Но за ними слѣдовало бы сейчасъ же погнаться.

— Погнались теперь становой и самъ Турбинъ!..

— Не теперь бы, а еще вчера это слѣдовало! — говорила все съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ одушевленіемъ gnädige Frau: о, она была дама энергическая и прозорливая, сумѣла бы найтись во всякихъ обстоятельствахъ жизни!

— Слѣдовало бы, — согласился съ ней и мужъ:—но поди

ты,—развѣ имъ до того? Полиція наша только и ладитъ, какъ бы взятку сорвать, а Турбинъ этотъ съ ума совсѣмъ спятилъ: вретъ что-то и болтаетъ о своихъ деньгахъ, а что человѣка изъ-за него убили,—это ему ничего!

— Купецъ русскій, — замѣтила съ презрѣніемъ gnädige Frau: она давно и очень сильно не любила торговыхъ русскихъ людей за то, что они дѣйствительно многократно обманывали ее и особенно при продажѣ дамскихъ матерій, которыя чрезъ недѣлю же у ней, при всей бережливости въ нѳскѣ, дѣлались тряпки-тряпками; тогда какъ,—gnädige Frau безъ чувства не могла говорить объ этомъ, — тогда какъ платье, которое она сшила себѣ въ Ревелѣ изъ голубого камлота еще передъ свадьбой, было до сихъ поръ новешенько.

— У меня одно екнуло въ сердцѣ, — воскликнулъ вдругъ Сверстовъ:— что я, и не кто другой, какъ я, рано ли, поздно ли, но отыщу убійцу этого мальчика!

— Помоги тебѣ Богъ!—сказала gnädige Frau и, взявъ со стола прежде всего водку, а потомъ и тарелки, унесла всю эту утварь въ кухню.

— Ты ляжешь спать?—сказала она, возвратясь къ мужу и видя, что онъ сидитъ, облокотившись на столъ, мрачный и вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то восторженный.

— Нѣтъ, я писать еще буду!—проговорилъ онъ.

— Что?..—спросила gnädige Frau, имѣвшая привычку знать все, что̀ предпринималъ мужъ.

— Письмо!..

— Къ кому?

— Послѣ скажу!.. Завтра потолкуемъ объ этомъ; а то я растеряю нить моихъ мыслей.

Gnädige Frau поняла справедливость словъ мужа и окончательно ушла въ свою комнату, а Сверстовъ тотчасъ принялся писать предполагаемое имъ письмо, окончивъ которое, онъ немедля же загасилъ свѣчку, хлобыснулся на свою постель и заснулъ крѣпчайшимъ сномъ.

Утромъ же слѣдующаго дня, когда gnädige Frau, успѣвшая еще въ Ревелѣ отучить мужа отъ чаю и пріучить пить кофе, принесла къ нему въ спальню кофейникъ, чашку и баранки, онъ пригласилъ ее сѣсть на обычное мѣсто около стола и съ нѣкоторою торжественностью объявилъ:

— Я написалъ нашему высокопочтенному Егору Егорычу Марѳину письмецо!

— О чемъ? — спросила gnädige Frau кратко, но довольно благосклонно.

— Слушай! — отвѣтилъ ей докторъ и началъ читать самое письмо:

«Солнце мое, свѣтъ очей моихъ, Егоръ Егорычъ! Вы первый и больше всѣхъ учили меня покорности Провидѣнію, и я тщился быть такимъ; но призываю Бога во свидѣтели: чаша терпѣнія моего переполнилась. Что я нагъ и босъ—я никогда не роптalъ на то, какъ не роптала и моя gnädige Frau: людямъ, которымъ лишь нужно пропитать себя и прикрыть свое тѣло, немного надо. Но есть, великій учитель мой, вещи не по силамъ нашей душѣ и нашему самоуваженію. Помня, что мы образъ Бога на землѣ,—жить посреди повальнаго взяточничества, которое совершается непотаенно и передъ трупомъ убитаго, и передъ одромъ умирающаго и голодающаго въ больницѣ, и передъ живымъ тѣломъ бѣднаго рекрута—непереносимо. Предчувствую, что вы, по вашей высокой мудрости, подумаете, что съ грѣхопаденіемъ человѣка вездѣ тако; и гдѣ же ты, куда спасешься?.. Знаю, великій учитель, что вездѣ; но только не близъ васъ, не въ вашемъ Виѳлеемѣ, не въ вашей больницѣ, въ которую я проситъ бы васъ взять меня въ качествѣ доктора. Насколько я врачъ искусный, не мое дѣло судить; но скажу, не смиренствуя лукаво, что я врачъ милосердый и болѣющій о своихъ больныхъ; а любовь и болѣнье о ближнемъ, вы сами неоднократно преподавали, подсказываютъ многое человѣку. Не дальше какъ сегодня я былъ свидѣтель... Но нѣтъ, языкъ мой нѣмѣетъ передавать вамъ и возмущать вашу чистую душу разсказами о непотребствахъ людей. Вы мнѣ и безъ этого повѣрите и, какъ милостивый самарянинъ, поспѣшите перевязать мои служебныя раны и доставите мнѣ блаженство лично узрѣть васъ и жить около васъ.

«Глубоко преданный вамъ Lupus».

Gnädige Frau выслушала все письмо съ полнѣйшимъ вниманіемъ, и ясно было, что ее въ немъ нѣчто смущало.

— По-моему,—начала она своимъ суховатымъ голосомъ:—твоя просьба можетъ стѣснить Егора Егорыча.

— Какимъ образомъ?—произнесъ съ удивленіемъ Сверстовъ, которому и въ голову не приходила подобная мысль.

— Такимъ образомъ, что Егоръ Егорычъ долженъ будетъ назначить тебѣ жалованье, а это увеличитъ расходы его на больницу, которая и безъ того ему дорого стоитъ!

Замѣчаніе жены на мгновеніе смутило доктора, но потомъ лицо его снова просіяло.

— А зачѣмъ мнѣ жалованье?—возразилъ онъ:—пусть Егоръ Егорычъ дастъ намъ только комнатку,—а у него ихъ сорокъ

въ деревенскомъ домѣ,—и тотъ обѣдецъ, которымъ онъ дворню свою кормитъ, и кормить, я знаю, отлично.

— Но какъ же намъ быть совсѣмъ безъ копейки денегъ своихъ? Что ты за глупости говоришь? — произнесла ужъ съ неудовольствіемъ gnädige Frau.

— Деньги я заработаю на практикѣ, которая, вѣроятно, будетъ у меня тамъ!—фантазировалъ докторъ.

Gnädige Frau сомнительно покачала головой: она очень хорошо знала, что если бы Сверстовъ и нашелъ тамъ практику, такъ и то, любя больше лѣчить или бѣдныхъ, или въ дружественныхъ ему домахъ, немного бы пріобрѣлъ; но, съ другой стороны, для нея было несомнѣнно, что Егоръ Егорычъ согласится взять въ больничные врачи ея мужа не иначе, какъ съ жалованьемъ, а потому gnädige Frau, деликатная и честная до щепетильности, сочла для себя нравственнымъ долгомъ посовѣтовать Сверстову прибавить въ письмѣ своемъ, что буде Егоръ Егорычъ хоть сколько-нибудь найдетъ неудобнымъ учреждать должность врача при своей больницѣ, то Бога ради и не дѣлалъ бы того.

— Это вотъ хорошо, отлично!.. Умница ты у меня!..—воскликнулъ Сверстовъ и, въ постскриптумѣ написавъ слово въ слово, что ему приказывала жена, спросилъ ее:

— Въ такомъ видѣ, значитъ, отправлять письмо можно?

— Можно,—разрѣшила ему gnädige Frau.

Въ благодарность за такое позволеніе Сверстовъ поцѣловалъ жену. Она, въ свою очередь, тоже довольно нѣжно чмокнула его.

Изъ всей этой сцены читатель, конечно, убѣдился, что между обоими супругами существовали полное согласіе и любовь, но я долженъ сказать еще нѣсколько словъ и объ ихъ прошедшемъ, которое было не безъ поэзіи. Сверстовъ, начиная съ самой первой школьной скамьи,—бѣдный бурсакъ, по натурѣ своей совершенно непрактическій, но бойкій на слова, очень способный къ ученью,—по выходѣ изъ медицинской академіи, какъ одинъ изъ лучшихъ казеннокоштныхъ студентовъ, былъ назначенъ флотскимъ врачомъ въ Ревель, куда пріѣхавъ, нанялъ себѣ маленькую комнату со столомъ у моложавой вдовы-пасторши Эмиліи Клейнбергъ и предпочелъ эту квартиру другимъ съ лукавою цѣлью усовершенствоваться при разговорахъ съ хозяйкою въ нѣмецкомъ языкѣ, въ которомъ онъ былъ отчасти слабъ. Объ этомъ намѣреніи онъ сказалъ съ первыхъ же словъ молодой хозяйкѣ, которая ничего не возразила на его желанія, а, напротивъ, изъявила полную готовность. Ученье началось быстро и успѣшно; сначала на-

ставница и ученикъ говорили по-нѣмецки, разумѣется, объ обыденныхъ предметахъ, а потомъ разговоръ ихъ сталъ переходить и на нравственные, сердечные вопросы. Все это разрѣшилось тѣмъ, что Сверстовъ и пасторша воспылали другъ къ другу пламенною страстью, которую они не замедлили скрѣпить брачными узами. Тутъ молодой врачъ съ искреннимъ удовольствіемъ увидалъ, что его жена не только gnädige Frau, но и многосвѣдущая масонка, благодаря покойному пастору, бывшему сильнымъ дѣятелемъ ложи *строгаго наблюденія*, который старался передать молодой женѣ главныя догмы масонства и вмѣстѣ съ тѣмъ познакомилъ ее съ разными нѣмецкими и русскими масонами. Достаточно было двухъ-трехъ задушевныхъ бесѣдъ между супругами, чтобы Сверстовъ, слышавшій еще прежде таинственные разсказы о масонствѣ и всегда его представлявшій себѣ чѣмъ-то высоко-нравственнымъ, потребовалъ отъ жены сдѣлать его масономъ. Gnädige Frau было отрадно и очень легко, по ея связямъ, исполнить это. Сверстовъ оказался рьянымъ *ищущимъ*, такъ что весьма скоро его приняли *ученикомъ* въ одну изъ московскихъ масонскихъ ложъ, гдѣ потомъ возвели въ степень *товарища*, а наконецъ и *мастера*. За это же время, пріѣзжая раза два въ годъ въ нѣжно-любимую имъ Москву для присутствованія въ собраніяхъ своей ложи, онъ познакомился съ Егоромъ Егорычемъ Марѳинымъ, который сразу сталъ ему близкимъ другомъ и наставникомъ. Между тѣмъ для масонства наступала крутая пора, и Сверстовъ вдругъ, по распоряженію высшаго начальства, переведенъ былъ на службу изъ многолюднаго и цивилизованнаго Ревеля совсѣмъ на востокъ Россіи, въ маленькій, полудикій уѣздный городишко, въ видахъ какъ бы наказанія за строптивый и непокорный характеръ передъ старшими. Gnädige Frau, не желая еще болѣе разстраивать мужа, и безъ того рвавшаго на себѣ волосы отъ учиненной съ нимъ несправедливости, дѣлала видъ, что такая перемѣна для нея ничего не значитъ, хотя въ душѣ она глубоко страдала. Какъ бы то ни было, оба супруга покорились своей участи и переѣхали въ свою ссылку, въ которой прожили теперь около десяти лѣтъ, находя себѣ единственное развлеченіе въ чтеніи и толкованіи библіи, а также и внимательномъ изученіи французской книги Сенъ-Мартена: «Des erreurs et de la vérité». Но всему же наконецъ бываетъ предѣлъ на свѣтѣ: Сверстову, болѣе чѣмъ когда-либо разссорившемуся на послѣднемъ слѣдствіи съ исправникомъ и становымъ, точно свыше ниспосланная, пришла въ голову мысль написать своему другу Марѳину письмо съ просьбою спасти его отъ казенной службы, что онъ,

какъ мы видѣли, и исполнилъ, и пока его посланіе довольно медленно проходило тысячеверстное пространство, Егоръ Егорычъ, пожалуй, еще болѣе страдалъ, чѣмъ ученикъ его. Главною причиною его мученій, конечно, было то, что онъ на свой запросъ Людмилѣ получилъ отъ адмиральши отвѣтъ почти черезъ недѣлю. Старуха нетвердымъ и неразборчивымъ почеркомъ писала ему:

«Cher ami!

«Je vous prie de venir chez moi à sept heures; je me sens si malheureuse, que je ne puis rien vous dire de plus. Je vous attends donc.

«Votre devouée».

Марѳинъ понялъ, въ чемъ состояло несчастье адмиральши, будучи убѣжденъ, что она собственно желала выдать Людмилу за него, но та, вѣроятно, не согласилась на этотъ бракъ. Какъ ни тяжело было для Егора Егорыча такое предположеніе, но, помня слова свои изъ письма къ Людмилѣ, что отказъ ея онъ приметъ какъ спасительный для него урокъ, онъ не позволилъ себѣ волноваться и кипятиться, а, тихо и молча дождавшись назначеннаго ему часа, поѣхалъ къ Рыжовымъ. Въ хаотическомъ домѣ Егоръ Егорычъ засталъ полнѣйшую тишину и, встрѣченный оборваннымъ лакеемъ, онъ, по указанію того, прошелъ къ Юліи Матвѣевнѣ въ холодную и слабо освѣщенную двумя сальными свѣчами гостиную. Постукивая своими небольшими каблучками и стараясь попрежнему сохранить присутствіе духа, Егоръ Егорычъ раскланялся съ адмиральшей, которая сидѣла на среднемъ диванѣ и, при появленіи гостя, поспѣшила понюхать изъ держимой ею въ рукахъ склянки съ одеколономъ.

Разговоръ начался между ними не скоро. Марѳинъ, помѣстившійся невдалекѣ отъ хозяйки, держалъ голову потупленною внизъ, а адмиральша робко взглядывала на него, какъ будто бы она что-то такое очень дурное совершила и намѣрена еще совершить противъ Егора Егорыча. Пересиливъ себя, впрочемъ, адмиральша заговорила первая, запинаясь нѣсколько на словахъ:

— Я вамъ не писала долго... потому что... что ничего и не знала... Людмила такая... сдѣлалась послѣднее время... нелюдимка и странная!

И при этомъ она, по своему обыкновенію, развела съ удивленіемъ руками.

Марѳинъ молчалъ и не поднималъ головы.

— Но сегодня, — продолжала адмиральша: — Людмила мнѣ

сказала, что получила отъ васъ... въ письмѣ... предложеніе на бракъ, но что пока... она... не можетъ принять его.

Адмиральша тутъ солгала: Людмила прямо ей сказала, что она никогда не согласится на бракъ съ Марѳинымъ, точно такъ же, какъ и ни съ кѣмъ другимъ.

Марѳинъ продолжалъ упорно молчать.

— Но вы поймите, какой это ударъ для меня!.. Я только объ этомъ и мечтала!—объяснила далѣе адмиральша, и слезы текли уже по ея щекамъ.

— Успокойтесь, успокойтесь!—забормоталъ наконецъ Марѳинъ, хоть и самъ тоже замѣтно неспокойный:—мы съ вами, можетъ-быть, виноватѣе другихъ!.. Старость неспособна понимать молодость.

— Ахъ, конечно, конечно!.. — воскликнула обрадованнымъ голосомъ адмиральша, видѣвшая, что ея дорогой другъ не очень на нее разсердился.

— Мы съ вами виноваты, а не Людмила, — повторилъ Марѳинъ и, вставъ, мотнулъ въ знакъ прощанія головой адмиральшѣ.

Она была до крайности поражена такой поспѣшностью ея друга, но останавливать его не посмѣла, и Егоръ Егорычъ, проворно уйдя отъ нея и порывисто накинувъ себѣ на плечи свою медвѣжью шубу, уѣхалъ прямо домой и снова заперся почти на замокъ отъ всѣхъ. Напрасно къ нему пріѣзжали сенаторъ, губернаторъ, губернскій предводитель, написавшій сверхъ того Егору Егорычу письмо, спрашивая, что такое съ нимъ, — на все это Антипъ Ильичъ, по приказанію барина, кротко отвѣчалъ, что господинъ его боленъ, не можетъ никого принимать и ни съ кѣмъ письменно сноситься; но когда пришло къ Егору Егорычу письмо отъ Сверстова, онъ какъ бы ожилъ и велѣлъ себѣ подать обѣдъ, питаясь до этого однимъ только чаемъ съ просфорой, которую ему, съ вынутіемъ за здравіе, каждое утро Антипъ Ильичъ приносилъ отъ обѣдни.

Отвѣтъ своему другу Егоръ Егорычъ написалъ въ тотъ же день, и онъ былъ слѣдующаго содержанія:

«Сердечно-любимый братъ!

«Вы не ошиблись, что я поспѣшу къ вамъ на помощь и приму васъ къ себѣ съ распростертыми объятіями, о чемъ мнѣ, сознаюсь теперь съ великимъ стыдомъ, приходило неоднократно на мысль; но недостаточно еще, видно, воспитанное во мнѣ соболѣзнованіе о ближнемъ, тѣмъ паче о такомъ ближнемъ, какъ вы, разсѣевало мое духовное представленіе о вашемъ житьѣ-бытьѣ и не дѣлало удара на мою волю вашимъ братскимъ молоткомъ. Дивлюсь тому

и укоряю себя еще болѣе, что я самолично, хотя и не служу, но зрю всюду вокругъ себя и вѣдаю ваши служебныя раны. Мой домъ, мѣсто доктора при больницѣ, съ полнымъ содержаніемъ отъ меня вамъ и вашей супругѣ, съ платою вамъ тысячи рублей жалованья въ годъ съ того момента, какъ я сѣлъ за сіе письмо, готовы къ вашимъ услугамъ, и ежели вы называете меня вашимъ солнцемъ, такъ и я васъ именую взаимно тѣмъ же оживляющимъ свѣтиломъ, на подвигѣ котораго будетъ стоять, при личномъ моемъ свиданіи съ вами, освѣтить и умиротворить мою бѣдствующую и грѣшную душу. Я завтра же уѣзжаю въ Кузьмищево.

«Firma rupes».

Какъ сказалъ Егоръ Егорычъ въ своемъ письмѣ, такъ и едѣлалъ, и на другой день дѣйствительно ускакалъ въ свое Кузьмищево.

VIII.

На масленицѣ губернское общество было взволновано извѣстіемъ о новомъ офиціальномъ балѣ, который намѣренъ былъ дать сенаторъ обществу за оказанное ему гостепріимство. Дамы, разумѣется, прежде всего обезпокоились о нарядахъ своихъ, ради которыхъ, не безъ мелодраматическихъ сценъ, конечно, принялись опустошать карманы своихъ супруговъ или родителей, а мужчины больше толковали о томъ, кто былъ именно приглашенъ сенаторомъ и кто нѣтъ, и по точному счету оказалось, что приглашенные были по преимуществу лица, не враждовавшія противъ губернатора, а враги его, напротивъ, почти всѣ были не позваны. Губернскій предводитель, впрочемъ, былъ однимъ изъ первыхъ, получившихъ приглашеніе. Съѣздъ назначенъ былъ къ девяти часамъ. Раньше другихъ на балъ пріѣхалъ губернаторъ и не съ семействомъ своимъ, а съ племянницей — m-me Клавской, разодѣтой, по тогдашнему времени, шикознѣйшимъ образомъ. Сенаторъ встрѣчалъ гостей своихъ у входныхъ дверей въ танцовальную залу, привѣтствуя съ большимъ тактомъ и тонкимъ отличіемъ каждаго. Губернатору, напримѣръ, онъ изъявилъ сожалѣніе, что супруга того не пріѣхала, вѣроятно, по нездоровью. Въ отвѣтъ на это губернаторъ что-то такое промычалъ. Передъ Клавской графъ склонилъ голову и проговорилъ:

— Вы сегодня прелестнѣе, чѣмъ когда-либо!

М-me Клавская отвѣтила ему нѣжной улыбкой и величественно пошла по залѣ, помахивая опахаломъ на свою немножко черезчуръ раскрытую грудь, и для чего она это дѣ-

лала—неизвѣстно, потому что въ залѣ даже было холодновато. Ченцовъ появился на балѣ одновременно съ молодыми сенаторскими чиновниками, разодѣтыми какъ лондонскіе дэнди. Онъ самъ, не менѣе франтовато одѣтый и болѣе всѣхъ молодцоватый и видный, былъ съ ними со всѣми на «ты», называя ихъ нѣсколько покровительственнымъ тономъ «архивными юношами», при чемъ тѣ, будучи чистокровными петербуржцами, спрашивали его:

— А что это за чучелы такія, эти архивные юноши?

— А такіе же, какъ и вы, ухаживатели за разными скучающими Татьянами!.. — не полѣзъ въ карманъ за словомъ Ченцовъ.

— Здравствуйте, левъ нашъ! — вздумалъ-было слегка подтрунить надъ нимъ сенаторъ, до котораго ужъ доходили слухи, что Ченцовъ чортъ знаетъ что такое разсказываетъ про него и про m-me Клавскую.

— У васъ дамой-хозяйкой будетъ Лукерья Семеновна (имя Клавской)?—спросилъ ему въ отвѣтъ Ченцовъ, будто бы бывшій ужасно этимъ безпокоимъ.

— Она,—отвѣтилъ сенаторъ и, обративъ все свое вниманіе на вошедшаго съ дочерью губернскаго предводителя, разсыпался передъ нимъ въ любезностяхъ, на которыя Крапчикъ отвѣчалъ довольно сухо; мало того: онъ, взявъ съ нѣсколько армейскою грубостью графа подъ руку, отвелъ его въ сторону и проговорилъ:

— Я, ваше сіятельство, получилъ сегодня поутру отъ васъ бумагу съ жалобой на меня раскольника Ермолаева.

— Да, да!—подтвердилъ, смѣясь, сенаторъ.

— Что же это, вопросные пункты, что ли, для меня? — продолжалъ явно озлобленнымъ тономъ Крапчикъ.

— О, нѣтъ, mon cher!.. comment vous pouvez croire cela!.. — воскликнулъ сенаторъ, вовсе не подозрѣвая, что Крапчикъ ни одного звука не понималъ по-французски.

Звѣздкинъ, стоявшій невдалекѣ отъ сенатора, поспѣшилъ подойти къ нему и вмѣшался въ разговоръ.

— Графу нужно знать ваше мнѣніе по поводу этого прошенія,—сказалъ онъ.

— Но въ прошеніи упомянуто этимъ—извините вы меня—мерзавцемъ-хлыстомъ и объ архіереѣ здѣшнемъ!.. И у того, можетъ-быть, вы будете спрашивать мнѣнія? — проговорилъ не безъ насмѣшки Крапчикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ кидая сердитые взгляды на правителя дѣлъ.

— И преосвященнаго спросимъ, — отвѣчалъ тотъ совершенно спокойно и съ явнымъ сознаніемъ своего достоинства.

Сенатору наскучило слушать ихъ служебныя препиранія, и онъ съ ласковой улыбкой сталъ оглядывать прочее общество.

Катринъ между тѣмъ, замѣтивъ Ченцова, поспѣшно и съ радостнымъ лицомъ устремилась къ нему.

— Вы, надѣюсь, танцуете со мной?—сказала она.

— Танцую!.. — произнесъ протяжно и какъ бы нехотя Ченцовъ.

Въ числѣ вновь прибывавшихъ гостей пріѣхала наконецъ и адмиральша со своими красоточками. О, сколько безпокойствъ и хлопотъ причинилъ старушкѣ этотъ вывозъ дочерей: свѣжаго, новаго бальнаго туалета у барышень не было, да и денегъ, чтобы сдѣлать его, не обрѣталось; но привезти на такой блестящій балъ, каковой предстоялъ у сенатора, молодыхъ дѣвушекъ въ тѣхъ же платьяхъ, въ которыхъ онѣ являлись на нѣсколькихъ балахъ, было бы рѣшительно невозможно, и бѣдная Юлія Матвѣевна, совсѣмъ почти въ истерикѣ, объѣздила всѣхъ мѣстныхъ модистокъ, умоляя ихъ сшить дочерямъ ея наряды въ долгъ; при этомъ сопровождала ее одна лишь Сусанна, и не ради туалета для себя, а ради того, чтобы Юлія Матвѣевна какъ-нибудь не умерла дорогой.

Первую кадриль сенаторъ лично своей особой танцовалъ съ m-me Клавской. Катринъ, разсчитывавшая на Ченцова, попыталась повторить ему:

— Я съ вами танцую!

— Вторую кадриль,—отвѣтилъ онъ ей небрежно.

Оказалось, что первую кадриль Ченцовъ танцовалъ съ Людмилой, которая была на себя непохожа: она похудѣла, подурнѣла, имѣла какой-то странный цвѣтъ лица.

— Вы больны?—спросилъ ее Ченцовъ съ замѣтнымъ безпокойствомъ.

— Ужасно больна! — сказала Людмила: — я не знаю, что̀ такое со мной: у меня головокруженіе... я ничего ѣсть не могу...

Ченцовъ закусилъ себѣ губы и, отвернувшись отъ Людмилы, началъ смотрѣть на Катринъ, которая, видимо, уничтоженная и опечаленная, танцовала съ однимъ изъ самыхъ щеголеватыхъ сенаторскихъ чиновниковъ, но говорить съ своимъ кавалеромъ не могла и только отчасти вознаграждена была, танцуя вторую кадриль съ Ченцовымъ, съ которымъ она тоже мало говорила, но зато крѣпко пожимала ему руку, чувствуя при этомъ, что онъ хоть продолжалъ кусать себѣ усы, но отвѣчалъ ей тоже пожатіемъ.

Рыжовы, такъ какъ Людмилѣ сдѣлалось очень ужъ нехорошо, оставалась недолго на балу, а вмѣстѣ съ ними исчезъ

и Ченцовъ. Что касается до губернскаго предводителя, то онъ, сохраняя мрачный видъ, пробылъ до конца бала. Катринъ, съ исчезновеніемъ Ченцова, нѣсколько разъ подходила къ отцу и умоляла его уѣхать. Крапчикъ не внималъ ей и все нѣкоторымъ преданнымъ ему лицамъ что-то такое негромко говорилъ или почти даже шепталъ. Преданныя лица, въ свою очередь, выслушивали его: одни съ удивленіемъ, другія съ невеселыми лицами, а третьи даже какъ бы и со страхомъ.

На другой день Крапчикъ, какъ только заблаговѣстили къ вечернѣ, ѣхалъ уже въ каретѣ шестерикомъ съ форейторомъ и съ саженнымъ почти гайдукомъ на запяткахъ въ загородный Крестовоздвиженскій монастырь, гдѣ имѣлъ свое пребываніе мѣстный архіерей Евгеній, аки бы слушать ефимоны; но, увидавъ, что самого архіерея не было въ церкви, онъ, не достоявъ службы, послалъ своего гайдука въ покой къ владыкѣ спросить у того, можетъ ли онъ его принять, и получилъ отвѣтъ, что владыка очень радъ его видѣть. Евгеній былъ архіерей, любимый дворянствомъ и самъ очень любившій дворянъ. Онъ не прямо изъ лавры поступилъ въ монашество, но лѣтъ десять профессорствовалъ и, только ужъ овдовѣвъ, постригся, а потому жизнь свѣтскую вѣдалъ хорошо; кромѣ того, по характеру, былъ человѣкъ общительный, умный, довольно свободомыслящій для монаха и при этомъ еще весьма ученый, особенно по части церковной исторіи. Наружность владыка имѣлъ пріятную: полноватый, не совершенно еще сѣдой, съ расчесанными бородой и волосами, въ шелковой темно-гранатнаго цвѣта рясѣ, съ кокетливо-навитыми на рукѣ янтарными четками, съ однимъ лишь докторскимъ крестомъ на груди, который тогда имѣли не болѣе какъ пять-шесть архіереевъ, онъ вышелъ въ гостиную навстрѣчу къ Крапчику, который былъ во фракѣ и звѣздѣ и, склонивъ нѣсколько голову, подошелъ къ благословенію владыки. Тотъ его правой рукой благословилъ, а лѣвой пожалъ ему руку, проговоривъ съ улыбочкой:

— А ужъ чугуннаго перстенька больше не носите?

— Давно не ношу!—отвѣчалъ Крапчикъ, замѣтно сконфуженный этимъ вопросомъ.

Евгеній движеніемъ руки пригласилъ гостя садиться на кресло, а самъ сѣлъ на диванъ. Убранство гостиной владыки, за исключеніемъ нѣсколькихъ уродливо-нарисованныхъ масляными красками портретовъ бывшихъ архіереевъ въ золотыхъ потемнѣвшихъ рамахъ, все выглядывало весело и чисто. На краснаго дерева передданномъ столѣ горѣли двѣ восковыя

свѣчи въ серебряныхъ подсвѣчникахъ, подъ которыми были подложены съ стеклярусными краями бумажные коврики. На всѣхъ трехъ диванахъ, стоявшихъ въ гостиной, лежали красивыя подушки. Все это, вѣроятно, было вышито чьей-нибудь благочестивой женской рукой.

— Что у васъ въ мірѣ происходитъ?.. трусъ, плачъ и смятяніе?..—началъ владыка не безъ усмѣшки.

— Плачъ и смятеніе!—отвѣчалъ Крапчикъ.

Владыка позвонилъ стоявшимъ на столѣ колокольчикомъ. Вошелъ служка въ длинноломъ сюртукѣ. Владыка ничего ему не проговорилъ, а только указалъ на гостя. Служка понялъ этотъ знакъ и вынесъ губернскому предводителю чай, ароматическій запахъ котораго распространился по всей комнатѣ. Архіерей славился тѣмъ, что у него всегда подавался дорогой и душистый чай, до котораго онъ самъ былъ большой охотникъ. Крапчикъ однако отказался отъ чаю, будучи, видимо, чѣмъ-то озабоченъ.

— Я пріѣхалъ къ вашему преосвященству за совѣтомъ!—сказалъ онъ нѣсколько подобострастнымъ тономъ.

— Радъ служить, насколько имѣю ума на то!..—отвѣчалъ архіерей.

— Вашему преосвященству, конечно, извѣстно,—продолжалъ Крапчикъ:—что послѣднее время въ нашей губерніи возникло нѣсколько дѣлъ о скопцахъ.

— Къ сожалѣнію, да, извѣстно!..—отвѣчалъ Евгеній.

— Причиной тому былъ отчасти и я по тому случаю, что въ этомъ именно уѣздѣ, гдѣ скопцы начали открываться, есть у меня небольшая усадьба, подаренная мнѣ еще покойнымъ благодѣтелемъ, императоромъ Павломъ... Не бывая въ ней долгое время, я рѣшился наконецъ года три тому назадъ вмѣстѣ съ дочерью провести тамъ лѣто; сосѣдніе дворяне, разумѣется, стали посѣщать меня и разсказываютъ мнѣ, что въ околоткѣ — то тутъ, то тамъ — начали появляться скопцы и, между прочимъ, одинъ небогатый помѣщикъ со слезами на глазахъ объявилъ, что у него въ имѣньицѣ найдено десять молодыхъ дѣвушекъ, у которыхъ тутъ не оказалось ничего—гладко!..

При этомъ губернскій предводитель показалъ себѣ на грудь.

Архіерей передвинулъ три-четыре бусинки на чёткахъ и проговорилъ тономъ печали:

— Во второй ужъ, значитъ, чистотѣ онѣ были?

— Такъ, такъ!—подхватилъ Крапчикъ: — такъ онѣ и при слѣдствіи показали, что были въ первой и во второй чистотѣ; но согласитесь, что нельзя же мнѣ было, какъ губерн-

скому предводителю, остаться тутъ бездѣйственнымъ... Думаю, если такъ будетъ продолжаться, то, чего добраго, у насъ заберутъ всѣхъ нашихъ крестьянъ, передерутъ ихъ плетьми и сошлютъ въ Сибирь... Я вызываю исправника къ себѣ и говорю ему, что буду зорко слѣдить по этого рода дѣламъ за дѣйствіями земской полиціи, а потому заранѣе прошу его не ссориться со мной. Припугнулъ, знаете, его немножко, а то корова-то ужъ очень дойная: пожалуй, всѣ бы закуплены были, не выключая даже самого губернатора!..

На это владыка выразилъ наклоненіемъ головы согласіе: по своему направленію онъ тоже принадлежалъ къ партіи недовольныхъ начальникомъ губерніи.

— И того не выключаю! — повторилъ Крапчикъ:—но такъ какъ господинъ губернаторъ тогда былъ еще со мной хорошъ, и ему прямо на моихъ глазахъ совѣстно было обнаружить себя, то онъ и принялъ мою сторону,—розыски дѣйствительно пошли очень сильные; но я этимъ не удовольствовался, и меня больше всего интересовало, кто жъ надъ этими несчастными дураками совершаетъ это?.. Оказывается, что всѣ они говорятъ, что ихъ изуродовалъ какой-то неизвѣстный странникъ, который проходилъ мимо и всѣмъ имъ обѣщалъ царство небесное за то!.. Явно, что это выдумка и ложь; и мнѣ пришло въ голову поѣхать посовѣтоваться съ тамошнимъ почтмейстеромъ, умнѣйшимъ и честнѣйшимъ человѣкомъ, извѣстнымъ самому даже князю Александру Николаичу Голицыну... Онъ обо всѣхъ этихъ ужасныхъ случаяхъ слышалъ и на мой вопросъ отвѣчалъ, что это, вѣроятно, дѣло рукъ одного раскольника-хлыста, Ѳедота Ермолаева, богатаго маляра изъ деревни Свистова, который—какъ извѣстно это было почтмейстеру по службѣ—имѣетъ на крестьянъ сильное вліяніе, потому что, производя въ Петербургѣ по лѣтамъ стотысячные подряды, онъ зимой обыкновенно съѣзжаетъ сюда, въ деревню, и закабаливаетъ здѣсь всякаго рода рабочихъ, выдавая имъ на ихъ нужды задатки, а съ весной уводитъ ихъ съ собой въ Питеръ; сверхъ того, въ продолженіе лѣта, высылаетъ черезъ почту домашнимъ этихъ крестьянъ десятки тысячъ,—воротила и кормилецъ, понимаете, всей округи... Мнѣ это предположеніе почтмейстера показалось правдоподобнымъ... Я передаю о томъ исправнику и совѣтую ему, чтобы онъ къ дѣлу о скопцахъ привлекъ и этого хлыста... Исправникъ сначало-было поершился, но, видя мою настойчивость, вызвалъ Ермолаева, опросилъ его и посадилъ въ острогъ... Тогда является ко мнѣ священникъ изъ того прихода, гдѣ жилъ этотъ хлыстовщикъ, и сталъ мнѣ объяснять, что Ермолаевъ вовсе даже не расколь-

никъ, и что хотя судился по хлыстовщинѣ, но отрекся отъ нея и нынѣ усердный православный, что̀ доказывается тѣмъ, что каждогодно изъ Петербурга онъ привозитъ удостовѣреніе о своемъ бытіи на исповѣди и у святого причастія; мало того-съ: усердствуя къ ихъ приходской церкви, устроилъ въ оной на свой счетъ новый иконостасъ, выкрасилъ, позолотилъ его и украсилъ даже новыми иконами, и что будто бы секта хлыстовъ съ скопческою сектою не имѣетъ никакого сходства, и что даже онѣ враждуютъ между собою.

Евгеній при этомъ усмѣхнулся и самодовольно погладилъ свою бороду: замѣтно было, что онъ давно и хорошо зналъ то, о чемъ предполагалъ говорить.

— Двѣ эти секты и во враждѣ и въ согласіи, — сказалъ онъ: — какъ часто это бываетъ между родителями и дѣтьми; все-таки хлыстовщина—праматерь скопчества.

— Но какимъ же образомъ, ваше преосвященство,—возразилъ Крапчикъ:—мнѣ нашъ общій съ вами знакомый, Егоръ Егорычъ Маронинъ, какъ-то разъ говорилъ, что скопцы у насъ были еще въ древности, а хлысты, разсказываютъ, не очень давно появились?

— Скопцы дѣйствительно у насъ были въ древности, — отвѣчалъ Евгеній:—и въ началѣ нынѣшняго тысячелѣтія занимали даже высшія степени нашей церковной іерархіи: Іоаннъ, митрополитъ кіевскій, родомъ грекъ, и Ефимъ, тоже кіевскій митрополитъ, бывшій до иночества старшимъ боярином при князѣ Изяславѣ; но это были лица единичныя, случайныя!.. Собственно же какъ секта, скопчество явилось изъ христовщины, или изъ хлыстовщины, какъ называютъ эту секту наши православные мужички!..

— Но я, ваше преосвященство, говоря откровенно, даже не знаю хорошенько, въ чемъ и сама-то христовщина состоитъ, а между тѣмъ бы интересно было это для меня, — извините моей глупой любознательности.

Крапчикъ дѣйствительно былъ любознателенъ и любилъ всякое дѣло, какъ ищейка-собака, вынюхать до малѣйшихъ подробностей и все потомъ внѣшнимъ образомъ запомнить.

— Напротивъ,—возразилъ ему владыка:—я очень радъ съ вами бесѣдовать. Хлыстовщина, по моему мнѣнію, есть одна изъ самыхъ невѣжественныхъ сектъ. Въ догматикѣ ея разсказывается, что Богъ Саваооъ, видя, что христіанство пало на землю отъ пришествія нѣкоего антихриста изъ монашескаго чина, разумѣя, безъ сомнѣнія, подъ этимъ антихристомъ патріарха Никона, сошелъ самъ на землю въ лицѣ крестьянина Костромской губерніи, Юрьевецкаго уѣзда, Данилы, или, какъ

другіе говорятъ, Капитона Филипповича; а между тѣмъ въ Нижегородской губерніи, сколько мнѣ помнится, у двухъ столѣтнихъ крестьянскихъ супруговъ Сусловыхъ родился ребенокъ-мальчикъ, котораго ни попъ и никто изъ крестьянъ крестить и воспринять отъ купели не пожелали... Тогда старики Сусловы пошли бродить по разнымъ селамъ и деревнямъ, чтобы найти для сына своего духовнаго и крестнаго отца, и встрѣтился имъ на дорогѣ старецъ велій, боголѣпый, и это былъ именно Капитонъ Филипповичъ, который Сусловымъ окрестилъ ихъ сына, принялъ его отъ купели и нарекъ Іисусомъ Христомъ... Вслѣдъ за такого рода легендой молодой Сусловъ уже въ дѣйствительности является большимъ распространителемъ хлыстовщины въ Москвѣ.

Губернскій предводитель разводилъ только въ удивленіи руками.

— Нравственное же ихъ ученіе, кромѣ невѣжества, вредное,—продолжалъ разговорившійся владыка:—оно учитъ: вина не пить, на мірскія сходбища не ходить, посты постить, радѣнья, т.-е. ихъ службы, совершать, а главное—холостымъ не жениться, а женатымъ разжениться...

— Но послѣднее, я полагаю,—замѣтилъ губернскій предводитель, нѣсколько потупляя глаза: — многихъ отъ ихъ толку должно было отклонять, потому что подобный подвигъ не всякому подъ силу.

— А кому не подъ силу,—объяснилъ владыка: — тому дозволялось, по взаимной склонности, жить съ согласницей, ибо, по ихъ ученію, скверна токмо есть въ бракѣ, какъ въ союзѣ, скрѣпляемомъ антихристовою церковью.

— Но какъ же они поступали съ дѣтьми, которыя у нихъ, вѣроятно, все-таки рождались?—спросилъ Крапчикъ.

Евгеній нахмурился.

— Тяжело и разсказывать,—началъ онъ:—это что-то мрачное и изувѣрское. Дѣтей они весьма часто убивали, сопровождая это разными, придуманными для того, обрядами: ребенка, напримѣръ, рожденнаго отъ учителя и хлыстовки, они именовывали *агнцемъ непорочнымъ,* и отецъ этого ребенка самъ закалывалъ его, тѣло же младенца сжигали, а кровь и сердце изъ него высушивали въ порошокъ, который клали потомъ въ ихъ причастный хлѣбъ, и ересіархъ, раздавая этотъ хлѣбъ на радѣніяхъ согласникамъ, говорилъ, что въ хлѣбѣ семъ есть частица закланнаго агнца непорочнаго.

— Но неужели же эти преступленія продолжаются и до сихъ поръ?—воскликнулъ губернскій предводитель.

— Говорятъ, что нѣтъ, и что нынѣ они дѣтей своихъ или

подкидываютъ кому-либо, или увозятъ въ города и отдаютъ въ воспитательные дома,—объяснилъ владыка.

— То-то-съ, нынче, кажется, это невозможно,—проговорилъ губернскій предводитель:—я вотъ даже слышалъ, что у этого именно хлыста Ермолаева въ домѣ бывали радѣнія, на которыя собиралось народу человѣкъ по сту; но чтобы происходили тамъ подобныя звѣрства—никто не разсказываетъ, хотя, конечно, и то надобно сказать, что ворота и ставни въ его большущемъ домѣ, когда къ нему набирался народъ, запирались, и что тамъ творилось, никто изъ православныхъ не могъ знать.

Евгеній при этомъ улыбнулся.

— А мнѣ такъ удалось случайно быть свидѣтелемъ ихъ радѣнія,—сказалъ онъ.

— Вамъ?—переспросилъ Крапчикъ съ любопытствомъ.

— Мнѣ, во времена моей еще ранней юности,—продолжалъ владыка:—мы вѣдь, поповичи, ближе живемъ къ народу, чѣмъ вы, дворяне. Я же былъ бѣдненькій сельскій семинаристъ, и насъ, по обычаю, цѣлой ватагой возили съ нашей вакаціи въ училище въ городъ на лодкѣ, и разъ нашъ кормчій вечеромъ присталъ къ одной деревнѣ и всѣхъ насъ свелъ въ эту деревню ночевать къ его знакомому крестьянину, и когда мы поѣли нашихъ дорожныхъ колобковъ, то были уложены спать въ небольшой избенкѣ въ повалку на полу. Я былъ мальчуганъ живой и подвижный; мнѣ что-то не заспалось, и прежде всего я догадался, что насъ изъ сѣней снаружи, должно-быть, заперли, а потомъ начинаю слышать въ сосѣдней избѣ шумъ, гамъ, пѣніе и топанье великое, и въ то же время вижу сквозь щель въ перегородкѣ свѣтъ изъ той избы... Я всталъ потихоньку и принялся смотрѣть въ эту щель: передо мной мало-по-малу стала открываться пространная изба; на стѣнахъ ея висѣли фонари... Въ избѣ было народу человѣкъ сорокъ—женщинъ и мужчинъ—и въ числѣ ихъ нашъ лодочникъ... Всѣ они были въ бѣлыхъ рубахахъ и босикомъ... Посреди избы стоялъ чанъ... Впослѣдствіи я узналъ: чанъ сей хлысты должны были наполнить своими слезами, молясь о возвращеніи къ нимъ ихъ Іисуса Христа—этого именно Суслова.

— Но неужели же они и наплакивали цѣлый чанъ?—спросилъ предводитель.

— Не думаю! Вѣроятно, ихъ вожаки подливали въ него воды, чтобы увѣрить простаковъ; но что обрядъ наплакиванья у нихъ существовалъ, это мнѣ, еще ребенку, кинулось тогда въ глаза, и, какъ теперь, я вижу передъ собой: все это сборище бѣгало, кружилось и скакало вокругъ чана, и при этомъ

одна нестарая еще женщина съ распущенными, вскосмаченными волосами больше всѣхъ радѣла и неистовствовала, при чемъ всѣ они хлестали другъ друга прутьями и восклицали: «Ой, Богъ!.. ой, Духъ!.. ой, Богъ!.. ой, Духъ!..» Въ другихъ мѣстностяхъ, говорятъ, они вмѣстѣ съ этимъ восклицаютъ: «Хлыщу, хлыщу, Христа ищу!», но я того не слыхалъ. Наконецъ всѣ они, по знаку неистовствующей женщины, остановились, наклонились надъ чаномъ и, какъ думаю, плакали.

— Но что же собственно они изображали этимъ своимъ бѣснованіемъ и для чего они его дѣлали?—произнесъ съ удивленіемъ Крапчикъ.

— Для того же, полагаю, зачѣмъ вертятся факиры, шаманы наши сибирскіе,—чтобы привести себя въ возбужденное состояніе; и послѣ радѣній ихъ обыкновенно тотчасъ же нѣкоторые изъ согласниковъ начинаютъ пророчествовать, потому, какъ объяснилъ мнѣ уже здѣсь одинъ хлыстъ на увѣщаніи въ консисторіи, что, умеревъ посредствомъ бичеваній объ Адамѣ, они воскресали о Христѣ и чувствовали въ себѣ пантіе Святого Духа. И вообще,—продолжалъ Евгеній съ нѣсколько уже суровымъ взоромъ:—для каждаго хлыста главною заповѣдью служитъ: отречься отъ всего, что требуютъ отъ него церковь, начальство, общежитіе, и слушаться только того, что ему говоритъ его внутренній голосъ, который онъ считаетъ послѣ его радѣній вселившимся въ него отъ Духа Святого, или что повелѣваетъ ему его наставникъ изъ согласниковъ, въ коемъ онъ предполагаетъ еще большее присутствіе Святого Духа, чѣмъ въ самомъ себѣ.

— Но кромѣ того, ваше преосвященство, какъ я вотъ слышалъ (это Крапчикъ началъ говорить тихо), слышалъ, что послѣ радѣній между хлыстами начинается этотъ, такъ называемый, ихъ ужасный свальный грѣхъ!

Владыка закрылъ глаза и, кивкомъ головы подтвердивъ то, что сказалъ Крапчикъ, заговорилъ, видимо одушевившись:

— Изъ этого собственно и получило начало свое скопчество: люди, вѣроятно, болѣе суровые, строгіе, возмутившись этими обычаями, начали учить, примѣняя невѣжественно слова священнаго писанія, что «аще око твое соблазняетъ тя, изми е и верзи отъ себѣ, и аще десная твоя соблазняетъ тя, усѣци ю и верзи отъ себѣ».

— Но согласитесь, ваше преосвященство, послѣ всего того, что я имѣлъ счастье слышать отъ васъ,—не правъ ли я былъ, требуя отъ земской полиціи и отъ духовенства, чтобы они преслѣдовали объ эти секты?.. Что это такое? Что-то сверхъ-

естественное, нечеловѣческое?—вопрошалъ уже авторитетнымъ тономъ Крапчикъ.

— Напротивъ, очень человѣческое!—возразилъ Евгеній съ усмѣшкою:—испоконъ-вѣковъ у людей было стремленіе поиграть въ попы... въ наставники... устроить себѣ церковь по собственному вкусу.

Крапчикъ не совсѣмъ понималъ и не догадывался, что̀ хочетъ сказать Евгеній, а потому молчалъ.

— А развѣ ваше масонство не то же самое? — спросилъ тотъ уже прямо.

Губернскаго предводителя даже подало при этомъ нѣсколько назадъ.

— Ваше преосвященство, что̀ же общаго между нами и хлыстами?—сказалъ онъ почти обиженнымъ голосомъ.

— Общее—устроить себѣ свою религію и мораль... Въ сознаніи людей существуетъ извѣстное число великихъ истинъ, которыя и уподобьте вы въ вашемъ воображеніи цвѣтнымъ, прозрачнымъ камешкамъ калейдоскопа. Вамъ извѣстенъ этотъ инструментъ?

Крапчикъ, думая, что калейдоскопъ что-нибудь очень ученое, отвѣчалъ откровенно:

— Нѣтъ!

— Я вамъ покажу его!

И Евгеній съ живостью всталъ и вынесъ изъ кабинета своего довольно большой калейдоскопъ.

— Глядите въ это стеклышко трубки!

Губернскій предводитель сталъ глядѣть въ показанное ему стекло калейдоскопа.

— Что̀ вы видите?—спросилъ его Евгеній.

— Звѣзду какую-то!—сказалъ Крапчикъ.

— Поверните трубку!

Крапчикъ повернулъ.

— Что̀ передъ вами?

— Какой-то четыреугольникъ!

— Мрачный или свѣтлый?

— Мрачный!

— Поверните еще!..

Крапчикъ повернулъ и ужъ самъ воскликнулъ:

— А это ужъ крестъ какой-то и очень красивый... похожъ нѣсколько на нашъ георгіевскій крестъ!

— Такъ и съ великими истинами! — продолжалъ Евгеній, уже снова усаживаясь на диванъ.—Если вы знакомы съ исторіей религіи, сектъ, философскихъ системъ, политическихъ и государственныхъ устройствъ, то можете замѣтить, что эти

прирожденныя человѣчеству великія идеи только измѣняются въ своихъ сочетаніяхъ, но число ихъ остается одинакимъ, и ни единаго новаго камешка не прибавляется, и эти камешки являются то въ фигурахъ мрачныхъ и таинственныхъ, какова религія индійская, — то въ ясныхъ и красивыхъ, какъ вѣра грековъ,—то въ нескладныхъ и исковерканныхъ представленіяхъ разныхъ нашихъ иновѣрцевъ.

Крапчикъ, совершенно неспособный понимать отвлеченныя сравненія, но не желая обнаруживать этого передъ архіереемъ, изсмыслилъ спросить того:

— Но отчего, ваше преосвященство, происходилъ этотъ маленькій шумъ и трескъ, когда я повертывалъ трубку?

Евгеній слегка улыбнулся и отвѣтилъ:

— Отъ движенія камешковъ, отъ перемѣны ихъ сочетаній... Въ исторіи, при измѣненіи этихъ сочетаній, происходитъ еще большій шумъ, грохотъ, разгромъ... Кажется, какъ будто бы весь міръ долженъ рухнуть.

Крапчикъ опять-таки ничего не понялъ изъ словъ владыки и прибѣгнулъ къ обычной своей фразѣ: «Если такъ, то конечно!», а потомъ, подумавъ немного, присовокупилъ:

— А я вотъ въ пріятной бесѣдѣ съ вами и забылъ о главной своей просьбѣ: я-съ на-дняхъ получилъ отъ сенатора бумагу съ жалобой на меня вотъ этого самаго хлыста Ермолаева, о которомъ я докладывалъ вашему преосвященству, и въ жалобѣ этой упомянуты и вы.

Проговоривъ это, Крапчикъ проворно вынулъ изъ кармана жалобу Ермолаева и подалъ ее владыкѣ, которую тотъ, не прибѣгая къ очкамъ, сталъ читать вслухъ:

«Три года я, ваше высокосіятельство, нахожусь въ заключеніи токмо по питаемой злобѣ на меня фармазоновъ, губернскаго предводителя Крапчика и нашего уѣзднаго почтмейстера, а равно какъ и архіерея здѣшней епархіи, преосвященнаго владыки Евгенія. Еще съ 1825 года, когда я работалъ по моему малярному мастерству въ казармахъ гвардейскаго экипажа и донесъ тогдашнему санктъ-петербургскому генералъ-губернатору Милорадовичу о бунтѣ, замышляемомъ тамъ между солдатами противъ нынѣ благополучно царствующаго государя императора Николая Павловича, и когда господинъ петербургскій генералъ-губернаторъ, не внявъ моему доносу, приказалъ меня наказать при полиціи розгами, то злоба сихъ фармазоновъ продолжается и до днесь, и сотворили они, аки бы я скопецъ и распространитель сей вѣры. Но я не токмо что и въ расколѣ нынѣ не пребываю, а былъ я допрежъ того христовщикъ, по капитоновскому согласію, а скопцы же вѣры

иной—селивановской, и я никогда не скопчествовалъ и прибѣгаю нынѣ къ стопамъ вашего сіятельства, слезно прося приказать меня освидѣтельствовать и изъ заключенія моего меня освободить».

— Зачѣмъ же собственно къ вамъ сенаторъ прислалъ это прошеніе?—спросилъ Евгеній, кончивъ читать.

— Чтобы я далъ свое мнѣніе, или заключеніе,—я ужъ не знаю, какъ это назвать; и къ вамъ точно такой же запросъ будетъ, — отвѣчалъ, усмѣхаясь, Крапчикъ.

— Нѣтъ, я на его запросъ ничего не отвѣчу, — проговорилъ, съ неудовольствіемъ мотнувъ головой, архіерей: — я не подвластенъ господину сенатору; надо мной и всѣмъ моимъ вѣдомствомъ можетъ назначить ревизію только святѣйшій правительствующій синодъ, но никакъ не правительствующій сенатъ.

— Стало-быть, и я могу не отвѣчать!—воскликнулъ Крапчикъ.

— Нѣтъ, я не думаю, чтобы вы могли... Вы все-таки стоите въ числѣ лицъ, надъ которыми онъ производитъ ревизію.

— Но что жъ я ему напишу,—вотъ это для меня всего затруднительнѣй! — продолжалъ восклицать Крапчикъ.

— Напишите, что вы дѣйствительно содѣйствовали преслѣдованію секты хлыстовъ, такъ какъ она есть невѣжественная и вредная для народной нравственности, и что хлысты и скопцы едино суть, и скопчество только есть дальнѣйшее развитіе хлыстовщины, — научилъ его владыка.

— Такъ я и напишу! — произнесъ Крапчикъ, уже вставая.

— Такъ и напишите! — повторилъ Евгеній, тоже вставая.

Крапчикъ подалъ ему руку подъ благословеніе, а получивъ оное и поцѣловавъ благословившую его десницу владыки, почтительно раскланялся и удалился.

IX.

Сосунцы была послѣдняя деревня по почтовому тракту передъ поворотомъ на проселокъ, ведущій къ усадьбѣ Егора Егорыча — Кузьмищеву. Въ Сосунцахъ изъ числа двѣнадцати крестьянскихъ дворовъ всего одна изба была побольше и попригляднѣй. Она принадлежала крестьянину Ивану Дороѳееву, который во всемъ ближайшемъ околоткѣ торговалъ мясомъ и рыбой, а поэтому жилъ довольно зажиточно. Разъ, это ужъ было въ концѣ поста, часу въ седьмомъ вечера, въ избѣ Ивана Дороѳеева, какъ и въ прочихъ избахъ, сумерничали. Самъ Иванъ Дороѳеевъ, мужикъ лѣтъ около сорока, курчавый и съ умными

глазами, въ красной рубахѣ и въ сильно смазанныхъ дегтемъ сапогахъ, спалъ на лавкѣ и первый услыхалъ своимъ привычнымъ ухомъ, что кто-то подъѣхалъ къ его дому и постучалъ въ окно, должно-быть, кнутовищемъ.

— Сейчасъ! Мигомъ! — отозвался Иванъ Дороѳеевъ и въ одной рубахѣ выскочилъ на улицу.

У воротъ его стояла рогожная кибитка, заложенная парой — гусемъ.

— Иванъ Дороѳеичъ, пусти, братъ, погрѣться!.. — послышалось изъ кибитки.

— Батюшка, Сергѣй Николаичъ!.. Вотъ кого Богъ принесъ!.. — воскликнулъ Иванъ Дороѳеевъ, узнавъ по голосу доктора Сверстова, который затѣмъ сталъ вылѣзать изъ кибитки и оказался въ мерлушечьей шапкѣ, бараньемъ тулупѣ и въ валеныхъ сапогахъ.

— Давненько, сударь, не жаловали въ наши мѣста,—говорилъ Иванъ Дороѳеевъ, съ удовольствіемъ осматривая крупную фигуру доктора, всегда и прежде того, при проѣздахъ своихъ къ Егору Еговычу, кормившаго у него лошадей.

— Зато теперь, братъ, я ужъ пріѣхалъ съ женой, — объявилъ ему Сверстовъ.

— Какъ и подобаетъ кажинному человѣку, — подхватилъ Иванъ Дороѳеевъ, подсобляя въ то же время доктору извлечь изъ кибитки gnädige Frau, съ ногъ до головы закутанную въ капоръ, шерстяной платокъ и мѣховой салопъ. — На лѣсенку эту извольте итти!.. — продолжалъ онъ, указывая пріѣзжимъ на свое крыльцо.

Тѣ начали взбираться по грязнымъ и обмерзшимъ ступенькамъ лѣстницы. На верхней площадкѣ Иванъ Дороѳеевъ просилъ ихъ пообождать маненько и затѣмъ крикнулъ:

— Парасковья, свѣти!.. Ну, скорѣй, толстобокая!.. Нечего тутъ проклажаться!

На этотъ крикъ Парасковья показалась въ дверяхъ избы съ огромной горящей лучиной въ рукѣ, и она была вовсе не толстобокая, а, напротивъ, стройная и красивая баба въ ситцевомъ сарафанѣ и въ красномъ платкѣ на головѣ. Gnädige Frau и докторъ вошли въ избу. Парасковья поспѣшила горящую лучину воткнуть въ свѣтецъ. Сверстовъ прежде всего началъ разоблачать свою супругу, которая была замѣтно утомлена длинной дорогой, и когда она осталась въ одномъ только ваточномъ капотѣ, то сейчасъ же опустилась на лавку.

— Самоварчикъ прикажете?—спросилъ вошедшій за ними Иванъ Дороѳеевъ: у него одного во всей деревнѣ только и былъ самоваръ.

— Нѣтъ, братъ, мы кофей пьемъ! Спроси тамъ у извозчика погребецъ нашъ и принеси его сюда!—сказалъ ему докторъ.

— И забылъ совсѣмъ, дуракъ, что вы чаю не кушаете!— произнесъ Иванъ Дороѳеевъ и убѣжалъ за погребцомъ.

Въ избѣ между тѣмъ при появленіи проѣзжихъ въ маломъ и старомъ населеніи ея произошло нѣкоторое смятеніе: изъ-за перегородки, ведущей отъ печки къ стѣнѣ, появилась лѣтъ десяти дѣвочка, очень миловидная и тоже въ ситцевомъ сарафанѣ; усѣвшись около свѣтца, она какъ будто бы даже немного и кокетничала; курчавый сынишка Ивана Дороѳеева, года на два, вѣроятно, младшій противъ дѣвочки и очень похожій на отца, свѣсилъ съ полатей голову и чему-то усмѣхался: его, кажется, болѣе всего поразила раздѣваемая мужемъ gnädige Frau, дѣлавшаяся все худѣй и худѣй; наконецъ даже грудной еще ребенокъ, лежавшій въ зыбкѣ, открылъ свои большіе голубые глаза и сталъ ими глядѣть, но не на людей, а на огонь; на голбцѣ же въ это время ворочалась и слегка простанывала столѣтняя прабабка ребятишекъ.

Иванъ Дороѳеевъ воротился въ избу.

— Вашъ вислоухій извозчикъ и погребецъ-то не знаетъ что̀ такое!.. Рылся-рылся я въ саняхъ-то... — проговорилъ онъ, ставя на столъ погребецъ, обитый оленьей шкуркой и жестяными полосами.

— И мнѣ этотъ извозчикъ показался глуповатъ,—замѣтилъ Сверстовъ.

— Чего ужъ тутъ взять?.. Тятю съ мамой еле выговариваетъ, а его посылаютъ господъ возить!.. Хозяева у насъ тоже по этой части: набираютъ народу зря! — проговорилъ Иванъ Дороѳеевъ.

— Чтобы лошадей-то онъ выкормилъ хорошенько!—обезпокоился Сверстовъ.

— Все это я устроилъ и самому ему даже велѣлъ въ черной избѣ полопать!.. — отвѣчалъ бойко Иванъ Дороѳеевъ и потомъ, взглянувъ, прищурившись, на ларецъ, онъ присовокупилъ: — А вѣдь эта вещь не изъ нашихъ мѣстъ?

— Изъ Сибири, прямо оттуда! — объяснилъ Сверстовъ и отнесся къ женѣ: — ну, супруга, если не устала очень, изготовь кофейку!

Gnädige Frau, конечно, очень устала, но со свойственной ей твердостью духа принялась вынимать всевозможныя кофейныя принадлежности и систематически разставлять ихъ.

— Не прикажете ли на шесткѣ огоньку разложить?—спросилъ Иванъ Дороѳеевъ, хорошенько не знавшій, что̀ далѣе нужно докторшѣ.

— Спиртъ есть у меня! — произнесла не безъ важности gnädige Frau и зажгла спиртовую лампу подъ кофейникомъ тоненькой лучинкой, зажженной у свѣтца.

Вода, заранѣе уже налитая въ кофейникъ, начала невдолгѣ закипать вмѣстѣ съ насыпаннымъ въ нее кофеемъ. Дѣвочка и мальчикъ съ полатей смотрѣли на всю эту операцію съ большимъ любопытствомъ, да не меньше ихъ и сама Парасковья: кофею у нихъ никогда никто изъ проѣзжающихъ не варилъ.

— Спиртъ-то, Божій-то даръ, жгутъ! — произнесъ укоризненно-комическимъ голосомъ Иванъ Дороѳеичъ.

— Да, братъ, это, пожалуй, и грѣхъ!—повторилъ за нимъ Сверстовъ.

— Да какъ же не грѣхъ, помилуйте! Мы бы его лучше выпили, — продолжалъ Иванъ Дороѳеевъ.

— Дѣйствительно, лучше бы выпили,—согласился съ нимъ Сверстовъ: — впрочемъ, мы все-таки выпьемъ!.. У насъ есть другой шнапсъ!—заключилъ онъ; затѣмъ, не глядя на жену, чтобы не встрѣтить ея недовольнаго взгляда, и проворно вытащивъ изъ погребца небольшой графинчикъ съ ерофеичемъ, докторъ налилъ двѣ рюмочки, изъ которыхъ одну пододвинулъ къ Ивану Дороѳееву, и воскликнулъ:

— Кушай!

— Благодаримъ за то!—отвѣтилъ тотъ, проглотивъ залпомъ напереросподобную рюмочку; но Сверстовъ тянулъ шнапсъ медленно, какъ бы желая продлить свое наслажденіе: онъ зналъ, что gnädige Frau не дастъ ему много этого блага.

Кофе наконецъ былъ готовъ. Gnädige Frau налила себѣ и мужу по чашкѣ.

— Ну, ужъ это извини, я выпью медвѣдку! — воскликнулъ Сверстовъ и, опять проворно вынувъ изъ погребца еще графинчикъ уже съ ромомъ, налилъ изъ него къ себѣ въ чашку немалую толику.

Gnädige Frau, бывшая къ рому все-таки болѣе снисходительна, чѣмъ къ гадкимъ русскимъ водкамъ, старалась не замѣчать, что творитъ ея супругъ.

— Не хотите ли чашечку?—сказала она Парасковьѣ, желая съ ней быть такою же любезною, какимъ былъ докторъ съ Иваномъ Дороѳеевымъ.

— О, сударыня, что вы безпокоитесь!—произнесла та, застыдившись.

— Выпейте!..—сказала ей тихо, но повелительно gnädige Frau и налила чашку, которую Парасковья неумѣло взяла въ руки, но кофей только попробовала.

— Нѣтъ, барыня, мы не пьемъ этого! — отказалась она и поставила чашку обратно на столъ.

— Наши дуры-бабы этого не разумѣютъ... — объяснилъ Иванъ Дороѳеевъ.

Gnädige Frau было немножко досадно, что добро ея должно пропадать даромъ.

— А вотъ погоди-ка, я этому курчашкѣ дамъ!—подхватилъ докторъ.—Пожалуйте сюда!..—крикнулъ онъ мальчику, все еще остававшемуся на полатяхъ.

Тотъ, однимъ кувыркомъ спустившись на полъ, предсталъ предъ докторомъ.

— На, пей!.. Это сладкое!—скомандовалъ ему докторъ.

Мальчикъ, смѣло глядя на него и не расчухавъ, конечно, что онъ пьетъ, покончилъ чашку.

— Молодецъ!..—похвалилъ его Сверстовъ и хотѣлъ-было погладить по головѣ; но рука доктора остановилась въ волосахъ мальчика,—до того они были курчавы и густы.

— Хорошій будетъ человѣкъ, хорошій!—повторялъ докторъ, припоминая, какъ онъ самъ въ дѣтствѣ былъ густоволосъ и курчавъ.

Иванъ Дороѳеевъ на все это улыбался.

— Мальчикъ шустрый! — проговорилъ онъ.

— Вижу это я, вижу!.. — воскликнулъ Сверстовъ.

— А дѣвочка не выпьетъ ли кофею? — спросила gnädige Frau, желавшая обласкать болѣе женскую половину и видѣвшая, что въ кофейникѣ оставалось еще жидкости.

— Нѣту-тка, родимая, нѣтъ!—отвѣчала за дочь Парасковья.

— Да дѣвочкѣ-то сахарцу вы дайте, — это онѣ у насъ любятъ!.. — подхватилъ Иванъ Дороѳеевъ.

Gnädige Frau подала изъ своей сахарницы самый большой кусокъ дѣвочкѣ, которая сначала тоже застыдилась, но потомъ ничего: принялась бережно сосать кусокъ.

— Поужинать чего не прикажете ли приготовить вамъ? — обратился Иванъ Дороѳеевъ къ Сверстову.

— Нѣтъ, — отказался тотъ:—мы къ ужину еще въ Кузьмищево, къ Егору Егорычу поспѣемъ.

— Туда поспѣемъ!.. — подтвердила и gnädige Frau, все какъ-то боязливо осматриваясь кругомъ.

Родившись и воспитавшись въ чистоплотной нѣмецкой семьѣ и сама затѣмъ въ высшей степени чистоплотно жившая въ обоихъ замужествахъ, gnädige Frau чувствовала невыносимое отвращеніе и страхъ къ тараканамъ, которыхъ, къ ужасу своему, увидала въ избѣ Ивана Дороѳеева многое множество, а потому нетерпѣливо желала поскорѣе уѣхать; но

докторъ, въ силу изреченія, что блаженъ человѣкъ, иже и скоты милуетъ, не торопился, жалѣя лошадей, и сталъ бесѣдовать съ Иваномъ Дороѳеевымъ, отъ котораго непремѣнно потребовалъ, чтобы тотъ сѣлъ.

— Скажи ты мнѣ, другъ любесный, повѣрнѣе!.. Что, въ Кузьмищевѣ Егоръ Егорычъ, или нѣтъ?—спросилъ онъ.

— Надо-быть, что въ Кузьмищевѣ, — отвѣчалъ тотъ: — не сколь тоже давно пріѣзжали ко мнѣ отъ него за рыбой!

— Да и теперь еще онъ тамъ! Вчерася-тка, какъ тебя не было дома, останавливался и кормилъ у насъ цхній Антипъ Ильичъ, — вмѣшалась въ разговоръ Парасковья, обращаясь болѣе къ мужу.

— А зачѣмъ и куда старикъ проѣзжалъ?—полюбопытствовалъ Сверстовъ.

— Извѣстно, сударь, старецъ набожный: говѣть ѣдетъ въ губернскій городъ, — служба тамъ, сказывалъ онъ, идетъ по церквамъ лучше супротивъ здѣшняго.

— Ай!..—взвизгнула на всю избу gnädige Frau, вскакивая съ лавки и начиная встряхивать свой капотъ.

— Что такое?—вскрикнулъ и докторъ, не менѣе ея испугавшійся.

— Тараканъ... Тараканъ!—имѣла только силы сказать gnädige Frau.

— Фу, ты, Боже мой!..—произнесъ докторъ и принялся на женѣ встряхивать капотъ.—Поразшугайте ихъ, проклятыхъ!—прибавилъ онъ хозяевамъ, показывая на стѣну.

Парасковья сейчасъ же начала разгонять таракановъ, а за ней и дѣвочка, наконецъ и курчавый мальчуганъ, который, впрочемъ, больше прихлопывалъ ихъ къ стѣнѣ своей здоровой ручонкой, такъ что только мокренько оставалось послѣ каждаго таракана. Бѣдныя насѣкомыя, сроду не видавшія такой острастки на себя, мгновенно всѣ куда-то попрятались. Не видя болѣе враговъ своихъ, gnädige Frau поуспокоилась и сѣла опять на лавку: ей было совѣстно такого малодушія своего, тѣмъ болѣе, что она обнаружила его передъ посторонними.

Сверстовъ, тоже опять усѣвшійся, снова принялся толковать съ Иваномъ Дороѳеевымъ.

— Вы все изъ тѣхъ же мѣстъ, гдѣ и прежде жили? — началъ тотъ первый.

— Все изъ тѣхъ же!..—протянулъ Сверстовъ.

— А какъ тамъ, что за народъ такой живетъ?—интересовался Иванъ Дороѳеевъ.

— Разный: русскіе, армяне, татары!.. — перечислялъ Сверстовъ.

— Поди ты, Господи, сколько у насъ разныхъ народовъ есть, и всѣ, значитъ, они живутъ и питаются у насъ!—подивился Иванъ Дороѳеевъ и взглянулъ при этомъ на жену, которая тоже, хоть и молча, но дивилась тому, что̀ слышала...

Бесѣду эту прервалъ и направилъ въ совершенно другую сторону мальчуганъ въ зыбкѣ, который вдругъ заревѣлъ. Первая подбѣжала къ нему главная его нянька, старшая сестренка, и, сунувъ ребенку въ роть соску, стала ему, грозя пальчикомъ, приговаривать: «Нишкни, Миша, нишкни!»... И Миша затихъ.

Докторъ, любившій маленькихъ дѣтей до страсти, не удержался и вскричалъ:—Это что̀ еще за существо новое?—и сейчасъ же подошелъ къ зыбкѣ.

— Да вѣдь какая прелесть, — посмотри, gnädige Frau! — продолжалъ онъ.

Gnädige Frau встала и подошла: она также любила дѣтей и думала, что малюткѣ не заползъ ли въ ухо какой-нибудь маленькій таракашикъ.

— Прелесть что̀ такое!.. прелесть! — не унимался восклицать Сверстовъ.

Ребенокъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ прелесть: съ голенькими ручонками, ножонками и даже голымъ животишкомъ, бѣлый, какъ крупичатое тѣсто, онъ то корчился, то разгибался въ своей зыбкѣ.

— И здоровенькій, какъ видно! — продолжалъ имъ любоваться Сверстовъ.

— Здоровъ, слава те, Господи!—отозвалась уже мать:—такой гулена,—все на улицу теперь просится.

— Нѣтъ, на улицу рано!.. холодно еще!—запретилъ докторъ и обратился къ стоявшему тутъ же Ивану Дороѳееву.—А что̀, твоя старая бабка давно ужъ умерла?

Онъ еще прежде, въ послѣдній свой пріѣздъ къ Егору Егорычу, лѣчилъ бабку Ивана Дороѳеева, и тогда ужъ она показалась ему старою-престарою.

При этомъ вопросѣ Парасковья слегка усмѣхнулась.

— Какое умерла?—произнесъ тихо Иванъ Дороѳеевъ:—на голбцѣ еще лежитъ до сей поры!.. Какъ человѣкъ-то упрется по этой части, такъ его и не сковырнешь.

— Я, впрочемъ, посмотрю ее!—сказалъ Сверстовъ.

— Сдѣлайте божескую милость! — проговорилъ съ удовольствіемъ Иванъ Дороѳеевъ, который хотя и посмѣивался надъ старухой, но былъ очень печенъ объ ней.

Сверстовъ немедля же полѣзъ на голбецъ, и Иванъ Дороѳеевъ, взлѣзши за нимъ, сталъ ему свѣтить лучиной. Бабушка

была совсѣмъ засохшій, сморщенный грибъ. Сверстовъ повернулъ ее къ себѣ лицомъ. Она только простонала, не вѣдая, кто это, и зачѣмъ къ ней влѣзли на печь. Сверстовъ сначала приложилъ руку къ ея лбу, потомъ къ рукамъ, къ ногамъ и, слѣзая затѣмъ съ печи, сказалъ:

— Плоха, очень плоха!.. Однако все-таки дня черезъ два, черезъ три, ты пріѣзжай ко мнѣ въ больницу къ Егору Егорычу!.. Я дамъ ей кой-какого снадобья.

— Слушаю-съ, — произнесъ Иванъ Дороѳеевъ.—А вы надолго ѣдете къ Егору Егорычу?

— Надолго, навсегда — лѣчить васъ буду! — воскликнулъ Сверстовъ.

Gnädige Frau не ошиблась, предполагая, что мужъ ея будетъ устраивать себѣ практику больше у мужиковъ, чѣмъ у баръ.

Въ избу вошелъ извозчикъ.

— Я выкормилъ лошадей-то, — объявилъ онъ какимъ-то почти дикимъ голосомъ.

Сверстовъ принялся расплачиваться торопливо и щедро: онъ всѣ уже почти деньжонки, которыя выручилъ за проданное имъ имущество въ уѣздномъ городкѣ, просадилъ дорогой. Иванъ Дороѳеевъ проводилъ своихъ гостей до повозки и усадилъ въ нее gnädige Frau и Сверстова съ пожеланіемъ благополучнаго пути.

Кибитка тронулась. Иванъ Дороѳеевъ долго еще глядѣлъ имъ вслѣдъ.

— Экъ у него, дурака, лошади-то болтаются, словно мотовилы!—дивовалъ онъ, видя, какъ у глуповатаго извозчика передняя лошадь сбивалась съ дороги и тыкалась рыломъ то къ одному двору, то къ другому.

X.

За Сосунцовскимъ полемъ сейчасъ же начинался густой лѣсъ съ очень узкою черезъ него дорогою, и чѣмъ дальше наши путники ѣхали по этому лѣсу, тѣмъ все выше показывались сосны по сторонамъ, которыя своими растопыренными вѣтвями, покрытыми снѣгомъ, какъ бы напоминали собой привидѣнія въ саванахъ. Въ воздухѣ вѣяло свѣжей сыроватостью. Сквозь тонкія облака на небѣ чуть-чуть мѣстами мерцали звѣзды и ядро кометы, а хвоста ея было не видать за туманомъ. Неуклюжій извозчикъ, точно комокъ чего-то, чернѣлся на облучкѣ. За лѣсомъ пошло какъ бы нескончаемое поле, и по окраинамъ его, то тутъ, то тамъ, смутно виднѣлись деревни

съ кое-гдѣ мелькающими огоньками въ избахъ. Встрѣтился длинный мостъ, на которомъ, при проѣздѣ кибитки, подъ ногами коренной провалилась цѣлая накатина; лошадь, вѣроятно, привыкнувшая къ подобнымъ случаямъ, не обратила никакого вниманія на это, но зато она вмѣстѣ съ передней лошадью шарахнулась съ дороги прямо въ суметъ, увидавъ вѣтряную мельницу, которая молола и махала своими крыльями. Изъ людей и вообще изъ какихъ-либо живыхъ существъ не попадалось никого, и только вдали какъ будто бы что-то такое пробѣжало,—и врядъ ли не стая волковъ.

Отъ всѣхъ этихъ картинъ на душѣ у Сверстова становилось необыкновенно свѣтло и весело: онъ былъ истый великоруссъ; но gnädige Frau, конечно, ничѣмъ этимъ не интересовалась, тѣмъ болѣе, что ее занимала и отчасти тревожила мысль о томъ, какъ ихъ встрѣтитъ Маронинъ, котораго она такъ мало знала... Прошелъ такимъ образомъ еще часъ ѣзды съ повторяющимися видами перелѣсковъ, полей съ деревнями въ сторонѣ, когда наконецъ показалось на высокой горѣ вожделѣнное Кузьмищево. Сверстовъ окончательно исполнился восторгомъ. Онъ съ біеніемъ сердца помышлялъ, что чрезъ какія-нибудь минуты онъ встрѣтится, обнимется и побесѣдуетъ съ своимъ другомъ и учителемъ. Кузьмищево между тѣмъ все опредѣленнѣе и опредѣленнѣе обрисовывалось: уже можно было хорошо различить церковь и длинное больничное зданіе, стоявшее въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ усадьбы; затѣмъ конскій дворъ съ торчащимъ на вышкѣ его деревяннымъ конемъ, а потомъ и прочія, болѣе мелкія постройки, окружающія каменный двухъэтажный господскій домъ. Въ окнахъ всѣхъ этихъ зданій виднѣлся свѣтъ, кромѣ господскаго дома, въ которомъ не видать было ни малѣйшаго огонька. Сверстовымъ овладѣло опасеніе, не боленъ ли Егоръ Егорычъ или не уѣхалъ ли куда, и только ужъ съ подъѣздомъ кибитки къ крыльцу дома огонекъ показался въ одной задней комнатѣ. Сверстовъ мгновенно сообразилъ, что это именно была спальня Егора Егорыча, и мысль, что тотъ боленъ, еще болѣе утвердилась въ его головѣ. Не помня себя, онъ выскочилъ изъ кибитки и началъ взбираться по знакомой ему лѣстницѣ, прошелъ потомъ залу, гостиную, диванную посреди совершеннаго мрака и, никого не встрѣчая, прямо направился къ спальнѣ, въ которой Егоръ Егорычъ сидѣлъ одинъ-одинехонекъ; при появленіи Сверстова онъ тотчасъ узналъ его и, вскочивъ съ своего кресла, воскликнулъ. Сверстовъ тоже воскликнулъ, и оба бросились другъ другу въ объятія, и у обоихъ текли слезы по морщинистымъ щекамъ.

— Я пріѣхалъ съ женой!..—было первое слово Сверстова.

— Знаю, проси!.. сюда проси!—произнесъ Егоръ Егорычъ, весь какъ бы трепетавшій отъ волненія.

Сверстовъ побѣжалъ за женой и только что не на рукахъ внесъ свою gnädige Frau на лѣстницу. Въ дворнѣ тѣмъ временемъ узналось о пріѣздѣ гостей, и вся горничная прислуга разомъ набѣжала въ домъ. Огонь засвѣтился во всѣхъ почти комнатахъ. Сверстовъ, представляя жену Егору Егорычу, ничего не сказалъ, а только указалъ на нее рукою. Марѳинъ, въ свою очередь, поспѣшилъ пододвинуть gnädige Frau кресло, на которое она сѣла, будучи весьма довольна такою любезностью хозяина.

— Чаю!—закричалъ-было Егоръ Егорычъ.

— Чаю не надо, а поужинать дайте!—перебилъ его Сверстовъ.

— Ужинъ подавайте!—перемѣнилъ, вслѣдствіе этого, свое приказаніе Егоръ Егорычъ.

— Ну, что вы, здоровы? — спрашивалъ Сверстовъ, смотря съ какой-то радостной нѣжностью на своего учителя.

— Здоровъ,—отвѣчалъ Егоръ Егорычъ не вдругъ.

— Духомъ бодры?

— Нѣтъ, не бодръ, напротивъ, унылъ!

— Вотъ это скверно!—заключилъ Сверстовъ.

Тутъ gnädige Frau сочла нужнымъ сказать нѣсколько словъ отъ себя Егору Егорычу, въ которыхъ не совсѣмъ складно выразила, что хотя она ему очень мало знакома, но пріѣхала съ мужемъ, потому что не разставаться же ей было съ нимъ, и что теперь всѣ ея старанія будутъ направлены на то, чтобы нисколько и ничѣмъ не обременить великодушнаго хозяина и быть для него хоть чѣмъ-нибудь полезною.

— Oh, madame, de grâce!.. soyez tranquille; quant à moi, je suis bien heureux de vous posséder chez moi! — забормоталъ ужъ по-французски Марѳинъ, сконфуженный до-нельзя щепетильностью gnädige Frau.

— Не ври, жена, не ври!—прикрикнулъ на ту Сверстовъ.

Но gnädige Frau, конечно, этого не испугалась и въ душѣ одобряла себя, что на первыхъ же порахъ она высказала мучившую ее мысль.

— Подано кушанье! — проговорила въ дверяхъ старая и толстая женщина, Марья Ѳаддеевна, бывшая ключницей въ домѣ.

— Ну-съ, — сказалъ Егоръ Егорычъ, вставая и предлагая gnädige Frau руку, чтобы вести ее къ столу, чѣмъ та окончательно осталась довольною,

За ужиномъ Егоръ Егорычъ по своему обыкновенію, а gnä-

dige Frau отъ усталости — ничего почти не ѣли, но зато Сверстовъ все ѣлъ и все выпилъ, что было на столѣ, и, одушевляемый радостью свиданія съ другомъ, былъ совершенно не утомленъ и нисколько не опьянѣлъ. Gnädige Frau скоро поняла, что мужу ея и Егору Егорычу желалось остаться вдвоемъ, чтобы побесѣдовать поткровеннѣе, а потому, ссылаясь на то, что ей спать очень хочется, она попросила у хозяина позволенія удалиться въ свою комнату.

— Oh, madame, je vous prie! — забормоталъ тотъ снова по-французски: съ дамами Егоръ Егорычъ могъ говорить только или на свѣтскомъ языкѣ галловъ, или въ масонскомъ духѣ.

Gnädige Frau пошла не безъ величія, и когда въ коридорѣ ее встрѣтили и пошли провожать четыре горничныя, она посмотрѣла на нихъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ: всѣ онѣ были расфранченныя, молодыя и красивыя. Это gnädige Frau не понравилось, и она даже заподозрѣла тутъ Егора Егорыча кое въ чемъ, такъ какъ знала множество примѣровъ, что русскіе помѣщики, сколько на видъ ни казались они добрыми и благородными, но съ своими крѣпостными горничными часто бываютъ въ неприличныхъ и гадкихъ отношеніяхъ. Съ удаленіемъ gnädige Frau, друзья тоже удалились въ спальню Егора Егорыча. Здѣсь мнѣ кажется возможнымъ сказать нѣсколько словъ объ этой комнатѣ; она была хоть и довольно большая, но совершенно не походила на масонскую спальню Крапчика; единственными украшеніями этой комнаты служили: прекрасный портретъ англійскаго поэта Эдуарда Юнга, написанный съ него въ его молодости и представлявшій мистическаго поэта съ длинными волосами, со склоненною нѣсколько набокъ печальною головою, съ простертыми на колѣни руками, персты коихъ были вложены одинъ между другого.

— Отчего вы не бодры духомъ?—заговорилъ Сверстовъ.

Егоръ Егорычъ нѣсколько времени думалъ, какъ и съ чего ему начать.

— Оттого что, передъ тѣмъ какъ получить мнѣ твое письмо, я совершилъ неблагоразумнѣйшій проступокъ.

Сверстовъ вопросительно взглянулъ на друга.

— Я вознамѣрился - было жениться! — добавилъ Егоръ Егорычъ.

— На комъ?—спросилъ тотъ.

— На одной молодой и прелестной дѣвицѣ.

— И прекрасно!.. Честнымъ пиркомъ, значитъ, да и за свадебку!—воскликнулъ Сверстовъ, имѣвшій привычку каждый шагъ своего друга оправдывать и одобрять.

— Д-да, но, къ сожалѣнію, эта дѣвица не приняла моего

предложенія! — произнесъ протяжно и съ горькой усмѣшкой Марѳинъ.

— Это, по-моему, дурно и странно со стороны дѣвицы! — подхватилъ Сверстовъ; ему дѣйствительно почти не вѣрилось, чтобы какая бы тамъ ни была дѣвица могла отказать его другу въ рукѣ.

— Дурно тутъ поступила не дѣвица, а я!.. — возразилъ Марѳинъ:—я долженъ былъ знать,—продолжалъ онъ съ ударе-ніемъ на каждомъ словѣ:—что бракъ мнѣ не приличествуетъ ни по моимъ лѣтамъ ни по моимъ склонностямъ, и въ слабое оправданіе могу сказать лишь то, что меня не чувственныя потребности влекли къ браку, а болѣе высшія: я хотѣлъ имѣть жену-масонку.

— А развѣ дѣвица эта масонка?

— Нѣтъ, но она могла бы и достойна была бы сдѣлаться масонкой, если бы пожелала того!—отвѣчалъ Егоръ Егорычъ; въ этой мысли главнымъ образомъ убѣждали его необыкновенно поэтическіе глаза Людмилы.

— Повѣрьте, все къ лучшему, все!—принялся ужъ утѣшать своего друга Сверстовъ.

— Иначе я никогда и не думалъ и даже предчувствовалъ отказъ себѣ!—проговорилъ съ покорностью Марѳинъ.

— Ergo,—зачѣмъ же падать духомъ?..

— Тяжело ужъ очень было перенести это! — продолжалъ Егоръ Егорычъ тѣмъ же покорнымъ тономъ: — вначалѣ я исполнился гнѣвомъ...

— Противъ дѣвицы этой?—перебилъ его Сверстовъ.

— Нѣтъ, я исполнился гнѣвомъ противъ всѣхъ и всего; но еще Божья милость велика, что онъ скоро затихъ во мнѣ; зато мною овладѣли два еще горшіе врага: печаль и унынie, которыхъ я до сихъ поръ не побѣдилъ, и какъ я ни борюсь, но мнѣ непрестанно набѣгаютъ на душу смрадомъ отчаянія преисполненныя волны и какъ бы ропотомъ своимъ шепчутъ мнѣ: «тебѣ теперь тяжело, а дальше еще тягчѣе будетъ»...

Сверстову до невѣроятности понравилось такое поэтическое описаніе Егоромъ Егорычемъ своихъ чувствъ, но онъ, не желая еще болѣе возбуждать своего друга къ печали, скрылъ это и сказалъ даже укоризненнымъ тономъ:

— Э, полноте, пожалуйста, такъ говорить... Я наконецъ не узнаю въ васъ нашего спокойнаго и мудраго наставника!..

Егоръ Егорычъ промолчалъ на это. Увы, онъ никакъ ужъ не могъ быть тѣмъ, хоть и кипятящимся, но все-таки смѣлымъ и отважнымъ руководителемъ, какимъ являлся передъ Сверстовымъ прежде, проповѣдуя обязанности христіанина,

гражданина, масона. Дѣло къ томъ, что въ душѣ его нынѣ горѣла иная, болѣе активная и, такъ сказать, эстетико-органическая страсть, ибо, хоть онъ говорилъ и самъ вѣрилъ въ то, что желаетъ жениться на Людмилѣ, чтобы сотворить изъ нея масонку, но красота ея была въ этомъ случаѣ все-таки самымъ могущественнымъ стимуломъ.

— Однако надобно же вамъ что-нибудь предпринять съ собой... Нельзя такъ оставаться!.. — продолжалъ Сверстовъ, окончательно видѣвшій, до какой степени Егоръ Егорычъ былъ удрученъ и придавленъ своимъ горемъ.

— Научи!..—отвѣчалъ тотъ ему кротко.

Сверстовъ сталъ себѣ чесать и ерошить голову, какъ бы для того, чтобы къ мозгу побольше прилило крови.

— Ну, устройте ложу,—придумалъ онъ:—у себя вотъ тутъ, въ усадьбѣ!. Набирайте ищущихъ между мужиками!.. Эти люди готовѣе, чѣмъ кто-либо... особенно раскольники!

Егоръ Егорычъ слушалъ друга, нахмурившись.

— Этого нынче нельзя, не позволятъ!..—возразилъ онъ.

— Что жъ, вы боитесь, что ли, за себя?.. Я опять васъ не узнаю!

— Я не за себя боюсь, а за другихъ; да никто и не пойдетъ, я думаю,—сказалъ Егоръ Егорычъ.

— Это мы посмотримъ, посмотримъ; я вотъ попригляжусь къ здѣшнимъ мужичкамъ, когда ихъ лѣчить буду!..—говорилъ докторъ, мотая головой: онъ втайнѣ давно имѣлъ намѣреніе попытаться распространять масонство между мужиками, чтобы сдѣлать его такимъ образомъ болѣе народнымъ, чѣмъ оно до сихъ поръ было.

Марѳинъ между тѣмъ глубоко вздохнулъ. Видимо, что мысли его были обращены совершенно на другое.

— Это все то, да не то! — началъ онъ, поднимая свою голову:—мнѣ прежде всего слѣдуетъ сдѣлаться аскетомъ, человѣкомъ не отъ міра сего, и разобраться въ своемъ душевномъ сундукѣ, чтобы устроить тамъ хоть мало-мальскій порядокъ.

— Что вы за безуміе говорите? — воскликнулъ докторъ. — Вамъ, слава Богу, еще не выжившему изъ ума, сдѣлаться аскетомъ!.. Этой полумертвечиной!.. Этимъ олицетвореннымъ эгоизмомъ и почти идіотизмомъ!

— Ты не заговаривайся такъ! — остановилъ его вдругъ Марѳинъ:—я знаю, ты не читалъ ни одного изъ нашихъ аскетовъ: ни Іоанна Лѣствичника, ни Нила Сорскаго...

— Не читалъ, не читалъ!..—сознался докторъ.

— Такъ вотъ прочти и увидишь, что это не мертвечина, а жизнь настоящая и полная радостей.

— Прочту, непремѣнно прочту,—говорилъ Сверстовъ, пристыженный нѣсколько словами Егора Егорыча.

— Да, а пока удержи твой языкъ хулить то, чего ты не знаешь!..—поучалъ его тотъ.

— Но форму ихъ жизни я знаю, и она меня возмущаетъ!—отстаивалъ себя докторъ:—вы вообразите, что бы было, если бъ всѣ люди обратились въ аскетовъ?.. Родъ человѣческій долженъ былъ бы прекратиться!.. Никто бъ ничего не дѣлалъ, потому что всѣ бы занимались богомысліемъ.

— Нѣтъ, въ подвигѣ аскетовъ входитъ не одно богомысліе, а полное и всестороннее «умное дѣланіе», потребность котораго ты, какъ масонъ, долженъ признавать.

— Это я признаю!

— Такъ чѣмъ же, послѣ этого, тебя смущаетъ жизнь аскетовъ? Весь ихъ трудъ и состоитъ въ этомъ «умномъ дѣланіи», а отсюда и выводи, какая гармонія и радость должны обитать въ ихъ душахъ.

— Тогда это неравенство! Это, значитъ, дѣленіе людей на касты. Одни, какъ калмыцкіе попы, прямо погружаются въ блаженную страну Нирвану и сливаются съ Буддой, а другіе — чернь, долженствующіе работать, размножаться и провалиться потомъ въ страну Ерикъ—къ дьяволу.

— Кастъ тутъ не существуетъ никакихъ!.. — отвергнулъ Маронъ:—всякій можетъ быть симъ избраннымъ, и великій архитекторъ міра устроилъ только такъ, что ина слава солнцу, ина лунѣ, ина звѣздамъ, да и звѣзда отъ звѣзды различествуетъ. Я, конечно, по гордости моей, сказалъ, что буду аскетомъ, но врядъ ли достигну того: лѣствица для меня на этомъ пути еще нескончаемая...

Въ это время въ спальнѣ нежданно-негаданно появился Антипъ Ильичъ, такъ что Егоръ Егорычъ вздрогнулъ даже, увидавъ его.

— Ты развѣ вернулся?—спросилъ онъ.

— Сейчасъ только пріѣхалъ, — отвѣчалъ Антипъ Ильичъ съ лицомъ, сіяющимъ кротостью, и кладя на столъ передъ бариномъ заздравную просфору и большой пакетъ:—отъ господина Крапчика!—объяснилъ онъ о пакетѣ.

Сверстовъ между тѣмъ, воскликнувъ:—Узнаёшь ли ты меня, Антипъ Ильичъ? — подошелъ къ старику съ распростертыми объятіями.

— Какъ, сударь, не узнать,—отвѣчалъ тотъ добрымъ голосомъ, и оба они обнялись и поцѣловались, но не въ губы, а по-масонски, прикладывая щеку къ щекѣ, послѣ чего Антипъ Ильичъ, поклонившись истово барину своему и гостю, ушелъ.

— Вотъ онъ скорѣй меня удостоится сдѣлаться аскетомъ,— сказалъ, указавъ на него глазами, Егоръ Егорычъ, и распечатывая неторопливо письмо Крапчика.

— Онъ не аскетъ, а ангелъ какой-то!—произнесъ Сверстовъ.

Чтеніе письма, видимо, причинило Егору Егорычу досаду.

— Вотъ, пожалуй, снова призываютъ меня на житейскій подвигъ!—проговорилъ онъ, кидая на столъ письмо.

— Этимъ письмомъ?

— Да.

— Можно прочесть?

— Должно даже тебѣ прочесть.

Сверстовъ, надѣвъ торопливо очки, пробѣжалъ письмо.

— И что жъ, по-вашему, этотъ подвигъ слишкомъ ничтоженъ для васъ?—отнесся онъ къ Марѳину уже съ нѣкоторою строгостью.

— Знаю, что не ничтоженъ, но мнѣ-то онъ не по моему душевному настроенію,—отвѣтилъ тотъ съ тоской въ голосѣ.

— Отбросьте это душевное настроеніе!.. Это, повторяю вамъ еще разъ, аскетическій эгоизмъ... равнодушіе Пилата, умывшаго себѣ руки! — почти кричалъ Сверстовъ, не слыхавшій даже, что въ губерніи происходитъ сенаторская ревизія, и знавшій только, что Крапчикъ масонъ; изъ длиннаго же письма того онъ понялъ одно, что рѣчь шла о чиновничьихъ плутняхъ, и этого было довольно.

— Поѣзжайте и поѣзжайте! — повторялъ онъ: — это вамъ говорю я... человѣкъ, который, вы знаете, какъ любитъ васъ, и какъ высоко я цѣню вашу гражданскую мощь и мудрость!

— Но ты забываешь, что я опять впаду въ гнѣвъ и озлобленіе! — возражалъ ему тѣмъ же тоскливымъ голосомъ Егоръ Егорычъ.

— Впадайте, и чѣмъ больше, тѣмъ лучше: гнѣвъ честный и благородный всегда нашимъ ближнимъ бываетъ во спасеніе!—не унимался Сверстовъ.

— Я поѣду... — произнесъ протяжно и послѣ нѣкотораго размышленія Марѳинъ: живая струйка гражданина, столь присущая ему, замѣтно начала въ немъ пробиваться.

— Благодарю, глубоко благодарю; вы ничѣмъ бы не могли доставить мнѣ такой радости, какъ этимъ; а теперь прощайте!.. Вамъ, я вижу, многое еще надобно обдумать и сообразить!

Затѣмъ, поцѣловавъ другъ друга въ голову, Сверстовъ ушелъ: gnädige Frau справедливо говорила объ немъ, что, какъ онъ былъ при первомъ знакомствѣ съ нею студентомъ-буршемъ, такимъ пребывалъ и до старости.

Первоначально Егоръ Егорычъ дѣйствительно впалъ-было въ размышленіе о предстоявшемъ ему подвигѣ, но потомъ вдругъ отъ какой-то пришедшей ему на умъ мысли встрепенулся и позвалъ свою старую ключницу, по обыкновенію, единственную особу въ домѣ, бодрствовавшую въ безсонныя ночи барина: преданіе въ дворнѣ даже говорило, что когда-то давно Егоръ Егорычъ и ключница питали другъ къ другу «сухую» любовь, въ результатѣ которой ключница растолстѣла, а Егоръ Егорычъ высохъ.

— Ѳаддеевна!—сказалъ ей Егоръ Егорычъ:—позови ко мнѣ Антипа Ильича.

Ключница была удивлена такимъ приказаніемъ барина, никогда поздно ночью не тревожившаго старика; но, ни слова не сказавъ, пошла.

Антипъ Ильичъ не замедлилъ прійти: онъ еще, несмотря на усталость отъ дороги, не спалъ и стоялъ на молитвѣ.

— Ты,—началъ прерывистымъ и задыхающимся голосомъ Егоръ Егорычъ:—заходилъ къ Рыжовымъ?

— Заходилъ,—отвѣчалъ старикъ.

— Что же онѣ?

— Старая адмиральша и Людмила Николаевна уѣхали въ Москву на всю весну,—проговорилъ Антипъ Ильичъ какъ бы самую обыкновенную вещь.

— А прочія двѣ барышни гдѣ же?—спросилъ Егоръ Егорычъ, выпучивъ даже глаза.

— Прочія въ домѣ своемъ остались, и къ нимъ переѣхала одна старушка-монашенка и сродственница, кажется, ихняя.

— А племянника моего видѣлъ? — присовокупилъ Егоръ Егорычъ, влекомый какимъ-то предчувствіемъ.

— Нѣтъ, онъ тоже уѣхалъ.

— Куда?

— Неизвѣстно, не знаютъ.

Выслушавъ эти новости, Егоръ Егорычъ склонилъ голову; но когда Антипъ Ильичъ ушелъ, онъ снова встрепенулся, снова кликнулъ старую ключницу и, объявивъ, что сейчасъ же ночью выѣзжаетъ въ губернскій городъ, велѣлъ ей итти къ кучеру и приказать тому немедленно закладывать лошадей.

Старуха, начинавшая совершенно не понимать, что такое происходитъ съ бариномъ, исполнила и это его приказаніе.

Егоръ Егорычъ, наскоро собравъ свои бумаги и положивъ всѣ, какія у него были въ столѣ, деньги себѣ въ карманъ, написалъ Сверстову коротенькую записку:

«Прощай! Я выѣзжаю въ губернскій городъ; распоряжайтесь у меня, какъ въ своемъ имѣніи; если встрѣтится вамъ

надобность въ деньгахъ, спросите ихъ у управляющаго, весьма скоро отпишу вамъ подробнѣе».

Черезъ часъ какой-нибудь Егоръ Егорычъ усѣлся въ свои пошевни, въ которыя прислуга едва успѣла положить его еще нераспакованный съ пріѣзда въ деревню чемоданъ. Кучеръ поѣхалъ-было, по обыкновенію, легкой рысцой, но Егоръ Егорычъ, покачиваясь, какъ истуканъ, всѣмъ тѣломъ при всякомъ ухабѣ, почти безпрестанно восклицалъ: «Пошелъ!.. Пошелъ!..» Кучеръ наконецъ не сталъ сдерживать лошадей, и тѣ, очень, кажется, довольныя, что могутъ поразмяться, несмя-несли, и больше всѣхъ заявляла себя передовая лошадь: она, какъ будто бы даже играя, то понуривала своей породистой головой, то вытягивала ее вверхъ и въ то же время ни разу не сбилась съ пути. Все это въ прежнее время Егору Егорычу, какъ старому кавалеристу и коннозаводчику, доставило бы великое наслажденіе; но теперь онъ ничего не замѣчалъ.

Поутру gnädige Frau проснулась ранѣе мужа и, усѣвшись въ сосѣдней комнатѣ около приготовленнаго для нея туалетнаго столика, принялась размышлять опять о томъ же, какъ имъ будетъ житься въ чужомъ все-таки домѣ. Вошедшая къ ней одна изъ красивыхъ горничныхъ и хотѣвшая-было подать gnädige Frau умываться, отъ чего та отказалась, такъ какъ имѣла привычку всегда сама умываться, доложила затѣмъ, что Егоръ Егорычъ уѣхалъ изъ Кузьмищева и оставилъ господину доктору записку, которую горничная и вручила gnädige Frau. Та пришла въ ужасъ: ей вообразилось, что Егоръ Егорычъ отъ нихъ удралъ. Не соображая уже болѣе ничего другого, она поспѣшно вошла въ свою спальню, разбудила мужа и передала ему новость и записку Егора Егорыча.

— Да, я знаю это, я еще вчера совѣтовалъ ему такъ поступить!—проговорилъ полусоннымъ голосомъ Сверстовъ.

— Но какъ же мы теперь?—возразила gnädige Frau все еще въ недоумѣніи и съ безпокойствомъ.

— А вотъ какъ мы,—прочти!—отвѣчалъ Сверстовъ, сунувъ ей въ руку записку, и, повернувшись къ стѣнѣ, снова закрылъ глаза.

По прочтеніи любезной и обязательной записки Егора Егорыча gnädige Frau устыдилась своего подозрѣнія, что подобный превосходный человѣкъ потяготится ими и даже ускачетъ отъ нихъ.

XI.

Всѣ успѣхи въ жизни своей Крапчикъ нисколько не приписывалъ себѣ, а, напротивъ, говорилъ, что ради житейскихъ благъ онъ ни единымъ пальцемъ не пошевелилъ, но что все это лилось

на него по великой милости Божіей. Послѣднее же время эта милость Божія видимымъ образомъ отвернулась отъ него: во-первыхъ, послѣ того, какъ онъ далъ сенатору объясненіе по дѣлу раскольника Ермолаева, сей послѣдній былъ выпущенъ изъ острога и самое дѣло о скопцахъ уголовною палатою рѣшено, по каковому рѣшенію Ермолаевъ былъ совершенно оправданъ; Крапчикъ очень хорошо понималъ, что все это совершилось подъ давленіемъ сенатора и дѣлалось тѣмъ прямо въ пику ему; потомъ у Крапчика съ дочерью съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе возрастали непріятности: Катринъ съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ изъ губернскаго города Ченцовъ, и уѣхалъ даже неизвѣстно куда, сдѣлалась совершеннѣйшей тигрицей; главнымъ образомъ она, конечно, подозрѣвала, что Ченцовъ послѣдовалъ за Рыжовыми,. но иногда ей подумывалось и то, что не отъ долга ли карточнаго Крапчику онъ уѣхалъ, а потому можно судить, какія чувства къ родителю рождались при этой мысли въ весьма некроткой душѣ Катринъ. Она прежде всего перестала приходить поутру здороваться съ отцомъ, при чемъ онъ обыкновенно ее крестилъ, а Катринъ цѣловала у него руку; вечеромъ она тоже не стала соблюдать этой церемоніи, такъ что Крапчикъ наконецъ замѣтилъ ей, почему она этого не дѣлаетъ. Катринъ усмѣхнулась, пожала плечами и объявила, что она теперь не маленькая дѣвочка, и что ей наскучило разыгрывать подобныя комедіи. Сколько ни досадно было Крапчику выслушать такой отвѣтъ дочери, но онъ скрылъ это и вообще за послѣднее время сталъ замѣтно пасовать передъ Катринъ, и не столько по любви и снисходительности къ своему отпрыску, сколько потому, что отпрыскъ этотъ началъ обнаруживать характеръ врядъ ли не посердитѣй и не поупрямѣй папенькина, и при этомъ еще Крапчикъ не могъ не принимать въ расчетъ, что значительная часть состоянія, на которое онъ, живя дурно съ женою, не успѣлъ у нея выцарапать духовной, принадлежала Катринъ, а не ему. Такимъ образомъ все это сдѣлаетъ совершенно понятною ту мрачную и тяжелую сцену, которая произошла между отцомъ и дочерью за обѣдомъ—единственнымъ временемъ, когда они видались между собою.

— Вы не слыхали, куда Ченцовъ уѣхалъ? — начала Катринъ, измученная до послѣдней степени неизвѣстностью о дорогомъ ей все-таки человѣкѣ.

— А чортъ его знаетъ!—отвѣчалъ Крапчикъ сердитымъ тономъ.

— Я думала, что не одинъ чортъ, а и вы это знаете,— проговорила Катринъ, явно желая сказать отцу дерзость.

— Почему жъ ты это думала?—спросилъ Крапчикъ, какъ бы не понявъ ея намѣренія.

— Потому что онъ долженъ вамъ, а то, если онъ не пріѣдетъ сюда больше, съ кого же вы взыщете его проигрышъ?

Крапчикъ улыбнулся.

— Дядя за него заплатитъ!—пояснилъ онъ.

— Какъ это благородно!—произнесла, пожимая плечами, Катринъ.

— Къ чему такое восклицаніе твое?.. Ченцовъ самъ мнѣ поставилъ поручителемъ за себя дядю!—сказалъ Крапчикъ, все еще старавшійся сдерживать себя.

— Онъ это сказалъ, вѣроятно, думая, что вы и съ него не захотите получить этихъ денегъ.

Говоря это, Катринъ очень хорошо знала, что укорить отца въ жадности къ деньгамъ—значило нанести ему весьма чувствительный ударъ, такъ какъ Крапчикъ, въ самомъ дѣлѣ дрожавшій надъ каждою копейкой, по наружности всегда старался представить изъ себя человѣка щедраго и чуть-чуть только что не мота.

— Нѣтъ, Ченцовъ этого не думалъ!—возразилъ онъ, притворно разсмѣявшись:—какъ игрокъ и игрокъ серьезный, Ченцовъ понимаетъ, что карточный долгъ священнѣе всякаго!.. Я съ нимъ игралъ не на щепки, а на чистыя деньги, которыя у него лежали передъ глазами.

— Хорошо, что у васъ много денегъ; а у него ихъ нѣтъ, но играть онъ любитъ!..—воскликнула Катринъ.—Кромѣ того, онъ пьянъ былъ совершенно,—нельзя же пьянаго человѣка обыгрывать!

Терпѣніе Крапчика истощилось, и онъ не совладѣлъ долѣе съ собой.

— Если ты будешь смѣть такъ говорить со мной, я прокляну тебя!—зашипѣлъ онъ, крѣпко прижавъ свой могучій кулакъ къ столу.—Я не горничная твоя, а отецъ тебѣ, и ты имѣешь дерзость сказать мнѣ въ глаза, что я шулеръ, обыгрывающій навѣрняка своихъ партнеровъ!

— Я не знаю, что̀ такое шулеръ и не шулеръ,—проговорила, гордо сложивъ руки на груди, Катринъ:—но я слышала сама, что вы приказывали принести вина, когда Ченцовъ и безъ того уже былъ пьянъ.

— Это не я съ приказывалъ, а онъ самъ себѣ, пьяница, требовалъ!—закричалъ уже Крапчикъ на всю столовую:—и ты съ нимъ пила и чокалась и сидѣла потомъ вдвоемъ до трехъ часовъ ночи, неизвѣстно что̀ дѣлая и о чемъ бесѣдуя.

— О, я по очень простой причинѣ такъ долго бесѣдовала

съ Ченцовымъ!.. Я уговаривала его не платить вамъ своего долга, который я вамъ заплачу за него, и вы можете этотъ долгъ завтра же вычесть изъ денегъ, которыя получаются съ имѣнія покойной матери моей и у которой я все-таки наслѣдница!

Крапчикъ еще въ первый разъ выслушалъ отъ дочери эти страшныя для него слова, но, какъ человѣкъ практическій, онъ заранѣе предчувствовалъ, что они когда-нибудь будутъ ему сказаны, а потому, не слишкомъ смутившись, проговорилъ твердо и отчетливо:

— Изъ этихъ денегъ я не рѣшусь себѣ взять ни копейки въ уплату долга Ченцова, потому что, какъ можно ожидать по теперешнимъ вашимъ поступкамъ, мнѣ, вѣроятно, о нихъ придется давать отчетъ по суду, и мнѣ тамъ совѣстно будетъ объявить, что такую-то сумму дочь моя мнѣ заплатила за своего обожателя.

— То-то, къ несчастію, Ченцовъ не обожатель мой, но если бы онъ былъ имъ и предложилъ мнѣ выйти за него замужъ,—что, конечно, невозможно, потому что онъ женатъ,—то я сочла бы это за величайшее счастье для себя; но за вашего противнаго Марѳина я никогда не пойду, хоть бы у него было не тысяча, а сто тысячъ душъ!

Сказавъ это, Катринъ встала порывисто изъ-за стола и, швырнувъ изъ-подъ себя стулъ на полъ, ушла къ себѣ наверхъ.

Крапчикъ остался очень разсерженный, но далеко не потерявшійся окончательно: конечно, ему досадно было такое рѣшительное заявленіе Катринъ, что она никогда не пойдетъ за Марѳина; но, съ другой стороны, захочетъ ли еще и самъ Марѳинъ жениться на ней, потому что весь городъ говорилъ, что онъ влюбленъ въ старшую дочь адмиральши, Людмилу? Кромѣ того, Крапчика весьма порадовало признаніе дочери въ томъ, что Ченцовъ не обожатель ея, слѣдовательно тутъ нечего было опасаться какого-нибудь большого скандала съ Катринъ, тѣмъ болѣе, что Ченцовъ теперь, какъ слышалъ о томъ Петръ Григорьичъ, удралъ за Людмилой, съ которой этотъ развратникъ давно уже возжался. Вознамѣрившись послѣднее обстоятельство разузнать поподробнѣе, Крапчикъ рѣшилъ мысленно, что обо всемъ этомъ пока нечего много безпокоиться; но между тѣмъ прошелъ день, два, три, Катринъ все сидѣла у себя наверху и не сходила внизъ ни чай пить ни обѣдать, такъ что Крапчикъ спросилъ наконецъ ея горничную, что такое съ барышней? Та отвѣчала, что барышня больна.

— Тогда пусть она пошлетъ за докторомъ!.. Я не смѣю этого сдѣлать, не зная, угодно ли это будетъ ей, или нѣтъ!— произнесъ Крапчикъ съ насмѣшкой.

Горничная сходила къ барышнѣ и, возвратясь отъ нея, донесла, что Катерина Петровна не желаетъ посылать за докторомъ.

Въ первое мгновеніе у Крапчика промелькнула-было безпокойная мысль: «ну, а что, если дочь умретъ отъ несчастной любви къ Ченцову?» Въ томъ, что она была влюблена въ этого негодяя, Крапчикъ нисколько уже не сомнѣвался. Но къ нему и тутъ пришла на помощь его разсудительность: во-первыхъ, разсчитывалъ онъ, Катринъ никакъ не умретъ отъ любви, потому что наслѣдовала отъ него крѣпкую и здоровую натуру, способную не только вынести какую-нибудь глупую и неудавшуюся страсть, но что-нибудь и посильнѣе; потомъ, если бы даже и постигнуло его, какъ отца, такое несчастье, то, безъ сомнѣнія, очень тяжело не имѣть близкихъ наслѣдниковъ, но что жъ прикажете въ этомъ случаѣ дѣлать? Въ смерти дочери онъ, конечно, нисколько не будетъ себя считать виновнымъ, а между тѣмъ самъ лично избавится отъ множества огорченій, которыя Катринъ, особенно послѣднее время, дѣлала ему каждоминутно и—что обиднѣе всего—нарочно и съ умысломъ.

Отъ такого рода размышленій Крапчика отвлекла новая непріятность, гораздо горшая, чѣмъ всѣ прежнія. Здѣсь, впрочемъ, необходимо вернуться нѣсколько назадъ: еще за годъ передъ тѣмъ Петръ Григорьичъ задумалъ перемѣнить своего управляющаго и сказалъ о томъ кое-кому изъ знакомыхъ; желающихъ занять это мѣсто стало являться много, но всѣ они какъ-то не нравились Крапчику: то былъ глупъ, то явный пьяница, то очень оборванъ. Наконецъ передъ самой масленицей ему доложили, что пришелъ какой-то молодой человѣкъ тоже съ предложеніемъ себя въ управляющіе. Крапчикъ велѣлъ пустить его къ себѣ въ кабинетъ, и предъ его очи предсталъ дѣйствительно молодой человѣкъ. Крапчикъ внимательно оглядѣлъ его съ головы до ногъ. Молодой человѣкъ оказался очень опрятно одѣтымъ, даже болѣе того: все на немъ было съ иголочки, какъ бы сейчасъ только купленное; волосы у молодого человѣка были рыжіе, слегка кудреватые; глаза тоже почти рыжіе, но умные и плутоватые; по своему поклону онъ показался Крапчику похожимъ на семинариста.

— Вы изъ духовнаго званія?—спросилъ онъ его.

— Нѣтъ-съ, я изъ мѣщанъ!—отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Уроженецъ здѣшній?

— Никакъ нѣтъ-съ, изъ дальнихъ мѣстъ.

— Какъ же вы сюда попали?

Что-то въ родѣ небольшого румянца пробѣжало при этомъ вопросѣ по лицу молодого человѣка, и глаза его какъ бы болѣе обыкновеннаго забѣгали.

— Родитель мой первоначально торговалъ, потомъ торговлю прикончилъ и вскорѣ померъ... Я такимъ образомъ сталъ одинъ, безъ всякой семьи, и вздумалъ ѣхать въ Петербургъ, но, проѣзжая здѣшній городъ, вижу, что онъ многолюдный,— рѣшилъ, что дай пока здѣсь попробую счастья.

— Но какъ вы узнали, что мнѣ нуженъ управляющій?

— Да я, извините, такъ сказать, не имѣвъ здѣсь никого знакомыхъ, заходилъ въ нѣкоторые господскіе дома и спрашивалъ, что нѣтъ ли мѣстечка, и на вашемъ дворѣ мнѣ сказали, что вамъ нуженъ управляющій.

Крапчикъ нахмурился: ему непріятно было, что прислуга вмѣшивается въ его дѣла; но что касается до наружности и отвѣтовъ молодого человѣка, то всѣмъ этимъ онъ оставался доволенъ.

— Вы прежде управляли какимъ-нибудь имѣніемъ?—сказалъ онъ.

— Никогда, но сельскую часть немного знаю.

— Гдѣ же вы ее узнали?

— Родитель мой зеленью торговалъ... Огороды у него подгородные на арендѣ были и запашка небольшая.

— Оставилъ вамъ отецъ послѣ себя какое-нибудь состояніе?

— Да, такъ, маленькій капиталецъ—тысячъ въ пять!

И при этомъ молодой человѣкъ, проворно вынувъ изъ кармана билетъ приказа общественнаго призрѣнія, предъявилъ его Крапчику.

Тотъ осмотрѣлъ тщательно билетъ.

— Значитъ, вы уже здѣсь положили ваши деньги въ приказъ?

— Здѣсь!.. Живешь на постояломъ дворѣ, гдѣ жъ тутъ деньги прятать, а билетъ-то тоненькій: сунешь его въ карманъ и ходишь покойно.

Крапчику такая предусмотрительность со стороны молодого человѣка понравилась.

— Вотъ видите-съ,—началъ онъ:—доселѣ у меня были управляющіе изъ моихъ крѣпостныхъ людей, но у всѣхъ у нихъ оказывалось очень много родныхъ въ имѣніи и разныхъ кумовъ и сватовъ, которымъ они миротворили; а потому я рѣшился взять съ воли управляющаго, но не иначе какъ съ залогомъ, который, въ случаѣ какой-нибудь крупной плутни, я удержу въ свою пользу.

— Да не угодно ли вамъ этотъ билетъ залогомъ у меня взять, а мнѣ выдать записочку, что онъ находится у васъ въ обезпеченіи?

Готовность молодого человѣка дать отъ себя залогъ опять-таки пришлась по душѣ Крапчику.

— Вы, конечно, грамотный?—продолжалъ онъ разспрашивать молодого человѣка.

— Грамотный!—отвѣчалъ тотъ.

— Потрудитесь мнѣ написать ваше имя, отчество и званіе, присядьте на этотъ стулъ, и вотъ вамъ бумага и перо!

Молодой человѣкъ исполнилъ это приказаніе, и та посадка, которую онъ при этомъ принялъ, та умѣлость, съ которою онъ склонилъ голову набокъ и взялъ въ руки перо, а также и красивый, бойкій почеркъ опять-таки напомнили Крапчику болѣе семинариста, чѣмъ лавочника.

— А на счетахъ и ариѳметику вы знаете?

— Знаю-съ!

— Первую и вторую часть?

— Только первую! — объяснилъ, слегка подумавъ, молодой человѣкъ.

— Но гдѣ-жъ вы всему этому научились?

— Сначала у священника нашего, а потомъ въ училищѣ!

— Въ духовномъ или свѣтскомъ?—допытывался Крапчикъ.

Молодой человѣкъ опять-таки позамялся нѣсколько.

— Въ свѣтскомъ!.. Гдѣ-жъ въ духовномъ! — отвѣтилъ онъ.

— Паспортъ вы, конечно, имѣете?

— Имѣю-съ!

И молодой человѣкъ подалъ паспортъ на имя мѣщанина Василія Иванова Тулузова. Крапчикъ очень внимательно прочелъ всѣ примѣты, написанныя въ паспортѣ, и онѣ ему показались схожими съ молодымъ человѣкомъ.

— И шрамъ на лѣвой рукѣ даже обозначенъ!—замѣтилъ онъ.

— Шрамъ есть у меня!—подхватилъ молодой человѣкъ и, загнувъ рукавъ у сюртука, показалъ весьма небольшой и еще красноватый рубецъ.

— Давно онъ у васъ?—разспрашивалъ Крапчикъ, какъ бы подталкиваемый какимъ-то тайнымъ подозрѣніемъ.

— Недавно-съ!.. Передъ отъѣздомъ почти оцарапнулъ себѣ это гвоздемъ!—объяснилъ молодой человѣкъ.

— Какое же вы жалованье желаете получать?—поставилъ наконецъ послѣдній вопросъ отъ себя Крапчикъ.

— Жалованье, ваше превосходительство, у насъ, напримѣръ, по торговой части, кладется, глядя по заслугѣ, и что вы мнѣ назначите,—тѣмъ я и доволенъ буду.

«Значитъ, надѣется на себя!»—подумалъ не безъ удовольствія Крапчикъ, но вслухъ однако проговорилъ довольно суровымъ голосомъ:

— На всѣхъ этихъ условіяхъ я могу васъ взять къ себѣ!.. Имѣніе мое, которое вамъ поручится, по хлѣбопашеству незначительное; но оно значительно по оброчнымъ сборамъ!.. Скотина, мой теперешній управляющій, накопилъ пропасть недоимки, которую вы прежде всего должны собрать. Способъ для того такой: вы объѣзжайте всѣхъ сосѣднихъ подрядчиковъ, которые вотъ именно Великимъ постомъ подряжаютъ рабочихъ и выдаютъ имъ задатки, и объявите имъ, чтобы крестьянамъ моимъ, на которыхъ у меня числится недоимка, они денегъ на руки не выдавали, а вручали бы ихъ вамъ; если же подрядчики не сдѣлаютъ того, вы не выдавайте недоимщикамъ паспортовъ.

Въ прежнее время обыкновенно Крапчикъ поролъ жестоко крестьянъ, которые не доплачивали ему оброка; но нынѣ, имѣя въ виду все-таки висѣвшую надъ губерніей ревизію, рѣшился дѣйствовать болѣе законнымъ путемъ.

— Это легко сдѣлать!.. Недоимку соберу...—произнесъ самонадѣянно молодой человѣкъ.

— Итакъ, вы завтра же можете и ѣхать! — заключилъ Крапчикъ.

— Если прикажете, завтра же поѣду, — сказалъ покорнымъ тономъ молодой человѣкъ и, получивъ на билетъ приказа общественнаго призрѣнія отъ Крапчика расписку, ушелъ, а на другой день и совсѣмъ уѣхалъ въ имѣніе.

На третьей недѣлѣ поста, именно вскорѣ послѣ того какъ Крапчикъ поссорился съ дочерью, новый его управляющій прислалъ ему совершенно грамотное и весьма почтительное донесеніе, пересыпанное фразами: «ваше превосходительство», «по приказанію вашего превосходительства», «какъ благоугодно будетъ вашему превосходительству». Въ донесеніи этомъ управляющій прежде всего объяснилъ, что недоимка съ крестьянъ имъ почти вся собрана, а затѣмъ слѣдовало довольно непріятное извѣстіе, что на-дняхъ, по чьему-то безъименному доносу, къ нимъ въ имѣніе пріѣзжала земская полиція, въ сопровожденіи сенаторскаго чиновника, дѣлать дознанія о злоупотребленіяхъ будто бы господиномъ Крапчикомъ помѣщичьей власти, но что онъ, управляющій, водя крестьянъ къ допросамъ, строго воспрещалъ имъ что-либо показывать на господина, угрожая, въ противномъ случаѣ, ссылкою на поселеніе, и что вслѣдствіе этого никто изъ крестьянъ ничего не показалъ въ подтвержденіе доноса.

За все это Крапчикъ, конечно, прежде всего поблагодарилъ Бога и похвалилъ мысленно распорядительность своего управляющаго; но новая выходка сенатора противъ него—и выходка столь враждебная — взбѣсила его до-нельзя, такъ что Крапчикъ, не медля ни минуты, облекся въ мундиръ, звѣзду, ленту, во всѣ свои кресты и медали, и поѣхалъ къ его сіятельству объясниться. Войдя съ апломбомъ въ залу сенатора, онъ громогласно объявилъ дежурному чиновнику, что онъ губернскій предводитель Крапчикъ и имѣетъ надобность видѣть графа. Вѣжливый чиновникъ на первыхъ порахъ пошелъ-было проворно въ кабинетъ сенатора; но, возвратясь оттуда гораздо уже медленнѣе, сказалъ Крапчику, что графъ боленъ и не можетъ принять его.

— Но я пріѣхалъ по экстренному дѣлу и готовъ видѣть графа даже въ постели! — настаивалъ Крапчикъ.

Чиновникъ опять ушелъ въ кабинетъ, гдѣ произошла нѣсколько даже комическая сцена: графъ, видимо, бывшій совершенно здоровъ, но въ то же время чрезвычайно разстроенный и недовольный, когда дежурный чиновникъ доложилъ ему о новомъ требованіи Крапчика принять его, обратился почти съ запальчивостью къ стоявшему передъ нимъ навытяжкѣ правителю дѣлъ:

— Вотъ плоды, которые мы пожинаемъ по поводу послѣдняго распоряженія, — вотъ они!

— Ваше сіятельство, мы должны были сдѣлать это распоряженіе! — сказалъ тотъ, не поднимая своихъ опущенныхъ глазъ.

— А если должны, такъ вы и ступайте объясняться съ господиномъ Крапчикомъ, а я не намѣренъ себя мучить, никакъ!..

— Я готовъ объясниться!—отвѣчалъ правитель дѣлъ.

— Прошу васъ! — проговорилъ сенаторъ и нервно понюхалъ табаку изъ осыпанной брильянтами табакерки.

Дѣло въ имѣніи Крапчика было чисто измышлено Звѣздкинымъ, который, явно уже дѣйствуя задно съ m-me Клавской, старался вредить, чѣмъ только возможно, всѣмъ врагамъ губернатора, въ числѣ коихъ Крапчикъ, конечно, былъ однимъ изъ самыхъ главныхъ. Выйдя, по приказанію сенатора, въ залу къ губернскому предводителю, онъ не поклонился даже ему, равно какъ и Крапчикъ не сдѣлалъ для того ни малѣйшаго движенія. Оба они, кромѣ ужъ вражды, представляли собой какія-то двѣ почти климатическія противоположности: Звѣздкинъ былъ петербургскій чиновничій парвеню, семинаристъ по происхожденію, злой и обидчивый по наклонности своей къ чахоткѣ, а Крапчикъ — полувосточный человѣкъ и

тоже своего рода выскочка, здоровый, какъ желѣзная кочерга, несмотря на свои шестьдесятъ восемь лѣтъ, и уязвленный теперь въ самую суть свою.

— Графъ никакъ не можетъ принять васъ, — началъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ Звѣздкинъ:—а онъ мнѣ поручилъ объясниться съ вами.

Крапчикъ сердито понурилъ головой.

— Если графу такъ угодно понимать и принимать дворянъ, то я повинуюсь тому,—проговорилъ онъ:—но во всякомъ случаѣ прошу васъ передать графу, что я пріѣзжалъ къ нему не съ какимъ-нибудь пустымъ, свѣтскимъ визитомъ, а по весьма серьезному дѣлу: сегодня мною получено отъ моего управляющаго письмо, которымъ онъ мнѣ доноситъ, что въ одномъ изъ имѣній моихъ какой-то чиновникъ господина ревизующаго сенатора дѣлалъ дознаніе о моихъ злоупотребленіяхъ, какъ помѣщика, — дознаніе, по которому ничего не открылось.

— Ничего не открылось! — подтвердилъ и правитель дѣлъ.

— Такъ для чего жъ его и производили?.. — воскликнулъ съ злобнымъ хохотомъ губернскій предводитель.

— По доносу!—отвѣчалъ ему спокойно Звѣздкинъ.

— Позвольте-съ!—воскликнулъ снова Крапчикъ:—во-первыхъ, по безыменнымъ доносамъ законъ повелѣваетъ ничего не дѣлать, ни къ чему не приступать.

— Да, но только этотъ законъ не распространяется на ревизующихъ губерніи сенаторовъ!—возразилъ Звѣздкинъ:—по высочайше утвержденной инструкціи, данной графу въ руководство, онъ можетъ дѣлать дознанія не только что по доносамъ, но даже по слухамъ, дошедшимъ до него.

— Любопытно бы было видѣть эту инструкцію, — сказалъ насмѣшливо Крапчикъ: — но, кромѣ того, слухъ слуху рознь. Это ужъ я говорю не какъ помѣщикъ, а какъ губернскій предводитель дворянства; назначать неосмотрительно дознанія по этого рода дѣламъ значитъ прямо вызывать крестьянъ на бунтъ противъ помѣщиковъ, а это я не думаю, чтобы было пріятно государю.

На это ужъ правитель дѣлъ улыбнулся.

— Графу очень хорошо извѣстно, что̀ пріятно государю и что̀ нѣтъ, — объяснилъ онъ, видимо, стараясь все своротить на графа, который, съ своей стороны, приложивъ ухо къ двери, подслушивалъ, что̀ говоритъ его правитель дѣлъ и что̀ Крапчикъ.

— Не знаю-съ, что̀ извѣстно графу, но я на-дняхъ уѣзжаю въ Петербургъ и буду тамъ говорить откровенно о положеніи нашей губерніи и дворянства,—сказалъ сей послѣдній въ заключеніе и затѣмъ, гордо поднявъ голову, вышелъ изъ залы.

Сенаторъ, прежде чѣмъ Звѣздкинъ возвратился въ кабинетъ, поспѣшилъ занять свое кресло, и когда тотъ, войдя, доложилъ съ нѣсколько подобострастною улыбкой, что Крапчикъ успокоился и уѣхалъ, графъ вдругъ взглянулъ на него непріязненно и проговорилъ:

— Ничего, я вижу, вы не понимаете, или притворяетесь, что не понимаете!

Звѣздкинъ былъ опѣшенъ и поспѣшилъ принять совершенно форму палки.

— Вы можете ѣхать къ вашимъ занятіямъ въ губернское правленіе,—объявилъ ему сенаторъ.

Звѣздкинъ счелъ возможнымъ только удалиться.

Графъ остался въ размышленіи: тысячи соображеній у него прошли въ головѣ, и яснѣе всего ему опредѣлилось, что взятая имъ на себя ревизія губерніи отзовется не легко для него въ Петербургѣ, и что главный исполнитель всѣхъ его предначертаній, Звѣздкинъ—плутъ великій, котораго надобно опасаться. Чтобы разсѣять себя хоть сколько-нибудь отъ такихъ непріятныхъ мыслей, графъ уѣхалъ къ m-me Клавской на весь остальной день и даже на значительную часть ночи.

Крапчикъ же, возвратясь прямо домой отъ сенатора и увидавъ въ своей передней стоявшаго Антипа Ильича, пришелъ въ великую радость.

— Егоръ Егорычъ здѣсь? — спросилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, — отвѣчалъ Антипъ Ильичъ: — я пріѣзжалъ сюда говѣть, а они въ Кузьмищевѣ, и я зашелъ къ вамъ, не будетъ ли какого приказанія къ барину.

— Даже большое!—воскликнулъ Крапчикъ.—А ты подожди, я сейчасъ напишу ему письмо.

Антипъ Ильичъ поклонился въ изъявленіе того, что онъ будетъ дожидаться письма.

Крапчикъ изготовилъ Егору Егорычу весьма длинное посланіе, въ которомъ, не упоминая о своихъ личныхъ непріятностяхъ, описалъ другія дѣйствія сенатора и описалъ ихъ въ ужасающемъ видѣ, заклиная и умоляя Егора Егорыча немедленно пріѣхать въ губернскій городъ съ тѣмъ, чтобы писать и дѣйствовать сообща!

Какого рода впечатлѣніе письмо это произвело на Егора Егорыча и на доктора, мы уже знаемъ.

XII.

Былъ ясный мартовскій день съ легонькимъ морозцемъ. Въ залѣ хаотическаго дома Рыжовыхъ, освѣщенной яркимъ

солнцемъ, раздавались звуки фортепіано, на которомъ часа уже три неустанно играла Муза. Исполняемая ею арія была не совсѣмъ отчетлива и понятна, вѣроятно, потому, что Муза фантазировала и играла свое. Непривычка къ творчеству чувствовалась сильно въ этихъ упражненіяхъ юной музыкантши, но тѣмъ не менѣе за нею нельзя было не признать талантливой изобрѣтательности, нѣкоторой силы чувства и пріятности въ самой манерѣ игры: съ восторженнымъ выраженіемъ въ своемъ продолговатомъ личикѣ и съ разгорѣвшимися глазками, Муза, видимо, была поглощена своимъ творчествомъ. Такимъ образомъ она давно ужъ творила и только никогда ничего изъ своихъ фантазій не могла записать на ноты. Вдругъ на дворъ къ Рыжовымъ влетѣла вся въ мылѣ тройка Егора Егорыча, а вмѣстѣ съ нею и онъ самъ, торча незамѣтной фигуркой изъ своихъ широкихъ пошевней, закрытыхъ полостью. У крыльца Егоръ Егорычъ что-то такое пробормоталъ кучеру и почти съ неменьшей быстротой, какъ несся и на тройкѣ, влетѣлъ въ переднюю, а затѣмъ и въ залу, такъ что Муза едва успѣла пріостановиться играть.

— Играйте, играйте!..—крикнулъ онъ ей.

Муза повиновалась ему и стала-было играть, но Маркинъ недолго слушалъ ее и, усѣвшись на ближайшій къ фортепіано стулъ, спросилъ:

— Гдѣ ваша мать и Людмила?

— Онѣ уѣхали въ Москву,—отвѣчала Муза, все еще остававшаяся подъ вліяніемъ своего творчества.

Егоръ Егорычъ, кажется, желалъ поразспросить еще, но, потеревъ себѣ лобъ, передумалъ и сказалъ:

— А гдѣ Сусанна Николаевна?

Странное дѣло: Сусанну Егоръ Егорычъ никогда не называлъ однимъ именемъ, какъ называлъ онъ Людмилу и Музу, а всегда съ прибавленіемъ отчества, точно желая тѣмъ выразить какое-то инстинктивное уваженіе къ ней.

— Сусанна съ тетей у обѣдни,—проговорила Муза, опять-таки болѣе занятая своей музыкальной фантазіей, чѣмъ вопросами Егора Егорыча.

Онъ замѣтилъ наконецъ это и снова предложилъ своей скороговоркой:

— Играйте, играйте!.. Мнѣ очень пріятно васъ слушать.

Муза принялась-было продолжать свою фантазію, но у нея стало выходить что-то очень нескладное: при постороннихъ лицахъ она рѣшительно не могла спокойно творить. Впрочемъ, къ общему удовольствію обоихъ собесѣдниковъ, въ это время вмѣстѣ съ теткой-монахиней возвратилась Сусанна. Войдя въ

залу и увидавъ Егора Егорыча, она удивилась и, по обыкновенію, покраснѣла. Монахиня же, увидавъ мужчину, попятилась, какъ бы отъ чорта какого, назадъ въ переднюю, а потомъ и совсѣмъ ушла въ свою комнату. Тетя эта была родная сестра адмиральши и своей стыдливостью и дикостью превосходила во сто разъ Сусанну. Не выходя никуда, кромѣ церкви, она бо́льшую часть времени проводила въ уединеніи и въ совершенномъ бездѣйствіи, все что-то такое шепча сама съ собой, и только иногда принималась разбирать свой сундукъ съ почти уже истлѣвшими свѣтскими платьями и вдругъ одѣвалась въ самое нарядное изъ нихъ, садилась передъ небольшимъ зеркальцемъ, начинала улыбаться, разводила руками и тоже шептала. Вообще она давно походила на сумасшедшую, именно съ того времени, какъ въ двѣнадцатомъ году подъ Краснымъ убитъ былъ ея женихъ, послѣ чего она начала тосковать, по временамъ даже заговариваться, и кончила тѣмъ, что поступила въ монастырь, завѣщавъ въ него свое состояніе.

Егоръ Егорычъ, какъ только появилась Сусанна, вскочивъ со стула и проговоривъ:

— Ахъ, я очень радъ васъ видѣть!—подхватилъ ее, хоть и ловко, но почти насильно, подъ руку и увелъ съ собой въ гостиную.

Бѣдная Сусанна еще болѣе покраснѣла, но послѣдовала за нимъ и усѣлась на то мѣсто, которое занимала Юлія Матвѣевна при послѣднемъ объясненіи съ Егоромъ Егорычемъ; онъ тоже занялъ свое прежнее мѣсто.

— Вы давно сюда въ городъ пріѣхали?—начала Сусанна, чтобы что-нибудь сказать.

— Недавно!.. сейчасъ только!.. Зачѣмъ и для чего ваша мать и Людмила уѣхали въ Москву?.. — бормоталъ Егоръ Егорычъ.

При этомъ у Сусанны вдругъ глаза наполнились слезами.

— Сестра сдѣлалась очень больна!—отвѣчала она.

— Чѣмъ?—спросилъ Егоръ Егорычъ, потупляя лицо.

— Не знаю!—проговорила тихимъ, но совершенно искреннимъ голосомъ Сусанна.

Тогда Егоръ Егорычъ снова поднялъ голову и посмотрѣлъ на нее пристально.

Слезы у Сусанны уже текли по щекамъ.

— Но и вы больны!.. Вы страшно похудѣли и плачете! — воскликнулъ Егоръ Егорычъ.

— Нѣтъ, это я такъ!..—возразила Сусанна, стараясь смигнуть опять наполнившія ея глаза слезы: — я только очень

скучаю по мамашѣ и по сестрѣ!.. Мы еще такъ надолго никогда не разлучались.

Егоръ Егорычъ нѣкоторое время размышлялъ.

— Но отчего же мать ваша не взяла васъ и Музы съ собой?—проговорилъ онъ затѣмъ.

— Мамаша говорила, что у нея денегъ пѣтъ, чтобы ѣхать всѣмъ намъ!—объяснила Сусанна.

— Это безжалостно и глупо съ ея стороны было оставить васъ!..—совсѣмъ ужъ вспылилъ Егоръ Егорычъ.—Если у ней не было денегъ, отчего она мнѣ не написала о томъ?

Сусанна робко молчала.

— Тутъ то, да не то!.. да!.. не то тутъ!—произнесъ Егоръ Егорычъ и затѣмъ, снова подумавъ немного, присовокупилъ:

— А гдѣ мой племянникъ Ченцовъ,—не знаете ли вы?

— Нѣтъ!—отвѣчала Сусанна, тоже, повидимому, совершенно искренно.

Между тѣмъ звуки фортепіано, на которомъ съ возрастающей энергіей принялась играть Муза, оставшись одна въ залѣ и явно придя въ норму своего творчества, громко раздавались по всему дому, что̀ еще болѣе наэлектризовывало Егора Егорыча и поддавало ему пару.

— Адресъ вашей матери вы знаете?—спрашивалъ онъ.

— Да!..—протянула Сусанна.

— Дайте его мнѣ!.. Я тоже ѣду въ Москву... Хотите, и вы поѣдемте со мной?.. Я васъ и сестру вашу свезу въ Москву.

Сусанна на первыхъ порахъ была удивлена и смущена такимъ предложеніемъ: конечно, ей безконечно хотѣлось увидать поскорѣе мать, но въ то же время ѣхать съ Егоромъ Егорычемъ, хоть и не молодымъ, но все-таки мужчиной, ей казалось нѣсколько страшно.

— Я, право, не знаю!—сказала она:—согласится ли на это Муза.

— Позовите Музу!.. мы ее спросимъ!—командовалъ Егоръ Егорычъ: у него образовался цѣлый планъ въ головѣ, какимъ образомъ устроить всю эту несчастную семью.

Сусанна сходила за сестрой, которая пришла, но съ лицомъ недовольнымъ: Музѣ досадно было, что ее прервали на лучшемъ мѣстѣ творимой ею фантазіи.

Марѳинъ началъ чисто ораторствовать, краснорѣчиво доказывая, что обѣимъ сестрамъ, какъ дѣвушкамъ молодымъ, нѣтъ никакого повода и причины оставаться въ губернскомъ городѣ, тѣмъ болѣе, что онѣ, нѣжно любя мать свою, конечно, скучаютъ и страдаютъ, чему доказательствомъ служитъ даже

лицо Сусанны, а потому онъ желаетъ ихъ свезти въ Москву и поселить тамъ.

Всѣ эти слова Егора Егорыча Сусанна слушала, трепеща отъ восторга, но Муза—нѣтъ, по той причинѣ, что, по отъѣздѣ матери и сестры, ей оказалось весьма удобнымъ жить въ большомъ и почти пустынномъ домѣ и разыгрывать свои фантазіи, тогда какъ понятно, что въ Москвѣ у нихъ будутъ небольшія комнаты, да, пожалуй, и фортепіано-то не окажется.

— Нѣтъ, я не поѣду!.. Мамаша желала, чтобы мы здѣсь остались, и я останусь! — произнесла она рѣшительно: какъ натура артистическая, Муза была до нѣкоторой степени эгоистка и искусство свое ставила превыше всѣхъ отношеній къ самымъ близкимъ ей людямъ.

Марѳинъ потеръ себѣ лобъ и, любя снисходить ко всѣмъ пожеланіямъ людей и догадываясь, что Сусаннѣ очень хочется ѣхать къ матери, а Музѣ нѣтъ, что было для Егора Егорыча непонятно и досадно, онъ однако быстро рѣшилъ:

— Вы, Муза, оставайтесь здѣсь съ вашей старушкой-монахиней, а вы, Сусанна Николаевна, поѣдемте со мной.

— Хорошо!—отвѣтила послѣдняя, болѣе не раздумывая.

— Итакъ, завтра поутру я заѣду за вами! — заключилъ Марѳинъ, уже расшаркиваясь передъ барышнями и цѣлуя ручку у той и у другой.

Пріѣхавъ въ свой номеръ въ гостиницу Архипова, онъ немедленно послалъ къ губернскому предводителю нарочнаго съ просьбой посѣтить его.

Крапчикъ, похудѣлый и какой-то позеленѣлый, скоро явился къ Егору Егорычу и сразу же проговорилъ голосомъ, осипшимъ отъ желчной рвоты, которою онъ страдалъ передъ тѣмъ все утро:

— Медлить намъ нельзя-съ!.. Всѣ наши планы касательно ревизіи разрушаются... Сенаторъ творитъ на каждомъ шагу беззаконія!

— Я не могу прямо ѣхать въ Петербургъ, я долженъ прежде заѣхать въ Москву!..—возразилъ ему, бормоча, Марѳинъ.

Крапчика поразило и разсердило такое извѣстіе.

— По какой же собственно надобности вамъ такъ необходимо ѣхать въ Москву?—спросилъ онъ.

— Я везу къ кузинѣ Рыжовой одну изъ дочерей ея, которая очень скучаетъ объ ней!—проговорилъ Егоръ Егорычъ, потупляясь отъ сознанія въ душѣ, что онъ не полную правду говоритъ въ этомъ случаѣ.

— Кто же это скучаетъ, — мать или дочь? — переспросилъ Крапчикъ, какъ бы не понявъ того, что сказалъ Егоръ Егорычъ.

— Дочь, но и мать, вѣроятно, скучаетъ!—пояснилъ тотъ.

— Что жъ матери скучать! — возразилъ съ недовольнымъ смѣхомъ Крапчикъ: — она не одна въ Москву поѣхала, а съ старшей своей дочерью.

— Да!—подтвердилъ Егоръ Егорычъ: — и Людмила, говорятъ, сильно больна.

— Не думаю, чтобъ очень сильно!—протянулъ Крапчикъ, кажется, начинавшій уже догадываться, зачѣмъ Егоръ Егорычъ скачетъ въ Москву, а не прямо ѣдетъ въ Петербургъ, и рѣшившій за то преподнесть ему нѣчто не совсѣмъ пріятное:—тутъ много по поводу ихъ отъѣзда разсказываютъ...

— Что такое?.. что именно?—воскликнулъ Марѳинъ.

— Разная болтовня идетъ, и этакая непріятная и обидная!

— Какая же?.. Говорите!—началъ ужъ приставать Марѳинъ:—мнѣ вы должны сказать и не можете утаивать отъ меня,—я единственный защитникъ и заступникъ за этихъ дѣвушекъ.

— Извольте, я вамъ скажу, хотя за достовѣрность этихъ слуховъ нисколько не ручаюсь: за что купилъ, за то и продаю.

— Ну-съ!—торопилъ его Марѳинъ.

— Говорятъ, во-первыхъ, что Людмила Николаевна безъ ума влюблена въ племянника вашего, Ченцова.

Егоръ Егорычъ прижался поплотнѣе къ спинкѣ своего кресла.

— Потомъ, что будто бы...—началъ Крапчикъ уже съ перерывами:—они всѣ вмѣстѣ даже уѣхали въ Москву, вслѣдствіе того, что... Людмилѣ Николаевнѣ угрожаетъ опасность сдѣлаться матерью.

О послѣднемъ обстоятельствѣ Крапчикъ чортъ знаетъ отъ кого и узналъ, но только узналъ, а не выдумалъ.

Егоръ Егорычъ вспыхнулъ въ лицѣ и вскочилъ.

— Вы врете!.. лжете!—крикнулъ онъ, обращаясь почти съ кулаками къ Крапчику.

— Я никакъ не вру, потому что съ того и началъ, что не утверждаю, правда это или нѣтъ!—возразилъ тотъ спокойно:—и потомъ, какъ же мнѣ прикажете поступать. Сами вы требуете, чтобы я передалъ вамъ то, что слышалъ, и когда я исполнилъ ваше желаніе,—вы на меня же кидаетесь!

— Но вы понимаете ли, что говорить такія вещи о дѣвушкѣ значитъ—позорить, убивать ее, и я не позволю того никому и всѣмъ ротъ зажму! — продолжалъ кричать Егоръ Егорычъ.

— Нѣтъ-съ, всѣмъ ротъ нельзя зажать! — не уступалъ Крапчикъ.

— Зажму, потому что если бы тутъ что-нибудь такое было, то это мнѣ сказали бы и племянникъ и сама Людмила.

— Положимъ, что вамъ не сказали бы того, — замѣтилъ, усмѣхнувшись, Крапчикъ, какъ бы находившій какое-то наслажденіе для себя мучить Егора Егорыча.

— Отчего не сказали бы? — проговорилъ тотъ запальчиво.

— Оттого, что я опять-таки передаю вамъ слухи, что вы сами были неравнодушны къ Людмилѣ Николаевнѣ.

Егоръ Егорычъ снова вспыхнулъ въ лицѣ. Отвергнуть свое увлеченіе Людмилою онъ, по своей правдивости, не могъ, но и признаться въ томъ ему какъ-то было совѣстно.

Впрочемъ, Егоръ Егорычъ поспѣшилъ выкинуть изъ души этотъ ложный стыдъ.

— Да, былъ!—подтвердилъ онъ.

— Вотъ видите-съ, дѣло какое!—подхватилъ не безъ ядовитости Крапчикъ:—вы, конечно, должны согласиться, что отъ васъ было болѣе, чѣмъ отъ кого-либо, все скрываемо.

— Но если отъ меня скрывали, то Людмила матери бы сказала!

— Матери, можетъ-быть, она и сказала, какъ дѣло-то въявь ужъ подошло.

— Нечему тутъ въявь приходить,—не смѣйте этого при мнѣ повторять!—снова вспылилъ Егоръ Егорычъ.

— Да я ничего такого и не повторяю, я хочу сказать только, что нынче дѣти не очень бываютъ откровенны съ родителями и не утѣшеніе, не радость наша, а скорѣй горе!—намекнулъ Крапчикъ и на свое собственное незавидное положеніе.

Егоръ Егорычъ ничего ему на это не сказалъ, чувствуя, что внутри у него, въ душѣ его, что-то такое какъ бы лопнуло, потомъ все взбудоражилось и перевернулось вверхъ ногами.

Крапчикъ, въ свою очередь, немножко ужъ и раскаивался, что такъ взволновалъ своего друга, понявъ, что теперь никакимъ рычагомъ не своротишь того съ главнаго предмета его безпокойствъ, а потому рѣшился вытянуть изъ Егора Егорыча хоть малую толику пользы для своихъ цѣлей.

— Но когда же вы выѣзжаете отсюда?—спросилъ онъ.

— Завтра!—отвѣтилъ Егоръ Егорычъ.

— А не можете ли вы мнѣ сказать, когда вы приблизительно изъ Москвы въ Петербургъ пріѣдете?..

— Черезъ мѣсяцъ! — сказалъ врядъ ли не наобумъ Егоръ Егорычъ.

Крапчикъ поникъ головой.

— Ахъ, какъ это дурно и вредно можетъ отразиться на нашемъ общемъ дѣлѣ!—произнесъ онъ печально.

— Поѣзжайте пока одни!.. Что я вамъ?—не маленькіе!— окрысился на него Мароинъ.

— Одинъ ужъ поѣду,—подчинился Крапчикъ:—но по крайней мѣрѣ вы должны снабдить меня письмами къ нѣсколькимъ вліятельнымъ лицамъ, — присовокупилъ онъ жалобнымъ голосомъ.

— Къ кому?—пробормоталъ Мароинъ.

— Прежде всѣхъ, конечно, къ князю Александру Николаевичу, а потомъ и къ другимъ лицамъ, къ коимъ вы найдете нужнымъ.

— Пока достаточно написать одному князю, — перебилъ Крапчика Егоръ Егорычъ:—и, смотря что онъ вамъ скажетъ, можно будетъ отнестись и къ другимъ лицамъ.

— Хоть князю, по крайней мѣрѣ, напишите, — произнесъ покорнымъ голосомъ Крапчикъ: — и главная моя просьба въ томъ, чтобы вы, не откладывая времени, теперь же это сдѣлали; а то при вашихъ хлопотахъ и тревогахъ, пожалуй, вы забудете.

— Могу и теперь! — воскликнулъ Егоръ Егорычъ и, проворно вынувъ изъ портфеля листъ почтовой бумаги, на верху котораго поставилъ первоначально маленькій крестикъ, написалъ князю письмо, каковое швырнулъ Крапчику и проговорилъ:

— Я тутъ прошу князя, чтобы онъ вѣрилъ вамъ, какъ мнѣ бы повѣрилъ.

— Конечно, такъ же бы, какъ и вамъ!.. Слава Богу, мы до сихъ поръ еще не различествовали въ нашихъ мнѣніяхъ,— говорилъ Крапчикъ, кладя письмо бережно къ себѣ въ карманъ, и затѣмъ распростился съ хозяиномъ масонскимъ поцѣлуемъ, пожелавъ какъ можно скорѣе опять увидаться.

Егоръ Егорычъ, оставшись одинъ, хотѣлъ-было (къ чему онъ всегда прибѣгалъ въ трудныя минуты своей жизни) заняться «умнымъ дѣланіемъ», и когда ради сего спустилъ на окнахъ шторы, заперъ входную дверь, сжалъ для полнаго безмолвія свои уста и, постаравшись сколь возможно спокойнѣе усѣсться на своемъ креслѣ, сталъ дышать не грудью, а носомъ, то черезъ весьма короткое время начиналъ уже чувствовать, что силы духа его сосредоточиваются въ области сердца, или—точнѣе—въ солнечномъ узлѣ брюшныхъ нервовъ, т.-е. подъ ложечкой; однако изъ такого созерцательнаго состоянія Егоръ Егорычъ былъ скоро выведенъ стукомъ, раздавшимся въ его дверь. Онъ поспѣшилъ ее отпереть, и передъ нимъ появился почтальонъ, подавшій ему письмо, взглянувъ на которое, Егоръ Егорычъ былъ пораженъ, потому что

письмо оказалось адресованнымъ рукою племянника, а штемпель обозначалъ, что оно послано было изъ Орла. Племянникъ писалъ Егору Егорычу, что онъ, рѣшившись снова поступить въ военную службу, поѣхалъ на Кавказъ, но въ Орлѣ такъ сильно заболѣлъ, что долженъ былъ пріостановиться.

Далѣе, Ченцовъ единственное небольшое имѣньице свое, оставшееся у него непромотаннымъ, умолялъ дядю продать или взять за себя, но только выслать ему — и выслать какъ можно скорѣе — денегъ, потому что онъ, выздоровѣвъ, все-таки предполагалъ непремѣнно уѣхать на Кавказъ, гдѣ деньги ему будутъ нужны на экипировку. Егоръ Егорычъ ничего не могъ разобрать; Людмила, Москва, любовь Людмилы къ Ченцову, Орелъ, Кавказъ—все это перемѣшалось въ его умѣ, и прежде всего ему представился вопросъ, правда или нѣтъ то, что̀ говорилъ ему Крапчикъ, и онъ хоть кричалъ на того и сердился, но въ то же время въ глубинѣ души его шевелилось, что это не совсѣмъ невозможно, ибо Егору Егорычу самому пришло въ голову нѣчто подобное, когда онъ услыхалъ отъ Антипа Ильича объ отъѣздѣ Рыжовыхъ и племянника изъ губернскаго города; но все-таки, какъ истый оптимистъ, будучи болѣе склоненъ воображать людей въ лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ, Егоръ Егорычъ поспѣшилъ отклонить отъ себя эту злую мысль и почти вслухъ пробормоталъ: «Конечно, неправда, и доказательство тому, что, если бы существовало что-нибудь между Ченцовымъ и Людмилой, онъ не ускакалъ бы на Кавказъ, а оставался бы около нея». Кромѣ того, и самое письмо Валерьяна затронуло въ Егорѣ Егорычѣ все еще тлѣвшуюся къ племяннику родственную любовь, тѣмъ болѣе, что Ченцовъ снова повторилъ очень непріятную для дяди фразу, что пропасть, въ которую суждено ему рухнуть, кажется, недалеко передъ нимъ зіяетъ. Чтобы не дать въ себѣ застынуть своему доброму движенію, Егоръ Егорычъ немедленно позвалъ хозяина гостиницы и поручилъ ему отправить по почтѣ двѣ тысячи рублей къ племяннику съ коротенькимъ письмецомъ, въ которомъ онъ увѣдомлялъ Валерьяна, что имѣніе его оставляетъ за собой и будетъ высылать ему деньги по мѣрѣ надобности. Совершивъ все сіе, Егоръ Егорычъ опять началъ восклицать вслухъ: «Куда же мнѣ беречь и для чего? Развѣ не Валерьяну же все достанется?..» Но тутъ у него промелькнула и другая мысль: «Надобно оставить какое-нибудь прочное обезпеченіе и Людмилѣ!..» А потомъ онъ вспомнилъ и объ адмиральшѣ и двухъ ея другихъ дочеряхъ. Нехорошо же, казалось Егору Егорычу, обойти ихъ совсѣмъ. «Всѣмъ дамъ!.. Между всѣми раз-

дѣлю!..» — рѣшилъ онъ и вознамѣрился обо всемъ этомъ обстоятельно переговорить съ Рыжовыми при свиданіи съ ними въ Москвѣ.

Поутру Егоръ Егорычъ, проснувшись послѣ довольно сносно проведенной ночи, умылся, одѣлся, помолился и, когда ему донесли, что на пошевни его поставлена кибитка, и что даже приведены и заложены почтовыя лошади, онъ—это было часовъ около десяти—отправился, одѣтый совсѣмъ по-дорожному, въ домъ Рыжовыхъ, гдѣ засталъ сцену, умилившую его до глубины души. Въ моментъ пріѣзда его, тамъ приходскій священникъ съ причтомъ служилъ напутственный молебенъ. Впереди прочихъ стояли: Сусанна въ ваточномъ платьѣ, съ лицомъ серьезнымъ, и Муза, съ лицомъ еще болѣе, чѣмъ у сестры, нахмуреннымъ; а за ними вся комнатная прислуга: двѣ-три хорошенькія горничныя, оборванный лакей, оборванный тоже поваръ, вдобавокъ еще небритый и распространявшій отъ себя довольно сильный запахъ жаренаго луку. Священникъ довольно торопливо и переболтавшимся языкомъ читалъ евангеліе и произносилъ слова: «откуда мнѣ сіе, да пріидетъ мати Господа моего ко мнѣ!» Увидавъ Марѳина, онъ сталъ читать нѣсколько медленнѣе, и даже дьячокъ, раздувавшій передъ тѣмъ съ раскраснѣвшимся лицомъ кадило, оставилъ занятіе и по окончаніи евангелія затянулъ вмѣстѣ съ священникомъ: «Заступница усердная, мати Господа вышняго...» Молебенъ собственно служили иконѣ Казанской Божіей Матери, считавшейся въ роду Рыжовыхъ чудотворною и стоявшей въ настоящемъ случаѣ съ почетомъ въ углу залы на столикѣ, покрытомъ бѣлою скатертью. Сусанна и Муза молились усердно, первая даже съ преклоненіемъ колѣнъ, но Муза стоя: ее замѣтно безпокоилъ рѣзкій и фальшивый басъ священника. Старушка-монахиня спряталась въ углу за одну изъ половинокъ отворенныхъ изъ коридора дверей; что она тамъ дѣлала — неизвѣстно, и слышался только шопотъ ея; горничныя замѣтно старались дѣлать истовые кресты и имѣть печальныя лица; поваръ употреблялъ надъ собой усиліе, чтобы не икнуть на всю комнату. Егоръ Егорычъ, ставъ около фортепіано, невольно началъ глядѣть на Сусанну, и часто повторяемыя священникомъ слова: «мати Господа моего», «мати Господа вышняго», совершенно противъ воли его вызвали въ немъ воспоминаніе объ одной изъ множества видѣнныхъ имъ за границей мадоннъ, на которую показалась ему чрезвычайно похожею Сусанна, — до того лицо ея было чисто и духовно.

Молебенъ вскорѣ пришелъ къ окончанію, и всѣ подошли

къ кресту. Священникъ всѣхъ окропилъ слегка святой водой, послѣ чего совлекъ съ себя ризы и ушелъ вмѣстѣ съ причтомъ. Началось прощаніе; первыя поцѣловались обѣ сестры; Муза, сама не пожелавшая, какъ мы знаемъ, ѣхать съ сестрой къ матери, не выдержала наконецъ и заплакала; но что̀ я говорю: заплакала! — она зарыдала на всю залу, такъ что двѣ горничныя кинулись поддержать ее; заплакала также и Сусанна, заплакали и горничныя; даже поваръ прослезился и, подойдя къ барышнямъ, поцѣловалъ руку не у отъѣзжающей Сусанны, а у Музы; старушка-монахиня неожиданно вдругъ отмахнула скрывавшую ее дверь и начала всѣхъ благословлять обѣими руками, какъ—видала она—дѣлаетъ это архіерей. Егоръ Егорычъ, стоявшій попрежнему у фортепіано въ нѣсколько рисующейся позѣ и тоже съ давно текущими по щекамъ слезами, торопливо подошелъ къ Сусаннѣ и, не допустивъ, чтобы она еще болѣе не разстроилась, проститься съ полусумасшедшей теткой, повелъ ее въ переднюю, надѣлъ на нее салопъ, капоръ и, посадивъ въ повозку, вскочилъ вслѣдъ затѣмъ и самъ туда. Почтовый извозчикъ, озлобленный съ виду парень, проговорилъ: «эхъ, вы, одры!»—сразу же началъ загнанныхъ почтовыхъ лошадей лупить кнутомъ по бокамъ такъ, что тѣ не выдержали наконецъ—отступились отъ дурака и заскакали.

Прислуга въ домѣ стала расходиться, но Муза, сѣвъ за фортепіано, все еще продолжала нѣкоторое время потихоньку плакать: чувство дочери и сестры въ ней переспилило на этотъ разъ артистку. Впрочемъ, убѣдившись наконецъ, что не воротить того, что̀ совершилось, она принялась играть. Звуки громкіе и даже правильно сочетованные полились изъ-подъ ея маленькихъ пальчиковъ. Старый и пространный домъ, какъ бы желая способствовать ея вдохновенію, вторилъ во всѣхъ углахъ своихъ тому, что̀ она играла, а играла Муза на тему терзающей ее печали, и умѣй она записать играемое ею, изъ этого, можетъ-быть, вышло бы нѣчто весьма замѣчательное, потому что тутъ работали заодно сила впечатлѣнія и художественный импульсъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Въ весьма грязномъ и безлюдномъ московскомъ переулкѣ на Гороховомъ-Полѣ существовалъ въ тридцатыхъ годахъ небольшой одноэтажный деревянный домишко, на воротномъ столбѣ котораго значилось: «Домъ вдовы подполковницы Ми-

ропы Митревны Зудченки». Подъ этой дощечкой почти постоянно виднѣлась записка: «отдаетца квартера о трѣхъ комнатахъ». Но послѣднее время записка эта исчезла по той причинѣ, что вышесказанныя три комнаты наняла пріѣхавшая въ Москву съ дочерью адмиральша, видимо, выбиравшая уединенный переулокъ для своего мѣстопребыванія и желавшая непремѣнно нанять квартиру у одинокой женщины и пожилой, за каковую она и приняла владѣтельницу дома; но Мирона Дмитріевна Зудченко вовсе не считала себя пожилою дамою и всѣмъ своимъ знакомымъ доказывала, что у женщины никогда не надобно спрашивать, сколько ей лѣтъ, а должно смотрѣть, какою она кажется на видъ; на видъ же Мирона Дмитріевна, по ея мнѣнію, казалась никакъ не старѣе тридцати пяти лѣтъ, потому что если у нея и появлялись сѣдые волосы, то она немедля ихъ выщипывала; три-четыре выпавшіе зуба были замѣнены вставленными; цвѣтъ ея лица постоянно освѣжался разными притираньями; при этомъ Мирона Дмитріевна была стройна; глаза имѣла хоть и небольшіе, но черненькіе и свѣтящіеся, носъ тонкій; ротъ, правда, довольно широкій, провалистый, но не безъ пріятности; словомъ, всей своей физіономіей она напоминала нѣсколько мышь, способную всюду пробѣжать и все вынюхать, что подтверждалось даже прозвищемъ, которымъ называли Мирону Дмитріевну сосѣдніе лавочники:—«дама обдѣлистая».

Жила Мирона Дмитріевна въ своемъ маленькомъ домикѣ очень открыто: молодые офицеры учебнаго карабинернаго полка, расположеннаго неподалеку въ Красныхъ казармахъ, были всѣ ей знакомы, очень часто приходили къ ней на цѣлый вечеръ, и она ихъ обильно угощала чаемъ, Жуковымъ табакомъ, ради котораго Мирона Дмитріевна сохранила всѣ трубки покойнаго мужа, а иногда и водочкой, сопровождаемой селедкою и сосисками подъ капустой.

Бесѣдуя съ молодыми людьми, Мирона Дмитріевна замѣтно старалась имъ нравиться и, между прочимъ, постоянно высказывала такого рода правило, чтобы богатыя дѣвушки или вдовы съ состояніемъ непремѣнно выходили за бѣдныхъ молодыхъ людей, какое ея мнѣніе было очень на руку офицерамъ карабинернаго полка, такъ какъ всѣ почти они не были надѣлены благами фортуны; съ другой стороны, Мирона Дмитріевна полагала, что и богатые молодые люди должны жениться на бѣдныхъ невѣстахъ. Сверхъ того, она утверждала, что люди дѣловые, разсудительные пускай женятся на какихъ имъ угодно неземныхъ существахъ, но что людямъ съ душой доброй, благородной слѣдуетъ выбирать себѣ подругу

жизни, которая умѣла бы хозяйничать и вездѣ во всемъ распорядиться.

Единственнымъ оппонентомъ этой теоріи Миропы Дмитріевны являлся постоянно здоровеннѣйшій и холостой еще капитанъ Аггѣй Никитичъ Звѣревъ, который утверждалъ, что для счастья брака нужны только любовь и хорошенькая жена. Надобно сказать, что капитанъ Звѣревъ по окончаніи польской кампаніи стоялъ нѣкоторое время въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ и пріобыкъ спорить съ паннами и панночками. Въ силу чего онъ обыкновенно осыпалъ Миропу Дмитріевну множествомъ примѣровъ тому, какъ черезъ золото слезы льются въ бракахъ, между тѣмъ съ красивой женой и въ бѣдности часто устраивается счастье.

— Ахъ, ко всякой красотѣ мужчины приглядываются!.. — восклицала съ одушевленіемъ Миропа Дмитріевна и объясняла далѣе, что это ей извѣстно изъ собственнаго опыта, ибо покойный мужъ ея, несмотря на то, что она была молоденькая и хорошенькая, спустя годъ послѣ свадьбы сталъ къ ней замѣтно холоденъ.

Возраженіе это нисколько не сбивало капитана: онъ продолжалъ упорно стоять на своемъ и вообще по многимъ вопросамъ расходился въ своихъ мнѣніяхъ съ Миропою Дмитріевною, при чемъ въ ней, сколько ни субтильна была ея фигура, всегда проглядывали нѣкоторая практичность и матеріальность, а у здоровеннѣйшаго капитана, напротивъ, поэзія и чувство.

Споря такимъ образомъ съ капитаномъ, Миропа Дмитріевна, впрочемъ, замѣтно предпочитала его другимъ офицерамъ и даже ему самому въ глаза говорила, что онъ душа общества. Капитанъ при этомъ самодовольно обдергивалъ свой вицмундиръ, всегда у него застегнутый на всѣ пуговицы, всегда съ выпущенною изъ-за борта, какъ бы аксельбантъ, толстою золотою часовою цѣпочкою, и просиживалъ у Зудченки до глубокой ночи, лупя затѣмъ отъ нея въ Красныя казармы пѣхтурой и не только не боясь, но даже желая, чтобы на него напали какіе-нибудь жулики, съ которыми капитанъ надѣялся самолично распорядиться, не прибѣгая ни къ чьей посторонней помощи: силищи Звѣревъ былъ дѣйствительно неимовѣрной. Другіе молодые офицеры, знавшіе объ его позднихъ засиживаньяхъ у вдовушки, смѣялись ему:

— У тебя, Звѣревъ, съ этой щелкушкой Миропой, должно-быть, «того»?

— О, чортъ бы ее дралъ!.. — отшучивался онъ: — у меня, батеньки, можетъ быть «того» только съ хорошенькими женщи-

нами, а мы такихъ видали въ Царствѣ Польскомъ между панночками.

Когда новые постояльцы поселились у Миропы Дмитріевны, она въ ближайшее воскресенье не преминула зайти къ нимъ съ визитомъ въ костюмѣ весьма франтоватомъ: волосы на ея вискахъ были, сколько только возможно, опущены низко; бархатная черная шляпка съ длинными и высоко приподнятыми полями и съ тульей нѣсколько набекрень принадлежала къ самымъ моднымъ, называемымъ тогда шляпками Изабеллины; платье мериносовое, голубого цвѣта, имѣло надутые, какъ пузыри, рукава; станъ Миропы Дмитріевны перетягивалъ шелковый кушакъ съ серебряной пряжкой напереди, и, сверхъ того, отъ всей особы ея вѣяло благоуханіемъ мусатовской помады и духовъ амбре.

Миропа Дмитріевна непремѣнно ожидала, что Рыжовы примутъ ее привѣтливо и даже съ уваженіемъ, но, къ удивленію своему, она совершенно этого не встрѣтила, и началось съ того, что къ ней вышла одна только старуха-адмиральша съ лицомъ какимъ-то строгимъ и печальнымъ и объявила, что у нея больна дочь, и что поэтому онѣ ни съ кѣмъ изъ знакомыхъ своихъ видаться не будутъ. Миропа Дмитріевна, прямо принявшая эти слова на свой счетъ, очень недолго посидѣла и ушла, давъ себѣ слово больше не заходить къ своимъ постояльцамъ и за ихъ грубый пріемъ требовать съ нихъ квартирныя деньги впередъ; но демонъ любопытства, терзавшій Миропу Дмитріевну болѣе, чѣмъ кого-либо, не далъ ей покоя, и она строго приказала двумъ своимъ крѣпостнымъ рабамъ, горничной Агашѣ и кухаркѣ Семеновнѣ, разузнать, кто же будетъ готовить кушанье и прислуживать Рыжовымъ. Оказалось, что адмиральша раннимъ утромъ куда-то ѣздила и привезла подслѣповатую старушонку, которая и предназначалась у нихъ исполнять ту и другую должность.

«Вотъ тебѣ на!—подумала не безъ іроніи Миропа Дмитріевна:—какимъ же это образомъ адмиральша,—все-таки, вѣроятно, женщина обезпеченная пенсіей и имѣющая, можетъ-быть, свое помѣстье,—пріѣхала въ Москву безъ всякой своей прислуги?..» Обо всѣхъ этихъ недоумѣніяхъ она передала капитану Звѣреву, пришедшему къ ней вечеромъ, и тотъ, не задумавшись, рѣшилъ:

— Романъ тутъ какой-нибудь!

— Романъ? — воскликнула Миропа Дмитріевна съ сильно засвѣтлѣвшимися глазками.

— Конечно, романъ! — повторилъ Аггей Никитичъ: — въ Варшавѣ это почти каждодневно бываетъ.

— Но романъ у дочери, я полагаю, а не у старухи, — замѣтила Миропа Дмитріевна.

— Вѣроятно! — подтвердилъ капитанъ. — И скажите, эта дочка хорошенькая?

— Очень!.. очень!..—почти взвизгнула Миропа Дмитріевна.— Сначала я ее, — продолжала она: — и не разсмотрѣла хорошенько, когда отдавала имъ квартиру; но вчера поутру, такъ, будто гуляя по тротуару, я стала ходить мимо ихъ оконъ, и вижу: въ одной комнатѣ сидитъ адмиральша, а въ другой дочь, которая, вѣроятно, только-что встала съ постели и стоитъ недалеко отъ окна въ одной еще рубашечкѣ, совершенно распущенной,—и что это за красота у ней личико и турнюръ весь — чудо что такое! Ну, вообразите вы себѣ сливки, въ которыя опущены листья розы!

Капитанъ при этомъ какъ бы даже заржалъ слегка.

— Это хорошо, должно-быть!—произнесъ онъ.

— Удивительно, неописанно хорошо!..—подхватила Миропа Дмитріевна: — и я вотъ теперь припоминаю, что вы совершенно справедливо сказали, что тутъ какой-нибудь романъ, потому что у дочери, тоже какъ и у матери, лицо очень печальное, точно она всю ночь плакала.

— Будешь плакать, какъ эта проклятая любовь заползетъ червячкомъ въ душу!..—проговорилъ съ удареніемъ капитанъ.

Миропа Дмитріевна совершенно справедливо говорила, что на лицахъ Людмилы и адмиральши проглядывала печаль. Въ тотъ именно день, какъ за ними подсматривала Зудченко, у нихъ произошелъ такого рода разговоръ:

— Ты принимала ту микстуру, которую я тебѣ привезла?— спросила Юлія Матвѣевна сухимъ тономъ.

— Принимала, — отвѣчала дочь нехотя и съ оттѣнкомъ досады.

— И что же, лучше, поспокойнѣе себя чувствуешь?

— Нѣтъ!

— А покушать чего не хочешь ли?

— Нѣтъ!

Проговоря это, Людмила, видимо, терзаемая мучащей ее тоской, встала и ушла въ свою комнату.

Старуха же адмиральша подняла свои глаза на висѣвшій въ углу дорожный образокъ Казанской Божіей Матери, какъ бы возлагая всѣ свои надежды на Владычицу.

Передъ тѣмъ какъ Рыжовымъ уѣхать въ Москву, между матерью и дочерью, этими двумя кроткими существами, разыгралась страшная драма, которую я даже не знаю, въ состояніи ли буду съ достаточною прозрачностью и силою передать.

Вскорѣ послѣ сенаторскаго бала Юлія Матвѣевна совершенно случайно и безъ всякаго умысла, но тѣмъ не менѣе тихо, такъ что не скрипнула подъ ея ногой ни одна паркетинка, вошла въ гостиную своего хаотическаго дома и увидала тамъ, что Людмила была въ объятіяхъ Ченцова. Какъ бы сразу все прояснилось и объяснилось въ недалекомъ умѣ старухи: и эта необыкновенная дружба дочери съ Ченцовымъ, и разныя, никогда прежде не замѣчаемыя въ Людмилѣ странности, и наконецъ прихварываніе ея. Людмила первая замѣтила мать и, вскрикнувъ съ ужасомъ: «мамаша!», убѣжала къ себѣ наверхъ. Юлія Матвѣевна, съ лицомъ какъ бы мгновенно утратившимъ свое простодушіе и принявшимъ строгое выраженіе, обратилась къ Ченцову, тоже окончательно смущенному, и сказала:

— Я надѣюсь, что ваша нога больше не будетъ въ моемъ домѣ?

Ченцовъ, ничего не отвѣтивъ, а только неловко поклонившись, ушелъ изъ гостиной, а потомъ и совсѣмъ уѣхалъ изъ хаотическаго дома.

Адмиральша прошла наверхъ, въ комнату дочери. Людмила лежала въ постели, уткнувшись лицомъ въ подушки и плача.

— Мы съ тобой завтра же ѣдемъ въ Москву!— проговорила рѣшительно и твердо адмиральша.

— Зачѣмъ?—отозвалась глухо и сквозь слезы дочь.

— Я тебѣ послѣ скажу!.. Поѣдешь?

Людмила нѣкоторое время не отвѣчала. Старуха, съ прежнимъ выраженіемъ въ лицѣ и въ какой-то окаменѣлой позѣ, стояла около кровати дочери и ожидала отвѣта ея. Наконецъ Людмила, не переставая плакать, отозвалась на вопросъ матери:

— Хорошо, мамаша, я поѣду съ вами... Я знаю, что мнѣ нужно уѣхать!..

Адмиральша сошла внизъ въ свою комнату и велѣла позвать Сусанну и Музу. Тѣ пришли. Юлія Матвѣевна объявила имъ, что она завтра уѣзжаетъ съ Людмилой въ Москву, потому что той необходимо серьезно полѣчиться.

— А насъ, мамаша, вы развѣ не возьмете?—спросила Сусанна съ удивленіемъ.

— Нѣтъ, у меня денегъ теперь мало, чтобы васъ всѣхъ везти,—отвѣчала ей съ твердостью адмиральша.

— Но что же такое съ Людмилой?—не отставала Сусанна.

— Она за обѣдомъ еще ничего не говорила, что больна,— вмѣшалась въ разговоръ и Муза.

— Ей вдругъ сдѣлалось дурно! — объяснила, нисколько не теряясь, адмиральша:—и вы, пожалуйста, не заходите къ ней... Она, кажется, немножко заснула.

Обѣ сестры однако не послушались матери и, возвратясь наверхъ, заглянули въ спальню Людмилы. Та лежала на постели неподвижно. Думая, что она, можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ заснула, Сусанна и Муза отошли отъ дверей.

— Отчего же за докторомъ не пошлютъ? — сказала послѣдняя.

— Не понимаю!.. Я, впрочемъ, пойду и скажу объ этомъ матери,—проговорила Сусанна и немедля же пошла къ адмиральшѣ.

Она нашла ее уже стоявшею передъ чемоданомъ, въ который Юлія Матвѣевна велѣла укладывать какъ можно больше бѣлья Людмилы, а изъ нарядныхъ ея платьевъ она приказала не брать ничего.

— Надобно, по крайней мѣрѣ, послать за докторомъ, мамаша,—сказала ей Сусанна.

— Не нужно,—возразила ей рѣзко адмиральша:—докторовъ мѣнять нельзя: тамъ въ Москвѣ будутъ лѣчить Людмилу другіе доктора; а ты лучше съѣзди за тетей, скажи ей, чтобы она пріѣхала къ вамъ пожить безъ меня, и привези ее съ собой.

Сусанна, ничего болѣе не возразивъ матери, поѣхала въ монастырь исполнить данное ей порученіе. Муза же, встревоженная всей этой непріятной новостью, сѣла за фортепіано и начала наигрывать печальную арію.

Сусанна вскорѣ возвратилась съ тетей-монахиней, съ которой Юлія Матвѣевна долго совѣщалась наединѣ, все что-то толкуя ей, на что монахиня кивала молча своей трясущейся головой.

На другой день Рыжовы уѣхали въ Москву. Людмила, прощаясь съ сестрами, была очень неразговорчива; адмиральша же отличалась совершенно несвойственною ей умною распорядительностью: еще раннимъ утромъ она отдала Сусаннѣ пятьдесятъ рублей и поручила ей держать хозяйство по дому, сказавъ при этомъ, что когда у той выйдутъ эти деньги, то она вышлетъ ей еще. Свою поѣздку въ Москву Юлія Матвѣевна предпринимала, рѣшившись продать довольно цѣнныя брильянтовыя вещи, которыя она получила въ подарокъ отъ обожаемаго ею адмирала, когда онъ былъ еще ея женихомъ. Сокровище это Юлія Матвѣевна думала сохранить до самой смерти, какъ безцѣнный залогъ любви благороднѣйшаго изъ смертныхъ; но вышло такъ, что залогъ этотъ приходилось продать. Сколь ни тяжело было таковое рѣшеніе для нея, но она утѣшала себя мыслью, что умершій супругъ ея, обрѣтавшійся ужъ, конечно, въ раю и все вѣдавшій, что̀ на землѣ

происходить, не укоритъ ее, несчастную, зная, для чего и для какой цѣли продавался его подарокъ.

Ѣдучи дорогой, Юлія Матвѣевна не вскрикивала, когда повозка скашивалась набокъ, и не крестилась боязливо при съѣздѣ съ высокихъ горъ, что она прежде всегда дѣлала; но, будучи устремлена мысленно на одинъ предметъ, сидѣла спокойно и разспрашивала издалека и тонко Людмилу обо всемъ, что касалось отношеній той къ Ченцову.

Людмила съ серьезнымъ и печальнымъ выраженіемъ въ глазахъ и не безъ борьбы съ собой разсказала матери все.

— Но ты будешь и потомъ еще видаться съ Ченцовымъ?— проговорила какъ бы спокойно Юлія Матвѣевна.

— Какъ же я буду видаться съ нимъ?.. Онъ остался въ одномъ городѣ, а я буду жить въ другомъ!—возразила Людмила.

— Онъ, вѣроятно, пріѣдетъ за тобой въ Москву! — замѣтила мать.

Людмила закинула нѣсколько назадъ свою хорошенькую головку и какъ бы что-то такое обдумывала; лицо ея при этомъ дѣлалось все болѣе и болѣе строгимъ.

— Нѣтъ, я не буду съ нимъ видаться и въ Москвѣ и нигдѣ во всю жизнь мою!—сказала она.

Адмиральша не совсѣмъ довѣрчиво посмотрѣла на дочь и ужъ станціи черезъ двѣ послѣ этого разговора начала будто бы такъ, случайно, разсуждать, что если бы Ченцовъ былъ хоть сколько-нибудь честный человѣкъ, то онъ никогда бы не позволилъ себѣ сдѣлать того, что онъ сдѣлалъ, потому что онъ женатъ.

— Онъ двоюродный племянникъ мнѣ, а въ такомъ близкомъ родствѣ бракъ невозможенъ!—сказала она въ заключеніе.

Людмила чуть ли не согласилась съ матерью безусловно.

Но откуда и какимъ образомъ явилась такая рѣзкая перемѣна въ воззрѣніяхъ, такая разсудительность и, главное, рѣшительность въ дѣйствіяхъ матери и дочери?—спроситъ, пожалуй, читатель. Отвѣтить мнѣ легко: Юлія Матвѣевна сдѣлалась умна и предусмотрительна, потому что она была мать, и ей пришлось спасать готовую совсѣмъ погибнуть дочь... Что касается до Людмилы, то въ душѣ она была чиста и невинна и пала даже не подъ вліяніемъ минутнаго чувственнаго увлеченія, а въ силу раболѣпнаго благоговѣнія передъ своимъ соблазнителемъ; но, разъ уличенная матерью, непогрѣшимою въ этомъ отношеніи ничѣмъ, она мгновенно поняла весь стыдъ своего проступка, и нравственное чувство дѣвушки заговорило въ ней со всей неотразимостью своей логики.

Какъ ожидала Юлія Матвѣевна, такъ и случилось: Ченцовъ,

узнавъ чрезъ весьма короткое время, что Рыжовы уѣхали въ Москву, не медлилъ ни минуты и ускакалъ вслѣдъ за ними. Въ Москвѣ онъ недѣль около двухъ разыскивалъ Рыжовыхъ и, только ужъ какъ-то черезъ почтамтъ добывъ ихъ адресъ, явился къ нимъ. Юлія Матвѣевна, зорко и каждодневно поджидавшая его, вышла къ нему и попрежнему сурово объявила, что его не желаютъ видѣть.

Ченцовъ, измученный и истерзанный, взбѣсился.

— Вы не имѣете права такъ безчеловѣчно располагать счастьемъ вашей дочери!—воскликнулъ онъ и пошелъ-было въ сосѣднюю комнату.

Адмиральша обмерла, тѣмъ болѣе, что Людмила сама появилась навстрѣчу ему въ дверяхъ этой комнаты.

Ченцовъ провопіялъ къ ней:

— Людмила, прости меня!.. Я разведусь съ женой и женюсь на тебѣ!

Людмила была съ опущенными въ землю глазами.

— Нѣтъ, вамъ нельзя жениться на мнѣ!.. Я вамъ родня!.. Уѣзжайте!

Произнеся это, Людмила захлопнула за собой дверь.

Ченцовъ остался съ поникшей головой, потомъ опустился на стоявшее недалеко кресло и, какъ малый ребенокъ, зарыдалъ. Адмиральша начинала ужъ смотрѣть на него съ нѣкоторымъ трепетомъ: видимо, что ей становилось жаль его. Но Ченцовъ не подмѣтилъ этого, всталъ, глубоко вздохнулъ и ушелъ, проговоривъ:

— Людмила, я вижу, никогда меня не понимала: я любилъ ее, и любилъ больше всѣхъ въ мірѣ.

Точно гора съ плечъ скатилась у адмиральши. Дальше бы, чего добраго, у нея и характера недостало выдержать. Спустя немного послѣ ухода Ченцова, Людмила вышла къ адмиральшѣ и, сѣвъ около нея, склонила на плечо старушки свою бѣдную голову; Юлія Матвѣевна принялась цѣловать дочь въ темя. Людмила потихоньку плакала.

— Не плакать, а радоваться надобно, что такъ случилось,— принялась Юлія Матвѣевна успокоивать дочь:—онъ говоритъ, что готовъ жениться на тебѣ... Какое счастье!.. Если бы онъ былъ совершенно свободный человѣкъ и посторонній, то я скорѣе умерла бы, чѣмъ позволила тебѣ выйти за него.

Людмила слушала мать все съ болѣе и болѣе тоскливымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Мнѣ Егоръ Егорычъ говорилъ,—а ты знаешь, какъ онъ любилъ прежде Ченцова,—что Валерьянъ погибшій человѣкъ: онъ пьетъ очень... картежникъ безумный, и что̀ ужаснѣй

всего,—ты, какъ дѣвушка, конечно, не понимаешь этого,—онъ очень непостояненъ къ женщинамъ: у него въ деревнѣ и вездѣ цѣлый сераль.

При послѣднихъ словахъ Юлія Матвѣевна покраснѣла немного.

— Ну, мамаша, не браните его очень... мнѣ это тяжело!—остановила ее Людмила.

И адмиральша умолкла, понявъ, что она достаточно объяснила дочери все, что̀ слѣдуетъ.

Ченцовъ между тѣмъ, сходя съ лѣстницы, точно нарочно попалъ на глаза Миропы Дмитріевны, всходившей въ это время на лѣстницу. Она исполнилась восторгомъ, увидавъ выходящаго изъ квартиры Рыжовыхъ мужчину.

— Вы были у адмиральши?—спросила она, почти загораживая дорогу Ченцову.

— Да,—отвѣтилъ ей тотъ грубо.

— Я честь имѣю рекомендоваться: подполковница Зудченко и хозяйка здѣшняго дома!—объявила Миропа Дмитріевна.

Ченцовъ не понималъ, къ чему она это говоритъ.

— Вы, конечно, часто будете бывать у адмиральши? — допытывалась Миропа Дмитріевна.

— Нѣтъ-съ, я скоро уѣзжаю изъ Москвы, — проговорилъ, едва владѣя собою, Ченцовъ и быстро сошелъ внизъ, при чемъ онъ даже придавилъ нѣсколько Миропу Дмитріевну къ перилламъ лѣстницы, но это для нея ничего не значило; она продолжала наблюдать, какъ Ченцовъ молодцовато сѣлъ на своего лихача и съѣхалъ съ ея дворика.

Весь остальной день Миропа Дмитріевна испытывала нестерпимое желаніе разсказать о случившемся капитану Звѣреву, который почему-то давно не былъ у нея. Произошло его отсутствіе оттого, что капитанъ, возбужденный разсказами Миропы Дмитріевны о красотѣ ея постоялки, далъ себѣ слово непремѣнно увидать m-lle Рыжову и во что бы то ни стало познакомиться съ нею и съ матерью ея, ради чего онъ, подобно Миропѣ Дмитріевнѣ, сталъ предпринимать каждодневно экскурсіи по переулку, въ которомъ находился домикъ Зудченки, не заходя, впрочемъ, къ сей послѣдней, изъ опасенія, что она начнетъ подтрунивать надъ его увлеченіемъ, и въ первое же воскресеніе Аггей Никитичъ, совершенно неожиданно для него, увидалъ, что со двора Миропы Дмитріевны вышли: пожилая, весьма почтенной наружности, дама и молодая дѣвушка, дѣйствительно, красоты неописанной. Что это были Рыжовы,—капитанъ не сомнѣвался и въ почтительномъ, конечно, отдаленіи послѣдовалъ за ними. Рыжовы вошли въ

церковь ближайшаго прихода. Капитанъ тоже вошелъ туда и все время службы не спускалъ глазъ съ молившейся усердно и даже со слезами Людмилы. Красота ея все болѣе и болѣе поражала капитана, такъ что онъ воспринялъ твердое намѣреніе каждый праздникъ ходить въ сказанную церковь, но дьявольски способствовавшее въ этомъ случаѣ ему счастье устроило нѣчто еще лучшее: въ ближайшую среду, когда капитанъ на плацу передъ Красными казармами производилъ ученье своей ротѣ и, крикнувъ звучнымъ голосомъ: «налѣво кругомъ!», самъ повернулся въ этомъ же направленіи, то ему прямо бросились въ глаза стоявшія у окружающей плацъ веревки мать и дочь Рыжовы. Капитанъ мгновенно скомандовалъ ротѣ: «стой, вольно!». Ружья у солдатъ опустились, офицеры всунули свои сабли въ ножны, послышались чиханье, сморканье и мелкіе разговорцы. Капитанъ между тѣмъ быстро подошелъ къ Рыжовымъ.

— Вы, можетъ-быть, пріѣзжія, и вамъ угодно видѣть наше ученье?.. Пожалуйте сюда за веревку!—проговорилъ онъ самымъ вѣжливымъ голосомъ, поднимая своей могучей рукой передъ головами дамъ веревку, чтобы удобнѣе было имъ пройти; но обѣ дамы очень сконфузились, и Юлія Матвѣевна едва отвѣтила ему:

— Мегсі, мы и здѣсь постоимъ.

— Но васъ тутъ можетъ обезпокоить простой народъ! — подхватилъ капитанъ, хотя изъ простого народа въ глазѣющей и весьма малочисленной публикѣ не было никого:—и вы, какъ я догадываюсь, изволите жить въ домѣ моей хорошей пріятельницы, m-me Зудченки?—продолжалъ Аггей Никитичъ, ввернувъ французское словцо.

— Да, — произнесла протяжно адмиральша и взглянула на дочь.

Въ отвѣтъ на ея взглядъ, Людмила сказала:

— Пойдемте, мамаша, я устала.

— Пойдемъ!—согласилась адмиральша, и онѣ пошли по направленію къ своей квартирѣ.

— Питаю надежду, что вы позволите мнѣ явиться къ вамъ!—крикнулъ имъ вслѣдъ капитанъ.

Адмиральша на это что-то такое неясно ему отвѣтила, но, какъ бы то ни было, Аггей Никитичъ остался безконечно доволенъ такимъ событіемъ и въ тотъ же вечеръ отправился къ Миропѣ Дмитріевнѣ съ цѣлью быть поближе къ Людмилѣ и хоть бы подышать съ нею однимъ воздухомъ.

Миропа Дмитріевна встрѣтила его съ радостнымъ восторгомъ.

— Я все разузнала, все!..—объявила она, какъ только онъ вошелъ.

— Что? — спросилъ капитанъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ.

— Онъ былъ у нея!

— Кто?—повторилъ тѣмъ же тономъ капитанъ.

— Фамиліи его я не знаю; но это, я вамъ скажу, такой мужчина, что я молодцоватѣе и красивѣе его не встрѣчала.

Капитанъ передернулъ немного плечами. Ему нѣсколько странно было слышать, что Мирона Дмитріевна, по ея словамъ, никого молодцоватѣе какого-то тамъ господина не встрѣчала, тогда какъ она видала и даже теперь видѣла передъ собою Аггея Никитича.

— Сколько же разъ этотъ баринъ былъ у Рыжовыхъ? — полюбопытствовалъ онъ.

— Всего одинъ разъ, и когда я его спросила, что онъ, вѣроятно, часто будетъ бывать у своихъ знакомыхъ, такъ онъ сказалъ: «Нѣтъ, я скоро уѣзжаю изъ Москвы!», и какъ я полагаю, что тутъ точно что романъ, но романъ, должно-быть, несчастный.

«О, если это несчастный романъ, — подумалъ съ просіявшимъ лицомъ капитанъ:—то онъ готовъ покрыть все, что бы тамъ ни было, своимъ бракомъ съ этой прелестной дѣвушкой».

II.

Подъѣзжая къ Москвѣ, Егоръ Егорычъ сталъ разсуждать, какъ ему поступить: завезти ли только Сусанну къ матери, или вмѣстѣ съ ней и самому зайти? То и другое какъ-то стало казаться ему неловкимъ, такъ что онъ посовѣтовался съ Сусанной.

— Ахъ, непремѣнно зайдите со мною! — сказала та, чувствуя если не страхъ, то нѣчто въ родѣ этого при мысли, что она безъ позволенія отъ адмиральши поѣхала къ ней въ Москву; но Егоръ Егорычъ, конечно, лучше ея растолкуетъ Юліи Матвѣевнѣ, почему это и какъ случилось.

Когда они подъѣхали къ дому Зудченки, первая ихъ увидала сидѣвшая у окна Людмила и почти закричала на всю комнату:

— Мамаша, мамаша, Егоръ Егорычъ и Сусанна къ намъ пріѣхали!.. Спасите меня!.. и не показывайте Егору Егорычу!.. Мнѣ стыдно и страшно его видѣть!..

И затѣмъ, убѣжавъ въ свою комнату, она захлопнула за собою дверь и, по обыкновенію, бросилась въ постель и уткнула свое личико въ подушку.

Юлія Матвѣевна тоже совершенно растерялась; накопленное ею присутствіе духа начало оставлять ее, тѣмъ болѣе, что пріѣздъ Егора Егорыча и дочери случился такъ неожиданно для нея; но Богъ, какъ она потомъ разсказывала, все устроилъ. Прежде Марѳина къ ней вошла, и вошла довольно робко, Сусанна.

— Ты это какъ къ намъ пріѣхала?—проговорила Юлія Матвѣевна, съ одной стороны невольно обрадованная пріѣздомъ дочери.

— Меня привезъ Егоръ Егорычъ!.. — поспѣшила та отвѣтить, цѣлуя и обнимая мать.

Марѳинъ, съ умысломъ, кажется, позамедлившій нѣсколько въ маленькой прихожей, наконецъ предсталъ передъ Юліей Матвѣевной.

— Я счелъ нужнымъ,—забормоталъ онъ:—привезти къ вамъ Сусанну Николаевну, потому что она очень и очень объ васъ скучала.

— Это я предчувствовала! — отвѣчала адмиральша, отводя своихъ гостей подальше отъ комнаты Людмилы и усаживая ихъ.

— Что Людмила? — спросила Сусанна.

Егоръ Егорычъ понурилъ при этомъ голову.

— Она была очень больна... теперь ей нѣсколько лучше; но къ ней никакъ нельзя входить... такая нечаянная встрѣча можетъ ее чрезвычайно разстроить... — толковала Юлія Матвѣевна, чувствовавшая, что твердость духа опять возвращается къ ней.

— Мы къ ней и не пойдемъ!—подхватила Сусанна, очень довольная пока и тѣмъ, что видитъ мать.

Егоръ Егорычъ продолжалъ держать голову потупленною. Онъ рѣшительно не могъ сообразить вдругъ, что ему дѣлать. Разспрашивать?.. но о чемъ?.. Юлія Матвѣевна все ужъ сказала!.. Уѣхать, и уѣхать, не видавъ Людмилы?.. Но тогда зачѣмъ же онъ въ Москву пріѣзжалъ? Къ счастью, адмиральша принялась хлопотать о чаѣ, а потому то уходила въ свою кухоньку, то возвращалась оттуда, и такимъ образомъ дала возможность Егору Егорычу собраться съ мыслями; когда же она наконецъ усѣлась, онъ ей прежде всего объяснилъ:

— Музу мы оставили совершенно здоровою и покойною.

— Благодарю васъ, благодарю!—поблагодарила Юлія Матвѣевна.

— Потомъ (это ужъ Егоръ Егорычъ началъ говорить настойчиво)... вамъ здѣсь, вѣроятно, трудно будетъ жить съ двумя дочерьми!.. Вотъ, пожалуйста, возьмите!

Говоря это, Егоръ Егорычъ выложилъ цѣлую кучу денегъ передъ адмиральшей.

— Нѣтъ, нѣтъ!—возразила та, вспыхнувъ.

— Не нѣтъ, а да!.. — почти прикрикнулъ на нее Егоръ Егорычъ.

— Клянусь, что я не нуждаюсь, и вотъ вамъ доказательство!—продолжала адмиральша, выдвигая ящикъ, въ которомъ дѣйствительно лежала довольно значительная сумма денегъ: она еще съ недѣлю тому назадъ успѣла продать свои брильянты.

Егоръ Егорычъ послѣ того схватилъ свои деньги и сунулъ ихъ опять въ карманъ: ему словно бы досадно было, что Юлія Матвѣевна не нуждалась.

— Теперь вамъ, конечно, не до меня!—бормоталъ онъ:— но когда же я могу пріѣхать къ вамъ, чтобы не безпокоить ни васъ ни Людмилу?

Этотъ вопросъ поставилъ Юлію Матвѣевну въ чрезвычайно затруднительное положеніе.

— Видите...—начала она что-то такое плести:—Людмилѣ дѣлаютъ ванны, но тогда только, когда приказываетъ докторъ, а ѣздитъ онъ очень неаккуратно, — иногда черезъ день, черезъ два и черезъ три дня, и если вы пріѣдете, а Людмилѣ будетъ назначена ванна, то въ этакой маленькой квартиркѣ... понимаете?..

— Понимаю!.. — перебилъ ее Марѳинъ, уже догадавшійся, что адмиральша и Людмила стѣсняются его присутствіемъ, и прежнее подозрѣніе касательно сей послѣдней снова воскресло въ немъ и облило всю его душу ядомъ.

Онъ сталъ торопливо и молча раскланиваться.

— Я вамъ напишу, непремѣнно напишу... Гдѣ вы остановитесь?—говорила ему адмиральша.

— У Шевалдышева, какъ и всегда, у Шевалдышева!—повторилъ своей скороговоркой Егоръ Егорычъ.

По отъѣздѣ его для Юліи Матвѣевны снова наступило довольно затруднительное объясненіе съ Сусанной.

— Но чѣмъ особенно больна теперь Людмила?—начала та допытываться, какъ только осталась вдвоемъ съ матерью.

— Ахъ, у нея очень сложная болѣзнь! — вывертывалась Юлія Матвѣевна, и она ужъ, конечно, во всю жизнь свою не наговорила столько неправды, сколько она навыдумала и нахитрила послѣднее время, и неизвѣстно, долго ли бы еще у нея достало силы притворничать передъ Сусанной, но въ это время послышался голосъ Людмилы, которымъ она громко выговорила:

— Мамаша, позовите ко мнѣ Сусанну!

Адмиральша, кажется, не очень охотно и не безъ опасенія ввела ту къ Людмилѣ, которая все еще лежала на постели и указала сестрѣ на стулъ около себя. Сусанна сѣла.

— А вы, мамаша, уйдите!—проговорила Людмила матери.

Старушка удалилась. Людмила ласково протянула руку Сусаннѣ. Та долѣе не выдержала и, кинувшись сестрѣ на грудь, начала ее цѣловать: ясное предчувствіе ей говорило, что Людмила была несчастлива, и очень несчастлива!

— Что такое съ тобой, Людмила? — произнесла она: — я прошу, наконецъ умоляю тебя не секретничать отъ меня!

— Я не буду секретничать и все тебѣ скажу, — отвѣчала Людмила.

Тогда Сусанна снова сѣла на стулъ. Выраженіе лица ея хоть и было взволнованное, но не растерянное: видимо, она приготовилась выслушать много нехорошаго. Людмила, въ свою очередь, тоже поднялась на своей постели.

— Я не больна, ничѣмъ не больна, но я ношу подъ сердцемъ ребенка, — тихо объяснила она.

Сусанна все ожидала услышать, только не это.

— Я любила... или нѣтъ, это неправда, я и до сихъ поръ еще люблю Ченцова!.. онъ божество какое-то для меня! — добавила Людмила.

Несмотря на совершеннѣйшую чистоту своихъ помысловъ, Сусанна тѣмъ не менѣе поняла хорошо, что сказала ей сестра, и даже чуткой своей совѣстью на мгновеніе подумала, что и съ нею то же самое могло быть, если бы она кого-либо изъ мужчинъ такъ сильно полюбила.

— Но я полагала, что ты любишь Егора Егорыча, — почти прошептала она.

— Нѣтъ, Маріина я никогда не любила!.. Онъ превосходнѣйшій человѣкъ, и ты вотъ гораздо достойнѣе меня полюбить его.

Сусанна почему-то покраснѣла при этомъ.

— А Ченцовъ теперь здѣсь, въ Москвѣ? — спросила она робко и послѣ нѣкотораго молчанія.

— Не знаю, — отвѣчала Людмила: — онъ пріѣзжалъ тутъ; но я ему сказала, что не могу больше видаться съ нимъ.

— Какъ же ты это сказала, когда еще любишь его? — замѣтила попрежнему тихо Сусанна.

— Я люблю его и вмѣстѣ ненавижу... Но постой, мнѣ очень тяжело и тошно!.. Не разспрашивай меня больше!.. — проговорила Людмила и склонилась на подушку.

Сусанна пересѣла къ ней на постель и, взявъ сестру за руки, начала ихъ гладить. Средству этому научилъ ее Егоръ Егорычъ, какъ-то давно еще разсказывавшій при ней, что

когда кто впадаетъ въ великое горе, то всего лучше, если его руки возьмутъ чьи-нибудь другія, дружескія руки и начнутъ ихъ согрѣвать. Рекомендуемый имъ способъ удался Сусаннѣ. Людмила замѣтно успокоилась и сказала сестрѣ:

— Теперь поди, поразговори мамашу, а то я ее, бѣдную, измучила.

Сусанна тотчасъ же исполнила желаніе Людмилы и перешла къ адмиральшѣ, которую сильно волновала неизвѣстность, о чемъ сестры разговаривали.

— Тебѣ Людмила разсказала?.. — спросила она трепетнымъ голосомъ.

— Разсказала, и мы васъ просимъ объ одномъ — не тревожиться и беречь себя!

— Что ужъ мнѣ беречь себя! — полувоскликнула старушка: — вы бы только были счастливы, вотъ о чемъ каждоминутно молитва моя! И меня теперь то больше всего тревожитъ, — продолжала она глубокомысленнымъ тономъ: — что Людмила рѣшительно не желаетъ, чтобы Егоръ Егорычъ бывалъ у насъ; а какъ мнѣ это сдѣлать?..

— Егора Егорыча нельзя намъ не принимать! — сказала съ твердостью Сусанна.

— Знаю и понимаю это! — подхватила адмиральша, обрадованная, что Сусанна согласно съ нею смотритъ: — ты вообрази одно: онъ давно былъ благодѣтелемъ всей нашей семьи и будетъ еще потомъ, когда я умру, а то на кого я васъ оставлю?.. Кромѣ его, не на кого!

— Не на кого! — подтвердила и Сусанна: въ сущности, она изъ всей семьи была болѣе другихъ разсудительна и, главное, надѣлена твердымъ характеромъ.

— Не внушишь ли ты какъ-нибудь Людмилѣ, а я не берусь, — сказала, разводя, по обыкновенію, руками, адмиральша: увидавъ себѣ опору въ Сусаннѣ, она начала немножко прятаться за нее.

Свою собственную рѣшительность она слишкомъ долго напрягала, и она у нея замѣтно начала таять.

— Я поговорю съ сестрою! — успокоила Сусанна мать, и на другой же день, когда Людмила немножко повеселѣла, Сусанна, опять-таки оставшись съ ней наединѣ, сказала:

— Мамашу теперь безпокоитъ, что ты не хочешь встрѣчаться съ Егоромъ Егорычемъ

— Да, мнѣ стыдно его... Онъ долженъ презирать меня! — проговорила Людмила.

На высокомъ лбу Сусанны пробѣжали двѣ морщинки, совершенно еще несвойственныя ея возрасту.

— Егоръ Егорычъ не только что тебя, — возразила она:— но и никого въ мірѣ, я думаю, не можетъ презирать!.. Онъ такой добрый христіанинъ, что...

Дѣло въ томъ, что Егоръ Егорычъ дорогой, когда она ѣхала съ нимъ въ Москву, очень много разсуждалъ о разныхъ евангелическихъ догматахъ, и по преимуществу о незлобіи, терпѣніи, смиренномудріи и любви ко всѣмъ, даже врагамъ своимъ; Сусанна хоть и молча, но внимала ему всей душой.

— Мамаша очень желаетъ написать ему, чтобы онъ пріѣхалъ къ намъ, а то онъ, боясь тебя безпокоить, вѣроятно, совсѣмъ не будетъ у насъ бывать, — докончила она.

— Хорошо, пускай напишетъ, — отвѣтила Людмила.

— И тебя это не разстроитъ сильно, когда онъ пріѣдетъ?

— Нѣтъ, не думаю.

Сусанна, опять-таки не скоро и поговоривъ еще разъ съ Людмилой на предыдущую тему, объявила наконецъ матери:

— Людмила сказала мнѣ, что ей ничего, если Егоръ Егорычъ будетъ у насъ... Вы ему напишите.

— Душечка, ангелъ мой! — воскликнула адмиральша: — напиши ему отъ меня... Ты видишь, какъ дрожатъ у меня руки.

У адмиральши дѣйствительно отъ всего перечувствованнаго ею руки ходенемъ-ходили, и даже голова, по семейному сходству съ монахиней, начинала немного трястись.

Сусанна съ удовольствіемъ исполнила просьбу матери и очень грамотнымъ русскимъ языкомъ, что въ то время было довольно рѣдко между русскими барышнями, написала Егору Егорычу, отъ имени, конечно, адмиральши, чтобы онъ завтра пріѣхалъ къ нимъ: не руководствовалъ ли Сусанною въ ея хлопотахъ, чтобы Егоръ Егорычъ сталъ бывать у нихъ, кромѣ разсудительности и любви къ своей семьѣ, нѣкій другой инстинктъ — я не берусь рѣшать, какъ, вѣроятно, не рѣшила бы этого и она сама.

Егоръ Егорычъ, все время сидѣвшій одинъ въ своемъ номерѣ и врядъ ли не исключительно подвизавшійся въ «умномъ дѣланіи» и только тѣмъ сохранявшій въ себѣ нѣкоторый внутренній порядокъ, не замедлилъ явиться къ Рыжовымъ. Всю семью ихъ онъ засталъ собранными вкупѣ. Адмиральша встрѣтила его съ радостной улыбкой, Людмила старалась держать себя смѣло и покойно, а Сусанна, при его появленіи, немного потупилась. Егоръ Егорычъ, подходя по обычаю къ рукѣ дамъ, прежде всего окинулъ короткимъ, но пристальнымъ взглядомъ Людмилу, и въ ней многое показалось ему подозрительнымъ въ смыслѣ ея положенія. Когда поданъ былъ затѣмъ кофе, Егоръ Егорычъ, будто бы такъ себѣ, къ слову, началъ говорить о

разнаго рода ложныхъ стыдахъ и страхахъ, которые иногда овладѣваютъ людьми, и что подобнаго страха не слѣдуетъ быть ни у кого, потому что каждый долженъ бояться одного только Бога, который милосердъ и прощаетъ человѣку многое, кромѣ отчаянія.

Такого рода бесѣдованіе его было прервано появленіемъ въ довольно низкихъ комнатахъ квартирки Рыжовыхъ громаднаго капитана Аггея Никитича, который, насколько только позволялъ ему его ростъ и все-таки отчасти солдатская выправка, ловко расшаркался передъ дамами и проговорилъ, прямо обращаясь къ Юліи Матвѣевнѣ:

— Я воспользовался вашимъ позволеніемъ быть у васъ: капитанъ учебнаго карабинернаго полка Звѣревъ!

— Ахъ, мы рады вамъ... — говорила адмиральша, будучи въ сущности весьма удивлена появленіемъ громаднаго капитана, такъ какъ, при недавней съ нимъ встрѣчѣ, она вовсе не приглашала его, — напротивъ, конечно, не совсѣмъ, можетъ-быть, ясно сказала ему: «извините, мы живемъ совершенно уединенно!» — но какъ бы ни было, капитанъ усѣлся и сейчасъ же повелъ разговоръ.

— У насъ наконецъ весна!.. настоящая, прекрасная весна!.. На нашемъ плацу передъ казармами совершенно уже сухо; въ саду Лефортовскомъ прилетѣли грачи, жаворонки, съ красными шейками дятлы; все это чирикаетъ и щебечетъ до невѣроятности. Въ воздухѣ тоже чувствуется что-то животворное!..

— Воздухъ, мнѣ кажется, не совсѣмъ здоровъ, — замѣтила ему адмиральша, считавшая всѣ свои недуги происходящими отъ воздуха, а не отъ множества горестей, которыми послѣднее время награждала ее судьба.

— О, нѣтъ!.. — не согласился капитанъ: — весенній воздухъ и молодость живятъ все!

Маркинъ слушалъ капитана съ нахмуреннымъ лицомъ. Онъ вообще офицеровъ послѣдняго времени недолюбливалъ, считая ихъ шагистиками и больше ничего, а то, что говорилъ Аггей Никитичъ, на первыхъ порахъ показалось Егору Егорычу пошлымъ, а потому врядъ ли даже не съ цѣлью прервать его разглагольствованіе онъ обратился къ барышнямъ:

— Вы не желаете ли ѣхать со мной къ обѣднѣ... недалеко тутъ... на Чистые Пруды... въ церковь Архангела Гавріила?.. Тамъ поютъ почтамтскіе пѣвчіе...

— Людмилѣ, я думаю, нельзя!.. Она слишкомъ устаетъ стоять въ церкви!.. — поспѣшила отвѣтить за ту адмиральша, предчувствовавшая, что такая поѣздка будетъ очень непріятна Людмилѣ.

— Да я и не поѣду, — сказала та съ своей стороны.

— А вы? — спросилъ уже одну Сусанну Егоръ Егорычъ.

— Я... — начала-было Сусанна и взглянула на мать.

— Она вотъ поѣдетъ съ вами съ удовольствіемъ! — подхватила адмиральша.

Егоръ Егорычъ еще разъ спросилъ взглядомъ Сусанну.

— Поѣду, — объявила она ему.

Капитанъ тѣмъ временемъ всматривался въ обѣихъ молодыхъ дѣвушекъ. Конечно, ему и Сусанна показалась хорошенькою, но все-таки хуже Людмилы: у нея были губы какъ-то суховаты, тогда какъ у Людмилы онѣ являлись сочными, розовыми, какъ бы созданными для поцѣлуевъ. Услыхавъ, впрочемъ, что Егоръ Егорычъ упомянулъ о церкви Архангела Гавріила, капитанъ не преминулъ вмѣшаться въ разговоръ и сказалъ Людмилѣ:

— Вы напрасно не ѣдете!.. Церковь эта очень извѣстная въ Москвѣ; ее строилъ еще Меншиковъ, и она до сихъ поръ называется башнею Меншикова... Потомъ она сгорѣла отъ грома, стояла запустѣлою, пока не подцѣпили ее эти, знаете, масоны, которые сдѣлали изъ нея какой-то костелъ.

Егоръ Егорычъ еще болѣе нахмурился.

— Что же въ этой церкви похожаго на костелъ? — проговорилъ онъ мрачнымъ тономъ.

— Многое-съ, очень многое!.. Я самъ три года стоялъ въ Польшѣ и достаточно видалъ этихъ костеловъ; кромѣ того, мнѣ все это говорилъ одинъ почтамтскій чиновникъ, и онъ утверждалъ, что почтамтъ у насъ весь состоитъ изъ масоновъ, и что эти господа, хоть и очень умные, но проходимцы великіе!.. — лупилъ на всѣхъ парусахъ капитанъ.

Барышни и адмиральша обмирали, опасаясь, что новый знакомый ихъ, пожалуй, выскажетъ что-нибудь еще болѣе обидное для Егора Егорыча, а потому, чтобы помѣшать этому, Юлія Матвѣевна нашлась сдѣлать одно, что проговорила:

— Позвольте васъ познакомить: это полковникъ Марѳинъ, а вы?

— Капитанъ Звѣревъ! — напомнилъ ей тотъ свою фамилію.

Юлія Матвѣевна, потупляясь, сказала Марѳину:

— Господинъ Звѣревъ!..

Капитанъ послѣ этой рекомендаціи поднялся на ноги и почтительно поклонился Егору Егорычу, который, хоть вѣжливо, но не приподнимаясь, тоже склонилъ голову.

— А какіе эти господа масоны загадочные люди!.. — не унимался капитанъ: — я знаю это по одной исторіи объ нихъ!..

Егоръ Егорычъ отвернулся въ сторону, явно желая показать,

что онъ не слушаетъ, но на разговорчиваго капитана это нисколько не подѣйствовало.

— Исторія такого рода, — продолжалъ онъ: — что вотъ въ томъ же Царствѣ Польскомъ служилъ нашъ русскій офицеръ, молодой, богатый, и влюбился онъ въ одну панночку... (слово: «панночка» капитанъ умѣлъ какъ-то произносить въ одно и то же время насмѣшливо и съ увлеченіемъ). Ну, тамъ то и се идетъ между ними... только офицера этого отзываютъ въ Петербургъ... Панночка въ отчаяніи и говоритъ ему: «Сними ты съ себя портретъ для меня, но пусти передъ этимъ кровь и дай мнѣ нѣсколько капель ея; я ихъ велю положить живописцу въ краски, которыми будутъ рисовать, и тогда портретъ выйдетъ совершенно живой, какъ ты!..» Офицеръ, конечно,—да и кто бы изъ насъ не готовъ былъ сдѣлать того, когда мы для женщинъ жизнью жертвуемъ, — исполнилъ, что она желала... Портретъ дѣйствительно вышелъ какъ живой... Офицеръ уѣхалъ въ Петербургъ и тамъ закружился въ большомъ свѣтѣ... панночку свою забылъ, не пишетъ ей... Только вдругъ начинаетъ чувствовать тоску ужасную — день, два, мѣсяцъ, такъ что онъ разсказалъ объ этомъ своему другу, тоже офицеру. Тотъ и говоритъ ему: «Сходи ты къ одному магнитизеру, что ли, или тамъ къ колдуну и гадальщику какому-то, который тогда славился въ Петербургѣ»... Офицеръ идетъ къ этому магнитизеру... Тотъ сначала своими жестами усыпилъ его, и что потомъ было съ офицеромъ въ этомъ снѣ, — онъ не помнитъ; но когда очнулся, магнитизеръ велѣлъ ему взять ванну и далъ ему при этомъ восковую свѣчку, полотенчико и небольшое зеркальце... «Свѣчку эту, говоритъ, вы зажгите и садитесь съ нею и съ зеркальцемъ въ ванну, а когда вы тамъ почувствуете сильную тоску подъ ложечкой, то окунитесь... свѣчка при этомъ — не бойтесь — не погаснетъ, а потомъ, не выходя изъ ванны, протрите полотенчикомъ зеркальце и, свѣтя себѣ свѣчкою, взгляните въ него... Такъ сдѣлайте четыре раза и потомъ мнѣ скажите, что увидите...» Офицеръ продѣлалъ въ точности, что ему было предписано, и когда въ первый разъ взглянулъ въ зеркальце, то ему представилась знакомая комната забытой имъ панночки (при этихъ словахъ у капитана появилась на губахъ грустная усмѣшка)... Въ другой, въ третій разъ онъ видитъ уже самоё панночку, и видитъ, что она стоитъ съ пистолетомъ въ рукѣ передъ его портретомъ... наконецъ явственно слышитъ выстрѣлъ... Зеркальце сразу померкло... Однако офицеръ протеръ его, и ему представляется, что панночка лежитъ вся облитая кровью!.. Онъ такъ перепугался всей этой чертовщины, что, одѣвшись

наскоро, прямо побѣжалъ къ магнитизеру и разсказываетъ ему. Тотъ ему объяснилъ, что если бы офицеръ не обратился къ нему, то теперь бы ужъ умеръ отъ тоски, но что этотъ выстрѣлъ, которымъ панночка прицѣливалась-было въ его портретъ, магнитизеръ направилъ въ нее самоё, и все это онъ могъ сдѣлать, потому что былъ масонъ.

Адмиральша и обѣ ея дочери невольно заинтересовались разсказомъ капитана, да и Егоръ Егорычъ очутился въ странномъ положеніи: разсказъ этотъ онъ давно зналъ и почти вѣрилъ въ фактическую возможность его; но капитанъ разсказалъ это такъ невѣжественно, что Егоръ Егорычъ не выдержалъ и рѣшился разъяснить этотъ случай посерьезнѣе.

— Это, говоритъ, было! — забормоталъ онъ:—жизнь людей, нравственно связанныхъ между собою, похожа на концентрическіе круги, у которыхъ одинъ центръ, и вотъ въ извѣстный моментъ два лица помѣщались въ самомъ центрѣ матеріальнаго и психическаго сближенія; потомъ они переходятъ каждый по своему отдѣльному радіусу въ одинъ, въ другой концентрикъ: такимъ образомъ все удаляются другъ отъ друга; но связь существенная у нихъ, замѣтьте, не прервана: они могутъ еще сообщаться посредствомъ радіусовъ и, взаимно дѣйствуя, даже умерщвлять одинъ другого, и не выстрѣломъ въ портретъ, а скорѣй глубокимъ помысломъ, могущественнымъ движеніемъ воли въ желаемомъ направленіи.

— Вѣрно!.. вѣрно!..—воскликнулъ капитанъ первый.

А Людмилѣ тотчасъ же пришло въ голову, что неужели же Ченцовъ можетъ умереть, когда она сердито подумаетъ объ немъ? О, въ такомъ случаѣ Людмила рѣшилась никогда не сердиться на него въ мысляхъ за его поступокъ съ нею... Сусанна ничего не думала и только безусловно вѣрила тому, что говорилъ Егоръ Егорычъ; но адмиральша—это немножко даже и смѣшно—ни звука не поняла изъ словъ Марѳина, можетъ-быть, потому, что очень была утомлена физически и умственно.

Проговоривъ свое поученіе и сказавъ наскоро Сусаннѣ: «Я завтра за вами въ десять часовъ утра заѣзжаю», Егоръ Егорычъ вскочилъ съ своего мѣста и проворно ушелъ.

Юлія Матвѣевна осталась совершенно убѣжденною, что Егоръ Егорычъ разсердился на неприличныя выраженія капитана о масонахъ, и, чтобы не допустить еще разъ повториться подобной сценѣ, она рѣшилась намекнуть на это Звѣреву, и когда онъ, разспросивъ барышень все до малѣйшихъ подробностей о Марѳинѣ, сталъ наконецъ раскланиваться, Юлія Матвѣевна вышла за нимъ въ переднюю и добрымъ голосомъ сказала ему:

— Вотъ, буде вы встрѣтитесь у насъ съ этимъ моимъ родственникомъ Марѳинымъ, то не говорите, пожалуйста, о масонахъ.

— А развѣ онъ масонъ?—произнесъ, уже немного струсивъ, храбрый капитанъ: поступить противъ правилъ приличія въ обществѣ онъ чрезвычайно боялся.

— Нѣтъ, но у него отецъ былъ и много водныхъ масонами,—объяснила Юлія Матвѣевна.

— А, благодарю васъ, что вы меня предувѣдомили!..—поблагодарилъ ее искренно капитанъ и, выйдя отъ Рыжовыхъ, почувствовалъ желаніе зайти къ Миропѣ Дмитріевнѣ, чтобы поговорить съ ней по душѣ.

Онъ засталъ ее недовольною и исполненною недоумѣнія касательно своихъ постояльцевъ.

— Вы были у Рыжовыхъ?—спросила она, еще прежде видѣвши, что капитанъ вошелъ къ ней на дворикъ и прошелъ, какъ безошибочно предположила Миропа Дмитріевна, къ ея жильцамъ, чѣмъ тоже она была немало удивлена.

— Цѣлое утро сидѣлъ у нихъ,—отвѣчалъ самодовольно капитанъ.

— Что же, вы поняли тутъ что-нибудь?—продолжала язвительно Миропа Дмитріевна.

— Почти!..—проговорилъ капитанъ.

— Что именно?—допытывалась Миропа Дмитріевна.

— Это все семейство поэтическое!—рѣшилъ капитанъ.

Миропѣ Дмитріевнѣ, кажется, не совсѣмъ пріятно было услышать это.

— Въ какомъ отношеніи?—вопросила она не безъ насмѣшки.

— Во всѣхъ отношеніяхъ, и кромѣ старшей, Людмилы, кажется, у адмиральши есть другая дочь,—прехорошенькая,—я и не воображалъ даже!—говорилъ съ явнымъ увлеченіемъ капитанъ.

Миропа Дмитріевна при этомъ не могла скрыть своей досады.

— Вамъ попадись только на глаза хорошенькая женщина, такъ вы ничего другого и не замѣчаете!—возразила она:—а я вамъ скажу, что эту другую хорошенькую сестру Людмилы привезъ къ адмиральшѣ новый еще мужчина, старикъ какой-то, но кто онъ такой...

— Онъ—полковникъ Марѳинъ и масонъ! — перебилъ Миропу Дмитріевну капитанъ.

— А вы какъ это знаете? — воскликнула она, снова удивленная, что капитанъ знаетъ объ Рыжовыхъ больше, чѣмъ она.

— Я сейчасъ бесѣдовалъ и даже спорилъ съ нимъ!—объяснилъ капитанъ: — чудакъ онъ, должно-быть, величайшій;

когда говоритъ, такъ наслажденье его слушать, сейчасъ видно, что философъ и ученѣйшій человѣкъ, а по манерамъ какой-то прыгунчикъ.

Аггея Никитича очень поразила поспѣшность, съ какою Егоръ Егорычъ всталъ и скрылся.

— И прыгунчикъ даже!—подхватила опять-таки съ ядовитостью Мирона Дмитріевна:—стало-быть, мое подозрѣніе справедливо.

— Подозрѣніе?—остановилъ ее капитанъ.

— Да, подозрѣніе, что этотъ старичокъ, должно-быть, обожатель самой адмиральши.

Капитанъ сердито на нее взглянулъ.

— Она, какъ только онъ побывалъ у ней въ первый разъ, въ тотъ же день заплатила мнѣ за квартиру за три мѣсяца впередъ!—присовокупила Мирона Дмитріевна.

— Ну, старая пѣсня!—полувоскликнулъ капитанъ, берясь за свою шляпу съ чернымъ султаномъ: ему невыносимо наконецъ было слышать, что Мирона Дмитріевна сводитъ всѣ свои мнѣнія на деньги.

— Если бы такихъ полковниковъ у насъ въ военной службѣ было побольше, такъ намъ, оберъ-офицерамъ, легче было бы служить!—внушилъ онъ Миронѣ Дмитріевнѣ и ушелъ отъ нея, продолжая всю дорогу думать о семействѣ Рыжовыхъ, въ которомъ все его очаровывало: не говоря уже о Людмилѣ, а также и о Сусаннѣ, но даже сама старушка-адмиральша очень ему понравилась, а еще болѣе ея—полковникъ Марѳинъ, съ которымъ капитану чрезвычайно захотѣлось поближе познакомиться и высказаться передъ нимъ.

Егоръ Егорычъ тоже нѣсколько мгновеній помыслилъ о капитанѣ, который, конечно, показался ему дубоватымъ солдафономъ, но не безъ нравственныхъ заложеній.

III.

Когда отъ Рыжовыхъ оба гостя ихъ уѣхали, Людмила ушла въ свою комнату и до самаго вечера оттуда не выходила: она сердилась на адмиральшу и даже на Сусанну за то, что онѣ, зная ея положеніе, хотѣли, чтобы она вышла къ Марѳину; это казалось ей безжалостнымъ съ ихъ стороны, тогда какъ она для долга и для нихъ всѣмъ, кажется, не выключая даже Ченцова, пожертвовала. При этомъ у Людмилы мысли, исполненныя отчаянія, начинали разрастаться въ воображеніи до гигантскихъ размѣровъ: «Гдѣ Ченцовъ?.. Что онъ дѣлаетъ?.. Здоровъ ли?.. Не убилъ ли себя?.. Потомъ, что и съ ней са-

мой будетъ, и что будетъ съ ея бѣднымъ ребенкомъ?»—спрашивала она себя мысленно, и дыханье у нея захватывалось, горло истерически сжималось; наконецъ всѣ эти мученія разрѣшились тѣмъ, что Людмила принялась рыдать. Мать и Сусанна сначала изъ сосѣдней комнаты боязливо прислушивалась къ ея плачу; наконецъ Сусанна не выдержала и вошла къ ней.

— Ну, полно, Людмила, успокойся, не плачь!.. — говорила она, садясь на постель около сестры и обнимая ее.

— Я непремѣнно буду плакать, если вы будете Марѳина принимать!.. Мнѣ нелегко его видѣть, вы должны это понимать!—отвѣчала почти дѣтски-капризнымъ голосомъ Людмила.

— Мы не будемъ его принимать, если ты не хочешь этого!—успокоила ее Сусанна.

— Какъ же не будете, когда онъ въ воскресенье пріѣдетъ за тобой!—замѣтила съ недоброй усмѣшкой Людмила.

— Ему нужно написать, чтобы онъ не пріѣзжалъ!—успокоила Сусанна и въ этомъ отношеніи сестру.

Та нѣкоторое время размышляла.

— Нѣтъ, въ воскресенье онъ пускай пріѣдетъ!.. Только я никакъ ужъ не выйду при немъ!..—проговорила она.

— Ты и не выходи!.. Никакой надобности тебѣ нѣтъ въ томъ!..—подтвердила Сусанна.

Людмила отвѣтила на это только глубокимъ взглядомъ.

Адмиральша весь этотъ разговоръ дочерей слышала отъ слова до слова, и онъ ее огорчилъ и испугалъ.

— Людмила опять не хочетъ, чтобы Егоръ Егорычъ бывалъ у насъ? — спросила она тревожнымъ голосомъ Сусанну, когда та вышла отъ сестры.

— Но это, мамаша, я вижу теперь, что и невозможно; Людмилу это такъ разстраиваетъ, что она можетъ сдѣлаться серьезно больна!—проговорила Сусанна.

— Можетъ, очень можетъ! — согласилась съ ней и старушка.—Но какъ же тутъ быть?.. Ты сама говорила, что не принимать Егора Егорыча намъ нельзя!.. За что мы оскорбимъ человѣка?.. Онъ не Ченцовъ какой-нибудь въ отношеніи насъ!

Сусанна на этотъ разъ тоже затруднилась и не могла вдругъ придумать, что бы такое предпринять.

— Богъ какъ-нибудь устроитъ, мамаша!—сказала она.

— Конечно!..—не отвергнула и адмиральша, хотя, по опыту своей жизни и особенно подвигнутая послѣднимъ страшнымъ горемъ своимъ, она начинала чувствовать, что не все же Богъ устраиваетъ, а что надобно людямъ самимъ заботиться, и у

нея вдругъ созрѣла въ головѣ смѣлая мысль, что когда Егоръ Егорычъ пріѣдетъ къ нимъ въ воскресенье, то какъ-нибудь— безъ Сусанны, разумѣется — открыть ему все о несчастномъ увлеченіи Людмилы и объ ея настоящемъ положеніи, не утаивъ даже, что Людмила боится видѣть Егора Егорыча, и умолять его посовѣтовать, что̀ тутъ дѣлать.

Успокоившись на этомъ рѣшеніи, Юлія Матвѣевна съ твердостью ожидала пріѣзда Егора Егорыча, который, конечно, не замедлилъ явиться, какъ сказалъ, минута въ минуту. Сусанна въ это время одѣвалась въ своей маленькой комнаткѣ, досадуя на себя, что согласилась на поѣздку съ Егоромъ Егорычемъ въ церковь и думая, что это она—причина всѣхъ непріятностей, а съ другой стороны ей и хотѣлось ѣхать, или, точнѣе сказать, видѣть Егора Егорыча. Странно, но она начинала ясно понимать, что этотъ человѣкъ какъ бы каждоминутно все болѣе и болѣе привлекалъ ее къ себѣ. Адмиральша, очень довольная отсутствіемъ Сусанны, сейчасъ же принялась шопотомъ, сбиваясь, не безъ слезъ, повѣствовать Егору Егорычу о постигшемъ ихъ семейство несчастіи и, къ удивленію своему, подмѣтила, что такое открытіе нисколько не поразило ея друга.

— Я это слышалъ и предчувствовалъ!—пробормоталъ онъ.

— Слышали?.. Но какимъ образомъ и отъ кого?—воскликнула съ ужасомъ адмиральша.

— Слухомъ земля полнится!—проговорилъ Егоръ Егорычъ, не отвѣчая прямо на вопросъ, и затѣмъ прямо перешелъ къ тому плану, который онъ, переживя столько мучительныхъ чувствованій и въ концѣ концовъ забывъ совершенно самого себя, начерталъ въ своемъ умѣ касательно будущей судьбы Людмилы и Ченцова.

— Прежде всего, — началъ онъ:—этого повѣсу, моего племянника, надобно развести съ его женой; это и для него и для жены его будетъ благодѣяніемъ, и я какъ-нибудь устрою это; а потомъ ихъ женить съ Людмилой.

— Ни за что, ни за что! — воскликнула Юлія Матвѣевна, отмахиваясь даже руками отъ подобнаго предположенія. — Какъ это возможно, когда Валерьянъ двоюродный братъ Людмилѣ?

Въ этомъ отношеніи адмиральша была преисполнена неотразимаго предубѣжденія, помня еще съ дѣтства разсказъ, какъ въ ихъ же родѣ одинъ двоюродный братъ женился на двоюродной сестрѣ, и въ первую же ночь брака они оба отъ неизвѣстной причины померли.

— Но вы желали же, чтобы Людмила вышла за меня, а я вамъ тоже родня!—возразилъ ей Егоръ Егорычъ.

— Да, батюшка, развѣ вы въ такомъ близкомъ родствѣ намъ?—начала Юлія Матвѣевна заискивающимъ голосомъ:— Валерьянъ Людмилѣ троюродный братъ, а вы четвероюродный, да и то дядя ей!.. Богъ, я думаю, различаетъ это.

— Богъ различаетъ, но другое!—окрысился Мареинъ.

— Да и другое! — продолжала съ упорствомъ Юлія Матвѣевна.—Для васъ, разумѣется, не секретъ, что Валерьянъ очень дурной человѣкъ, и я бы никакой матери не посовѣтовала выдать за него не только дочери своей, но даже горничной.

— Но вы забываете,—прикрикнулъ на нее Егоръ Егорычъ:— что Людмила любитъ Валерьяна.

— Нисколько, нисколько! — отпарировала ему смѣло адмиральша.

— Какъ нисколько?.. А сверхъ того, ея положеніе?

— Она готова вынести свое положеніе, но чтобы только не видѣть и не быть женой Валерьяна.

Егоръ Егорычъ отрицательно моталъ головой.

— Она вамъ это говорила? — спросилъ онъ почти строго.

— Говорила, — отвѣтила съ увѣренностью адмиральша, искренно убѣжденная, по своей недальновидности, что Людмила ужъ больше не любитъ Ченцова.

Егоръ Егорычъ послѣ этого умолкъ, тѣмъ болѣе, что въ это время вошла Сусанна, по наружности спокойная, хотя и стыдящаяся нѣсколько, и снова напомнившая Егору Егорычу мадонну. Вскорѣ они отправились къ обѣднѣ. Егоръ Егорычъ заѣхалъ за Сусанной въ прекрасномъ фаэтонѣ и на очень бойкихъ лошадяхъ, такъ что едва только онъ успѣлъ съ Сусанной сѣсть въ экипажъ, какъ лошади рванулись и почти что понесли. Юлія Матвѣевна, все это наблюдавшая, даже вскрикнула отъ испуга: считая Егора Егорыча за превосходнѣйшаго человѣка въ мірѣ, Юлія Матвѣевна, будучи сама великой трусихой лошадей, собакъ, коровъ и даже шипящихъ гусей, понять не могла этой глупой страсти ея кузена къ бѣшенымъ лошадямъ. Мареинъ дѣйствительно, кажется, только двѣ суетныя наклонности и имѣлъ: страсть къ крестамъ государственнымъ и масонскимъ и страсть къ красивымъ и заносистымъ конямъ.

Вмѣстѣ съ господиномъ своимъ ѣхалъ также и Антипъ Ильичъ, помѣщавшійся рядомъ съ кучеромъ на козлахъ. Эта мода, чтобы лакеи не тряслись на запяткахъ, а сидѣли съ кучеромъ, только еще начинала входить, и Егоръ Егорычъ одинъ изъ первыхъ ею воспользовался, купивъ себѣ для того новый экипажъ съ широчайшими козлами.

— Антипъ Ильичъ, ты это какъ очутился въ Москвѣ? — спросила Сусанна.

— Самъ пріѣхалъ, безъ разрѣшенія даже моего!—отвѣчалъ за своего камердинера Егоръ Егорычъ. — Говоритъ, что мнѣ тяжело и трудно безъ него жить, да и правда, пожалуй, совершенная правда.

Антипъ Ильичъ слушалъ такой отзывъ барина съ замѣтнымъ удовольствіемъ.

Фаэтонъ между тѣмъ быстро подкатилъ къ бульвару «Чистые Пруды», и Егоръ Егорычъ крикнулъ кучеру: «поѣзжай по лѣвой сторонѣ!», и, велѣвъ свернуть близъ почтамта въ переулокъ и остановиться у небольшой церкви Ѳеодора Стратилата, онъ предложилъ Сусаннѣ выйти изъ экипажа, при чемъ самымъ почтительнѣйшимъ образомъ высадилъ ее и попросилъ слѣдовать за собой внутрь двора, гдѣ и находился храмъ Архангела Гавріила, который дѣйствительно своими колоннами, выступами, вазами, стоявшими у подножія верхняго яруса, напоминалъ скорѣе башню, чѣмъ православную церковь,—на куполѣ его, впрочемъ, высился крестъ; наружныя стѣны храма были покрыты лѣпными изображеніями съ таковыми же лѣпными надписями на славянскомъ языкѣ: съ западной стороны, напримѣръ, подъ щитомъ, изображающимъ Благовѣщеніе, значилось: «Домъ Мой — домъ молитвы»; надъ дверями храма вокругъ Спасителева вѣнца виднѣлось: «Азъ есмь путь и истина и животъ»; около дверей, ведущихъ въ храмъ, шли надписи: «Господи, возлюблю благолѣпіе дому Твоего и мѣсто селенія славы Твоея», «Азъ же множествомъ милости Твоея вниду въ домъ Твой, поклонюся храму святому Твоему во страсѣ Твоемъ»; на паперти надписи гласили съ лѣвой стороны: «Путь заповѣдей Твоихъ текохъ, егда расширилъ еси сердце мое»; съ правой: «Законоположи мнѣ, Господи, путь оправданій Твоихъ и взыщи ихъ вину». На всѣ эти надписи Егоръ Егорычъ, ведя Сусанну въ храмъ, обратилъ ея вниманіе, и она всѣ ихъ прочла. Что касается Антипа Ильича, то онъ тоже вслѣдъ за господами вошелъ въ церковь.

Во внутренности храма Сусанну нѣсколько поразило, что молящіеся все почти были чиновники въ фрачныхъ вицмундирахъ съ черными бархатными воротниками и обшлагами и всѣ обильно увѣшанные крестами, а между этими особами размѣщалась уже болѣе мелкая служебная сошка: почтальоны въ форменныхъ и довольно поношенныхъ, съ стоячими плисовыми воротниками, сюртукахъ и съ невинными кортиками при бедрахъ своихъ. Помѣщавшійся у свѣчного ящика ста-

роста церковный и вмѣстѣ съ тѣмъ, должно-быть, казначей почтамта, толстый, важный, съ Анною на шеѣ, увидавъ подходящаго къ нему Егора Егорыча, тотчасъ утратилъ свою внушительность и почтительно поклонился ему, при чемъ торопливо приложилъ правую руку къ своей жирной шеѣ, держа почти перпендикулярно большой палецъ къ остальной ручной кисти, каковое движеніе прямо обозначало «шейный масонскій знакъ ученика».

Егоръ Егорычъ, пробурчавъ: «вкладъ въ церковь!»—подалъ старостѣ билетъ опекунскаго совѣта въ триста рублей. Другіе же въ это время чиновники, увидавъ Сусанну, вошедшую вмѣстѣ съ Егоромъ Егорычемъ, поспѣшили не то что пропустить, но даже направить ее къ пожилой дамѣ, красовавшейся на самомъ почетномъ мѣстѣ въ дорогой турецкой шали; около дамы этой стоялъ мальчикъ лѣтъ шестнадцати въ красивомъ пажескомъ мундирѣ, съ умненькими и какъ-то насмѣшливо бѣгающими глазками. Чиновникъ, подведшій Сусанну къ пожилой дамѣ, что-то тихонько шепнулъ сей послѣдней. Дама поспѣшила пододвинуться и дать Сусаннѣ мѣсто на коврѣ, которая, въ свою очередь, конфузясь и краснѣя, стала тутъ. Священникъ, старикъ уже и, вѣроятно, подагрикъ, потому что былъ въ теплыхъ плисовыхъ сапогахъ, истово совершалъ службу. Ризы на немъ и на дьяконѣ были темно-малиновыя, бархатныя, съ жемчужными крестами. Пѣвчіе — вѣроятно, составленные все изъ служащихъ въ почтамтѣ и ихъ дѣтей—пѣли превосходно, и между ними слышался чей-то чисто-грудной и бархатистый теноръ: это пѣлъ покойный Бантышевъ, тогда уже театральный пѣвецъ, но все еще, по старой памяти своей службы въ почтамтѣ, участвовавшій иногда въ хорѣ Гавріило-Архангельской церкви. Сусанна, столь склонная подпадать впечатлѣнію религіозныхъ службъ, вся погрузилась въ благоговѣніе и молитву и ничего не видѣла, что̀ около нея происходитъ; но Егоръ Егорычъ, проходя отъ старосты церковнаго на мужскую половину, сейчасъ замѣтилъ, что тамъ, превышая всѣхъ на цѣлую почти голову, рисовался капитанъ Звѣревъ въ полной парадной формѣ и съ бакенбардами, необыкновенно плотно прилегшими къ его щекамъ: ради этой цѣли капитанъ обыкновенно каждую ночь завязывалъ свои щеки косынкой, которая и прижимала его бакенбарды, что̀, впрочемъ, тогда дѣлали почти всѣ франтоватые пѣхотинцы.

— Я тоже пришелъ сюда помолиться! — сказалъ капитанъ уважительнымъ тономъ Егору Егорычу.

— Да, вижу, это хорошо! — одобрилъ его Мареинъ, и потомъ оба они замолчали и начали каждый по своей манерѣ мо-

литься. Егоръ Егорычъ закидывалъ все больше свою голову назадъ и въ то же время старался держать неподвижно ступни своихъ ногъ подъ прямымъ угломъ одна къ другой, что было *ложнымъ знакомъ мастера;* капитанъ же, дѣлая небольшіе сравнительно съ своей грудью крестики и склоняя голову преимущественно по направленію къ большимъ мѣстнымъ иконамъ, при этомъ какъ будто бы слегка прищелкивалъ своими каблуками. Въ продолженіе всей обѣдни не слышалось ни малѣйшаго разговора: въ то время вообще считалось говорить въ церкви грѣхомъ и неприличіемъ. Съ окончаніемъ обѣдни къ кресту подошла прежде всѣхъ почтенная дама въ турецкой шали, а вслѣдъ за нею почтамтскіе чиновники опять-таки почти подвели Сусанну, послѣ которой священникъ—черезъ голову уже двоихъ или троихъ прихожанъ — протянулъ крестъ къ Егору Егорычу. Тотъ приложился.

— Давно ли и надолго ли вы осчастливили нашу столицу?— спросилъ его священникъ; а вмѣстѣ съ нимъ произнесла и почтенная дама:

— Васъ ли я вижу, Егоръ Егорычъ?

Мароинъ ей и священнику что-то такое бормоталъ въ отвѣты.

— А это ваша милая родственница, кажется? — продолжала дама въ шали.

— Племянница,—бормоталъ Егоръ Егорычъ.

— И какая собой прелестная!—воскликнула дама и, какъ бы не удержавшись, поцѣловала Сусанну.

Та окончательно раскраснѣлась.

— А вашъ молодецъ выросъ, — сказалъ Егоръ Егорычъ, указывая на стоявшаго около дамы мальчика въ пажескомъ мундирѣ.

— А вы такъ не выросли! — отозвался вдругъ на это съ веселой усмѣшкой мальчикъ.

— А, какова острота!.. Но смотри только, не злоупотребляй: сѣки плевелы, но не пшеницу!—говорилъ, грозя ему пальцемъ, Егоръ Егорычъ.

— Oh, il est très caustique, mais avec ça il a beaucoup d'esprit!..—прошептала почтенная дама на ухо Егору Егорычу и затѣмъ вслухъ прибавила: — Неужели вы къ намъ не заѣдете?

— Не знаю!.. Можетъ-быть, заѣду!.. Можетъ-быть!..—отвѣчалъ Егоръ Егорычъ.

— Пожалуйста!.. Мужъ безконечно радъ будетъ васъ видѣть,—почти умоляла его дама, а потомъ, съ нѣкоторымъ величіемъ раскланиваясь на обѣ стороны съ почтительно стоя-

вшими чиновниками, вышла изъ церкви съ мальчикомъ, который все обертывалъ головку и посматривалъ на Сусанну, видимо, уже начиная разумѣть женскую красоту.

Егоръ Егорычъ, увидавъ въ это время, что священникъ выходитъ уже изъ церкви, торопливо и, вѣроятно, забывъ, что онъ говоритъ уже не съ дамой, отнесся къ нему:

— Deux mots!

Священникъ остановился.

— Я желалъ бы сей дѣвицѣ показать храмъ!—продолжалъ Егоръ Егорычъ.

— Дѣло доброе!—сказалъ священникъ и хотѣлъ-было самъ итти знакомить посѣтителей съ храмомъ, но Егоръ Егорычъ остановилъ его.

— Не безпокойтесь, не утруждайте себя! Я все знаю, все покажу!

— Это какъ соизволите! — проговорилъ священникъ и не безъ удовольствія зашаркалъ своими подагрическими ногами по церковному полу, спѣша поскорѣе напиться дома чайку.

— Подъ куполомъ,—началъ толковать Егоръ Егорычъ Сусаннѣ и оставшемуся капитану:—какъ вы видите, всевидящее око съ надписью: «illuxisti obscurum»—просвѣтилъ еси тьму! А надъ окномъ этимъ кругъ sine fine... безъ конца.

— А это какой-то якорь у столба и крестъ,—сказалъ, заинтересовавшись сими изображеніями, капитанъ.

— Это spe—надеждою и твердостью — fortitudine! — объяснилъ Егоръ Егорычъ.

Капитанъ, кажется, его понялъ, потому что какъ бы еще больше пріободрился и сдѣлался еще тверже.

— Чаша съ кровію Христовой и надпись: «redemptio mundi»— искупленіе міра! — продолжалъ Егоръ Егорычъ, переходя въ сопровожденіи своихъ спутниковъ къ южной стѣнѣ.— А это агнецъ delet peccata—извѣстный агнецъ, пріявшій на себя грѣхи міра и феноменирующій у всѣхъ почти народовъ въ ихъ религіяхъ при закланіи и сожженіи—очищеніе зараженнаго грѣхами и злобою людскою воздуха.

Передъ нарисованнымъ сердцемъ, изъ котораго исходило пламя и у котораго были два распростертыя крыла, Егоръ Егорычъ нѣсколько пріостановился и съ удареніемъ произнесъ:

— Ascendit—возносится!.. Не влачиться духомъ по землѣ, а возноситься!

Сусанна и капитанъ слушали его съ глубокимъ вниманіемъ.

Далѣе въ алтарь Сусаннѣ нельзя было входить, и Егоръ Егорычъ, распахнувъ передъ ней сѣверныя врата, кричалъ ей оттуда:

— Молодой орелъ, летящій и смотрящій прямо на солнце—virtute patrum—шествующій по доблести отцовъ.

Вслѣдъ затѣмъ около жертвенника передъ короною, утвержденною на четыреугольномъ пьедесталѣ, а также передъ короною со скипетромъ, онъ опять пріостановился съ большимъ вниманіемъ и громко произнесъ: — утверждена на уваженіе—existimatione nixa!.. constanter et sincere!.. постоянно и чистосердечно!..

Ко всѣмъ этимъ толкованіямъ Егора Егорыча Антипъ Ильичъ, стоявшій у входа церкви, прислушивался довольно равнодушно. Бывая въ ней многое множество разъ, онъ зналъ ее хорошо и только при возгласѣ: «redemptio mundi» старикъ какъ бы нѣсколько встрепенулся: очень ужъ звуками своими эти слова были пріятны ему.

На паперти Егоръ Егорычъ еще дообъяснилъ своимъ слушателямъ:

— Этими эмблемами одинъ мой пріятель такъ заинтересовался, что составилъ у себя цѣлую божницу иконъ, подходящихъ къ этимъ надписямъ, и присоединилъ къ нимъ и самыя подписи. Это—Крапчикъ!..—заключилъ онъ, относясь къ Сусаннѣ.

— Крапчикъ?—повторила та, желая въ сущности спросить, что неужели и Крапчикъ масонъ, — но, конечно, не посмѣла этого высказать.

Утро между тѣмъ было прекрасное; солнце горѣло, но не жгло еще; воздухъ былъ какъ бы пропитанъ бодрящею свѣжестью и чѣмъ-то вселяющимъ въ сердце людей радость. Капитанъ, чуткій къ красотамъ природы, не могъ удержаться и воскликнулъ:

— Какой божественный день!

— Да,—согласилась съ нимъ и Сусанна.

Егору Егорычу на этотъ разъ восклицаніе Аггея Никитича вовсе не показалось пошлымъ, и онъ даже, обратясь къ Сусаннѣ, спросилъ ее:

— Вы, можетъ-быть, желаете пройтись по бульвару?

— Съ удовольствіемъ бы прошлась, — отвѣчала та.

— О, сегодня гулять восхитительно!—подхватилъ радостно капитанъ, очень довольный тѣмъ, что онъ можетъ еще нѣсколько минутъ побесѣдовать не съ Сусанной, нѣтъ, а съ Марѳинымъ: капитанъ оставался вѣренъ своему первому увлеченію Людмилою.

— Вы изволили сказать,—обратился онъ къ Егору Егорычу:— что надобно возноситься духомъ; но въ военной службѣ это рѣшительно невозможно: подумать тутъ, понимаете, не надъ чѣмъ,—шагай только да вытягивай носокъ.

— Стало-быть, вы по необходимости служите?—проговорилъ Егоръ Егорычъ, пристально взглянувъ въ добрые, какъ у верблюда, глаза капитана.

Тотъ пожалъ плечами.

— Почти!.. Отецъ мой, бѣдный помѣщикъ, отдалъ-было меня въ гимназію; но я, знаете, былъ этакій деревенскій дуботолкъ... Учиться сталъ я недурно, но ужасно любилъ драться, и не изъ злости, а изъ удальства какого-то, и все больше съ семинаристами на кулачки... Сила тогда у меня была ужъ порядочная, и разъ я одного этакого кутейника такъ съѣздилъ по скулѣ, что у того салазки выскочили изъ мѣста... Жалоба на меня... Директоръ вздумалъ-было меня посѣчь, но во мнѣ заговорилъ гоноръ... Я не дался и этакихъ четырехъ сторожей раскидалъ отъ себя... Тогда меня, раба Божьяго, исключили изъ гимназіи... Отецъ въ отчаяніи и говоритъ мнѣ: «Что я буду съ тобой дѣлать?.. Не въ приказныхъ же тебѣ служить... ты русскій дворянинъ... Ступай ужъ лучше въ военную службу!» Услыхавъ это, я даже обрадовался, что меня исключили... Впереди у меня мелькнули мундиръ, эполеты, сабля, шпоры, и въ самомъ дѣлѣ вначалѣ меня все это заняло, а потомъ открылась турецкая кампанія, а за ней польская... Я сдѣлалъ ту и другую и всегда буду благодарить судьбу, что она, хотя ненадолго, но забросила меня въ Польшу, и что бы тамъ про поляковъ ни говорили, но послѣ кампаніи они насъ, русскихъ офицеровъ, принимали чрезвычайно радушно, и я скажу откровенно, что только въ обществѣ ихъ милыхъ и очень образованныхъ дамъ я нѣсколько пообтесался и сталъ походить на человѣка.

— Но теперь вы субалтернъ еще офицеръ? — перебилъ вдругъ капитана Марѳинъ, искоса посматривая на высокую грудь того, украшенную нѣсколькими медалями и крестами.

— Нѣтъ, я уже ротный!—отвѣчалъ тотъ не безъ гордости.

— Однако сама служба все-таки вамъ претитъ?—допытывался Егоръ Егорычъ.

— Какъ вамъ сказать?.. И служба претитъ... Въ заряжаніи ружья на двѣнадцать темповъ и въ вытягиваніи носка ничего нѣтъ интереснаго, но, главное, общество офицеровъ не по мнѣ. Можете себѣ представить: между всѣми моими товарищами одинъ только былъ у меня другъ — поручикъ Рибнеръ; по происхожденію своему онъ былъ нѣмецъ и человѣкъ превосходнѣйшій!.. Исторію тридцатилѣтней войны Шиллера онъ зналъ отъ слова до слова наизусть, а я зналъ хорошо исторію двѣнадцатаго года... Бывало, схватимся да такъ всю ночь и споримъ... Полковой командиръ обоихъ насъ терпѣть не

могъ, но со мной онъ ничего не могъ сдѣлать: я фрунтовикъ; а Рибнера, который, къ несчастью, былъ нѣсколько разсѣянъ въ службѣ, выжилъ!.. Да-съ,—продолжалъ капитанъ:—я тамъ не знаю, можетъ-быть, въ артиллеріи, въ инженерахъ, между штабными есть образованные офицеры, но въ арміи ихъ мало, и если есть, то они совершенно не цѣнятся... Всѣ только хлопочутъ, какъ бы потанцовать, въ карты, на бильярдѣ поиграть, а чтобы этакъ почитать, поучиться, потолковать о чемъ-нибудь возвышенномъ, — къ этому ни у кого нѣтъ ни малѣйшей охоты, а, напротивъ, смѣются надъ тѣмъ, кто это любитъ: «ну, ты, говорятъ, философъ, занесся въ свои облака!»

Егоръ Егорычъ слушалъ капитана весьма внимательно: его начинало серьезно занимать, какимъ образомъ въ такомъ, повидимому, чувственномъ и мясистомъ тѣлѣ, каково оно было у капитана, могло обитать столько духовныхъ инстинктовъ.

Между тѣмъ бульваръ кончался.

— Намъ пора!.. Поѣдемте!.. Мамаша, я думаю, давно насъ ждетъ!—проговорила Сусанна.

— Пора, пора!—согласился Егоръ Егорычъ. — Прощайте, капитанъ! — присовокупилъ онъ, протягивая тому почти дружески руку.

— Я бы безконечно былъ счастливъ, если бы вы позволили мнѣ явиться къ вамъ!—сказалъ Аггей Никитичъ.

— Теперь некогда, я сегодня уѣзжаю въ Петербургъ, но когда потомъ я буду въ Москвѣ, то повидаюсь съ вами непремѣнно!—бормоталъ Егоръ Егорычъ.

При этихъ словахъ его Сусанна сильно вспыхнула въ лицѣ.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, къ вашей матушкѣ являться!—обратился къ ней капитанъ, слегка приподнимая эполеты и кланяясь.

— И къ нимъ нельзя!..—подхватилъ Егоръ Егорычъ:—ея старшая сестра, Людмила Николаевна, больна, заболѣла!

— Больна?.. Заболѣла? — переспросилъ капитанъ, никакъ не ожидавшій получить такое извѣстіе.

— Очень! — повторилъ Егоръ Егорычъ и, сѣвъ съ Сусанной въ фаэтонъ, скоро совсѣмъ скрылся изъ глазъ капитана, который остался на бульварѣ весьма опечаленный прежде всего, разумѣется, вѣстью о болѣзни Людмилы, а потомъ и тѣмъ, что, вслѣдствіе этого, ему нельзя было являться къ Рыжовымъ.

Сусанна тѣмъ временемъ, ѣхавъ съ Егоромъ Егорычемъ, несмотря на свою застѣнчивость, спросила его, неужели онъ, въ самомъ дѣлѣ, сегодня уѣзжаетъ въ Петербургъ.

— Уѣзжаю!.. Я тутъ лишній!.. Не нуженъ!.. Но,— продол-

жалъ онъ уже съ одушевленіемъ и беря Сусанну за руку:— я прошу васъ, Сусанна Николаевна, заклинаю писать мнѣ откровенно, что̀ будетъ происходить въ вашей семьѣ.

— Я готова писать, если мамаша позволитъ! — отвѣчала Сусанна.

— Она позволитъ... Я самъ ей напишу объ этомъ,— говорилъ Егоръ Егорычъ и, торопливо вынувъ изъ кармана бумажникъ, вырвалъ изъ книжки чистый листокъ бумаги и тутъ же на колѣняхъ своихъ написалъ:

«Прощайте, позвольте и прикажите Сусаннѣ Николаевнѣ писать мнѣ чаще въ Петербургъ обо всѣхъ васъ. Адресуйте письма на имя князя Александра Николаевича, съ передачею мнѣ. Непремѣнно же пишите, иначе я разсержусь на васъ на всю жизнь».

— Отдайте вотъ эту записку матери! — заключилъ Егоръ Егорычъ, суя исписанный имъ листокъ въ руку Сусанны.

— Развѣ вы не зайдете къ мамашѣ даже и проститься?— проговорила робко Сусанна.

— Нѣтъ, я лишній пока у васъ, лишній,—отвѣчалъ Егоръ Егорычъ, стараясь не смотрѣть на Сусанну, тогда какъ лицо той ясно выражало: «нѣтъ, не лишній!».

IV.

Исполненіе человѣкомъ долга своего моралисты обыкновенно считаютъ за одну изъ самыхъ величайшихъ добродѣтелей, но врачи и физіологи, хлопочущіе болѣе о сохраненіи благосостоянія нашего грѣшнаго тѣла, не думаю, чтобы рекомендовали безусловно эту добродѣтель своимъ паціентамъ. Быть постоянно во имя чего-то отвлеченнаго и, можетъ-быть, даже предразсудочнаго не самимъ собою—врядъ ли кому здорово. Въ такомъ именно положеніи очутилась теперь бѣдная Людмила: она отринулась отъ Ченцова ради нравственныхъ понятій, вошедшихъ къ ней черезъ ухо изъ той среды, въ которой Людмила родилась и воспиталась; ей хорошо помнилось, какимъ ужаснымъ порокомъ мать ея, кротчайшее существо, и всѣ ихъ добрые знакомые называли то, что̀ она сдѣлала. Подъ вліяніемъ своего безумнаго увлеченія Людмила могла проступиться, но продолжать свое паденіе было выше силъ ея, тѣмъ болѣе, что тутъ ужъ являлся вопросъ о дѣтяхъ, которыя, по словамъ Юліи Матвѣевны, какъ незаконныя, должны были всѣ погибнуть, а между тѣмъ Людмила не переставала любить Ченцова и вѣрила, что онъ тоже безумствуетъ объ ней: одно ее поражало, что Ченцовъ не только что не по-

являлся къ нимъ болѣе, но даже не пытался прислать письмо, хотя, говоря правду, отъ него приходило нѣсколько писемъ, которыя Юлія Матвѣевна, не желая ими ни Людмилу ни себя безпокоить, перехватывала и, не читавъ, рвала ихъ. Такимъ образомъ неумолкающая ни на минуту борьба Людмилы со своей страстью потрясла наконецъ въ корень ея организмъ: изъ цвѣтущей, здоровой дѣвушки она стала тѣнью, привидѣніемъ, что̀ дѣлало еще замѣтнѣе округлость ея стана, такъ что Людмила вовсе перестала выходить изъ своей комнаты, стыдясь, показаться даже на глаза кухарки. Тщетно Юлія Матвѣевна умоляла ее дѣлать прогулки, доказывая, какъ это необходимо; но Людмила и слышать того не хотѣла... Прошло уже между тѣмъ послѣ отъѣзда Егора Егорыча два мѣсяца страшныхъ, мучительныхъ для Рыжовыхъ. Нелегко эти мѣсяцы, кажется, достались и капитану Звѣреву, потому что онъ замѣтно похудѣлъ и осунулся. По нѣскольку разъ въ недѣлю капитанъ заходилъ къ Миропѣ Дмитріевнѣ, стараясь всякій разъ выспросить ее о томъ, что̀ творится у Рыжовыхъ, и всякій разъ Мирона Дмитріевна ядовито усмѣхалась на эти вопросы и такъ же ядовито отвѣчала:

— Я ничего не знаю, да, признаться, и не интересуюсь нисколько знать!

Но вотъ однажды, часу въ седьмомъ теплаго и яснаго іюньскаго вечера (въ тотъ годъ все лѣто стояло очень хорошее), надъ Москвой раздавался благовѣстъ ко всенощной. Мирона Дмитріевна, въ капотѣ-распашонкѣ, въ вышитой юбкѣ, въ торжковскихъ туфляхъ и въ малороссійскихъ монистахъ, сидѣла подъ тѣнью въ своемъ садикѣ и пила на воздухѣ чай. Стоявшій передъ нею на столѣ чисто вычищенный самоваръ сердито пошумливалъ: Мирона Дмитріевна любила пить самый горячій чай. На столѣ, кромѣ ея чашки, были два стакана съ блюдечками, на всякій случай, если кто зайдетъ изъ мужчинъ. Въ садикѣ, довольно немаленькомъ, обсаженномъ кругомъ какъ бы сплошною стѣною акаціями, воздушнымъ жасминомъ, душистыми тополями, липами, а также съ множествомъ левкоевъ, геліотроповъ, резеды, чувствовался сильно-ароматическій запахъ. Мирона Дмитріевна ужасно любила всѣ душистыя растенія и украшала свой садикъ почти собственными руками, съ помощью только двухъ ея крѣпостныхъ дѣвокъ. Кромѣ того, она держала куръ съ безпощадно остриженными крыльями, чтобы онѣ не залетали въ садикъ, держала нѣсколько индѣекъ, пѣтухъ которыхъ постоянно расхаживалъ у нея на дворѣ съ налитыми кровью балаболками надъ носомъ, и наконецъ въ дальнемъ хлѣвушкѣ провизги-

валъ по временамъ юный поросенокъ, купленный Миропою Дмитріевною для домашняго откорма въ послѣднее воскресенье недѣли православія,—вообще, надобно отдать честь Миропѣ Дмитріевнѣ, она была опытная, расчетливая и умная хозяйка.

Въ настоящій вечеръ она, кушая въ прикуску уже пятую чашку чаю, начинала чувствовать легкую тоску отъ этой пріятной, но все-таки отчасти мутящей жидкости, — вдругъ на дворѣ показалась высокая фигура капитана въ шинели. Миропа Дмитріевна грустно усмѣхнулась, заранѣе предчувствуя, зачѣмъ къ ней идетъ капитанъ, и крикнула ему, что она въ саду, а не въ домѣ.

Капитанъ вошелъ въ садикъ и показался Миропѣ Дмитріевнѣ не такимъ развареннымъ, какимъ онъ, къ великой ея досадѣ, являлся все послѣднее время.

— Садитесь, будете гостемъ!—сказала она ему и стала наливать чай въ стаканъ.

Капитанъ снялъ съ себя шинель и повѣсилъ ее на сучокъ дерева. Миропа Дмитріевна, взглянувъ при этомъ на него, чуть не вскрикнула. Онъ былъ въ густыхъ штабъ-офицерскихъ эполетахъ.

— Вы произведены въ майоры?—проговорила Миропа Дмитріевна въ одно и то же время съ удивленіемъ и радостью.

— Да, на-дняхъ,—отвѣчалъ вновь испеченный майоръ, садясь и по возможности равнодушнымъ тономъ, хотя въ лицѣ и во всей его фигурѣ просвѣчивало удовольствіе отъ полученнаго повышенія.

— Надобно выпить шампанскаго за ваше здоровье и прокричать вамъ ура!—говорила Миропа Дмитріевна.

— Зачѣмъ же шампанскаго?.. Выпьемъ лучше чайку!—продолжалъ новый майоръ тѣмъ же тономъ философа.

Миропа Дмитріевна рѣшительно не могла отвести отъ него глазъ; онъ никогда еще не производилъ на нее такого сильнаго впечатлѣнія своей наружностью: густыя эполеты майора живописно спускались на сукно рукавовъ; толстая золотая цѣпочка отъ часовъ извивалась около борта сюртука; по правиламъ лѣтней формы, онъ былъ въ бѣлыхъ брюкахъ; султанъ на его новой трехугольной шляпѣ красиво развѣвался отъ дуновенія легкаго вѣтерка; кресты и медали какъ-то болѣе обыкновеннаго блистали и мелькали. Подъ вліяніемъ всего этого, Миропа Дмитріевна сама ужъ хорошенько не помнитъ, какъ пододвинула къ майору стаканъ съ чаемъ, какъ крикнула проходившей по двору Агашѣ, чтобы та принесла изъ комнатъ четвертку Жукова табаку и трубку.

Впрочемъ, прежде чѣмъ я пойду далѣе въ моемъ разсказѣ, мнѣ кажется, необходимо предувѣдомить читателя, что отнынѣ я буду именовать Звѣрева майоромъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ открыть тайну, которой читатель, можетъ-быть, и не подозрѣваетъ: Мирона Дмитріевна давно уже была, тщательно скрывая отъ всѣхъ, влюблена въ майора, и хоть говорила съ нимъ, какъ и съ прочими офицерами, о другихъ женщинахъ и невѣстахъ, но въ сущности она приберегала его для себя... Появленіе противной Людмилы Рыжовой и смѣшное увлеченіе Аггея Никитича этой дѣвчонкой, конечно, много сбило Мирону Дмитріевну съ толку; но теперь, увидавъ майора въ такомъ блестящемъ штабъ-офицерскомъ видѣ, она вознамѣрилась во что бы то ни было уничтожить въ глазахъ его свою соперницу.

— А что ваши Рыжовы?—спросилъ тотъ, по обыкновенію, издалека.

— Ничего, — отвѣчала Мирона Дмитріевна, на этотъ разъ не съ ядовитостью, а какъ бы съ нѣкоторымъ даже участіемъ.

— Людмила Николаевна все болѣетъ?—продолжалъ майоръ.

— Болѣетъ, — повторила Мирона Дмитріевна, оглядѣвшись кругомъ, и, видя, что никого нѣтъ около, присовокупила негромко:—Врядъ ли она не ждется на этихъ дняхъ!

Лицо майора мгновенно потускнѣло.

— Но вы мнѣ прежде не говорили, чтобы она была въ такомъ ужъ положеніи!—проговорилъ онъ явно недовольнымъ голосомъ.

— Что жъ мнѣ было вамъ говорить!..—возразила Мирона Дмитріевна:—я думала, что вы сами догадываетесь объ этомъ!.. А то къ чему же такая таинственная жизнь!.. Всѣхъ избѣгать, ни съ кѣмъ не знакомиться...

Майоръ мрачно молчалъ.

— И я не знаю, какъ это у нихъ произойдетъ, — продолжала Мирона Дмитріевна:—здѣсь ли?.. Что будетъ мнѣ очень непріятно, потому что, сами согласитесь, у меня въ домѣ дѣвушка производитъ на свѣтъ ребенка!.. Другіе, пожалуй, могутъ подумать, что я тутъ изъ корыстныхъ цѣлей чѣмъ-нибудь способствовала...

— Да гдѣ же этому и произойти, какъ не здѣсь!..—возразилъ ей майоръ.

— А гдѣ имъ угодно!.. Пускай отправятся къ акушеркѣ... мало ли ихъ здѣсь!.. Или въ воспитательный домъ,—проговорила съ презрѣніемъ Мирона Дмитріевна.

Майоръ принялся неистово курить и затягиваться.

— Но меня еще болѣе пугаетъ другое: онѣ, я подозрѣваю,

ждуть къ себѣ и виновника всего этого событія... Тогда во что же мой домъ обратится,—я и вообразить не могу!

Послѣднее предположеніе Миропа Дмитріевна рѣшительно выдумала отъ себя, чтобы сильнѣе очернить Людмилу передъ майоромъ.

Тотъ, съ своей стороны, не отставалъ неистово курить и на нѣкоторыя мгновенія совершенно скрывался отъ Миропы Дмитріевны за густыми клубами табачнаго дыма.

— Очень жаль! — проговорилъ онъ въ такой именно моментъ: — и тѣмъ досаднѣе, что Людмила все-таки дѣвушка прелестная.

— Уродъ, чудище теперь она стала!—воскликнула Миропа Дмитріевна.

— Что такое вы говорите, Богъ васъ знаетъ!.. Людмила—уродъ!.. — произнесъ насмѣшливо майоръ.

— Вы не вѣрите?.. Ну, погодите!.. Выйдите на улицу... на тротуаръ!.. Первое окно отъ воротъ изъ спальни Людмилы... Она иногда сидитъ около него!..

Майоръ попрежнему насмѣшливо пожалъ плечами, но послушался Миропы Дмитріевны; Людмила, какъ нарочно, въ это время сидѣла, или, лучше сказать, полулежала съ закрытыми глазами въ креслѣ у выставленнаго окна. Майоръ даже попятился назадъ, увидѣвъ ее... Передъ нимъ была не Людмила, а трупъ ея. Чтобы не мучить себя болѣе, онъ возвратился къ Миропѣ Дмитріевнѣ.

— Да, она перемѣнилась нѣсколько, — сказалъ онъ, садясь на свое мѣсто.

— Не нѣсколько, а она, я вамъ говорю, уродъ! — настаивала Миропа Дмитріевна.

— Нѣтъ, не уродъ! — не согласился майоръ.

Миропа Дмитріевна вышла наконецъ изъ себя.

— Аггей Никитичъ, скажите, сколько вамъ лѣтъ? — воскликнула она.

— Около сорока, — отвѣчалъ тотъ, удивленный такимъ вопросомъ.

— А мнѣ всего еще только тридцать пять лѣтъ!—ввернула Миропа Дмитріевна и солгала въ этомъ случаѣ безбожнѣйшимъ образомъ: ей было ужъ за сорокъ.—И я хоть женщина,—продолжала она: — но меня чрезвычайно удивляетъ ваше ослѣпленіе.

— Въ чемъ мое ослѣпленіе?—перебилъ ее съ досадой майоръ.

— Касательно Людмилы! — отвѣчала ему рѣзко Миропа Дмитріевна. — Будемте разсуждать хладнокровно, — вы влюблены въ нее?

Такой вопросъ поставилъ въ затрудненіе майора.

— Влюбленъ, если вы хотите,—отвѣчалъ онъ съ нѣсколько трусливою рѣшительностью:—или назовите иначе это чувство, но я очарованъ красотою Людмилы, какъ и вы также были очарованы этимъ.

— Ахъ, пожалуйста, оставьте насъ, женщинъ, въ покоѣ!.. Мы совершенно иначе судимъ другъ о другѣ!.. — вывертывалась Миропа Дмитріевна изъ прежде ею говореннаго. — Но вы—мужчина, и потому признайтесь мнѣ откровенно, неужели же бы вы, увлекшись однимъ только хорошенькимъ личикомъ Людмилы и не сказавъ, я думаю, съ ней двухъ словъ, пожелали даже жениться на ней?

— Пожелалъ бы!—отвѣчалъ майоръ, не задумавшись.

У Миропы Дмитріевны при этомъ все лицо перекосилось отъ злой гримасы: майоръ просто показался ей сумасшедшимъ.

— Значитъ, — начала она припирать его къ стѣнѣ: — вы готовы жениться на дѣвушкѣ некрасивой, у которой есть обожатель и у которой будетъ скоро залогъ любви къ тому, и это еще когда Людмила соблаговолитъ за васъ выйти,—а она вовсе не думаетъ того,—и согласитесь, Аггей Никитичъ, что послѣ всего этого вы смѣшны вашими воздыханіями и мечтаніями!

Майоръ молчалъ. Онъ самъ смутно сознавалъ, что въ отношеніи своей влюбчивости былъ нѣсколько смѣшонъ: но что прикажете дѣлать съ натурой? Какъ забрались у него въ мозгъ разныя идеальныя представленія касательно семейства Рыжовыхъ, такъ они и не выходили до сихъ поръ изъ головы.

— Нечего вамъ объ этой пустой дѣвчонкѣ и думать!—благоразумно посовѣтовала ему Миропа Дмитріевна и потомъ, какъ бы что-то такое сообразивъ, она вдругъ сказала:

— А я все-таки хочу выпить за ваше повышеніе!.. Шампанскаго, конечно, у меня нѣтъ, но есть отличная, собственной стряпни, наливка—вишневка!..

— Недурно!.. идетъ!..—воскликнулъ майоръ, такъ какъ подошелъ уже часъ, когда онъ привыкъ пить водку.

Миропа Дмитріевна сходила за вишневкой и вмѣстѣ съ нею принесла колбасы, сыру. Наливъ сей вишневки гостю и себѣ по бокалу, Миропа Дмитріевна приложила два пальца правой руки ко лбу своему, какъ бы дѣлая подъ козырекъ, и произнесла рапортующимъ голосомъ:

— Честь имѣю поздравить, ваше высокоблагородіе, съ полученіемъ майорскаго чина!

Звѣревъ, усмѣхнувшись и проговоривъ, въ свою очередь,

уже начальническимъ тономъ: «благодарю!», протянулъ Миропѣ Дмитріевнѣ свою руку, въ которую она хлопнула своей ручкой, и эту ручку майоръ поцѣловалъ съ чувствомъ, а Миропа Дмитріевна тоже съ чувствомъ поцѣловала его, но не въ голову, а второпяхъ въ щеку, и потомъ они снова занялись вишневкой, каковой майоръ выпилъ бокальчиковъ пять, а Миропа Дмитріевна два. Вино, какъ извѣстно, измѣняетъ иногда характеръ и міровоззрѣніе людей: изъ трусовъ оно дѣлаетъ храбрецовъ, злыхъ и суровыхъ часто смягчаетъ, равно какъ тихихъ и смирныхъ воспаляетъ до буйства. Нѣчто подобное случилось и съ моими собесѣдниками: майоръ сталъ болѣе матеріаленъ и поспустился на землю, а Миропа Дмитріевна, наоборотъ, нѣсколько возлетѣла надъ расчетами жизни.

— Вамъ надобно выбрать жену не съ богатствомъ,—принялась она разсуждать: — котораго вы никогда не искали, а теперь и подавно, когда сами вступили на такую прекрасную дорогу,—вамъ нужна жена, которая бы васъ любила!

— Которая бы любила!—согласился майоръ.

— И была бы при томъ хозяйка хорошая!.. — направляла прямо въ цѣль свое слово Миропа Дмитріевна.

— Да!—согласился и съ этимъ майоръ.

— Кромѣ того,—продолжала Миропа Дмитріевна: — вы не забывайте, Аггей Никитичъ, что вамъ около сорока лѣтъ, и, по-моему, странно было бы, если бъ вы женились на очень молоденькой!..

— Что жъ тутъ страннаго? — возразилъ майоръ, какъ бы даже обидѣвшись.

Миропа Дмитріевна заранѣе предчувствовала, что этотъ пунктъ будетъ у нихъ самый спорный.

— Я сейчасъ вамъ докажу,—начала она со свойственною ей ясностью мыслей: — положимъ, вы женитесь на восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ; чрезъ десять лѣтъ вамъ будетъ пятьдесятъ, а ей двадцать восемь, — за что же вы загубите молодую жизнь?.. Женѣ вашей захочется въ свѣтѣ быть, пользоваться удовольствіями, а вы будете желать сидѣть дома, чтобы отдохнуть отъ службы, чтобы почитать что-нибудь, что, я знаю, вы любите!

— Да, я нынче сталъ очень любить сидѣть дома и читать книги!—сознался Аггей Никитичъ.

— Ну, вотъ видите, и теперь вдумайтесь хорошенько, что можетъ изъ этого произойти! — продолжала Миропа Дмитріевна. — Я сама была въ замужествѣ при большой разницѣ въ лѣтахъ съ моимъ покойнымъ мужемъ и должна сказать, что не дай Богъ никому испытать этого; мнѣ было тяжело, а

мужу моему еще тяжельше, потому что онъ, какъ и вы же, былъ человѣкъ умный и благородный и все понималъ.

Миропа Дмитріевна ударила майора въ совершенно новую струну его добраго сердца, о которой онъ, мечтая о молоденькой и хорошенькой женѣ, никогда прежде не помышлялъ.

— Въ такомъ случаѣ, я лучше совсѣмъ не женюсь! — рѣшилъ онъ съ нѣкоторой дозой почти отчаянія.

— Это тоже нехорошо! — не одобрила и этого Миропа Дмитріевна:—представьте вы себя старикомъ... вамъ нездоровится... вамъ скучно... и кто же васъ разговоритъ и утѣшитъ?.. Неужели прислуга ваша или денщикъ вашъ?

— Что̀ прислуга?.. они не понимаютъ ничего!..—отозвался майоръ и затѣмъ, подумавъ немного, присовокупилъ: — Мнѣ иногда, знаете, когда бываетъ очень грустно, приходитъ на мысль итти въ монахи.

Миропа Дмитріевна, услышавъ это, не въ силахъ была удержаться и расхохоталась.

— Чтобы васъ обобрали тамъ, какъ всегда обыкновенно у насъ въ монастыряхъ обираютъ.

— Обобрать у меня нечего! — замѣтилъ мрачно майоръ.

— Да ту же пенсію вашу всю будутъ брать себѣ!—пугала его Миропа Дмитріевна и, по своей ловкости и хитрости (недаромъ она была малороссіянка), неизвѣстно до чего бы довела настоящую бесѣду; но въ это время въ квартирѣ Рыжовыхъ замелькалъ огонекъ, какъ бы перебѣгали со свѣчками изъ одной комнаты въ другую, что̀ очень замѣтно было при довольно значительной темнотѣ ночи и при полнѣйшемъ спокойствіи, царствовавшемъ на дворѣ дома: куры и индѣйки всѣ сидѣли ужъ по своимъ хлѣвушкамъ, и только майскіе жуки, въ сообществѣ разноцвѣтныхъ бабочекъ, кружились въ воздухѣ и все больше около огня куримой майоромъ трубки, да еще чей-то бѣлый котъ лукаво и осторожно пробирался по крышѣ дома къ слуховому окну.

— Что̀ же тамъ такое происходитъ? — спросилъ майоръ, первый увидавъ суматоху на половинѣ Рыжовыхъ, и не успѣла ему Миропа Дмитріевна ничего отвѣтить, какъ на крыльцѣ домика показалась, вся въ бѣломъ, фигура адмиральши.

— М-те Зудченко, т-те Зудченко! Гдѣ вы?—кричала она.

— Я здѣсь, здѣсь!—откликнулась та, подбѣгая къ рѣшеткѣ сада.

— Доктора, доктора, т-те Зудченко!.. Моя старшая дочь, Людмила, умираетъ! — продолжала кричать съ крылечка адмиральша.

— Сейчасъ, сейчасъ! — отвѣчала Миропа Дмитріевна, не

находя впопыхахъ задвижки, чтобы отпереть садовую калитку.

— Мамаша, Людмила васъ зоветъ: ей еще хуже! — послышался голосъ Сусанны изъ распахнутаго ею окна.

— О, спасите, спасите насъ! — неистовствовала старушка, ломая себѣ руки.

— Я привезу вамъ доктора!—вмѣшался майоръ и, накинувъ на себя шинель, быстро пошелъ.

Миропа Дмитріевна между тѣмъ, забывъ, конечно, въ эти минуты всякія неудовольствія на Рыжовыхъ, бережно ввела старушку на лѣсенку и, войдя къ нимъ въ квартиру, прошла въ комнату больной, гдѣ, увидавъ стоявшую Сусанну и понявъ сразу, въ чемъ тутъ дѣло, проговорила той:

— Ну, вы, душенька, выйдите!

— Сестру надобно причастить!—попыталась сказать Сусанна.

— Это послѣ, погодите,—перебила ее Мирона Дмитріевна:— но теперь вы прикажите моимъ горничнымъ, чтобы онѣ пришли сюда, а то ваша старушонка очень глупа.

Сусанна повиновалась ей.

Майоръ черезъ какой-нибудь часъ привезъ доктора и ни много ни мало—тогдашняго главнаго врача воспитательнаго дома, который былъ въ бѣломъ галстукѣ и во фракѣ, съ нѣсколько строгою и весьма важною физіономіей. Аггей Никитичъ подцѣпилъ его гдѣ-то ужъ на вечерѣ и оттуда привезъ. Ведомый майоромъ, докторъ, слегка поклонившись адмиральшѣ и Сусаннѣ, вошелъ къ больной, которую засталъ въ безпамятствѣ. Разспросивъ обо всемъ шопотомъ Мирону Дмитріевну, онъ написалъ длинный рецептъ съ нѣсколькими подраздѣленіями и сказалъ, чтобы сейчасъ послали въ аптеку.

— Я полагаю, что роднымъ больной надобно быть подальше отъ нея!—замѣтила Мирона Дмитріевна.

— Непремѣнно!—подтвердилъ докторъ.

Мирона Дмитріевна послѣ того, выйдя къ нимъ, строго объявила:

— Ну, mesdames et monsieur, докторъ проситъ васъ всѣхъ уйти ко мнѣ, на мою половину.

Агашѣ своей она приказала что̀ есть духу бѣжать въ аптеку.

Адмиральша, Сусанна и майоръ перешли въ квартиру Мироны Дмитріевны и размѣстились тамъ, какъ всегда это бываетъ въ минуты катастрофъ, кто куда попалъ: адмиральша очутилась сидящей рядомъ съ майоромъ на диванѣ и только что не склонившею голову на его плечо, а Сусаннѣ, сѣвшей вдали отъ нихъ и бывшей, разумѣется, Богъ знаетъ до чего разстроенною, вдругъ почему-то кинулись въ глаза чистота,

порядокъ и даже щеголеватость убранства маленькихъ комнатъ Миропы Дмитріевны: въ зальцѣ, напримѣръ, круглый столъ, на которомъ она обыкновенно угощала карабинерныхъ офицеровъ чаемъ, былъ покрытъ чистой каламянковой салфеткой; а про гостиную и говорить нечего: не говоря о разныхъ красивыхъ бездѣлушкахъ, о швейномъ столикѣ со всевозможными принадлежностями, тамъ виднѣлось литографическое и разрисованное красками изображеніе Маврокордато, греческаго полководца, скачущаго на конѣ и съ рубящей наотмашь саблей. Маврокордато этотъ, случайно или нѣтъ, но только чрезвычайно смахивалъ лицомъ на Звѣрева, такъ что Аггей Никитичъ самъ даже это замѣчалъ. Прошло около двухъ часовъ; адмиральша и Сусанна безпрестанно посылали пришедшую и стоявшую передъ ними ихъ старушонку справляться, уѣхалъ докторъ или нѣтъ, и каждый разъ получали отвѣтъ, что нѣтъ еще!

Звѣревъ все это время сидѣлъ, облокотившись на столъ и опустивъ свою голову, при чемъ его штабъ-офицерскія эполеты низко-низко спускались съ плечъ.

Наконецъ снова посланная Юліей Матвѣевной старушонка донесла, что докторъ уѣхалъ, а вслѣдъ за нею появилась и Миропа Дмитріевна.

— Ну, что?— спросили ее всѣ въ одинъ голосъ.

— Ничего особеннаго; докторъ только велѣлъ не безпокоить больную! — отвѣчала она, хотя не было сомнѣнія, что многаго не договорила.

— А намъ можно войти туда къ нимъ? — спросила адмиральша; щеки у нея подергивало при этомъ, губы дрожали.

— Да, намъ бы туда! — произнесла тихо Сусанна.

— Туда вы можете итти, но къ больной не входите!—полуразрѣшила имъ Миропа Дмитріевна.

— Мы и не пойдемъ къ ней! — сказала Сусанна и увела мать, поддерживая ее подъ руку.

Миропа Дмитріевна, оставшись вдвоемъ съ майоромъ, опустилась въ утомленіи на кресло.

— Плохо, значитъ? — сказалъ тотъ, не поднимая головы и не оборачиваясь къ Миропѣ Дмитріевнѣ.

— Очень даже!.. Я не сказала, но докторъ объявилъ, что она безнадежна.

— Почему же безнадежна? — переспросилъ майоръ, не измѣняя своей позы.

— Она выкинула неблагополучно! — сказала тихо Миропа Дмитріевна. — Докторъ обѣщалъ, какъ пріѣдетъ домой, прислать своего помощника, чтобы былъ около нея.

Майоръ при этомъ потеръ себѣ лобъ.

— А мнѣ тоже можно просидѣть у васъ тутъ и подождать, чѣмъ эта исторія кончится? — сказалъ онъ, какъ бы и усмѣхаясь.

— Конечно, можно!—произнесла съ легкимъ восклицаніемъ Миропа Дмитріевна, хотя немножко ее и кольнуло такое желаніе майора.—Однако я опять пойду туда!—присовокупила она.

— Но мнѣ, разумѣется, нельзя даже на минуту пойти съ вами?— попытался-было майоръ.

— Безъ сомнѣнія, нельзя! — отвѣчала ему уже отрывисто Миропа Дмитріевна и ушла.

Майоръ принялъ свою прежнюю позу, и только ужъ на утрѣ, когда взошло солнце и окрасило верхушки домовъ московскихъ розоватымъ отливомъ, онъ перешелъ съ дивана къ окну и отворилъ его: воздухъ былъ чистый, свѣжій; отовсюду слышалось пѣніе и щебетаніе всевозможныхъ птичекъ, которыхъ тогда, по случаю существованія въ Москвѣ множества садовъ, было гораздо больше, чѣмъ нынѣ; но ничто это не оживило и не развлекло майора. Онъ оставался у окна неподвиженъ до тѣхъ поръ, пока не вошла въ комнату Миропа Дмитріевна.

— Жива она?—спросилъ ее Аггей Никитичъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Померла! — отвѣчала Миропа Дмитріевна.

— И вѣрно это?

— Вѣрно!.. Я приставляла ей къ ротику зеркало,—не запотѣло нисколько.

Майоръ закрылъ лицо руками и заплакалъ.

Это показалось Миропѣ Дмитріевнѣ странно и опять-таки нѣсколько обидно.

— Что это такое?.. Какъ же вы на войнѣ послѣ этого были?

— Война — другое дѣло-съ! — отвѣчалъ ей съ досадой майоръ.—Но меня всегда бѣситъ, убиваетъ, когда умираетъ молоденькое, хорошенькое существо, тогда какъ самъ тутъ чортъ знаетъ для чего живешь и прозябаешь!

Миропа Дмитріевна передернула плечами.

— Безспорно, что жаль, но приходить въ такое отчаяніе, что свою жизнь возненавидѣть,—странно, и я думаю, что вы еще должны жить для себя и для другихъ,—начала-было она неторопливо и наставническимъ тономъ, но потомъ вдругъ перемѣнила на скороговорку. — Утрите, по крайней мѣрѣ, слезы!.. Я слышу, Сусанна идетъ!..

Вошла дѣйствительно Сусанна. Лицо ея, какъ только сестра скончалась, перестало быть растеряннымъ и оставалось только

серьезнымъ: Сусанна твердо была увѣрена, что тамъ, на небѣ, Людмилѣ гораздо лучше, чѣмъ было здѣсь, на землѣ, и только сожалѣла о томъ, что ее не успѣли причастить.

— Надобно распорядиться о похоронахъ!.. Я тутъ никого не знаю!—обратилась она къ Миропѣ Дмитріевнѣ.

— Все это я устрою-съ,—отозвался маіоръ, вставая и выпрямляясь во весь свой могучій ростъ.

— Пожалуйста, и вотъ еще что!.. — говорила Сусанна, слегка краснѣя: — отправьте это письмо эстафетою въ Петербургъ.

— Немедленно!—отвѣчалъ маіоръ; но, уходя, завернулъ въ квартиру Рыжовыхъ, чтобы взглянуть на умершую Людмилу, которая лежала еще нетронутая на своей постели и показалась маіору снова похорошѣвшею до красоты ангеловъ.

V.

Невскій проспектъ въ тридцатыхъ годахъ, конечно, представлялъ собою нѣсколько иной видъ, чѣмъ нынѣ: дома на немъ были ниже, въ окнахъ магазиновъ не виднѣлось еще такихъ огромныхъ стеколъ; около тротуаровъ, на подобіе парижскихъ бульваровъ, высились липки; Новаго Палкинскаго трактира вовсе не существовало, и вообще около Песковъ и Лиговки былъ полупустырь; о желѣзноконной дорогѣ и помину не было, да не было еще и омнибусовъ; словомъ, огуломъ, скопомъ, демократическаго передвиженія не происходило по всему Петербургу, а на Невскомъ и тѣмъ паче; ѣхали больше въ каретахъ; вмѣсто пролетокъ тогда были дрожки, на которыя мужчины садились верхомъ. Какъ бы то ни было, впрочемъ, Невскій проспектъ въ то уже время считался, особенно между двумя и пятью часами дня, сборнымъ мѣстомъ щегольства, богатства, красоты, интеллигенціи и молодцоватости. Дамы обыкновенно шли по оному или подъ руку съ мужчинами, или въ сопровожденіи ливрейныхъ лакеевъ, при чемъ, какъ выразился одинъ тогдашній, вѣроятно, озлобленный нѣсколько поэтъ, шли, «гордясь обновой выписной, гордяся роскошью постыдной и красотою незавидной». Мужчины весьма разнообразныхъ возрастовъ почти всѣ были въ круглыхъ пуховыхъ шляпахъ, подъ коими они хранили свои завитые у парикмахеровъ алякоки, и самые франтоватые изъ нихъ были облечены въ длинные и по большей части изъ бѣлаго сукна сюртуки съ выпущенными изъ заднихъ кармановъ кончиками красныхъ фуляровыхъ носовыхъ платковъ; тросточки у всѣхъ были тоненькія изъ жимолости, болѣе пригодныя для того,

чтобы отдуть своего ближняго, чѣмъ имѣть въ сихъ посохахъ опору для себя.

Точно въ такомъ же нарядѣ въ одно между двухъ- и пяти-часовое утро шелъ по Невскому и Крапчикъ. Любя подражать въ одеждѣ новѣйшимъ модамъ, Петръ Григорьичъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, послѣ долгаго небыванія въ немъ, счелъ первою для себя обязанностью заказать наимоднѣйшій костюмъ у лучшаго портного, который и одѣлъ его буква въ букву по рецепту «Сына Отечества», издававшагося тогда Булгаринымъ и Гречемъ, и въ костюмѣ этомъ Крапчикъ — не хочу того скрывать — вышелъ ужасенъ: его корявое и черномазое лицо отъ бѣлаго верхняго сюртука стало казаться еще чернѣе и корявѣе; надѣтыя на огромныя и волосатыя руки Крапчика палеваго цвѣта перчатки не покрывали всей кисти, а держимая имъ хлыстикъ-тросточка казалась просто чѣмъ-то глупымъ. Собственно говоря, Крапчикъ только и могъ быть приличенъ въ павловскихъ рукавицахъ и съ эспантономъ въ рукѣ. Всего этого онъ самъ, конечно, нисколько не подозрѣвалъ и шелъ по Невскому съ лицомъ, сіяющимъ отъ удовольствія. Дѣло въ томъ, что Крапчикъ, давно уже передавшій князю Александру Николаевичу письмо Егора Егорыча, не былъ имъ до сего времени принятъ по болѣзни князя, и вдругъ нынѣшнимъ утромъ получилъ весьма любезное приглашеніе, въ которомъ значилось, что его сіятельство покорнѣйше проситъ Петра Григорьича пріѣхать къ нему отобѣдать запросто въ числѣ двухъ-трехъ пріятелей князя. Петръ Григорьичъ исполнился восторга отъ такой чести: онъ, человѣкъ все-таки не Богъ знаетъ какого высокаго полета, будетъ обѣдать у сильнѣйшаго въ то время вельможи и обѣдать въ небольшомъ числѣ его друзей. «Что значитъ умъ-то мой и расчетъ!»—восклицалъ онъ мысленно и вмѣстѣ съ тѣмъ соображалъ, какъ бы ему на княжескомъ обѣдѣ посильнѣе очернить сенатора, а еще болѣе того губернатора, и при этомъ закинуть словцо о своей кандидатурѣ на мѣсто начальника губерніи. Съ Невскаго Крапчикъ свернулъ въ Большую Морскую, прошелъ всю ее и около почтамта, приближаясь къ одному большому подъѣзду, замѣтно началъ утрачивать свое самодовольное выраженіе, вмѣсто котораго въ глазахъ его и даже по всей фигурѣ стала проглядывать нѣкоторая робость, такъ что онъ, отворивъ осторожно тяжелую дверь подъѣзда, проговорилъ ласковымъ голосомъ швейцару:

— Его сіятельство изволитъ быть дома?

— Дома, — отвѣчалъ швейцаръ, одѣтый въ почтамтскую форму и какъ бы смахивающій своимъ лицомъ на Антипа

Ильича, камердинера Марѳина.—А ваша фамилія?—спросилъ онъ, совлекая съ Крапчика его модный бѣлый сюртукъ.

— Дѣйствительный статскій совѣтникъ и губернскій предводитель дворянства Крапчикъ!.. — произнесъ уже нѣсколько внушительно Петръ Григорьичъ.

— Князь васъ ждетъ!.. Пожалуйте къ нему наверхъ.

Слова швейцара: «князь васъ ждетъ» ободрили Крапчика, и онъ по лѣстницѣ пошелъ совершенно смѣло. Изъ залы со стѣнами, сдѣланными подъ розовый мраморъ, и съ лѣпнымъ потолкомъ Петръ Григорьичъ направо увидалъ еще большую комнату, вѣроятно, гостиную, зеленаго цвѣта и со множествомъ семейныхъ портретовъ, а налѣво—комнату сѣрую, на которую стоявшій въ залѣ ливрейный лакей въ штиблетахъ и указалъ Крапчику, проговоривъ:

— Князь здѣсь!

Крапчикъ съ снова возвратившеюся къ нему робостью вошелъ въ эту сѣрую комнату, гдѣ лицомъ ко входу сидѣлъ въ покойныхъ вольтеровскихъ креслахъ небольшого роста старикъ, съ остаткомъ слегка вьющихся волосъ на головѣ, съ огромнымъ зонтикомъ надъ глазами и въ сѣромъ широкомъ фракѣ. Это именно и былъ князь; одною рукою онъ облокачивался на столъ изъ чернаго дерева, на которомъ единственными украшеніями были часы съ мраморнымъ наверху бюстомъ императора Александра Перваго и нѣсколько въ сторонѣ таковой же бюстъ императора Николая. Бюсты эти какъ бы знаменовали, что князь былъ почти другомъ обоихъ императоровъ.

Крапчикъ на первыхъ порахъ имѣлъ смѣлость произнести только:

— Губернскій предводитель дворянства Крапчикъ!

— Да, знаю, садитесь!..—сказалъ князь, приподнимая немного свой надглазный зонтъ и желая, повидимому, взглянуть на новаго знакомаго.

Крапчикъ конфузливо опустился на ближайшее кресло.

— Я по письму Егора Егорыча не могъ васъ принять до сихъ поръ: все былъ боленъ глазами, которые до того у меня нынѣшній годъ раздурачились, что мнѣ не позволяютъ ни читать, ни писать, ни даже много говорить—отъ всего этого у меня проходитъ передъ моими зрачками какъ бы цѣлая сѣтка маленькихъ черныхъ пятенъ! — говорилъ князь, какъ замѣтно, сильно занятый и безпокоимый своей болѣзнью.

— Вѣроятно, все это происходитъ отъ вашихъ государственныхъ трудовъ, — думалъ польстить Крапчикъ.

Но князь съ этимъ не согласился.

— Государственные труды мои никакъ не могли дурно повліять на меня!—возразилъ онъ.—Я никогда въ этомъ случаѣ не насиловалъ моего хотѣнія... Напротивъ, всегда имъ предавался съ искреннею радостью и удовольствіемъ, и если что могло повредить моему зрѣнію, такъ это... когда мнѣ, послѣ одного моего душевнаго перелома въ молодости, пришлось для умственнаго и моральнаго довоспитанія себя много читать.

— А, это именно и причина, — подхватилъ Крапчикъ: — чтеніе всего вреднѣе для нашихъ глазъ!

Князь однако и съ этимъ не вполнѣ согласился.

— Тутъ тоже я встрѣчаю нѣкоторыя недоумѣнія для себя, — продолжалъ онъ: — окулисты говорятъ, что тѣлеснаго поврежденія въ моихъ глазахъ нѣтъ—и что это суть нервные припадки; но я прежде бы желалъ знать, что̀ такое собственно нервы?.. По-моему, они—органы, долженствующіе передавать нашему физическому и душевному сознанію впечатлѣнія, которыя мы получаемъ изъ міра внѣшняго и изъ міра личнаго, но сами они ни болѣть ни имѣть какихъ-либо болѣзненныхъ припадковъ не могутъ; доказать это я могу тѣмъ, что хотя въ молодые годы нервы у меня были гораздо чувствительнѣе,—я тогда живѣе радовался, сильнѣе огорчался,—но между тѣмъ они мнѣ не передавали тѣлесныхъ страданій. Значитъ, причина таится въ моихъ лѣтахъ, въ начинающемъ завядать моемъ археѣ.

— Для кого жъ архей не великое дѣло! — воскликнулъ съ чувствомъ Крапчикъ.

— Да,—подтвердилъ князь:—жаль только, что, на горе человѣчества, не отысканъ еще пока жизненный эликсиръ!

— Нѣтъ-съ, не отысканъ!—повторилъ опять съ чувствомъ Крапчикъ.

— Скажите, гдѣ теперь Егоръ Егорычъ? — перемѣнилъ вдругъ разговоръ князь, начинавшій, кажется, догадываться, что Крапчикъ былъ слишкомъ дубоватъ, чтобы вести съ нимъ отвлеченную бесѣду.

— Онъ въ Москвѣ и пишетъ, что скоро пріѣдетъ сюда! — счелъ за лучшее выдумать Крапчикъ, такъ какъ Егоръ Егорычъ не только этого, но даже ничего не писалъ ему.

— Буду ждать его съ нетерпѣніемъ, съ большимъ нетерпѣніемъ!—проговорилъ князь.—Для меня всякій пріѣздъ Егора Егорыча сюда душевный праздникъ!.. Я юнѣю, умнѣю, вхожу, такъ сказать, въ мою прежнюю атмосферу. и мнѣ легче становится дышать!

Крапчикъ, хотя прежде и слыхалъ отъ Егора Егорыча,

что князь былъ очень благосклоненъ къ тому, но чтобы они до такой степени были между собою близки и дружны, Петръ Григорьичъ даже не подозрѣвалъ, и потому немедленно же поспѣшилъ разсыпаться съ своей стороны тоже въ похвалахъ Марѳину, льстя вмѣстѣ съ тѣмъ и князю:

— Если ужъ вы, ваше сіятельство, такъ понимаете Егора Егорыча, то какимъ онъ долженъ являться для насъ, провинціаловъ? И мы, безъ преувеличенія, считаемъ его благодѣтелемъ всей нашей губерніи.

— Почему же именно благодѣтелемъ? — поинтересовался князь.

— Да потому, что онъ, напримѣръ, вызвалъ ревизію на нашу губернію.

— А это вы считаете благодѣяніемъ? — спросилъ съ живостью князь.

— Рѣшительнымъ благодѣяніемъ, если бы только ревизующій нашу губернію графъ Эдлерсъ...—хотѣлъ-было Крапчикъ прямо приступить къ извѣтамъ на сенатора и губернатора; но въ это время вошелъ новый гость, мужчина лѣтъ сорока пяти, въ завитомъ парикѣ, въ черномъ атласномъ съ красными крапинками галстукѣ, въ синемъ, съ бронзовыми пуговицами, фракѣ, въ бѣлыхъ изъ нитянаго сукна брюкахъ со штрипками и въ щеголеватыхъ лаковыхъ сапожкахъ. По своей гордой и приподнятой физіономіи онъ напоминалъ нѣсколько англичанина.

— Очень радъ, Сергѣй Степанычъ, что вы урвали время отобѣдать у меня!—сказалъ князь, догадавшійся по походкѣ, кто къ нему вошелъ въ кабинетъ, а затѣмъ, назвавъ Крапчика, онъ сказалъ и фамилію вновь вошедшаго гостя, который оказался бывшимъ гросмейстеромъ одной изъ самыхъ значительныхъ ложъ, существовавшихъ въ оно время въ Петербургѣ.

Петръ Григорьичъ, какъ водится, исполнился благоговѣніемъ къ этому лицу.

— Но что же нашъ аккуратнѣйшій Ѳедоръ Иванычъ не является?—проговорилъ князь, взглянувъ на часы.

— Я его обогналъ на лѣстницѣ вашей; онъ тащитъ какую-то картину!—сказалъ Сергѣй Степанычъ, едва кивнувшій Крапчику головой на низкій поклонъ того.

Вслѣдъ затѣмъ вошелъ и названный Ѳедоръ Иванычъ въ вицмундирѣ, съ лицомъ румянымъ, свѣжимъ и, по своимъ лѣтамъ, а равно и по скромнымъ манерамъ, обнаруживавшій въ себѣ никакъ не выше департаментскаго вице-директора. Въ рукахъ онъ дѣйствительно держалъ масляной работы картину въ золотой рамѣ.

— Я чуть-чуть не запоздалъ и вотъ по какой причинѣ! — началъ онъ съ пріятной улыбкой и кладя на столъ передъ княземъ картину.

— Евангелистъ Іоаннъ, какъ вы говорили! — сказалъ тотъ, всматриваясь своими больными глазами въ картину.

— Іоаннъ Евангелистъ... и что̀ дорого: собственной работы Доминикино! — доложилъ съ замѣтнымъ торжествомъ Ѳедоръ Иванычъ.

— Но гдѣ же вы сумѣли достать это?—вмѣшался въ разговоръ Сергѣй Степанычъ:—подлинный Доминикино, я думаю, очень рѣдокъ!

— Нѣтъ, не рѣдокъ,—скромно возразилъ ему Ѳедоръ Иванычъ:—и доказательство тому: я картину эту нашелъ въ маленькой лавчонкѣ на Щукиномъ дворѣ посреди разнаго хлама и, не давъ, конечно, понять торговцу, какая это вещь, купилъ ее за бездѣлицу, и она была, разумѣется, въ ужасномъ видѣ, такъ что я отдалъ ее реставратору, отъ котораго сейчасъ только и получилъ... Картину эту, — продолжалъ онъ, обращаясь къ князю:—я просилъ бы, ваше сіятельство, принять отъ меня въ даръ, какъ изъявленіе моего глубокаго уваженія къ вамъ.

— Но, милѣйшій Ѳедоръ Иванычъ, — произнесъ нѣсколько даже сконфуженный князь:—вы сами любитель, и зачѣмъ же вы лишаете себя этой картины?

— Я, ваше сіятельство, начинаю собирать только русскихъ художниковъ!—объяснилъ Ѳедоръ Иванычъ.

— Русскихъ художниковъ! — воскликнулъ Сергѣй Степанычъ: — но гдѣ жъ они?.. По-моему, русскихъ художниковъ еще нѣтъ!

— Нѣтъ-съ, есть!—произнесъ опять съ пріятной улыбкой Ѳедоръ Иванычъ.

— Но что̀ же вы однако имѣете изъ ихъ произведеній?— допытывался Сергѣй Степанычъ.

— Мало, конечно,—отвѣчалъ Ѳедоръ Иванычъ, сѣвшій по движенію руки князя.—Есть у меня очень хорошая картина: «Петербургъ въ лунную ночь» — Воробьева... потомъ «Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ и Іоанномъ Крестителемъ»—Боровиковскаго...

— Но развѣ это православная Божья Матерь? — перебилъ его Сергѣй Степанычъ.—У насъ она никогда не рисуется съ Іоанномъ Крестителемъ; это мадонна!

— Мало, что мадонна, но даже копія, написанная съ мадонны Корреджіо, и я разумѣю не русскую собственно школу, а только говорю, что желалъ бы имѣть у себя исключительно

художниковъ русскихъ по происхожденію своему и по воспитанію.

— А, то другое дѣло!—сказалъ съ важностью Сергѣй Степанычъ.—Даровитые художники у насъ есть, я не спорю, но оригинальныхъ нѣтъ, да не знаю, и будутъ ли они!

— Даровитыхъ много, — подтвердилъ и князь: — что, какъ мнѣ извѣстно, чрезвычайно радуетъ государя!.. Но однако постойте, Ѳедоръ Иванычъ, — продолжалъ онъ, потеревъ свой лобъ подъ зонтикомъ:—чѣмъ же я васъ возблагодарю за вашъ подарокъ?

Ѳедоръ Иванычъ зарумянился при этомъ еще болѣе.

— Однимъ бы сокровищемъ вы больше всего меня осчастливили, — сказалъ онъ, поникая головой: — если бы позволили списать портретъ съ себя для моей маленькой галлереи.

— Готовъ... когда хотите... во всякое время!.. — говорилъ князь:—только какому же художнику поручить это?

— Брюлову, полагаю!—отвѣчалъ Ѳедоръ Иванычъ.

— Непремѣнно ему!—подхватилъ Сергѣй Степанычъ:—кто же можетъ, какъ не Брюловъ, передать вполнѣ тонкія черты князя и выраженіе его внутренней жизни?

— Попросите его!—отнесся князь къ Ѳедору Иванычу.

— Непремѣнно, завтра же!—поспѣшно проговорилъ тотъ.—Одно несчастье, что Карлъ Ѳедорычъ ведетъ черезчуръ артистическую жизнь... при томъ такъ занятъ разными заказами и еще болѣе того замыслами и планами о новыхъ своихъ трудахъ, что я не знаю, когда онъ возьмется это сдѣлать!

— Это Богъ съ нимъ,—отозвался князь:—пусть онъ и позамедлитъ; не нынѣшній годъ, такъ въ будущемъ, а то и въ послѣдующемъ!

— La table est servie!—раздался голосъ вошедшаго метрдотеля, очень жирнаго и въ ливреѣ.

Князь вѣжливо пустилъ всѣхъ гостей своихъ впередъ себя. Крапчикъ тоже послѣдовалъ за другими; но замѣтно былъ смущенъ тѣмъ, что ни одного слова не въ состояніи былъ приспособить къ предыдущему разговору. «Ну, какъ,—думалъ онъ:—и за столомъ будутъ говорить о такихъ же все пустякахъ!» Однако вышло не то: князь, скушавъ тарелку супу, кромѣ которой, по болѣзненному своему состоянію, больше ничего не ѣлъ, обратился къ Сергѣю Степанычу, показывая на Петра Григорьича:

— Господинъ Крапчикъ очень хорошій знакомый Егора Егорыча Марѳина!

— Даже имѣю смѣлость сказать, что другъ его! — пробурчалъ себѣ подъ носъ Петръ Григорьичъ.

— А!—произнесъ на это бывшій гросмейстеръ.

— Ихъ губернію ревизуетъ сенаторъ графъ Эдлерсъ; вамъ, можетъ-быть, это извѣстно?—продолжалъ князь.

Сергѣй Степанычъ наклоненіемъ головы выразилъ, что ему извѣстно это, и затѣмъ спросилъ Крапчика:

— И какъ же у васъ дѣйствуетъ графъ?

Петръ Григорьичъ вначалѣ-было затруднился, какъ ему отвѣчать: очень ужъ поражалъ его своимъ гордымъ видомъ бывшій гросмейстеръ.

— Говорите совершенно откровенно!—поддержалъ его князь и тутъ же присовокупилъ Сергѣю Степанычу:

— Егоръ Егорычъ въ письмѣ своемъ проситъ меня вѣрить господину Крапчику, какъ бы мы вѣрили ему самому!

Ободренный этими словами, Петръ Григорьичъ пустилъ сразу и во всю силу свою діалектику.

— Я, какъ губернскій предводитель, какъ помѣщикъ мѣстный... наконецъ, по долгу чести моей, долженъ сказать, что мы крайне печалимся, что ревизовать нашу губернію присланъ не другой кто, а графъ Эдлерсъ.

Слова эти замѣтно удивили Сергѣя Степаныча: графъ Эдлерсъ былъ товарищъ его по службѣ, и если считался всѣми не за очень серьезнаго человѣка, то во всякомъ случаѣ за весьма честнаго.

— Но чѣмъ же васъ такъ опечалилъ графъ Эдлерсъ?— спросилъ онъ нѣсколько официально Крапчика.

Тотъ не безъ усилія надъ собой продолжалъ въ начатомъ тонѣ:

— Графъ... по пріѣздѣ въ нашу губернію... увлекся одною дамой—ближайшей родственницей губернатора, и потому все пошло шито и крыто, а какого рода у насъ губернаторъ, это я желалъ, чтобы вы изволили слышать лично отъ Егора Егорыча!

Сергѣй Степанычъ при этомъ гордо взмахнулъ головой.

— Вашего губернатора я отчасти знаю, потому что самъ былъ губернаторомъ въ смежной съ нимъ губерніи, и мнѣ всегда казалось страннымъ: какъ только я откажу отъ мѣста какому-нибудь плутоватому господину, вашъ губернаторъ сейчасъ же приметъ его къ себѣ, и наоборотъ: когда онъ выгонялъ отъ себя чиновника, я часто бралъ того къ себѣ, и по большей части оказывалось, что чиновникъ былъ честный и умный.

— Вкусы, видно, были у васъ разные!—замѣтилъ съ усмѣшкой князь.

— Вѣроятно! — сказалъ, тоже усмѣхнувшись, Сергѣй Степанычъ.

— Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же Дмитрій Николаичъ терпитъ на службѣ такого губернатора? — произнесъ съ удивленіемъ князь.

— Во-первыхъ, Дмитрій Николаичъ не терпитъ его, потому что надъ губернаторомъ назначена ревизія...—возразилъ Сергѣй Степанычъ:—а тамъ ужъ дѣло графа Эдлерса.

— Но все-таки Дмитрію Николаичу слѣдуетъ написать письмо къ графу, что такъ дѣйствовать нельзя! — говорилъ князь, какъ видно, полагавшій, подобно Егору Егорычу, что моральными и наставительными письмами можно дѣйствовать на людей.

— Дмитрій Николаичъ, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, никакого права не имѣетъ вмѣшиваться, когда ужъ разъ начата ревизія!—возразилъ Сергѣй Степанычъ.

— Тогда пусть напишетъ графу министръ юстиціи! — настаивалъ на своемъ князь.—Не поручитъ же Егоръ Егорычъ господину Крапчику говорить то, чего нѣтъ!

— Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ! — произнесъ Сергѣй Степанычъ и снова обратился къ Крапчику:

— Какіе же факты существуютъ, гдѣ бы графъ скрылъ или промиротворилъ чему-нибудь?

— Факты: мое собственное дѣло!—воскликнулъ съ увлеченіемъ Крапчикъ (о, какъ впослѣдствіи онъ раскаивался, что началъ съ этого проклятаго собственнаго дѣла!). — Въ сосѣдствѣ съ однимъ моимъ маленькимъ имѣніемъ,—сталъ разсказывать далѣе Петръ Григорьичъ:—появилась года четыре тому назадъ эта ужасная и совершенно правительствомъ нетерпимая скопческая ересь... Оскопителемъ оказался одинъ хлыстъ... Я, по вліянію своему на земскую полицію, настоялъ, чтобы хлыста этого привлекли къ слѣдствію и уличили... А что скопцы и хлысты одно и то же, это мнѣ хорошо извѣстно, потому что, вращаясь безпрестанно между разными сектами, я много читалъ объ этомъ и слышалъ разсужденія отъ высшихъ духовныхъ лицъ. Хлыстъ этотъ, безъ сомнѣнія, былъ бы осужденъ, ибо въ домѣ у него происходили ихнія радѣнія.

Князь, Сергѣй Степанычъ и Ѳедоръ Иванычъ все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ вниманіемъ прислушивались къ Крапчику.

— И что́ на этихъ радѣніяхъ происходитъ, вы вообразить себѣ не можете!—лупилъ тотъ слово въ слово, что́ онъ слышалъ отъ архіерея. — На этихъ радѣніяхъ они прежде убивали младенцевъ своихъ, причащались ихъ кровью, потомъ бѣгали, скакали около чана.

Говоря это, Крапчикъ и не помышлялъ нисколько, что его слушаетъ тотъ вельможа, который когда-то самъ, если не на

чисто-хлыстовскихъ радѣніяхъ, то на чемъ-то весьма похожемъ, попрыгивалъ и поплясывалъ у m-me Татариновой.

Между тѣмъ безтактная ошибка его замѣтно смутила Ѳедора Иваныча и Сергѣя Степаныча, которые оба знали это обстоятельство, и потому они одновременно взглянули на князя, выраженіе лица котораго тоже было не совсѣмъ довольное, такъ что Сергѣй Степанычъ нашелъ нужнымъ замѣтить Крапчику:

— Это—дѣло лично васъ касающееся, но другія же какія дѣла?

— Другія-съ дѣла? — отвѣчалъ тотъ, будучи весьма опѣшенъ и понявъ, что онъ сказалъ что-то такое не совсѣмъ пріятное своимъ слушателямъ.—Обо всѣхъ этихъ дѣлахъ у меня составлена записка! — добавилъ онъ и вынулъ изъ кармана кругомъ исписанный листъ въ ожиданіи, что у него возьмутъ этотъ листъ.

Однако его никто не бралъ, и, сверхъ того, Сергѣй Степанычъ прямо сказалъ:

— Вамъ эту записку лучше представить министру юстиціи.

— Я не имѣю чести быть извѣстнымъ его высокопревосходительству господину министру юстиціи,—проговорилъ на это раболѣпнымъ голосомъ Петръ Григорьичъ.

— Это ничего не значитъ: вы лицо официальное и по интересамъ вашего дворянства можете являться къ каждому министру!—растолковывалъ ему Сергѣй Степанычъ.

— Но Егоръ Егорычъ,—продолжалъ тѣмъ же тономъ Крапчикъ:—приказалъ мнѣ прежде всѣхъ быть у князя и попросить, не примутъ ли они участія въ нашемъ дѣлѣ.

— Нѣтъ, батюшка, нѣтъ!..—сказалъ князь, отмахнувшись даже рукой.—Я боленъ, старъ и не мѣшаюсь ни въ чьи чужія дѣла.

Крапчикъ, слыша и видя все это, не посмѣлъ болѣе на эту тему продолжать разговоръ, который и перешелъ снова на живописцевъ, при чемъ стали толковать о какихъ-то братьяхъ Чернецовыхъ, которые, по словамъ Ѳедора Иваныча, были чисто-русскіе живописцы, на что Сергѣй Степанычъ возражалъ, что, пока ему не покажутъ картины чисто-русской школы по штилю, до тѣхъ поръ онъ русскихъ живописцевъ будетъ признавать иностранными живописцами. Въ доказательство своего мнѣнія Ѳедоръ Иванычъ приводилъ, что Чернецовы выводки и птенцы Павла Петровича Свиньина, «этого русскаго, по выраженію Пушкина, жука».

— Но вы замѣтьте,—оспаривалъ его Сергѣй Степанычъ:—Пушкинъ же совершенно справедливо говорилъ объ Свиньинѣ, что тотъ любитъ Россію и говоритъ о ней совершенно какъ ребенокъ...

Потомъ стали говорить, что Жуковскій нѣсколько времени всюду ѣздитъ со стихотвореніями какого-то Бенедиктова и въ восторгѣ отъ нихъ.

— Слышалъ это я, — сказалъ князь: — и мнѣ передавали, что Вяземскій отлично сострилъ, говоря, что поэзія... какъ его?..

— Бенедиктова!—подсказалъ Ѳедоръ Иванычъ.

— Да, поэзія господина Бенедиктова похожа на мелкій ручеекъ, въ который можно поглядѣться, но нельзя въ немъ выкупаться.

— Я думаю, что и поглядѣться даже не стоитъ,—отозвался насмѣшливо Сергѣй Степанычъ. — Кстати, по поводу «выкупаться»: — присовокупилъ онъ, исключительно обращаясь къ князю:—молодой Шевыревъ, который теперь въ Италіи, мнѣ пишетъ и выразился такъ о Дантѣ: «Данта читать, что въ морѣ купаться!..» Это недурно!..

— Очень, очень,—одобрилъ князь.

Крапчикъ едва владѣлъ собой, слушая такія разсужденія Сергѣя Степаныча и князя. «И это,—думалъ онъ про себя:— разговариваютъ сановники, государственные люди, тогда какъ по службѣ его въ Гатчинскомъ полку ему были еще памятны вельможи екатерининскаго и павловскаго времени: тѣ, бывало, что ни слово скажутъ, то во всемъ виденъ умъ, солидность и твердость характера, а это что такое?..» По окончаніи обѣда, какъ только позволяло приличіе, Петръ Григорьичъ, почтительно откланявшись князю и его гостямъ, поѣхалъ въ свою гостиницу, чтобы немедля же написать Егору Егорычу отчаянное письмо, въ которомъ объявить ему, что все ихъ дѣло погибло, и что весь Петербургъ за сенатора и за губернатора. Вслѣдъ за уходомъ Петра Григорьича сталъ раскланиваться и Ѳедоръ Иванычъ.

— А вы на вашу службу?—сказалъ ему ласково князь.

— Уже восьмой часъ! — отвѣчалъ Ѳедоръ Иванычъ и удалился.

— Этотъ господинъ Крапчикъ, должно-быть, дубина великая!—сказалъ князь, оставшись вдвоемъ съ Сергѣемъ Степанычемъ.

— Должно-быть!—согласился тотъ.

— Однако онъ губернскій предводитель дворянства, — замѣтилъ князь.

— А развѣ бо́льшая часть изъ нихъ не такіе же?.. — проговорилъ надменнымъ тономъ Сергѣй Степанычъ.

— Но вы забываете, что онъ другъ Егора Егорыча,—продолжалъ князь.

Сергѣй Степанычъ объяснилъ это, подумавши.

— Егоръ Егорычъ, — началъ онъ:—безспорно уменъ и самыхъ высокихъ душевныхъ качествъ, но не думаю, чтобы былъ осмотрителенъ и строгъ въ выборѣ своихъ друзей: очень ужъ онъ въ облакахъ витаетъ.

— Это, пожалуй, что правда! Во всякомъ случаѣ, Егоръ Егорычъ самъ скоро пріѣдетъ сюда, и я до его пріѣзда ничего не предприму по его письму!—рѣшилъ князь.

— Конечно!—подтвердилъ Сергѣй Степанычъ.—А я сегодня думалъ ѣхать къ вамъ до вашего еще приглашенія; вы давно видѣли Василія Михайлыча Попова?

— Давно; я, по болѣзни, изъ моихъ чиновниковъ никого не принимаю съ докладомъ.

— Екатерину Филипповну Татаринову тоже давно не видали?

— А ту и не помню, когда видѣлъ.

— По городу ходятъ слухи, — продолжалъ Сергѣй Степанычъ:—что родная дочь Василія Михайлыча Попова явилась къ шефу жандармовъ и объявила, что отецъ заставляетъ ее ходить на ихъ тамъ дачахъ на собранія къ Екатеринѣ Филипповнѣ, и когда она не хотѣла этого дѣлать, онъ билъ ее за то, запиралъ въ комнатѣ и не кормилъ.

— Вздоръ, вздоръ!—отвергнулъ съ негодованіемъ князь.— Бѣдный Василій Михайлычъ вездѣ, какъ куръ во щи, попадается, тогда какъ все это, я увѣренъ, выдумки и продѣлки того же Фотія и дѣвы его Анны.

— Фотій, говорятъ, очень боленъ!.. Я недавно видѣлъ графиню въ одномъ салонѣ,—она въ отчаяніи!—объяснилъ Сергѣй Степанычъ.

— Это имъ обоимъ нисколько не помѣшаетъ козни строить... Я вамъ никогда не разсказывалъ, что эти лица со мною при покойномъ императорѣ Александрѣ сдѣлали... передъ тѣмъ какъ мнѣ оставить министерство духовныхъ дѣлъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Сергѣй Степанычъ.

— Ну такъ слушайте!—началъ князь съ сильнымъ старческимъ одушевленіемъ.—Я, какъ человѣкъ довѣрчивый, всегда считалъ Фотія и графиню друзьями своими, а они, кажется, не считали меня своимъ другомъ. Вышелъ тогда переводъ книги Госнера, поправленный Василіемъ Михайлычемъ Поповымъ, на который, втайнѣ отъ меня, Фотій написалъ омерзительную клевету... Я это узналъ и, пріѣхавъ къ графинѣ въ ея отсутствіе и заставъ тамъ Фотія, сталъ съ нимъ спорить о книгѣ Госнера. Вдругъ онъ началъ — буквально вамъ это говорю—кричать на меня. «Видѣлъ ли ты, говоритъ, сатану, яко молнію, спадшаго съ неба? Такъ и ты и вси твои

падутъ съ тобой».—«Удержитесь, ваше высокопреподобіе, — возразилъ я ему: — я самъ, можетъ-быть, знаю лучше васъ, что̀ истинно и что̀ нѣтъ, и прямо вамъ говорю: ложь вы глаголете». Тогда онъ воскликнулъ:—«Егда, говоритъ, не будетъ тебѣ, князь, бѣды на землѣ за невѣріе твое, то азъ простираю руку къ небу и призываю на тебя судъ Божій: анаѳема!»

Сергѣй Степанычъ при этомъ даже вздрогнулъ.

— Ахъ, изувѣръ этакій!—произнесъ онъ.

— Нѣтъ, онъ мало что изувѣръ, но и плутъ великій!—возразилъ князь:—у него все въ этомъ случаѣ было разсчитано. Потому, когда я пожаловался на него, государь чрезвычайно разгнѣвался; но тутъ на помощь къ Фотію не замедлили явиться разные друзья мои: Аракчеевъ, Уваровъ, Шишковъ, вкупѣ съ дѣвой Анной, и стали всевозможными путями доводить до свѣдѣнія государя будто бы ходящіе по городу толки о томъ, что нельзя же оставлять министромъ духовныхъ дѣлъ человѣка, который проклятъ анаѳемой.

— Какое жъ это проклятіе? — воскликнулъ Сергѣй Степанычъ.—Какой-то архимандритъ, значитъ, лицо весьма невысокое по своему іерархическому сану, прокричалъ «анаѳема»? Его бы надо было разстричь за это!

— Казалось бы, но вышло напротивъ!—воскликнулъ тоже и князь:—они объяснили это, что меня проклялъ не Фотій, а митрополитъ Серафимъ, который немедля же прислалъ благословеніе Фотію на это проклятіе, говоря, что измѣнить того, что̀ сдѣлано, невозможно, и что изъ этого даже можетъ произойти добро, ибо ежели царь, ради правды, не хочетъ любимца своего низвергнуть, то теперь, ради стыда, какъ проклятаго, онъ долженъ будетъ удалить. Теперь, конечно, это дѣло прошлое.

VI.

Егоръ Егорычъ пріѣхалъ наконецъ въ Петербургъ и остановился въ одномъ отелѣ съ Крапчикомъ, который немедля прибѣжалъ къ нему въ номеръ и нашелъ Егора Егорыча сильно постарѣвшимъ, хотя и самъ тоже не помолодѣлъ: отъ переживаемыхъ въ послѣднее время непріятныхъ чувствованій и при содѣйствіи петербургскаго климата Петръ Григорьичъ каждодневно страдалъ желчною рвотою и голосъ имѣлъ постоянно осиплый.

— Мы теперь, — забасилъ онъ съ грустно-насмѣшливымъ оттѣнкомъ:—можемъ сказать, что у насъ все потеряно, кромѣ чести!

— Почему потеряно? Изъ чего вы это заключаете? — отозвался съ досадой Егоръ Егорычъ.

— Изъ того, что Петербургъ нынѣ совсѣмъ не то, какой былъ прежде; въ немъ все измѣнилось: и люди и мнѣнія ихъ! Всѣ стали какіе-то прапорщики гвардейскіе, а не правительственныя лица.

Егоръ Егорычъ молчалъ.

— Князя, конечно, я лично не зналъ до сего времени, — продолжалъ Крапчикъ:—но, судя по вашимъ разсказамъ, я его представлялъ себѣ совершенно инымъ, нежели какимъ увидалъ...

— Какимъ же вы его увидали?.. Что такое?.. — спросилъ опять-таки съ досадой Егоръ Егорычъ.

— То, что... Я побоялся въ письмѣ подробно описывать вамъ, потому что здѣсь рѣшительно говорятъ, что письма распечатываются, особенно къ масонамъ!..

— Ну, придумывайте еще что-нибудь!—перебилъ его Егоръ Егорычъ.

— Что дѣлать? Сознаюсь откровенно, что побоялся!—признался Крапчикъ и затѣмъ принялся-было точнѣйшимъ образомъ разсказывать, какъ онъ сначала не былъ принимаемъ княземъ по болѣзни того, какъ получилъ потомъ отъ него очень любезное приглашеніе на обѣдъ...

— А кто еще съ вами обѣдалъ у князя? — перебилъ его Егоръ Егорычъ.

— Обѣдали извѣстный, разумѣется, вамъ Сергѣй Степанычъ и какой-то еще Ѳедоръ Иванычъ...

— Знаю!—какъ бы отрѣзалъ Егоръ Егорычъ.

— За обѣдомъ князь,—продолжалъ Крапчикъ:—очень лестно отрекомендовавъ меня Сергѣю Степанычу, завелъ разговоръ о нашемъ дѣлѣ, приказалъ мнѣ говорить совершенно откровенно. Я началъ съ дѣла, лично меня касающагося, объ одномъ раскольникѣ-хлыстѣ Ермолаевѣ, который, по настоянію моему, посаженъ въ острогъ и котораго сенаторъ оправдалъ и выпустилъ.

Егоръ Егорычъ, услыхавъ это, откинулся на задокъ кресла, какъ онъ всегда дѣлалъ, когда его что-нибудь поражало или сердило.

— Но зачѣмъ же вы съ этого какого-то глупаго дѣла начали?—произнесъ онъ.

— Потому что оно самое крупное,—объяснилъ Крапчикъ.

— Не можетъ быть оно крупное!.. Это какая-нибудь сплетня, клевета поповская!.. За что хлыстовъ преслѣдовать и сажать въ острогъ?.. Послѣ этого князя и меня надобно посадить въ острогъ, потому что и мы, пожалуй, хлысты!..

Тутъ ужъ Крапчика точно кто по головѣ обухомъ ударилъ.

— Что это, Егоръ Егорычъ, шутите ли вы или дурачите меня?!. — сказалъ онъ, потупляя глаза. — Я скорѣе всему на свѣтѣ повѣрю, чѣмъ тому, что вы и князь могли принадлежать къ этой варварской сектѣ!

— Къ варварской?.. Вы находите, что эта секта варварская? — принялся уже кричать Егоръ Егорычъ. — Какія вы данныя имѣете для того?.. Какія?.. Тутъ зря и наобумъ говорить нельзя!

— Нѣтъ-съ, я не наобумъ говорю,—возразилъ обиженнымъ голосомъ Крапчикъ и сталъ передавать все, что онъ слышалъ дурного о хлыстахъ отъ Евгенія.

Егоръ Егорычъ морщился и вмѣстѣ съ тѣмъ догадался, что Петръ Григорьичъ не самъ измыслилъ разсказываемое и даже не съ вѣтру нахваталъ все это, потому что въ словахъ его слышалась если не внутренняя, то, по крайней мѣрѣ, фактическая правда.

— Кто вамъ повѣствовалъ такъ о хлыстахъ? — спросилъ онъ.

— Повѣствовалъ мнѣ о нихъ ученѣйшій человѣкъ, — отвѣчалъ съ апломбомъ Крапчикъ:—мой и вашъ пріятель, нашъ архіерей Евгеній.

— Нѣтъ, я не считаю Евгенія своимъ пріятелемъ!—отрекся Егоръ Егорычъ. — Я Евгенія уважаю: онъ уменъ, безспорно, что ученъ; но онъ разсудочный историкъ!.. Онъ въ каждомъ событіи ни назадъ заглядывать ни впередъ предугадывать не любитъ, а дай ему все, чтобы пальцемъ въ документикахъ можно было осязать... Я объ этомъ съ нимъ многократно спорилъ.

— Какъ же иначе, на что же можно опираться, какъ не на факты,—возразилъ Крапчикъ.

— А на то, какъ говоритъ Бенеке, — хватилъ ужъ вотъ куда Егоръ Егорычъ: — что разумъ нашъ имѣетъ свой предѣлъ, и вотъ, положимъ, его черта...

Сказавъ это, Егоръ Егорычъ провелъ ногтемъ дугу на столѣ.

— Далѣе этой черты умъ ничего не понимаетъ, и тутъ ужъ дѣйствуютъ наши чувства и воображеніе, и изъ нихъ проистекли пророчества, всѣ религіи, всѣ искусства, да, я думаю, и всѣ евангельскія истины: тутъ ужъ наитіе Бога происходитъ!

Такой отвлеченной тирады Крапчикъ, конечно, не могъ вполнѣ понять и придумалъ только сказать:

— Евгеній, впрочемъ, мнѣ доказывалъ,—съ чѣмъ я никакъ не могу согласиться,—что масоны и хлысты одно и то же.

— Масоны со всѣми сектами одно и то же и всѣмъ имъ благосклонствуютъ, потому что все это работа для очистки мѣста къ построенію новаго истиннаго храма! Вы, какъ масонъ, чего ищете и къ чему стремитесь? — обратился Егоръ Егорычъ настойчиво къ Крапчику.

— Нравственнаго усовершенствованія, — проговорилъ тотъ обычную казенную фразу.

— Но посредствомъ чего?—допытывался Егоръ Егорычъ:— посредствомъ того, что вы стремитесь воспріять въ себя разными способами — молитвой, постомъ, мудромысліемъ, мудрочтеніемъ, мудробесѣдованіемъ — Христа!.. Къ этому же, какъ достовѣрно мнѣ извѣстно, стремятся и хлысты; но довольно! Скажите лучше, что еще происходило на обѣдѣ у князя?

— Происходило,—отвѣтилъ Крапчикъ, сразу вошедшій въ свою колею: — что Сергѣй Степанычъ сталъ меня, какъ на допросѣ, спрашивать, какія же я серьезныя обвиненія имѣю противъ сенатора. Я тогда подалъ мою заранѣе составленную докладную записку, которой однако у меня не приняли ни князь ни Сергѣй Степанычъ, и сказали мнѣ, чтобы я ее представилъ министру юстиціи Дашкову, къ которому я не имѣлъ никакихъ рекомендацій ни отъ кого.

Прослушавъ все это, Егоръ Егорычъ сурово молчалъ.

— И неужели же, — продолжалъ Крапчикъ почти плачевнымъ голосомъ: — князь и Сергѣй Степанычъ разсердились на меня за хлыстовъ?.. Кто жъ могъ предполагать, что такія высокія лица примутъ на свой счетъ, когда говоришь что-нибудь о мужикахъ-дуракахъ?

Егоръ Егорычъ и на это не сказалъ Петру Григорьичу ни слова въ утѣшеніе и только переспросилъ:

— Вы говорите, что князь велѣлъ вамъ вашу докладную записку подать министру юстиціи Дашкову?

— Ему!..— отвѣчалъ Крапчикъ.—А вы знакомы съ господиномъ Дашковымъ?

— Нѣтъ, но это все равно! Дашковъ друженъ съ Сперанскимъ. Дайте мнѣ вашу записку! Я передамъ ее Михаилу Михайлычу,—проговорилъ Егоръ Егорычъ.

Крапчикъ не съ большой охотой передалъ Егору Егорычу записку, опасаясь, что тотъ, по своему раскиданному состоянію духа, забудетъ о ней и даже потеряетъ ее, что отчасти и случилось. Выѣхавъ изъ своего отеля и направившись прямо къ Сперанскому, Егоръ Егорычъ тѣмъ не менѣе думалъ не о докладной запискѣ, а о томъ, дѣйствительно ли масоны и хлысты имѣютъ аналогію между собой, вопросъ, который онъ хоть и рѣшилъ утвердительно, но не вполнѣ былъ убѣжденъ въ томъ.

Михаилъ Михайлычъ Сперанскій въ это время уже преподнесъ государю напечатанный сводъ законовъ и теперь только наблюдалъ, какъ его дѣтище всюду приводилось въ исполненіе. Если судить по настоящимъ порядкамъ, такъ трудно себѣ даже представить всю скромность квартиры Михаила Михайлыча. Егоръ Егорычъ, по своей торопливости, въ совершенно темной передней знаменитаго государственнаго дѣятеля чуть не расшибъ себѣ лба и затѣмъ повернулъ въ хорошо ему знакомый кабинетъ, въ которомъ прежде всего кидались въ глаза по всѣмъ стѣнамъ стоявшіе шкапы, сверху донизу наполненные книгами. На большомъ письменномъ столѣ лежало множество бумагъ, но въ совершеннѣйшемъ порядкѣ. Вообще во всемъ убранствѣ кабинета проглядывали умъ и строгая систематика Михаила Михайлыча. Когда Егоръ Егорычъ появился въ кабинетѣ, Михаилъ Михайлычъ сидѣлъ за работой и казался хоть еще и бодрымъ, но не столько, кажется, по тѣлу, сколько по духу, старикомъ. Одѣтъ онъ былъ во фракѣ съ двумя звѣздами и въ бѣломъ высокомъ жабо.

Егору Егорычу онъ обрадовался и произнесъ:

— Кого я вижу предъ собой?

Егоръ Егорычъ, по своему обыкновенію, сѣлъ торопливо на кресло противъ хозяина.

— Знаете ли вы, о чемъ я думалъ, ѣхавъ къ вамъ?—началъ онъ.

— Конечно, не знаю,—отвѣчалъ Михаилъ Михайлычъ.

— Я думалъ о хлыстахъ!

Такое думаніе Егора Егорыча нисколько, кажется, не удивило Михаила Михайлыча и не вызвало у него ни малѣйшей улыбки.

— Ихъ секту преслѣдуютъ!.. За что?—дообъяснилъ Егоръ Егорычъ.

— Я думаю, не однихъ хлыстовъ, а вообще раскольниковъ начинаютъ стѣснять, и почему это дѣлается, причинъ много тому! — проговорилъ уклончиво Михаилъ Михайлычъ.

— Причина одна, я думаю, — пробормоталъ Маропнъ: — хлысты — мистики, а это не по вкусу нашему казенному православію.

Тутъ Сперанскій ужъ улыбнулся слегка.

— Если они и мистики, то очень грубые, — отозвался онъ.

— Чѣмъ? — воскликнулъ Егоръ Егорычъ.

— Во-первыхъ, своимъ пониманіемъ въ такой грубой, чувственной формѣ мистическихъ экстазовъ и наконецъ своими бѣснующимися экстазиками, что, по-моему, требуетъ полнаго подавленія!

— Но они все мужики, вы забываете это!

– И въ средѣ апостоловъ были рыбари... Духовные отцы нашей церкви никогда не позволяли себѣ ни скаканій ни экстазовъ — вещей порядка низшаго; и потомъ эти видѣнія и пророчества хлыстовъ, — что̀ это такое?

Егоръ Егорычъ былъ и согласенъ и несогласенъ съ Михаиломъ Михайлычемъ.

— Но какъ же основать всеобщую внутреннюю церковь, какъ не этимъ путемъ? — кипятился онъ: — пусть каждый ищетъ Христа, какъ кто умѣетъ!

— И никто, конечно, самъ не найдетъ Его! — произнесъ, усмѣхнувшись, Михаилъ Михайлычъ. — На склонѣ дней моихъ я все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ томъ, что стихійная мудрость составила себѣ какую-то теософически-христіанскую метафизику, воображая, что открыли какой-то путь къ истинѣ, удобнѣйшій и чистѣйшій, нежели тотъ, который представляетъ наша церковь.

Эти слова ударили Егора Егорыча въ самую суть.

— Но тогда къ чорту весь нашъ мистицизмъ! — воскликнулъ онъ.

— Господь съ вами!.. Куда это вы всѣхъ насъ посылаете?— возразилъ ему Михаилъ Михайлычъ. — Я первый не отдамъ мистическаго богословія ни за какія сокровища въ мірѣ.

— Но что̀ вы разумѣете подъ именемъ мистическаго бого словія? — перебилъ его Егоръ Егорычъ.

— Я разумѣю... но, впрочемъ, мнѣ удобнѣе будетъ отвѣтить на вашъ вопросъ прочтеніемъ письма, которое я когда-то еще давно писалъ къ одному изъ друзей монхъ и отпускъ съ котораго мнѣ, какъ нарочно, сегодня поутру, когда я разбиралъ свои старыя бумаги, попался подъ руку. Угодно вамъ будетъ прослушать его? — заключилъ Михаилъ Михайлычъ.

— О, Бога ради, Бога ради! — воскликнулъ Егоръ Егорычъ.

Михаилъ Михайлычъ началъ читать немножко нараспѣвъ:

«Путь самоиспытанія (очищеніе водою, путь Іоанна Предтечи) есть приготовленіе къ возрожденію. Затѣмъ начинается путь просвѣщенія, или креста. Начатки духовной жизни во Христѣ бываютъ слабы: Христосъ рождается въ ясляхъ отъ бѣдной, горькой Маріи; однѣ высшія духовныя силы нашего бытія, ангелы и мудрые Востока, знаютъ небесное Его достоинство; могутъ однакоже и низшія душевныя силы, пастыри, ощутить сіе рожденіе, если онѣ бдятъ и примѣчаютъ. Примѣчайте: всякая добрая мысль, всякое доброе движеніе воли есть и движеніе Христово. «Безъ Меня не можете творити ничесо же». По мѣрѣ того какъ вы будете примѣчать

сія движенія и относить ихъ къ Христу, въ васъ дѣйствующему, Онъ будетъ въ васъ возрастать, и наконецъ вы достигнете того счастливаго мгновенія, что въ состояніи будете ощущать Его съ такой живостью, съ такимъ убѣжденіемъ въ дѣйствительности Его присутствія, что съ непостижимою радостью скажете: «такъ точно, это Онъ, Господь, Богъ мой!» Тогда слѣдуетъ оставить молитву умную и постепенно привыкать къ тому, чтобы находиться въ общеніи съ Богомъ помимо всякихъ образовъ, всякаго размышленія, всякаго ощутительнаго движенія мысли. Тогда кажется, что въ душѣ все молчитъ, не думаешь ни о чемъ; умъ и память меркнутъ и не представляютъ ничего опредѣленнаго; одна воля кротко держится за представленіе о Богѣ, — представленіе, которое кажется неопредѣленнымъ, потому что оно безусловно и что оно не опирается ни на что въ особенности. Тогда-то вступаемъ въ сумракъ вѣры, тогда-то не знаемъ болѣе ничего и ждемъ вѣчнаго свѣта непосредственно свыше, и если упорствуемъ въ этомъ ожиданіи, то свѣтъ этотъ нисходитъ и Царствіе Божіе раскрывается... Но что же такое Царствіе Божіе и въ чемъ оно состоитъ? Никто не можетъ ни описать вамъ его ни дать о немъ понятія. Его чувствуешь, но оно несообщимо. Въ этомъ-то состояніи начинаетъ раскрываться внутреннее слово. Это-то состояніе, собственно, называется состояніемъ благодати. Это состояніе служитъ исходомъ ученія Христа, и лишь это состояніе Онъ пришелъ возвѣстить и уготовить намъ. Все то, что предшествуетъ этому состоянію (что я называю азбукою), составляетъ область Іоанна Предтечи, который уготовляетъ путь, но не есть путь. Это же состояніе называется «мистическимъ богословіемъ». Это не книжное ученіе. Наставникъ въ немъ самъ Богъ, и Онъ сообщилъ Свое ученіе душѣ непосредственно, безъ словъ, и способомъ, который невозможно объяснить словами. Сообразно этимъ путямъ, по-моему, три вида молитвы: «словесная», «умная» и «созерцательная». Восточные отцы послѣднее состояніе называли «безмолвіемъ», а западные: «suspension des facultés de l'âme».

Егоръ Егорычъ, прослушавшій съ глубочайшимъ вниманіемъ Сперанскаго, видимо, подавленъ былъ возвышенностью взгляда Михаила Михайлыча, но тѣмъ не менѣе воскликнулъ:

— Что вы говорите, то превосходно, но этого не поняли ни многоумницы лютеране, ни католики, ни даже мы, за исключеніемъ только аскетовъ, аскетовъ нашихъ.

— И того довольно, а къ этому еще прибавьте себя, — сказалъ съ улыбкой Михаилъ Михайлычъ: — меня тоже, хоть и скуднаго, можетъ-быть, разумомъ по этому предмету...

— Вы-то пуще скудны разумомъ! — снова воскликнулъ Егоръ Егорычъ. — А знаете ли, какой въ обществѣ ходитъ старый о васъ анекдотъ, что когда вы побывали у Аракчеева, такъ онъ, когда вы ушли, сказалъ: «О, если бы къ уму этого человѣка прибавить мою волю, такой человѣкъ много бы сдѣлалъ».

Михаилъ Михайлычъ усмѣхнулся и не безъ ядовитости замѣтилъ:

— Это очень возможно. Аракчеевъ любилъ приписывать то, что онъ изъ заурядныхъ генераловъ такъ возвысился, твердому характеру своему, а не внѣшнимъ, въ пользу его сложившимся, обстоятельствамъ.

Затѣмъ Михаилъ Михайлычъ взглянулъ уже на часы.

— Вамъ пора ѣхать? — спросилъ его торопливо Егоръ Егорычъ.

— Да, въ одну изъ моихъ комиссій, гдѣ я даже предсѣдательствую, — отвѣчалъ Михаилъ Михайлычъ, поправляя свое жабо и застегивая фракъ.

— Поѣзжайте, но вотъ что, постойте!.. Я ѣхалъ къ вамъ съ кляузой, съ ябедой... — бормоталъ Егоръ Егорычъ, вспомнивъ наконецъ о сенаторской ревизіи. — Нашу губернію ревизуютъ,—вы тогда, помните, помогли мнѣ устроить это, — и ревизующій сенаторъ — графъ Эдлерсъ его фамилія — влюбился или, — тамъ я не знаю, — сблизился съ племянницей губернатора и все покрываетъ... Я привезъ вамъ докладную записку объ этомъ тамошняго губернскаго предводителя.

Егоръ Егорычъ, вынувъ изъ кармана записку Крапчика, сунулъ ее въ руку Сперанскому.

— Но что жъ мнѣ дѣлать съ этой запиской? — я недоумѣваю, — произнесъ тотъ размышляющимъ тономъ и въ то же время кладя себѣ записку на столъ.

— Дашкову передайте, Дашкову, и скажите, что вотъ какого рода слухи идутъ изъ губерніи отъ самыхъ достовѣрныхъ людей!

— Я всего лучше передамъ Дашкову, что это я отъ васъ слышалъ, — сказалъ Михаилъ Михайлычъ: — онъ васъ, конечно, знаетъ?

— Немножко!.. Передайте, что и отъ меня слышали, если только это будетъ имѣть значеніе!

Навосклицавшись и набормотавшись такимъ образомъ у Сперанскаго, Егоръ Егорычъ отъ него поѣхалъ къ князю Александру Николаевичу, швейцаръ котораго хорошо, видно, его зналъ.

— Принимаетъ? — пробормоталъ Егоръ Егорычъ.

— Васъ-то?.. Господи! — произнесъ какъ бы съ удивленіемъ швейцаръ: — только теперь у нихъ дочь Василія Михайлыча Попова, но это ничего, пожалуйте!

Егоръ Егорычъ сталъ, по обыкновенію, проворно взбираться на лѣстницу.

— А Антипъ Ильичъ съ вами? — крикнулъ ему вслѣдъ швейцаръ.

— Со мной! Придетъ къ тебѣ въ гости! — прокричалъ ему Егоръ Егорычъ.

— Пожалуйста, чтобы непремѣнно пришелъ! — упрашивалъ швейцаръ, который тоже, кажется, былъ партикулярнымъ членомъ одной масонской ложи.

Князь на этотъ разъ былъ не въ кабинетѣ, а въ своей богато убранной гостиной, и тутъ же съ нимъ сидѣла не первой молодости, должно-быть, дѣвица, съ лицомъ осмысленнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно печальнымъ. Одѣта она была почти въ траурѣ. Услыхавъ легкое постукиванье небольшихъ каблучковъ Егора Егорыча, князь приподнялъ свой зонтикъ.

— Пріѣхали? Ну, подойдите, облобызаемтесь! — проговорилъ онъ.

Егоръ Егорычъ подошелъ, и они облобызались — по-масонски, разумѣется. Дѣвица между тѣмъ, смущенная появленіемъ новаго лица, поспѣшила встать.

— Мнѣ, ваше сіятельство, позвольте еще разъ побывать у васъ, — сказала она.

— Непремѣнно, непремѣнно!..—повторилъ князь.—И послѣзавтра же пріѣзжайте, а я до тѣхъ поръ поразузнаю и соображу.

Дѣвушка послѣ того сдѣлала прощальный книксенъ князю и пошла, колеблясь своимъ тонкимъ станомъ. Видимо, что какое-то разразившееся надъ нею горе подсѣкло ее въ корень.

По уходѣ ея, князь нѣсколько мгновеній не начиналъ разговора, какъ будто бы ему тяжело было передать то, что случилось.

— Это дочь Василія Михайлыча Попова, — сказалъ онъ наконецъ.

— Мнѣ говорилъ это вашъ швейцаръ, — подхватилъ Егоръ Егорычъ.

— И она мнѣ принесла невѣроятное извѣстіе, — продолжалъ князь, разводя руками: — хотя правда, что Сергѣй Степанычъ мнѣ еще раньше передавалъ городской слухъ, что у Василія Михайлыча идутъ большія неудовольствія съ его младшей дочерью, и что она даже жаловалась на него; но сегодня вотъ эта старшая его дочь, которую онъ очень любитъ,

съ воплемъ и плачемъ объявила мнѣ, что отецъ ея усланъ въ монастырь близъ Казани, а Екатерина Филипповна — въ Кашинъ, въ монастырь; также сосланъ и нѣкто Пилецкій, котораго, кажется, вы немножко знаете.

— Знаю, — отвѣчалъ Егоръ Егорычъ.

— И что все это, — продолжалъ князь: — случилось по доносу ихъ регента Ѳедорова.

Егоръ Егорычъ былъ совершенно афрапированъ тѣмъ, что слышалъ.

— Но что же они дѣлали преступнаго? — спросилъ онъ.

— Вѣроятно, то же, что и прежде: молились по-своему... Я сначала подумалъ, что это продѣлки того же Фотія съ дѣвой Анною, но Сергѣй Степанычъ сказалъ мнѣ, что ей теперь не до того, потому что Фотій умираетъ.

Егоръ Егорычъ сильно задумался.

— Я совершенно незнакомъ съ m-me Татариновой и весьма мало знаю людей ея круга; кромѣ того, что я тутъ? Послѣдняя спица въ колесницѣ!.. Но вамъ, князь, слѣдуетъ пособить имъ!.. — проговорилъ, постукивая ножкой и съ обычной ему откровенностью, Егоръ Егорычъ.

Князь этими словами замѣтно былъ приведенъ въ смущеніе.

— А какъ я тутъ пособлю? — сказалъ онъ. — Мнѣ доктора, по болѣзни моихъ глазъ, шагу не позволяютъ сдѣлать изъ дому... Конечно, государь такъ былъ милостивъ ко мнѣ, что два раза изволилъ посѣтить меня, но теперь онъ въ отсутствіи.

— Тогда напишите государю письмо, — рубнулъ Егоръ Егорычъ.

Князь сразу же мотнулъ отрицательно головою и произнесъ нѣсколько сухимъ тономъ:

— Этого нельзя!.. На словахъ я могъ бы сказать многое государю, какъ мое предположеніе, какъ мое мнѣніе; но написать — другое дѣло, — это ужъ, какъ говорится, лѣзть въ чужой огородъ.

— Это не чужой вамъ огородъ, не чужой!.. — не унимался въ своей откровенности Егоръ Егорычъ.

— Да; онъ былъ когда-то и мой... — проговорилъ тѣмъ же суховатымъ тономъ князь: — но я всѣхъ этихъ господъ давнымъ-давно потерялъ изъ виду, и что они теперь дѣлали — развѣ я знаю?

— Ничего они не могли дѣлать, ничего! — пѣтушился Егоръ Егорычъ.

— Можетъ-быть, и ничего!—не отвергнулъ князь, но тутъ же и, кажется, не безъ умысла свелъ разговоръ на Крапчика, о которомъ отозвался не весьма лестно.

— Я этому господину, по вашему письму, ничего не выразилъ опредѣленнаго, parce qu'il m'a paru être stupide.

— Да, онъ солдатъ и солдатъ павловскій еще, но онъ человѣкъ честный! — опредѣлилъ Егоръ Егорычъ своего друга.

Князь однако врядъ ли мысленно согласился съ нимъ.

VII.

Сусанна принялась аккуратно исполнять просьбу Егора Егорыча и черезъ недѣлю же послѣ его пріѣзда въ Петербургъ она написала ему, что у нихъ въ Москвѣ все идетъ попрежнему: Людмила продолжаетъ болѣть, мамаша страдаетъ и плачетъ, «а я, — прибавляла она и о себѣ:—въ томъ только нахожу успокоеніе и утѣшеніе, что молюсь, и одно меня смущаетъ: прежде я всегда ходила за обѣдни, за всенощныя; но теперь мнѣ гораздо отраднѣе молиться, когда въ церкви никого нѣтъ. Что это такое и не грѣшно ли это, — понять не могу! На-дняхъ я ходила съ вашей старушкой-горничной въ Кремль и была тамъ во всѣхъ церквахъ. Службы въ это время нигдѣ не было, и я такъ усердно молилась, что даже перезабыла всѣ молитвы и только повторяла: «Господи, помилуй! Господи, помилуй!». Въ Архангельскомъ соборѣ я больше всего молилась. Тамъ все гробницы царей, и тутъ какой-то господинъ разсказывалъ двумъ дамамъ объ этихъ гробницахъ. Мнѣ очень хотѣлось подойти послушать, но я не посмѣла, и мнѣ ужъ наша Маруша разсказала, что когда въ соборѣ похоронили царя Ивана Грознаго, который убилъ своего сына, такъ Николай Угодникъ на висѣвшемъ тутъ образѣ отвернулъ глаза отъ гробницы; видала я и гробницу младенца Дмитрія, котораго убили по приказанію царя Бориса. Господи, думала я, если намъ жить такъ трудно, то каково же жить царямъ? Мы заботимся и думаемъ только о родныхъ нашихъ, о себѣ, а они — обо всѣхъ насъ. Недаромъ мнѣ мамаша разсказывала, что когда она жалѣла покойнаго отца, очень устававшаго на службѣ, такъ онъ сердился на нее и говорилъ, что цари побольше нашего работаютъ, да не жалуются!»

Егора Егорыча несказанно поразило это письмо. Что Сусанна умна, онъ это предугадывалъ: но она всегда была такъ сосредоточена и застѣнчива, а тутъ оказалась столь откровенной и искренней, и главнымъ образомъ его удивилъ смыслъ письма: Сусанна до того домолилась, что могла только повторять: «Господи, помилуй!». —«Теперь я понимаю, почему она напоминаетъ мадонну», — сказалъ онъ самъ себѣ и, не

откладывая времени, сѣлъ за письмо къ Сусаннѣ, которое вылилось у него экспромтомъ и было такого содержанія:

«Глубоко болѣю за Людмилу, а также и за вашу мать, но за васъ сердечно радуюсь: вы, по данной вамъ, конечно, отъ природы благодати, состоите въ соприсутствіи Бога. Самъ я слишкомъ скудельный и надломленный сосудъ, чтобы говорить отъ себя, и взамѣнъ того спѣшу вамъ передать то, что на-дняхъ мнѣ читалъ одинъ изъ высочайшихъ духовныхъ мыслителей о молитвѣ. Заучите его изреченія наизусть; при дальнѣйшемъ ходѣ вашего духовнаго роста вы поймете всю глубину ихъ внутренняго смысла. Молитва бываетъ, говоритъ онъ, *словесная*, когда вы, сочувствуя, повторяете молитвы святыхъ отцовъ. Она бываетъ *умная*, когда вы сами сочиняете молитву. Вы тогда находитесь въ экстазѣ молитвенной импровизаціи, и отъ избытка сердца вашего уста глаголютъ. Но есть еще высшая степень молитвы, въ которой нѣтъ ни чужихъ словъ ни своихъ, а есть токмо упорное повтореніе: «Господи, помилуй! Господи, помилуй!». Молитва эта называется «созерцательною», и она уже была въ душѣ вашей и на вашихъ устахъ. Виватъ вамъ, кроткая голубица! Пишите мнѣ чаще и чаще; пишите все, что вы думаете: можетъ-быть, я вамъ пригожусь немного.

«Маронъ (Firma rupes)».

Не прошло и двухъ недѣль, какъ Егоръ Егорычъ получилъ новое письмо отъ Сусанны, въ которомъ она опять увѣдомляла его, что у нихъ все идетъ попрежнему, но что съ ней происходитъ что-то не прежнее. «Я не больна, не страдаю особенно,—объясняла она:—но чувствую какое-то томленіе и тоску. Мнѣ начинаетъ казаться, что въ этомъ мірѣ не стоитъ ни о чемъ заботиться и надобно думать только о смерти и что будетъ тамъ за гробомъ. На-дняхъ у насъ былъ Звѣревъ, вошелъ почти насильно; мамаша не вышла къ нему, и я ужъ его приняла. Онъ меня убѣдительно звалъ пойти съ нимъ въ церковь на Мясницкую; мнѣ бы самой хотѣлось, но не знаю, какъ мамашѣ это покажется; и онъ мнѣ говорилъ, что въ Москвѣ все теперь толкуютъ о скоромъ пришествіи антихриста и о страшномъ судѣ. Ахъ, какъ, должно-быть, это будетъ страшно и непонятно!.. Солнце померкнетъ, луна затмится, звѣзды спадутъ съ небесъ, и Христосъ явится на облакахъ съ тьмою ангеловъ и повелитъ имъ собрать гласомъ трубнымъ избранныхъ отъ всѣхъ концовъ... Господи, мы увидимъ Христа! Но нѣтъ, голубчикъ Егоръ Егорычъ, скажите, такъ ли это будетъ, и научите меня, что мнѣ читать и какія книги: я такая глупенькая, что ничего не знаю».

Посланіе это привело Егора Егорычъ еще въ большій экстазъ, такъ что, захвативъ оба письма Сусанны, онъ поѣхалъ къ Михаилу Михайловичу Сперанскому, которому объявилъ съ первыхъ же словъ, что привезъ ему для прочтенія два письма одной юной дѣвицы, съ тѣмъ, чтобы спросить у него мнѣнія, какъ слѣдуетъ руководить сію ищущую наставленій особу.

Михаилъ Михайлычъ внимательно прочелъ оба письма.

— Въ чемъ же тутъ для васъ вопросъ?—проговорилъ онъ:— предоставьте этой дѣвицѣ—весьма, какъ мнѣ кажется, нервно-духовной субстанціи — итти нашимъ обычнымъ религіознымъ путемъ.

— Какимъ?—спросилъ Егоръ Егорычъ не безъ ядовитости.

— Пусть она молится, одна ли въ храмахъ, или при служеніи церковномъ, — это все равно, и пусть выберетъ себѣ духовника хорошаго.

— Но гдѣ они?—уже озлобленно вопросилъ Егоръ Егорычъ.

— Найдутся,—повѣрьте, ихъ много, но наше несчастіе — ихъ знать нынѣ не хотятъ! — отвѣчалъ, усмѣхнувшись, Михаилъ Михайлычъ.

— Но она спрашиваетъ меня, что ей читать: этотъ вопросъ очень щекотливый.

— Нисколько!.. По-моему, ей слѣдуетъ читать житія святыхъ женщинъ... и, пожалуй, пусть прочтетъ мой переводъ Ѳомы Кемпійскаго: «О подражаніи Христу»...

Егоръ Егорычъ подумалъ нѣсколько мгновеній.

— Это такъ, да! — сказалъ онъ и, почему-то вспомнивъ при этомъ о Татариновой, присовокупилъ:

— Госпожу Татаринову вмѣстѣ съ ея друзьями, говорятъ, сослали?

— Говорятъ!—отвѣчалъ довольно равнодушно Михаилъ Михайлычъ.

— А за что, за что именно?—допрашивалъ Егоръ Егорычъ.

— Подробностей я не знаю, но, какъ разсказываютъ, они продолжали свои собранія и скаканія, имѣли что-то въ родѣ церкви у себя.

— Князь Александръ Николаичъ очень огорченъ этимъ слухомъ!—замѣтилъ Егоръ Егорычъ.

При имени князя на губахъ Михаила Михайлыча появилась какъ будто бы не совсѣмъ уважительная улыбка.

Егоръ Егорычъ больше ужъ объ этомъ не разговаривалъ и уѣхалъ на этотъ разъ недовольный Михаиломъ Михайлычемъ.

«Попъ, попъ!.. — бормоталъ онъ, возвращаясь домой: — на-

печаталъ въ законахъ, что у насъ православіе, и довольно!»

Слѣдующее затѣмъ утро Егоръ Егорычъ употребилъ на то, чтобы купить для Сусанны книгъ, изготовить ей письмо и самолично отправить все это на почту. Написалъ онъ ей довольно коротко:

«Имѣю удовольствіе препроводить вамъ при семъ житія святыхъ и книгу Ѳомы Кемпійскаго «О подражаніи Христу». Читайте все сіе со вниманіемъ: тутъ вы найдете вѣхи, поставленныя намъ на пути къ будущей жизни, о которой вы теперь болѣете вашей юной душой. Еще посылаю вамъ книгу, на русскомъ языкѣ, Сенъ-Мартена «объ истинѣ и заблужденіяхъ». Переводъ очень вѣрный. Если что̀ будетъ затруднять васъ въ пониманіи, спрашивайте меня. Можетъ-быть, при моей душевной готовности помогать вамъ, я и сумѣю растолковать».

Егоръ Егорычъ чрезвычайно желалъ поскорѣе узнать, какое впечатлѣніе произведутъ на Сусанну посланныя къ ней книги, но она что-то медлила отвѣтомъ. Зато Петръ Григорьичъ получилъ отъ дочери письмо, которое его обрадовало очень и вмѣстѣ съ тѣмъ испугало. Впрочемъ, скрывъ послѣднее чувство, онъ вошелъ къ Егору Егорычу въ номеръ съ гордымъ видомъ и, усѣвшись, проговорилъ:

— Записка моя, которую вы передали Михаилу Михайлычу Сперанскому, вѣроятно, сильно подѣйствовала.

— Изъ чего вы это заключаете?—отозвался Егоръ Егорычъ.

— Заключаю по письму дочери, которая мнѣ пишетъ, что господина Звѣздкина отозвали въ Петербургъ, и что онъ не возвратится болѣе къ намъ, такъ какъ графъ Эдлерсъ прямо при всѣхъ изъявлялъ радость, что его освободили отъ этого взяточника.

— Скажите, какая откровенность! — произнесъ, усмѣхнувшись, Егоръ Егорычъ.—А съ губернаторомъ онъ что̀ же?

— Съ губернаторомъ, — продолжалъ Петръ Григорьичъ: — графъ больше не видится, напротивъ того, онъ недавно заѣзжалъ къ дочери моей, непремѣнно потребовалъ, чтобы она его приняла, былъ съ нею очень любезенъ, разспрашивалъ объ васъ и обо мнѣ и сказалъ, что онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ вашего возвращенія, потому что мы можемъ быть полезны ему совѣтами. Изъ всего этого ясно видно, что нахлобучка его сіятельству изъ Петербурга была сильная.

— Ну, и чортъ его возьми! — произнесъ Егоръ Егорычъ, видимо, желавшій поскорѣе окончить разговоръ о ревизіи.— А какія другія еще есть тамъ новости?—присовокупилъ онъ.

— Да новость тоже, вѣроятно, для васъ интересная: въ нашемъ городѣ опять появился вашъ племянникъ, посѣтилъ Катринъ и объяснилъ ей, что онъ овдовѣлъ!

— Какъ овдовѣлъ, и почему же онъ мнѣ не написалъ объ этомъ?

— Ничего не знаю-съ, — отвѣчалъ на это сухо Петръ Григорьичъ.

— Онъ помѣшался, значитъ... Съ ума сошелъ!.. То тутъ, то тамъ, то сямъ, какъ молнія, блеститъ! — горячился Егоръ Егорычъ.

— Нѣтъ-съ, онъ не помѣшанный, а развратникъ великій!— возразилъ Крапчикъ, не могшій болѣе сдерживать своей досады на Ченцова, появленіе котораго на родинѣ было для Петра Григорьича хуже ножа остраго, такъ что въ первыя минуты послѣ прочтенія письма дочери ему пришло-было въ голову бросить все въ Петербургѣ и скакать къ себѣ, чтобы спасать Катринъ отъ этого негодяя.

— Когда же однако, — продолжалъ онъ: — мы съ вами явимся на помощь къ его сіятельству?

— Что намъ ему помогать?.. Пусть дѣйствуетъ самъ, если поопомнился!—произнесъ рѣзко Егоръ Егорычъ.

— Такъ, стало-быть, вы и не поѣдете совсѣмъ въ губернію и не возвратитесь туда? — допрашивалъ его Петръ Григорьичъ.

Егоръ Егорычъ вышелъ наконецъ изъ себя.

— Что вамъ за дѣло до меня? — закричалъ-было онъ: но въ это время Антипъ Ильичъ, почтительно предшествуя, ввелъ въ номеръ къ барину высокаго старика въ бѣломъ жабо и съ двумя звѣздами, при одномъ видѣ котораго Крапчикъ догадался, что это, должно-быть, какой-нибудь сановникъ, а потому мгновенно же исполнился уваженія и нѣкотораго страха; но Егоръ Егорычъ сказалъ прибывшему гостю довольно фамильярно:

— А, здравствуйте!

И затѣмъ представилъ ему Петра Григорьича, а сему послѣднему пробормоталъ:

— Михаилъ Михайлычъ Сперанскій.

Петръ Григорьичъ исполнился еще большаго уваженія.

— Я ужъ заѣхалъ провѣдать васъ: вы меня совсѣмъ забыли,—глазъ не кажете!—сказалъ Михаилъ Михайлычъ Егору Егорычу.

— А я этой дѣвицѣ послалъ книги, которыя вы рекомендовали,—отвѣтилъ тотъ ему свое.

— Что жъ, это хорошо, — одобрилъ Михаилъ Михайлычъ,

и затѣмъ перемѣнилъ разговоръ. — Я вчера, между прочимъ, видѣлся съ Дашковымъ, который вамъ, Егоръ Егорычъ, очень благодаренъ за доставленную записку. Она оказалась весьма правдивою.

— Авторъ записки передъ вами, господинъ Крапчикъ! — объяснилъ Егоръ Егорычъ, показывая на Петра Григорьича, который съ трепетною радостью въ сердцѣ всталъ и поклонился Михаилу Михайлычу.

— Очень радъ познакомиться! Если я не ошибаюсь, вы губернскій предводитель ревизуемой губерніи?

— Точно такъ, ваше высокопревосходительство! — отвѣчалъ тотъ.

Михаилъ Михайлычъ тогда протянулъ Крапчику руку, которую Петръ Григорьичъ съ чувствомъ пожалъ; въ сущности онъ готовъ былъ поцѣловать эту руку.

— Ваше высокопревосходительство,—сказалъ онъ затѣмъ:— послѣ Звѣздкина слѣдовало бы ограничить и губернатора, вліяніе котораго до сихъ поръ дѣйствуетъ на губернію пагубно.

— Его, вѣроятно, скоро причислятъ къ министерству, по крайней мѣрѣ, такъ думаетъ Дашковъ, — отвѣчалъ Михаилъ Михайлычъ.

Егору Егорычу между тѣмъ было до тошноты скучно слушать этотъ дѣловой разговоръ.

— Все устроится!.. Что тутъ безпокоиться объ этомъ? — произнесъ онъ, не вытерпѣвъ, и потомъ обратился къ Михаилу Михайлычу: — я, какъ только получу письмо отъ этой дѣвицы, привезу вамъ прочесть его.

— Привезите, прочту съ удовольствіемъ, — проговорилъ тотъ, ужъ улыбнувшись; будучи самъ не чуждъ нѣжности къ прекрасному полу, Михаилъ Михайлычъ немножко ужъ тутъ и заподозрѣлъ Егора Егорыча и, какъ бы желая его повывѣдать, онъ присовокупилъ:

— Я встрѣчалъ много женщинъ, религіозныхъ по натурѣ, и которыя, сколько я теперь припоминаю, только и находили успокоеніе своимъ стремленіямъ въ монастыряхъ.

— Именно, ваше высокопревосходительство, въ монастыряхъ! — воскликнулъ при этомъ Крапчикъ, чуть ли не подумавшій при этомъ, что какъ бы хорошо, напримѣръ, было посадить его дочь въ монастырь для преподанія ей уроковъ покорности и нравственности.

Послѣднее разсужденіе Михаила Михайлыча Егоръ Егорычъ прослушалъ нахмурившись: не монахиню, не черноризную низкопоклонницу и притворщицу желалъ бы онъ ви-

дѣть въ Сусаннѣ, а масонку, умѣющую практиковать «умное дѣланіе».

Сперанскій наконецъ уѣхалъ, обязавъ Егора Егорыча непремѣнно удѣлить ему цѣлый вечеръ.

— Пріѣду, пріѣду,—бормоталъ тотъ.

Михаилъ Михайлычъ поклонился и Крапчику довольно благосклонно, но въ гости его къ себѣ не позвалъ. Уѣхалъ онъ, опять-таки почтительно провожаемый Антипомъ Ильичомъ до самаго экипажа. Старый камердинеръ, чуждый всякой личной суетности, всегда однако былъ доволенъ, когда его господина посѣщали именитыя особы, понимая такъ, что въ этомъ случаѣ *достойные достойному честь воздавали.*

Оставшись съ Егоромъ Егорычемъ вдвоемъ, Крапчикъ воскликнулъ:

— Вотъ Михаилъ Михайлычъ такъ сейчасъ видно, что человѣкъ государственный, умнѣйшій и геніальный! Это, извините вы меня, не то, что вашъ князь.

— Вы какъ узнали умъ князя?.. Въ двадцать минутъ успѣли это извѣдать?..—оборвалъ его Егоръ Егорычъ.

— Конечно, что вполнѣ я узнать не могъ,—уступилъ Петръ Григорьичъ и потомъ, будто бы къ слову, присовокупилъ заискивающимъ голосомъ:

— А что, Егоръ Егорычъ, я давно хотѣлъ васъ попросить объ одной вещи: не можете ли вы замолвить за меня словцо Михаилу Михайлычу и министру внутреннихъ дѣлъ,—который, конечно, такъ же васъ уважаетъ, какъ и весь Петербургъ,—чтобы, когда участь нашего губернатора будетъ окончательно рѣшена, то на мѣсто его назначить меня?

— Васъ?—крикнулъ Егоръ Егорычъ, какъ будто бы кто его кольнулъ чѣмъ-то.—Но зачѣмъ?.. Зачѣмъ?.

Такой вопросъ немножко смутилъ Крапчика.

— Затѣмъ, что я буду полезенъ губерніи болѣе, чѣмъ всякій другой губернаторъ,—проговорилъ онъ.

— Но вамъ нельзя дать этого мѣста!.. Вамъ стыдно просить этого мѣста!.. Вы изобличали губернатора... (заявленіемъ своего послѣдняго желанія Петръ Григорьичъ мгновенно сдѣлался понятенъ Егору Егорычу въ своихъ происках противъ губернатора). Вы, значитъ, хлопотали не для губерніи, а для себя... Вы себѣ расчищали дорожку!..

Петръ Григорьичъ сдѣлалъ видъ, что онъ обидѣлся.

— Нѣтъ, я не расчищалъ въ этомъ случаѣ дорожки для себя, потому что готовъ быть губернаторомъ и въ другой губерніи.

— Какой вы губернаторъ!.. Не годитесь вы на это!—кричалъ Егоръ Егорычъ.

Слова эти просто показались Петру Григорьичу глупыми.

— Вы ошибаетесь,—произнесъ онъ съ достоинствомъ:—я буду благонамѣренный губернаторъ, ибо я не верхоглядъ, а человѣкъ практическій.

— Тогда лучше проситесь въ полицеймейстеры, въ квартальные!..—язвилъ его Егоръ Егорычъ.

— Богъ знаетъ, что вы такое говорите!—думалъ-было урезонить Маронна Петръ Григорьичъ.—Квартальный и губернаторъ, я думаю, разница; вы вспомните, что губернаторомъ былъ Сергѣй Степанычъ.

— И тотъ глупо это дѣлалъ, и тотъ!..—не унимался Егоръ Егорычъ.

— Но зачѣмъ же вы сами служили и полковникъ русской службы?..—замѣтилъ Крапчикъ.

— Я шелъ на брань за отечество въ двѣнадцатомъ году... Я изъ посольскихъ секретарей поступилъ солдатомъ въ дѣйствующую армію, а вы, на старости лѣтъ, изъ какихъ нравственныхъ побужденій ищете губернаторства?

— Скажу вамъ откровенно,—можетъ-быть, это и грѣхъ,—но я честолюбивъ... Послужа честно и полезно губернаторомъ. я могъ бы надѣяться быть сенаторомъ.

— Въ Москвѣ, что ли?—спросилъ насмѣшливо Егоръ Егорычъ.

— Въ Москву я больше бы желалъ быть назначеннымъ, такъ такъ это ближе къ имѣніямъ моимъ.

— Ну такъ видите-съ!—крикнулъ, взмахнувъ пальцемъ, Егоръ Егорычъ.—Когда московскому шуту Ивану Савельичу кто-то сказалъ изъ его покровителей: «съѣзди въ Петербургъ, ты тамъ много денегъ насбираешь», такъ онъ отвѣчалъ: «боюсь, батенька,—въ Москву сенаторомъ пришлютъ!»

— Ну, Егоръ Егорычъ!—отозвался Петръ Григорьичъ, уже вставая, съ гордостью, что всегда онъ дѣлалъ, когда у него что-нибудь не выгорало.—Вы, я вижу, желаете только оскорблять меня, а потому я больше не утруждаю васъ ни этой моей просьбой и никакой другой во всю жизнь мою не буду утруждать.

Проговоривъ это, Петръ Григорьичъ ушелъ.

Егоръ Егорычъ, не спавшій послѣ того всю ночь, только къ утру почувствовалъ, какъ онъ много оскорбилъ Крапчика, и потому пошелъ-было къ нему въ номеръ, чтобы попросить у него извиненія; но ему сказали, что господинъ Крапчикъ еще въ ночь уѣхалъ совсѣмъ изъ Петербурга. Егоръ Егорычъ, возвратясь къ себѣ, сильно задумался.

«Да какъ же было мнѣ не разсердиться на Крапчика?—

принялся онъ оправдывать себя:—онъ явился тутъ пролазомъ, какимъ-то мелкимъ чиновничьимъ честолюбцемъ... А я самъ-то развѣ лучше его?.. Я хуже его: я злецъ, я нетерпяшка!.. Гдѣ жъ мое духовное самовоспитаніе?.. Его нѣтъ ни на грошъ во мнѣ!..»

И, чтобы облегчить свою совѣсть, Егоръ Егорычъ накаталъ письмо къ Крапчику:

«Простите великодушно, я противъ васъ вчера былъ неправъ, а можетъ-быть, и правъ,—разсудите сами и не питайте гнѣва ко мнѣ, ибо я васъ люблю попрежнему».

Вечеромъ того же дня Егоръ Егорычъ поѣхалъ къ Сперанскому, гдѣ у него дѣло обошлось тоже не безъ спора, и на одно замѣчаніе, которое сдѣлалъ Михаилъ Михайлычъ по поводу высылки Татариновой, о чемъ тогда только и толковало все высшее общество Петербурга, Егоръ Егорычъ воскликнулъ:

— Я державства не трогаю, я благоговѣю передъ нимъ!

— И вы справедливы!—отвѣчалъ ему на это Михаилъ Михайлычъ:—вы вдумайтесь хорошенько, не есть ли державство то же священство, и не слѣдуетъ ли считать это установленіе божественнымъ? Державецъ не человѣкъ, не лицо, а это—возможный порядокъ, высшій разумъ, пзрекатель будущихъ судебъ народа!

— Я ничего противъ этого не говорю и всегда считалъ за благо для народовъ миропомазанную власть, тѣмъ болѣе нынѣ, когда вся Европа и здѣсь всѣ мятутся и чаютъ скораго пришествія антихриста!.. Что это такое и откуда? Какъ по-вашему?..—вопросилъ Егоръ Егорычъ со строгостью.

— По-моему, страхъ этотъ, хоть и всеобщій, но по меньшей мѣрѣ рановременный,—отвѣчалъ ему спокойно Михаилъ Михайлычъ:—ибо, какъ я всегда думалъ, явленію «мужа беззаконія» будетъ предшествовать въ продолженіе довольно значительнаго теченія времени величайшее изліяніе духа благодати... Мы не можемъ опредѣлить ни времени ни способа этого изліянія, хоть касательно послѣдняго намъ не лишнее собирать предвѣщанія, соображать малѣйшіе признаки. Все это, конечно, можетъ насъ обмануть, но все-таки пусть лучше свѣтильники наши заранѣе будутъ зажжены, чтобы итти навстрѣчу жениху... Державство этому, повѣрьте, нисколько не помѣха, ибо я не знаю ни одного государственнаго учрежденія, которое не могло бы быть сведено къ духу евангелія; мудрые государственные строители: Хименесы, святые Бернарды, святые Людовики, Альфреды, развѣ не черпали обильно изъ этого источника?

Егоръ Егорычъ съ одной стороны убѣждался возвышен-

ностью и доказательностью доводовъ Михаила Михайлыча, а съ другой—въ немъ, въ глубинѣ его сознанія, шевелилось нѣчто и противъ.

«Попъ, попъ!..»—мыслилъ онъ и на этотъ разъ, ѣдучи домой.

Вскорѣ послѣ этого визита, Егоръ Егорычъ провелъ цѣлый вечеръ у Сергѣя Степаныча, который тоже ему очень обрадовался. Начавшійся между ними разговоръ былъ исключительно посвященъ воспоминаніямъ о масонствѣ.

— Скажите, живъ ли и здравствуетъ ли Василій Дмитричъ Кавининъ?

— Живъ, но хвораетъ сильно.

— А не извѣстно ли вамъ: сердится онъ на меня еще до сихъ поръ?

— Не сердится, но, кажется, огорченъ до сей поры!.. Онъ, впрочемъ, никогда мнѣ не говорилъ въ подробностяхъ обо всей этой исторіи.

— Исторія весьма обыкновенная, случавшаяся почти во всѣхъ ложахъ,—началъ разсказывать Сергѣй Степанычъ обычнымъ ему, нѣсколько гордымъ тономъ.—Я былъ тогда ужъ предсѣдателемъ ложи ищущихъ манны... Василій Дмитричъ, бывшій въ то время секретаремъ въ теоретической степени нашей ложи, оказался вдругъ предсѣдателемъ одной изъ самыхъ отдаленныхъ съ нами ложъ. Онъ, бывъ спрошенъ объ этомъ, отвѣчалъ письменно, что ему на то было дано разрѣшеніе отъ Іосифа Алексѣича Поздѣева, а потомъ и отъ Ѳедора Петровича Ключарева. Когда это объясненіе было прочитано въ засѣданіи, я, какъ предсѣдатель и какъ человѣкъ весьма близко стоявшій къ Іосифу Алексѣичу и къ Ѳедору Петровичу, счелъ себя обязаннымъ заявить, что отъ Іосифа Алексѣича не могло послѣдовать разрѣшенія, такъ какъ онъ, удручаемый тяжкой болѣзнью, года за четыре передъ тѣмъ передалъ всѣ дѣла по ложѣ Ѳедору Петровичу, отъ котораго Василій Дмитричъ, вѣроятно, скрылъ свои занятія въ другой ложѣ, потому что, какъ вы сами знаете, у насъ строго воспрещалось быть гросмейстеромъ въ отдаленныхъ ложахъ.

— Василій Дмитричъ былъ на этомъ собраніи?—спросилъ Егоръ Егорычъ.

— Нѣтъ, онъ не былъ; но, вѣроятно, услыхавъ отъ кого-нибудь мой отзывъ, прислалъ въ ложу ядовитаго свойства пасквиль на меня, а потомъ ужъ я съ нимъ не встрѣчался ни въ ложѣ нашей ни въ обществѣ.

— Если вы хотите, я ему передамъ, что вы желаете помириться съ нимъ; онъ, вѣроятно, сознаётъ себя виновнымъ и покается.

— Э, нѣтъ, зачѣмъ?.. Развѣ онъ одинъ виновенъ былъ въ томъ? Вы вспомните, что̀ стало происходить передъ двадцать восьмымъ годомъ: за ищущихъ поручались безъ всякой осторожности, не испытавъ ихъ нисколько...

— Ну, Сергѣй Степанычъ, не говорите объ этомъ!..—воскликнулъ Егоръ Егорычъ:—я самъ ввелъ племянника неосмотрительно!.. Не съ умысломъ же я это дѣлалъ и не изъ пренебреженія къ ложѣ!

— Объ умыслѣ я не говорю, а о небрежности поручителей; кромѣ того,—продолжалъ Сергѣй Степанычъ:—пріемъ совершался самыми неправильными путями; вступавшіе питали дерзкое намѣреніе сами уловить тайну, а не получить оную за практическое исполненіе самой премудростью начертанныхъ должностей... Отъ одного руководителя они обыкновенно переходили къ другому и по большей части ходили слушать многихъ, подобно какъ студенты слушаютъ лекціи разныхъ профессоровъ... Пространствовавъ такимъ образомъ, иные оставляли совсѣмъ братства, а другіе, нахватавшись несвязныхъ отрывковъ изъ разнохарактерныхъ разговоровъ, задумывали слѣплять себѣ ложныя системы, устанавливать въ нихъ степени, собирать библіотеки по собственному вкусу...

— Правда, правда и правда!—подтвердилъ Егоръ Егорычъ.

Антипъ Ильичъ между тѣмъ, кромѣ церкви Божіей не ходившій въ Петербургѣ никуда и посѣтившій только швейцара въ домѣ князя Александра Николаевича, получилъ, когда Егоръ Егорычъ былъ у Сергѣя Степаныча, на имя барина эстафету изъ Москвы.

— Эштафетъ къ вамъ!—сказалъ онъ Егору Егорычу при возвращеніи того.

Егоръ Егорычъ, взглянувъ на адресъ, ударилъ себя по лбу: онъ уже догадался, о чемъ была эта эстафета!

VIII.

Возвратясь въ Москву, Егоръ Егорычъ нашелъ Рыжовыхъ мало сказать, что огорченными, но какими-то окаменѣлыми отъ своей потери; особенно старуха-адмиральша на себя не походила; она все время сидѣла съ опустившейся головой, безсвязно кой о чемъ спрашивала и такъ же безсвязно отвѣчала на вопросы. О горѣ своемъ Рыжовы почти не говорили, какъ не говорилъ о томъ и Егоръ Егорычъ, начавшій у нихъ бывать каждый день. Кажется, если бы кто-нибудь изъ нихъ слово упомянулъ о Людмилѣ, то всѣ бы разрыдались,—до того имъ было жаль этого бѣднаго существа. Егоръ Егорычъ, ко-

нечно, ни однимъ звукомъ не позволялъ себѣ спросить Сусанну о посланныхъ ей книгахъ и о томъ, какое впечатлѣніе она почерпнула изъ нихъ; но Сусанна, впрочемъ, сама заговорила объ этомъ.

— Я вашихъ книгъ очень мало еще успѣла прочесть!— сказала она.

— О, Богъ съ ними!.. Такое ли теперь время!

— Я прежде всего стала-было читать Сенъ-Мартена и...

— И?..—поспѣшилъ ее спросить Егоръ Егорычъ.

— И очень мало понимала его.

Егоръ Егорычъ нахмурился и потеръ себѣ лобъ.

— Это понятно!—проговорилъ онъ.—Я со временемъ буду руководить васъ нѣсколько при чтеніи.

— Пожалуйста!—протянула Сусанна.

Вмѣсто того, чтобы начать свое руководство со временемъ, Егоръ Егорычъ, по свойственной ему нетерпѣливости и торопливости, въ тотъ же день, пріѣхавъ, послѣ этого разговора съ Сусанной, домой, принялся составлять для нея экстрактъ изъ книги Сенъ-Мартена.

«Что истина существуетъ,—накидывалъ онъ своимъ крупнымъ почеркомъ:—это такъ же непреложно, какъ то, что существуете вы, я, воздухъ, земля, и вящшимъ доказательствомъ сего можетъ служить, что всякъ, стремящійся отринуть бытіе истины, прежде всего стремится на мѣсто ея поставить другую истину».

Отдѣливши чертой этотъ тезисъ, онъ продолжалъ:

«Добро для всякаго существа есть исполненіе сродственнаго ему закона, а зло есть то, что̀ оному противится; но такъ какъ первоначальный законъ есть для всѣхъ единъ, то добро, или исполненіе сего закона, должно быть и само едино и безъ изъятія истинно, хотя бы собой и обнимало безконечное число существъ».

Еще разъ отчеркнувши на этомъ мѣстѣ, Егоръ Егорычъ писалъ далѣе:

«Но откуда же начало зла проистекло?.. Не въ природѣ же Бога оно таится?.. Не самолично же оно и не равносильно добру?.. Оно, какъ я уже въ предыдущемъ параграфѣ опредѣлилъ, есть неисполненіе существами, по данной имъ свободѣ, своего прирожденнаго закона; примѣры тому: паденіе сатаны, паденіе Адама и Евы. Господь Богъ такъ благъ къ высшимъ существамъ мірозданія, что не хотѣлъ ихъ стѣснить даже добромъ. Они могутъ исполнять законы добродѣтели и не исполнять ихъ, и только съ удаленіемъ отъ добра они все больнѣе будутъ чувствовать страданія. Положенія эти

признавали всѣ великіе учители церкви, и на нихъ же утвердилъ основаніе своей книги Сенъ-Мартенъ».

На этомъ мѣстѣ снова черта и снова продолженіе:

«Если существа свободны,—можетъ-быть, скажете вы,—то они могутъ дѣлать все, что̀ пожелаютъ!.. Нѣтъ, не все!—возражаю я. Намъ дана воля, которая слагается изъ разума и чувства, и этими двумя орудіями должна ограничиваться наша свобода. Положимъ, я хочу нѣчто сдѣлать, про что мой разумъ неодобрительно мыслитъ, и я долженъ воздержаться отъ сего. Положимъ, я, обуреваемый грубыми плотскими пожеланіями моего темперамента, стремлюсь осуществить, что̀ противно мнѣ и отъ чего отвращается мое чувство,—опять слѣдуетъ воздержаться и уклониться».

Тихіе шаги вошедшаго въ комнату Антипа Ильича прервали занятія Егора Егорыча.

— Васъ желаетъ видѣть подполковница Зудченко!..—доложилъ онъ своимъ кроткимъ голосомъ.

Егоръ Егорычъ изобразилъ на лицѣ своемъ удивленіе.

— Онѣ говорятъ, что у нихъ живетъ на квартирѣ адмиральша Рыжова!—присовокупилъ Антипъ Ильичъ.

— Проси, проси!—затараторилъ Егоръ Егорычъ, видимо, испугавшійся даже этого посѣщенія.

Приглашенная Антипомъ Ильичомъ Миропа Дмитріевна вошла. Она была, по обыкновенію, кокетливо одѣта; но въ то же время выглядывала нѣсколько утомленною и измученною: освѣжающія лицо ея притиранья какъ будто бы на этотъ разъ были забыты; на вискахъ ея весьма замѣтно виднѣлось нѣсколько сѣдыхъ волосъ, которые Миропа Дмитріевна или не успѣла еще выдернуть, или ихъ такъ много вдругъ появилось, что сдѣлать это оказалось довольно труднымъ.

— Позвольте вамъ рекомендовать себя!—начала она, дѣлая почтительный и низкій реверансъ передъ Егоромъ Егорычемъ:—я хоть и вижу васъ, когда вы пріѣзжаете къ моимъ постояльцамъ, сама однако до сихъ поръ не имѣла еще удовольствія быть лично съ вами знакома.

— Ужъ не случилось ли у Рыжовыхъ опять какого-нибудь несчастья новаго?—спросилъ ее на это торопливо Егоръ Егорычъ.

— О, нѣтъ, нисколько!—успокоила его Миропа Дмитріевна:—у нихъ, слава Богу, идетъ все спокойно, какъ только можетъ быть спокойно въ ихъ положеніи; но я къ вамъ пріѣхала съ покорнѣйшей просьбой.

Егоръ Егорычъ наклонился ухомъ къ Миропѣ Дмитріевнѣ, желая тѣмъ выразить, что онъ готовъ выслушать ея просьбу.

— Меня просилъ съѣздить къ вамъ майоръ Звѣревъ, Аггей Никитичъ!—сказала Миропа Дмитріевна.

Егоръ Егорычъ опять выразилъ въ лицѣ своемъ нѣкоторое недоумѣніе.

— Вы, вѣроятно, еще знали Аггея Никитича капитаномъ!—напомнила ему Миропа Дмитріевна.

— А, это высокій карабинеръ!—сообразилъ Егоръ Егорычъ.

— Да, онъ карабинеръ и теперь ужъ майоръ!—продолжала Миропа Дмитріевна. — Онъ, бѣдный, послѣднее время былъ чрезвычайно боленъ и умоляетъ васъ посѣтить его. «Если бы, говоритъ, докторъ мнѣ позволилъ выходить, я бы, говоритъ, сію же минуту явился къ Егору Егорычу засвидѣтельствовать мое уваженіе».

— Зачѣмъ же?.. Не нужно!.. Я самъ у него буду!.. Чѣмъ онъ и отчего заболѣлъ? На видъ онъ такой могучій и крѣпкій!..

— Онъ простудился на похоронахъ у Людмилы Николаевны!.. Когда у адмиральши случилось это несчастіе, мы всѣ потеряли голову, и онъ, одинъ всѣмъ распоряжаясь, по своему необыкновенно доброму сердцу, провожалъ гробъ пѣшкомъ до могилы, а когда мы возвращались назадъ, сдѣлался громъ, дождь, градъ, такъ что Аггей Никитичъ даже выразился: «Сама природа вознегодовала за смерть Людмилы Николаевны!»

Миропа Дмитріевна разсказывала всѣ эти подробности не безъ задней мысли. О, она была дама тонкая и далеко провидящая.

— Поэтому я еще болѣе обязанъ быть у него!—воскликнулъ Егоръ Егорычъ.—Вы родственница Аггея Никитича?

При этомъ вопросѣ Миропа Дмитріевна нѣсколько сконфузилась.

— Нѣтъ, я другъ его и другъ старинный!.. Онъ былъ друженъ съ моимъ покойнымъ мужемъ, а потомъ и я наслѣдовала эту дружбу!—объяснила она весьма вѣроподобно.

— А гдѣ живетъ Аггей Никитичъ?—спросилъ Егоръ Егорычъ.

— Къ сожалѣнію, весьма далеко!.. Въ Красныхъ казармахъ!.. Аггея Никитича очень тревожитъ, что вамъ безпокойно будетъ ѣхать такую даль.

— Нисколько, нисколько!.. Буду у него сегодня же въ шесть часовъ вечера.

— И я буду у него въ то же время!—сказала съ удовольствіемъ, но не безъ маленькаго смущенія Миропа Дмитріевна.

— И прекрасно-съ, поэтому au revoir!—проговорилъ Егоръ Егорычъ.

Миропа Дмитріевна затѣмъ поднялась съ своего мѣста, сдѣлала глубокій реверансъ Егору Егорычу и удалилась.

Егоръ Егорычъ послѣ того отправился къ Рыжовымъ, которыхъ засталъ сидящими въ своей душной квартирѣ съ неотворенными даже окнами.

— Что это, какъ вы заперлись совсѣмъ!—произнесъ Егоръ Егорычъ, войдя къ нимъ.

— Ахъ, я и забыла совсѣмъ объ этомъ!—проговорила Сусанна. — А мамашѣ, я думаю, вредно даже сидѣть въ такой жарѣ!—присовокупила она и поспѣшила отворить окно, около котораго сидѣла адмиральша.

Та безсмысленно взглянула на дочь, какъ бы не понимая, зачѣмъ она это дѣлаетъ, а потомъ обратилась къ Егору Егорычу и сказала плохо служащимъ языкомъ:

— Муза пишетъ!

— Мамаша говоритъ, что мы сегодня получили письмо отъ Музы!—добавила послѣ нея Сусанна.

— Она здорова?—спросилъ Егоръ Егорычъ.

— Кажется, что здорова, и только нетерпѣливо ждетъ насъ!—отвѣчала Сусанна.

Егоръ Егорычъ потеръ, по обыкновенію, себѣ лобъ.

— Когда жъ вы думаете ѣхать?—сказалъ онъ.

— Я не знаю, какъ мамаша?—произнесла, потупляя глаза, Сусанна.

— Что мамаша?.. Мамаша почти ребенокъ, — въ ней все убито! — бормоталъ полушопотомъ Егоръ Егорычъ, воспользовавшись тѣмъ, что старушка отвернулась и попрежнему совершенно безсмысленно смотрѣла куда-то вдаль.

— Вамъ надобно уѣзжать отсюда скорѣе и ѣхать со мной въ Кузьмищево!—продолжалъ бормотать полушопотомъ Егоръ Егорычъ; но, видя, что Сусанна все-таки затрудняется дать ему положительный отвѣтъ, онъ обратился къ адмиральшѣ:

— Юлія Матвѣевна, вы на этой же недѣлѣ должны уѣхать со мною въ мое Кузьмищево, которое вы, помните, всегда такъ любили.

— А какъ же Сусанна?—спросила адмиральша.

— Я, мамаша, тоже съ вами поѣду!—отозвалась Сусанна.

— А Муза?—спросила адмиральша.

— За Музой мы заѣдемъ и возьмемъ ее съ собой!—сталъ ей толковать Егоръ Егорычъ. — Докторъ, который живетъ у меня въ Кузьмищевѣ, пишетъ, что послалъ сюда мою карету, и мы всѣ спокойно въ ней доѣдемъ.

При этомъ старуха какъ-то вдругъ на что-то такое упорно уставила глаза.

— А Людмила такъ тутъ и останется!—проговорила она и громко-громко зарыдала.

Сусанна бросилась къ ней, сжала ее въ своихъ объятьяхъ и уговаривала:

— Мамаша, успокойтесь!

— Людмила уже не здѣсь, не тутъ, а въ лонѣ Бога! — сказалъ почти строго Егоръ Егорычъ, у котораго у самого однако текли слезы по щекамъ.

Та мгновенно перестала рыдать.

— Ну, винаата, винаата, — проговорила она, будучи не въ состояніи выговорить слово: виновата.

— Мы такъ поэтому и распорядимся!—отнесся Егоръ Егорычъ къ Сусаннѣ.

— Такъ, хорошо,—отвѣчала она.

— А я сейчасъ ѣду къ Звѣреву, который, говорятъ, былъ очень боленъ и простудился на похоронахъ Людмилы Николаевны.

— Непремѣнно тутъ!—подтвердила Сусанна.—Онъ добрѣйшій и отличнѣйшій, должно-быть, человѣкъ!

— Отличный! Это видно по всему,—согласился Егоръ Егорычъ и полетѣлъ въ Красныя казармы.

Въ убранствѣ небольшой казарменной квартирки Аггея Никитича единственными украшеніями были нѣсколько гравюръ и картинъ, изображающихъ чрезвычайно хорошенькихъ собою женщинъ, и на изображенія эти Аггей Никитичъ иногда цѣлые дни проглядывалъ, куря трубку и предаваясь мечтаніямъ. Въ настоящее время онъ былъ хоть еще и слабъ, но сидѣлъ на диванѣ, одѣтый по тогдашней домашней офицерской модѣ, занесенной съ Кавказа, въ демикотонный, простеганный архалукъ, въ широкія, тонкаго верблюжьяго сукна, шаровары и туфли. Когда Егоръ Егорычъ вошелъ, Мирона Дмитріевна была уже у Звѣрева.

Поздоровавшись почти дружески съ хозяиномъ, Егоръ Егорычъ раскланялся также съ замѣтной аттенціей и съ madame Зудченко.

— Благодарю васъ, что вы не отказались посѣтить меня... Я всю жизнь буду это помнить! — говорилъ между тѣмъ ему съ чувствомъ Аггей Никитичъ.

Егоръ Егорычъ плюхнулъ на кресло.

— Прихворнули немножко?..—сказалъ онъ, стараясь не подать виду, что онъ былъ пораженъ тѣмъ, до какой степени Аггей Никитичъ измѣнился и постарѣлъ.

— Очень даже прихворнулъ,—отвѣчалъ тотъ. — Около недѣли думалъ, что живъ не останусь, и ужасно этого испугался, потому что мнѣ пришла вдругъ въ голову мысль: а что, если я оживу въ могилѣ?.. Понимаете, здоровякъ этакій, пожалуй,

не умрешь сразу-то... И что со мной было, передать вамъ не могу: во всемъ тѣлѣ сдѣлалась дрожь, волосы поднялись дыбомъ. Я разсказалъ объ этомъ доктору. Тотъ началъ меня успокоивать: «Если, говоритъ, хотите, я васъ вскрою». — «Сдѣлайте, говорю, милость, животъ мнѣ распологуйте и черепъ распилите».

— Что это, Аггей Никитичъ, какіе вы ужасы про себя говорите!—остановила-было его Мирона Дмитріевна.

— Ужасъ побольше былъ бы, когда въ могилѣ-то очнулся бы,—возразилъ ей тотъ и продолжалъ, обращаясь къ Егору Егорычу; — послѣ того я сталъ думать о душѣ и о будущей жизни... Тутъ тоже заскребли у меня кошки на сердцѣ.

— Объ этомъ нельзя думать, для этого нужна вѣра, — перебилъ Аггея Никитича Егоръ Егорычъ.

— Во что вѣра?—спросилъ мрачнымъ голосомъ Звѣревъ.

— Во что сказано въ евангеліи.

— Стало-быть, будутъ и страшный судъ, и рай, и адъ?

— Будутъ!.. Объ этомъ не лѣдуетъ ни себя ни другихъ спрашивать, а надобно вѣрить въ это!.. — бормоталъ Егоръ Егорычъ.

— А какъ это сдѣлать?.. Я долженъ сознаться, что я — и особенно прежде—былъ почти человѣкъ невѣрующій.

— Не можетъ быть!.. — воскликнулъ Егоръ Егорычъ.—Такихъ людей нѣтъ въ цѣломъ мірѣ ни одного.

— А Вольтеръ?—возразилъ наивно Аггей Никитичъ.

— Нѣтъ, онъ вѣрилъ и вѣрилъ очень сильно въ своего только Бога — въ Разумъ, и ошибся въ одномъ, что это не Богъ, принимая самое близкое, конечное за отдаленное и всеобъемлющее.

— Но желательно бы знать, что такое это отдаленное и всеобъемлющее? — говорилъ, въ недоумѣніи разводя руками, Аггей Никитичъ.

У Егора Егорыча лицо даже стало подергивать: по своей непосредственности, Аггей Никитичъ очень трудные вопросы задавалъ ему.

— Это всеобъемлющее словами нельзя опредѣлить, но можно только ощущать и соприкасаться съ нимъ въ нѣкоторые счастливые моменты своего нравственнаго бытія.

— Но какимъ путемъ и способомъ достигнуть этого?— вопіялъ Аггей Никитичъ.

— Первый способъ—молитва, простая молитва,—объяснилъ ему Егоръ Егорычъ...

— Я, Егоръ Егорычъ, во время моей болѣзни — видитъ Богъ—молился,—сказалъ Аггей Никитичъ.

— И какъ еще усердно!.. Не всякій такъ сумѣетъ молиться!—подхватила Мирона Дмитріевна.

— И вамъ, безъ сомнѣнія, легче послѣ того было?—спросилъ Егоръ Егорычъ.

— Точно будто бы и легче нѣсколько, — отвѣчалъ Аггей Никитичъ.

— Этого вдругъ и нельзя,—это гора, на которую надобно постепенно взбираться... Слыхали вы объ Іоаннѣ Лѣствичникѣ?

Говоря это, Егоръ Егорычъ врядъ ли не думалъ хватить въ своемъ поученіи прямо объ умномъ дѣланіи.

— Нѣтъ, не слыхалъ,—признался ему Аггей Никитичъ.

— А вы? — отнесся зачѣмъ-то Егоръ Егорычъ къ Миронѣ Дмитріевнѣ.

— Слыхала,—это вѣдь святой нашъ, — отвѣчала та совершенно смѣло.

Егоръ Егорычъ поморщился и уразумѣлъ, что его собесѣдники слишкомъ мало приготовлены къ тому, чтобы слушать и тѣмъ болѣе понять то, что̀ задумалъ-было онъ говорить, и потому рѣшился ограничиться какъ бы нѣкоторою исповѣдью Аггея Никитича.

— Не слишкомъ ли вы плоть вашу лелѣете? — спросилъ онъ того.

Аггей Никитичъ при этомъ покраснѣлъ.

— То-есть въ чемъ и какъ?—проговорилъ онъ.

— Не любите ли, напримѣръ, покушать много?—продолжалъ Егоръ Егорычъ съ доброю улыбкой.

— Въ этомъ грѣшенъ,—отвѣчалъ откровенно Аггей Никитичъ.

— Не нужно того!.. Пословица говоритъ: сытое брюхо къ ученью глухо; а кромѣ того, и въ смыслѣ тѣла нашего нездорово!..—поучалъ Егоръ Егорычъ, желавшій, кажется, прежде всего поумалить мяса въ Аггеѣ Никитичѣ и потомъ уже давать направленіе его нравственнымъ заложеніямъ.

— Насчетъ здоровья, я не думаю, чтобы намъ, военнымъ, было вредно плотно поѣсть: какъ прошагаешь въ день верстъ пятнадцать, такъ и не почувствуешь даже, что ѣлъ; конечно, почитать что-нибудь не захочешь, а скорѣй бы спать послѣ того.

— Полноте, пожалуйста, клеветать на себя! — перебила Аггея Никитича Мирона Дмитріевна. — Не вѣрьте ему: онъ очень мало, сравнительно съ другими мужчинами, кушаетъ,— пояснила она Егору Егорычу.

— Какъ мало?.. Вы не видали,—сказалъ ей Аггей Ники-

тичъ:—а я разъ, послѣ одной охоты въ Царствѣ Польскомъ—пропасть мы тогда дичи настрѣляли!—пятьдесятъ бекасовъ и куличковъ съѣлъ за ужиномъ!

— Много, и не рекомендую этого дѣлать впередъ! — посовѣтовалъ Егоръ Егорычъ и, опять-таки съ доброй улыбкой, перешелъ на другое.

— Ну, а какъ вы, майоръ, насчетъ водочки?

— Этого совсѣмъ почти не пьетъ, — поспѣшила отвѣтить за Аггея Никитича Миропа Дмитріевна.

— Водочки и вообще вина я могу выпить ведро и ни въ одномъ глазѣ не буду пьянъ, но не дѣлаю того, понимая, что человѣкъ бываетъ гадокъ въ этомъ видѣ!—добавилъ съ своей стороны Аггей Никитичъ.

— Это хорошо!—похвалилъ его Егоръ Егорычъ и, помолчавъ немного, присовокупилъ: — вмѣстѣ съ тѣмъ также слѣдуетъ и женщинъ избѣгать въ смыслѣ чувственномъ.

Сказавъ послѣднія слова, Егоръ Егорычъ вспомнилъ, что въ ихъ обществѣ есть дама, а потому онъ вѣжливо обратился къ Миропѣ Дмитріевнѣ и произнесъ:

— Pardon, madame!

— Ахъ, помилуйте, ничего, я не дѣвушка!—отозвалась она, держа, впрочемъ, глаза потупленными.

— За неволю станешь избѣгать, — проговорилъ на это невеселымъ голосомъ Аггей Никитичъ:—когда хорошенькія женщины все больше и больше переводятся и умираютъ, какъ умерла вотъ и Людмила Николаевна!

При этомъ Егоръ Егорычъ и Миропа Дмитріевна нѣсколько смутились по причинамъ понятнымъ, вѣроятно, читателю.

— Учиться мнѣ надобно, — вотъ что-съ! — продолжалъ майоръ.

— Учиться, конечно,—сказалъ Егоръ Егорычъ:—но не наукамъ однако матеріальнымъ, для которыхъ вы уже стары, а наукамъ духа.

— О, я только эти науки и желалъ бы знать!..—воскликнулъ Аггей Никитичъ.—Но у меня книгъ этакихъ нѣтъ... Гдѣ ихъ достанешь?

— Книги я вамъ доставлю и самыя нужныя для васъ; теперь же вы слабы, — пока вамъ нужно душевное и тѣлесное спокойствіе.

— Это совершенно справедливо,—поддержала такое мнѣніе Егора Егорыча Миропа Дмитріевна:—но душевно Аггей Никитичъ не можетъ быть покоенъ, — это что̀ тутъ?.. скрывать нечего.

— Почему же не можетъ?—спросилъ Егоръ Егорычъ.

— Потому что Аггею Никитичу надобно устроить свое положеніе,—отвѣчала Мирона Дмитріевна:—они очень тяготятся службою своей.

— Службой?—переспросилъ ее Егоръ Егорычъ.

Аггей Никитичъ между тѣмъ продолжалъ сидѣть съ понуренной головой.

— Онъ теперь майоръ, и ему предлагаютъ даже быть начальникомъ кантонистовъ, а это рѣшительно Аггею Никитичу не по характеру!—разсказала за него Мирона Дмитріевна.

— Отчего же не по характеру? — воскликнулъ Егоръ Егорычъ.

— Строгость тамъ очень большая требуется! — заговорилъ Аггей Никитичъ.—Ну, представьте себѣ кантониста: мальчикъ лѣтъ съ пяти вмѣстѣ съ матерью нищенствовалъ, занимался и воровствомъ, — нужно ихъ, особенно на первыхъ порахъ, сѣчь, а я этого не могу, и выходитъ такъ, что или службы не исполняй,—чего я тоже не люблю,—или будь жестокъ.

— Куда же бы вы желали перейти?—интересовался Егоръ Егорычъ.

— Я ничего не знаю и ничего не имѣю въ виду!—проговорилъ Аггей Никитичъ.

— По почтамту нынче очень хорошія мѣста, — вмѣшалась опять въ разговоръ Мирона Дмитріевна:—это было бы самое настоящее для нихъ мѣсто.

— Какое же мѣсто по почтамту? — вцѣпился какъ бы во что-то свое Егоръ Егорычъ.

— Конечно, губернскаго почтмейстера: Аггей Никитичъ теперь майоръ, при отставкѣ, можетъ-быть, получатъ подполковника, — толковала Мирона Дмитріевна: — не уѣзднаго же почтмейстера искать имъ мѣста?

— Стало-быть, вы совсѣмъ желаете оставить военную службу?—обратился Егоръ Егорычъ къ Аггею Никитичу.

— Желалъ бы, — отвѣчалъ тотъ, хоть по тону голоса его чувствовалось, что ему все-таки не легко было проститься съ мундиромъ.

Егоръ Егорычъ задумался на довольно продолжительное время.

— Я бы могъ, — началъ онъ: — заѣхать къ Александру Яковличу Булгакову, но онъ уѣхалъ въ свою деревню. Впрочемъ, все равно, я напишу ему письмо, съ которымъ вы, когда онъ возвратится, явитесь къ нему,—онъ васъ приметъ радушно. Дайте мнѣ перо и бумаги!

Мирона Дмитріевна поспѣшила исполнить его требованіе.

Егоръ Егорычъ написалъ коротенькое, но внушительнаго свойства письмецо:

«Предъявитель сего письма—одинъ изъ людей, въ которыхъ очень много высокихъ началъ. Онъ желалъ бы служить гдѣнибудь въ провинціи въ вашемъ вѣдомствѣ. Посодѣйствуйте ему: вы въ немъ найдете честнаго и усерднаго служаку!»

Сколько Егоръ Егорычъ написалъ въ жизнь свою ходатайствующихъ писемъ—и перечесть трудно; но въ этомъ случаѣ замѣчательно было, что всѣ почти его письма имѣли успѣхъ. Видно, онъ отъ очень добраго сердца и съ искреннимъ удовольствіемъ писалъ ихъ.

Все это болѣе чѣмъ кто-либо поняла и подмѣтила Мирона Дмитріевна: прежде всего она, конечно, понимала самое себя и свое положеніе; поняла, что̀ такое Аггей Никитичъ; уразумѣла также очень вѣрно, какого сорта особа Егоръ Егорычъ. О службѣ Аггея Никитича въ почтовомъ вѣдомствѣ Мирона Дмитріевна заговорила, такъ какъ еще прежде довольно подробно развѣдала о томъ, что должность губернскаго почтмейстера, помимо жалованья, очень выгодна по доходамъ, и сообразила, что если бы Аггей Никитичъ, получивъ сіе мѣсто, не пожелалъ имѣть этихъ доходовъ, то, будучи близкой ему женщиной, можно будетъ дѣлать это и безъ вѣдома его!.. Словомъ, тутъ все было Миропою Дмитріевной предусмотрѣно и разсчитано съ математическою точностью, и лавочники, видимо, были правы, называя ее дамой «обдѣлистой».

IX.

Кузьмищево рѣшительно ожило: помѣстительный домъ его обильно наполнился господами и прислугой. Большую половину верха занимала адмиральша съ дочерьми, а въ другой половинѣ жилъ Сверстовъ съ своею gnädige Frau. Егоръ Егорычъ обиталъ внизу, въ своемъ небольшомъ отдѣленіи. Въ парадныя комнаты каждый вечеръ собиралось все общество, за исключеніемъ, разумѣется, адмиральши, совершенно не выходившей изъ своей комнаты. Ее началъ серьезно лѣчить Сверстовъ, объявивши Егору Егорычу и Сусаннѣ, что старуха поражена нервнымъ параличомъ, и что у нея все болѣе и болѣе будетъ пропадать связь между мозгомъ и языкомъ, что̀ уже и теперь довольно часто повторялось; такъ, желая сказать: «дайте мнѣ ложку!» — она говорила: «дайте мнѣ лошадь!». Муза съ самаго перваго дня пріѣзда въ Кузьмищево все посматривала на фортепіано, стоявшее въ огромной залѣ и про которое Муза по воспоминаніямъ еще дѣтства знала, что

оно было превосходное, но играть на немъ она не рѣшалась, недоумѣвая, можно ли такъ скоро послѣ смерти сестры заниматься музыкой. Наконецъ не вытерпѣвъ, Муза спросила о томъ Сусанну и Егора Егорыча.

— Можно! — отвѣчалъ сей послѣдній. — Музыка есть ближайшее искусство къ молитвѣ, а молитву ни въ какія минуты жизни нельзя возбранить.

Такимъ образомъ въ одинъ изъ вечеровъ послышалась игра Музы.

Gnädige Frau, заправлявшая по просьбѣ Егора Егорыча всѣмъ хозяйствомъ, почти прибѣжала въ залу послушать игру Музы и послѣ нѣсколькихъ отрывковъ, сыгранныхъ юною музыкантшей, пришла въ восторгъ.

— У васъ большой артистическій талантъ, Муза Николаевна! — воскликнула она съ вспыхнувшимъ взоромъ. — Вы изучали генералъ-басъ?

— Да, немного!—отвѣчала Муза.

— Но кто же вамъ преподавалъ его? — пожелала узнать gnädige Frau.

При этомъ вопросѣ Муза замѣтно сконфузилась.

— Одинъ нашъ хорошій знакомый,—отвѣтила она.

«Нашъ хорошій знакомый» былъ не кто иной, какъ Лябьевъ, о которомъ я упоминалъ и который, сверхъ игры въ четыре руки съ Музой, успѣлъ съ ней дойти и до генералъ-баса.

— О, генералъ-басъ надобно долго и прилежно изучать! — продолжала съ одушевленіемъ gnädige Frau.

Сама она когда-то очень много и подробно изучала генералъ-басъ, но, къ сожалѣнію, въ игрѣ ея всегда чувствовалась нѣкоторая сухость.

Муза, впрочемъ, недолго поиграла и, почему-то вдругъ остановившись на половинѣ одной аріи, отозвалась усталостью и ушла къ себѣ наверхъ. Вообще она была какая-то непосѣдливая, и какъ будто бы ее что-то такое тревожило.

По уходѣ ея, gnädige Frau перешла въ гостиную, гдѣ бесѣдовали Сусанна, одѣтая въ черное траурное платье, Егоръ Егорычъ, тоже какъ бы въ траурѣ, и докторъ Сверстовъ, по обыкновенію, художественно-растрепанный. Балконная дверь изъ гостиной была отворена. Она прямо выходила на тѣнистую и длинную аллею кузьмищевскаго сада, откуда вѣяло живительной свѣжестью, слышалось, что гдѣ-то кукушка кукуетъ, а тамъ, въ сосѣднихъ лугахъ, коростель кричитъ. Вдобавокъ къ этому въ концѣ аллеи на свѣтломъ фонѣ неба виднѣлся огромный и красноватый обликъ луны, какъ бы выплывающій изъ сѣроватаго тумана росы.

Бесѣда между поименованными тремя лицами, конечно, шла о масонствѣ и въ настоящее время исключительно по поводу книги Сенъ-Мартена «объ истинѣ и заблужденіяхъ». Сусанна, уже нисколько не конфузясь, просила своихъ наставниковъ растолковать ей нѣкоторыя мѣста, которыя почему-либо ее поражали, или казались ей непонятными.

— Что это такое, скажите вы мнѣ,—говорила она съ настойчивостью и начала затѣмъ читать текстъ старинnаго перевода книги Сенъ-Мартена: «Мнѣ могутъ сдѣлать возраженіе, что человѣкъ и скоты производятъ дѣйствія внѣшнія, изъ чего слѣдуетъ, что всѣ сіи существа имѣютъ нѣчто въ себѣ и не суть простыя машины, и когда спросятъ у меня: какая же разница между ихъ началами дѣйствій и началомъ, находящимся въ человѣкѣ, то отвѣтствую: сію разность легко тотъ усмотритъ, кто обратится къ ней внимательно. Всѣмъ, думаю, вѣдомо, что нѣкоторыя существа суть разумѣющія, а другія суть токмо чувствующія; человѣкъ вмѣстѣ то и другое».

Прочитавъ это, Сусанна остановилась и съ разрумянившимся лицомъ взглянула на своихъ слушателей.

— Это просто объяснить! — отвѣчалъ ей первоначально Сверстовъ.—У человѣка есть плоть, т.-е. кости, мясо и нервы, и душа божественная, а у животныхъ только кости, мясо и нервы.

— Слѣдуетъ взять дальше!—дополнилъ его Егоръ Егорычъ.— Природа расположена по градаціямъ; камень только нарастаетъ, только сочетавается и, распадаясь, стремится — по закону притяженія—сочетаваться снова. Растенія тоже растутъ, и опять лишены передвиженія, но тѣмъ не менѣе живутъ; животныя растутъ, двигаются и чувствуютъ. Человѣкъ, по затемненной своей природѣ, чувствуетъ то же, что и они, но въ немъ еще таится свѣтлый лучъ рая,—онъ стремится мало что двигаться физически, но и духовно, т.-е. освобождать въ себѣ этотъ духовный райскій лучъ, и удовлетворяется лишь тогда, когда, побуждаемый этимъ райскимъ лучомъ, придетъ хоть и въ неполное, но приблизительное соприкосновеніе съ величайшей радостью, съ величайшей истиною и величайшимъ могуществомъ Божества.

— Такъ, превосходно!—воскликнулъ Сверстовъ, заерошивъ свою курчавую голову.

— Такъ!—подтвердила и gnädige Frau.

— Теперь я поняла!—сказала Сусанна въ отвѣтъ на брошенный къ ней Егоромъ Егорычемъ вопросительный взглядъ.

— Далѣе что вамъ показалось непонятно?—спросилъ онъ.

— Далѣе, я не поняла совершенно, что вотъ тутъ говорится

о числахъ «четыре» и «девять»!—отвѣчала Сусанна и снова принялась читать изъ книги: «Числа «четыре» и «девять» я призналъ за свойственныя одно—прямой линіи, а другое—кривой; потщусь доказать это и начну съ числа девяти, съ числа линіи кривой. Безъ сомнѣнія, никому не покажется нескладнымъ представить себѣ окружность, какъ ноль, ибо какая фигура можетъ быть болѣе подобна окружности, какъ ноль? Тѣмъ паче не должно казаться нескладнымъ принять центръ за единицу, потому что въ окружности нельзя быть болѣе одного центра. Всякому же извѣстно, что единица, совокупленная съ нолемъ, составляетъ десять. Итакъ, можемъ цѣлый кругъ вообразить себѣ якобы десять, окружность съ центромъ вмѣстѣ. Приступимъ теперь къ доводамъ, почему число «четыре» есть число прямой линіи: прежде всего скажу, что сіе слово—прямая линія, принимаю здѣсь не въ общепринятомъ смыслѣ, означающемъ то протяженіе, которое кажется глазамъ нашимъ ровною чертою, а яко начало токмо. Но видѣли ль мы, что естественный кругъ растетъ вдругъ во всѣ стороны, и что центръ его вдругъ мечетъ изъ себя безсчетное и неистощимое множество лучей? Каждый сей лучъ не почитается ли, по вещественному смыслу, прямою линіей? Да и воистину, по видимой прямизнѣ его и по способности продолжаться до безконечности, онъ есть линія; но поставляю и антитезу сему положенію: мы видимъ, что самый кругъ есть собраніе треугольниковъ, которые всѣ, по своей вещественной тройственности, трехсторонни и, будучи приведены въ союзъ ихъ съ центромъ, представляютъ намъ совершеннѣйшую идею о нашей невещественной «четверицѣ».

На послѣднемъ словѣ Сусанна прекратила чтеніе. Егоръ Егорычъ нѣкоторое время теръ себѣ лобъ, но потомъ отнесся къ ней:

— Мнѣ будетъ трудно вамъ это объяснить... Вы, вѣроятно, имѣете слабое даже представленіе о треугольникѣ, но какъ же я вамъ растолкую, что собственно круга нѣтъ, а это есть многоугольникъ съ микроскопическими сторонами. Впрочемъ, существенно вы одно запомните, что ни линіи ни точки въ вещественномъ мірѣ нѣтъ; первая есть четыреугольникъ, а вторая все-таки кругъ, многоугольникъ, и онъ въ чистомъ видѣ существуетъ только въ нашемъ умѣ; это—прирожденное намъ понятіе изъ міра духовнаго, и Сенъ-Мартенъ главнымъ образомъ хочетъ показать въ этихъ цифрахъ, какъ невещественныя точка и линія сливаются съ вещественными треугольникомъ и кругомъ, хотя то и другое никогда не утрачиваютъ своихъ различій. Впрочемъ, какъ бы тамъ ни было,

всей этой части ученія Сенъ-Мартена я никогда не придавалъ особеннаго значенія. Остроумія, если хотите, много, но и только.

— Кабалистика! — замѣтилъ Сверстовъ.

— По-моему, кабалистическія цифры имѣютъ глубокое значеніе, это ужъ я знаю по собственному опыту! — произнесла gnädige Frau.

— А именно?—спросилъ ее Егоръ Егорычъ.

— Именно: тринадцатаго числа умерла мать моя, тринадцатаго по новому стилю скончался мой первый мужъ... восемнадцатаго мы получили указъ о переводѣ насъ изъ Ревеля.

— Эти цифры собственно апокалипсическія! — перебилъ gnädige Frau Егоръ Егорычъ.

— Да, я это знаю,—продолжала та:—и говорю только, что эти цифры были роковыя для меня и моей жизни.

Начавшіяся такимъ образомъ бесѣдованія стали повторяться каждодневно, а время между тѣмъ шло своимъ порядкомъ: жаркое и сухое лѣто смѣнилось холодною и ненастною осенью. Въ одно утро, когда дождь ливмя-лилъ и когда бы хорошій хозяинъ собаки на дворъ не выгналъ, Антипъ Ильичъ, сидѣвшій въ своей комнаткѣ рядомъ съ передней и бывшій весь погруженъ въ чтеніе «Сіонскаго Вѣстника», услыхалъ вдругъ колокольцы, которые все ближе и ближе раздавались, и наконецъ ясно было, что кто-то подъѣхалъ къ парадному крыльцу. Антипъ Ильичъ оставилъ свое занятіе и вышелъ навстрѣчу къ пріѣхавшему гостю, который съ виду оказался молодымъ человѣкомъ и уже входилъ по лѣстницѣ, будучи весь закиданъ грязью. Антипъ Ильичъ, вѣроятно, зналъ этого гостя, потому что, поклонившись вѣжливо, отворилъ передъ нимъ дверь въ переднюю.

— Егоръ Егорычъ и Юлія Матвѣевна у себя? — спросилъ тотъ.

— У себя-съ!.. Какъ васъ всего измочило!.. Пожалуй, простудитесь!—произнесъ старикъ съ участіемъ.

— Во всю жизнь мою еще никогда не простуживался, — отвѣчалъ, усмѣхаясь, молодой человѣкъ, сбрасывая шинель и калоши, при чемъ оказалось, что онъ былъ въ щеголеватомъ черномъ сюртукѣ и, имѣя какіе-то черезчуръ ужъ открытые воротнички у сорочки, всей своей наружностью, за исключеніемъ голубыхъ глазъ и некрасиваго, толстоватаго носа, мало напоминалъ русскаго, а скорѣе смахивалъ на итальянца; волосы молодой человѣкъ имѣлъ густые, вьющіеся и приподнятые вверхъ; небольшіе и сильно нафабренные усики лежали у него на губахъ, какъ бы двѣ прикленныя раковинки, а

также на подобную приклеенную раковинку походила и эспаньолка его.

— А тутъ я ничего? — продолжалъ молодой человѣкъ, показывая на платье свое.

— Тутъ франты! — говорилъ Антипъ Ильичъ, спѣша обтереть немного загрязнившееся платье у гостя.

Опрятность Антипъ Ильичъ ставилъ превыше многихъ добродѣтелей человѣческихъ.

Когда молодой человѣкъ, отпущенный наконецъ старымъ камердинеромъ, вошелъ въ залу, его съ оника встрѣтила Муза, что было немудрено, потому что она цѣлые дни проводила въ залѣ подъ предлогомъ якобы игры на фортепіано, на которомъ, впрочемъ, играла немного и все больше смотрѣла въ окно, изъ котораго далеко было видно, кто ѣдетъ по дорогѣ къ Кузьмищеву.

— Ахъ, это вы!.. Вотъ кто пріѣхалъ! — произнесла какъ бы съ удивленіемъ Муза, но врядъ ли она искренно удивилась.—Подождите тутъ, я предувѣдомлю о васъ мамашу и Сусанну!—присовокупила она, но и тутъ ей, кажется, предувѣдомлять было не для чего,—по крайней мѣрѣ Сусанну, — потому что та, услыхавъ отъ сестры, кто пріѣхалъ, не выразила никакого недоумѣнія касательно пріѣзда неожиданнаго гостя, а сейчасъ же и прежде всего пошла къ Егору Егорычу.

— Къ вамъ пріѣхалъ нашъ общій съ вами знакомый Лябьевъ; онъ такъ хорошо знакомъ со всѣмъ нашимъ семействомъ,—объявила она тому.

— Я радъ, я радъ! — забормоталъ Егоръ Егорычъ и торопливо пошелъ гостю навстрѣчу.

Лябьевъ началъ съ извиненія, что онъ явился.

— Что за извиненія, къ чему!—перебилъ его съ первыхъ же словъ Егоръ Егорычъ. — Я радъ всякому, а вамъ въ особенности: вашъ музыкальный талантъ дѣлаетъ честь каждому, кого вы посѣтите!

Въ отвѣтъ на это Лябьевъ слегка ему поклонился.

Сусанна потомъ пошла и сказала матери, что Лябьевъ пріѣхалъ. Старуха неимовѣрно обрадовалась и потребовала, чтобы къ ней тоже привели гостя. Сусанна сообща съ Музой привели ей того.

— Вотъ я какая стала! — сказала старуха, показывая на себя.

Лябьевъ постарался выразить на лицѣ своемъ сожалѣніе.

— А Людмила у насъ уѣхала... — разсказывала старушка, желавшая, конечно, сказать, что Людмила умерла.

Лябьевъ и на это выразилъ молчаливой миной сожалѣніе.

Передъ тѣмъ какъ сѣсть за столъ, произошло со стороны Егора Егорыча церемонное представленіе молодого Лябьева доктору Сверстову и gnädige Frau, которая вслѣдъ затѣмъ не безъ важности сѣла на предсѣдательское мѣсто хозяйки, а мужъ ея принялся внимательно всматриваться въ молодого человѣка, какъ будто бы въ наружности того его что-то очень поражало.

Послѣ обѣда Муза и Лябьевъ, по просьбѣ хозяина, стали играть въ четыре руки, и хотя Лябьевъ игралъ секондо, а Муза примо, но gnädige Frau хорошо поняла, какъ онъ много былъ образованнѣе и ученѣе въ музыкальномъ смыслѣ своей соигрицы. Gnädige Frau втайнѣ чрезвычайно желала бы сыграть съ Лябьевымъ что-нибудь, чтобы показать ему, какъ и она тоже была образована въ этомъ отношеніи, но, отставъ столь давно отъ музыки, она не рѣшалась высказать этого желанія.

Вечеромъ масонскіе разговоры въ присутствіи новаго лица, конечно, не могли начаться, а дождь между тѣмъ хлесталъ въ окна. Музыка тоже утомила нѣсколько играющихъ.

— Въ бостонъ надобно засѣсть!—подалъ мысль Сверстовъ, знавшій, что его gnädige Frau до страсти любитъ эту игру.

— Хорошо!—одобрилъ Егоръ Егорычъ.—А вы играете въ бостонъ?—спросилъ онъ Лябьева.

— Играетъ! — отвѣчала за него Муза.

— Я играю во всѣ игры, — повторилъ за нею Лябьевъ.

Игроки усѣлись въ большой гостиной.

Партія собственно составилась изъ Сверстова, gnädige Frau, Егора Егорыча и Лябьева; барышни же усѣлись около играющихъ: Муза возлѣ Лябьева, а Сусанна близъ Егора Егорыча.

— По маленькой мы, разумѣется, играемъ! — поставила gnädige Frau своимъ условіемъ.

— Конечно! — подхватилъ Егоръ Егорычъ.

— По какой только угодно вамъ цѣнѣ, — отозвался съ усмѣшкою Лябьевъ.

Сверстовъ весьма дурно и рѣдко игралъ въ карты и даже тасовалъ ихъ въ натруску, какъ тасуютъ лакеи, играя въ свою «подкаретную», вслѣдствіе чего, можетъ-быть, онъ и обратилъ невольно вниманіе на ловкость и умѣлость, съ какой молодой человѣкъ, когда ему пришла очередь сдавать, исполнилъ это. Затѣмъ въ самой игрѣ не произошло ничего особеннаго, кромѣ развѣ того, что Лябьевъ всѣхъ обыгралъ, что, впрочемъ, и сдѣлать ему было очень нетрудно, потому что Егоръ Егорычъ кидалъ карты почти механически и все взглядывалъ безпрестанно на Сусанну; Сверстовъ, какъ и всегда это было,

плелъ лапти; что же касается до gnädige Frau, то она хоть и боролась довольно искусно съ молодымъ человѣкомъ, но все-таки была имъ побѣждена.

Послѣ ужина, когда всѣ разошлись по своимъ спальнямъ, между gnädige Frau и ея супругомъ произошелъ разговоръ, имѣющій нѣкоторое значеніе.

— Какой прекрасный и серьезный музыкантъ Лябьевъ! — произнесла gnädige Frau, улегшись на свою отдѣльную отъ мужа постель и закидывая костлявыя руки себѣ подъ голову.

— Онъ, по-моему, еще большій музыкантъ въ картахъ, — отвѣчалъ ей съ совершенно несвойственнымъ ему озлобленіемъ Сверстовъ.

— Это ты почему думаешь?—спросила его съ недоумѣніемъ gnädige Frau.

— Потому что физіономія его мнѣ не нравится: въ ней есть что-то непріятное, какъ это бываетъ иногда у шулеровъ!— проговорилъ Сверстовъ и отвернулся къ стѣнѣ, чтобы не сказать какой-нибудь еще большей рѣзкости.

Въ послѣдовавшіе затѣмъ два-три дня началось въ кузьмищевскомъ домѣ какое-то всеобщее шушуканье. Прежде всего шушукала Муза съ Сусанной, шушукала Сусанна съ Егоромъ Егорычемъ, шушукала gnädige Frau съ супругомъ своимъ, при чемъ докторъ замѣтно выражалъ неудовольствіе, а gnädige Frau что-то такое старалась втолковать ему, но докторъ не убѣждался; шушукали затѣмъ Муза и Лябьевъ, начавшіе все время гулять вдвоемъ, несмотря на холодную погоду, въ длинной аллеѣ сада; шушукались наконецъ Ѳаддеевна съ Антипомъ Ильичомъ, который послѣ того напролетъ началъ промаливаться всѣ ночи, какъ бы испрашивая чему-то благословеніе Божіе.

Въ результатѣ всего этого на четвертый же день Егоръ Егорычъ за обѣдомъ, за которымъ ради чего-то появилось шампанское, разлитое Антипомъ Ильичомъ по бокаламъ, вдругъ всталъ съ своего мѣста и провозгласилъ съ поднятіемъ бокала:

— Позвольте васъ просить, друзья мои, выпить тостъ за здоровье жениха и невѣсты, Музы Николаевны и Аркадія Михайлыча, которымъ сегодня Юлія Матвѣевна дала согласіе на вступленіе въ бракъ!

Gnädige Frau первая и съ замѣтнымъ удовольствіемъ выпила свой бокалъ; она очень любила, когда сочетовались брачными узами талантъ съ талантомъ, что и было ею высказано жениху и невѣстѣ. Выпилъ также и докторъ, но только совершенно молча, такъ что это замѣтилъ Егоръ Егорычъ.

— Отчего вы такой недовольный? — сказалъ онъ своему

другу, когда встали изъ-за стола и разошлись по разнымъ угламъ.

— Такъ себѣ, и самъ не знаю почему, — отвѣчалъ Сверстовъ сначала уклончиво.

— Можетъ-быть, вамъ не нравится предстоящій бракъ Музы съ Лябьевымъ?—допытывался Егоръ Егорычъ.

— Не нравится!—отвѣтилъ ему уже откровенно Сверстовъ.

— По какимъ собственно соображеніямъ?

— Ни по какимъ особенно, больше по предчувствію,—проговорилъ Сверстовъ.

Сколь ни мало были опредѣленны слова друга, но они, видимо, обезпокоили Егора Егорыча, такъ что онъ отыскалъ Сусанну и сказалъ ей:

— Сверстову не нравится бракъ Музы съ Лябьевымъ.

Сусанна нахмурилась.

— Не нравится? — спросила она.

— Да, и не нравится по предчувствію,—отвѣчалъ ей Егоръ Егорычъ.

— Все въ волѣ Божіей,—на предчувствіе нельзя вполнѣ полагаться,—возразила она, хоть, кажется, и самой ей не безусловно былъ по вкусу выборъ сестры: то, что Лябьевъ былъ такой же страстный и азартный игрокъ, какъ и Ченцовъ, знала вся губернія, знала и Сусанна.

Всѣ хлопоты по свадьбѣ въ смыслѣ распоряженій пали на gnädige Frau, а въ смыслѣ расходовъ — на Егора Егорыча. Женихъ, какъ только дано ему было слово, объявилъ, что онъ Музу Николаевну беретъ такъ, какъ она есть, а потому проситъ не хлопотать о туалетѣ невѣсты, который и нельзя сдѣлать хоть сколько-нибудь порядочный въ губернскомъ городѣ, а также не отдѣлять его будущей женѣ какого-либо состоянія, потому что онъ самъ богатъ. Когда эти слова его были переданы Сусанной матери, старуха вдругъ взбунтовалась.

— Я не могу этого, не могу! — заговорила она уже очень чисто и внятно.—У меня состояніе все не мое, а дѣтское, хоть мужъ и оставилъ его мнѣ, но я теперь же хочу его раздѣлить между дочерьми.

— Это и раздѣлится! — хотѣлъ-было успокоить ее Егоръ Егорычъ, присутствовавшій при этомъ разговорѣ.

— Бумагу, бумагу дайте мнѣ написать!.. Музѣ отдаю подмосковное имѣніе, а Сусаннѣ прочее!—опять такъ же ясно и отчетливо выговорила Юлія Матвѣевна: инстинктъ матери, какъ и въ назначеніи дочерямъ именъ, многое ей подсказалъ въ этомъ ея желаніи.

Егоръ Егорычъ, понявъ, что старухи въ этомъ случаѣ не

переубѣдишь, на другой день послалъ въ городъ за секретаремъ уѣзднаго суда, который и написалъ на имя Музы дарственную отъ Юліи Матвѣевны, а на имя Сусанны—духовную. Юлія Матвѣевна, подписавъ эти бумаги, успокоилась и затѣмъ начала тревожиться, чтобы свадьба была отпразднована какъ слѣдуетъ, то-есть чтобы у жениха и невѣсты были посаженые отцы и матери, а также и шафера; но гдѣ жъ было взять ихъ въ деревенской глуши, чѣмъ болѣе, что женихъ, оставшійся весьма недовольнымъ, что его невѣсту награждаютъ приданымъ и что затѣваютъ торжественность, просилъ объ одномъ, чтобы свадьба скорѣе была совершена, потому что московскій генералъ-губернаторъ, у котораго онъ послѣднее время зачислился чиновникомъ особыхъ порученій, требовалъ будто бы непремѣнно его пріѣзда въ Москву. Принявъ послѣднее обстоятельство во вниманіе на семейномъ совѣщаніи, происходившемъ между Егоромъ Егорычемъ, Сусанной, gnädige Frau и Сверстовымъ, положено было обмануть старуху: прежде всего докторъ объявилъ ей, что она—ежели не желаетъ умереть — никакъ не можетъ сходить внизъ и участвовать въ свадебной церемоніи, а потомъ Егоръ Егорычъ ей сказалъ, что отцы и матери посаженые и шафера есть, которые дѣйствительно и были, но не въ томъ числѣ, какъ желала старушка. Посаженой матерью у Лябьева была gnädige Frau, посаженымъ отцомъ у невѣсты Сверстовъ; Егоръ же Егорычъ былъ шаферомъ у Музы и держалъ надъ нею вѣнецъ, а женихъ обошелся и безъ поддержки, надѣвъ самъ крѣпко на голову брачную корону.

На другой день послѣ свадьбы молодые уѣхали прямо въ Москву.

X.

Съ отъѣздомъ Музы въ кузьмищевскомъ домѣ воцарилась почти полная тишина: игры на фортепіано больше не слышно было; по вечерамъ не устраивалось ни картъ ни бесѣдъ въ гостиной, что, можетъ-быть, происходило оттого, что въ послѣднее время Егоръ Егорычъ, вслѣдствіе ли болѣзни или потому, что размышлялъ о чемъ-нибудь важномъ для него, не выходилъ изъ своей комнаты и оставался въ совершенномъ уединеніи. Сусанна между тѣмъ все болѣе и болѣе сближалась, или, точнѣе сказать, дружилась съ gnädige Frau: цѣлые вечера онѣ ходили вдвоемъ по залѣ, которая иногда не была даже и освѣщена. Сначала gnädige Frau разсказывала Сусаннѣ свою прошлую жизнь, описывая, какъ она въ юныхъ

лѣтахъ была гувернанткою, какъ вышла замужъ за пастора, съ которымъ такъ же была счастлива, какъ и съ теперешнимъ ея мужемъ.

— А съ Егоромъ Егорычемъ вы давно знакомы? — спросила ее однажды Сусанна.

— Близко я его узнала недавно,—отвѣчала gnädige Frau:— но много слышала о немъ отъ мужа моего Сверстова, съ которымъ Егоръ Егорычъ лѣтъ двадцать друженъ.

— Гдѣ же они подружились?—интересовалась Сусанна.

Gnädige Frau на первыхъ порахъ затруднилась нѣсколько отвѣтить.

— Какъ мнѣ вамъ это сказать! — заговорила она съ осторожностью. — Они подружились потому, что, если только это знаете, Егоръ Егорычъ былъ масонъ.

— Да, знаю,—это мнѣ говорила maman и покойная сестра Людмила!—подхватила съ живостью Сусанна.

— Сверстовъ также былъ масонъ! — продолжала gnädige Frau все-таки съ осторожностью: — съ этого и началась ихъ дружба. И я тоже масонка! — присовокупила она послѣ нѣкотораго молчанія и немножко улыбаясь.

— А развѣ женщины могутъ быть масонками? — полувоскликнула Сусанна.

— Отчего же имъ не быть?—воскликнула въ свою очередь, съ нѣкоторымъ удивленіемъ gnädige Frau.—Я даже была въ Геттингенѣ, по поручительству моего перваго мужа, принята въ ложу.

— Стало-быть, есть и женскія ложи? — разспрашивала съ возрастающимъ любопытствомъ Сусанна.

— Есть, но только смѣшанныя, состоящія изъ мужчинъ и женщинъ и работающія въ двухъ лишь степеняхъ: ученицъ и товарокъ, — хоть покойный мужъ мнѣ говорилъ, что онъ зналъ одну даму, которая была даже гросмейстеромъ.

Сусанна слушала, какъ бы не совсѣмъ понимая то, что говорила ей gnädige Frau. Та замѣтила это и спросила:

— Вамъ, можетъ-быть, неизвѣстно, что у масоновъ три степени: ученикъ, товарищъ и мастеръ, и изъ числа послѣднихъ выбирается начальникъ всей ложи, который носитъ титулъ великаго мастера.

— Въ первый разъ слышу объ этомъ! — призналась Сусанна. — Но что же они обыкновенно работали? — прибавила она.

— Въ первой, ученической степени масонамъ преподавались правила любви и справедливости, которыми каждому человѣку необходимо руководствоваться въ жизни; во второй

ихъ учили, какъ должно бороться со своими страстями и познавать самого себя, и въ третьей, высшей степени мастера, они подготовлялись къ концу жизни, который есть не что иное, какъ долженствующее для нихъ вскорѣ настать безсмертіе.

— Но откуда же произошли эти названія: ученикъ, товарищъ, мастеръ?

— Ахъ, эти названія я могу вамъ объяснить, но для этого должно начать со слова «масонъ»!—воскликнула съ одушевленіемъ gnädige Frau.—Вы, конечно, понимаете, что по-русски оно значитъ каменщикъ, и масоны этимъ именемъ назвались въ воспоминаніе Соломона, который, какъ вы тоже, вѣроятно, учили въ священной исторіи, задумалъ построить храмъ іерусалимскій; главнымъ строителемъ и архитекторомъ онъ выбралъ Адонирама; рабочихъ для постройки этого храма было собрано полтораста тысячъ, которыхъ Адонирамъ раздѣлилъ на учениковъ, товарищей и мастеровъ, и каждой изъ этихъ степеней онъ далъ символическое слово: ученикамъ «Іоакинъ», товарищамъ «Воозъ», а мастерамъ «Іегова», но такъ, что мастера знали свое наименованіе и наименованіе низшихъ степеней, товарищи свое слово и слово учениковъ, а ученики знали только свое слово. Сдѣлалъ онъ это затѣмъ, чтобы, расплачиваясь съ рабочими, не ошибиться какъ-нибудь, и когда тѣ получали отъ него плату, то каждый долженъ былъ шепнуть Адонираму свое наименованіе, сообразно которому онъ и выдавалъ, что̀ слѣдовало. Догадавшись объ этомъ, три жадные ученика: Фаноръ, Амру и Маѳусаилъ, желавшіе получать больше денегъ, рѣшились выпытать у Адонирама слово мастеровъ. Воспользовавшись тѣмъ, что по вечерамъ Адонирамъ ходилъ осматривать въ храмѣ работы, послѣдній изъ нихъ, Маѳусаилъ, остановилъ его у южныхъ воротъ и сталъ требовать отъ него, чтобы онъ открылъ ему слово мастеровъ; но Адонирамъ отказалъ ему въ томъ и получилъ за то отъ Маѳусаила ударъ молоткомъ; потомъ то же повторилось съ Адонирамомъ у сѣверныхъ воротъ, гдѣ Фаноръ ударилъ его киркой. Несчастный Адонирамъ бросился спасаться, но едва онъ успѣлъ кинуть въ колодецъ золотой священный треугольникъ, чтобы онъ не достался кому-либо изъ непосвященныхъ, какъ былъ встрѣченъ у восточныхъ воротъ Амру, которому онъ тоже не открылъ слова мастера и былъ имъ за то заколотъ на смерть циркулемъ. Тѣло Адонирама убійцы тайно вынесли изъ храма и вмѣстѣ съ этимъ тѣломъ куда-то скрылись. Соломонъ очень разгнѣвался по этому случаю и, выбравъ девять старѣйшихъ

мастеровъ, велѣлъ имъ непремѣнно отыскать трупъ Адонирама и измѣнить свое символическое слово «Іегова», ибо, по своей великой мудрости, Соломонъ догадался, что ученики убили Адонирама, выпытывая у него слово мастера. Избранники сіи пошли отыскивать трупъ и, по тайному предчувствію, взошли на одну гору, гдѣ и хотѣли отдохнуть, но когда прилегли на землю, то почувствовали, что она была очень рыхла; заподозрѣвъ, что это была именно могила Адонирама, они воткнули въ это мѣсто для памяти вѣтку акаціи и возвратились къ прочимъ мастерамъ, съ которыми на общемъ совѣщаніи было положено: замѣнить слово «Іегова» тѣмъ словомъ, какое кто-либо скажетъ изъ нихъ, когда тѣло Адонирама будетъ найдено; оно дѣйствительно было отыскано тамъ, гдѣ предполагалось, и когда одинъ изъ мастеровъ взялъ трупъ за руку, то мясо сползло съ костей, и онъ въ страхѣ воскликнулъ: «макбенакъ», что̀ по-еврейски значитъ: «плоть отдѣляется отъ костей». Слово это и взято было мастерами вмѣсто слова «Іегова».

Сусанна прослушала эту легенду съ трепетнымъ вниманіемъ. Въ ея молодомъ воображеніи съ необыкновенною живостью нарисовался этотъ огромный, темный храмъ іерусалимскій, сцена убійства Адонирама, и наконецъ мудрость царя Соломона, нѣкогда изрекшаго двумъ судившимся у него матерямъ, что ребенокъ, предназначенный имъ къ разсѣченію, долженъ остаться живъ и принадлежать той, которая отказалась, что она мать ему.

Въ слѣдующіе затѣмъ вечера, а ихъ прошло немалое число, Сусанна начала ужъ сама заговаривать о масонствѣ и разспрашивать gnädige Frau о разныхъ подробностяхъ, касающихся этого предмета.

— Но гдѣ же и кто учитъ учениковъ?—пожелала она знать.

Gnädige Frau нѣсколько мгновеній, видимо, колебалась, но потомъ, какъ бы сообразивъ pro и contra, сказала Сусаннѣ:

— Вотъ видите, прелесть моя, то, что̀ я вамъ уже разсказывала и буду дальше еще говорить, мы можемъ сообщать только лицамъ, желающимъ поступить въ масонство и которыя у насъ называются «ищущими»; для прочихъ же всѣхъ людей это должно быть тайной глубокой.

— Ахъ, я готова быть ищущей! — проговорила почти умоляющимъ голосомъ Сусанна.

— Это я предчувствовала еще прежде, что̀ меня и вызвало на нескромность,—продолжала gnädige Frau съ чувствомъ:— и я теперь прошу васъ объ одномъ, чтобы вы ни роднымъ вашимъ, ни друзьямъ, ни знакомымъ вашимъ не разсказы-

вали того, что̀ отъ меня услышите!.. Даже Егору Егорычу не говорите, потому что это можетъ быть ему непріятно.

— Никому въ мірѣ не скажу того!—воскликнула, но почти шопотомъ, Сусанна.

— Вѣрю вамъ! — произнесла gnädige Frau и, поцѣловавъ съ нѣжностью свое «прелестное существо», приступила къ отвѣтамъ на вопросы:—Вы интересовались, гдѣ и кто училъ учениковъ масонскихъ?.. Это дѣлалось обыкновенно въ ложахъ, при собраніи многихъ членовъ и подъ руководствомъ обыкновенно товарища, а иногда и мастера.

— И какъ же ихъ учили?—любопытствовала Сусанна.

— А такъ же вотъ, какъ и Егоръ Егорычъ началъ васъ учить: имъ указывали книги, какія должно читать, и когда они чего не понимали въ этихъ книгахъ, имъ ихъ риторы растолковывали.

— Я не знаю, что̀ такое риторъ?—произнесла съ наивностью Сусанна.

— О, риторъ—лицо очень важное!—толковала ей gnädige Frau. — По-моему, его обязанности труднѣй обязанностей великаго мастера. Покойный мужъ мой, который никогда не былъ великимъ мастеромъ, но всегда выбирался риторомъ, обыкновенно съ такою убѣдительностью представлялъ трудность пути масонства и такъ глубоко заглядывалъ въ душу ищущихъ, что нѣкоторые устрашались и отказывались, говоря: «нѣтъ, у насъ недостанетъ силъ нести этотъ крестъ!»

— Чего жъ они больше устрашались?.. Совѣсти, что ли, своей?..—спросила Сусанна.

— Конечно, прежде всего, совѣсти своей; а кромѣ того, тутъ и обряды очень страшные: васъ съ завязанными глазами посадятъ въ особую темную комнату, въ которую входитъ риторъ. Онъ съ приставленною къ груди вашей шпагою водитъ васъ по ужасному полу, нарочно изломанному и перековерканному, и тутъ же объясняетъ, что такъ мы странствуемъ въ жизни: прошедшее для насъ темно, будущее неизвѣстно, и мы знаемъ только настоящее, что шпага, приставленная къ груди, можетъ вонзиться въ нее, если избираемый сдѣлаетъ одинъ ложный шагъ, ибо онъ не видитъ пути, по которому теперь идетъ, и не можетъ распознавать препятствій, на немъ лежащихъ. «Васъ,—говоритъ риторъ:—ведетъ рука, которой вы тоже не видите; если вы будете ею оставлены, то гибель ваша неизбѣжна. Страсти и слабости, обыкновенно затмевая внутренній свѣтъ, ведутъ насъ въ ослѣпленіи по неизвѣстнымъ путямъ, и если бы невидимая рука не путеводствовала насъ, мы бы давно погибли». Знаете,

какъ послушаешь эти слова, то у кого на душѣ не совсѣмъ чисто и рѣшеніе его не очень твердо, такъ морозъ пробѣжитъ по кожѣ.

— Неужели же съ вами все это дѣлали, и вы не испугались?—проговорила съ удивленіемъ Сусанна.

— Рѣшительно все это исполнили и со мной!.. Конечно, я чувствовала сильное волненіе и еще больше того — благоговѣйный страхъ; но ритору моему однако отвѣчала съ твердостью, что я жена масона и должна быть масонкой, потому что мужъ и жена въ такомъ важномъ предметѣ не могутъ разно мыслить!

— А развѣ масонками могутъ быть только жены масоновъ?—замѣтила Сусанна.

— То-есть въ ложу вступить можетъ только жена масона.

Сусанна при этомъ печально потупила головку.

— Но что̀ такое сама ложа представляетъ?—спросила она.

— Это обыкновенная комната!.. Въ Геттингенѣ, гдѣ я была принимаема, она находилась въ бывшемъ винномъ погребѣ, но превосходно отдѣланномъ... Въ восточной сторонѣ ея помѣщался жертвенникъ, на которомъ лежала раскрытая библія; на полу разстилался обыкновенный масонскій коверъ... Къ этому алтарю надзиратель подвелъ меня. Великій мастеръ сказалъ мнѣ привѣтствіе, послѣ чего я стала однимъ колѣномъ на подушку, и они мнѣ дали раскрытый циркуль, ножку котораго я должна была приставить къ обнаженной груди моей, и въ такомъ положеніи заставили меня дать клятву; потомъ приложили мнѣ къ губамъ печать Соломона, въ знакъ молчанія, и тутъ-то наступила самая страшная минута! Я была брезглива съ рожденія, но никогда не была въ то же время пуглива и труслива; но, признаюсь, чуть не упала въ обморокъ, когда приподняли немного повязку на моихъ глазахъ, и я увидала при синеватомъ освѣщеніи спиртовой лампы прямо передъ собою только-что принятую передъ тѣмъ сестру въ окровавленной одеждѣ.

— Кто̀ жъ это ее и зачѣмъ окровянилъ?—воскликнула Сусанна, даже дрожавшая отъ разсказа gnädige Frau.

— Это, какъ впослѣдствіи я узнала, — продолжала та: — означало, что путь масоновъ тернистъ, и что они съ первыхъ шаговъ покрываются ранами и кровью; но, кромѣ того, я вижу, что со всѣхъ сторонъ братья и сестры держатъ обнаженныя шпаги, обращенныя ко мнѣ, и тутъ ужъ я не въ состояніи была совладать съ собой и вскрикнула; тогда великій мастеръ сказалъ мнѣ: «Успокойтесь, gnädige Frau, шпаги эти только видимымъ образомъ устремлены къ вамъ и

пока еще онѣ за васъ; но горе вамъ, если вы нарушите вашу клятву и молчаливость, — мы всюду имѣемъ глаза и всюду уши: при недостойныхъ поступкахъ вашихъ, всѣ эти мечи будутъ направлены для наказанія васъ», и что онъ дальше говорилъ, я не поняла даже и очень рада была, когда мнѣ повязку опять спустили на глаза; когда же ее совсѣмъ сняли, ложа была освѣщена множествомъ свѣчей, и мнѣ стали дарить разныя масонскія вещи.

— Ахъ, я видала эти масонскія вещи! — перебила ее Сусанна.

— Гдѣ? — спросила ее gnädige Frau съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Вотъ здѣсь, у Егора Егорыча, въ Кузьмищевѣ! — объяснила Сусанна, покраснѣвъ въ лицѣ.

— Онъ вамъ самъ показывалъ ихъ?—продолжала gnädige Frau съ прежнимъ недоумѣніемъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала Сусанна:—но мы въ тотъ годъ цѣлое лѣто гостили у него, а покойная сестра Людмила была ужасная шалунья, и онъ съ ней былъ всегда очень откровененъ: она меня тихонько провела въ его комнату и вынула изъ его стола какой-то точно передникъ, бѣлый-пребѣлый!..

— Это запонъ! — поясняла ей gnädige Frau. — Онъ изъ твердой замши дѣлается и дѣйствительно всегда очень бѣлъ, въ знакъ того, что всякій масонъ долженъ быть твердъ, постояненъ и чистъ!..

— Но потомъ Людмила мнѣ гораздо ужъ позже показывала бѣлыя женскія перчатки, которыя Егоръ Егорычъ ей подарилъ и которыя тоже были масонскія.

— Стало-быть, онъ сватался къ ней? — воскликнула gnädige Frau.

— Да,—отвѣчала Сусанна, потупляя глаза:—онъ ее очень любилъ!..

— А она?—спросила gnädige Frau.

— Нѣтъ, она его уважала, но любила другого!—объяснила Сусанна и поспѣшила перемѣнить тяжелый для нея, по семейнымъ воспоминаніямъ, разговоръ.— И этимъ кончилось ваше посвященіе?

— Почти,—сказала gnädige Frau:—потому что потомъ мнѣ стали толковать символическія изображенія ковра, который, впрочемъ, у масоновъ считается очень многознаменательною вещью.

— Почему же многознаменательною?

— Теперь, моя прелесть, довольно поздно,—сказала въ отвѣтъ на это gnädige Frau:—а объ этомъ придется много го-

ворить; кромѣ того, мнѣ трудно будетъ объяснить все на словахъ; но лучше вотъ что̀... завтрашній день вы поутру приходите въ мою комнату, и я вамъ покажу такой коверъ, который я собственными руками вышила по канвѣ.

Сусанна до глубины души обрадовалась такому предложенію и на другой день, какъ только одѣлась, сейчасъ же пришла въ комнату gnädige Frau, гдѣ и нашла коверъ повѣшеннымъ, какъ ландкарта, на стѣну, и онъ ее первоначально поразилъ пестротой своей и странными фигурами, на немъ изображенными. Она увидала тутъ какія-то колонны, солнце, луну, но gnädige Frau прежде всего обратила ея вниманіе на другое.

— Видите ли вы эту рамку кругомъ?—начала она.

— Да, и какая она красивая!—отвѣчала Сусанна.

— Красоты особенной въ ней нѣтъ, — возразила gnädige Frau:—но она важна по символу.

Сусанна принялась слушать съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Рамка эта, заключающая въ себѣ всѣ фигуры,—продолжала gnädige Frau:—означаетъ, что хитрость и злоба людей заставляютъ пока масоновъ быть замкнутыми и таинственными, тѣмъ не менѣе эти буквы на рамкѣ: N, S, W и O, выражаютъ четыре страны свѣта и говорятъ масонамъ, что, несмотря на воздвигаемыя имъ преграды, они уже вышли чрезъ нарисованныя у каждой буквы врата и распространились по всѣмъ странамъ міра.

— А эта веревка съ кистями что̀ такое?—спросила Сусанна.

— Это жгутъ, которымъ задергивалась завѣса въ храмѣ Соломона передъ Святая Святыхъ,—объяснила gnädige Frau:—а подъ ней, какъ видите, солнце, луна, звѣзды, и все это символизируетъ, что человѣкъ, если онъ удостоился любви Божіей, то можетъ остановить, какъ Іисусъ Навинъ, теченіе солнца и луны,—вы, конечно, слыхали объ Іисусѣ Навинѣ?

— О, да, меня батюшка-священникъ въ институтѣ очень любилъ за то, что я отлично знала катехизисъ и священную исторію.

— Это я вижу теперь!—сказала gnädige Frau и продолжала толковать:—Эти фигуры изображаютъ камни: одинъ, неотесанный и грубый, представляетъ человѣка въ его грѣховномъ несовершенствѣ, а этотъ, правильный и изящный, говоритъ, какимъ человѣкъ можетъ быть послѣ каменщицкой работы надъ своимъ сердцемъ и умомъ... Прямоугольникъ этотъ, отвѣсъ, циркуль, молотокъ — обыкновенныя орудія каменщиковъ; но у масоновъ они составляютъ матеріальные феномены: циркуль выражаетъ, что Богъ этимъ далеко распростертымъ циркулемъ измѣряетъ и разыскиваетъ работу масоновъ... Отъ-

вѣсъ и прямоугольникъ указываютъ, чтобы мы во всѣхъ поступкахъ нашей жизни поступали по требованію нашей совѣсти... Молотокъ предписываетъ послушаніе и покорность масонамъ, потому что великій мастеръ однимъ нешумнымъ и легкимъ ударомъ побуждаетъ все собраніе къ истинѣ и вниманію.

— А это какое изображеніе?—показала Сусанна на кирку.

— Это лопаточка каменщиковъ, которая повелѣваетъ масонамъ тщательно заравнивать разсѣлины и ямки сердца нашего, которыя производятъ въ насъ высокомѣріе, гнѣвъ, отчаяніе...

— Господи, какъ это хорошо!—воскликнула Сусанна, уже садясь на стулъ и беря себя за голову.

— А эти столбы и мозаическій полъ взяты въ подражаніе храму Соломона; большая звѣзда означаетъ тотъ священный огонь, который постоянно горѣлъ въ храмѣ... — начала-было дотолковывать gnädige Frau, но, замѣтивъ, что Сусанна была очень взволнована, остановилась и, сѣвъ съ нею рядомъ, взяла ее за руку.

— Васъ заняло все это, мое прелестное существо? — сказала она растроганнымъ голосомъ.

— Ужасно, ужасно!.. — воскликнула Сусанна: — я чрезвычайно бы желала быть масонкой.

— Надѣюсь, что въ этомъ случаѣ вами руководитъ не одно только любопытство?—допрашивала ее, какъ бы риторъ, gnädige Frau.

— Видитъ Богъ, нѣтъ!.. Клянусь въ томъ моей матерью, тѣнью моей умершей сестры...

— Если въ васъ это душевное состояніе продолжится, то ваше желаніе исполнится, и вы будете масонкой!—произнесла съ торжественностью gnädige Frau.

— Но какъ же это?.. Я должна быть женой масона?

— Исполнится!—повторила еще разъ съ торжественностью gnädige Frau. — А теперь пока довольно: вы слишкомъ утомлены и взволнованы,—добавила она:—подите къ себѣ, уединитесь и помолитесь!

Сусанна повиновалась ей и ушла.

Gnädige Frau между тѣмъ объ этихъ разговорахъ и объясненіяхъ съ прелестнымъ существомъ въ непродолжительномъ времени сообщила своему мужу, который обыкновенно являлся домой только спать; цѣлые же дни онъ возился въ больницѣ, объѣзжалъ сосѣднія деревни, изъ которыхъ доходилъ до него слухъ, что тамъ много больныхъ, лѣчилъ даже у крестьянъ лошадей, коровъ, и когда онъ такимъ образомъ возвратился

однажды домой и, выпивъ своей любимой водочки, принялся ужинать, то gnädige Frau подсѣла къ нему.

— Я очень начинаю любить Сусанну и много говорю съ ней о разныхъ разностяхъ,—начала она издалека.

— Отлично это дѣлаешь!.. Ты совершенно справедливо прозвала ее прелестнѣйшимъ существомъ!.. — отозвался докторъ.

— Но извѣстно ли тебѣ,—продолжала gnädige Frau послѣ короткаго молчанія: — что Сусанна жаждетъ быть масонкой?

Докторъ даже встрепенулся отъ удовольствія и удивленія.

— Превосходно! Какая же можетъ быть помѣха тому?— проговорилъ онъ съ обычнымъ ему оптимистическимъ взглядомъ.

— Помѣха есть!.. Ты забываешь, — возразила ему предусмотрительная gnädige Frau:—что для того, чтобы быть настоящей масонкой, не на словахъ только, надо вступить въ ложу, а гдѣ нынче ложа?

При этомъ замѣчаніи докторъ почесалъ у себя въ затылкѣ.

— Это такъ!—согласился онъ.

— Потомъ, — развивала далѣе свое возраженіе gnädige Frau:—если бы и была ложа, то у насъ существуетъ строгое правило, что всякая женщина, которая удостоивается сдѣлаться масонкой, должна быть женой масона.

— Правда!—согласился и съ этимъ докторъ.—Но погоди, постой!—воскликнулъ онъ, взявъ себя на нѣсколько мгновеній за голову: — Егоръ Егорычъ хотѣлъ сдѣлать старшую сестру Сусанны, Людмилу, масонкой и думалъ жениться на ней, а теперь пусть женится на Сусаннѣ!

— Что ты такое говоришь, какія несообразности!—сказала gnädige Frau съ оттѣнкомъ даже нѣкоторой досады:—Людмилу онъ любилъ, а Сусанны, можетъ-быть, не любитъ!

— Не любитъ?.. Не любитъ, ты говоришь? А развѣ ты не видишь, какъ онъ на нее взглядываетъ?—произнесъ, лукаво подмигнувъ, Сверстовъ.

— Взглядывать, онъ, конечно, взглядываетъ...—не отвергнула того и gnädige Frau.

— Значитъ, все и кончено! — воскликнулъ докторъ, хлопнувъ при этомъ еще рюмку водки, къ чему онъ всегда прибѣгалъ, когда его что-либо пріятное или непріятное поражало, и gnädige Frau на этотъ разъ не выразила въ своихъ глазахъ неудовольствія, понимая такъ, что дѣло, о которомъ шла рѣчь, стоило того, чтобы за успѣхъ его лишнее выпить!..

— Еще далеко не все кончено и едва только начато! — возразила gnädige Frau. — Теперь вотъ что мы должны дѣлать: сначала ты выпытай у Егора Егорыча, потому что мнѣ

прямо съ нимъ заговорить объ этомъ никакого повода нѣтъ!

— Конечно, разумѣется!—согласился докторъ.

— Я же между тѣмъ буду постепенно приготовлять къ тому Сусанну!—добавила gnädige Frau.

— Optime!—воскликнулъ докторъ и хотѣлъ-было итти лечь спать, но вошелъ, сверхъ всякаго ожиданія, Антипъ Ильичъ.

— Васъ Егоръ Егорычъ просятъ къ себѣ! — проговорилъ онъ своимъ кроткимъ голосомъ.

— Зачѣмъ?.. Боленъ, что ли, Егоръ Егорычъ?—спросилъ докторъ, нѣсколько встревоженный такимъ позднимъ приглашеніемъ.

— Нѣтъ-съ, ничего, кажется!..—отвѣчалъ Антипъ Ильичъ:— тамъ чей-то дворовый человѣкъ привезъ имъ письмо отъ ихняго знакомаго.

Докторъ пошелъ и засталъ Егора Егорыча сидящимъ въ своемъ креслѣ и дѣйствительно съ развернутымъ письмомъ въ рукахъ.

— Вотъ какого рода посланіе сейчасъ получилъ я!—проговорилъ Егоръ Егорычъ и началъ читать самое письмо:

«Многоуважаемый Егоръ Егорычъ!

«Беру смѣлость напомнить вамъ о себѣ: я старый вашъ знакомый, Мартынъ Степанычъ Пилецкій, и по волѣ Божіей очутился нежданно-негаданно въ весьма недалекомъ отъ васъ сосѣдствѣ—я гощу въ усадьбѣ Ивана Петровича Артасьева и нѣсколько дней тому назадъ столь сильно заболѣлъ, что едва имѣю силы начертать эти немногія строки, а между тѣмъ, по общимъ слухамъ, у васъ есть больница и при оной искусный и добрый врачъ. Не будетъ ли онъ столь милостивъ ко мнѣ, чтобы посѣтить меня и уменьшить хоть нѣсколько мои тяжкія страданія?

«Принося извиненіе, что безпокою васъ, остаюсь вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою—Мартынъ Пилецкій».

— Такъ я сейчасъ и поѣду; мнѣ все равно спать—что въ постели, что въ тарантасѣ!—объяснилъ Сверстовъ.

— Поѣзжайте!—не сталъ его отговаривать Егоръ Егорычъ, и едва только докторъ ушелъ отъ него, онъ раскрылъ лежавшую передъ нимъ бумагу и сталъ писать на ней уже не объясненіе масонское, не поученіе какое-нибудь, а стихи, которые хотя и выходили у него отчасти придуманными, но все-таки не были лишены своего рода поэтическаго содержанія. Онъ бряцалъ на своей лирѣ:

Какъ въ ясной лазури затихшаго моря
Вся слава небесъ отражается,

Такъ въ свѣтѣ отъ страсти свободнаго духа
Намъ вѣчное благо является.

Но глубь недвижимая въ мощномъ просторѣ
Все та же, что въ бурномъ волненіи,
Духъ ясенъ и свѣтелъ въ свободномъ покоѣ,
Но тотъ же и въ страстномъ хотѣніи.

Свобода, неволя, покой и волненье
Проходятъ и снова являются,
А онъ все одинъ, и въ стихійномъ стремленьи
Лишь сила его открывается.

Кончивъ и перечитавъ свое стихотвореніе, Егоръ Егорычъ, видимо, остался имъ доволенъ и, слагая его, врядъ ли не имѣлъ въ виду, помимо своего душевнаго изліянія, другой, болѣе отдаленной цѣли!

XI.

На другой день къ вечеру докторъ возвратился въ Кузьмищево и былъ въ весьма веселомъ и возбужденномъ настроеніи, такъ что не зашелъ даже наверхъ къ своей супругѣ, съ нетерпѣніемъ и нѣкоторымъ опасеніемъ, какъ всегда это было, его поджидавшей, а прошелъ прямо къ Егору Егорычу.

— Вы мнѣ ничего не сказали, къ какого сорта господину я ѣду...—началъ онъ.

— И забылъ совсѣмъ объ этомъ,—отвѣчалъ Егоръ Егорычъ, въ самомъ дѣлѣ забывшій тогда, такъ какъ въ это время обдумывалъ свое стихотвореніе.

— Онъ сосланный сюда, оказывается,—продолжалъ докторъ.

— Да, эта высылка его произошла при мнѣ, когда я въ послѣдній разъ былъ въ Петербургѣ.

— Онъ мнѣ говорилъ, что его сослали за принадлежность къ нѣкой сектѣ, названіе которой я теперь забылъ.

— Къ сектѣ Татариновой, — подсказалъ доктору Егоръ Егорычъ.

— Нѣтъ, иначе какъ-то,—возразилъ тотъ.

— Ну, такъ Никитовской, должно-быть,—отозвался Егоръ Егорычъ.

— Это вотъ такъ! Но почему же она Никитовской называется?

— Она собственно называется Татарино-Никитовское согласіе, и послѣднее наименованіе ей дано отъ имени одного изъ членовъ этого согласія, Никиты Ѳедорова, который по своей профессіи музыкантъ и былъ у нихъ регентомъ при ихъ пѣніяхъ.

— Но сама Татаринова что̀ за особа? Я объ ней слыхалъ... Она, говорятъ, аристократка?

— Ну, какая же аристократка! — отвергнулъ Егоръ Егорычъ.—Она урожденная Буксгевденъ, и мать ея была нянькой при маленькой княжнѣ, дочери покойнаго государя Александра Павловича; а когда дѣвочка умерла, то въ память ея Буксгевденъ была, кажется, сдѣлана статсъ-дамой, и ей дозволено было жить въ Михайловскомъ замкѣ... Дочь же ея, Екатерина Филипповна, воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ, а потомъ вышла замужъ за полковника Татаринова, который былъ раненъ подъ Лейпцигомъ и вскорѣ послѣ кампаніи померъ, а Екатерина Филипповна пріѣхала къ матери, гдѣ стала заявлять, что она надѣлена даромъ пророчества, и собрала вкругъ себя нѣсколько адептовъ.

— Въ числѣ которыхъ былъ, конечно, однимъ изъ первыхъ Мартынъ Степанычъ Пилецкій?

— Да, онъ, деверья ея — Татариновы, князь Енгалычевъ, Поповъ, Василій Михайлычъ...—перечислялъ Егоръ Егорычъ.

— Но какая же собственно это секта была и въ чемъ она состояла? — спросилъ докторъ.

— Разно ихъ понимаютъ, — отвѣчалъ неторопливо Егоръ Егорычъ, видимо, бывшій въ рѣдко ему свойственномъ тихомъ и апатическомъ настроеніи: — Павелъ Петровичъ Свиньинъ, напримѣръ, доказывалъ мнѣ, что они чистые квакеры, но квакерства въ нихъ, насколько мнѣ они извѣстны, я не признаю, а скорѣе это наши хлысты!

— Какъ хлысты! — воскликнулъ ошеломленный этими словами Егора Егорыча докторъ.

— Что̀ же васъ такъ удивило это?..—сказалъ тотъ.—Я говорю это на томъ основаніи, что Татарино-Никитовцы имѣли весьма сходные обряды съ хлыстами, такъ же вѣрятъ въ сошествіе на нихъ Духа Святого... Екатерина Филипповна у нихъ такъ же пророчествовала, какъ хлыстовки нѣкоторыя.

— Но меня удивлялъ,—отвѣчалъ докторъ, все еще остававшійся въ недоумѣніи:—что у нихъ въ союзѣ, какъ сказалъ мнѣ Мартынъ Степанычъ, былъ даже князь Александръ Николаичъ Голицынъ.

— Былъ!—подтвердилъ Егоръ Егорычъ.

— Какимъ же образомъ, когда князь испоконъ вѣка масонъ?

— Хлысты очень близки къ масонамъ, — объяснилъ Егоръ Егорычъ:—они тоже мистики, какъ и мы, и если имѣютъ нѣкоторыя грубыя формы въ своихъ исканіяхъ, то это не представляетъ еще существенной разницы.

— Разумѣется!—воскликнулъ радостно докторъ.—Я давно

это думалъ и, кажется, говорилъ вамъ, что изъ раскольниковъ, если только ихъ направить хорошо, можно сдѣлать масоновъ.

— Нѣтъ! — отвергнулъ рѣшительнымъ тономъ Егоръ Егорычъ: — не говоря уже о томъ, что бо́льшая часть изъ нихъ не имѣетъ ничего общаго съ нами, но даже и такіе, у которыхъ основанія ихъ вѣроученія тожественны съ масонствомъ, и тѣ, если бы воззвать къ нимъ, потребуютъ, чтобы мы сдѣлались ими, а не они нами.

— Даже хлысты? — воскликнулъ докторъ.

— И хлысты даже! — повторилъ Егоръ Егорычъ.

— По грубости формъ своихъ исканій?

— Отчасти и по грубости своей.

— А если бы молоканъ взять: у тѣхъ, я знаю, нѣтъ грубыхъ формъ ни въ обрядахъ ни въ пониманіи! — возразилъ докторъ.

Егоръ Егорычъ сдѣлалъ гримасу.

— У молоканъ потому этого нѣтъ, что у нихъ не существуетъ ни обрядовъ ни пониманія истиннаго, — они узкіе раціоналисты!—проговорилъ онъ какъ бы даже съ презрѣніемъ.

— Жаль!—сказалъ докторъ.—Но опять вотъ о Пилецкомъ. Онъ меня увѣрялъ, что ихъ собранія посѣщалъ даже покойный государь Александръ Павловичъ.

Егоръ Егорычъ на нѣкоторое время задумался.

— Государь Александръ Павловичъ, — началъ Егоръ Егорычъ:—былъ одинъ изъ самыхъ острыхъ и тонкихъ умовъ, и очень возможно, что онъ бывалъ у m-me Татариновой, желая вѣдать всѣ возрастанія и всѣ уклоненія въ духовномъ движеніи людей... Кромѣ того, я на это имѣю еще и другое подтвержденіе. Пріятель мой Милорадовичъ нѣкогда передавалъ мнѣ, что когда онъ сталъ бывать у Екатерины Филипповны, то старику-отцу его это очень не понравилось, и онъ прислалъ сыну строгое письмо съ такого рода укоромъ, что Богъ знаетъ, у кого ты и гдѣ бываешь... Милорадовичъ показалъ это письмо государю, и Александръ Павловичъ по этому поводу написалъ старику собственноручно, что въ обществѣ госпожи Татариновой ничего нѣтъ такого, что̀ отводило бы людей отъ религіи, а, напротивъ того, ученіе ея можетъ сдѣлать человѣка еще болѣе привязаннымъ къ церкви.

— Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ! — произнесъ и многознаменательно качнулъ головой докторъ. — Скажите, вы давно знакомы съ Пилецкимъ, который, говорю вамъ откровенно, мнѣ чрезвычайно понравился?

— Давно; я познакомился съ нимъ, когда мнѣ было всего только пятнадцать лѣтъ, въ Геттингенѣ, гдѣ я и онъ студиро-

вали сряду три семестра. Пилецкій былъ меня старше лѣтъ на шесть, на семь.

— По происхожденію своему онъ, должно-быть, полякъ?

— Нѣтъ, онъ родомъ сербъ и, по-моему, человѣкъ высокихъ душевныхъ качествъ. Геттингенскій университетъ тогда славился строгостью морали, философіей и идеалистическимъ направленіемъ... Я, какъ мальчикъ, охваченъ былъ, конечно, всѣмъ этимъ и унесся весь въ небеса; Мартынъ же Степанычъ свои доктрины практиковалъ уже и въ жизни; отличительнымъ свойствомъ его была простота и чистота сердечная, соединенная съ возвышеннымъ умомъ и съ искренней восторженностью. Лично я, впрочемъ, выше всего цѣнилъ въ Мартынѣ Степанычѣ его горячую любовь къ дѣтямъ и всякаго рода дурачкамъ: онъ способенъ былъ цѣлые дни ихъ занимать и забавлять, хотя въ то же время я смутно слышалъ исторію его выхода изъ лицея, гдѣ онъ былъ инспекторомъ классовъ и гдѣ они его обвиняли; а по-моему, тутъ были виноваты сами мальчишки, которые, конечно, какъ и Александръ Пушкинъ, затѣявшій всю эту исторію, были склоннѣе читать Апулея и Вольтера, чѣмъ слушать Пилецкаго.

— Въ чѣмъ же собственно эта исторія состояла?—спросилъ съ большимъ любопытствомъ Сверстовъ.

— Исторія чисто-кадетская, изъ которой, по-моему, Пилецкій вышелъ умно и благородно: всѣ эти избалованные барчонки вызвали его въ конференцъ-залу и предложили ему: или удалиться, или видѣть, какъ они потребуютъ собственнаго своего удаленія; тогда Пилецкій, вмѣсто того, чтобы наказать ихъ, какъ бы это сдѣлалъ другой, объявилъ имъ: «Ну, господа, оставайтесь лучше вы въ лицеѣ, а я уйду, какъ непригодный вамъ», и въ ту же ночь выѣхалъ изъ лицея навсегда.

— И, по-моему, это благородно,—подхватилъ Сверстовъ:— и показываетъ дѣйствительно его снисходительность и любовь къ дѣтямъ. Теперь, впрочемъ, кажется, — присовокупилъ онъ съ улыбкой: — Мартынъ Степанычъ любитъ и почти боготворитъ одну только Екатерину Филипповну: онъ все почти время мнѣ толковалъ, что она святая и что дѣйствительно имѣетъ даръ пророчества, такъ что я, грѣшный человѣкъ, заключилъ, что не существовало ли даже между ними плотской любви.

— Это не одни вы, а многіе, въ томъ числѣ и князь Александръ Николаичъ, подозрѣвали и объясняли, что они не женятся единственно потому, что они хлысты, кои, какъ извѣстно, не признаютъ церковнаго брака!

Проговоривъ это, Егоръ Егорычъ сталъ легонько постукивать ногой. У Сверстова это не свернулась съ глаза. Сообра-

зивъ, что это постукиванье какъ разъ началось при словѣ «бракъ», онъ нашелъ настоящую минуту удобною, чтобы приступить къ исполненію порученія своей gnädige Frau.

— Впрочемъ, Богъ съ ними, со всѣми этими господами,— началъ онъ:—мнѣ еще лично васъ нужно повыпытать; скажите мнѣ, какъ врачу и другу, успокоились ли вы совершенно по случаю вашей душевной потери въ лицѣ Людмилы?

Егора Егорыча точно что̀ кольнуло. Онъ ни слова не отвѣчалъ и даже отвернулся отъ доктора.

— Когда вы возвратились изъ Петербурга, — продолжалъ тотъ: — мнѣ показалось, что да: успокоились, стали бодрѣе, могучѣе физически и нравственно, но послѣднее время вы снова ослабли.

Егоръ Егорычъ вдругъ какъ бы воспрянулъ.

— Я не ослабъ,—сказалъ онъ твердымъ и мужественнымъ голосомъ: — но я угнетенъ сомнѣніями...

— Въ чемъ? — спросилъ докторъ.

Прежде чѣмъ отвѣтить на это, Егоръ Егорычъ покраснѣлъ.

— Говорить предъ вами неправду, — забормоталъ онъ: — я считаю невозможнымъ для себя: память о Людмилѣ, конечно, очень жива во мнѣ, и я бы Богъ знаетъ чего ни далъ, чтобы воскресить ее и сдѣлать счастливой на землѣ, но всѣмъ этимъ Провидѣніе не наградило меня. Сдѣлать тутъ что-либо было выше моихъ силъ и разума; а потомъ мнѣ закралась въ душу мысль — все, что̀ я готовилъ для Людмилы, передать (тутъ ужъ Егоръ Егорычъ очень сильно сталъ стучать ногой)... передать, — повторилъ онъ: — Сусаннѣ.

Докторъ готовъ былъ привскочить отъ радости до потолка, но на первыхъ порахъ удержался.

— Оно такъ и должно быть, это логическое послѣдствіе, больше ничего, — высказалъ онъ разсуждающимъ тономъ.

— Нѣтъ-съ, это не логическая послѣдовательность,—воскликнулъ Егоръ Егорычъ:—это измѣна и вѣтренность! Когда Людмила умерла, или... нѣтъ, что̀ я говорю!.. раньше,—когда она отказала мнѣ въ рукѣ, я долженъ былъ бы умереть.

— А это,—воскликнулъ ужъ и докторъ, въ свою очередь:— было бы признакомъ мелкой натуры, а у васъ, слава Богу, силы гиганта,—признакомъ глупой сентиментальности, которой тоже въ васъ нѣтъ! Людмила, какъ вы говорили, не полюбила васъ и поэтому не должна была болѣе существовать для васъ!

— Какъ не существовать!—воскликнулъ Егоръ Егорычъ:— что̀ же я, какъ старый башмакъ, и выбросилъ бы ее изъ души?

— Не то что̀ башмакъ, я не такъ выразился,—объяснилъ

докторъ: — я хотѣлъ сказать, что вы могли остаться для нея добрымъ благотворителемъ, какимъ вы и были. Людмилы я совершенно не зналъ, но изъ того, что она не отвѣтила на ваше чувство, я ее невысоко понимаю. Сусанна же отвѣтитъ вамъ на толчокъ вашъ въ ея сердце, и скажу даже,—я тоже, какъ и вы, считаю невозможнымъ скрывать передъ вами, — скажу, что она пламенно желаетъ быть женой вашей и масонкой,—это мнѣ, не дальше какъ на-дняхъ, сказала gnädige Frau.

— Сусанна, вы говорите, желаетъ быть масонкой?—произнесъ глухимъ голосомъ Егоръ Егорычъ.

— Да,—сказалъ съ сильнымъ удареніе Сверстовъ:—и такъ какъ масонкой можетъ быть только жена масона, то вы и должны жениться на Сусаннѣ.

— Другъ любезный, ты безумствуешь! Любовь твоя ко мнѣ совершенно ослѣпляетъ тебя!.. Сусанна никакъ ужъ не пойдетъ за меня!.. Я слишкомъ старъ для нея!—крикалъ Егоръ Егорычъ.

— На это я вамъ ничего не стану отвѣчать, — возразилъ докторъ: — а вы позвольте мнѣ лучше позвать сюда gnädige Frau, и она будетъ съ вами разговаривать.

— Позовите! — крикнулъ Егоръ Егорычъ.

— Позовите сюда внизъ жену мою!—крикнулъ вслѣдъ затѣмъ докторъ, высунувъ голову въ коридоръ, около котораго была комната горничныхъ.

Тамъ произошелъ небольшой шумъ, и послышалось, что кто-то побѣжалъ наверхъ. Gnädige Frau не заставила себя долго ждать и въ весьма скоромъ времени явилась въ спальню Егора Егорыча.

— Gnädige Frau,—сразу же объявилъ онъ ей:—я жалуюсь вамъ на вашего мужа: онъ вызываетъ меня на безумнѣйшую глупость: онъ говоритъ, что я смѣло могу свататься къ Сусаннѣ!

— Мало, что можете, но вы должны это сдѣлать,—отвѣчала gnädige Frau, хоть и съ большимъ внутреннимъ волненіемъ, но все-таки ровнымъ и тихимъ голосомъ.

— Но какъ же это! — воскликнулъ Егоръ Егорычъ. — Я старикъ, человѣкъ невѣдомый для Сусанны, terra incognita для нея... Я наконецъ являюсь передъ Сусанной — что хуже всего—вѣтренымъ и измѣнчивымъ старикомъ!

— Ни то, ни другое, ни третье! — начала ему возражать по пунктамъ gnädige Frau.—Вы еще вовсе не старикъ. Конечно, Людмила къ вамъ была нѣсколько ближе по возрасту, но, какъ я слыхала, только года на два, а это разница, думаю, небольшая!

Противъ такого аргумента Егоръ Егорычъ, безъ сомнѣнія, ничего не могъ возразить. Докторъ же, сидѣвшій съ потупленною головой, въ душѣ наслаждался умомъ своей gnädige Frau.

— А что если вы говорите, что вы terra incognita для Сусанны, то вы совершенно ошибаетесь: terra incognita вы всегда были для Людмилы, но Сусанна васъ знаетъ и понимаетъ!

— И я это самое говорю, — подхватилъ докторъ.

— Ты теперь помолчи!—остановила его gnädige Frau.—Я бы, Егоръ Егорычъ, о Сусаннѣ звука не позволила себѣ произнести, если бы я ея не узнала, какъ узнала въ послѣднее время: это дѣвушка религіозная, и религіозная въ масонскомъ смыслѣ, потому что глубоко васъ уважаетъ,—скажу даже болѣе того: она любитъ васъ!

Глаза gnädige Frau при этомъ горѣли, мускулы въ лицѣ подергивало; несомнѣнно, что она въ эти минуты устраивала одно изъ самыхъ серьезныхъ дѣлъ, какое когда-либо предпринимала въ жизни.

Егоръ Егорычъ между тѣмъ молчалъ и впалъ въ глубокое раздумье. Докторъ хотѣлъ-было заговорить, но gnädige Frau движеніемъ руки остановила его. Егоръ Егорычъ вскорѣ опять поднялъ голову.

— Благодарю васъ, друзья мои!—началъ онъ съ навернувшимися на глазахъ слезами.—Слова ваши такъ радостны и неожиданны для меня, что я не состоянiи даже ничего отвѣчать на нихъ.

— Натурально!..—произнесла gnädige Frau.—Пойдемъ!—прибавила она повелительно мужу.

Тотъ, съ своей стороны, счелъ нужнымъ повиноваться ей.

— Gnädige Frau, завтра, или, еще лучше, послѣзавтра вы придите ко мнѣ въ эту мою комнату поутру! — воскликнулъ Егоръ Егорычъ, когда Сверстовы уходили.

— Приду послѣзавтра, въ десять часовъ утра, — отвѣтила ему съ точностью gnädige Frau.

Почти навѣрно можно сказать, что ни Егоръ Егорычъ, ни gnädige Frau, ни докторъ эту ночь не спали напролетъ, да не спала, кажется, и Сусанна, тревожимая раздававшимся шумомъ внизу.

Весь слѣдующій день Егоръ Егорычъ провелъ запершись въ своей комнатѣ и только къ вечеру спросилъ чаю съ хлѣбомъ и затѣмъ снова заперся. Вѣроятно, онъ этотъ день провелъ въ умномъ дѣланіи, потому что сидѣлъ неподвижно на своемъ креслѣ и, держа свою руку подъ ложечкой, потомъ все

болѣе и болѣе сталъ поднимать глаза къ небу и видимо одушевлялся.

— Gnädige Frau,—началъ онъ, когда та ровно въ назначенный часъ вошла къ нему:—вы были два раза замужемъ и были, какъ мнѣ извѣстно, оба раза счастливы; но... у васъ не было такой разницы въ лѣтахъ!

— Я, Егоръ Егорычъ, — начала gnädige Frau съ торжественностью:—никогда не считала счастьемъ равенство лѣтъ, а всегда его находила въ согласіи чувствъ и мнѣній съ мужемъ, и съ обоими мужьями у меня они были согласны, точно такъ же, какъ и взгляды Сусанны Николаевны согласны съ вашими.

Егоръ Егорычъ при этомъ опять застучалъ ногой.

— Хоть мнѣ и совѣстно, что я обременяю васъ, однако прошу: переговорите вы съ Сусанной Николаевной, о чемъ мы теперь съ вами говорили!—сказалъ онъ.

— Переговорю, и переговорю съ великимъ удовольствіемъ!— отвѣчала gnädige Frau и хотѣла-было уйти; но Егоръ Егорычъ воскликнулъ:

— Gnädige Frau, еще одно слово!.. Если бы предложеніе мое почему-либо показалось Сусаннѣ Николаевнѣ страннымъ, то вотъ отдайте ей это мое стихотвореніе, въ которомъ я, кажется, понятно выразилъ свои стихійныя стремленія и, пожалуй, прорухи.

Gnädige Frau прочла поданное ей стихотвореніе и, значительно качнувъ головою, проговорила:

— Я понимаю вашу мысль!

Затѣмъ она недолго медлила и на другой же день, сойдясь съ Сусанной въ неосвѣщенной залѣ и начавъ ходить съ ней, по обыкновенію, подъ руку, заговорила:

— Третьяго-дня мужъ уѣзжалъ на практику и, какъ разсказывалъ мнѣ, былъ у весьма интереснаго больного: вообразите, дворянинъ, статскій совѣтникъ, и принадлежитъ къ сектѣ хлыстовъ!

— Что же это секта какая-нибудь раскольничья?—сказала Сусанна.

— Да, и очень распространенная между простымъ народомъ, но меня удивляетъ тутъ одно, что мужикамъ позволяютъ быть хлыстами, а дворянамъ нѣтъ, потому что этотъ больной сосланъ сюда.

— Почему же это?—поинтересовалась Сусанна.

— Я себѣ такъ это объясняю, — отвѣчала съ глубокомысленнымъ видомъ gnädige Frau:—что тутъ что-нибудь другое еще было: во-первыхъ, во главѣ секты стояла знатная дама,

полковница Татаринова, о которой я еще въ Ревелѣ слыхала, что она очень близка была ко двору, а потомъ, вѣроятно, какъ и масоны многіе, впала въ немилость, что̀ очень возможно, потому что мужъ мнѣ говорилъ, что хлысты, по своему вѣроученію, очень близки къ намъ.

— Близки, вы говорите?—переспросила Сусанна.

— Очень!.. Они также ищутъ единенія съ Богомъ... мистики тоже!..

— А женщины у нихъ въ сектѣ есть, кромѣ Татариновой?—перебила Сусанна.

— Этого я не знаю!.. Мужъ мнѣ ничего не говорилъ... Хотите, я спрошу его?

— Пожалуйста!..—произнесла почти умоляющимъ голосомъ Сусанна.

— Но почему же васъ такъ это интересуетъ?—полюбопытствовала gnädige Frau.

Сусанна покраснѣла.

— Да потому, — сказала она, слегка улыбаясь: — что если мнѣ нельзя быть масонкой, такъ хоть бы хлыстовкой сдѣлаться.

— А тогда сошлютъ васъ!—думала-было напугать ее gnädige Frau.

— О, этого я не испугаюсь!—отвѣчала, даже усмѣхнувшись, Сусанна.

— Нѣтъ, зачѣмъ вамъ дѣлаться хлыстовкой? — начала серьезнымъ тономъ gnädige Frau:—вы должны сдѣлаться масонкой!

— А какимъ образомъ я сдѣлаюсь масонкой?.. Мнѣ это невозможно!—замѣтила Сусанна.

— Напротивъ, весьма возможно, да вы ужъ и начали ею быть!.. Продолжайте съ тѣмъ же рвеніемъ, какое теперь у васъ, учиться, молитесь, думайте, читайте указанныя вамъ книги и потомъ выйдите замужъ за масона!

— Но гдѣ же мнѣ его взять?—произнесла опять съ легонькой улыбочкой Сусанна.

— Онъ у васъ есть подъ руками! — продолжала gnädige Frau тѣмъ же серьезнымъ тономъ: — Егоръ Егорычъ очень желаетъ жениться на васъ.

Сусанна отрицательно покачала своей головкой.

— Нѣтъ,—сказала она:—Егоръ Егорычъ не захочетъ жениться на мнѣ... Я такая глупенькая!

— Это ужъ вы предоставьте судить другимъ, которые, конечно, найдутъ васъ не глупенькою, а, напротивъ, очень умной!.. Наконецъ, о чемъ же споримъ мы? Вы говорите, что

Егоръ Егорычъ не пожелаетъ жениться на васъ, тогда какъ онъ просилъ меня сдѣлать вамъ отъ него формальное предложеніе.

— Но какъ же это,—спросила gnädige Frau Сусанна:— онъ такъ еще недавно любилъ Людмилу?

— Я ваше сомнѣніе сейчасъ разсѣю: прочтите стихотвореніе Егора Егорыча, которое онъ поручилъ передать вамъ! — сказала gnädige Frau и подала Сусаннѣ стихи Маронна.

Та прочла ихъ и слегка вспыхнула. Она, кажется, не вполнѣ поняла смыслъ стихотворенія. Gnädige Frau замѣтила это и объяснила:

— Тутъ говорится, что свободный отъ страстей духъ человѣка являетъ вѣчное благо, но онъ тотъ же и въ своихъ стихійныхъ стремленіяхъ. Такъ и съ Егоромъ Егорычемъ случилось. Въ Людмилѣ Николаевнѣ онъ ошибся: она его не оцѣнила, но вы его оцѣните, а что онъ свое чувство, устремленное прежде къ Людмилѣ Николаевнѣ, перенесъ на васъ,—это натурально! Вы ея родная сестра и, безъ сомнѣнія, награждены природою всѣми прелестными качествами, которыя она имѣла; сверхъ того, вы имѣете тотъ высоко-духовный темпераментъ, котораго, я убѣждена, Людмила Николаевна не имѣла. Поняли вы меня?

— Поняла...—сказала-было сначала Сусанна протяжно, но потомъ уже скоро и голосомъ, явно трепещущимъ отъ радости, присовокупила: — Я, конечно, сочту за счастье быть женой Егора Егорыча и всю мою жизнь посвятить ему, но какъ мамаша,—я не знаю,—дастъ ли она согласіе; она уже останется совершенно одна, если я выйду замужъ.

«Какое широкое и предусмотрительно-любящее сердце у этого прелестнаго существа!»—снова подумала gnädige Frau.

— Мамаша вовсе не останется одна! — поспѣшила она съ этой стороны успокоить Сусанну:—она будетъ жить съ вами; вы и Егоръ Егорычъ будете нѣжными дѣтьми къ ней,—чего жъ старушкѣ больше?

— Но вы все-таки предувѣдомьте Егора Егорыча, что я не въ состояніи ни для какихъ благъ въ мірѣ разстаться съ матерью!

Тутъ уже gnädige Frau улыбнулась.

— Ему говорить это нечего; онъ самъ, если бы вы пожелали разстаться съ вашей матушкой, не позволилъ бы этого!..

— Я-то пожелаю разстаться съ мамашей!—воскликнула Сусанна и, долѣе не выдержавъ, заплакала.

— Плачьте, плачьте, это такъ и слѣдуетъ! — одобрила ее gnädige Frau и тоже прослезилась.

— Но если я недостойна буду Егора Егорыча? — воскликнула еще разъ Сусанна.

— Будете достойны,—настойчиво повторяла gnädige Frau:— даже, можетъ-быть, превзойдете его по высотѣ и изяществу вашихъ душевныхъ свойствъ!

Несмотря на всѣ эти утѣшенія и доказательства, Сусанна продолжала плакать, такъ что ея хорошенькіе глазки воспалились отъ слезъ, а ротикъ совершенно пересохъ; она вовсе не страшилась брака съ Егоромъ Егорычемъ, напротивъ, сильно желала этого, но ее мучила мысль перестать быть дѣвушкой и сдѣлаться дамой. Какъ бы ни было, однако gnädige Frau, отпустивъ Сусанну наверхъ, въ ея комнату, прошла къ Егору Егорычу.

— Сусанна желаетъ и согласна быть вашей женой!—сказала она.

Въ отвѣтъ на это Егоръ Егорычъ схватилъ костлявую руку gnädige Frau и поцѣловалъ ее, а gnädige Frau почти что обняла его. У обоихъ изъ глазъ текли слезы.

Съ тѣми же неосушенными слезами на глазахъ gnädige Frau пошла въ свое отдѣленіе, гдѣ нашла мужа приготовляющимся завалиться спать.

— Дѣло рѣшено!—сказала gnädige Frau:—Егоръ Егорычъ сдѣлалъ черезъ меня предложеніе Сусаннѣ, и она приняла его.

Докторъ встрѣтилъ это извѣстіе съ бѣшенымъ восторгомъ; онъ заключилъ въ свои могучія объятія супругу и такъ ее прижалъ къ своей груди, что той сдѣлалось даже больно.

— Ты забываешь мою слабую грудь! — проговорила она нѣжнымъ и сентиментальнымъ голосомъ и слегка отстраняясь отъ мужа.

Оба супруга безусловно вѣрили, что бракъ, который они устраивали, будетъ такъ же счастливъ и согласенъ, какъ и ихъ бракъ.

XII.

На другой день Сусанна сама объявила матери, что Егоръ Егорычъ сватается къ ней, и что она согласна на этотъ бракъ. Старуха услыхала это съ полнымъ спокойствіемъ, какъ будто бы она заранѣе ожидала этого брака. Своимъ невыговаривающимъ и туго двигающимся языкомъ Юлія Матвѣевна одного только потребовала, чтобы, прежде чѣмъ Сусанна и Егоръ Егорычъ повѣнчаются, всему ихъ семейству, не выключая и ея самоё, съѣздить въ ближайшій уѣздный городокъ и испросить благословенія у проживающаго тамъ юродиваго Андреюшки.

— Мы съѣздимъ! — отвѣчала ей Сусанна и, уйдя отъ матери къ Егору Егорычу, разсказала ему о желаніи старушки.

— Я ничего не имѣю противъ того,—отвѣчалъ Егоръ Егорычъ, не задумавшись.

Потомъ, въ тотъ же день объ этомъ намѣреніи узнала gnädige Frau и выразила, съ своей стороны, покорнѣйшую просьбу взять ее съ собой, по той причинѣ, что она никогда еще не видала русскихъ юродивыхъ и между тѣмъ такъ много слышала чудеснаго объ этихъ людяхъ.

Егоръ Егорычъ и Сусанна, конечно, изъявили полную готовность исполнить ея просьбу; даже благодарили ее, что она пожелала съ ними ѣхать; такимъ образомъ одинъ только докторъ сдѣлалъ возраженіе касательно этой предполагаемой поѣздки.

— Все это прекрасно,—сказалъ онъ:—но я боюсь, чтобы дорога не растормошила очень старушки!.. Чего добраго, ея медленный параличъ, пожалуй, перейдетъ въ скачущій.

Сусанна испугалась словъ доктора.

Егоръ Егорычъ подмѣтилъ это.

— Но везли же мы ее изъ Москвы сюда, ничего не случилось,—замѣтилъ онъ.

— Если ты этого опасаешься, такъ и ты поѣзжай съ нами,—рѣшила gnädige Frau:—а то я полагаю, что если мы не поѣдемъ, или не возьмемъ съ собой Юліи Матвѣевны, такъ это ее очень огорчитъ, что, по-моему, для нея гораздо вреднѣе всякихъ дорогъ.

— И это можетъ быть!..—не отвергнулъ докторъ.—Ты очень умно придумала, чтобы мнѣ ѣхать!.. Я поѣду!

Послѣ такого рода совѣщаній путешественники наши на той же недѣлѣ отправились въ уѣздный городокъ, отстоявшій отъ Кузьмищева верстахъ въ тридцати. Порядокъ ихъ слѣдованія былъ таковъ:

Въ покойной каретѣ ѣхали адмиральша, Сусанна и докторъ, а также и Антипъ Ильичъ, который пожелалъ непремѣнно ѣхать и которому, конечно, ни Егоръ Егорычъ, ни Сусанна, ни докторъ не позволили стать на запятки, а посадили его съ собой. Впереди кареты, въ откидной бричкѣ, ѣхалъ Егоръ Егорычъ съ gnädige Frau. Погода, несмотря на конецъ октября, была теплая, такъ что всѣ скошенные луга покрыты были паутиной, что, какъ извѣстно, предвѣщало долгое вёдро. Почтовая дорога, начавшаяся невдалекѣ отъ Кузьмищева, была недурна, благодаря тому обстоятельству, что въ концѣ сентября ревизующій сенаторъ объѣзжалъ уѣздные города, а потому всѣ земскія силы были вызваны исправ-

никами для улучшенія путей сообщенія съ неумолимою строгостью.

Въ продолженіе всей дороги адмиральша блаженствовала: она безпрестанно смотрѣла то въ одно окно кареты, то въ другое; при этомъ Сусанна и докторъ глазъ съ нея не спускали, а Антипъ Ильичъ сидѣлъ весь погруженный, должно-быть, въ молитву.

Егоръ Егорычъ между тѣмъ въ своей бричкѣ молчалъ; не заговаривала съ нимъ и gnädige Frau, понимая, какія великія минуты своей жизни переживалъ онъ теперь.

Маленькій городокъ, куда ѣхали мои путники, стоялъ на судоходной рѣкѣ и имѣлъ довольно красивыя окрестности: по рѣкѣ его тихо шли небольшія барки; въ сторонѣ виднѣлись сосновый боръ и чье-то зеленѣющее озимое поле. Внутри городъ былъ довольно грязенъ: въ немъ всего только одна церковь высилась и бѣлѣлась, да бѣлѣлись еще, пожалуй, каменныя присутственныя мѣста; лавки же были хоть и новыя, но деревянныя, и для пріѣзжающихъ въ городѣ не имѣлось никакихъ удобствъ, кромѣ единственнаго постоялаго двора съ небольшимъ числомъ комнатокъ въ родѣ номеровъ и съ огромнымъ крытымъ дворомъ для лошадей. Постоялый дворъ этотъ наши путники заняли весь. Что касается до пищи, то сей отель тоже представлялъ мало утѣшительнаго: въ немъ никогда ничего не готовилось. О пищѣ, впрочемъ, изъ моихъ пріѣзжихъ никто не думалъ, и всѣ намѣрены были ограничиться чаемъ, кофеемъ и привезенною изъ Кузьмищева телятиной, за исключеніемъ однако доктора, который, сообразивъ, что городъ стоитъ на довольно большой и, вѣроятно, многорыбной рѣкѣ, сейчасъ же отправился въ сосѣдній трактирчикъ, выпилъ тамъ рюмки три водочки и заказалъ себѣ селяночку изъ стерляди, которую и съѣлъ съ величайшимъ наслажденіемъ.

Тѣмъ временемъ Егоръ Егорычъ послалъ Антипа Ильича къ Андреюшкѣ узнать, можно ли къ нему пти, ибо юродивый не во всякое время и не всѣхъ къ себѣ пускалъ. Антипъ Ильичъ исполнилъ это порученіе съ великимъ удовольствіемъ и, возвратясь отъ Андреюшки, доложилъ съ сіяющимъ лицомъ:

— Можно-съ, и сестрица ихняя, которая ходитъ за ними, приказала сказать вамъ, что Андреюшка даже закричалъ: «скорѣй бы шли, скорѣй!»

Услышавъ это, всѣ, разумѣется, поспѣшили исполнить приказаніе юродиваго. Адмиральшу повезли въ бричкѣ на одной лошади, при чемъ она не безъ важности объяснила шедшей около нея gnädige Frau:

— Я говорила, что Андреюшка будетъ! (то-есть приметъ,

хотѣла она сказать). Я у него ужъ разъ десять ѣхала (то-есть бывала).

Маленькій домишко Андреюшки стоялъ на самой окраинѣ города; прошло тридцать лѣтъ, какъ юродивый изъ него не выходилъ, сидя день и ночь на лавкѣ и держа даже себя прикованнымъ на цѣпи. Въ молодости Андреюшка, по мастерству своему, золотилъ иконостасы, и, какъ шла молва, всѣ вызолоченные имъ иконостасы до сихъ поръ нисколько не полиняли и не потускнѣли. Съ двадцатилѣтняго возраста Андреюшка, будучи грамотнымъ, сталъ читать священное писаніе и на Апокалипсисѣ какъ бы нѣсколько тронулся: первоначально онъ пересталъ заниматься своимъ мастерствомъ, потомъ уединился совершенно и въ концѣ концовъ самъ сѣлъ на цѣпь. Слухъ объ его подвижничествѣ очень быстро распространился, и къ нему отовсюду стали приходить за благословеніемъ. Бери Андреюшка деньгами, къ нему бы стеклись богатства великія, но онъ этого не дѣлалъ, а принималъ подаянія только колачиками, которыми питался и которыхъ у него хватало для него самого и для всѣхъ родныхъ. Сверхъ того, ходившая за нимъ родная сестра много продавала этихъ колачей.

Въ довольно большую комнату Андреюшки первая введена была Антипомъ Ильичомъ адмиральша, а за нею вошли Сусанна и Егоръ Егорычъ, а также gnädige Frau и Сверстовъ. Андреюшкѣ было лѣтъ около шестидесяти: испитой до худобы скелета, съ курчавой, всклоченной, сѣдой головой и торчащей во всѣ стороны бородою, онъ имѣлъ на себѣ бѣлую, чистую рубаху и полосатые порты, но былъ босикомъ и, держа ноги сложенными подъ себя, постоянно легонько покачивался на цѣпи. Вся комната его была пропитана ладаномъ, которымъ Андреюшка разъ по десяти на день заставлялъ сестру курить.

Едва только вошли къ Андреюшкѣ его посѣтители, онъ, не взглянувъ даже на нихъ, запѣлъ: «со святыми упокой! со святыми упокой!»

Сусанна затрепетала: ей помстилось, что Андреюшка этимъ пророчитъ смерть ей, или—что̀ еще хуже — смерть старухи-адмиральши, но сія своимъ чуткимъ материнскимъ сердцемъ догадалась.

— Это онъ о Людмилѣ поетъ, — повѣдала она gnädige Frau.

— Андреюшка,—обратилась она потомъ къ юродивому:—я повезла къ тебѣ другъ мой дочь... Она за Егорыча выходитъ... Будетъ ли ей счи... счи...?

Юлія Матвѣевна, конечно, хотѣла сказать: «будетъ ли ей счастье», и вмѣсто «другъ мой»—«другую мою дочь», вмѣсто «Егорыча»—«Егора Егорыча», но у нея не выходило этого.

Андреюшка на эти слова адмиральши какъ-то ухарски запѣлъ: «Исаія, ликуй! Исаія, ликуй!»—потрясая при этомъ то въ одну сторону, то въ другую головой, и долго еще затѣмъ продолжалъ на весьма веселый напѣвъ: «Исаія, ликуй! Исаія, ликуй!»

— Давно такимъ радостнымъ не былъ... благословляетъ, значитъ! — отозвалась стоявшая нѣсколько въ сторонѣ сестра Андреюшки, младшая ему, но похожая на него, и по званію своему дѣвица.

Gnädige Frau больше всего поразили глаза Андреюшки — ясные, голубые, не имѣющіе въ себѣ ни малѣйшаго оттѣнка помѣшательства, напротивъ, очень умные и какъ бы въ душу вамъ проникающіе; а докторъ глядѣлъ все на цѣпь; ему очень хотѣлось посмотрѣть подъ мышки Андреюшкѣ, чтобы удостовѣриться, существуютъ ли на нихъ если не раны, то, по крайней мѣрѣ, мозоли отъ тридцатилѣтняго прикосновенія къ нимъ посторонняго твердаго тѣла. Андреюшка между тѣмъ такъ же весело, но уже другое пѣлъ: «Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся!» Далѣе онъ замѣтно утомился.

— Усталъ, батюшка, голубчикъ мой!—сказала ему сестра.

Андреюшка однако ничего на это не отвѣтилъ, но зато Егоръ Егорычъ спросилъ ее:

— Можетъ-быть, намъ пора?

— Пора!.. — шепнула ему та.

Сверстову, къ его удовольствію, удалось наконецъ, когда онъ зашелъ сбоку къ Андреюшкѣ, черезъ разстегнутую рубаху того заглянуть подъ мышки юродивому, при чемъ онъ не увидѣлъ ни малѣйшаго пятнышка.

«Вотъ это чудо настоящее!»—подумалъ Сверстовъ про себя.

Адмиральша же, когда gnädige Frau, по знаку Егора Егорыча, сказала ей, что надо уходить, произнесла знаменательно:

— Онъ благословитъ... Андреюшка, благослови!

Андреюшка закачалъ отрицательно головой.

— Ему благочиннымъ здѣшнимъ года съ три какъ запрещено благословлять!—опять шепнула сестра Андреюшки Егору Егорычу.

— А!—полувоскликнулъ тотъ и во всеуслышаніе объявилъ, что пора удалиться; всѣ пошли, будучи очень довольны, что посѣтили и видѣли юродиваго.

Переночевавъ, кому и какъ Богъ привелъ, путники мои, едва только появилось солнце, отправились въ обратный путь. День опять былъ ясный и теплый. Верстахъ въ двадцати отъ города докторъ, увидавъ изъ окна кареты стоявшую на горѣ

и весьма недалеко отъ большой дороги помѣщичью усадьбу, попросилъ кучера, чтобы тотъ остановился, и затѣмъ, выскочивъ изъ кареты, подбѣжалъ къ бричкѣ Егора Егорыча:

— Это вѣдь усадьба, гдѣ живетъ Пилецкій?

— Да,—проговорилъ Егоръ Егорычъ, воспрянувъ отъ своихъ глубокихъ размышленій.

— Заѣдемте къ нему!.. Мы сдѣлаемъ благое дѣло; старуха бодра и весела и безъ меня доѣдетъ благополучно! — продолжалъ Сверстовъ.

— А какъ же Сусанна Николаевна? — спросилъ Егоръ Егорычъ.

— Сусаннѣ Николаевнѣ я говорилъ; она проситъ даже, чтобы вы заѣхали!—отвѣчалъ Сверстовъ.

— Это хорошо будетъ!—одобрила и gnädige Frau, внимательно слушавшая весь этотъ разговоръ.

Егоръ Егорычъ, хоть ему видимо не хотѣлось разставаться съ Сусанной, согласился однако, вслѣдствіе чего gnädige Frau пересѣла въ карету, взявъ на всякій случай отъ мужа всѣ пузырьки съ лѣкарствами, везомые имъ для адмиральши, а Сверстовъ влѣзъ въ бричку къ Егору Егорычу, и они повернули съ большой дороги, а карета поѣхала дальше по прежнему пути.

Артасьева усадьба хоть стояла на высокой горѣ, но была весьма неказиста, съ господскимъ домомъ помѣщиковъ средней руки и съ небольшими, худо обработанными полями. Войдя въ домъ по полусгнившимъ ступенямъ передняго крыльца, Егоръ Егорычъ и Сверстовъ пошли далѣе и застали Пилецкаго сидящимъ въ небольшой гостиной за книгой. Это былъ, повидимому, весьма хилый старикъ, съ лицомъ совершенно дряблымъ; на головѣ у него совсѣмъ почти не оказывалось волосъ, а потому дома, въ одиночествѣ, Мартынъ Степанычъ обыкновенно носилъ колпакъ, а при постороннихъ и въ гостяхъ надѣвалъ парикъ; бакенбарды его состояли изъ какихъ-то сѣдоватыхъ клочковъ; уши Мартынъ Степанычъ имѣлъ большія, торчащія, и особенно правое ухо, что было весьма натурально, ибо Мартынъ Степанычъ всякій разъ, когда начиналъ что-либо соображать или высказывалъ какую-нибудь тонкую мысль, проводилъ у себя пальцемъ за ухомъ. Но всѣ эти недостатки и странности Мыртына Степаныча сторицею выкупались развитымъ почти до «сократовскихъ» размѣровъ лбомъ и необыкновенно въ то же время мечтательными сѣрыми глазами, которымъ соотвѣтствовалъ мягкій, убѣждающій голосъ, такъ что, кто бы ни слушалъ Мартына Степаныча, никогда никто не могъ усомниться въ томъ, что говоримое имъ идетъ изъ глубины его сердечнаго убѣжденія.

Увидавъ прибывшихъ къ нему гостей, онъ выразилъ на своемъ подвижномъ лицѣ одновременно удивленіе и радость.

— Благодарю, глубоко благодарю васъ, что посѣтили меня!— воскликнулъ онъ съ мгновенно вспыхнувшимъ взоромъ и затѣмъ крѣпко обнялся и горячо расцѣловался съ докторомъ и съ Егоромъ Егорычемъ.

— Лучше вамъ?—было первое слово Сверстова.

— Какъ вамъ сказать? Нервы стали какъ будто бы поспокойнѣе, — отвѣчалъ Мартынъ Степанычъ. — Но позвольте мнѣ однако, мой дорогой другъ, взглянуть попристальнѣе на васъ!—обратился онъ къ Егору Егорычу и всматриваясь въ того.—Вы—молодецъ, юноша еще!

«Женится на-дняхъ», чуть-было не бухнулъ докторъ, но удержался, предчувствуя, что, можетъ-быть, это не понравится Егору Егорычу.

— Я не жалуюсь, здоровъ,—отвѣчалъ тотъ, прибодряясь.— А мы сейчасъ были у юродиваго одного!—присовокупилъ онъ затѣмъ, зная, что Пилецкій всегда интересовался всѣми такъ называемыми Божьими людьми.

— У какого юродиваго? — спросилъ Мартынъ Степанычъ снова съ вспыхнувшимъ взоромъ.

— Тутъ есть Андреюшка: тридцать лѣтъ онъ сидитъ по собственному хотѣнію на цѣпи, молится мысленно и, какъ разсказываютъ, пророчествуетъ.

— Весьма возможно!—сказалъ протяжно Мартынъ Степанычъ.—Даръ пророчества гораздо болѣе распространенъ между людьми, чѣмъ это предполагаютъ...

— Вы думаете?—перебилъ его Егоръ Егорычъ.

— Убѣжденъ глубоко въ томъ!—отвѣчалъ Пилецкій.—Возьмите вы одно: кромѣ людей къ Богу близкихъ, пророчествуютъ часто поэты, пророчествуютъ ученые и великіе философы, каковъ былъ, укажу прямо, Яковъ Бемъ!.. Простой сапожникъ, онъ прорекъ то, что и греческимъ философамъ не снилось!

— Да, онъ выше ихъ взялъ! — подтвердилъ Егоръ Егорычъ.—Но вы, перечисляя лицъ пророчествующихъ, забыли еще нашихъ аскетовъ!

— Да, и аскетовъ, конечно, надо было упомянуть! — сказалъ Мартынъ Степанычъ.

— Аскетовъ вашихъ, Егоръ Егорычъ, я прежде не признавалъ,—вмѣшался въ разговоръ Сверстовъ:—но теперь, повидавъ Андреюшку, котораго тоже надобно отнести къ разряду аскетовъ, долженъ сказать, что, по-моему, онъ или плутъ великій, или представляетъ собою чудо.

— Чѣмъ собственно?—спросилъ Мартынъ Степанычъ.

— Тѣмъ-съ, что Андреюшка этотъ тридцать лѣтъ качается на проходящихъ у него подъ мышками цѣпяхъ, и на тѣлѣ его нѣтъ ни малѣйшаго признака отъ прикосновенія цѣпей.

Пилецкій при этомъ на нѣсколько мгновеній задумался.

— Можетъ-быть, онъ удостоился уже получить тѣло преображенное. Господь въ милости Своей великъ: Онъ даритъ этимъ излюбленныхъ Имъ людей.

— Да, но, чтобы достичь этого, все-таки нуженъ извѣстный правильный путь!—воскликнулъ Егоръ Егорычъ.

— Непремѣнно!—подтвердилъ Мартынъ Степанычъ.

— И аскеты его имѣли въ строгой, опредѣленной формѣ «умнаго дѣланія».

Мартынъ Степанычъ молчалъ.

— Вамъ знакомы эти формы?—спросилъ его Егоръ Егорычъ.

— Отчасти, но только весьма поверхностно! — отвѣчалъ Мартынъ Степанычъ.

— Хотите, я вамъ объясню подробно? — сказалъ Егоръ Егорычъ.

— Это будетъ манной для моей души,—проговорилъ Мартынъ Степанычъ.

— Въ такомъ случаѣ, я начну прямо!—продолжалъ Егоръ Егорычъ.—Я знаю, кто вы, и вы знаете, кто я; мы, русскіе мартинисты, прежде всего мистики и съ французскими мартинистами сходствуемъ и различествуемъ: они безпрерывно вводятъ мелкіе политическіе интересы въ свое ученіе, у насъ—ихъ нѣтъ! Сверхъ того, мы имѣемъ примѣръ въ нашихъ аскетахъ и признаёмъ всю благодѣтельную силу путей «умнаго дѣланія»!

— Позвольте,—возразилъ ему на это Мартынъ Степанычъ:—я—давно, конечно, это было—читалъ объ «умномъ дѣланіи» на испанскомъ языкѣ, но, опять-таки повторяю, подробности совершенно утратились у меня изъ головы.

— Подробности «умнаго дѣланія» таковы! — перебилъ его Егоръ Егорычъ.—Оно, что̀ и вы, вѣроятно, знаете, стремится вывести темный огонь жизни изъ свѣта внѣшняго міра въ свѣтъ міра божественнаго. Но такъ какъ внѣшнія вещи міра мы познаёмъ: первое, черезъ внѣшній свѣтъ, въ коемъ мы ихъ видимъ; второе, черезъ звуки, которыми онѣ съ нами говорятъ, и черезъ тѣлесныя движенія, которыя ихъ съ нами соединяютъ, то для отвлеченія всего этого необходимы мракъ, тишина и собственное безмолвіе; а потому, приступая къ «умному дѣланію», мы должны замкнуться въ тихой и темной кельѣ и безмолвно пребывать въ ней въ неподвижномъ положеніи, сидя или лежа. Засимъ, самое «умное дѣланіе» совер-

шается въ семи степеняхъ, соотвѣтственно семи видамъ натуры: изъ сихъ семи степеней, или видовъ, три суть темныя, въ коихъ нашъ огненный духъ еще только стремится къ небесному свѣту, одинъ видъ есть переходный и три послѣдніе— высшіе. Въ частности сіи семь видовъ и степеней умнаго дѣланія суть слѣдующіе: отвлекшись отъ множественности чувствъ, мыслей и желаній, должно собрать и сосредоточить всю силу духа въ области сердца. Вспомогательными средствами для сего являются: задержаніе дыханія (ноздренное дыханіе), при мысленномъ повтореніи молитвы Іисусовой: «Господи Іисусе Христе, сыне Божій, помилуй мя!» Сіе называется *сжатіемъ* духа; сіе *сжатіе* переходитъ во внутреннее порывистое *движеніе*, выражающееся усиленнымъ біеніемъ сердца. Въ такомъ движеніи духъ, не будучи въ состояніи выйти изъ самого себя, впадаетъ въ *томленіе*. Но томленіе духа по небесномъ свѣтѣ приближаетъ къ намъ сей послѣдній; когда же онъ соприкасается съ нашимъ духомъ, то происходитъ *сотрясеніе*, или *толчокъ*, иначе называемый *небесною молніею*. Это есть переходъ или прорывъ изъ темной области въ свѣтлую. Здѣсь наше существо вводится въ райскую сущность, которая открывается, какъ божественная *теплота*, за каковою слѣдуетъ небесная *сладость*, ощущеніе коей не сопровождается никакимъ страстнымъ томленіемъ и никакими движеніями въ тѣлѣ; послѣднюю же степень составляетъ видѣніе небеснаго *свѣта* и божественныхъ образовъ. Сія степень имѣетъ великое множество различій, сообразно большему или меньшему совершенству созерцающаго.

Прослушавъ все это со вниманіемъ, Мартынъ Степанычъ проговорилъ наконецъ:

— Да, есть разные способы приближенія къ себѣ Бога!

Но по тону его голоса нетрудно было догадаться, что хлыстовскій способъ верченія и круженія казался ему юнѣе, живѣе, человѣчнѣе и, можетъ-быть, даже вѣрнѣе для призванія въ свое нравственное бытіе божественнаго духа.

Побесѣдовавъ такимъ образомъ съ Пилецкимъ часа съ два, Егоръ Егорычъ и докторъ отправились въ Кузьмищево. Всю дорогу Егоръ Егорычъ разсуждалъ о Мартынѣ Степанычѣ.

— Пилецкій чрезвычайно перемѣнился, чрезвычайно! — говорилъ онъ. — Я года три назадъ его видѣлъ; это былъ старикъ еще крѣпкій, разговорчивый, а теперь что это такое?

— Я говорю, что онъ влюбленъ въ эту свою, какъ ее?.. Екатерину Филипповну, и теперь скучаетъ объ ней. Онъ мнѣ съ первыхъ словъ сталъ описывать ее, но съ вами, я не знаю почему, ни слова не заикнулся объ этомъ.

— Разговоръ не зашелъ о томъ. Кромѣ того, онъ прежде достаточно говорилъ мнѣ о своей духовной матери.

— А онъ называетъ ее духовной матерью? — спросилъ докторъ.

— Всегда, и еще тогда ходила по Петербургу острота Павла Катенина, который сказалъ, что Пилецкаго, какъ евангельскую лепту, отыскала вдовица, и принесла ко Христу.

— Это недурно!—замѣтилъ-было Сверстовъ.

Но Егоръ Егорычъ нахмурился.

— Что же тутъ недурного?—проговорилъ онъ.

— А самую вдовицу вы знаете?—разспрашивалъ Сверстовъ.

— Нѣтъ, и не видалъ даже никогда, но слыхалъ, что она умная, искренно-вѣрующая въ свой даръ пророчества, весьма сострадательная къ бѣднымъ и больнымъ; тутъ у нихъ, въ ихъ согласіи, былъ членомъ живописецъ Боровиковскій, талантливый художникъ, но, какъ говорили тогда, попивалъ; Екатерина Филипповна сообща съ Мартыномъ Степанычемъ, какъ самые нѣжные родители, возились съ нимъ, уговаривали его, стыдили, наконецъ наказывали притворнымъ аки бы гнѣвомъ на него.

Пока такимъ образомъ разсказывалъ Егоръ Егорычъ, показалось и Кузьмищево, гдѣ мои кавалеры нашли дамъ очень уставшими съ дороги и уже улегшимися спать.

На другой день поутру начались толкованія о предстоящемъ вѣнчаніи Егора Егорыча съ Сусанной, которое потомъ и совершилось съ полной простотой.

Въ избранный для вѣнчанія день Егоръ Егорычъ послалъ Антипа Ильича къ священнику, состоящему у него на руге (Кузьмищево, какъ мы знаемъ, было село), сказать, что онъ будетъ вѣнчаться съ Сусанной Николаевной въ пять часовъ вечера, а затѣмъ всѣ, то-есть женихъ и невѣста, а также gnädige Frau и докторъ, отправились въ церковь пѣшкомъ; священникъ, впрочемъ, освѣтилъ храмъ полнымъ освѣщеніемъ и самъ съ дьякономъ облекся въ дорогія дородоровыя ризы, въ которыхъ служилъ только въ заутреню Свѣтлаго Христова Воскресенія. Всѣ дворовые и даже крестьяне Егора Егорыча сбѣжались на эту церемонію. Преобладающее въ этомъ случаѣ число было, конечно, женщинъ и ребятишекъ: послѣдніе безсмысленно, но съ большимъ любопытствомъ на все глядѣли, а изъ женщинъ, особенно молодыхъ, нѣкоторыя слегка вздыхали и проговаривали шопотомъ между собою:

— Ишь ты, какая молоденькая идетъ за нашего барина!

Усерднѣе всѣхъ, въ продолженіе всей церемоніи, молились Антипъ Ильичъ и ключница Ѳаддеевна.

Подъ конецъ вѣнчанія священникъ сказалъ заранѣе сочиненное имъ слово:

«Тайна сія велика есть, азъ же глаголю во Христа и во церковь»,—такъ говоритъ о бракѣ богомудрый и боговдохновенный апостолъ. О сей великой тайнѣ вамъ, отнынѣ ея причастнымъ, не въ откровеніе неизвѣстнаго, а въ напоминаніе объ извѣстномъ, хочу я сказать богомысліемъ внушенное слово.

«Бракъ Христа и церкви есть возстановленный союзъ Бога съ твореніемъ. Союзъ возстановленный указуетъ намъ на союзъ первоначальный, коего нарушеніе потребовало возстановленія. Воистину Богъ отъ вѣка былъ въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ натурою, и союзъ сей не на чемъ иномъ могъ быть основанъ, какъ на томъ, что̀ служитъ основаніемъ всякаго истиннаго союза и первѣе всего—союза брачнаго, разумѣю на взаимномъ самоотверженіи или чистой любви, ибо Богъ, изводя изъ Себя твореніе, на него, а не на Себя, обращалъ волю Свою, а подобно сему и тварная натура не въ себѣ, а въ Богѣ должна была видѣть цѣль и средоточіе бытія своего; нетлѣннымъ и чистымъ сіяніемъ божественнаго свѣта должна была она вѣчно питать пламенное горѣніе своего жизненнаго начала.

«Но владычествующій духъ первозданной натуры, князь міра сего, первый носитель божественнаго свѣта въ природѣ, отчего и называется онъ Люциферомъ, сирѣчь свѣтоносцемъ или Денницею, дѣйствіемъ воли своей расторгъ союзъ Бога съ натурою, отдѣлилъ огонь своей жизни отъ свѣта жизни божественной, захотѣвъ самъ себѣ быть свѣтомъ. Обратившись противъ Сущаго, изрекъ онъ изъ себя: «я есмь!», и сіе «я есмь!» несокрушимую стѣну воздвигло и бездну непроходимую простерло между Богомъ и твореніемъ; расторгся союзъ ихъ, а съ нимъ расторглась и связь самого творенія, въ подчиненіи Единому Сущему состоявшая. Все безчисленное множество тварей, по примѣру вождя своего, воскликнуло: «я есмь!», и воспламенился жизненный огонь всякой твари дикимъ и мрачнымъ пламенемъ; всѣ онѣ устремились другъ противъ друга и каждая тщилась уничтожить всѣхъ другихъ, дабы можно было ей сказать: «я и только я есмь!»

«Но сіе беззаконное дѣйствіе распавшейся натуры не могло уничтожить вѣчнаго закона божественнаго единства, а должно было токмо вызвать противодѣйствіе онаго, и во мракѣ духомъ злобы порожденнаго хаоса съ новою силою возсіялъ свѣтъ божественнаго Логоса; воспламененный княземъ вѣка сего великій всемірный пожаръ залитъ зиждительными водами Слова, надъ коими носился Духъ Божій; въ теченіе шести

міровыхъ дней весь мрачный и безобразный хаосъ превращенъ въ свѣтлый и стройный космосъ; всѣмъ тварямъ положены ненарушимые предѣлы ихъ бытія и дѣятельности въ числѣ, мѣрѣ и вѣсѣ, въ силу чего ни одна тварь не можетъ внѣ своего назначенія одною волею своею дѣйствовать на другую и вредить ей; духъ же беззаконія заключенъ въ свою внутреннюю темницу, гдѣ онъ вѣчно сгораетъ въ огнѣ своей собственной воли и вѣчно вновь возгорается въ ней.

«Но если низверженіе возставшаго духа въ мрачную бездну и приведеніе въ законный порядокъ всѣхъ тварей соотвѣтствовало правдѣ Божіей, то оно еще не удовлетворяло любви божественной. Не довлѣло любящему Божеству быть связаннымъ съ возлюбленною имъ натурою міра одною внѣшнею связью естественнаго закона и порядка; оно желало имѣть съ нею внутренній союзъ свободной любви, для коего твари являлись неспособными. А посему Божественное Слово, собравъ всѣ существенныя свойства тварей и совокупивъ ихъ въ одну умопостигаемую единицу, какъ настоящее зерцало всеединаго Бога, отразилось въ семъ живомъ зерцалѣ, и Богъ-Отецъ, узрѣвъ въ немъ точный образъ и подобіе возлюбленнаго Сына, излилъ въ него Духъ Свой, сирѣчь волю любви Своей,—и создался человѣкъ, и почи Богъ отъ дѣлъ Своихъ. Но сей покой Божества могъ быть нарушенъ въ самомъ мѣстѣ его успокоенія, то-есть въ человѣкѣ. Ибо человѣкъ, будучи одинаково причастенъ Духа Божія и стихійной натуры міра и находясь свободною душою своею посреди сихъ двухъ началъ, какъ нѣкая связь ихъ и проводникъ дѣйствія Божія въ міръ, тѣмъ самымъ имѣлъ роковую возможность разъединить ихъ, уклонившись отъ божественнаго начала и переставъ проводить его въ натуру. Дѣйствительно, человѣкъ, какъ и сатана, расторгъ сей божественный бракъ, нарушилъ сей союзъ любви. Но иной былъ здѣсь образъ нарушенія, иныя и послѣдствія. Сатана утвердилъ волю свою въ себѣ самомъ и мнилъ собою замѣнить Божество; человѣкъ же обратилъ свою волю на другое—на низшую натуру, стремясь соединиться съ нею не чрезъ одухотвореніе ея Духомъ Божіимъ, а чрезъ уподобленіе себя ей или свое овеществленіе. Согласно сему, какъ грѣхъ Сатаны былъ возстаніе и возношеніе, такъ грѣхъ человѣка былъ паденіе и униженіе: Сатана обратился противъ Божества, человѣкъ же токмо отвратился отъ Божества, соотвѣтственно чему Сатана ввергъ себя въ мрачную бездну неугасимаго огня и ненасытимаго духовнаго глада; человѣкъ же подвергся лишь работѣ тлѣнія, впавъ въ рабство матеріальной натурѣ, и внутренній благодатный свѣтъ божественной жизни обмѣнялъ

на внѣшній свѣтъ вещественнаго міра. Отторгшись отъ всеединаго божественнаго начала, человѣкъ утратилъ и внутреннюю связь существа своего: самый предметъ желанія его, начало натуральное, отдѣлилось отъ него и обособилось; человѣкъ распался на два внѣшнихъ существа — плотскаго мужа и жену, коимъ присуща лишь похоть внѣшняго, матеріальнаго соединенія, ведущаго не къ истинному единству, а наипаче къ раздѣленію и размноженію. Итакъ, духовный райскій бракъ въ образѣ и подобіи Божіемъ замѣненъ плотскимъ бракомъ.

«Но и въ семъ жалкомъ состояніи паденія не въ конецъ порвалась связь человѣка съ началомъ божественнымъ, ибо человѣкъ не отвергъ сего начала въ глубинѣ существа своего, какъ сдѣлалъ сіе Сатана, а лишь уклонился отъ него похотью, и, въ силу сего внѣшняго или центробѣжнаго стремленія, подпавши внѣшнему рабству натуры, сохранилъ однако внутреннюю свободу, а въ ней и залогъ возстановленія, какъ нѣкій слабый лучъ райскаго свѣта или нѣкое сѣмя божественнаго Логоса. И поколику Богъ только чрезъ свободную душу человѣка могъ имѣть союзъ съ тварію, то когда человѣкъ изъ райской ограды ниспалъ на землю труда и страданія, то и Божество должно было послѣдовать туда за нимъ, дабы на мѣстѣ паденія возстановить падшаго и стать плотію въ силу небесной любви. И слово плоть бысть и вселися въ ны. Райскій лучъ просіялъ полнымъ свѣтомъ, и заложенное въ естествѣ человѣческомъ сѣмя спасенія произрастило новое древо жизни. Распавшись въ Адамѣ, существо наше снова возсоединилось во всѣхъ частяхъ своихъ, человѣчество стало церковію и, какъ вновь обрѣтенная невѣста, сочеталась съ небеснымъ женихомъ своимъ. И если доселѣ всякій человѣкъ, какъ образъ перваго грѣховнаго Адама, искалъ плотскаго, на слѣпой похоти основаннаго союза съ своею отдѣленною натурою, то-есть съ женою, такъ нынѣ, послѣ того какъ новый Адамъ возстановилъ духовный союзъ съ новою Евою, сирѣчь церковью, каждый отдѣльный человѣкъ, сдѣлавшись образомъ этого небеснаго Адама, долженъ и въ натуральномъ союзѣ съ женою имѣть основаніемъ чистую духовную любовь, которая есть въ союзѣ Христа съ церковью; тогда и въ плотскомъ жительствѣ не только сохранится небесный свѣтъ, но и сама плоть одухотворится, какъ одухотворилось тѣло Христово. Такимъ образомъ въ самое тѣлесное общеніе можемъ мы провести и чрезъ него осуществить возстановленный во Христѣ союзъ Бога съ натурою, если только внѣшнее единеніе будетъ для насъ не цѣлью и не первымъ побужденіемъ, а лишь крайнимъ выра-

женіемъ и послѣднимъ довершеніемъ того внутренняго духовнаго единства, про которое самъ Господь сказалъ: «что Богъ соединилъ, человѣкъ да не разлучаетъ».

«Такъ вы, нынѣ во Христѣ сочетавшіеся братъ и сестра, когда слышали заповѣдь Божію Адаму и Евѣ: «плодитеся, множитеся и населяйте землю», то заповѣдь сія, въ плотскомъ своемъ смыслѣ, не токмо язычниками, но и скотами безсловесными исполняемая, для васъ, христіанъ, дважды рожденныхъ, не плотское токмо должна содержать разумѣніе. «Плодитеся» — сирѣчь приносите плоды Духа Святаго во всякой добродѣтели. «Множитеся»—сирѣчь умножайте познаніе ваше о предметахъ божественныхъ. «И населяйте землю»—сирѣчь землю новую, гдѣ же правда живетъ. Аминь».

Плакала, слушая эту проповѣдь, почти навзрыдъ Сусанна; у Егора Егорыча также текли слезы; оросили онѣ и глаза Сверстова, который нѣтъ-нѣтъ да и закидывалъ свою курчавую голову назадъ; кого же больше всѣхъ произнесенное отцомъ Василіемъ слово вышибло, такъ сказать, изъ сѣдла, такъ это gnädige Frau, которая передъ тѣмъ очень рѣдко видала отца Василія, потому что въ православную церковь она не ходила, а когда онъ приходилъ въ домъ, то почти не обращала на него никакого вниманія; но тутъ, увидавъ отца Василія въ золотой ризѣ, съ расчесанными сѣдыми волосами, и услыхавъ, какъ онъ краснорѣчиво и правильно разсуждаетъ о столь возвышенныхъ предметахъ, gnädige Frau пришла въ несказанное удивленіе, ибо никакъ не ожидала, чтобы между русскими попами могли быть такія свѣтлыя личности. Ей, конечно, и въ голову не приходило, что отецъ Василій, содержимый Егоромъ Егорычемъ на ругѣ при маленькой церкви, былъ одинъ изъ умнѣйшихъ и многосвѣдущихъ масоновъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Прошла осень, прошла зима, и наступила снова весна, а вмѣстѣ съ нею въ описываемой мною губерніи совершились важныя событія: губернаторъ былъ удаленъ отъ должности,—впрочемъ, по прошенію; сенаторская ревизія закончилась, и сенаторъ—если не въ одномъ экипажѣ, то совершенно одновременно—уѣхалъ съ m-me Клавской въ Петербургъ, послѣ чего прошелъ слухъ, что новымъ губернаторомъ будетъ назначенъ Крапчикъ, которому будто бы обѣщалъ это сенаторъ,

дѣйствительно бывшій послѣднее время весьма благосклоненъ къ Петру Григорьичу; но вышло совершенно противное (Егоръ Егорычъ недаромъ, видно, говорилъ, что графъ Эдлерсъ— старая остзейская лиса): губернаторомъ, немедля же по возвращеніи въ Петербургъ, былъ опредѣленъ не Петръ Григорьичъ, а дальній родственникъ графа Эдлерса — баронъ Висбахъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и тоже камергеръ. Ударъ для самолюбія Крапчика былъ страшный, такъ что онъ пересталъ даже выѣзжать въ общество: ему стыдно было показаться кому бы то ни было изъ постороннихъ на глаза; но гнѣвъ Божій за всѣ темныя дѣянія Петра Григорьича этимъ еще не изсякъ, и въ одно утро онъ получилъ письмо отъ Катринъ, надписанное ея рукою и запечатанное. Не понимая, что̀ значитъ такая затѣянная дочерью переписка, когда она жила съ нимъ въ одномъ домѣ, Петръ Григорьичъ не безъ испуга и торопливо раскрылъ письмо. Оно въ самомъ дѣлѣ оказалось роковымъ для него:

«Я отъ васъ бѣжала съ Ченцовымъ, — писала Катринъ: — не трудитесь меня искать; я еще третьяго-дня обвѣнчалась съ Валерьяномъ, и теперь мы ѣдемъ въ мое имѣнье, на которое прошу васъ выслать мнѣ всѣ бумаги, потому что я желаю сама вступить въ управленіе моимъ состояніемъ».

«Остаюсь дочь ваша Екатерина Ченцова».

— Нѣтъ, врешь, ты не уйдешь отъ меня! — Лошадей!! — закричалъ-было Петръ Григорьичъ, но на томъ и смолкъ, потому что грохнулся со стула длиннымъ тѣломъ своимъ на полъ. Прибѣжавшіе на этотъ стукъ лакеи нашли барина мертвымъ.

Помимо отталкивающаго впечатлѣнія всякаго трупа, Петръ Григорьичъ, въ то же утро положенный лакеями на столъ въ огромной танцовальной залѣ и уже одѣтый въ свой павловскій мундиръ, лосиные штаны и вычищенные ботфорты, представлялъ что-то необыкновенно мрачное и устрашающее: огромныя ступни его ногъ, начавшія окостенѣвать, перпендикулярно торчали; лицо Петра Григорьича не похудѣло, но только почернѣло еще болѣе и исказилось; изъ скривленнаго и немного открытаго въ одной сторонѣ рта сочилась бѣлая пѣна; подстриженные усы и короткіе волосы на головѣ ощетинились; закрытые глаза ввалились; обѣ руки, сжатыя въ кулаки, какъ бы говорили, что послѣднее земное чувство Крапчика было гнѣвъ!

Въ головѣ и въ ногахъ покойника стояли четыре огромныя и толстыя свѣчи въ серебряныхъ подсвѣчникахъ, и свѣтящееся черезъ открытыя окна заходящее солнце слегка играло

на нихъ, равно какъ и на ботфортахъ. Причетникъ читалъ, или, лучше сказать, бормоталъ, глядя въ развернутую передъ нимъ на налоѣ толстую книгу, и въ это же самое время слышались изъ сосѣднихъ комнатъ шаги ходившихъ по дому частнаго пристава, стряпчаго, понятыхъ, которые опечатывали всѣ ящики въ столахъ, всѣ комоды, шкапы и сундуки. Изъ знакомыхъ Петра Григорьича ни въ день смерти его ни на другой день,—хоть слухъ о томъ облетѣлъ въ какой-нибудь часъ весь городъ, — никто не пріѣхалъ поклониться его тѣлу: Крапчика многіе уважали, иные боялись, но никто не любилъ.

Катринъ, увѣдомленная съ нарочнымъ о смерти отца, не пріѣхала на похороны, а прислала своего молодого управляющаго, Василія Иваныча Тулузова, котораго нѣкогда съ такою недовѣрчивостью принялъ къ себѣ Петръ Григорьичъ и которому однако, за его распорядительность, черезъ весьма недолгое время поручилъ завѣдывать всѣми своими имѣньями и сталъ звать его почетнымъ именемъ: «Василій Иванычъ», а иногда и «господинъ Тулузовъ». Не было никакого сомнѣнія, что управляющій былъ весьма распорядителенъ. Прибывъ въ губернскій городъ, онъ первое, что послалъ за приходскими священниками съ просьбою служить должныя панихиды по покойникѣ, потомъ строго разбранилъ старшихъ изъ прислуги, почему они прежде этого не сдѣлали, велѣвъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ безвыходно торчать въ залѣ и молиться за упокой души барина. Устроивъ это, Тулузовъ разослалъ именитымъ лицамъ города пригласительные билеты о томъ, чтобы они посѣтили панихиды по Петрѣ Григорьичѣ, а равно и долженствующее черезъ день послѣдовать погребеніе его. Независимо отъ того, Тулузовъ явился къ секретарю дворянскаго депутатскаго собранія и просилъ его, вмѣстѣ съ подвластными ему чиновниками, быть на погребеніи его превосходительства, какъ бывшаго ихъ благодѣтеля и начальника, присоединивъ къ сему еще и другую просьбу: принять трапезу, которая послѣдуетъ за погребеніемъ. Секретарь, хоть и не считалъ Петра Григорьича своимъ благодѣтелемъ, но, любя поѣсть и выпить, объявилъ, что онъ будетъ, а также и всѣ его чиновники, хорошо вѣдая, что тѣ тоже не прочь ублажить свой мамонъ при какомъ бы то ни было случаѣ. Отъ секретаря управляющій проѣхалъ къ начальнику губерніи барону Висбаху, которому въ весьма почтительныхъ выраженіяхъ объяснилъ, что онъ—управляющій бывшаго губернскаго предводителя Петра Григорьича Крапчика и пріѣхалъ просить начальника губерніи почтить своимъ посѣщеніемъ прахъ его господина. На-

чальникъ губерніи на это сказалъ, что онъ непремѣнно будетъ, и что это обязанность его даже.

Вслѣдствіе таковыхъ мѣръ, принятыхъ управляющимъ, похороны Петра Григорьича совершились съ полной торжественностью: впереди шелъ камердинеръ его съ образомъ въ рукахъ; за нимъ слѣдовали архіерейскіе пѣвчіе и духовенство, замыкаемое въ сообществѣ архимандритовъ самимъ преосвященнымъ Евгеніемъ; за духовенствомъ были несомы секретаремъ дворянскаго собранія, въ мундирѣ, а также двумя-тремя чиновниками, на бархатныхъ подушкахъ, ордена Петра Григорьича, а тамъ, какъ водится, тянулась погребальная колесница съ гробомъ, за которымъ непосредственно шелъ въ золотомъ и блистающемъ камергерскомъ мундирѣ губернаторъ, а также и другіе сильные міра сего, облеченные въ мундиры; ѣхали въ каретахъ три-четыре немолодыя дамы — дальнія родственницы Петра Григорьича, и наконецъ провожали барина всѣ его дворовые люди, за которыми бѣжала и любимая моська Петра Григорьича, пребезобразная и презлая. Хотя въ этомъ кортежѣ и старались всѣ имѣть печальныя лица (секретарь депутатскаго собранія успѣлъ даже выжать изъ глазъ двѣ-три слезинки), но истиннаго горя и сожалѣнія ни въ комъ не было замѣтно, за исключеніемъ, впрочемъ, дворовой прачки Петра Григорьича, женщины уже лѣтъ сорока и некрасивой собою: она ревмя-ревѣла въ силу того, что послѣднее время баринъ приблизилъ ее къ себѣ, и она ужасно этимъ дорожила и гордилась!

На данномъ послѣ похоронъ обѣдѣ присутствовали только чиновники депутатскаго собранія, имѣя во главѣ своей секретаря, пѣвчіе архіерейскіе и приходскій священникъ съ причтомъ; самый обѣдъ прошелъ весьма прилично; конечно, одинъ изъ столоначальниковъ депутатскаго собранія, подвыпивъ, негромко воскликнулъ своему собесѣднику: «Онъ меня гналъ, такъ и чортъ его дери, что умеръ!» Хотѣлъ-было также и басъ изъ пѣвчихъ провозгласить вѣчную память покойнику, но управляющій, ходившій около стола, успѣвалъ какъ-то во-время и сразу прекращать все это, и вообще виннаго снадобья немного красовалось на столѣ, и то это были одни только виноградныя вина, а водка еще съ самаго начала обѣда была куда-то убрана.

Предавъ съ столь великимъ почетомъ тѣло своего патрона землѣ, молодой управляющій снова явился къ начальнику губерніи и доложилъ тому, что единственная дочь Петра Григорьича, Катерина Петровна Ченцова, будучи удручена горемъ и поэтому не могшая сама пріѣхать на похороны, поручила

ему почтительнѣйше просить его превосходительство, чтобы всѣ деньги и бумаги ея покойнаго родителя онъ приказалъ распечатать и дозволилъ бы полиціи, совмѣстно съ нимъ, управляющимъ, отправить ихъ по почтѣ къ госпожѣ его.

— Это, полагаю, что возможно?—сказалъ губернаторъ стоявшему у него въ это время полицеймейстеру.

— Прежде никогда такъ не дѣлалось,—возразилъ-было тотъ.

— Что жъ изъ того, что не дѣлалось!—возразилъ ему въ свою очередь губернаторъ и обратился потомъ къ управляющему: — Завтрашній день я самъ пріѣду въ домъ Петра Григорьича, распечатаю деньги и бумаги и лично вмѣстѣ съ вами отправлю ихъ Катеринѣ Петровнѣ!

Управляющій поблагодарилъ его низкимъ поклономъ.

Губернаторъ исполнилъ свое обѣщаніе и, при бытности того же частнаго пристава, стряпчаго и прежнихъ понятыхъ, распечаталъ ящики въ письменномъ столѣ и конторкѣ, гдѣ хранились деньги и бумаги Петра Григорьича, и при этомъ нашлось три тысячи золотомъ, тысяча рублей серебряными деньгами, рублей на пятьсотъ бумажекъ, да, сверхъ того, въ особомъ пакетѣ изъ сахарной бумаги триста тысячъ именными билетами опекунскаго совѣта и затѣмъ цѣлый портфель съ разными документами. Губернаторъ все это, какъ и говорилъ, поѣхалъ самъ отправить на почту, взявъ съ собою въ карету управляющаго, при чемъ невольно обратилъ вниманіе на то, что сей послѣдній, усѣвшись рядомъ съ нимъ въ экипажѣ, держалъ себя хоть и вѣжливо въ высшей степени, но нисколько не конфузливо.

— Вы — извините мой вопросъ — крѣпостной Петра Григорьича? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ-съ, я нанятой!

— Званіе ваше?

— Изъ разночинцевъ! — отвѣтилъ неопредѣленно управляющій.

Губернаторъ, впрочемъ, этимъ удовлетворился.

Въ почтовой конторѣ, при появленіи начальника губерніи, произошелъ маленькій переполохъ: чиновники, удивленные и отчасти испуганные такимъ нечаяннымъ посѣщеніемъ его, принялись проворно запаковывать и запечатывать деньги и документы Петра Григорьича и писать со словъ управляющаго адресы, а губернаторъ тѣмъ временемъ, развернувъ книгу денежныхъ выдачъ, сталъ просматривать ее.

— Что это такое? — спросилъ онъ стоявшаго передъ нимъ навытяжкѣ помощника почтмейстера.—Тутъ я вижу, что за какого-то крестьянина расписался почтальонъ Зубаревъ.

— Крестьянинъ неграмотный-съ,—отвѣчалъ-было бойко ему помощникъ почтмейстера.

— Это я вижу, — произнесъ уже строго губернаторъ: — но почтальоны, равно какъ и другіе чиновники конторы, не имѣютъ права ни за кого расписываться. Прошу васъ, чтобы впередь этого не было!

— Слушаю-съ!—сказалъ, потупляя глаза, помощникъ почтмейстера.

Потомъ, когда надобно было выдать расписку въ принятыхъ почтою предметахъ, то ее унесли подписывать куда-то въ другія комнаты.

— Куда-жъ расписку унесли? — спросилъ опять губернаторъ помощника почтмейстера.

— Къ подписанію господина губернскаго почтмейстера! — отвѣчалъ тотъ.

— А отчего его здѣсь нѣтъ?—воскликнулъ губернаторъ съ удивленіемъ и негодованіемъ.

— Они больны-съ! — пояснилъ помощникъ.

— Тогда въ исполненіе всѣхъ его обязанностей вы должны были вступить!

— Они больны очень продолжительною болѣзнью, — водяной, и около года уже не выходятъ изъ своей комнаты, — проговорилъ, еще болѣе потупляясь, помощникъ почтмейстера.

— Понимаю, — отозвался на это губернаторъ: — но этого нельзя; отъ меня завтра же будетъ предложеніе, чтобы больной господинъ почтмейстеръ сдалъ свою должность вамъ, а расписку, мнѣ выдаваемую, извольте разорвать и выдать мнѣ другую за вашимъ подписомъ!

Этого, впрочемъ, оказалось ненужнымъ дѣлать, потому что почтальонъ, носившій расписку къ губернскому почтмейстеру, принесъ ее неподписанною и наивно доложилъ:

— Борисъ Михайлычъ почиваютъ!

Губернаторъ на это злобно усмѣхнулся.

— Вотъ плоды существующихъ у васъ порядковъ! — сказалъ онъ, обращаясь къ совершенно растерявшемуся помощнику почтмейстера и спѣшившему подписать расписку, которую онъ и преподнесъ губернатору, а тотъ передалъ ее управляющему.

По отбытіи начальника губерніи и молодого управляющаго изъ конторы, помощникъ почтмейстера принялся ругать почтальона, носившаго расписку:

— Дуракъ и дуракъ! Я вотъ скажу Борису Михайлычу, что ты бухнулъ!

Почтальонъ и самъ ужъ понималъ, что онъ бухнулъ.

Слушавшій это бухгалтеръ конторы — большой, должно-быть, философъ — почесалъ у себя въ затылкѣ и проговорилъ, усмѣхнувшись:

— Мы плакались и жаловались на чурбана, а Юпитеръ вмѣсто него, видно, прислалъ намъ журавля!

Пока все это происходило, Екатерина Петровна поселилась съ мужемъ въ принадлежащей ей усадьбѣ Синьковѣ и жила тамъ въ маленькомъ флигелѣ, который прежде занималъ управляющій; произошло это оттого, что большой синьковскій домъ былъ хоть и каменный, но внутри его до такой степени все сгнило и отсырѣло, что въ него войти было гадко: Петръ Григорьичъ умышленно не поддерживалъ и даже разорялъ имѣнье дочери. Впрочемъ, Катринъ была рада такому помѣщенію, такъ какъ ея Валерьянъ, по необходимости, долженъ былъ все время оставаться возлѣ нея. Смерть отца, повидимому, весьма мало поразила Катринъ, хотя она и понимала, что своимъ побѣгомъ, а еще болѣе того смысломъ письма своего, поспособствовала Петру Григорьичу низойти въ могилу; на Ченцова же, напротивъ, это событіе, вначалѣ, по крайней мѣрѣ, сильно подѣйствовало.

— Боже мой! — воскликнулъ онъ въ ужасѣ: — еще и еще смерть!

Катринъ непріятно было это слышать.

— Я не понимаю тебя! Неужели ты этими словами оплакиваешь смерть Людмилы или жены твоей!—проговорила она съ легкимъ укоромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ смотря жгучимъ и ревнивымъ взоромъ на Ченцова.

— О, я оплакиваю также и смерть отца твоего!—отвѣчалъ Ченцовъ.

— Въ этомъ случаѣ ты успокойся!.. — возразила ему Катринъ:—если тутъ кто погрѣшилъ, то это я; но, какъ ты видишь, я не плачу и знаю, почему не плачу.

Ченцовъ не продолжалъ далѣе объ этомъ разговора и вытянулся на стулѣ, что онъ всегда дѣлалъ, когда былъ чѣмъ-нибудь взбудораженъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ нимъ, онъ сильно постарѣлъ, оплѣшивѣлъ; по лицу его проходило еще большее число бороздъ, а нѣкоторая одутловатость ясно говорила объ его усердномъ служеніи Бахусу. Не видаясь болѣе съ дядей и не осмѣливаясь даже писать ему, онъ послѣднюю зиму, доживъ, какъ говорится, до моту, что ни хлѣба ни табаку, сдѣлалъ, полупьяный, предложеніе Катринъ, такой же полупьяный обвѣнчался съ нею и совершенно уже пьяный выкралъ ее изъ родительскаго дома. Катринъ все это, безъ сомнѣнія, видѣла и тѣмъ не менѣе съ востор-

гомъ бѣжала съ нимъ; умная, эгоистичная и сухосердая по природѣ своей, она была въ то же время неудержимо-пылкаго и страстнаго женскаго темперамента: еще съ юныхъ лѣтъ цѣловать и обнимать мужчину, проводить съ нимъ, какъ нѣкогда сказалъ ей Ченцовъ, «неправедныя ночи», было постоянной ея мечтой. Двадцативосьмилѣтнее дѣвичество сдѣлало еще стремительнѣе въ ней эту наклонность, и поэтому бракъ съ Ченцовымъ, столь давно и съ такой страстью ею любимымъ, былъ блаженствомъ, при которомъ для нея все другое перестало существовать.

«Пусть все погибнетъ,— мечтала она:—но только бы утонать въ блаженствѣ съ этимъ человѣкомъ!..»

Ченцовъ на первыхъ порахъ не обманулъ ея ожиданій: онъ былъ именно таковъ, какимъ она его чаяла.

Въ одинъ изъ вечеровъ Катринъ велѣла накрывать ужинъ. Она давно знала, что Ченцовъ любитъ хорошо поѣсть, а потому, пріѣхавъ въ деревню, разыскала ихъ стараго повара, котораго Петръ Григорьичъ не держалъ въ городѣ за то, что тотъ имѣлъ привычку покупать хорошіе, а потому недешевые запасы, и поручила ему стряпать, убѣдительно прося его постараться и о цѣнѣ припасовъ не думать. Старикъ, найдя возможность прилагать свое дарованіе, началъ стряпать съ замѣчательнымъ искусствомъ. Вмѣстѣ съ этимъ Катринъ запаслась и виномъ для мужа, по преимуществу шампанскимъ. Водки она упросила его, какъ только обвѣнчалась съ нимъ, не пить, и Ченцовъ обѣщалъ ей это, но зато налегъ на шампанское. Для настоящаго ужина поваръ имъ приготовилъ фаршированнаго поросенка подъ галантиромъ, соусъ изъ сморчковъ и чирковъ съ свѣжимъ салатомъ. Ченцовъ ѣлъ все это и пилъ шампанское съ великимъ удовольствіемъ, выпила и Катринъ стакана два; глаза у нея послѣ этого еще болѣе разгорѣлись, и она, обнявъ мужа, хотѣла-было начать его цѣловать, но въ ихъ маленькомъ флигелѣ послышались чьи-то негромкіе шаги. Супруги поспѣшили поотодвинуться другъ отъ друга. Оказалось, что это пріѣхалъ изъ губернскаго города управляющій, который, впрочемъ, предварительно спросилъ черезъ дверь, можетъ ли онъ войти.

— Пожалуйста!—крикнулъ ему Ченцовъ.

Управляющій вошелъ. Онъ послѣ дороги успѣлъ уже умыться и пріодѣться.

— Кончили все? — спросила его Катринъ какъ бы и печальнымъ голосомъ.

— Кончилъ!—отвѣчалъ управляющій и подалъ ей три объявленія съ почты: одно на посылаемое ей золото и серебро,

другое на билеты опекунскаго совѣта въ триста сорокъ тысячъ и наконецъ на именной билетъ самого Тулузова въ пять тысячъ рублей серебромъ. Катринъ хоть и быстро, но зорко прочитала эти объявленія и съ замѣтнымъ удовольствіемъ передала ихъ мужу; тотъ также пробѣжалъ глазами эти объявленія и произнесъ:

— Ого!

— Благодарю васъ! — сказала затѣмъ Катринъ, мотнувъ привѣтливо головой управляющему. — Но вы, надѣюсь, объяснили нашимъ знакомымъ, что я убита совершенно горемъ?

— Объяснилъ-съ, и губернатору новому и многимъ другимъ лицамъ: всѣ весьма соболѣзнуютъ объ васъ, — проговорилъ управляющій.

— Чѣмъ собственно умеръ Петръ Григорьичъ? — спросилъ Ченцовъ.

— Мудрено ли умереть такому старому человѣку, какъ Петръ Григорьичъ! — отвѣчалъ управляющій безъ поясненія какихъ-либо подробностей.

— А похороненъ отецъ былъ прилично? — сказала Катринъ.

— Какъ онъ былъ похороненъ, это и описать трудно! — принялся ей докладывать управляющій.—На похороны стекся весь городъ: губернаторъ, архіерей, нѣвчіе, чиновники, и всѣ они оплакивали умершаго.

— Пріятно это слышать, — произнесла Катринъ нѣсколько сентиментальнымъ голосомъ.

Затѣмъ управляющій еще подалъ Ченцову бумагу.

— Это еще что?—спросилъ тотъ.

— Счетъ, что стоили похороны, — объяснилъ управляющій.

— О, развѣ подобные расходы считаются!—отозвался Ченцовъ, отодвигая отъ себя бумагу.

— На всякій случай все-таки взять надо, — замѣтила Катринъ.

Управляющій поспѣшилъ подать ей счетъ, который она и положила себѣ въ карманъ.

— Вы такъ все это превосходно устроили,—говорилъ между тѣмъ Ченцовъ:—что позвольте вамъ предложить стаканъ шампанскаго.

— Благодарю васъ, я не пью никакого вина! — отказался управляющій.

— Даже шампанскаго? — воскликнулъ Ченцовъ съ удивленіемъ.

— Никакого! — повторилъ управляющій.

— Но чѣмъ же однако мы васъ вознаградимъ? — продол-

жалъ Ченцовъ, бывшій въ добромъ настроеніи духа частью отъ выпитаго шампанскаго, а также и отъ мысли, что на похоронахъ Петра Григорьича все прошло болѣе чѣмъ прилично. Надобно же было, по его мнѣнію, хоть чѣмъ-нибудь почтить старика, смерть котораго все-таки лежала до нѣкоторой степени на совѣсти его и Катринъ.

— А какое жалованье получали вы у Петра Григорьича?— отнесся онъ снова къ управляющему.

— Петръ Григорьичъ платили мнѣ по мѣрѣ моихъ заслугъ!—объяснилъ управляющій.

— Сколько именно?—добивался Ченцовъ.

— Не желаю этого говорить, потому что Петръ Григорьичъ награждали меня болѣе, чѣмъ я заслуживалъ, а вы сами будете видѣть, чего я стою!

— Увидимъ, конечно, и не обидимъ! — сказала Катринъ, желавшая поскорѣе кончить разговоръ съ управляющимъ и остаться съ мужемъ вдвоемъ.

— Это конечно, что не обидимъ,—подхватилъ Ченцовъ:— но я желалъ бы за то, что вы вотъ такъ умно распорядились съ похоронами и съ наслѣдствомъ Петра Григорьича, отдѣльно отъ жалованья поблагодарить васъ.

— Это я сдѣлалъ, — сказалъ управляющій, прижимая руку къ сердцу: — въ благодарность памяти Петра Григорьича и изъ усердія къ будущей моей госпожѣ, Катеринѣ Петровнѣ. За что же мнѣ деньги брать за это? Но я просилъ бы оказать мнѣ другого рода благодѣяніе; по званію моему я разночинецъ и желалъ бы зачислиться въ какое-нибудь присутственное мѣсто для полученія чина, что я могу сдѣлать такимъ образомъ: въ настоящее время я уже выдержалъ экзаменъ на учителя уѣзднаго училища и потому имѣю право поступить на государственную службу, и мнѣ въ нашемъ городѣ обѣщали зачислить меня въ земскій судъ, если только будетъ письмо объ томъ отъ Петра Григорьича.

— Но онъ умеръ такъ некстати!—возразилъ Ченцовъ.

— Это все равно, — продолжалъ управляющій: — память о Петрѣ Григорьичѣ такъ еще свѣжа, что и по письму Екатерины Петровны также исполнятъ.

— Напиши, Катринъ, если Василій Иванычъ желаетъ этого!—обратился Ченцовъ къ женѣ.

— Съ удовольствіемъ, но къ кому же я напишу? — отнеслась она къ управляющему.

— Къ господину исправнику, и потомъ вотъ еще что осмѣлюсь доложить: въ деньгахъ Петра Григорьича находится мой именной билетъ, который Петръ Григорьичъ держалъ у себя

на случай какого-нибудь проступка съ моей стороны и о которомъ есть здѣсь особое объявленіе...

— Мы возвратимъ вамъ этотъ билетъ! Зачѣмъ онъ намъ?— воскликнулъ Ченцовъ.

— Нѣтъ-съ, вы тоже извольте его держать при себѣ, это будетъ покойнѣе для васъ и для меня; я вотъ только просилъ бы Катерину Петровну записку Петра Григорьича, которую онъ мнѣ выдалъ, измѣнить на свою!

Съ этими словами управляющій подалъ извѣстную намъ записку Петра Григорьича.

Катринъ прочитала ее.

— Вы желаете, чтобы я сейчасъ же вамъ дала отъ себя записку?—спросила она.

— Да, если вамъ будетъ не затруднительно, — проговорилъ вѣжливо управляющій.

Катринъ изорвала записку отца и написала таковую отъ себя, получивъ которую, управляющій ушелъ.

Оставшись съ глазу на глазъ съ мужемъ, Катринъ немедля же принялась обнимать и цѣловать его, шепча при этомъ страстнымъ голосомъ:

— Всѣ эти деньги отца моего я тебѣ, тебѣ, мое сокровище, подарю!..

— Куда мнѣ деньги!?. Я еще въ карты ихъ проиграю! — говорилъ, смѣясь, Ченцовъ. — Вели лучше дать еще бутылку шампанскаго!

— Будетъ! — произнесла-было упрашивающимъ голосомъ Катринъ.

— Нѣтъ, ничего!

Катринъ повиновалась и велѣла подать бутылку.

Ченцовъ выпилъ залпомъ изъ нея два стакана.

— А теперь спой что-нибудь изъ моихъ любимыхъ романсовъ!—сказалъ онъ.

— Сумасшедшій!— проговорила Катринъ, но и тому повиновалась.

Сѣвъ за перенесенное изъ большого дома фортепіано, она сильнымъ и страстнымъ контральто запѣла знакомый намъ романсъ:

Не называй ее небесной
И у земли не отнимай!
Съ ней рай иной, но рай чудесный,
Съ ней гаснетъ вѣра въ лучшій край!

— Нѣтъ, постой, и я пропою! — перебилъ ее Ченцовъ, имѣвшій, видимо, въ головѣ нѣсколько болѣе сентиментальное представленіе, чѣмъ то, которое слышалось въ пѣтомъ ро-

мансѣ, и, сѣвъ за рояль, запѣлъ хоть и осиплымъ, но умѣлымъ баритономъ:

Соловей, мой соловей,
Голосистый соловей,
Кто-то, бѣдная, какъ я,
Ночь прослушаетъ тебя?

Катринъ, впрочемъ, помѣшала ему докончить этотъ романсъ, потому что, стоя у него за стуломъ, она вдругъ обхватила его голову своими сильными руками и заглушила его пѣніе, прильнувъ губами къ его губамъ.

— Ну, будетъ!—сказала она.

— Будетъ! — отвѣчалъ ей Ченцовъ и, шедши въ спальню, проговорилъ: — какое дарованіе у этого Лябьева, чортъ его знаетъ!.. По-моему, онъ музыкантъ великій!

Управляющій тѣмъ временемъ въ своемъ совсѣмъ маленькомъ флигелькѣ, въ который онъ перебрался, когда Ченцовы заняли его флигель, все еще копошился. Войдя къ себѣ, онъ прежде всего заперъ изнутри дверь, потомъ затворилъ внутреннія ставни и заложилъ ихъ крючками, а затѣмъ засвѣтилъ свѣчку. Въ комнатѣ его былъ довольно большой письменный столъ и нѣсколько соломенныхъ плетеныхъ стульевъ, кровать съ весьма чистыми одѣяломъ и подушками и очень крѣпкій, должно-быть, сундукъ, окованный желѣзомъ. Управляющій подошелъ къ этому сундуку и отперъ его; замокъ при этомъ прозвенѣлъ, чѣмъ явно намекалъ на свое дорогое и, можетъ-быть, даже англійское происхожденіе. Когда онъ поднялъ крышку у сундука, то оказалось, что тотъ весь былъ наполненъ платьемъ, которое Тулузовъ сталъ выкладывать, и въ показавшееся потомъ дно сундука засунулъ какой-то особый крючокъ и имъ поднялъ это дно, при чемъ обнаружилось, что сундукъ былъ двухъярусный и въ нижнемъ этажѣ, очень небольшомъ, лежали билеты разныхъ приказовъ общественнаго призрѣнія, примѣрно тысячъ на пятьдесятъ. Положивъ къ этимъ билетамъ расписку Екатерины Петровны, управляющій опустилъ верхнее дно на прежнее мѣсто, а затѣмъ, снова уложивъ въ сундукъ свое платье, заперъ его съ прежнимъ какъ бы тоскующимъ звономъ замка, который словно давалъ знать, что подъ нимъ таится что-то очень нехорошее и недоброе!

II.

Съ каждымъ днемъ возобновлялось и застраивалось запущенное Петромъ Григорьичемъ Синьково. Прежде всего большой домъ былъ исправленъ внутри: мраморныя стѣны въ

залѣ, лопнувшія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, были сдѣланы совершенно заново; гостиная оклеилась начавшими тогда входить въ употребленіе насыпными суконными обоями зеленаго цвѣта; боскетная была вновь расписана; но богаче всего, по желанію Катринъ, украсилась ихъ общая съ супругомъ спальня: она была вся обита въ складку розовымъ штофомъ; мебель въ ней имѣла такую же обивку. Прежняя обыкновенная печь въ спальнѣ замѣнилась затѣйливымъ каминомъ, и въ концѣ концовъ брачная кровать молодыхъ представляла нѣчто невѣроятное: она была широчайшая, изъ цѣльнаго краснаго дерева, и въ обѣихъ спинкахъ ея были вдѣланы огромныя зеркала, такъ что всякій, ложившійся на эту кровать, видѣлъ себя съ головы до ногъ. За этой кроватью, да и вообще за многими вещами и даже мастерами, управляющій нарочно ѣздилъ въ Москву. Мебель, бронза и посуда были перевезены въ Синьково изъ городского дома Петра Григорьича. Флигеля и избы для дворни тоже были поправлены съ подошвы. Объ этомъ собственно позаботился Ченцовъ, говорившій, что нельзя людей держать въ хлѣвахъ и развалинахъ, и вообще онъ приказалъ управляющему значительно улучшить содержаніе дворовыхъ людей сравнительно съ тѣмъ, какое они имѣли у Петра Григорьича, который держалъ ихъ на такой антоніевской пищѣ, что нѣкоторые изъ дворни его въ праздники ходили христарадничать. Пожелалъ также Ченцовъ, чтобы въ Синьково былъ переведенъ и большой конскій заводъ, находившійся у Петра Григорьича въ усадьбѣ, нѣкогда подаренной ему императоромъ Павломъ и которую Крапчикъ благоустраивалъ до послѣдней степени. Заводъ оказался весьма хорошимъ и многочисленнымъ, такъ что для него пришлось выстроить новый, обширный и красивый, по своему фасаду, конскій дворъ. Кромѣ конскаго завода, Катринъ велѣла также перевести изъ отцовской усадьбы и псовую охоту, которая у Петра Григорьича была не маленькая и съ достаточнымъ числомъ пріученныхъ охотниковъ. Словомъ, Ченцовы устроили свою деревенскую жизнь совершенно на широкую ногу русскихъ баръ. Одно, что они не знакомились ни съ кѣмъ изъ сосѣдей, да — признаться сказать — и не съ кѣмъ было, потому что близко отъ нихъ никого не жило изъ помѣщиковъ; знакомиться же съ чиновниками уѣзднаго города Катринъ не хотѣла, такъ какъ они ее нисколько не интересовали, а сверхъ того очень возможно, что въ ихъ кругу могла найтись какая-нибудь хорошенькая дама, за которой ея Валерьянъ, пожалуй, приволокнется. Такое опасеніе Катринъ, кажется, было по меньшей мѣрѣ преждевременно, ибо Ченцовъ пока еще со-

вершенно былъ поглощенъ пылкою любовью своей супруги и потомъ искренно развлекался забавами Немврода: онъ охотился съ псовой охотой, въ которой иногда участвовала очень бойко и смѣло ѣздившая верхомъ Катринъ, одѣтая въ амазонку, въ круглую мужскую шляпу и съ нагайкой въ рукѣ; катались также молодые супруги въ кабріолетѣ на рысистомъ бѣгунѣ, при чемъ Катринъ всегда желала сама править, но Ченцовъ, передавъ ей вожжи, наблюдалъ только, чтобы лошадь не зарвалась очень; но Катринъ управляла ею сильно и умѣло. Съ наступленіемъ глубокой осени, конечно, всѣ эти удовольствія должны были прекратиться; единственнымъ развлеченіемъ для моихъ супруговъ остались пѣніе и музыка по вечерамъ, которые обыкновенно оканчивались небольшими оргіями за ужиномъ. Задумалъ-было Валерьянъ приняться за чтеніе, но въ библіотекѣ Петра Григорьича, тоже перевезенной изъ его городского дома и весьма немноготомной, оказались только книги масонскаго содержанія, и, къ счастью, въ одномъ маленькомъ шкапчикѣ очутился неизвѣстно откуда попавшій Боккачіо на французскомъ языкѣ, за котораго Ченцовъ, какъ за сокровище какое, схватился и сталъ вмѣстѣ съ супругою цѣлые вечера не то что читать, а упиваться и питаться симъ нескромнымъ писателемъ. Катринъ тоже восхищалась этимъ чтеніемъ до такой степени, что, слушая описаніе нѣкоторыхъ сценъ, она чувствовала даже легкую дрожь во всемъ тѣлѣ. Боккачіо наконецъ былъ прочитанъ. Ченцовъ, не зная, чѣмъ замѣнить его, спросилъ однажды управляющаго, не играетъ ли онъ въ карты.

— Нѣтъ! — отвѣтилъ тотъ.

— И ни во что не играете?

— Въ шашки играю!—проговорилъ управляющій, улыбаясь.

— Ну, давайте хоть въ шашки! — воскликнулъ Ченцовъ, обрадовавшись и тому.

Тулузовъ сѣлъ съ нимъ играть и съ первой же партіи разбилъ весьма, кажется бы, недурно игравшаго Ченцова въ пухъ и прахъ. Самолюбіе того было нѣсколько затронуто.

Онъ предложилъ управляющему другую партію, третью, четвертую, и всѣ ихъ проигралъ.

— Гдѣ вы такъ отлично выучились играть въ шашки? — полюбопытствовалъ онъ.

— У меня монахъ одинъ знакомый былъ, и я къ нему мальчикомъ еще ходилъ и часто съ нимъ игралъ!—объяснилъ управляющій.

Начавъ послѣ того почти каждый вечеръ играть съ Тулузовымъ въ шашки, Ченцовъ все болѣе и болѣе убѣждался,

что тотъ, кромѣ своего ума и честности, былъ довольно пріятный собесѣдникъ, и въ силу того Валерьянъ Николаичъ однажды сказалъ женѣ:

— Катринъ, я непремѣнно желаю, чтобы Василій Иванычъ обѣдалъ съ ними; онъ не лакей нашъ и обѣдаетъ тамъ гдѣ-то, я и не знаю... тѣмъ больше, что теперь онъ чиновникъ даже и—что̀ важнѣй всего—нужнѣйшій намъ человѣкъ!

На это желаніе мужа Катринъ немножко поморщилась: прежде всего ей не понравилась, что на ихъ обѣденныхъ бесѣдахъ будетъ присутствовать посторонній человѣкъ, а Катринъ всѣ часы дня и ночи желала бы оставаться съ глазу на глазъ съ мужемъ; сверхъ того, не имѣя ничего противъ управляющаго и находя его умнымъ и даже, по наружности своей, красивымъ, она вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовала какую-то непонятную неловкость отъ его лукаво-рысьяго взгляда. Не сказавъ, впрочемъ, объ этомъ мужу, Катринъ проговорила съ покорностью: «Какъ тебѣ угодно!», и Василій Иванычъ съ того же дня сталъ обѣдать за однимъ столомъ съ своими господами. Держалъ онъ себя при этомъ весьма сдержанно, и если что̀ начиналъ говорить, то непремѣнно или нужное для его господъ, или дѣловое вообще.

Но, какъ бы ни было, всѣ эти развлеченія Ченцову скоро надоѣли до тошноты, и онъ принялся умолять жену поѣхать на зиму въ Москву и провести тамъ мѣсяца два. Катринъ съ полнымъ удовольствіемъ готова была исполнить эту просьбу, но ее только пугало и останавливало чувство ревности.

— А если ты въ Москвѣ начнешь ухаживать за какой-нибудь другой женщиной?.. — сказала она откровенно мужу.

— О, Господи!—воскликнулъ Ченцовъ:—развѣ, будучи тебѣ мужемъ, достанетъ еще силы на это?

— Какъ кажется!.. — отозвалась Катринъ, потупляясь нѣсколько.—Изволь, мы поѣдемъ; но вотъ мое условіе: веселись ты въ Москвѣ, какъ тебѣ угодно, только и я съ тобою буду участвовать во всѣхъ твоихъ развлеченіяхъ.

— Сдѣлай милость! — отвѣчалъ, не подумавъ, Ченцовъ.

Въ концѣ декабря молодые супруги отправились въ Москву въ сопровожденіи повара, лакеевъ, горничныхъ, лошадей выѣздныхъ и экипажей. Посланный еще заранѣе туда управляющій нанялъ для нихъ цѣлый барскій домъ съ мебелью. Ченцовы, впрочемъ, не возобновили никакихъ своихъ прежнихъ знакомствъ и стали развлекаться общественными удовольствіями: они разъѣзжали по Москвѣ въ своихъ дорогихъ экипажахъ и на доморощенныхъ рысакахъ; гуляли среди самаго высшаго свѣта по Тверскому бульвару; ѣздили на Кузнецкій

мостъ, гдѣ накупали всевозможныхъ бездѣлушекъ, и, между прочимъ, Ченцовъ пріобрѣлъ у Готье всѣ сочиненія Поль-де-Кока для развлеченія себя и своей супруги. Катринъ сдѣлала себѣ туалетъ первой щеголихи; Ченцовъ тоже одѣлся утонченнымъ петиметромъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему хотѣлось и другого: ему хотѣлось, напримѣръ, заѣхать въ Англійскій клубъ, пообѣдать тамъ, а главное, поиграть въ карты въ серьезненькую, но Катринъ ему напомнила его обѣщаніе не бывать нигдѣ безъ нея, и Ченцовъ повиновался. Вечера молодые супруги проводили по большей части въ театрахъ и по преимуществу въ балетахъ, откуда, возвращаясь прямо домой, они садились за прекрасно приготовленный имъ старымъ поваромъ ужинъ, за которымъ, мучимые возбужденною въ театрѣ жаждою, выпивали значительное количество шампанскаго. Бывали также Ченцовы нѣсколько разъ въ маскарадахъ Дворянскаго собранія, при чемъ Катринъ ходила неразлучно съ мужемъ подъ руку, такъ что Валерьянъ Николаичъ окончательно увидалъ, что онъ продалъ себя и теперь находится хоть и въ золотой, но плотно замкнутой клѣткѣ; а потому, едва только наступилъ Великій постъ, онъ возопіялъ къ женѣ, чтобы ѣхать опять въ деревню, гдѣ все-таки ему было попривольнѣе и посвободнѣе, а сверхъ того и соблазновъ меньше было. Катринъ тоже рада была уѣхать изъ Москвы: ее очень утомляло это безпрерывное смотрѣніе за мужемъ. По всѣмъ симъ обстоятельствамъ, супруги, съ прилетомъ жаворонковъ, были уже въ Синьковѣ, съ пріѣздомъ куда Ченцовъ принялся просто-напросто дурить: онъ самъ объѣзжалъ совершенно непріѣженныхъ лошадей,—тѣ его разбивали и разъ даже чуть не сломали ему шеи. Катринъ плакала и умоляла его не дѣлать этого, но Ченцовъ не слушалъ ея и точно бы искалъ смерти въ этой забавѣ. Напиваться онъ началъ не только на ночь, но и за обѣдомъ. Видимо, что его внутри что-то такое грызло и не давало ему минуты покоя.

За однимъ изъ ужиновъ между супругами произошелъ довольно колкій споръ, нѣсколько характеризующій разность ихъ міровоззрѣній. Они заговорили о весьма скандалезной сценѣ въ романѣ Поль-де-Кока.

— Что за страсть у Поль-де-Кока описывать все это съ такой насмѣшкой? — замѣтила Катринъ.

— Да чего же это иного, кромѣ насмѣшки, и стоитъ! — возразилъ съ гримасой Ченцовъ.

— Какъ чего иного, когда это высшая поэзія!—произнесла Катринъ, удивленная словами мужа.

— Хороша поэзія!.. — отозвался презрительно Ченцовъ.

— Но ты же называлъ это самымъ привлекательнымъ наслажденіемъ въ жизни!—хотѣла-было Катринъ поймать мужа на его собственныхъ словахъ.

— Пьяному многое покажется привлекательнымъ!—сказалъ онъ, будучи самъ на этотъ разъ почти не пьянъ.

— Я не знала, что вамъ только пьяному такъ это казалось и кажется!.. — проговорила съ удареніемъ и съ замѣтнымъ неудовольствіемъ Катринъ, совершенно искренно считавшая любовь, со всѣми ея подробностями, за высочайшую поэзію, и затѣмъ она съ гнѣвнымъ уже взоромъ присовокупила: — Значитъ, про тебя правду говорили, что ты совершенно испорченный человѣкъ!

— Можетъ-быть, я и испорченный человѣкъ, но не стану называть небомъ то, что и животнымъ не кажется, я думаю, небомъ, а чистой землицей и грязцой!..

Катринъ очень хорошо, разумѣется, понимала, что мужъ этими словами язвилъ ее и язвилъ умышленно.

— Мнѣ это представлялось небомъ только съ вами, а вы, я не знаю, со сколькими пользовались этимъ небомъ!

— Мнѣ никогда не казалось это небомъ, а потому я въ этомъ случаѣ всегда былъ ищущій.

— И нашедшій, вѣроятно, это небо съ Людмилой, которая была такая неземная! — проговорила съ насмѣшкой Катринъ.

Объ идеальности Людмилы Ченцовъ, и особенно послѣднее время, неоднократно говорилъ Катринъ, которую, конечно, оскорбляли такіе отзывы мужа о прежнемъ предметѣ его страсти, и она только силою характера своего скрывала это.

— Да, дѣйствительно,—отвѣчалъ на этотъ разъ уже прямо Ченцовъ, выпивая стаканъ вина:—Людмила была единственная женщина, въ любви которой для меня существовалъ настоящій рай!

Услышавъ такой отвѣтъ, Катринъ не стала больше говорить и, порывисто вставъ съ своего мѣста, ушла въ спальню.

Допивъ все оставленное на столѣ вино, поднялся также и Ченцовъ и ушелъ, но только не въ спальню къ женѣ, а въ свой кабинетъ, гдѣ и легъ спать на диванъ.

Это была первая ночь, которую супруги, со дня ихъ брака, провели врозь.

Поутру Катринъ думала нѣжностью поправить дѣло и до чаю еще вышла въ кабинетъ къ мужу. Ченцовъ, одѣтый въ охотничій костюмъ, сидѣлъ насупившись передъ туалетнымъ столомъ.

— Ты прости меня!—сказала Катринъ, обнимая и цѣлуя его.

— Въ чемъ мнѣ тебя прощать?—возразилъ ей Ченцовъ:—

ты ни въ чемъ не виновата, и если тутъ кого прощать и извинять слѣдуетъ, такъ это твою натуру!

— Но и твою натуру тоже надобно немножко прощать!—продолжала, едва владѣя собой, Катринъ въ томъ же кроткомъ тонѣ.

— Ну, что тутъ толковать объ этомъ?.. Другъ друга стоимъ!.. Я прежде еще зналъ это! — проговорилъ Ченцовъ, вставая и надѣвая на себя черезъ плечо ружье и прочія охотничьи принадлежности.

— Развѣ ты уходишь, и уходишь въ такую минуту?!—спросила съ ужасомъ Катринъ.

Ченцовъ ничего ей не отвѣтилъ и ушелъ. Цѣлый день онъ бродилъ по полямъ и по лѣсу и, возвратясь довольно поздно домой, почти прокрался въ кабинетъ, позвалъ потихоньку къ себѣ своего камердинера и велѣлъ ему подать себѣ... не ѣсть,— нѣтъ, а одного только вина... и не шампанскаго, а водки. Лакей исполнилъ это приказаніе и принесъ огромный графинъ съ ерофеичемъ, который держался въ домѣ для угощенія церковнаго причта. Ченцовъ отослалъ камендинера спать и, по уходѣ того, взялъ графинъ и черезъ горлышко вытянулъ его почти до дна. Глаза у него сразу осовѣли. Онъ хотѣлъ-было лечь на диванъ, но въ то время вошла Катринъ въ одномъ бѣльѣ и чулкахъ: волосы ея были растрепаны и глаза воспалены отъ слезъ.

— Пойдемъ ко мнѣ!.. Ты не долженъ и не смѣешь тутъ спать! — сказала она мужу.

Тотъ насмѣшливо посмотрѣлъ на нее.

— Въ такомъ видѣ могу, — проговорилъ онъ совсѣмъ пьянымъ голосомъ.

Катринъ взяла его за руку и увела съ собой.

Не для услады своей и читателя разсказываетъ все это авторъ, но по правдивости бытописателя, ибо картина человѣческой жизни представляетъ не одни благоухающіе сердечной чистотой свѣтлые образы, а большею частью она кишитъ фигурами непривлекательными и отталкивающими, и въ то же время кто станетъ отрицать, что на каждомъ авторѣ лежитъ неотклонимая обязанность напрягать всѣ усилія, чтобы открыть и въ неприглядной группѣ людей нѣкоторыя, по выраженію Егора Егорыча, изящныя душевныя качества, каковыя, напримѣръ, дѣйствительно и таились въ его племянникѣ? Ченцовъ, прежде всего, по натурѣ своей былъ великодушенъ: на дуэли, которую онъ имѣлъ съ человѣкомъ, соблазнившимъ его первую жену, онъ могъ, послѣ промаха того, убить его навѣрнякъ, потому что имѣлъ право стрѣлять въ своего врага на десяти шагахъ; но Ченцовъ не сдѣлалъ того, а спросилъ

противника, дастъ ли онъ клятву всю жизнь не покидать отнятой имъ у него женщины. Противникъ, струсивъ, поклялся ему въ томъ, и Ченцовъ выстрѣлилъ на воздухъ. Съ дворовыми и крестьянами онъ былъ добръ и мягокъ до глупости, хоть въ то же время не щадилъ цѣломудрія разныхъ молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ, да тѣ, впрочемъ, и сами были рады тому: онъ очень имъ нравился своей молодцоватостью и своимъ залихватскимъ удальствомъ. Ченцовъ, говоря дядѣ, что онъ, какъ Донъ-Жуанъ, вѣроятно, невдолгѣ бухнется въ пропасть, — сказалъ не фразу: въ немъ, въ самомъ дѣлѣ, было нѣсколько общихъ чертъ съ испанскимъ героемъ. «Ну, Ченцовъ еще такъ себѣ! Можетъ-быть, это и правда!—предчувствую я, что скажутъ мнѣ мысленно мои читательницы:— но ваша Катринъ, согласитесь!..» А Катринъ вотъ что такое, сударыни, отвѣчаю я имъ заранѣе:—Катринъ прежде всего недюжинное существо и не лимфа, условливающая во многихъ особахъ прекраснаго пола всевозможныя ихъ добродѣтели. Пылкая въ своихъ привязанностяхъ и гнѣвливая въ то же время, она была одной изъ тѣхъ женщинъ, у которыхъ, какъ сказалъ Лермонтовъ, пищи много для добра и зла, и если бы ей попался въ мужья другой человѣкъ, а не Ченцовъ, то очень возможно, что изъ нея вышла бы вѣрная и нѣжная жена; но съ Валерьяномъ Николаичемъ ничего нельзя было подѣлать; довести его до недолгаго раскаянія въ нѣкоторыя минуты была еще возможность, но напугать — никогда и ничѣмъ. Къ несчастью, къ послѣднему-то способу Катринъ была болѣе склонна, чѣмъ къ первому, и не прошло еще года ихъ свадьбѣ, какъ не оставалось уже никакого сомнѣнія, что Ченцовъ механически разговаривалъ съ женой, механически слушалъ ея пѣніе, механически иногда читалъ ей, но уже не Боккачіо и не Поль-де-Кока, а нѣкоторыя весьма скучныя и безтолковыя масонскія сочиненія изъ библіотеки Петра Григорьича, что онъ явно дѣлалъ на досаду Катринъ, потому что, читая, всегда имѣлъ ядовито-насмѣшливую улыбку и былъ несказанно доволенъ, когда супруга его, томимая скукой отъ такого слушанія, наконецъ начинала зѣвать. При столь натянутыхъ отношеніяхъ къ женѣ, Ченцовъ между тѣмъ сблизился съ управляющимъ почти на дружескую ногу.

Разъ вечеромъ Катринъ была больна и лежала у себя въ спальнѣ, а Ченцовъ въ своемъ кабинетѣ пилъ шампанское и игралъ съ Тулузовымъ въ шашки.

— Ахъ, милѣйшій Василій Иванычъ,—сказалъ онъ: — вы, вѣроятно, не вѣдаете, какое тяжелое положеніе для человѣка быть женатымъ!

— Почему?—спросилъ тотъ какъ бы совершенно наивнымъ голосомъ.

— По очень простой причинѣ: человѣкъ тутъ прикованъ и скованъ!

Управляющій на это молчалъ.

— Можетъ-быть, для другихъ это и ничего... удобно даже,— продолжалъ Ченцовъ:—но для меня нѣтъ!

Тулузовъ продолжалъ молчать.

— Я во всю жизнь мою,—снова продолжалъ Ченцовъ, закуривъ при этомъ новую трубку табаку и хлопнувъ залпомъ стаканъ шампанскаго:—никогда не могъ жить съ одной женщиной, и у меня всегда ихъ было двѣ или три!

— Это и для всѣхъ пріятнѣе, чѣмъ съ одной, — отозвался наконецъ управляющій.

— Ну, а вы сами какъ по этой части поступаете?—спросилъ его Ченцовъ.

— Мнѣ какъ случится... я человѣкъ занятой, — объяснилъ управляющій.

— Ну, а я такъ нѣтъ!.. Я не таковъ!—возразилъ, смѣясь, Ченцовъ. — Не знаю, хорошее ли это качество во мнѣ или дурное, но только для меня безъ препятствій, безъ борьбы, безъ нѣкоторыхъ опасностей, короче сказать, безъ того, чтобы это былъ запрещенный, а не разрѣшенный плодъ, женщины не существуетъ: всякая изъ нихъ мнѣ покажется тряпкой и травой безвкусной, а съ женою, вы понимаете, какія же могутъ быть препятствія или опасности!?.

Тулузовъ на это опять ничего не сказалъ и только усмѣхнулся.

— Ужасно бы мнѣ теперь, — признаюсь вамъ, какъ другу своему, — ужасно бы хотѣлось найти здѣсь такое мѣстечко, гдѣ бы именно можно было таинственно наслаждаться.

Говоря это, Ченцовъ пристально глядѣлъ въ лицо управляющаго; тотъ же держалъ свои глаза опущенными на шахматную доску.

— Есть здѣсь такія мѣста?.. Скажите мнѣ откровенно, и вы мнѣ сдѣлаете въ этомъ случаѣ истинное благодѣяніе; иначе я такой пошлой жизни, какая выпала въ настоящее время мнѣ на долю, не вынесу и застрѣлюсь.

— Зачѣмъ стрѣляться?—возразилъ, усмѣхнувшись, управляющій.—Такихъ мѣстъ здѣсь даже очень много.

— Гдѣ жъ они именно?—допрашивалъ Ченцовъ.

— Въ каждой почти деревнѣ,—отвѣчалъ управляющій.

— На посидѣлки, что ли, къ нимъ ѣхать надобно?

— Посидѣлокъ здѣсь нѣтъ, — произнесъ, какъ бы нѣчто

обдумывая, управляющій:—но мужики здѣшніе по лѣтамъ всѣ живутъ на промыслахъ, и бабы ихнія остаются однѣ-одинехоньки, развѣ съ какимъ-нибудь старикомъ хворымъ или со свекровью слѣпой.

— Это отлично!—воскликнулъ Ченцовъ съ восторгомъ.—И есть между ними хорошенькія?

— Есть, и даже вотъ въ деревнѣ Катерины Петровны, въ Ѳедюхинѣ, у одного мужика-пчеловода есть сноха—прелесть что̀ такое, и лицо-то у ней точно не крестьянское!

— Но какъ же бы повидать ее и познакомиться съ ней?—разспрашивалъ уже задыхающимся отъ волненія голосомъ Ченцовъ. — Не могу же я зря ѣхать въ деревню, не зная, гдѣ, что̀ и какъ!.. Вы поруководствуйте меня!

Управляющій на это отрицательно качнулъ головой.

— Нѣтъ-съ, мнѣ васъ, Валерьянъ Николаичъ, въ этомъ нельзя руководствовать!—сказалъ онъ.—Вы изволите, конечно, понимать, что я человѣкъ подчиненный вамъ и еще больше того Катеринѣ Петровнѣ; положимъ, я васъ научу всему, а вы вдругъ, какъ часто это между супругами бываетъ, скажете о томъ Катеринѣ Петровнѣ!

— Oh, mon Dieu, mon Dieu! — воскликнулъ Ченцовъ: — скажу я Катеринѣ Петровнѣ!.. Когда мнѣ и разговаривать-то съ ней о чемъ бы ни было противно, и вы, можетъ-быть, даже слышали, что я женился на ней вовсе не по любви, а продалъ ей себя, и стану я съ ней откровенничать когда-нибудь, — и если бы что-либо подобное случилось, такъ я предоставляю вамъ право ударить меня въ лицо и сказать: вы подлецъ! А этого мнѣ—смѣю васъ завѣрить—никогда еще никто не говорилъ!.. Итакъ, вашу руку!..

Говоря это, Ченцовъ пилъ стаканъ за стаканомъ шампанское.

Управляющій подалъ ему руку, которую Ченцовъ сильно потрясъ и проговорилъ настойчивымъ голосомъ:

— Какъ это сдѣлать, вы должны мнѣ про то сказать!

— Сдѣлать это, — началъ управляющій, попрежнему опустивъ глаза на шахматную доску: — можно такъ: въ нашемъ приходскомъ селѣ проживаетъ одна старуха, Арина Семеновна; она слыветъ знахаркой и свахой... Черезъ нее, полагаю, можно сдѣлать всякое знакомство.

— И что̀ же, къ ней я могу прямо пріѣхать? — спросилъ Ченцовъ.

— Въ какой угодно вамъ часъ дня и ночи, — проговорилъ управляющій.

— Мерсі, мой другъ, мерсі! — благодарилъ Ченцовъ, еще

разъ пожимая крѣпко руку Тулузову и даже цѣлуя его, не вѣдая нисколько, кого онъ лобызаетъ!

III.

Иванъ Петровичъ Артасьевъ, у котораго, какъ мы знаемъ, жилъ въ деревнѣ Пилецкій, прислалъ въ концѣ Ѳоминой недѣли Егору Егорычу письмо, гдѣ благодарилъ его за оказанное имъ участіе и гостепріимство Мартыну Степановичу, который дѣйствительно, поправившись въ здоровьѣ, нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Кузьмищево и прогащивалъ тамъ почти по недѣлѣ, проводя все время въ горячихъ разговорахъ съ Егоромъ Егорычемъ и Сверстовымъ о самыхъ отвлеченныхъ предметахъ по части морали и философіи. Въ ихъ бесѣдахъ участвовали также и дамы, при чемъ gnädige Frau нѣтъ-нѣтъ да и ввернетъ свое, всегда очень основательное мнѣніе, равно и Сусанна дѣлала замѣчанія, отличающіяся добротой и идеальностью, такъ что Пилецкій, какъ бы невольно, при этомъ останавливалъ на ней свой внимательный взглядъ.

«Мартынъ Степанычъ, теперь уже возвратившійся ко мнѣ въ городъ, — объяснялъ въ своемъ письмѣ Артасьевъ: — питаетъ нѣкоторую надежду уѣхать въ Петербургъ, и дай Богъ, чтобы это случилось, а то положеніе сего кроткаго старца посреди насъ печально: въ цѣломъ городѣ одинъ только я пріютилъ его; другія же лица бѣжали отъ него, какъ отъ зачумленнаго, и почти вслухъ восклицали: «онъ сосланный, сосланный!..», и никто не спросилъ себя, за что же именно претерпѣваетъ наказаніе свое Мартынъ Степанычъ? Не за то ли, можетъ-быть, что онъ искреннѣе и горячѣе любитъ Бога, чѣмъ мы, столь много мнящіе о себѣ люди?!»

Артасьевъ былъ хоть и недалекаго ума, но очень добрый человѣкъ и, состоя тоже нѣкогда въ масонствѣ, со времени еще князя Александра Николаича Голицына, служилъ директоромъ гимназіи въ изображаемой мною губерніи.

Кромѣ вышеизложеннаго, въ постскриптумѣ письма его было прибавлено, что Петръ Григорьичъ Крапчикъ одночасно скончался, и что столь быстрая смерть его главнымъ образомъ послѣдовала отъ побѣга изъ родительскаго дома Екатерины Петровны, обвѣнчавшейся тайно съ господиномъ Ченцовымъ.

— Опять новый сюрпризъ отъ племянничка!—воскликнулъ Егоръ Егорычъ, разводя руками, и сейчасъ же торопливо пошелъ къ Сусаннѣ, которая сидѣла въ своей комнатѣ и вышивала, по образцу масонскаго ковра gnädige Frau, точно такой же коверъ.

— Не удивляйтесь и не волнуйтесь! — сказалъ онъ ей и далъ прочесть конецъ письма Артасьева.

На первыхъ порахъ Сусанна въ самомъ дѣлѣ взволновалась немного, но потомъ ничего.

— Покойная сестра это предсказывала и незадолго до смерти своей мнѣ говорила, что если она умретъ, то Валерьянъ Николаичъ непремѣнно женится на Катринѣ, — проговорила она, грустно улыбаясь.

— Почему же Людмила думала это?—спросилъ Егоръ Егорычъ съ удивленіемъ.

— Она, вѣроятно, замѣчала, что m-lle Катринѣ нравилась Валерьяну.

— Фу ты, чортъ возьми! Что въ ней могло ему нравиться?— вспылилъ Егоръ Егорычъ. — Я, какъ сужу по себѣ, то хоть и видѣлъ, что Петръ Григорьичъ желалъ выдать за меня дочь, но я прямо показывалъ, что она мнѣ противна!.. Богъ знаетъ, что такое!.. Черкесска какая-то, или персіянка! А между тѣмъ Валерьянъ любилъ Людмилу, и она его любила, — понять тутъ ничего нельзя!

Сусанна слушала мужа молча.

— Этому браку, я полагаю, есть другая причина, — продолжалъ Егоръ Егорычъ, имѣвшій, какъ мы знаемъ, привычку всегда обвинять прежде всего самого себя. — Валерьянъ, вѣроятно, промотался въ конецъ, и ему, можетъ-быть, ѣсть было нечего, а я не подумалъ объ этомъ. Но и то сказать,— принялся онъ далѣе разсуждать:—какъ же я могъ это предотвратить? Валерьянъ, надѣлавъ всевозможныхъ безумствъ, не писалъ ко мнѣ и не увѣдомлялъ меня о себѣ ни единымъ словомъ, а я не Богъ, чтобы мнѣ все вѣдать и знать!

— Вы нисколько тутъ не виноваты!—проговорила наконецъ Сусанна.

— Вамъ это подсказываетъ ваша чуткая совѣсть? — спросилъ Егоръ Егорычъ, устремляя пристальный взглядъ на Сусанну.

— Да!—произнесла она твердымъ голосомъ.

— Ну, когда говорятъ ангелы, то имъ должно вѣрить, — пробормоталъ Егоръ Егорычъ и хотѣлъ-было поцѣловать руку у жены, но воздержался: подобное выраженіе того, что происходило въ душѣ его, показалось ему слишкомъ тривіальнымъ. — Меня, впрочемъ, тутъ не одно это безпокоитъ, но и другое,—продолжалъ онъ:—хорошо еще, когда Валерьянъ не понимаетъ, что онъ натворилъ: онъ, называя вещи прямо, убійца Людмилы, онъ полуубійца вашей матери и онъ же полуубійца Крапчика; если все это вѣдомо его сознанію, то

онъ живетъ въ моральномъ аду, въ аду на землѣ... прежде смерти!

— Пусть и испытаетъ этотъ адъ! — разсудила съ своей стороны Сусанна: — онъ можетъ раскаяться и избѣгнуть ада вѣчнаго.

— Онъ непремѣнно бы раскаялся,—кипятился Егоръ Егорычъ: — когда бы около него былъ какой-нибудь духовный руководитель, а кто имъ можетъ быть для него?.. Не супруга же его... Той самой надобна больше, чѣмъ ему, руководящая рука!.. Мнѣ, что ли, теперь написать Валерьяну, я ужъ и не знаю?—присовокупилъ онъ въ раздумьѣ.

— Вамъ, по-моему, нечего писать ему въ настоящую минуту!—замѣтила Сусанна.—Укорять его, что онъ женился на Катринъ, вы не станете, потому что вы ихъ только оскорбите!.. Они, вѣроятно, любятъ другъ друга!.. Иное дѣло, если Валерьянъ явится къ вамъ или напишетъ вамъ письмо, то вы, конечно, не отвергнете его!

— О, что объ этомъ и говорить!—воскликнулъ Егоръ Егорычъ. — Я не отвергалъ его тысячекратно и готовъ снова тысячекратно не отвергнуть!

Не ограничиваясь, впрочемъ, такого рода совѣщаніемъ съ своей юной супругой, Егоръ Егорычъ разсказалъ о полученномъ имъ извѣстіи gnädige Frau и Сверстову, а также и о происшедшемъ по этому поводу разговорѣ между нимъ и женою. Gnädige Frau сразу же и безусловно согласилась во всемъ съ мнѣніемъ Сусанны и даже слегка вскрикнула, кладя съ нѣжностью свою костлявую руку на бѣлую и тонкую руку Сусанны:

— Сама мудрость говорила вашими устами!

Но докторъ сомнительно почесывалъ у себя въ затылкѣ.

— Все-таки я вижу, что малый можетъ погибнуть!—произнесъ онъ. — Согласенъ, что писать къ нему Егору Егорычу неловко, ѣхать самому тѣмъ паче, но не выкинуть ли такую штуку: не съѣздить ли мнѣ къ Валерьяну Николаичу и по душѣ поговорить съ нимъ?

— По какому же ты праву пріѣдешь въ незнакомый тебѣ домъ?—сдѣлала первый вопросъ gnädige Frau.

— Ахъ, Боже мой, — закричалъ на это докторъ: — скажу, что ѣздилъ на практику и, заблудившись, заѣхалъ, увидавъ городскую усадьбу!

— Но это будетъ ложь, и такая явная, что ее сейчасъ поймутъ; потомъ, что именно и о чемъ ты будешь говорить съ господиномъ Ченцовымъ? — поставила второй вопросъ gnädige Frau.

— Я буду съ нимъ говорить, — началъ-было довольно рѣшительно докторъ: — что вотъ Егоръ Егорычъ попрежнему любитъ Валерьяна Николаича и удивляется, почему онъ его оставилъ!

— И что же изъ этого можетъ произойти?—поставила третій вопросъ gnädige Frau.

— Произойдетъ, что Валерьянъ Николаичъ опять пожелаетъ сблизиться съ дядей,—отвѣчалъ ей докторъ.

— Можетъ это произойти?—спросила уже Егора Егорыча gnädige Frau.

— Нѣтъ, не можетъ, — сознался тотъ съ печальнымъ выраженіемъ въ лицѣ: — и по многимъ причинамъ, изъ коихъ двѣ главныя: одна—его совѣсть, а другая—его супруга, которая не пожелаетъ этого сближенія!

— И я то же думаю!—подтвердила Сусанна.

— Въ такомъ случаѣ вамъ, конечно, ваши семейныя дѣла и отношенія лучше знать!—уступилъ докторъ.

— Конечно, лучше! — подхватила gnädige Frau. — А пока, какъ совѣтовала Сусанна Николаевна, надобно ждать.

— Ждать, такъ ждать! — сказалъ съ тѣмъ же невеселымъ лицомъ Егоръ Егорычъ и затѣмъ почти цѣлую недѣлю не спалъ ни одной ночи: живая струйка родственной любви къ Валерьяну въ немъ далеко еще не изсякла. Сусанна все это, разумѣется, подмѣтила и постоянно обдумывала въ своей хорошенькой головкѣ, какъ бы и чѣмъ помочь Валерьяну и успокоить Егора Егорыча.

На слѣдующей недѣлѣ Марѳины получили еще письмо, уже изъ Москвы, отъ Аггея Никитича Звѣрева, которое очень порадовало Егора Егорыча. Не было никакого сомнѣнія, что Аггей Никитичъ долго сочинялъ свое посланіе и весьма тщательно переписалъ его своимъ красивымъ почеркомъ. Оно у него вышло нѣсколько витіевато, и витіевато не въ хорошемъ значеніи этого слова; орѳографія у майора мѣстами тоже хромала. Аггей Никитичъ писалъ:

«Милостивый государь, Егоръ Егорычъ!

«Въ тотъ часъ, когда, съ ударомъ къ заутренѣ Свѣтлаго Христова Воскресенія въ почтамтской церкви, отецъ іерей возгласилъ: «Христосъ воскресе!», я получилъ радостное извѣстіе отъ ея превосходительства Натальи Васильевны Углаковой, что вы сочетались бракомъ съ Сусанной Николаевной, и я увѣренъ, что ваше вѣнчаніе освѣщали не однѣ восковыя наши свѣчи, а и райскій лучъ!»

Вотъ куда хватилъ мой милѣйшій Аггей Никитичъ, насо-

савшись нѣкоторыми масонскими трактатами, которые Егоръ Егорычъ, вѣрный своему обѣщанію, выслалъ Звѣреву немедленно же по пріѣздѣ своемъ въ деревню изъ Москвы.

Далѣе Аггей Никитичъ продолжалъ:

«Подполковница Миропа Дмитріевна Зудченко, у которой я занимаю теперь прежде бывшую квартиру почтеннѣйшей Юліи Матвѣевны, поручила мнѣ передать вамъ поздравленіе съ тѣмъ же событіемъ, и оба мы возносимъ наши теплыя мольбы къ Зиждителю вселенной о ниспосланіи благословенія на ваше потомство. Вмѣстѣ съ тѣмъ я беру смѣлость прибѣгнуть къ вашему великодушному сердцу».

Излагаемое потомъ въ письмѣ Аггея Никитича явно было ему диктуемо Миропою Дмитріевною, потому что имѣло чистодѣловой характеръ.

«На-дняхъ я узналъ, — писалъ Звѣревъ (онъ говорилъ неправду: узналъ не онъ, а Миропа Дмитріевна, которая, будучи руководима своимъ природнымъ геніемъ, успѣла разнюхать всѣ подробности):—узналъ, что по почтовому вѣдомству очистилось въ вашей губерніи мѣсто губернскаго почтмейстера, который по болѣзни своей и по неудовольствію съ губернаторомъ смѣщенъ. Столь много ласкаемый по вашему письму Александромъ Яковлевичемъ, рѣшился я обратиться съ просьбой къ нему о полученіи этого мѣста».

Опять-таки Аггей Никитичъ при этомъ выразился не точно, говоря: я и я; гораздо было бы правдивѣе ему сказать: я, по настойчивому внушенію Миропы Дмитріевны, рѣшился обратиться къ Александру Яковлевичу.

«На такое мое ходатайство его превосходительство мнѣ изволилъ отвѣтить»...

По случаю слова *изволилъ*, Аггей Никитичъ имѣлъ продолжительный споръ съ Миропой Дмитріевной, находя, что такое выраженіе слишкомъ лакейское, и по-солдатски просто бы слѣдовало сказать: «его превосходительство *приказалъ*».

— Пишите, пожалуйста, какъ я вамъ говорю: я знаю, какъ пишутся такія письма!—настаивала на своемъ Миропа Дмитріевна и стала затѣмъ прямо диктовать Аггею Никитичу.—«Его превосходительство изволилъ отвѣтить, что назначеніе на это мѣсто зависитъ не отъ него, а отъ высшаго петербургскаго начальства, и что онъ не преминетъ написать обо мнѣ рекомендацію въ Петербургъ, а также его превосходительство приказалъ мнѣ...»

— Вотъ гдѣ слѣдуетъ сказать *приказалъ*! — замѣтила Миропа Дмитріевна Аггею Никитичу, который на этотъ разъ, не отвѣтивъ ей ничего, не переставалъ писать:—«приказалъ по-

просить покорнѣйше и васъ о таковой же рекомендаціи высшему петербургскому начальству».

Егоръ Егорычъ, разумѣется, не медля ни минуты, написалъ къ князю Голицыну ходатайство объ опредѣленіи Звѣрева, и тотъ черезъ двѣ же недѣли былъ назначенъ на просимое имъ мѣсто. Получивъ официальное увѣдомленіе о своемъ опредѣленіи, Аггей Никитичъ прежде всего сказалъ о томъ Миропѣ Дмитріевнѣ. Оно иначе и быть не могло, потому что во дни невзгоды, когда Аггей Никитичъ оставилъ военную службу, Миропа Дмитріевна столько явила ему доказательствъ своей пріязни, что онъ считалъ ее за самую близкую себѣ родню: во-первыхъ, она настоятельно отъ него потребовала, чтобы онъ занялъ у нея въ домѣ ту половину, гдѣ жила адмиральша, потомъ, чтобы чай, кофе, обѣдъ и ужинъ Аггей Никитичъ также бы получалъ отъ нея, съ непремѣннымъ условіемъ впредь до полученія имъ должной пенсіи не платить Миропѣ Дмитріевнѣ ни копейки. Противъ этого условія Аггей Никитичъ сильно возставалъ, ибо онъ все-таки имѣлъ капиталецъ рублей въ пятьсотъ ассигнаціями, имѣлъ много вещей, которыя можно было продать, но Миропа Дмитріевна и слышать ничего не хотѣла.

— Неужели же, Аггей Никитичъ, вы до сихъ поръ не считаете меня вашимъ лучшимъ другомъ, — говорила она прискорбнымъ тономъ: — и думаете, что я не готова для вашего спокойствія пожертвовать всѣмъ на свѣтѣ?

— Благодарю васъ, — сказалъ на это майоръ, пожимая по старой привычкѣ плечами, какъ будто бы они были еще въ эполетахъ: — но согласитесь, что я не имѣю никакого права пользоваться вашей добротой.

— Ахъ, тутъ никакой нѣтъ доброты, тутъ другое!—воскликнула Миропа Дмитріевна, вспыхнувъ при этомъ въ лицѣ.

Покраснѣлъ также и Аггей Никитичъ.

— И почему вы думаете, что не имѣете права этимъ пользоваться?—присовокупила Миропа Дмитріевна.

Аггей Никитичъ опять слегка пожалъ плечами.

— Потому что я мужчина и самъ себѣ долженъ хлѣбъ добывать,—проговорилъ онъ.

— А я женщина и тоже могу зарабатывать для себя и для другихъ! — возразила ему Миропа Дмитріевна. — Кромѣ того, я имѣю безбѣдное состояніе!.. Значитъ, объ этомъ и говорить больше нечего; извольте жить, какъ я вамъ приказываю!

Аггея Никитича хоть и покоробливало, но онъ подчинился желанію Миропы Дмитріевны, и такимъ образомъ они стали

обитать въ весьма близкомъ сосѣдствѣ, сохраняя совершеннѣйшую непорочность и чистоту отношеній.

Когда Миропа Дмитріевна услыхала отъ Аггея Никитича объ его назначеніи въ губернію, то сначала какъ будто бы и ничего, даже обрадовалась, хотя все-таки слезы тутъ же заискрились на ея глазахъ.

— Поздравляю васъ, отъ души поздравляю! — проговорила она.

Затѣмъ послѣдовавшій обѣдъ шелъ какъ-то странно, и видно было, что Звѣревъ и Мирона Дмитріевна чувствовали большую неловкость въ отношеніи другъ друга, особенно Аггей Никитичъ, который неизвѣстно ужъ съ какого повода заговорилъ вдругъ о Канарскомъ.

— Да-съ, это былъ полячокъ настоящій, съ гоноромъ и съ душой!—сказалъ онъ.

— Кто это такой? — переспросила Мирона Дмитріевна съ удивленіемъ и неудовольствіемъ.

— Канарскій — польскій бунтовщикъ и революціонеръ, — объяснилъ Аггей Никитичъ.

— Но съ какой же стати онъ пришелъ вамъ въ голову?— продолжала съ тѣмъ же недоумѣніемъ Мирона Дмитріевна.

— Да такъ, случайно!—отвѣчалъ опѣшенный этимъ вопросомъ Аггей Никитичъ, такъ какъ онъ вовсе не случайно это сдѣлалъ, а чтобы отклонить Мирону Дмитріевну отъ того разговора, который бы собственно она желала начать и котораго Аггей Никитичъ побаивался.—Мнѣ пришлось разъ видѣть этого Канарскаго въ одномъ польскомъ домѣ,—продолжалъ онъ разсказывать:—только не подъ его настоящей фамиліей, а подъ именемъ Януша Немрава.

— Что это такое: Янушъ Немрава?—произнесла насмѣшливымъ и досадливымъ голосомъ Мирона Дмитріевна.

— Это по-польски значитъ: неловкій,—пояснилъ ей Аггей Никитичъ:—хотя Канарскій былъ очень ловкій человѣкъ, говорилъ по-русски, по-французски, по-нѣмецки и безпрестанно то тутъ, то тамъ появлялся, такъ что государь, бывъ однажды въ Вильнѣ, спросилъ тамошняго генералъ-губернатора Долгорукова: «Что творится въ вашемъ краѣ?»—«Все спокойно, говоритъ, Ваше Императорское Величество!»—«Несмотря, говоритъ, на то, что здѣсь гоститъ Канарскій?»—и показалъ генералъ-губернатору полученную депешу объ этомъ соколѣ изъ Парижа!

— Но неужели же его и до сихъ поръ не поймали? — поспѣшила перебить его Мирона Дмитріевна, отъ души желавшая этому Канарскому въ землю провалиться, чтобы

только Аггей Никитичъ прекратилъ о немъ свое разглагольствованіе.

— Какъ не поймать?.. Пойманъ ужъ!.. Мнѣ недавно встрѣтился одинъ нашъ офицеръ изъ Вильны и разсказывалъ, что Канарскаго сцапали въ дорогѣ, и онъ теперь содержится въ упраздненномъ базильянскомъ монастырѣ... Я держалъ тамъ иногда караулъ; мѣсто, доложу вамъ, крѣпкое... хотя тотъ же офицеръ мнѣ разсказывалъ, что не только польскаго закала офицерики, но даже наши чисто-русскіе даютъ большія льготы Канарскому: уменъ ужъ очень, каналья, и лукавъ; конечно, строго говоря, это незаконно, но что жъ дѣлать?.. И я бы такъ же, разсуждая по-человѣчески, поступалъ!.. Онъ не разбойникъ же въ самомъ дѣлѣ, а только полякъ закоснѣлый.

— А вотъ если бы вы попались Канарскому и другимъ полякамъ, такъ они съ вами такъ бы нѣжничать не стали, извините вы меня!—замѣтила съ озлобленіемъ Миропа Дмитріевна.

— Стали бы! — сказалъ утвердительно Аггей Никитичъ.— Повѣрьте, поляки народъ благородный и великодушный.

— У васъ всѣ обыкновенно добрые и благородные,—произнесла съ тѣмъ же озлобленіемъ Миропа Дмитріевна, и на лицѣ ея какъ будто бы написано было: «Хочется же Аггею Никитичу болтать о такомъ вздорѣ, какъ эти поляки и разные тамъ ихъ Канарскіе!»

— Нѣтъ-съ, не всѣ, вы ошибаетесь!—возразилъ Аггей Никитичъ и всталъ, воспользовавшись тѣмъ, что обѣдъ весь былъ съѣденъ.

— Куда же вы? Посидите еще со мной и не уходите! — произнесла Миропа Дмитріевна жалобнымъ голосомъ.

— Не могу, мнѣ еще надобно поразобраться съ моими вещами; мундиръ я тоже думаю заказать здѣсь, чтобы явиться къ Александру Яковличу и поблагодарить его.

Миропа Дмитріевна потупилась, понимая такъ, что Аггей Никитичъ опять-таки говоритъ какой-то вздоръ, но ничего, впрочемъ, не возразила ему, и Звѣревъ ушелъ на свою половину, а Миропа Дмитріевна только кинула ему изъ своихъ небольшихъ глазъ молніеносный взоръ, которымъ какъ бы говорила: «нѣтъ, Аггей Никитичъ, вы отъ меня такъ легко не отдѣлаетесь!», и потомъ, вечеромъ, одѣвшись хоть и въ домашній, но кокетливый и отчасти моложавый костюмъ, сама пришла къ своему постояльцу, котораго застала въ халатѣ. Онъ ужасно переконфузился и бросился-было въ другую комнату, чтобы попріодѣться.

— Не смѣйте этого дѣлать! — остановила его повелительнымъ тономъ Миропа Дмитріевна.

— Но это невозможно!—возразилъ-было Аггей Никитичъ:—ваша прислуга можетъ Богъ знаетъ что̀ подумать!

— Прислуга моя ничего не посмѣетъ подумать! — сказала, величественно усмѣхнувшись, Миропа Дмитріевна.—Сядьте на свое мѣсто.

Аггей Никитичъ опустился на занимаемый имъ до того стулъ, конфузливо спѣша запахнуть свой не совсѣмъ полный и довольно короткій халатъ, а Миропа Дмитріевна помѣстилась нѣсколько вдали на диванѣ, принявъ хоть и грустную отчасти, но довольно красивую позу.

— Что̀ же вы тутъ подѣлывали?.. Можетъ-быть, я вамъ помѣшала?—спросила она тоже грустнымъ голосомъ.

— Я... ничего особеннаго не дѣлалъ и очень радъ, что̀ вы пришли ко мнѣ... я долженъ еще заплатить вамъ мой долгъ!

И съ этими словами Аггей Никитичъ вынулъ слегка дрожащими руками изъ столоваго ящика два небольшіе столбика червонцевъ, которые были имъ сбережены еще съ турецкой кампаніи. Червонцы эти онъ пододвинулъ на столѣ къ сторонѣ, обращенной къ Миропѣ Дмитріевнѣ.

— Вы мнѣ нисколько не должны,—проговорила она, не поднимаясь съ дивана и держа руки скрещенными на нѣсколько приподнятой, черезъ посредство ваты, груди: Миропа Дмитріевна знала изъ прежнихъ разговоровъ, что Аггею Никитичу больше нравятся женщины съ высокой грудью.

— Миропа Дмитріевна, вы меня этимъ оскорбляете,—сказалъ онъ, какъ-то мрачно потупляясь.

— А вы меня еще больше оскорбляете,—отпарировала ему Миропа Дмитріевна:—я не трактирщица, чтобы расплачиваться со мной деньгами! Развѣ могутъ окупить для меня всѣ сокровища міра, что вы будете жить гдѣ-то тамъ далеко, заинтересуетесь какою-нибудь молоденькой (Миропа Дмитріевна не прибавила «и хорошенькой», такъ какъ и себя таковою считала), а я,—продолжала она:—останусь здѣсь скучать, благословляя и оплакивая ту минуту, когда въ первый разъ встрѣтилась съ вами!

У Аггея Никитича выступилъ даже потъ на лбу: то, что̀ онъ смутно предчувствовалъ и чего ожидалъ, начало осуществляться. Онъ рѣшительно не находился, что̀ бы ему такое сказать.

— Впрочемъ, Аггей Никитичъ, я васъ нисколько не упрекаю; вы всегда держали себя какъ благородный человѣкъ,—говорила между тѣмъ Миропа Дмитріевна:—и никогда не хотѣли воспользоваться моею женскою слабостью, хотя это для меня было еще ужаснѣе!—и при этомъ Миропа Дмитріевна вдругъ разрыдалась.

Аггея Никитича точно кто острымъ ножомъ ударилъ въ его благородное сердце. Онъ понялъ, что влюбилъ до безумія въ себя эту женщину, тогда какъ самъ въ отношеніи ея былъ... Но что такое самъ Аггей Никитичъ былъ въ отношеніи Миропы Дмитріевны, этого ему и разобрать было не подъ силу.

— Любя васъ такъ много,—объясняла она сквозь слезы:— мнѣ было бы нетрудно сдѣлаться близкой вамъ женщиной: стоило только высказать вамъ мои чувства. и вы бы, какъ мужчина, увлеклись,—согласитесь сами!

— Увлекся бы!—не заперся Аггей Никитичъ, вспомнивъ многіе случаи своей жизни, за которые онъ послѣ знакомства своего и бесѣдъ съ Егоромъ Егорычемъ презиралъ себя.

— Но я этого не сдѣлала, потому что воспитана не въ тѣхъ правилахъ, какія здѣсь, въ Москвѣ, у многихъ женщинъ!— текла, какъ быстрый ручей, рѣчь Миропы Дмитріевны.—Онѣ обыкновенно сближаются съ мужчинами, забираютъ ихъ въ свои ручки и даже обманутъ ихъ, говоря, что имъ угрожаетъ опасность сдѣлаться матерями...

Аггей Никитичъ на это только пыхтѣлъ; въ головѣ и въ сердцѣ у него происходила Богъ знаетъ какая ломка и трескотня. То, что онъ по нравственному долгу обязанъ былъ жениться на Миропѣ Дмитріевнѣ,—это было рѣшено имъ, но въ такомъ случаѣ предстояло измѣнить постоянно проповѣдуемой имъ аксіомѣ, что должно жениться на хорошенькой! «Но почему же Миропа Дмитріевна и не хорошенькая?»— промелькнула въ его головѣ мысль. Противнаго и отталкивающаго онъ въ ней ничего не находилъ; конечно, она была не молода и не свѣжа,—и при этомъ Аггей Никитичъ кинулъ взглядъ на Миропу Дмитріевну, которая сидѣла рѣшительно въ весьма соблазнительной позѣ, и больше всего Звѣреву кинулась въ глаза маленькая ножка Миропы Дмитріевны, которая дѣйствительно у нея была хороша, но потомъ и ея искусственная грудь, а тамъ какъ-то живописно расположенныя на разныхъ мѣстахъ складки ея платья. Надо всѣмъ этимъ, конечно, преобладала мысль, что всякій человѣкъ долженъ имѣть жену, которая бы его любила, и что любви къ нему Миропѣ Дмитріевнѣ было не занимать стать; но, какъ ни являлось все это яснымъ, червячокъ сомнѣнія шевелился еще въ умѣ Аггея Никитича.

— Миропа Дмитріевна, скажу вамъ откровенно,—началъ онъ суровымъ голосомъ:—я человѣкъ простой и нехитростный, а потому не знаю хорошенько, гожусь ли я вамъ въ мужья, а также и вы мнѣ годитесь ли?

— Вы мнѣ годитесь, и я вамъ гожусь,—отвѣтила Миропа Дмитріевна.—Можетъ-быть, вы иногда будете фантазировать о молоденькихъ женщинахъ...

— Нѣтъ, я больше не буду фантазировать объ этомъ: я теперь постарѣлъ, и мнѣ, главное, одно надо—учиться, читать, и прежде всего повидаться съ Егоромъ Егорычемъ.

— Съ Егоромъ Егорычемъ вы повидаетесь, какъ мы только поѣдемъ на вашу службу, и я вмѣстѣ съ вами заѣду къ нему и поучусь у него.

— Не мѣшаетъ это никому!—замѣтилъ Аггей Никитичъ, мотнувъ глубокомысленно головой.

Конечно, Миропа Дмитріевна, по своей практичности, втайнѣ думала, что Аггею Никитичу прежде всего слѣдовало заняться своей службой, но она этого не высказала и намѣрена была потомъ внушить ему, а если бы онъ не внялъ ей, то она, что̀ мы отчасти знаемъ, предполагала сама вникнуть въ его службу и извлечь изъ нея всевозможныя выгоды, столь необходимыя для семейныхъ людей, тѣмъ болѣе, что Миропа Дмитріевна питала полную надежду имѣть съ Аггеемъ Никитичемъ дѣтей, такъ какъ онъ не чета ея первому мужу, который былъ израненъ и весь больной.

IV.

Въ послѣднее время Ченцовъ чрезвычайно пристрастился къ ружейной охотѣ, на которую ходилъ одинъ-одинешенекъ въ сопровожденіи только своей лягавой собаки. Катринъ нѣсколько разъ и со слезами на глазахъ упрашивала его не дѣлать этого, говоря, что она умираетъ со страху отъ мысли, что онъ по цѣлымъ днямъ бродитъ въ лѣсу, гдѣ можетъ заблудиться, или встрѣтить медвѣдя, волка...

— А если встрѣчу, такъ пристрѣлю: у меня съ собою ружье двухствольное: одно съ дробью, а другое съ пулей,—отвѣчалъ ей, смѣясь, Ченцовъ.

— Но все-таки бери съ собой кого-нибудь!—не отставала отъ него Катринъ:—ну, хоть управляющаго, что ли... Онъ, конечно, знаетъ здѣшнюю мѣстность лучше, чѣмъ ты!

— Зачѣмъ же я буду брать управляющаго, когда онъ вовсе не охотникъ; кромѣ того, онъ заваленъ дѣлами по хозяйству, а я, вдобавокъ, еще буду таскать его за собой верстъ по тридцати въ день; это невѣжливо и безчеловѣчно!—возражалъ ей Ченцовъ.

— Если не охотникъ, пусть ходитъ съ тобой кто-нибудь изъ людей: между ними множество охотниковъ.

— Ни одного!

— Какъ ни одного, когда у насъ псарей двадцать человѣкъ!—воскликнула съ удивленіемъ Катринъ.

— То псари, а не ружейные охотники: они не понимаютъ этой охоты! И что̀ жъ мнѣ за радость водить за собой ничего не понимающаго дурака, который будетъ мнѣ только мѣшать!—стоялъ упорно на своемъ Ченцовъ.

Тогда Катринъ придумала новое средство не пускать мужа одного на охоту.

— Если ужъ ты такъ любишь охотиться,—говорила она:—такъ ѣзди лучше со псовой охотой, и я съ тобой стану ѣздить... По крайней мѣрѣ, я не буду тогда мучиться отъ скуки и отъ страха за тебя, а то это ужасно, что̀ я переживаю; пощади ты меня, Валерьянъ!

— Какая же въ іюлѣ псовая охота?—сказалъ ей тотъ:—она начнется съ осени, а теперь охота на дичь!

— Но ты и дичи ничего не застрѣливаешь и всегда возвращаешься съ пустымъ ягташомъ!—замѣтила Катринъ.

Ченцовъ при этомъ покачалъ головой.

— Въ ягташъ мой даже заглядываетъ!..—проговорилъ онъ съ досадой.—Ты скоро будешь меня держать, какъ Людовикъ XI кардинала ла-Балю, въ клѣткѣ; женясь, я не продавалъ же тебѣ каждой минуты своей жизни!

— Какъ ты не хочешь понять, что это отъ любви къ тебѣ проистекаетъ!—проговорила жалобнымъ голосомъ Катринъ.

— Любовь, напротивъ, дѣлаетъ людей снисходительными, а не деспотами!—возразилъ Ченцовъ.

Катринъ сама понимала, что она слишкомъ многаго требовала отъ мужа. Добро бы онъ возвращался домой пьяный или буйный,—ничего этого не было. Ченцовъ, дома даже, сталъ гораздо меньше пить; спалъ онъ постоянно въ общей спальнѣ съ женой, хотя, конечно, при этомъ прежнихъ страстныхъ сценъ не повторялось. Словомъ, все, что̀ дѣлалъ и говорилъ мужъ, она находила весьма натуральнымъ; но непонятный страхъ и совершенно увѣренное ожиданіе какихъ-то опасностей и несчастій не оставляли ея ни на минуту, и—увы!—предчувствія не обманывали Катринъ. Дѣйствительно, надъ ея головой висѣла опасность, которая вскорѣ и разразилась. Дѣло въ томъ, что Ченцовъ, по указанію управляющаго, отыскалъ въ селѣ старуху Арину Семенову и достигнулъ чрезъ посредство ея возможности таинственныхъ наслажденій, каковыя Арина первоначально устроила ему съ одною сельскою дѣвицею, по имени Маланьей; но та оказалась столь безстыжею и назойливою, что съ перваго же свп-

данія опротивѣла Ченцову до омерзѣнія, о чемъ онъ объявилъ Аринѣ; тогда сія обязательная старуха употребила все свое стараніе и умѣнье и свела его съ тою снохою пчеловода, на которую намекнулъ ему Тулузовъ. Бабенка эта дѣйствительно оказалась прехорошенькой и премечтательной, такъ что въ этомъ отношеніи Людмилѣ, пожалуй, не уступала. Ченцовъ увлекся ею до чортиковъ. Между тѣмъ Маланья, побуждаемая главнымъ образомъ корыстью, ждала съ великимъ нетерпѣніемъ получить отъ синьковскаго барина новое приглашеніе; когда же такового не послѣдовало, она принялась развѣдывать, нѣтъ ли у нея соперницы, и весьма скоро дознала, что баринъ этотъ сталъ возжаться съ своей крѣпостной крестьянкой изъ деревни Ѳедюхиной. Прежде всего Маланья прибѣжала къ старухѣ Аринѣ, разругалась съ ней, почесть наплевала ей въ глаза, говоря, что это ей, старой чертовкѣ, а также и подлой Аксюткѣ (имя мечтательной бабенки), не пройдетъ даромъ. Все это старуха Арина скрыла отъ Ченцова, разсчитывая такъ, что безстыжая Маланья языкомъ только брешетъ, анъ вышло не то, и разъ, когда Валерьянъ Николаичъ, пріѣхавъ къ Аринѣ, сидѣлъ у нея вмѣстѣ съ своей Аксюшей въ особой горенкѣ, Маланья нагрянула въ избу къ Аринѣ, подняла съ ней ругню, мало того —добралась и до Ченцова.

— Такъ барину поступать нехорошо!—заорала она, распахнувъ дверь въ горенку.—Коли я теперича согласилась съ вами, такъ зачѣмъ же вамъ брать другую?.. Что же я на смѣхъ, что ли, далась? Я дѣвушка честная, а не какая-нибудь!

— Какая ты честная дѣвушка, коли ты въ острогѣ сидѣла за то, что купца обокрала!—кричала не тише Маланьи стоявшая за ней старуха Арина.

— Врешь, врешь!.. Ты не клепли, вѣдьма!.. А ужъ тебѣ, Аксинья, коли гдѣ встрѣчу, всю косу растреплю!.. Ты не отбивай у другихъ!—продолжала орать Маланья.

Бѣдная Аксюша при этомъ хлобыснулась своимъ красивымъ лицомъ на столъ и закрылась рукавомъ рубахи, какъ бы желая, чтобы ей никого не видѣть и чтобы ея никто не видѣлъ. Ченцовъ, ошеломленный всей этой сценой, при послѣдней угрозѣ Маланьи поднялся на ноги и крикнулъ ей страшнымъ голосомъ:

— Вонъ!.. Прогони ее, Арина!—приказалъ онъ старухѣ.

— А я ее вотъ чѣмъ смажу,—подхватила та и прямо же хватила попавшею ей подъ руку метлою Маланью по шеѣ.

— Метла-то, дьяволица, о двухъ концахъ!—вскрикнула, въ свою очередь, Маланья и хотѣла-было вырвать у Арины метлу,

но старуха крѣпко держала свое оружіе и съѣздила Маланью уже по лицу, которая тогда заревѣла и побѣжала, крича:— Погодите! постойте!

Старуха Арина поспѣшила запереть весь свой домишко изнутри, но не прошло и пяти минутъ, какъ передъ ея избой снова показалась Маланья и уже въ сопровожденіи своего стараго родителя, который явился босикомъ и въ совершенно разорванной рубахѣ. Онъ былъ пропившійся кузнецъ, передъ тѣмъ только пересланный изъ Москвы въ деревню по этапу. Кузнецъ и Маланья принялись стучать во входную дверь въ избу, но старуха Арина не отпирала; тогда Маланья и ея родитель подошли къ окнамъ горенки и начали въ нихъ стучать. Ченцову наконецъ надоѣло такое осадное положеніе: онъ съ бѣшенствомъ въ лицѣ подскочилъ къ окну и распахнулъ его.

— Что вамъ надобно?—крикнулъ онъ громовымъ голосомъ, такъ что кузнецъ, видимо, струхнулъ.

— Ваше превосходительство,—началъ онъ, прижимая руку къ своей полуобнаженной груди:—теперича я родитель этой дѣвушки, за что жъ такъ меня и ее обижать?..

— Не васъ обижаютъ, а вы буяните тутъ!—кричалъ Ченцовъ.—Чего, собственно, вы хотите отъ меня?

— Ваше превосходительство, мы люди бѣдные,—продолжалъ кузнецъ:—а чужимъ господамъ тоже соблазнять не дозволено дѣвушекъ, коли нѣтъ на то согласія отъ родителей, а я какъ же, помилуйте, могу дать позволенье на то, когда мнѣ гривны какой-нибудь за то не выпало.

— Вотъ тебѣ не гривна, а больше!—проговорилъ Ченцовъ и кинулъ десятирублевую.

— Благодарю покорно, ваше высокопревосходительство!— сказалъ кузнецъ радостнымъ голосомъ и хватая бумажку съ земли.

— Ну, и убирайтесь сію же минуту!

— Уберемся, ваше превосходительство,—отвѣчалъ кузнецъ.

Ченцовъ затворилъ окно, но еще видѣлъ, какъ родитель Маланьи медленно пошелъ съ нею отъ избы Арины, а потомъ, отойдя весьма недалеко, видимо, затѣялъ брань съ дочерью, которая кончилась тѣмъ, что кузнецъ схватилъ Маланью за косу и куда-то ее увелъ.

— Чортъ знаетъ, что это такое!—произнесъ Ченцовъ, садясь на небольшой диванчикъ; несмотря на разнообразіе его любовныхъ похожденій, съ нимъ никогда ничего подобнаго не случалось.

— Ахъ, баринъ, здѣсь ужасть какой народъ супротивный,

и всѣ, что ни есть, буяны!—проговорила тихимъ голосомъ Аксюша, поднявшая наконецъ лицо свое.

— Пойдемъ, моя милая, я тебя провожу!—сказалъ Ченцовъ, вставъ съ диванчика и облекаясь въ свои охотничьи доспѣхи.

— Проводите, баринъ, а то они безпремѣнно подстерегутъ меня и изобьютъ!

— Пусть себѣ попробуютъ! — произнесъ Ченцовъ, молодецки мотнувъ головой, и повелъ Аксюшу подъ руку по задворкамъ деревни.

Итти потомъ въ Ѳедюхино пришлось имъ по небольшому березовому перелѣску. Ночь была лунная и теплая. Аксинья, одѣтая въ новый ситцевый сарафанъ, бѣлую коленкоровую рубаху и съ краснымъ платкомъ на головѣ, шла, стыдливо держась за руку барина. Она была изъ довольно зажиточнаго дома, и я объяснить даже затрудняюсь, какъ и почему сія юная бабеночка пала для Ченцова: можетъ-быть, тоже вслѣдствіе своей поэтичности, считая всякаго барина лучше мужика; да мужа, впрочемъ, у нея и не было,—онъ цѣлые годы жилъ въ Петербургѣ и не сходилъ оттуда.

Версты черезъ три Аксинья, слабенькая физически, замѣтно утомилась

— Присядь и отдохни, Аксюша, — сказалъ, замѣтивши ея усталость, Ченцовъ.

Въ это время они проходили довольно сухую поляну.

— Да, баринъ, ужъ извините!—проговорила она и опустилась на траву.

Ченцовъ усѣлся рядомъ съ нею; Аксинья немедленно же склонила свою голову на его ноги. Оба они при довольно тускломъ лунномъ освѣщеніи, посреди травы и лѣса, съ бѣгающею около и какъ бы стерегущею ихъ собакою, представляли весьма красивую группу: молодцоватый Ченцовъ въ щеголеватомъ охотничьемъ костюмѣ, вооруженный ружьемъ, сидѣлъ какъ бы нѣсколько въ грозной позѣ, а лежавшая головою на его ногахъ молодая бабеночка являла Богъ знаетъ уже откуда прирожденную ей грацію. Начавшійся между ними разговоръ тоже носилъ поэтическій характеръ.

— Ты меня любишь, Ксюша?—спрашивалъ Ченцовъ.

— Люблю, баринъ,—отвѣчала она, не поднимая головы.

— И я тебя люблю! — произнесъ трепетно-страстнымъ голосомъ Ченцовъ.

— Я знаю это, баринъ, — говорила Аксинья, не измѣняя своей позы.

— Но тебя, можетъ-быть, безпокоитъ эта нахальная Маланья?—спросилъ Ченцовъ.

— Нѣтъ, баринъ... Что жъ это?.. Нѣтъ, нѣтъ!—повторила Аксинья:—только, баринъ, одно смѣю вамъ сказать, — вы не разсердитесь на меня, голубчикъ,—я къ Аринѣ ходить боюсь теперь... она тоже женщина лукавая... Пожалуй, еще, какъ мы будемъ тамъ, всякаго народу напускаетъ... Куда я тогда дѣнусь съ моей бѣдной головушкой?..

— Гдѣ жъ мы будемъ видаться? Къ тебѣ въ избу мнѣ пріѣхать нельзя?..—проговорилъ Ченцовъ.

— Ай, баринъ, какъ это возможно!—воскликнула Аксинья:—у насъ домъ очень строгій!..

— Такъ въ лѣсу, что ли, гдѣ-нибудь?—спрашивалъ Ченцовъ.

— Нѣтъ, въ лѣсу нельзя! Онъ полнѣхонекъ теперь мальчишками и старухами: всѣ за ягодами ходятъ!

— Въ такомъ случаѣ гдѣ же, милая моя? Неужели мы съ тобой и видаться перестанемъ?

— Какъ это возможно не видаться?! — опять воскликнула Аксинья.—А я, баринъ, вотъ что думала: я буду попервоначалу рожь жать, а опосля горохъ теребить, и какъ вы мнѣ скажете, въ какой день придете въ нашу деревню, я ужъ васъ безпремѣнно увижу и прибѣгу въ овины наши,—и вы туда приходите!

— Но какъ я узнаю вашъ овинъ? Ихъ тамъ нѣсколько!—замѣтилъ Ченцовъ.

— Да я васъ подожду у нашего-то овина; тамъ теперь николи ни единаго человѣка не бываетъ.

— Отлично придумала!.. О, моя милушка, душка моя! — сказалъ Ченцовъ и началъ цѣловать Аксюшу такъ же страстно и нѣжно, какъ когда-то цѣловалъ онъ и Людмилу, а затѣмъ Аксинья одна уже добѣжала домой, такъ какъ Ѳедюхино было почти въ виду.

Условленныя такимъ образомъ свиданія стали повторяться почти каждодневно, но продолжались они, впрочемъ, недолго. Маланья, не получившая отъ родителя ни копейки изъ денегъ, данныхъ ему Ченцовымъ, и даже прибитая отцомъ, задумала за все это отомстить Аксиньѣ и барину, ради чего она набрала цѣлое лукошко красной морошки и отправилась продавать ее въ Синьково, и такъ какъ Екатерина Петровна, мелочно-скупая, подобно покойному Петру Григорьичу, въ хозяйствѣ, имѣла обыкновеніе сама покупать у приходящихъ крестьянокъ ягоды, то Маланья, вѣроятно, слышавшая объ этомъ, смѣло и нагло вошла въ дѣвичью и потребовала, чтобы къ ней вызвали барыню. Катринъ вышла къ ней. Маланья запросила за свое лукошко очень дорого.

— Ты, дѣвушка, съ ума, я вижу, сошла!—возразила Катринъ:—я покупаю морошку втрое дешевле.

— Да вы, сударыня, можетъ, покупаете у вашихъ крестьянъ: они люди богатые и всѣ почесть на оброкахъ, а намъ гдѣ взять? Родитель у меня въ задѣльѣ, господа у насъ не жалостливые, гдѣ хошь возьми, да подай! Не то, что вы съ вашимъ супругомъ!—выпечатывала бойко Маланья.—У васъ одинъ мужичокъ изъ Ѳедюхина—Власій Македонычъ—домъ, говорятъ, каменный хочетъ строить, а тоже откуда онъ взялъ?—все по милости господской!

— Какая же ему особенная милость господская была? — спросила Катринъ съ нѣкоторымъ любопытствомъ, такъ какъ она вовсе не считала ни себя ни покойнаго отца своего особенно щедрыми и милостивыми къ своимъ крѣпостнымъ людямъ.

— Этого не сказываютъ, а хвастаютъ! — придумывала и врала Маланья, попадавшая, впрочемъ, безошибочно въ цѣль.

— А изъ кого семья Власія состоитъ?—спросила Катринъ; голосъ ея при этомъ былъ какой-то странный.

— Да у нихъ старикъ со старухой, сынъ ихній — питерщикъ и сноха.

— Молоденькая и хорошенькая эта сноха?

— Женщина очень красивая!—объяснила Маланья.

Для ревниваго и смѣтливаго ума Катринъ было достаточно этого короткаго разговора, чтобы заподозрѣть многое. Купивъ ягоды и сказавъ Маланьѣ, что она можетъ итти домой, Екатерина Петровна впала въ мучительное раздумье: основнымъ ея предположеніемъ было, что не отъ Валерьяна ли Николаича полился золотой дождь на старика Власія, котораго Катринъ знала еще съ своего дѣтства и вовсе не разумѣла за очень богатаго мужика, — и полился, разумѣется, потому, что у Власія была сноха красивая. «Но тогда, — спрашивала себя Катринъ: — откуда у Валерьяна могли появиться такія значительныя деньги, на которыя можно было бы выстроить каменный домъ? Можетъ-быть, онъ взялъ у управляющаго?»—пришло на мысль Екатеринѣ Петровнѣ. Пользуясь обычнымъ отсутствіемъ мужа, она, не откладывая времени, позвала къ себѣ Тулузова.

— Послушайте, Василій Иванычъ, — начала она довольно строгимъ тономъ:—не требовалъ ли отъ васъ Валерьянъ Николаичъ значительной суммы денегъ?

— Никакъ нѣтъ-съ!—отвѣчалъ тотъ, какъ бы даже удивленный такимъ вопросомъ.

— И нисколько не требовалъ?—спросила еще разъ Катринъ.

— Нисколько-съ!—отвѣчалъ управляющій, не мигнувши ни однимъ глазомъ, хоть и говорилъ неправду: Валерьянъ Ни-

коланчъ бралъ у него деньги,—конечно, не въ такой значительной цифрѣ, какъ предполагала Катринъ.

— Ну, смотрите же,—сказала она снова строгимъ тономъ:— я буду внимательно разсматривать ваши отчеты, и наконецъ, если когда-нибудь мужъ будетъ просить у васъ денегъ, то вы должны мнѣ предварительно сказать объ этомъ.

— Я очень хорошо понимаю, кто владѣлецъ порученныхъ мнѣ имѣній!—проговорилъ на это, слегка улыбаясь, управляющій.

Катринъ однако этими распоряженіями не успокоилась. Не высказавъ мужу нисколько своихъ подозрѣній, она вознамѣрилась съѣздить въ деревню Ѳедюхино, чтобы взглянуть на житье-бытье Власія, съ каковою цѣлью Катринъ, опять-таки въ отсутствіе мужа, велѣла запрячь себѣ кабріолетъ и, никого не взявъ съ собою, отправилась въ сказанную деревню. Избу Власія Екатерина Петровна хорошо знала, а потому, подъѣхавъ прямо къ ней, увидала Власія сидящимъ на прилавочкѣ около своей хаты. Онъ былъ еще старикъ крѣпкій, съ расчесанной бородой и головой, въ синей рубахѣ и въ валеныхъ сапогахъ, такъ такъ у него простужены были ноги.

Узнавъ госпожу свою, Власій всталъ и почтительно поклонился.

— А я, Власій, пріѣхала къ тебѣ полакомиться твоими сотами!—сказала Катринъ, вылѣзая изъ своего кабріолета.

— Великую милость, сударыня, мнѣ тѣмъ сдѣлали! — проговорилъ Власій, беря ея лошадь и привязывая къ изгороди.

Катринъ пошла въ избу, а Власій сбѣгалъ въ свой погребъ и, положивъ тамъ на деревянное блюдце сотовъ и свѣженькихъ огурчиковъ, принесъ и поставилъ все это на столъ передъ госпожой своей, произнеся:

— Покушайте, сударыня, во здравіе!

Катринъ, отломивъ небольшой кусокъ сотовъ и положивъ его въ ротъ, насильно разжевала и проглотила.

— Они у тебя стали нынче нехороши! — замѣтила она и въ то же время окидывала быстрымъ взглядомъ избу Власія и все ея убранство.

— Нѣтъ бы, кажись, нынче,—толковалъ ей Власій:—соты не водянистые, а многообильные и крѣпкіе!

— Скажи, изба у тебя давно строена?.. Она какъ будто бы даже новая!—продолжала разговаривать Катринъ.

— Что ей сдѣлалось,—изба хорошая,—всего годовъ десять, какъ строена!—объяснилъ Власій.

— А какъ же говорятъ, — продолжала Катринъ съ перекошенной и злой усмѣшкою: — что ты хочешь новый, каменный домъ строить?

— Господи!—произнесъ, усмѣхнувшись, Власій:—да на что намъ здѣсь каменные дома и на какія деньги ихъ строить?

— Но у тебя сынъ есть, сколько я помню! — добиралась далѣе Катринъ:—онъ у тебя на чужой сторонѣ живетъ?

— Да, сударыня, въ Питерѣ пребываетъ съ малолѣтства.

— А въ деревню часто сходитъ?

— Ну, этимъ не похвастаюсь!—сказалъ, печально мотнувъ головой, Власій: — три года, сударыня, какъ не бывалъ въ деревнѣ!

— Какъ же ты позволяешь это?.. Тѣмъ больше, что онъ женатъ.

— Женатъ, сударыня.

— Но, можетъ-быть, жена съ нимъ въ Петербургѣ?

— Нѣтъ-съ, здѣсь въ деревнѣ ее держимъ, при насъ!

— А она баба хорошая?

— Хорошая, сударыня; женщина кроткая, умная, къ работѣ только маленько слабосильна, но мы ее не нудимъ, не принуждаемъ!

— Я бы очень желала посмотрѣть на нее,—гдѣ она теперь?

— На полоскѣ!.. Съ горохомъ убирается.

— А ее можно позвать?

— Для че не позвать! Дмитревна, сходи за Аксютой! — проговорилъ Власій, обращаясь къ перегородкѣ, за которой сидѣла его жена, старуха безтолковая и лѣнивая.

— Гдѣ жъ ее тамъ сыскать?—отозвалась та недовольнымъ голосомъ.

— Ну, ну, ступай!—повторилъ ей хоть и тихимъ, но повелительнымъ голосомъ мужъ.

Старуха обряжалась нѣкоторое время за перегородкой и, выйдя оттуда, кивнула только наскоро головой госпожѣ и ушла, а Екатерина Петровна снова вступила въ разговоръ съ Власіемъ.

— Сноха твоя скучаетъ по мужѣ?—спросила она.

— Какъ, сударыня, не скучать? Вы вотъ изволите говорить, какъ я позволяю сыну не сходить въ деревню, — продолжалъ Власій, видимо, тронутый за самую слабую струну:— а какъ мнѣ и что сдѣлать супротивъ того?.. Я докладывалъ и покойному вашему родителю и нынѣшнему господину управляющему жаловался, отъ всѣхъ одни отвѣты были:—«Что жъ, говорятъ, если онъ оброкъ и подушные оплачиваетъ, какъ же и за что жъ его задерживать?..» — «Да помилуйте, говорю, при чемъ же мы тутъ, родители его? Намъ и взглянуть на него желается, не щенокъ же онъ намъ подкинутый!..»

— Ну, вотъ что, старикъ! — успокоила его Катринъ: — я черезъ мѣсяцъ же выпишу къ тебѣ сына.

— Сдѣлайте божескую милость!—провопіялъ Власій.

Въ это время возвратилась его старая жена.

— Нѣтути ея на полосѣ, не нашла! — проговорила она и прошла за перегородку.

— О, ворона уховислая! — сказалъ съ досадой Власій: — ничего путемъ не сдѣлаетъ.

— Да ты самъ, старикъ, сходи и отыщи сноху! — приказала ему Катринъ.

— Я-то разыщу ее! — проговорилъ самонадѣянно Власій и ушелъ.

Катринъ довольно долго ждала его и переживала мучительнѣйшія минуты. Что̀ если ей придется всю жизнь такъ жить съ мужемъ?—думалось ей; она любитъ его до сумасшествія, а онъ ея не любитъ нисколько и, кромѣ того, обманываетъ на каждомъ шагу. «Неужели же, — спрашивала себя далѣе Катринъ:—это чувство будетъ въ ней продолжаться?» — «Будетъ!» — отвѣтила-было она на первыхъ порахъ себѣ. «Нѣтъ,—отвергнула затѣмъ:—это невозможно, иначе я не перенесу и умру!»

Власій наконецъ возвратился и былъ смущенъ.

— Всамотко нѣтъ ея тамъ, убѣжала, видно, дура, за грибами съ другими бабами,—доложилъ онъ.

— Жаль!—проговорила недовольнымъ голосомъ Катринъ и встала.—Я къ тебѣ еще разъ заѣду взглянуть на твою сноху, которой совѣтую тебѣ не давать очень воли, а если она не будетъ слушаться, мнѣ пожалуйся!

— Это безпремѣнно-съ!—отвѣчалъ старикъ, усаживая Катринъ въ кабріолетъ и весьма опечаленный тѣмъ, что не могъ угодить ей на этотъ разъ.

Катринъ, будучи взволнована и разстроена, поѣхала не по той дорогѣ, по которой пріѣхала, и очутилась невдалекѣ овиновъ, гдѣ увидала, что въ затворенную дверь одного изъ нихъ тыкалась рыломъ лягавая собака Валерьяна Николаича. Подстрекаемая предчувствіемъ, Катринъ остановила лошадь, соскочила съ кабріолета и торопливо распахнула дверь овина, въ которую быстро кинулась собака и, подбѣгая къ дальнему углу, радостно завизжала. Несмотря на темноту, Катринъ ясно усмотрѣла въ этомъ углу какую-то женщину, а также и мужа своего, который сидѣлъ очень близко къ той. Оба они, какъ ей показалось, были перепачканы въ золѣ и сажѣ.

— Какое приличное мѣсто для дворянина! — имѣла только силы произнести Катринъ и, захлопнувъ дверь въ овинѣ, поскакала въ Синьково, куда пріѣхавъ, прошла во флигель къ управляющему, котораго застала дома.

— Завтрашній же день,— сказала она тому:—распорядитесь,

чтобы сноха мужика Власа изъ Ѳедюхина была, по моему желанію, сослана въ Сибирь.

Такое приказаніе удивило и опѣшило управляющаго.

— Но у ней мужъ есть! — возразилъ-было онъ.

— Пусть сошлютъ и съ мужемъ, котораго извольте немедля же вытребовать.

Все это Катринъ говорила строгимъ и отчасти величественнымъ голосомъ, а затѣмъ она ушла изъ флигеля управляющаго, который, оставшись одинъ, сдѣлалъ насмѣшливую и плутовскую гримасу и вмѣстѣ съ тѣмъ прошепталъ:—«Пойдутъ теперь исторіи, надобно только не зѣвать!»

Ченцовъ между тѣмъ, желая успокоить трепетавшую отъ страха Аксюту, налгалъ ей, что это заглядывала не жена его, не Катерина Петровна, а одна гостившая у нихъ дама, съ которой онъ, катаясь въ кабріолетѣ, зашелъ въ Ѳедюхино и которую теперь упроситъ не говорить никому о томъ, что она видѣла. Аксинья повѣрила, и онъ, обѣщавъ ей прійти на другой же день поутру въ ихъ деревню, отправился домой, неся въ душѣ бѣшеный гнѣвъ противъ супруги своей за ея подсматриванье. Въ томъ, что Катринъ затѣетъ съ нимъ сцену, Ченцовъ не сомнѣвался и, чтобы подкрѣпиться для оной, зашелъ въ стоявшій на дорогѣ кабакъ и выпилъ тамъ цѣлый полштофъ. Катринъ онъ нашелъ сидящею у него въ кабинетѣ. Она имѣла видъ разъяренной тигрицы: глаза ея были налиты кровью, губы пересохли, грудь высоко поднималась при дыханіи. Ченцовъ однако спокойно встрѣтилъ ея огненный взглядъ и проговорилъ негромко:

— Прошу васъ уйти отъ меня!

— Нѣтъ, я не уйду прежде, чѣмъ не наплюю тебѣ въ глаза!—сказала Катринъ со свойственною ей несдержанностью.

— А тогда я васъ угощу пулей!—объяснилъ ей Ченцовъ, показывая глазами на свое двухствольное ружье, которое онъ въ это время снималъ съ плечъ.

— Ахъ, скажите, какой воинъ! — произнесла насмѣшливо Катринъ. — Если вы меня пулей угостите, васъ сошлютъ на каторгу за это.

— Каторги я не боюсь, потому что жить съ вами та же каторга.

— Кто жъ васъ держитъ?.. Уѣзжайте отъ меня!.. Силой я васъ не могу держать.

— Да и уѣду, конечно!.. Что тутъ разговаривать объ этомъ!— отозвался презрительнымъ тономъ Ченцовъ.

— Взявъ, разумѣется, съ собой и свою прелестную Аксинью!— присовокупила Катринъ.

— Да, прелестную Аксинью я возьму съ собой!

— А если я вамъ скажу, что вы не имѣете права этого сдѣлать!—проговорила Катринъ съ удареніемъ.

— Я никогда не справлялся,—возразилъ ей со злымъ смѣхомъ Ченцовъ: — имѣю ли я на что право, или нѣтъ, а дѣлалъ всегда, какъ мнѣ хотѣлось!

— Ну, тутъ вамъ врядъ ли удастся сдѣлать, какъ вы хотите, потому что я вашу мерзавку Аксинью сошлю на поселенье: она моя, а не ваша крестьянка!

Какъ ни отуманена была голова Ченцова, но онъ дрогнулъ всѣмъ тѣломъ отъ послѣднихъ словъ Катринъ и крикнулъ:

— Не смѣйте это дѣлать!

— Смѣю и сдѣлаю! — отвѣчала на это рѣшительнымъ тономъ Катринъ.

— Опомнись, дура ты этакая! — неистовствовалъ Ченцовъ и, поднявъ ружье, направилъ его на Катринъ. — Оно заряжено пулей у меня, пойми ты это!

— Эй, люди, люди!—закричала Катринъ и бросилась было бѣжать.

— Не смѣй ссылать Аксинью!..—кричалъ побѣжавшій вслѣдъ за нею Ченцовъ.

— Не испугаете вы меня ничѣмъ,—сошлю!—повторяла свое Катринъ.

Ченцовъ выстрѣлилъ въ нее изъ ружья; провизжавшая пуля ударилась въ гостиной въ зеркало и разбила его въ дребезги.

— Не смѣй!..—ревѣлъ на весь домъ Ченцовъ и выстрѣлилъ въ жену ужъ дробью, при чемъ нѣсколько дробинокъ попало въ шею Катринъ. Она вскрикнула отъ боли и упала на полъ.

Прибѣжавшіе наконецъ люди и управляющій схватили Ченцова; онъ пробовалъ-было отбиваться отъ нихъ прикладомъ ружья, но они, по приказанію управляющаго, скрутили ему руки и, отведя въ кабинетъ, заперли его тамъ.

Тулузовъ потомъ бросился къ лежавшей на полу Катринъ. Кровотеченіе у нея изъ плеча и шеи было сильное. Онъ велѣлъ ее поднять и положить на постель, гдѣ заботливо осмотрѣлъ ея ранки.

— Я смертельно ранена?—спросила Катринъ слабымъ голосомъ.

— Нѣтъ-съ, это дробью, пустяки! — успокоивалъ ее управляющій.

— Я боюсь, что этотъ злодѣй захочетъ совсѣмъ убить меня!

— Мало ли чего онъ захочетъ!.. Кто жъ ему позволитъ это?.. Я его заперъ въ кабинетъ и велѣлъ стеречь! —успокоилъ и насчетъ этого госпожу свою управляющій.

На другой день раннимъ утромъ Катринъ уѣхала въ губернскій городъ; Тулузовъ тоже поѣхалъ вмѣстѣ съ нею въ качествѣ оборонителя на тотъ случай, ежели Ченцовъ вздумаетъ преслѣдовать ее; ѣдучи въ одномъ экипажѣ съ госпожою своей, Тулузовъ всю дорогу то заботливо поднималъ окно у кареты, если изъ того чувствовался хотя малѣйшій вѣтерокъ, то поправлялъ подушки подъ раненымъ плечомъ Катринъ, при чемъ она ласково взглядывала на него и произносила: «mercі, Тулузовъ, mercі!». Объяснилъ онъ ей также, что Валерьяну Николаичу не сдобровать, и что его, можетъ-быть, даже сошлютъ. Катринъ, въ первомъ пылу озлобленія на мужа, съ удовольствіемъ это выслушала и проговорила:

— Туда ему и дорога!

V.

Случившійся у Ченцовыхъ скандалъ возбудилъ спльные толки въ губернскомъ городѣ; разсказывалось объ немъ разно и съ разныхъ точекъ зрѣнія; при этомъ, впрочемъ, можно было замѣтить одно, что либеральная часть публики, то-есть молодыя дамы, безусловно обвиняли Катринъ, говоря, что она сама довела мужа до такого ужаснаго поступка съ ней своей сумасшедшей ревностью, и что если бы, напримѣръ, имъ, дамамъ, случилось узнать, что ихъ супруги унизились до какой-нибудь крестьянки, такъ онѣ постарались бы пренебречь этимъ, потому что это только гадко и больше ничего! «Но позвольте,— возражали имъ пожилыя дамы и солидные мужчины: — m-me Ченцова любила своего мужа, она для него пожертвовала отцомъ, и оправдывать его странно, — что Ченцовъ человѣкъ безпутный, это всѣмъ извѣстно!» — «Значитъ, извѣстно было и m-me Ченцовой, а если она все-таки вышла за него, такъ и будь къ тому готова!»—замѣчали ядовито молодыя дамы.— «Къ чему готова?.. Даже къ тому, что онъ выстрѣлитъ въ нее два раза изъ ружья?»—спрашивали тоже не безъ ядовитости порицатели Ченцова. — «Онъ сдѣлалъ это въ запальчивости, заступаясь за женщину, которую любилъ, и потому поступилъ въ этомъ случаѣ благородно!» — отстаивали молодыя дамы романическую сторону событія.—«Полноте, пожалуйста,— возражали имъ ихъ противники.—Ченцовъ никогда и ни одной женщины не любилъ, а только развращалъ каждую для минутной своей прихоти!» При такомъ раздвоеніи общественнаго мнѣнія, собственно городскія власти выразили большое участіе m-me Ченцовой по пріѣздѣ ея въ губернскій городъ, гдѣ она остановилась въ гостиницѣ Архипова и почти лежала

въ постели, страдая отъ своихъ, хоть и не опасныхъ, но очень больныхъ ранокъ. Губернаторъ, когда къ нему явился управляющій Тулузовъ и отъ имени госпожи своей доложилъ ему обо всемъ, что произошло въ Синьковѣ, высказалъ свое глубокое сожалѣніе и на другой же день, пріѣхавъ къ Екатеринѣ Петровнѣ, объявилъ ей, что она можетъ не просить его, но приказывать ему, что именно онъ долженъ предпринять для облегченія ея горестнаго положенія.

— Баронъ, — сказала на это Катринъ, потупляя свои печальные глаза:—вы такъ были добры послѣ смерти отца, что, я надѣюсь, не откажетесь помочь мнѣ и въ настоящія минуты: мужа моего, какъ вотъ говорилъ мнѣ Василій Иванычъ...—и Катринъ указала на почтительно стоявшаго въ комнатѣ Тулузова:—говорилъ, что ежели пойдетъ дѣло, то Ченцова сошлютъ.

— Вѣроятно! — не отвергнулъ губернаторъ.

— Но я (сколько онъ ни виноватъ передо мною), обдумавъ теперь, не желаю этого: ссора наша чисто-семейная, и мнѣ потомъ, согласитесь, баронъ, остаться женою ссыльнаго ужасно!.. И за что же я, безъ того убитая горемъ, буду этимъ титуломъ называться всю мою жизнь?

— Совершенно васъ понимаю,—подхватилъ губернаторъ:— и употреблю съ своей стороны всѣ усилія, чтобы не дать хода этому дѣлу, хотя также совѣтую вамъ попросить о томъ же жандармскаго полковника, потому что дѣла этого рода больше зависятъ отъ нихъ, чѣмъ отъ насъ, губернаторовъ!

— Я, несмотря на болѣзнь, готова хоть сейчасъ ѣхать къ полковнику и умолять его!—произнесла Катринъ.

— Зачѣмъ же вамъ ѣхать?.. Я ему скажу, и онъ самъ къ вамъ пріѣдетъ! — обязательно предложилъ ей губернаторъ, а затѣмъ, проговоривъ чистѣйшимъ французскимъ прононсомъ:— soyez tranquille, madame! — уѣхалъ.

Подобно своему родственнику графу Эдлерсу, баронъ Висбахъ былъ весьма любезенъ со всѣми дамами и даже часто исполнялъ ихъ не совсѣмъ законныя просьбы.

Жандармскій полковникъ, весьма благообразный собою и, должно-быть, по происхожденію полякъ, потому что носилъ чисто-польскую фамилію Пшедавскій, тоже не замедлилъ посѣтить Екатерину Петровну. Она разсказала ему откровенно все и умоляла его позволить не начинать дѣла.

— Я не имѣю права ни начинать ни прекращать дѣлъ,— пояснилъ ей вѣжливо полковникъ: — а могу сказать только, что ничего не имѣю противъ того, чтобы дѣла не вчинали: наша обязанность скорѣе примирять, чѣмъ раздувать вражду въ семействахъ!

— Кромѣ того, полковникъ, — продолжала Катринъ тѣмъ же умоляющимъ тономъ: — я прошу васъ защитить меня отъ мужа: онъ такъ теперь золъ и ненавидитъ меня, что можетъ каждую минуту ворваться ко мнѣ и надѣлать Богъ знаетъ чего!

— Защитить васъ отъ этого рѣшительно внѣ нашей власти!.. Вотъ если бы отъ васъ была жалоба, тогда господина Ченцова, вѣроятно бы, арестовали.

— Я точно то же докладывалъ Катеринѣ Петровнѣ, — вмѣшался въ разговоръ опять-таки присутствовавшій при этомъ объясненіи управляющій.

— Дѣла вести я не хочу—вы это слышали, какъ я говорила губернатору, и должны понимать, почему я этого не желаю! — сказала тому съ оттѣнкомъ досады Катринъ.

Тогда Тулузовъ обратился къ жандармскому штабъ-офицеру.

— Въ такомъ случаѣ, господинъ полковникъ,—сказалъ онъ, почтительно склонивъ голову:—не благоугодно ли будетъ вамъ обязать, по крайней мѣрѣ, господина Ченцова подпискою, чтобы онъ выѣхалъ изъ имѣнія Катерины Петровны.

— Это скорѣе можетъ сдѣлать губернаторъ и губернскій предводитель, чѣмъ я: мы только наблюдаемъ, но никогда ничѣмъ не распоряжаемся,—отвѣчалъ ему полковникъ.

— О, если такъ, то я напишу губернатору, котораго я считаю рѣшительно своимъ благодѣтелемъ! А губернскій предводитель теперь, говорятъ, князь Индобскій?

— Князь Индобскій,—подтвердилъ полковникъ.

— Князь тоже близкій пріятель моего отца: онъ нѣсколько лѣтъ служилъ у него уѣзднымъ предводителемъ, а потому я полагаю, что онъ для меня сдѣлаетъ!?—проговорила Катринъ, взглянувъ на Тулузова и какъ бы совѣтуясь съ нимъ.

Тотъ ей ничего не отвѣтилъ

Свиданіе съ жандармскимъ полковникомъ на этомъ кончилось. Затѣмъ Катринъ переписала съ заготовленныхъ для нея Тулузовымъ вчернѣ писемъ бѣловыя, которыя онъ и разнесъ по принадлежности.

Письма Катринъ воздѣйствовали: губернаторъ и губернскій предводитель въ тотъ же день пріѣхали къ ней. Катринъ высказала имъ свое ходатайство о высылкѣ изъ Синькова мужа, а также и о томъ, чтобы эта негодяйка Аксинья была взята отъ нея, и пусть ее дѣнутъ куда угодно. Касательно послѣдняго обстоятельства ни губернаторъ ни губернскій предводитель нисколько не затруднились и сказали Катринъ, что она, на основаніи своей помѣщичьей власти, имѣетъ полное право требовать этого. Что же касается до высылки изъ ея

имѣнія мужа, то они, впавъ въ нѣкоторое недоумѣніе и разнорѣчіе, даже заговорили между собой по-французски, такъ какъ въ номеръ входила иногда горничная Екатерины Петровны и тутъ же стоялъ ея управляющій. При этомъ случилось нѣчто хоть и неважное, но въ то же время весьма странное: когда губернскій предводитель, возражая губернатору, выразился, что Ченцова, какъ дворянина, нельзя изгонять, и въ заключеніе своей рѣчи воскликнулъ: «C'est impossible!», вдругъ въ разговоръ ихъ вмѣшался Тулузовъ, какъ бы отчасти понявшій то, о чемъ говорилось на французскомъ языкѣ.

— Я теперь служу у Катерины Петровны,—началъ онъ:— но если Валерьянъ Николаичъ останутся въ усадьбѣ, то я долженъ буду уйти отъ нихъ, потому что какимъ же способомъ я могу уберечь ихъ отъ супруга, тѣмъ болѣе, что Валерьянъ Николаичъ, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, бываютъ весьма часто въ полусумасшедшемъ состояніи; если же отъ него будетъ отобрана подписка о невъѣздѣ въ Синьково, тогда я его не пущу и окружу всю усадьбу стражей.

— Пожалуйста, господа, возьмите съ мужа эту подписку: я совершенно не желаю и боюсь его видѣть!—присовокупила къ этому и Катринъ.

— Я отберу-съ!.. Посовѣтуюсь еще съ жандармскимъ полковникомъ, и мы его вышлемъ изъ имѣній вашихъ!—сказалъ ей губернаторъ и отнесся потомъ къ губернскому предводителю:—Надѣюсь, что вы хоть косвенно посодѣйствуете намъ!

— Ни прямо ни косвенно не могу принять участія въ этомъ щекотливомъ вопросѣ!—отказался тотъ.

Князь, кажется, имѣлъ твердое убѣжденіе, что, будучи выбранъ дворянами, онъ долженъ ихъ отстаивать, что бы они ни творили.

Покуда происходили всѣ эти обдумыванія и споры о мѣропріятіяхъ, въ дѣйствительности произошло то, что все это оказалось ненужнымъ. Ченцовъ уже болѣе недѣли какъ уѣхалъ изъ Синькова, а вмѣстѣ съ нимъ пропала и Аксюша изъ Ѳедюхина. Сначала всѣ удивились тому и ахали, потомъ усадебный староста съѣздилъ къ старику Власію, строго, долго и секретно допрашивалъ того и, возвратившись въ Синьково, нацарапалъ каракулями длиннѣйшее донесеніе управляющему, который при отъѣздѣ приказалъ ему писать немедленно, если что-нибудь въ усадьбѣ случится. Получивъ это донесеніе, Тулузовъ, несмотря на привычку не выражать своихъ чувствъ и мыслей, не выдержалъ и вошелъ въ комнату Екатерины Петровны съ сіяющимъ отъ радости лицомъ.

— Все устроилось какъ нельзя лучше!—проговорилъ онъ.

Екатерина Петровна бросила на него вопросительный взглядъ.

— Валерьянъ Николаичъ уѣхалъ изъ Синькова и больше ужъ недѣли не возвращается...

— Куда жъ онъ могъ уѣхать? — спросила Катринъ, тоже, какъ замѣтно, довольная этой новостью.

— Неизвѣстно-съ, и староста нашъ увѣдомляетъ меня, что Валерьянъ Николаичъ сначала уходилъ куда-то пѣшкомъ, а потомъ пріѣхалъ въ Синьково на двухъ обывательскихъ тройкахъ; на одну изъ нихъ уложилъ свои чемоданы, а на другую сѣлъ самъ и уѣхалъ!

Катринъ при этомъ грустно улыбнулась.

«Вѣроятно, на эти чемоданы съ платьемъ Валерьянъ и разсчиталъ свою будущую жизнь, — безумецъ, безумецъ!»—подумала она.

Конечно, у него былъ очень цѣнный туалетъ; однѣхъ шубъ имѣлось три, изъ которыхъ одна въ двѣ тысячи рублей, другая въ тысячу, третья хоть и подешевле, но у нея бобровый воротникъ стоилъ пятьсотъ рублей. Кромѣ того, Катринъ подарила ему много брильянтовыхъ вещей и очень дорогой хронометръ покойнаго Петра Григорьича. Всего этого она теперь ужъ и пожалѣла: знай Катринъ, что супругъ съ ней такъ поступитъ, она, конечно бы, никогда не позволила себѣ быть столь щедрою съ нимъ.

— А что же Аксинья?—спросила она управляющаго.—Вы, кажется, еще до сихъ поръ не сдѣлали никакого распоряженія насчетъ ея?

— Аксинья тоже скрылась изъ своей деревни и не возвращается въ нее!—объяснилъ тотъ.

— Значитъ, она бѣжала съ Валерьяномъ? — произнесла Катринъ.

— Въ народѣ идетъ другая молва! — отвѣтилъ управляющій:—старый свекоръ ея утверждаетъ, что она, испугавшись вашего гнѣва, утопилась!

— Какая чувствительная, скажите!—воскликнула Катринъ по наружности насмѣшливо, хотя въ глубинѣ ея совѣсти что-то очень боязливое и непріятное кольнуло ее.—Почему жъ старикъ Власій говоритъ, что Аксинья утопилась?

— Да будто бы нашли ея платокъ съ головы и сарафанъ на берегу тамошней рѣчки.

— Вздоръ это!—перебила торопливо Катринъ.

— Конечно, вздоръ! — подхватилъ и Тулузовъ:—вы совершенно справедливо предположили, что ее увезъ съ собою Валерьянъ Николаичъ.

— Непремѣнно! — сказала Катринъ, съ одной стороны, съ

удовольствіемъ подумавшая, что Аксинья не утопилась отъ ея безчеловѣчнаго распоряженія, а съ другой—это мучительно отозвалось на чувствѣ ревности Катринъ. «Такимъ образомъ,—думала она:—эта тварь совершенно замѣняетъ теперь меня Валерьяну и, можетъ-быть, даже милѣй ему, чѣмъ когда-либо я была!» Но тутъ ужъ въ Катринъ заговорило самолюбіе. «Пусть себѣ живутъ и наслаждаются, и интересно знать, надолго ли хватитъ имъ этого туалета, увезеннаго Ченцовымъ на пропитаніе себя и своей возлюбленной»,—прибавила она себѣ мысленно и кинула довольно странный взглядъ на управляющаго.

Тулузовъ также отвѣтилъ ей страннымъ и весьма проницательнымъ взоромъ.

Еще съ мѣсяцъ послѣ этой сцены Катринъ жила въ губернскомъ городѣ, обдумывая и рѣшая, какъ и гдѣ ей жить? Первоначально она предполагала уѣхать въ которую-нибудь изъ столицъ съ тѣмъ, чтобы тамъ жуировать и даже кутить; но Катринъ вскорѣ сознала, что она не склонна къ подобному роду жизни, такъ какъ все-таки была еще пока нравственна и боязливо смотрѣла на жизнь. Въ результатѣ такого соображенія она позвала къ себѣ однажды Тулузова и сказала ему ласковымъ и фамильярнымъ тономъ:

— Василій Иванычъ, я думаю опять переѣхать на житье въ Синьково.

— Что жъ, это будетъ даже полезно для вашего здоровья,—отвѣчалъ тотъ.

— Вѣроятно!.,—согласилась Катринъ:—но вы сядьте, Василій Иванычъ, а то, ей-Богу, мнѣ неловко говорить съ вами: вы всегда какъ будто бы слушаете мои приказанія, тогда какъ я желаю совѣтоваться съ вами!

— Я только-что вошелъ и не успѣлъ еще сѣсть! — ловко вывернулся Тулузовъ и поспѣшно опустился на стулъ.

Затѣмъ продолжалось молчаніе, прервать которое Катринъ какъ будто бы было неловко, да и Тулузовъ тоже точно бы не рѣшался и держалъ свои глаза обращенными въ сторону.

— Кромѣ ужъ моего здоровья,—стала продолжать прежній свой разговоръ Катринъ:—гдѣ я тутъ буду жить?., Въ нашемъ городскомъ домѣ? Но я его скорѣй желаю отдать внаймы, чѣмъ поселиться въ немъ, потому что онъ слишкомъ великъ для меня, и я должна буду всю мебель и все перевозить опять изъ Синькова сюда.

— Разумѣется, это будетъ очень затруднительно,—согласился съ ея мнѣніемъ Тулузовъ.

— И потомъ, для какого удовольствія я буду здѣсь жить?.,

Чтобы въ здѣшнемъ обществѣ бывать? Но оно мнѣ давнымъ-давно надоѣло.

— Зачѣмъ вамъ жить въ здѣшнемъ обществѣ? По вашимъ средствамъ вы можете жить во всякой столицѣ, гдѣ изберете себѣ знакомыхъ, какихъ только пожелаете!..—проговорилъ на это Тулузовъ, уже слегка разваливаясь въ креслѣ и какъ бы совершенно дворянскимъ тономъ.

— А если я надумаю ѣхать въ Петербургъ или въ Москву, вы поѣдете со мною?—спросила стремительно Катринъ.

— Съ удовольствіемъ, если только вы прикажете!

— Да, непремѣнно, а то я, откровенно вамъ говорю, безъ васъ буду каждую минуту думать, что мужъ ко мнѣ нагрянетъ.

Тулузовъ на это промолчалъ.

— А въ Синьково, какъ вы думаете, посмѣетъ онъ возвратиться?—продолжала Катринъ.

Тутъ ужъ Тулузовъ усмѣхнулся.

— Пускай попробуетъ!..—проговорилъ онъ.—Собаки у насъ злыя, сторожа днемъ и ночью есть, и я прямо объясню господину Ченцову, что губернаторъ приказалъ мнѣ не допускать его въ ваши имѣнія.

— Такъ и сдѣлайте!—разрѣшила ему Катринъ.—Пусть онъ жалуется губернатору... тотъ не откажется отъ своихъ словъ... Но, Василій Иванычъ, я прежде всего хочу вамъ прибавить жалованья... Что же вы съ насъ до сихъ поръ получали?.. Какую-нибудь тысячу?.. Я желаю платить вамъ то, что платилъ вамъ мой отецъ!.. Сколько онъ вамъ платилъ? Говорите!

— Петръ Григорьичъ, когда мнѣ поручалъ всѣ имѣнья, такъ назначилъ три тысячи,—признался наконецъ Тулузовъ.

— И я вамъ такое же назначаю жалованье!.. — сказала Екатерина Петровна и самымъ любезнымъ образомъ кивнула ему головой.

— Это какъ вамъ угодно!..—согласился Тулузовъ, не обнаруживъ ни малѣйшаго удовольствія отъ такого значительнаго повышенія въ платимомъ ему жалованьи.

Въ Синьковѣ Катринъ попрежнему повела уединенную жизнь и постоянно видѣла передъ собой одного только управляющаго и больше никого. Для развлеченія своего Екатерина Петровна избрала не совсѣмъ обычное для молодыхъ дамъ удовольствіе и, пользуясь осенней порошей, стала почти каждодневно выѣзжать со псовой охотой, при чемъ она скакала сломя голову по лугамъ и по пахотнымъ полямъ. Тулузовъ, сопровождавшій ее всюду въ этихъ случаяхъ, ни на шагъ, какъ подобаетъ вѣрному оруженосцу, не отставалъ отъ своей

повелительницы, и однажды, когда онъ ловкимъ выстрѣломъ убилъ на довольно далекомъ разстояніи выгнаннаго гончими изъ перелѣска зайца, Катринъ не утерпѣла и воскликнула:

— Браво!.. Вы отлично стрѣляете!

— Да, я недурно стрѣляю,—отвѣчалъ Тулузовъ, молодцовато выпрямляясь на сѣдлѣ.

Катринъ смотрѣла на него внимательно: онъ почти напомнилъ ей въ эти минуты Ченцова.

— Какъ же мужъ мнѣ говорилъ, что вы не охотникъ, и что онъ потому не бралъ васъ съ собою!—сказала она.

— Валерьянъ Николаичъ ходилъ собственно не за охотой,—замѣтилъ, усмѣхнувшись, Тулузовъ.

— Именно, даже охотой нельзя назвать этой гадости, которую онъ позволялъ себѣ,—проговорила Катринъ презрительнымъ тономъ.

Возвратясь на этотъ разъ съ охоты въ какомъ-то особенно экзальтированномъ состояніи, она сказала Тулузову, когда онъ ее ссаживалъ съ лошади:

— Василій Иванычъ, я сегодня проголодалась и буду ужинать; приходите раздѣлить со мной mon souper froid!

— Благодарю васъ!—отвѣтилъ Тулузовъ.

— Ну, смотрите же, je vous attends!.. Къ десяти часамъ, не позже!—проговорила Катринъ.

Тулузовъ на это только поклонился и въ десять часовъ былъ уже въ большомъ домѣ: не оставалось почти никакого сомнѣнія, что онъ понималъ нѣсколько по-французски. Ужинъ былъ накрытъ въ боскетной и вовсе не являлъ собою souper froid, а, напротивъ, состоялъ изъ трехъ горячихъ блюдъ и даже въ сопровожденіи бутылки съ шампанскимъ.

— Вы знаете ли, Василій Иванычъ,—начала Катринъ, усѣвшись съ Тулузовымъ за столъ: — что Валерьянъ заставилъ было меня пристраститься къ вину, и не тогда, когда я сдѣлалась его женой, нѣтъ!.. Еще прежде, когда я была дѣвушкой, онъ пріѣзжалъ иногда къ намъ поздно-поздно.. ужинать, и я непремѣнно ужъ съ нимъ бесѣдовала и бражничала.

— Вы поэтому были очень влюблены въ Валерьяна Николаича?—поинтересовался Тулузовъ.

— Еще бы! — воскликнула Катринъ. — Сколько же я безумствъ сдѣлала для него!

— Ну, а теперь что вы чувствуете къ нему? — спросилъ какъ бы съ нѣкоторою робостью управляющій.

— Теперь,—отвѣчала Катринъ:—я не то чтобы совершенно разлюбила его, но онъ раздвоился для меня: прежняго Ченцова я люблю немного, но теперешняго ненавижу и презираю...

Впрочемъ, что объ этомъ говорить? Скажите лучше: вы никогда не пили вина?

— Никогда!—отвѣчалъ Тулузовъ:—вредно оно мнѣ; шампанскаго я, конечно, могу еще выпить стаканъ или два съ удовольствіемъ.

— Ну, такъ выпьемте! — проговорила Катринъ и пододвинула бутылку къ Тулузову, которую онъ очень умѣло взялъ и, наливъ изъ нея цѣлый стаканъ, выпилъ его.

— Потомъ вотъ что, — продолжала она, хлопнувъ передъ тѣмъ стакана два шампанскаго и, видимо, желая воскресить тѣ поэтическіе ужины, которые она когда-то имѣла съ мужемъ:—вотъ что-съ!.. Меня очень мучитъ мысль... что я живу въ совершенно пустомъ домѣ одна... Меня, понимаете, какъ женщину, могутъ напугать даже привидѣнія... наконецъ воры, пожалуй, заберутся... Не желаете ли вы перейти изъ вашего флигеля въ этотъ домъ, именно въ кабинетъ мужа, а изъ комнаты, которая рядомъ съ кабинетомъ, вы сдѣлаете себѣ спальню.

Проговоривъ это, Екатерина Петровна на мгновеніе остановилась, а потомъ снова продолжала съ небольшой улыбкой:

— Но вамъ, Василій Иванычъ, можетъ-быть, это будетъ неудобно на случай какихъ-нибудь рандеву, если только вы имѣете ихъ въ вашемъ отдѣльномъ флигелькѣ.

— Нѣтъ-съ, я ни въ моемъ флигелькѣ и нигдѣ никакихъ рандеву не имѣю.

— Ну, полноте, пожалуйста, повѣрю я вамъ!—перебила его Катринъ: — бывши такимъ молодымъ человѣкомъ, вы будете обходиться безъ рандеву!

— Совершенно обхожусь безъ нихъ,—повторилъ Тулузовъ:— и въ доказательство того я съ величайшимъ восторгомъ принимаю ваше предложеніе поселиться въ одномъ съ вами домѣ, чтобы каждую минуту быть защитникомъ вашимъ, и надѣюсь, что скорѣе лягу костьми, чѣмъ что-либо случится непріятное для васъ.

При такомъ изъясненіи Тулузова, Катринъ немного покраснѣла; но тѣмъ не менѣе ей, какъ кажется, было пріятно выслушать, что онъ ей высказалъ.

На другой день управляющій со всѣмъ своимъ имуществомъ, не выключая и окованнаго желѣзомъ сундука, переселился въ большой домъ и расположился тамъ съ полнымъ удобствомъ. По поводу сихъ перемѣнъ дворовые и крестьяне Екатерины Петровны, хотя и не были особенно способны соображать разныя тонкости, однако инстинктивно поняли, что вотъ-де прежде у нихъ былъ баринъ настоящій, Валерьянъ Николае-

вичъ Ченцовъ, баринъ души доброй, а теперь, вмѣсто него, полубаринъ, чортъ его знаетъ какой и откедова выходецъ. Слухи о томъ же самомъ невдолгѣ дошли и до губернскаго города, и первая принялась ихъ распространять косая дама, если только еще не забылъ ея читатель. Дама сія, послѣ долгаго многогрѣшенія, занялась богомольствомъ и пріемомъ разнаго рода странниковъ, странницъ, монахинь, монаховъ, ходящихъ за сборомъ, и между прочимъ разъ къ ней зашла старая-престарая богомолка, которая родомъ хоть и происходила изъ дворянъ, но по густымъ и длиннымъ бровямъ, отвисшей на глаза кожѣ, по грубымъ морщинамъ на всемъ лицѣ и, наконецъ, по мужицкимъ сапогамъ съ гвоздями, въ которые обуты были ея ноги, она скорѣй походила на мужика, чѣмъ на благородную дѣвицу, тѣмъ болѣе, что говорила, или, точнѣе сказать, токовала густымъ басомъ и все въ одинъ тонъ: «то-то-то!... то-то-то!..»

Косая дама сейчасъ принялась эту старицу накачивать чаемъ, а та въ благодарность за то начала ей токовать:

— Была я, сударыня, нынѣшнимъ лѣтомъ у Егора Егорыча Марѳина; супруга у нихъ теперича молодая,—имъ доложили обо мнѣ, она позвала меня съ себѣ въ комнату, напоила, накормила меня и говоритъ мнѣ: «Вы бы, старушка, въ баню сходили, и имѣете ли вы рубашку чистую?»—«Нѣту, говорю, сударыня, была у меня всего одна смѣна, да и ту своя же братья, богомолки, украли». — «Ну, такъ, говоритъ, нате вотъ вамъ!»—и подарила мнѣ отличнѣйшія три рубахи и тутъ же приказала, чтобы баню про меня истопили... Добрая, что ужъ это говорить!.. А тутъ, на родину-то пришемши, заходила-было я тоже къ племянничку Егора Егорыча, Валерьяну Николаичу Ченцову; ну, барыню того нигдѣ и никому не похвалю: мужа теперь она прогнала отъ себя, а сама живетъ съ управляющимъ!

— Какъ съ управляющимъ? Со своимъ крѣпостнымъ, значитъ, мужикомъ?—воскликнула съ любопытствомъ косая дама.

— Можетъ, что и мужикъ, но ходитъ стриженый и въ дворянскомъ платьѣ.

— Да кто же вамъ сказывалъ, что Катерина Петровна унизилась до какого-то лакея? — продолжала разспрашивать свою гостью косая дама.

— Кому сказывать, окромя людишекъ ихнихъ? Извѣстно, кто про насъ, баръ, говоритъ—все рабы наши... Я тоже въ усадьбу-то прибрела къ вечеру, прямо прошла въ людскую и думала, что и въ домъ меня сведутъ; однако-че говорятъ, что никакихъ странницъ и богомолокъ отъ господъ есть приказа-

ніе не принимать, и такъ тутъ какая-то старушонка плеснула мнѣ въ чашку пустыхъ щей; похлебала я ихъ, и она спать меня на полати услала... На-ка, почетъ какой воздали гостейкѣ почтенной! А мое тоже дѣло старое: вертѣлась-вертѣлась на голыхъ-то доскахъ,—не спится!.. Слышу, двѣ горничныя изъ горницъ прибѣжали полопать, что ли, али такъ... Сначала ругмя-ругали все господъ своихъ, а тутъ одна и говоритъ другой: «Я, говоритъ, дѣвонька, вчерася-тко видѣла, какъ управляющій крался по коридору въ спальню къ барынѣ!» Тьфу, согрѣшила грѣшная!—закончила сердито свое токованье старуха и отплюнулась при этомъ.

— Ахъ, это интересно, очень интересно! — воскликнула косая дама. — Недолго же Катерина Петровна грустила по своемъ мужѣ... скоро утѣшилась! Впрочемъ, если разсудить безпристрастно, такъ всѣ мужчины того и стоятъ! — проговорила она, припомнивъ, какъ сама, послѣ измѣны каждаго обожателя своего, спѣшила полюбить другого!

VI.

Въ описываемое мною время судъ надъ женщинами проступившимися былъ среди дворянскаго сословія гораздо строже, чѣмъ нынѣ: поэтическій образъ Татьяны, сказавшей Онѣгину: «Я васъ люблю—къ чему лукавить?—но я другому отдана и буду вѣкъ ему вѣрна!», еще жилъ въ сознаніи читающаго общества. Конечно, дѣло обходилось не безъ паденій, и если оно постигало павшую съ человѣкомъ, равнымъ ей по своему воспитанію и по своему положенію въ свѣтѣ, то принимаемы были въ расчетъ смягчающія обстоятельства; но горе было той, которая снизошла своей любовью до мужчины, стоявшаго ниже ея по своему рангу, до какого-нибудь приказнаго или семинариста, тѣмъ паче до своего управляющаго или какого-нибудь лакея,—хотя и это, опять повторяю, случалось нерѣдко, но такая женщина безусловно была не принимаема ни въ одинъ такъ называемый порядочный домъ. Екатерина Петровна, хорошо знавшая законы и обычаи дворянскаго сословія, жила безвыѣздно въ своемъ Синьковѣ. Она даже за обѣдню не ѣздила къ приходу своему, опасаясь, чтобы тамошній священникъ, очень дерзкій на языкъ, не сказалъ чего-нибудь въ проповѣди насчетъ ея поведенія, тѣмъ болѣе, что онъ былъ золъ на Екатерину Петровну за скудость приношеній, которыя она дѣлала церкви и причту. Впрочемъ, Катринъ вовсе не скучала своей уединенной жизнью. Тулузовъ окончательно замѣнилъ для нея Ченцова и даже превосходилъ того тѣмъ,

что никогда ничѣмъ не заставлялъ страдать Катринъ, а, напротивъ, всегда старался успокоить ее и сгладить неровности собственнаго ея характера.

За однимъ изъ обѣдовъ Тулузовъ, сидя, по обыкновенію, съ глазу-на-глазъ съ Катринъ, проговорилъ съ небольшой улыбкой:

— Я получилъ первый офицерскій чинъ.

— А!..—воскликнула радостно Катринъ:—вы поэтому теперь дворянинъ?

— Какой еще дворянинъ!.. Личный, какъ опредѣлено въ законахъ, или лычный, какъ чиновники называютъ.

— Но что же это значитъ по закону: личный дворянинъ?

— Значитъ, что если бы я женился, то дѣтямъ моимъ не передамъ дворянства своего!

— А когда же вы можете передать это дворянство?

— Когда сдѣлаюсь потомственнымъ дворяниномъ!

— А этимъ скоро ли вы сдѣлаетесь? — разспрашивала Катринъ.

— Думаю, что не скоро!

— Неужели же никакого нѣтъ средства ускорить это... попросить, что ли, кого... губернатора, что ли?..

— Губернаторъ тутъ не при чемъ,—возразилъ, нахмурившись и потупляясь, Тулузовъ.

— Ну, подкупить, что ли, отъ кого это зависитъ? Покойный отецъ часто при мнѣ говорилъ, что деньгами у насъ все можно сдѣлать!

— Разумѣется, что многое можно сдѣлать,— отвѣчалъ Тулузовъ, попрежнему держа глаза устремленными въ тарелку.— Для меня собственно,—продолжалъ онъ неторопливо и какъ бы соображая: — тутъ есть одинъ путь: по происхожденію моему я мѣщанинъ, но я выдержалъ экзаменъ на учителя уѣзднаго училища, слѣдовательно мнѣ ближе всего держаться учебнаго вѣдомства.

— Вы и держитесь его!—воскликнула Катринъ.

— Держаться этого вѣдомства я теперь не могу, потому что числюсь въ другомъ вѣдомствѣ, по министерству внутреннихъ дѣлъ; но здѣсь открывается другое обстоятельство, которое уже прямо зависитъ отъ денегъ. Вамъ, вѣроятно, не извѣстно, что года два тому назадъ въ учебномъ вѣдомствѣ произошли большія перемѣны: гимназіи вмѣсто четырехклассныхъ стали семиклассными; учениковъ поэтому прибавилось втрое. Въ нашемъ же губернскомъ городѣ помѣщеніе для гимназіи небольшое, и вотъ мнѣ одинъ знакомый чиновничекъ изъ гимназической канцеляріи пишетъ, что ихнему ди-

ректору секретно предписано министромъ народнаго просв-ѣщенія, что не можетъ ли онъ отыскать на перестройку гимназіи какихъ-либо жертвователей изъ людей богатыхъ, съ обѣщаніемъ награды имъ отъ правительства.

Катринъ, хоть и женщина была, но очень хорошо поняла, что̀ говорилъ Тулузовъ и даже ради чего онъ это говорилъ.

— Поэтому и вы можете быть такимъ жертвователемъ? — спросила она.

— Могу!—отвѣчалъ ей лаконически Тулузовъ.

— А чѣмъ же васъ за это наградятъ?

— Дадутъ, можетъ-быть, даже Владимира, а съ нимъ и потомственное дворянство.

— И что̀ же мѣшаетъ это сдѣлать?

— Мѣшаетъ, что у меня денегъ нѣтъ, чтобы пожертвовать значительную сумму.

— А у меня, Василій Иванычъ, какъ вы думаете, есть настолько денегъ, чтобы ихъ достало на ваше пожертвованіе, за которое бы дали вамъ дворянство?

— Безъ сомнѣнія, для этого всего надобно тысячъ тридцать!

— И какъ же вы говорите, что у васъ нѣтъ денегъ? Я думаю, что мои деньги и ваши, при нашихъ отношеніяхъ, одно и то же!

— Я вотъ и прошу васъ одолжить мнѣ эту сумму! — сказалъ Тулузовъ.

— Вамъ не просить слѣдовало этой суммы, а просто сказать мнѣ, что вамъ нужна такая-то сумма и именно на то-то! Какой вы скрытный человѣкъ!.. Мнѣ очень не нравится эта черта въ вашемъ характерѣ!

— Какъ же я могъ говорить вамъ объ этомъ, когда я вчера только самъ узналъ и сообразилъ, что посредствомъ пожертвованія могу получить даже дворянство потомственное.

— Но когда вы должны сдѣлать это пожертвованіе?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!

— Вамъ надобно ѣхать куда-нибудь для этого?

— Да, въ нашъ губернскій городъ непремѣнно, чтобы видѣться съ директоромъ гимназіи, а можетъ-быть, и въ Петербургъ придется съѣздить.

— Ну, вотъ видите ли, Василій Иванычъ,—начала Катринъ внушительнымъ тономъ:—мнѣ очень тяжело будетъ разстаться съ вами, но я, забывая о себѣ, требую отъ васъ, чтобы вы ѣхали, куда только вамъ нужно!.. Вѣтренничать, какъ Ченцовъ, вѣроятно, вы не станете, и я васъ прошу объ одномъ: писать ко мнѣ какъ можно чаще!

— Каждую почту буду писать, но и васъ прошу о томъ же; мнѣ тоже нелегка будетъ разлука съ вами!

— Вѣрю вамъ!—отвѣтила ему сентиментальнымъ голосомъ Катринъ.

Тулузовъ на другой день, послѣ трогательно-печальнаго прощанія съ Катринъ, происшедшаго, разумѣется, втайнѣ отъ прислуги, уѣхалъ въ губернскій городъ. Слѣпая фортуна сильно благопріятствовала всѣмъ его начинаніямъ. По случаю ходившихъ по городу безспорныхъ слуховъ объ его отношеніяхъ къ m-me Ченцовой, зависъ его дѣло отъ какого-нибудь другого начальствующаго лица, а не отъ Ивана Петровича Артасьева, Тулузовъ врядъ ли бы что-нибудь успѣлъ. Въ то время еще обращали нѣкоторое вниманіе на нравственную сторону жизни господъ жертвователей, но простодушнѣйшій Артасьевъ, вѣроятно, и не слыхавшій ничего о Тулузовѣ, а если и слыхавшій, такъ давно это забывшій, и имѣя въ головѣ одну только мысль, что какъ бы никакъ расширить гимназическое помѣщеніе, не представилъ никакого затрудненія для Тулузова; напротивъ, когда тотъ явился къ нему и изъяснилъ причину своего визита, Иванъ Петровичъ распростеръ передъ нимъ руки; большой и красноватый носъ его затрясся, а на добрыхъ сѣрыхъ глазахъ выступили даже слезы.

— Душа моя!—воскликнулъ онъ:—вы намъ истинное благодѣяніе оказываете! Позвольте мнѣ познакомить васъ съ моимъ другомъ Пилецкимъ!

И добрякъ хотѣлъ-было Тулузова ввести въ комнату къ Мартыну Степанычу, до сихъ поръ еще проживавшему у него и тщетно ждавшему разрѣшенія воротиться въ Петербургъ. Тулузовъ уклонился отъ этого приглашенія и сказалъ, что онъ проситъ это дѣло вести пока конфиденціально.

— Извольте, извольте, душа моя, но чѣмъ же вы желаете, чтобы васъ вознаградило правительство? Я на это имѣю такого рода бумагу! — говорилъ Иванъ Петровичъ все съ болѣе и болѣе краснѣющимъ и трясущимся носомъ и съ торжествомъ выкладывая передъ глаза Тулузова предложеніе министра, въ которомъ было сказано: отыскать жертвователей съ обѣщаніемъ имъ награды.

— Я желаю получить одну милость отъ правительства, — сталъ отвѣчать Тулузовъ:—я личный дворянинъ, и такъ какъ у меня могутъ быть дѣти...

— О, безъ сомнѣнія, Богъ благословитъ васъ этимъ!—перебилъ его Иванъ Петровичъ.

— Да-съ, и потому хотѣлось бы, чтобы они наслѣдовали отъ меня дворянство.

— Да какъ же имъ и не наслѣдовать, когда вы для

чужихъ дѣтей дѣлаете столько добра! — восклицалъ Иванъ Петровичъ.

— Способъ для этого такой: чтобы дали мнѣ Владимира хоть третьей степени,—толковалъ ему Тулузовъ.

— Конечно, конечно!—соглашался Иванъ Петровичъ.

— Я бы попросилъ васъ записать о моемъ желаніи! — добавилъ Тулузовъ.

— Сію же секунду!—говорилъ Иванъ Петровичъ, торопливо записывая въ свою памятную книжку желаніе Тулузова

— А кому деньги прикажете мнѣ представить? — спросилъ тотъ.

— Мнѣ, если только довѣряете!—сказалъ Иванъ Петровичъ.

— О, помилуйте, ваше превосходительство!.. — подхватилъ Тулузовъ, хотя и зналъ, что Артасьевъ былъ только еще статскій совѣтникъ, и потомъ, вынувъ изъ кармана безыменный билетъ, на которомъ внушительно красовалась цифра: тридцать тысячъ, почтительно подалъ его Ивану Петровичу.

— Святыя эти денежки, святыя! — говорилъ тотъ, смотря на билетъ.—Кто внушилъ вамъ эту благую мысль, я не знаю!

— Собственное мое сердце, ваше превосходительство: я самъ вышелъ изъ людей бѣдныхъ и знаю, что образованіе намъ необходимѣе даже, чѣмъ богатымъ людямъ, и если на мои деньги хоть десять мальчиковъ получитъ воспитаніе, такъ Богъ и за то меня вознаградитъ.

— Сторицею вознаградитъ и еще болѣе изольетъ на васъ благодати, которую вы и безъ того уже издавна въ душѣ вашей имѣли!

— Благодаря Бога, имѣю склонность къ добрымъ дѣламъ! — произнесъ съ чувствомъ Тулузовъ и, получивъ квитанцію въ представленныхъ имъ Артасьеву тридцати тысячахъ, раскланялся съ нимъ и уѣхалъ.

Добрякъ Артасьевъ, не медля ни минуты, поспѣшилъ прійти къ другу своему Пилецкому, чтобы передать ему, какіе есть въ русской землѣ добрые и великодушные люди. Мартына Степаныча тоже обрадовала и умилила эта новость.

— Слава Всевышнему! — сказалъ онъ, поднимая глаза къ небу. — Его волей вселяется въ сердца людей маловѣдомыхъ великое изреченіе: «Блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ!»

Собственно на любви къ дѣтямъ и была основана дружба двухъ этихъ старыхъ холостяковъ; весь остальной день они сообща обдумывали, какъ оформить затѣянное Тулузовымъ дѣло, потомъ сочиняли и переписывали долженствующее быть посланнымъ донесеніе въ Петербургъ, въ которомъ главнымъ

образомъ ходатайствовалось, чтобы господинъ Тулузовъ былъ награжденъ владимирскимъ крестомъ, съ поясненіемъ, что если онъ не получитъ столь желаемой имъ награды, то это можетъ отвратить какъ его, такъ и другихъ лицъ отъ дальнѣйшихъ пожертвованій; но когда правительство явитъ отъ себя столь щедрую милость, то приношенія на этотъ предметъ потекутъ къ нему со всѣхъ концовъ Россіи. Послѣдняя мысль была изобрѣтена Мартыномъ Степанычемъ, который былъ безконечно выше Артасьева какъ по уму своему, такъ и по извѣстнаго рода хитрости. Донесеніе въ такомъ видѣ и полетѣло въ Петербургъ. Тулузовъ, получивъ отъ знакомаго гимназическаго чиновничка съ этого донесенія копію и видя, какъ оно вѣско было написано и сколь много клонилось въ его пользу, счелъ преждевременнымъ ѣхать въ Петербургъ и отправился обратно въ Синьково, котораго достигнулъ на другой день вечеромъ. Прежде всего онъ спросилъ бывшаго камердинера Валерьяна Николаича, а теперь у него находящагося въ услуженіи, здорова ли Катерина Петровна?

— Здоровы-съ! — отвѣчалъ тотъ. — У нихъ теперь стоитъ мужикъ изъ Ѳедюхина.

— Какой мужикъ изъ Ѳедюхина? — проговорилъ Тулузовъ.

— Сынъ Власія!

Тулузовъ не разспрашивалъ далѣе и пошелъ къ Екатеринѣ Петровнѣ въ боскетную, гдѣ она по большей части пребывала. Здѣсь я не могу не замѣтить, что Тулузовъ въ настоящія минуты совершенно не походилъ на того, напримѣръ, Тулузова, который являлся, пріѣхавъ изъ губернскаго города послѣ похоронъ Петра Григорьича: то былъ почти лакей, а нынѣ шелъ баринъ; походка его была смѣла, важна; видъ надмененъ; голову свою онъ держалъ высоко, какъ бы предвкушая Владимира не въ петлицѣ, а на шеѣ.

Катринъ вскрикнула отъ радости, увидавъ его.

— Какое счастье, что вы пріѣхали! — сказала она: — вы мнѣ очень нужны!

Передъ ней дѣйствительно стоялъ сынъ Власія, Савелій Власьевъ, малый лѣтъ тридцати, съ лицомъ корявымъ и ясно показывающимъ, что печенка у него порядкомъ подгнила. Онъ имѣлъ очень жиденькую бородку и былъ одѣтъ въ длиннополый, но изъ довольно тонкаго сукна сюртукъ, въ сапоги выростковые чищеные; на указательномъ пальцѣ его правой руки виднѣлся позолоченный перстень; словомъ, Савелій скорѣе походилъ на мѣщанина, чѣмъ на мужика. По мастерству своему онъ былъ маляръ, но маляръ чистый, то-есть онъ расписывалъ потолки по трафарету, занимался очисткою и убран-

ствомъ церквей, былъ часто нанимаемъ иконописцами и даже академическими художниками приготовлять для нихъ полотно, закрашивать фонъ и тянуть, гдѣ имъ нужно было, филенки. Сверхъ того, Савелій умѣлъ подводить бѣлыя двери подъ слоновую кость, что тогда было въ большой модѣ. Такимъ образомъ онъ зарабатывалъ много денегъ, но всѣ ихъ проживалъ, потому что любилъ играть на бильярдѣ и вдобавокъ къ тому имѣлъ возлюбленную въ лицѣ одной, тоже чистой, кухарки. О женѣ и родителяхъ своихъ онъ нисколько не думалъ и отпихивался отъ нихъ деньгами. Когда же до Савелья дошелъ слухъ, что жена его убѣжала съ бариномъ, онъ вдругъ вознегодовалъ и далъ себѣ слово разыскать жену... Имѣя въ Петербургѣ большія знакомства, Савелій... Но предоставимъ лучше ему самому разсказывать объ этомъ.

Когда первый пылъ радости отъ свиданья съ Тулузовымъ позатихъ въ Катринѣ, то она ему сказала, указывая на Савелья:

— Это сынъ Власія и мужъ Аксиньи.

Тулузовъ гордо взглянулъ на Савелья и ничего не проговорилъ.

— Онъ отыскалъ свою жену и привезъ ее сюда съ собой!— присовокупила Катринъ.

— Гдѣ жъ ты отыскалъ ее? — проговорилъ Тулузовъ Савелью весьма непривѣтливымъ тономъ.

— Въ Петербургѣ-съ, — отвѣчалъ тотъ не очень подобострастно.

— Она жила у Ченцова на его квартирѣ, — дообъяснила Катринъ.

Тулузовъ нѣкоторое время соображалъ.

— А какъ же ты разыскалъ Валерьяна Николаича? — спросилъ онъ.

— Разыскалъ я, почесть, и самъ не знаю какъ, — отвѣчалъ Савелій не совсѣмъ охотно.

— Ты, пожалуйста, говори Василію Иванычу все, что и мнѣ говорилъ, — сказала ему Катринъ.

— Говорить тутъ, сударыня, особенно нечего, — продолжалъ Савелій. — Я, слышучи, что Аксинья сбѣжала изъ дома и пріѣхала въ Петербургъ, первоначально пошелъ къ генералу Сквозникову...

— Къ какому это генералу Сквозникову? — остановилъ его Тулузовъ.

— Къ генералъ-ахитектору, — отвѣчалъ, не запнувшись и не безъ важности, Савелій.

— Что же это за должность такая генералъ-архитекторъ? — поинтересовался Тулузовъ.

— По дворцовой части они служатъ... Я имъ доложилъ, что вотъ такъ и такъ!.. «Ахъ, говоритъ, братецъ, на тебѣ записку, ступай ты къ частному приставу Адмиралтейской части — я теперь, говоритъ, ему домъ строю на Васильевскомъ острову — и попроси ты его отъ моего имени разыскать твою жену!..» Господинъ частный приставъ разспросилъ меня, какъ и что, и приказалъ мнѣ явиться къ нимъ дня черезъ два, а тѣмъ временемъ, говоритъ, пока разыщутъ; туточе же, словно нарочно, нашъ одинъ мужикъ встрѣтился со мной въ трактирѣ и говоритъ мнѣ: «Я, говоритъ, Савелій, твою жену встрѣтилъ, идетъ нарядная-пренарядная!.. Знать, у кого-нибудь въ кормилицахъ живетъ!» — «Ты гдѣ же, говорю, ее встрѣтилъ?» — «На Пескахъ, говоритъ, вышла изъ дома, что супротивъ самыхъ бань»... Я опять къ господину приставу Адмиралтейской части, объяснилъ ему. «Ну, говоритъ, значитъ, мы ее найдемъ!.. Приходи ты опять дня черезъ два!» Я пришелъ. «Жена твоя живетъ въ квартирѣ отставного поручика Ченцова, и мы по твоему прошенію заарестовали ее: она призналась, что твоя жена... Хочешь, ты ее возьми на поруки; хочешь, мы ее отправимъ по этапу!» Я пожелалъ ее себѣ взять.

— А Валерьяна Николаича ты видѣлъ?—спросилъ Тулузовъ.

— Никакъ нѣтъ-съ! Я къ нимъ даже и на квартиру не ходилъ, — отвѣчалъ Савелій: — а привезъ только сюда хозяйку мою, и теперь я ожидаю защиты отъ вашей господской власти!.. Гдѣ жъ намъ ее стеречь!

— Стеречь и мы ее не можемъ! — проговорила Катринъ.

— Какъ же намъ, сударыня, быть послѣ того? — произнесъ явно грубымъ тономъ Савелій.

— Ты тамъ какъ знаешь будь, — перебилъ его строго Тулузовъ: — а мы вотъ повидаемъ твоего отца, который поумнѣе тебя, и съ тѣмъ разсудимъ, какъ лучше распорядиться.

— Это-съ какъ вамъ угодно, а я только къ тому говорю, что при женѣ жить не стану, чтобы ее беречь; пусть тотъ же родитель мой будетъ ея стражемъ!

— Устережемъ и безъ тебя! — отозвался Тулузовъ.

— Сдѣлайте милость! — сказалъ Савелій и, по приказанію Екатерины Петровны, удалился.

Она же, оставшись съ Тулузовымъ вдвоемъ, сообщила тому боязливымъ голосомъ:

— Кромѣ этого грубіяна, я отъ Валерьяна получила письмо, которое я не знаю въ какое ставитъ меня положеніе. На-те, прочтите!

Тулузовъ сталъ-было про себя читать письмо.

— Читайте вслухъ, тутъ каждое слово важно!

Тулузовъ началъ читать письмо вслухъ:

«Катринъ! Вы когда-то говорили мнѣ, что для меня способны пожертвовать многимъ. Вы не лгали это, я вѣрилъ вамъ, и если, не скрою того, не вполнѣ отвѣчалъ вашему чувству, то потому, что мы слишкомъ родственныя натуры, слишкомъ похожи одинъ на другого,—намъ нечѣмъ дополнять другъ друга; но теперь все это измѣнилось; мы, кажется, можемъ остаться друзьями, и я хочу подать первый руку: я слышалъ, что вы находитесь въ близкихъ сердечныхъ отношеніяхъ съ Тулузовымъ; нисколько не укоряю васъ въ этомъ и даже не считаю въ правѣ себя это дѣлать, а только совѣтую вамъ опасаться этого господина; я не думаю, чтобы онъ былъ искрененъ съ вами: я самъ испыталъ его дружбу и недружбу и знаю, что первая гораздо слабѣе послѣдней. На-дняхъ Тулузовъ сыгралъ со мной ужасную вещь: онъ напустилъ на меня мужа Аксиньи, которую я, каюсь, чтобы спасти отъ ссылки, увезъ съ собою при отъѣздѣ моемъ въ Петербургъ».

— Я напустилъ Савелья, тогда какъ я и не зналъ ничего!— произнесъ Тулузовъ, остановившись на мгновеніе читать, и потомъ снова продолжалъ:

«Мужъ Аксиньи отнялъ ее у меня, а это все равно, что отнять жизнь у меня! Вы сами, Катринъ, знаете и испытали чувство любви и, полагаю, поймете меня, если я вамъ скажу, что во взаимной любви съ этой крестьянкой я очеловѣчился: я пересталъ пить, я работаю день и ночь на самой маленькой службѣ, чтобы прокормить себя и кроткую Аксюту. Мнѣ еще въ молодости, когда я ѣздилъ по дорогамъ и смотрѣлъ на звѣздное небо, казалось, что въ сочетаніи звѣздъ было какъ бы предначертано: «ты спасешься женщиной!» — и прежде я думалъ найти это спасеніе въ моей первой женѣ, чаялъ, что обрѣту это спасеніе свое въ Людмилѣ, думалъ наконецъ, что встрѣчу свое успокоеніе въ вашей любви!»

— Вотъ ужъ я увѣрена, что отъ любви моей онъ никогда ничего не ожидалъ, кромѣ денегъ, — замѣтила грустнымъ голосомъ Катринъ.

— Конечно, — подтвердилъ съ усмѣшкою Тулузовъ: — и вообще все письмо есть пустословіе и ложь.

— Нѣтъ, тутъ не одно пустословіе, — возразила Катринъ:— дальше, вы увидите, есть и болѣе серьезныя вещи.

Тулузовъ снова сталъ продолжать чтеніе письма:

«Въ Аксюшѣ для меня явилось это спасеніе, и неужели же, Катринъ, вы захотите этого ангела-хранителя моего, а для васъ совершенное ничто, отнять у меня? Какъ помѣщица, вы

всегда можете отпустить ко мнѣ Аксюшу въ Петербургъ, давъ ей паспортъ; а разъ она здѣсь, супругу ея не удастся насъ разлучить, или я его убью; но ежели и вы, Катринъ, не сжалитесь надо мною и не внемлете моей мольбѣ, то противъ васъ я не рѣшусь ничего предпринять: достаточно и того, что я совершилъ въ отношеніи васъ; но клянусь вамъ всѣмъ святымъ для меня, что я отъ тоски и отчаянія себя убью, и тогда смерть моя безраздѣльно ляжетъ на ваше нѣкогда любившее меня сердце; а мнѣ хорошо извѣстно, какъ тяжело носить въ душѣ подобныя воспоминанія: у меня до сихъ поръ волосъ дыбомъ поднимается на головѣ, когда я подумаю о смерти Людмилы; а потому, для вашего собственнаго душевнаго спокойствія, Катринъ, остерегитесь подводить меня къ давно уже ожидаемой мною пропасти, и еще разъ повторяю вамъ, что я *застрѣлюсь, если вы не возвратите мнѣ Аксюты*».

Послѣднія слова въ письмѣ были подчеркнуты два раза.

— Что вы думаете обо всѣхъ этихъ обѣщаніяхъ и угрозахъ? — спросила Катринъ.

Тулузовъ еще разъ прочиталъ про себя окончаніе письма: рысьи глаза его, нѣсколько налитые кровью, какъ будто бы въ эти минуты окаменѣли и были неподвижно уставлены на письмо.

— Такое же пустословіе, — проговорилъ онъ: — какъ и въ началѣ письма.

— Ну, я вижу, вы мало знаете Валерьяна! — произнесла съ удареніемъ Катринъ и кивнула многознаменательно головой.

— Очень хорошо я его знаю! — сказалъ надменнымъ и насмѣшливымъ тономъ Тулузовъ. — Онъ и мнѣ кричалъ, когда я его заперъ въ кабинетѣ, что разобьетъ себѣ голову, если я буду смѣть держать его взаперти, однако проспалъ потомъ преспокойно всю ночь, царапинки даже себѣ не сдѣлавъ.

— То другое дѣло: тогда у Валерьяна оставалась нѣкоторая надежда; а когда мы отнимемъ у него Аксинью, у него будетъ все потеряно въ жизни.

— Много еще у него разныхъ надеждъ останется! — продолжалъ насмѣшливо Тулузовъ. — Потомъ-съ, вы хоть и помѣщица, но не имѣете права нарушать бракъ и принадлежащую вамъ крестьянку, отнявъ у мужа, отдать вашему супругу, и зачѣмъ, спрашивается, вы это дѣлаете? Отвѣтъ для каждаго простъ.

— Какой же это простой отвѣтъ? — спросила Катринъ, нѣсколько удивленная столь смѣлымъ тономъ, который принялъ въ разговорѣ съ ней Тулузовъ: она, безъ сомнѣнія, не могла догадаться, что тутъ говорилъ въ немъ ожидаемый «Владиміръ».

— Такой отвѣтъ, — объяснилъ онъ ей, не понижая тона:— что вы способствуете Валерьяну Николаичу затѣмъ, чтобы и онъ вамъ не мѣшалъ.

Катринъ покраснѣла.

— Василій Иванычъ, — произнесла она съ явной досадой:— вы этими словами хотите какъ будто бы сказать, что я какая-то совершенно потерянная женщина.

— Не я-съ говорю это, я и во снѣ бы никогда не посмѣлъ подумать того, — отвѣчалъ ей немного уже опѣшившій Тулузовъ: — но это могутъ сказать другіе, и, главное, можетъ такимъ образомъ понять правительство, которое зорко слѣдитъ за подобными отношеніями и обезпечиваетъ крѣпостныхъ людей отъ подобнаго самоуправства. Сынъ этого Власа, какъ вы сами видѣли, не изъ смирныхъ: грубіянъ и проходимецъ великій; онъ найдетъ себѣ заступу, и вамъ можетъ угрожать опасность, что у васъ отберутъ ваше имѣніе въ опеку.

— Тогда я покажу правительству письмо Валерьяна, въ которомъ онъ говоритъ, что убьетъ себя, если я разлучу его съ Аксиньей!—воскликнула Катринъ.

— А вамъ скажутъ на это, что въ письмѣ тоже значится, что Валерьянъ Николаичъ убьетъ сына Власа, когда тотъ будетъ требовать у него жены своей!—возразилъ Тулузовъ и затѣмъ уже принялся успокоивать Екатерину Петровну.—На самомъ дѣлѣ ничего этого не произойдетъ, а будетъ вотъ что-съ: Аксинья, когда Валерьянъ Николаичъ будетъ владѣть ею безпрепятственно, очень скоро надоѣстъ ему, онъ ее броситъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, видя вашу доброту и снисходительность, будетъ отъ васъ требовать денегъ, и когда ему покажется, что вы ихъ мало даете ему, онъ, какъ мужъ, потребуетъ васъ къ себѣ: у него, какъ вы хорошо должны это знать, семь пятницъ на недѣлѣ; тогда, не говоря уже о васъ, въ какомъ же положеніи я останусь?

— Въ такомъ случаѣ что же мнѣ написать Валерьяну? Я совершенно растерялась и готова ума рехнуться!

— Написать вамъ слѣдуетъ, но, впрочемъ, я и самъ до такой степени утомился съ дороги и съ хлопотами по моему дѣлу, что теперь вдругъ и сказать не могу!

— Но что же ваше дѣло? — воскликнула Катринъ: — я съ моими тревогами и не спросила васъ объ этомъ.

— Дѣло мое,—отвѣчалъ, уже зѣвая, Тулузовъ:—находится въ отличнѣйшемъ положеніи: приношеніе мое принято, и я, вѣроятно, получу за него дворянство.

— Я это предчувствую, и вы совершенно достойны вашихъ успѣховъ,—проговорила Катринъ.

— Завтрашній день-съ я все хорошенько обдумаю и напишу вамъ, что вы должны отвѣчать Валерьяну Николаичу.

— Да, да, напишите! — заключила Катринъ нѣжнымъ голосомъ.

Тулузовъ, взявъ съ собой письмо Ченцова, ушелъ въ свое отдѣленіе, гдѣ снова прочиталъ это письмо и снова главнымъ образомъ обратилъ свое вниманіе на послѣднія строки. «Можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ застрѣлится!»—произнесъ онъ тѣмъ же полушопотомъ, какъ прежде сказалъ:—«Пойдутъ теперь исторіи, надобно только не зѣвать!»

Явившись поутру къ Екатеринѣ Петровнѣ пить чай, Тулузовъ принесъ заготовленный имъ отвѣтъ.

— Вы написали?—спросила она, увидавъ въ рукѣ его четвертушку бумаги.

— Написалъ!

— Прочитайте!.. Меня такъ мучитъ это, что я всю ночь не спала!

— Отвѣтъ очень короткій, какой только вы и можете написать!—объяснилъ Тулузовъ и началъ чтеніе:

«Милостивый государь Валерьянъ Николаичъ!

«Вы, надѣюсь, понимаете, что наши отношенія послѣ того, что произошло между нами, суть отношенія людей совершенно постороннихъ. О разныхъ укорахъ и намекахъ, которые вы мнѣ пишете, я не хочу и говорить, потому что всѣ они несправедливы; но что касается до высылки къ вамъ крестьянки Аксиньи, то я по закону никакого права не имѣю это сдѣлать: мы можемъ нашихъ крестьянъ отчуждать изъ своего владѣнія, а нарушать ихъ браки не въ нашей власти; мужъ Аксиньи, который ее привезъ теперь сюда, очень хорошо это знаетъ, и мнѣ очень странна показалась ваша просьба: неужели вы думали, что я позволю себѣ высылать вамъ вашихъ любовницъ? Занимайтесь сами этимъ, а я тутъ умываю руки и даже считаю неприличнымъ для себя болѣе говорить объ этомъ!»

Прослушавъ письмо, Екатерина Петровна осталась недовольна имъ.

— Письмо ужасное!—проговорила она.

Тулузовъ усмѣхнулся.

— Тогда не угодно ли вамъ самимъ написать! — сказалъ онъ.

— Да, я сама напишу Валерьяну,—произнесла, подумавъ, Катринъ, полагавшая, что Тулузовъ изъ ревности сочинилъ нарочно такое колкое письмо къ Ченцову.

Оставшись одна, она дѣйствительно принялась сочинять

отвѣтъ мужу, но оказалось, что въ отвѣтѣ этомъ наговорила ему гораздо болѣе рѣзкихъ выраженій, чѣмъ было въ письмѣ Тулузова: она назвала даже Ченцова человѣкомъ негоднымъ, погубившимъ себя и ее, уличала его, что объ Аксютѣ онъ говорилъ все неправду; затѣмъ такъ запуталась въ изложеніи своихъ мыслей и начала писать столь неразборчивымъ почеркомъ, что сама не могла ни понять ни разобрать того, что написала, а потому, разорвавъ съ досадой свое сочиненіе, сказала потомъ Тулузову:

— Дайте мнѣ ваше письмо, я перепишу его: у меня голова такъ разстроена, что ничего не могу придумать.

Тулузовъ подалъ заготовленное имъ письмо, которое Катринъ почти цѣлый день переписывала, какъ будто бы ей каждое слово начертить было тяжело, грустно и страшно.

VII.

Аггей Никитичъ сидѣлъ въ губернской почтовой конторѣ и принималъ денежныя отправки, съ напряженнымъ вниманіемъ пересчитывая бумажки и серебро. Было двѣнадцать часовъ дня. Вся фигура его была красива и представительна; бакенбарды плотно прилегали къ щекамъ, какъ издавна пріученныя къ тому; усы, которыхъ онъ не сбривалъ, по праву вышедшаго въ отставку съ мундиромъ, были воинственно-внушительны; на груди Аггея Никитича изъ-подъ форменнаго жилета виднѣлась чистѣйшая, приготовленная подъ личнымъ наблюденіемъ Миропы Дмитріевны, коленкоровая манишка, на которой покоился орденъ Станислава; но собственно главною гордостью для Аггея Никитича служили двѣ болтающіяся медали турецкой и польской кампаній, по поводу которыхъ онъ всегда говорилъ:

— Кресты не то-съ! Они часто даются несправедливо!.. А что я былъ въ двухъ кампаніяхъ, это ужъ святая истина!

Часу во второмъ вошелъ въ контору высокій старикъ, нѣсколько согбенный, въ длинномъ изъ сѣро-нѣмецкаго сукна сюртукѣ и съ Анной на шеѣ. Аггей Никитичъ сразу же подумалъ, что это какой-нибудь ученый человѣкъ.

— Я статскій совѣтникъ Урбановичъ-Пилецкій и, по распоряженію правительства, возвращаюсь въ Петербургъ обратно!— проговорилъ заискивающимъ голосомъ Мартынъ Степанычъ, подходя къ Аггею Никитичу.

— Вы поэтому имѣете казенную подорожную? — спросилъ тотъ съ приличнымъ къ службѣ вниманіемъ.

— Да, имѣю подорожную и получилъ вмѣстѣ съ тѣмъ прогоны отъ казны,—отвѣчалъ Пилецкій.

— Вы изволите служить гдѣ-нибудь? — полюбопытствовалъ Аггей Никитичъ.

— Нѣтъ, но я присланъ былъ въ здѣшній городъ на временное житье, а теперь мнѣ снова разрѣшено возвратиться въ Петербургъ,—объяснилъ не совсѣмъ опредѣленно Мартынъ Степанычъ.

Но Аггей Никитичъ догадался.

— Понимаю!.. — произнесъ онъ глубокомысленнымъ тономъ.—И вы, можетъ-быть,—присовокупилъ онъ съ замѣтно уже бо́льшимъ уваженіемъ:—желаете, по преклонности вашихъ лѣтъ, получить проходной экипажъ вплоть до Петербурга, чтобы не тревожить себя перекладкою на станціяхъ?

— Благодарю васъ, перекладка меня не затруднитъ, потому что со мной всего одинъ небольшой чемоданъ, и я даже боюсь отчасти проходныхъ экипажей, въ одномъ изъ коихъ разъ уже и пріѣхалъ сюда,—проговорилъ, нѣсколько ядовито усмѣхнувшись, Мартынъ Степанычъ.

— Понимаю и это!—подхватилъ опять-таки глубокомысленно Аггей Никитичъ.

— Я прошу васъ, — продолжалъ Пилецкій: — объ одномъ лишь: мнѣ предстоитъ проѣзжать невдалекѣ усадьбы одного моего друга, Егора Егорыча Марѳина, то не дозволите ли вы свернуть почтовымъ лошадямъ съ большой дороги и завезти меня къ нему на именины? Разстояніе всего десять верстъ, за каковыя я готовъ заплатить хотя бы двойные прогоны.

Аггей Никитичъ при этомъ вопросѣ прежде всего воскликнулъ:

— Вы другъ Егора Егорыча и хотите заѣхать къ нему на именины!?.

— Непремѣнно, во что бы то ни стало!—отвѣчалъ утвердительно Мартынъ Степанычъ.

— Почтеннѣйшій господинъ Урбановичъ,—заговорилъ Аггей Никитичъ:—вы мнѣ сказали такое радостное извѣстіе, что я не знаю, какъ васъ и благодарить! Я тоже, если не смѣю себя считать другомъ Егора Егорыча, то прямо говорю, что онъ мой благодѣтель!.. И я, по случаю вашей просьбы, вотъ что-съ могу сдѣлать... Только позвольте мнѣ посовѣтоваться прежде съ женой!..

Проговоривъ это, Аггей Никитичъ всталъ и немедля ушелъ въ свою квартиру, находившуюся въ одномъ домѣ съ почтовою конторою.

— Мира!—сказалъ онъ, войдя въ комнату супруги своей и заставъ ту что-то вычисляющею на бумажкѣ, на которой значилось: станція Вязниковская — шесть паръ, станція Антипьевская—восемь паръ...

Аггей Никитичъ, конечно, ничего этого не подмѣтилъ и продолжалъ:

— У меня тутъ въ конторѣ сидитъ одинъ сосланный, Пилецкій; онъ ѣдетъ, вообрази, Мира, къ Егору Егорычу на именины! И я съ нимъ поѣду! Вѣдь надобно мнѣ когда-нибудь видѣться съ Егоромъ Егорычемъ.

— Но зачѣмъ же тебѣ, губернскому почтмейстеру, ѣхать съ какимъ-то сосланнымъ?!—первое, на что ударила Мирона Дмитріевна.

— Это ужъ мое дѣло!.. Онъ ближайшій другъ Егора Егорыча!.. Но я спрашиваю о томъ, какъ я долженъ ѣхать?.. Не отпуска же мнѣ испрашивать?.. И чортъ его знаетъ, когда онъ еще придетъ ко мнѣ!..

Мирона Дмитріевна при этомъ не то что задумалась, а только подумала и сообразила; всѣ служебныя отношенія мужа она знала и понимала въ тысячу разъ подробнѣе и точнѣе, чѣмъ онъ самъ.

— Зачѣмъ тебѣ просить отпуска? — возразила она. — Ты явись къ губернатору и доложи ему, что поѣдешь ревизовать уѣздныя почтовыя конторы, а тамъ и поѣзжай, куда хочешь!

— Спасибо за совѣтъ!—проговорилъ Аггей Никитичъ и пошелъ обратно въ контору.

— Но только ты непремѣнно долженъ обревизовать конторы!—крикнула ему вслѣдъ Мирона Дмитріевна.

— Обревизую, что тутъ говорить! — отозвался Аггей Никитичъ.

Собственно какой-нибудь существенной пользы для службы Мирона Дмитріевна совершенно не ожидала отъ ревизіи Аггея Никитича, но она все-таки, по нѣкоторымъ своимъ соображеніямъ, желала, чтобы Аггей Никитичъ, по крайней мѣрѣ, попугалъ своей наружностью уѣздныхъ почтмейстеровъ, которые, очень порядочно получая на своихъ должностяхъ, губернскаго почтмейстера почти и знать не знали.

Возвратясь въ мѣсто своего служенія, Аггей Никитичъ сказалъ:

— Мартынъ Степанычъ, вы ѣдете къ Егору Егорычу, и я тоже съ вами... Позволите мнѣ это?

При такомъ вопросѣ Аггея Никитича, Мартынъ Степанычъ призадумался нѣсколько: ему помстилось, что не шпіонъ ли это какой-нибудь, потому что такъ къ нему навязывается; но, взглянувъ на открытую и простодушную физіономію Аггея Никитича, онъ отвергнулъ это предположеніе и отвѣчалъ:

— Съ великимъ удовольствіемъ... готовъ раздѣлить съ вами этотъ вояжъ.

— Въ какой же день и въ какой часъ дня вы прикажете, чтобы я заѣхалъ за вами?—спросилъ его, почти какъ бы своего начальника, Аггей Никитичъ.

— Да я просилъ бы васъ завтра часовъ въ семь вечера выѣхать, чтобы не опоздать на именины; живу я у директора гимназіи Ивана Петровича Артасьева,—проговорилъ Мартынъ Степанычъ.

— Явлюсь!—подхватилъ Аггей Никитичъ и на другой день дѣйствительно къ семи часамъ вечера явился.

Мартынъ Степанычъ, съ своей стороны, тоже былъ совсѣмъ готовъ къ отъѣзду, каковой нѣсколько замедлился тѣмъ, что Иванъ Петровичъ, прощаясь съ другомъ своимъ и вообразивъ, что это, можетъ-быть, навсегда, расчувствовался и расплакался, какъ женщина, а потомъ, неизвѣстно почему, очень долго цѣловался съ Аггеемъ Никитичемъ, съ которымъ и знакомъ былъ весьма мало. Впрочемъ, цѣловаться со всѣми было страстью этого добряка: онъ цѣловался при всякомъ удобномъ случаѣ съ подчиненными ему гимназистами, цѣловался со всѣми своими знакомыми и даже съ лицами, видавшимися съ нимъ по дѣламъ службы.

Распрощавшись наконецъ, путники мои едва только выѣхали за городъ, какъ сейчасъ же вступили между собою въ довольно отвлеченный разговоръ, который былъ начатъ Аггеемъ Никитичемъ издалека.

— Я вотъ теперь ѣду къ Егору Егорычу и, признаюсь, побаиваюсь,—проговорилъ онъ.

— Чего?—спросилъ Пилецкій.

— Да того именно, что Егоръ Егорычъ мнѣ еще въ Москву прислалъ нѣсколько масонскихъ книгъ, а также и трактатъ о самовоспитаніи, рукописный и, надо-быть, его собственнаго сочиненія. Я прочелъ этотъ трактатъ разъ десять... Кое-что понялъ въ немъ, а другое пришлось совершенно не по зубамъ.

— Пришлось не по зубамъ? — повторилъ Мартынъ Степанычъ.—А что именно?

— Да вотъ тутъ слово мистицизмъ на каждой почти строкѣ повторяется, а что оно значитъ—чортъ его знаетъ, я никогда такого слова и не слыхивалъ. Не можете ли вы растолковать мнѣ его?..

— Съ великимъ удовольствіемъ!—произнесъ, слегка улыбнувшись, Мартынъ Степанычъ: — мистицизмъ есть извѣстнаго рода философско-религіозное ученіе, въ которомъ поэтому два элемента: своя философія и свое вѣроученіе.

— А какая разница между этими двумя элементами?—бухнулъ Аггей Никитичъ.

При такомъ странномъ вопросѣ своего собесѣдника, Мартынъ Степанычъ потупился, но продолжалъ:

— Такая же, какъ между всякой философіей и религіей: первая учитъ познавать сущность вещей посредствомъ разума, а религія преподаетъ то, что сказано въ божественномъ откровеніи; но путь къ достиженію того и другого познанія въ мистицизмѣ иной, чѣмъ въ другихъ философскихъ системахъ и въ другихъ вѣроученіяхъ, или, лучше сказать, оба эти пути сближены у мистиковъ: они въ своей философіи умъ съ его постепеннымъ ходомъ, съ его логическими выводами ставятъ на вторую ступень и даютъ предпочтеніе чувству и фантазіи, говоря, что этими духовными орудіями скорѣе и вѣрнѣе человѣкъ можетъ достигнуть познанія сущности мірового бытія, и что путемъ ума человѣкъ идетъ черепашьимъ шагомъ, а чувствомъ и созерцаніемъ онъ возлетаетъ, какъ орелъ.

Аггей Никитичъ, инстинктивно понявши, что онъ въ первомъ своемъ вопросѣ что-то такое проврался, уже молчалъ и только съ глубокимъ вниманіемъ слушалъ Мартына Степаныча, который ему далѣе толковалъ:

— При созерцаніи необходимо полное отрѣшеніе отъ всего чувственнаго міра, дабы созерцающій совершенно вышелъ изъ предѣловъ ограниченнаго бытія своего и достигнулъ такъ называемаго экстаза.

Тутъ Аггей Никитичъ снова не совладѣлъ съ собой и спросилъ;

— А что такое значитъ экстазъ?

— Экстазъ, — объяснилъ ему Пилецкій: — есть то возбужденное состояніе, когда человѣкъ, подъ вліяніемъ духовно-нравственнаго движенія, ничего не сознаётъ, что происходитъ вокругъ него; такъ, онъ не слышитъ боя часовъ, не ощущаетъ ни свѣта, ни темноты, ни даже тепла и холода: онъ какъ бы умертвилъ тѣло свое и весь одухотворился. Понимаете?

— Понимаю!—отвѣчалъ Аггей Никитичъ, и онъ въ самомъ дѣлѣ понялъ: съ нимъ самимъ даже случалось нѣчто въ этомъ родѣ, когда, напримѣръ, бывалъ въ сраженіяхъ или увлекался какой-нибудь хорошенькой...

— Въ этомъ состояніи, — продолжалъ поучать Мартынъ Степанычъ: — мистики думаютъ созерцать идею міра прямо, непосредственно, какъ мы видимъ глазами предметы міра внѣшняго.

— Мартынъ Степанычъ, вы извините меня, что я васъ все перебиваю!—воскликнулъ на этомъ мѣстѣ Аггей Никитичъ:— но я не знаю, что значитъ слово «идея».

Мартынъ Степанычъ провелъ у себя за ухомъ и, видимо, постарался перевести извѣстное опредѣленіе идеи, что она есть абсолютное тожество мысли съ предметностью, на болѣе понятный для Аггея Никитича языкъ.

— Идеей называется, когда человѣкъ угадаетъ главную причину какого бы то ни было бытія. Представьте вы себѣ, что дикари смотрятъ на часы; они видятъ, что стрѣлки движутся, но что̀ ихъ движетъ — имъ непонятно. Влекомые чувствомъ любознательности, они разломали часы, чтобы посмотрѣть, что̀ внутри ихъ заключается, и видятъ тамъ колеса, маятникъ и пружину, и вдругъ кому-либо изъ нихъ пришла на умъ, догадка, что стрѣлки двигаетъ пружина, значитъ, въ его умѣ явилась идея часового устройства... Я беру для выясненія моей мысли весьма узкій и ограниченный предметъ, но при этомъ главнымъ образомъ обращаю ваше вниманіе на то, что дикарь догадался; онъ понялъ суть посредствомъ вдохновенія. Словомъ, мистики признаютъ, что всѣ великія идеи — чудо, озаряющее головы людей, по преимуществу наклонныхъ къ созерцательному мышленію.

Тутъ опять-таки Аггей Никитичъ спутался въ своемъ вопросѣ.

— Значитъ, и Бога можно понять, какъ часовую пружину?— проговорилъ онъ почти съ какимъ-то азартомъ.

— Бога вы, пожалуйста, еще оставьте въ покоѣ! Я говорилъ вамъ о способахъ мышленія нашего разума... До Бога нельзя дойти этимъ путемъ. Его нужно любить; Онъ токмо путемъ любви открывается и даже, скажу болѣе того, нисходитъ въ насъ!

— Я Бога люблю больше всего въ мірѣ!—воскликнулъ Аггей Никитичъ:—и пламенно желаю, чтобы Онъ открылся мнѣ, но не знаю, что̀ для этого нужно дѣлать!.. Какъ объ этомъ говорятъ мистики?

На этотъ вопросъ Мартынъ Степанычъ не вдругъ отвѣчалъ и, прежде сообразивъ нѣсколько, проговорилъ наконецъ:

— По мнѣнію мистиковъ, для уразумѣнія Бога, кромѣ откровенія, существуетъ въ человѣкѣ внутреннее сознаніе Божества, которое каждый изъ насъ можетъ развивать въ себѣ силою созерцательнаго чувствованія: русскіе масоны по преимуществу избрали для себя путь уединенія, путь жизни аскетовъ; но, по-моему, это—путь слишкомъ аристократическій и вмѣстѣ съ тѣмъ мрачный; онъ пригоденъ для людей, нѣжно и деликатно воспитавшихъ свое тѣло; тогда какъ есть еще гораздо бо̀льшая масса людей, у которыхъ тѣло могучѣе духа...

— Это такъ!—подхватилъ Аггей Никитичъ, припомнившій, какъ Егоръ Егорычъ и ему самому говорилъ о преобладаніи плоти.

— Для этихъ людей нужно умерщвленіе плоти посредствомъ физическаго движенія... Пусть тѣло ихъ утомится и воспрянетъ духъ!

— Что же для этого нужно?—спросилъ Аггей Никитичъ.

— Танцовать, пѣть и веселиться, и Духъ Господень въ васъ снизойдетъ такъ же, какъ Онъ нисходитъ на людей въ общемъ церковномъ поклоненіи.

Мысль эта ужасно афраппировала Аггея Никитича.

Мартынъ Степанычъ поспѣшилъ прямѣе объяснить ему.

— Припомните слова царя Давида, который сказалъ: «Пойте Господеви въ гуслехъ и гласѣ псаломстѣ: въ трубахъ кованныхъ и гласомъ трубы рожаны, вострубите предъ Царемъ Господомъ!»

— Да-съ, но чтобы послѣ танцевъ нисходилъ на насъ Духъ Господень,—это непонятно!—возразилъ Аггей Никитичъ, знавшій по собственному опыту, что если послѣ танцевъ иногда и приходятъ въ голову нѣкоторыя поэтическія мысли, то никакъ ужъ не богомольнаго свойсва.

— Нисходитъ!—повторилъ свое Мартынъ Степанычъ:—и я самъ отчасти былъ свидѣтелемъ тому.

— Но какъ же вы могли быть свидѣтелемъ тому?—воскликнулъ Аггей Никитичъ.

— Я видѣлъ плоды, которые были послѣдствіемъ этого наитія: одна дама, послѣ долгаго радѣнія въ танцахъ, пѣніи и музыкѣ, весьма часто начинала пророчествовать и очень многимъ изъ насъ предсказывала будущее... Слова ея записывались и потомъ въ жизни каждаго изъ насъ повторились съ невѣроятною точностью.

— Что же это въ обществѣ, что ли, въ какомъ происходило?

— Да, то-есть въ одномъ очень дружественномъ кружкѣ...

— А этакій кружокъ всего только одинъ и есть?

— Нѣтъ, такихъ кружковъ много и у насъ и въ Европѣ!

— А какъ они называются?

— Ихъ всѣхъ называютъ, — отвѣчалъ, немного подумавъ, Мартынъ Степанычъ: — общимъ именемъ скачущихъ, прыгающихъ.

Аггей Никитичъ при этомъ только ужъ пожалъ плечами. «Богъ знаетъ что такое! Послѣ этого каждаго скачущаго улана можетъ осѣнить Духъ Святой!»—подумалъ онъ; но тутъ, какъ нарочно, пришелъ ему на память апостолъ Павелъ, ко-

торый тоже ѣхалъ на конѣ, когда услышалъ гласъ съ небеси: «Савле, Савле, что Мя гониши?» — «Удивительно и непонятно», — повторялъ мысленно Аггей Никитичъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ему ужасно хотѣлось спросить, что неужели и Мартынъ Степанычъ участвовалъ въ этомъ кружкѣ; но, по деликатности своей, онъ не сдѣлалъ того и погрузился въ грустныя размышленія о своихъ скудныхъ знаніяхъ и о своемъ малопониманіи. Мартынъ Степанычъ тоже впалъ въ созерцательное состояніе, и трудно сказать, что въ эти минуты проносилось передъ его старческимъ умомъ: размышлялъ ли онъ о грядущей судьбѣ скачущихъ, или только вспоминалъ объ обожаемой имъ Екатеринѣ Филипповнѣ.

Пріѣздъ Звѣрева и Пилецкаго былъ въ Кузьмищевѣ совершенною неожиданностью. Первый ихъ встрѣтилъ проходившій по залѣ докторъ Сверстовъ. Узнавъ Мартына Степаныча, онъ радостно воскликнулъ:

— Это какъ вы опять здѣсь и посреди насъ очутились?

— Возвращаюсь въ Петербургъ!—объяснилъ Мартынъ Степанычъ.

— Прощены, значитъ?—спросилъ Сверстовъ.

— Да,—отвѣтилъ ему тихо Пилецкій.

На Аггея Никитича Сверстовъ хоть и взглянулъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, но все-таки вѣжливо ему поклонился, а Звѣревъ, съ своей стороны, отдалъ ему почтительный поклонъ.

Потомъ всѣ вошли въ гостиную, гдѣ сидѣли вдвоемъ Егоръ Егорычъ и Сусанна Николаевна, которые, увидѣвъ, кто къ нимъ пріѣхалъ, безъ сомнѣнія, весьма удивились, и затѣмъ началась обычная сцена задушевныхъ, хоть и безтолковыхъ, деревенскихъ свиданій: хозяева и гости что-то такое восклицали; всѣ чуть-чуть не обнимались; у Сусанны Николаевны оба прибывшіе гостя поцѣловали съ чувствомъ руку; появилась тутъ же вдругъ и gnädige Frau, у которой тоже оба кавалера поцѣловали руку; всѣ о разныхъ разностяхъ отрывочно спрашивали другъ друга и, не получивъ еще отвѣта, разсказывали, что съ ними самими было. Аггей Никитичъ на первыхъ порахъ, вѣроятно, по воспоминаніямъ о Людмилѣ, подсѣлъ поближе къ Сусаннѣ Николаевнѣ и поздравилъ ее со вступленіемъ въ бракъ, а Сусанна Николаевна, въ свою очередь, поздравила его съ тѣмъ же, при чемъ, желая сказать ему пріятное, она проговорила:

— Миропа Дмитріевна очень добрая женщина!

— Она благородная и умная,—опредѣлилъ нѣсколько иначе свою супругу Аггей Никитичъ.

Егоръ же Егорычъ сталъ разспрашивать Мартына Степаныча, какимъ образомъ того простили.

— Подробностей не знаю, — отвѣчалъ Пилецкій: — кромѣ того, что Екатерина Филипповна писала письмо къ государю.

— Значитъ, и она освобождена?

— Да, ей позволено переѣхать въ Москву, съ воспрещеніемъ, впрочемъ, въѣзда въ Петербургъ.

— И вы поэтому въ Москву ѣдете?

— Пока нѣтъ; я ѣду въ Петербургъ теперь, но такъ какъ въ моемъ разрѣшеніи возвратиться въ столицу ничего не сказано, чтобы я не жилъ въ Москвѣ, то, вѣроятно, впослѣдствіи я тамъ и поселюсь, ибо, сами согласитесь, Егоръ Егорычъ, въ мои годы одно только счастье и остается человѣку, чтобы жить около старыхъ друзей.

— Конечно, — согласился Егоръ Егорычъ: — но скажите, князь Александръ Николаичъ ходатайствовалъ сколько-нибудь объ Екатеринѣ Филипповнѣ и о васъ?

— Очень даже много!.. Черезъ него, собственно, и было доставлено письмо Екатерины Филипповны государю.

Gnädige Frau между тѣмъ, видимо, заинтересовалась Аггеемъ Никитичемъ, такъ что, наклонившись къ уху мужа, спросила шопотомъ:

— Wer ist dieser Herr?

— Не знаю, — отвѣтилъ тотъ, но и самъ немедля же наклонился къ уху Егора Егорыча и шепнулъ тому: — кто это такой, незнакомый намъ баринъ?

— Ищущій!—отвѣтилъ лаконически Егоръ Егорычъ.

— Ищущій!—повторилъ затѣмъ докторъ своей супругѣ.

И оба они совершенно удовлетворились такимъ отвѣтомъ.

Что касается до самого Аггея Никитича, то онъ, побесѣдовавъ съ Сусанной Николаевной, впалъ въ нѣкоторую задумчивость. Его мучило желаніе, чтобы разговоръ поскорѣе коснулся масонства или чего-либо другого возвышеннаго; но—увы!—его ожиданія и желанія не осуществились, а, напротивъ, бесѣда перешла на весьма житейскій предметъ. Мартынъ Степанычъ, замѣтно вспомнивъ что-то важное и проведя, по своей привычкѣ, у себя за ухомъ, сказалъ:

— Чуть-было не забылъ!.. Иванъ Петровичъ Артасьевъ убѣдительно просилъ меня... Надѣюсь, что здѣсь присутствуютъ все близкіе люди?..

— Все близкіе, всѣ!—поспѣшно отвѣтилъ Егоръ Егорычъ.

— Просилъ передать вамъ, что какой-то вашъ племянникъ...

— Ченцовъ?—подхватилъ Егоръ Егорычъ.

— Кажется, что такъ!.. Фамиліи хорошенько не помню; но дѣло въ томъ, что господинъ Ченцовъ разошелся съ своей женой...

— Разошелся?!. По поводу чего? — воскликнулъ Егоръ Егорычъ.

— По поводу ревности съ ея стороны, которая вызвала между ними трагическую сцену, дошедшую аки бы до того, что вашъ племянникъ выстрѣлилъ два раза изъ ружья въ свою супругу!

При этомъ извѣстіи Сусанна Николаевна, Сверстовъ и gnädige Frau прежде всего взглянули на Егора Егорыча, который поблѣднѣлъ и забормоталъ:

— Ничего подобнаго я не слыхалъ!.. А вы слышали что-нибудь объ этомъ? — заключилъ онъ, взглянувъ одновременно на жену, gnädige Frau и доктора.

Тѣ всѣ въ одинъ голосъ объявили, что они тоже ничего не слыхали.

— Какъ же намъ и отъ кого слышать!.. Валерьянъ Николаичъ живетъ отсюда верстъ триста, знакомыхъ къ намъ въ продолженіе лѣта и осени никто не пріѣзжалъ, — объяснила Сусанна Николаевна.

— Можетъ-быть, и то!—согласился Егоръ Егорычъ, по выраженію лица котораго и складу всего тѣла легко было понять, сколь много эта новая выходка племянника опечалила и какъ бы пришибла его.

— Что Валерьянъ не уживется съ женой, этого надобно было почти ожидать,—хотѣла-было Сусанна Николаевна успокоить мужа.

— Но не такъ же скоро!.. Думалъ же онъ что-нибудь, женясь на ней!—почти прикрикнулъ на нее Егоръ Егорычъ.

— Да-съ, да,—произнесъ тихо и протяжно докторъ:—какъ бы я тогда съѣздилъ къ господину Ченцову и сблизилъ бы его съ дядей, такъ, можетъ, этого и не случилось бы!

— Дядя никакъ бы ужъ не остановилъ женской ревности!—возразила ему нѣсколько насмѣшливо gnädige Frau.

Вслѣдъ затѣмъ Мартынъ Степанычъ, утомленный дорогою, попросилъ у хозяевъ позволенія отправиться въ свою комнату.

— О, пожалуйста!—воскликнулъ Егоръ Егорычъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавилъ къ тому: — я пойду съ вами, мнѣ нужно два слова вамъ сказать.

Такимъ образомъ оба старика удалились въ комнату, которую всегда занималъ въ кузьмищевскомъ домѣ Мартынъ Степанычъ. Здѣсь Егоръ Егорычъ прямо началъ:

— При Сусаннѣ Николаевнѣ я не хотѣлъ говорить, чтобы не встревожить ея; но вотъ что мнѣ пришло въ голову: если племянникъ мой дѣйствительно стрѣлялъ въ жену свою, такъ это уголовщина!.. Это покушеніе на убійство!.. Дѣло должно объ этомъ начаться!..

— Никакого дѣла не будетъ, — сказалъ Мартынъ Степанычъ:— о томъ просила сама госпожа Ченцова... Губернаторъ объ этомъ при мнѣ лично разсказывалъ Ивану Петровичу.

— Спасибо еще и за то, что не хотѣла совсѣмъ погубить несчастнаго,—произнесъ съ горькой иронiей Егоръ Егорычъ:— но куда же онъ уѣхалъ отъ нея?

— Говорятъ, что въ Петербургъ.

Егоръ Егорычъ вдругъ какъ бы ожилъ.

— Если это такъ, — заговорилъ онъ съ сильнымъ волненiемъ:—такъ вотъ къ вамъ отъ меня не просьба, нѣтъ, а болѣе того, мольба: когда вы пріѣдете въ Петербургъ, то разузнайте адресъ Ченцова и пришлите мнѣ этотъ адресъ; кромѣ того, лично повидайте Ченцова и скажите, что я ему простилъ и прощаю все, и пусть онъ требуетъ отъ меня помощи, въ какой только нуждается!

— Не промедлю дня по пріѣздѣ исполнить ваше порученіе и обо всемъ васъ подробно увѣдомлю,—отвѣчалъ на это Пилецкій.

Распростившись послѣ того съ своимъ гостемъ и пожелавъ ему спокойной ночи, Егоръ Егорычъ не возвратился въ гостиную, а прошелъ въ свою комнату. Сусанна Николаевна, чуткимъ ухомъ услыхавшая его шаги, тоже оставила гостиную и прошла къ нему. По уходѣ ея gnädige Frau начала разспрашивать Аггея Никитича:

— Вы, вѣроятно, служите здѣсь гдѣ-нибудь?

— Я здѣшнiй губернскiй почтмейстеръ,—отвѣчалъ онъ.

— А!..—произнесла многозначительно gnädige Frau.

— И вы всегда по почтовой части служили?—спросилъ, съ своей стороны, Сверстовъ.

— Нѣтъ-съ, напротивъ, — отвергнулъ Аггей Никитичъ:—я до этого въ военной службѣ двадцать лѣтъ оттрубилъ.

— Что жъ васъ заставило покинуть военную службу?—проговорила съ нѣкоторымъ удивленiемъ gnädige Frau, всегда предпочитавшая военныхъ штатскимъ чиновникамъ, такъ какъ сихъ послѣднихъ она считала взяточниками.

— Какъ вамъ сказать, что заставило... многое!—отвѣчалъ неторопливо и соображающимъ тономъ Аггей Никитичъ.—Военная служба хороша, когда человѣкъ еще молодъ, любитъ бывать въ обществѣ и желаетъ нравиться дамамъ, а я ужъ

женатый... и поэтому, какъ говорится, ломоть отрѣзанный; но главнѣе всего-съ,—продолжалъ онъ все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ одушевленіемъ:—служа здѣсь, я нахожусь въ такомъ недальнемъ разстояніи отъ Егора Егорыча, что могу воспользоваться его бесѣдой, когда только онъ позволитъ мнѣ... А это для меня теперь, говорю вамъ, какъ передъ образомъ, дороже всего въ мірѣ.

При такомъ откровенномъ изліяніи Звѣревымъ своихъ чувствъ, докторъ и gnädige Frau переглянулись между собою и оба окончательно убѣдились, что Аггей Никитичъ въ самомъ дѣлѣ «ищущій» и искренно «ищущій». Gnädige Frau, впрочемъ, по своей точности хотѣла также довѣдаться, какъ собственно Егоръ Егорычъ понимаетъ этого ищущаго.

— Вы, можетъ-быть, и самое мѣсто въ почтамтѣ получили по рекомендаціи Егора Егорыча?—спросила она.

— Конечно, черезъ него!.. А то черезъ кого же?—воскликнулъ Аггей Никитичъ.—Словомъ-съ, онъ мой духовный и вещественный благодѣтель... Я даже не сумѣю вамъ передать, что́ со мной произошло передъ знакомствомъ моимъ съ Егоромъ Егорычемъ... Я еще прежде того имѣлъ счастье встрѣтить семейство Сусанны Николаевны, а потомъ ужъ увидѣлъ у нихъ Егора Егорыча, и мнѣ показалось, что я прежде ходилъ и влачился по землѣ между людьми обыкновенными, но тутъ вдругъ очутился на небѣ между святыми.

— Вы сохранили этотъ взглядъ до сей поры?—проговорила gnädige Frau.

— До самой могилы сохраню его,—отвѣтилъ Аггей Никитичъ:—и скажу даже больше того: вы и вашъ супругъ мнѣ тоже кажетесь такими; извините меня за откровенность: я солдатъ, и душа у меня всегда была нараспашку!

— Благодарю васъ за комплиментъ,—сказала gnädige Frau, нѣсколько потупляясь.

— Нѣтъ-съ, это не комплиментъ,—возразилъ съ настойчивостью Аггей Никитичъ.

— И я тоже думаю, что не комплиментъ, — подхватилъ Сверстовъ:—и прямо вамъ скажу, господинъ почтмейстеръ, вы не ошиблись: мы съ женой такіе же!

— И Пилецкій, должно-быть, такой же?—подхватилъ Аггей Никитичъ.

Gnädige Frau замедлила отвѣтомъ, но Сверстовъ, не задумавшись, рѣшилъ:

— Такой же!

— Но меня въ немъ одно удивляетъ, — продолжалъ Аггей Никитичъ: — онъ, ѣхавъ со мной сюда, разсказалъ мнѣ, что

есть дружескіе кружки какихъ-то скачущихъ, прыгающихъ, и я думаю, что онъ самъ былъ въ этомъ кружкѣ.

— Это galopants!—перевела gnädige Frau.

— Стало-быть, существуютъ такіе кружки?—спросилъ какъ бы все еще находившійся въ сомнѣніи Аггей Никитичъ.

— Существуютъ,—отвѣчалъ ему докторъ.

— А кто же выше по своему ученію: масоны или эти прыгающіе?—допытывался Аггей Никитичъ.

— Тѣ и другіе одно и то же, потому что мистики! — сказалъ докторъ.

Gnädige Frau при этомъ непріязненно усмѣхнулась.

— Есть, мнѣ кажется, между масонами и galopants большая разница, — возразила она:—масоновъ милліоны, а galopants, я думаю, какая-нибудь тысяча.

— Какая же тысяча, когда въ одной Россіи сколько хлыстовъ насчитывается!—возразилъ докторъ.

— Ахъ, пожалуйста, не ссылайся ты на всѣхъ этихъ вашихъ хлыстовъ, поповцевъ, безпоповцевъ!—заговорила съ явнымъ неудовольствіемъ и какъ бы забывъ свою сдержанность gnädige Frau. — Всѣ они русскіе плуты, мужики и больше ничего!

— Ну да, нѣмцы только хороши!—пробурчалъ больше себѣ подъ носъ Сверстовъ.

— Безъ сомнѣнія, нѣмцы!—пробурчала тоже и gnädige Frau.

Съ теченіемъ годовъ, какъ извѣстно, въ каждомъ человѣкѣ все болѣе и болѣе выясняется его главная сущность. Такъ случилось и со Сверстовыми. Несмотря на продолжающуюся между ними любовь, весьма часто обнаруживалось однако, что Сверстовъ былъ демократическій русскій мистикъ, а gnädige Frau лютеранская масонка, раціоналистка!

Аггей Никитичъ слушалъ споръ обоихъ супруговъ, какъ дикій скиѳъ, и, видя, что супруги почти разсердились другъ на друга, не позволилъ себѣ далѣе утруждать ихъ своими разспросами.

VIII.

На слѣдующій день были именины Егора Егорыча, но онѣ прошли въ Кузьмищевѣ очень тихо и печально. Любя праздновать день своего ангела съ нѣкоторою торжественностью, Егоръ Егорычъ дѣлалъ прежде для дворовыхъ и ближайшихъ крестьянъ своихъ пиръ съ водкой и пивомъ и одѣлялъ ихъ подарками, но нынѣшній разъ ничего этого не было. Егоръ Егорычъ даже къ обѣднѣ не пришелъ, а была только Сусанна

Николаевна съ пріѣхавшими гостями, Пилецкимъ и Звѣревымъ, и Сверстовы. Священникъ, отецъ Василій, при первомъ же своемъ выходѣ съ евангеліемъ изъ алтаря, замѣтилъ отсутствіе Егора Егорыча и съ явнымъ нетерпѣніемъ послалъ дьячка спросить Сусанну Николаевну, почему нѣтъ Егора Егорыча. Та отвѣтила причетнику, что Егоръ Егорычъ нездоровъ и проситъ отца Василія прійти къ нему тотчасъ послѣ обѣдни.

Услышавъ это, отецъ Василій очень затуманился: отъ здоровья и жизни Егора Егорыча зависѣло все его благосостояніе, какъ священника, состоявшаго на ругѣ, а потому онъ замѣтно сталъ спѣшить дослужить обѣдню. Сусанна Николаевна, впрочемъ, все-таки не достояла до конца и ушла послѣ «Вѣрую», а вскорѣ за ней ушли и Сверстовы, тоже, какъ видно, удивленные и обезпокоенные тѣмъ, что Егора Егорыча не было въ церкви. Такимъ образомъ, собственно изъ господъ только Мартынъ Степанычъ и Аггей Никитичъ дослушали обѣдню, по окончаніи которой они пошли вдвоемъ довольно медленной походкой, направляясь къ дому, при чемъ увидѣли, что отецъ Василій, въ своей лисьей шубѣ и бобровой шапкѣ, обогналъ ихъ быстрой походкой и даже едва отвѣтилъ на поклонъ Мартына Степаныча, видимо, куда-то спѣша.

— Куда это священникъ такъ спѣшитъ? — проговорилъ Аггей Никитичъ.

Мартынъ Степанычъ провелъ у себя при этомъ за ухомъ.

— Можетъ-быть, къ Егору Егорычу,—сказалъ онъ:—я былъ у него рано поутру и нашелъ его весьма разстроеннымъ.

— Чѣмъ? — спросилъ съ нѣкоторымъ испугомъ Аггей Никитичъ.

— Да, вѣроятно, тѣмъ извѣстіемъ о племянникѣ, которое я имѣлъ неосторожность ему сообщить... Этотъ неразсудительный Иванъ Петровичъ просилъ меня о томъ... Я, не подумавъ, согласился, и такъ мнѣ теперь это грустно и досадно на себя... Вмѣсто радости привезъ человѣку на именины горе великое...

— Что же это за такое большое горе! — возразилъ Аггей Никитичъ:—Ченцовъ не сынъ родной Егора Егорыча... Мало ли у кого племянники разводятся съ женами... Я такъ сужу по себѣ...

— То-то, что вы по себѣ не можете судить,—перебилъ его Мартынъ Степанычъ:—вы еще молоды, а на насъ, стариковъ, всѣ непріятности иначе дѣйствуютъ.

— Безъ сомнѣнія!—согласился Аггей Никитичъ, хотя все-таки оставался при убѣжденіи, что Егоръ Егорычъ не долженъ

ничѣмъ земнымъ волноваться, а думать только о масонствѣ, которое онъ такъ хорошо знаетъ.

На этой мысли онъ вошелъ съ Мартыномъ Степанычемъ въ домъ, и они снова увидали отца Василія, который, нѣсколько важно раскланиваясь съ встрѣчавшеюся ему прислугою, прошелъ въ комнату Егора Егорыча, куда войдя, поздравилъ именинника со днемъ ангела и, подавъ ему заздравную просфору, благословилъ его, при чемъ Егоръ Егорычъ поцѣловалъ у отца Василія руку и сказалъ ему своей обычной скороговоркой:

— Садитесь, отче!

Отче сѣлъ и, несмотря на свою совершенную отесанность, проговорилъ все-таки по-поповски:

— Прихворнули?

— Да,—отвѣчалъ Егоръ Егорычъ:—и вотъ поэтому я такъ и жаждалъ васъ скорѣй увидѣть!.. Сегодня ночью я думалъ, что живъ не останусь, а между тѣмъ на мнѣ лежитъ главнѣйшее дѣло моей жизни, не совершивъ котораго, я умру неспокойно!.. Я еще прежде вамъ говорилъ, что жена моя, по своимъ мыслямъ и по своимъ дѣйствіямъ, давно масонка!.. Но ни она ни я не желаемъ ограничиваться этимъ и хотимъ, чтобы она была принята въ ложу!..

Послѣднія слова Егора Егорыча, видимо, удивили и нѣсколько какъ бы встревожили отца Василія.

— Но гдѣ жъ нынѣ ложи?—спросилъ онъ.

— Ложъ нѣтъ, но есть масонство!—возразилъ ему Егоръ Егорычъ.

— И кромѣ сего, — продолжалъ отецъ Василій: — Сусанна Николаевна женщина...

— Женскихъ, или, лучше сказать, смѣшанныхъ ложъ было много!.. Спросите gnädige Frau: она была принята въ одну изъ ложъ!

— Она мнѣ говорила это,—сказалъ отецъ Василій:—но то было въ Ганноверѣ, а чтобы у насъ существовали смѣшанныя ложи, я что-то не помню...

— Были, но не подолгу существовали, потому что вкрадывалось распутство.

— Кромѣ того, тутъ, я полагаю, есть еще другое препятствіе, — продолжалъ возражать отецъ Василій:—какое мы изберемъ мѣсто для совершенія обряда принятія?

— Мѣсто для этого—ваша церковь и мой домъ!—объяснилъ, начавъ уже покрикивать, Егоръ Егорычъ.— Весь обрядъ долженъ будетъ произойти слѣдующимъ образомъ, — продолжалъ онъ, заранѣе, какъ видно, все уже обдумавши:—поручителемъ

Сусанны Николаевны будетъ Сверстовъ!.. Васъ я прошу, какъ человѣка умнаго и масона ученаго, быть ея ритором!.. Я же, какъ не лишенный до сихъ поръ званія великаго мастера, исполню обязанности того!..

— Это распредѣлить нетрудно, — произнесъ въ сильномъ раздумьѣ отецъ Василій:—но избранное вами мѣсто въ церкви я нахожу совершенно невозможнымъ... Если бы даже во время процвѣтанія масонства я допустилъ въ храмѣ, мною завѣдываемомъ, собраніе ложи, то и тогда бы меня по меньшей мѣрѣ что разстригли...

— Никакого у васъ собранія ложи не будетъ!—возглашалъ вполголоса Егоръ Егорычъ.—Вы меня не поняли!.. Что главнымъ образомъ нужно для принятія въ масонство?.. Испытаніе и объясненіе ищущему со стороны ритора!.. Положимъ, что Сусанна Николаевна въ ближайшій постъ пожелаетъ исповѣдаться,—возможно это?

— Почему жъ невозможно?!—отвѣтилъ отецъ Василій.

— Прекрасно, прекрасно!.. Больше ничего и не нужно!.. И вы исповѣдуйте ее, преподайте все, что слѣдуетъ ритору!..

— Безъ облаченія въ одежду масона? — пожелалъ узнать отецъ Василій.

— Безъ всякихъ масонскихъ одеждъ!.. Это нужно для начинающихъ, а Сусанна Николаевна, слава Богу, достаточный путь прошла: ей нуженъ внутренній смыслъ, а не символы!.. Вы испытайте ее какъ можно строже, и если она достойна будетъ принятія, удостовѣрьте это, а если нѣтъ, отвергните.

— Но остальная часть обряда гдѣ же совершится? — началъ-было отецъ Василій.

— У меня, въ моей комнатѣ... — перебилъ его Егоръ Егорычъ.—Я, въ присутствіи Сверстовыхъ, моего Антипа Ильича и вашемъ, возьму съ нея клятву, и мы внесемъ ея имя въ списокъ нашей ложи!

— Но чтобы люди ваши не разгласили этого!.. Вы знаете, какъ они любопытны и болтливы...

— Люди мои ничего и понять не могутъ!.. Они будутъ видѣть только, что мы сидимъ и разговариваемъ!.. Но если бы они и догадались что-нибудь, такъ развѣ пойдутъ на меня съ доносомъ?

— Ваши люди, конечно, къ вамъ привязаны... — проговорилъ отецъ Василій нерѣшительнымъ голосомъ и затѣмъ присовокупилъ:—вы извините меня, Егоръ Егорычъ, что я обнаруживаю такую непозволительную для масона трусость, но вамъ извѣстно, что я вынесъ за принадлежность мою къ масонству.

— Знаю и понимаю! — воскликнулъ Егоръ Егорычъ. — И неужели вы думаете, что я васъ захочу подвести подъ преслѣдованіе?.. Чтобы отвратить это, я и изобрѣтаю всякаго рода таинственность, и замаскированность; хотя скрытность въ масонствѣ мнѣ, по моему характеру всегда была противна, но что дѣлать?.. И Христосъ совершалъ тайную вечерю!

Выслушавъ Егора Егорыча, отецъ Василій замѣтилъ:

— Почему же бы и самое испытаніе Сусаннѣ Николаевнѣ сдѣлать мнѣ не у васъ въ домѣ?

Егоръ Егорычъ нахмурился.

— Это — желаніе самой Сусанны Николаевны: она высоко цѣнитъ наши храмы, въ которыхъ съ дѣтства молилась, и потому только въ церкви хочетъ сдѣлать первый шагъ ко вступленію въ новую область вѣрованія и какъ бы съ благословенія нашей церкви!.. Это—черта глубокая, не такъ ли?.. Мы принимаемъ всѣхъ, примемъ и Сусанну Николаевну, не стѣсняя нисколько ея вѣрованія!..

— Если такъ, то дѣйствительно надобно сдѣлать наставленіе и поученіе въ храмѣ,—сказалъ послѣ краткаго размышленія отецъ Василій.

— И сдѣлайте, не робѣйте!..—бормоталъ Егоръ Егорычъ:— возьмемъ самое дурное предположеніе, что васъ за совершеніе масонскаго обряда лишили бы вашего сана, то, вотъ вамъ Богъ порукой, я обезпечиваю васъ и вашу семью на всю вашу жизнь; вѣрите вы мнѣ?

— Безъ сомнѣнія, вѣрю!—проговорилъ съ просіявшимъ лицомъ отецъ Василій.—Когда существованіе семьи моей, хоть бы и маленькими средствами, будетъ обезпечено, то мнѣ, какъ масону, гнаться за іерархическими титулами не подобаетъ.

— Не подобаетъ, нѣтъ! — воскликнулъ Егоръ Егорычъ. — Итакъ, я могу на васъ разсчитывать?

— Вполнѣ! — отвѣтилъ отецъ Василій и сталъ прощаться съ Егоромъ Егорычемъ.

— Отобѣдали бы вы у меня, тамъ есть и другіе гости! — сказалъ тотъ.

— Нѣтъ, мнѣ надобно еще съ требой ѣхать! — объяснилъ отецъ Василій и, не заходя къ Сусаннѣ Николаевнѣ, отправился домой.

Собственно говоря, я, какъ авторъ, не думаю, чтобы сей весьма просвѣщенный, способный и честолюбивый служитель алтаря былъ въ корень искреннимъ масономъ. Все зависѣло отъ духа времени, въ которое отецъ Василій выступилъ на свое священническое служеніе. Это было какъ разъ въ пятнадца-

томъ году, когда масонство было въ періодѣ своего сильнаго процвѣтанія. Всѣ почти богатые и знатные дворяне были, хоть и внѣшнимъ образомъ, но масоны; даже многіе архіереи, если не прямо, то косвенно склонялись къ масонству. Мудрено ли послѣ того, что молодой баккалавръ схватился за масонство, изучилъ его, а потомъ вскорѣ же былъ назначенъ священникомъ въ Москву въ одинъ изъ богатѣйшихъ и обильнѣйшихъ дворянствомъ приходовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ принятъ въ ложу ищущихъ манны, гдѣ, конечно ужъ, лучше всѣхъ, вѣроятно, знакомый съ мистической философіей и пріученный еще съ школьнической скамейки къ риторическому краснорѣчію, онъ сталъ произносить въ собраніяхъ ложи рѣчи, исполненныя энергіи и учености. Такъ дѣло шло до начала двадцатыхъ годовъ, съ наступленіемъ которыхъ, какъ я уже сказалъ и прежде, надъ масонствомъ стали разражаться ударъ за ударомъ, изъ числа которыхъ одинъ упалъ и на голову отца Василія, какъ самаго выдающагося масона изъ духовныхъ лицъ: изъ богатаго московскаго прихода онъ былъ переведенъ въ сельскую церковь. Отецъ Василій палъ духомъ и сталъ пить. Совершенная погибель его была почти несомнѣнна: его часто видали, какъ онъ съ растрепанными волосами, въ одной рубахѣ, босикомъ крался по заднимъ огородамъ въ кабакъ, чтобы затушить и успокоить свое похмелье; ходя съ крестомъ по деревнямъ, онъ до такой степени напивался, что не могъ уже стоять на ногахъ, и его обыкновенно крестьяне привозили домой въ своихъ почти навозныхъ телѣгахъ. Но тутъ къ нему явился ангелъ-спаситель въ лицѣ Егора Егорыча, который взялъ его къ себѣ въ Кузьмищево на ругу, гдѣ окружилъ его довольствомъ и почетомъ. Отецъ Василій сразу же пересталъ пить и началъ заниматься сочиненіемъ исторіи масонства въ Россіи.

Въ гостиной тѣмъ временемъ тоже происходило своего рода совѣщаніе между Сусанной Николаевной, Мартыномъ Степанычемъ и Аггеемъ Никитичемъ.

Та, выйдя изъ комнаты мужа, поспѣшила къ гостямъ, и Мартынъ Степанычъ прямо ей сказалъ:

— Сусанна Николаевна, послѣ принесеннаго мною непріятнаго извѣстія Егору Егорычу, вамъ, конечно, ужъ не до насъ, а потому не разрѣшите ли вы намъ сейчасъ же уѣхать?

— Ахъ, нѣтъ, зачѣмъ же? — возразила-было Сусанна Николаевна.

— Затѣмъ, что намъ слѣдуетъ это сдѣлать... Егоръ Егорычъ поручилъ мнѣ разузнать въ Петербургѣ о нѣжнолюби-

момъ имъ племянникѣ, и чѣмъ я скорѣе это сдѣлаю, тѣмъ скорѣе его успокою...

— Но я не знаю, что̀ скажетъ на это Егоръ Егорычъ, — объяснила нерѣшительнымъ тономъ Сусанна Николаевна.

— Онъ ничего не скажетъ противъ этого, онъ пойметъ мое желаніе,—убѣждалъ ее Мартынъ Степанычъ.

Въ это время Сусанна Николаевна опять тоже своимъ чуткимъ ухомъ услыхала, что отецъ Василій вышелъ отъ Егора Егорыча и, должно-быть, совсѣмъ ушелъ.

— Вотъ я спрошу мужа, — проговорила она и, проворно войдя къ тому, сказала:

— Мартынъ Степанычъ, видя, что ты такъ разстроенъ, и желая тебя успокоить скорѣе, хочетъ сегодня уѣхать въ Петербургъ.

— Нисколько я не разстроенъ, нисколько!—заперся Егоръ Егорычъ. — Попросите ко мнѣ Мартына Степаныча, а также и Аггея Никитича.

Сусанна Николаевна позвала того и другого.

Мартынъ Степанычъ вошелъ первый и произнесъ своимъ вкрадчивымъ голосомъ:

— Милый другъ, позвольте мнѣ поправить мою погрѣшность, что я такъ неосторожно разсказалъ вамъ о племянникѣ, который, можетъ-быть, нисколько не виноватъ, и не удерживайте меня отъ немедленнаго отъѣзда въ Петербургъ.

— Поѣзжайте, благодарю, благодарю! — бормоталъ Егоръ Егорычъ.

У обоихъ стариковъ при этомъ навернулись слезы.

— Позвольте и мнѣ тоже проститься съ вами,—произнесъ печальнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какимъ-то дикимъ голосомъ Аггей Никитичъ: онъ никакъ не ожидалъ, что такъ скоро придется ему уѣхать изъ Кузьмищева.

— Вы-то зачѣмъ уѣзжаете?.. Вы оставайтесь!..—пробормоталъ ему Егоръ Егорычъ.

Аггей Никитичъ ужъ и расцвѣлъ, готовый хоть на недѣлю еще остаться, но Мартынъ Степанычъ покачалъ ему укоризненно головой, давая тѣмъ знать, что нельзя гостить, когда хозяевамъ вовсе не до гостей. Аггей Никитичъ понялъ это.

— Нѣтъ, разрѣшите и мнѣ, я ихъ долженъ довезти!—проговорилъ онъ, показывая на Мартына Степаныча: — но позвольте мнѣ, когда я назадъ поѣду черезъ мѣсяцъ, заѣхать къ вамъ.

— Непремѣнно, непремѣнно!—затараторилъ Егоръ Егорычъ и съ чувствомъ расцѣловался съ Аггеемъ Никитичемъ, который совершенно ожилъ отъ одной мысли, что онъ черезъ не-

продолжительное время снова можетъ пріѣхать въ Кузьмищево.

Сусанна Николаевна никакъ однако не хотѣла пустить гостей безъ обѣда и только попросила gnädige Frau, чтобы поскорѣй накрыли столъ. Та этимъ распорядилась, и черезъ какіе нибудь полчаса хозяйка, гости ея и Сверстовы сидѣли уже за именинной трапезой, за которую самъ именинникъ, ссылаясь на нездоровье, не вышелъ.

По окончаніи обѣда, Мартынъ Степанычъ и Аггей Никитичъ сейчасъ же отправились въ путь. Проѣхать имъ вмѣстѣ приходилось всего только верстъ пятнадцать до перваго уѣзднаго города, откуда Пилецкій долженъ былъ направиться по петербургскому тракту, а Аггей Никитичъ остаться въ самомъ городѣ для обревизованія почтовой конторы. Но, какъ ни кратко было время этого переѣзда, Аггей Никитичъ, томимый жаждой просвѣщенія, рѣшился воспользоваться случаемъ и снова заговорилъ съ Мартыномъ Степанычемъ о трактатѣ Марѳина.

— Я сочиненіе Егора Егорыча о самовоспитаніи,—началъ онъ:—вчера ночью снова прочиталъ и очень благодаренъ вамъ за ваши наставленія; я гораздо въ немъ болѣе прежняго понялъ, и мнѣ теперь очень любопытно одно: кто такой господинъ Бемъ, о которомъ тамъ тоже часто упоминается?.. Философъ онъ, вѣроятно?

У Мартына Степаныча пробѣжала на губахъ небольшая усмѣшка.

— Философъ, и даже можно его назвать родоначальникомъ мистическаго ученія.

— А, вотъ онъ кто!—произнесъ съ уваженіемъ Аггей Никитичъ.—Но кто онъ родомъ, не изъ русскихъ?

Мартынъ Степанычъ опять незамѣтно улыбнулся.

— Нѣтъ, тевтонъ, германецъ изъ Герлица, и главнымъ образомъ въ немъ великаго удивленія достойно то, что онъ, будучи простымъ крестьяниномъ и пася въ полѣ стада отца своего, почти еще ребенкомъ имѣлъ видѣнія.

— Но все-таки онъ учился потомъ?—спросилъ Аггей Никитичъ.

— Учился, конечно, въ деревенской школѣ читать и писать, послѣ чего поступилъ въ ученье къ сапожному мастеру.

— Но какъ же однако онъ вдругъ сдѣлался философомъ?

— А такъ, самъ собою,—объяснилъ съ полуулыбочкой Мартынъ Степанычъ:—захотѣлъ да и сдѣлался за свою кроткую и богомольную жизнь философомъ, и, какъ опредѣляютъ нѣкоторые изъ его современниковъ, проповѣдь его состояла

не въ научныхъ словесѣхъ человѣческихъ, а въ явленіяхъ духа и силы, ниспосылаемыхъ ему свыше.

— А когда и давно ли онъ жилъ? Можетъ-быть, въ одно время съ апостолами?—проговорилъ Аггей Никитичъ.

— Нѣтъ, позднѣе! — продолжалъ съ прежнимъ слегка насмѣшливымъ выраженіемъ въ лицѣ Мартынъ Степанычъ. — Онъ жилъ въ XVI-мъ столѣтіи, но, подобно тѣмъ, несмотря на свои матеріальные труды, былъ введенъ въ такую высокую, людьми отвергаемую школу Святого Духа, что почти постоянно былъ посѣщаемъ видѣніями, гласами и божественнымъ просвѣщеніемъ. Характерный въ отношеніи этомъ случай разсказываютъ про Бема. Однажды онъ послѣ продолжительнаго мистическаго бодрствованія, чтобы разсѣять себя, вышелъ изъ дому и направился въ поле, гдѣ почувствовалъ, что чѣмъ далѣе онъ идетъ, тѣмъ проницательнѣе становится его умственный взоръ, тѣмъ понятнѣе ему дѣлаются всѣ видимыя вещи, такъ что по однимъ очертаніямъ и краскамъ оныхъ онъ началъ узнавать ихъ внутреннее бытіе. Словомъ, чтобы точнѣе опредѣлить его душевное состояніе, выражусь стихами поэта: «И внялъ онъ неба содроганье, и горнихъ ангеловъ полетъ, и гадъ земныхъ подводный ходъ, и дольней лозы прозябанье!». Точно въ такой же почти сверхъестественной власти у Бема были и языки иностранные, изъ которыхъ онъ не зналъ ни единаго; несмотря на то однако, какъ утверждалъ другъ его Кольберъ, Бемъ понималъ многое, когда при немъ говорили на какомъ-нибудь чужомъ языкѣ, и понималъ именно потому, что ему хорошо извѣстенъ былъ языкъ натуры. Желая, напримѣръ, открыть сущность какой-нибудь вещи, онъ часто спрашивалъ, какъ она называется на языкѣ еврейскомъ, какъ ближайшемъ къ языку натуры, и если сего названія не знали, вопрошалъ о греческомъ имени, а если и того не могли ему сказать, то спрашивалъ уже о латинскомъ словѣ, и когда ему нарочно сказывали не настоящее имя вещи, то Бемъ по наружнымъ признакамъ угадывалъ, что имя этой вещи не таково.

Слушая все это, Аггей Никитичъ невольно впадалъ въ зависть отъ мысли, что совершенно необразованный человѣкъ могъ понимать такіе возвышенные предметы.

— И Бемъ написалъ много сочиненій?—спросилъ онъ.

— Много, которыя еще во время жизни его были переводимы и извѣстны въ Голландіи и въ Англіи...

— А въ Германіи онъ, я думаю, гремѣлъ?.. —воскликнулъ Аггей Никитичъ.

— Извѣстность его, кажется, была велика и на родинѣ, но,

по изреченію: «не славенъ пророкъ въ отечествѣ своемъ», тамъ же терпѣлъ онъ и гоненія.

— Отъ кого?—спросилъ съ гнѣвомъ въ голосѣ Аггей Никитичъ.

— Конечно, отъ духовенства! Господинъ оберъ-пасторъ города Герлица Рихтеръ возсталъ на сочиненіе Бема, называемое «Аврора», за то, что книга эта стяжала похвалы, а между тѣмъ она была написана простымъ сапожникомъ и о предметахъ непонятныхъ даже людямъ ученымъ, значитъ, толковала о нелѣпостяхъ, отвергаемыхъ здравымъ смысломъ, и господинъ пасторъ преслѣдованіе свое довелъ то того, что Бемъ былъ позванъ на судъ въ магистратъ, книга была у него отобрана, и ему запрещено было писать; но, разумѣется, хоть и смиренный, но въ то же время боговдохновляемый Бемъ недолго повиновался тому. Тогда пасторъ настоялъ, чтобы граждане Герлица изгнали Бема изъ его родного города.

— Ахъ, онъ, негодяй!—воскликнулъ Аггей Никитичъ.—Но въ Польшѣ, скажите, Бемъ былъ уважаемъ?—добавилъ онъ, желая знать, какъ понимали Бема до сихъ поръ еще любезные сердцу Аггея Никитича польки и поляки.

— Не думаю! — отвѣчалъ Мартынъ Степанычъ: — поляки слишкомъ искренніе католики, хотя надо сказать, что во Франціи, тоже странѣ католической, Бемъ нашелъ себѣ самаго горячаго послѣдователя и самаго даровитаго истолкователя своего ученія,—говорю о Сенъ-Мартенѣ.

Аггей Никитичъ, не желая прерывать Мартына Степаныча, притворился, что онъ знаетъ, кто такой Сенъ-Мартенъ, а между тѣмъ сильно навострилъ уши, чтобы не проронить ни одного слова изъ того, что̀ говорилъ Пилецкій.

— И этотъ Сенъ-Мартенъ, — продолжалъ тотъ: — вотъ что̀, между прочимъ, сказалъ: что если кто почерпнулъ познанія у Бема, считаемаго мудрецами міра сего за сумасшедшаго, то пусть и не раскрываетъ никакихъ другихъ сочиненій, ибо у Бема есть все, что̀ человѣку нужно знать!

— Сенъ-Мартенъ также, вѣроятно, былъ изъ мужиковъ? — замѣтилъ Аггей Никитичъ.

— Напротивъ, онъ былъ весьма просвѣщенный офицеръ, спиритуалистъ по натурѣ, вѣрившій въ предчувствія, въ сомнамбулизмъ, склонный къ теозофіи и мистицизму. Вступивъ въ масонскую ложу въ Бордо, Сенъ-Мартенъ собственно и положилъ основаніе ученію мартинистовъ.

— И что̀ же, ученіе это очень важное? — какъ бы гудѣлъ уже своимъ голосомъ Аггей Никитичъ.

— Въ Европѣ не утверждаю, чтобы оно было знаменательно,

но у насъ — да! — оно если не обширно, то весьма прочно распространилось, что̀ доказывается тѣмъ, что всѣ московскіе масоны — мартинисты!

— И Егоръ Егорычъ поэтому мартинистъ? — прогудѣлъ Аггей Никитичъ.

— И онъ, хотя въ молодости своей, сколько мнѣ это извѣстно, былъ розенкрейцеръ, но потомъ, послѣ знакомства своего съ ученіемъ православныхъ аскетовъ, онъ перешелъ къ мартинистамъ.

На этомъ мѣстѣ разговоръ по необходимости долженъ былъ прерваться, потому что мои путники въѣхали въ городъ и были прямо подвезены къ почтовой станціи, гдѣ Аггей Никитичъ думалъ-было угостить Мартына Степаныча чайкомъ, ужиномъ, чтобы съ нимъ еще побесѣдовать; но Пилецкій рѣшительно воспротивился тому и, объяснивъ снова, что онъ спѣшитъ въ Петербургъ для успокоенія Егора Егорыча, просилъ объ одномъ, чтобы ему дали скорѣе лошадей, которыя, вслѣдъ за громогласнымъ приказаніемъ Аггея Никитича: «Лошадей, тройку!», мгновенно же были заложены, и Мартынъ Степанычъ отправился въ свой неблизкій вояжъ, а Аггей Никитичъ, забывъ о существованіи всевозможныхъ конторъ и о томъ, что ихъ слѣдуетъ ревизовать, прилегъ на постель, дабы сообразить все слышанное имъ отъ Пилецкаго; но это ему не удалось, потому что дверь почтовой станціи осторожно отворилась, и предъ очи своего начальника предсталъ уѣздный почтмейстеръ въ мундирѣ и съ лицомъ крайне оробѣлымъ.

— Ваше высокородіе, Аггей Никитичъ, — произнесъ онъ, держа руки по швамъ: — не окажете ли мнѣ благодѣяніе остановиться не здѣсь, а у меня въ домѣ?

Почтмейстеръ этотъ выслужился изъ почтальоновъ.

— Нѣтъ-съ, это будетъ неблаговидно, — отвѣчалъ ему рѣзко Аггей Никитичъ, поднимаясь съ постели.

Почтмейстеръ еще болѣе оробѣлъ.

— Прошу васъ! — добавилъ Аггей Никитичъ, помѣщаясь на стулъ возлѣ стола и движеніемъ руки приглашая то же сдѣлать и почтмейстера.

Тотъ сѣлъ; руки у него при этомъ ходили ходенемъ, да и немудрено: Аггей Никитичъ, раздосадованный тѣмъ, что былъ прерванъ въ своихъ размышленіяхъ о Бемѣ, представлялъ собою весьма грозную фигуру. Несмотря на то, однако, робкій почтмейстеръ, что̀ бы тамъ ни произошло изъ того, рѣшился прибѣгнуть къ средству, которое по большей части укрощаетъ начальствующихъ лицъ и дѣлаетъ ихъ болѣе добрыми.

— Контора у меня здѣсь маленькая и совершенно безвы-

годная, — началъ онъ: — но, считая себя виноватымъ, что не пріѣхалъ къ вамъ въ губернскій городъ представиться, и какъ супруга ваша справедливо мнѣ приказывала черезъ почтальона, что она и вы очень обижаетесь, что всѣ мы, почтмейстера, точно будто бы знать не хотимъ своего начальника, но видитъ Создатель, что это я по робости моей сдѣлалъ и что я готовъ съ полнымъ моимъ удовольствіемъ исполнить всегда, что слѣдуетъ... — И, не объясняя болѣе, почтмейстеръ выложилъ затѣмъ на столъ сто рублей.

Что произошло при этомъ съ Аггеемъ Никитичемъ, описать невозможно, и его главнымъ образомъ точно кнутомъ хлестнули по уху слова почтмейстера: «супруга ваша приказывала съ почтальономъ».

Въ первыя минуты онъ сообразилъ только отшвырнуть отъ себя деньги и проговорилъ со спазмами въ голосѣ:

— Возьмите это назадъ и не смѣйте никогда обращаться ко мнѣ съ такими приношеніями!.. Я человѣкъ военный, а не...

Почтмейстеръ однако не бралъ денегъ, предполагая, что, можетъ-быть, онъ мало преподнесъ начальнику.

— Берите, говорятъ вамъ, ваши деньги назадъ! — проревѣлъ Аггей Никитичъ, ударивъ кулакомъ по столу, такъ что столъ раскололся.

Почтмейстеръ схватилъ деньги и кое-какъ засунулъ ихъ себѣ за бортъ мундира.

Къ довершенію этой сцены, дверь почтовой станціи снова отворилась, и показался господинъ весьма приличной наружности, должно-быть, изъ отставныхъ военныхъ.

— Кто вы такой? — спросилъ его тѣмъ же грознымъ тономъ не помнившій себя отъ гнѣва Аггей Никитичъ.

— Я-съ помѣщикъ здѣшній и содержатель нѣсколькихъ почтовыхъ станцій! — отвѣчалъ тотъ ему, не сконфузясь.

— Но что вамъ угодно? — продолжалъ Аггей Никитичъ.

— Мнѣ угодно объясниться съ вами, — отвѣчалъ помѣщикъ, садясь безъ приглашенія хозяина на стулъ: — супруга ваша поручала одному моему ямщику передать моему почтовому старостѣ, что вы недовольны той платой, которую мы, почтосодержатели, платили прежнему господину почтмейстеру, т.-е. по десяти рублей съ дуги, и желаете получать по пятнадцати! Плата такая, говорю вамъ откровенно, будетъ для всѣхъ насъ обременительна!..

Аггей Никитичъ окончательно былъ пришибленъ тѣмъ, что услышалъ, и могъ только, трагически захохотавъ, проговорить:

— Все это, господа, одно вранье вашихъ почтальоновъ и ямщиковъ. Повѣрьте, я служу изъ чести, и мнѣ не нужно ни

отъ васъ, — обратился онъ къ почтмейстеру: — ни отъ васъ, господинъ почтосодержатель, ни десяти, ни двадцати рублей, ни даже ста тысячъ, и потому прошу васъ удалиться и оставить меня!

Почтмейстеръ и почтосодержатель переглянулись между собой послѣ того и, кажется, одновременно подумали, что господинъ губернскій почтмейстеръ, должно-быть, былъ сильно выпивши, что̀ отчасти подтверждалось и тѣмъ, что Аггей Никитичъ былъ красенъ въ лицѣ, какъ вареный ракъ; но, какъ бы ни было, они раскланялись съ нимъ и ушли. Аггей же Никитичъ позвалъ къ себѣ почтоваго смотрителя и велѣлъ ему подать себѣ самой холодной воды. Смотритель принесъ ему таковой цѣлый ковшъ. Аггей Никитичъ сталъ въ этой водѣ намачивать свой носовой платокъ и класть его, какъ компрессъ, на голову. Смотритель ушелъ отъ него тоже, кажется, съ увѣренностью, что господинъ губернскій почтмейстеръ былъ маленько въ загулѣ, и что это теперь у него голова болитъ.

Аггей Никитичъ, оставшись одинъ, проговорилъ самъ съ собой:

— Супруга моя—вотъ какова у меня оказалась! Вотъ она какая!.. Людмила Николаевна не была бы, я думаю, такая!

IX.

Совершить пріемъ Сусанны Николаевны въ ложу между моими кузьмищевскими масонами положено было въ половинѣ Филипповскаго поста, и посвященіе это произошло гораздо торжественнѣе, чѣмъ предполагалось. Часовъ въ десять вечера въ одну изъ субботъ Сусанна Николаевна должна была доѣхать на лошади, заложенной въ одиночку, вмѣстѣ съ своимъ поручителемъ, Сверстовымъ, до церкви, отстоящей отъ дому, по крайней мѣрѣ, въ полуверстѣ. Однако, сойдя съ лѣстницы, Сусанна Николаевна объявила рѣшительнымъ голосомъ, что она желаетъ итти пѣшкомъ.

— Но посмотрите, какая вьюга и темь! — возразилъ-было ей Сверстовъ.

— Это и хорошо, пойдемте! — настаивала Сусанна Николаевна и пошла.

Докторъ послѣдовалъ за ней.

Вьюга дѣйствительно была сильна. Сверстовъ, здоровый и крѣпкій еще мужчина, чувствовалъ, что вѣтеръ чуть не сшибалъ его съ ногъ, колючій снѣгъ слѣпилъ ему глаза. Онъ хотѣлъ-было, по крайней мѣрѣ, подать Сусаннѣ Николаевнѣ руку; но она и отъ того отказалась, проговоривъ кроткимъ голосомъ:

— Вы мой поручитель, но не путеводитель.

Сверстовъ почесалъ у себя въ затылкѣ. «Ну, у этого прелестнаго существа, кромѣ бодраго духа, и ножки крѣпкія»,— подумалъ онъ и въ этомъ еще болѣе убѣдился, когда Сусанна Николаевна на церковномъ погостѣ, съ его виднѣющимися повсюду черными деревянными крестами, посреди коихъ высились два бѣлые мраморные мавзолея, стоявшіе надъ могилами отца и матери Егора Егорыча, вдругъ повернула и прямо по сумету подошла къ этимъ мавзолеямъ и, перекрестившись, наклонилась передъ ними до земли, а потомъ быстро пошла къ церкви, такъ что Сверстовъ едва успѣлъ ее опередить, чтобы отпереть церковную дверь, ключъ отъ которой ему еще поутру принесъ отецъ Василій. Внутри храма было почти совсѣмъ темно. Свѣтились всего только три или четыре краснаго стекла лампадки передъ мѣстными иконами. Сверстову, опять-таки повторяю, человѣку вовсе не слабонервному, сдѣлалось если не страшно, то какъ-то непріятно.

— Вы, конечно, помолитесь, пока придетъ отецъ Василій,— сказалъ онъ, торопливо пододвигая Сусаннѣ Николаевнѣ стулъ, на который она и опустилась.

— Да,—проговорила она:—но я еще прежде должна остаться одна въ церкви, и вы пока уйдите отсюда совсѣмъ!

— Но, Сусанна Николаевна...—началъ-было Сверстовъ.

— Мнѣ бы теперь,—продолжала она, не слушая его:—слѣдовало по ритуалу имѣть повязку на глазахъ; но я не хочу того. Уйдите, Сверстовъ!

Сусанна Николаевна съ умысломъ пожелала не имѣть повязки на глазахъ, потому что остаться съ открытыми глазами въ полутемномъ храмѣ было, какъ ей думалось, страшнѣе; а она этого именно и желала, чтобы испытать свою волю. Сверстовъ не ушелъ, впрочемъ, совсѣмъ изъ церкви, а удалился только ко входнымъ дверямъ ея. Сусанна Николаевна услышала это и повторила ему еще разъ и недовольнымъ голосомъ:

— Уйдите, Сверстовъ!

Докторъ, дѣлать нечего, повиновался ей и проворно пошелъ къ священнику, чтобы тотъ, по крайней мѣрѣ, шелъ скорѣе къ Сусаннѣ Николаевнѣ. Онъ это весьма благоразумно сдѣлалъ, ибо едва только Сусанна Николаевна осталась одна въ храмѣ, какъ одушевлявшая ее энергія не то что оставила ее, но превратилась въ какой-то трепетъ во всемъ тѣлѣ. Сусанна Николаевна чувствовала, что у нея вся кровь бросилась въ голову. Сначала она держала глаза потупленными внизъ, боясь на что-нибудь окружающее взглянуть; потомъ подняла ихъ

вверхъ, и ей сразу же представилось, что въ туманной высотѣ церковнаго свода летаютъ какія-то блѣдныя крылатыя существа, которыхъ она приняла за ангеловъ. Сусанна Николаевна опустила глаза внизъ, на мѣстныя иконы иконостаса, но тутъ она почти въявь увидѣла, что Божія Матерь во имя всѣхъ скорбящихъ, написанная во весь ростъ, въ коронѣ и со скипетромъ, движется и какъ бы идетъ къ ней; что Христосъ на крестѣ поднялъ Свою склоненную голову и обратилъ на нее кроткій взглядъ Свой. Сусанна Николаевна взглянула затѣмъ на темныя церковныя окна, гдѣ ей тоже мѣстами показались, хотя довольно блѣдныя, но уже огненныя и злыя лица, которыхъ Сусанна Николаевна сочла за дьяволовъ и которыя были, вѣроятно, не что иное, какъ отблескъ въ стеклахъ отъ свѣтящихся лампадокъ. Словомъ, съ Сусанной Николаевной происходилъ припадокъ религіозной галлюцинаціи, къ которой она была съ дѣтства наклонна, и хорошо еще, что въ это время довольно шумно вошли въ церковь отецъ Василій и Сверстовъ. Послѣдній прямо подошелъ къ Сусаннѣ Николаевнѣ, взялъ ее за руку и, пощупавъ пульсъ, проговорилъ:

— Ну, что?.. Ничего?..

— Ничего,—отвѣтила Сусанна Николаевна тихимъ голосомъ.

— Поспѣшите отпустить ее изъ церкви, у нея пульсъ билъ по полуторасту разъ въ минуту,—шепнулъ докторъ отцу Василію.

— Богъ милостивъ, все совершится благополучно, — отвѣтилъ ему тотъ тоже шопотомъ.

Сверстовъ ушелъ изъ церкви, но все-таки сѣлъ на паперти изъ опасенія, чтобы не случилось чего съ прелестнымъ существомъ.

Отецъ Василій, оставшись вдвоемъ съ Сусанной Николаевной, прежде всего сказалъ ей:

— Крѣпитесь, Богъ за васъ!

— Я крѣплюсь,—проговорила Сусанна Николаевна.

Отецъ Василій послѣ того, засвѣтивъ восковую свѣчку, прошелъ за стоявшія въ одномъ изъ церковныхъ угловъ исповѣдальныя ширмы, гдѣ что-то такое покопошился, и потомъ, выглянувъ изъ-за ширмъ, сказалъ Сусаннѣ Николаевнѣ:

— Пожалуйте сюда!

Она вошла и увидала отца Василія не въ епитрахили, какъ обыкновенно священники бываютъ на исповѣди, но въ бѣломъ запонѣ и съ орденомъ на груди. Несмотря на свою осторожность, отецъ Василій не выдержалъ и облекся въ масонскіе доспѣхи, чѣмъ чрезвычайно осталась довольна Сусанна Николаевна, и когда онъ благословилъ ее, то она съ горячимъ чувствомъ поцѣловала его руку.

— Станьте вотъ тутъ, противъ налоя! — сказалъ ей отецъ Василій.

Сусанна Николаевна встала. На налоѣ этомъ были положены: черепъ, берцовыя кости, жестяная вѣтка акаціи и раскрытая библія.

Облокотившись и наклонившись нѣсколько на налой, отецъ Василій началъ говорить:

— Какъ христіанку, я, будучи отцомъ вашимъ духовнымъ, знаю васъ и стану съ вами бесѣдовать, какъ со страждущей и ищущей. Егоръ Егорычъ, можетъ-быть, говорилъ вамъ о краеугольномъ камнѣ, на коемъ основанъ и утвержденъ нашъ орденъ...

— Говорилъ,—отвѣчала тихо Сусанна Николаевна:—это—храненіе нѣкоторыхъ важныхъ тайнъ.

Отецъ Василій истовымъ наклоненіемъ головы одобрилъ сказанное ею.

— И потому цѣль каждаго масона?.. — протянулъ онъ нѣсколько свой вопросъ.

— Въ познаніи и сохраненіи этихъ тайнъ,—проговорила Сусанна Николаевна. — Но въ чемъ состоятъ онѣ, Егоръ Егорычъ мнѣ не открылъ,—присовокупила она.

— Онъ и не могъ ихъ вамъ открыть, — замѣтилъ отецъ Василій, нѣсколько потупляя свои глаза.—Я тоже, хоть и риторъ вашъ, но имѣю право объяснить вамъ лишь одно, что онѣ исходятъ издревле, изъ первозданнаго рая, который до грѣхопаденія человѣка былъ озаряемъ совершенно инымъ свѣтомъ, чѣмъ нынѣ мы озаряемы, и при свѣтѣ этомъ человѣку были вѣдомы вся тварная природа, онъ самъ и бытіе Бога; послѣ же склоненія человѣка къ своей тѣлесной природѣ свѣтъ этотъ померкъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ утратилъ и свои познанія; но милосердый Богъ не оскудѣлъ совсѣмъ для него въ Своей благости. Онъ по временамъ возжигалъ сей райскій лучъ въ умахъ и сердцахъ людей, имъ излюбленныхъ. Такъ, этотъ свѣтъ нисходилъ на Ноя, на нѣкоторыхъ патріарховъ, на Іосифа-пустынножителя, положившаго въ сооруженномъ имъ мемфисскомъ храмѣ смарагдовую таблицу съ начертаніемъ въ ней основаній символическаго ученія о высшемъ таинствѣ; хранилось потомъ это ученіе у маговъ и, переходя путемъ преемства, хранится оно и у масоновъ.

— Неужели оно можетъ быть открыто и мнѣ? — спросила съ трепетомъ въ голосѣ Сусанна Николаевна.

— Какъ и всякому масону, если вы долговременнымъ и прилежнымъ очищеніемъ себя пріуготовитесь къ тому. Орденъ нашъ можно уподобить благоустроенному воинству, гдѣ каждый

по мѣрѣ усердія и ревности восходитъ отъ низшихъ къ высшимъ степенямъ. Начальники знаютъ расположеніе и тайну войны, но простые воины обязаны токмо повиноваться, а потому число хранителей тайны въ нашемъ орденѣ было всегда невелико.

— А вы, отецъ Василій, и мужъ мой знаете ужъ эту тайну?—спросила наивно Сусанна Николаевна.

Отецъ Василій при этомъ нѣсколько смутился, но постарался улыбнуться.

— На этотъ вопросъ вамъ можно будетъ отвѣтить, когда вы сами удостоитесь узнать хотя часть этихъ тайнъ, а теперь могу вамъ объяснить одно, что я и тѣмъ болѣе Егоръ Егорычъ, какъ люди давно подвизающіеся въ масонствѣ, способны и имѣемъ главной для себя цѣлью исправлять сердца ищущихъ, очищать и просвѣщать ихъ разумъ тѣми средствами, которыя намъ открыты, въ свою очередь, нашими предшественниками, тоже потрудившимися въ исканіи сего таинства.

— Но какія это средства, святой отецъ? — спросила Сусанна Николаевна, возведшая уже отца Василія въ святые.

— Средства эти начертаны въ катехизисѣ и вообще въ правилахъ масонскихъ, которыя я вамъ передамъ вкратцѣ, и прошу только запомнить ихъ. Первое: вы должны быть скромны и молчаливы, аки рыба, въ отношеніи нашихъ обрядовъ, образа правленія и всего того, что будутъ постепенно вамъ открывать ваши наставники; второе: вы должны дать согласіе на полное повиновеніе, безъ котораго не можетъ существовать никакое общество, ни тайное ни явное; третье: вамъ необходимо вести добродѣтельную жизнь, чтобы, кромѣ исправленія собственной души, примѣромъ своимъ исправлять и другихъ, внѣ нашего общества находящихся людей; четвертое: да будете вы тверды, мужественны, ибо человѣкъ только этими качествами можетъ съ успѣхомъ противодѣйствовать злу; пятое правило предписываетъ добродѣтель, каковою, кажется, вы уже владѣете, это—щедрость; но только старайтесь наблюдать за собой, чтобы эта щедрость проистекала не изъ тщеславія, а изъ чистаго желанія помочь истинно-бѣдному; и наконецъ шестое правило обязываетъ масоновъ любить размышленіе о смерти, которая такимъ образомъ явится передъ вами не убійцею всего вашего бытія, а другомъ, пришедшимъ къ вамъ, чтобы возвести васъ изъ міра труда и пота въ область успокоенія и награды. Вотъ и все-съ, высокопочтенная Сусанна Николаевна! А теперь поцѣлуемтесь нашимъ братскимъ поцѣлуемъ,—заключилъ отецъ Василій и поцѣловался съ Су-

санной Николаевной, однократно лишь приложивъ свою щеку къ ея щекѣ.

Сколь ни внимательно Сусанна Николаевна слушала отца Василія, тѣмъ не менѣе въ продолженіе всего наставленія взглядывала то вверхъ, подъ куполъ, то на темныя окна храма, и ей представилось, что въ нихъ больше не видно было огненныхъ злыхъ рожъ, но подъ куполомъ все какъ бы сгущались крылатыя существа. Когда наконецъ она вышла изъ храма, въ сопровожденіи отца Василія, то еще слава Богу, что предусмотрительный Сверстовъ передъ тѣмъ сбѣгалъ въ усадьбу и пріѣхалъ оттуда на лошади въ саняхъ, въ которыя Сусанна Николаевна, совсѣмъ утомленная и взволнованная, сѣла. Рядомъ съ нею помѣстился отецъ Василій, и Сверстовъ что̀ есть духу погналъ лошадь къ дому. Воздухъ мало оживилъ Сусанну Николеевну; галлюцинація съ ней продолжалась: въ полумракѣ кипящей вьюги она все-таки видѣла сопровождавшихъ ее крылатыхъ существъ, а тамъ вдали, на западѣ, слабо мерцали огненныя лица, исчезающія одно за другимъ.

Въ домѣ въ это время шли большія хлопоты. Егоръ Егорычъ, предполагавшій вначалѣ совершить пріемъ Сусанны Николаевны въ ложу безъ всякой обрядности, когда приблизился моментъ этого исполненія, проникся совершенно иными желаніями. Мѣстомъ для ложи онъ избралъ большую гостиную, потомъ предложилъ gnädige Frau и Антипу Ильичу принять званіе надзирателей, а послѣднему, сверхъ того, поручилъ быть обрядоначальникомъ. Gnädige Frau не преминула, конечно, принести и разложить въ гостиной свой коверъ. Антипъ же Ильичъ, по указаніямъ Егора Егорыча, устроилъ на небольшомъ мраморномъ столикѣ что-то въ родѣ жертвенника, съ положенными на него углемъ и раскрытою библіей, а также и съ поставленной спиртовой зажженной лампой. Кромѣ того, Антипъ Ильичъ, едва осиливая, вдвинулъ въ гостиную стулъ великаго мастера, уже лѣтъ пятнадцать, кажется, имъ хранимый въ каморкѣ около своей комнаты. Устроивъ все это, Егоръ Егорычъ, gnädige Frau и Антипъ Ильичъ облеклись въ бѣлые запоны, ордена и знаки, каждому свойственные, а равно надѣли бѣлыя перчатки. Егоръ Егорычъ, разсчитавъ, что Сусанна Николаевна скоро должна воротиться изъ церкви, сталъ около стула великаго мастера и спросилъ:

— Братъ-надзиратель, который теперь часъ?

— Теперь полночь!—отвѣтила gnädige Frau, какъ принявшая на себя обязанности перваго надзирателя.

Егоръ Егорычъ. Гдѣ мѣсто великаго мастера?

Gnädige Frau. На востокѣ.

Егоръ Егорычъ. Почему такъ?

Gnädige Frau. Потому что солнце начинаетъ теченіе свое съ востока, такъ и высокопочтенный мастеръ долженъ быть на востокѣ, дабы освѣщать ложу, управлять ею и распредѣлять работу братьямъ—свободнымъ каменщикамъ.

Егоръ Егорычъ. Гдѣ мѣсто братьевъ-надзирателей?

Gnädige Frau. На западѣ, чтобы повиноваться достопочтенному мастеру!

— Ложа открыта! — произнесъ въ заключеніе Егоръ Егорычъ, возводя глаза къ небу и ударивъ два раза масонскимъ молоткомъ, послѣ чего послѣдовалъ легкій стукъ въ заранѣе запертую дверь гостиной.

Егоръ Егорычъ. Второй братъ-надзиратель, спросите, кто это стучится?

Антипъ Ильичъ (съ чувствомъ благоговѣнія). Это стучится ищущая съ ея риторомъ.

Егоръ Егорычъ. Отворите дверь ложи!

Антипъ Ильичъ отперъ дверь и, пріотворивъ ее немного, произнесъ:

— Наше проходное слово?

— Габаонъ! — отвѣтилъ ему о. Василій и, войдя первый, сказалъ:

— Ищущая достойна быть принята!

А потомъ, увидавъ, что всѣ были въ запонахъ, и самъ, поспѣшивъ надѣть таковой же, сталъ въ недальнемъ разстояніи отъ великаго мастера. Появившаяся вслѣдъ за нимъ Сусанна Николаевна, видимо, употребляла всѣ усилія надъ собой, чтобы не поддаться окончательному физическому и нравственному утомленію.

— Милый другъ мой,—воскликнулъ Егоръ Егорычъ, выскочившій изъ роли великаго мастера:—отдохните и успокойтесь!

У Сусанны Николаевны при звукахъ его голоса снова воскресла ея нервная энергія.

— Я не утомлена и готова къ продолженію обряда,—сказала она.

Сверстовъ же, заглянувъ въ ложу, побѣжалъ въ свою комнату, чтобы надѣть тоже бѣлый запонъ.

Gnädige Frau и Антипъ Ильичъ продолжали стоять, не отходя, на западѣ, почти въ позѣ часовыхъ.

— Мой милый другъ,—произнесъ Егоръ Егорычъ, опять-таки не выдержавшій своей роли:—приблизьтесь ко мнѣ!

Сусанна Николаевна приблизилась.

— Ваши мужественные поступки, Сусанна Николаевна, — продолжалъ Егоръ Егорычъ дрожащимъ голосомъ: — и благое о насъ, масонахъ, понятіе удостовѣряютъ меня, что не свойственное женщинамъ любопытство, не дѣтское вещей воображеніе руководитъ вами и заставляетъ васъ стремиться поступить въ наши сочлены, но чувства болѣе серьезныя, цѣня которыя, мы спѣшимъ васъ принять въ наше братство. Господинъ секретарь, внесите имя Сусанны Николаевны въ списокъ членовъ нашей ложи!

Секретаремъ оказалась gnädige Frau, которая и исполнила это приказаніе великаго мастера.

— А вы, Сусанна Николаевна, прочтите масонскую клятву и подпишите ее! — заключилъ Егоръ Егорычъ, подавая ей исписанный листокъ бумаги, который Сусанна Николаевна и прочла громкимъ голосомъ:

«Я, Сусанна Николаевна Марѳина, обѣщаюсь и клянусь передъ Всемогущимъ Строителемъ Вселенной и передъ собранными здѣсь членами сей достопочтенной ложи въ томъ, что я съ ненарушимою вѣрностью буду употреблять всѣ мои способности и усердіе для пользы, благоденствія и процвѣтанія оной, наблюдать за исполненіемъ законовъ, порядкомъ и правильностью работъ и согласіемъ членовъ сей ложи между собою, одушевляясь искреннѣйшею къ нимъ любовью. Да поможетъ мнѣ въ семъ Господь Богъ и Его милосердіе. Аминь!»

— Подпишитесь!—едва имѣлъ силы отъ полноты чувствъ проговорить Егоръ Егорычъ.

Gnädige Frau подала Сусаннѣ Николаевнѣ чернильницу и присягу, въ которой та и подписалась. Затѣмъ начался полнѣйшій безпорядокъ въ собраніи. Сусанна Николаевна упала въ объятія мужа и плакала. Онъ тоже плакалъ. Ворвался въ собраніе Сверстовъ, успѣвшій наконецъ отыскать и надѣть свой бѣлый запонъ; онъ прежде всего обезпокоился, не случилось ли чего-нибудь съ Сусанной Николаевной, и, видя, что ничего, шепнулъ женѣ:

— А трапеза любви будетъ?

— Будетъ, все ужъ, вѣроятно, готово,—отвѣтила ему gnädige Frau и хотѣла-было пойти узнать, накрываютъ ли ужинъ, забывъ совершенно, что она была въ запонѣ и даже съ значкомъ на груди; но Антипъ Ильичъ остановилъ ее:

— Ложу, сударыня, надобно прежде закрыть!

— Ахъ, да, это правда! — отозвалась gnädige Frau и, подойдя къ Егору Егорычу, шепнула ему: — Пора ложу закрывать!

— Пора, пора!—пробормоталъ Егоръ Егорычъ и, отстра-

нивъ нѣсколько отъ себя Сусанну Николаевну, принялъ приличную для мастера позу и заговорилъ:

— Хотя по необходимости и пропущено много обрядовъ, но пріемъ, полагаю, совершился: суть въ сути, а не въ феноменахъ, и потому намъ остается довершить послѣднее. Братъ-обрядоначальникъ, уберите и сохраните коверъ и погасите всѣ свѣчи, кромѣ спиртовой лампы!

Антипъ Ильичъ хотя и медленно, но сдѣлалъ это, послѣ чего Егоръ Егорычъ, поднявъ начальническимъ образомъ голову, провозгласилъ:

— Приглашаю васъ, братья, приблизиться къ жертвеннику и составить цѣпь, насъ связующую!

Всѣ братья окружили жертвенникъ, и Егоръ Егорычъ прочелъ молитву:

— «Благословеніе небесъ да снидетъ на насъ и на всѣхъ истинныхъ каменщиковъ, и да украситъ оно и обновитъ насъ всѣми нравственными и общественными добродѣтелями!»

— Аминь!—воскликнули на это братья въ одинъ голосъ, а Егоръ Егорычъ въ заключеніе произнесъ:

— Благодарю васъ, любезные братья, за вашу сегодняшнюю работу и прошу впредь продолжать таковую.

Въ отвѣтъ на это раздалось троекратное рукоплесканіе со стороны братьевъ; затѣмъ они принялись снимать съ себя ордена, знаки, запоны, которые Антипъ Ильичъ старательно прибиралъ, имѣя при этомъ, несмотря на всю свою кротость, недовольное и печальное лицо: такой скомканный пріемъ Сусанны Николаевны въ масонство казался ему просто кощунствомъ. Когда потомъ со всѣми собранными масонскими нарядами входилъ онъ въ свою комнатку, чтобы ихъ тамъ пока убрать, то его остановила Ѳаддеевна.

— Свершилось? — спросила она голосомъ, исполненнымъ благоговѣнія.

— Свершилось!—отвѣтилъ ей тоже въ тонъ Антипъ Ильичъ.

Затѣмъ всѣ сошлись въ столовой къ трапезѣ, уставленной кушаньями и виномъ.

— Агапа!—сказалъ о. Василій, садясь рядомъ съ Сверстовымъ и показывая ему на роскошно убранный столъ.

— Да, по обычаю древнихъ христіанъ, вечеря любви! — подтвердилъ тотъ.

Къ концу ужина, когда о. Василій и Сверстовъ порядочно подвыпили винца, то сей послѣдній воскликнулъ:

— Неужели мы не пропоемъ нашей пѣсни?

— Пропоемъ!—отвѣтилъ ему Егоръ Егорычъ и при этомъ выпилъ даже полъ-стакана вина.

— Пропоемте!—отозвалась и Сусанна Николаевна своимъ мелодическимъ голосомъ.

— Нужно это!—рѣшила gnädige Frau и сѣла за фортепіано.

Заиграла она очень знакомый мотивъ съ необыкновенною правильностью, такъ что когда запѣли ея собратья, то стали сильно съ ней расходиться. Говоря откровенно, съ нѣкоторымъ умѣньемъ пѣли только Сусанна Николаевна (очень, впрочемъ, слабымъ голосомъ) и о. Василій, владѣвшій хорошимъ баритономъ и пріученный къ пѣнію.

Пѣтая ими пѣсня гласила:

Любовь, душа всея природы,
Теки сердца въ насъ воспалить,
Изъ плѣна въ царствіе свободы
Одна ты можешь возвратить.
Когда твой ясный лучъ сіяетъ,
Масонъ и видитъ и внимаетъ.
Ты жизнь всего, что̀ существуетъ,
Ты внутренній, сокрытый свѣтъ;
Но тотъ, кто въ мірѣ слѣпотствуетъ,
Твердитъ: „любви правдивой нѣтъ!“

О. Василій не ошибся, предполагая, что совершеніе обряда принятія Сусанны Николаевны въ ложу будетъ замѣчено прислугою, среди которой дѣйствительно произошла большая сумятица. Горничныя и молодые лакеи сначала старались изъ наугольной подсмотрѣть въ дверную щелку на то, что̀ дѣлалось въ гостиной. Не довольствуясь этимъ, нѣкоторые изъ нихъ убѣжали въ садъ, взлѣзли на балконъ и оттуда смотрѣли въ гостиную. Старая горничная Юліи Матвѣевны, Агапія, предобрая, преглупая и прелюбопытная, принимала большое участіе въ этомъ подглядываніи; но когда господа сѣли за ужинъ и запѣли, она не выдержала, побѣжала наверхъ и разбудила Юлію Матвѣевну.

— Матушка-барыня, у насъ сегодня баря-то всѣ ряженые были, и Антипъ Ильичъ тоже ряженый, теперь даже кушаетъ съ барями вмѣстѣ... Диковина да и только! — доложила она.

— Кто? Что̀ такое?—спросила старушка.

— Антипъ Ильичъ!.. Чу, слышите?.. Поютъ всѣ...

— Поютъ!—повторила и Юлія Матвѣевна.—Сусанна, сюда!

— Сусанну Николаевну вамъ позвать?—спросила Агапія.

— Да,—приказала Юлія Матвѣевна.

Агапія проворно побѣжала внизъ, чуть не слетѣла съ лѣстницы и, выругавшись при этомъ: «о, те, чортъ, дьяволъ! какая скользкая!», вошла впопыхахъ въ столовую.

— Вотъ и Агапія, сама любовь предстала!—замѣтилъ при

этомъ о. Василій, знавшій Агапію по исповѣди, на которой она всегда неизвѣстно уже о какихъ грѣхахъ своихъ ревмя-ревѣла.

— Матушка, маменька васъ проситъ къ себѣ! — сказала Агапія Сусаннѣ Николаевнѣ.

— Мы, вѣроятно, ее разбудили!—проговорила та и въ сопровожденіи Агапіи вошла къ матери.

— Тамъ что?—спросила старушка.

— Тамъ, мамаша, мы празднуемъ сегодня праздникъ.

— А Егорычъ гдѣ? — спрашивала Юлія Матвѣевна, постоянно уже теперь называвшая зятя своего только по отчеству: Егорычемъ.

— Подите, Агапія, позовите сюда Егора Егорыча! — приказала Сусанна Николаевна.

— Сейчасъ, матушка, сейчасъ, сударыня!—отозвалась та и побѣжала внизъ съ прежнею же неосторожностью.

— Я, мамаша, сегодня въ масоны окончательно поступила!— объяснила Сусанна Николаевна, оставшись вдвоемъ съ матерью.

— Такъ, да, — говорила глубокомысленно и съ удовольствіемъ старушка.

Вошелъ Егоръ Егорычъ съ бокаломъ шампанскаго.

— Юлія Матвѣевна,—сказалъ онъ:—вы должны этимъ виномъ поздравить вашу дочь: она сегодня принята въ ложу!

— Знаю, знаю,—говорила старушка, въ одно и то же время смѣясь и плача.

А между тѣмъ внизу, подъ игру gnädige Frau, раздавалось громкое пѣніе о. Василія, Сверстова и даже Антипа Ильича:

Бѣги отъ насъ, непросвѣщенный,
Объятый тьмою рабъ страстей,
Мірскою суетой прельщенный,
Страшись коснуться сихъ дверей!

X.

Отъ Мартына Степаныча недѣли черезъ двѣ было получено письмо, только адресованное не Егору Егорычу, а на имя Сусанны Николаевны, которая первоначально думала, что это пишетъ ей изъ Москвы Муза; но едва только прочла первую страницу письма, какъ на спокойномъ лицѣ ея отразился ужасъ, глаза наполнились слезами, руки задрожали.

— Господи, неужели это правда!.. Бѣдный, бѣдный Валерьянъ!—проговорила она.

— Что такое съ вами, мое прелестное существо?—воскликнула испуганнымъ голосомъ сидѣвшая у нея въ комнатѣ gnä-

dige Frau и бросилась къ Сусаннѣ Николаевнѣ, чтобы поддержать ее.

— Валерьянъ застрѣлился, но, Бога ради, не говорите этого пока Егору Егорычу!—стонала Сусанна Николаевна.

— Зачѣмъ ему говорить?.. Зачѣмъ?..—тоже почти стонала и gnädige Frau, поднимая упавшее изъ рукъ Сусанны Николаевны письмо Пилецкаго и быстро пробѣгая его, при чемъ у нея тоже, какъ и у Сусанны Николаевны, задрожали руки и глаза наполнились слезами.

— Значитъ, онъ былъ человѣкъ мало вѣрующій,—сказала она, не зная, чѣмъ бы успокоить Сусанну Николаевну.

— Ахъ, нѣтъ! Онъ былъ вѣрующій, добрый и хорошій человѣкъ,—говорила голосомъ отчаянія Сусанна Николаевна.

— Но все-таки вы совладайте немного съ собой и укрѣпитесь!—совѣтовала ей gnädige Frau.—Вы припомните, какой подвигъ еще вамъ предстоитъ!.. Вы со временемъ должны будете сказать о вашемъ несчастьѣ Егору Егорычу.

— Да, вы правы!—произнесла Сусанна Николаевна и затѣмъ, помолчавъ, спросила: — А Егоръ Егорычъ не придетъ сюда, я думаю?

— Нѣтъ, онъ заснулъ, и вы знаете, какъ онъ съ поступленія вашего въ ложу сталъ спокойно почивать.

— Да, но онъ можетъ и проснуться! Вы поскорѣе мнѣ, gnädige Frau, прочтите письмо, а то я дурно разобрала его: у меня рябило въ глазахъ.

Gnädige Frau начала поспѣшно читать письмо, но и она во многихъ мѣстахъ не разбирала его и безбожно ошибалась въ окончаніяхъ:

— «Начинаю скорбное мое посланіе къ вамъ съ изложенія сказанія объ одномъ чернецѣ, который молился о томъ, чтобы дано было ему увѣдать, что̀ суть суды Божіи. И разъ ему на пути явился ангелъ во образѣ черноризца, и пришли они къ нѣкоему отшельнику, который пріялъ ихъ и почтилъ вельми, и когда они пошли отъ него, ангелъ взялъ золотое блюдо и бросилъ его въ море. Во второй день они пришли къ другому страннопріемлющему мужу, и тотъ пожелалъ, чтобы они благословили его сына; но ангелъ, взявъ отрока за гортань, задушилъ его. На третій день они обрѣли пустое зданіе, которое ангелъ разрушилъ и вмѣсто него построилъ новое. Въ недоумѣніи все это видѣвшій чернецъ спросилъ ангела: «Ангелъ ли ты еси или бѣсъ?.. У одного старца ты утопилъ блюдо, у другого удавилъ сына и разрушилъ потомъ пустое зданіе!..» Тогда ему ангелъ отвѣчалъ: «Мнѣ повелѣлъ это Богъ: блюдо было единая вещь у старца, неправильно имъ стяжанная;

сынъ же другого, если бъ живъ остался, то великому бы злу хотѣлъ быть виновенъ; а въ зданіи пустомъ хранился кладъ, который я разорилъ, да никто, ища злата, не погибнетъ здѣсь». И уразумѣйте изъ сего сказанія, что суды Божіи глубины неиспытуемой и невѣдомой людямъ. Родственникъ вашъ, Валерьянъ Николаевичъ Ченцовъ покончилъ съ собою выстрѣломъ изъ ружья, не оставивъ никакого объясненія о причинѣ своего самоубійства. Впрочемъ, нѣкоторые изъ его знакомыхъ, которыхъ я, по указанію квартирной хозяйки господина Ченцова, посѣтилъ, всѣ мнѣ, отозвавшись, что послѣднее время Валерьянъ Николаевичъ совершенно исправился отъ своей разгульной жизни, единогласно утверждали, что застрѣлился онъ отъ несчастной любви къ одной крестьянкѣ, принадлежащей его женѣ и которая, по ходатайству госпожи Ченцовой, была у него отобрана полиціей. Сей случай ясно свидѣтельствуетъ, что Валерьянъ Николаевичъ имѣлъ душу чувствительную и благородную. Но рѣчь теперь уже не о немъ, а о глубокосердечномъ и родственномъ Егорѣ Егорычѣ. Сколь понимаю я, не по человѣческимъ какимъ-либо соображеніямъ, а по Божьему внушенію онъ такъ обезпокоился, когда я ему разсказалъ, что господинъ Ченцовъ разошелся съ женой, и твердо убѣжденъ, что Егоръ Егорычъ по живому предчувствію уже предугадывалъ, что̀ изъ того можетъ проистечь, и пусть то же предчувствіе скажетъ ему и нынѣ, въ силу какой правды совершилось и самое столь печальное для всѣхъ событіе. Богъ, можетъ-быть, сего не утаитъ отъ него».

По прочтеніи письма, вызвавшаго у дамъ снова обильныя слезы, между ними началось не совсѣмъ складное совѣщаніе о томъ, какъ и когда объявить о семейномъ несчастьѣ Егору Егорычу.

— Чѣмъ дольше не объявлять, тѣмъ лучше! — рѣшила на первыхъ порахъ gnädige Frau.

— Какъ дольше?!.. Егоръ Егорычъ вдругъ можетъ стороной узнать, и что̀ тогда съ нимъ будетъ!—возразила Сусанна Николаевна.

— Какъ онъ можетъ и отъ кого узнать?—спросила gnädige Frau.

— У него много знакомыхъ въ Петербургѣ, которые, пожалуй, ему напишутъ.

На это gnädige Frau не нашлась, что̀ и сказать. Въ первый еще разъ въ жизни своей она до такой степени растерялась, что у нея всѣ мысли какъ бы перепутались въ головѣ.

— Пусть отецъ Василій объявитъ Егору Егорычу о смерти Валерьяна,—придумала Сусанна Николаевна.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! — отвергнула рѣшительнымъ тономъ gnädige Frau:—эти вещи надобно, чтобы объявляло лицо любящее. Отецъ Василій, я не спорю противъ того, человѣкъ очень умный и ученый, но не думаю, чтобы онъ вполнѣ былъ привязанъ къ Егору Егорычу.

— Почему?—спросила Сусанна Николаевна, раскрывая въ удивленіи свои глаза на gnädige Frau.

— Потому что онъ русскій попъ!—отвѣтила gnädige Frau, не могшая преодолѣть въ себѣ непріязни къ русскимъ попамъ.

Сусанна Николаевна при этомъ невольно покраснѣла.

— Онъ духовникъ Егора Егорыча,—произнесла она тихо.

— Понимаю,—начала gnädige Frau, но не успѣла договорить своей мысли, потому что въ это время вошелъ Сверстовъ, только-что вернувшійся изъ больницы и отыскивавшій свою супругу. Войдя, онъ сразу же замѣтилъ, что обѣ дамы были на себя непохожи. Растерявшись и самъ отъ того, что̀ увидѣлъ, онъ зачѣмъ-то сказалъ женѣ:

— Ты здѣсь?

— Здѣсь,—отвѣчала та, стараясь смигнуть снова выступившія на глазахъ ея слезы.

— А вы больны, вѣроятно?—отнесся Сверстовъ къ Сусаннѣ Николаевнѣ, у которой дѣйствительно лицо имѣло совершенно болѣзненное выраженіе.

— Да, немножко... или нѣтъ, ничего... — проговорила она.

— Можетъ-быть, случилось что-нибудь?—спрашивалъ Сверстовъ, не могшій понять, что̀ бы такое могло произойти.

Сусанна Николаевна не отвѣчала.

— Случилось! — объяснила за нее gnädige Frau, совладѣвшая, сколько могла, съ собой.—Садись и слушай, не тараторь только, пожалуйста! Сусанна Николаевна получила письмо отъ Мартына Степаныча Пилецкаго, который пишетъ, что Валерьянъ Николаевичъ Ченцовъ отъ несчастной любви застрѣлился.

— Къ кому отъ любви?—воскликнулъ Сверстовъ, удивленный, опечаленный и испуганный.

— Къ крестьянкѣ одной, — сказала gnädige Frau, не совсѣмъ вѣрившая, чтобы Ченцовъ отъ любви именно застрѣлился, и относившая это къ тому, что онъ очень развратился и запутался въ своихъ денежныхъ дѣлахъ.

— Что̀ же, эта крестьянка не любила его? — допытывался Сверстовъ.

— Напротивъ, вѣроятно, любила, но жена Валерьяна, которой она принадлежала, отняла ее у него, — объяснила ему Сусанна Николаевна.

— Ну да-съ, да! — произнесъ на это протяжно-укоризненнымъ голосомъ докторъ.—Этого надобно было ожидать,—я вотъ тогда хотѣлъ ѣхать къ Валерьяну Николаичу, а вы, gnädige Frau, не пустили меня; такимъ образомъ малаго, который, я убѣжденъ, былъ отличнѣйшій господинъ, бросили на произволъ судьбы.

— Я сознаюсь, что тогда была не права, — проговорила, вспыхнувъ въ лицѣ, gnädige Frau.

— Вы тогда всѣ рѣшили, чтобы ждать, ну и дождались!— продолжалъ тѣмъ же укоризненнымъ тономъ Сверстовъ.

— Довольно ужъ объ этомъ!.. Будетъ!..—остановила его съ досадой gnädige Frau.—Мы теперь разсуждаемъ, какъ намъ объявить Егору Егорычу?

— Какъ объявить?!.. Пойти да и объявить!—рѣшилъ Сверстовъ.

— Мой милый докторъ, — отнеслась къ нему какъ бы съ мольбой Сусанна Николаевна: — я подумать боюсь, какъ это подѣйствуетъ на Егора Егорыча.

Gnädige же Frau просто прикрикнула на мужа:

— Ты, по своей торопливости, становишься безжалостнымъ! Развѣ можно человѣку сказать про такое несчастье, не подготовивъ его?!

— Ну да, ждать, по-твоему!—отвѣтилъ ей тоже съ запальчивостью Сверстовъ. — Когда человѣку, можетъ-быть, угрожаетъ антоновъ огонь, а все-таки жди, подготовляй!.. Когда бы мы въ операціяхъ ждали, такъ, пожалуй бы, ни одна изъ нихъ и не удалась.

Въ сущности Сверстовъ торопился произвести надъ своимъ другомъ нравственную операцію единственно по своей искренней любви къ Егору Егорычу и изъ страха за него. «Ну,— думалъ онъ въ своей курчавой головѣ:—рѣшить вопросъ, такъ рѣшить сразу, а тамъ и видно будетъ, что потомъ слѣдуетъ предпринять».

— И почему вы думаете, — заговорилъ онъ почти съ азартомъ: — что Егоръ Егорычъ такая старческая и слабая натура! Я видалъ его въ горяхъ посильнѣе нынѣшняго; онъ, конечно, былъ поражаемъ, но потомъ снова ободрялся и становился еще сильнѣе прежняго.

— Но ты забываешь, — урезонивала его gnädige Frau:— до какой степени Егоръ Егорычъ встревожился, когда только узналъ, что племянникъ женился на дочери господина Крапчика.

— То другое дѣло!.. Другое! — перебилъ свою супругу докторъ:—то находилось въ области гаданій и неизвѣстности,

что всегда поражаетъ людей съ фантазіей, каковъ Егоръ Егорычъ, больше, чѣмъ встрѣча прямо лицомъ къ лицу съ совершившимся горемъ и несчастьемъ.

— А это еще больше, разумѣется, поразитъ его,—проговорила печально Сусанна Николаевна.

— Непремѣнно поразитъ! — согласилась съ ней gnädige Frau. — И ты когда же намѣренъ сказать Егору Егорычу?— отнеслась она къ мужу.

— Сегодня за чаемъ,—отвѣчалъ тотъ.

Услыхавъ такое рѣшеніе, Сусанна Николаевна затрепетала всѣмъ тѣломъ, да покоробило оно и gnädige Frau. Что касается до Сверстова, то онъ нервно потиралъ себѣ руки, приготовляясь къ труднѣйшей для него, но необходимой операціи. Моментъ совершенія этой операціи насталъ весьма скоро. Егоръ Егорычъ проснулся и, выйдя въ гостиную, послалъ Антипа Ильича собрать свое кузьмищевское общество. Всѣ сошлись къ нему и усѣлись на обычныя мѣста свои. Gnädige Frau съ великою досадою на себя чувствовала, что у нея наполовину убавилось прежней твердости характера; Сусанна Николаевна старалась объ одномъ, чтобы мужъ не видѣлъ выраженія ея лица; Сверстовъ былъ неестественно веселъ; Егоръ же Егорычъ точно нарочно являлъ во всей своей фигурѣ полнѣйшее спокойствіе духа. Чай былъ поданъ съ обычною церемонностью Антипомъ Ильичомъ. Докторъ, беря свою чашку, подлилъ въ нее значительное количество рому и поспѣшно выпилъ ее.

— Ну-съ, — началъ онъ нѣсколько протяжно: — Мартынъ Степанычъ прислалъ намъ извѣстіе: Валерьянъ Николаичъ покончилъ съ собой!.. Его нѣтъ болѣе въ живыхъ!

Егоръ Егорычъ строго взглянулъ на Сверстова.

— Какимъ образомъ покончилъ?—спросилъ онъ.

— Застрѣлился!—объяснилъ тотъ.

— Оставилъ послѣ себя какую-нибудь записку, почему и для чего онъ это сдѣлалъ?

— Никакой!.. Вѣроятно, потому, что жизнь надоѣла.

— Гдѣ и у кого письмо Мартына Степаныча?

— У меня!—отвѣчала Сусанна Николаевна и подала мужу письмо Пилецкаго.

Егоръ Егорычъ быстро пробѣжалъ его.

— Пожинаю плоды отъ дѣлъ моихъ,—произнесъ онъ ироническимъ тономъ и стукнувъ ногой.

Затѣмъ всталъ вдругъ съ своего мѣста и довольно быстрыми шагами принялся ходить взадъ и впередъ по гостиной, безпрестанно хватая себя за голову и ероша свои волосы.

— Вы сядьте!.. Не ходите! Ходьба еще больше усиливаетъ волненіе, что̀ при теперешнемъ вашемъ душевномъ настроеніи нехорошо,—замѣтилъ ему докторъ.

— Нехорошо, вы думаете? — переспросилъ Егоръ Егорычъ.

— Очень даже! Садитесь!—повторилъ докторъ.

Егоръ Егорычъ снова сѣлъ на диванъ.

— Не чувствуете ли вы теперь чего-нибудь особеннаго?— добавилъ Сверстовъ.

— Я ничего даже теперь не чувствую,—произнесъ, горько усмѣхнувшись, Егоръ Егорычъ.

— А не хотите ли вы воды? — предложила-было gnädige Frau.

— Какой воды!.. Глупости!—отвергнулъ докторъ.—Вина бы, по-моему, слѣдовало выпить!

Gnädige Frau почти со всѣхъ ногъ бросилась и принесла стаканъ и бутылку краснаго вина. Сверстовъ поспѣшилъ налить цѣлый стаканъ, который и подалъ Егору Егорычу. Тотъ, съ своей стороны, жадно выпилъ все вино, послѣ чего у него въ лицѣ заигралъ маленькій румянецъ.

Во все это время Сусанна Николаевна, сидѣвшая рядомъ съ мужемъ, глазъ не спускала съ него и, видимо, боясь спрашивать, хотѣла, по крайней мѣрѣ, по выраженію лица Егора Егорыча прочесть, что̀ у него происходитъ на душѣ. Наконецъ онъ взялъ ея руку и крѣпко прижалъ ту къ подушкѣ дивана.

— Ну, ты мнѣ осталась,—проговорилъ онъ.

— Останьтесь и вы для меня! — сказала Сусанна Николаевна и, не выдержавъ долѣе, заплакала.

— Останусь и я! — отвѣчалъ Егоръ Егорычъ и, немедля послѣ этого, поднявъ голову, сказалъ, обращаясь къ Сусаннѣ Николаевнѣ: — Тутъ, сколько это видно по письму Мартына Степаныча, мнѣ никакихъ не слѣдуетъ дѣлать распоряженій!

— Да какія же распоряженія, я не вижу, — отозвалась она:—можетъ-быть, откроются какіе-нибудь долги...

— О, это я немедля же заплачу̀! — воскликнулъ Егоръ Егорычъ.

На этомъ собственно настоящій вечеръ и кончился, но на другой день Егоръ Егорычъ началъ всѣмъ внушать серьезное опасеніе: онъ не то чтобы сдѣлался боленъ, а какъ бы затихъ совсѣмъ и все прилегалъ то на одинъ диванъ, то на другой; ни за обѣдомъ ни за ужиномъ ничего не ѣлъ, ночи тоже не спалъ.

Сусанна Николаевна стала со слезами умолять доктора сказать ей откровенно, что̀ такое съ Егоромъ Егорычемъ.

— Ничего особеннаго, кромѣ нѣкотораго угнетеннаго состоянія, которое съ теченіемъ времени пройдетъ! — увѣрялъ се тотъ клятвенно.

— Его надобно развлекать и не давать ему задумываться!— замѣтила gnädige Frau.

— Это такъ, справедливо!—одобрилъ такое мнѣніе супруги докторъ.

— И я сегодня же заведу съ нимъ разговоръ, который, я знаю, очень его заинтересуетъ,—присовокупила та, нѣсколько лукаво прищуривая свои глаза, и вечеромъ, съ наступленіемъ котораго Егоръ Егорычъ сталъ еще мрачнѣе, она, въ присутствіи, конечно, Сусанны Николаевны и доктора, будто бы такъ случайно спросила Егора Егорыча:

— Скажите, въ которомъ году вы штудировали въ Геттингенѣ?

Такой вопросъ удивилъ нѣсколько Егора Егорыча.

— Въ началѣ восьмисотыхъ годовъ, въ восемьсотъ шестомъ, седьмомъ, что-то вотъ такъ! — проговорилъ онъ безъ всякаго вниманія къ своему отвѣту.

— Значитъ, — разсчитала gnädige Frau: — я десять лѣтъ спустя послѣ васъ была въ Геттингенѣ и провела тамъ цѣлое лѣто!.. Не правда ли, что прелестный городокъ?

— Городъ умный и ученый!—сказалъ Егоръ Егорычъ.

— И поэтичный! — дополнила съ чувствомъ gnädige Frau.

— Пожалуй, и поэтическій, благодаря университету, — замѣтилъ Егоръ Егорычъ.

— Кромѣ того, и по окрестностямъ своимъ... Одинъ Гарцъ чего стоитъ!.. Онъ какія-то волшебныя картины представляетъ! — воскликнула gnädige Frau съ одушевленіемъ, но такъ какъ Егоръ Егорычъ ничего ей на это не отвѣтилъ, то она продолжала, обращаясь къ Сусаннѣ Николаевнѣ:

— Вообразите, у васъ передъ глазами цѣлый хребетъ горъ, и когда вы поднимаетесь, то направо и налѣво на каждомъ шагу видите, что съ горъ текутъ быстрые ручьи и даже рѣчки съ чистой, какъ кристаллъ, водой... А сколько въ нихъ форелей и какого вкуса превосходнаго, описать трудно. Вотъ ты до рыбы охотникъ, тебѣ бы тамъ слѣдовало жить!—отнеслась gnädige Frau въ заключеніе къ мужу своему, чтобы сообща съ нимъ развлекать Егора Егорыча.

— Поѣлъ бы!—отвѣтилъ тотъ ей лаконически.

Онъ очень хорошо видѣлъ, что разговоръ gnädige Frau нисколько не занималъ Егора Егорыча, который слушалъ ее почти что дремля.

Сусанна Николаевна тоже это видѣла и даже довольна была тѣмъ, полагая, что Егоръ Егорычъ, можетъ-быть, заснетъ.

— Вамъ бы прилечь теперь!—сказала она.

— Непремѣнно надобно прилечь и заснуть! — воскликнулъ докторъ.

— Хорошо!—произнесъ покорно Егоръ Егорычъ и, вставъ, пошелъ въ свою спальню. Сусанна Николаевна послѣдовала за нимъ. Тамъ онъ прилегъ на постель. Сусанна Николаевна сѣла около и, взявъ его руки, начала ихъ согрѣвать. Егоръ Егорычъ лежалъ совершенно тихо, но она очень хорошо чувствовала, что онъ не спитъ.

Прошло потомъ еще нѣсколько такихъ же печальныхъ дней, и Егоръ Егорычъ попрежнему оставался въ какомъ-то апатичномъ состояніи. Сверстовъ, какъ врачъ, окончательно убѣдился, что другъ его страдаетъ меланхоліей. Пожалѣвъ, что при господскихъ домахъ перевелись шуты, онъ задумалъ, за отсутствіемъ оныхъ, самъ лѣчить Егора Егорыча смѣхомъ, ради чего сталъ при всякомъ удобномъ случаѣ разсказывать разные забавные анекдоты, обнаруживая при этомъ замѣчательный юморъ; но, къ удивленію своему, докторъ видѣлъ, что ни Егоръ Егорычъ, ни Сусанна Николаевна, ни gnädige Frau не улыбались даже; можетъ-быть, это происходило отъ того, что эти три лица, при всемъ ихъ умѣ, до тупости не понимали смѣшного! Тогда Сверстовъ рѣшился укрѣплять нервы своего паціента воздухомъ и почти насильно заставлялъ его кататься на тройкѣ въ самые холодные и вѣтреные дни и, всегда самъ сопровождая при этомъ Егора Егорыча, приказывалъ кучеру нестись во всѣ лопатки и по мѣстамъ преимущественно открытымъ, дабы больной какъ можно болѣе вдыхалъ въ себя кислорода и такимъ образомъ изъ меланхолика снова превратился бы въ сангвиника,—но и то не помогало: Егоръ Егорычъ, конечно, возвращался домой нѣсколько бодрѣе, но ненадолго. Наконецъ Сусанна Николаевна, понимавшая, вѣроятно, глубже Сверстовыхъ сердце Егора Егорыча, избрала иное средство помочь ему. Въ одно утро, не сказавъ никому ни слова, она отправилась пѣшкомъ къ отцу Василію, который, конечно, и передъ тѣмъ послѣ постигшаго Марѳиныхъ горя бывалъ у нихъ почти ежедневно; но на этотъ разъ Сусанна Николаевна, разсказавъ откровенно все, что происходитъ съ ея мужемъ, умоляла его прійти къ нимъ уже прямо для поученія и подкрѣпленія Егора Егорыча. Отецъ Василій, разумѣется, изъявилъ полную готовность и въ тотъ же день вечеромъ пришелъ къ Марѳинымъ. Сусанна Николаевна, нетерпѣливо поджидавшая отца Василія, встрѣтила его почти что въ передней.

— А мнѣ можно будетъ вмѣстѣ съ вами быть у мужа? — спросила она.

— Отчего же? — отвѣчалъ отецъ Василій: — вы мнѣ поможете, а я вамъ въ нашемъ общемъ подвигѣ утѣшенія вашего супруга.

Затѣмъ они пошли и застали Егора Егорыча сидящимъ противъ портрета Юнга и какъ бы внимательно разсматривающимъ тонкія и пріятныя черты молодого лица поэта. Вмѣстѣ съ тѣмъ на столѣ лежала передъ нимъ развернутая небольшая, въ старинномъ кожаномъ переплетѣ, книжка.

Поздоровавшись съ Егоромъ Егорычемъ и благословивъ его, отецъ Василій сѣлъ по одну сторону стола, а Сусанна Николаевна по другую.

— Что это вы почитываете? — первое, что спросилъ отецъ Василій.

— Юнговы «Ночи»!—сказалъ отрывисто Егоръ Егорычъ.

— По-англійски? — произнесъ нѣсколько семинарскимъ акцентомъ отецъ Василій.

— Нѣтъ, въ переводѣ Сергѣя Глинки, очень дубоватомъ, но вѣрномъ.

— Можно взглянуть? — полюбопытствовалъ отецъ Василій, беря книжку.

Егоръ Егорычъ кивкомъ головы разрѣшилъ ему это.

Отецъ Василій взглянулъ на развернутую страничку и даже прочелъ ее вполголоса:

Увы, не можетъ день вмѣстить тоски моей,
И ночь, мрачнѣйша ночь не можетъ быть сравненна
Съ страданьемъ тѣмъ, какимъ душа моя сраженна!
Уже она въ сей часъ, въ часъ общей тишины,
Когда страны небесъ луной осеребрены,
Стопою медленной на мрачный тронъ вступаетъ;
Простерла жезлъ,—и ходъ природа прекращаетъ.
Непроницаемой завѣсой міръ покрытъ;
Оцѣпенѣли слухъ и взоръ, все смолкло, спитъ,
Все смерти, кажется, объемлется рукою:
Ахъ, сколь мятется духъ сей общей тишиною!
Такъ, образъ то живой разрушенныхъ міровъ!
О, день, ужасный день, послѣдній день вѣковъ!
Приди! лишь ты одинъ прервешь мое страданье!

— А этого бы вамъ не слѣдовало читать,—произнесъ отецъ Василій серьезнымъ тономъ и кладя книжку на столъ.

Егоръ Егорычъ вопросительно взглянулъ на него.

— Юнгъ безспорно великій поэтъ,—разсуждалъ отецъ Василій:—но онъ никакъ не облегчитель и не укротитель печали, а скорѣе питатель ея. Испытывая многократно мое собственное сердце и зная по исповѣди сердца многихъ другихъ людей, я напередъ увѣренъ, что каждое слово изъ прочитанной мною теперь странички вамъ сладостно!

— Сладостно!—сознался Егоръ Егорычъ.

— Но какъ же вы,—возразилъ ему отецъ Василій:—забыли ученія нашихъ аскетовъ, столь знакомыхъ вамъ и столь вами уважаемыхъ, которые строго повелѣваютъ отгонять отъ себя духъ унынія и разрѣшаютъ печалованье только о грѣхахъ своихъ?

— Я о грѣхѣ моемъ и печалюсь, — забормоталъ Егоръ Егорычъ: — изъ него теперь и проистекло наше семейное несчастье.

— А гдѣ же и въ чемъ вы тутъ находите грѣхъ вашъ?— спросилъ отецъ Василій уже величавымъ голосомъ.

Сусанна Николаевна трепетала отъ радости, слыша, какъ искусно отецъ Василій навелъ разговоръ на главную причину страданій Егора Егорыча.

— Какъ гдѣ и въ чемъ?—воскликнулъ тотъ:—развѣ не я допустилъ родного моего племянника совершить надъ собой самоубійство?

— Почему вы это думаете, что вы? — произнесъ, разводя руками, о. Василій.

— Потому, — забормоталъ Егоръ Егорычъ: — что я пренебрегъ его воспитаніемъ, и изъ него вышелъ недоучка.

— Позвольте, позвольте!—остановилъ Егора Егорыча о. Василій.—Васъ, вашего племянника и его мать, вашу сестрицу, я знаю давно, съ Москвы еще, и знаю хорошо... Сестрица ваша, скажу это при всемъ моемъ уваженіи къ ней, умѣла только любить сына и желала баловать его.

— Это такъ!.. Но я-то тутъ какой же нѣнькой и болваномъ былъ? — снова воскликнулъ Егоръ Егорычъ.

— Вы тутъ ничѣмъ не могли быть! Сестрица ваша нарочно разссорилась съ вами, чтобы только вы не безпокоили ея Валера своими наставленіями и выговорами... Она мнѣ въ этомъ сама открылась.

— Признавалась она вамъ въ этомъ?—переспросилъ Егоръ Егорычъ.

— Совершенно откровенно и вмѣстѣ съ тѣмъ скорбѣла душой, что находится въ непріязни съ вами... Неужели вы это отвергаете?

Егоръ Егорычъ вздохнулъ и печально мотнулъ головой: ему живо припомнилась вся эта минувшая исторія, какъ сестра, совершенно несправедливо заступившись за сына, разбранила Егора Егорыча самыми ѣдкими и оскорбительными словами и даже просила его избавить отъ своихъ посѣщеній, и какъ онъ, несмотря на то, все-таки пріѣзжалъ къ ней нѣсколько разъ, какъ потомъ онъ ей писалъ длинныя письма, желая внушить

сй все безумiе подобнаго отношенiя къ нему, и какъ на эти письма не получилъ отъ нея ни строчки въ отвѣтъ.

— Нисколько не отвергаю того, но...—заговорилъ-было онъ.

— Никакого *но* тутъ не существуетъ,—перебилъ его о. Василiй:—тѣмъ болѣе, что послѣ смерти вашей сестрицы развѣ вы не поспѣшили помириться съ вашимъ племянникомъ и не предались горячему желанiю просвѣтить его масонствомъ?

— Да, я желалъ этого, горячо желалъ,—подтвердилъ Егоръ Егорычъ: — но что изъ того вышло?.. Одно безобразiе, скандалъ!..

— И въ томъ вы не виноваты, ибо того, что случилось, нельзя было ни предусмотрѣть ни предотвратить. Сосудъ былъ слишкомъ надломленъ, чтобы починить его.

Егоръ Егорычъ на это ничего не отвѣтилъ, и на глазахъ его замѣтно искрились слезы.

— Мы всѣ созданы, — заговорилъ о. Василiй снова назидательнымъ тономъ: — не для земныхъ нашихъ привязанностей, а для того, чтобы возвратиться въ лоно Бога въ той духовной чистотѣ, каковая была вдохнута первому человѣку въ часъ его сотворенiя, но вы вашимъ печалованiемъ отвращаетесь отъ того. Въ постигшемъ васъ горѣ вы нисколько не причастны, и оно постигло васъ по мудрымъ путямъ Божiимъ.

— То же самое писалъ Егору Егорычу и Мартынъ Степанычъ,—вотъ его письмо, прочитайте! — проговорила Сусанна Николаевна и съ нервною торопливостью подала письмо о. Василiю, который прочелъ его и проговорилъ, обращаясь къ Егору Егорычу:

— То же, что и я вамъ говорю: печаль неосновательная и серьезно необдуманная нами влечетъ ропотъ. Припомните, Егоръ Егорычъ, какимъ вы нѣкогда нашли меня, растерянаго и погибающаго! Неужели я справедливъ тогда былъ? Не являлся ли я безумствующимъ рабомъ передъ моею житейскою невзгодой? Припомните, что вы мнѣ тогда сказали? Вы сказали, что и Христосъ Лазарю: возстань и гряди!.. Сiе же и я вамъ реку, Егоръ Егорычъ:—возстаньте и грядите!

Слова эти замѣтно подѣйствовали на Егора Егорыча внушительнымъ и ободряющимъ образомъ: выраженiе лица его если не сдѣлалось веселѣе, то стало какъ-то мужественнѣе.

О. Василiй, конечно, все это замѣтившiй, постарался подкрѣпить свои поученiя изреченiями аскетовъ:

— Исаакъ святой,—началъ онъ:—сказалъ нижеслѣдующее: «Уста не ропщущiя, но всегда благодарныя, удостоиваются благословенiя Бога; но того, кто всегда предается ропотливости, Онъ не оставитъ безъ наказанiя».

— Я не ропщу, но я упалъ и приникъ духомъ!—возразилъ Егоръ Егорычъ.

— Не зачѣмъ, не нужно! Если Богъ поразилъ васъ жезломъ гнѣва Своего, что̀ Онъ часто дѣлаетъ для испытанія даже святыхъ людей, то неужели же вы вознегодуете на Него за то?

— Нѣтъ! — отвѣтилъ громкимъ и рѣшительнымъ голосомъ Егоръ Егорычъ.

Сусанна Николаевна при этомъ радостно умилилась душой: вѣдая хорошо мужа, она ясно убѣдилась, что онъ воспрянулъ духомъ.

XI.

Тулузова приношеніе было принято въ Петербургѣ; жертвователь былъ награжденъ орденомъ Владимира четвертой степени. Ивану Петровичу тоже прислана была благодарность отъ начальства съ порученіемъ немедленно приступить къ расширенію гимназическаго помѣщенія. Старикъ принялся неистово хлопотать и увѣдомилъ съ нарочнымъ Тулузова о награжденіи его желаннымъ крестомъ. Тулузовъ не замедлилъ лично явиться въ губернскій городъ для выраженія своей благодарности господину директору и, получая изъ рукъ Ивана Петровича патентъ на орденъ, тутъ же, не задумавшись, сдѣлалъ новое предложеніе:

— Сколько я осчастливленъ этой наградой, могу доказать это тѣмъ,—сказалъ онъ:—что готовъ еще пятьдесятъ тысячъ пожертвовать на устройство пансіона для дворянскихъ дѣтей, съ единственнымъ условіемъ, чтобы я назначенъ былъ почетнымъ попечителемъ гимназіи.

— Да непремѣнно!.. Что̀ тутъ и говорить!.. Кого же и назначить, какъ не васъ?.. — воскликнулъ Иванъ Петровичъ, одновременно потрясая своимъ краснымъ носомъ и толстымъ животомъ своимъ, но потомъ, сообразивъ, присовокупилъ нѣсколько опѣшеннымъ голосомъ: — Только вотъ тутъ одно: на эти мѣста назначаетъ не министерство наше, а выбираютъ дворяне!..

— Это я знаю хорошо-съ, — отвѣтилъ ему Тулузовъ: — но вы извольте принять въ расчетъ, что я вношу эту сумму исключительно на учрежденіе дворянскаго пансіона. Надѣюсь, что господа дворяне поймутъ, для чьей пользы я это дѣлаю, и оцѣнятъ мой поступокъ.

— Какъ же не понять, помилуйте! Не олухи же они царя небеснаго!—горячился Иванъ Петровичъ.—Но теперь вопросъ, какъ въ этомъ случаѣ дѣйствовать въ вашу пользу?.. Когда

по начальству это шло, я взялъ да и написалъ, а тутъ какъ и что я могу сдѣлать?.. Конечно, я сегодня поѣду въ клубъ и буду говорить тому, другому, пятому, десятому; а кто ихъ знаетъ, послушаютъ ли они меня; будутъ, пожалуй, только хлопать ушами... Я даже не знаю, когда и баллотировка наступитъ...

— Баллотировка наступитъ въ началѣ будущаго года!— объяснилъ Тулузовъ: — и говорить отдѣльно каждому лицу, имѣющему право выбора, безполезно. Гораздо лучше пока обратиться къ губернскому предводителю.

— Превосходнѣйшая мысль!.. Отличнѣйшая!.. — говорилъ искреннимъ голосомъ Иванъ Петровичъ: — я къ губернскому предводителю поѣду, когда вы только прикажете; онъ хоть чехвалъ и фанфаронъ, но онъ любитъ дворянство, преданъ ему, и я напередъ увѣренъ, что съ сочувствіемъ приметъ ваше благое дѣло.

— Поѣхать бы я васъ просилъ, — сказалъ на это Тулузовъ:—завтра, часовъ въ одиннадцать утра, когда господинъ предводитель только еще просыпается и пьетъ чай; вы съ нимъ предварительно переговорите, передадите ему, какъ сами смотрите на мое предложеніе, а часовъ въ двѣнадцать и я явлюсь къ нему!

— Отлично!.. Безподобно!..—восклицалъ Иванъ Петровичъ, и когда Тулузовъ сталъ съ нимъ прощаться, онъ, по обыкновенію, обнялъ его крѣпко и расцѣловался съ нимъ, послѣ чего Тулузовъ поспѣшно обтеръ себѣ платкомъ лицо, которое Иванъ Петровичъ отъ полноты чувствъ обмазалъ слюнями.

На другой день въ одиннадцать часовъ Артасьевъ, конечно, пріѣхалъ къ губернскому предводителю, жившему въ огромномъ домѣ Петра Григорьича, за который онъ хоть и долженъ былъ платить тысячу рублей въ годъ, но еще въ продолженіе двухъ лѣтъ ни копейки не внесъ въ уплату сей суммы, и здѣсь я считаю нужнымъ довести до свѣдѣнія читателя, что сей преемникъ Крапчика являлъ совершенную противоположность своему предшественнику. У Петра Григорьича всегда было много денегъ, и онъ былъ въ этомъ отношеніи, по-своему, честенъ: не любя уступать и давать своихъ денегъ другимъ, онъ зато и не одолжался ими ни у кого; нынѣшній же губернскій предводитель тоже никогда никому не давалъ денегъ,—можетъ-быть, потому, что у него ихъ никогда не было въ сколько-нибудь сносномъ числѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ самъ онъ ссужался у всѣхъ, кто только имѣлъ глупость или надобность не отказывать ему. По наружности и манерамъ своимъ Петръ Григорьичъ былъ солдатъ, а преемникъ его—маркизъ, съ подбо-

родкомъ, выдающимся впередъ, съ небольшими красивыми руками, съ маленькими высокоподъемистыми ногами. По-французски онъ говорилъ правильнѣе и чище, чѣмъ по-русски. Крапчикъ, какъ мы знаемъ, выслужился изъ ничтожества, а настоящій губернскій предводитель былъ князь и происходилъ отъ старинnаго аристократическаго рода, давно уже, впрочемъ, захудалаго и обѣднѣвшаго. Въ молодости, служа въ гвардіи и будучи мужчиною красивымъ и ловкимъ, князь существовалъ насчетъ слабости женщинъ, потомъ женился на довольно, казалось бы, богатой женщинѣ, но это пошло не въ прокъ, такъ что, бывъ еще уѣзднымъ предводителемъ, успѣлъ все женино состояніе выпустить въ трубу и нынѣ существовалъ болѣе старымъ кредитомъ и нѣкоторыми другими средствами, о которыхъ намъ потомъ придется нѣсколько догадаться.

Сначала губернскій предводитель слушалъ довольно равнодушно, когда Иванъ Петровичъ повѣствовалъ ему, что вотъ одинъ добрый человѣкъ изъ мѣщанскаго сословія, движимый патріотическими и христіанскими чувствами, сдѣлалъ пожертвованіе въ тридцать тысячъ рублей для увеличенія гимназіи, за что и получилъ отъ правительства Владимира.

— Ужъ не на шею ли даже?..—замѣтилъ при этомъ не безъ ироніи губернскій предводитель.

— Гдѣ жъ на шею?.. Будетъ съ него, что и въ петлицу дали; все-таки, согласитесь, получилъ чрезъ то дворянство,— продолжалъ Артасьевъ:—и онъ такъ за это благодаренъ, что жертвуетъ еще пятьдесятъ тысячъ на учрежденіе дворянскаго пансіона при гимназіи съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы дворянство выбрало его въ почетные попечители.

Послѣдними словами Артасьева губернскій предводитель окончательно возмутился.

— Иванъ Петровичъ, что вы такое говорите! — началъ онъ: — какого-то тамъ вчера только испеченнаго дворянина выбрать на такую видную должность! Что же послѣ этого должны будутъ сказать родовые дворяне, которымъ будетъ этимъ дана чисто пощечина?

— Но вы поймите, — старался убѣдить его Иванъ Петровичъ: — дворянство это сдѣлаетъ за пожертвованіе имъ денегъ, на которыя двадцать или даже тридцать мальчиковъ получатъ воспитаніе, будутъ лучшими гражданами своего отечества и образованными слугами государя. И что это за предразсудокъ—въ дѣлѣ столь полезномъ ставить вопросъ о томъ, что по кресту ли дворянинъ или по рожденію?

— Вы ошибаетесь!.. Это не предразсудокъ! Тогда какое же это будетъ дворянское сословіе, когда въ него можетъ поступить каждый, кто получитъ крестъ, а кресты стали давать нынче за деньги... Признаюсь, я не понимаю правительства, которое такъ поступаетъ!.. Иначе ужъ лучше совсѣмъ уничтожить дворянское сословіе, а то гдѣ же тутъ будетъ какая-нибудь преемственность крови?.. Что же касается до вашего жертвователя, то я не знаю, какъ на это взглянетъ дворянство, но самъ я лично положу ему налѣво.

— И грѣхъ вамъ будетъ, грѣхъ! — воскликнулъ почти что со слезами Иванъ Петровичъ.

Въ это время вошелъ, хоть и въ сильно поношенномъ, но ливрейномъ фракѣ, лакей.

— Господинъ Тулузовъ, управляющій госпожи Ченцовой, желаетъ видѣть ваше сіятельство! — доложилъ онъ своему барину.

— А, вотъ, значитъ, и самъ жертвователь пріѣхалъ!—добавилъ къ этому Иванъ Петровичъ.

При одномъ имени Тулузова губернскій предводитель нѣсколько смутился, а отъ словъ Ивана Петровича еще болѣе растерялся.

— Развѣ этотъ жертвователь господинъ Тулузовъ? — спросилъ онъ.

— Онъ, онъ именно самый!—подтвердилъ Иванъ Петровичъ.

Губернскій предводитель рѣшительно не зналъ, что ему предпринять.

— Проси! — приказалъ онъ медленно лакею.

Тотъ ушелъ.

— У меня съ господиномъ Тулузовымъ есть свое небольшое дѣло, и я просилъ бы васъ, почтеннѣйшій Иванъ Петровичъ, перейти на короткое время въ гостиную: я въ нѣсколько минутъ переговорю съ господиномъ Тулузовымъ, а потомъ и васъ снова приглашу сюда, чтобы разсудить о предполагаемомъ дворянскомъ пансіонѣ.

— Пожалуйста, пожалуйста! Сколько угодно вамъ посижу и подожду!—произнесъ простодушный старикъ и вышелъ изъ кабинета.

Губернскій предводитель постарался придать своему лицу ласковое выраженіе, но, впрочемъ, не безъ важности.

Тулузовъ вошелъ, я не скажу, чтобы величаво, но совершенно спокойно, какъ входитъ обыкновенно равный къ равному. Одѣтъ онъ былъ въ черный фракъ съ висѣвшимъ Владимиромъ въ петлицѣ и распространялъ отъ себя, по тогдашней модѣ, довольно чувствительный запахъ пачули.

Губернскій предводитель дружески пожалъ ему руку и просилъ садиться.

Тулузовъ сѣлъ.

— Давно вы пріѣхали въ нашъ богоспасаемый градъ? — началъ губернскій предводитель.

— Вчера! — отвѣчалъ Тулузовъ.

— Но какъ вамъ не совѣстно остановиться не у меня? — укорилъ его хозяинъ: — отдѣленіе, которое вы прежде всегда занимали у Петра Григорьича, у меня совершенно свободно.

— Я не могъ этого сдѣлать, потому что и Катерина Петровна тоже здѣсь.

— Здѣсь? — воскликнулъ какъ бы и радостнымъ голосомъ губернскій предводитель. — Гдѣ жъ она остановилась?.. Опять въ гостиницѣ Архипова?

— Тамъ!

— Mais dites moi,—продолжалъ губернскій предводитель:— не безпокоится ли Катерина Петровна, что я такъ неаккуратенъ въ уплатѣ ей денегъ за квартиру?

— Не думаю, чтобы очень безпокоилась, но была бы, разумѣется, довольна, если бы вы уплатили ихъ ей, — проговорилъ Тулузовъ съ небольшою улыбкой, которая показалась предводителю почти улыбкой дьявола.

— Въ такомъ случаѣ я непремѣнно пріѣду самъ успокоить ее и извиниться передъ нею, — произнесъ смущеннымъ голосомъ предводитель.

— Нѣтъ-съ, не нужно этого! — возразилъ ему Тулузовъ: — Катерина Петровна не вполнѣ и знаетъ это, потому что дѣлами этими исключительно занимаюсь я, и отъ меня все зависитъ.

— Отъ васъ? — переспросилъ губернскій предводитель.

— Отъ меня, и я собственно пріѣхалъ сюда по совершенно иному дѣлу, которымъ очень заинтересованъ и по которому буду просить васъ посодѣйствовать мнѣ... Жаль только, что я Ивана Петровича Артасьева не вижу у васъ: онъ тоже хотѣлъ непремѣнно пріѣхать къ вамъ съ такого же рода просьбою.

— Онъ у меня и сидитъ только въ гостиной.

— Поэтому онъ передалъ вамъ, въ чемъ мое дѣло состоитъ?

— Все до малѣйшихъ подробностей, и я только желалъ бы поточнѣе узнать отъ васъ, какого рода содѣйствія вы желаете имѣть отъ меня?

— Содѣйствія въ томъ отношеніи, чтобы вы повліяли на дворянъ, которые, какъ мнѣ извѣстно, всѣ очень васъ уважаютъ и любятъ; достаточно, я думаю, вамъ сказать имъ

слово за меня, чтобы я былъ выбранъ на должность, которую мнѣ необходимо получить.

— Въ этомъ словѣ за васъ вы можете не сомнѣваться, но вмѣстѣ съ тѣмъ я за всѣхъ поручиться не могу по многимъ причинамъ: вы человѣкъ новый среди дворянства, пришлый, такъ сказать, вы государственной службы, если я не ошибаюсь, совсѣмъ не несли; потомъ вы человѣкъ молодой, неженатый, значитъ, не были еще членомъ нашего общества. Во всемъ этомъ, можетъ-быть, неосновательныя предубѣжденія, однако они, я знаю, существуютъ между здѣшнимъ дворянствомъ; кромѣ того, у меня есть и враги, которые потому положатъ вамъ налѣво, что я буду за васъ.

— Но какъ бы то ни было, я увѣренъ, — возразилъ Тулузовъ: — что на баллотировкѣ вы будете имѣть сильную партію, и партію, надобно сказать, состоящую изъ лучшихъ лицъ дворянства, въ которыхъ вы легко можете разсѣять предубѣжденія, если они будутъ имѣть ихъ противъ меня.

— Что я буду имѣть партію, и партію лучшихъ людей въ губерніи, это правда!.. — началъ-было губернскій предводитель.

— А мнѣ только того и нужно! — перебилъ его Тулузовъ.

— А если этого только и нужно, такъ это дѣло, значитъ, конченное! — заключилъ губернскій предводитель и затѣмъ, склонивъ голову къ дверямъ кабинета, довольно громко крикнулъ: — Mon cher monsieur Артасьевъ, entrez chez nous, s'il vous plait!

Иванъ Петровичъ не замедлилъ войти и, мучимый чувствомъ нетерпѣнія, прежде всего обратился къ Тулузову и спросилъ:

— По нашему дѣлу переговорили что-нибудь съ его превосходительствомъ?

— Переговорилъ! — отвѣчалъ тотъ и опять, какъ показалось это губернскому предводителю, усмѣхнулся какой-то улыбкой дьявола.

Затѣмъ хозяинъ и гости чинно усѣлись по мѣстамъ и стали разсуждать о томъ, какъ предстоящее дѣло устройства дворянскаго пансіона при гимназіи осуществить, и тутъ сразу же затѣялся споръ между Иваномъ Петровичемъ и губернскимъ предводителемъ, изъ коихъ послѣдній объявилъ, что капиталъ, жертвуемый господиномъ Тулузовымъ, долженъ быть внесенъ въ депутатское дворянское собраніе и причисленъ къ дворянскимъ суммамъ.

— Такой порядокъ невозможенъ!—воскликнулъ Артасьевъ:— прежде еще надобно испросить у министра народнаго просвѣщенія разрѣшеніе на устройство пансіона при гимназіи, котораго у меня еще нѣтъ.

— Министръ не можетъ не разрѣшить этого дворянству! — оспаривалъ его губернскій предводитель: — оно устраиваетъ это на свои деньги, а не на казенныя; оно не стадо барановъ и въ массѣ своей не глупѣе вашего министерства.

— Нѣтъ, бараны! — бухнулъ на это Иванъ Петровичъ. — Я самъ здѣшній дворянинъ и знаю, что тоже баранъ, и никому не посовѣтую деньги, предназначенныя на воспитаніе и прокормленіе двадцати-тридцати мальчугановъ, изъ которыхъ, можетъ-быть, выйдутъ Ломоносовы, Пушкины, Державины, отдавать въ коллегію.

— Но что вы разумѣете подъ именемъ коллегіи?.. т.-е. наше депутатское дворянское собраніе? — спросилъ его съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства губернскій предводитель.

— Я разумѣю всѣ коллегіи! — отгрызнулся Иванъ Петровичъ. — Министръ народнаго просвѣщенія лучше насъ распорядится, потому что онъ ближе знаетъ нужды образованія, и оно должно отъ него одного зависѣть, а не отъ нашихъ головъ, которыя еще скорбны для того разумомъ!

— Если вамъ угодно такъ думать о себѣ, то это ваше дѣло, но я вовсе не имѣю такого дурного мнѣнія о своей собственной головѣ! — возражалъ, вспыхивая въ лицѣ, губернскій предводитель.

— Обо всемъ этомъ, я полагаю, рановременно еще говорить, — вмѣшался въ разговоръ Тулузовъ: — и я просилъ бы пока не рѣшать ничего по этому предмету, потому что я въ непродолжительномъ времени поѣду въ Петербургъ и тамъ посовѣтуюсь объ этомъ.

— Поѣзжайте, сударь, поѣзжайте, и я васъ благословляю на это! — воскликнулъ радостно Артасьевъ.

Губернскій же предводитель молчалъ. Онъ, видимо, не благословлялъ такого намѣренія Тулузова, который изъ предыдущаго разговора очень хорошо понялъ, что почтенному маршалу дворянства просто-напросто хотѣлось жертвуемыя на дворянскій пансіонъ деньги прицарапать въ свое распоряженіе, и тогда, ужъ конечно бы, бо́льшая часть сего капитала была израсходована не по прямому своему назначенію. Впрочемъ, не желая выводить губернскаго предводителя изъ его пріятныхъ чаяній, Тулузовъ поспѣшилъ ему сказать:

— Въ Петербургѣ, вѣроятно, такъ и распорядятся, какъ вы предполагаете.

— Безъ сомнѣнія! — произнесъ губернскій предводитель увѣреннымъ тономъ.

— Не распорядятся такъ! — стоялъ на своемъ Иванъ Петровичъ и простился съ хозяиномъ, который, оставшись

вдвоемъ съ Тулузовымъ, проговорилъ, указывая головой вслѣдъ ушедшему Артасьеву:

— Вотъ эти господа коронные чиновники!.. Для того, чтобы поддѣлаться къ министру, они готовы цѣлое сословіе очернить.

— Признаюсь, и мнѣ страннымъ показалось такое мнѣніе Ивана Петровича, — сказалъ тономъ сожалѣнія Тулузовъ, затѣмъ тоже раскланялся и вышелъ, но, сойдя на крыльцо, онъ, къ удивленію своему, увидалъ, что у подъѣзда стояли безобразныя, обтертыя и облупившіяся дрожки Ивана Петровича, въ которыхъ тотъ, возсѣдая, крикнулъ ему:

— Сюда, сюда, ко мнѣ пожалуйте!

— У меня есть извозчикъ, — возразилъ-было ему Тулузовъ.

— Это все равно! Сюда пожалуйте! — повторилъ Иванъ Петровичъ.

Тулузовъ, дѣлать нечего, сѣлъ. Дрожки, везомыя парою высокихъ клячъ, тронулись, при чемъ задребезжали, зазвенѣли и даже какъ будто бы завизжали. Иванъ Петровичъ сейчасъ началъ выговаривать Тулузову:

— Какъ вамъ не стыдно ваши деньги довѣрять депутатскому дворянскому собранію! Еще надобно спросить, цѣлы ли у нихъ и прочія дворянскія суммы? Вы прислушайтесь, что объ этомъ говорятъ въ обществѣ!

— Но, почтеннѣйшій Иванъ Петровичъ, мнѣ теперь неловко въ чемъ бы то ни было противорѣчить господину губернскому предводителю, поймите вы это! Отъ него зависитъ успѣхъ моей баллотировки.

— О, если такъ, то конечно! — согласился Иванъ Петровичъ: — и я даже при встрѣчѣ съ княземъ повторю ему, что вы желаете пожертвовать деньги собственно дворянству, а дѣло-то мы сдѣлаемъ по-нашему, — заключилъ онъ и щелкнулъ отъ удовольствія двумя пальцами.

— Сдѣлается по-нашему! — повторилъ и Тулузовъ: — но только вы, Бога ради, не выдайте меня!

— О, пожалуйста, будьте покойны!.. Я тоже, батенька, умѣю хитрить! Недаромъ шестьдесятъ пять лѣтъ прожилъ на свѣтѣ и совершенно согласенъ съ Грибоѣдовымъ, что при нашихъ нравахъ умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ!— проговорилъ Иванъ Петровичъ, простодушно считавшій себя не только умнымъ, но даже и хитрымъ человѣкомъ.

У гостиницы Архипова Тулузовъ вылѣзъ изъ экипажа Ивана Петровича и хоть замѣтно былъ взволнованъ и утомленъ всѣми этими объясненіями, но, какъ человѣкъ воли несокрушимой и привыкшій ковать желѣзо, пока горячо, онъ, возвратясь домой, затѣялъ съ Екатериной Петровной довольно щекотливый раз-

говоръ, еще и прежде того неоднократно имъ начинаемый, но какъ-то никогда не доходившій между ними до конца. Екатерина Петровна, которая, конечно, знала, куда и зачѣмъ ѣздилъ Тулузовъ, ждала его съ нетерпѣніемъ и, едва только онъ вошелъ къ ней, спросила:

— Ну, что, съ успѣхомъ?

— Съ успѣхомъ и съ неуспѣхомъ! — отвѣчалъ ей Тулузовъ и сѣлъ.

Екатерина Петровна посмотрѣла на него съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, не совсѣмъ понимая его отвѣтъ.

— Въ чемъ же неуспѣхъ состоялъ? — проговорила она.

— Въ томъ, что въ настоящемъ моемъ положеніи, какъ я есть, врядъ ли меня выберутъ въ попечители гимназіи.

— Поэтому они и денегъ не принимаютъ?

— Деньги принимаютъ!.. Сколько угодно преподнеси! Всѣ примутъ!.. Но наградить за нихъ—это другое дѣло!

— Да ты не Богъ знаетъ какой большой награды требуешь, и очень натурально, что, какъ ты говорилъ, жертвуя деньги, хочешь хоть немного наблюдать, куда эти деньги будутъ расходоваться... И что же, дурачокъ Артасьевъ этотъ противъ твоего избранія?

— Наоборотъ, Артасьевъ очень желаетъ, чтобы я былъ выбранъ, а губернскій предводитель, у котораго я сейчасъ былъ, колеблется дать мнѣ рѣшительное обѣщаніе.

— Ахъ, онъ панъ Гологордовскій, прощелыга этакій! — произнесла съ гнѣвомъ Екатерина Петровна. — Онъ смѣетъ колебаться, когда я ему дѣлала столько одолженій: онъ живетъ въ моемъ домѣ въ долгъ; кромѣ того, у меня на него тысячи на три расписокъ, которыя онъ перебралъ у отца въ разное время... Въ случаѣ, если онъ не будетъ тебѣ содѣйствовать, я подамъ все это ко взысканію.

— Вы разсуждаете, какъ женщина! — возразилъ ей съ легкой досадой Тутузовъ. — Чѣмъ тутъ виноватъ губернскій предводитель?.. Какъ ни значительно его вліяніе на баллотировкѣ, но выбираетъ не онъ одинъ, а всѣ дворяне, которые — что, по-моему, весьма справедливо — всѣ будутъ имѣть противъ меня предубѣжденіе.

— Какое же и почему? — спросила Екатерина Петровна.

— Во-первыхъ, до сихъ поръ я еще только наемный управляющій вашъ, котораго вы каждую минуту можете прогнать... Потомъ я человѣкъ холостой, одинокій, а поэтому никого не могу принять къ себѣ, чѣмъ-либо позабавить, что господа дворяне любятъ больше всего!

— Отчего жъ тебѣ не принять ихъ и не повеселить? —

замѣтила Екатерина Петровна, но не очень рѣшительнымъ тономъ.

— Полулакею-то вашему?.. Неудобно, я думаю! — возразилъ съ саркастической усмѣшкой Тулузовъ. — Да, вѣроятно, изъ господъ дворянъ ко мнѣ никто и не поѣдетъ; словомъ, все это сводится къ тому, что если вы меня искренно любите, то должны осчастливить вашимъ супружествомъ со мной. Тогда я сразу дѣлаюсь инымъ человѣкомъ: я уже не проходимецъ, не выскочка, я мужъ вашъ и зять покойнаго Петра Григорьича... Я наконецъ совмѣстный съ вами владѣлецъ одного изъ огромнѣйшихъ состояній въ губерніи, и тогда я посмотрю, какъ господа дворяне посмѣютъ не выбрать меня въ попечители гимназіи!

Послѣднія слова Тулузовъ произнесъ съ замѣтнымъ пафосомъ, а Екатерина Петровна покраснѣла, и все лицо ея мгновенно подернулось какъ бы облакомъ печали.

— Все это, не спорю, правда, — начала она: — но ты забываешь, что мнѣ, послѣ моего перваго несчастнаго брака, страшно даже подумать выйти когда-нибудь опять замужъ.

— Страхъ этотъ совершенно неосновательенъ; можно выходить и во второй разъ, и въ третій; надобно только знать, за кого выходите вы; и я, кажется, въ этомъ отношеніи не похожъ нисколько на господина Ченцова.

— Нѣтъ, — возразила Катринъ: — нельзя выходить такъ, безъ оглядки, какъ мы выходимъ въ первый разъ, и я теперь тебѣ скажу всю правду: когда я еще дѣвушкою до безумія влюбилась въ Ченцова, то однажды за ужиномъ прямо намекнула ему, что люблю его, и онъ мнѣ намекнулъ, что онъ это видитъ, но что онъ боится меня, а я ему тогда сказала, что я не боюсь его... Предчувствіе не обмануло Валерьяна: я въ самомъ дѣлѣ погубила его моей любовью; а теперь, напротивъ, я, Василій Иванычъ, боюсь васъ и предчувствую, что вы погубите меня вашей любовью!

Тулузовъ усмѣхнулся своею злою улыбкой и произнесъ:

— Извините меня, Катерина Петровна, я ничего не понялъ изъ всего, что вы изволили сказать!

— Что же тутъ такое для васъ непонятно? Можетъ-быть, я дурно выразилась, но это такъ! — повторила Екатерина Петровна.

Говоря правду, это было не вполнѣ такъ: страхъ къ Тулузову въ Катринъ дѣйствительно существовалъ, но къ этому примѣшивались и другія чувствованія и мысли. Почему Катринъ сошлась съ Тулузовымъ, она, вѣроятно, и сама бы не могла съ точностью опредѣлить. Болѣе всего, думаю, тутъ

властвовало то душевное настроеніе, которое французы давно уже назвали раг dépit, т.-е. чтобы изъ гнѣва и досады на мужа за его измѣну отплатить ему поскорѣе тѣмъ же. Можетъ-быть, тутъ служила нѣкоторымъ импульсомъ и страстная натура Екатерины Петровны, извѣдавшей наслажденія чувственной любви, а наконецъ она видѣла въ Тулузовѣ человѣка безусловно ей преданнаго и весьма по ея обстоятельствамъ полезнаго. Но въ то же время идеаломъ мужчины, какимъ нѣкогда являлся ей Ченцовъ, Тулузовъ никогда не могъ быть для нея. Сверхъ того, Катринъ почти буква въ букву раздѣляла мнѣніе губернскаго предводителя, сказавшаго, что Тулузовъ вчера только испеченный дворянинъ, и всегда даже старалась не думать, какого происхожденія былъ Тулузовъ, между тѣмъ какъ она дочь генерала и женщина съ такимъ огромнымъ состояніемъ. Имѣть своимъ любовникомъ Тулузова Екатеринѣ Петровнѣ тоже казалось дѣломъ не совсѣмъ приличнымъ, но все-таки это оставалось въ полутайнѣ, въ полумракѣ, и она всегда и передъ каждымъ могла запереться въ томъ; но выйти за него замужъ—это уже значило явно передъ всѣмъ обществомъ признать его за человѣка равнаго себѣ, чего Екатерина Петровна вовсе не думала. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ соображеній, Екатерина Петровна произнесла неторопливо:

— По пословицѣ: обожжешься на молочкѣ, будешь дуть и на воду, и я должна еще подумать и долго подумать о твоемъ предложеніи, Базиль!

Лицо Тулузова при этомъ исказилось злостью.

— Думать долго тутъ невозможно, — сказалъ онъ:—потому что баллотировка назначена въ началѣ будущаго года: если вы удостоите меня чести быть вашимъ супругомъ, то я буду выбранъ, а если нѣтъ, то не рѣшусь и баллотироваться и принужденъ буду, какъ ни тяжело мнѣ это, оставить службу вашего управляющаго и уѣхать куда-нибудь въ другое мѣсто, чтобы устроить себѣ хоть бы маленькую карьеру.

— А меня такъ и покинешь совсѣмъ?—спросила его Екатерина Петровна съ навернувшимися слезами на глазахъ.

— Я полагаю, что вы сами пожелаете этого, потому что вамъ неловко же будетъ ѣздить всюду за мной, и въ качествѣ какого рода женщины? Вы мнѣ не сестра, не родственница...

— Я и не хочу ѣздить за тобой, а хочу, чтобы ты оставался здѣсь со мной... И неужели же тебѣ карьера твоя дороже меня, и почему эта проклятая должность попечителя устроитъ твою карьеру?

— По весьма простой причинѣ,—объяснилъ ей Тулузовъ:— служа на этомъ мѣстѣ, я черезъ шесть лѣтъ могу быть утвержденъ въ чинѣ статскаго совѣтника, а отъ этого недалеко получить и дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и такимъ образомъ я буду такой же генералъ, какимъ былъ и вашъ отецъ.

— Но за что же все это тебѣ дадутъ и такъ тебя наградятъ?—допытывалась Катринъ.

— Да за тѣ же пожертвованія, которыя, не скрою отъ васъ, можетъ-быть, въ теченіе всей моей службы достигнутъ тысячъ до ста, что, конечно, нисколько не разоритъ васъ, между тѣмъ они мнѣ и вамъ дадутъ генеральство.

Катринъ сомнительно покачала головою. Тулузовъ, конечно, это замѣтилъ и, понявъ, что она въ этомъ случаѣ не совсѣмъ довѣряетъ его словамъ, рѣшился направить ударъ для достиженія своей цѣли на самую чувствительную струну женскаго сердца.

— Кромѣ всего этого,—продолжалъ онъ:—есть еще одно, по-моему, самое важное для васъ и для меня обстоятельство. Вы теперь вдова, вдова въ продолженіе десяти мѣсяцевъ. Всѣ очень хорошо знаютъ, что вы разошлись съ мужемъ, не бывши беременною, и вдругъ васъ постигнетъ это, что весьма возможно, и вы не дальше какъ сегодня выражали мнѣ опасенія ваши насчетъ этого!

— Я до сихъ поръ опасаюсь и только думаю, что ребенка можно будетъ скрыть, отдать къ кому-нибудь на воспитаніе.

— Это вы такъ теперь говорите, а какъ у васъ явится ребенокъ, тогда ни вы ни я на чужія руки его не отдадимъ, а какая же будетъ судьба этого несчастнаго существа, вслѣдъ за которымъ можетъ явиться другой, третій ребенокъ, — неужели же всѣхъ ихъ утаивать и забрасывать куда-то безъ имени, безъ званія, какъ щенятъ какихъ-то?..

Слова эти покоробили Екатерину Петровну.

— Неужели же я это думаю!—сказала она.

— Вы думаете или нѣтъ, но это необходимо заранѣе имѣть въ виду, потому что, когда это случится, такъ поздно поправлять. Вы знаете, какъ нынѣшній государь строго на это смотритъ, — онъ на ходатайствахъ объ усыновленіи пишетъ своей рукой: «на беззаконіе нѣтъ закона».

Катринъ промолчала и покачала только головой. Она очень хорошо понимала, что ея воля была гораздо слабѣе воли Тулузова, и что она зашла въ своихъ дурачествахъ въ жизни такъ далеко, что ей воротиться назадъ было нельзя!

Перенесусь однако моимъ воображеніемъ къ другой женщинѣ, на которую читатель обратилъ, вѣроятно, весьма малое вниманіе, но которая, смѣло завѣряю, была въ извѣстномъ отношеніи поэтичнѣе Катринъ. Я разумѣю косую даму, которая теперь до того ужъ постарѣла, что грѣшить даже перестала. Ни на кого въ цѣломъ губернскомъ городѣ не произвело извѣстіе о самоубійствѣ Ченцова такого потрясающаго впечатлѣнія, какъ на нее. Несмотря на нѣсколько паденій, которыя она совершила послѣ разрыва съ Валерьяномъ Николаичемъ, онъ до сихъ поръ оставался въ ея воображеніи окруженный ореоломъ поэзіи. Узнавъ, что онъ убилъ себя и убилъ отъ любви къ какой-то крестьянкѣ, она всплеснула руками и воскликнула:

— Этому и должно было быть!

Затѣмъ она не заплакала, а заревѣла, и ревѣла всю ночь до опухоли глазъ, а потомъ на другой день принялась ѣздить по всѣмъ знакомымъ и разспрашивать о подробностяхъ самоубійства Валерьяна Николаича; но никто, конечно, не могъ сообщить ей того; однако вскорѣ потомъ къ ней вдругъ нежданно-негаданно явилась знакомая намъ богомолка съ усами, прямо изъ мѣста своего жительства, т.-е. изъ окрестностей Синькова. Косая дама несказанно обрадовалась сей дѣвицѣ и, усадивъ ее за самоваръ, начала накачивать ее чаемъ и даже водкой, которую странница, по своей скитальческой жизни, очень любила, а потомъ принялась разспрашивать:

— Не бывали ли вы въ Синьковѣ и не слыхали ли чего, что̀ тамъ творится?

— Была, была, сударыня!—забасила словоохотливая странница, удовлетворивъ своему алчущему и жаждущему мамону:— супругъ Катерины Петровны удавился!

— Ахъ, нѣтъ, застрѣлился! — поправила ее сентиментальнымъ голосомъ косая дама.

— Такъ, такъ, такъ!—басила богомолка.—Ой, я больно натоптала снѣгомъ, вонъ какая лужа течетъ изъ-подъ меня!— добавила она, взглянувъ на полъ, по которому въ самомъ дѣлѣ текъ цѣлый потокъ отъ растаявшаго снѣга, принесеннаго ею на сапогахъ.

— Ничего, разсказывайте!—успокоила ее тѣмъ же чувствительнымъ голосомъ косая дама и, чтобы возбудить старуху къ большей откровенности, налила ей еще рюмку, которую та, произнеся: «Христу во спасеніе!», выпила и, закусивъ кусочкомъ сахару, продолжала:

— Плеха-то баринова тоже померла; инъ, дьяволицѣ не-

понутру пришлось, какъ изъ барынь-то попала опять въ рабы!

— Марья Егоровна, какъ же это вы такъ выражаетесь!— остановила богомолку косая дама.—Она любила его.

— Пожалуй, люби! Ишь, псицы этакія, мало ли кого онѣ любятъ.

— Но неужели же вы сами никогда не любили?

Старуха на это отрицательно и сердито покачала головой. Что было прежде, когда сія странная дѣвица не имѣла еще столь большихъ усовъ и ходила не въ мужицкихъ сапогахъ съ подковами, неизвѣстно, но теперь она жила подъ вліяніемъ лишь трехъ нравственныхъ двигателей: во-первыхъ, благоговѣнія передъ мощами и обоготворенія ихъ; во-вторыхъ, чувства дворянки, никогда въ ней не умолкавшаго, и наконецъ неудержимой наклонности шлендать всюду, куда только у нея доставало силы добраться.

— А сама Катерина Петровна здорова? Ничего съ ней не было послѣ ея потери? — продолжала разспрашивать косая дама.

— Что ей дѣлается? Барыня богатая! — почти что лаяла богомолка:—замужъ вышла за своего управляющаго...

— Вотъ это лучше всего!—произнесла разслабленнымъ голосомъ косая дама: — послѣ Валерьяна сдѣлаться женой я и не знаю кого...

— Приказный, сказываютъ; за приказнаго вышла, изъ кутейниковъ али изъ мѣщанъ, прахъ его знаетъ! Все же, матушка, лучше; тоже, сказываютъ, она тяжела отъ него, грѣхъ свой прикроетъ: святое все святитъ, хоть тоже, какъ прислуга разсказываетъ, ей шибко не хотѣлось итти за него. Помня родителя своего (тотъ большой былъ человѣкъ), цѣлую недѣлю передъ свадьбой-то плакала и все съ горничной своей совѣщалась. «Вы, говоритъ, мои милыя, не осудите меня, что я за Василья Иваныча выхожу, онъ теперь ужъ дворянинъ и скоро будетъ генералъ. Вы его слушайтесь и любите его!» А что его хошь бы дворовымъ али крестьянамъ любить? Какъ есть злодѣй! Можетъ, будетъ почище покойнаго Петра Григорьича, и какой промежъ всего ихняго народа идетъ плачъ и стонъ,—сказать того не можно!

Всѣхъ этихъ подробностей косая дама почти не слушала, и въ ея воображеніи носился образъ Валерьяна, и особенно ей въ настоящія минуты живо представлялось, какъ она, дошедшая до физіологическаго отвращенія къ своему постоянно пьяному мужу, обманувъ его всевозможными способами, ускакала въ Москву къ Ченцову, бывшему тогда еще студентомъ,

пріѣхала къ нему въ номеръ и поселилась съ нимъ въ самомъ верхнемъ этажѣ тогдашняго дома Глазунова, гдѣ цѣлые вечера, опершись грудью на горячую руку Валерьяна, она глядѣла въ окна, при чемъ онъ, взглядывая по временамъ то на нее, то на небо, произносилъ:

— Ночь лимономъ пахнетъ!

— Ночь лимономъ пахнетъ! — повторяла и она за нимъ полушопотомъ, между тѣмъ какъ Тверская и до сихъ поръ не пахнетъ какимъ-нибудь поэтическимъ запахомъ, и при этомъ невольно спросишь себя: гдѣ жъ ты, поэзія, существуешь? Въ окружающей ли человѣка счастливой природѣ или въ душѣ его? Отвѣтъ, кажется, одинъ: въ духѣ человѣческомъ.

XII.

Однажды все кузьмищевское общество, со включеніемъ отца Василія, сидѣло, по обыкновенію, въ гостиной; сверхъ того, тутъ находился и пріѣзжій гость, Аггей Никитичъ Звѣревъ, возвратившійся съ своей ревизіи. Трудно вообразить себѣ, до какой степени измѣнился этотъ могучій человѣкъ за послѣднее время: онъ сгорбился, осунулся и имѣлъ какой-то растерянный видъ. Причину такой перемѣны читатель, вѣроятно, угадываетъ.

Егоръ Егорычъ, въ свою очередь, замѣтившій это, спросилъ его:

— Что, вы довольны или недовольны вашей ревизіей?

— Развѣ можно тутъ быть довольнымъ! — отвѣчалъ съ грустной усмѣшкой Аггей Никитичъ.

— Отчего и почему?—воскликнулъ Егоръ Егорычъ.

— Послѣ, я наединѣ, если позволите, переговорю съ вами объ этомъ.

— Позволю и даже прошу васъ сказать мнѣ это!

— Еще бы мнѣ не сказать вамъ! Отцу родному чего не сказалъ бы, а ужъ вамъ скажу!

Должно замѣтить, что все общество размѣщалось въ гостиной слѣдующимъ образомъ: Егоръ Егорычъ, Сверстовъ и Аггей Никитичъ сидѣли у средняго стола, а рядомъ съ мужемъ была, конечно, и Сусанна Николаевна; на другомъ же боковомъ столѣ gnädige Frau и о. Василій играли въ шахматы. Лицо gnädige Frau одновременно изображало большое вниманіе и удовольствіе: она вторую ужъ партію выигрывала у о. Василія, тогда какъ онъ отлично игралъ въ шахматы и въ этомъ отношеніи врядъ ли уступалъ первому ея мужу, пастору, нѣкогда считавшемуся въ Ревелѣ, приморскомъ городѣ, первымъ шахматнымъ игро-

комъ. Вообще gnädige Frau съ самой проповѣди о. Василія, которую онъ сказалъ на свадьбѣ Егора Егорыча, потомъ, помня, какъ онъ пріятно и стройно пѣлъ подъ ея игру на фортепіано послѣ ихъ трапезы любви масонскія пѣсни, и наконецъ побесѣдовавъ съ нимъ неоднократно о догматахъ ихъ общаго ученія, стала питать большое уваженіе къ этому русскому попу.

Между тѣмъ Егоръ Егорычъ продолжалъ разговаривать съ Аггеемъ Никитичемъ.

— И что же вы, объѣзжая уѣзды, познакомились съ кѣмъ-нибудь изъ здѣшняго дворянства? — спросилъ овъ, видя, что Звѣревъ нѣтъ-нѣтъ да и задумается.

— Почти ни съ кѣмъ! — проговорилъ Аггей Никитичъ:—все какъ-то не до того было!.. Впрочемъ, въ этомъ, знаете, самомъ дальнемъ отсюда городкѣ имѣлъ честь быть представленъ вашей, кажется, родственницѣ, madame Ченцовой, которой (что, вѣроятно, извѣстно вамъ) супругъ скончался въ Петербургѣ.

— Да, онъ умеръ! — поспѣшила сказать Сусанна Николаевна, взглянувъ съ нѣкоторымъ страхомъ на Егора Егорыча, который, впрочемъ, при этомъ только нахмурился немного и отнесся къ Аггею Никитичу съ нѣкоторой ироніей:

— Ну, и какъ же она вамъ понравилась?

Аггей Никитичъ глубокомысленно повелъ бровями.

— По наружности это, что говорить, belle femme, — опредѣлилъ онъ французскимъ выраженіемъ:—но все-таки это не дворянская красота.

— А какая же? — выпытывалъ его Егоръ Егорычъ.

— Да такая, что она скорѣй жидовка, или цыганка, или зырянка изъ сибирячекъ, какъ я вотъ видалъ этакихъ! — объяснилъ Аггей Никитичъ, видимо, начавшій съ большимъ одушевленіемъ говорить, какъ только рѣчь зашла о женской красотѣ.

Егоръ Егорычъ и Сусанна Николаевна при этомъ переглянулись между собой.

— По какому же поводу вы представлялись госпожѣ Ченцовой?—спросилъ опять съ тою же ироніей Егоръ Егорычъ.

— Да я и самъ не знаю какъ! — отвѣчалъ наивно Аггей Никитичъ. — Она замужъ выходила въ этомъ городишкѣ, и мнѣ, вмѣстѣ съ другими, было прислано приглашеніе... Я думаю, что жъ, неловко не ѣхать, такъ какъ она родственница ваша!..

— Но за кого она могла выйти? — воскликнулъ Егоръ Егорычъ.

— Вышла она за управляющаго своего, господина Тулузова! — отвѣтилъ Аггей Никитичъ.

Услышавъ эту фамилію, Сверстовъ вдругъ приподнялъ свою наклоненную голову и сталъ гораздо внимательнѣе прислушиваться къ тому, что̀ разсказывалъ Аггей Никитичъ.

— И свадьба, я вамъ доложу, — продолжалъ тотъ: — была великолѣпная!.. Вѣнчаніе происходило въ городскомъ соборѣ, потому что Катерина Петровна считала низкимъ для себя вѣнчаться въ своей сельской церкви, а потомъ все духовенство, всѣ чиновники, въ томъ числѣ и я, поѣхали къ молодымъ въ усадьбу, которая, вы знаете, верстахъ въ пяти отъ города. Домъ тамъ, безъ преувеличенія можно сказать,—дворецъ! Все это вездѣ хрусталь, люстры, свѣчи восковыя!.. За ужиномъ шампанское рѣкой лилось... Послѣ того фейерверкъ, который дѣлалъ какой-то провизоръ изъ аптеки, а потому можете судить, что̀ онъ понимаетъ?.. Мнѣ сначала, знаете, какъ человѣку, тоже видавшему на своемъ вѣку фейерверки, было просто смѣшно видѣть, какъ у нихъ то одно не загорится, то другое не во̀-время лопнетъ, а наконецъ сдѣлалось страшно, когда вдругъ этакихъ нѣсколько шутихъ пустили въ народъ и главнымъ образомъ въ бабъ и дѣвокъ... Слышу — крикъ, пискъ, визгъ промежъ ихъ, а господа сидятъ и смѣются этому... Это, изволите видѣть, господинъ Тулузовъ приказалъ сдѣлать, чтобы развеселить свою супругу и гостей!.. Глупо, по-моему, и свинство еще вдобавокъ!..

— Что̀ же, этотъ управляющій красивъ собой? — спросилъ Егоръ Егорычъ.

— Ничего нѣтъ особеннаго; малый еще не старый, видный изъ себя, рыжеватый, глаза у него совсѣмъ желтые, какъ у волка, но умный, должно-быть, и бойкій, только манеръ благородныхъ не имѣетъ, какъ онъ тамъ ни задаетъ форсу и ни важничаетъ.

— Но чѣмъ же однако онъ плѣнилъ Катерину Петровну?—отнесся Егоръ Егорычъ какъ бы больше къ Сусаннѣ Николаевнѣ.

Та отвѣчала ему только грустною улыбкой.

— Про это разсказываютъ... — началъ-было Аггей Никитичъ нѣсколько таинственно, но тутъ же и позамялся. Впрочемъ, припомнивъ, какъ въ подобномъ случаѣ поступилъ Мартынъ Степанычъ, онъ повторилъ его фразу:—Я надѣюсь, что здѣсь можно говорить все откровенно?

— Все и непремѣнно откровенно! — пробормоталъ Егоръ Егорычъ.

— Разсказываютъ, — продолжалъ Аггей Никитичъ: — что

онъ былъ приближенный Катерины Петровны, и что не она ревновала вашего племянника, а онъ, и изъ этого пошли у нихъ всѣ неудовольствія.

— Не можетъ быть!—отвергнула Сусанна Николаевна.

— Очень это возможно!—возразилъ ей Егоръ Егорычъ.

— А какъ имя и отчество господина Тулузова?—вмѣшался вдругъ въ разговоръ Сверстовъ.

— Имя-съ?.. Позвольте: Василій... или какъ его?.. Но вотъ что̀ лучше: со мной билетъ пригласительный на свадьбу!..

Проговоривъ это, Аггей Никитичъ вынулъ и подалъ доктору раздушенный и разукрашенный виньетками свадебный билетъ Тулузовыхъ, начало котораго Сверстовъ прочелъ вполголоса:

— «Василій Ивановичъ Тулузовъ и Екатерина»... Гмм! — заключилъ онъ, какъ бы нѣчто соображая, а потомъ обратился къ женѣ своей:

— Gnädige Frau, помнишь ты этого мальчика, котораго когда убили, то я написалъ письмо къ Егору Егорычу?

— Помню!

— А какъ его звали?

— Васенькой.

— И ты этого не перевираешь?

— Нисколько, потому что онъ ребенкомъ еще ходилъ къ намъ и приносилъ зелень отъ отца, — отвѣчала съ увѣренностью и точностью gnädige Frau, хоть и занята была размышленіемъ о весьма важномъ ходѣ пѣшкою.

— Гмм!—снова произнесъ какъ бы больше самъ съ собою Сверстовъ.

На это восклицаніе его, а равно и на какое-то лукавое выраженіе въ лицѣ, что̀ было совершенно несвойственно Сверстову, Егоръ Егорычъ невольно обратилъ вниманіе.

— Что̀ васъ тутъ такъ интересуетъ?—сказалъ онъ.

— Такъ, одно странное совпаденіе!..—отвѣчалъ, видимо, не договоривъ всего, Сверстовъ.—А не знаете ли вы, изъ какого собственно званія господинъ Тулузовъ: поповичъ ли онъ, дворянинъ ли, чиновникъ ли? — добавилъ онъ, обращаясь къ Аггею Никитичу.

— Говорятъ, вначалѣ былъ мѣщанинъ,—объяснилъ тотъ:— потомъ сталъ учителемъ, служилъ послѣ того въ земскомъ судѣ, гдѣ получилъ первый чинъ, и затѣмъ сдѣлалъ пожертвованіе на улучшеніе гимназіи ни много ни мало, какъ въ тридцать тысячъ рублей; ему за это Владимира прицѣпили, и теперь онъ поэтому дворянинъ!

— О, проходимецъ, должно-быть, великій! — воскликнулъ Егоръ Егорычъ.

— Должно-быть!—повторилъ и Аггей Никитичъ.—Но, говорятъ, онъ дальше того лѣзетъ и предлагаетъ устроить при гимназіи пансіонъ для дворянскихъ дѣтей и проситъ только, чтобы его выбрали въ попечители.

— Ну, это онъ шалитъ! — подхватилъ съ азартомъ Егоръ Егорычъ.—Я нарочно поѣду для этого на баллотировку, и мы его съ позоромъ черняками закатаемъ! Скорѣе верблюдъ пролѣзетъ въ игольное ухо, чѣмъ онъ попадетъ въ попечители!

— Вамъ всѣ тамошніе чиновники будутъ за это благодарны, — продолжалъ Аггей Никитичъ, совершенно неспособный отъ себя что-либо выдумывать, а передававшій только то, что̀ ему натрубили со всѣхъ сторонъ въ уши. — Между прочимъ, мнѣ тутошній исправникъ, старичокъ почтенный, ополченецъ двѣнадцатаго года (замѣчаю здѣсь для читателя, — тотъ самый ополченецъ, котораго онъ встрѣтилъ на балу у Петра Григорьича)—исправникъ этотъ разсказывалъ: «Я, говоритъ, теперь, по слабости моего здоровья, оставляю службу... Мнѣ все равно, но обидно: сколько лѣтъ я прослужилъ дворянству и, по пословицѣ, рѣпы пареной не выслужилъ, а тутъ неизвѣстнаго человѣка возведутъ въ должность попечителя, и онъ прямо очутится въ бѣлоштанникахъ».

— Это еще буки!.. Пусть онъ лучше побережетъ свои черные штаны, а бѣлыхъ мы ему не дадимъ! — говорилъ гнѣвнымъ и рѣшительнымъ голосомъ Егоръ Егорычъ.

Сверстовъ, внимательно слушавшій весь этотъ разговоръ, тряхнулъ на этомъ мѣстѣ головою и спросилъ:

— А не извѣстно ли вамъ, откуда по мѣсту своего рожденія этотъ будущій бѣлоштанникъ?

— Нѣтъ-съ, не знаю, и слышалъ только, что здѣсь у него нѣтъ ни роду ни племени.

Доктору, кажется, досадно было, что Аггей Никитичъ не знаетъ этого, и, какъ бы желая поразобраться съ своими собственными мыслями, онъ вышелъ изъ гостинной въ залу, гдѣ принялся ходить взадъ и впередъ, при чемъ лицо его изображало то какое-то недоумѣніе, то увѣренность, и въ послѣднемъ случаѣ глаза его загорались, и онъ начиналъ произносить самъ съ собою отрывистыя слова. Когда потомъ gnädige Frau, переставъ играть въ шахматы съ отцомъ Василіемъ, вышла проводить того, Сверстовъ сказалъ ей:

— Мнѣ нужно съ тобой переговорить.

— Хорошо,—отвѣчала gnädige Frau и, распростившись окончательно съ своимъ партнеромъ, подошла къ мужу; онъ взялъ ее за руку и, помѣстившись рядомъ съ нею на самыхъ отдаленныхъ отъ гостиной стульяхъ, вступилъ съ нею въ тихій разговоръ.

— Ты слышала, что̀ этотъ баринъ, Звѣревъ, разсказывалъ про Ченцову, племянницу Егора Егорыча?—спросилъ онъ.

— Слышала,—она вышла замужъ!—проговорила gnädige Frau.

— Это, чортъ ее дери, пускай бы выходила, но тутъ другая штука,—за кого именно она вышла?

— За управляющаго своего!

— И то бы ничего, хоть бы за конюха!—восклицалъ Сверстовъ:—но она вышла за Василія Иваныча Тулузова!

— За Тулузова?—повторила gnädige Frau:—это такая фамилія у теперешняго ея мужа?

— Такая!—отвѣчалъ со злобой въ голосѣ Сверстовъ.

Gnädige Frau не совсѣмъ, впрочемъ, понимала, что̀ именно хочетъ сказать докторъ и къ чему онъ клонитъ разговоръ.

— Ты поэтому и раскуси, въ чемъ тутъ загвоздка!—дополнилъ онъ ей.

Gnädige Frau соображала. Она далеко стала не столь проницательна, какъ была прежде.

— Я ничего не могу тутъ раскусить; полагаю только, что Катерина Петровна вышла не за того Василія Иваныча Тулузова, котораго мы знали, потому что онъ давно убитъ.

— Да-съ, но паспортъ его не убитъ и существуетъ, и котораго однако при освидѣтельствованіи трупа, такъ же, какъ и денегъ, не нашли... Неужели же тебѣ и теперь не ясно?

Но для gnädige Frau теперь ужъ все было ясно, и она, только по своей разсудительности, хотѣла мужу сдѣлать еще нѣсколько вопросовъ.

— Стало-быть, ты думаешь, что здѣшній Тулузовъ—убійца мальчика Тулузова?—произнесла неторопливо и все еще сомнѣвающимся тономъ gnädige Frau.

— А у кого же у другого могъ очутиться его паспортъ, и кому нужно было имъ воспользоваться, какъ не убійцѣ?

Gnädige Frau была съ этимъ несогласна.

— Воспользовавшись, онъ скорѣй всего изобличилъ бы себя тѣмъ!.. Ему было бы безопаснѣе жить съ своимъ паспортомъ,—сказала она.

— Да собственнаго-то виду у него, можетъ-быть, и не было!.. Онъ, можетъ-быть, какой-нибудь бѣглый!.. Тамъ этакихъ господъ много проходитъ!—объяснилъ, въ свою очередь, тоже довольно правдоподобно, Сверстовъ.—Мнѣ главнымъ образомъ надобно узнать, изъ какого именно города значится по паспорту господинъ Тулузовъ... Помнишь, я тогда еще сказалъ, что я, и не кто другой, какъ я, открою убійцу этого мальчика!

— А Егору Егорычу ты будешь говорить объ этомъ?—спросила gnädige Frau.

— Пока еще нѣтъ, а потомъ, какъ запасусь документикомъ, скажу.

— Ты при этомъ не забудь, что это будетъ ему очень непріятно узнать!.. М-те Ченцова—его племянница и вышла замужъ... за кого?.. Самъ ты посуди!

— Что жъ изъ того, что она племянница ему?—почти крикнулъ на жену Сверстовъ.—Неужели ты думаешь, что Егоръ Егорычъ для какой бы ни было племянницы захочетъ покрывать убійство?.. Хорошо ты о немъ думаешь!.. Тутъ я думаю такъ сдѣлать... Слушай внимательно и скажи мнѣ твое мнѣніе!.. Аггей Никитичъ упомянулъ, что Тулузовъ учителемъ былъ, стало-быть, свѣдѣнія о немъ должны находиться въ гимназіи здѣшней... Такъ?..

— Такъ!—подтвердила gnädige Frau.

— Слушай далѣе: директоръ тутъ Артасьевъ... Онъ хоть и незнакомъ лично со мной, но почти пріятель мой по Пилецкому... Такъ?

— Я не знаю, такъ ли это!—возразила gnädige Frau.

— Да такъ!.. Что это?.. Во всемъ сомнѣніе!—воскликнулъ съ досадой Сверстовъ.—Егоръ же Егорычъ—не теряй, пожалуйста, нити моихъ мыслей!—ѣдетъ на баллотировку... Я тоже навяжусь съ нимъ ѣхать, да тамъ и явлюсь къ Артасьеву... Такъ, молъ, и такъ, покажите мнѣ дѣло объ учителѣ Тулузовѣ!..

— Но тебѣ, вѣроятно, не дадутъ этого дѣла,—замѣтила gnädige Frau.

— Почему же не дадутъ? Что ты такое говоришь? Государственная тайна, что ли, это?—горячился Сверстовъ.—Вѣдь понимаешь ли ты, что это мой нравственный долгъ!.. Я клятву тогда надъ трупомъ мальчика далъ, что я разыщу убійцу!.. И какъ мнѣ Богъ-то поспособствовалъ!.. Вотъ ужъ справедливо, видно, изреченіе, что кровь человѣческая вопіетъ на небо...

— Конечно!—согласилась съ этимъ gnädige Frau.

— Ну, значитъ, объ этомъ и говорить больше нечего, а надобно дѣйствовать,—заключилъ Сверстовъ.

Пока такимъ образомъ происходила вся эта бесѣда въ залѣ, Егоръ Егорычъ, вспомнившій, что Аггей Никитичъ хотѣлъ ему что-то такое сказать по секрету, предложилъ тому:

— Не желаете ли вы уйти со мной въ мою комнату?

— Весьма желалъ бы!—отвѣчалъ Аггей Никитичъ, вздохнувъ, какъ паровой котелъ.

— Прошу васъ!—сказалъ на это Егоръ Егорычъ и увелъ гостя въ свою спальню, гдѣ Аггей Никитичъ, усѣвшись противъ хозяина, сейчасъ же началъ:

— Вы, Егоръ Егорычъ, спрашивали меня, чѣмъ я остался недоволенъ на ревизіи?.. Собственно говоря, я прежде всего недоволенъ самъ собою и чувствую, что неспособенъ занимать мѣсто, которое получилъ по вашей протекціи, и долженъ оставить его.

Егоръ Егорычъ былъ сильно удивленъ, услышавъ такое рѣшеніе Аггея Никитича.

— Вслѣдствіе чего вы думаете, что неспособны?—сказалъ онъ немножко съ сердцемъ.

— Вслѣдствіе того-съ,—началъ Аггей Никитичъ неторопливо и какъ бы обдумывая свои слова:—что я, ища этого мѣста, не зналъ себя и совершенно забылъ, что я человѣкъ военный и привыкъ служить на воздухѣ, а тутъ цѣлый день почти сиди въ душной комнатѣ, которая, ей-Богу, нисколько не лучше нашей полковой канцеляріи, куда я и заглядывать-то всегда боялся, думая, что эти стрекулисты писаря такъ тебѣ сейчасъ и впишутъ въ формуляръ какую-нибудь гадость... Потомъ, считай чужія деньги, а я и своихъ никогда не умѣлъ хорошенько считать, и въ утѣшеніе кури себѣ подъ носъ сургучомъ!..

— Все это вздоръ-съ!.. Пустяки!.. Одно привередничанье ваше!.. Что это такое?.. Сюргучъ?.. Привыкъ служить на воздухѣ? Это чепуха какая-то!—уже закричалъ на Аггея Никитича Егоръ Егорычъ, разсерженный тѣмъ, что онъ рекомендовалъ Звѣрева, какъ чиновника усерднаго и полезнаго, а тотъ, прослуживъ безъ году недѣлю, изъ какихъ-то глупыхъ причинъ хочетъ ужъ и оставить службу.

Аггей Никитичъ, въ свою очередь, хоть и понималъ, что онъ дѣйствительно въ оправданіе своего рѣшенія оставить службу губернскаго почтмейстера нагородилъ какой-то чуши, но тѣмъ не менѣе отъ самаго рѣшенія своего, замѣтно, не отказывался.

— Можетъ-быть, вы имѣете въ виду другую должность?— принялся его разспрашивать Егоръ Егорычъ.

— Никакой!—произнесъ Аггей Никитичъ.

— Но чѣмъ же вы будете заниматься, оставивъ вашу службу?

— Буду заниматься масонствомъ!—объяснилъ Аггей Никитичъ.

Егоръ Егорычъ при этомъ невольно усмѣхнулся.

— Масонство нисколько вамъ не помѣшаетъ служить!— пробормоталъ онъ.—Скажите, состояніе вы имѣете?

— Маленькое!.. Пенсію мою только!..

— А жена ваша съ состояніемъ?

— Съ небольшимъ.

— Но какъ же вамъ не представляется мысль, что вы для семьи, для жены вашей должны трудиться?—началъ-было Егоръ Егорычъ продолжать свои поученія, но при словахъ: «для жены вашей», Аггей Никитичъ вдругъ выпрямился на своемъ креслѣ и заговорилъ сначала глухимъ голосомъ, а потомъ все болѣе и болѣе возвышающимся:

— Жена-то моя и мѣшастъ мнѣ продолжать мою службу! Она очень ужъ хорошо узнала, какъ слѣдуетъ въ почтамтѣ служить, лучше даже, чѣмъ я, и начала тамъ распоряжаться черезчуръ свободно... Передъ тѣмъ, какъ мнѣ ѣхать на ревизію, Миропѣ Дмитріевнѣ угодно было (при этомъ Аггей Никитичъ потеръ у себя подъ глоткой, какъ бы затѣмъ, чтобы утишить схватившій его горло спазмъ)... угодно было,— повторилъ онъ:—поручить всѣмъ ямщикамъ, всѣмъ почтальонамъ, чтобы они въ каждой почтовой конторѣ говорили, что ѣду я, мое высокоблагородіе, начальникъ ихъ, и чтобы господа почтмейстеры чувствовали это и понимали, такъ какъ я желаю съ нихъ хапнуть!..

Такимъ разсказомъ Егоръ Егорычъ былъ сильно озадаченъ.

— И вы достовѣрно это знаете?—спросилъ онъ.

— Достовѣрно-съ,—отвѣчалъ Аггей Никитичъ, иронически-грустно усмѣхнувшись:—такъ какъ въ каждомъ уѣздномъ городѣ ко мнѣ являлся обыкновенно почтмейстеръ и предлагалъ взятку, говоря, что онъ дѣлаетъ это по моему требованію, которое передано имъ отъ моей супруги черезъ почтальона... Я говорю все это откровенно вамъ, Егоръ Егорычъ, потому что мнѣ рѣшительно не съ кѣмъ посовѣтоваться о такомъ моемъ большомъ горѣ!

— Но что же, ваша жена глупа, что ли?—спросилъ негромко Егоръ Егорычъ.

— Напротивъ,—отвѣчалъ тоже вполголоса Аггей Никитичъ:— но хитра и жадна на деньги до невозможности... Видѣть этихъ проклятыхъ денегъ равнодушно не можетъ, задрожитъ даже; и такъ она мнѣ этимъ опротивѣла, что я развестись бы съ ней желалъ!

— Развѣ это возможно и благородно!—снова прикрикнулъ на него Егоръ Егорычъ.—Вы забываете, что она, можетъ-быть, дочь какого-нибудь небольшого необразованнаго чиновника, а потому въ семьѣ своей и посреди знакомыхъ звука, вѣроятно, не слыхала, что взятки—мерзость и дѣло непозволительное!

— Нѣтъ-съ, это не отъ семьи зависитъ, а человѣкомъ выходитъ!—воскликнулъ Аггей Никитичъ.—У насъ, напримѣръ,

нѣкоторые ротные командиры тоже порядочно плутовали, но я, видитъ Богъ, копейкой казенной никогда не воспользовался... А тутъ вдругъ какимъ хапаломъ оказался!.. Просто, я вамъ говорю, на всю мою жизнь осрамленъ!.. Какъ я тамъ ни увѣрялъ всѣхъ, что это глупая выходка почтальоновъ, однако всѣ очень хорошо понимаютъ, что тѣ бы выдумать не смѣли!

— Если вы и осрамлены, такъ не на долгое время,—сталъ его утѣшать Егоръ Егорычъ:—вѣдь поймутъ же потомъ, что вы не такіе.

— А какъ поймутъ? Я, конечно, буду не такой, а другой, какимъ я всегда былъ, но за супругу мою я не поручусь... Она потихоньку отъ меня, пожалуй, будетъ побирать, гдѣ только можно... Значитъ, что же выходитъ?.. Пока я не разойдусь съ ней, мнѣ нельзя служить, а не служить, значитъ, нечѣмъ жить!.. Расходиться же мнѣ, какъ вы говорите, не слѣдуетъ, и неблагородно это будетъ!..

— Не слѣдуетъ!—повторилъ Егоръ Егорычъ.—Прежде надобно было объ этомъ думать, когда вы женились на ней!

— Я думалъ, Егоръ Егорычъ, много думалъ, но справедливо говорятъ, что женщина хитрѣе чорта... Хоть бы насчетъ тѣхъ же денегъ... Миропа Дмитріевна притворилась такой неинтересанткой, что и Боже ты мой, а тутъ вотъ что вышло на повѣрку. Вижу ужъ я теперь, что погибъ безвозвратно!

— Почему же и погибли?—продолжалъ утѣшать Аггея Никитича Егоръ Егорычъ.—Вы такой добрый и душевный человѣкъ, что никогда не погибнете, и я вотъ теперь придумываю, какое бы вамъ другое мѣсто найти, если это, кромѣ семейныхъ причинъ, и не по характеру вамъ.

— Совершенно не по характеру,—отозвался Аггей Никитичъ.

— А мѣсто исправника, которое, полагаю, вамъ будетъ больше по душѣ, вы взяли бы?

— Конечно бы, взялъ, но супруга моя и тутъ, чего добраго, что-нибудь натворитъ!

— Нѣтъ, ужъ она тутъ у меня ничего не натворитъ: я вмѣшаюсь въ вашу семейную жизнь!.. Миропа Дмитріевна, сколько я могъ это замѣтить, побаивается меня немножко.

— И очень побаивается!—подхватилъ Аггей Никитичъ.— Вы мнѣ истинное благодѣяніе окажете, если повліяете на нее, потому что, прямо вамъ говорю, мнѣ, по моему характеру, не совладать съ ней.

— Вижу,—произнесъ съ многодумчивымъ выраженіемъ въ лицѣ Егоръ Егорычъ:—и потому вотъ я какой имѣлъ бы

планъ... Не знаю, понравится ли онъ вамъ... Вы останетесь погостить у меня и напишете вашей женѣ, чтобы она также пріѣхала въ Кузьмищево, такъ какъ я желаю поближе съ ней познакомиться... Пріѣдетъ она?

— Непремѣнно пріѣдетъ!.. Я самъ что-то въ родѣ этого думалъ, но не смѣлъ обременять васъ!—произнесъ радостно Аггей Никитичъ.

— Но только напередъ знайте, что я буду къ женѣ вашей безжалостенъ и съ безпощадностью объясню ей все безобразіе ея поступковъ!—дополнилъ Егоръ Егорычъ.

— Чѣмъ безпощаднѣе,—тѣмъ лучше!—воскликнулъ на это почти ожесточеннымъ голосомъ Аггей Никитичъ:—потому что, если наказать Мирону Дмитріевну, чего она достойна по винѣ своей, такъ ее слѣдуетъ, какъ бывало это въ старину, взять за косу да и объ полъ!

— Ну, и безъ косы обойдемся и объяснимъ ей!—остановилъ его Егоръ Егорычъ.

XIII.

Рѣшившись отдать свою супругу подъ началъ и исправленіе, Аггей Никитичъ въ ту же ночь отправилъ съ привезшимъ его ямщикомъ письмо къ ней довольно лукаваго свойства въ томъ смыслѣ, что оно было, съ одной стороны, не слишкомъ нѣжное, а съ другой—и не слишкомъ суровое. Онъ писалъ, чтобы Мирона Дмитріевна непремѣнно пріѣхала въ Кузьмищево въ тѣхъ видахъ, что Егоръ Егорычъ, ихъ прежній, да, вѣроятно, и будущій благодѣтель, желаетъ поближе съ ней познакомиться, но о томъ, зачѣмъ собственно Мирону Дмитріевну выписывали, онъ ни однимъ словомъ ей не намекнулъ. Мирона Дмитріевна, какъ и заранѣе можно было предполагать, не заставила себя долго ожидать, и черезъ день же, когда въ Кузьмищевѣ только-что сѣли за обѣдъ, она подкатила къ крыльцу въ коляскѣ шестерикомъ, съ колокольцами и даже съ почтальономъ на запяткахъ. Такой нарадъ въ ея поѣздѣ былъ весьма натураленъ, потому что, по званію губернской почтмейстерши, Мирона Дмитріевна не могла же трястись за сто слишкомъ верстъ въ какой-нибудь бричкѣ, тѣмъ болѣе, что коляску и лошадей ей предложилъ почтосодержатель совершенно безплатно. Ѣдучи всю дорогу въ пріятномъ настроеніи духа, она ожидала, что осчастливитъ всѣхъ въ Кузьмищевѣ своимъ пріѣздомъ, но, къ великому своему удивленію, на первыхъ же шагахъ замѣтила, что Аггей Никитичъ, кажется, такъ давно съ ней не видавшійся, смотритъ на нее озлобленно; Егоръ же Егорычъ едва ей поклонился, и одна

Сусанна Николаевна какъ бы нѣсколько попривѣтливѣе встрѣтила ее и усадила за обѣденный столъ; но и тутъ Мирона Дмитріевна очутилась въ нѣсколько неловкомъ положеніи, оттого что она не была познакомлена съ gnädige Frau, и будучи посажена съ сею послѣднею рядомъ, Мирона Дмитріевна не вѣдала, кто такая эта дама: родственница ли Марѳинымъ, знакомая ихъ, или просто экономка, а потому рѣшительно не знала, какъ себя держать съ gnädige Frau. Тотчасъ послѣ обѣда Егоръ Егорычъ сказалъ потихоньку Сусаннѣ Николаевнѣ:

— Ты меня оставь на нѣсколько времени съ глазу на глазъ съ Миропой Дмитріевной и съ мужемъ ея!

— А что они?—спросила та.

— Ссорятся, помирить надо!

Gnädige Frau и Сверстова онъ также попросилъ не входить въ гостиную, когда онъ будетъ тамъ разговаривать съ пріѣзжей гостьей.

— Не входить?—спросила его при этомъ шутливо gnädige Frau.—У васъ, значитъ, шуры-муры съ ней, и вы хотите поэтому мнѣ измѣнить?

— Хочу, хочу, пора!.. Давно ужъ любимся.

— Давно, но только очень холодно,—я нахожу, очень холодно!—шутила, уходя, gnädige Frau.

— Ахъ, ты, старая грѣшница!—говорилъ шедшій вслѣдъ за ней мужъ.

— Вы-то пуще праведники!—отозвалась gnädige Frau.

Здѣсь я не могу не замѣтить, что сія почтенная дама съ теченіемъ годовъ все болѣе и болѣе начала обнаруживать смѣлости и разговорчивости съ мужчинами и даже позволяла себѣ иногда весьма и весьма вольныя шутки, что происходило, конечно, потому, что кто же по лѣтамъ и наружности gnädige Frau могъ ее заподозрѣть въ чемъ-нибудь?!

Когда такимъ образомъ оставленная дамами Мирона Дмитріевна очутилась въ гостиной съ глазу на глазъ съ Егоромъ Егорычемъ и своимъ мужемъ, то это ей показалось новымъ оскорбленіемъ и большой невѣжливостью со стороны Сусанны Николаевны. Кромѣ того, она смутно предчувствовала, что ей угрожаетъ нѣчто худшее.

Предчувствіе Мироны Дмитріевны вскорѣ исполнилось. Егоръ Егорычъ, не любившій ничего откладывать въ дальній ящикъ, заговорилъ, относясь къ ней довольно суровымъ тономъ:

— Супругъ вашъ очень недоволенъ ревизіей, которую онъ произвелъ по своему вѣдомству!

— Недоволенъ? Но онъ мнѣ ничего не писалъ о томъ! —

проговорила Мирона Дмитріевна, удивленная, что Егоръ Егорычъ съ ней началъ такой разговоръ. — И чѣмъ же ты тутъ недоволенъ?—обратилась она тоже строго къ Аггею Никитичу.

— А вотъ тебѣ Егоръ Егорычъ скажетъ, чѣмъ я тутъ недоволенъ!—произнесъ многознаменательно Аггей Никитичъ, и онъ сваливалъ въ этомъ случаѣ отвѣтъ на Егора Егорыча не по трусости, а потому, что прилившій къ сердцу его гнѣвъ мѣшалъ ему говорить.

— Аггей Никитичъ недоволенъ въ этой ревизіи не столько своими подчиненными, сколько вами! — рубнулъ напрямикъ Егоръ Егорычъ и тѣмъ же неумолимо-строгимъ голосомъ.

Мирона Дмитріевна тайно смутилась, но скрыла это и проговорила спокойно и съ нѣкоторою даже гордостью:

— Я никакимъ образомъ и ни при какой ревизіи моего мужа не могу быть виновна!

— Не запирайтесь, а лучше покайтесь!—воскликнулъ Аггей Никитичъ.

— Покайтесь,— повторилъ за нимъ и Егоръ Егорычъ:—и мы вмѣстѣ подумаемъ, какъ поправить учиненную вами бѣду!

Изъ этихъ намековъ мужа и Егора Егорыча Мирона Дмитріевна хорошо поняла, что она поймана съ поличнымъ, и ею овладѣло вовсе не раскаяніе, которое ей предлагали, а злость несказанная и неописуемая на своего супруга; въ ея головѣ быстро промелькнули не мысли, нѣтъ, а скорѣе ощущенія мыслей: «Этотъ дуракъ, то-есть Аггей Никитичъ, говоритъ, что любитъ меня, а между тѣмъ разблаговѣщиваетъ всѣмъ, что я что-то такое не по его сдѣлала, тогда какъ я сдѣлала это для его же, дурака, пользы, чтобы придать ему вѣсъ передъ его подчиненными!» Повторяемый столь часто въ мысляхъ эпитетъ мужу: дуракъ и дуракъ—свидѣтельствовалъ, что Мирона Дмитріевна окончательно убѣдилась въ недальности Аггея Никитича, но, какъ бы тамъ ни было, по чувству самосохраненія она прежде всего хотѣла вывернуться изъ того, что̀ ставятъ ей въ обвиненіе.

— Я очень бы готова была покаяться передъ вами, если бы знала, въ чемъ вы меня укоряете, — отнеслась она, не обращая вниманія на мужа, исключительно къ Егору Егорычу.

— Васъ обвиняютъ въ томъ, что передъ тѣмъ, какъ вашъ мужъ поѣхалъ ревизовать почтмейстеровъ, вы черезъ почтальоновъ всѣмъ имъ объявили, что это ѣдетъ ихъ начальникъ, къ которому они должны являться съ приношеніями!.. Что̀ это такое?.. Назовите мнѣ вашъ поступокъ и научите меня, какъ мнѣ именовать его?—кричалъ Егоръ Егорычъ.

— Да, пусть она сама наименуетъ свои дѣянья и скажетъ, чего она достойна за нихъ!—кричалъ и Аггей Никитичъ.

Хорошо, что Миропа Дмитріевна была не изъ такихъ дамъ, чтобы ее можно было очень запугать, и потому, какъ ни дерзко отнеслись къ ней этотъ крикунъ Егоръ Егорычъ, а также и дуракъ супругъ ея, она не потерялась окончательно и успѣла придумать довольно благовидное объясненіе своей продѣлки.

— Теперь я понимаю! — заговорила она, почти смѣясь. — Это точно, что я разъ одному почтальону, хоть тутъ стояли и другіе почтальоны, сказала, что Аггей Никитичъ начальникъ всѣхъ почтмейстеровъ, и пускай они его примутъ съ уваженіемъ!

— Но вы и этого не должны были дѣлать! — крикнулъ на нее Егоръ Егорычъ: — женщины рождены не для того, чтобы распоряжаться въ служебныхъ дѣлахъ мужа, а чтобы не огорчать мужей, возбуждать въ нихъ благородныя чувства по общественной дѣятельности, утѣшать и успокоивать мужа въ случаѣ несправедливыхъ невзгодъ.

— А развѣ я не дѣлала того?—сказала кроткимъ голосомъ Миропа Дмитріевна.—Не дѣлала этого я?.. Признайся!—обратилась она уже къ мужу, но тотъ однако ей на это ничего не отвѣтилъ.

— И видитъ Богъ, — продолжала Миропа Дмитріевна: — я всего только разъ и провинилась, или, лучше, не сообразила хорошенько по своей торопливости!

— Вы вотъ поторопились и не сообразили, а мужъ вашъ долженъ изъ-за этого оставить службу!

Тутъ ужъ Миропа Дмитріевна серьезно и сильно испугалась.

— Развѣ ты хочешь оставить службу?—спросила она трепетнымъ голосомъ.

— Непремѣнно!—отвѣчалъ Аггей Никитичъ.

— Но ты послѣ этого съ ума сошелъ! — проговорила Миропа Дмитріевна, едва сдерживая себя.

— Это не сумасшествіе, а тонкое чувство чести!—подхватилъ за Аггея Никитича Егоръ Егорычъ.—Ему стыдно теперь встрѣтиться со своими подчиненными, которые все-таки могутъ подозрѣвать его!

— Но тогда намъ будетъ нечѣмъ жить!.. Егоръ Егорычъ, сжальтесь вы надъ нами! — обратилась Миропа Дмитріевна уже со слезами на глазахъ къ Егору Егорычу.

— Я ему найду другое мѣсто, — его исправникомъ сдѣлаютъ!—отвѣчалъ Мароинъ.

Мирона Дмитріевна еще болѣе испугалась.

— Но это мѣсто,—осмѣлилась она замѣтить:—гораздо ниже того, которое Агеей Никитичъ теперь занимаетъ.

— Не ваше дѣло разбирать, какія мѣста выше или ниже!— опять остановилъ ее рѣзко Егоръ Егорычъ.—На всякомъ маленькомъ мѣстѣ можно стоять высоко, служа честно и безкорыстно!

«Хорошо тебѣ, старому чорту, разсуждать о безкорыстіи, когда у тебя слишкомъ тысяча душъ!» — подумала она, но вслухъ ничего не произнесла, а, напротивъ, до поры до времени постаралась какъ можно дальше спрятать въ душѣ своей волновавшія ее чувствованія.

Егоръ же Егорычъ, въ свою очередь, тоже опасаясь, чтобы не очень ужъ разстроить Мирону Дмитріевну, не сталъ болѣе продолжать и, позвонивъ, приказалъ вошедшему Антипу Ильичу пригласить въ гостиную Сусанну Николаевну, которая, придя и замѣтивъ, что Мирона Дмитріевна была какая-то растерянная, подсѣла къ ней и начала разспрашивать, какъ той нравится послѣ Москвы жизнь въ губернскомъ городѣ.

— Ахъ, очень, очень! — отвѣчала Мирона Дмитріевна: — тѣмъ больше, что послѣднее время я чрезвычайно сошлась съ тамошнимъ обществомъ, и очень жаль будетъ мнѣ, если намъ куда-нибудь придется уѣхать.-

Вслѣдъ за Сусанной Николаевной вскорѣ появились докторъ и gnädige Frau, и устроилась партія въ вистъ, въ которой Мирона Дмитріевна тоже приняла участіе. Играли: она, Сверстовы и Сусанна Николаевна, которая до такой степени ошибалась въ ходахъ, что всѣ ея партнеры, несмотря на глубокое къ ней уваженіе, безпрестанно выговаривали ей.

Егоръ Егорычъ, сидѣвшій близко къ Аггею Никитичу, наклонился къ нему и, показывая глазами на Мирону Дмитріевну, шепнулъ;

— Кажется, ничего, обошлось, слава Богу, хорошо!

Аггей Никитичъ, бывшій какъ темная ночь, отрицательно мотнулъ головой.

— Маска, притворство!—сказалъ онъ тихо.

— Во всякомъ случаѣ, вы скажите ей, что я говорилъ не изъ зла на нее, а скорѣе изъ любви, и пусть бы она не сердилась.

— Этимъ ея не урезонишь, она сердита теперь на всѣхъ, а всего больше на меня!—проговорилъ Аггей Никитичъ.

Такого рода предположеніе его, кажется, подтвердилось вполнѣ. По деревенскимъ обычаямъ, обоимъ супругамъ была

отведена общая спальня, въ которую войдя послѣ ужина, они хоть и затворились, но комнатная прислуга кузьмищевская, долго еще продолжавшая ходить мимо этой комнаты, очень хорошо слышала, что супруги бранились, или, точнѣе сказать, Мирона Дмитріевна принялась ругать мужа на всѣ корки и при этомъ, къ удивленію молодыхъ горничныхъ, произносила такія слова, что хоть бы въ пору и мужику, а Аггей Никитичъ на ея брань мычалъ только или произносилъ глухимъ голосомъ:

— Да полно, перестань, вѣдь ты въ чужомъ домѣ!

Но Мирона Дмитріевна не переставала, и видимо, что она утратила всякую власть надъ собою.

Въ результатѣ столь пріятно проведенной ночи Аггей Никитичъ, совсѣмъ какой-то бронзовый, вошелъ къ Егору Егорычу поутру, едва лишь тотъ поднялся, и объявилъ ему, что онъ долженъ уѣхать.

— Что же, плохо?—спросилъ Егоръ Егорычъ.

— Ничего особеннаго, только настаиваетъ, чтобы я остался губернскимъ почтмейстеромъ, но только это attendez, madame, и я васъ объ одномъ, благодѣтель мой, умоляю: пріѣхать на баллотировку и спасти меня несчастнаго!

— Буду, буду!—затараторилъ Егоръ Егорычъ, но сейчасъ же и смолкъ, потому что въ это время къ нему вошли Сусанна Николаевна и Мирона Дмитріевна.

Послѣдняя тоже имѣла довольно желтоватый цвѣтъ лица.

— Я пришла къ вамъ проститься! — сказала она Егору Егорычу:—и попросить у васъ прощенія во всемъ и во всемъ!

— Во всемъ и во всемъ васъ прощаю!—отвѣтилъ ей тотъ и поцѣловалъ у нея руку.

Супруги скоро уѣхали, и въ дорогѣ между ними ссора продолжалась до такой степени сильно и такими голосами, что везшіе ихъ ямщики и стоявшій на запяткахъ почтальонъ по временамъ ожидали, что господа начнутъ драться, и все больше барыня, которая такъ и наскакивала на барина.

XIV.

Дворянскіе выборы въ нынѣшній годъ имѣли болѣе торжественный характеръ, чѣмъ это бывало прежде. Произошло это оттого, что былъ окончательно устроенъ и отдѣланъ новый домъ дворянскаго собранія. Губернскій предводитель, завѣдывавшій постройкой совмѣстно съ архитекторомъ, употреблялъ всѣ усилія сдѣлать залу собранія похожею на залу Всероссійскаго Московскаго Дворянскаго Собранія. Конечно, это оставалось только попыткой и ограничивалось тѣмъ, что

наверху залы были устроены весьма удобные хоры, поддерживаемые довольно красивыми колоннами; всѣ стѣны были сдѣланы подъ мраморъ; и того, казалось бы, достаточно для губерніи, однако нашлись злые языки, которые стали многое во вновь отстроенномъ домѣ охуждать, осмѣивать, и первыя въ этомъ случаѣ возстали дамы, особенно тѣ, у которыхъ были взрослыя дочери: онѣ въ ужасъ пришли отъ ажурной лѣстницы, которая вела въ залу.

— Но какъ же мы, женщины, будемъ ходить по этой лѣстницѣ? — восклицали онѣ: — тамъ, вѣроятно, подъ ней будутъ стоять лакеи!

Когда объ этомъ дошло до губернскаго предводителя, то онъ поспѣшилъ объѣхать всѣхъ этихъ дамъ и объявилъ, что лакеямъ не позволятъ находиться подъ лѣстницей, и, кромѣ того, по всей лѣстницѣ будетъ постланъ коверъ. Дамы успокоились, но тогда нѣкоторые изъ мужчинъ, по преимуществу поклонники Бахуса, стали вопіять насчетъ буфета:

— Чортъ знаетъ что̀ такое,—говорили они:—буфетъ меньше курятника!.. Гдѣ жъ намъ сидѣть?.. Не въ танцовальной же залѣ торчать за спинами нашихъ супругъ?.. Будетъ ужъ, налюбовались этимъ и дома!

По поводу дамской уборной было даже сочинено кѣмъ-то четверостишіе. Дѣло въ томъ, что на потолкѣ этой уборной была довольно искусно нарисована Венера, разсыпающая цвѣты, которые какъ бы должны были упасть съ потолка на поправляющихъ свой туалетъ дамъ и тѣмъ ихъ еще болѣе украсить, — мысль сама по себѣ прекрасная, но на бѣду въ уборной повѣсили для освѣщенія люстру, крючокъ которой пришелся на срединѣ живота Венеры, вслѣдствіе чего сказанное стихотвореніе гласило: «Губернскій предводитель глупъ, ввинтилъ Венерѣ люстру въ пупъ». Приличіе не дозволяетъ мнѣ докончить остальныхъ двухъ стиховъ. Но какъ бы то ни было, несмотря на такого рода недоумѣнія и несправедливыя насмѣшки, труды губернскаго предводителя были оцѣнены, потому что, когда онъ, собравъ въ новый домъ пріѣхавшихъ на баллотировку дворянъ, ввелъ ихъ разомъ въ танцовальную залу, то почти всѣ выразили восторгъ и стали, подходя по одиночкѣ, благодарить его: подавать адресы, а тѣмъ болѣе одобрительно хлопать, тогда еще было не принято. Въ отвѣтъ на изъявленную благодарность губернскій предводитель, поднявъ голову, произнесъ:

— Главнымъ образомъ, господа, я желаю, чтобы вы обратили ваше вниманіе на хозяйственность произведенной мною постройки и довѣрчиво взглянули на представленный мною

по сему предмету отчетъ!—и при этомъ онъ вынулъ изъ кармана заранѣе имъ написанный на почтовой бумагѣ отчетъ и хотѣлъ его вручить кому-нибудь изъ дворянъ; но въ этотъ моментъ громко раздался крикъ стоявшихъ около него лицъ:

— Мы не желаемъ вашего отчета!.. Мы не желаемъ васъ считать!.. Мы вѣримъ вамъ!..

Вслѣдъ затѣмъ повторились подобные возгласы и въ другихъ, болѣе отдаленныхъ группахъ и закончились почти баснстымъ ревомъ: «мы не желаемъ васъ считать!»—и басъ этотъ врядъ ли не принадлежалъ секретарю депутатскаго собранія. Часамъ къ двѣнадцати, какъ водится, пріѣхалъ губернаторъ и, взойдя на небольшое возвышеніе, устроенное въ одномъ концѣ залы, произнесъ краткую рѣчь:

— Господа дворяне! Вамъ, конечно, понятна вся великость дарованнаго вамъ права выбирать изъ среды себя лицъ на службу государю и отечеству, и я сохраняю твердую увѣренность, что при выборахъ вы будете руководиться однимъ желаніемъ выбирать достойнѣйшихъ. Объявляю собраніе открытымъ!

И затѣмъ, ловко сойдя съ возвышенія и кланяясь налѣво и направо, губернаторъ уѣхалъ; губернскій же предводитель, взойдя на то же возвышеніе, предложилъ дворянамъ начать баллотировку по уѣздамъ. Толпа стала раздѣляться и сосредоточиваться около своихъ столиковъ.

Въ продолженіе всего предыдущаго времени Егора Егорыча какъ-то было не видать въ залѣ, но едва только началась баллотировка, какъ онъ появился и прямо прошелъ къ столу, около котораго стоялъ также и Тулузовъ въ мундирѣ дворянина, съ Владимиромъ на груди, получившій выборный шаръ отъ жены своей.

— Я, между прочимъ, дворянинъ и вашего уѣзда!—сказалъ Марѳинъ стоявшему около стола уѣздному предводителю.

— Кто жъ не знаетъ этого?—отвѣчалъ тотъ съ нѣкоторой улыбкой.

— Вашъ исправникъ не желаетъ болѣе служить!—продолжалъ Егоръ Егорычъ.

— Къ сожалѣнію!—подтвердилъ предводитель.

— И потому на мѣсто его предлагаю выбрать честнѣйшаго человѣка — здѣшняго губернскаго почтмейстера, господина Звѣрева!

Такое заявленіе Егора Егорыча замѣтно удивило всѣхъ.

— Господинъ Звѣревъ, занимая столь видную должность, желаетъ однако служить по выборамъ, и мы должны оцѣнить это!—заключилъ Егоръ Егорычъ.

— Мы это, конечно, и оцѣнимъ!—произнесъ первый предводитель.

— Оцѣнимъ-съ!—повторили и другіе дворяне его уѣзда.

И Звѣревъ въ то же утро былъ избранъ бѣлыми шарами, съ однимъ лишь чернымъ, который, какъ всѣ догадались, положилъ ему Тулузовъ.

Самого Аггея Никитича въ это время не было въ залѣ, но зато была на хорахъ Миропа Дмитріевна, которая, какъ листъ осиновый, трепетала. Что собственно говорилъ Егоръ Егорычъ, она не разслушала, но слова уѣзднаго предводителя: «Господинъ Звѣревъ выбранъ большинствомъ!»—до нея ясно долетѣли. Забывъ всякое приличіе, Миропа Дмитріевна какъ-то злобно взвизгнула и впала въ настоящую, неподдѣльную истерику. Gnädige Frau, пріѣхавшая вмѣстѣ съ мужемъ и Марѳинымъ въ губернскій городъ на баллотировку и тоже бывшая на хорахъ, первая бросилась къ Миропѣ Дмитріевнѣ и хотѣла-было ее отпаивать водою, но Миропа Дмитріевна одно лишь повторяла: «домой, домой!». Избраніе мужа въ исправники рушило послѣднюю ея надежду: посредствомъ брани, проклятій и слезъ она добилась отъ Аггея Никитича обѣщанія, что если его забаллотируютъ, такъ онъ останется нѣкоторое время губернскимъ почтмейстеромъ, но если выберутъ, такъ ужъ атанде!

Пока все это происходило, Сверстовъ, очень мало занятый собственно баллотировкой, преслѣдовалъ главную свою цѣль и нѣсколько разъ заѣзжалъ къ Артасьеву, котораго, къ великому горю, все не заставалъ дома. Наконецъ однажды онъ поймалъ его, и то уже когда Иванъ Петровичъ приготовлялся уѣхать и былъ уже въ передней, продѣвая руку въ рукавъ шубы, которую подавалъ ему гимназическій сторожъ. Сверстовъ назвалъ свою фамилію и объяснилъ, что онъ именно тотъ докторъ, который лѣчилъ Пилецкаго.

— Ахъ, Боже мой!—воскликнулъ Артасьевъ, проворно выдергивая свою руку изъ рукава шубы:—какъ я радъ, какъ я радъ; но я уѣзжаю по самонужнѣйшему дѣлу: у насъ есть возможность завести при гимназіи пансіонъ, и всѣ мы никакъ не можемъ столковаться, какъ намъ устроить это... Я черезъ четверть часа непремѣнно долженъ быть у губернскаго предводителя, и можете вообразить себѣ, какой тутъ важный вопросъ! Вопросъ, получатъ или нѣтъ воспитаніе нѣсколько мальчиковъ!

Сверстовъ былъ достаточно прозорливъ, чтобы сразу же понять, какого сорта человѣкъ былъ Артасьевъ, а потому онъ началъ прямо:

— Мнѣ собственно нужно не къ вамъ, а въ канцелярію вашу, чтобы получить справку по дѣлу о полученіи у васъ господиномъ Тулузовымъ званія учителя. Вѣдь у васъ въ гимназіи онъ былъ удостоенъ этого званія?

— Не помню, голубчикъ, не помню! — восклицалъ Иванъ Петровичъ и, нисколько не подумавъ, зачѣмъ нужна Сверстову какая-то справка о Тулузовѣ, а также совершенно не сообразивъ, что учитель Тулузовъ и Тулузовъ, нынѣ ладящій попасть въ попечители гимназіи, одно и то же лицо, онъ обратился къ сторожу, продолжавшему держать передъ нимъ шубу, и приказалъ тому:

— Шумиловъ, сведи господина доктора въ канцелярію и скажи письмоводителю, чтобы онъ выдалъ ему все, о чемъ онъ проситъ!—и затѣмъ, расцѣловавшись съ Сверстовымъ и порядкомъ обслюнявивъ его при этомъ, уѣхалъ.

Шумиловъ, хоть и смѣло, но, по случаю маленькой булавочки въ головѣ, не совсѣмъ твердо ступая, повелъ доктора въ канцелярію, гдѣ тотъ увидѣлъ въ поношенномъ синемъ вицмундирѣ подслѣповатаго чиновника, съ лицомъ, вѣроятно, вслѣдствіе близорукости, низко опущеннымъ надъ бумагою, которую онъ писалъ, имѣя при этомъ нѣсколько высунутый направо языкъ, что, какъ извѣстно, дѣлаютъ многіе усердные писцы.

— Иванъ Петровичъ приказали дать имъ всякія бумаги!— почти крикнулъ на него явно уже пьянымъ голосомъ Шумиловъ, такъ что чиновникъ даже вздрогнулъ и вслѣдъ затѣмъ, увидавъ передъ собой высокую фигуру Сверстова, робко проговорилъ:

— Какія собственно бумаги вамъ угодно?

— Мнѣ нужно имѣть справку объ учителѣ Тулузовѣ.

— Объ учителѣ Тулузовѣ!—повторилъ самъ съ собой письмоводитель, какъ бы стараясь припомнить:—это дѣло, если я не ошибаюсь, тридцать шестого года!—заключилъ онъ и, подойдя къ одному изъ шкаповъ, прямо вынулъ изъ него дѣло Тулузова. Видимо, что сей скромный чиновникъ былъ надѣленъ отъ природы весьма хорошею памятью.

Докторъ, какъ коршунъ на добычу, бросился на поданное ему дѣло и на одной изъ первыхъ же страницъ его увидалъ паспортъ Тулузова, выданный въ 1835-мъ году 5-го января изъ казначейства того именно городка, въ которомъ Сверстовъ тогда служилъ.

— Не можете ли вы мнѣ дать съ этого билета копію?— сказалъ онъ, сильно опасаясь, что письмоводитель откажетъ ему въ его просьбѣ, но тотъ былъ, видно, столь же просто-

душенъ, какъ и начальникъ его, и отвѣчалъ покорнымъ голосомъ:

— Отчего же? Можно!—и затѣмъ принялся переписывать копію съ билета Тулузова, каковую скрѣпилъ своимъ подписомъ: «съ подлиннымъ вѣрно», и приложилъ къ ней, сверхъ того, казенную гимназическую печать.

Положивъ въ карманъ этотъ документъ и поѣхавъ домой, Сверстовъ съ восторгомъ помышлялъ, какъ онъ черезъ короткое время докажетъ, что Тулузовъ не Тулузовъ, а нѣкто другой, и какъ того посадятъ за это въ тюрьму, гдѣ успѣютъ уличить его, что онъ убійца бѣднаго мальчика. Несмотря на свои сѣдые волосы, докторъ, видно, мало еще зналъ свою страну и существующіе въ ней порядки.

Но вотъ наконецъ приблизился и день выбора Тулузова въ попечители гимназіи. Дворянство собралось ровно въ назначенный часъ и, видимо, было въ возбужденномъ состояніи. Посреди этой разнообразной толпы величаво расхаживалъ Егоръ Егорычъ въ своемъ отставномъ гусарскомъ мундирѣ и съ усами, какъ-то болѣе обыкновеннаго приподнятыми вверхъ. Не нужно было имѣть большого дара наблюденія, чтобы въ этомъ маленькомъ человѣчкѣ узнать главнаго вождя баллотировки, на которой онъ могъ сдѣлать все, что̀ пожелалъ бы. Между тѣмъ въ глубинѣ одного изъ оконъ стояли: губернскій предводитель, Иванъ Петровичъ Артасьевъ, и Тулузовъ. Выраженіе лица послѣдняго было какое-то озлобленное и насмѣшливое. До него уже стали доходить слухи, что Марѳинъ поклялся закатать его черняками.

— Тѣмъ хуже для дворянства это будетъ! Тогда я имъ вмѣсто пятидесяти тысячъ на пансіонъ покажу шишъ!—отвѣчалъ на это Тулузовъ.

Въ настоящемъ случаѣ разговоръ шелъ тоже объ этомъ предметѣ.

— Я понять не могу, почему дворянство упирается и не хочетъ этого?—говорилъ Иванъ Петровичъ, топорщась и покачивая своимъ уже и не краснымъ, а фіолетовымъ носомъ.

— Причина весьма понятна!—объяснилъ губернскій предводитель:—Василій Иванычъ не внесъ еще, какъ предписало ему министерство, денегъ въ дворянскій комитетъ.

Лицо Тулузова исказилось при этомъ злой улыбкой.

— Мнѣ, какъ частному человѣку, никакое министерство не можетъ предписывать,—сказалъ онъ: — а не вношу я денегъ потому, что не увѣренъ, буду ли выбранъ, и тогда зачѣмъ же я брошу на вѣтеръ пятьдесятъ тысячъ!

— Понимаю васъ и, будучи столько обязанъ Катеринѣ

Петровнѣ, конечно, я стою за васъ и буду всегда стоять; но что жъ мнѣ дѣлать, когда всѣ почти въ одинъ голосъ мнѣ возражаютъ: «Положимъ, мы его выберемъ, а онъ не внесетъ денегъ?»

— Да какъ это возможно? — воскликнулъ на это Иванъ Петровичъ.

— Полагаю, что невозможно! — подхватилъ съ прежней усмѣшкой Тулузовъ.—Я тогда лицо офиціальное становлюсь!.. Если не по чувству чести, то изъ страха не пожелаю этого сдѣлать!

— И съ этимъ я согласенъ, но что жъ прикажете дѣлать, когда не убѣждаются?—произнесъ, пожимая плечами, губернскій предводитель.—Я вчера въ клубѣ до трехъ часовъ спорилъ, и это, какъ потомъ я узналъ, дѣлается по вліянію вотъ этого господина!—заключилъ онъ, показывая глазами на проходившаго невдалекѣ Марѳина.

— Его!—подтвердилъ и Тулузовъ.

— Тогда я пойду и попрошу его... Онъ повѣритъ!—произнесъ Иванъ Петровичъ и тотчасъ же подошелъ къ Марѳину.

— Другъ любезный!—закричалъ онъ на всю залу:—не противодѣйствуйте выбору господина Тулузова!.. Онъ намъ благодѣяніе дѣлаетъ: пятьдесятъ тысячъ жертвуетъ на пансіонъ для мальчиковъ.

Егоръ Егорычъ погрозилъ ему на это пальцемъ и проговорилъ наставническимъ тономъ:

— Иванъ Петровичъ, не забывайте поговорки: «не ходи съ хмельнымъ подъ ручку, а то самъ хмелемъ покажешься!»

— Ну, что такое это?.. Я не понимаю,—хмельной съ хмельнымъ?—продолжалъ-было Иванъ Петровичъ, но Егоръ Егорычъ не сталъ слушать, а, повернувшись назадъ, подошелъ къ губернскому предводителю.

— Я слышалъ, что дворянство нуждается въ пансіонѣ при гимназіи?.. Я готовъ устроить его на свой счетъ въ размѣрѣ пятидесяти тысячъ!..

— Благодѣтель вы нашъ, благодѣтель!—завопилъ подошедшій на эти слова Иванъ Петровичъ, которому было все равно, у кого бы ни заручиться денежками въ пользу мальчугановъ.

Поблагодарилъ Марѳина также и губернскій предводитель, но довольно сухо. Егоръ Егорычъ, впрочемъ, нисколько этого и не замѣтилъ.

— Завтрашній день буду имѣть честь представить собранію пожертвованныя мною деньги! — проговорилъ онъ и пошелъ опять вдоль залы. Иванъ Петровичъ тоже пошелъ за нимъ,

желая еще разъ поблагодарить и расцѣловать, что̀ въ переводѣ значило обслюнявить.

Губернскій предводитель, оставшись у окна съ Тулузовымъ, не преминулъ ему сказать заискивающимъ голосомъ:

— Вы извините меня-съ, я ничего не могъ тутъ сдѣлать въ вашу пользу: сами видите, какая тонкая тутъ интрига подведена!

— Да-съ, конечно,—отвѣчалъ Тулузовъ, не оставляя своей злой усмѣшки:—и я васъ прошу мое заявленіе о желаніи баллотироваться возвратить!.. Я не желаю быть избираемымъ!

— Все-таки попробовали бы! — проговорилъ губернскій предводитель, но явно уже для виду только.

— Нѣтъ, не желаю!—повторилъ Тулузовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ взглянулъ на хоры, на которыхъ была Екатерина Петровна въ довольно взволнованномъ состояніи. Онъ ей сдѣлалъ знакъ, чтобы она сошла оттуда. Екатерина Петровна поняла его и стала сходить; онъ встрѣтилъ ее у лѣстницы и проговорилъ;

— Поѣдемте домой!

— Развѣ твоя баллотировка произойдетъ безъ тебя?

— Моей баллотировки не будетъ! Я отказался баллотироваться!

— Отчего?

— Маронъ устроилъ интригу противъ меня и даже пожертвовалъ пятьдесятъ тысячъ дворянству, чтобы только я не былъ выбранъ!

— Но по какому же поводу онъ все это дѣлаетъ?

— Вѣроятно, изъ мести къ вамъ и ко мнѣ за племянника. Впрочемъ, объ этихъ господахъ не стóитъ и говорить,—я найду себѣ дѣятельность, которая доставитъ мнѣ и чины и деньги.

Екатерина Петровна ничего на это не возразила: она очень хорошо понимала, что ея супругъ успѣетъ пробить себѣ дорогу.

Въ собраніи между тѣмъ происходилъ шумъ. Всѣ уже успѣли узнать, что, вмѣсто Тулузова, Егоръ Егорычъ пожертвовалъ пятьдесятъ тысячъ на пансіонъ, и когда губернскій предводитель подошелъ къ своему столу и объявилъ, что господинъ Тулузовъ отказался отъ баллотировки, то почти всѣ закричали: «Мы желáемъ выбрать въ попечители гимназіи Маронна!». Но вслѣдъ затѣмъ раздался еще болѣе сильный голосъ Егора Егорыча:

— Я не желаю быть выбираемъ! Я деньгами моими не мѣсто покупалъ! Понимаете,—не мѣсто!

Всѣ смолкли, такъ какъ очень хорошо знали, что когда Егоръ Егорычъ такъ кричалъ, такъ съ нимъ ничего не подѣлаешь.

Затѣмъ онъ съ Сверстовымъ, бывшимъ вмѣстѣ съ Сусанной Николаевной и gnädige Frau на хорахъ, уѣхалъ домой изъ собранія; дамы тоже послѣдовали за ними.

Сверстовъ, усѣвшись съ своимъ другомъ въ возокъ, не утерпѣлъ долѣе и сказалъ:

— А я вдобавокъ къ паденію господина Тулузова покажу вамъ еще одинъ документикъ, который я отыскалъ.—И докторъ показалъ Егору Егорычу гимназическую копію съ билета Тулузова.—Помните ли вы,—продолжалъ онъ, пока Егоръ Егорычъ читалъ билетъ:—что я вамъ, только-что еще тогда пріѣхавъ въ Кузьмищево, разсказывалъ, что у насъ тамъ, въ этой дичи, убитъ былъ мальчикъ, котораго имя, отчество и фамилію, какъ теперь оказывается, носитъ претендентъ на должность попечителя дѣтей и юношей!

Егоръ Егорычъ, подобно gnädige Frau, не могъ сразу понять Сверстова.

— Что жъ изъ всего этого?—спросилъ онъ.

— А то, что у кого же этотъ видъ могъ очутиться, какъ не у убійцы мальчика?!.

— А!—произнесъ протяжно Егоръ Егорычъ.

— Да-съ,—протянулъ и докторъ: — я съ этой цѣлью видъ этотъ и разыскалъ, чтобы сорвать маску съ этого негодяя, и это теперь будетъ задачей всей моей остальной жизни!

— И моей, и моей!—подтвердилъ двукратно Егоръ Егорычъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Вѣроятно, многіе изъ москвичей помнятъ еще кофейную Печкина, которая находилась рядомъ съ знаменитымъ Московскимъ трактиромъ того же содержателя и которая въ своихъ четырехъ-пяти комнатахъ сосредоточивала тогдашнія умственныя и художественныя извѣстности, и безъ лести можно было сказать, что врядъ ли это было не самое умное и острословное мѣсто въ Москвѣ. Туда, въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ, заѣзжалъ иногда Герценъ, который всякій разъ собиралъ около себя кружокъ и начиналъ обыкновенно расточать цѣлые фейерверки своихъ оригинальныхъ, по тогдашнему времени, воззрѣній на науку и политику, сопровождая все это пикантными захлестками; просиживалъ въ этой кофейной вечера также и Бѣлинскій, горячо объясняя актерамъ и разнымъ театральнымъ любителямъ, что

театръ не пустая забава, а мѣсто поученія, а потому каждый драматическій писатель, каждый актеръ, приступая къ своему дѣлу, долженъ помнить, что онъ идетъ священнодѣйствовать; доказывалъ нѣчто въ родѣ того же и Михайла Семеновичъ Щепкинъ, говоря, что искусство должно быть добросовѣстно исполняемо, на что Ленскій, тогдашній переводчикъ и актеръ, разъ возразилъ ему: «Михайла Семенычъ, добросовѣстность скорѣй нужна сапожникамъ, чтобы они не шили саногъ изъ гнилого товара, а художникамъ необходимо другое: талантъ!»— «Дѣйствительно, необходимо и другое, — повторилъ лукавый старикъ:—но часто случается, что у художника ни того ни другого не бываетъ!» На чей счетъ это было сказано, неизвѣстно, но только всѣ присутствующіе, за исключеніемъ самого Ленскаго, разсмѣялись. Налеталъ по временамъ въ кофейную и Павелъ Степановичъ Мочаловъ, почти обоготворяемый всѣми тамошними посѣтителями; съ едва сдерживаемымъ гнѣвомъ и ужасомъ онъ разсказывалъ иногда, какія подлости чинитъ противъ него начальство. Въ этихъ же стѣнахъ сталъ появляться Провъ Михайловичъ Садовскій; онъ былъ въ то время совсѣмъ еще молодой и обыкновенно или игралъ на бильярдѣ, или какъ-то очень умно слушалъ, когда разговаривали другіе. Можно также было въ кофейной встрѣтить разныхъ музыкальныхъ знаменитостей, нѣкоторыхъ шулеровъ и въ концѣ концовъ двухъ-трехъ ростовщиковъ, которые, подъ предлогомъ развлеченія въ пріятномъ обществѣ, высматривали удобныя для себя жертвы.

Въ одно зимнее утро, часовъ въ одиннадцать, въ кофейной былъ всего только одинъ посѣтитель: высокій мужчина среднихъ лѣтъ, въ поношенномъ сюртукѣ, съ лицомъ важнымъ, но не умнымъ. Онъ стоялъ у окна и мрачно глядѣлъ на открывавшійся передъ нимъ Охотный рядъ.

Но вотъ къ кофейной подъѣхалъ какой-то баринъ на щегольской лошади и видимо, что изъ тогдашнихъ франтовъ московскихъ.

— Это Лябьевъ!—проговорилъ самъ съ собой стоявшій у окна господинъ, произнося слова протяжно.

Въ кофейную дѣйствительно вскорѣ вошелъ своей развалистой походкой Лябьевъ. Послѣ женитьбы онъ замѣтно пополнѣлъ и начиналъ наживать себѣ брюшко, но зато совершенно утратилъ свѣжій цвѣтъ лица и былъ даже какой-то желтый. Въ кофейную Лябьевъ, видимо, пріѣхалъ какъ бы къ себѣ домой.

— Дайте мнѣ завтракать!—сказалъ онъ половому, который его встрѣтилъ.

— Что прикажете?—спросилъ тотъ.

— Битокъ съ картофелемъ à la Пушкинъ! — говорилъ Лябьевъ, проходя въ бильярдную, гдѣ стоявшій высокій господинъ поклонился ему и произнесъ почтительнымъ тономъ:

— Имѣю честь привѣтствовать нашего великаго виртуоза!

— А, Максинька, здравствуйте!—проговорилъ Лябьевъ нѣсколько покровительственно и садясь въ то же время къ столику, къ которому какой-то театральной походкой подошелъ и Максинька.

— Какъ вы изволите играть на вашихъ божественныхъ фортепіанахъ?—сказалъ онъ.

— Играю, но только не на фортепіано, а въ карты.

— Это нехорошо, не слѣдуетъ!.. — произнесъ ужъ Максинька наставнически.

Въ это время подали дымящійся и необыкновенно вкусно пахнувшій битокъ.

— Не прикажете ли?—отнесся Лябьевъ къ Максинькѣ.

— Благодарю!—отвѣчалъ тотъ:—я мяса не люблю.

— А что же вы изволите любить? — спросилъ Лябьевъ, начавъ ѣсть битокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ велѣлъ половому подать двойную бутылку портеру.

— Рыбу!—проговорилъ протяжно и съ важностью Максинька.

— Рыба вещь хорошая! — отозвался Лябьевъ, и когда подана была бутылка портеру, онъ налилъ изъ нея два стакана и, указавъ на одинъ изъ нихъ Максинькѣ, сказалъ:

— А отъ сего, надѣюсь, не откажетесь?

Максинька при этомъ самодовольно усмѣхнулся.

— Отъ сего не откажусь!—проговорилъ онъ и подсѣлъ къ столику.

— Ну, а вы какъ подвизаетесь? — принялся его разспрашивать Лябьевъ.

— Ничего-съ,—произнесъ Максинька:—вчера съ Павломъ Степанычемъ «Гамлета» верескнули!

— Съ успѣхомъ?

— Да,—протянулъ Максинька:—три раза вызывали.

— И васъ тоже?

— Полагаю, и меня, ибо Павелъ Степанычъ самъ говоритъ, что въ сценѣ съ нимъ я вторая половина его и что я ему огня, жару поддаю; а Верстовскій мнѣ не позволяетъ выходить, ну, и Богъ съ нимъ: плетью обуха не перешибешь!

— Не перешибешь,—согласился Лябьевъ съ нескрываемой ироніей:—я вотъ все забываю, какъ вы говорите это слово «прощай!». Давно я собираюсь на музыку положить его.

— И слѣдовало бы! — подхватилъ съ одушевленіемъ Максинька.

— Напомните мнѣ эти звуки! — продолжалъ Лябьевъ, напитавшійся биткомъ и портеромъ и хотѣвшій, кажется, чѣмъ бы нибудь только да развлечь себя.

— *Извольте*, но только *позвольте* прежде подкрѣпиться еще стаканчикомъ портеру!—какъ бы скаламбурилъ Максинька и, беря бутылку, налилъ себѣ изъ нея стаканъ, каковой проворно выпивъ, продекламировалъ гробовымъ голосомъ:

— «Прощай, прощай! и помни обо мнѣ!»

Стоявшій въ бильярдной маркеръ не удержался, фыркнулъ и убѣжалъ въ другую комнату.

— Дуракъ!—произнесъ ему вслѣдъ Максинька.

— Конечно, дуракъ! — повторилъ Лябьевъ и, желая еще болѣе потѣшиться надъ Максинькой, снова сталъ разспрашивать его: — вы все живете на квартирѣ у моего фортепіаннаго настройщика?

— Нѣтъ, я еще осенью переѣхалъ отъ него.

— Зачѣмъ?

— Затѣмъ, что онъ подлецъ!.. Онъ насъ кормилъ сначала плохо, но потомъ вдругъ сталъ кормить курицами въ супѣ...

И Максинька при этомъ трагически захохоталъ и попросилъ разрѣшить ему еще стаканъ портеру, осушивъ который, продолжалъ съ неподдѣльнымъ величіемъ:

— Вы, можетъ-быть, припомните, что садикъ около его домика выходитъ на улицу, и онъ этотъ садикъ (Максинька при этомъ хоть и слегка, но повторилъ свой трагическій хохотъ) прошлой весной весь засадилъ подсолнечниками. Прекрасно, знаете, безподобно! Мы все лѣто упивались восторгомъ, когда эти подсолнечники зацвѣли, потомъ они поспѣли, нагнули свои головки, и у него вдругъ откуда-то, точно съ неба намъ звалился, супъ изъ курицъ!

— То-есть пролился, хотите вы сказать, — поправилъ его Лябьевъ: — но я не понимаю, съ какого же неба супъ могъ пролиться?

— Не съ неба, а со всего Колосовскаго переулка! — говорилъ Максинька, все болѣе и болѣе раскрывая свои глаза.— Идея у него въ томъ была: какъ изъ подсолнечниковъ посыпались зернышки, курицы всѣ къ нему благимъ матомъ въ садъ, а онъ какъ которую поймаетъ: «Ахъ, ты, говоритъ, въ мой огородъ забралась!»—и отвернетъ ей голову. Значитъ, не ходя на рынокъ и не тратя денегъ, намъ ее въ супъ. Благородно это или нѣтъ?

— Если не особенно благородно, то совершенно законно,— замѣтилъ Лябьевъ.

Максинька отрицательно качнулъ головой.

— Нѣтъ-съ, и незаконно!—возразилъ онъ.—Доказательство, что, когда онъ,—продолжалъ Максинька съ замѣтною таинственностью:—наскочилъ на одну даму, сосѣднюю ему по Колосовскому переулку, и, не разбирая ничего, передушилъ у нея куръ десять, а у дамы этой живетъ, можетъ-быть, дѣвицъ двадцать, и ей куры нужны для себя, а съ полиціей она, понимаете, въ дружбѣ, и когда мы разъ сѣли за обѣдъ, я, онъ и его, какъ мы называли, желемка, вдругъ нагрянули къ намъ квартальный и человѣкъ десять бутарей. «Позвольте, говоритъ, какую вы курицу кушаете? Она ворованная!» Потомъ-съ всѣхъ насъ въ часть и недѣли три водили. Подлецъ, одно слово!

Лябьеву наскучило наконецъ слушать проникнутое благородствомъ разглагольствованіе Максиньки, и онъ, расплатившись, хотѣлъ уѣхать, но въ это время въ кофейную быстро вошелъ молодой гвардейскій офицеръ въ вицмундирѣ Семеновскаго полка, стройный, живой. Это былъ тотъ самый молодой пажъ, котораго мы когда-то видѣли въ почтамтской церкви и котораго фамилія была Углаковъ.

— Cher Лябьевъ,—воскликнулъ онъ:—я ѣду мимо и вижу твою лошадь, не удержался и забѣжалъ! Откуда ты?

— Изъ разныхъ мѣстъ!—отозвался тотъ неопредѣленно.

Вслѣдъ затѣмъ Углаковъ, увидавъ Максиньку, самымъ модньмъ образомъ расшаркался передъ нимъ.

Максинька, нѣкогда долженствовавшій быть въ балетной труппѣ и тоже умѣвшій это дѣлать, отвѣтилъ молодому повѣсѣ съ той же ловкостью.

Тогда Углаковъ всплеснулъ руками и воскликнулъ:

— Максинька! Вы вчера убили меня, безъ ножа зарѣзали!

Въ голосѣ его слышались только что не слезы.

— Чѣмъ?—спросилъ мрачнымъ голосомъ и немного краснѣя въ лицѣ Максинька.

— Вчера вы были... — продолжалъ повѣса на всю кофейную:—вы были слабой и блѣдной тѣнью вашей прежней тѣни!

Максинька понялъ этотъ непріятный для него каламбуръ и самъ рѣшился откаламбуриться хоть немного.

— Не были ли скорѣй ваши глаза покрыты какой-нибудь тѣнью, что я вамъ показался блѣденъ?—сказалъ онъ.

— Ты великъ, Максинька, въ твоемъ отвѣтѣ! — воскликнулъ на это Углаковъ. — Протягиваю тебѣ руку, какъ собрату моему по каламбурству, и жму твою руку, какъ сто тысячъ братьевъ не могли бы пожать ее!.. Хорошо сказано, Максинька?

— Нѣтъ, нехорошо! — отвѣчалъ тотъ и насмѣшливо захохоталъ.

— А если нехорошо, такъ и убирайся къ чорту! Я и говорить съ тобой больше не стану!—проговорилъ, какъ бы обидѣвшись, Углаковъ.

— Станете, будете! — произнесъ увѣреннымъ тономъ Максинька.

— Нѣтъ, не буду!—повторилъ Углаковъ и, показавъ потомъ языкъ Максинькѣ, отвернулся отъ него и сталъ разговаривать съ Лябьевымъ:—Ты куда отсюда?

— Домой!—отвѣчалъ тотъ досадливымъ голосомъ.

— А развѣ ты не поѣдешь къ Ѳеодосію Гаврилычу? У него сегодня интересное сборище!

— Какое?—спросилъ Лябьевъ.

— Ѳеодосій Гаврилычъ въ бильбоке играетъ съ калмыкомъ.

— Глупости какія!.. Слышалъ я что-то объ этомъ въ Англійскомъ клубѣ. И по большой цѣнѣ они играютъ?

— По большой! Поѣдемъ!

— Оно любопытно бы!.. Да и съ калмыкомъ мнѣ надобно повидаться, но я со вчерашняго обѣда дома не былъ, и съ женою, я думаю, Богъ знаетъ что̀ тамъ творится.

— Да ты ей напиши, что живъ, здоровъ и не проигрался, и отправь ей это съ своимъ кучеромъ, а со мной поѣдемъ къ Ѳеодосію Гаврилычу.

— Это можно сдѣлать! — согласился Лябьевъ и, написавъ коротенькую записочку къ Музѣ Николаевнѣ, уѣхалъ вмѣстѣ съ Углаковымъ къ Ѳеодосію Гаврилычу.

— Молодые и безумные повѣсы!—проговорилъ имъ вслѣдъ трагическимъ тономъ Максинька и ушелъ изъ кофейной куда-то въ другое мѣсто выражать свои благородныя чувствованія.

Углаковъ и Лябьевъ, направившись въ Поварской, начали между собою болѣе серьезный разговоръ.

— А тебѣ все не везетъ въ картахъ? — спросилъ съ участіемъ Углаковъ.

— Совершенно!.. Такъ что хоть брось играть! — отвѣчалъ Лябьевъ.

— Да и брось, Саша; пожалуйста, брось!.. Ты самъ понимаешь, какой у тебя талантъ великій!.. Зачѣмъ и для чего тебѣ карты?

— Теперь мнѣ онѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, нужны! Я профершпилился совершенно; но минетъ же когда-нибудь несчастная полоса!

— Тогда подожди, по крайней мѣрѣ, когда эта полоса кончится!—упрашивалъ его Углаковъ.

— А когда она кончится?.. Кто это угадаетъ?.. Просто придумать не могу, что̀ и дѣлать... Женѣ въ глаза взглянуть совѣстно, а тутъ пріѣхала еще въ Москву ея сестра, Мароина, съ мужемъ...

— Мароина?.. А развѣ она сестра твоей жены?

— Сестра.

— Знаешь, я, еще мальчикомъ бывши, видѣлъ ее. Она пріѣзжала съ Мароинымъ къ намъ въ церковь, и помню, что чудо какъ хороша была тогда собой! Жена твоя, напримѣръ, тоже прелестна, но за послѣднее время она очень измѣнилась...

Лябьева при этомъ какъ будто что̀ кольнуло.

— Муза родитъ все неблагополучно и отъ этого страдаетъ душевно и тѣлесно.

При послѣднихъ словахъ Лябьева они въѣзжали во дворъ дома Ѳеодосія Гавриловича, который находился на Собачьей Площадкѣ. Домъ этотъ былъ каменный и стоялъ взади двора, такъ что надобно было проѣхать, по крайней мѣрѣ, саженъ пятьдесятъ, чтобы добраться до подъѣзда, имѣвшаго форму полуцилиндра, при чемъ налѣво виднѣлся длинный садъ, уставленный посреди обнаженныхъ деревьевъ разными миѳологическими статуями, сдѣланными хоть и изъ мрамора, но весьма неискусно, и вдобавокъ еще у большей части изъ нихъ были отбиты то носъ, то рука, то нога. По правой сторонѣ тянулись погреба, сараи и наконецъ конюшни, вмѣщавшія въ себѣ, по крайней мѣрѣ, стойлъ пятнадцать. Войдя въ двери параднаго крыльца, которыя, какъ водится, были не заперты, наши гости увидали, что за длиннымъ столомъ въ залѣ завтракало все семейство хозяина, то-есть его жена, бывшая цыганка, сохранившая, несмотря на свои сорокъ пять лѣтъ, здоровый и красивый видъ, штуки четыре дѣтей, изъ которыхъ одни были черномазенькія и съ курчавыми волосами, а другія болѣе бѣлокурыя, и около нихъ возсѣдали ихъ гувернантки—француженка съ длиннымъ носомъ и нѣмка съ скернымъ цвѣтомъ лица. Блюда завтрака были разнообразны, угождавшія вкусамъ разныхъ возрастовъ и разныхъ національностей. Передъ самой хозяйкой главнымъ образомъ виднѣлся самоваръ и ветчина съ горошкомъ, а также и бутылка сладкой наливки; передъ дѣтьми красовалась гречневая каша съ молокомъ, которой они, видимо, поглотили значительное количество; передъ француженкой стояла огромная чашка выпитаго кафе-о-лэ и цѣлая сковорода дурно приготовленныхъ котлетъ-де-мутонъ; а передъ нѣмкой—тоже выпитая чашка уже чернаго кофею и блюдо картофелю. Обѣ гувернантки настой-

чиво предлагали дѣтямъ свои любимыя блюда, при чемъ дѣти болѣе бѣлокурыя ѣли съ охотою картофель, но черноватыя, какъ маленькіе звѣренки, пожирали съ бо́льшимъ удовольствіемъ недожаренныя котлетъ-де-мутонъ.

Самого хозяина не было за столомъ съ семьей, и онъ обрѣтался у себя въ своихъ низенькихъ антресоляхъ. Сколь ни много было въ то время чудаковъ въ Москвѣ, но Ѳеодосій Гаврилычъ все-таки считался между ними однимъ изъ крупнѣйшихъ. Прежде онъ былъ ипохондрикъ, и ипохондрикъ какой-то односторонній. Онъ боялся за зобъ, который у него возвышался на шеѣ и ради разрѣшенія котораго Ѳеодосій Гаврилычъ, вычитавъ въ одномъ лѣчебникѣ, пилъ постоянно шалфей; зобъ дѣйствительно не увеличивался, хотя и прошло съ появленія его болѣе двадцати лѣтъ, но зато Ѳеодосій Гаврилычъ постоянно былъ въ испаринѣ, вслѣдствіе чего онъ неимовѣрно остерегался простуды, такъ что въ нижнія комнаты никогда не сходилъ на продолжительное время, а на антресоляхъ у него была жара великая, благодаря множеству печей съ придѣланными къ нимъ лежанками, которыя испускали изъ себя температуру Африки. Выѣзжалъ Ѳеодосій Гаврилычъ изъ дома своего цугомъ въ каретѣ и, по рангу своему, въ шесть лошадей. Одѣвался онъ въ зимнее время, сверхъ шубы, въ какую-то какъ бы мантію или саванъ. Всѣ вечера онъ обыкновенно проводилъ въ Англійскомъ клубѣ, гдѣ, ради спасенія его отъ сквознаго вѣтра, былъ устроенъ ему особый шкапъ въ родѣ ширмъ, который и придвигался, когда Ѳеодосій Гаврилычъ усаживался за ломберный столъ. Въ карты играть онъ любилъ больше всего на свѣтѣ и игралъ исключительно въ коммерческія игры, чѣмъ почему-то ужасно гордился. На цыганкѣ онъ женился по страсти, но тѣмъ не менѣе народившихся отъ нея дѣтей онъ почти не вѣдалъ. Ко всему этому надобно прибавить, что Ѳеодосій Гаврилычъ считалъ себя естествоиспытателемъ и агрономомъ, и въ доказательство этого собиралъ разныхъ букашекъ и бабочекъ и накалывалъ ихъ безъ всякаго толку на булавки, а также (это было, впрочемъ, въ болѣе молодые годы его) Ѳеодосій Гаврилычъ въ одномъ изъ имѣній своихъ задумалъ вырыть глубочайшій колодецъ и, ради освидѣтельствованія сего колодца, пожелалъ лично своей особой спуститься въ него, но при этомъ чуть не задохся и вытащенъ былъ на поверхность земли безъ чувствъ. По убѣжденіямъ своимъ, Ѳеодосій Гаврилычъ, чѣмъ онъ тоже гордился, былъ волтеріанецъ, а въ силу того никогда не исповѣдывался, не причащался и даже въ церковь не ходилъ.

— А!—воскликнула нѣкогда бывшая Груня, а теперь Агра-

фена Васильевна, увидавъ входящихъ гостей.—Что это ты, соловушка, совсѣмъ меня забылъ и не завернешь никогда?—обратилась она къ Лябьеву.

— Некогда все было,—отвѣчалъ тотъ.

— Поди, чай, въ карты все дуешься!—замѣтила Аграфена Васильевна.—Всѣмъ бы вамъ, русскимъ барямъ, руки по локоть отрубить, чтобы вы въ карты меньше играли. Вонъ мой старый хрычъ схватился теперь съ калмыкомъ.

— Мы затѣмъ, тетенька, и пріѣхали, чтобы посмотрѣть на игру!—подхватилъ Углаковъ.

— Какъ тебѣ, чертенку, не посмотрѣть, все бы ему и вездѣ выглядѣть! — сказала ему съ нѣжностью Аграфена Васильевна, которая вовсе не приходилась никакой тетенькой Углакову, но такимъ именемъ ее звали всѣ почти молодые люди.

— Тебя, Лябьевъ, я не пущу пока туда наверхъ, ты сыграй мнѣ, соловушка, пропѣть мнѣ смертельно хочется!.. Давно не пѣвала!.. А вы, младшая команда, маршъ туда къ себѣ!..— приказала-было Аграфена Васильевна дѣтямъ, но тѣ не слушались и въ одинъ голосъ завопили:

— Мамаша, милая, голубушка, не усылай насъ! позволь намъ здѣсь остаться!

— Они очень любятъ слушать ваше пѣніе!—пояснила гувернантка-француженка.

— Ja, ja!—подтвердила и нѣмка.

— Ну, оставайтесь, сидите только смирно! — разрѣшила Аграфена Васильевна.

— А меня, тетенька, тоже не прогоняете? — проговорилъ школьническимъ тономъ Углаковъ.

— Зачѣмъ мнѣ тебя, чертеночка, прогонять?—сказала ему опять съ нѣжностью и собравъ немного свои мясистыя губы Аграфена Васильевна.

Лябьевъ, сѣвъ за фортепіано, взялъ громкій аккордъ, которымъ сразу же далъ почувствовать, что началъ свое дѣло мастеръ. Аграфена Васильевна при этомъ, по своей чуткой музыкальной природѣ, передернула плечами и вся какъ бы немножко затрепетала. Лябьевъ потомъ перешелъ къ самому аккомпанементу, и Аграфена Васильевна запѣла чистымъ, пріятнымъ сопрано. Чѣмъ дальше она вела своимъ голосомъ, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе распалялся ея цыганскій огонь, такъ что мѣстами она вырывалась и хватала нѣсколько въ сторону, но Лябьевъ, держа ее, такъ сказать, всю въ своемъ ухѣ, угадывалъ это сейчасъ же и подлаживался къ ней.

Дѣти при этомъ совсѣмъ притихли. Француженка подняла

глаза къ небу, а Углаковъ только потрясалъ головой: видимо, что онъ былъ въ неописанномъ восторгѣ.

Но Лябьевъ вдругъ пересталъ играть.

— Что, не до того, видно! — сказала ему укоризненнымъ голосомъ Аграфена Васильевна.

— Да, не до того!—отвѣчалъ Лябьевъ.

— Ахъ, ты, дрянной, дрянной!—проговорила тѣмъ же укоризненнымъ тономъ Аграфена Васильевна. — Ну, къ старику моему, что ли, хотите?.. Ступайте, коли больно вамъ тамъ сладко!

— Сладко не сладко, но онъ вонъ не играетъ, вы не поете!—сказалъ Углаковъ и пошелъ.

Лябьевъ тоже поднялся, но того Аграфена Васильевна пріостановила на нѣсколько мгновеній.

— Ты калмыка остерегайся! — сказала она ему: — онъ теперь мужа моего оплетаетъ, но у того много не выцарапаетъ, а тебя какъ липку обдеретъ сразу!

— Обдирать теперь съ меня нечего: прежде все ободрали!— отвѣчалъ ей съ горькой усмѣшкой Лябьевъ.

— Неужели все?—переспросила Аграфена Васильевна.

— Почти!

— А много послѣ батьки досталось?

— Около полуторы тысячъ душъ.

— Воть драть-то бы тебя да драть!—сказала на это Аграфена Васильевна.

Лябьевъ снова усмѣхнулся горькой усмѣшкой и ушелъ вслѣдъ за Углаковымъ. Аграфена же Васильевна, оставшись одна, качала, какъ бы въ раздумьѣ, нѣсколько времени головой. Она отъ природы была очень умная и хорошая женщина и насквозь понимала все окружающее ее общество.

Въ жарко натопленныхъ антресоляхъ Углаковъ и Лябьевъ нашли зрѣлище, исполненное занимательности. Въ средней и самой просторной комнатѣ за небольшимъ столомъ помѣщался Ѳеодосій Гаврилычъ, старикъ лѣтъ около шестидесяти, съ толсто повязаннымъ на шеѣ галстукомъ, прикрывавшимъ его зобъ, и одѣтый въ какой-то довольно засаленный чепанчикъ на бѣличьемъ мѣху и вдобавокъ въ вязаные изъ козьяго пуху сапоги. Лицо Ѳеодосія Гаврилыча можно было причислить къ разряду тѣхъ физіономій, какую мы сейчасъ только видѣли въ кофейной Печкина у Максиньки: оно было одновременно серьезное и простоватое. Противъ Ѳеодосія Гаврилыча сидѣлъ и игралъ съ нимъ тоже старикъ, но только иного рода: рябой, съ какими-то рваными ноздрями, съ крашеными, чтобы скрыть сѣдину, густыми волосами, съ выдавшимися скулами

и продолговатыми, очень умными, черными глазами, такъ что въ обществѣ, вмѣсто настоящей его фамиліи — Янгуржеевъ, онъ слылъ больше подъ именемъ Калмыка. Вообще говорили, что внутри калмыку ничто не мѣшало творить все, и что онъ побаивался только острога, но и отъ того какъ-то до сихъ поръ еще увертывался. Несмотря на свое безобразіе, Янгуржеевъ замѣтно франтилъ и молодился, и въ настоящее время, напримѣръ, онъ, чистѣйшимъ образомъ выбритый, въ сюртукѣ цвѣта индійской бронзы, въ жилетѣ изъ рытаго бархата и въ сѣрыхъ брюкахъ, сидѣлъ, какъ бы нѣсколько рисуясь, въ креслѣ и имѣлъ при этомъ на губахъ постоянную усмѣшку. Игра, которую оба партнера вели между собою, была, какъ читатель уже знаетъ, не совсѣмъ обыкновенная. Они играли въ дѣтскую игрушку, кажется, называемую общимъ названіемъ бильбоке и состоящую изъ шарика съ дырочкою, вскидывая который, играющій долженъ былъ попасть этой дырочкой на перпендикулярно-держимую имъ палочку, и кто раньше достигалъ сего благополучія, тотъ и выигрывалъ. Двухъ состязующихся борцовъ окружало довольно значительное число любопытныхъ, между коими рисовался своей фигурой маркиза знакомый намъ губернскій предводитель князь Индобскій, который на этотъ разъ былъ какой-то ощипанный и совершенно утратившій свой форсъ. Дѣло въ томъ, что князь больше не былъ губернскимъ предводителемъ. Въ день баллотировки своей онъ вздумалъ со слезами на глазахъ объявить дворянству, что, сколь ни пламенно онъ желалъ бы исполнять до конца дней своихъ несомую имъ нынѣ должность, но, по разстроеннымъ имущественнымъ обстоятельствамъ своимъ, не можетъ этого сдѣлать. Князь непремѣнно ожидалъ, что дворяне предложатъ ему жалованье тысячъ въ десять, но дворяне на это промолчали: въ то время не такъ были тароваты на всякаго рода пожертвованія, какъ нынѣ, и до князя даже долетали фразы въ родѣ такой: «Будь доволенъ тѣмъ, что и отчета съ тебя по постройкѣ дома не взяли!». Послѣ этого, разумѣется, ему оставалось одно: отказаться вовсе отъ баллотировки, что онъ и сдѣлалъ, а нынѣ прибылъ въ Москву для совершенія, по его словамъ, какихъ-то денежныхъ операцій. Увидавъ вошедшаго Лябьева, эксъ-предводитель бросился къ нему почти съ распростертыми объятіями.

— Боже мой, кого я встрѣчаю!—произнесъ онъ.

Лябьевъ съ трудомъ узналъ столь дружественно заговорившаго съ нимъ господина и отвѣтилъ довольно сухо:

— Благодарю васъ, и я радуюсь, что встрѣтился съ вами.

— И что жъ, вы понгрываете здѣсь, какъ и въ нашихъ благословенныхъ мѣстахъ, въ картишки?

— Играю.

— Позвольте мнѣ явиться къ вамъ и быть представленнымъ вашей супругѣ?—продолжалъ эксъ-предводитель заискивающимъ голосомъ.

— Сдѣлайте одолженіе! — сказалъ Лябьевъ и поспѣшилъ подойти къ играющимъ, на которыхъ устремлены были безпокойные взгляды всѣхъ зрителей.

Ѳеодосій Гаврилычъ внимательно вскидывалъ свой шарикъ и старался поймать его, — у него глаза даже были налиты кровью. Янгуржеевъ же совершалъ игру почти шутя и, только какъ бы желая поскорѣе кончить партію, онъ подбросилъ шарикъ сильно по прямой линіи вверхъ и затѣмъ, безъ всякаго труда поймавъ его на палочку, проговорилъ:

— Стопъ!.. Партія кончена!

— Стопъ и я!—сказалъ на это Ѳеодосій Гаврилычъ.

Янгуржеевъ вопросительно взглянулъ на него.

— Но это шло на контру?—замѣтилъ онъ.

— Знаю! — отвѣчалъ твердымъ голосомъ Ѳеодосій Гаврилычъ.—Сколько же я проигралъ?

— Тысячу рублей! — отвѣчалъ калмыкъ, сосчитавъ марки на столѣ.

— Поэтому я и стопъ! — повторилъ самодовольно Ѳеодосій Гаврилычъ.—Я веду коммерческую игру и проигрываю только то, что у меня въ карманѣ лежитъ! — заключилъ онъ, обращаясь къ прочимъ своимъ гостямъ.

— Это правило отличное,—похвалилъ его Янгуржеевъ:—но если ты каждый день будешь проигрывать по тысячѣ, это въ годъ выйдетъ триста шестьдесятъ пять тысячъ, что, по-моему, стоитъ всякой скороспѣлки, которой ты такъ боишься!

— Ну, ты у меня, да и никто, я думаю, каждый день по тысячѣ не выиграетъ: это будьте покойны! — говорилъ съ увѣренностью Ѳеодосій Гаврилычъ.

— Да вотъ выигралъ же я нынѣшней весной у тебя на мухахъ пятьсотъ рублей.

— Что жъ изъ того? — возразилъ съ упорствомъ Ѳеодосій Гаврилычъ:—это ты не выигралъ, а пари взялъ!

— Мнѣ все равно,—отвѣчалъ калмыкъ:—лишь бы деньги у меня въ карманѣ очутились.

Хотя всѣ почти присутствующіе знали этотъ казусъ, постигшій Ѳеодосія Гаврилыча, однако всѣ складомъ лицъ выразили желаніе еще разъ услышать объ этомъ событіи, и первый заявилъ о томъ юный Углаковъ, сказавъ:

— Но какъ же можно выиграть пари на мухахъ? гонку развѣ вы устраивали между ними?

— Нѣтъ-съ, не гонку,—принялся объяснять Янгуржеевъ:— но Ѳеодосій Гаврилычъ, какъ, можетъ-быть, вамъ небезъизвѣстно, агрономъ и любитъ охранять не травы, намъ полезныя, а насѣкомыхъ, кои вредны травамъ; это я знаю давно, и вотъ разъ, когда на Вербномъ воскресеньи мы купили вмѣстѣ вотъ эти самые злополучные шарики, въ которые теперь играли, Ѳеодосій Гаврилычъ пріѣхалъ ко мнѣ обѣдать, и вижу я, что онъ все ходитъ и посматриваетъ на окна, гдѣ еще съ осени лежало множество нападавшихъ мухъ, и потомъ вдругъ сталъ меня увѣрять, что въ маѣ мѣсяцѣ мухи всѣ оживутъ, а я, по простотѣ моей, увѣряю, что нѣтъ. Ну, споръ, закладъ, и передъ тѣмъ, какъ рамы надобно было выставлять, Ѳеодосій Гаврилычъ пріѣзжаетъ ко мнѣ, забралъ всѣхъ мухъ съ собой, — ждалъ, ждалъ, мухи не оживаютъ; дѣлать нечего, признался и заплатилъ мнѣ по десяти рублей за штуку.

— Да какъ же имъ и ожить, когда ты прежде того ихъ прикололъ, чтобы я поспорилъ съ тобой!—воскликнулъ наконецъ вспылившій Ѳеодосій Гаврилычъ.

— Я съ осени еще прикололъ ихъ!—отвѣчалъ хладнокровно калмыкъ.

— Ну, кому же, я васъ спрашиваю, господа, придетъ въ голову, какъ не дьяволу, придумать такую штуку? — отнесся опять Ѳеодосій Гаврилычъ къ прочимъ своимъ гостямъ.

— Однако я придумалъ же, хотя я не дьяволъ! — возразилъ Янгуржеевъ.

— Нѣтъ, дьяволъ! — повторилъ настойчиво хозяинъ: проигранная имъ тысяча, видимо, раздражительно щекотала у него внутри. — А сегодня меня обыграть развѣ ты тоже не придумалъ?—присовокупилъ онъ.

— Конечно, придумалъ!—отвѣчалъ, нисколько не стѣсняясь, калмыкъ.—Вольно тебѣ играть со мной; я этимъ шарикомъ, еще когда гардемариномъ былъ, всѣхъ кадетъ обыгрывалъ; меня за это чуть изъ корпуса не выгнали!

— Понимаю теперь, понимаю! — говорилъ Ѳеодосій Гаврилычъ, глубокомысленно качая головой.

— Однако соловья баснями не кормятъ, ты помнишь, я думаю, стихъ Грибоѣдова: «Княгиня, карточный должокъ!»

— Очень хорошо помню, и вотъ этотъ долгъ! — сказалъ Ѳеодосій Гаврилычъ и, вынувъ изъ бокового кармана своего чепана заранѣе приготовленную тысячу, подалъ ее Янгуржееву, который послѣ того, поклонившись всѣмъ общимъ по-

клономъ и проговоривъ на французскомъ языкѣ въ родѣ того, что онъ желаетъ всѣмъ счастья въ любви и картахъ, пошелъ изъ комнаты.

Его поспѣшилъ нагнать на лѣстницѣ князь Индобскій и, почти униженно отрекомендовавшись, началъ просить позволенія явиться къ нему. Янгуржеевъ выслушалъ его съ холоднымъ полувниманіемъ, какъ слушаютъ обыкновенно министры своихъ просителей, и, ничего въ отвѣтъ опредѣленнаго ему не сказавъ, сталъ спускаться съ лѣстницы, а экъ-предводитель возвратился на антресоли. Въ концѣ лѣстницы Янгуржеева догналъ Лябьевъ.

— Къ тебѣ не пріѣзжать сегодня?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, никого порядочнаго не будетъ! А что это за князь такой, который давеча подскакивалъ къ тебѣ?—проговорилъ Янгуржеевъ.

— Это нашъ губернскій предводитель.

— Богатъ?

— Должно-быть, особенно если судить по образу его жизни.

— Жаль, я этого не предполагалъ,—произнесъ Янгуржеевъ, какъ бы что-то соображая, и, проходя затѣмъ черезъ залу, слегка мотнулъ головой все еще сидѣвшей тамъ Аграфенѣ Васильевнѣ.

Та позеленѣла даже при видѣ его.

— Сколько мой старый-то дуракъ проигралъ? — спросила она Лябьева и Углакова, когда тѣ сошли внизъ.

— Тысячу рублей всего! — отвѣчалъ ей послѣдній. — Тетенька, не споете ли еще чего-нибудь?—прибавилъ онъ почти умоляющимъ голосомъ.

— Нѣтъ, — отвѣчала Аграфена Васильевна, отрицательно мотнувъ головой: — очень я зла на этого калмыка, такъ бы, кажись, и вцѣпилась ему въ волосы; прошелъ тутъ мимо, еле башкой мотнулъ мнѣ... Я когда-нибудь, Матерь Божія, наплюю ему въ глаза, не побоюсь, что онъ баринъ; онъ хуже всякаго нашего брата цыгана, которые вонъ на Живодеркѣ лошадьми господъ обманываютъ!

Видя, что тетенька была въ очень дурномъ расположеніи духа, молодые люди стали съ ней прощаться, то-есть цѣловаться въ губы, при чемъ она, перекрестивъ Лябьева, сказала:

— Ну, да благословитъ тебя Богъ, мой соловушка!

— Благословите и меня, тетенька!—проспилъ Углаковъ.

— Ты-то еще что?.. Чертеночекъ только! Хоть тоже, храни и тебя Спаситель!

Всѣ эти слова Аграфена Васильевна произнесла съ нѣко-

торой торжественностью, какъ будто бы, по обычаю своихъ соплеменницъ, она что-то такое пророкала обоимъ гостямъ своимъ.

Когда Лябьевъ и Углаковъ усѣлись въ сани, то первый сказалъ:

— Хочешь у меня отобѣдать?

— А что у тебя такое сегодня? — спросилъ съ любопытствомъ послѣдній.

— Ничего особеннаго!.. У насъ обѣдаетъ Марѳина!

— Марѳина у васъ обѣдаетъ?.. — повторилъ уже съ разгорѣвшимися глазами Углаковъ: — въ такомъ случаѣ я очень радъ!

— Вотъ видишь, какъ я угадалъ твое желаніе!—произнесъ опять-таки съ своей горькой улыбкой Лябьевъ, хотя, правду говоря, онъ пригласилъ Углакова вовсе не для удовольствія того, но дабы на первыхъ порахъ спрятаться, такъ сказать, за него отъ откровенныхъ объясненій съ женой касательно не дома проведенной ночи; хотя Муза при такого рода объясненіяхъ всегда была очень кротка, но эта-то покорность жены еще болѣе терзала Лябьева, чѣмъ терзалъ бы его гнѣвъ ея.—И приволокнись, если хочешь, за Марѳиной, освѣжи немного ея богомольную душу! — продолжалъ онъ, какъ бы желая, чтобы весь міръ сбился съ панталыку.

II.

Квартира Лябьевыхъ въ сравненіи съ логовищемъ Ѳеодосія Гавриловича представляла верхъ изящества и вкуса, и все въ ней какъ-то весело смотрѣло: натертый воскомъ паркетъ блестѣлъ; въ окна черезъ чистыя стекла ярко свѣтило солнце и играло на листьяхъ тропическихъ растеній, которыми уставлена была гостиная; на подзеркальникахъ простѣночныхъ зеркалъ виднѣлись серебряные канделябры со множествомъ восковыхъ свѣчей; на мраморной тумбѣ предъ среднимъ окномъ стояли дорогіе бронзовые часы; на столахъ, покрытыхъ пестрыми синелевыми салфетками, красовались фарфоровыя съ прекрасной живописью лампы; мебель была обита въ гостиной шелковой матеріей, а въ наугольной—дорогимъ англійскимъ ситцемъ; даже лакеи, проходившіе по комнатамъ, имѣли какой-то довольный и нарядный видъ: они очень много выручали отъ картъ, которыя по нѣскольку разъ въ недѣлю устраивались у Лябьева.

Въ то утро, которое я передъ симъ описывалъ, въ наугольной на диванѣ передъ столикомъ изъ чернаго дерева съ

золотой инкрустаціей сидѣли Муза Николаевна и Сусанна Николаевна. Послѣдняя только-что пріѣхала къ сестрѣ и не успѣла еще снять шляпки изъ темнаго крепа, убранной вѣтками акаціи и наклоненной нѣсколько на глаза; платье на Сусаннѣ Николаевнѣ было бархатное съ разрѣзными рукавами. По пріѣздѣ въ Москву Егоръ Егорычъ настоялъ, чтобы она сдѣлала себѣ весь туалетъ заново, доказывая, что молодыя женщины должны любить наряды, такъ какъ этого требуетъ въ каждомъ человѣкѣ чувство изящнаго. Говоря это, Егоръ Егорычъ не договаривалъ всего. Ему самому было очень пріятно, когда, напримѣръ, Сусанна Николаевна пришла къ нему показаться въ настоящемъ своемъ костюмѣ, въ которомъ она была дѣйствительно очень красива: ея идеальное лицо съ теченіемъ лѣтъ замѣтно оземнилось; прежняя дѣвичья и довольно плоская грудь Сусанны Николаевны развилась и пополнѣла, но стройность стана при этомъ нисколько не утратилась; блѣдныя и суховатыя губы ея стали болѣе розовыми и сочными. Измѣнилась, въ свою очередь, и Муза Николаевна, но только въ противную сторону, такъ что, несмотря на щеголеватое домашнее платье, она казалась по крайней мѣрѣ лѣтъ на пять старше Сусанны Николаевны, и главнымъ образомъ у нея подурнѣлъ цвѣтъ лица, который сдѣлался какъ бы у англичанки, пьющей портеръ: красный и съ небольшими угрями; вѣки у Музы Николаевны были тоже такія, словно бы она недавно плакала, и одни только ея прекрасные рыжовскіе глаза говорили, что это была все та же музыкантша-поэтесса.

— Отчего же Егоръ Егорычъ не пріѣхалъ къ намъ обѣдать? Какъ ему не грѣхъ!—говорила Муза Николаевна.

— Онъ прихворнулъ сегодня, и очень даже,—отвѣчала Сусанна Николаевна.

— Чѣмъ?—спросила Муза Николаевна.

— Да какъ тебѣ сказать?.. Послѣ смерти Валерьяна съ нимъ часто случаются разные припадки, а сегодня даже я хотѣла не ѣхать къ тебѣ и остаться съ нимъ; но къ нему пріѣхалъ его другъ Углаковъ, и Егоръ Егорычъ самъ ужъ насильно меня услалъ.

Съ этими словами Сусанна Николаевна встала и сняла свою шляпку, при чемъ оказалось, что бывшая тогда въ модѣ прическа, закрывавшая волосами уши и съ виднѣющимися сзади небольшими локончиками, очень къ ней шла.

— Ну, а ты какъ? Здорова?—продолжала она, снова садясь около сестры и ласково беря ее за руку.

— Ты взгляни на меня! Развѣ можно съ такимъ цвѣтомъ

лица быть здоровою?!.—отвѣчала, грустно усмѣхнувшись, Муза Николаевна.

— Отчего же это и когда съ тобой случилось?

— Послѣ первыхъ же моихъ неблагополучныхъ родовъ.

— Но ты и потомъ еще неблагополучно родила?

— И потомъ.

— А это отчего же? Какъ объясняютъ доктора?

— Они говорятъ, что это происходитъ отъ моихъ душевныхъ волненій.

— А душевныя-то волненія отчего же, Муза?

— Отъ разныхъ причинъ.

— Но есть же между ними какая-нибудь главная?

— Главная, что я до безумія люблю мужа.

— А онъ развѣ тебя не любитъ?

— Ахъ, нѣтъ, онъ меня любитъ, но любитъ и карты, а ты представить себѣ не можешь, какая это пагубная страсть въ мужчинахъ къ картамъ! Они забываютъ все: себя, семью, знакомятся съ такими людьми, которыхъ въ домъ пустить страшно. Первый годъ моего замужества, когда мы переѣхали въ Москву и когда у насъ бывали только музыканты и пѣвцы, я была совершенно счастлива и покойна; но потомъ годъ отъ году все пошло хуже и хуже.

— И неужели, Муза, ты не могла отвлечь своимъ вліяніемъ Аркадія Михайлыча отъ подобнаго общества?

— Можетъ, вначалѣ я успѣла бы это сдѣлать, но ты знаешь, какая я была молодая и неопытная; теперь же и думать нечего: онъ совершенно въ ихъ рукахъ. Послѣднее время у него появился еще новый знакомый, Янгуржеевъ, который, по-моему, просто злодѣй: онъ убиваетъ молодыхъ людей на дуэляхъ, обыгрываетъ всѣхъ почти навѣрное...

— Но неужели Аркадій Михайлычъ можетъ быть дружент съ такимъ господиномъ?—замѣтила Сусанна Николаевна.

— Мало, что дружент, но въ какомъ-то подчиненіи у него находится!—отвѣчала Муза Николаевна.

— И у васъ онъ бываетъ?

— Очень часто, и надобно сказать — очаровательнъ въ обращеніи: уменъ, остеръ, любезенъ, вѣжливъ... Мужъ справедливо говоритъ, что Янгуржеевъ можетъ быть и во дворцѣ и въ кабакѣ, и вездѣ будетъ вровень съ обществомъ.

— Но скажи (это, впрочемъ, поручилъ мнѣ спросить тебя по секрету Егоръ Егорычъ), не проигрывается ли очень сильно Аркадій Михайлычъ?

— Вѣроятно, проигрывается, и сильно даже! — продолжала Муза Николаевна:—по крайней мѣрѣ, когда послѣдній ребе-

нокъ мой померъ, я сижу и плачу, а Аркадій въ утѣшеніе мнѣ говоритъ: «Не плачь, Муза, это хорошо, что у насъ дѣти не живутъ, а то, пожалуй, будетъ не на что ни вырастить ни воспитать ихъ».

— И какъ же тебѣ не совѣстно, Муза, не писать мнѣ объ этомъ ни строчки! Я нисколько даже и не подозрѣвала, что найду тебя такою, какою нашла!

— Ахъ, Сусанна, ты послѣ этого не знаешь, что̀ значитъ быть несчастною въ замужествѣ! Говорить объ этомъ кому бы то ни было безполезно и совѣстно... Кромѣ того, я хорошо знаю, что Лябьевъ, несмотря на всѣ пороки свои, любитъ меня и мучится ужасно, что заставляетъ меня страдать; но если еще онъ узнаетъ, что я жалуюсь на него, онъ убьетъ себя.

Такъ ворковали, какъ бы двѣ кроткія голубки, между собою сестры; но бесѣда ихъ прервана была наконецъ пріѣздомъ хозяина и Углакова.

Лябьевъ конфузливо, но прежде всего поцѣловалъ руку у жены. Та потупила глаза, чтобы онъ не замѣтилъ печали въ ея взорѣ. Затѣмъ Лябьевъ сначала пожалъ, а потомъ тоже поцѣловалъ руку и Сусанны Николаевны, а вмѣстѣ съ тѣмъ поспѣшилъ ей представить Углакова.

— Мой другъ, Петръ Александрычъ Углаковъ! — проговорилъ онъ.

Молодой гвардеецъ, вовсе, кажется бы, отъ природы не застѣнчивый, молча раскланялся передъ Маріанной и проговорилъ только:

— Мы нѣсколько знакомы.

— Да,—протянула Сусанна Николаевна: — вашъ батюшка теперь даже сидитъ у моего мужа.

— Ахъ, папа у васъ! Онъ давнишній пріятель Егора Егорыча... Еще послѣ двѣнадцатаго года они вмѣстѣ въ Парижѣ волочились за француженками.

— Можетъ-быть, вашъ отецъ волочился, но Егоръ Егорычъ—не думаю,—возразила-было Сусанна Николаевна.

— Вы извольте думать или нѣтъ, это какъ вамъ угодно, но отецъ мнѣ все разсказывалъ; я даже знаю, о чемъ они теперь бесѣдуютъ.

— О француженкахъ тоже? — спросила ужъ Муза Николаевна.

— Нѣтъ-съ, не о француженкахъ, но отецъ непремѣнно жалуется на меня Егору Егорычу... Такъ это? — обратился Углаковъ къ Сусаннѣ Николаевнѣ.

Та слегка усмѣхнулась.

— Почти что такъ,—проговорила она.

— Онъ говоритъ, что я лѣнниво занимаюсь службой?

— Говоритъ, и его больше всего безпокоитъ, что вы дурно держите себя противъ великаго князя Михаила Павловича, который васъ любитъ, а вы ему штучки устраиваете.

Странное дѣло! Сусанна Николаевна, обыкновенно застѣнчивая до сихъ поръ въ разговорахъ со всѣми мужчинами, съ Углаковымъ говорила какъ бы съ очень близкимъ ей роднымъ и говорила даже нѣсколько поучительнымъ тономъ.

— Въ такомъ случаѣ, mesdames,—сказалъ между тѣмъ Углаковъ, садясь съ серьезнѣйшей миной передъ дамами и облокачиваясь на чернаго дерева столикъ: — разсудите вы, Бога ради, меня съ великимъ княземъ: иду я прошлой осенью по Невскому въ калошахъ и иду нарочно въ тотъ именно часъ, когда знаю, что великаго князя непремѣнно встрѣчу... Онъ меня дѣйствительно нагоняетъ, оглядѣлъ меня и тутъ же говоритъ: «Углаковъ, встань ко мнѣ на запятки, я свезу тебя на гауптвахту!» Я, конечно, всталъ; но не дуракъ же я набитый: я калоши мои преспокойно сбросилъ. Великій князь привезъ меня на гауптвахту, самъ повелъ къ караульному офицеру. «Возьми, говоритъ, Углакова на гауптвахту: онъ въ калошахъ!» Тогда я протестовалъ. «Ваше высочество, говорю, я безъ калошъ!» Онъ взглянулъ мнѣ на ноги. «Ну, все равно, говоритъ, впередъ тебѣ это зачтется». И скажите, кто тутъ былъ правъ: я или великій князь?

— Конечно, вы!—подтвердили обѣ дамы.

— И я полагаю, что если вы все такъ будете судить себя, такъ всегда и во всемъ останетесь правы,—присовокупила къ этому Сусанна Николаевна.

— А вы находите меня такимъ чурбаномъ, что я не понимаю, что̀ дѣлаю?—спросилъ Углаковъ.

— Напротивъ, я нахожу, что вы очень много понимаете, особенно для вашихъ лѣтъ.

— Стало-быть, вы думаете, что я очень молодъ?

— Думаю.

— Но сколько же мнѣ, по-вашему, лѣтъ?

— Лѣтъ девятнадцать, — опредѣлила Сусанна Николаевна.

— О, какъ вы на много ошиблись! Мнѣ двадцать первый годъ.

— Нѣтъ, вы прибавляете, — возразила ему на это Сусанна Николаевна.

Въ отвѣтъ на такое недовѣріе Углаковъ пожалъ только плечами: ему ужъ, кажется, было и досадно, что Сусанна Николаевна видитъ въ немъ такого еще мальчика.

— А какъ ты съ великимъ княземъ въ маскарадѣ встрѣтился? — сталъ его подзадоривать Лябьевъ.

— Да что жъ въ маскарадѣ? Я опять тутъ тоже правъ... Великій князь встрѣтилъ меня и говоритъ: «Ты, Углаковъ, службой совсѣмъ не занимаешься! Я тебя всюду встрѣчаю!» Что жъ я могъ ему на это сказать?.. Я говорю: «Мнѣ тоже, ваше высочество, удивительно, что я всюду съ вами встрѣчаюсь!»

Обѣ дамы засмѣялись.

— И что жъ вамъ за это было? — спросила Лябьева.

— За это ничего!.. Это каламбуръ, а каламбуры великій князь самъ отличные говоритъ... Каратыгинъ Петръ не то еще сказалъ даже государю... Разъ Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ пришли въ театрѣ на сцену... Великій князь что-то такое сострилъ. Тогда государь обращается къ Каратыгину и говоритъ: «Братъ у тебя хлѣбъ отбиваетъ!» — «Ничего, ваше величество, — отвѣтилъ Каратыгинъ: — лишь бы только мнѣ соль оставилъ!»

— Это недурно! — подхватилъ Лябьевъ.

— Да, — согласились и дамы.

Углаковъ еще хотѣлъ что-то такое разсказывать, но въ это время послышались шаги.

— Кто бы это такой могъ пріѣхать! — проговорилъ съ досадой Лябьевъ и вышелъ прибывшему гостю навстрѣчу.

По гостиной шелъ своей барской походкой князь Индобскій. На лицѣ хозяина какъ бы изобразилось: «Вотъ кого еще чортъ принесъ!» Князь, чуть ли не подмѣтивши непріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго его пріѣздомъ, поспѣшилъ проговорить:

— Я до такой степени нетерпѣливо желалъ воспользоваться вашимъ разрѣшеніемъ быть у васъ...

— Очень вамъ благодаренъ, — перебилъ его Лябьевъ: — но я извиняюсь только, что мы идемъ садиться обѣдать.

— Неужели я такъ опоздалъ! — произнесъ окончательно сконфуженнымъ тономъ князь, быстро вынимая часы и смотря на нихъ: — въ самомъ дѣлѣ, четыре часа! Въ такомъ случаѣ, позвольте, я лучше другой разъ явлюсь.

— Какъ это возможно! Откушайте съ нами! — остановилъ его Лябьевъ:—не взыщите только: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады!.. Прошу васъ, я представлю васъ женѣ моей.

— О, благодарю васъ! — воскликнулъ съ чувствомъ князь и, будучи представленъ дамамъ, обратился первоначально, разумѣется, къ хозяйкѣ.

— Васъ я зналъ еще дѣвочкой, потомъ слышалъ вашу артистическую игру, когда вы участвовали въ концертѣ съ теперешнимъ вашимъ супругомъ.

Затѣмъ князь отнесся къ Сусаннѣ Николаевнѣ:

— Вамъ я еще прежде имѣлъ честь быть представленъ почтеннымъ Егоромъ Егорычемъ. Какъ его здоровье?

— Онъ нехорошо себя чувствуетъ.

— Ахъ, какъ это жаль! — произнесъ опять съ чувствомъ князь и за обѣдомъ, который вскорѣ послѣдовалъ, сразу же, руководимый способностями амфитріона, сталъ какъ бы не гостемъ, а хозяиномъ: онъ принималъ изъ рукъ хозяйки тарелки съ супомъ и передавалъ ихъ по принадлежности; указывалъ дамамъ на куски говядины, которые слѣдовало брать; попробовавъ пудингъ изъ рыбы, окрашенной зеленоватымъ цвѣтомъ фисташекъ, отъ восторга поцѣловалъ у себя кончики пальцевъ, расхвалилъ до невѣроятности пьяныя конфеты, поданныя въ рюмкахъ. Все это, впрочемъ, нисколько не мѣшало, чтобы разговоръ шелъ и о болѣе серьезныхъ предметахъ.

— Вы все время оставались у Ѳеодосія Гаврилыча? — спросилъ князя хозяинъ.

— Нѣтъ, я вслѣдъ же за вами уѣхалъ... Завернулъ только на минуточку къ нашему земляку Тулузову.

— Qui est ce monsieur Тулузовъ? — сказали въ одинъ голосъ Лябьевъ и Муза Николаевна.

Сусанна же Николаевна смутилась нѣсколько и вмѣстѣ съ тѣмъ слегка улыбнулась презрительной улыбкой.

— Это теперешній нашъ гранъ-сеньёръ,—началъ объяснять князь: — ничтожный какой-то выходецъ... Онъ хотѣлъ-было пролѣзть даже въ попечители гимназіи, но я все-таки, оберегая честь дворянства, подставилъ ему въ этомъ случаѣ немного ногу.

Читатель знаетъ, какъ князь подставлялъ Тулузову ногу.

— А зачѣмъ онъ здѣсь живетъ? — поинтересовался Лябьевъ.

— Затѣмъ,' что участвуетъ въ здѣшнемъ откупѣ; кромѣ того, двѣ-три сосѣднія губерніи имѣетъ на откупу, и, кажется, въ этихъ операціяхъ онъ порядкомъ крахнетъ.

— Отчего? — спросилъ Лябьевъ.

— Оттого что, какъ вы, вѣроятно, это слышали, Москвѣ и даже всей сѣверной полосѣ угрожаетъ голодъ. Объ этомъ идутъ теперь большіе толки и дѣлаются предуготовительныя распоряженія; но откупа, какъ извѣстно, зависятъ отъ благосостоянія простого народа. Интересно, какъ господа откупщики вывернутся.

— Вывернутся, будьте покойны, да и состояніе еще себѣ наживутъ! — подхватилъ Лябьевъ.

— Можетъ-быть, — не оспаривалъ князь: — вообще, я вамъ скажу, невыносимо грустно послѣднее время ѣздить по Москвѣ:

вмѣсто домовъ графа Апраксина, Чернышева, князя Потемкина, князя Петрова, Иванова, что ли, вдругъ вездѣ рисуются на воротахъ надписи: домъ купца Котельникова, Сарафанникова, Полушубкина! Во что жъ послѣ этого обратится Москва?.. Въ сборище какихъ-то толстопузыхъ самоварниковъ!.. Петербургъ въ этомъ случаѣ представляетъ гораздо болѣе отрадное явленіе.

— А нашей губерніи угрожаетъ голодъ?.. У насъ тоже былъ очень дурной урожай? — спросила Сусанна Николаевна князя.

— По-моему, болѣе, чѣмъ какой-либо другой! — отвѣчалъ онъ ей и потомъ сталъ разспрашивать Лябьева, гдѣ въ Москвѣ ведется самая большая игра: въ клубахъ или частныхъ домахъ; если въ домахъ, то у кого именно? Лябьевъ отвѣчалъ ему на это довольно подробно, а Углаковъ между тѣмъ все время потихоньку шутилъ съ Сусанной Николаевной, съ которой онъ сидѣлъ рядомъ.

— Не кушайте такъ много, у насъ голодъ! — шепнулъ онъ ей, когда Сусанна Николаевна взяла-было, кажется, весьма небольшой кусокъ индѣйки.

— А сами вы зачѣмъ такъ много кушаете? — замѣтила ему въ свою очередь Сусанна Николаевна.

— Мнѣ надобно много кушать... По вашимъ словамъ, я еще мальчикъ: значитъ, расту; а вы ужъ выросли... Постойте, постойте однако, се monsieur тоже выросъ, но ѣстъ, какъ удавъ, — шепталъ Углаковъ, слегка показывая глазами на князя, дѣйствительно клавшаго себѣ въ ротъ огромные кусищи.

— Перестаньте! — унимала его Сусанна Николаевна.

Но шалунъ не унимался.

— Monsieur le prince, — отнесся онъ къ Индобскому: — когда китъ поглотилъ Іону въ свое чрево, у китовъ тоже, вѣроятно, былъ въ это время голодъ?

— Не знаю-съ, — отвѣчалъ тотъ, совершенно не понявъ, что̀ хочетъ сказать Углаковъ, и снова продолжалъ разговоръ съ Лябьевымъ.

— Перестаньте! — повторила еще разъ и даже сердитымъ тономъ Сусанна Николаевна.

— Ну, не буду, — произнесъ Углаковъ и въ самомъ дѣлѣ совершенно притихъ.

По окончаніи обѣда князь все-таки не уѣзжалъ. Лябьевъ, не зная наконецъ, что̀ дѣлать съ навязчивымъ и безпрерывно болтающимъ гостемъ, предложилъ ему сѣсть играть въ карты. Князь принялъ это предложеніе съ большимъ удовольствіемъ. Столъ для нихъ приготовили въ кабинетѣ, куда они и отправились, а дамы и Углаковъ усѣлись въ залѣ, около

рояля, на клавишахъ котораго Муза Николаевна начала перебирать.

— Сыграй что-нибудь, Муза! — попросила ее Сусанна Николаевна: — я такъ давно не слыхала твоей игры.

Муза начала играть, но избранная ею пьеса оказалась такою печальною и грустною, что Сусаннѣ Николаевнѣ и Углакову было тяжело даже слушать эти какъ бы сердечные вопли бѣдной женщины. Муза догадалась объ этомъ и, переставъ играть, обратилась къ Углакову:

— Нѣтъ, что̀ тутъ играть!.. Спойте лучше намъ, Петръ Александрычъ!

Тотъ при этомъ весь вспыхнулъ.

— Какой же я пѣвецъ! — проговорилъ онъ, потупляясь.

— Какъ какой пѣвецъ?.. Очень хорошій!—возразила ему Муза Николаевна.

— Какой же хорошій, когда я совсѣмъ не пою!—упорствовалъ Углаковъ.

— Что̀ такое вы говорите! — сказала ужъ съ удивленіемъ Муза Николаевна: — Аркадій, подтверди, пожалуйста, поетъ или нѣтъ Петръ Александрычъ?—крикнула она мужу въ кабинетъ.

— Поетъ, — отозвался тотъ.

— И хорошо поетъ?

— Хорошо!

— Это, я вижу, Петръ Александрычъ мнѣ не хочетъ доставить удовольствія слышать его, — сказала Сусанна Николаевна.

Углаковъ окончательно переконфузился.

— Нѣтъ-съ, вы ошибаетесь... Если это доставитъ вамъ удовольствіе, то я готовъ сейчасъ же...—проговорилъ онъ, держа попрежнему глаза потупленными внизъ.

При такомъ отвѣтѣ Сусанна Николаевна, въ свою очередь, сконфузилась и тоже потупилась.

— Конечно, доставите удовольствіе, пойте! — подхватила Муза Николаевна и приготовилась аккомпанировать.

— Но что̀ же я буду пѣть? — спросилъ ее Углаковъ.

— Спойте: «Нѣтъ, докторъ, нѣтъ, не приходи!»

Углаковъ отрицательно потрясъ головой.

— Ну, «Черный цвѣтъ»...

Углаковъ и это отвергнулъ.

— «Соловья»!—предложила-было ему Муза Николаевна.

— Какъ это возможно! — воскликнулъ Углаковъ: — намъ сейчасъ только Аграфена Васильевна божественно спѣла «Соловья»! Развѣ мою любимую «Le petit homme»?—придумалъ онъ самъ.

— Eh bien!—одобрила Муза Николаевна и стала аккомпанировать.

Углаковъ запѣлъ хоть и не совсѣмъ обработаннымъ, но пріятнымъ теноромъ:

„Il est un petit homme,
Tout habillé de gris,
Dans Paris;
Joufflu comme une pomme,
Qui, sans un sou comptant,
Vit content,
Et dit: Moi, je m'en...
Et dit: Moi, je m'en...
Ma foi, moi, je m'en ris!
Oh, qu'il est gai, qu'il est gai,
Le petit homme gris!"

Сусанна Николаевна при этомъ улыбнулась. Углаковъ, замѣтивъ это, продолжалъ еще съ большею рѣзвостью:

„A courir les fillettes,
A boire sans compter,
A chanter
Il s'est couvert de dettes;
Mais quant aux créanciers,
Aux huissiers,
Il dit: Moi, je m'en...
Il dit: Moi, je m'en...
Ma foi, et cetera, et cetera"...

пѣлъ Углаковъ вмѣсто словъ и затѣмъ снова перешелъ къ пѣсенкѣ:

„Quand la goutte l'accable
Sur un lit délabré,
Le curé
De la mort et du diable
Parle à ce moribond,
Qui répond:
Ma foi, moi, je m'en...
Ma foi, moi, je m'en...
Ma foi, et cetera, et cetera"...

Слушая эти два куплета, Сусанна Николаевна имѣла, или, по крайней мѣрѣ, старалась имѣть совершенно серьезное выраженіе въ лицѣ.

— Вы убѣдились наконецъ, какъ я скверно пою! — обратился къ ней Углаковъ.

— Вовсе нѣтъ!.. Мнѣ нравится ваше пѣніе, — возразила она: — но я желала бы, чтобы вы намъ спѣли что-нибудь русское.

— Спойте вотъ это теперь! — сказала Муза Николаевна и

быстро забѣгала своими пальчиками по фортепіано, а также и Углаковъ совсѣмъ ужъ по-русски залился:

„Ѣхали бояре изъ Нова-города,
Красная дѣвица на улицѣ была;
Всѣмъ нашимъ боярамъ по поклону отдала,
Одному жъ боярину пониже всѣхъ,
А за то ему пониже, что удалый молодецъ.
Сталъ молодчикъ дѣвицу спрашивати:
— Какъ тебя, дѣвушка, по имени зовутъ?..“

— Пощади, Углаковъ! Ты въ словахъ, а Муза въ аккомпанементѣ Богъ знаетъ какъ путаете!

— Не вѣрьте! Вы отлично это пропѣли! — подхватила съ своей стороны Сусанна Николаевна.

— Mercі, madame!—произнесъ Углаковъ, расшаркавшись передъ нею и пристукнувши при этомъ каблуками своихъ сапогъ, чѣмъ онъ, конечно, хотѣлъ дать комическій оттѣнокъ своей благодарности; но тѣмъ не менѣе весьма замѣтно было, что похвала Сусанны Николаевны весьма пріятна ему была.

— Говорятъ, хорошо очень идетъ «Аскольдова могила», и Бантышевъ въ ней отлично поетъ?—спросила она затѣмъ.

— Превосходно, неподражаемо!—воскликнулъ Углаковъ:— спѣлъ бы вамъ, но не рѣшаюсь, лучше вы его послушайте!

И затѣмъ разговоръ между собесѣдниками перешелъ исключительно на театръ. Углаковъ очень живо началъ описывать актеровъ, разсказывалъ про нихъ разные анекдоты, и въ этомъ случаѣ больше всѣхъ выпало на долю Максиньки, который будто бы однажды горячо спорилъ съ купцомъ о томъ, въ какихъ отношеніяхъ, въ пьесѣ «Горе отъ ума», находится Софья Павловна съ Молчалинымъ: въ близкихъ или идеальныхъ. Первое утверждалъ купецъ, по грубости своихъ понятій; но Максинька, какъ человѣкъ ума возвышеннаго, говорилъ, что между ними существуетъ совершенно чистая и неземная любовь. Слышавши этотъ споръ ихъ, одинъ тогдашній острякъ замѣтилъ имъ: «Господа, если бы у Софьи Павловны съ Молчалинымъ и было что-нибудь, то все-таки зачѣмъ же про дѣвушку распускать такіе слухи?!» — «Благородно!» — воскликнулъ на это громовымъ голосомъ Максинька и ударилъ остряка одобрительно по плечу. Хоть подобный анекдотъ и былъ нѣсколько скабрезенъ, но ужасно развеселилъ дамъ. Сусанна Николаевна вообразить себѣ безъ смѣху не могла, что могъ затѣяться такой споръ, и вообще весь этотъ разговоръ о театрѣ ей показался чрезвычайно занимательнымъ и новымъ. Несмотря на свою духовность и строгую мораль, Марѳина вовсе не была сухимъ и черствымъ существомъ. Чуткая ко

всему жизненному, она никакъ не могла ограничиться въ своихъ пожеланіяхъ одной лишь сферой масонства. Между тѣмъ пробило восемь часовъ. Сусаннѣ Николаевнѣ пора было ѣхать домой.

— Нельзя ли тебѣ меня проводить?—сказала она сестрѣ.— Наши лошади еще не пришли изъ деревни, а на извозчикѣ я боюсь ѣхать.

— Конечно, проводимъ, — отвѣчала Муза Николаевна и велѣла-было заложить въ возокъ лошадей; но лакей, пошедшій исполнять это приказаніе, возвратясь невдолгѣ, объявилъ, что кучеръ, не спавшій всю прошедшую ночь, напился и лежитъ безъ чувствъ.

— Какъ же я доберусь теперь до дому? — произнесла Сусанна Николаевна.

— Очень просто, я велю тебѣ взять хорошаго извозчика и пошлю съ тобою человѣка проводить тебя, — отвѣчала Муза Николаевна.

— Но зачѣмъ это, для чего?—проговорилъ какимъ-то трепетнымъ голосомъ Углаковъ, слышавшій совѣщаніе сестеръ.— У меня моя лошадь здѣсь со мною... Позвольте мнѣ довезти васъ до вашего дома... Надѣюсь, что въ этомъ ничего не будетъ неприличнаго?

— Ей-Богу, я не знаю, какъ это по московскимъ обычаямъ принято? — спросила сестру видимо недоумѣвавшая Сусанна Николаевна.

— По-моему, вовсе ничего нѣтъ тутъ неприличнаго... Меня изъ концертовъ часто молодые люди довозятъ, если Аркадій ѣдетъ куда-нибудь не домой.

— Въ такомъ случаѣ поѣдемте, довезите меня!—обратилась Сусанна Николаевна къ Углакову, который, придя въ неописанный восторгъ, выскочилъ въ одномъ сюртукѣ на морозъ, чтобы велѣть кучеру своему подавать лошадь.

— Какой смѣшной Углаковъ!—проговорила Сусанна Николаевна, оставшись вдвоемъ съ сестрою.

— Да, но въ то же время онъ предобрый и премилый! — опредѣлила та.

— Это сейчасъ видно, что добрый,—согласилась и Сусанна Николаевна.

Углаковъ возвратился и объявилъ, что лошадь у крыльца. Сусанна Николаевна принялась облекаться въ свою модную шляпку, въ свои дорогіе боа и салопъ.

— А я тебя и не спросила еще,—сказала Муза Николаевна, укутывая сестру въ передней: — получила ли ты письмо отъ маманши изъ деревни?

— Намъ Сверстовы писали, что маша чувствуетъ себя хорошо, совершенно покойна, и что о. Василій ей иногда читаетъ изъ житія святыхъ: Прологи, знаешь, эти...

Но Муза Николаевна совершенно не знала, что̀ такое Прологи.

Сестры наконецъ распрощались, и когда Сусанна Николаевна усѣлась съ Углаковымъ въ сани, то пристоявшійся на морозѣ рысакъ полетѣлъ стремглавъ. Сусанна Николаевна, очень любившая быструю ѣзду, испытывала живое удовольствіе, и выраженіе ея красиваго лица, обрамленнаго пушистымъ боа, было веселое и спокойное; но только вдругъ ея собесѣдникъ почти прошепталъ:

— Сусанна Николаевна, зачѣмъ вы вышли замужъ за такого старика?

Такой вопросъ совершенно поразилъ Сусанну Николаевну.

— За какого же старика?—нашлась она только спросить.

— Такъ неужели же вашъ мужъ молодъ?—проговорилъ въ воротникъ шубы Углаковъ.

— Для меня это все равно, молодъ онъ или не молодъ, но онъ любитъ меня.

— Еще бы ему не любить васъ!—произнесъ опять въ воротникъ своей шубы Углаковъ.

— Но и я его тоже люблю.

— Не вѣрю.

— Какъ не вѣрите! Развѣ вы знаете мои чувства?

— Не знаю, но не вѣрю.

— Ну, такъ знайте же, я люблю и люблю очень моего стараго мужа!

— Тогда это или сумасшествіе, или вы какая-то ужъ необыкновенная женщина!..

— Что̀ жъ тутъ необыкновеннаго, я не понимаю! — возразила Сусанна Николаевна.

— Да какъ же!.. Люди обыкновенно любятъ другъ друга, когда у нихъ есть что-нибудь общее; но, я думаю, ничего не можетъ быть общаго между старенькимъ грибкомъ и сильфидой.

— Общее въ мысляхъ, во взглядахъ.

— Значитъ, и вы, какъ Егоръ Егорычъ, вѣрите въ масонство?—воскликнулъ Углаковъ.

Всѣ эти разспросы его Сусанну Николаевну очень удивили.

— Неужели, Углаковъ, вы не понимаете, что ваши слова чрезвычайно нескромны, и что я на нихъ не могу отвѣчать?

— Виноватъ, если я тутъ въ чемъ проговорился; но, какъ

хотите, это вотъ я понимаю, что отецъ мой въ двадцать лѣтъ еще сдѣлался масономъ, мать моя тоже масонка; они поженились другъ съ другомъ и съ тѣхъ поръ, какъ кукушки какія, кукуютъ одну и ту же масонскую пѣсню; но чтобы вы... Нѣтъ, я вамъ не вѣрю.

— Для меня это рѣшительно все равно,—произнесла, уже усмѣхнувшись, Сусанна Николаевна: — но я васъ прошу объ одномъ: никогда больше со мной не говорить объ этомъ.

— Я не буду, когда вы не приказываете, — проговорилъ покорнымъ голосомъ Углаковъ и, видимо надувшись нѣсколько на Марѳину, во всю остальную дорогу ни слова больше не проговорилъ съ нею, и даже, когда она передъ своимъ подъѣздомъ сказала ему: «mercі!», онъ ей отвѣтилъ насмѣшливымъ голосомъ:

— Не стоитъ благодарности, madame.

— Но куда же вы теперь ѣдете? — спросила его Сусанна Николаевна.

— Ѣду изъ свѣтлаго рая въ многогрѣшный театръ,—отвѣчалъ тѣмъ же тономъ Углаковъ и уѣхалъ.

Сусанна Николаевна, улыбаясь, вошла въ свою квартиру и прямо направилась къ Егору Егорычу, котораго она застала за книгой и въ шерстяномъ колпакѣ, и при этомъ (скрывать нечего) онъ ужасно показался Сусаннѣ Николаевнѣ похожимъ на старенькій, сморщенный грибокъ.

Не остановившись, разумѣется, ни на секунду на этой мысли, она сказала ему:

— Ты знаешь, кто меня довезъ сюда?

Егоръ Егорычъ вопросительно взмахнулъ на нее глазами.

— Молодой Углаковъ, сынъ твоего пріятеля.

— А! Что жъ ты не привела его ко мнѣ?.. Я его давно не видалъ... Такъ ли онъ остеръ, какъ былъ въ дѣтствѣ?..

— И теперь остеръ но главное — ужасно наивенъ: что на душѣ, то и на языкѣ.

— Это качество хорошее!—замѣтилъ Егоръ Егорычъ.

— Конечно, дурной человѣкъ не будетъ откровененъ,—замѣтила Сусанна Николаевна и пошла къ себѣ въ комнату пораспустить корсетъ, парадное бархатное платье замѣнить домашнимъ, и пока она все это совершала, въ ея воображеніи рисовался, какъ живой, шустренькій Углаковъ съ своими проницательными и насмѣшливыми глазками, такъ что Сусаннѣ Николаевнѣ сдѣлалось досадно на себя. Возвратясь къ мужу и стараясь думать о чемъ-нибудь другомъ, она спросила Егора Егорыча, знаетъ ли онъ, что въ ихъ губерніи, какъ и во многихъ, начинается голодъ?

— Знаю, я еще осенью распорядился заготовить для крестьянъ хлѣба, съ тѣмъ, чтобы потомъ выдавать его имъ безплатно,—пробормоталъ тотъ.

— Ахъ, какъ ты хорошо это сдѣлалъ!—похвалила его съ чувствомъ Сусанна Николаевна.

— Что жъ тутъ особенно хорошаго? Это долгъ мой, обязанность моя!—возразилъ Егоръ Егорычъ.

III.

Углаковы дали большой вечеръ. Собравшійся къ нимъ людъ былъ разнообразенъ: во-первыхъ, нѣсколько молодыхъ дамъ и дѣвицъ, нѣсколько статскихъ молодыхъ людей и два-три отпускные офицера, товарищи юнаго Углакова. Старикъ Углаковъ, а еще болѣе того супруга его слыли въ Москвѣ людьми умными и просвѣщенными, и потому ихъ, собственно, общество по преимуществу состояло изъ старыхъ масоновъ и изъ дамъ de lettres, что въ переводѣ значило: изъ дамъ весьма скучныхъ, значительно безобразныхъ и, по лѣтамъ своимъ, полустарухъ. Карточныхъ игроковъ, размѣстившихся въ особой отдѣльной комнатѣ, было тоже немало, и посреди нихъ виднѣлась замѣтная фигура калмыка и напоминающая собой копну сѣна фигура Ѳеодосія Гаврилыча: онъ игралъ въ пикетъ съ Лябьевымъ и имѣлъ болѣе чѣмъ когда-либо безсмысленно-серьезное выраженіе въ лицѣ. Танцы производились въ залѣ подъ игру тапера, и молодой, вертлявый хозяинъ почти ни на шагъ не отходилъ отъ m-me Марѳиной, которая, говоря безъ лести, была красивѣе и даже наряднѣе всѣхъ прочихъ дамъ: для бала этого Сусанна Николаевна, безъ всякаго понужденія со стороны Егора Егорыча, сдѣлала себѣ новое и весьма изящное платье. Муза Николаевна на этотъ разъ была тоже весьма интересна, и это условливалось отчасти тѣмъ, что, пользуясь вечернимъ освѣщеніемъ, она употребила противъ своего красноватаго цвѣта лица нѣкоторыя легкія косметическія средства. Общество пожилое между тѣмъ сидѣло въ гостиной, и Егоръ Егорычъ замѣтно тутъ первоприсутствовалъ; по крайней мѣрѣ, хозяинъ, старичокъ очень чистенькій и франтоватый, со звѣздой, выражалъ большую аттенцію къ каждому слову, которое произносилъ Марѳинъ. Что касается до хозяйки, то она себя держала тою же величавою дамой, какою мы видѣли ее въ церкви Архангела Гавріила. Невдалекѣ отъ нея сидѣла также особа женскаго пола, маленькая, черномазенькая,— особа, должно-быть, пребезпокойнаго характера, потому что хоть и держала въ своихъ костлявыхъ рукахъ работу, но

безпрестанно повертывалась къ каждому, кто говорилъ, имѣя при этомъ такое выраженіе, которымъ какъ бы заявляла: «Ну-ка, ну, говори!.. Я вотъ тебя сейчасъ и прихлопну!» Прихлопывать ей, разумѣется, не часто удавалось, но что она въ душѣ постоянно къ тому стремилась, это несомнѣнно! Особа эта была нѣкая Зинаида Иракліевна, дочь заслуженнаго кавказскаго генерала, владѣющая значительнымъ состояніемъ и, несмотря на свой солидный возрастъ, до сихъ поръ еще не вышедшая замужъ, вѣроятно, потому, что, какъ говорили нѣкоторые насмѣшники, не имѣла никакихъ пріятныхъ женскихъ признаковъ. Въ обществѣ (за глаза, разумѣется) Зинаиду Иракліевну обыкновенно называли m-lle Блоха. Такое прозвище она стяжала оттого, что будто бы Денисъ Давыдовъ, въ современной пѣснѣ своей, говоря: «заговорщица-блоха», имѣлъ въ виду ее. Но какъ бы то ни было, сія все-таки почтенная дѣвица, лишенная утѣхъ сердца, старалась устроить себѣ умственную жизнь, ради чего она почти до униженія заискивала между тогдашними литераторами и между молодыми, какіе тогда были налицо, учеными, которыхъ Зинаида Иракліевна, какъ бы они ни увертывались, завербовывала себѣ въ друзья. Въ настоящее время жертвой ея былъ одинъ молодой человѣкъ, года три передъ тѣмъ проживши за границей. M-lle Блоха, познакомившись съ нимъ, начала его приглашать къ себѣ, всюду вывозить съ собой и всѣмъ кричать, что это умнѣйшій господинъ и вдобавокъ гегеліанецъ. Въ чемъ собственно состоялъ гегелизмъ, Зинаида Иракліевна весьма смутно вѣдала; но тѣмъ не менѣе въ обществѣ, которое до того времени дѣлилось на масоновъ и волтеріанцевъ, начали потолковывать и о философіи Гегеля, слухъ о чемъ достигнулъ и до Егора Егорыча съ самыхъ первыхъ дней пріѣзда его въ Москву. Егоръ Егорычъ зналъ объ ученіи Гегеля еще менѣе Зинаиды Иракліевны и помнилъ только имя сего ученаго, о которомъ онъ слышалъ въ бытность свою въ двадцатыхъ годахъ за границей, но все-таки познакомиться съ какимъ-нибудь гегеліанцемъ ему очень хотѣлось съ тою цѣлью, чтобы повыщупать того и, если можно, то и поспорить съ нимъ. Онъ переговорилъ объ этомъ съ m-me Углаковой, которая (благо и Пьеръ ея все приступалъ къ ней затѣять у нихъ какъ-нибудь танцы) устроила невдолгѣ вечеръ, пригласивъ на оный m-lle Блоху и убѣдительно прося ее при этомъ привезти съ собою ея молодого друга, что та и исполнила. Гегеліанецъ оказался скромнымъ по виду господиномъ, въ очкахъ, съ длинными волосами и съ весьма благородными манерами. Егоръ Егорычъ устремилъ на него испытующій

взоръ, но прямо разговоръ о Гегелѣ, разумѣется, не могъ начаться, и къ нему пришли нѣсколько окольнымъ путемъ. Подъ звуки раздававшейся въ залѣ музыки и при шумѣ шарканья танцующихъ m-me Углакова спросила Егора Егорыча:

— А вы вчера слушали «Божественную каплю»?

— Да,—отвѣчалъ онъ ей.

— Говорятъ, очень глубокое произведеніе?

— Глубокое по мысли своей, но, по-моему, сухо и непоэтично выполненное,—произнесъ Егоръ Егорычъ.

— Это есть отчасти,—согласился съ нимъ старикъ Углаковъ.

— Какая же мысль этой поэмы?—пожелала узнать m-lle Блоха, выражая въ лицѣ своемъ: «ну-ка, ну, договори!».

Егоръ Егорычъ однако не устрашился этого и очень спокойно, закинувъ только ногу подъ себя, принялся объяснять.

— Это—переложенное въ поэму апокрифическое преданіе о разбойникѣ, который попросилъ Дѣву Марію, шедшую въ Египетъ съ Іосифомъ и Предвѣчнымъ Младенцемъ, дать каплю молока своего его умирающему съ голоду ребенку. Дѣва Марія покормила ребенка, который впослѣдствіи, сдѣлавшись, подобно отцу своему, разбойникомъ, былъ распятъ вмѣстѣ со Христомъ на Голгоѳѣ и, умирая, произнесъ къ собрату своему по млеку: «Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіе Твое!».

— Все это, разумѣется, имѣетъ символическое значеніе,— замѣтилъ старикъ Углаковъ.

— Конечно,—подтвердилъ Егоръ Егорычъ:—ибо что̀ такое явленіе Христа, какъ не возрожденіе ветхаго райскаго Адама, и капля Богородицы внесла въ душу разбойника искру божественнаго огня, давшую силу ему узнать въ распятомъ Христѣ вѣчно живущаго Бога... Нынче, впрочемъ, все это, пожалуй, можетъ показаться черезчуръ религіознымъ, значитъ, неумнымъ.

— Почему же неумнымъ? Богъ есть разумъ всего, высшій умъ!—возразила Зинаида Иракліевна, вѣроятно, при этомъ думавшая: «А я вотъ тебя немножко и прихлопнула!». Въ то же время она взглянула на своего молодого друга, какъ бы желая знать, одобряетъ ли онъ ее; но тотъ молчалъ, и можно было думать, что всѣ эти старики съ ихъ мнѣніями казались ему смѣшны; откровенный Егоръ Егорычъ успѣлъ однако вызвать его на разговоръ.

— Вы гегеліанецъ?—началъ онъ прямо.

— Гегеліанецъ!—отвѣчалъ молодой человѣкъ, немного подумавъ.

— Я невѣжда въ отношеніи Гегеля... Съ Фихте и Шеллин-

гомъ я знакомъ немного и уважаю ихъ, хотя я самъ весь, по существу моему, мистикъ; но знать, говорятъ, все полезно... Скажите, въ чемъ состоитъ сущность ученія Гегеля: продолжатель ли онъ своихъ предшественниковъ, или начинатель чего-нибудь новаго?...

— То и другое, я думаю.

— Но его исходная точка, по крайней мѣрѣ, собственная?

— Почти совершенно собственная: его главное положеніе выражается въ такой формулѣ, что все раціональное реально и все реальное раціонально, и что человѣкъ долженъ вѣрить въ одинъ только умъ, ибо онъ самъ есть умъ!

Егора Егорыча при этомъ замѣтно покоробило

— Все человѣческое есть человѣческое только посредствомъ мысли, то-есть ума,—говорилъ далѣе ученый:—и самое высшее знаніе—это мысль, занятая сама собой, ищущая и находящая самоё себя. Она называется формальною, когда разсматривается независимо отъ содержанія; мысль болѣе опредѣленная становится понятіемъ; мысль въ полной опредѣленности есть идея, натура которой—*развиваться* и только чрезъ это дѣлаться тѣмъ, что̀ она есть. Въ ней надобно различать два состоянія: одно, которое извѣстно подъ именемъ расположенія, способности, возможности и которое по-нѣмецки называется an sich sein — бытіемъ въ самомъ себѣ. Второе есть дѣйствительность, вещественность, или то, что̀ именуется бытіемъ для себя—für sich sein.

— Значитъ, Гегель разсматриваетъ мысль въ совершенномъ отвлеченіи, ея только дѣйствія и пути, но гдѣ жъ содержаніе какое-нибудь?

— Содержанія онъ и не касается... Подкладывайте подъ мысль какое вамъ угодно содержаніе, которое все-таки будетъ таково, какимъ понимаетъ его мысль.

— Но неужели же ни вы ни Гегель не знаете, или, зная, отвергаете то, что̀ говоритъ Бенеке?—привелъ еще разъ мнѣніе своего любимаго философа Егоръ Егорычъ.—Бенеке говоритъ, что для ума есть черта, до которой онъ идетъ могущественно, но тутъ же весь и кончается, а тамъ, дальше, за чертой, и поэзія, и Богъ, и религія, и это ужъ работа не его, а дѣло фантазіи.

— Но что̀ же такое и фантазія, если она хоть сколько-нибудь сознана, какъ не мысль?.. Вы вотъ изволили упомянуть о религіяхъ; Гегель вовсе не отдѣляетъ и не исключаетъ религіи изъ философіи и полагаетъ, что это два различные способа познавать одну и ту же истину. Философія есть не что̀ иное, какъ уразумѣваемая религія, вѣра, переведенная на разумъ...

— Но нельзя вѣру перевести на разумъ! — воскликнулъ Егоръ Егорычъ.

— Позвольте ужъ мнѣ прежде докончить,—сказалъ ему на это скромно молодой ученый.

— Виноватъ, виноватъ, молчу и слушаю васъ,—произнесъ Егоръ Егорычъ, съ своей стороны, съ покорностью.

Молодой ученый снова продолжалъ:

— Гомеръ сказалъ, что всѣ вещи имѣютъ два названія: одно на языкѣ боговъ, а другое на языкѣ человѣковъ. Первое выражаетъ смыслъ положительнаго, конкретнаго понятія, а другое есть языкъ чувствъ, представленій, мысли, заключенной въ конечныя категоріи. Религія можетъ существовать безъ философіи, но философія не можетъ быть безъ религіи. Философія, по необходимости, по существу своему, заключаетъ въ себѣ религію. Еще схоластикъ Ансельмъ сказалъ: «negligentia mihi videtur, si postquam confirmati simus in fide, non studemus, quod credimus intelligere».

Эту латинскую цитату молодой ученый явно произнесъ для произведенія внѣшняго эффекта, такъ какъ оной никто изъ слушателей не понялъ, за исключеніемъ Егора Егорыча, который на это воскликнулъ:

— Нельзя этого intelligere, нельзя, а если и можно, такъ вотъ чѣмъ!.. сердцемъ нашимъ!..—и Егоръ Егорычъ при этомъ постучалъ себѣ пальцемъ въ грудь.—А не этимъ!—прибавилъ онъ, постучавъ уже пальцемъ въ лобъ.

— Сердцемъ, я полагаю, ничего нельзя понимать,—возразилъ ему его оппонентъ:—оно можетъ только чувствовать, то-есть отвращаться отъ чего-либо или прилѣпляться къ чему-либо; но сравнивать, сознавать и даже запоминать способенъ одинъ только умъ. Мы достаточно уже имѣемъ чистыхъ формъ истины въ религіяхъ и миѳологіяхъ, въ гностическихъ и мистическихъ системахъ философіи, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ. Содержаніе ихъ вѣчно юно, и однѣ только формы у нихъ старѣютъ, и мы легко можемъ открыть въ этихъ формахъ идею и убѣдиться, что философская истина не есть что-нибудь отдѣльное и чуждое міровой жизни, и что она въ ней проявлена, по крайней мѣрѣ, какъ распря.

— Не понимаю васъ, не понимаю, — затараторилъ Егоръ Егорычъ:—кромѣ послѣдняго вашего слова: распря. Откуда же эта распря происходитъ?.. Откуда это недовольство, это какъ бы движеніе впередъ?.. Неужели вы тутъ не чувствуете, что человѣкъ ищетъ свой утраченный свѣтъ, свой затемненный разумъ?..

— Онъ бы сейчасъ его нашелъ, если бы только повѣрилъ въ него безусловно.

— Но отчего же тогда политики врутъ и на каждомъ шагу ошибаются, а, кажется, дѣйствуютъ все по уму и съ расчетомъ.

— Я не знаю, собственно, что̀ вы разумѣете подъ именемъ политиковъ,—возразилъ ему молодой человѣкъ:—но Гегель въ отношеніи права, нравственности и государства говоритъ, что истина этихъ предметовъ достаточно ясно высказана въ положительныхъ законахъ.

— Однако нашъ мыслящій умъ не удовлетворяется этими истинами!—перебилъ его Егоръ Егорычъ.

— Онъ не столько не удовлетворяется, сколько стремится облечь ихъ въ умственную форму и, такъ сказать, оправдать ихъ передъ мыслью свободною и самодѣятельною. Въ естественномъ правѣ Гегель требуетъ, чтобы, вмѣсто отвлеченнаго способа созидать государство, понимали это государство, какъ нѣчто раціональное въ самомъ себѣ, и отсюда его выводами были: повиновеніе властямъ, уваженіе къ праву положительному и отвращеніе ко всякимъ насильственнымъ и быстрымъ переворотамъ.

— Все это ужъ очень раціонально, черезчуръ даже,— произнесъ Егоръ Егорычъ, потрясая своей головой.

— Непремѣнно раціонально, какъ и должно быть все въ мірѣ, и если вы вглядитесь внимательно, то увидите, что развитіе духа всего міра представляется въ четырехъ элементахъ, которые имѣютъ представителями своими Востокъ, Грецію, Римъ и Германію. На Востокѣ идея является въ своей чистой безконечности, какъ безусловная субстанція въ себѣ, an sich, безъ всякой формы, безъ всякаго опредѣленія, поглощающая и подавляющая все конечное, человѣческое; поэтому единственная форма общества здѣсь есть теократія, въ которой человѣкъ безусловно подчиненъ божеству... Въ Греціи идея уже получаетъ конечную форму и опредѣленіе; человѣческое начало выступаетъ и выражаетъ свободно идею въ опредѣленныхъ прекрасныхъ образахъ и созданіяхъ, то-есть для себя бытіе идеи, für sich Sein, въ области идеальнаго созерцанія и творчества. Въ Римѣ человѣкъ, какъ практическая воля, осуществляетъ идею въ практической жизни и дѣятельности... Онъ создаетъ право, законъ и всемірное государство для практическаго выраженія абсолютной истины.. Въ мірѣ германскомъ человѣкъ, какъ свободное лицо, осуществляетъ идею въ ея собственной области, какъ безусловную свободу: здѣсь является свободное государство и свободная наука, то-есть чистая философія.

— Темно, темно,—повторилъ и на это Егоръ Егорычъ.

— Можетъ-быть, что не совсѣмъ ясно, — не отрицалъ молодой ученый.—Гегель самъ говоритъ, что философія непремѣнно должна быть темна, и что ясность есть принадлежность мыслей низшаго разряда.

Такого рода споръ, вѣроятно, долго бы еще продолжался, если бы онъ не былъ прерванъ довольно страннымъ явленіемъ: въ гостиную вдругъ вошелъ лакей въ мѣховой, съ гербовыми пуговицами, ливреѣ и даже въ неснятой, тоже ливрейной, мѣховой шапкѣ. Онъ несъ въ рукахъ что-то очень большое и, должно-быть, весьма тяжелое, имѣющее какъ бы форму треугольника, завернутое въ толстое, зеленаго цвѣта, сукно. За этимъ лакеемъ слѣдовала пожилая дама въ платьѣ декольте, съ худою и длинною шеей, съ сѣдыми, но весьма тщательно подвитыми куклями и съ множествомъ брильянтовыхъ вещей на груди и на рукахъ. Хозяйка, увидавъ эту даму, почти со всѣхъ ногъ бросилась къ ней навстрѣчу и, пожимая обѣ руки той, воскликнула:

— Марья Ѳедоровна, какъ я вамъ рада, Боже мой, какъ рада!

Хозяинъ тоже всталъ съ своего кресла и почтительно раскланивался съ Марьей Ѳедоровной.

— Пріѣхала, по вашему желанію, съ арфой,—проговорила та, показывая рукою на внесенную лакеемъ вещь.

— Ахъ, какъ мы вамъ благодарны, несказанно благодарны!—говорили супругъ и супруга Углаковы.

— Но гдѣ жъ позволите мнѣ поставить мой инструментъ?—спросила Марья Ѳедоровна, безпокойно потрясая своими сѣдыми кудрями.

— Я думаю, около фортепіано: вы, вѣроятно, будете играть съ аккомпанементомъ?—проговорила хозяйка.

— Могу и съ аккомпанементомъ, только съ очень нешумнымъ,—объяснила Марья Ѳедоровна.

— О, безъ сомнѣнія!—воскликнула хозяйка.

— Заглушать вашу игру было бы преступленіемъ,—присовокупилъ къ этому старикъ Углаковъ.

Марья Ѳедоровна послѣ того повелительно взглянула на лакея, и тотъ, снова поднявъ свое бремя, потащилъ его въ залу, при чемъ отъ ливрейной шубы его исходилъ холодъ, а на лбу, напротивъ, выступала испарина. Если бы бѣднаго служителя сего спросить въ настоящія минуты, что онъ желаетъ сдѣлать съ несомымъ имъ инструментомъ, то онъ навѣрное бы сказалъ: «расщепать его на мелкую лучину и въ огонь!». Но арфа наконецъ уставлена была около фортепіано. Суконный чехолъ былъ съ нея снятъ. Теперь, сидѣвшій до

того за фортепіано, всталъ и отошелъ въ сторону. Танцы, само собою разумѣется, прекратились.

— Кто жъ мнѣ будетъ аккомпанировать?—спросила Марья Ѳедоровна, повертывая свою голову на худой шеѣ и осматривая все общество.

Она, видимо, желала немедля же приступить къ своимъ музыкальнымъ упражненіямъ.

— Милая, добрая Муза Николаевна, — отнеслась хозяйка къ Лябьевой:—аккомпанируйте Марьѣ Ѳедоровнѣ!

Муза Николаевна повыдвинулась изъ толпы.

— Не соглашайтесь!—шепнулъ ей стоявшій около молодой Углаковъ:—пусть эта старая вѣдьма булькаетъ одна на своихъ гусляхъ.

Муза Николаевна, конечно, не послушалась его и подошла къ роялю.

— Я всегда очень дурно аккомпанирую Марьѣ Ѳедоровнѣ,— произнесла она.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы отлично аккомпанируете!—возразила та, тряхнувъ своими кудрями и усаживаясь на пододвинутое ей хозяиномъ кресло.

— «Буль, буль!»—заиграла она въ самомъ дѣлѣ на арфѣ

— «Буль, буль!»—повторилъ за нею и Углаковъ, садясь рядомъ съ Сусанной Николаевной.

Та, кажется, старалась не смотрѣть на него и не слушать его.

— Какую арію вамъ угодно, чтобы я аккомпанировала? — спросила Муза Николаевна.

— Я бы больше всего желала сыграть гимнъ солнцу пиѳагорейцевъ, который я недавно сама положила на музыку, — сказала съ оттѣнкомъ важности Марья Ѳедоровна.

— Но я его не знаю, — произнесла на это скромно Муза Николаевна.

— Марья Ѳедоровна,—воскликнулъ въ это время вскочившій съ своего мѣста молодой Углаковъ, подбѣгая къ роялю:— вы сыграйте: «Вотъ мчится тройка удалая!», а я вамъ спою!

При этомъ возгласѣ сына старикъ Углаковъ вопросительно взглянулъ на него, а мать выразила на лицѣ своемъ неудовольствіе и даже испугъ: она заранѣе предчувствовала, что Пьеръ ея затѣялъ какую-нибудь проказу.

— А вы поете эту пѣсню? — спросила Марья Ѳедоровна, вскидывая на повѣсу свои сентиментальные глаза.

— Пою и пою отлично, — отвѣчалъ тотъ, не задумавшись.

Тутъ уже m-me Углакова укоризненно покачала головою сыну; старикъ-отецъ тоже растерялся.

Ничего этого не замѣчавшая Марья Ѳедоровна забулькала

на арфѣ хорошо ей знакомую пѣсню. Муза Николаевна стала ей слегка подыгрывать на фортепіано, а Углаковъ запѣлъ. Сначала все шло, какъ слѣдуетъ; бо́льшая часть общества изъ гостиной и наугольной сошлась слушать музыку и пѣніе. Изъ игроковъ остались на своихъ мѣстахъ только Лябьевъ, что-то такое задумчиво маравшій на столѣ мѣломъ, Ѳеодосій Гаврилычъ, обыкновенно никогда и нигдѣ не трогавшійся съ того мѣста, которое себѣ избиралъ, и калмыкъ, подсѣвшій тоже къ ихъ столу. Ѳеодосію Гаврилычу замѣтно хотѣлось поговорить съ симъ послѣднимъ.

— А я тебѣ не разсказывалъ, какую я умную штуку придумалъ?—началъ онъ.

— Нѣтъ, не разсказывалъ; надѣюсь, что она поумнѣй этой дурацкой музыки, которая тамъ раздается, — отозвался калмыкъ.

— За такую музыку ихъ всѣхъ бы передушить слѣдовало!— произнесъ со злостью Лябьевъ и нарисовалъ мѣломъ на столѣ какой-то огромный носъ.

— Поумнѣй немножко этой музыки, поумнѣй!—произнесъ самодовольно Ѳеодосій Гаврилычъ.—Ну, такъ вотъ что́ такое я именно придумалъ, — продолжалъ онъ, обращаясь къ калмыку:—случился у меня въ имѣніяхъ слѣдующій казусъ: на водяной мельницѣ плотину прорвало, а вѣтряныя не мелютъ: вѣтровъ нѣтъ!

— Что́ жъ, ты самъ изъ себя придумалъ испускать оные?— замѣтилъ калмыкъ.

— Гдѣ жъ мнѣ испускать изъ себя? Я не Эолъ. Но слушай ужъ серьезно: механику ты знаешь. Ежели мы отъ какой-нибудь тяжести перекинемъ веревку черезъ блокъ, то она дѣйствуетъ вдвое... Я и придумалъ на мѣсто всѣхъ этихъ водяныхъ и вѣтряныхъ мельницъ построить одну большую, которую и буду двигать тяжестью, и тяжестью даже небольшой, положимъ, въ три пуда. Эти три пуда, перекинутые черезъ блокъ, будутъ дѣйствовать, какъ шесть пудовъ, перекинутые еще черезъ блокъ, еще болѣе, такъ что на десятомъ, можетъ-быть, блокѣ составится тысячи полторы пудовъ; понялъ?

— Понялъ,—отвѣчалъ калмыкъ.

— Значитъ, хорошо я придумалъ?

— Нѣтъ, нехорошо.

— Почему?

— Потому что ты механики-то, видимо, и не знаешь. У тебя мельница дѣйствительно повернется, но только одинъ разъ въ день, а на этомъ много муки не смелешь.

— Что́ ты говоришь: одинъ разъ въ день!—возразилъ, даже

презрительно разсмѣявшись, Ѳеодосій Гаврилычъ:—чѣмъ ты это докажешь?

— Тѣмъ, что тяжесть, перекинутая черезъ блокъ, хоть и дѣйствуетъ сильнѣе, но въ это же время настолько же и медленнѣе.

Сколь ни плохо зналъ механику Ѳеодосій Гаврилычъ, но справедливость мысли калмыка понялъ.

— Фу ты, чортъ тебя возьми! Ты, какъ дьяволъ, все понимаешь, — произнесъ онъ, но въ этотъ моментъ Лябьевъ поспѣшно поднялся съ своего стула и проворно вышелъ въ залу, гдѣ произошло нѣчто весьма курьезное.

Углаковъ въ концѣ пѣтой имъ пѣсни вдругъ зачихалъ, при чемъ чихнулъ если не въ лицо, то прямо въ открытую шею Марьи Ѳедоровны, которая при этомъ съ величіемъ откинулась назадъ; но Углаковъ не унимался: онъ чихнулъ потомъ на арфу и даже нѣсколько на платье Музы Николаевны, будучи не въ состояніи удержаться отъ своей чихотки. Все это, разумѣется, прекратило музыку и пѣніе, и въ заключеніе всего изъ наугольной калмыкъ захлопалъ и прокричалъ:

— Браво!

— Браво!—подхватилъ ему вослѣдъ и юный Углаковъ.

Конфузу и смущенію стариковъ-хозяевъ предѣловъ не было, а также и удивленію со стороны Марьи Ѳедоровны.

— Какъ вашъ сынъ дурно воспитанъ!—сказала она m-me Углаковой.

— У него, вѣроятно, насморкъ,—объяснила та, чтобы какъ-нибудь оправдать свое дѣтище.

— У меня насморкъ, Марья Ѳедоровна, видитъ Богъ, насморкъ!—вопіялъ, съ своей стороны, юный Углаковъ и затѣмъ сейчасъ же скрылся въ толпу и усѣлся рядомъ съ Сусанной Николаевной.

— Что такое съ вами?—спросила та.

— Да я у Ѳедотыча, какъ онъ проходилъ съ лимонадомъ, выпросилъ табаку, и когда Марья Ѳедоровна разыгралась очень на своей арфѣ, я и нюхнулъ этого табаку,—ну, я вамъ скажу, это штука чувствительная: слонъ бы и тотъ расчихался!

Сусанна Николаевна, слушая шалуна, не могла удержаться отъ смѣха.

Между тѣмъ Марья Ѳедоровна, не хотѣвшая, къ общему удовольствію, кажется, публики, продолжать своей игры на арфѣ, перешла въ гостиную и сѣла около Зинаиды Иракліевны, которая не замедлила ее слегка кольнуть.

— А я и не знала, что вы арфу вашу даже кутаете, чтобы она не простудилась.

— Иначе и нельзя, а то она отсырѣетъ и тонъ потеряетъ... Это самый, я думаю, деликатный инструментъ,—отвѣчала простодушно Марья Ѳедоровна, вовсе не подозрѣвавшая яду въ словахъ своей собесѣдницы, которая, впрочемъ, не стала съ нею больше говорить и все свое вниманіе отнесла къ спору, все еще продолжавшемуся между молодымъ ученымъ и Егоромъ Егорычемъ, ради чего они усѣлись уже вдали въ уголкѣ.

— Вѣдь это пантеизмъ, чистѣйшій пантеизмъ,—полувосклицалъ Марѳинъ:—а я не хочу быть пантеистической пѣшкой!.. Я чувствую и сознаю Бога, сознаю также и себя отдѣльно!

— Вы потому и сознаёте себя отдѣльно, что вашъ умъ можетъ обращаться на самого себя и себя познавать!—возражалъ молодой гегеліанецъ.

— Что̀ мнѣ въ этомъ обращеніи ума на себя!.. А остальное все прекрасно и поэтому должно быть status quo?.. На этомъ, помяните мое слово, и подшибутъ вашего Гегеля.

— Можетъ-быть,—соглашался ученый:—но потомъ все-таки опять къ нему возвратятся.

— Возвратятся, но уже не къ нему, а скорѣе къ англійскому эмпиризму...

Въ эти самыя минуты, чего Егоръ Егорычъ, конечно, и не подозрѣвалъ, между Сусанной Николаевной и молодымъ Углаковымъ тоже происходилъ довольно отвлеченный разговоръ. Сначала, какъ мы видѣли, Петръ Александрычъ все зубоскалилъ, но затѣмъ вдругъ, какъ бы очнувшись, онъ спросилъ:

— Вы, Сусанна Николаевна, я думаю, совершенною дрянью считаете меня?

— Съ чего вы это взяли?—сказала она, вспыхнувъ въ лицѣ.

— Съ того, что я въ самомъ дѣлѣ дрянь,—отвѣчалъ онъ.

— Мужъ мой тоже, когда бываетъ не въ духѣ, говоритъ иногда, что онъ дурной человѣкъ, но развѣ я вѣрю ему?

— Мужу вы, можетъ-быть, не повѣрите, а про меня и сами такого же мнѣнія, какъ я думаю о себѣ.

— Ну, это еще Богъ знаетъ!—возразила, улыбнувшись, Сусанна Николаевна.

— Вы не шутите и не скрываете, что дурно обо мнѣ думаете?

— Пока нисколько не думаю о васъ дурно.

— Я бы и былъ недурной человѣкъ, если бы мнѣ было позволено одно.

— Что̀ именно?—спросила Сусанна Николаевна, но тутъ же, видимо, и испугалась своего вопроса.

— То, чтобы вы позволили мнѣ быть влюблену въ васъ.

Сусанна Николаевна окончательно растерялась.

— О, этого я никогда вамъ не позволю, — сказала она, какъ бы и смѣясь.

— Отчего?—произнесъ протяжно Углаковъ.

— Оттого, что я замужняя женщина... и зачѣмъ же мнѣ ваша любовь?

— Въ такомъ случаѣ я останусь дряннымъ человѣкомъ... и вотъ теперь же пойду и схвачусь съ Лябьевымъ въ банкъ!..

— Я не позволяю вамъ этого дѣлать, потому что не желаю, чтобы Лябьевъ проигралъ... и чтобы вы проигрывались.

— Но я васъ не послушаюсь, потому что вы не позволяете мнѣ ни быть въ васъ влюблену ни въ карты играть.

— Нѣтъ, вы послушаетесь меня!.. Иначе я съ вами ни одного слова никогда не скажу

— Вы ужасная деспотка!—проговорилъ Углаковъ и какъ бы невольно вздохнулъ.

— Можетъ-быть,—не отвергнула того и Сусанна Николаевна и, видя, что Егоръ Егорычъ вышелъ изъ гостиной съ шапкою въ рукѣ, она присовокупила:

— Мы скоро уѣдемъ; дайте мнѣ честное слово, что вы не будете Лябьева подговаривать въ карты играть!

— Извольте!—отвѣчалъ покорнымъ тономъ Углаковъ.

Сусанна Николаевна поблагодарила его улыбкой и подошла къ сестрѣ; та пошутила ей:

— Ты однако весь вечеръ разговаривала съ этимъ бѣсенкомъ, Углаковымъ.

— Ужъ именно бѣсенокъ! — подхватила Сусанна Николаевна и къ этому ни слова больше не прибавила.

IV.

Съ наступленіемъ февраля неурожай прошедшаго лѣта начиналъ окончательно давать себя чувствовать. Цѣны на хлѣбъ поднялись въ Москвѣ вчетверо. Былъ составленъ особый комитетъ для сбора пожертвованій въ пользу голодающихъ, а также для покупки и продажи хлѣба хоть сколько-нибудь по сноснымъ цѣнамъ. Члены комитета начали съѣзжаться каждодневно, и на этихъ собраніяхъ было произнесено много теплыхъ рѣчей, но самое дѣло подвигалось медленно; подписка на пожертвованія шла, въ свою очередь, не обильно, а о какихъ-либо фактическихъ распоряженіяхъ касательно удешевленія пищи пока и помину не было; объ этомъ все еще спорили: одни утверждали, что надобно послать закупить хлѣба въ такія-то мѣстности; другіе указывали на совершенно иныя мѣстности; затѣмъ возникъ вопросъ, кого послать? Нѣкоторые

утверждали, что для этого надобно выбрать особыхъ комиссаровъ и назначить имъ жалованье; наконецъ князь Индобскій, тоже успѣвшій попасть въ члены комитета, предложилъ деньги, предназначенныя для помѣщичьихъ крестьянъ, отдать помѣщикамъ, а раздачу вспомоществованій крестьянамъ казеннымъ и мѣщанамъ возложить на кого-либо изъ членовъ комитета; но когда ни одно изъ сихъ мнѣній его не было принято комитетомъ, то князь высказалъ свою прежнюю мысль, что такъ какъ дѣла откуповъ тѣсно связаны съ благосостояніемъ народнымъ, то не благоугодно ли будетъ комитету пригласить господъ откупщиковъ, которыхъ тогда много съѣхалось въ Москву, и съ ними посовѣтоваться, какъ и что̀ тутъ лучше предпринять. Эту мысль комитетъ одобрилъ. Посланы были пригласительныя письма къ откупщикамъ. Тѣ пріѣхали въ засѣданіе и единогласно объявили, что полезнѣе бы всего было раздать деньги на руки самимъ голодающимъ; однако члены комитета, понявъ заднюю мысль, руководившую сихъ мытарей, въ глаза имъ объявили, что при подобномъ способѣ бо́льшая часть денегъ бѣдняками будетъ употреблена не на покупку хлѣба, а на водку откупщицкую. Затѣмъ, какъ водится, послѣдовалъ споръ, шумъ, посреди котораго въ залу засѣданія вошелъ самый денежный изъ откупщиковъ, Василій Иванычъ Тулузовъ. Онъ направился къ предсѣдателю и извинился передъ тѣмъ, что опоздалъ нѣсколько. Предсѣдатель, съ своей стороны, счелъ нужнымъ объяснить Тулузову все, что̀ до него происходило, и вмѣстѣ съ тѣмъ, предложивъ Василію Иванычу сдѣлать посильное приношеніе въ пользу голодающихъ, просилъ его дать совѣтъ касательно того, какъ бы поскорѣе устроить вспомоществованіе бѣднымъ.

— А до какой цифры накопилась теперь пожертвованная сумма?—спросилъ Тулузовъ.

Предсѣдатель заглянулъ въ лежавшую передъ нимъ вѣдомость и произнесъ нѣсколько конфузливымъ голосомъ:

— Тысячъ до двадцати пяти.

— И всѣ деньги въ сборѣ?

— Нѣтъ, нѣкоторая часть еще не поступила.

На губахъ Тулузова явно пробѣжала насмѣшливая улыбка.

— Я-съ готовъ сдѣлать пожертвованіе,—сталъ онъ громко отвѣчать предсѣдателю, такъ, чтобы слышали его прочіе члены комитета:—и пожертвованіе не маленькое, а именно: въ триста тысячъ рублей.

При этомъ какъ членовъ комитета, такъ и откупщиковъ словно взрывомъ какимъ ошеломило. Предсѣдатель хотѣлъ было немедля же отъ себя и отъ всего комитета выразить

Василію Иванычу великую благодарность, но тотъ легкимъ движеніемъ руки остановилъ его и снова продолжалъ свою рѣчь:

— Я теперь собственно потому опоздалъ, что былъ у генералъ-губернатора, которому тоже объяснилъ о моей готовности внести на спасеніе отъ голодной смерти людей триста тысячъ, а также и о томъ условіи, которое бы я желалъ себѣ выговорить: триста тысячъ я вношу на покупку хлѣба съ тѣмъ лишь, что самолично буду распоряжаться этими деньгами и при этомъ обязуюсь черезъ двѣ же недѣли въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ найду нужнымъ, открыть хлѣбные амбары, въ которыхъ буду продавать хлѣбъ по цѣнамъ, не превышающимъ цѣнъ прежнихъ неголодныхъ годовъ.

— Но тозе какой хлѣбъ вы будете продавать и гдѣ?—замѣтилъ одинъ изъ откупщиковъ съ такими явными слѣдами своего жидовскаго происхожденія, что имѣлъ даже пейсы, распространялъ отъ себя невыносимый запахъ чесноку и дзикалъ въ своемъ произношеніи до омерзѣнія.

— Хлѣбъ мой можетъ всегда свидѣтельствовать полиція, а продавать его я буду, гдѣ мнѣ вздумается.

— Но отчего же вы не хотите ваше благодѣяніе совершить совмѣстно съ нашимъ комитетомъ?—сказалъ какъ бы съ нѣкоторымъ удивленіемъ предсѣдатель.

— Ваше превосходительство,— отвѣчалъ ему Тулузовъ почтительно:—къ несчастью, я знаю поговорку, что у семи нянекъ дитя безъ глазу.

— Но тогда зе ви будете продавать васъ хлѣбъ только гдѣ откупа васи, вотъ сто вы станете дѣлать! — произнесъ укоризненно еврей.

— Непремѣнно-съ тамъ буду продавать и нигдѣ больше!— едва удостоилъ его отвѣтомъ Тулузовъ.

— Но тогда зе весь народъ пойдетъ въ васи города!.. Сто зе ви сдѣлаете съ другими откупсциками: вы всѣхъ насъ зарѣзете!—почти уже кричалъ жидъ.

— Заведите и вы у себя дешевую продажу хлѣба, тогда и у васъ будетъ народъ! — отозвался съ надменностью Тулузовъ.

— У насъ зе нема денегъ для того! — продолжалъ кричать жидъ.

Но Тулузовъ, не желавшій, повидимому, тратить съ нимъ больше словъ, повернулся къ нему спиной и отнесся къ предсѣдателю:

— Я, ваше превосходительство, теперь пріѣхалъ не испрашивать разрѣшенія у комитета на мою операцію, которая мнѣ

уже разрѣшена генералъ-губернаторомъ, а только, какъ приказалъ онъ мнѣ, объявить вамъ объ этомъ.

— Приму къ свѣдѣнію! — отозвался на это сухо предсѣдатель.

Тулузовъ послѣ того раскланялся со всѣми и уѣхалъ.

Всѣ члены комитета, а еще болѣе того откупщики остались очень недовольными и смущенными: первые прямо изъ засѣданія отправились въ Англійскій клубъ, гдѣ стали разсказывать, какую штуку позволилъ себѣ сыграть съ ними генералъ-губернаторъ, и больше всѣхъ въ этомъ случаѣ протестовалъ князь Индобскій.

— Помилуйте, — говорилъ онъ: — этотъ нашъ европеецъ, генералъ-губернаторъ, помимо комитета входитъ въ стачку съ кабацкимъ аферистомъ, который нагло является къ намъ и объявляетъ, что онъ прокормитъ Москву, а не мы!

Между откупщиками, откупщикъ-еврей немалое еще время возглашалъ, пожимая своими костлявыми плечами:

— Мы всѣ зарѣзаны, зарѣзаны!

Откупщики изъ русскихъ тоже позатуманились и послѣ нѣкотораго совѣщанія между собой отправились гуртомъ къ Тулузову, вѣроятно, затѣмъ, чтобы дать ему отступного и просить его отказаться отъ своего хлѣбнаго предпріятія; но тотъ ихъ не принялъ и черезъ лакея сказалъ имъ, что онъ занятъ. Такимъ образомъ откупщики уѣхали отъ него съ носомъ. Василій Иванычъ, впрочемъ, въ самомъ дѣлѣ былъ занятъ: онъ въ ту же ночь собралъ всѣхъ своихъ поумнѣй и поплутоватѣй цѣловальниковъ и велѣлъ имъ со всей ихъ накопленной выручкой ѣхать въ разныя мѣстности Россіи, гдѣ, по его расчету, былъ хлѣбъ недорогъ, и закупить его весь, цѣликомъ, подъ задатки и контракты. Тѣ исполнили приказаніе своего повелителя съ замѣчательною скоростью и ловкостью и приторговали массу хлѣба, который недѣли черезъ двѣ потянулся въ Москву; а Тулузовъ, тѣмъ временемъ въ ближайшихъ окрестностяхъ заарендовавъ нѣсколько водяныхъ и вѣтряныхъ мельницъ, въ половинѣ поста устроилъ на всѣхъ почти рынкахъ московскихъ лабазы и открылъ въ нихъ продажу муки по цѣнамъ прежнихъ лѣтъ. Мало того, онъ сталъ скупать въ голодающихъ губерніяхъ скотъ, который, не имѣя чѣмъ кормить, крестьяне и даже помѣщики сбывали за безцѣнокъ. Онъ убивалъ этотъ скотъ, чтобы не тратиться на прогонъ и на прокормъ въ мѣстахъ покупки, и, пользуясь зимнимъ холодомъ, привозилъ его въ Москву въ формѣ убоины, которую продавалъ по цѣнамъ болѣе чѣмъ умѣреннымъ. Весь бѣдный людъ, что̀ предсказывалъ еврей-откупщикъ, хлынулъ

на всякаго рода заработки въ Москву. Пьянство началось веліе; откупъ не только не несъ убытка, а, напротивъ, процвѣталъ, и, по расчетамъ людей опытныхъ въ дѣлѣ торговли, Тулузовъ отъ откупа и отъ продажи хлѣба нажилъ въ какіе-нибудь два мѣсяца тысячъ до пятисотъ. Обо всемъ этомъ заговорила, разумѣется, вся Москва, и даже гордо мнящій о себѣ и съ сильно-аристократической закваской Англійскій клубъ долженъ былъ сознаться, что Тулузовъ въ смыслѣ коммерсанта человѣкъ геніальный. Къ этому присоединилось и то, что, по слухамъ, генералъ-губернаторъ, зачисливъ Тулузова попечителемъ какого-то богоугоднаго заведенія, будто бы представилъ его въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Пока все это творилось въ мірѣ официальномъ и общественномъ, въ мірѣ художественномъ тоже подготовлялось событіе: предполагалось возобновить пьесу «Тридцать лѣтъ, или жизнь игрока», въ которой главную роль Жоржа долженъ былъ играть Мочаловъ. Муза Николаевна непремѣнно пожелала быть на семъ представленіи, подговоривъ на то и Сусанну Николаевну. Билетъ имъ въ бельэтажъ еще заранѣе досталъ Углаковъ; сверхъ того, по уговору, онъ въ день представленія долженъ былъ заѣхать къ Музѣ Николаевнѣ, у которой хотѣла быть Сусанна Николаевна, и обѣихъ дамъ сопровождать въ театръ; но вотъ въ сказанный день седьмой часъ былъ на исходѣ, а Углаковъ не являлся, такъ что дамы рѣшились ѣхать однѣ. Публики было множество. Бельэтажъ блисталъ туалетами дамъ, посреди которыхъ, между прочимъ, кидалась въ глаза очень растолстѣвшая и разряженная донельзя Екатерина Петровна Тулузова. Усы на губахъ ея до того уже были замѣтны, что она принуждена была подстригать ихъ. Рядомъ съ ней помѣщался также и супругъ ея.

— Куда могъ дѣваться этотъ вертопрахъ Углаковъ?—проговорила Муза Николаевна, усѣвшись съ сестрой въ ложѣ.

Та отрицательно пожала плечами, какъ бы говоря: «Я не знаю, не понимаю», и въ то же время нѣсколько поблѣднѣла.

Сомнѣнья ихъ, впрочемъ, разрѣшилъ вошедшій въ ложу нѣсколько вспыхахъ Лябьевъ.

— Гдѣ Углаковъ, скажи, пожалуйста?—спросила его жена.

— Углаковъ дома и лежитъ въ нервной горячкѣ почти безъ памяти; я сейчасъ отъ него,—отвѣчалъ Лябьевъ и какъ-то странно при этомъ взглянулъ на Сусанну Николаевну, которая, въ свою очередь, еще болѣе поблѣднѣла.

— Ты, Муза, и вы, Сусанна Николаевна, — продолжалъ онъ:—съѣздите завтра къ Углаковымъ!.. Ваше участіе очень будетъ пріятно старикамъ и оживитъ больного.

— Я непремѣнно поѣду,—сказала Муза Николаевна

— А вы?—отнесся Лябьевъ къ Сусаннѣ Николаевнѣ.

— И я, если это нужно, поѣду,—произнесла та.

— Нужно-съ,—повторилъ съ какимъ-то особеннымъ оттѣнкомъ Лябьевъ и собрался уйти.

— А ты развѣ не будешь смотрѣть пьесы?—спросила Муза Николаевна.

— Нѣтъ, она слишкомъ на мой счетъ написана и какъ будто бы для того и дается, чтобы сдѣлать мнѣ нравоученіе... Даже ты, я думаю, ради этого пожелала быть въ театрѣ.

— Именно для этого! — подхватила съ улыбкой Муза Николаевна.

— Ну, и наслаждайся, сколько тебѣ угодно!—проговорилъ явно съ насмѣшкою Лябьевъ, но въ то же время почти съ нѣжностью поцѣловалъ у жены руку и уѣхалъ.

Занавѣсъ наконецъ поднялся. Передъ глазами зрителя игорный домъ. Во второмъ явленіи изъ толпы игроковъ выбѣгаетъ въ блестящемъ костюмѣ маркиза обыгранный до тла Жоржъ де-Жермани. Бѣшенству его предѣловъ нѣтъ. Онъ кидаетъ на полъ держимый имъ въ рукахъ обломокъ стула. Въ публикѣ, узнавшей своего любимца, раздалось рукоплесканіе; трагикъ, не слыша ничего этого и проговоривъ нѣсколько съ старавшимся его успокоить Варнеромъ, вмѣстѣ съ нимъ уходитъ со сцены, потрясая своими поднятыми вверхъ руками; но въ воздухѣ театральной залы какъ бы еще продолжалъ слышаться его мелодическій и проникающій каждому въ душу голосъ. Затѣмъ Жоржъ де-Жермани, послѣ перемѣны декораціи, въ домѣ отца своего передъ вѣнчаньемъ съ Амаліей. Онъ не глядитъ ни на публику ни на дѣйствующихъ лицъ. Ему стыдно взглянуть кому-либо въ лицо; онъ чувствуетъ, сколь недостоинъ быть мужемъ невинной, простодушной дѣвушки. Муза Николаевна вся устремилась на сцену; изъ ея съ воспаленными вѣками глазъ текли слезы; но Сусанна Николаевна сидѣла спокойная и блѣдная и даже какъ бы не видѣла, что происходитъ на сценѣ. Съ закрытіемъ занавѣса Муза Николаевна отвлеклась нѣсколько отъ сцены и, взглянувъ на сестру, если не испугалась, то, по крайней мѣрѣ, очень удивилась.

— Отчего ты, Сусанна, такая точно деревянная сегодня?

— Я? — спросила словно бы проснувшаяся отъ сна Сусанна Николаевна.

— Да, тебя, я вижу, обезпокоила болѣзнь Углакова?

— Меня... обезпокоила болѣзнь Углакова?.. Почему ты это знаешь?—снова переспросила Сусанна Николаевна.

— Да потому, почему и ты всегда знаешь и угадываешь, что̀ я чувствую и думаю.

— Нѣтъ, ты не знаешь, что̀ я думаю, — произнесла протяжно Сусанна Николаевна.

— Нѣтъ, я знаю! — возразила настойчиво Муза Николаевна.—У тебя, я увѣрена, произошло что-нибудь съ Углаковымъ... Мужъ недаромъ сказалъ, чтобы ты съѣздила со мной къ Углаковымъ.

Сусанна Николаевна лгать сестрѣ или таить что-нибудь отъ нея не могла.

— Если ты хочешь, то произошло,—начала она тихо:— по посуди ты мое положеніе.—Углаковъ, я не спорю, очень милый, добрый, умный мальчикъ, и съ нимъ всегда пріятно видаться, но послѣднее время онъ вздумалъ ѣздить къ намъ каждый день и именно по утрамъ, когда Егоръ Егорычъ ходитъ гулять... говоритъ мнѣ, разумѣется, разныя разности, и хоть я въ этомъ случаѣ, какъ добрая маменька, держу его всегда въ границахъ, однако думаю, что все-таки это можетъ не понравиться Егору Егорычу, которому я, конечно, говорю, что у насъ былъ Углаковъ; и разъ я увидѣла, что Егоръ Егорычъ ужъ и поморщился... Согласись, что̀ мнѣ оставалось послѣ того дѣлать?.. Я дѣйствительно дня два тому назадъ сказала Углакову, что меня стѣсняютъ его посѣщенія по утрамъ, и что вечеромъ, когда Егоръ Егорычъ дома, напротивъ, мы всегда рады его видѣть... Ты вообразить себѣ не можешь, что̀ произошло тутъ съ Углаковымъ!.. Онъ вдругъ заплакалъ и, проговоривъ: «Ну, я теперь погибъ совсѣмъ!», сейчасъ же уѣхалъ... Что̀ это такое?.. Я не понимаю даже...

— Очень понятно, — произнесла съ нѣсколько лукавой улыбкой Муза Николаевна:—влюбился въ тебя до безумія.

Сусанна Николаевна придала недовольное выраженіе своему лицу.

— Но какъ же влюбиться до безумія?—возразила она:— для этого надобно имѣть какой-нибудь поводъ и чтобы хоть сколько-нибудь на это человѣка поощряли.

— Ты ошибаешься! Безъ поощреній гораздо сильнѣе влюбляются!—полувоскликнула Муза Николаевна, и такъ какъ въ это время занавѣсъ поднялся, то она снова обратилась на сцену, гдѣ въ продолженіе всего второго акта ходилъ и говорилъ своимъ трепетнымъ голосомъ небольшого роста и съ чрезвычайно подвижнымъ лицомъ курчавый Жоржъ де-Жермани, и отъ впечатлѣнія его съ нѣсколько приподнятыми плечами фигуры никто не могъ избавиться.

Стала прислушиваться къ трагику и Сусанна Николаевна,

а Екатерина Петровна Тулузова держала, не отнимая отъ глазъ, уставленный на него лорнетъ и почему-то вдругъ вспомнила перваго своего мужа, безпутно-поэтическаго Валерьяна, и вмѣстѣ съ тѣмъ почувствовала почти омерзѣніе къ настоящему супругу, сидѣвшему съ надутой и важной физіономіей. Въ концѣ этого дѣйствія Жоржъ де-Жермани, обманутый злодѣемъ Варнеромъ, застрѣлилъ ни въ чемъ неповиннаго Родольфа д'Эрикура. Въ публикѣ снова поднялись неистовые аплодисменты, подъ шумъ которыхъ Екатерина Петровна, ни слова не сказавъ мужу, вышла въ коридоръ и вошла въ ложу Лябьевой.

— Надѣюсь, mesdames, что вы позволите мнѣ напомнить вамъ о себѣ? А съ вами мы даже родственницы!—проговорила она заискивающимъ голосомъ и при послѣднихъ словахъ обращаясь къ Сусаннѣ Николаевнѣ.

Обѣ сестры, конечно, на ея любезность отвѣтили такою же любезностью.

— Какая чудная пьеса и какой живой человѣкъ этотъ Жоржъ де-Жермани!—продолжала Екатерина Петровна.

— Совершенно живой!—подтвердила Муза Николаевна.

— Мнѣ больше пьесы нравится Мочаловъ!.. Я теперь буду ѣздить на каждое его представленіе,—замѣтила Сусанна Николаевна.

— Значитъ, мы будемъ съ вами видѣться часто; я почти каждый день бываю въ театрѣ,—подхватила Екатерина Петровна:—тутъ другой еще есть актеръ, молодой, который—вы, можетъ-быть, замѣтили—играетъ этого Родольфа д'Эрикура: у него столько души и огня!

— Фи!.. Какая это душа!—подхватила уже Муза Николаевна:—онъ весь какой-то накрахмаленный и слащавый.

— Да,—подтвердила и Сусанна Николаевна.

Тулузовъ между тѣмъ изъ своей ложи внимательно прислушивался къ тому, что говорили дамы: ему, кажется, хотѣлось бы представиться Маренной и Лябьевой, на которыхъ ему въ началѣ спектакля указала жена, но онъ, при всей своей смѣлости, не рѣшался этого сдѣлать. Занавѣсъ вскорѣ опять поднялся. Сцена представляла лѣсъ, хижину; Жоржъ де-Жермани и жена его, оба уже старики, въ нищенскихъ лохмотьяхъ. Когда Жоржу, принесшему откуда-то пищи своей голодающей семьѣ, маленькая дочь, подавая воды, сказала: «Ахъ, папа, у тебя руки въ крови!»—«Въ крови?»—воскликнулъ онъ, проливая будто бы случайно воду и обмывая ею руку. Звукъ голоса и выраженіе ужаса въ лицѣ великаго трагика были таковы, что вся публика какъ бы слегка привстала со своихъ

мѣстъ. Несомнѣнно, что онъ всю эту толпу соединилъ въ одномъ чувствѣ. Даже Тулузова, повидимому, пробрало; но крайней мѣрѣ, онъ покраснѣлъ въ лицѣ и торопливо взглянулъ себѣ на руки, словно бы ожидая увидѣть на нихъ кровь. Въ послѣднемъ явленіи, когда Жоржъ потащилъ Варнера въ объятую огнемъ хижину, крича: «Въ адъ, въ адъ тебя!»— Тулузовъ тоже безпокойно пошевелился въ своемъ креслѣ и совершенно отвернулся отъ сцены.

На другой день, въ приличный для визитовъ часъ, Муза Николаевна и Сусанна Николаевна были у Углаковыхъ. Лябьева, какъ вошла, такъ немедля же спросила встрѣтившую ихъ старуху Углакову:

— Петръ Александрычъ боленъ?

— Очень, очень!—отвѣчала та, нѣжно цѣлуясь съ обѣими гостями, при чемъ Сусанна Николаевна была крайне смущена.

Между Музой Николаевной и Углаковой, несмотря на болѣзнь сына, началось обычное женское переливанье изъ пустого въ порожнее. Сусанна Николаевна при этомъ упорно молчала; вошелъ потомъ въ гостиную и старичокъ Углаковъ. Онъ разсыпался передъ гостьями въ благодарностяхъ за ихъ посѣщеніе и въ заключеніе съ нѣкоторою таинственностью присовокупилъ:

— Пьеръ скоро васъ попроситъ къ себѣ!

— А развѣ онъ проснулся?—спросила Углакова мужа.

— Проснулся и приведетъ только въ порядокъ свой туалетъ,—отвѣчалъ онъ ей таинственно.

Читатель, конечно, самъ догадывается, что старики Углаковы до безумія любили свое единственное дѣтище и почти каждодневно ставились втупикъ отъ тѣхъ нечаянностей, которыя Пьеръ имъ устраивалъ, при чемъ иногда мать лучше понимала, къ чему стремился и что затѣвалъ сынъ, а иногда отецъ. Вошедшій невдолгѣ камердинеръ Пьера просилъ всѣхъ пожаловать къ больному. Муза Николаевна сейчасъ же поднялась; но Сусанна Николаевна нѣсколько медлила, такъ что старуха Углакова проговорила:

— Soyez aimable, venez voir notre pauvre malade!

Больной помѣщался въ самой большой и теплой комнатѣ. Когда къ нему вошли, въ сопровожденіи Углаковыхъ, наши дамы, онъ, очень перемѣнившійся и похудѣвшій въ лицѣ, лежалъ покрытый по самое горло одѣяломъ и привѣтливо поклонился имъ, приподнявъ немного голову съ подушки. Тѣ усѣлись: Муза Николаевна—совсѣмъ около кровати его, а Сусанна Николаевна—въ нѣкоторомъ отдаленіи.

— Какъ это вамъ не стыдно хворать!—сказала первая изъ нихъ.

— Ахъ, мнѣ чрезвычайно стыдно,—отвѣчалъ Углаковъ:— но что жъ дѣлать: я былъ пораженъ такимъ сильнымъ горемъ!

Муза Николаевна бросила при этомъ короткій взглядъ на сестру, которая сидѣла въ положеніи статуи.

— Вообразите вы,—продолжалъ Пьеръ плачевнымъ голосомъ:—m-lle Блоха въ нынѣшнемъ мясоѣдѣ собирается укусить смертельно друга моего, гегеліанца!.. Онъ женится на ней!.. Бѣдный, бѣдный философъ!.. Неужели и философія не спасаетъ людей отъ женщинъ?

При такой шуткѣ Пьера родители и гостьи расцвѣли, видя, что больному лучше; но Пьеръ и этимъ еще не ограничился. Онъ вдругъ сбросилъ съ себя одѣяло, при чемъ оказался въ полной вицмундирной формѣ, и, вскочивъ, прямо подбѣжалъ къ Сусаннѣ Николаевнѣ и воскликнулъ:

— Madame Маронна, je vous supplie, un petit tour de valse! Муза Николаевна, сыграйте намъ вальсъ!

Сусанна Николаевна сначала была совершенно ошеломлена.

— De grâce!—продолжалъ молить Углаковъ.

Сусанна Николаевна, какъ бы не отдавая себѣ отчета, встала и положила свою руку на плечо Углакова, какъ обыкновенно дамы дѣлаютъ это во время танцевъ, а Муза Николаевна сѣла уже за фортепіано и заиграла одинъ изъ рѣзвѣйшихъ вальсовъ.

Углаковъ понесся съ Сусанной Николаевной.

Старики Углаковы смѣялись и удивлялись въ одно время. Углаковъ, сдѣлавъ съ своей дамой туръ-два, наконецъ почти упалъ на одно изъ креселъ. Сусанна Николаевна подумала, что онъ и тутъ что-нибудь шутитъ, но оказалось, что молодой человѣкъ былъ въ самомъ дѣлѣ боленъ, такъ что старики Углаковы, съ помощью даже Сусанны Николаевны, почти перетащили его на постель и уложили.

— Что это, Петръ Александрычъ, вы дѣлаете?—сказала она:—теперь я ни одному вашему слову не стану вѣрить.

— Одному только слову моему вѣрьте: послѣ котораго — вы помните? — тогда разсердились на меня! — воскликнулъ Пьеръ.

— Ну, извольте, я всѣмъ вашимъ словамъ повѣрю, только успокойтесь!—сказала настойчивымъ голосомъ Сусанна Николаевна.

— Вамъ повѣрятъ!—повторила за сестрой и Муза Николаевна.

Углаковъ покачалъ отрицательно головой и закрылъ глаза:

притворился ли онъ и на этотъ разъ, или въ самомъ дѣлѣ ему было нехорошо,—сказать трудно.

Сусанна Николаевна и Муза Николаевна попросили наконецъ у стариковъ-хозяевъ позволенія оставить больного и уѣхать.

Тѣ еще разъ горячо поблагодарили ихъ и проводили до передней.

Усѣвшись съ сестрой въ сани, Сусанна Николаевна проговорила:

— Всѣ эти Углаковы какіе-то сумасшедшіе!

— Нисколько не сумасшедшіе!—возразила ей Муза Николаевна.

— Какъ не сумасшедшіе? Неужели ты не видѣла, какъ я по милости твоего мужа была одурачена сегодня?

Муза Николаевна на это лукаво улыбнулась.

— Тебя одурачило твое собственное чувство, и я радуюсь этому.

— Чему жъ тутъ радоваться,—я не понимаю!

— Радуюсь, что нельзя же всю жизнь Богу молиться и умничать, надобно же пожить когда-нибудь и для сердца.

— Но сердце мое и безъ того полно и живетъ!

— Нѣтъ,—отвергнула Муза Николаевна:—у тебя въ жизни не было ни одной такой минуты, которыя были у меня, когда я выходила замужъ, и которыя теперь иногда повторяются, несмотря на мою несчастную жизнь, и которыхъ у Людмилы, вѣроятно, было еще больше.

— Ну, я такихъ минутъ счастья не желаю!—отвѣчала Сусанна Николаевна, хотя въ голосѣ ея и не слышалось полной рѣшимости.

V.

Между тѣмъ, какъ все это происходило у Углаковыхъ, Егоръ Егорычъ былъ погруженъ въ чтеніе только-что полученнаго имъ письма отъ Сверстова, которое, какъ увидитъ читатель, было весьма серьезнаго содержанія.

«Великій учитель!—начиналъ обычнымъ своимъ воззваніемъ Сверстовъ.—Время великаго труда и пота настало для меня. Нашъ честнѣйшій и благороднѣйшій Аггей Никитичъ нашелъ при дѣлахъ земскаго суда еще два документа, весьма важные для нашего дѣла: первый—увольнительное свидѣтельство отъ общества, выданное господину Тулузову, но съ такой изломанной печатью и съ такой неразборчивой подписью, что Аггей Никитичъ сдѣлалъ въ тамошнюю думу запросъ о томъ,

было ли выдано господину Тулузову вышереченное свидѣтельство, откуда нынѣ получилъ отвѣтъ, что такового увольненія никому изъ Тулузовыхъ выдаваемо не было, изъ чего явствуетъ, что свидѣтельство сіе поддѣльное и у насъ здѣсь, въ нашей губерніи, сфабрикованное. Второе: архиваріусъ земскаго суда откопалъ въ старыхъ дѣлахъ показаніе одного бродяги-нищаго, пойманнаго и въ судѣ допрашивавшагося, изъ какового показанія видно, что сей нищій назвалъ себя бѣжавшимъ изъ Сибири вмѣстѣ съ другимъ ссыльнымъ, который нынѣ служитъ у господина губернскаго предводителя Крапчика управляющимъ, и имя коего не Тулузовъ, а семинаристъ Воздвиженскій, сосланный на поселеніе за кражу церковныхъ золотыхъ вещей, и что вотъ-де онъ вывернулся и пребываетъ на свободѣ, а что его, старика, въ тюрьмѣ держатъ; показанію этому, какъ говоритъ архиваріусъ, господа члены суда не дали однако хода, частью изъ опасенія господина Крапчика, который бы, вѣроятно, заступился за своего управителя, а частью потому, что получили съ самого господина Тулузова порядочный, должно-быть, могорычъ, ибо неоднократно при его пріѣздѣ въ городъ у него пировали и пьянствовали. Изъ всего этого вы, высокочтимый нами Егоръ Егорычъ, узрите, что звѣрь обслѣженъ со всѣхъ сторонъ; мы только ждемъ вашего разрѣшенія и наставленія, какъ намъ поступать далѣе».

Послѣдній вопросъ поставилъ Егора Егорыча въ сильное затрудненіе. Онъ схватилъ себя за голову и сталъ, бормоча, восклицать самъ съ собой:

— Научить ихъ!.. Легко сказать!.. Точно они не понимаютъ, въ какое время мы живемъ!.. Вонъ онъ—этотъ каторжникъ и злодѣй—чуть не съ тріумфомъ носится въ Москвѣ!.. Я не ангелъ смертоносный, посланный Богомъ карать нечестивцевъ, и не могу отсѣчь головы всѣмъ негодяямъ!—Но вскорѣ же Егоръ Егорычъ почувствовалъ и раскаяніе въ своемъ унынiи.—Вздоръ,—продолжалъ онъ восклицать:—правда никогда не отлетаетъ изъ міра; жало ея можно притупить, но нельзя оторвать; я долженъ и хочу совершить этотъ мой послѣдній гражданскій подвигъ!

Предпринявъ такое рѣшеніе, Егоръ Егорычъ написалъ однимъ взмахомъ пера письмо къ Сверстову:

«Разрѣшаю вамъ и благословляю васъ дѣйствовать. Старайтесь токмо держаться въ законной формѣ. Вы, какъ писали мнѣ еще прежде, уже представили о вашихъ сомнѣніяхъ суду; но пусть Аггей Никитичъ, имѣя въ виду то, что онъ самъ открылъ, начнетъ свои дѣйствія, а тамъ на лѣто и я къ вамъ

пріѣду на помощь. Къ подвигу вашему, я увѣренъ, вы приступите безбоязненно, ибо оба вы, въ смыслѣ высшей морали, люди смѣлые.

«Firma rupes».

Не успѣлъ еще Егоръ Егорычъ запечатать этого письма, какъ къ нему вошла какою-то рѣшительною походкой только-что возвратившаяся домой Сусанна Николаевна. Всѣмъ, что произошло у Углаковыхъ, а еще болѣе того состояніемъ собственной души своей она была чрезвычайно недовольна и пришла къ мужу ни много ни мало какъ съ намѣреніемъ разсказать ему все и даже, признавшись въ томъ, что она начинаетъ чувствовать что-то въ родѣ любви къ Углакову, просить Егора Егорыча спасти ее отъ этого безумнаго увлеченія. Какой бы кавардакъ могъ произойти изъ этого, предсказать нельзя; но, къ счастью, своеобычная судьба повернула ходъ событій нѣсколько иначе. Началось съ того, что, когда Сусанна Николаевна вошла къ Егору Егорычу, то онъ, находя еще преждевременнымъ посвящать ее въ дѣло Тулузова, поспѣшилъ спрятать написанное имъ къ Сверстову письмо. Сусанна Николаевна замѣтила это и вообразила, что ужъ не написалъ ли кто-нибудь Егору Егорычу объ ея недостойномъ поведеніи. Сусанна Николаевна, какъ мы знаемъ, еще съ дѣтскихъ лѣтъ была склонна ко всякаго рода фантастическимъ измышленіямъ, и при этой мысли ею овладѣлъ почти страхъ передъ Егоромъ Егорычемъ; но она все-таки сказала ему:

— Я сейчасъ была съ сестрой у Углаковыхъ: у нихъ молодой Углаковъ очень боленъ.

— Что жъ мудренаго? — проговорилъ съ явнымъ презрѣніемъ Егоръ Екорычъ. — Онъ тутъ какъ-то, съ недѣлю тому назадъ, въ Англійскомъ клубѣ на моихъ глазахъ пилъ мертвую... Мнѣ жаль отца его, а никакъ ужъ не этого повѣсу.

Сусаннѣ Николаевнѣ противъ воли ея было ужасно досадно слышать такое мнѣніе объ Углаковѣ, потому она и не вѣрила мужу, предполагая, что тотъ это говоритъ изъ ревности.

Вся эта путаница ощущеній до того измучила бѣдную женщину, что она, не сказавъ болѣе ни слова мужу, ушла къ себѣ въ комнату и тамъ легла въ постель. Егоръ Егорычъ, въ свою очередь, тоже былъ радъ уходу жены, потому что получилъ возможность запечатать письмо и отправить на почту.

Затѣмъ всѣ главныя событія моего романа позамолкли на нѣкоторое время, кромѣ развѣ того, что Англійскій клубъ, къ великому своему неудовольствію, окончательно узналъ, что Тулузовъ мало что представленъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, но уже и произведенъ въ сей чинъ, что потомъ

онъ давалъ обѣдъ на весь офиціальный и откупщицкій міръ, и что за этимъ обѣдомъ только что птичьяго молока не было; далѣе, что на балу генералъ-губернатора Екатерина Петровна была одѣта богаче всѣхъ, и что самъ хозяинъ прошелъ съ нею полонезъ; послѣднее обстоятельство если не разсердило серьезно настоящихъ аристократическихъ дамъ, то по крайней мѣрѣ разсмѣшило ихъ.

Вслѣдъ за такимъ величіемъ Тулузовыхъ вдругъ въ одно утро часовъ въ одиннадцать къ Мареинымъ пріѣхала Екатерина Петровна и умоляла черезъ лакея Сусанну Николаевну, чтобы та непремѣнно ее приняла, хотя бы даже была не одѣта. Та, конечно, по добротѣ своей, не отказала ей въ этой просьбѣ, и когда увидѣла Екатерину Петровну, то была несказанно поражена: визитное платье на m-me Тулузовой было надѣто кое-какъ; она, кажется, не причесалась нисколько; на подрумяненныхъ щекахъ ея были замѣтны слѣды недавнихъ слезъ.

— Pardon, ma chère, — начала она, цѣлуясь съ Сусанной Николаевной: — я пріѣхала къ вамъ не какъ дама свѣта, а какъ ваша хорошая знакомая, и наконецъ какъ родня ваша, просить васъ объяснить мнѣ...

При послѣднихъ словахъ у Екатерины Петровны появились слезы.

— Успокойтесь, Бога ради, я все вамъ готова объяснить, что̀ знаю! — отвѣчала разжалобленная Сусанна Николаевна и рѣшительно не могшая понять, что̀ такое случилось съ Екатериной Петровной.

— Тутъ, надѣюсь, насъ никто не услышитъ, — начала та:— вчерашній день мужъ мой получилъ изъ нашей гадкой провинціи извѣщеніе, что на него тамъ сдѣланъ какой-то совершенно глупый доносъ, что будто бы онъ бѣглый съ каторги, и что поэтому уже начато дѣло... Это бы все еще ничего, — но говорятъ, что доносъ этотъ идетъ отъ какого-то живущаго у васъ доктора.

— Это Сверстовъ, но онъ благороднѣйшій человѣкъ! — воскликнула съ удивленіемъ Сусанна Николаевна.

— Однако доносъ не показываетъ его благородства; и главное, по какому поводу ему мѣшаться тутъ? А потомъ, самое дѣло повелъ нашъ тамошній долговязый дуралей-исправникъ, котораго—всѣ очень хорошо знаютъ—вашъ мужъ почти насильно навязалъ дворянству, и неужели же Егоръ Егорычъ все это знаетъ и также дѣйствуетъ вмѣстѣ съ этими господами? Я скорѣй умру, чѣмъ повѣрю этому. Мужъ мой, конечно, смѣется надъ этимъ доносомъ, но я, какъ женщина, встрево-

жилась и пріѣхала спросить васъ, не говорилъ ли вамъ чего-нибудь объ этомъ Егоръ Егорычъ?

— Ни слова, ни звука, — отвѣчала Сусанна Николаевна:— онъ, я думаю, самъ ничего не знаетъ, потому что если бы зналъ что-нибудь, то непремѣнно бы мнѣ сказалъ.

— Странно! — произнесла Екатерина Петровна, пожимая плечами. — А скажите, могу я видѣть Егора Егорыча и разспросить его? Онъ такой добрый и, я увѣрена, пойметъ мое ужасное положеніе.

— Если только онъ чувствуетъ себя хорошо, то онъ, можетъ-быть, приметъ васъ, — отвѣчала неувѣреннымъ тономъ Сусанна Николаевна, хорошо вѣдая, что Егоръ Егорычъ очень не любилъ Екатерины Петровны; но все-таки изъ сожалѣнія къ той рѣшилась попробовать и, войдя къ мужу, сказала:

— У насъ Катерина Петровна; она желаетъ тебя видѣть.

— Это зачѣмъ я ей нуженъ? — вспылилъ сразу же Егоръ Егорычъ: — пускай видается съ кѣмъ ей угодно, только не со мной!

— О, она очень испугана и разстроена... На ея мужа теперь донесли, что онъ бѣглый изъ Сибири... и что будто бы этотъ доносъ сдѣлалъ нашъ Сверстовъ.

Услышавъ это, Егоръ Егорычъ захохоталъ и съ какимъ-то злымъ удовольствіемъ сталъ потирать свои руки.

Сусаннѣ Николаевнѣ это не понравилось. Она никакъ не ожидала, чтобы Егоръ Егорычъ былъ такой недобрый.

— Если я затѣмъ нуженъ Катеринѣ Петровнѣ, такъ очень радъ ее видѣть и побесѣдовать съ нею.

— Но тебѣ лучше совсѣмъ не принимать ея, если ты на нее такъ сердитъ, потому что ты можешь еще больше ее огорчить, — замѣтила Сусанна Николаевна, уже и пожалѣвшая, что взялась устроить это свиданіе.

— Я не стану ее огорчать, — возразилъ Егоръ Егорычъ:— но разскажу ей нѣкоторыя подробности, которыхъ она, вѣроятно, не знаетъ, а ты сама не входи къ намъ!

Въ тонѣ голоса Егора Егорыча Сусанна Николаевна очень хорошо чувствовала иронію и гнѣвъ, а потому, возвратясь къ Екатеринѣ Петровнѣ, сочла за лучшее нѣсколько предупредить ту:

— Вы не слушайте и не принимайте къ сердцу, что̀ будетъ говорить вамъ Егоръ Егорычъ: онъ нынче сдѣлался очень раздражителенъ и иногда сердится на людей ни за что.

— Что̀ жъ мнѣ на него огорчаться? Я давно знаю, какъ онъ любитъ пѣтушиться... Я только буду просить его помочь какъ-нибудь намъ, — проговорила Екатерина Петровна и пошла къ Егору Егорычу все-таки нѣсколько сконфуженною.

Онъ ее, впрочемъ, принялъ, хоть и съ мрачнымъ выраженіемъ въ лицѣ, но вѣжливо.

— Вамъ Сусанна Николаевна, можетъ-быть, сказала причину моего визита? — начала Екатерина Петровна, усѣвшись и потупляя глаза.

— Сказала-съ! — отвѣтилъ ей Егоръ Егорычъ рѣзкимъ тономъ.

— И неужели же эта клевета на моего мужа могла выйти изъ вашего дома, отъ вашего врача? — спросила Екатерина Петровна.

— Вѣроятно, отъ него!—произнесъ Егоръ Егорычъ, закидывая свои глаза вверхъ и стараясь не глядѣть на Тулузову. — А почему вы думаете, что это клевета? — присовокупилъ онъ затѣмъ послѣ короткаго молчанія.

— Потому что я жена Тулузова, а развѣ я могла бы выйти за подобнаго человѣка?—проговорила совсѣмъ растерявшаяся Екатерина Петровна.

— Это ничего не значитъ! — возразилъ Егоръ Егорычъ, продолжая смотрѣть на свою гостью.—Мало ли женщинъ выходятъ замужъ, не отдавая себѣ отчета, за кого онѣ идутъ.

— Да, это бываетъ, но обыкновенно ошибаются въ характерѣ человѣка; но чтобы не знать, кто онъ по происхожденію своему,—это невозможно! Я готова поклясться, что мужъ мой не бѣглый; онъ слишкомъ для того умный и образованный человѣкъ.

— А развѣ тамъ, откуда его считаютъ выходцемъ, мало умныхъ и образованныхъ? Я думаю, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

— Это конечно, но онъ-то не оттуда.

— А откуда же?—спросилъ Егоръ Егорычъ, устремляя уже свои глаза на Екатерину Петровну.

— Онъ...—произнесла она и назвала небольшой городъ, но только совершенно не тотъ, который значился въ документахъ Тулузова.

— Кто вамъ говорилъ объ этомъ? — продолжалъ какъ бы допросъ Егоръ Егорычъ.

— Мнѣ говорилъ это прежде отецъ мой, который, вы знаете, какой правдивый и осторожный человѣкъ былъ; потомъ говорилъ и мужъ мой!—объяснила Екатерина Петровна, все это, неизвѣстно для чего, выдумавъ отъ себя: о мѣстѣ родины Тулузова ни онъ самъ ни Петръ Григорьичъ никогда ей ничего не говорили.

— Ну-съ, въ такомъ случаѣ вы и вашъ отецъ обмануты. Кто такой собственно вашъ супругъ, я не знаю, но мнѣ досконально извѣстно, что та фамилія, которую онъ принялъ на

себя, принадлежала одному молодому мѣщанину, убитому какими-то бродягами, похитившими у него деньги и паспортъ. Молодого человѣка этого очень хорошо зналъ докторъ Сверстовъ и даже производилъ слѣдствіе объ убійствѣ его, вмѣстѣ съ чинами полиціи; но какимъ образомъ билетъ этого убитаго мѣщанина очутился въ рукахъ вашего супруга, вы ужъ его спросите; онъ, конечно, объяснитъ вамъ это!

— Я и спрашивать его никогда не рѣшусь объ этомъ, потому что тутъ все неправдоподобно... Тулузовъ откуда-то бѣжалъ, кого-то убилъ и взялъ у убитаго билетъ... Все это, ей-Богу, похоже на какія-то бредни! — едва имѣла силы выговорить Екатерина Петровна.

— Слѣдствіе покажетъ, бредни это или нѣтъ! — возразилъ ей холодно Егоръ Егорычъ.

— Но каково же всего этого дожидаться? Мужъ еще можетъ быть спокойнѣе меня, потому что онъ хорошо знаетъ и сумѣетъ, конечно, доказать, что все это ложь; но что же я должна буду чувствовать, а между тѣмъ, Егоръ Егорычъ, я дочь вашего преданнаго и вѣрнаго друга!.. Сжальтесь вы хоть сколько-нибудь надо мною!

Сказавъ это, Екатерина Петровна заплакала. Егоромъ Егорычемъ замѣтно уже начинало овладѣвать прирожденное ему мягкосердіе.

— Я тутъ не при чемъ!.. Господинъ Тулузовъ теперь во власти закона!—забормоталъ онъ.

— Но законъ можетъ ошибиться!.. Вспомните, Егоръ Егорычъ, какъ я поступила въ отношеніи вашего племянника, который явно хотѣлъ быть моимъ убійцей, потому что стрѣлялъ въ меня на глазахъ всѣхъ; однако я прежде всего постаралась спасти его отъ закона и не хотѣла, чтобы онъ былъ подъ судомъ: я сказала, что ссора наша семейная, Валерьянъ виноватъ только противъ меня, и я его прощаю... Такъ и вы простите насъ...

Егоръ Егорычъ при этомъ снова злобно захохоталъ.

— Поэтому вы полагаете, что мое дѣло съ Тулузовымъ тоже семейное?—спросилъ онъ явно гнѣвнымъ голосомъ.—И какъ вамъ не грѣхъ сравнивать Валерьяна съ какимъ-то выходцемъ! Вмѣсто того, чтобы оплакивать вашу ошибку, ваше паденіе, вы хотите закидать грязью хотя и безразсуднаго, но честнаго человѣка!..

Екатерина Петровна струсила.

— Я не хочу того! — сказала она почти униженнымъ тономъ.—Я это сказала не подумавъ, подъ вліяніемъ ужаснаго страха, что неужели же мнѣ непремѣнно суждено быть женой человѣка, котораго могутъ обвинить въ убійствѣ.

— Но кто жъ въ томъ виноватъ?.. — воскликнулъ Егоръ Егорычъ:—всякое безуміе должно увѣнчиваться несчастьемъ... Вы говорите, чтобы я простилъ Тулузова... Да развѣ противъ меня онъ виноватъ?.. Онъ виноватъ передъ Богомъ, передъ закономъ, передъ общежитіемъ; если его оправдаетъ слѣдствіе, порадуюсь за него и за васъ, а если обвинятъ, то попечалюсь за васъ, но его не пожалѣю!

— Его не осудятъ, повѣрьте мнѣ!—воскликнула Екатерина Петровна.—Онъ меня послалъ къ вамъ затѣмъ только, чтобы попросить васъ не вмѣшиваться въ это дѣло и не вредить ему вашимъ вліяніемъ на многихъ лицъ.

Егоръ Егорычъ отрицательно покачалъ головой.

— И на то не даю слова!—началъ онъ:—если вашъ мужъ дѣйствительно окажется подорожнымъ разбойникомъ, убившимъ невооруженнаго человѣка съ цѣлью ограбленія, то я весь, во всеоружіи моей мести, возстану противъ него и совѣтую вамъ также возстать противъ господина Тулузова, если только вы женщина правдивая. Себя вамъ жалѣть тутъ нечего; пусть даже это будетъ вамъ наказаніемъ, что̀ тоже нелишнее.

— Ахъ, я и безъ того довольно наказана! — произнесла Екатерина Петровна и склонила голову.

Прошло нѣсколько минутъ въ тяжеломъ для обоихъ собесѣдниковъ молчаніи. Екатерина Петровна наконецъ поднялась со стула.

— Не думала я, Егоръ Егорычъ, что вы будете такъ жестокосерды ко мнѣ!—сказала она со ртомъ, искаженнымъ печалью и досадой. — Вы, конечно, мнѣ мстите за Валерьяна, что̀ вамъ, какъ доброму родственнику, извинительно, но вы тутъ въ одномъ ошибаетесь: противъ Валерьяна я ни въ чемъ не виновата, кромѣ любви моей къ нему, а онъ виноватъ передо мной во всемъ!

Проговоривъ это, Екатерина Петровна пошла.

— Тутъ оба вы виноваты!—крикнулъ ей вслѣдъ Егоръ Егорычъ, не поднимаясь съ своего кресла.

Екатерина Петровна зашла потомъ, и то больше изъ приличія, къ Сусаннѣ Николаевнѣ.

— Ну, что̀, переговорили?—спросила та озабоченнымъ голосомъ.

— Да,—отвѣтила протяжно Екатерина Петровна.

Выѣхавъ отъ Мареиныхъ, она направилась не домой, а въ Кремль, въ одинъ изъ соборовъ, гдѣ, не видя даже передъ какимъ образомъ, упала на колѣни и начала со слезами на глазахъ молиться. За послѣдніе два года она все чаще и все искреннѣе прибѣгала къ молитвѣ. Дѣло въ томъ, что Екате-

рина Петровна почти насквозь начинала понимать своего супруга, а что въ настоящія минуты происходило въ ея душѣ,— и подумать страшно. Заступаясь во всей предыдущей сценѣ за мужа, она почти вѣрила тому, что говорилъ про Тулузова Егоръ Егорычъ, и ее кидало даже въ холодный потъ при мысли, что она, все-таки рожденная и воспитанная въ порядочной семьѣ, раздѣляла ложе и заключала въ свои объятія вора, убійцу и каторжника!..

Возвратясь домой, она не зашла къ мужу, несмотря на то, что собственно исполняла его порученіе. Она оставалась въ своей комнатѣ, покуда къ ней не пришла на помощь ея разсудочная способность, наслѣдованная ею отъ отца. Любви къ Тулузову Екатерина Петровна не чувствовала никакой; если бы и сослали его, то это, конечно, было бы стыдно и неловко для нея, но и только. Что касается до имущественнаго вопроса, то хотя Тулузовъ и заграбасталъ всѣ деньги Петра Григорьича въ свои руки, однако недвижимыя имѣнія Екатерина Петровна сумѣла сберечь отъ него и дѣлала это такимъ образомъ, что едва онъ заговаривалъ о пользѣ если не продать, то, по крайней мѣрѣ, заложить какую-нибудь изъ деревень, такъ какъ на деньги можно сдѣлать выгодные обороты, она съ ужасомъ восклицала: «Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, покойный отецъ мой никогда никому не былъ долженъ, и я не хочу должать!» Сообразивъ все это, Екатерина Петровна опредѣлила себѣ свой образъ дѣйствія и не сочла болѣе нужнымъ скрывать передъ мужемъ свое до того таимое отъ него чувство. Тулузовъ между тѣмъ, давно уже слышавшій, что жена возвратилась, и тщетно ожидая, что она придетъ къ нему съ должнымъ донесеніемъ, потерялъ наконецъ терпѣніе и самъ вошелъ къ ней.

— Ты застала Марѳина?—спросилъ онъ строгимъ голосомъ, какимъ обыкновенно разговаривалъ съ Екатериной Петровной, особенно съ тѣхъ поръ, какъ произведенъ былъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

— Застала,—отвѣчала Екатерина Петровна, не поворачивая даже головы къ мужу.

— Что жъ тебѣ набормоталъ этотъ старый хрычъ?

Екатерина Петровна при этомъ насмѣшливо улыбнулась.

— Зачѣмъ же ты тогда посылалъ меня къ Марѳину, если считаешь его только старымъ бормотуномъ?—проговорила она.

— Потому, что подобные старичишки опаснѣе всякихъ змѣй!.. Узнала ли ты отъ него что-нибудь?

— Узнала!

— Что же именно?

— Узнала, что на тебя дѣйствительно донесъ докторъ Свер-

стовъ, который лично зналъ одного молодого Тулузова, что Тулузова этого кто-то убилъ по дорогѣ, отнявъ у него большія деньги, а также и паспортъ, который потомъ у тебя оказался и съ которымъ ты появился въ нашу губернію.

Какъ ни умѣлъ Василій Иванычъ скрывать свои душевныя ощущенія, но при этомъ покраснѣлъ.

— Развѣ Тулузовъ одинъ только и былъ на свѣтѣ? — воскликнулъ онъ:—говорила ли ты это Марѳину?

— Нѣтъ, не говорила.

— Но какъ же главнаго-то не сказать!

— Въ голову не пришло; и вообще Егоръ Егорычъ говоритъ, что дѣло это теперь въ рукахъ правительства, и что слѣдствіе раскроетъ тутъ все, что̀ нужно!

— Я безъ него это знаю и по слѣдствію, конечно, докажу, кто я и откуда.. Имъ меня ни въ чемъ не уличить!

Екатерина Петровна слегка пожала плечами, какъ бы думая: «тогда о чемъ же разговаривать», и вслухъ сказала:

— Егоръ Егорычъ, по его словамъ, будетъ очень радъ, если ты все это докажешь!

— Радъ этому онъ не будетъ, это онъ хитритъ, и пусть только хоть не мѣшается въ это дѣло, отъ котораго ему не можетъ быть ни тепло ни холодно... Просила ты его объ этомъ?

— Просила, но онъ мнѣ сказалъ, что если по дѣлу окажется, что ты убійца (на послѣднія слова Екатерина Петровна сдѣлала нѣкоторое ударѐніе), тогда онъ будетъ непремѣнно дѣйствовать противъ тебя!

— На бѣду его, по дѣлу этого никогда не докажется! — проговорилъ Тулузовъ, разсмѣявшись.

Екатерина Петровна на это ничего не сказала.

— Все это вздоръ и пустяки!—продолжалъ тотъ:— на людей, начинающихъ возвышаться, всегда возводятъ множество клеветъ и сплетенъ, которыя потомъ, какъ комары отъ холода, сразу всѣ пропадаютъ; главное теперь не въ томъ; я имѣю къ тебѣ еще другую, болѣе серьезную для меня просьбу: продать мнѣ твою эту маленькую деревню Ѳедюхину, въ сорокъ или пятьдесятъ душъ, кажется.

— Это зачѣмъ она тебѣ понадобилась? — спросила Екатерина Петровна недобрымъ голосомъ.

— Затѣмъ, чтобы имѣть своихъ крѣпостныхъ людей, которые гораздо вѣрнѣе, усерднѣе и преданнѣе служатъ, да вдобавокъ еще и страха больше чувствуютъ, чѣмъ наемные.

— Но зачѣмъ я тебѣ буду продавать эту деревню, когда она и безъ того крѣпостная наша! — возразила тѣмъ же недобрымъ тономъ Екатерина Петровна.

— Крѣпостная, но ваша, а не моя,—это большая разница, и люди это очень хорошо понимаютъ.

Екатерина Петровна при этомъ злобно усмѣхнулась и проговорила:

— Нѣтъ, ужъ ты можешь покупать себѣ крѣпостныхъ крестьянъ у кого тебѣ угодно, только не у меня... Я разъ навсегда тебѣ сказала, что ни одной копейки не желаю болѣе проживать изъ состоянія покойнаго отца.

— Но вы и не проживете; я не дарить васъ прошу мнѣ это имѣнье, а продать... Вы не поняли, значитъ, моихъ словъ.

— И продавать не хочу ни за какія деньги! — повторяла свое Екатерина Петровна.

— Какъ это глупо!—воскликнулъ Тулузовъ.

— По-твоему—глупо, а по-моему—умно, и мнѣ ужъ наскучило на все глядѣть не своими, а твоими глазами.

Тулузовъ пожалъ плечами.

— Съ тобой сегодня говорить нельзя,—сказалъ онъ:—разсвирѣпѣла отъ болтовни Марѳина, какъ тигрица, и кидается на всѣхъ.

— Ты-то пуще добрый!—воскликнула Екатерина Петровна.

— Хоть и не добрый, но не сумасшедшій, по крайней мѣрѣ!—отозвался насмѣшливо Тулузовъ и ушелъ отъ жены.

Въ продолженіе всего остального дня супруги не видались больше. Тулузовъ тотчасъ же послѣ объясненія съ женой уѣхалъ куда-то и возвратился домой очень поздно. Екатерина же Петровна въ семь часовъ отправилась въ театръ, гдѣ давали «Гамлета» и гдѣ она опять встрѣтилась съ Сусанной Николаевной и съ Лябьевой, въ ложѣ которыхъ сидѣлъ на этотъ разъ и молодой Углаковъ, не совсѣмъ еще, кажется, поправившійся послѣ болѣзни.

Всею публикой, какъ это было и въ «Жизни игрока», владѣлъ Мочаловъ. На Сусанну Николаевну онъ произвелъ еще болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ въ роли Жоржа де-Жермани: она, почти ни разу не отвернувшись, глядѣла на сцену, а когда занавѣсъ опускался, то на публику. Углаковъ, не удостоенный такимъ образомъ ни однимъ взглядомъ, сидѣлъ за ея стуломъ, какъ скромный школьникъ. Муза Николаевна тоже чрезвычайно заинтересовалась пьесой, но зато Екатерина Петровна вовсе не обращала никакого вниманія на то, что происходило на сценѣ, и безпрепятственно взглядывала на двери ложи, въ которой она сидѣла одна-одинехонька, и только ужъ въ четвертомъ антрактѣ рядомъ съ нею появился довольно пріятной наружности молодой человѣкъ. Первая это

замѣтила Муза Николаевна и, по невольному любопытству, спросила Углакова:

— Вы не знаете, кто этотъ господинъ, который сидитъ въ ложѣ у m-me Тулузовой, этой дамы-брюнетки, черезъ три ложи отъ насъ?

Углаковъ небрежно взглянулъ на названную ему ложу.

— Это одинъ изъ театральныхъ женъ-премьеровъ. Онъ тутъ на мѣстѣ: m-me Тулузова изъ самыхъ дойныхъ коровъ теперь въ Москвѣ!

Муза Николаевна слегка разсмѣялась и погрозила ему пальцемъ, а Сусанна Николаевна какъ будто бы и не слыхала ничего изъ того, о чемъ они говорили.

VI.

Страшная молва разнеслась по Москвѣ о томъ, аки бы Лябьевъ, играя съ княземъ Индобскимъ въ карты, разссорился съ нимъ и убилъ его на смерть, и что это произошло въ домѣ у калмыка, который, когда слѣдствіе кончилось, самъ не скрывалъ того и за однимъ изъ пресквернѣйшихъ обѣдовъ, даваемыхъ Ѳеодосіемъ Гаврилычемъ еженедѣльно у себя наверху близкимъ друзьямъ своимъ, подробно разсказалъ, какъ это случилось.

— Вотъ-съ, въ этихъ самыхъ стѣнахъ,—сталъ онъ повѣствовать:—князь Индобскій подцѣпилъ нашего милаго Аркашу; потомъ пролѣзъ ко мнѣ въ домъ, какъ пролѣзъ и къ разнымъ нашимъ обжорамъ, коихъ всѣхъ очаровалъ тѣмъ, что умѣлъ ѣсть и много ѣлъ, а между тѣмъ подъ рукою распускалъ слухъ, что онъ продаетъ какое-то свое большое имѣніе, и всюду, гдѣ только можно, затѣвалъ банкъ...

— Ну, да, банкъ, банкъ! Отъ этихъ скороспѣлокъ всѣ и гибнутъ!—отозвался вдругъ хозяинъ, боязливо взглянувъ на отворенную дверь, изъ которой онъ почувствовалъ, что тянетъ нѣсколько свѣжій воздухъ.

— Гибнутъ только дураки отъ скороспѣлокъ, а умные ничего себѣ, живутъ! — возразилъ ему калмыкъ и продолжалъ свой разсказъ:—Аркаша, оголоданный до костей своими пропгрышами, вздумалъ на этомъ, такомъ же оглодышѣ, поправить свои дѣлишки.

— Ахъ, баринъ, баринъ!.. Не ты бы говорилъ, не я бы слушала!—воскликнула вдругъ возсѣдавшая на мѣстѣ хозяйки Аграфена Васильевна: — кто больше твоего оглядывалъ Аркашу?.. Ты вотъ говоришь, что онъ тамъ милый и размилый, а тебѣ, я знаю, ничего, что онъ сидитъ теперь въ тюрьмѣ.

— Какъ ничего!—воскликнулъ въ свою очередь калмыкъ:— я самъ чуть не угодилъ вмѣстѣ съ нимъ въ острогъ попасть.

— Да тебѣ-то бы давно довлѣло тамъ быть! — подхватила расходившаяся Аграфена Васильевна.

— Да и буду, тетенька, тамъ. Мнѣ даже во снѣ снятся не райскія долины, а мѣста болѣе отдаленныя въ Сибири,—проговорилъ кроткимъ голосомъ и, повидимому, нисколько не разсердившійся калмыкъ.

— Не перебивай, Груня, и не мѣшай! — остановилъ жену Ѳеодосій Гаврилычъ. — Разсказывай мнѣ съ точностью, — отнесся онъ къ калмыку:—гдѣ это произошло?

— У меня на вечерѣ; человѣкъ пятьдесятъ гостей было. Я, по твоему доброму совѣту, не играю больше въ банкъ, а хожу только около столовъ и наблюдаю, чтобы въ порядкѣ все было.

— Я думаю,—не играешь!—снова отозвалась не вытерпѣвшая Аграфена Васильевна.

— Ей-Богу, тетенька, не играю, и вотъ доказательство: я подошелъ-было и сѣлъ около Аркадія, который держалъ банкъ, чтобы не задурачился онъ и не просмотрѣлъ бы чего...

— А пьяны они были?—спросилъ съ нѣкоторою таинственностью Ѳеодосій Гаврилычъ.

— Какъ водится, на третьемъ взводѣ оба.

— А кому изъ нихъ больше везло?—интересовался съ глубокомысленнымъ видомъ Ѳеодосій Гаврилычъ.

— Аркадію! Билъ почти всѣ карты.

Аграфену Васильевну точно что̀ подмывало при этомъ, и она безпрестанно переглядывалась то съ однимъ, то съ другимъ изъ прочихъ гостей.

— Но изъ-за чего у нихъ произошла ссора? — снова вопросилъ съ глубокомысленнымъ видомъ Ѳеодосій Гаврилычъ.

— Изъ-за того, что этотъ затхлый князь вдругъ рявкнулъ на всю залу: «Здѣсь навѣрняка обыгрываютъ, у васъ баломутъ подтасованъ!»—«Какъ баломутъ?»—рявкнулъ и Аркаша.

— Да, такъ вотъ что̀ князь сказалъ, теперь я понимаю!..— произнесъ глубокомысленно Ѳеодосій Гаврилычъ.

— Что̀ жъ ты именно понимаешь? — спросилъ его насмѣшливо калмыкъ.

— То, что Лябьевъ обидѣлся и долженъ былъ выйти изъ себя!—сблагородничалъ Ѳеодосій Гаврилычъ.

— Вовсе не долженъ!—возразилъ ему съ прежнею почти презрительною усмѣшкою калмыкъ.—Я бы на другой же день вызвалъ этого тухляка на дуэль и поучилъ бы его, и никакой бы исторіи не вышло.

— Но ты мнѣ объясни одно,—допытывался, сохраняя свой серьезный видъ, Ѳеодосій Гаврилычъ:—что подерутся за картами, этому я бывалъ свидѣтелемъ; но чтобы убить человѣка, согласись, что странно.

— Ничего нѣтъ страннаго! — отозвался съ нѣкоторою запальчивостью калмыкъ: — Аркадій, въ азартѣ, хватилъ его шандаломъ по головѣ и прямо въ високъ... Никто, я думаю, много послѣ того не надышитъ.

— Конечно, это правда! — сталъ соглашаться Ѳеодосій Гаврилычъ: — но, по городскимъ разсказамъ, Индобскаго не то что ударилъ одинъ Лябьевъ, а его били и другіе...

— Лябьевъ еще живой человѣкъ, однако онъ не показываетъ,—возразилъ калмыкъ.

— Не показываетъ, какъ разсказываютъ это, по благородству души своей, и, зная, что произошло изъ-за него, принялъ все на себя.

— Мало ли въ Москвѣ наболтаютъ, — произнесъ съ презрѣніемъ калмыкъ.

— Наболтать, конечно, что наболтаютъ,—отозвался Ѳеодосій Гаврилычъ:—но все-таки князь, значитъ, у тебя въ домѣ померъ?

— У меня!.. Такъ что я долженъ былъ ѣхать въ полицію и вызвать ту, чтобы убрали отъ меня эту падаль.

Когда Янгуржеевъ говорилъ это, то его лицо приняло столь непріятное и почти отвратительное выраженіе, что Аграфена Васильевна снова не вытерпѣла и повторила давно уже данное ея мужемъ прозвище Янгуржееву: «Дьяволъ, какъ есть!» Калмыкъ, понявъ, что это на его счетъ сказано, замѣтилъ ей:

— Что вы, тетенька, меня все дьяволомъ браните; пожалуй, и я васъ назову вѣдьмой.

— Э, зови меня, какъ хочешь! Твоя брань ни у кого на вороту не повиснетъ... Я людей не убивала, въ карты и на разныя плутни не обыгрывала, а что насчетъ баломута ты говоришь, такъ это ты, душенька, не ври, ты его подкладывалъ Лябьеву: это еще и прежде замѣчали за тобой. Аркаша, я знаю, что не дѣлалъ этого, да ты-то хотѣлъ его руками жаръ загребать. Развѣ ты не игралъ съ нимъ въ половинѣ, одно скажи!

— Игралъ!—отвѣчалъ ей Янгуржеевъ.

— И отчего такъ вдругъ повезло Аркашѣ?

— Прошу тебя, замолчи!—снова остановилъ жену Ѳеодосій Гаврилычъ:—ты въ картахъ ничего не понимаешь: можно въ нихъ и проигрывать и выигрывать.

— Больше тебя, вислоухаго, понимаю,—перебила расходи-

вшаяся въ конецъ Аграфена Васильевна.—И я вотъ при этомъ баринѣ тебѣ говорю, — продолжала она, указывая своей толстой рукой на калмыка:—что если ты станешь еще возжаться съ нимъ, такъ я заберу всѣхъ моихъ ребятишекъ и убѣгу съ ними въ какой-нибудь таборъ... Будьте вы прокляты всѣ, картежники! Всѣхъ бы я васъ своими руками передушила...

— Уйми прежде твоего ребенка, который, я слышу, тамъ плачетъ внизу!—сказалъ ей наставительно Ѳеодосій Гаврилычъ.

— Безъ тебя-то пуще не знаютъ!—огрызнулась Аграфена Васильевна и, вставъ изъ-за стола, пошла внизъ.

— Какъ ты можешь жить съ этой злой дурой?—спросилъ, по уходѣ ея, калмыкъ.

— Умомъ, братецъ, однимъ только умомъ и живу съ ней,—объяснилъ самодовольно Ѳеодосій Гаврилычъ.

Калмыкъ при этомъ усмѣхнулся, да усмѣхнулись, кажется, и другіе гости.

Что происходило между тѣмъ у Лябьевыхъ, а также и у Марѳиныхъ—тяжело вообразить даже. Лябьевъ изъ дому же калмыка былъ арестованъ и посаженъ прямо въ тюрьму. Муза Николаевна, сама не помня отъ кого получившая объ этомъ увѣдомленіе, на первыхъ порахъ совсѣмъ рехнулась ума; къ счастью еще, что Сусанна Николаевна, на другой же день узнавшая о страшномъ событіи, пріѣхала къ ней и перевезла ее къ себѣ; Егоръ Егорычъ, тоже услыхавшій объ этомъ случайно въ Англійскомъ клубѣ, поспѣшилъ домой, и когда Сусанна Николаевна повторила ему то же самое съ присовокупленіемъ, что Музу Николаевну она перевезла къ себѣ, похвалилъ ее за то и поникъ головой. Что Лябьевъ разорится окончательно, онъ давно ожидалъ, но чтобы дѣло дошло до убійства, того не чаялъ. «Бѣдныя, бѣдныя Рыжовы! Не суждено вамъ счастья, несмотря на вашу доброту и кротость!»—пробормоталъ онъ. Стоявшая около него Сусанна Николаевна глубоко вздохнула и какъ бы ожидала услышать слово утѣшенія и совѣта. Егоръ Егорычъ инстинктивно понялъ это и постарался совладѣть съ собой.

— Чѣмъ болѣе непереносимыя по разуму человѣческому горя посылаетъ Богъ людямъ, тѣмъ болѣе Онъ даетъ имъ силы выдерживать ихъ. Ступай къ сестрѣ и ни на минуту не оставляй ея: въ своей безумной печали она, пожалуй, сдѣлаетъ что-нибудь съ собой!

— Я все время буду при ней,—проговорила Сусанна Николаевна покорно и оставила Егора Егорыча, который затѣмъ предался «умному дѣланію», при чемъ вдругъ предъ его умственнымъ взоромъ, какъ самъ онъ потомъ разсказалъ Сусаннѣ

Николаевнѣ, нарисовалась тихая деревенская картина съ небольшой хижиной, около которой сидѣли Муза Николаевна и Лябьевъ, а также вдали виднѣлся хоть и блѣдный довольно, но все-таки узнаваемый образъ Валерьяна Ченцова. Они не были съ столь измученными и истерзанными лицами, какими онъ привыкъ ихъ видѣть. Егоръ Егорычъ поспѣшилъ ущипнуть себя, ради убѣжденія, что не спитъ; но видѣніе еще продолжалось, такъ что онъ всталъ со стула. Тогда все исчезло, и Егоръ Егорычъ сталъ видѣть передъ собой окно, диванъ и постель, и затѣмъ, начавъ усердно молиться, провелъ въ томъ всю ночь до разсвѣта. Въ слѣдующіе затѣмъ дни къ Марѳинымъ многіе пріѣзжали, а въ томъ числѣ и m-me Тулузова; но они никого не принимали, за исключеніемъ одного Углакова, привезшаго Егору Егорычу письмо отъ отца, въ которомъ тотъ, извиняясь, что по болѣзни самъ не можетъ навѣстить друга, убѣдительно просилъ Марѳина взять къ себѣ сына въ качествѣ ординарца для исполненія порученій по разнымъ хлопотамъ, могущимъ встрѣтиться при настоящемъ ихъ семейномъ горѣ. Егоръ Егорычъ, не переговоривъ предварительно съ Сусанной Николаевной, разрѣшилъ юному Углакову остаться у него. Тотъ, въ восторгѣ отъ такого позволенія, усѣлся въ маленькой залѣ Марѳиныхъ навытяжку, какъ бы въ самомъ дѣлѣ былъ ординарцемъ Марѳина, и просидѣлъ тутъ, ничего не дѣлая, два дня, уѣзжая только куда-то на короткое время. На третій день наконецъ въ немъ случилась надобность: Сусанна Николаевна, сойдя внизъ къ Егору Егорычу съ мезонина, гдѣ безотлучно пребывала около сестры, сказала ему, что Муза очень желаетъ повидаться съ мужемъ, и что нельзя ли какъ-нибудь устроить это свиданіе.

— Тамъ сидитъ у насъ молодой Углаковъ, попроси его ко мнѣ!—проговорилъ на это Егоръ Егорычъ, къ которому monsieur Pierre, пріѣзжая, всегда являлся и рапортовалъ, что онъ на своемъ посту.

Сусанна Николаевна была крайне удивлена: она никакъ не ожидала, что Углаковъ у нихъ; но какъ бы то ни было, хоть и сконфуженная нѣсколько, вышла къ нему.

— Давно ли вы у насъ?—спросила она его невольно.

— Третій день!—отвѣчалъ онъ, вскочивъ со стула.

— Какъ третій день?—опять невольно спросила Сусанна Николаевна.

— Меня отецъ прислалъ къ Егору Егорычу, что не буду ли я нуженъ ему,—объяснилъ Углаковъ.

Сусанна Николаевна, конечно, поняла, что это дѣло не отца, а самого Пьера, а потому, вспыхнувъ до ушей, попросила

только Углакова войти къ Егору Егорычу, а сама и не вошла даже вмѣстѣ съ нимъ.

— Милый юноша, — сказалъ Егоръ Егорычъ Пьеру:—несчастная Лябьева желаетъ повидаться съ мужемъ... Я сижу совсѣмъ больной... Не можете ли вы, посовѣтовавшись съ отцомъ, выхлопотать на это разрѣшеніе?

— Выхлопочу!—отвѣчалъ Углаковъ и, не заѣзжая къ отцу, отправился въ домъ генералъ-губернатора, куда пріѣхавъ, онъ въ пріемной для просителей комнатѣ объяснилъ на французскомъ языкѣ дежурному адъютанту причину своего прибытія.

Тотъ, безъ всякаго предварительнаго доклада, провелъ его въ кабинетъ генералъ-губернатора, гдѣ опять-таки на безукоризненномъ французскомъ языкѣ начался между молодыми офицерами и маститымъ правителемъ Москвы оживленный разговоръ о томъ, что Лябьевъ вовсе не преступникъ, а жертва несчастнаго случая. Генералъ-губернаторъ удивился, что m-me Лябьева до сихъ поръ не видалась съ мужемъ, при чемъ присовокупилъ, что онъ велѣлъ даже бѣдному узнику съ самыхъ первыхъ дней заключенія послать фортепіано въ тюрьму. Заручившись такимъ мнѣніемъ генералъ-губернатора, Углаковъ поскакалъ къ оберъ-полицеймейстеру, который далъ отъ себя къ тюремному смотрителю записку, что m-me Лябьева можетъ ѣздить въ острогъ и пребывать тамъ, сколько ей угодно. Такимъ образомъ на слѣдующее утро Петръ Углаковъ долженъ былъ m-me Лябьеву и m-me Маронну провести въ тюрьму; обѣ сестры отправились въ каретѣ, а Углаковъ слѣдовалъ за ними въ своихъ саняхъ. Проѣхать имъ пришлось довольно далеко. Муза и Сусанна переживали въ эти минуты хоть и одинаково печальныя, но въ другомъ отношеніи и разныя чувствованія. Муза, конечно, кромѣ невыносимой тоски, стремилась къ одному: скорѣе увидѣть и обнять мужа, сказать ему, что нисколько не винитъ его, и что, чѣмъ бы ни рѣшилась его участь, всюду послѣдуетъ за нимъ. Сусанна Николаевна ѣхала тоже подъ вліяніемъ главнаго своего желанія успокоить, сколько возможно, сестру и Лябьева; но къ этому какъ-то болѣзненно и вмѣстѣ радостно примѣшивалась мысль объ Углаковѣ; что этотъ бѣдный мальчикъ влюбленъ въ нее до безумія, Сусанна Николаевна, къ ужасу своему, очень хорошо видѣла, и что сама она... Но тутъ столько страховъ и противорѣчій возникало въ воображеніи Сусанны Николаевны, что она ничего отчетливо понять не могла и дошла только до такого вывода, что была бы совершенно счастлива, если бы Углаковъ сталъ ей другомъ или братомъ, но не болѣе... Карета наконецъ остановилась у воротъ тюрьмы. Караульный офицеръ,

по врученной ему Углаковымъ запискѣ оберъ-полицеймейстера, велѣлъ унтеръ-офицеру провести его, а также и дамъ, внутрь зданія. Тотъ сначала звякнулъ ключами, отпирая входную калитку въ желѣзныхъ дверяхъ тюрьмы, затѣмъ пошли всѣ по двору. Муза Николаевна совершенно не видѣла, что было около нея, Сусанна же Николаевна старалась не видѣть. При входѣ въ самое зданіе, снова раздалось звяканье желѣза и звяканье очень громкое, такъ что обѣ дамы невольно вскинули головы. Оказалось, что съ лѣстницы сходила цѣлая партія скованныхъ по рукамъ и ногамъ каторжниковъ, предназначенныхъ къ отправкѣ по этапу. Сопровождавшій арестантовъ отрядъ отдалъ Углакову честь, при чемъ тоже звякнулъ своими ружьями. Отовсюду между тѣмъ чувствовался запахъ кислой капусты и махорки. Въ дворянскомъ, впрочемъ, отдѣленіи, куда направлялись мои посѣтители, воздухъ оказался нѣсколько посвѣжѣе и былъ уже пропитанъ дымомъ Жукова табаку и сигаръ съ примѣсью запаха подгорѣлой телятины. Вмѣсто дневного свѣта по коридорамъ горѣли тусклыя сальныя свѣчи. Здѣсь Углаковъ спросилъ ходившаго по коридору унтеръ-офицера, гдѣ номеръ Лябьева? Тотъ подвелъ ихъ. Первая рванулась въ дверь Муза Николаевна. Увидавъ ее, Лябьевъ покраснѣлъ и растерялся: ему прежде всего сдѣлалось стыдно передъ ней. Но Муза бросилась къ нему.

— Я знаю все, но совершенно покойна и здорова, — сказала она.

Вошедшая вслѣдъ за сестрой Сусанна Николаевна тоже старалась сохранить спокойствіе.

— Егоръ Егорычъ и я просимъ васъ не падать духомъ,— произнесла она:—Богъ прощаетъ многое людямъ.

— Я знаю, что прощаетъ, и нисколько не упалъ духомъ,— отвѣчалъ Лябьевъ.

Углаковъ вошелъ въ камеру заключеннаго, какъ бы къ себѣ въ комнату; онъ развѣсилъ по гвоздямъ снятые имъ съ дамъ салопы, а также и свою собственную шинель; дѣло въ томъ, что Углаковъ у Лябьева, съ перваго же дня ареста того, бывалъ каждодневно.

Между узникомъ и посѣтителями его какъ-то не завязывался разговоръ. Да и съ чего его было начать? Съ того, что случилось? Это всѣ знали хорошо. Высказывать безполезныя разсужденія или утѣшенія было бы очень пошло. Но только вдругъ Лябьевъ и Углаковъ услыхали въ коридорѣ хорошо имъ знакомый голосъ Аграфены Васильевны, которая съ кѣмъ-то, должно-быть, вздорила и наконецъ брякнула:

— Какъ вы смѣете не пускать меня? Я сенаторша!

Ѳеодосій Гаврилычъ въ самомъ дѣлѣ былъ хоть и не присутствовавшій никогда, по причинѣ зоба, но все-таки сенаторъ.

При этомъ объявленіи столь важнаго титула все смолкло, и Аграфена Васильевна, какъ бы королева-побѣдительница, гордо вошла въ номеръ.

— Вотъ и я къ тебѣ пріѣхала!—сказала она, цѣлуясь съ Лябьевымъ.

Сусаннѣ Николаевнѣ и Музѣ Николаевнѣ она сдѣлала нѣсколько церемонный реверансъ. Познакомить дамъ Лябьевъ и Углаковъ забыли. Аграфена Васильевна усѣлась.

— А у тебя тутъ и потѣшка есть?—сказала она, показывая головой на фортепіано.

— Есть,—отвѣчалъ Лябьевъ.

— Поигрываешь хоть маненько?

— Играю, сочинять даже началъ.

— Вотъ это хвалю!—воскликнула Аграфена Васильевна.— А что такое измыслилъ?

— Оперу большую затѣялъ. Помнишь, я тебѣ говорилъ, «Амалатъ-Бека».

— Ты принялся наконецъ за «Амалатъ-Бека»? — вмѣшалась радостно Муза Николаевна.

— Принялся, но не клеится какъ-то.

— Склеится, погоди маненько! Сыграй-ка что-нибудь изъ того, что надумалъ!—ободрила его Аграфена Васильевна.

— Что играть?.. Все это пока въ фантазіи только.

— Не ври, не ври! Знаю я тебя, играй! Себя поразсѣй да и насъ потѣшь!

Лябьевъ повернулся къ фортепіано и первоначально обратился къ Углакову:

— Пьеръ, возьми вотъ эту маленькую тетрадку съ окна! Это либретто, которое мнѣ еще прошлый годъ сочинилъ Ленскій, и прочти начало перваго акта.

Углаковъ взялъ тетрадь и прочелъ:

«Татарское селеніе; на заднемъ занавѣсѣ виденъ гребень Кавказа; молодежь съѣхалась на скачку и джигитовку; на одной сторонѣ женщины, безъ покрывалъ, въ цвѣтныхъ чалмахъ, въ длинныхъ шелковыхъ, перетянутыхъ туниками, сорочкахъ и въ шальварахъ; на другой мужчины, кои должны быть въ архалукахъ, а нѣкоторые изъ нихъ и въ черныхъ персидскихъ чухахъ, обложенныхъ галунами, и съ закинутыми за плечи висячими рукавами».

На этихъ словахъ Лябьевъ махнулъ рукой Углакову, чтобы тотъ замолчалъ.

— Поетъ общій хоръ,—сказалъ онъ и началъ играть, ста-

раясь, видимо, подражать нестройному татарскому пѣнію; но русская натура въ немъ взяла свое, и изъ-подъ пальцевъ его все больше и больше начали раздаваться задушевные русскіе мотивы. Какъ бы разсердясь за это на себя, Лябьевъ снова началъ извлекать изъ фортепіано шумные и безъ всякой послѣдовательности переходящіе одинъ въ другой звуки, но и то его утомило, но не удовлетворило.

— Нѣтъ, лучше сыграю лезгинку,—сказалъ онъ и на первыхъ порахъ началъ фантазировать нѣчто довольно медленное, а потомъ быстрое и совсѣмъ уже быстрое, какъ бы вихрь, и посреди этого слышались каскады сыплющихся звуковъ, очень напоминающихъ звуки мѣдныхъ тарелокъ. Все это очень понравилось слушателямъ Лябьева, а также, кажется, и ему самому, такъ что онъ съ нѣкоторымъ довольствомъ спросилъ Углакова:

— Далѣе, сколько я помню, по либретто дуэтъ между Амалатъ-Бекомъ и Султанъ-Ахметомъ?

— Такъ!—подтвердилъ тотъ, взглянувъ въ тетрадку.

Лябьевъ опять сталъ фантазировать, и тутъ у него вышло что-то очень хорошее и могущее глубоко зашевелить душу всякаго человѣка. По чувствуемой мысли дуэта можно было понять, что тщетно злымъ и настойчивымъ басомъ укорялъ хитрый ханъ Амалатъ-Бека, называлъ его измѣнникомъ, трусомъ, грозилъ кораномъ; Амалатъ-Бекъ, теноръ, съ ужасомъ отрицался отъ того, что̀ ему совѣтовалъ ханъ, и умолялъ не возлагать на него подобной миссіи. При этомъ въ игрѣ Лябьева ясно слышались вопли и страданія честнаго человѣка, котораго негодяй и мерзавецъ тащитъ въ пропасть. Дамы и Углаковъ очень хорошо поняли, что художникъ изображаетъ этимъ исторію своихъ отношеній съ Янгуржеевымъ; но Лябьевъ, повидимому, дуэтомъ остался недоволенъ: у него больше кипѣло въ душѣ, чѣмъ онъ выразилъ это звуками. Переставъ играть, онъ склонилъ голову, но потомъ вдругъ приподнялъ ее и заигралъ положенную имъ, когда еще онъ былъ женихомъ Музы Николаевны, на музыку хвалебную пѣснь: «Тебе Бога хвалимъ, Тебѣ Господа исповѣдуемъ». Тогда онъ сочинилъ эту пѣснь, чтобы угодить Сусаннѣ Николаевнѣ, но теперь она пришлась по душѣ всѣмъ и какъ бы возвысила духъ каждаго. Аграфена Васильевна, бывшая, несмотря на свое цыганское происхожденіе, весьма религіозною и знавшая хорошо хвалебную пѣснь, начала подпѣвать, и ея густой контральто сразу же раздался по всему коридору. «Святъ, святъ, святъ Господь Богъ Саваоѳъ, полны суть небеса и земля величества славы Твоея!»—отчетливо пѣла она. Всѣ почти арестанты этого

этажа вышли въ коридоръ и скучились около пріотворенной нѣсколько двери въ камеру Лябьева. У многихъ изъ нихъ появились слезы на глазахъ, но поспѣшившій въ коридоръ смотритель, въ отставномъ военномъ вицмундирѣ и съ сильно пьяной рожей, велѣлъ, во-первыхъ, арестантамъ разойтись по своимъ мѣстамъ, а потомъ, войдя въ номеръ къ Лябьеву, объявилъ послѣднему, что пѣть въ тюрьмѣ не дозволяется.

— Почему не дозволяется? — крикнулъ на него Углаковъ.

— Это можетъ возмутить арестантовъ, какъ и возмутило ихъ нѣсколько,—проговорилъ съ важностью смотритель, вовсе не подозрѣвая, что у бѣдныхъ узниковъ текли слезы не изъ духа возмущенія, а отъ чувства умиленія.

— Вотъ болванъ-то!—проговорилъ почти вслухъ Углаковъ.

— Полно, Пьеръ! — остановилъ его Лябьевъ. — Мы не будемъ пѣть, — отнесся онъ къ смотрителю.

— Прошу васъ,—сказалъ тотъ и, идя потомъ по коридору, нѣсколько разъ повторилъ самъ себѣ: «А съ этимъ господиномъ офицеромъ я еще посчитаюсь, посчитаюсь».

Вскорѣ затѣмъ посѣтители стали собираться; но Муза Николаевна рѣшительно объявила, что она хочетъ остаться съ мужемъ.

— Вы имѣете на то право, а если васъ дуракъ-смотритель станетъ безпокоить, такъ покажите ему вотъ эту записку оберъ-полицеймейстера.

И Углаковъ подалъ сказанную записку Лябьевой, которая была въ восторгѣ отъ подобнаго разрѣшенія. Самъ же monsieur Пьеръ разсчитывалъ, кажется, поѣхать назадъ въ одномъ экипажѣ съ Сусанной Николаевной, но та, вѣроятно, заранѣе это предчувствовавшая, немедля же, какъ только они вышли отъ Лябьева, сказала:

— Прощайте, Петръ Александрычъ!

— Да я къ вамъ же ѣду! — возразилъ-было тотъ.

— Но я еще ѣду не домой и заѣду въ Никитскій монастырь! — придумала Сусанна Николаевна и чрезвычайно проворно пошла съ лѣстницы.

У monsieur Пьера вытянулось лицо, но дѣлать нечего; оставшись въ сообществѣ съ Аграфеной Васильевной, онъ пошелъ съ ней неторопливымъ шагомъ, такъ какъ Аграфена Васильевна по тучности своей не могла быстро ходить, и когда они вышли изъ воротъ тюрьмы, то карета Сусанны Николаевны виднѣлась уже далеко.

— А вы, тетенька, на извозчикѣ развѣ? — спросилъ Углаковъ Аграфену Васильевну.

— На извозчикѣ!.. Мой-то старичище забралъ всѣхъ ло-

шадей и съ калмыкомъ уѣхалъ шестерикомъ на пѣтушій бой... Ишь, какія себѣ забавы устраиваютъ!.. Такъ взяла бы да пѣтушиными-то когтями и выцарапала имъ всѣмъ глаза!..

— Тогда, постойте, тетенька, я васъ довезу.

— Довези!

И они усѣлись съ большимъ трудомъ въ довольно широкія сани Углакова. Аграфена Васильевна очень ужъ много мѣста заняла.

— А не завернете ли вы, тетенька, со мной, по старой памяти, пофрыштикать въ «Желѣзный»?

— Могу, — отвѣчала Аграфена Васильевна.

Трактиръ, который Углаковъ наименовалъ «Желѣзнымъ», находился, если помнитъ читатель, прямо противъ Александровскаго сада и былъ менѣе посѣщаемъ, чѣмъ Московскій трактиръ, а потому тамъ моимъ посѣтителямъ отвели довольно уединенное помѣщеніе, что̀ врядъ ли Углаковъ и не имѣлъ главною для себя цѣлью, такъ какъ желалъ поговорить съ Аграфеной Васильевной по душѣ и наединѣ. Потребовали они оба не Богъ знаетъ чего. Тетенька пожелала скушать подовый пирожокъ и сосисекъ подъ капустой и запить все сіе медомъ, но на послѣднее Углаковъ не согласился и велѣлъ подать бутылку шампанскаго. Задушевный разговоръ между ними сейчасъ же начался.

— Кто это другая-то барыня была въ тюрьмѣ?—спросила Аграфена Васильевна.

— Это сестра Лябьевой—Маренна!—отвѣчалъ Углаковъ.

— Я такъ и чаяла!.. Барыня, я тебѣ скажу, того... писаная красавица!..

— Мало, что красавица... божество какое-то!

— Да...—протянула Аграфена Васильевна.—И что̀ жъ, ты за ней примахиваешь маненько, больно ужъ все какъ-то юлилъ около нея?

— Ахъ, тетенька,—воскликнулъ на это Углаковъ:—не то, что примахиваю, а такъ вотъ до сихъ поръ, по самую макушку врѣзался.

— Ишь ты какой!.. Губа-то, я вижу, у тебя не дура!.. А она-то что̀ же?.. Тоже?

— Нѣтъ, она незнимательна.

— Но, можетъ, любитъ ужъ другого?

— Нѣтъ!

— А мужъ вѣдь, чай, есть у ней?

— Есть!

— Молодой?

— Старый, но уменъ очень.

— Ну, что̀ уменъ... По-моему, знаешь, что̀ я тебѣ скажу, Петруша... Барыня эта также къ тебѣ сильно склонна.

— Какъ?—воскликнулъ Углаковъ, выпучивъ глаза отъ удивленія и радости.

— Да такъ!.. Мы, бабы, лучше другъ друга разумѣемъ... Почто же она, какъ заяцъ, убѣжала отъ тебя, когда мы вышли отъ Лябьева?

— Можетъ-быть, изъ отвращенія ко мнѣ! — подхватилъ Углаковъ.

— Ну да!.. Изъ отвращенія къ нему!—возразила Аграфена Васильевна.—А не изъ того ли лучше, что на ворѣ-то шапка горитъ: — изъ страха за самоё себя, изъ робости къ тебѣ?.. Это, милый другъ, я знаю по себѣ: насъ вѣдь батьки и матки и весь, почесть, таборъ лелѣютъ и холятъ, какъ скотину передъ праздникомъ, чтобы отдать на убой барину богатому, али, пожалуй, какъ нынче вотъ стало, и купцу. а мнѣ того до смерти не хотѣлось, и полюбился мнѣ тутъ одинъ чиновничекъ молоденькій; на гитарѣ, я тебѣ говорю, онъ игралъ хоть бы нашимъ запѣваламъ впору, и все ходилъ въ нашъ, знаешь, трактиръ, въ Грузинахъ... Вижу я, что больно ужъ онъ на меня пристально смотритъ, и я на него смотрю... И прилѣпились мы такимъ манеромъ другъ къ другу душой какъ ни на есть сильно, а сказать о томъ ни онъ не посмѣлъ, и я робѣла... Пословица-то, видно, справедлива: «тутъ-то много, да вонъ нейдетъ». Такъ мы, братикъ мой, и промигали наше дѣло.

— Поэтому, тетенька, вы думаете, что и я промигаю свое дѣло? — спросилъ стремительно Углаковъ.

— Ты и она, оба промигаете!.. А по нашему цыганскому разсужденію, знаешь, какъ это пѣсня поется: «Лови, лови часы любви!»

— Но какъ ихъ, тетенька, поймать-то?.. Поймать я не знаю какъ!.. Научите вы меня тому!

— Смѣшной ты человѣкъ!.. Научи его я?.. Коли я и сама не сумѣла того, что̀ хотѣла... Наука тутъ одна: будь посмѣлѣй! Смѣлость города беретъ, не то что нашу сестру плѣняетъ.

— Ну, а если Сусанна Николаевна очень за это разсердится?.. Что̀ тогда?

— Это тоже, какъ сказать, можетъ, разсердится, а то и нѣтъ... Старый-то мужъ, поди чай, надоѣлъ ей: «Старый мужъ, грозный мужъ, рѣжь меня, бей меня, я другого люблю!»— негромко пропѣла Аграфена Васильевна и, допивъ свое шампанское, слегка ударила стаканомъ по столу: видно, ужъ и ей старый-то мужъ надоѣлъ сильно.

— Но изъ чего вы, тетенька, заключаете, что Сусанна Николаевна склонна ко мнѣ?

— Изволь, скажу! Ты-то вотъ не видѣлъ, а я замѣтила, что она ажно въ спину тебѣ смотритъ, какъ ты отвернешься отъ нея, а какъ повернулся къ ней, сейчасъ глаза въ сторону и отведетъ.

— Тетенька, вѣрно ли вы это говорите? — переспросилъ Углаковъ.

— Вѣрно! У насъ, старыхъ завистницъ, на это глазъ зоркій.

— Я васъ, тетенька, за это обниму и зацѣлую до смерти.

— Цѣлуй! До смерти-то словно не зацѣлуешь... Цѣловали меня тоже, паря, не жалѣючи.

Затѣмъ они обнялись и расцѣловались самымъ искреннимъ образомъ, а потомъ Углаковъ, распивъ съ тетенькой на радости еще полубутылочку шампанскаго, завезъ ее домой, а самъ направился къ Марѳинымъ, какъ бы на дежурство, но въ то же время съ твердою рѣшимостью добиться отъ Сусанны Николаевны отвѣта, любитъ ли она его сколько-нибудь, или нѣтъ.

VII.

Въ почтительной позѣ и склонивъ нѣсколько набокъ свою сухощавую голову, стоялъ передъ Тулузовымъ, сидѣвшимъ величаво въ богатомъ кабинетѣ, дверь котораго была наглухо притворена, знакомый намъ маляръ Савелій Власьевъ, мужъ покойной Аксюши. Лицо Савелія попрежнему имѣло зеленовато-желтый цвѣтъ, но нарядъ его былъ нѣсколько иной: вмѣсто позолоченнаго перстня, на пальцѣ красовался настоящій золотой и даже съ какимъ-то розовымъ камнемъ; по атласному жилету проходилъ бисерный шнурокъ, и въ карманѣ имѣлись часы; жидкіе волосы на головѣ были сильно напомажены; брюки уже не спускались въ сапоги, а лежали сверху сапогъ. Все это объяснялось тѣмъ, что Савелій Власьевъ въ настоящее время не занимался ужъ болѣе своимъ ремесломъ и былъ чѣмъ-то въ родѣ главнаго повѣреннаго при откупѣ Тулузова, взявъ который, Василій Иванычъ сейчасъ же вспомнилъ о Савеліи Власьевѣ, какъ о распорядительномъ, умномъ и плутоватомъ мужикѣ. Выписавъ его изъ Петербурга въ Москву, онъ сталъ его быстро возвышать и приближать къ себѣ, какъ нѣкогда и его самого возвышалъ Петръ Григорьичъ. Савелій Власьевъ оказался главнымъ образомъ очень способнымъ устраивать и улаживать разныя откупныя дѣла съ полиціей, и черезъ какіе-нибудь полгода онъ былъ

на дружеской ногѣ со всѣми почти квартальными и даже нѣкоторыми частными. Въ настоящемъ случаѣ Василій Иванычъ и велъ съ нимъ разговоръ объ этомъ именно предметѣ.

— Я тебѣ очень благодаренъ, Савелій Власьевъ, — говорилъ онъ, сохраняя свой надменный видъ: — что у насъ по откупу не является никакихъ дѣлъ.

— Зачѣмъ же и быть имъ? — отвѣчалъ, слегка усмѣхнувшись тонкими губами, Савелій Власьевъ.

— Да... Но цѣловальники, вѣроятно, и вещи краденыя принимаютъ, — продолжалъ Тулузовъ.

— Постоянно-съ! — не потаилъ Савелій Власьевъ.

— А полиція что же?

— Полиціи какое дѣло, когда жалобъ нѣтъ, и отъ насъ она получаетъ, что ей слѣдуетъ.

— Кромѣ ворованныхъ вещей, я убѣжденъ, что въ кабакахъ опиваются и часто убійства, можетъ-быть, даже совершаются? — допытывался Василій Иванычъ.

— Конечно, не безъ грѣха-съ!—объяснилъ Савелій Власьевъ.

— И какъ же вы тутъ вывертываетесь?

— Что жъ?.. Помаленьку вывертываемся... Развѣ трудно вывезти человѣка изъ кабака куда-нибудь подальше?.. Слава Богу, пустырей около Москвы много.

— Вывезти, ты говоришь!.. Но въ кабакѣ могутъ быть свидѣтели и видѣть все это!

— Какіе тамъ свидѣтели?.. Спьяну-то другой и не видитъ, что вокругъ его происходитъ, а которые потрезвѣй, такъ испугаются и разбѣгутся. Вонъ, не то что въ кабакѣ, а въ господскомъ домѣ, на вечерѣ, князя одного убили.

— Ты развѣ слышалъ это?

— Слышалъ-съ!.. Мнѣ тутошный квартальный надзиратель все какъ есть разсказалъ.

— Однако тотъ господинъ, который убилъ князя (я его знаю: — онъ нашей губерніи), нѣкто Лябьевъ, въ тюрьмѣ теперь сидитъ.

— Вольно жъ ему было во-время не позамаслить полиціи... Вонъ хозяина, у кого это произошло, небось, не посадили.

— Да того за что же сажать?

— За то, что-съ, какъ разсказывалъ мнѣ квартальный, у нихъ дѣло происходило такъ: князь проигрался оченно сильно, они ему и говорятъ: «Заплати деньги!» — «Денегъ, говоритъ, у меня нѣтъ!»—«Какъ, говоритъ, нѣтъ?» — Хозяинъ ужъ это, значитъ, вступился и, сцапавъ гостя за шиворотъ, сталъ его душить... Почесть что на смерть! Тотъ однакоче отъ него выцарапался да и закричалъ: «Вы мошенники, вы меня

обыграли навѣрняка!» Тогда вотъ ужъ этотъ-то баринъ (какъ его, Лябьевъ, что ли?) и пустилъ въ него подсвѣчникомъ.

— Вздоръ это! — отвергнулъ настойчиво Тулузовъ: — князя билъ и убилъ одинъ Лябьевъ, который всегда былъ негодяй и картежникъ... Впрочемъ, чортъ съ ними! Мы должны думать о нашихъ дѣлахъ... Ты говоришь, что если бы что̀ и произошло въ кабакѣ, такъ бывшіе тутъ разбѣгутся; но этого мало... Ты самъ видишь, какія строгости нынче пошли насчетъ этого... Надобно, чтобы у насъ были заранѣе готовые люди, которые бы показали все, что̀ мы имъ скажемъ. Полагаю, что такихъ людей у тебя еще нѣтъ подъ рукой?

— Никакъ нѣтъ! — отвѣчалъ Савелій Власьевъ.

— Но пріискать ты ихъ можешь?

Савелій Власьевъ нѣсколько мгновеній соображалъ.

— Пріискать, отчего же не пріискать? Только осмѣлюсь вамъ доложить, какъ же мы ихъ будемъ держать? На жалованьи? — произнесъ Савелій Власьевъ, кажется, находившій такую мѣру совершенно излишнею.

— На жалованьи, конечно, и пусть въ кабакахъ даромъ пьютъ, сколько имъ угодно... Главное, не медли и на-дняхъ же пріищи ихъ!

— Слушаю-съ! — отвѣчалъ покорно Савелій Власьевъ.

Онъ видѣлъ барина въ такомъ безпокойномъ состояніи только одинъ разъ, когда тотъ распоряжался разсылкой цѣловальниковъ для закупки хлѣба, и потому употребилъ все стараніе, чтобы какъ можно скорѣе исполнить данное ему порученіе. Однако прошло дня четыре, въ продолженіе которыхъ Тулузовъ вымещалъ свое нетерпѣніе и гнѣвъ на всемъ и на всѣхъ: онъ выпоролъ на конюшнѣ повара за то, что тотъ напился пьянъ, сослалъ совсѣмъ въ деревню своего камердинера съ предписаніемъ употребить его на самыя черныя работы: камердинера этого онъ засталъ на поцѣлуѣ съ одной изъ горничныхъ, которая чуть ли не была въ близкихъ отношеніяхъ къ самому Василію Иванычу.

Савелій Власьевъ наконецъ предсталъ передъ свѣтлыя очи своего господина и донесъ, что имъ отысканы нужные люди.

— Кто именно? — спросилъ въ одно и то же время съ радостью и величавымъ выраженіемъ въ лицѣ Тулузовъ.

— Да двое изъ нихъ чиновники, а одинъ отставной поручикъ артиллеріи.

— Что̀, они молодые или старые?

— Какое молодые!.. Старые... Развѣ человѣкъ въ силахъ и годный на что-нибудь пошелъ бы на то?

— Это и хорошо!.. Но теперь о тебѣ собственно,—началъ

Тулузовъ, и голосъ его принялъ явно ужъ оттѣнокъ строгости: — ты мнѣ всѣмъ обязанъ: я тебя спасъ отъ Сибири, я возвелъ тебя въ главноуправляющіе по откупу, но если ты мнѣ будешь служить не съ усердіемъ, то я съ тобой строго распоряжусь и сошлю тебя туда, куда воронъ костей не занашивалъ.

— Развѣ я того не понимаю-съ?—произнесъ съ чувствомъ Савелій Власьевъ: — я готовъ служить вамъ, сколько сумѣю.

— Дѣло мое, о которомъ я буду теперь съ тобой говорить, — продолжалъ, уже не сидя величественно въ креслѣ, а ходя безпокойными шагами по кабинету, Тулузовъ: — состоитъ въ слѣдующемъ глупомъ казусѣ: въ молодости моей я имѣлъ неосторожность потерять мой паспортъ... Я такъ испугался, оставшись безъ вида, что сунулся къ тому, къ другому моему знакомому, которые и приладили мнѣ купить чужой паспортъ на имя какого-то Тулузова... Я записался по этому виду, давалъ расписки, векселя, клалъ деньги въ приказъ подъ этимъ именемъ, тогда какъ моя фамилія вовсе не Тулузовъ, но повернуться назадъ было нельзя!.. За это сослали бы меня, понимаешь?

— Поди ты, какое дѣло! — сказалъ съ участіемъ Савелій Власьевъ.

— Но казусъ-то разыгрался еще скверпѣе! — подхватилъ Тулузовъ: — на-дняхъ на меня сдѣланъ доносъ, что человѣкъ, по паспорту котораго я существую на бѣломъ свѣтѣ, убитъ кѣмъ-то на дорогѣ.

— Господи помилуй! — проговорилъ уже съ нѣкоторымъ страхомъ Савелій Власьевъ.

— Удивительное, я тебѣ говорю, стеченіе обстоятельствъ!.. Объявить мнѣ теперь, что я не Тулузовъ, было бы совершеннымъ сумасшествіемъ, потому что, разсуди самъ, подъ этимъ именемъ я сдѣлался дворяниномъ, получилъ генеральскій чинъ... Значитъ, все это должны будутъ съ меня снять.

— Но за что же это, помилуйте?! — возразилъ съ участіемъ Савелій Власьевъ.

— Законъ у насъ не милуетъ никого, и, чтобы избѣжать его, мнѣ надобно во что бы то ни стало доказать, что я Тулузовъ, не убитый, конечно, но другой, и это можно сдѣлать только, если я представлю свидѣтелей, которые подъ присягой покажутъ, что они въ томъ городѣ, который я имъ скажу, знали моего отца, мать и даже меня въ молодости... Согласны будутъ показать это пріисканныя тобою лица?

— Какъ бы, кажется, не согласиться! Это не вѣсть что такое! — произнесъ съ нѣкоторымъ раздумьемъ Савелій

Власьевъ:—только сумѣютъ ли они, ваше превосходительство,—вотъ что опасно... Не соврали бы чего и пустяковъ какихъ-нибудь не наговорили.

— Это можно устранить: я тебѣ надиктую, что они должны будутъ говорить, а ты имъ это вдолби, и пусть они стоятъ на одномъ, что знали отца моего и мать.

— Понимаю-съ!—проговорилъ Савелій Власьевъ:—но тутъ еще и другое есть,—присовокупилъ онъ, усмѣхнувшись:—больно они мерзко одѣты, всѣ въ лохмотьяхъ.

— Въ такомъ случаѣ, купи имъ новое платье и скажи имъ, чтобы они являлись въ немъ, когда ихъ потребуютъ по какому бы то ни было нашему дѣлу.

— Сказать имъ это слѣдуетъ, послушаются ли они?.. Пожалуй, того и гляди, что пропьютъ съ себя все, окаянные!—возразилъ Савелій Власьевъ.

— А если пропьютъ, другое имъ сдѣлаешь!.. Стоитъ ли объ этомъ говорить?

— Слушаю-съ,— сказалъ на это Савелій Власьевъ и хотѣлъ-было уже раскланяться съ бариномъ, но тотъ ему присовокупилъ:

— Если ты мнѣ все это дѣло устроишь, я тебѣ двѣ тысячи дамъ въ награду.

— Благодарю-съ на томъ! — отозвался нѣсколько глухимъ голосомъ Савелій Власьевъ и ушелъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что сей умный мужикъ, видавшій на своемъ вѣку многое, понялъ всю суть дѣла и вывелъ такого рода заключеніе, что баринъ у него теперь совсѣмъ въ лапахъ, и что сколько бы онъ потомъ ни сталъ воровать по откупу, все ему будетъ прощаться.

Не ограничиваясь всѣми вышесказанными мѣрами, Тулузовъ на другой день поутру поѣхалъ для предварительныхъ совѣщаній въ частный домъ къ приставу. Предпринявъ этотъ визитъ, Василій Иванычъ облекся въ форменный вицмундиръ и въ свой владимирскій крестъ. Частный приставъ, толстый и по виду очень шустрый человѣкъ, зналъ, разумѣется, Тулузова въ лицо и, когда тотъ вошелъ, онъ догадался, зачѣмъ собственно этотъ господинъ прибылъ, но все-таки принялъ сего просителя съ полнымъ уваженіемъ и предложилъ ему стулъ около служебнаго стола своего, покрытаго измараннымъ краснымъ сукномъ, и вообще въ камерѣ все какъ-то выглядывало грязновато: стоявшее на столѣ зерцало было безъ всякихъ слѣдовъ позолоты; лежавшіе на окнахъ законы не имѣли надлежащихъ переплетовъ; стѣны всѣ являлись заплеванными: даже отъ самаго вицмундира частнаго пристава

сильно пахнуло скипидаромъ, посредствомъ котораго сей мундиръ каждодневно обновлялся нѣсколько.

— Я получилъ отъ васъ бумагу, — началъ Тулузовъ съ обычнымъ ему послѣднее время важнымъ видомъ:—въ которой вы требуете отъ меня объясненія по поводу доноса, сдѣланнаго на меня однимъ негодяемъ.

— Да, что дѣлать?.. Извините! — отвѣчалъ частный приставъ, пожимая плечами:—служба то повелѣваетъ, а еще болѣе того наша управа благочинія, которая заставляетъ насъ по необходимости дѣлать непріятности обывателямъ.

— Кто жъ этого не понимаетъ?.. И я пріѣхалъ не претензіи вамъ изъявлять, а посовѣтоваться съ вами, какъ съ человѣкомъ опытнымъ въ подобныхъ дѣлахъ.

— Благодарю васъ за довѣріе и сочту себя обязаннымъ быть къ вашимъ услугамъ.

— Услуга ваша будетъ для меня состоять въ томъ, чтобы вы научили меня, въ какомъ духѣ дать вамъ объясненіе.

— То-есть, я полагаю, — произнесъ рѣшительнымъ тономъ частный приставъ: — что вамъ лучше всего отвергнуть доносъ во всѣхъ пунктахъ и учинить во всемъ полное запирательство.

— Да мнѣ запираться-то не въ чемъ, понимаете? — возразилъ съ нѣкоторымъ негодованіемъ и презрительно разсмѣявшись Тулузовъ.

— Знаю-съ это; извините, что не такъ выразился!.. Отвергнуть весь доносъ,—повторилъ частный приставъ.

— Мало, что отвергнуть,— продолжалъ Тулузовъ: — но доказать даже противное.

— А это еще лучше, если вы можете! — подхватилъ частный приставъ.

— Могу-съ!—отвѣчалъ съ окончательною уже величавостью Василій Иванычъ: — я представлю вамъ свидѣтелей, которые знали меня въ дѣтствѣ, знали отца моего, Тулузова.

— И превосходно, отлично! — воскликнулъ частный приставъ:—тогда этотъ доносъ разлетится въ пухъ и прахъ!

— Но вы, конечно, указанныхъ мною свидѣтелей вызовете въ часть и спросите?—допытывался Тулузовъ.

— Непремѣнно-съ!—проговорилъ частный приставъ.

— И я просилъ бы васъ, Иринархъ Максимычъ,—назвалъ Тулузовъ уже по имени частнаго пристава: — позволить мнѣ быть при этомъ допросѣ.

По лицу частнаго пристава пробѣжалъ какъ бы маленькій конфузъ.

— По закону этого, ваше превосходительство, нельзя, —

сказалъ онъ: — но, желая вамъ угодить, я готовъ это исполнить... Наша проклятая служба такова: если гдѣ не довернулся, начальство бьетъ, а довернулся, господа московскіе жители обижаются.

— Ну, это дураки какіе-нибудь!—произнесъ, вставая, Тулузовъ:—я не замедлю вамъ представить объясненіе.

— Бога ради; мы уже подтвержденіе по этому дѣлу получили!—воскликнулъ жалобнымъ тономъ частный приставъ.

— Не замедлю-съ,—повторилъ Тулузовъ и дѣйствительно не замедлилъ: черезъ два же дня онъ лично привезъ объясненіе частному приставу, а вмѣстѣ съ этимъ Савелій Власьевъ привелъ и пріисканныхъ имъ трехъ свидѣтелей, которые дѣйствительно оказались всѣ людьми пожилыми и по платью своему имѣли довольно приличный видъ, но физіономіи у всѣхъ были весьма странныя: старѣйшій изъ нихъ, видимо, бывшій чиновникъ, такъ какъ на груди его красовалась пряжка за тридцатипятилѣтнюю безпорочную службу, отличался необыкновенно загорѣлымъ, сморщеннымъ и лупившимся лицомъ; происходило это, вѣроятно, оттого, что онъ цѣлые дни стоялъ у Иверскихъ воротъ въ ожиданіи кліентовъ, съ которыми и продѣлывалъ маленькія дѣлишки; другой, болѣе молодой и, вѣроятно, очень опытный въ дачѣ всякаго рода свидѣтельскихъ показаній, держалъ себя съ нѣкоторымъ апломбомъ; но жалчѣе обоихъ своихъ товарищей былъ по своей наружности отставной поручикъ. Онъ являлъ собою какъ бы ходячую водянку, которая, кажется, каждую минуту была готова брызнуть изъ-подъ его кожи; ради сокрытія того, что глаза поручика еще съ ранняго утра были налиты водкой, Савелій Власьевъ надѣлъ на него очки. Когда всѣ сіи свидѣтели поставлены были на должныя имъ мѣста, въ камеру вошелъ заштатный священникъ и отобралъ отъ свидѣтелей клятвенное обѣщаніе, внушительно прочитавъ имъ слова, что они ни ради дружбы, ни свойства, ни ради какихъ-либо выгодъ не будутъ утаивать и покажутъ сущую о всемъ правду. Во время отобранія присяги какъ сами свидѣтели, такъ равно и частный приставъ вмѣстѣ съ Тулузовымъ и Савеліемъ Власьевымъ имѣли, какъ водится, нѣсколько печальныя лица. Опросъ потомъ начался съ отставного поручика.

— Вы знали родителя господина Тулузова?—спросилъ его частный приставъ.

— Зналъ! — нетвердо выговорилъ поручикъ: — у насъ въ бригадѣ былъ тоже Тулузовъ...

— Это къ дѣлу нейдетъ! — остановилъ его частный приставъ.

— Пожалуй, что и пойдетъ!.. Позвольте мнѣ сѣсть: у меня ноги болятъ!..

— Сдѣлайте одолженіе!—разрѣшилъ ему приставъ.

Савелій Власьевъ поспѣшилъ пододвинуть поручику стулъ, на который тотъ и опустился.

— Я раненый... и ниоткуда никакого вспомоществованія не имѣю...—бормоталъ, пожимая плечами, поручикъ.

— Но подтверждаете ли вы, что знали отца господина Тулузова?—повторилъ ему приставъ.

— Утверждаю!—воскликнулъ громко, какъ бы воспрянувъ на мгновеніе, поручикъ.

— Тогда подпишитесь вотъ къ этой бумагѣ!—сказалъ ему ласковымъ голосомъ приставъ.

Поручикъ всталъ на ноги и долго-долго смотрѣлъ на бумагу, но врядъ ли что-нибудь прочелъ въ ней, и затѣмъ кривымъ почеркомъ подмахнулъ: такой-то.

— Могу я теперь уйти?—спросилъ онъ.

— Можете,—разрѣшилъ ему частный.

Поручикъ пошелъ шатающейся походкой, бормоча:

— За неволю пьешь, когда никакого нѣтъ состоянія, а я раненый, служить не могу...

Тулузовъ за приведеніе такого пьянаго свидѣтеля бросилъ сердитый взглядъ на Савелія Власьева и обратился потомъ къ частному приставу, показывая глазами на ушедшаго поручика:

— А вѣдь часто бывалъ въ домѣ моего покойнаго отца... Я его очень хорошо помню: былъ весьма приличный молодой человѣкъ.

— Что дѣлать? Жизнь! — отвѣчалъ на это философскимъ тономъ частный и сталъ спрашивать старичка-чиновника: — Знали вы родителя господина Тулузова?

— Зналъ!—отвѣчалъ плаксивымъ тономъ старичокъ.

— А самого господина Тулузова, который сидитъ вотъ здѣсь, вы видали въ домѣ его отца?

— Видалъ, батюшка!.. Вотъ ужъ я одной ногой въ могилѣ стою, а не лгу, видалъ!

Тулузовъ при этомъ поспѣшно сказалъ приставу.

— Это показаніе вы запишите въ подлинныхъ выраженіяхъ господина Пупкина!

— Безъ сомнѣнія! — подхватилъ тотъ и, повернувшись затѣмъ къ старичку-чиновнику, проговорилъ:—Подпишитесь!

Старичокъ не сталъ даже и читать отобраннаго отъ него показанія, но зато очень четкимъ старческимъ почеркомъ начерталъ: «Провинціальный секретарь и кавалеръ Антонъ Пупкинъ».

Чиновникъ, опытный въ дачѣ свидѣтельскихъ показаній, сдѣлалъ, какъ и слѣдовало ожидать, болѣе точное и подробное показаніе, чѣмъ его предшественники. Онъ утвердительно говорилъ, что очень хорошо зналъ самого господина Тулузова и его родителей, бывая въ томъ городѣ, гдѣ они проживали, и что потомъ встрѣчался съ господиномъ Тулузовымъ неоднократно въ Москвѣ, какъ съ своимъ старымъ и добрымъ знакомымъ. Желтоватое лицо Савелія Власьева при этомъ блистало удовольствіемъ. Чело Тулузова также сдѣлалось менѣе пасмурно. И когда, послѣ такого допроса, всѣ призванныя къ дѣлу лица, со включеніемъ Савелія, ушли изъ камеры, то приставъ и Тулузовъ смотрѣли другъ на друга какъ бы съ нѣкоторою нѣжностью.

— А вотъ вамъ и еще пакетикъ! — проговорилъ Василій Иванычъ, подавая частному довольно туго наполненный пакетъ.

— Это очень пріятно! — отвѣтилъ тотъ, наощупь узнавъ, сколько таилось въ пакетѣ.

Совершивъ это, Тулузовъ спросилъ уже снова съ насупленнымъ нѣсколько лицомъ:

— А управа благочинія этими показаніями удовлетворится?

— Полагаю, что не придерется!—отвѣчалъ съ не совсѣмъ полною увѣренностью частный приставъ: — но для большей безопасности похлопочите лучше и тамъ!

— У самого предсѣдателя?—сказалъ Тулузовъ.

— Нѣтъ-съ! Тотъ, знаете, человѣкъ военный, мало въ дѣла входитъ... Надобно задобрить совѣтника, въ отдѣленіе котораго поступятъ ваши бумаги.

— А тотъ какого сорта человѣкъ?—спросилъ Тулузовъ.

— Тотъ родомъ французишка какой-то... Сначала былъ учителемъ, а теперь вотъ на эту должность пробрался... Больше всего покушать любитъ на чужой счетъ!.. Вы позовите его въ Московскій и угостите обѣдцемъ, онъ навѣкъ вашимъ другомъ станетъ и хоть каждый день будетъ ходить къ вамъ обѣдать.

— О, чортъ бы его драль!.. Но все-таки благодарю васъ за совѣтъ, — произнесъ Тулузовъ и при этомъ пожалъ руку частному приставу.

Въ описываемое мною время Московскій трактиръ послѣ трехъ часовъ пополудни рѣшительно представлялъ какъ бы продолженіе засѣданій ближайшихъ присутственныхъ мѣстъ. За отдѣльными столиками обыкновенно сидѣли, кушали и пили разныя, до шестого класса включительно, служебныя лица вмѣстѣ съ своими просителями, кои угощали ихъ обильно и радушно. Однажды за таковымъ столикомъ Тулузовъ чество-

валъ нужнаго ему члена управы. Членъ этотъ дѣйствительно былъ родомъ французикъ, значительно пожилой, но при этомъ вертлявый, въ завитомъ парикѣ, слегка набѣленный, подрумяненный, съ большимъ ртомъ, съ визгливымъ голосомъ и съ какой-то несносной для всѣхъ энергіей, по милости которой, а также и манерами своими, онъ весьма напоминалъ скорпіона, потому что, когда къ кому пристанетъ, такъ тотъ отъ него не скоро отцѣпится. Тулузовъ прежде всего старался его накормить всевозможными яствами и накатить виномъ. На все это членъ управы шелъ довольно податливо. Къ концу обѣда Василій Иванычъ нашелъ возможнымъ приступить къ необходимому для него объясненію.

— У васъ скоро будетъ въ разсмотрѣніи мое дѣло,—сказалъ онъ.

— Знаю-съ,—взвизгнулъ членъ управы.

— И какъ же вы на него взглянете? — спросилъ, напротивъ, почти октавой Тулузовъ.

— Этого я не знаю-съ, ибо самаго дѣла не помню!

— Дѣло, въ сущности, пустячное!.. Я, по моимъ отношеніямъ къ генералъ-губернатору, могъ бы совершенно затушить его...

Тутъ ужъ членъ управы обидѣлся.

— Нѣтъ-съ, у насъ генералъ-губернаторъ не такой, чтобы тушить дѣла... Вы сильно ошибаетесь!—завизжалъ онъ.

— Да я и самъ не хочу тушить, а желаю, напротивъ, чтобы оно всплыло совершенно,—возразилъ Тулузовъ.

— И всплыветъ-съ, не безпокойтесь! Кромѣ того-съ, въ общественныхъ мѣстахъ не должно говорить о дѣлахъ, а вотъ лучше, — визжалъ членъ, проворно хватая со стоявшей на столѣ вазы фрукты и конфеты и разсовывая ихъ по своимъ карманамъ: — лучше теперь прокатимся и заѣдемъ къ одной моей знакомой дамѣ на Срѣтенкѣ и у ней переговоримъ обо всемъ.

— Съ великимъ удовольствіемъ! — отозвался на первыхъ порахъ въ самомъ дѣлѣ съ удовольствіемъ Тулузовъ, и затѣмъ оба они, взявъ лихача-извозчика, полетѣли на Срѣтенку.

Тулузовъ потомъ возвратился домой въ два часа ночи и замѣтно былъ въ сильно гнѣвномъ состояніи. Онъ тотчасъ же велѣлъ позвать къ себѣ Савелія Власьева. Тотъ оказался дома и явился къ барину.

— Сколько тебѣ стоили эти дурацкіе свидѣтели?—спросилъ Тулузовъ.

— У меня счетъ написанъ-съ!—отвѣчалъ Савелій Власьевъ и подалъ довольно длинное исчисленіе, просмотрѣвъ которое, Тулузовъ еще болѣе нахмурился.

— Порядочно израсходовалъ!—произнесъ онъ.

— Меньше никто не бралъ-съ! — отвѣчалъ твердымъ голосомъ Савелій Власьевъ.

— Но всего важнѣе то, что они всѣ болтали какой-то вздоръ, вовсе не то, что̀ я тебѣ говорилъ.

— Развѣ можно было вдолбить этимъ дуракамъ?

— Да тебѣ бы слѣдовало пріискать мнѣ не глупыхъ, а умныхъ. Теперь, пожалуй, затормозятъ въ управѣ. Я сегодня цѣлый день провелъ съ однимъ тамошнимъ гусемъ. Это такая каналья, какихъ міръ еще не производилъ.

— Что̀ жъ онъ, очень много заломилъ?

— И много и нахально! — продолжалъ Тулузовъ. — Мало, что самъ сорвалъ, да еще привезъ меня къ какимъ-то дѣвицамъ; началъ танцовать съ ними; меня тоже, скотина, заставлялъ это дѣлать, требуя, чтобы я угощалъ ихъ и деньгами награждалъ...

— Ужасно нынче эти чиновники безобразничаютъ, — замѣтилъ Савелій Власьевъ.

— Но я это имъ все припомню, только бы кончилось мое дѣло!.. Я разскажу объ нихъ все генералъ-губернатору... Онъ мнѣ повѣритъ.

— Еще бы вамъ-то не повѣрить? Слава Богу, благодѣтель всей Москвы!—подхватилъ Савелій.

— А не знаешь ли ты, барыня дома?

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Гдѣ жъ она?

— Кучеръ говорилъ, что ему приказано карету заложить въ театръ-съ!

— Какой теперь театръ?.. Въ два часа ночи...

Савелій Власьевъ молчалъ. Василій Иванычъ тоже нѣкоторое время какъ бы нѣчто соображалъ и затѣмъ продолжалъ:

— Ты хоть и плохо, но все-таки исполнилъ мое порученіе; можешь взять изъ откупной выручки тысячу рублей себѣ въ награду. Вмѣстѣ съ тѣмъ я даю тебѣ другое, столь же важное для меня порученіе. Разспроси ты кучера Екатерины Петровны, куда именно и въ какія мѣста онъ ѣздитъ по ночамъ съ нею?

— Слушаю-съ!—произнесъ на это Савелій Власьевъ.

— Но скажетъ ли онъ тебѣ правду? Екатерина Петровна сама его выбрала себѣ противъ воли моей. Въ дружбѣ, вѣроятно, съ нимъ состоитъ и замасливаетъ его.

— Не думаю-съ!—возразилъ Савелій Власьевъ:—онъ тоже очень жалуется на нихъ, изнобила она его по экому морозу совсѣмъ. Тоже вотъ, какъ онъ говорилъ, и прочіе-то кучера,

что стоять у театра, Боже ты мой, какъ бранятъ господъ!.. Хорошо еще, у котораго лошади смирныя, такъ слѣзть можно и погрѣться у этихъ тамошнихъ костровъ, но у Катерины Петровны пара вѣдь не такая: строже, пожалуй, всякой купеческой.

— Ну, ты ему скажи, что пусть пока терпитъ все, и дай ему отъ меня десять рублей... Вели только, чтобы онъ тебѣ всякій разъ говорилъ, куда онъ возитъ госпожу свою.

— Ахъ, батюшка Василій Иванычъ! — воскликнулъ Савелій съ какимъ-то грустнымъ умиленіемъ: — мы бы рады всей душой нашей служить вамъ, но намъ опасно тоже... Вдругъ теперь Катерина Петровна, разгнѣвавшись, потребуетъ, чтобы вы насъ сослали на поселеніе, какъ вотъ тогда хотѣла она сослать меня съ женой... А за что?.. Втѣпоры я ни въ чемъ не былъ виноватъ...

— Ты глупъ послѣ этого, если не понимаешь разницы! Тогда Екатерина Петровна дѣйствовала изъ ревности, а теперь развѣ она узнаетъ о томъ, что вы мнѣ говорите?.. Теперь какая къ кому ревность?

— Да все словно бы, когда бы мы были вольные, поспокойнѣе бы было. Я вотъ такъ теперь передъ вами, какъ передъ Богомъ, говорю: не жалуйте мнѣ вашихъ двухъ тысячъ награды, а сдѣлайте меня съ отцомъ моимъ вольными хлѣбопашцами!

— Теперь я этого еще не могу сдѣлать, но со временемъ, и даже скоро, я это устрою, а теперь я тебя еще хочу немного на уздечкѣ подержать. Понялъ меня?

— Понялъ-съ! — отвѣтилъ Савелій Власьевъ, потупляя глаза.

VIII.

Наступилъ и май, но Марѳины не уѣзжали въ деревню. Сусанна Николаевна никакъ не хотѣла до рѣшенія участи Лябьева оставить сестру, продолжавшую жить у нихъ въ домѣ и обыкновенно цѣлые дни проводившую въ тюрьмѣ у мужа. Углаковъ попрежнему бывалъ у Марѳиныхъ каждодневно и всякій разъ намѣревался заговорить съ Сусанной Николаевной порѣшительнѣе, но у него ни разу еще не хватило на то духу: очень ужъ она держала себя съ нимъ осторожно, такъ что ему ни на минуту не приходилось остаться съ ней вдвоемъ, хотя частыя посѣщенія m-r Пьера вовсе, повидимому, не были непріятны Сусаннѣ Николаевнѣ. Егоръ же Егорычъ, съ своей стороны, искренно привязался къ мо-

лодому шалуну, который, впрочемъ, надобно сказать правду, послѣднее время сдѣлался гораздо степеннѣе, и главнымъ образомъ онъ поражалъ Егора Егорыча своей необыкновенной даровитостью: онъ прекрасно пѣлъ, очень мило рисовалъ карикатуры, мастерски читалъ, особенно комическія вещи. Того, что причиною частыхъ посѣщеній Углакова была Сусанна Николаевна, Егоръ Егорычъ нисколько не подозрѣвалъ, какъ не подозрѣвалъ онъ нѣкогда и Ченцова въ любви къ Людмилѣ Николаевнѣ. Въ началѣ іюня Егоръ Егорычъ былъ обрадованъ пріѣздомъ въ Москву Мартына Степаныча Пилецкаго, которому послѣ двухгодичныхъ хлопотъ разрѣшили наконецъ пріѣхать изъ Петербурга въ Москву къ обожаемой имъ, но—увы!—почти умирающей Екатеринѣ Филипповнѣ. Мартынъ Степанычъ извѣстилъ Егора Егорыча о своемъ пріѣздѣ письмомъ, въ которомъ, тысячекратно извиняясь, что не является лично, ибо не можетъ оставить больную ни на минуту, умолялъ посѣтить его. Егоръ Егорычъ, безъ сомнѣнія, немедля поѣхалъ. Екатерина Филипповна жила въ довольно глухой мѣстности, въ собственномъ наслѣдственномъ домѣ, который, впрочемъ, она, по переѣздѣ въ Москву, сломала, къ великому удовольствію своихъ сосѣдей, считавшихъ прежде всего ее самоё немножко за колдунью, а потомъ утверждавшихъ, что въ домѣ ея издавна обитала нечистая сила, такъ какъ въ немъ нерѣдко по вечерамъ слышали возню и даже иногда видали какъ бы огонь. Вмѣсто этого, дѣйствительно угрюмаго зданія Екатерина Филипповна на своемъ дворѣ, занимавшемъ по крайней мѣрѣ десятины три пространства и усаженномъ красивыми, вѣтвистыми березками, выстроила нѣсколько маленькихъ деревянныхъ флигельковъ, соединявшихся между собой дорожками, усыпанными пескомъ. Все это придавало двору весьма оживленный видъ и дѣлало его какъ бы похожимъ на скитъ раскольничій, тѣмъ болѣе, что во всѣхъ этихъ флигелькахъ проживали какія-то все старушки, называвшія себя богадѣленками Екатерины Филипповны. Сверхъ того, весь дворъ обнесенъ былъ высокимъ заборомъ съ единственными, всегда затворенными воротами, у калитки которыхъ стоялъ привратникъ. Когда Егоръ Егорычъ подъѣхалъ къ дому Екатерины Филипповны, то, по просьбѣ этого привратника, долженъ былъ оставить экипажъ на улицѣ и пройти по двору пѣшкомъ. Екатерина Филипповна жила тоже въ одномъ изъ флигельковъ, въ которомъ встрѣтилъ Егора Егорыча почти на порогѣ Мартынъ Степанычъ. Въ первую минуту свиданія оба друга какъ бы не находились, о чемъ имъ заговорить, и только у обоихъ навернулись слезы на глазахъ. Мартынъ Степанычъ началъ потомъ первый:

— Надѣюсь, что почтенная Сусанна Николаевна здорова?

— Да. здорова, — отвѣчалъ отрывисто Егоръ Егорычъ: — но,—присовокупилъ онъ, протянувъ нѣсколько:—у насъ тутъ въ семьѣ опять натворилось.

Что̀ именно натворилось, Егоръ Егорычъ не дообъяснилъ.

— Слышалъ это я,—сказалъ Мартынъ Степанычъ, проведя пальцемъ у себя за ухомъ, которое, кажется, еще больше оттопырилось: — но слышалъ также и то, что это было дѣломъ несчастнаго случая...

— Несчастнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безнравственнаго случая, который оправдывать нельзя!—возразилъ мрачно Егоръ Егорычъ.

— Полагаю, что до извѣстной степени можно оправдать...— произнесъ, опять проведя у себя за ухомъ, Мартынъ Степанычъ: — господинъ Лябьевъ сдѣлалъ это изъ свойственнаго всѣмъ благороднымъ людямъ point d'honneur.

Егоръ Егорычъ при этомъ почти вышелъ изъ себя.

— Какой у завзятыхъ игроковъ можетъ быть point d'honneur?!. Вспомните, что̀ сказано о нихъ: «Не вѣрю чести игрока!» Меня тутъ безпокоитъ не Лябьевъ... Я его жалѣю и уважаю за музыкальный талантъ, но, какъ человѣкъ, онъ для меня подъ сомнѣніемъ, и я склоняюсь болѣе къ тому, что онъ дурной человѣкъ... Такъ его понялъ съ перваго свиданія нашъ общій съ вами пріятель Сверстовъ.

— По какому же поводу? — сказалъ Мартынъ Степанычъ.

— Ни по какому! Въ силу только своего предчувствія, pressentiment.

— Pressentiment?.. — повторилъ Мартынъ Степанычъ, начавъ уже водить не отставая у себя за ухомъ.—Pressentiment, видно, многое вѣдаетъ, чего не вѣдаетъ умъ.

— Да, — подтвердилъ Егоръ Егорычъ: — и разскажу вамъ тутъ про себя: когда я получилъ это страшное извѣстіе, то въ тотъ же день, черезъ нѣсколько минутъ, имѣлъ видѣніе.

— Видѣніе? — спросилъ съ одушевленіемъ Мартынъ Степанычъ.

— Видѣніе, ибо оно представилось мнѣ въявь, а не во снѣ!.. Я, погруженный въ молитву, прямо передъ глазами своими видѣлъ тихую, свѣтлую долину и въ ней съ умиленными лицами Лябьева, Музу и покойнаго Валерьяна...

— Видѣніе, значитъ, было въ смыслѣ благопріятномъ! — произнесъ, склоняя голову, Мартынъ Степанычъ.

— Благопріятномъ!—повторилъ Егоръ Егорычъ.

Мартынъ Степанычъ впалъ на нѣкоторое время въ раздумье и потупился.

— Можетъ-быть, — заговорилъ онъ, не поднимая своего взора: — вы желали бы имѣть нѣкоторое подтвержденіе или отрицаніе вашего видѣнія?

— Желалъ бы! — отвѣчалъ быстро Егоръ Егорычъ, понявшій, куда тянетъ Мартынъ Степанычъ.

— Въ такомъ случаѣ вамъ можетъ пособить Екатерина Филипповна: она особенно послѣднее время, болѣе чѣмъ когда-либо, проникнута даромъ пророчества.

— Но развѣ она въ состояніи меня принять? — спросилъ Егоръ Егорычъ.

— Даже очень рада будетъ васъ видѣть! — подхватилъ Мартынъ Степанычъ и ввелъ Егора Егорыча въ слѣдующую комнату, въ которой Екатерина Филипповна, худая какъ скелетъ, но съ горящими глазами, въ чопорномъ съ накрахмаленными фальборами чепцѣ и чистѣйшемъ батистовомъ капотѣ, полулежала въ покойныхъ креслахъ, обложенная сзади и по бокамъ подушками. Стѣны ея весьма оригинальнаго помѣщенія были не оштукатурены и не оклеены ничѣмъ, а оставались просто деревянными, только гладко выстроганными, и по новизнѣ своей издавали изъ себя пріятный смолистый запахъ. Въ переднемъ углу было устроено небольшое тябло, на которомъ стоялъ тоже небольшой образъ Иверской Божіей Матери, съ теплившейся передъ нимъ лампадкой. Всей этой простотой Екатерина Филипповна врядъ ли не хотѣла подражать крестьянскимъ избамъ, каковое намѣреніе ея однако сразу же уничтожалось висѣвшей на стѣнѣ прекрасной картиной Боровиковскаго. изображавшей Бога-Отца, который взираетъ съ высоты небесъ на почившаго Сына Своего: лучезарный свѣтъ и парящіе въ немъ ангелы наполняли весь фонъ картины; а также мало говорила о простотѣ и стоявшая въ углу арфа, показавшаяся Егору Егорычу по отломленной головѣ одного изъ позолоченныхъ драконовъ, украшавшихъ рамку, нѣсколько знакомой.

— А вы еще и поигрываете?—сказалъ онъ, цѣлуя протянутую руку больной и указывая глазами на арфу.

— Ахъ, нѣтъ, я никогда на арфѣ не играла, — отвѣчала Екатерина Филипповна: — это арфа добрѣйшей Маріи Ѳедоровны... Она привезла ее ко мнѣ и пріѣзжаетъ иногда развеселять меня своей игрой.

Егоръ Егорычъ нахмурился: онъ игры на арфѣ Маріи Ѳедоровны, равно какъ и подвитыхъ сѣдыхъ кудрей ея, всегда терпѣть не могъ.

— Егоръ Егорычъ пораженъ горемъ! — отнесся къ Екатеринѣ Филипповнѣ Мартынъ Степанычъ.

— Это вы мнѣ говорили!—сказала та.

— Но Егора Егорыча очень безпокоитъ участь его несчастныхъ родныхъ, — продолжалъ Мартынъ Степанычъ: — и онъ уже имѣлъ видѣніе...

— Какое?—спросила Екатерина Филипповна.

— Ободряющее и подающее надежду!—объяснилъ Мартынъ Степанычъ.—Не будете ли и вы объ этомъ имѣть сна какого-нибудь?.. Вы въ такомъ теперь близкомъ общеніи съ будущимъ людей...

— Да, въ близкомъ,—подтвердила Екатерина Филипповна.— Напишите мнѣ, что бы вы желали знать... только своей рукой!—проговорила она Егору Егорычу.

— Потрудитесь написать! — сказалъ ему тоже и Мартынъ Степанычъ, подавая со стола карандашъ и бумагу.

Егоръ Егорычъ написалъ своимъ крупнымъ почеркомъ то, что онъ желалъ бы знать о судьбѣ Лябьевыхъ, съ присовокупленіемъ вопроса о томъ, какъ это подѣйствуетъ на Сусанну Николаевну.

— Положите къ образу вашу записку,—сказала ему Екатерина Филипповна: — завтра Пилецкій напишетъ вамъ мой отвѣтъ, а теперь до свиданья!

Егоръ Егорычъ поспѣшилъ раскланяться съ Екатериной Филипповной и Мартыномъ Степанычемъ. По выходѣ изъ флигеля онъ вздумалъ пройтись немного по двору между пахучими березами, при чемъ ему стали встрѣчаться разныя старушки въ бѣлыхъ и, по покрою, какъ бы монашескихъ одѣяніяхъ, которыя, истово и молча поклонившись ему, шли всѣ по направленію къ флигелю Екатерины Филипповны. Не обративъ на это особеннаго вниманія, Егоръ Егорычъ продолжалъ свою прогулку и въ концѣ двора вдругъ увидалъ, что въ калитку воротъ вошла Марія Ѳедоровна, которая, спѣша и потрясая своими сѣдыми кудрями, тоже направлялась къ домику Екатерины Филипповны. Егоръ Егорычъ, занятый своими собственными мыслями и тому не придавъ никакого значенія, направился со двора въ садъ, густо заросшій разными деревьями, съ клумбами цвѣтовъ и съ немного сыроватымъ, но душистымъ воздухомъ, каковой онъ и сталъ жадно вдыхать въ себя, почти не чувствуя, что ему приходится все ниже и ниже спускаться; наконецъ садъ прекратился, и передъ глазами Егора Егорыча открылась идущая изгибомъ Москва-рѣка съ виднѣющимся въ полумракѣ наступившихъ сумерекъ Дѣвичьимъ монастыремъ, а съ другой стороны—съ чернѣющими Воробьевыми горами. Садъ отдѣлялся невысокой деревянной рѣшеткой, и невдалекѣ была небольшая скамейка,

на которой Егоръ Егорычъ усѣлся и еще болѣе погрузился въ свои невеселыя мысли. Ему было досадно, что онъ не задалъ Екатеринѣ Филипповнѣ вопроса о самомъ себѣ, такъ какъ чувствовалъ, что хирѣетъ и старѣетъ съ каждымъ днемъ, и въ этомъ случаѣ онъ боялся не смерти, нѣтъ! Какъ искренній масонъ, онъ привыкъ размышлять о смерти безъ трепета, но его заботила опять-таки Сусанна Николаевна въ томъ отношеніи, что какъ она останется одна на свѣтѣ, безъ него? За ея мораль и нравственную чистоту Егоръ Егорычъ нисколько не опасался, но все-таки Сусанна Николаевна была еще молода, совершенно неопытна въ жизни и, главное, какъ всѣ Рыжовы, очень довѣрчива; между тѣмъ Егоръ Егорычъ, при всемъ своемъ оптимизмѣ, совершенно убѣдился, что коварство, лживость, безчестность и развращенность понятій растутъ въ обществѣ. Подъ вліяніемъ такихъ мыслей, онъ поднялся со скамейки и пошелъ въ обратный путь къ своему экипажу, но когда опять очутился на дворѣ, то его поразили: во-первыхъ, яркій свѣтъ въ окнахъ комнаты, занимаемой Екатериной Филипповной, а потомъ раздававшаяся оттуда черезъ отворенную форточку игра на арфѣ, сопровождаемая пѣніемъ нѣсколькихъ дребезжащихъ старческихъ голосовъ. Нисколько не желая соглядатайствовать, Егоръ Егорычъ тѣмъ не менѣе, взглянувъ въ окна комнаты, замѣтилъ, что сама Екатерина Филипповна попрежнему сидѣла въ своемъ креслѣ, а невдалекѣ отъ нея помѣщалась сѣдовласая Марія Ѳедоровна въ бѣлой одеждѣ и играла на арфѣ. Около стѣнъ же комнаты сидѣли старушки и даже два-три старичка, тоже въ бѣлыхъ какъ бы рубахахъ. Между послѣдними Егоръ Егорычъ увидалъ Мартына Степаныча, также въ бѣломъ халатѣ. Картина Боровиковскаго видна была до мельчайшихъ подробностей и блестѣла своей дорогой золотой рамой. Догадавшись, что это было радѣніе, Егоръ Егорычъ поспѣшилъ уйти со двора Екатерины Филипповны и поѣхалъ домой.

Здѣсь я долженъ замѣтить, что безсознательное безпокойство Егора Егорыча о грядущей судьбѣ Сусанны Николаевны оказалось въ настоящія минуты почти справедливымъ. Дѣло въ томъ, что, когда Егоръ Егорычъ уѣхалъ къ Пилецкому, Сусанна Николаевна, оставшись одна дома, была совершенно покойна, потому что Углаковъ былъ у нихъ поутру, и она очень хорошо знала, что по два раза онъ не ѣздитъ къ нимъ; но тотъ вдругъ какъ бы изъ-подъ земли выросъ передъ ней. Сусанна Николаевна удивилась, смутилась и явно выразила въ лицѣ своемъ неудовольствіе.

— Я сейчасъ встрѣтилъ Егора Егорыча и видѣлъ, что онъ

ѣдетъ куда-то далеко, а потому и пріѣхалъ къ вамъ, — объявилъ ей Углаковъ наивно.

— Вы ошибаетесь; мужъ сейчасъ вернется, и вашъ визитъ покажется ему страннымъ... Вы меня компрометируете, Углаковъ!—возразила ему Сусанна Николаевна.

— Нѣтъ, ничего,—произнесъ тотъ умоляющимъ голосомъ:— вы не сердитесь только и выслушайте меня... Я не воленъ болѣе въ себѣ и заклинаю васъ сказать мнѣ, любите ли вы меня хоть на каплю?..

Сусанна Николаевна сидѣла, отвернувшись, и какъ бы не слушала его.

— Сусанна Николаевна,—продолжалъ Углаковъ:—ваше молчаніе, ваша осторожность до такой степени мучатъ меня, что я или убью себя, или съ ума сойду.

Сусанна Николаевна и на это молчала.

— Но если ужъ въ васъ нисколько нѣтъ любви ко мнѣ,— продолжалъ Углаковъ трепетнымъ голосомъ:—то дайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, вашу дружбу, какой наградила меня Муза Николаевна...

— Дружбу? Извольте!—почти съ радостью воскликнула Сусанна Николаевна. — Я готова къ вамъ питать ее и буду вамъ искренній и полезный другъ... Вотъ вамъ въ томъ рука моя!..—заключила она и, нимало не остерегаясь, сама протянула ему руку, которую Углаковъ схватилъ и началъ цѣловать десять, двадцать, пятьдесятъ разъ.

— Будетъ же, будетъ!—говорила ему Сусанна Николаевна, тщетно стараясь оторвать свою руку отъ его губъ. — Идите же наконецъ вонъ, Углаковъ!.. Вы, я вижу, не стоите дружбы!— почти крикнула она на него.

Углаковъ оставилъ ея руку и въ явномъ отчаяніи опустился на одно изъ креселъ.

— Вы правы, я не могу оставаться вашимъ другомъ!—произнесъ онъ.

— Ну, такъ вотъ видите что,—заговорила Сусанна Николаевна со свойственною ей въ рѣшительныхъ случаяхъ энергіей: — я давно это знаю и вижу, что вы не другъ мнѣ, потому что не счастья мнѣ хотите, а желаете, напротивъ, погубить меня!..

Углаковъ отрицательно затрясъ головой и откинулся на спинку кресла.

— Да, погубить, — повторила Сусанна Николаевна: — потому что, если бы я позволила себѣ кѣмъ-нибудь увлечься и принадлежать тому человѣку, то это все равно, что онъ убилъ бы меня!.. Я, навѣрное, на другой же день лежала бы въ

гробу... Хотите вы этого достигнуть?.. Таиться теперь больше нечего: я признаюсь вамъ, что люблю васъ, но въ то же время думаю и увѣрена, что вы не будете столь жестоки ко мнѣ, чтобы воспользоваться моимъ отчаяніемъ!

Сколь ни восхитило Углакова такое признаніе Сусанны Николаевны, послѣднія слова ея однако сильно ограничили его восторгъ.

— Значитъ, — проговорилъ онъ: — мнѣ остается выбирать одно изъ двухъ: или вашу смерть, или мою собственную, и я, конечно, предпочту послѣднее.

— Нѣтъ, нѣтъ, и того не дѣлайте! — воскликнула Сусанна Николаевна:—это тоже сведетъ меня въ могилу и вмѣстѣ съ тѣмъ уморитъ и мужа... Но вы вотъ что... если ужъ вы такой милый и добрый, вы покиньте меня, уѣзжайте въ Петербургъ, развлекитесь тамъ!.. Полюбите другую женщину, а такихъ найдется много, потому что вы достойны быть любимымъ!

— Вы остаться даже мнѣ около васъ не позволяете?—сказалъ, склонивъ печально свою голову, Углаковъ.

— Не позволяю оттого, что я... вы видите, я сама не знаю, что такое я!..—отвѣтила ему, горько усмѣхнувшись, Сусанна Николаевна.—Но я молю васъ пощадить и пощадить меня!.. Повѣрьте, я не меньше васъ страдаю!..

— Извольте, уѣду!—произнесъ Углаковъ и, вставъ, почтительно поклонился Сусаннѣ Николаевнѣ, чтобы уйти, но она торопливо и задыхающимся голосомъ вскрикнула ему:

— Еще просьба!.. Прощаться не пріѣзжайте къ намъ, а то я, боюсь, не выдержу себя, и это будетъ ужасно для Егора Егорыча.

— Не пріѣду, если вы не хотите того,—сказалъ Углаковъ и окончательно ушелъ.

По уходѣ его Сусанна Николаевна принялась плакать: видимо, что ею овладѣла невыносимая печаль.

Но что же это такое?—возможенъ здѣсь вопросъ:—Сусанна Николаевна поэтому совершенно разлюбила мужа? Отвѣтъ на это болѣе ясный читатель найдетъ впослѣдствіи, а теперь достаточно сказать, что Сусанна Николаевна продолжала любить мужа, но то была любовь пассивная, основанная на уваженіи къ уму и благородству Егора Егорыча, любовь, поддерживаемая доселѣ полнымъ согласіемъ во всевозможныхъ взглядахъ; чувство же къ Углакову выражало порывъ молодого сердца, стремленіе къ жизненной поэзіи, исканіе таинственнаго счастья, словомъ, чувство чисто активное и болѣе реальное. Когда Сусанна Николаевна увидала, что Егоръ Егорычъ подъѣхалъ къ крыльцу, она, чтобы скрыть отъ него свои слезы,

бросилась опрометью къ себѣ наверхъ и не сходила оттуда весь остальной вечеръ. Что̀ касается Углакова, то онъ прямо отъ Марѳиныхъ поскакалъ къ другу своему, Аграфенѣ Васильевнѣ, которую, къ великому утѣшенію своему, засталъ дома тоже одну; старичище ея, какъ водится, уѣхалъ въ Англійскій клубъ сидѣть въ своемъ шкапу и играть въ коммерческую игру. Аграфена Васильевна, по искаженному выраженію лица милаго ея чертенка, догадалась, что съ нимъ что-то неладное происходитъ, и первое ей пришло въ голову, что ужъ не засужденъ ли Лябьевъ.

— Ну, садись и разсказывай, что̀ Лябьевы, все ли у нихъ благополучно? — спросила она торопливо.

— Лябьевы... ничего, пока здоровы! — отвѣчалъ Углаковъ отрывисто.

— Отчего же ты такой, словно съ цѣпи сорвался?

— Я съ чего такой?—повторилъ Углаковъ.—Но вы прежде, тетенька, велите мнѣ дать вина какого-нибудь, покрѣпче!

— Ну, это, дяденька, ты врешь!.. Крѣпкаго вина я тебѣ не дамъ, а шампанскимъ, коли хочешь, накачу.

И Аграфена Васильевна велѣла подать шампанскаго, бывшаго у нея всегда въ запасѣ для добрыхъ пріятелей, которые, надобно сказать правду, всѣ любили выпить.

Углаковъ, подкрѣпившись виномъ, передалъ Аграфенѣ Васильевнѣ буквально всю предыдущую сцену съ Сусанной Николаевной.

— Поди ты, какая ломака барыня-то!.. По пословицѣ: хочется и колется... И что̀ жъ, ты уѣдешь?

— Уѣду, тетенька, потому что все равно. Если я не уѣду, она въ деревню уѣдетъ, какъ ужъ сказала она мнѣ разъ.

— Это такъ, да!—согласилась Аграфена Васильевна.—Да и поберечь ее тебѣ самотко надобно; не легко тоже, видно, ей приходится.

— Поберегу!.. Что̀ бы со мной ни было, а ее я поберегу!

— Самъ-то тоже не благуй очень!.. И что̀ вы тутъ оба намололи, удивительное дѣло! Ты убьешь себя, она умретъ... Какъ есть вы нѣженки!

— Не нѣженки, а что, точно, очень непереносно... А что пить я стану, это будетъ!.. Ты такъ, тетенька, и знай!

— Попить, ничего, попей!.. Вино куражитъ человѣка!.. Помни одно, что вы съ Сусанной Николаевной не перестарки какіе, почесть еще сосунцы, а старичокъ ея не вѣкъ же станетъ жить, можетъ, скоро уберется, и женишься ты тогда на своей милой Сусаннушкѣ, и пойдетъ промежъ васъ дѣло настоящее.

— Ахъ, тетенька, если бы это когда-нибудь случилось!.. И вдругъ мнѣ Сусанна Николаевна пропоетъ пѣсенку Беранже: «Verse encore; mais pourquoi ces atours entre les baisers et mes charmes? Romps ces noeuds, oui, romps les pour toujours, ma pudeur ne connait plus d'alarmes!» — продекламировалъ Углаковъ.

Аграфена Васильевна слушала его, улыбаясь, будучи очень довольна, что чертенокъ поразвеселился.

— Что жъ это значитъ? — спросила она.

— Значитъ это, тетенька: «Наливай мнѣ вина! Но зачѣмъ же эта рубашка мѣшаетъ тебѣ цѣловать мои красоты? Прочь ее, и прочь навсегда! У меня ужъ нѣтъ болѣе стыдливости къ тебѣ!»

— Пѣсня складная и ладная! — опредѣлила Аграфена Васильевна.

— Ладная!—воскликнулъ Углаковъ.—Самое хорошее тутъ слово — pudeur, стыдливость... Къ чорту ее, чтобы пропала она у Сусанны Николаевны!..

— Ишь ты, что ему надобно..., чтобы и не стыдились его!— произнесла Аграфена Васильевна, и, при разставаньи съ чертенкомъ, глаза ея наполнились слезами.

На другой день часовъ еще въ девять утра къ Марѳину пріѣхалъ старикъ Углаковъ, встревоженный, взволнованный, и, объявивъ съ великимъ горемъ, что вчера въ ночь Пьеръ его вдругъ, ни съ того ни съ сего, ускакалъ въ Петербургъ опять на службу, спросилъ, не можетъ ли Егоръ Егорычъ что-нибудь объяснить ему по этому поводу. Вѣроятно, старикъ Углаковъ догадывался отчасти, что Пьеръ его влюбился въ Сусанну Николаевну. Егоръ Егорычъ ничего, конечно, не могъ объяснить ему, и, когда гость отъ него уѣхалъ, онъ, сойдясь съ Сусанной Николаевной и Музой Николаевной за чаемъ, повѣдалъ имъ о нечаянномъ отъѣздѣ молодого Углакова въ Петербургъ и объ его намѣреніи снова поступить на службу. Сусанна Николаевна при этомъ постаралась выразить въ лицѣ своемъ маленькое удивленіе, хотя сама смутилась до невозможности. Муза Николаевна прежде всего взглянула на сестру. Разговоръ, впрочемъ, на томъ только и окончился. Муза Николаевна вскорѣ же уѣхала къ мужу, а Сусанна Николаевна отправилась сначала къ обѣднѣ, возвратясь откуда, прошла къ себѣ наверхъ; Егоръ же Егорычъ все ждалъ письма отъ Пилецкаго. Такъ прошелъ весь день. Понятно, что обѣ сестры, столь привыкшія быть между собою откровенными, не могли долго скрытничать. Муза Николаевна, узнавъ отъ мужа въ тюрьмѣ всю исторію, происшедшую между влюбленными, о

чемъ Лябьеву разсказывалъ самъ Углаковъ, заѣзжавшій къ нему прощаться, немедля же по возвращеніи заговорила объ этомъ съ сестрой.

— Ты удалила отъ себя Углакова окончательно? — начала она нѣсколько укоризненнымъ тономъ.

— Удалила,—отвѣчала Сусанна Николаевна.

— И тебѣ не жаль его?

— Напротивъ, жаль и даже жаль самоё себя.

— Но зачѣмъ же ты все это дѣлаешь?

— Затѣмъ, что мнѣ еще болѣе обоихъ насъ жаль моего мужа.

— Послѣ этого, ты не знаешь твоего мужа! — воскликнула Муза Николаевна. — Я увѣрена, что если бы ты намекнула ему только на то, что̀ ты чувствуешь теперь, такъ Егоръ Егорычъ потребовалъ бы отъ тебя совершенно противнаго.

— Можетъ-быть,—не отвергнула Сусанна Николаевна:—но я тоже знаю, чего это будетъ стоить ему... Кромѣ того, мнѣ моя собственная совѣсть никогда не позволитъ до такой степени сдѣлаться порочною, какъ желаетъ того Углаковъ.

Муза Николаевна на это пожала только плечами съ удивленіемъ и сожалѣніемъ.

Пока происходила эта бесѣда, къ Егору Егорычу одна изъ богадѣленокъ Екатерины Филипповны принесла письмо отъ Пилецкаго, которое тотъ нетерпѣливо сталъ читать. Письмо Мартына Степаныча было слѣдующее:

«Я замедлилъ вамъ отвѣтомъ, ибо Екатерина Филипповна весь сегодняшній день была столь ослабшею послѣ вчерашняго, довольно многолюднаго, у насъ собранія, что вечеромъ токмо въ силахъ была продиктовать желаемые вами отвѣты. Отвѣтъ о Лябьевыхъ: благодарите за нихъ Бога; путь ихъ хоть умаленъ, но они не погибнутъ и въ концѣ жизни своей возрадуются, что великимъ несчастіемъ Господь смирилъ ихъ. Отвѣтъ о высокочтимой Сусаннѣ Николаевнѣ: блюдите о ней, мните о ней каждоминутно и раскройте къ ней всю вашу душевную нѣжность».

Прочитавъ эти довольно темныя изреченія, Егоръ Егорычъ затрепеталъ, такъ какъ изреченія совпадали съ его собственнымъ необъяснимымъ страхомъ, и забормоталъ про себя: «Что̀ же это такое, болтовня обезумѣвшей старухи или пророчество и должный ударъ въ мою совѣсть? Я знаю теперь и чувствую, сколько виноватъ, и все оттого, что возмнилъ опять о себѣ! Всѣ чувствуйте, какъ я чувствую, а не какъ они! Сколь ни велики мои грѣхи, но неужели милосердый Богъ назначитъ мнѣ еще новое, невыносимое для меня испытаніе, и умру не

я, а Сусанна!» При этой мысли Егоръ Егорычъ почти обезумѣлъ: не давая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, онъ велѣлъ Антипу Ильичу позвать Сусанну Николаевну, чтобы сколь возможно откровеннѣе переговорить съ нею. Та, въ свою очередь, услыхавъ изъ кроткихъ устъ Антипа Ильича приглашеніе, тоже затрепетала и, едва владѣя собой, сошла къ Егору Егорычу, который разсказалъ ей, какъ онъ былъ у пророчицы Екатерины Филипповны Татариновой, подруги Пилецкаго, какъ задалъ сей послѣдней вопросы о Лябьевыхъ и о ней, Сусаннѣ, а затѣмъ прочелъ самые отвѣты, изъ которыхъ послѣдній еще болѣе смутилъ Сусанну Николаевну, особенно когда Егоръ Егорычъ воскликнулъ:

— Значитъ, я загубилъ тебя?

— Когда и чѣмъ ты загубилъ меня?—воскликнула Сусанна Николаевна.

— Тѣмъ, что ты все больна,—бормоталъ все Егоръ Егорычъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣчала ему торопливо Сусанна Николаевна:—ты не думай нисколько, что я больна... Будь прежде всего покоенъ за меня; ты нуженъ еще для многихъ добрыхъ дѣлъ, кромѣ меня...

— Я нуженъ для одного только дѣла, чтобы искупить кровь Валерьяна и обличить убійцу, возвеличеннаго теперь Москвой.

— Сдѣлай это сначала, а потомъ я поговорю съ тобой о самой себѣ,—продолжала какъ бы невольно проговорившаяся Сусанна Николаевна.

— Но что жъ ты будешь говорить со мной? — снова воскликнулъ Егоръ Егорычъ съ безпокойствомъ.

— Да я теперь еще и не знаю, что такое буду тебѣ говорить!—отвѣтила Сусанна Николаевна и вдругъ, чего она никогда прежде не дѣлала, встала и ушла къ себѣ наверхъ.

Егоръ Егорычъ остался совсѣмъ огорченный и надломленный. Онъ уже понялъ, что у Сусанны Николаевны есть тайныя и большія страданія, и что онъ причиной сихъ страданій.

IX.

Марѳиныхъ вновь постигнуло хоть и ожидаемое, но все-таки горе. Юлія Матвѣевна, бывшая послѣднее время очень слаба, кончила наконецъ свою печальную жизнь, и тутъ непріятнѣе всего было, что смерть ея ускорилась по милости ея горничной, дуры Агаѳіи, которая напугала Юлію Матвѣевну. Случилось это такимъ образомъ: Сверстовъ и gnädige Frau, знавшіе, конечно, изъ писемъ Марѳиныхъ о постигшемъ Лябьева несчастьѣ, тщательно объ этомъ, по просьбѣ Сусанны Нико-

лаевны, скрывали отъ больной; но въ Кузьмищево зашла за подаяніемъ всеобщая вѣстовщица, дворянка-богомолка, успѣвшая уже сошлендать въ Москву, и первой же Агапіи возвѣстила, что зятекъ Юліи Матвѣевны, Лябьевъ, за картами убилъ генерала и сидитъ теперь за то въ тюрьмѣ. Агапія, по своей чувствительной натурѣ, разахалась, разревѣлась и, прямо бросившись къ своей госпожѣ, прокричала ей:

— Матушка-барыня, вашъ-то зятъ убилъ, слышь, человѣка!..

Старуха, не вполнѣ уже все понимавшая, тутъ однако уразумѣла, видно, и затрепетала всѣмъ тѣломъ.

— Егорычъ? — спросила она.

— Нѣтъ, матушка, другой-то, молодой... какъ его?.. я и не знаю... убилъ, матушка, генерала.

— Лябьевъ? — выговорила хоть и слабымъ голосомъ, но чисто, старуха.

— Оно-тка самый! — воскликнула Агапія.

— Сверстовъ... ну... дай! — намекала старуха.

— Да онъ уѣхалъ куда-то!—провопіяла Агапія.

Сверстовъ дѣйствительно уѣхалъ, и уѣхалъ далеко, къ Аггею Никитичу, для совѣщанія съ нимъ по дѣлу Тулузова.

— Ну, барыню его позову, все-то-тка равно! — сообразила Агапія и убѣжала къ gnädige Frau.

Gnädige Frau была ужасно этимъ поражена.

— Кто жъ сказалъ объ этомъ Юліи Матвѣевнѣ?—спросила она, проворно вставая и оставляя свою постоянную работу—вязаніе мужу шерстяныхъ носковъ, которыхъ онъ, будучи весь день на ногахъ, изнашивалъ великое множество.

— Я, матушка, имъ доложила,—объяснила наивно Агапія.

— Ахъ, ты, глупая женщина! Какъ же ты смѣла это сдѣлать, не сказавъ прежде мнѣ?—вспылила gnädige Frau и поспѣшно прошла къ Юліи Матвѣевнѣ.

— Зять... зачѣмъ... убилъ?—спросила ее та какимъ-то даже строгимъ голосомъ.

— Это все сплетни!.. Онъ не убивалъ! — стала-было утѣшать ее gnädige Frau и между тѣмъ невольно краснѣла отъ сознанія, что говорила неправду.

— Муза?.. Сусанна?..—едва выговаривала старушка.

— Муза и Сусанна Николаевна здоровы и покойны, — отвѣчала ей gnädige Frau.

— Егорычъ гдѣ?

— Въ Москвѣ, вмѣстѣ съ Сусанной Николаевной; онъ тоже покоенъ и здоровъ.

Старушка на нѣкоторое время замолчала, и у нея только мускулы въ лицѣ подергивало.

— Крестись!—почти приказала она потомъ gnädige Frau, которая поняла, что больная требуетъ отъ нея клятвеннаго подтвержденія того, что она ей говорила; gnädige Frau на мгновеніе колебалась, но, вспомнивъ, что скрывать отъ старушки несчастье зятя была не ея воля, а воля Сусанны Николаевны, перекрестилась.

Что-то въ родѣ горькой улыбки отразилось на пересохшихъ губахъ больной: по инстинкту матери она хорошо сознавала, что ее обманываютъ.

— Ничего этого не было,—старалась успокоивать старушку gnädige Frau, но, увидавъ стоявшую тутъ же, въ комнатѣ, съ совершенно мокрымъ отъ слезъ лицомъ Агапію, сказала той:

— Ты уйди!

Агапія пошла-было.

— Нѣтъ! — остановила ту старушка.

Агапія осталась на своемъ мѣстѣ.

Gnädige Frau рѣшительно не знала, что предпринять ей.

— Не хотите ли, я принесу капель, которыя мужъ велѣлъ вамъ принимать и которыя всегда васъ такъ успокаиваютъ?

— Нѣтъ, — отказалась Юлія Матвѣевна, и когда gnädige Frau сѣла-было невдалекѣ отъ ея постели, она, хоть и молча, но махнула рукой.

Gnädige Frau, понявъ изъ этого, что Юлія Матвѣевна желаетъ, чтобы она удалилась, исполнила ея желаніе и, выйдя въ коридоръ, помѣстилась на стулѣ около комнаты больной. Прошло съ часъ времени. Юлія Матвѣевна замѣтно начала свободнѣе дышать, потомъ вдругъ указала на лежавшія въ углу валеныя туфли.

Агапія, несмотря на свою глупость, лучше всѣхъ понимавшая Юлію Матвѣевну, подала ей эти валенки, но старуха затрясла отрицательно головой. Агапія и тутъ однако догадалась, чего она хотѣла, и принесла первоначально шерстяные чулки, въ которые обула больную, а сверхъ ихъ надѣла валенки.

— Дай тутъ!.. — что-то такое сказала больная, но Агапія опять-таки догадалась, что Юлія Матвѣевна требуетъ салопъ себѣ, и вынула изъ шкапа ваточный салопъ.

— Ну! — сказала ей Юлія Матвѣевна.

Агапія попыталась окутать этимъ салопомъ ноги больной, но та почти разсердилась.

— Дай, дай... — говорила она: — Егорычъ... лошадь!

Агапія, подумавъ, что бѣдная старушка собралась ѣхать куда-то, и испугавшись такого намѣренія Юліи Матвѣевны, побѣжала сказать о томъ gnädige Frau.

— Какъ это возможно?—произнесла та съ безпокойствомъ и вошла опять въ комнату больной, но Юлія Матвѣевна была почти въ безсознательномъ состояніи, и съ ней уже начался предсмертный ознобъ: зубы ея щелкали, въ лицѣ окончательно подергивало всѣ мускулы, наконецъ сталъ, какъ говорится, и хоробрецъ ходить, а черезъ нѣсколько минутъ Юліи Матвѣевны не стало болѣе въ живыхъ.

Агапія, первая, ревмя-заревѣла, заплакала вслѣдъ затѣмъ Ѳаддеевна, а вмѣстѣ съ ней и молодыя горничныя. Gnädige Frau между тѣмъ послала за о. Василіемъ, чтобы посовѣтоваться съ нимъ, какъ распорядиться похоронами. О. Василій немедля же пришелъ по ея приглашенію и былъ значительно выпивши. Увы! Сей умнѣйшій и образованнѣйшій человѣкъ опять началъ сильно зашибаться хмелемъ. Главной причиной тому была неудача, постигшая его «Исторію масонства въ Россіи», которая была имъ окончена и которую онъ читалъ въ продолженіе нѣсколькихъ вечеровъ своимъ кузьмищевскимъ масонамъ. Всѣ они были въ восторгѣ отъ глубокой учености его труда и изящества въ изложеніи, а Егоръ Егорычъ, сверхъ того, взялся напечатать эту исторію въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ, для чего, разумѣется, потребовалось испросить разрѣшеніе; но тутъ-то и затормозилось дѣло. Напрасно Егоръ Егорычъ, пользуясь своимъ обширнымъ знакомствомъ и разославъ трудъ о. Василія, переписанный въ нѣсколькихъ экземплярахъ, къ разнымъ властямъ свѣтскимъ и духовнымъ, просилъ ихъ содѣйствія. Всѣ они отвѣтили ему безъ замедленія и въ весьма лестныхъ выраженіяхъ отзывались о капитальности труда и о краснорѣчіи автора, но находили вмѣстѣ съ тѣмъ, что для обнародованія подобнаго рода исторій не пришло еще время. Такимъ образомъ о. Василій долженъ былъ на всю остальную жизнь потерять всякую надежду заявить себя обществу въ томъ, что составляло его главную силу и достоинство, а это было для него, какъ человѣка честолюбиваго, горше смерти.

Gnädige Frau, увидавъ своего любимца въ нѣсколько возбужденномъ состояніи, въ каковомъ онъ уже являлся передъ ней неоднократно, очень этимъ огорчилась, но не подала, конечно, виду и начала съ нимъ бесѣдовать. Объ умершей они много не разговаривали (смерть ея было такое естественное явленіе), а переговорили о томъ, какъ имъ увѣдомить поосторожнѣе Марѳиныхъ, чтобы не разстроить ихъ очень, и придумали (мысль эта всецѣло принадлежитъ gnädige Frau) написать Антипу Ильичу и поручить ему сказать о смерти старушки Егору Егорычу, ибо gnädige Frau очень хорошо знала,

какой высоко-духовный человѣкъ Антипъ Ильичъ и какъ его слушается Егоръ Егорычъ. О. Василій одобрилъ эту мысль и перешелъ потомъ къ болѣе отвлеченному разговору.

— Съ давнихъ вѣковъ, — началъ онъ: — существуетъ для людей вопросъ: что бываетъ съ человѣкомъ послѣ смерти его? Вопросъ этотъ на первый взглядъ можетъ показаться праздным, ибо каждая религія рѣшаетъ его по-своему; но, съ другой стороны, и существеннымъ, потому что люди до сихъ поръ продолжаютъ о немъ безпокоиться и думать.

— Я полагаю, что они думаютъ и безпокоятся оттого, что ищутъ утраченнаго ими райскаго луча. Вы сами такъ прекрасно говорили объ этомъ въ вашей рѣчи на свадьбѣ Сусанны Николаевны.

— Я знаю, что я прекрасно говорилъ, — произнесъ о. Василій съ нѣкоторою ядовитостью (выпивши, онъ всегда становился желчнымъ и начиналъ ко всему относиться скептически): — но это происходило въ силу того закона, что мой разумъ и воображеніе пріучены къ этому представленію болѣе, чѣмъ къ какому-либо другому.

— О. Василій, вы какъ будто бы теперь отказываетесь отъ самого себя и отъ словъ своихъ?—полувоскликнула gnädige Frau.

— Нѣтъ, я не отказываюсь ни отъ того ни отъ другого,— произнесъ мрачнымъ тономъ о. Василій:—я тотъ же остаюсь масонъ и въ придатокъ къ тому — православный попъ; но уразумѣйте меня, gnädige Frau: я *человѣкъ* и потому не вполнѣ себѣ вѣрю; не могу, напримѣръ, утверждать, что исповѣдуемое мною вѣроученіе непогрѣшимо; напротивъ того, я вѣрую и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ищу. Между нами, русскими, и вами, нѣмцами, та и разница, что вы все рѣшили и дѣйствуете; а мы, повторяю еще разъ, вѣруемъ и ищемъ; только, къ несчастью, мы же сами себѣ и искать-то пока не позволяемъ. О, это великая иронія судебъ!

Gnädige Frau не совсѣмъ уразумѣла смыслъ послѣднихъ словъ о. Василія и отнесла это не къ своей непонятливости, а къ тому, что собесѣдникъ ея былъ немного подъ-шафе.

— Если вы попрежнему остаетесь искреннимъ масономъ,— стояла она на своемъ: — такъ чего же вамъ искать? Масонство рѣшило многое и, по-моему, совершенно правильно.

— Что именно-съ? — спросилъ о. Василій опять-таки ядовитымъ тономъ и съ прибавленіемъ *съ*.

— Мы должны быть честны! — стала перечислять gnädige Frau.

— Это хорошо! — согласился отецъ Василій.

— Должны быть трудолюбивы, — продолжала та.

— А это еще лучше того!.. Потомъ-съ? — выпытывалъ о. Василій gnädige Frau.

Но она была не изъ тѣхъ дамъ, чтобы сробѣть и спасовать въ области нравственныхъ и религіозныхъ вопросовъ.

— Потомъ,—отвѣчала она даже съ маленькимъ азартомъ:— дѣлать добро, любить прежде всего близкихъ намъ, любить по мѣрѣ возможности и другихъ людей; а идя этимъ путемъ, мы будемъ возвращать себѣ райскій лучъ, который освѣтитъ намъ то, что будетъ послѣ смерти.

— Ну-съ, — полувоскликнулъ на это уже отецъ Василій:— такого освѣщенія, сколько мнѣ извѣстно, не дано было еще никому, и скажу даже болѣе того: по моимъ горестямъ и по начинающимъ меня отъ лѣтъ монхъ терзать тѣлеснымъ недугамъ, я ни о чемъ болѣе какъ о смерти не размышляю, но все-таки мое воображеніе ничего не можетъ мнѣ представить опредѣлительнаго, и я успокаиваюсь лишь на томъ, во что мнѣ предписано вѣрить.

— И вѣрьте!.. Это очень хорошо съ вашей стороны, — произнесла gnädige Frau, какъ бы поучавшая отца Василія, а не онъ ее.

— Но сами вы чему вѣрите?—сказалъ онъ ей съ прежней ядовитостью.

— Я вѣрю, — объяснила gnädige Frau со своей обычной точностью: — что мы, живя честно и трудолюбиво и не дѣлая другимъ зла, не должны бояться смерти; это говоритъ мнѣ моя религія и масонство.

— Знаю, что это говорится, но только человѣкъ-то этимъ весь не исчерпывается; опять привожу въ доказательство себя же: мысленно я не страшусь смерти, но ея боится мой архей и заставляетъ меня даже вскрикивать отъ страха, когда меня, особенно послѣднее время, какъ-нибудь посильнѣе тряхнетъ въ моей колымажкѣ, въ которой я ѣзжу по приходу.

— Я архея не отвергаю и согласна, что онъ иногда въ насъ говоритъ сильнѣе, чѣмъ наша душа и наше сердце, — замѣтила gnädige Frau.

— А только то и требовалось доказать! — подхватилъ опять-таки съ усмѣшечкой отецъ Василій и всталъ, чтобы отправиться домой.

Къ благословенію его gnädige Frau, конечно, не подошла, да отецъ Василій и не ожидалъ того. Разставшись, оба бесѣдующіе невольно подумали другъ о другѣ:

«Какого высокаго ума человѣкъ и въ какое страшное сомнѣніе впадаетъ!» — сказала сама себѣ gnädige Frau.

Отецъ же Василій, идя дорогой, размышлялъ:

«Сія дама, по своему узкому протестантизму, все рѣшила, а Фауста-то и забыла, хоть и нѣмка!»

И отецъ Василій при этомъ захохоталъ на всю улицу.

Gnädige Frau очень умно придумала написать о смерти Юліи Матвѣевны Антипу Ильичу, а не Егору Егорычу, безъ того уже бывшему отъ разнаго рода непріятностей въ сильно раздраженномъ состояніи. Антипъ Ильичъ, прочитавъ письмо gnädige Frau, написанное четкимъ почеркомъ о. Василія, конечно, съ одной стороны, опечалился, узнавъ о смерти Юліи Матвѣевны, но съ другой — остался доволенъ тѣмъ довѣріемъ, которымъ былъ почтенъ отъ госпожи Сверстовой. Прежде всего онъ сталъ на довольно продолжительную молитву, а потомъ, улучивъ минуту, когда Егоръ Егорычъ былъ совершенно одинъ, вошелъ къ нему въ кабинетъ.

— Позвольте васъ спросить, — началъ онъ своимъ добрымъ голосомъ: — когда вы имѣете намѣреніе отправиться въ Кузьмищево?

— Не знаю и самъ! — отвѣчалъ Егоръ Егорычъ, нѣсколько удивленный словами Антипа Ильича, такъ какъ сей послѣдній никогда не дѣлалъ ему подобнаго рода вопросовъ. — Ты самъ видишь, какъ тутъ уѣхать: Муза Николаевна измучена своимъ несчастіемъ; Сусанна Николаевна тоже вмѣстѣ съ нею мучится и, какъ я подозрѣваю, даже больна...

— Да-съ,—протянулъ ему Антипъ Ильичъ:—Сусанну Николаевну намъ надобно всѣмъ поберечь!

Егоръ Егорычъ испугался этихъ словъ Антипа Ильича. Ему показалось, что и онъ вмѣстѣ съ Екатериной Филипповной пророчитъ что-то недоброе Сусаннѣ Николаевнѣ.

— Развѣ ты замѣчаешь, что она дѣйствительно больна?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ опять протяжно Антипъ Ильичъ: — но онѣ всегда очень безпокоятся обо всемъ душой, а маменька ихъ теперь въ лѣтахъ преклонныхъ и тяжко больна... Все въ волѣ Божіей!..

Егоръ Егорычъ уразумѣлъ, что Антипъ Ильичъ клонитъ разговоръ въ совершенно другую сторону.

— Можетъ-быть, со старухой что-нибудь случилось? — спросилъ онъ полушопотомъ.

— Да-съ, — опять протянулъ Антипъ Ильичъ: — Господь Богъ призвалъ ихъ въ лоно Свое.

— Тебѣ пишетъ объ этомъ кто-нибудь?

— Госпожа Сверстова прислала мнѣ письмо и приказала поосторожнѣе сказать вамъ о томъ.

Егора Егорыча, впрочемъ, это извѣстіе, повидимому, не особенно встревожило.

— Миръ праху ея!.. Конечно, жаль! — пробормоталъ онъ.

— Ахъ, батюшка Егоръ Егорычъ, — воскликнулъ на это Антипъ Ильичъ: — не печалиться, а радоваться надо за насъ, стариковъ, когда мы путь нашихъ испытаній оканчиваемъ.

— Конечно, но я боюсь, что это будетъ новымъ ударомъ для Музы и Сусанны.

— Имъ укрѣпиться въ вѣрѣ надо; укрѣпите ихъ вѣрою!— посовѣтовалъ Антипъ Ильичъ.

— Тебѣ пишутъ, когда она умерла?

— Двадцатаго числа, въ восемь часовъ вечера.

Подумавъ, Егоръ Егорычъ предположилъ сказать сначала Музѣ, такъ какъ онъ зналъ, что все-таки она меньше привязана къ матери, чѣмъ Сусанна; но прежде однако пожелалъ узнать мнѣніе объ этомъ Антипа Ильича.

— Зачѣмъ? Что тутъ лукавить? Дѣло житейское! Скажите имъ какъ только Богъ вамъ внушитъ! — объяснилъ ему тотъ.

— Тогда лучше скажи ты! Ты къ Богу ближе, чѣмъ я! — пробормоталъ Егоръ Егорычъ.

— Извольте-съ, скажу.

— Поди сейчасъ и сдѣлай это! — рѣшилъ по своей торопливости Егоръ Егорычъ.

Антипъ Ильичъ, ничего уже болѣе не сказавъ, ушелъ своей медленной походкой отъ барина.

Егоръ Егорычъ съ нервнымъ вниманіемъ началъ прислушиваться къ тому, что происходило въ сосѣднихъ комнатахъ. Онъ ждалъ, что раздадутся плачъ и рыданья со стороны сестеръ; этого однако не слышалось, а, напротивъ, скоро вошли къ нему въ комнату обѣ сестры, со слезами на глазахъ, но, повидимому, сохранившія всю свою женскую твердость. Вслѣдъ за ними вошелъ также и Антипъ Ильичъ, лицо котораго сіяло полнымъ спокойствіемъ.

— Мамаша умерла! — начала Сусанна Николаевна первая.

— Да, вотъ ему пишетъ gnädige Frau,—указалъ ей Егоръ Егорычъ на Антипа Ильича.

— А мамаша ужъ похоронена? — спросила того Сусанна Николаевна совсѣмъ твердымъ голосомъ.

— Не изволятъ-съ объ этомъ писать, — отвѣчалъ Антипъ Ильичъ.

— Тогда прикажи, пожалуйста, привести мнѣ почтовыхъ лошадей!.. Я сейчасъ же поѣду похоронить мамашу... — проговорила Сусанна Николаевна.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!—отказалъ ей наотрѣзъ Егоръ Егорычъ.

— Почему же нѣтъ? — сказала Сусанна Николаевна съ удивленіемъ.

— Оттого, что ты сама больна и разстроена!..

Сусанна Николаевна при этомъ какъ будто бы стыдливо покраснѣла.

— Я нисколько не больна и не разстроена, — произнесла она:—и непремѣнно хочу ѣхать!

Муза Николаевна между тѣмъ, сидѣвшая все это время въ углу и потихоньку плакавшая, вдругъ при этомъ зарыдала.

Егоръ Егорычъ сейчасъ же воспользовался этимъ.

— У тебя вотъ еще кто на рукахъ: несчастное живое существо, а тамъ одно тѣло... прахъ!—проговорилъ онъ.

— Ахъ, нѣтъ,—вскричала Муза:—пусть сестра ѣдетъ!.. Я плачу о томъ, что сама не могу ѣхать съ ней.

Егоръ Егорычъ началъ какъ бы колебаться, но его выручилъ и поддержалъ Антипъ Ильичъ.

— Мы панихиды и заупокойныя обѣдни можемъ совершать и здѣсь по Юліи Матвѣевнѣ, она же все это будетъ знать и вѣдать. Прикажете итти позвать священниковъ для служенія панихиды?

— Да, позови! — разрѣшилъ ему Егоръ Егорычъ.

Антипъ Ильичъ тогда обратился къ Сусаннѣ Николаевнѣ.

— Мы, сударыня, теперь прилетимъ къ Юліи Матвѣевнѣ на коняхъ болѣе быстрыхъ, чѣмъ тѣ, которыхъ вы приказывали приготовить,—проговорилъ онъ ей и ушелъ за священниками.

Тѣ вскорѣ пришли, и началось служеніе панихиды. Какія разнообразныя чувствованія волновали всѣхъ молящихся! Егоръ Егорычъ исключительно думалъ о Сусаннѣ Николаевнѣ и безпрестанно взглядывалъ на нее; она хоть и не смотрѣла на него, но чувствовала это и была мучима тайнымъ стыдомъ: при всей тяжести настоящаго ея горя, она не переставала думать объ Углаковѣ. Музою же овладѣла главнымъ образомъ мысль, что въ отношеніи матери своей она всегда была дурной дочерью, такъ что иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ, особенно послѣ выхода замужъ, не вспоминала даже о ней.

Сусанна Николаевна, впрочемъ, не оставила своей мысли ѣхать похоронить мать и на другой же день опять-таки приступила къ Егору Егорычу съ просьбою отпустить ее въ Кузьмищево. Напрасно онъ почти съ запальчивостью ей возражалъ:

— Это безсмыслица!.. Юлія Матвѣевна, конечно, теперь похоронена... Письмо шло къ намъ цѣлую недѣлю.

— Не похоронена,—упорно возражала Сусанна Николаевна:—gnädige Frau понимаетъ меня и знаетъ, какъ бы я желала быть на похоронахъ матери.

Споръ такого рода, конечно, кончился бы тѣмъ, что Егоръ Егорычъ, по своей любви къ Сусаннѣ Николаевнѣ, уступилъ ей и самъ даже поѣхалъ бы съ ней; но вдругъ, совершенно неожиданно для всѣхъ явился, прискакавшій въ Москву на курьерскихъ, Сверстовъ. Во всей его фигурѣ виднѣлось утомленіе, а въ глазахъ досада; между тѣмъ онъ старался казаться покойнымъ и даже безпечнымъ.

— Что такое? Опять еще что-нибудь случилось?—воскликнулъ Егоръ Егорычъ, начинавшій окончательно терять свойственное ему величіе духа.

— А мать похоронена?—подхватила и Сусанна Николаевна.

— Третьяго-дня!—отвѣчалъ ей Сверстовъ.

— Зачѣмъ же вы не подождали меня?—спросила его съ укоромъ Сусанна Николаевна.

— Разлагаться очень начала... Вы, барыни, этого не понимаете... Промедли еще день, такъ изъ гроба лужи бы потекли... Какъ это можно?!. — отвѣчалъ ей со строгостью Сверстовъ.

— Я ей то же говорилъ! — воскликнулъ Егоръ Егорычъ.

Затѣмъ со стороны дамъ послѣдовали вопросы, какъ старушка умерла, не говорила ли она чего, не завѣщала ли чего-нибудь?

— Умерла отлично, какъ слѣдуетъ умереть старому организму... тихо, покойно, безъ страданій, — выдумывалъ для успокоенія своихъ друзей Сверстовъ.

Но тутъ вошелъ Антипъ Ильичъ и снова объявилъ, что начинается панихида.

Что Сверстовъ такъ неожиданно пріѣхалъ, этому никто особенно не удивился: всѣ очень хорошо знали, что онъ съ быстротой борзой собаки имѣлъ обыкновеніе кидаться ко всѣмъ, кого постигало какое-либо несчастье, тѣмъ болѣе спѣшилъ на несчастье друзей своихъ; но на этотъ разъ Сверстовъ имѣлъ еще и другое въ виду, о чемъ и сказалъ Егору Егорычу, какъ только остался съ нимъ вдвоемъ.

— Я не говорилъ при Сусаннѣ Николаевнѣ, но я не былъ при смерти старушки, а находился въ это время за триста верстъ отъ Кузьмищева, у Аггея Никитича.

— У Звѣрева?—переспросилъ съ оттѣнкомъ безпокойства Егоръ Егорычъ.—По какому поводу?

— По такому, — отвѣчалъ Сверстовъ: — что онъ вызвалъ меня по дѣлу Тулузова, по которому чортъ знаетъ что творится здѣсь въ Москвѣ!

— Что такое?—снова спросилъ Егоръ Егорычъ съ возрастающимъ безпокойствомъ.

— А вотъ что-съ, — принялся объяснять Сверстовъ: — на посланные Аггеемъ Никитичемъ господину Тулузову вопросные пункты тотъ учинилъ полное запирательство и въ доказательство того, что онъ Тулузовъ, представилъ троихъ свидѣтелей, которые подъ присягой показали, что они всегда лично его знали подъ именемъ Тулузова, а также знали и его родителей... Хорошо?

— Хорошо! — похвалилъ Егоръ Егорычъ, разсмѣявшись саркастически.

— Недурно, — поддакнулъ Сверстовъ: — а потомъ-съ къ Аггею Никитичу вскорѣ послѣ этой бумаги явился разъ вечеромъ на домъ не то лавочникъ, не то чиновникъ, который, объяснивъ ему дѣло Тулузова до мельчайшихъ подробностей, просилъ его покончить это дѣло, какъ возникшее по совершенно ложному доносу, и въ концѣ концовъ предложилъ ему взятку въ десять тысячъ рублей.

— Но кто же такой былъ этотъ человѣкъ... самъ Тулузовъ?—воскликнулъ Егоръ Егорычъ.

— Нѣтъ, не онъ. Аггей Никитичъ того знаетъ; но это былъ чортъ его знаетъ кто такой!

— А отчего же Аггей Никитичъ не задержалъ его?—возразилъ Егоръ Егорычъ съ раздраженіемъ. — Онъ долженъ былъ бы это сдѣлать, когда тотъ предложилъ ему взятку, чтобы за то его наказать.

— Аггей Никитичъ наказалъ его, только по-своему; какъ человѣкъ военный, онъ рявкнулъ на него... Тотъ ему сгрубилъ что-то такое... Онъ повернулъ его, да въ шею, такъ что тотъ еле уплелъ ноги отъ него.

— Глупо это, глупо! — замѣтилъ Егоръ Егорычъ.

— Вдругъ не найдешься, согласитесь!.. — возразилъ Сверстовъ. — И какъ потомъ докажешь, что онъ предлагалъ взятку?.. Разговоръ у нихъ происходилъ съ глазу на глазъ, тѣмъ больше, что, когда я получилъ обо всемъ этомъ письмо отъ Аггея Никитича и поѣхалъ къ нему, то изъ Москвы прислана была новая бумага въ судъ съ требованіемъ передать все дѣло Тулузова въ тамошнюю управу благочинія для дальнѣйшаго производства по оному, такъ какъ господинъ Тулузовъ проживаетъ въ Москвѣ постоянно, гдѣ поэтому должны производиться всѣ дѣла, касающіяся его... Понимаете, какая подведена махинація?

— Понимаю! — отвѣтилъ угрюмо Егоръ Егорычъ.

— Но что жъ намъ остается послѣ этого дѣлать? — спросилъ Сверстовъ.

Егоръ Егорычъ сталъ соображать.

— Я, къ сожалѣнію, съ нынѣшнимъ генералъ-губернаторомъ никогда не сближался, по той причинѣ, что онъ искони французъ и энциклопедистъ; я же масонъ, а потому мнѣ ѣхать теперь къ нему и говорить объ дѣлѣ, совершенно меня не касающемся, странно. Но я вмѣстѣ съ вами поѣду къ моему другу Углакову, который очень хорошъ съ княземъ.

— Oрtime! — воскликнулъ Сверстовъ, и на другой день оба друга поѣхали къ Углакову; но, къ великой досадѣ ихъ, застали того почти въ отчаянномъ состояніи.

Его Пьеръ, снова-было поступившій на службу, вдругъ заболѣлъ той же нервной горячкой, которой онъ болѣлъ въ Москвѣ. М-те Углакова уѣхала уже къ сыну, чтобы быть при немъ сидѣлкой; но тѣмъ не менѣе, когда Егоръ Егорычъ и Сверстовъ разсказали Углакову дѣло Тулузова, онъ объявилъ имъ, что сейчасъ же поѣдетъ къ генералъ-губернатору, при чемъ увѣрялъ, что князь все сдѣлаетъ, чего требуетъ справедливость. Покончивъ на этомъ, Егоръ Егорычъ и Сверстовъ разстались съ Углаковымъ и поѣхали: первый домой, а другой пересѣлъ на извозчика и отправился къ Мартыну Степанычу Пилецкому, съ которымъ Сверстовъ отъ души желалъ поскорѣе повидаться.

Сусанна Николаевна между тѣмъ, замѣтно поджидавшая съ нетерпѣніемъ мужа, сейчасъ же, какъ онъ пріѣхалъ, спросила его:

— Ну, что у Углаковыхъ?.. Какъ тамъ идетъ?

— Тамъ идетъ скверно, — бухнулъ прямо Егоръ Егорычъ:— нашъ общій любимецъ Пьеръ заболѣлъ и лежитъ опять въ горячкѣ; мать ускакала къ нему, отецъ сидитъ, какъ пришибленный баранъ, и сколь я ни люблю Пьера, но сильно подозрѣваю, что онъ пьянствовать тамъ началъ!

Сусанна Николаевна при этомъ поблѣднѣла только, и что она чувствовала, предоставлю судить всѣмъ молодымъ дамамъ, которыя въ сердцахъ своихъ таили чувствованія, подобныя ея чувствованіямъ!

X.

Въ кофейной Печкина вечеромъ собралось обычное общество: Максинька, гордо возсѣдавшій нѣсколько вдали отъ прочихъ на диванѣ, идущемъ по тремъ стѣнамъ; отставной докторъ Сливцовъ, выгнанный изъ службы за то, что обыгралъ на бильярдѣ два кавалерійскихъ полка, и продолжавшій затѣмъ свою профессію въ Москвѣ: въ настоящемъ случаѣ онъ игралъ съ надсмотрщикомъ гражданской палаты, чиновникомъ еще не старымъ, который, получивъ сію духовную должность, не преминулъ каждодневно ходить въ кофейную, чтобы придать

себѣ, какъ онъ полагалъ, болѣе свѣтское воспитаніе; затѣмъ на томъ же диванѣ сидѣлъ франтоватый господинъ, весьма мизерной наружности, но изъ аристократовъ, такъ какъ носилъ званіе камеръ-юнкера, и по поводу этого камеръ-юнкерства разсказывалось, что когда онъ былъ облеченъ въ это придворное званіе и явился на выходъ при пріѣздѣ императора Николая Павловича въ Москву, то государь, взглянувъ на него, сказалъ съ оттѣнкомъ неудовольствія генералъ-губернатору: «Какъ тебѣ не совѣстно завертывать такихъ червяковъ, какъ въ какіе-нибудь коконы, въ камеръ-юнкерскій мундиръ!» Вмѣстѣ съ этимъ господиномъ пріѣхалъ въ кофейную также и знакомый намъ молодой гегеліанецъ, который наконецъ сталъ ужъ укрываться и спасаться отъ m-lle Блохи по трактирамъ. То, что онъ будто бы женится на ней, была чисто выдумка Углакова. Наконецъ, какъ бы для придачи большей пестроты этому разнокалиберному обществу, посреди его находился тотъ самый толстенькій частный приставъ, который опрашивалъ свидѣтелей по дѣлу Тулузова и который, по своей важеватости, состоя на дружеской ногѣ съ большею частью актеровъ, во всякое свободное отъ службы время являлся въ кофейную.

Разговоръ между собесѣдниками начался съ того, что Максинька, не безъ величія, отнесся къ частному приставу съ вопросомъ:

— А что, нашего Петю... того... прихлопнутъ?

— За что его прихлопнутъ? — отвѣчалъ частный приставъ, какъ бы не понявшій вопроса Максиньки.

— Ну, тамъ, вы сами знаете за что! — сказалъ Максинька и скорбно захохоталъ.

— Нѣтъ, ничего не будетъ, — успокоилъ его частный приставъ.

— Вамъ извѣстна вся эта исторія, про которую Богъ знаетъ что разсказывается? — спросилъ важнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и гнусливымъ нѣсколько голосомъ невзрачный господинъ.

— Извѣстна-съ, потому что я и производилъ это дѣло, — объяснилъ приставъ.

— По-моему, вы неблагородно поступили, что позволили себѣ накрывать, и кого же?.. дамъ! — укорилъ его Максинька, всегда вѣрный своему возвышенному взгляду на женщинъ вообще и на благородныхъ дамъ въ особенности.

— А когда начальство вамъ приказываетъ играть какую-нибудь роль, вы ослушиваетесь? — спросилъ его съ комическою серьезностью приставъ.

— Нѣтъ, — сказалъ протяжно Максинька.

— Ну, такъ и мы, полиція, не можемъ не слушаться закона! — объяснилъ ему частный приставъ.

— Скажите, доносъ, что ли, или жалоба отъ кого-нибудь была объ этомъ? — продолжалъ разспрашивать мизерный господинъ.

— Жалоба была, — началъ частный приставъ и вслѣдъ затѣмъ, осмотрѣвъ всю комнату и видя, что особенно посторонних въ ней никого не было, продолжалъ вполголоса: — господинъ Тулузовъ жаловался, предполагая въ этихъ сборищахъ найти жену свою, и дѣйствительно нашелъ ее тамъ.

— Но кто же съ ней еще и другія дамы были? — поинтересовался мизерный господинъ.

— Ну, это наша полицейская тайна, — возразилъ частный приставъ: — я могу сказать одно, что все это дамы изъ высшаго круга.

— Хороша тайна! — перебилъ съ гнѣвной усмѣшкой Максинька. — И зачѣмъ же вы про Тулузову разсказываете?

— Госпожу Тулузову я наименовалъ потому, что о ней и безъ меня всѣмъ извѣстно.

— Я и другихъ тоже знаю,—произнесъ, лукаво подмигнувъ, камеръ-юнкеръ. — Въ первую голову, тутъ была Н.

— Такъ! — подтвердилъ частный приставъ.

— Потомъ Р. и Ч.

— Все такъ! — не отвергалъ частный приставъ.

— А что же въ этихъ сборищахъ было противозаконнаго?— пожелалъ узнать гегеліанецъ.

Частный приставъ пожалъ плечами и проговорилъ:

— Незаконнаго, если хотите, ничего не было; но неприлично же дамамъ такъ вести себя.

— Полиція-то пуще всего понимаетъ приличія!—произнесъ опять съ гнѣвомъ и ироніей Максинька.

— Но въ чемъ собственно неприличія эти состояли?—допытывался гегеліанецъ:—мнѣ разсказывали, что тамъ накрыта была совершенно скандалезная сцена.

— Почти, — произнесъ съ усмѣшкой частный приставъ:— и, чтобы оправдать полицію, я долженъ начать издалека: года два тому назадъ въ Лефортовской части устроился и существовалъ такъ называемый Евинъ клубъ, куда, понимаете, не мужчины приглашали дамъ, а дамы мужчинъ, которые имъ нравились; клубъ этотъ однако, по предписанію изъ Петербурга, былъ закрытъ; но на-дняхъ господинъ Тулузовъ въ прошеніи своемъ объяснилъ, что Евинъ клубъ снова открылся. Согласитесь, что при такого рода обстоятельствахъ мы не могли бездѣйствовать, и начальство это дѣло поручило мнѣ.

— Какъ лицу опытному въ такихъ дѣлахъ,—не переставалъ язвить частнаго пристава Максинька.

Тотъ немного при этомъ вспыхнулъ въ лицѣ, но нисколько не растерялся.

— Да, Максинька, я опытенъ!.. Вотъ попадись и ты мнѣ на любимой тобой Козихѣ и побуянь тамъ, я тебя сейчасъ же упрячу въ сибирку.

— Дудки! Петѣ, небось, ничего не могъ сдѣлать! — возразилъ Максинька и опять захохоталъ иронически.

— Да вѣдь Петя человѣкъ молодой, красивый, а ты-то что̀ такое?

— Какъ я что̀?.. Я тоже человѣкъ!..

— Сомнительно, очень сомнительно, Максинька... — сталъ тоже и его доѣзжать частный приставъ:—помнишь ли ты, что̀ про тебя сказалъ Никифоровъ, когда къ намъ затесалась на репетицію собака и стала на тебя глядѣть?

— Ничего онъ про меня не сказалъ, — притворился Максинька, какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ забылъ.

— А вотъ онъ что̀ сказалъ,—напомнилъ ему частный приставъ:—онъ гладитъ собаку да и говоритъ: «Не удивляйся, Амочка, не удивляйся, это тоже человѣкъ». А ужъ если собака усомнилась, такъ намъ и Богъ проститъ.

— Ври больше!—нашелъ только возразить на это Максинька.

— Ну, плюньте на него, разсказывайте далѣе!—почти приказалъ частному приставу невзрачный господинъ, видимо, заинтересованный и даже какъ бы обезпокоенный разсказомъ того.

— Далѣе было... — принялся повѣствовать частный приставъ.—Я вмѣстѣ съ господиномъ Тулузовымъ часа въ два ночи отправился въ указанный имъ домъ... Прибыли мы въ оный и двери нашли незапертыми... Входимъ и видимъ, что въ довольно большой залѣ танцуютъ дамы въ очень легонькихъ костюмахъ, да и мужчины тоже, кто безъ фрака, кто безъ мундира... Ужинъ и возліянія, надо полагать, были обильные... Тулузовъ взялъ жену за руки и почти насильно увелъ въ другую комнату, а другая тутъ дама кинулась на меня. «Какъ вы смѣли, говоритъ, сюда прійти?.. У насъ не заговоръ какой-нибудь!»—«Совершенно, говорю, согласенъ, сударыня; но я пріѣхалъ сюда только освѣдомиться, такъ какъ насъ извѣстили, что въ здѣшнемъ домѣ открылся нѣкогда существовавшій Евинъ клубъ». — «Убирайтесь, говоритъ, къ чорту! Здѣсь никакого Евина клуба нѣтъ, а у насъ аѳинскій вечеръ». Къ ней, конечно, пристали и мужчины, которымъ я говорю: «Вы, господа, конечно, можете разорвать меня на кусочки, но вамъ же послѣ того хуже будетъ!» Это бы, конечно,

ихъ не остановило; но, на счастье мое, вышелъ Тулузовъ и говоритъ мнѣ: «Я не желаю вести это дѣло».—«Очень хорошо, говорю, а я и пуще того не желаю!..» Такъ мы и разъѣхались.

— Госпожа Тулузова,—вмѣшался вдругъ въ разговоръ кончившій играть на бильярдѣ надсмотрщикъ гражданской палаты:—вчера у насъ совершала купчую крѣпость на проданное ею имѣніе мужу своему.

— А велико ли это имѣніе?—спросилъ, моргнувъ глазомъ, камеръ-юнкеръ.

— Всего одна деревня въ двадцать душъ,—сказалъ надсмотрщикъ.

— C'est étonnant! Qu'en pensez-vous? — отнесся камеръ-юнкеръ къ гегеліанцу и, видя, что тотъ не совсѣмъ уразумѣлъ его вопросъ, присовокупилъ:—Поэтому господинъ Тулузовъ за двадцать душъ простилъ своей женѣ все?..

— Богъ его знаетъ,—отозвался съ презрѣніемъ ученый:—но меня здѣсь другое интересуетъ, почему они свое сборище назвали аѳинскимъ вечеромъ?

— О, это я могу тебѣ объяснить!—сказалъ окончательно гнусливымъ голосомъ камеръ-юнкеръ:—названіе это взято у Дюма, но изъ какого романа—не помню, и, по-моему, эти сборища, о которыхъ такъ теперь кричитъ благочестивая Москва, были не больше, какъ свободныя, не стѣсняемыя свѣтскими приличіями, развлеченія молодежи. Я самъ никогда не бывалъ на такихъ вечерахъ, — совралъ, по мнѣнію автора, невзрачный господинъ: онъ, вѣроятно, бывалъ на аѳинскихъ вечерахъ, но только его не всегда приглашали туда за его мизерность.

— Но когда жъ они происходили? По опредѣленнымъ днямъ?—сталъ съ живостью разспрашивать молодой ученый, который, кажется, и самъ бы не прочь былъ съѣздить на эти, въ греческомъ вкусѣ, развлеченія.

— Никакихъ опредѣленныхъ дней не было,—отвѣчалъ гнусливо камеръ-юнкеръ:—а случалось обыкновенно такъ, что на какомъ-нибудь балѣ, очень скучномъ, по обыкновенію, молодыя дамы сговаривались съ молодыми людьми повеселѣй потанцовать и поужинать, и для этого они ѣхали въ подговоренный еще прежде домъ...

— Однако позволь, мнѣ разсказывали, что въ извѣстный часъ амфитріонъ ужина восклицалъ: «couvre feus!» — возразилъ ему молодой ученый, которому съ ужасомъ и подъ величайшимъ секретомъ разсказывала это m-lle Блоха.

— Не знаю-съ!—заперся мизерный камеръ-юнкеръ.

— А это, по-моему, было хорошо! — воскликнулъ громко Максинька, но на него никто вниманія не обратилъ.

— Любопытно бы знать, какіе собственно въ самихъ-то Аѳинахъ были эти вечера?—спросилъ гегеліанца вкрадчивымъ голосомъ частный приставъ.

— То-есть пиры ихъ, правильнѣе назвать,—сказалъ тотъ:— которымъ, по большей части, предшествовалъ обѣдъ, соотвѣтствующій римскому соепа; такіе обѣды происходили иногда и у гетеръ.

— А гетеры, кто такія это? — перебилъ молодого ученаго частный приставъ все съ болѣе и болѣе возрастающимъ любопытствомъ.

— Это женщины, которыя продавали любовь свою за деньги, и деньги весьма большія; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Фрина и Аспазія, заслужили даже себѣ историческія имена, и первая прославилась красотой своей, а Аспазія—умомъ.

— Понимаю-съ!—произнесъ, слегка мотнувъ головой, частный приставъ:—но вотъ еще осмѣлюсь спросить: въ тотъ вечеръ, на который мы пріѣхали съ господиномъ Тулузовымъ, одно меня больше всего поразило: всѣ дамы и кавалеры были, съ позволенія сказать, босикомъ.

— По-гречески такъ и слѣдуетъ,—объяснилъ, улыбнувшись, гегеліанецъ:—греки вообще, благодаря своему теплому климату, очень легко одѣвались и ходили въ сандаліяхъ только по улицамъ, а когда приходили домой или даже въ гости, то снимали свою обувь, и рабы немедленно обмывали имъ ноги благовоннымъ виномъ.

— Вотъ какъ-съ!.. Но все-таки, по-моему, это нехорошо: нашъ сапогъ гораздо лучше и благороднѣе,—произнесъ частный приставъ и мелькомъ взглянулъ на собственный сапогъ, который былъ весьма изященъ: лучшій въ то время сапожникъ жилъ именно въ части, которою завѣдывалъ частный приставъ.—У меня есть картина-съ,—продолжалъ онъ:—или, точнѣе сказать, гравюра, очень хорошая, и на ней изображено, что греки или римляне, я ужъ не знаю, обѣдаютъ и не сидятъ, знаете, по-нашему, за столомъ, а лежатъ.

— То-есть возлежатъ,—поправилъ его молодой ученый.

— Но вѣдь тутъ, можетъ-быть, и начальство какое-нибудь есть; неужели же они и передъ начальствомъ возлежатъ? — воскликнулъ съ полукомическимъ оттѣнкомъ частный.

— Его все начальство-то безпокоитъ, — пробурчалъ язвительно Максинька, но на его слова опять никто не обратилъ вниманія.

— А что греки кушали?—допытывался частный приставъ:— такъ же, какъ и мы грѣшные, осетринку, севрюжинку?..

— Рыбу греки любили, — объяснилъ ему молодой ученый.

— И ветчину даже?—приставалъ частный приставъ.

— Колбасы и свинина у нихъ тоже были въ большомъ употребленіи.

— А насчетъ выпивки?—присовокупилъ частный приставъ, облизнувшись слегка.

— За обѣдомъ греки совершенно не пили вина, а пиръ съ виномъ у нихъ устраивался послѣ обѣда и назывался симпозіонъ, для распоряженія которымъ выбирался начальникъ, симпозіархъ.

— Господа, — воскликнулъ вдругъ при этомъ, вставая на ноги, частный приставъ:—я такъ увлекся греческимъ пиромъ, что желаю предложить нѣчто въ родѣ того всему нашему почтенному обществу!

Камеръ-юнкеръ хотя и сдѣлалъ нѣсколько насмѣшливую гримасу, но однако ничего, согласился почти первый; гегеліанцу, кажется, было все равно, гдѣ бы ни убить время, чтобы только спастись отъ m-lle Блохи, и онъ лишь замѣтилъ:

— Но кого жъ однако мы выберемъ въ симпозіархи?

— Васъ, конечно!—воскликнули всѣ въ одинъ голосъ.

— О, Господь съ вами!—произнесъ, какъ бы даже испугавшись, молодой ученый.

Въ этотъ моментъ вдругъ всталъ Максинька и, выпрямясь во весь свой высокій ростъ, произнесъ могильнымъ голосомъ:

— Семпіархъ, — перевралъ онъ немножко:—долженъ быть онъ!—и Максинька величественно указалъ пальцемъ на частнаго пристава.—Онъ насъ угощаетъ ужиномъ и поэтому онъ и начальникъ.

— Вы, вы!—обратились прочіе къ частному приставу, который раскланялся передъ обществомъ и произнесъ:

— Благодарю васъ, господа, что вы приняли отъ меня ужинъ и потомъ почтили меня еще большей честью быть распорядителемъ всего ужина. Тѣмъ болѣе для меня это лестно, что настоящее число есть день моего рожденія.

Проговоривъ это, частный приставъ ушелъ, чтобы войти въ соглашеніе съ приказчикомъ кофейной.

Въ сущности, частный приставъ совралъ, что настоящій день былъ днемъ его рожденія: онъ только желалъ еще тѣснѣе сблизиться съ весьма пріятнымъ ему обществомъ, а кромѣ того у него чувствительно шевелился въ карманѣ могорычъ, полученный имъ съ Тулузова по обоимъ его дѣламъ.

Максинька между тѣмъ пересѣлъ уже ближе къ остальному обществу: несмотря на свою ненависть къ полиціи, онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи поужинать на счетъ частнаго пристава.

— Скажите, въ Аѳинахъ былъ театръ, и пріѣзжали на эти ихъ ужины актрисы?—спросилъ онъ гегеліанца.

— Театръ былъ, и актрисы пріѣзжали на ужины! — отвѣчалъ тотъ.

— Вотъ оно, какъ мы давно существуемъ!—произнесъ самодовольно Максинька, но въ это время вошелъ симпозіархъ, а за нимъ половой внесъ нѣсколько графинчиковъ водокъ, зернистую икру, семгу, рыжички, груздочки.

— Позвольте, господа, этого нельзя,—замѣтилъ гегеліанецъ, указывая на водку:—греки во время ѣды ничего не пили.

— Что жъ дѣлать?—возразилъ ему частный приставъ.—Мы безъ водочки непривычны принимать хлѣбъ-соль; намъ рюмочку-другую непремѣнно надобно вонзить въ себя, чтобы аппетитецъ разыгрался.

— Мы должны прежде выпить! — подтвердилъ Максинька, наливая себѣ самую огромную рюмку и цапнувъ ее сразу. — Фантазію это нагоняетъ... человѣкъ отъ этого умнѣе дѣлается.

— Но вотъ рыбка наша плыветъ къ намъ,—сказалъ симпозіархъ, указывая на полового, несшаго огромную паровую стерлядь, вкусный запахъ которой пріятно защекоталъ обоняніе всѣхъ.

Когда сіе благородное блюдо было покончено, то выгнанный изъ службы докторъ, не уступавшій въ количествѣ выпитой водки Максинькѣ, произнесъ еще первыя въ продолженіе цѣлаго вечера слова:

— Такія рыбы, дай Богъ, чтобы и въ Эгейскомъ морѣ водились!

— Тамъ нѣтъ такихъ: это мнѣ иностранцы говорили; наши рыбы лучшія въ свѣтѣ,—сказалъ ему на это негромко, какъ бы тайну какую, надсмотрщикъ палаты.

— Согласно вашимъ указаніямъ, — отнесся затѣмъ симпозіархъ къ молодому ученому: — я велѣлъ поросеночка изжарить; вы изволили говорить, что греки свинину кушали.

— Отлично!—одобрили частнаго пристава Максинька, докторъ и надсмотрщикъ.

— Это чортъ знаетъ что такое!.. Дай Богъ выдержать! — произнесъ камеръ-юнкеръ.

— Нѣтъ, ничего,—возразилъ ему гегеліанецъ, сдѣлавшійся ужасно оживленнымъ вслѣдствіе выпитыхъ двухъ-трехъ рюмокъ мадеры, которую частный приставъ умѣлъ какъ-то незамѣтно подливать ему.

Поросенокъ съ подрумяненной кожицей невдолгѣ былъ поданъ. Симпозіархъ крикнулъ половому:

— М-те Клико сюда на сцену!

М-ме Клико, слегка подмороженная, явилась въ количествѣ шести бутылокъ, ровно сколько было трапезующихъ, а затѣмъ, по уничтоженіи поросенка, начался уже настоящій симпозіонъ.

— Греки обыкновенно,—началъ поучать молодой ученый:— какъ народъ въ высокой степени культурный и изобрѣтательный, наполняли свои вечера играми, загадками, музыкой и остротами, которыя по преимуществу у нихъ говорили такъ называемые паразиты, то-есть люди, которымъ не на что самимъ было угощать, и они обыкновенно ходили на чужіе пиры, иногда даже безъ зова, отплачивая на это остротами.

— Это я!—отозвался самодовольно Максинька.

— Только безъ остроумія!—замѣтилъ частный приставъ.

— Ну, ужъ это не тебѣ судить!—возразилъ Максинька и отнесся къ гегеліанцу.—А какія это у нихъ загадки были? Такія же, какъ и у насъ, когда загадаешь, такъ скверно выходитъ, а отгадаешь,—ничего, хорошо?

— Какія же у насъ такія загадки?—спросилъ его, въ свою очередь, частный приставъ, напередъ ожидавшій, что Максинька что-нибудь совретъ.

— А вотъ такія,—отвѣчалъ Максинька:—идетъ свинья изъ Питера, вся истыкана.

— Да что жъ тутъ гадкаго?—допытывался частный приставъ.

— Какъ же не гадко?.. Вся истыкана, а значитъ это наперстокъ,—произнесъ Максинька и захохоталъ.

Засмѣялись за нимъ и прочіе, но не надъ загадкой, а надъ самимъ Максинькой: до того физіономія его была глупо-самодовольна.

— У грековъ, конечно, не было такихъ остроумныхъ загадокъ!—замѣтилъ молодой ученый.—У нихъ, напримѣръ, загадывалось: какое существо, рождаясь, бываетъ велико, въ среднемъ возрастѣ мало, когда же близится къ концу, то становится опять громаднымъ? Когда кто угадывалъ, того греки украшали вѣнками, подносили ему вина; кто же не отгадывалъ, того заставляли выпить чашку соленой морской воды.

— Я эту загадку могу отгадать,—вызвался самонадѣянно Максинька.

— Сдѣлайте милость, тогда мы васъ вѣнчаемъ вѣнкомъ,— объявилъ ему гегеліанецъ.

— Это коровье вымя!—произнесъ съ гордостью Максинька.

— Почему?—спросили его всѣ въ одинъ голосъ.

— Какъ почему? Потому что,—отвѣчалъ Максинька:—по утру, когда корова еще не доена, вымя у нея огромное, а какъ подоятъ въ полдень, такъ маленькое, а къ вечеру она нажрется, и у нея опять эти мамы-то сдѣлаются большія.

Нѣкоторымъ изъ слушателей такая отгадка Максиньки показалась правильною, но молодой ученый отвергнулъ ее.

— Вы ошиблись,—сказалъ онъ:—греки подъ этой загадкой разумѣли тѣнь, которая поутру бываетъ велика, въ полдень мала, а къ вечеру снова вырастаетъ.

— Это вотъ такъ, ближе къ дѣлу идетъ,—подхватилъ частный приставъ:—и поэтому тебѣ, Максинька, подобаетъ закатить соленой воды!

Но Максинька не согласился съ тѣмъ и возразилъ:

— Это, можетъ-быть, по-гречески не такъ, а по-нашему, по-русски, точно то выходитъ, что я сказалъ.

— Но я вотъ, имѣя честь слушать васъ, — сказалъ почтительно молодому ученому частный приставъ:—вижу, что дамъ тутъ никакихъ не было.

— Напротивъ, всегда призывались флейтщицы, разныя акробатки, которыя кидали искусно обручами, танцовали между ножами...

— Какъ у насъ въ циркахъ это дѣлаютъ,—замѣтилъ частный приставъ.

— Ну да!

— А въ карты и на бильярдѣ греки играли?—осмѣлился спросить молодого ученаго надсмотрщикъ.

— Греки играли въ кости, но болѣе любимая ихъ забава была игра коттабосъ; она представляла не что иное, какъ вѣсы, къ коромыслу которыхъ на обоихъ концахъ были привѣшены маленькія чашечки; подъ чашечки эти ставили маленькія металлическія фигурки. Искусство въ этой игрѣ состояло въ томъ, чтобы играющій изъ кубка сумѣлъ плеснуть въ одну изъ чашечекъ такъ, чтобы она, опускаясь, ударилась объ голову стоящей подъ ней фигурки, а потомъ плеснуть въ другую чашечку, чтобы та пересилила прежнюю и ударилась сама въ голову своей фигурки.

— Это хорошая штука, почище будетъ вашего бильярда,— отнесся частный приставъ къ упорно молчавшему доктору.

— Не знаю-съ, я не видалъ такой штуки, — промолвилъ тотъ нехотя: ему, кажется, грустно было, что въ этотъ вечеръ онъ мало облупилъ на бильярдѣ постоянную свою жертву — надсмотрщика.

На этомъ мѣстѣ бесѣды въ кофейную вошли два новые посѣтителя, это—начинавшій уже тогда пріобрѣтать себѣ громкую извѣстность Провъ Михайлычъ Садовскій, который съ наклоненною немного набокъ головой и съ нѣкоторой скукою въ выраженіи лица вошелъ неторопливой походкой; за нимъ слѣдовалъ другой господинъ, худой, въ подержаномъ фракѣ,

и очень напоминающій своей фигурой Донъ-Кихота. При появленіи этихъ лицъ выразилось общее удовольствіе; кто кричалъ: «Милый нашъ Проша!», другой: «Голубчикъ, Провъ Михайлычъ, садись, кушай!».

Товарищъ его тоже былъ опривѣтствованъ.

— Откуда ты, небесъ посланникъ?—продекламировалъ тому невзрачный камеръ-юнкеръ.

— Изъ больницы, умеръ-было совсѣмъ...—отвѣчалъ тотъ:— вообразите, посадили меня на діэту умирающихъ... Лежу я, голодаю, худѣю, наконецъ мнѣ вообразилось, что я въ святые попалъ, и говорю: «О, чудо изъ чудесъ и скандалъ для небесъ, Дьяковъ въ ракѣ и святитель въ усахъ, при штанахъ и во фракѣ!»

— Браво! — закричали всѣ на четверостишіе этого господина и вслѣдъ затѣмъ стали приставать къ Прову Михайлычу, чтобы онъ разсказалъ, какъ купцы говорятъ о пьесѣ «Гамлетъ».

Въ отвѣтъ на это Провъ Михайлычъ безъ всякаго ломанія, съѣвъ и выпивъ малую толику, прямо началъ:

— Идемъ, сударь ты мой, мы съ Иваномъ Петровымъ мимо тіатера. Я говорю: «Иванъ Петровъ, загляни въ объявленьице, Мочаловъ значится тутъ?»—«Значится-съ!» говоритъ.—«Захвати два билетика!..» Пришли-съ... Занавѣска еще не поднималась... Ради скуки по десяточку яблочковъ сжевали... Наконецъ дѣло пошло настоящимъ манеромъ, и какую, я тебѣ, братецъ ты мой, скажу, эти шельмы-актеры штуку подвели... на удивленіе только!.. Кажутъ они намъ лѣсище густѣйшій, одно слово, роща цѣлая, хоть на срубъ покупай, и выходитъ въ эту самую рощу принецъ, печальный-распечальный, какъ бы по торговлѣ что̀ случилось али съ хозяюшкой поразмолвился... Къ нему является генералъ. «Ваше высочество, говоритъ, здѣсь неблагополучно!» — «Что̀ такое?» — спрашиваетъ принецъ.—«Тятенька по ночамъ ходитъ!» А у принца, понимаешь, только передъ тѣмъ родитель побывшился, шести недѣль еще не прошло. «По ночамъ, говоритъ, ходитъ!» — «Не можетъ быть»,—говоритъ принецъ, и только онъ это слово сказалъ, смотримъ, изъ-за одного пня мужичище высокій лѣзетъ!.. Ну, какъ есть, я тебѣ говорю, живой человѣкъ, только что въ саванѣ да глоткой немного поосипъ!..

При этомъ всѣ взглянули на Максиньку, который при этомъ гордо усмѣхнулся.

— И прямо онъ подходитъ къ принцу и началъ онъ его костить: «Ты такой, этакій и разэтакій, мать твоя тоже такая!» Тотъ, братецъ, стоитъ, молчитъ; нельзя: хошь и мертвый,

все-таки жъ родитель!.. Накостивши такимъ манеромъ сына своего, этотъ самый мертвецъ стукнулъ объ полъ ногой и провалился сквозь землю. Принецъ видитъ, дѣлать нечего, идетъ къ матери. «Маменька, говоритъ, такъ и такъ, тятенька по ночамъ ходитъ!» Но королева, братецъ ты мой, вольнымъ духомъ это приняла. «Что же, говоритъ, вели тятенькѣ колъ осиновый покрѣпче въ спину вколотить!»—«Въ томъ-то и штука, говоритъ, маменька, что это не поможетъ: тятенька-то нѣмецъ!»

Всѣ искренно засмѣялись.

— Главная соль тутъ,—замѣтилъ молодой ученый:—что осиновый колъ потому не подѣйствуетъ, что тятенька нѣмецъ.

— Нѣтъ, не то,—возразилъ величаво Максинька:—главное тутъ, что дуракъ-мужикъ говоритъ, а самъ ничего не понимаетъ.

— Ты, Максинька, больше слушай, а не разсуждай,—остановилъ его частный приставъ и, обратясь съ умоляющимъ лицомъ и голосомъ къ разсказчику, началъ его упрашивать:—Голубчикъ Провъ Михайлычъ, разскажи еще про Наполеондера!

— Ну нѣтъ, будетъ!—отказывался-было тотъ.

— Разскажите, Провъ Михайлычъ!—подхватили прочія лица.

И Провъ Михайлычъ, съ блеснувшими слегка небольшими его глазами, началъ съ тою простотою, свободою и вѣрностью тона, каковая была ему столь присуща:

— Задумалъ, сударь ты мой, французъ Наполеондера выкопать, а похороненъ этотъ самый Наполеондеръ на островѣ Аленѣ, гдѣ нѣтъ ни земли ни воды, а только зыбь поднебесная. Но безъ императора всероссійскаго нельзя было того сдѣлать; они и пишутъ государю императору нашему прошеніе на гербовой бумагѣ: «Что такъ, молъ, и такъ, позвольте намъ Наполеондера выкопать!» — «А мнѣ что, говоритъ, плевать на то, пожалуй, выкапывайте!» Стали они рыться и видятъ гробъ вьявь, а какъ только къ нему, онъ глубже въ землю уходитъ... Бились они такимъ манеромъ долгое время; хорошо, что еще на умъ имъ пришло: взяли нашихъ ухтомцевъ, и тѣ въ пять дней, какъ пить дали, вырыли. Лежитъ, сударь ты мой, этотъ самый Наполеондеръ весь цѣлехонекъ, только сапогами поизносился да волосами поистратился.

Разсказъ этотъ такъ былъ хорошо произнесенъ, что даже никто не разсмѣялся, а только переглянулись всѣ между собою и какъ бы въ удивленіи пожали слегка плечами.

Подъ конецъ, впрочемъ, бесѣда была нѣсколько омрачена печальнымъ извѣстіемъ, которое принесъ вновь прибывшій

господинъ, съ лицомъ отчасти польскаго характера, въ усахъ, и какъ бы похожій на отставного военнаго, но на самомъ дѣлѣ это былъ одинъ изъ первоклассныхъ русскихъ музыкальныхъ талантовъ.

— Александръ Сергѣичъ, милости просимъ!.. Прошу васъ выпить и покушать: я сегодня праздную день моего рожденія! — воскликнулъ ему частный приставъ съ подобострастіемъ.

— Нѣтъ, не хочу, — отказался Александръ Сергѣичъ: — завтра мнѣ чортъ знаетъ какая пытка предстоитъ.

— Что такое?—спросили его почти всѣ съ безпокойствомъ.

— Лябьева завтра повезутъ на площадь лишать правъ состоянія,—произнесъ мрачнымъ голосомъ Александръ Сергѣичъ.

— Стало-быть, дѣло его рѣшено? — сказалъ съ участіемъ гегеліанецъ.

— Рѣшено-съ, — отвѣтилъ Александръ Сергѣичъ, бывшій, видимо, незнакомъ съ гегеліанцемъ: — и рѣшено безобразнѣйшимъ образомъ: его ни много ни мало приговорили на каторгу.

Общій ужасъ встрѣтилъ этотъ отвѣтъ, за исключеніемъ, впрочемъ, камеръ-юнкера, который, кажется, зналъ это прежде и въ настоящемъ случаѣ довольно равнодушнымъ тономъ проговорилъ вполголоса гегеліанцу:

— Тутъ больше всего жаль несчастную жену Лябьева; она идетъ съ нимъ на каторгу и, говорятъ, женщина больная, нервная.

Александръ Сергѣичъ между тѣмъ пересѣлъ къ фортепіано и началъ играть переведенную впослѣдствіи, а тогда еще пѣвшуюся на французскомъ языкѣ пѣсню Беранже: «Въ ногу, ребята, идите; полно, не вѣшать ружья!». Въ его отрывистой музыкѣ чувствовался бой барабана, сопровождающій обыкновенно всѣ казни. Безъ преувеличенія можно сказать, что холодныя мурашки пробѣгали при этомъ по тѣлу всѣхъ слушателей, опять-таки за исключеніемъ того же камеръ-юнкера, который, вставъ, какимъ-то вялымъ и гнусливымъ голосомъ сказалъ гегеліанцу:

— Я завтра тоже командированъ на эту процессію; хочешь, пойдемъ со мной!

— Поди ты!—отозвался тотъ съ сердцемъ:—по-моему, это самое безнравственное любопытство.

— Нѣтъ, ничего! — проговорилъ, вовсе, кажется, не находившій ничего безнравственнаго въ подобномъ любопытствѣ камеръ-юнкеръ.

XI.

На другой день зимнее утро, какъ нарочно, оказалось свѣтлымъ и тихимъ. По Москвѣ раздавался благовѣстъ къ обѣднѣ; прохожіе, благодаря свѣжему воздуху, шли болѣе обыкновеннаго оживленной и быстрой походкой; даже такъ называемые ваньки-извозчики ѣхали довольно рѣзво; по среди такого веселаго дня вдоль Волхонки, по направленію къ Конной площади, какъ уже догадывается, вѣроятно, читатель, везли на позорныхъ дрогахъ несчастнаго Лябьева въ арестантской одеждѣ, съ повѣшенной на груди дощечкой, на которой было четко написано: «убійца». За дрогами слѣдовала цѣлая толпа народа, въ которой между сермягами и полушубками виднѣлось очень много дамъ въ дорогихъ салопахъ и мужчинъ въ щеголеватыхъ бекешахъ и шубахъ. Ближе всѣхъ къ колесницѣ шла или почти въ безсознательномъ состояніи была ведена подъ руки Муза Николаевна Егоромъ Егорычемъ и Сусанной Николаевной, которые, впрочемъ, и сами еле брели. Никто изъ нихъ, равно какъ и самъ преступникъ, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ почитатели его таланта, никакъ не ожидали такого строгаго рѣшенія, а тѣмъ болѣе столь быстраго исполненія приговора; всѣми чувствовалось, что тутъ чья-то невѣдомая рука торопила блюстителей закона. Аграфена Васильевна, вся въ поту, задыхавшаяся, тоже шла невдалекѣ отъ Марѳиныхъ и всю дорогу ругала полицейскихъ чиновниковъ, сопровождавшихъ процессію.

— Это вотъ все эти архангелы-то!—кричала она:—черномазаго, небось, не притянули — откупился; а Аркашѣ, можетъ, и того сдѣлать не на что было: все у него разные подлецы обобрали.

— Не шумите, сударыня, здѣсь не мѣсто выражать ваше негодованіе!—вздумалъ-было ее остановить ѣхавшій невдалекѣ отъ нея прокуроръ.

— А ты кто такой? — спросила его гнѣвно Аграфена Васильевна.

— Я прокуроръ!—отвѣчалъ ей тотъ внушительно.

— А я сенаторша! — привела Аграфена Васильевна обычный свой аргументъ, употребляемый ею въ разныхъ случаяхъ жизни.

Прокуроръ выразилъ въ лицѣ своемъ сомнѣніе.

— Что, не вѣришь?.. Поди вонъ, спроси мужа!.. Онъ тутъ же въ каретѣ ѣдетъ!

Ѳеодосій Гаврилычъ, дѣйствительно плотнѣйшимъ образомъ

закупоренный въ своемъ возкѣ, ѣхалъ четверней за процессіей: считая себя человѣкомъ просвѣщеннымъ, онъ нашелъ нужнымъ выразить знакъ участія таланту.

Прокуроръ между тѣмъ еще что-то такое хотѣлъ возразить Аграфенѣ Васильевнѣ, но его остановилъ сидѣвшій съ нимъ въ однихъ саняхъ знакомый намъ камеръ-юнкеръ.

— Laissez la donc, cher ami, c'est une bohémienne,—сказалъ онъ ему.

— Et femme d'un sénateur en vérité?—спросилъ его прокуроръ.

— Si!—отвѣчалъ камеръ-юнкеръ.

— Вотъ видишь, какъ залепетали сейчасъ!—огрызалась на нихъ Аграфена Васильевна, а вмѣстѣ съ тѣмъ по ея полному лицу текли неудержимымъ потокомъ слезы.

Самъ преступникъ сидѣлъ, понуривъ голову, и, только по временамъ поворачивая ее назадъ, взглядывалъ на жену; на тѣхъ же дрогахъ сидѣлъ, спустивъ съ нихъ ноги, палачъ въ плисовыхъ новыхъ штанахъ, въ красной рубахѣ и въ легонькой, какъ бы кучерской поддевкѣ. Рожа у него была красная, пьяная и выражала одну только какую-то чувственность. Въ рукахъ онъ держалъ саблю Лябьева, когда-то служившаго въ гусарахъ. Наконецъ поѣздъ достигнулъ Конной площади, которая и нынѣ некрасива, а тогда просто представляла какой-то огромный пустырь, окруженный съ четырехъ сторонъ маленькими, полуразвалившимися домиками; на одной сторонѣ ея цыгане и разные русскіе барышники торговали лошадьми, или, скорѣй, невзрачными клячами. Всякій изъ нихъ, продавая свою лошадь, вскакивалъ на нее верхомъ и начиналъ лупить ее что есть силы кнутомъ и ногами по бокамъ, заставляя нестись благимъ матомъ, а самъ при этомъ дѣлалъ видъ, что будто бы едва сдерживалъ коня; зубоскальство и ругань при этомъ сыпались неумолкаемо. На другой сторонѣ площади, точно такъ же не безъ крику и ругательствъ, одни продавали, а другіе покупали дровни, оглобли, дуги, станки для хомутовъ; а посрединѣ ея, обыкновенно по торговымъ днямъ, приводились въ исполненіе уголовныя рѣшенія. Въ настоящемъ случаѣ на этомъ мѣстѣ виднѣлся эшафотъ, который окруженъ былъ цѣпью гарнизонныхъ солдатъ, съ ружьями на перевѣсъ. Въ цѣпь эту въѣхала колесница въ сопровожденіи разныхъ служебныхъ лицъ. Солдаты затѣмъ сомкнулись еще плотнѣе и отдѣлили ее окончательно отъ прочей толпы. На эшафотъ Лябьевъ вошелъ довольно твердой походкой и самъ сталъ у позорнаго столба. Частный приставъ сталъ ему читать приговоръ, но онъ его совершенно не слышалъ и все время

искалъ глазами въ толпѣ жену и Марѳиныхъ. Послѣ прочтенія приговора къ нему подошелъ священникъ, который сначала что-то такое тихо говорилъ осужденному, наконецъ громко, такъ что всѣ слышали, произнесъ: «Прощаю и разрѣшаю тя; да проститъ тебѣ и Богъ твое великое прегрѣшеніе, зане велико было покаяніе твое». Священника смѣнилъ палачъ. Тотъ пододвинулъ осужденнаго нѣсколько ближе къ столбу, поднялъ надъ головой его шпагу и, сломавъ ее, бросилъ на подмостки эшафота, при чемъ уничтоженное орудіе чести сильно звякнуло. Этого ужъ Лябьевъ не выдержалъ и пошатнулся, готовый упасть, но тотъ же палачъ съ явнымъ уваженіемъ поддержалъ его и бережно свелъ потомъ подъ руку съ эшафота на землю, гдѣ осужденный былъ принятъ полицейскими чинами и повезенъ обратно въ острогъ, въ сопровожденіи, конечно, конвоя, въ смоленой фурѣ, въ которой отвозили наказываемыхъ кнутомъ, а потому она была очень перепачкана кровью. Вслѣдъ за этимъ поѣздомъ направились первые Марѳины, держа всю дорогу въ своихъ объятіяхъ бѣдную Музу Николаевну. Не отставая отъ нихъ, поѣхали также Аграфена Васильевна и нѣсколько мужчинъ разныхъ художественныхъ профессій: музыканты, живописцы, актеры, и сверхъ того нѣкоторыя дамы изъ бомонда. Но по пріѣздѣ всего этого общества въ острогъ имъ объявили, что во внутренность тюрьмы, за исключеніемъ жены осужденнаго, никого не велѣно пускать. Егоръ Егорычъ заспорилъ было, а вмѣстѣ съ нимъ и Аграфена Васильевна: послѣдняя начала уже говорить весьма вѣскія словечки; но къ нимъ вышелъ невзрачный камеръ-юнкеръ и на чистомъ французскомъ языкѣ сталъ что-то такое объяснять Егору Егорычу, который, видимо, началъ поддаваться его словамъ, но Аграфена Васильевна снова протестовала.

— Вы мнѣ на своемъ парле-ву-франсе не болтайте, я не разумѣю; а скажите, пошто же насъ не пускаете въ тюрьму?

Камеръ-юнкеръ хотя и сухо, но вѣжливо отвѣтилъ ей, что осужденный чувствуетъ себя очень дурно и проведенъ въ больницу, а потому пустить къ нему многихъ значитъ еще больше его разстроить. Такое объясненіе показалось Аграфенѣ Васильевнѣ основательнымъ: одно ей не понравилось, что все это говорилъ невзрачный баринъ, который даже бывалъ у нихъ въ домѣ, но только всегда вмѣстѣ съ калмыкомъ, а потому, по ея мнѣнію, онъ тоже былъ изъ мошенниковъ. Когда камеръ-юнкеръ ушелъ отъ нихъ, то Аграфена Васильевна очутилась лицомъ къ лицу съ Марѳиными и съ свойственною ей несдержанностью отнеслась къ Егору Егорычу:

— Вы родственникъ Аркашѣ и мужъ этой дамы?—сказала она, показывая головой на Сусанну Николаевну.

— Мужъ, — пробормоталъ ей Егоръ Егорычъ, терзаемый раздиравшими его душу чувствованіями и потомъ удивленный такимъ вопросомъ со стороны совершенно незнакомой ему дамы.

— Для чего же вы, батенька, такъ промигали и допустили надругаться надъ Аркашей? — принялась та допекать Егора Егорыча.

— Я не допускалъ и не хотѣлъ допустить,—какъ бы оправдывался онъ: — я заставилъ Лябьева подать на Высочайшее имя прошеніе и не могу понять, зачѣмъ здѣшнія власти поспѣшили исполнить приговоръ.

— Зачѣмъ поспѣшили?.. Куплены, видно!—объяснила Аграфена Васильевна.

— Кѣмъ?—воскликнулъ Егоръ Егорычъ.

— Тѣмъ же черномазымъ чортомъ, калмыкомъ,—дополнила Аграфена Васильевна.

Егоръ Егорычъ выразилъ въ лицѣ своемъ недоумѣніе: ни о какомъ калмыкѣ онъ не слыхалъ и подозрѣвалъ въ этомъ случаѣ другое лицо, а именно—общаго врага всей ихъ родни, Тулузова, который дѣйствительно, по неудержимой, злой натурѣ своей, желая отомстить Мароину, обдѣлалъ черезъ того же члена управы, французишку, что дѣло Лябьева, спустя три дня послѣ рѣшенія, было приведено въ исполненіе.

— Хорошо, что подали, — продолжала Аграфена Васильевна. — А у меня съ вами другой еще есть общій пріятель, Петруша Углаковъ,—присовокупила она не безъ умысла, кажется.

— О, да! — произнесъ съ оттѣнкомъ удовольствія Егоръ Егорычъ.

— Я вѣдь, батюшка, хоть по мужѣ-то сенаторша, а родомъ цыганка. Вы, я думаю, слыхали обо мнѣ: Груня тутъ когда-то въ Москвѣ была? Это я! — толковала Аграфена Васильевна.

— Слышалъ о васъ; но слыхать васъ не слыхалъ! — отвѣчалъ ей Егоръ Егорычъ.

— Гдѣ ужъ вамъ по нашимъ кабакамъ и трактирамъ насъ слушать! А вотъ Петруша ѣздитъ ко мнѣ, и поемъ мы съ нимъ иногда, а что мы въ Аркашѣ-то потеряли—Господи ты, Боже мой!

Сусанна Николаевна, продолжала итти подъ руку съ мужемъ, вдругъ спросила нѣсколько боязливымъ голосомъ Аграфену Васильевну:

— Вы имѣете о Петрѣ Александрычѣ извѣстія: онъ уѣхалъ въ Петербургъ и, говорятъ, боленъ тамъ?

— Да то-то, что не имѣю: не пишетъ. Можетъ, что и умэръ!—отвѣчала та.

Сусанна Николаевна такъ затрепетала при этомъ, что Егоръ Егорычъ, шедшій съ ней подъ руку, почувствовалъ это и спросилъ:

— Ты не утомлена ли очень?

— Да, я устала!—проговорила Сусанна Николаевна взволнованнымъ голосомъ.

— Тогда поѣдемъ!—сказалъ Егоръ Егорычъ и, раскланявшись съ Аграфеной Васильевной, посадилъ жену въ карету и самъ сѣлъ около нея.

Сусанна Николаевна, усѣвшись, вдругъ поспѣшно опустила стекло въ дверцѣ кареты и крикнула Аграфенѣ Васильевнѣ:

— Вы будьте такъ добры, какъ-нибудь посѣтите насъ; мы будемъ вамъ очень рады.

— Пріѣду!—отвѣтила ей съ нѣкоторымъ лукавствомъ Аграфена Васильевна.

— Пріѣзжайте, пріѣзжайте! — крикнулъ тоже ей вслѣдъ Егоръ Егорычъ.

Аграфена Васильевна и на это предложеніе слегка усмѣхнулась. Я недаромъ еще раньше говорилъ, что она была женщина, несмотря на свою грубоватую простоту, тонко понимавшая жизнь, особенно дѣла сердечнаго свойства, и ясно уразумѣла, что Сусанна Николаевна заискиваетъ въ ней, въ надеждѣ получать отъ нея свѣдѣнія объ Углаковѣ, и что супругъ ея хоть и умный, по слухамъ, мужикъ, но ничего того не зритъ, да и ништо имъ, старымъ хрычамъ: не женитесь на молодыхъ! Къ такого рода умозаключенію Аграфена Васильевна отчасти пришла по личному опыту, такъ какъ у нея тоже былъ мужъ старше ея лѣтъ на двадцать, и она хорошо знала, каково возиться съ такими старыми опметками.

Поѣхавъ съ женой, Егоръ Егорычъ сказалъ ей:

— Ты, мой ангелъ, завези меня къ Углакову! Мнѣ нужно съ нимъ повидаться.

Сусанна Николаевна при этомъ вспыхнула.

— И я желала бы съ тобой заѣхать къ Углаковымъ: т-те Углакова, можетъ-быть, вернулась изъ Петербурга,— проговорила она тихимъ голосомъ.

— Но ты и безъ того утомлена,—возразилъ-было ей Егоръ Егорычъ.

— Ничего!.. Ты, конечно, недолго у нихъ пробудешь, — замѣтила на это Сусанна Николаевна.

— Недолго, — отвѣчалъ Егоръ Егорычъ и велѣлъ кучеру ѣхать къ Углаковымъ.

М-me Углакова не возвращалась еще изъ Петербурга, и Марѳины застали дома одного старика, который никакъ-было не хотѣлъ принять Егора Егорыча съ его супругою, потому что былъ въ дезабилье; но тотъ насильно вошелъ къ нему вмѣстѣ съ Сусанной Николаевной въ кабинетъ, и благообразный старичокъ разсыпался передъ ними въ извиненіяхъ, что они застали его въ халатѣ, хотя халатъ былъ шелковый и франтовато сшитый. Самъ онъ только-что передъ тѣмъ побрился, и лицо его, посыпанное пудрой, цвѣло удовольствіемъ по той причинѣ, что наканунѣ имъ было получено письмо отъ жены, которая увѣдомляла его, что ихъ безцѣнный Пьеръ начинаетъ окончательно поправляться и что черезъ нѣсколько дней, вѣроятно, выѣдетъ прокатиться.

— Ну, слава Богу!—воскликнулъ Егоръ Егорычъ, услыхавъ объ этомъ.

— Слава Богу! — повторила за нимъ набожно и Сусанна Николаевна, слегка даже перекрестившись.

— А мы къ вамъ прямо съ печальной и безобразной процессіи,—забормоталъ Егоръ Егорычъ:—но не объ этомъ пока дѣло: видѣлись ли вы съ нашимъ вельможей и говорили ли съ нимъ по дѣлу Тулузова?

— Видѣлся и говорилъ, конечно, — произнесъ невеселымъ тономъ Углаковъ.

— И что же?—перебилъ его нетерпѣливо Егоръ Егорычъ.

— Разскажу вамъ все подробно,—продолжалъ Углаковъ:— сначала я не понялъ, въ чемъ тутъ главная пружина состоитъ; но вижу только, что, когда я съ княземъ заговорилъ о васъ, онъ благосклонно выслушивалъ и даже прямо выразился, что немного знаетъ васъ и всегда уважалъ...

У Егора Егорыча при этомъ что-то въ родѣ презрительной усмѣшки пробѣжало по губамъ.

— Когда же я перешелъ къ Тулузову и началъ ему передавать ваши и господина Сверстова сомнѣнія касательно личности этого господина, князь вдругъ захохоталъ, и захохоталъ, я вамъ говорю, гомерическимъ хохотомъ.

— А, ему это смѣшно! — воскликнулъ Егоръ Егорычъ и, вскочивъ съ креселъ, началъ быстрыми шагами ходить по комнатѣ:—у него людей, хоть и виновныхъ, но не преступныхъ и не умѣющихъ только прятать концы, ссылаютъ на каторгу, а разбойники и убійцы настоящіе пользуются почетомъ и возвышаются!.. Это ему даромъ не пройдетъ!.. Нѣтъ!.. Я барывался съ подобными господами...

— Князь тутъ ни въ чемъ не виноватъ, повѣрьте мнѣ! — сталъ его убѣждать Углаковъ: — онъ человѣкъ благороднѣйшаго сердца, но довѣрчивъ, это правда; и я потомъ говорилъ объ этомъ же дѣлѣ съ управляющимъ его канцеляріей, который — родственникъ моей женѣ, и спрашивалъ его, откуда происте кает такая милость князя къ Тулузову и за что? Тотъ объяснилъ, что князь главнымъ образомъ полюбилъ Тулузова за ловкую хлѣбную операцію; но потомъ у него есть заступникъ за Тулузова, одинъ изъ любимцевъ князя.

— Кто такой?—спросилъ Егоръ Егорычъ.

Углаковъ при этомъ усмѣхнулся.

— Особа онъ пока еще неважная — членъ этой здѣшней управы благочинія, а нѣкогда былъ цырюльникомъ князя, брилъ его, забавляя разсказами, за что былъ имъ опредѣленъ на службу; а теперь ужъ коллежскій асессоръ и скоро, говорятъ, будетъ сдѣланъ совѣтникомъ губернскаго правленія... Словомъ, маленькій Оливье нашего добраго Людовика одиннадцатаго... Этотъ Оливье, въ присутствіи нашего родственника, весьма горячо говорилъ князю въ пользу Тулузова и обвинялъ васъ за доносъ.

— Значитъ, князь мнѣ меньше вѣритъ, чѣмъ этому цырюльнику?—воскликнулъ Егоръ Егорычъ.

— Не то, что не вѣритъ вамъ,—возразилъ Углаковъ:—но полагаетъ, что вы введены въ заблужденіе.

— Ну, такъ и чортъ его дери! — перебилъ нетерпѣливо Марѳинъ:—я поѣду въ Петербургъ и тамъ все разоблачу.

— И прекрасно сдѣлаете!—одобрилъ его намѣреніе Углаковъ:—Москва, какъ бы ни поднимала высоко носа, все-таки муравейникъ, ибо можетъ прибыть изъ Петербурга какой-нибудь буйволъ большой и сразу насъ уничтожитъ.

— Слѣдовало бы это, слѣдовало! — горячился Егоръ Егорычъ:—глупый, дурацкій городъ! Но, къ несчастью, тутъ вотъ еще что: я пріѣхалъ на ваши рамена возложить новое бремя: съѣздите, Бога ради, къ князю и убѣдите его помедлить высылкой на каторгу Лябьева, ибо тотъ подалъ просьбу на Высочайшее имя, и просите князя не отъ меня, а отъ себя: вы дружественно были знакомы съ Лябьевымъ...

— Конечно,—подхватилъ Углаковъ:—князь, навѣрное, это сдѣлаетъ, онъ такой человѣкъ, что на всякое доброе дѣло сейчасъ пойдетъ; но принять какую-нибудь противъ кого бы ни было строгую мѣру совершенно не въ его характерѣ.

— Быть такимъ безсмысленно-добрымъ такъ же глупо, какъ и быть безумно-строгимъ! — продолжалъ пѣтушиться Егоръ Егорычъ:—это ихъ узкая французская гуманитѣ, при

которой выходитъ, что она изливается только на приближенныхъ негодяевъ, а всѣ честные люди чувствуютъ северитѣ... Прощайте!.. Поѣдемъ!—затараторилъ Егоръ Егорычъ, обращаясь въ одно и то же время къ Углакову и къ женѣ.

Сусанна Николаевна, вставъ, поспѣшно проговорила Углакову:

— Пожалуйста, кланяйтесь отъ меня супругѣ вашей и Петру Александрычу!.. Передайте ему, что я душевно рада его выздоровленію, и дай Богъ, чтобы онъ никогда не хворалъ больше!

— Отъ меня то же самое передайте!—подхватилъ Егоръ Егорычъ, уходя такъ быстро изъ кабинета, что Сусанна Николаевна едва успѣвала за нимъ слѣдовать.

Ѣхавъ домой, Егоръ Егорычъ всю дорогу былъ погруженъ въ размышленія и, видимо, что-то такое весьма серьезное обдумывалъ. Съ Сусанной Николаевной онъ не проговорилъ ни одного слова; зато, оставшись одинъ въ своемъ кабинетѣ, сейчасъ сталъ писать къ Аггею Никитичу письмо:

«Сверстовъ въ Москвѣ, мы оба бодрствуемъ; не выпускайте и вы изъ вашихъ рукъ выслѣженнаго нами волка. Вамъ пишутъ изъ Москвы, чтобы вы все дѣло передали въ московскую полицію. Такое требованіе, по-моему, незаконно: Москва вамъ не начальство. Не исполняйте сего требованія или, по крайней мѣрѣ, медлите вашимъ отвѣтомъ; я сегодня же въ ночь скачу въ Петербургъ: авось Богъ мнѣ поможетъ повернуть все иначе, какъ помогалъ Онъ мнѣ многократно въ битвахъ моихъ съ разными злоумышленниками!»

Не отправляя, впрочемъ, письма сего, Егоръ Егорычъ послалъ за Сверстовымъ, жившимъ весьма недалеко въ одной гостинницѣ. Докторъ явился и, услыхавъ, гдѣ и какъ провелъ утро Егоръ Егорычъ, сталъ слегка укорять его:

— Какъ же вамъ не совѣстно меня было не взять съ собою!.. Мало ли что могло случиться, гдѣ помощь врача была бы необходима.

— Мы сами вчера только узнали объ этомъ, а потомъ позабыли о васъ...—бормоталъ Егоръ Егорычъ.

— Но однако все прошло благополучно?—спросилъ Сверстовъ.

— Пока!—отвѣчалъ Егоръ Егорычъ:—но теперь главное... Я написалъ письмо къ Звѣреву: прочитайте его!

Сверстовъ прочелъ письмо.

— Поэтому вы ѣдете въ Питеръ?—воскликнулъ онъ съ вспыхнувшею въ глазахъ радостью.

— Ѣду?

— А я?—спросилъ докторъ.

— И вы со мной поѣдете! Это необходимо! — объяснилъ Егоръ Егорычъ.

— Совершенно необходимо! — подхватилъ съ тою же радостью докторъ.—А Сусанна Николаевна?

— Конечно, поѣдетъ! — произнесъ-было сначала Егоръ Егорычъ; но, подумавъ немного, проговорилъ:—хотя меня тутъ безпокоитъ... Она все это время на видъ такая слабая; а послѣ сегодняшней процедуры, вѣроятно, будетъ еще слабѣе... Я боюсь за нее!

— Да, она и меня тревожитъ!.. У нея такой сталъ дурной цвѣтъ лица, какого она никогда не имѣла; потомъ нравственно точно какъ бы все прячется отъ всѣхъ и скрывается въ самоё себя!

Кровь стыла въ жилахъ Егора Егорыча при этихъ словахъ доктора, и мысль, что неужели Сусанна Николаевна умретъ прежде его, точно ядовитая жаба шевелилась въ его головѣ.

— Тогда что же мнѣ дѣлать? — произнесъ онъ почти въ отчаяніи, разводя руками.

Сверстовъ задумался и, видимо, употреблялъ всѣ усилія своего разума, дабы придумать, какъ тутъ лучше поступить.

— Прежде всего, по-моему, — сказалъ онъ неторопливо: — надобно спросить Сусанну Николаевну, какъ она себя чувствуетъ.

— О, она, конечно, схитритъ и обманетъ! Скажетъ, что ничего, совершенно здорова, и будетъ просить, чтобы я взялъ ее съ собой!—воскликнулъ Егоръ Егорычъ.

— Да противъ меня-то она не можетъ схитрить! — возразилъ Сверстовъ:—я все-таки докторъ и знаю душу и архей женщинъ.

— Спросимъ ее! — согласился Егоръ Егорычъ, и попрежнему къ Сусаннѣ Николаевнѣ былъ посланъ Антипъ Ильичъ.

Сусанна Николаевна пришла.

— Ну-съ, барыня моя,—началъ ее допрашивать докторъ:— мы съ супругомъ вашимъ сегодня въ ночь ѣдемъ въ Петербургъ, а вамъ какъ угодно будетъ: сопровождать насъ или нѣтъ?

На лицѣ Сусанны Николаевны на мгновеніе промелькнула радость; потомъ выраженіе этого чувства мгновенно же перешло въ страхъ, и сколь ни внимательно смотрѣли на нее въ эти минуты Егоръ Егорычъ и Сверстовъ, но рѣшительно не поняли и не догадались, какая борьба началась въ душѣ Сусанны Николаевны: мысль ѣхать въ Петербургъ и увидѣть тамъ Углакова наполнила ея душу восторгомъ, а вмѣстѣ съ

тѣмъ явилось и обычное «но». Углаковъ уже не былъ боленъ опасно, не лежалъ въ постели, начиналъ даже выѣзжать, и что̀ изъ этого произойдетъ, Сусанна Николаевна боялась и подумать; такого рода смутное представленіе возможности чего-то встало въ воображеніи молодой женщины угрожающимъ чудовищемъ, и она проговорила:

— Я бы, конечно, не желала отпустить Егора Егорыча одного; но какъ я оставлю сестру, особенно въ такое ужасное для нея время?

— Такъ, совершенно справедливо разсуждаешь! — подхватилъ довольнымъ тономъ Егоръ Егорычъ.

— Такъ, справедливо!—повторилъ за нимъ и Сверстовъ:— кромѣ того-съ, позвольте-ка мнѣ пульсъ вашъ немножко изслѣдовать!

Сусанна Николаевна подала ему свою руку. Сверстовъ долго и внимательно щупалъ ея пульсъ.

— Ни дать ни взять онъ у васъ такой теперь, какимъ былъ, когда вы исповѣдывались у вашего ритора; но тогда вѣдь прошло,—Богъ дастъ, и теперь пройдетъ! — успокаивалъ ее Сверстовъ:—ѣхать же вамъ, барыня, совсѣмъ нельзя! Извольте сидѣть дома и ничѣмъ не волноваться!

— Я постараюсь, конечно, не волноваться, — сказала на это тихимъ голосомъ Сусанна Николаевна.

— И обо мнѣ тоже не скучай очень!—замѣтилъ ей Егоръ Егорычъ.

— Да, но и ты тоже не скучай обо мнѣ! — проговорила Сусанна Николаевна, какъ бы даже усмѣхнувшись.

Трудно передать, сколько разнообразныхъ оттѣнковъ почувствовалось въ этомъ отвѣтѣ. Сусанна Николаевна какъ будто бы хотѣла тутъ, кромѣ произнесеннаго ею, сказать: «Ты не скучай обо мнѣ, потому что я не стою того и даже не знаю, буду ли я сама скучать о тебѣ!» Всѣ эти оттѣнки, разумѣется, какъ цвѣта преломившагося на мгновеніе луча, пропали и слились потомъ въ одномъ рѣшеніи:

— Мнѣ необходимо здѣсь остаться для сестры и для себя,— сказала Сусанна Николаевна.

Одобривъ такое намѣреніе ея, Егоръ Егорычъ и Сверстовъ поджидали только возвращенія изъ тюрьмы Музы Николаевны, чтобы узнать отъ нея, въ какомъ душевномъ настроеніи находится осужденный. Муза Николаевна однако не вернулась домой и вечеромъ поздно прислала острожнаго фельдшера, который грубоватымъ солдатскимъ голосомъ доложилъ Егору Егорычу, что Муза Николаевна осталась на ночь въ тюремной больницѣ, такъ какъ господинъ Лябьевъ сильно заболѣлъ.

Сусанна Николаевна, бывшая при этомъ докладѣ фельдшера сказала, обратясь къ мужу:

— Въ такомъ случаѣ, я раннимъ утромъ завтра поѣду къ сестрѣ въ тюрьму.

— Прошу тебя, прошу!—повторилъ Егоръ Егорычъ, и часа черезъ два онъ, улегшись вмѣстѣ съ Сверстовымъ въ дорожную кибитку, скакалъ на почтовыхъ въ Петербургъ, давая на каждой станціи по полтиннику ямщикамъ на водку съ тѣмъ, чтобы они скорѣй его везли.

XII.

Сверстовъ лѣтъ пятнадцать не бывалъ въ Петербургѣ, и такъ какъ, несмотря на свои сѣдины, сохранилъ способность воспринимать впечатлѣнія, то Сѣверная Пальмира, сильно украсившаяся за это время, просто потрясла его, и онъ, наскоро побрившись, умывшись и вообще пріодѣвшись, немедленно побѣжалъ посмотрѣть на Невскій проспектъ, на дворецъ, на Александровскую колонну, на набережную, на памятникъ Петра. Передъ всѣми этими дивами Петербурга Сверстовъ останавливался какъ дуракъ какой-нибудь, и, потрясая своей курчавой головой, восклицалъ самъ себѣ: «Да, да! Растемъ мы, растемъ, и что бы тамъ ни говорили про насъ, но исполинъ идетъ быстрыми шагами!». Затѣмъ, какъ бы для того, чтобы еще сильнѣе поразить нашего патріота, мимо него стали проходить возвращавшіеся съ парада кавалергарды съ своими орлами на шлемахъ, трехъаршинные почти преображенцы, курносые и съ прострѣленными киверами павловцы. Сверстовъ трепеталъ отъ восторга и началъ уже декламировать стихи Пушкина:

Иль мало насъ?.. Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля до стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ русская земля?..

Обѣдать потомъ Сверстовъ зашелъ въ Палкинскій трактиръ и, не любя, по его выраженію, французскихъ фрикасе, наѣлся тамъ ветчины и осетрины.

Прямо изъ трактира онъ отправился въ театръ, гдѣ, какъ нарочно, наскочилъ на Каратыгина въ роли Прокопа Ляпунова, который въ продолженіе всей пьесы говорилъ въ духѣ патріотическаго настроенія Сверстова и, между прочимъ, восклицалъ стоявшему передъ нимъ кичливо Делагарди: «Да знаетъ ли вашъ преслозутый Западъ, что если Русь подни-

мется, такъ вамъ почудится сѣдое море!?» Ну, попадись въ это время доктору его gnädige Frau съ своимъ постоянно антирусскимъ направленіемъ, я не знаю, что бы онъ сдѣлалъ, и не ручаюсь даже, чтобы онъ не устроилъ ей сцены самаго бурнаго свойства, тѣмъ болѣе, что за палкинскимъ обѣдомъ Сверстовъ выпилъ не три обычныя рюмочки, а около десяточка. Впрочемъ, къ концу представленія у него весь этотъ паръ нравственный и физическій поиспарился нѣсколько, и Сверстовъ побѣжалъ въ свою гостиницу къ Егору Егорычу, но того еще не было дома, чему докторъ былъ отчасти радъ, такъ какъ высокочтимый учитель его, пожалуй, могъ бы замѣтить, что ученикъ былъ немножко, какъ говорится, на третьемъ взводѣ. Егоръ Егорычъ, въ свою очередь, конечно, въ это время занятъ былъ совершенно инымъ. Онъ, еще ѣхавъ въ Петербургъ, все обдумывалъ и соображалъ, какъ ему дѣйствовать въ предпринятыхъ имъ на себя дѣлахъ, и разсчиталъ, что безпокоить и вызывать на что-либо князя Александра Николаича было бы безполезно, ибо Егоръ Егорычъ, по перепискѣ съ нѣкоторыми лицами, зналъ, что князь окончательно страдалъ глазами. Михаилъ Михайлычъ Сперанскій—увы!—былъ уже болѣе году записанъ Егоромъ Егорычемъ въ поминальникѣ. Стало-быть, изъ людей вліятельныхъ у него только и оставался нѣкогда бывшій гросмейстеръ великой провинціальной ложи Сергѣй Степанычъ. Къ нему-то онъ и отправился.

Сергѣй Степанычъ замѣтно обрадовался Егору Егорычу, и разговоръ на этотъ разъ между ними начался не о масонствѣ, а о томъ, что наболѣло у Мареина на душѣ. Разсказавъ Сергѣю Степанычу о своей женитьбѣ, о всѣхъ горяхъ своихъ семейныхъ, онъ перешелъ и къ общественному горю, каковымъ считалъ явленіе убійцы и каторжника Тулузова на горизонтѣ величія, и просилъ помочь ему во всѣхъ сихъ дѣлахъ. Сергѣй Степанычъ сначала не понялъ, о комъ собственно и о чемъ проситъ Егоръ Егорычъ, такъ какъ тотъ сталъ какъ-то еще болѣе бормотать и сверхъ того, вслѣдствіе нравственнаго волненія, говорилъ безъ всякой послѣдовательности въ мысляхъ.

— Поэтому вы прежде всего,—заговорилъ Сергѣй Степанычъ съ своей англійской важностью:—желаете исходатайствовать смягченіе участи вашего свояка. такъ, кажется, я назвалъ?

— Такъ, словомъ, Лябьевъ по фамиліи!—отвѣчалъ Егоръ Егорычъ.

— Фамилію его я помню и даже слыхалъ нѣкоторыя его музыкальныя пьесы... Но, независимо отъ прошенія его, вы

утверждаете, что онъ убилъ совершенно неумышленно своего партнера?

— Это не я одинъ, а вся Москва утверждаетъ, и говорятъ, что не онъ собственно убилъ, а какой-то негодяй есть тамъ, по прозванію калмыкъ, держащій у себя открытый картежный домъ, который подкупилъ полицію и вышелъ сухъ изъ воды... Вообще жить становится невозможнымъ.

— Да почему же ужъ такъ?—спросилъ Сергѣй Степанычъ.

— Да потому,—крикнулъ Марѳинъ:—что, во-первыхъ, порядочнымъ людямъ служить нельзя... Мы въ нашей губерніи выбрали одного честнаго человѣка въ исправники, который теперь уличаетъ этого негодяя Тулузова и вмѣстѣ съ тѣмъ каждоминутно ждетъ, что его выгонятъ изъ службы. Прежде, бывало, миротворили и кривили совѣстью ради связей, дружбы, родства; гадко это, но все же нѣсколько извинительно, а теперь выступила на смѣну тому кабацкая мощь, передъ которой преклоняется чуть ли не все государство, чающее отъ нея своего благосостоянія... И ходятъ нынѣ эти господа кабатчики, въ родѣ Тулузова, по всей землѣ русской, какъ богатыри какіе; все имъ прощается: бей, рѣжь, жги, грабь... Но зато ужъ Лябьевы не попадайся; ихъ за то, за что слѣдовало бы только на церковное покаяніе послать, упрячутъ на каторгу!..

— О, нѣтъ! Вы очень въ послѣднемъ случаѣ ошибаетесь!—поребилъ Егора Егорыча довольно рѣзко Сергѣй Степанычъ.—Если въ прошеніи господина Лябьева на Высочайшее имя достаточно выяснено, что имъ совершено убійство не преднамѣренно, а случайно, то я увѣренъ, что государь значительно смягчитъ участь осужденнаго, тѣмъ болѣе, что господинъ Лябьевъ артистъ, а государь ко всѣмъ художникамъ весьма милостивъ и внимателенъ.

— Государь, я знаю, что милостивъ,—закричалъ на это Марѳинъ:—но, по пословицѣ: «царь жалуетъ, да псарь не жалуетъ», подъ нимъ-то стоящимъ милѣе Тулузовы и кабатчики!

Въ лицѣ Сергѣя Степаныча при этомъ пробѣжало уже замѣтное неудовольствіе. Егоръ Егорычъ сколько ни горячился, но подмѣтилъ это и еще сильнѣе закричалъ:

— Я не о васъ, какихъ-нибудь десяти праведникахъ, говорю, благородствомъ которыхъ, можетъ-быть, и спасается только кормило правленія! Я не историкъ, а только гражданинъ, и говорю, какъ бы сталъ говорить, если бы меня на плаху возвели, что позорно для моего отечества, мало что оставлять убійцъ и грабителей на свободѣ, но, унижая и

оскверняя государственные кресты и чины, украшать ими сихъ негодяевъ за какую-то аки бы приносимую ими пользу.

Сколь ни прискорбно было Сергѣю Степанычу выслушивать всѣ эти запальчивыя обвиненія Егора Егорыча, но внутренно онъ соглашался съ нимъ самъ, видя и чувствуя, какъ все болѣе и болѣе творятъ беззаконія разныя силы: кабацкая, интендантская, путейская...

— Касательно того,—началъ онъ размышляющимъ тономъ:—что Тулузовъ убійца и каторжникъ, я вѣрю не вполнѣ и не вижу, изъ чего вы это усматриваете...

— Объ этомъ-съ въ нашей губерніи,—принялся выпечатывать Егоръ Егорычъ:—началось дѣло, и у меня въ рукахъ всѣ копіи съ этого дѣла; только я не знаю, къ кому мнѣ обратиться.

— Конечно, къ министру внутреннихъ дѣлъ, тѣмъ болѣе къ такому министру, какъ нынѣшній; онъ потакать не любитъ.

— Такого намъ и надо! Намъ нельзя еще жить безъ дубинки Петра!.. Но я незнакомъ совершенно съ новымъ министромъ.

— О, это все равно!—сказалъ Сергѣй Степанычъ и, немного подумавъ, присовокупилъ:—Я послѣзавтра увижусь со Львомъ Алексѣичемъ и скажу ему, что вы очень бы желали быть у него. Онъ, я увѣренъ, приметъ васъ и приметъ не офиціально, а вечеромъ.

— Мнѣ не одному у него нужно быть, а съ моимъ деревенскимъ докторомъ, который поднялъ и раскрылъ дѣло Тулузова и который по этому дѣлу имѣлъ даже предчувствіе за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, что онъ и не кто другой, какъ онъ, раскроетъ это убійство; а потому вы мнѣ и ему устройте свиданіе у министра!

— Непремѣнно!—обѣщалъ Сергѣй Степанычъ.

— А когда вы меня оповѣстите о томъ?

— Да всего лучше вотъ что,—началъ Сергѣй Степанычъ:—вы пріѣзжайте въ слѣдующую среду въ Англійскій клубъ обѣдать. Тамъ я вамъ и скажу, когда Левъ Алексѣичъ можетъ васъ принять, а вы между тѣмъ, можетъ-быть, встрѣтитесь въ клубѣ съ нѣкоторыми вашими старыми знакомыми.

— Очень радъ, очень!—отозвался на это Марѳинъ.—Ну, а какъ у васъ въ Петербургѣ масонство процвѣтаетъ? Всѣ, я думаю, на попятный дворъ удрали?

— Не могу сказать, чтобы такъ это было. Всѣ, кто были масонами, остались ими, но вымираютъ, а новыхъ не нарождается.

— Да!—согласился съ этимъ Егоръ Егорычъ и присово-

кушлъ:—хочу отъ васъ заѣхать къ князю Александру Николаичу.

— Это, конечно, слѣдуетъ вамъ сдѣлать. Только князь, вѣроятно, васъ не приметъ.

— Отчего?.. Неужели онъ такъ боленъ?

— И боленъ, а главное, князь теперь диктуетъ исторію собственной жизни Батеневу...

— Никитѣ Семенычу Батеневу?—переспросилъ Егоръ Егорычъ.

— Никитѣ Семенычу,—отвѣчалъ Сергѣй Степанычъ:—хотя, въ сущности, это вовсе не диктовка, а Батеневъ его разспрашиваетъ и самъ уже излагаетъ, начертывая буквы крупно мѣломъ на черной доскѣ, дабы князь могъ прочитать написанное.

— Это хорошій выборъ сдѣлалъ князь!—замѣтилъ Егоръ Егорычъ:—образъ мышленія Батенева чисто мистическій, но только онъ циниченъ, особенно съ женщинами!

— Этого я не скажу,—возразилъ Сергѣй Степанычъ:—и могу опровергнуть ваше замѣчаніе мнѣніемъ самихъ женщинъ, изъ которыхъ многія очень любятъ Никиту Семеныча; жена моя, напримѣръ, утверждаетъ, что его нѣсколько тривіальными, а иногда даже нескромными выраженіями могутъ возмущаться только женщины весьма глупыя и пустыя.

— Не знаю, чтобы это пустоту женщины свидѣтельствовало, а скорѣй показываетъ ея чистоту,—возразилъ Егоръ Егорычъ, видимо, имѣвшій нѣкоторое предубѣжденіе противъ Батенева: отдавая полную справедливость его уму, онъ въ то же время подозрѣвалъ въ немъ человѣка весьма хитраго, льстиваго и при этомъ еще грубо-чувственнаго.

Выѣхавъ отъ Сергѣя Степаныча, онъ прямо направился къ князю; но швейцаръ того печальнымъ голосомъ объявилъ, что князь не можетъ его принять.

— Слышалъ это я,—объяснилъ сему почтенному члену масонства Егоръ Егорычъ:—но все-таки ты передай князю, что я въ Петербургѣ и заѣзжалъ провѣдать его!

— Слушаю-съ!—произнесъ съ оттѣнкомъ нѣкотораго глубокомыслія швейцаръ.

Въ среду, въ которую Егоръ Егорычъ долженъ былъ пріѣхать въ Англійскій клубъ обѣдать, онъ поутру получилъ радостное письмо отъ Сусанны Николаевны, которая писала, что на другой день послѣ отъѣзда Егора Егорыча въ Петербургъ къ нему пріѣзжалъ старикъ Углаковъ и разсказывалъ, что когда генералъ-губернаторъ узналъ о столь строгомъ рѣшеніи участи Лябьева, то пришелъ въ удивленіе и негодо-

ваніе и, вызвавъ къ себѣ гражданскаго губернатора, намылилъ ему голову за то, что тотъ пропустилъ такой варварскій приговоръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщалъ ходатайствовать передъ государемъ объ уменьшеніи наказанія несчастному Аркадію Михайлычу. Егоръ Егорычъ, прочитавъ это извѣстіе, проникся такимъ чувствомъ благодарности, что, не откладывая ни минуты и захвативъ съ собою Сверстова, поѣхалъ съ нимъ въ Казанскій соборъ отслужить благодарственный молебенъ за государя, за московскаго генералъ-губернатора, за Сергѣя Степаныча, и самъ при этомъ рыдалъ на всю церковь: до того нервы старика были уже разбиты.

Въ Англійскомъ клубѣ изъ числа знакомыхъ своихъ Егоръ Егорычъ встрѣтилъ одного Батенева, о которомъ онъ передъ тѣмъ только говорилъ съ Сергѣемъ Степанычемъ и котораго Егоръ Егорычъ почти не узналъ, такъ какъ онъ привыкъ видѣть сего господина всегда небрежно одѣтымъ, а тутъ передъ нимъ предсталъ весьма моложавый мужчина въ завитомъ парикѣ и надушенномъ фракѣ.

— Здравствуйте, пѣтушокъ!—сказалъ ему Батеневъ нѣсколько покровительственнымъ тономъ.

Егора Егорыча немножко передернуло.

— Здравствуйте, мой милый коршунъ!—отвѣчалъ и онъ тоже покровительственно.

Батеневъ въ самомъ дѣлѣ своимъ длиннымъ носомъ и проницательными глазами напоминалъ нѣсколько коршуна.

— Вы были у князя?—продолжалъ тотъ.

— Былъ!—отвѣчалъ коротко Егоръ Егорычъ.

— И, можетъ-быть, вы желали передать князю какую-нибудь просьбу отъ васъ?

— Нѣтъ, не желаю!—отвѣчалъ рѣзко Егоръ Егорычъ, котораго начиналъ не на шутку бѣсить покровительственный тонъ Батенева, прежде обыкновенно всегда льстившаго всѣмъ или смѣшившаго публику.—И о чемъ мнѣ просить князя?—продолжалъ онъ.—Общее наше дѣло такъ теперь принижено, что и говорить о томъ грустно, тѣмъ паче, что и понять нельзя, какая причина тому?

— Причина понятная!—сказалъ ему на это Батеневъ.—Вы гдѣ теперь живете?

— Я въ Москвѣ живу.

— Ну, походите въ тамошній университетъ на лекціи естественныхъ наукъ и вслушайтесь внимательно, какіе гигантскіе успѣхи дѣлаютъ науки этого рода!.. А когда умъ человѣка столь занялся предметами міра матеріальнаго, что стремится даже какъ бы одухотворить этотъ міръ и въ самой ма-

теріи найти конечную причину, такъ тутъ всѣмъ религіямъ и отвлеченнымъ философіямъ не поздоровится, по пословицѣ: «когда Ванька поетъ, такъ ужъ Машка молчи!»

— Но это время пройдетъ!—воскликнулъ Егоръ Егорычъ.

— Не знаю; старуха еще надвое сказала: либо дождикъ, либо снѣгъ, либо будетъ, либо нѣтъ.

Разговоръ этотъ былъ прерванъ тѣмъ, что къ Егору Егорычу подошелъ Сергѣй Степанычъ.

— Левъ Алексѣичъ поручилъ мнѣ пригласить васъ и доктора пріѣхать къ нему въ субботу вечеромъ!—сказалъ онъ.

— Благодарю, благодарю!—забормоталъ Егоръ Егорычъ.— Сегодняшній день, ей-Богу, для меня какой-то особенно счастливый!—продолжалъ онъ съ навернувшимися на глазахъ слезами:—поутру я получилъ письмо отъ жены...—И Егоръ Егорычъ разсказалъ, что̀ ему передала въ письмѣ Сусанна Николаевна о генералъ-губернаторѣ.

— Это превосходно! Тогда успѣхъ почти несомнѣнный,— подхватилъ Сергѣй Степанычъ.

Въ это время стали садиться за столъ, а послѣ обѣда Егоръ Егорычъ тотчасъ уѣхалъ домой, чтобы отдохнуть отъ всѣхъ пережитыхъ имъ, хоть и радостныхъ, но все же волненій. Отдохнуть ему однако не удалось, потому что, войдя въ свой номеръ, онъ на столѣ нашелъ еще письмо отъ Сусанны Николаевны. Ожидая, что это новая печальная вѣсть о чемъ-либо, онъ обмеръ отъ страха, который, впрочемъ, оказался совершенно неосновательнымъ. Сусанна Николаевна отправила это письмо вечеромъ того же дня, какъ послано было ею первое письмо. Сдѣлала она это аки бы затѣмъ, что въ прежнемъ посланіи забыла исполнить порученіе старика Углакова, который будто бы умолялъ Егора Егорыча навѣстить его Пьера и увѣдомить черезъ Сусанну Николаевну, дѣйствительно ли тотъ поправляется отъ своей болѣзни. Все это, конечно, было говорено старикомъ Углаковымъ, но только не совсѣмъ такъ, какъ писала Сусанна Николаевна. Углаковъ выразилъ только желаніе, что не навѣститъ ли Егоръ Егорычъ его Пьера и не увѣдомитъ ли его хоть единою строчкою о состояніи здоровья того. Сусанна Николаевна, какъ мы видѣли, простое названіе назвала мольбою, а надежду старика, что Егоръ Егорычъ увѣдомитъ его о Пьерѣ, она перемѣнила на убѣдительную просьбу написать Сусаннѣ Николаевнѣ о томъ, какъ Пьеръ себя чувствуетъ, и она уже отъ себя хотѣла извѣстить безпокоящагося отца.

Для читателя, конечно, понятно, для чего были сдѣланы и придуманы Сусанной Николаевной сіи невинныя перемѣны, и

къ этому надо прибавить одно, что въ промежутокъ времени между этими двумя письмами Сусанна Николаевна испытала мучительнѣйшія колебанія. Начавъ писать первое письмо, она твердо рѣшила не передавать Егору Егорычу желанія старика Углакова, что, какъ мы видѣли, и исполнила, но, отправивъ письмо на почту, впала почти въ отчаяніе отъ мысли, что зачѣмъ же она лишаетъ себя отрады получить хоть коротенькое извѣстіе о здоровьѣ человѣка, который оттого, вѣроятно, и боленъ, что влюбленъ въ нее безумно.

Ничего этого, конечно, не подозрѣвая, Егоръ Егорычъ въ тотъ же вечеръ поѣхалъ къ Углакову. Пьеръ, хотя уже и одѣтый, лежалъ еще въ постели. Услыхавъ, что пріѣхалъ Марѳинъ, онъ почти во все горло закричалъ сидѣвшей съ нимъ матери:

— Маман, встрѣтьте поскорѣе Егора Егорыча и спросите, съ нимъ ли Сусанна Николаевна.

М-me Углакова грустно улыбнулась и встала-было, чтобы итти навстрѣчу гостю, но Егоръ Егорычъ самъ влетѣлъ въ комнату больного.

— А Сусанна Николаевна?—обратился къ тому Пьеръ.

— Она въ Москвѣ и обоимъ вамъ кланяется.

Пьеръ надулся. Онъ никакъ не ожидалъ, чтобы Егоръ Егорычъ пріѣхалъ безъ Сусанны Николаевны.

— Развѣ она не захотѣла ѣхать въ Петербургъ? — спросилъ онъ.

— Не захотѣла, потому что ей нельзя оставить сестру, которая, какъ вы знаете, въ страшномъ горѣ,—объяснилъ Егоръ Егорычъ и началъ потомъ подробно разспрашивать m-me Углакову, чѣмъ собственно былъ боленъ ея сынъ, и когда та сказала, что у него была нервная горячка, Егоръ Егорычъ не повѣрилъ тому и подумалъ попрежнему, что молодой повѣса, вѣроятно, покутилъ сильно.

— Діэту вамъ, мой милый, надобно держать: ѣсть меньше, вина не пить!—сказалъ онъ, обращаясь къ Пьеру.

— Ахъ, онъ теперь ничего почти не кушаетъ и совершенно не пьетъ вина!

— Это раньше надобно было дѣлать! Діэта предохраняетъ насъ отъ многихъ болѣзней.

Весь этотъ разговоръ Пьеръ слушалъ молча и надувшись, думая въ то же время про себя: «Неужели этотъ старый сморчокъ не понимаетъ, что я оттого именно и боленъ, что онъ живетъ еще на свѣтѣ и не засохъ совсѣмъ!»

Къ концу визита Егоръ Егорычъ неумышленно, конечно, но помазалъ елеемъ душу Пьера.

— Сусанна Николаевна весьма соболѣзнуетъ о вашемъ нездоровьѣ,—сказалъ онъ, обращаясь къ нему:—и я сегодня же напишу ей, какимъ я васъ молодцомъ засталъ. А вы здѣсь долго еще останетесь?—отнесся онъ къ m-me Углаковой.

— Ахъ, не думаю! Если выздоровленіе Пьера пойдетъ такъ же успѣшно, какъ теперь идетъ, то мы черезъ мѣсяцъ же возвратимся въ Москву.

— И monsieur Pierre оставляетъ Петербургъ и переѣдетъ съ вами въ Москву?—спросилъ Егоръ Егорычъ.

— Конечно, безъ сомнѣнія!—подхватила m-me Углакова:— что̀ ему въ этомъ ужасномъ климатѣ оставаться? Да и скучаетъ онъ очень по Москвѣ.

— Поэтому au revoir! — произнесъ Егоръ Егорычъ, обращаясь къ матери и къ сыну, и съ обычной для него быстротою исчезъ.

Вскорѣ наступившая затѣмъ суббота была знаменательнымъ и тревожнымъ днемъ для Сверстова по той причинѣ, что ему предстояло вмѣстѣ съ Егоромъ Егорычемъ предстать передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а это было ему нелегко, такъ какъ, съ одной стороны, онъ терпѣть не могъ всѣхъ министровъ, а съ другой—и побаивался ихъ, тѣмъ болѣе, что онъ тутъ являлся какъ бы въ качествѣ доносчика. Послѣдняя мысль до такой степени обезпокоила его, что онъ открылся въ томъ Егору Егорычу.

— Что̀ за вздоръ? — воскликнулъ тотъ съ нѣкоторой даже запальчивостью.—Дай Богъ, чтобы въ Россіи побольше было такихъ доносчиковъ! Я самъ тысячекратно являлся такимъ извѣтчикомъ и никогда не смущался тѣмъ, помня, что, дѣлая и говоря правду, грѣха бояться нечего.

Въ пріемной министра, прилегающей къ его кабинету, по случаю вечерняго времени, никого изъ просителей не было и сидѣлъ только дежурный чиновникъ, который, вѣроятно, заранѣе получилъ приказаніе, потому что, услыхавъ фамиліи прибывшихъ, онъ безъ всякаго доклада отворилъ имъ двери въ кабинетъ и предложилъ войти туда. Тѣ вошли: Егоръ Егорычъ, по обыкновенію, топорщась, а Сверстовъ—какъ будто бы его кто сжалъ и давилъ въ тискахъ. За большимъ письменнымъ столомъ они увидали министра въ новомъ, съ иголочки, вицмундирѣ, съ сильно желтоватымъ цвѣтомъ довольно красиваго, но сухого лица, на которомъ какъ бы написано было, что министръ умѣлъ только повелѣвать и больше ничего. Увидавъ посѣтителей, онъ мотнулъ имъ головой и небрежно указалъ на два стула около стола. Егоръ Егорычъ совершенно свободно плюхнулъ на свой стулъ, а Сверстовъ, проклиная свою глупую робость, едва согнулъ себя, чтобы

сѣсть. Министръ съ перваго же слова началъ разспрашивать о дѣлѣ и о личности Тулузова. Егоръ Егорычъ, догадываясь, что у его сотоварища отъ смущенія прилипъ языкъ къ гортани, началъ вмѣсто него выпечатывать все, касающееся существа тулузовскаго дѣла, и только по временамъ обращался къ Сверстову и спрашивалъ его:

— Такъ я говорю?

— Совершенно такъ! — подтверждалъ тотъ, мрачно смотря въ полъ.

Затѣмъ, послѣ множества переходовъ въ разговорѣ на разныя подробности, министръ прямо уже отнесся къ Сверстову:

— Отъ васъ перваго, какъ я усматриваю, подано заявленіе въ земскій судъ?..

— Отъ меня-съ, потому что подозрѣніе касательно личности господина Тулузова мнѣ одному принадлежало, или, точнѣе сказать, для одного меня составляетъ твердое убѣжденіе! — постарался Сверстовъ выразиться нѣсколько покраснорѣчивѣе.

— А мнѣ вы можете повторить ваше заявленіе? — продолжалъ министръ совершенно сухимъ тономъ.

— Могу, ваше превосходительство, вамъ, и государю, и Богу повторить мой извѣтъ,—произнесъ съ твердостью Сверстовъ.

— Въ такомъ случаѣ подайте мнѣ завтра же докладную записку!—присовокупилъ министръ.

— Она у меня написана, ваше высокопревосходительство,— поправился въ наименованіи титула Сверстовъ и подалъ заранѣе имъ приготовленный, по совѣту Егора Егорыча, извѣтъ на Тулузова.

Министръ, прочитавъ чрезвычайно внимательно всю бумагу отъ начала до конца, сказалъ, болѣе обращаясь къ Егору Егорычу:

— Хоть все это довольно правдоподобно, однако я долженъ предварительно собрать справки и теперь могу сказать лишь то, что требованіе московской полиціи передать дѣло господина Тулузова къ ея производству я нахожу неправильнымъ, ибо всѣ слѣдствія должны быть производимы въ мѣстахъ первичнаго ихъ возникновенія, а не по мѣсту жительства обвиняемыхъ, и это распоряженіе полиціи я пресѣку.

— А намъ только того и нужно-съ! — полувоскликнулъ Егоръ Егорычъ и взглядомъ далъ знать Сверстову, что пора раскланяться.

Когда они вышли отъ министра, то прежде всего, точно вырвавшись изъ какого-нибудь душнаго мѣста, постарались вздохнуть поглубже чистымъ воздухомъ, и Егоръ Егорычъ хо-

тѣлъ-было потомъ свезти доктора еще къ другому важному лицу, Сергѣю Степанычу, но старый бурсакъ уперся противъ этого руками и ногами.

— Господь съ ними, съ этими сильными міра сего! Имъ говоришь, а они подозрѣваютъ тебя и думаютъ, что лжешь, того не понимая, что развѣ легко это говорить!—воскликнулъ онъ и, не сѣвъ съ Егоромъ Егорычемъ въ сани, проворно ушелъ отъ него.

Такимъ образомъ Марѳинъ заѣхалъ одинъ къ Сергѣю Степанычу, который встрѣтилъ его съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ.

— Были вы у министра и получили тамъ успѣхъ?—спросилъ онъ.

— Былъ и, кажется, не безъ успѣха, — отвѣчалъ Егоръ Егорычъ.

— А я вамъ приготовилъ еще новую радость: участь Лябьева смягчена государемъ; онъ назначенъ только къ временной ссылкѣ въ Тобольскую губернію.

— Благодѣтель вы человѣчества!—воскликнулъ Егоръ Егорычъ и бросился обнимать Сергѣя Степаныча съ такой быстротой, что если бы тотъ не поспѣшилъ наклониться, то Егоръ Егорычъ, по своей малорослости, обнялъ бы его животъ, а не грудь.

Нетерпѣніе моихъ спутниковъ возвратиться поскорѣе въ Москву такъ было велико, что они, не медля ни минуты, отправились въ обратный путь и были оба исполнены несказаннаго удовольствія: Сверстовъ отъ мысли, что ему больше не будетъ надобности являться къ сильнымъ міра сего, а Егоръ Егорычъ предвкушалъ радостное свиданіе съ Сусанной Николаевной и Лябьевыми. Что̀ касается дѣла Тулузова, оставшагося въ нерѣшенномъ еще положеніи, то оно много не заботило Егора Егорыча: по безконечной добротѣ своей онъ больше любилъ вершить дѣла добрыя и милостивыя, а не карательныя.

XIII.

Дамы, обозначенныя мизернымъ камеръ-юнкеромъ подъ буквами Н., Р. и Ч., которыхъ Тулузовъ, равно какъ и супругу свою, прикрываясь полиціей, засталъ среди ихъ невинныхъ развлеченій, подняли противъ него цѣлый походъ и стали частью сами, а частью черезъ родныхъ своихъ и знакомыхъ доводить до свѣдѣнія генералъ-губернатора, что нельзя же дозволять разнымъ полудикимъ мужьямъ и полупьянымъ полицей-

окимъ чиновникамъ являться на совершенно неполитическія сборища и только что не палками разгонять общество, принадлежавшее къ лучшему московскому кругу. Добрый властитель Москвы по поводу такихъ толковъ имѣлъ наконецъ серьезное объясненіе съ оберъ-полицеймейстеромъ, при чемъ оказалось, что оберъ-полицеймейстеръ совершенно не зналъ ничего этого и, возвратясь отъ генералъ-губернатора, вызвалъ къ себѣ полицеймейстера, въ районѣ котораго случилось это событіе, но и тотъ ничего не вѣдалъ, и въ концѣ концовъ обнаружилось, что все это устроилъ безъ всякаго предписанія со стороны начальства толстенькій частный приставъ, которому оберъ-полицеймейстеръ за сію продѣлку предложилъ подать въ отставку; но важеватый другъ актеровъ однако вывернулся: онъ какъ-то долѣзъ до генералъ-губернатора, сталъ передъ нимъ на колѣни, расплакался и повторялъ только: «Ваше сіятельство! я полагалъ, что это Евинъ клубъ; за Евинъ клубъ, ваше сіятельство, я счелъ это... Конечно, ваше сіятельство, это была ошибка моя, но ошибка невинная!» Мастистый властитель, повѣривъ, что это въ самомъ дѣлѣ была невинная ошибка со стороны частнаго пристава, позволилъ ему остаться на службѣ, строго наказавъ ему, чтобы впредь подобныхъ ошибокъ онъ не дѣлалъ.

Вскорѣ послѣ того къ генералъ-губернатору явился Тулузовъ и, вѣроятно, предувѣдомленный частнымъ приставомъ, началъ-было говорить объ этомъ столь близкомъ ему дѣлѣ, но властитель отклонилъ даже разговоръ объ этомъ и выразился такимъ образомъ: «Les chevaliers aux temps les plus barbares faisaient mourir leurs femmes, poussés par la jalousie, mais ne les deshonoraient jamais en public!» Тулузовъ не вполнѣ, конечно, понялъ эту фразу, но зато совершенно уразумѣлъ, что генералъ-губернаторъ недоволенъ имъ за его поступокъ съ Екатериной Петровной. Но этимъ начавшаяся надъ нимъ невзгода еще не окончилась... Здѣсь, впрочемъ, я долженъ вернуться нѣсколько назадъ.

Заставъ жену на аѳинскомъ вечерѣ, Тулузовъ первоначально напугалъ ее, сказавъ, что она будетъ арестована, а потомъ объяснилъ, что ей можно откупиться отъ этой бѣды только тѣмъ, если она дастъ ему, Тулузову, купчую крѣпость на деревню Ѳедюхино, по которой значится записаннымъ Савелій Власьевъ, человѣкъ весьма нужный для него въ настоящее время. Екатерина Петровна, пристыженная и растерявшаяся, согласилась и на другой же день, какъ мы знаемъ, продала по купчей это имѣньице Тулузову, и затѣмъ супруги совершенно перестали видаться. Но такъ какъ вся Москва почти

знала, что генералъ-губернаторъ весьма милостиво взглянулъ на аѳинскія сборища, то оныя были возобновлены, и въ нихъ принялись участвовать прежнія дамы, не выключая и Екатерины Петровны, которая однако, къ великому огорченію своему, перестала на этихъ сборищахъ встрѣчать театральнаго женъ-премьера, до такой степени напуганнаго происшедшимъ скандаломъ, что онъ не являлся болѣе и на домъ къ Екатеринѣ Петровнѣ. Какъ бы на выручку ея изъ горестнаго одиночества на аѳинскія сборища успѣлъ пробраться знакомый намъ камеръ-юнкеръ и сразу же сталъ ухаживать за m-me Тулузовой. Конечно, такой мизерный господинъ для всякой женщины не большою былъ находкой; но по пословицѣ: на безрыбьѣ и ракъ рыба, сверхъ того, если принять въ расчетъ собственное признаніе Екатерины Петровны, откровенно говорившей своимъ пріятельницамъ, что она безъ привязанности не можетъ жить, то весьма будетъ понятно, что она уступила ухаживаньямъ камеръ-юнкера и даже совершенно утѣшилась въ потерѣ краснваго женъ-премьера. Камеръ-юнкеръ, съ восторгомъ занявшій такого рода постъ около m-me Тулузовой, оказался столь же, если еще не больше трусливымъ по характеру, какъ и юный театральный любовникъ, такъ что всякій разъ, когда monsieur chambellan бывалъ у Екатерины Петровны, то ему чудилось, что вотъ сойдетъ сейчасъ сверху скотина Тулузовъ и велитъ его отдуть палками. Чтобы спасти себя отъ подобнаго непріятнаго казуса, камеръ-юнкеръ придумалъ разсказывать Екатеринѣ Петровнѣ городскіе слухи, въ которыхъ будто бы всѣ ее осуждали единогласно, что она послѣ такого варварскаго съ ней поступка мужа продолжаетъ съ нимъ жить, тѣмъ болѣе, что она сама имѣетъ совершенно независимое отъ него состояніе. Сначала Екатерина Петровна возражала нѣсколько и говорила, что разойтись съ мужемъ вовсе не такъ легко, особенно съ такимъ человѣкомъ, какъ Тулузовъ, потому что онъ рѣшится на все.

— Тогда и противъ него надобно рѣшиться на все!—возразилъ камеръ-юнкеръ.

— Но что же я могу сдѣлать? — спросила Екатерина Петровна.

Камеръ-юнкеръ даже разсмѣялся при такомъ наивномъ, по его мнѣнію, вопросѣ ея.

— Все, что вы захотите!—воскликнулъ онъ:—неужели вы не чувствуете, въ какое время мы живемъ? Сколь ни грубый городъ Москва, но все-таки общественное мнѣніе въ подобныхъ случаяхъ всегда стоитъ за женщину.

Екатерина Петровна хоть и согласилась, что нынче дѣй-

ствительно стали отстаивать слабыхъ, бѣдныхъ женщинъ, но все-таки сдѣлать какой-нибудь рѣшительный шагъ колебалась, считая Тулузова почти не за человѣка, а за дьявола. Тогда камеръ-юнкеръ, какъ самъ человѣкъ мнительный и способный придумать всевозможныя опасности, навелъ ее за однимъ секретнымъ ужиномъ на другого рода страхъ.

— Наконецъ, — сказалъ онъ: — мужъ вашъ, имѣя въ виду седьмую часть вашего состоянія, способенъ отравить васъ!

Такое предположеніе Екатерину Петровну поразило.

— Какъ же онъ отравитъ меня?—спросила она.—Я никогда съ нимъ не обѣдаю, ни чаю не пью вмѣстѣ?

— Тѣмъ удобнѣе это сдѣлать для него. Онъ подкупитъ повара и подложитъ какого-нибудь снадобья, а нынче такіе яды изобрѣтены, что на вкусъ не узнаешь...

— О, зачѣмъ вы меня такъ пугаете?!—произнесла укоризненнымъ голосомъ Екатерина Петровна и для придачи себѣ храбрости вышила залпомъ стаканъ довольно крѣпкаго пюи.

— Я дѣлаю только логическій выводъ изъ того порядка вещей, какимъ вы обставлены... А развѣ вы сомнѣваетесь, что мужъ вашъ способенъ сдѣлать подобную вещь?

— Нѣтъ, я не то, что сомнѣваюсь...—произнесла Екатерина Петровна, и такъ какъ была съ нѣсколько уже отуманенной головой, то разсказала своему обожателю о подозрѣніяхъ въ личности Тулузова, а равно и о томъ, что объ этомъ началось дѣло, отъ котораго Тулузовъ до сихъ поръ увертывается.

— Гдѣ же это дѣло производится? — спросилъ камеръ-юнкеръ съ явнымъ удовольствіемъ: ему весьма было бы пріятно поймать Тулузова по какому бы то ни было дѣлу и упрятать его подальше.

— Не знаю!—отвѣчала Екатерина Петровна.

— Кто жъ, по крайней мѣрѣ, это дѣло началъ и возбудилъ?—разспрашивалъ камеръ-юнкеръ.

— Это одинъ мой родственникъ по первому мужу, Маронинъ, который давно вредитъ Тулузову.

— Гдѣ теперь этотъ родственникъ?

— Въ Москвѣ.

— Но не можете ли вы поѣхать къ нему и разспросить его о дѣлѣ вашего мужа?

— Нѣтъ,—отвѣчала, отрицательно мотнувъ головой, Екатерина Петровна:—послѣ исторіи съ нашимъ аѳинскимъ вечеромъ Маронинъ, вѣроятно, меня не приметъ.

На этомъ кончилось совѣщаніе камеръ-юнкера съ Екатериной Петровной, но она потомъ не спала всю ночь, и ей безпрестанно мерещилось, что мужъ ее отравитъ, такъ что на

другой день, едва Тулузовъ возвратился отъ генералъ-губернатора, она послала къ нему пригласить его прійти къ ней.

Василій Иванычъ, предчувствуя заранѣе что-то недоброе для него, пошелъ на приглашеніе супруги неохотно. Екатерина Петровна приняла его гнѣвно и величественно и съ перваго же слова сказала ему:

— Послѣ всѣхъ вашихъ продѣлокъ противъ меня вы, надѣюсь, понимаете, что продолжать мнѣ жить съ вами глупо и неприлично...

Тулузова сильно покоробили эти слова.

— Какую же продѣлку мою вы разумѣете?

— Да хоть послѣднюю, которою вы осрамили меня на всю Москву, — отвѣчала, злобно взглянувъ на мужа, Екатерина Петровна.

— Это, конечно, былъ неосторожный и необдуманный поступокъ съ моей стороны, — отвѣчалъ онъ, едва выдерживая уставленный на него взглядъ жены.

— А мнѣ, напротивъ, онъ показался очень обдуманнымъ и выгоднымъ для васъ! — подхватила, съ тою же злостью разсмѣявшись, Екатерина Петровна:—я заплатила вамъ за него двадцатью душами, въ числѣ которыхъ находится любимецъ вашъ Савелій Власьевъ.

Она знала черезъ людей, что Савелій Власьевъ постоянно разспрашивалъ у всѣхъ объ образѣ ея жизни и обо всемъ, конечно, докладывалъ барину.

— Если вамъ угодно, я вамъ заплачу̀ за эти двадцать душъ,—продолжалъ Тулузовъ, видимо, желавшій на этотъ разъ поумилостивить Екатерину Петровну.

— О, нѣтъ, зачѣмъ же? — воскликнула она: — если бы я стала получать съ васъ всѣ ваши долги мнѣ, вамъ пришлось бы много заплатить, и я теперь требую отъ васъ одного, чтобы вы мнѣ выдали бумагу на свободное прожитіе въ продолженіе всей моей жизни, потому что я желаю навсегда разъѣхаться съ вами и жить въ разныхъ домахъ.

Тулузовъ, кажется, вовсе не ожидалъ услышать такое рѣшеніе со стороны жены.

— Но, Катерина Петровна,—произнесъ онъ почти жалобнымъ голосомъ:—это будетъ новый скандалъ, за который меня и васъ опять обвинятъ.

— Скандаловъ я не боюсь, — возразила она попрежнему злобно-насмѣшливымъ тономъ:—я столько ихъ имѣла въ жизни, какъ и вы, я думаю, тоже!..

— У меня не было въ жизни скандаловъ,—имѣлъ наглость сказать Тулузовъ, такъ что Екатерина Петровна не удержа-

лась и презрительно засмѣялась при этомъ. — И главное, — продолжалъ онъ: — какой мы предлогъ изберемъ для нашего разъѣзда? Если бы произошло это тотчасъ за послѣднимъ несчастнымъ случаемъ, такъ это показалось бы понятнымъ; но теперь, по прошествіи мѣсяца...

— Время тутъ ничего не значитъ! — перебила его Екатерина Петровна:—сначала я была ошеломлена, не поняла хорошо; но теперь я вижу, какую вы ловушку устроили для меня вашимъ *неосторожнымъ поступкомъ*.

— Я въ этомъ поступкѣ моемъ прошу у васъ прощенія,— попробовалъ-было еще разъ умилостивить жену Тулузовъ.

— А я васъ не прощаю и не извиняю,—отвѣтила та ему:— и скажу прямо: если вамъ не угодно будетъ дать сегодня же бумагу, которую я требую отъ васъ, то я ѣду къ генералъ-губернатору и разскажу ему всю мою жизнь съ вами:—какъ вы развращали перваго моего мужа и подставляли ему любовницъ, какъ потомъ женились на мнѣ и прибрали къ себѣ въ руки весь капиталъ покойнаго отца, и наконецъ передамъ ему тѣ подозрѣнія, которыя имѣетъ на васъ Мароинъ и по которымъ поданъ на васъ доносъ.

Тулузовъ дѣлалъ неимовѣрныя усилія надъ собой, чтобы скрыть свой почти ужасъ, и проговорить:

— Ничего вамъ не придется этого дѣлать. Я дамъ желаемую вами бумагу и хотѣлъ бы только, чтобы мы разстались по-дружески, а не врагами.

— Это я могу вамъ обѣщать,—отвѣчала насмѣшливо Екатерина Петровна: — и, съ своей стороны, тоже прошу васъ, чтобы вы меня послѣ того ничѣмъ не тревожили, не посѣщали никогда и денегъ отъ меня больше не требовали.

— Извольте-съ! — сказалъ Тулузовъ, слегка пожавъ плечами.—За этимъ вамъ собственно и угодно было позвать меня?

— За этимъ,—подтвердила Екатерина Петровна.

Тулузовъ поклонился ей и ушелъ, а вечеромъ прислалъ ей видъ на отдѣльное отъ него житье.

Пока все это происходило, Егоръ Егорычъ возвратился съ Сверстовымъ въ Москву. Первое, о чемъ спросила его Сусанна Николаевна, это—о здоровьѣ Пьера Углакова.

— Совершенно поправляется и скоро пріѣдетъ въ Москву,— отвѣчалъ Егоръ Егорычъ.

Сусанна Николаевна, услышавъ это, одновременно обрадовалась и обмерла отъ страха, и когда потомъ возникъ вопросъ о времени отправленія Лябьевыхъ въ назначенное имъ мѣсто жительства, то она, съ своей стороны, подала голосъ за скорѣйшій отъѣздъ ихъ, потому что тамъ они будутъ жить все-

таки на свѣжемъ воздухѣ, а не въ тюрьмѣ. Подъ вліяніемъ ея мнѣнія, Егоръ Егорычъ сталъ хлопотать объ этомъ черезъ старика Углакова, и тутъ же его обезпокоилъ вопросъ, чѣмъ Лябьевы будутъ жить на поселеніи? Онъ сказалъ объ этомъ первоначально Сусаннѣ Николаевнѣ, та спросила о томъ сестру и послѣ разговора съ ней объявила Егору Егорычу:

— Вообрази, у нихъ есть средства! Помнишь ту подмосковную, которую мамаша такъ настоятельно хотѣла отдать Музѣ? Она у нихъ сохранилась. Лябьевъ, проигравъ все свое состояніе, никакъ не хотѣлъ продать этого имѣнія и даже выкупилъ его, а кромѣ того, если мы отдадимъ ту часть, которая досталась мнѣ послѣ мамаши, они будутъ совершенно обезпечены.

— Превосходно, превосходно! — восклицалъ на все это Егоръ Егорычъ: — я буду управлять этимъ имѣніемъ и буду высылать имъ деньги, а тамъ они и сами возвратятся скоро въ Москву.

Отправка Лябьева назначена была весьма скоро послѣ того, и имъ даже дозволено было ѣхать въ своемъ экипажѣ вслѣдъ за конвоемъ. Объ ихъ прощаніи съ родственниками и друзьями говорить, конечно, нечего. Ради характеристики этого прощанія, можно сказать только, что оно было короткое и совершенно молчаливое; одна только Аграфена Васильевна разревѣлась и все кричала своему обожаемому Аркашѣ:

— Ты смотри же, тамъ въ Сибири сочини еще «Соловья»!

Въ самый день отъѣзда Лябьевыхъ Сусанна Николаевна сказала мужу, что она непремѣнно желаетъ послѣзавтра же уѣхать въ деревню, да и докторъ Сверстовъ, сильно соскучившись по своей gnädige Frau, подговаривалъ къ тому Егора Егорыча, такъ что тотъ, не имѣя ничего противъ скораго отъѣзда, согласился на то.

Екатерина Петровна между тѣмъ разъѣхалась съ мужемъ и наняла себѣ квартиру на сколь возможно отдаленной отъ дома Тулузова улицѣ.

Тулузовъ, съ которымъ она даже не простилась, послѣ объясненія съ нею, видимо, былъ въ какомъ-то афрапированномъ состояніи и все совѣщался съ Савеліемъ Власьевымъ, передъ смѣткой и умомъ котораго онъ замѣтно началъ пасовать, и когда Савелій (это было на второй день переѣзда Екатерины Петровны на новую квартиру) пришелъ къ нему съ обычнымъ докладомъ по дѣламъ откупа, Тулузовъ сказалъ ему:

— Катерина Петровна не будетъ больше жить со мною, и потому въ ея отдѣленіе я перевожу главную контору мою; кромѣ того, и ты можешь помѣститься тамъ съ твоей семьей.

Савелій передъ тѣмъ только женился на весьма хорошень-

кой особѣ, которая была изъ мѣщанскаго званія и съ весьма порядочнымъ приданымъ. За предложенную ему квартиру онъ небольшимъ поклономъ поблагодарилъ своего господина.

— А что, скажи, Лябьева сослали?—спросилъ тотъ.

— Отправили-съ, но только не въ каторгу, а на поселенье,— объяснилъ Савелій.

— Почему жъ такъ?—воскликнулъ Тулузовъ съ неудовольствіемъ.

— Мнѣ нашъ частный приставъ передавалъ, что самъ государь повелѣлъ господина Лябьева только выслать на жительство въ Тобольскую губернію.

Такое извѣстіе взбѣсило Тулузова, и онъ почуялъ въ немъ дурное предзнаменованіе для себя.

— Кто жъ ему это выхлопоталъ?—отнесся онъ какъ-то ужъ строго къ Савелію.

— Частный приставъ сказывалъ, что господинъ Маровинъ хлопоталъ по этому дѣлу очень много.

— А эта гадина еще здѣсь?

— Никакъ нѣтъ-съ, уѣхалъ въ имѣніе свое; я нарочно заходилъ къ нимъ на квартиру справляться, но никого тамъ не нашелъ, и дверь заколочена.

— Для насъ очень хорошо и полезно, что чортъ его унесъ... Ну, а дѣла моего еще не прислали сюда?

— Никакъ нѣтъ-съ, не шлютъ!

— Но какъ же они смѣютъ это дѣлать?.. Значитъ, тебѣ опять надобно ѣхать туда.

Савелій при этомъ приказаніи вспыхнулъ въ лицѣ.

— Ѣхать-съ, Василій Иванычъ, я готовъ, но пользы отъ того не будетъ никакой! — возразилъ онъ: — тамошній господинъ исправникъ недаромъ Звѣревымъ прозывается, какъ есть звѣрь лютый... Изобьетъ меня еще разъ, тѣмъ и кончится... Нельзя ли вамъ какъ-нибудь у генералъ-губернатора, что ли, или у тамошняго губернатора похлопотать?

— Нигдѣ я не могу хлопотать, понимаешь ли? Меня судьба лупитъ со всѣхъ сторонъ!—воскликнулъ Тулузовъ.

— Это точно, что съ кажиннымъ человѣкомъ бываетъ... Вотъ тоже одинъ изъ свидѣтелей нашихъ ужасно какъ начинаетъ безобразничать.

— Кто такой?—спросилъ Тулузовъ съ болѣе и болѣе возрастающимъ гнѣвомъ.

— Все тотъ же безобразный поручикъ... требуетъ себѣ денегъ, да и баста...

— Ему давали ужъ денегъ, и сколько разъ послѣ того!— кричалъ Тулузовъ.

— А онъ еще хочетъ, и если, говоритъ, вы не дадите, такъ я пойду и скажу, что далъ фальшивое показаніе.

Тулузовъ при этомъ окончательно вышелъ изъ себя.

— Такъ зачѣмъ же ты, каналья этакая, меня съ такими негодяями свелъ?.. Я не съ нихъ, а съ тебя спрошу: ты мой крѣпостной, и изволь съ ними улаживать!

Тутъ, въ свою очередь, Савелій обозлился.

— Улаживать съ нимъ можно только однимъ—дать ему денегъ.

— Ну, такъ ты и давай изъ своего кармана. Довольно ты ихъ у меня наворовалъ.

— Да вѣдь это что же-съ?.. И другіе, можетъ, еще больше меня воровали...

Тулузовъ, понявъ, на чей счетъ это было сказано, бросился-было бить Савелія, но тотъ движеніемъ руки остановилъ его.

— Не смѣйте меня пальцемъ тронуть! Не вы мнѣ, а я вамъ нуженъ!—проговорилъ онъ.

— Никто мнѣ не нуженъ!—ревѣлъ на весь домъ Тулузовъ:— я убью тебя здѣсь же на мѣстѣ, какъ собаку!

— Нѣтъ, не убьете! Вы людей убивали, когда въ бѣдности были, а теперь побережете себя,—возразилъ, какимъ-то дьявольскимъ смѣхомъ усмѣхнувшись, Савелій и затѣмъ пошелъ.

— Я тебя завтра же на каторгу сошлю! — кричалъ ему вслѣдъ Тулузовъ.

— Не сошлете!—отозвался опять съ тѣмъ же демонскимъ смѣхомъ Савелій.

XIV.

Савелій Власьевъ не ошибся, говоря, что баринъ не сошлетъ его; напротивъ, Василій Иванычъ на другой же день, раннимъ утромъ, позвалъ его къ себѣ и сказалъ ему довольно ласковымъ голосомъ:

— Тебѣ глупо было вчера такъ грубить мнѣ!

— За это простите, виноватъ! Обидно тоже немного показалось,—слегка извинился Савелій Власьевъ.

— Ну, и этому негодяю поручику дай немного денегъ!— продолжалъ Тулузовъ.

— Непремѣнно-съ надобно дать! Онъ увѣряетъ, что никакихъ средствъ не имѣетъ, на что существовать.

— Я готовъ ему помочь; но все-таки надобно, чтобы предѣлъ былъ этой помощи,—замѣтилъ Тулузовъ.

— Предѣлъ будетъ-съ; рѣшись только дѣло въ вашу пользу,

мы ему сейчасъ въ шею дадимъ, да еще и самого къ суду притянемъ,—умно сообразилъ Савелій Власьевъ.

— И нужно будетъ это сдѣлать непремѣнно, — подхватилъ Тулузовъ:—но ты сегодня же и дай ему!

— Сегодня, если только найду; а то его, дьявола, иной разъ и не сыщешь,—объяснилъ Савелій.

— Гдѣ жъ онъ, собственно, живетъ? — спросилъ Тулузовъ.

— Это трудно сказать, гдѣ онъ живетъ; день пребываетъ около Иверскихъ воротъ, а ночи по кабакамъ шляется или посѣщаетъ разныхъ метрессъ своихъ, которыя его не прогоняютъ.

— Ну, а другіе свидѣтели ничего не говорятъ?

— Изъ другихъ старичокъ-чиновникъ померъ; замерзъ ли онъ, окаянный, или ударъ съ нимъ былъ, неизвѣстно.

— А другой, молодой?

— Тотъ вѣдь-съ человѣкъ умный и понимаетъ, что я ему втѣпоры заплатилъ дороже супротивъ другихъ!.. Но тоже разъ сказалъ-было мнѣ, что прибавочку, хоть небольшую, желалъ бы получить. Я говорю, что вы получите и большую прибавочку, когда дѣло моего господина кончится. Онъ на томъ теперь и успокоился, ждетъ.

Объяснивъ все это барину, Савелій Власьевъ поспѣшилъ на розыскъ пьянаго поручика, и онъ это дѣлалъ не столько для Тулузова, сколько для себя, такъ какъ самъ могъ быть уличенъ въ подговорѣ свидѣтелей. Произведенный однако имъ розыскъ поручика по всѣмъ притонамъ того оказался на этотъ разъ безуспѣшнымъ. Тщетно Савелій Власьевъ разспрашивалъ достойныхъ друзей поручика, гдѣ тотъ обрѣтается,—никто изъ нихъ не могъ ему объяснить этого; а между тѣмъ поручикъ, никакъ не ожидавшій, что его ищутъ для выдачи ему денегъ, и пьяный, какъ всегда, стоялъ въ настоящія минуты въ пріемной генералъ-губернатора съ цѣлью раскаяться передъ тѣмъ и сдѣлать доносъ на Тулузова. Обирай заявленія у просителей и опрашивай ихъ какой-нибудь другой чиновникъ, а не знакомый намъ камеръ-юнкеръ, то поручикъ за свой безобразно-пьяный видъ, вѣроятно, былъ бы прогнанъ; но мизерный камеръ-юнкеръ, влекомый какимъ-то тайнымъ предчувствіемъ, подошелъ къ нему первому.

— Вы имѣете надобность до князя?—спросилъ онъ.

— Имѣю!..—отвѣчалъ нетвердымъ голосомъ поручикъ. — Я пришелъ съ жалобой на... фу ты, какого важнаго барина... Тулузова и на подлеца его Савку—управляющаго.

При имени Тулузова, шамбеланъ впился въ поручика и готовъ былъ почти обнять его, сколь тотъ ни гадокъ былъ.

— Чѣмъ именно обидѣлъ васъ господинъ Тулузовъ?—сказалъ онъ, внимательнѣйшимъ образомъ наклонивъ ухо къ поручику, чтобы слушать его.

— Чѣмъ онъ можетъ меня обидѣть?.. Я самъ его обижу!..—воскликнулъ тотъ съ гонором, а затѣмъ, врядъ ли спьяну не принявъ камеръ-юнкера, совершавшаго служебныя отправленія въ своемъ галунномъ мундирѣ, за самого генералъ-губернатора, продолжалъ болѣе униженнымъ тономъ:—Я, ваше сіятельство, офицеръ русской службы, но пришелъ въ бѣдность... Что жъ дѣлать?.. И сколько времени теперь безъ одежды и пищи... et comprenez vous, je mange ce que les chiens ne mangeraient pas... а это тяжело, генералъ, тяжело...

И при этомъ у бѣднаго поручика по его опухшей щекѣ скатилась ужъ слеза. Камеръ-юнкеръ выразилъ нѣкоторое участіе къ нему.

— Вы успокойтесь и объясните, что же собственно сдѣлалъ вамъ непріятнаго господинъ Тулузовъ?

— Онъ...—началъ нескладно объяснять поручикъ.—У меня, ваше сіятельство, передъ тѣмъ, можетъ, дня два куска хлѣба во рту не бывало, а онъ говоритъ черезъ своего Савку. «Я, говоритъ, дамъ тебѣ сто рублей, покажи только, что меня знаешь и былъ мнѣ другъ!..» А какой я ему другъ?.. Что онъ говоритъ?.. Но тоже голодъ, ваше сіятельство... Иные отъ того людей рѣжутъ, а я что жъ?.. Признаюсь въ томъ... «Хорошо, говорю, покажу, давай только деньги!..»

— Господа, прошу прислушаться къ словамъ господина поручика!—обратился камеръ-юнкеръ къ другимъ просителямъ, изъ коихъ одни смутились, что попали въ свидѣтели, а другіе ничего и даже какъ бы обрадовались, такъ что одна довольно старая салопница, должно-быть, изъ просвиренъ, звонкимъ голосомъ произнесла:

— Какъ, сударь, не слыхать?.. Слышимъ, не глухіе...

— И что же вы показали?..—отнесся потомъ камеръ-юнкеръ къ поручику.

У того отъ переживаемыхъ волненій окончательно прилила кровь къ головѣ.

— Не помню, пьянъ очень былъ... Кажется, сказалъ, что служилъ съ нимъ...

— Но въ самомъ дѣлѣ вы не служили съ нимъ?—разспрашивалъ камеръ-юнкеръ.

— Какъ же я служилъ съ нимъ, — возразилъ съ гнѣвомъ поручикъ:—когда у насъ въ бригадѣ офицеры были все благороднѣйшіе люди!.. А тутъ что жъ?.. Кушать хотѣлось... Ничего съ тѣмъ не подѣлаешь...

— Конечно,—согласился камеръ-юнкеръ; потомъ, вѣжливо попросивъ поручика подождать его тутъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мигнувъ стоявшему въ пріемной жандарму, чтобы тотъ не выпускалъ сего просителя, проворно пошелъ по лѣстницѣ наверхъ, виляя своимъ раззолоченнымъ задомъ.

Шелъ камеръ-юнкеръ собственно въ канцелярію для совѣщаній съ управляющимъ оной и засталъ также у него одного молодого адъютанта, весьма любимаго княземъ. Когда онъ имъ разсказалъ свой разговоръ съ поручикомъ, то управляющій на это промолчалъ, но адъютантъ засмѣялся и, воскликнувъ: «Что за вздоръ такой!», побѣжалъ посмотрѣть на поручика, послѣ чего, возвратясь, еще болѣе смѣялся и говорилъ:

— Это какой-то совсѣмъ пьяный... Онъ и со мной полѣзъ-было цѣловаться и кричитъ: «Вы военный и я военный».

— Но какъ же однако съ нимъ быть?.. Докладывать мнѣ объ этомъ князю или нѣтъ?

— Конечно, нѣтъ!—воскликнулъ адъютантъ, думавшій, что князь попрежнему расположенъ къ Тулузову, но управляющій, все время глядѣвшій въ развернутую передъ нимъ какую-то министерскую бумагу, сказалъ камеръ-юнкеру:

— Я полагаю, вамъ слѣдуетъ взять отъ поручика письменное заявленіе о томъ, что онъ вамъ говорилъ.

— Я и то уже сказалъ прочимъ просителямъ: «прошу прислушать, господа!» — объяснилъ камеръ-юнкеръ.

— Тогда потрудитесь все это оформить и составьте на законномъ основаніи постановленіе! — посовѣтовалъ ему управляющій.

Камеръ-юнкеръ поспѣшилъ сойти внизъ и въ какія-нибудь четверть часа сдѣлалъ все нужное. Возвратясь къ управляющему съ бумагою, онъ спросилъ его:

— Вы доложите князю или я?

— Я-съ,— отвѣчалъ управляющій, нѣсколько ревнивый въ этихъ случахъ и старавшійся обо всемъ всегда докладывать князю самъ. Просмотрѣвъ составленную камеръ-юнкеромъ бумагу, онъ всталъ съ своего кресла, и здѣсь слѣдовало бы описать его наружность, но, ей-Богу, во всей фигурѣ управляющаго не было ничего особеннаго, и онъ отчасти походилъ на сенаторскаго правителя Звѣздкина, такъ какъ подобно тому происходилъ изъ духовнаго званія, съ такимъ лишь различіемъ, что тотъ былъ петербуржецъ, а сей правитель дѣлъ москвичъ и, въ силу московскихъ обычаевъ, хотя и былъ выбритъ, но не совсѣмъ чисто; бакенбарды имѣлъ далеко не такъ тщательно расчесанныя, какими онѣ были у Звѣздкина; о лентѣ сей правитель дѣлъ, кажется, еще и не помышлялъ

и имѣлъ только Владимира на шеѣ, который онъ носилъ не на бѣльѣ, а на атласномъ жилетѣ, доверху застегнутомъ. Захвативъ съ собою постановленіе камеръ-юнкера, также и министерскую бумагу, управляющій пошелъ, при чемъ началъ ступать ногами какъ-то вкривь и вкось. Словомъ, обнаружилъ въ себѣ мужчину нескладнаго и неотесаннаго, но при всемъ томъ имѣлъ видъ умный. Направился первоначально управляющій въ залу, гдѣ, увидя пріѣхавшаго съ обычнымъ докладомъ оберъ-полицеймейстера, началъ ему что-то такое шептать, въ отвѣтъ на что оберъ-полицеймейстеръ, пожимая плечами, украшенными густыми генеральскими эполетами, произнесъ не безъ смущенія:

— Это Богъ знаетъ что̀ такое!..

— Да, — подтвердилъ и управляющій: — ни одинъ еще министръ, какъ нынѣшній, не позволялъ себѣ писать такія бумаги князю!.. Смотрите, — присовокупилъ онъ, показывая на нѣсколько строчекъ министерской бумаги, въ которыхъ значилось: «Находя требованіе московской полиціи о высылкѣ къ ея производству дѣла о господинѣ Тулузовѣ совершенно незаконнымъ, я вмѣстѣ съ симъ продложилъ мѣстному губернатору не передавать сказаннаго дѣла въ Москву и производить оное во ввѣренной ему губерніи».

— По этой бумагѣ вы и идете докладывать? — спросилъ невеселымъ голосомъ оберъ-полицеймейстеръ.

— По этой и вотъ еще по какой, — объяснилъ управляющій и далъ оберъ-полицеймейстеру прочесть составленный камеръ-юнкеромъ актъ, прочитавъ который, оберъ-полицеймейстеръ грустно улыбнулся и проговорилъ:

— Это новое еще будетъ обвиненіе на полицію?

— Новое, — подтвердилъ управляющій и ушелъ въ кабинетъ князя, гдѣ оставался весьма продолжительное время.

Для уясненія хода событій надобно сказать, что добрый и старый генералъ-губернаторъ отчасти по болѣзни своей, а еще болѣе того по крайней распущенности, которую онъ допустилъ въ отношеніи служебнаго персонала своего, предполагался въ Петербургѣ, какъ говорится, къ сломкѣ, что̀ очень хорошо знали ближайшіе его подчиненные и поэтому постоянно имѣли печальный и грустный видъ.

Выйдя изъ кабинета, управляющій снова отнесся къ оберъ-полицеймейстеру:

— Князь поручилъ вамъ поручика, сдѣлавшаго извѣтъ, арестовать при одномъ изъ частныхъ домовъ, а требованіе московской полиціи объ отправкѣ къ ней дѣла Тулузова, какъ незаконное, предлагаетъ вамъ прекратить.

— Да чортъ съ нимъ, съ этимъ дѣломъ! Я и не зналъ даже о существованіи такого требованія,—проговорилъ оберъ-полицеймейстеръ и уѣхалъ исполнять полученныя имъ приказанія.

Такимъ образомъ пьяный поручикъ, рывшій для другого яму, самъ прежде попалъ въ оную и прямо изъ дома генералъ-губернатора былъ отведенъ въ одну изъ частей, гдѣ его помѣстили довольно удобно въ особой комнатѣ и съ матрацомъ на кровати.

— Благодарю, благодарю!—говорилъ при этомъ поручикъ.— Я зналъ это прежде и радъ тому... По крайней мѣрѣ, мнѣ здѣсь тепло, и кормить меня будутъ...

Накормить его, конечно, накормили, но поручику хотѣлось бы водочки или, по крайней мѣрѣ, пивца выпить, но ни того ни другого достать было ему неоткуда, несмотря на видимое сочувствіе будочниковъ, которые совершенно понимали такое его желаніе, и бѣдный поручикъ приготовлялся-было снять съ себя сапоги и послать ихъ заложить въ кабакъ, чтобы выручить на нихъ хоть косушку; но въ часть заѣхалъ, прямо отъ генералъ-губернатора и не успѣвъ еще съ себя снять своего блестящаго мундира, невзрачный камеръ-юнкеръ. Узнавъ о страданіяхъ поручика, онъ далъ отъ себя старшему бутарю пять рублей съ приказаніемъ, чтобы тотъ покупалъ для арестанта каждый день понемногу водки и вообще не давалъ бы ему очень скучать своимъ положеніемъ. Сколько обрадовались поручикъ и бутари сей маннѣ, спавшей на нихъ съ небесъ, описать невозможно, и къ вечеру же какъ самъ узникъ, такъ и два стража его были мертвецки пьяны.

Изъ частнаго дома камеръ-юнкеръ, все въ томъ же своемъ красивомъ мундирѣ, поѣхалъ къ Екатеринѣ Петровнѣ. Онъ съ умысломъ хотѣлъ ей показаться въ придворной формѣ, дабы еще болѣе привязать ея сердце къ себѣ, и придуманный имъ способъ, кажется, ему до нѣкоторой степени удался, потому что Екатерина Петровна, только-что сѣвшая въ это время за обѣдъ, увидавъ его, воскликнула:

— Боже мой, что это такое!.. Какой вы сегодня интересный, и откуда это вы?

— Прямо со службы и привезъ вамъ новость, — отвѣчалъ, цѣлуя ея руку, камеръ-юнкеръ.

— Но, прежде чѣмъ разсказывать вашу новость, извольте садиться обѣдать, хотя обѣдъ у меня скромный, вдовій; но любимое, впрочемъ, вами шато-д'икемъ есть. Я сама его, по вашему совѣту, стала пить вмѣсто краснаго вина. Приборъ сюда и свѣжую бутылку д'икему! — добавила она лакею.

Камеръ-юнкеръ, сѣвъ за столъ, разстегнулъ свой блестящій коконъ, при чемъ оказалось, что подъ мундиромъ на немъ былъ надѣтъ безукоризненной чистоты изъ толстаго англійскаго пике бѣлый жилетъ.

Обѣдъ свой Екатерина Петровна напрасно назвала скромнымъ. Онъ, во-первыхъ, начался раковымъ супомъ съ осетровыми хрящиками изъ молодыхъ живыхъ осетровъ, къ которому поданы были пирожки съ вязигой и налимьими печенками, а затѣмъ пошло въ томъ же изысканномъ тонѣ, и только надобно замѣтить, что всѣ блюда были, по случаю первой недѣли Великаго поста, рыбныя. Дамы того времени, сколько бы ни позволяли себѣ рѣзвостей въ извѣстномъ отношеніи, посты однако соблюдали и вообще были богомольны, такъ что про Екатерину Петровну театральный женъ-премьеръ разсказывалъ, что когда она съ нимъ проѣзжала мимо Иверской, то, пользуясь закрытымъ экипажемъ, одной рукой обнимала его, а другой крестилась.

— Ну-съ, теперь вы можете разсказывать вашу новость,— объявила она, замѣтивъ, что камеръ-юнкеръ удовлетворилъ первому чувству голода.

— Новость эта... — началъ онъ: — но я боюсь, чтобы она не разстроила вашего аппетита...

— Почему она разстроитъ? — спросила Екатерина Петровна, не зная, какъ принять слова своего гостя, за шутку или за серьезное.

— Потому что она касается вашего мужа, — отвѣчалъ камеръ-юнкеръ.

— Развѣ онъ еще что-нибудь противъ меня затѣваетъ? — проговорила торопливо Екатерина Петровна.

— Нисколько! — поспѣшилъ ее успокоить камеръ-юнкеръ:— совершенно наоборотъ: ему нѣчто угрожаетъ.

— Что такое? — поинтересовалась Екатерина Петровна ужъ только изъ любопытства.

— А такое, что онъ, — принялся разсказывать камеръ-юнкеръ: — по своему дѣлу подобралъ-было какихъ-то ложныхъ свидѣтелей, изъ числа которыхъ одинъ пьяный отставной поручикъ сегодня заявилъ генералъ-губернатору, что онъ былъ уговоренъ и подкупленъ вашимъ мужемъ показать, что онъ когда-то зналъ господина Тулузова и зналъ подъ этой самой фамиліей.

Екатерина Петровна, если только помнитъ читатель, понимала въ служебныхъ дѣлахъ болѣе, чѣмъ другія дамы ея времени.

— Скажите, пожалуйста, — произнесла она протяжно: — это однако очень важное обвиненіе на Тулузова.

— Весьма, и если только его будутъ судить настоящимъ образомъ, то онъ, пожалуй, по Владимиркѣ укатитъ.

— То-есть туда, въ Сибирь? — спросила Екатерина Петровна, махнувъ рукой на востокъ.

— Туда, и тогда вы дѣйствительно останетесь вдовой.

— Почему же я тогда вдовой останусь? — воскликнула Екатерина Петровна.

— Вслѣдствіе того, что Тулузовъ, вѣроятно, будетъ лишенъ всѣхъ правъ состоянія; значитъ, и бракъ вашъ нарушится.

— Да, вотъ что!.. Но, впрочемъ, для меня это все равно; у меня никакихъ браковъ ни съ мужемъ и ни съ кѣмъ бы ни было не будетъ больше въ жизни.

— Это ради чего? — спросилъ камеръ-юнкеръ.

— Ради того, — сказала Екатерина Петровна: — что теперь я уже хорошо знаю мужчинъ и шейку свою подъ ихъ ярмо больше подставлять не хочу.

Камеръ-юнкера, повидимому, при этомъ немного передернуло, что, впрочемъ, онъ постарался скрыть и продолжалъ:

— Для Тулузова хуже всего то, что онъ—я не знаю, извѣстно ли вамъ это—держался на высотѣ своего страннаго величія исключительно благосклонностью къ нему нашего добрѣйшаго и благороднѣйшаго князя, который наконецъ понялъ его и, какъ мнѣ разсказывалъ управляющій канцеляріей, приказалъ дѣло господина Тулузова, которое хотѣли-было выцарапать изъ вашихъ мѣстъ, не требовать, потому что князю даже отъ министра по этому дѣлу послѣдовало весьма колкаго свойства предложеніе.

— Да, дѣйствительно, это новость весьма неожиданная, — произнесла Екатерина Петровна: — но она нисколько не разстроила моего аппетита и не могла его разстроить.

— Вы это правду говорите? — спросилъ ее камеръ-юнкеръ, устремляя нѣжно-масляный взглядъ на Екатерину Петровну.

— Совершенную правду! — воскликнула она, кидая, въ свою очередь, на него свой жгучій взоръ.

Это они говорили, уже переходя изъ столовой въ гостиную, въ которой стоялъ самый покойный и манящій къ себѣ турецкій диванъ, на каковой хозяйка и гость опустились, или, точнѣе сказать, полуприлегли, и камеръ-юнкеръ обнялъ-было тучный станъ Екатерины Петровны, чтобы приблизить къ себѣ ея набѣленное лицо и напечатлѣть на немъ поцѣлуй, но Екатерина Петровна, услыхавъ въ это мгновеніе какой-то шумъ въ залѣ, поспѣшила отстраниться отъ своего собесѣдника и даже пересѣсть на другой диванъ, а камеръ-юнкеръ, думая, что это самъ Тулузовъ идетъ, поблѣднѣлъ и въ струнку

вытянулся на диванѣ; но вошелъ пока еще только лакей и доложилъ Екатеринѣ Петровнѣ, что какой-то молодой господинъ, по фамиліи Углаковъ, желаетъ ее видѣть.

— Но кто онъ такой?.. Я его не знаю... Connaissez-vous ce monsieur?—отнеслась она къ камеръ-юнкеру.

— Mais oui!.. Развѣ вы не знакомы еще съ monsieur Углаковымъ?.. C'est l'enfant terrible de Moscou.

— Въ такомъ случаѣ я не приму его; я боюсь нынче всякихъ enfants terribles.

— Нѣтъ, примите! — возразилъ ей камеръ-юнкеръ.— Это добрѣйшій и прелестный мальчикъ.

Екатерина Петровна разрѣшила лакею принять нежданнаго гостя.

Пьеръ почти вбѣжалъ въ гостиную Екатерины Петровны. Онъ былъ еще въ военномъ вицмундирѣ и худъ до-нельзя.

— Pardon, madame, что я васъ безпокою... — заговорилъ онъ и, тутъ же увидавъ камеръ-юнкера и наскоро проговоривъ ему:—Здравствуй!—снова обратился къ Екатеринѣ Петровнѣ. — У меня есть къ вамъ, m-me Тулузова, большая просьба: я вчера только возвратился въ Москву и ищу однихъ моихъ знакомыхъ,—vous les connaissez, Марѳины?..

— Да, знаю,—отвѣчала Екатерина Петровна.

— Ахъ, какъ я счастливъ! Гдѣ они, скажите!.. Я сегодня заѣзжалъ къ нимъ на квартиру, но тамъ ихъ я не нашелъ и никого, чтобы добиться, куда они уѣхали; потомъ заѣхалъ къ одной моей знакомой сенаторшѣ, Аграфенѣ Васильевнѣ, и та мнѣ сказала, что она не знаетъ даже объ отъѣздѣ Марѳиныхъ.

— Они, можетъ-быть, уѣхали въ Петербургъ,—проговорила Екатерина Петровна.

— Нѣтъ, не въ Петербургъ! — воскликнулъ, топнувъ даже ногой, Углаковъ.—Я самъ только-что изъ Петербурга и тамъ бы разыскалъ ихъ на днѣ морскомъ.

— Въ такомъ случаѣ они, вѣроятно, уѣхали въ имѣнье свое,—объяснила Екатерина Петровна.

— А въ какое имѣнье, какъ это угадать! У нихъ, по словамъ моего отца, много имѣній! — говорилъ почти съ отчаяніемъ Углаковъ.

— Если они уѣхали, такъ, конечно, въ главное свое имѣнье, въ Кузьмищево,—объяснила Екатерина Петровна.

— А вы знаете, гдѣ это Кузьмищево?—спросилъ Углаковъ.

— Какъ же мнѣ не знать, когда я нѣсколько разъ бывала въ немъ!

— Адресъ дайте мнѣ, chère madame!.. Умоляю васъ, адресъ!—вопіялъ Углаковъ.

— Сію минуту,—отвѣчала Екатерина Петровна съ участіемъ и, пойдя къ себѣ въ будуаръ, написала Углакову подробный и точный адресъ Кузьмищева.

— Mercі, madame, mercі! — воскликнулъ Углаковъ и, поцѣловавъ съ чувствомъ у Екатерины Петровны руку, а также мотнувъ привѣтливо головой камеръ-юнкеру, уѣхалъ.

— Дѣйствительно, enfant terrible,—сказала Екатерина Петровна, оставшись опять вдвоемъ съ камеръ-юнкеромъ: — но мнѣ удивительно, почему онъ такъ безпокоится о Мареиныхъ?..

— А вы и того не знаете? — произнесъ какъ бы съ укоромъ камеръ-юнкеръ, шлявшійся обыкновенно всюду и все знавшій.—Онъ въ связи съ m-me Мареиной.

— Вотъ какъ!—проговорила Екатерина Петровна, почему-то обрадовавшись сообщенной ей новости.—Мужъ, вѣроятно, оттого такъ поспѣшно и увезъ ее въ деревню?

— Разумѣется!—подтвердилъ камеръ-юнкеръ.

Бѣдная и неповинная Сусанна Николаевна, чувствовала ли она, что говорили про нее нечистыя уста молвы!

XV.

Егоръ Егорычъ, какъ малый ребенокъ, восхищался всѣмъ по возвращеніи въ свое Кузьмищево, тѣмъ болѣе, что въ природѣ сильно начинала чувствоваться весна. Онъ, несмотря на распутицу, по нѣсколько разъ въ день выѣзжалъ кататься по полямъ; велѣлъ разгрести и усыпать пескомъ въ саду главную дорожку, при чемъ даже самъ работалъ: очень ужъ Егоръ Егорычъ сильно надышался въ Москвѣ всякаго рода ядовитыми міазмами, нравственными и физическими. Gnädige Frau тоже была весьма рада и счастлива тѣмъ, что къ ней возвратился мужъ, а потомъ, радуясь также и пріѣзду Мареиныхъ, она, съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ, говорила всей прислугѣ: «Наконецъ Кузьмищево начинаетъ походить на прежнее Кузьмищево!». При этомъ gnädige Frau однимъ только была смущаема, что ея прелестная Сусанна Николаевна совершенно не походила на прежнюю Сусанну Николаевну; не то чтобы она на видъ была больна или скучна, но казалась какою-то апатичною, точно будто бы ни до чего ей дѣла не было и ничто ея не занимало. Gnädige Frau пробовала нѣсколько разъ начинать съ нею бесѣду о масонствѣ, о которомъ онѣ прежде обыкновенно проговаривали цѣлые вечера; Сусанна Николаевна однако обнаруживала полное равнодушіе и отвѣчала только: «Да, нѣтъ, конечно». Gnädige Frau наконецъ такъ все это обезпокоило, что она

принялась мужа разспрашивать, замѣчаетъ онъ или нѣтъ такую перемѣну въ Сусаннѣ Николаевнѣ.

— Замѣчаю,—отвѣчалъ тотъ.

— Какая же, ты думаешь, причина тому?

— Очень понятная причина! — воскликнулъ Сверстовъ. — Всѣ эти Рыжовы, сколько я теперь слышу о нихъ и узнаю, какія-то до глупости нѣжныя существа. Сусанна Николаевна теперь горюетъ объ умершей матери и, кромѣ того, болѣетъ за свою несчастную сестру—Музу Николаевну.

— Нѣтъ!—не согласилась gnädige Frau.

— Но потомъ и тѣлесно она, вѣроятно, поразстроилась...— объяснялъ докторъ: — людямъ непривычнымъ прожить около двухъ лѣтъ въ столицѣ безвыѣздно нельзя безъ дурныхъ послѣдствій. Я мѣсяцъ какой-нибудь пробылъ тамъ, такъ началъ чувствовать каждый день лихорадку.

— Нѣтъ, и это не то!—снова отвергнула gnädige Frau.

— А по-твоему, какая же причина?—спросилъ уже докторъ.

— Я не знаю и думаю, что это скорѣе нравственное нездоровье... У Сусанны Николаевны душа и сердце болятъ.

Докторъ при этомъ, какъ бы кое-что сообразивъ, нѣсколько лукаво улыбнулся.

— Можетъ-быть, ты подозрѣваешь, что не уязвлена ли наша барынька стрѣлами Амура?—проговорилъ онъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ! — воскликнула gnädige Frau, какъ бы испугавшаяся даже такого предположенія мужа.— И я желаю знать одно, не видалъ ли ты у Мареиныхъ какого-нибудь ученаго или сектанта?

— Рѣшительно не видалъ, — отвѣчалъ Сверстовъ: — хотя, можетъ-быть, есть у нихъ такіе, и очень вѣроятно, что въ одинаго изъ сихъ втюрилась Сусанна Николаевна, ибо, что тамъ ни говорите, а Егоръ Егорычъ старше своей супруги на тридцать лѣтъ!

— Ты меня совершенно не понимаешь! — перебила мужа съ явнымъ неудовольствіемъ gnädige Frau: — я подозрѣваю только, не повліялъ ли на Сусанну Николаевну кто-нибудь изъ ученыхъ и не отвратилъ ли ее отъ масонства; вотъ что мучитъ ее теперь...

Сверстовъ при этомъ развелъ только въ недоумѣніи руками.

Пока происходилъ у нихъ этотъ споръ, Егоръ Егорычъ въ отличнѣйшемъ расположеніи духа и съ палкою въ рукѣ шелъ по замерзшей дорожкѣ къ о. Василію для передачи ему весьма радостнаго извѣстія. Дѣло въ томъ состояло, что Сверстовъ, когда пріѣхалъ въ Москву, то по строгому наказу отъ супруги разсказалъ Егору Егорычу подъ величайшимъ секре-

томъ, что о. Василій, огорченный неудачею, которая постигла его исторію масонства, началъ опять пить. Егора Егорыча до глубины души это опечалило, и онъ, желая хоть чѣмъ-нибудь утѣшить о. Василія, еще изъ Москвы при краснорѣчивомъ и длинномъ письмѣ послалъ преосвященному Евгенію сказанную исторію, прося просвѣщеннаго пастыря прочесть оную sine ira et studio, а свое мнѣніе сообщить при личномъ свиданіи, когда Егоръ Егорычъ явится къ нему самъ по возвращеніи изъ Москвы. Подготовивъ такимъ образомъ почву, Егоръ Егорычъ, пріѣхавъ въ свой родной губернскій городъ, въ тотъ же день полетѣлъ въ Крестовоздвиженскій монастырь. Преосвященный, благословляя и пожимая руку Егора Егорыча, съ первыхъ же словъ сказалъ:

— Какъ я вамъ благодаренъ, что вы познакомили меня съ прекраснымъ произведеніемъ о. Василія, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ узнаю я по его фамиліи, товарищъ мнѣ по академіи.

— Такъ вы и поймите, владыка!—подхватилъ Егоръ Егорычъ: — вы теперь въ почестяхъ великихъ, а онъ—бѣдный протопопъ, живущій у меня на ругѣ...

И затѣмъ Егоръ Егорычъ со свойственной ему энергіей принялся въ яркихъ краскахъ описывать многострадальную, по его выраженію, жизнь отца Василія.

— Но какъ же ему давно было не обратиться ко мнѣ? — сказалъ съ нѣкоторымъ укоромъ преосвященный.

— Не смѣлъ, потому что масонъ.

— Все-таки странно! — произнесъ владыка, и при этомъ у него на губахъ пробѣжала такая усмѣшка, которою онъ какъ бы дополнялъ: «Что̀ такое нынѣ значитъ масонство?.. Пустая фраза безъ всякаго содержанія!». Но вслухъ онъ проговорилъ: — Хоть о. Василій и не хотѣлъ обратиться ко мнѣ, но прошу васъ завѣрить его, что я, изъ уваженія къ его учености, а также въ память нашего товарищества, считаю непремѣннымъ долгомъ для себя повысить его.

По пріѣздѣ въ Кузьмищево, Егоръ Егорычъ ничего не сказалъ объ этомъ свиданіи съ архіереемъ ни у себя въ семьѣ ни о. Василію изъ опасенія, что изъ всѣхъ этихъ обѣщаній владыки, пожалуй, ничего и не выйдетъ; но Евгеній однако исполнилъ, что̀ сказалъ, и Егоръ Егорычъ получилъ отъ него письмо, которымъ преосвященный просилъ отъ его имени предложить о. Василію мѣсто ключаря при каѳедральномъ губернскомъ соборѣ, а также и должность профессора церковной исторіи въ семинаріи.

Такого-то рода письмецо Егоръ Егорычъ несъ въ настоя-

щую минуту къ о. Василію, котораго, къ великому горю своему и досадѣ, засталъ замѣтно выпившимъ; кромѣ того, онъ увидѣлъ на столѣ графинъ съ водкой, какіе-то зеленоватые грузди и безобразнѣйшій, до половины уже съѣденный пирогъ, на каковые предметы о. Василій, испуганный появленіемъ Егора Егорыча, указывалъ женѣ глазами; но та, не находя, повидимому, въ сихъ предметахъ ничего предосудительнаго, сначала не понимала его. Вообще мать-протопопица была женщина глупая и неряшливая, что̀ еще болѣе усиливало тяготу жизни о. Василія; какъ бы то ни было, впрочемъ, она уразумѣла наконецъ, чего отъ нея требуетъ мужъ, и убрала со стола водку и другіе съѣдомые предметы. Егоръ Егорычъ въ первую минуту подумывалъ дать нотацію о. Василію за малодушіе и распущенность, что̀ онъ и сдѣлалъ бы, если бы не было тутъ налицо матери-протопопицы, которой Егоръ Егорычъ всегда не любилъ, а потому онъ ограничился тѣмъ, что придалъ лицу своему мрачный видъ, и сказалъ:

— Я пришелъ къ вамъ, о. Василій, дабы признаться, что я, по поводу вашей исторіи русскаго масонства, обѣщая для васъ журавля въ небѣ, не далъ даже синицы въ руки; но теперь, кажется, изловилъ ее отчасти, и случилось это слѣдующимъ образомъ: ѣхавъ изъ Москвы сюда, я былъ у преосвященнаго Евгенія и, разсказавъ ему о вашемъ положеніи, въ коемъ вы очутились послѣ варварскаго поступка съ вами цензуры, узналъ отъ него, что преосвященный—то варищъ вашъ по академіи, и, какъ результатъ всего этого, сегодня получилъ отъ владыки письмо, которое не угодно ли будетъ вамъ прочесть.

О. Василій, все еще не могшій оправиться отъ смущенія, принялъ письмо отъ Егора Егорыча дрожащей рукой, но когда онъ сталъ пробѣгать его, то хотя рука еще сильнѣй задрожала, но въ то же время красноватое лицо его просіяло радостью, и изъ воспаленныхъ нѣсколько глазъ, видимо, потекли слезы умиленія.

— Это не то, что синица, но самъ журавль,—проговорилъ онъ трепетнымъ отъ волненія голосомъ.

— Поэтому вы довольны и примете предложеніе преосвященнаго?—спросилъ Егоръ Егорычъ.

— Господи, какъ же не принять!—сказалъ отецъ Василій разводя руками.—Я послѣднее время никогда даже не мечталъ о такомъ счастьѣ для себя и завтра же поѣду къ владыкѣ представиться ему и поблагодарить его. Мы точно что съ нимъ товарищи по академіи, но всегда какъ-то чуждались другъ друга и расходились въ нашихъ взглядахъ...

— Позвольте! — остановилъ его на этихъ словахъ Егоръ Егорычъ: — и я вамъ скажу, на чемъ вы расходились: вы были идеалистъ, а онъ эмпирикъ.

— Такъ! — подтвердилъ отецъ Василій, какъ бы сразу отрезвленный счастливымъ оборотомъ въ своей судьбѣ.

— Только одно условіе!—началъ затѣмъ Егоръ Егорычъ.— Вы поѣзжайте и переселяйтесь въ губернскій городъ; но, несмотря на то, вы остаетесь моимъ священникомъ, на ругѣ у меня, и я буду высылать вамъ всѣ деревенскіе запасы изъ хлѣба и живности.

— Ничего мнѣ, Егоръ Егорычъ, не надобно. Я безъ того много пользовался вашими благодѣяніями; не лишите меня только дружбы вашей, а больше того мнѣ ничего не нужно.

— Дружба дружбой, а служба службой! Я вамъ запасы буду высылать, а вы оставайтесь до конца дней моихъ моимъ духовнымъ отцомъ и исповѣдникомъ.

— А это вотъ дороже для меня всего! — проговорилъ съ чувствомъ о. Василій, и такъ какъ Егоръ Егорычъ поднимался съ своего мѣста, то и онъ не преминулъ встать.

— Но я тоже останусь вашимъ, какъ это назвать, надзирателемъ,—забормоталъ Егоръ Егорычъ и, принимая отъ о. Василія благословеніе, шепнулъ ему: — водочки прошу васъ больше не кушать!

— Не буду, не буду! — шепнулъ и ему, съ своей стороны, о. Василій.

Вслѣдъ затѣмъ Егоръ Егорычъ ушелъ отъ него, а о. Василій направился въ свою небольшую библіотеку и заперся тамъ изъ опасенія, чтобы къ нему не пришла мать-протопопица съ своими глупыми разспросами. На другой день онъ уѣхалъ въ губернскій городъ для представленія къ владыкѣ, который его весьма любезно принялъ и долго бесѣдовалъ съ нимъ о масонствѣ, при чемъ о. Василій подробно развилъ передъ нимъ мнѣніе, на которое онъ намекалъ въ своей рѣчи, сказанной при вѣнчаніи Егора Егорыча, о томъ, что грѣхопаденіе Адама началось съ момента усыпленія его, такъ какъ въ этомъ случаѣ онъ подчинился желаніямъ своего тѣла. Выслушавъ это, владыка слегка улыбнулся и проговорилъ:

— Это очень остроумно, но не знаю, вѣрно ли.

Въ отвѣтъ на это о. Василій придалъ такое выраженіе своему лицу, которое какъ бы говорило: «Да и я не увѣренъ что такъ». Особы духовныя, какъ это извѣстно, втайнѣ гораздо бо́льшіе скептики, чѣмъ міряне.

Черезъ мѣсяцъ послѣ своего представленія архіерею, о. Ва-

силій совершалъ уже литургію въ губернскомъ соборѣ и всѣмъ молящимся чрезвычайно понравился своей осанистой фигурой и величавымъ служеніемъ. Лекціи въ семинаріи онъ равнымъ образомъ началъ читать съ большимъ успѣхомъ, и, пока все это происходило, наступилъ май мѣсяцъ, не только что теплый, но даже жаркій, такъ что деревья ужъ распустились въ полный листъ. Въ комнатахъ оставаться было душно и скучно, и всѣ обитатели кузьмищевскаго дома цѣлый день проводили на балконѣ, при чемъ были облечены въ елико возможно легкія одежды. Докторъ, напримѣръ, имѣлъ на себѣ какую-то матросскую блузу, но и ту бы онъ, по его словамъ, съ великою радостью сбросилъ съ себя, если бы только не было дамъ; Егоръ Егорычъ также носилъ совершенно лѣтніе сюртучокъ и брюки, и вообще въ послѣднее время онъ какъ-то сталъ болѣе обыкновеннаго франтить и надѣлалъ себѣ въ Москвѣ великое множество всякаго платья, лѣтняго и зимняго. Сусанна Николаевна хоть и была въ простомъ домашнемъ пеньюарѣ, но, Боже мой, какъ она, говоря безъ преувеличенія, блистала красотой и молодостью посреди своихъ собесѣдниковъ. Это была молодая, въ полномъ цвѣтѣ, лилія среди сморщенныхъ тюльпановъ. Что касается до ея душевнаго настроенія, то она казалась какъ бы нѣсколько поспокойнѣе и повеселѣе.

Въ одинъ изъ такихъ жаркихъ дней кузьмищевское общество сидѣло на садовой террасѣ за обѣдомъ, при которомъ, какъ водится, прислуживалъ и Антипъ Ильичъ, ничего, впрочемъ, не подававшій, а только внимательно наблюдавшій, не нужно ли чего-нибудь собственно Егору Егорычу. Въ настоящее время онъ увидалъ, что одна молодая горничная изъ гостиной звала его рукой къ себѣ. Антипъ Ильичъ вышелъ къ ней и спросилъ, что ей надобно.

— Письмо съ почты привезли къ барину,—сказала та, подавая и самое письмо, которое Антипъ Ильичъ, положивъ на имѣющійся для того особый серебряный подносикъ, почтительно подалъ Егору Егорычу. Тотъ, какъ всегда онъ это дѣлалъ, нервно и торопливо распечаталъ письмо и, пробѣжавъ первыя строки, обратился къ Сверстову:

— Поздравляю васъ и себя! Это письмо отъ старика Углакова. Онъ пишетъ, что московскій генералъ-губернаторъ, по требованію исправника Звѣрева, препроводилъ къ нему съ жандармомъ Тулузова для дачи показанія по дѣлу и для бытія на очныхъ ставкахъ.

— Ура, виватъ! — воскликнулъ докторъ и протянулъ руку къ неубранному еще со стола графину съ водкой, налилъ изъ него порядочную рюмку и выпилъ ее.—Но вѣдь, Егоръ Его-

рычъ, мнѣ надобно сейчасъ же ѣхать къ Аггею Никитичу для нравственной поддержки, — присовокупилъ онъ.

— Непремѣнно! Послѣ обѣда же берите лошадей и поѣзжайте! — разрѣшилъ ему Егоръ Егорычъ, и началъ читать письмо далѣе, окончивъ которое, онъ отнесся къ Сусаннѣ Николаевнѣ: — А это до насъ съ тобою касается.

— Что такое? — спросила та встревоженнымъ голосомъ.

— Пустяки, конечно! — сказалъ Егоръ Егорычъ: — Александръ Яковличъ пишетъ, что нѣжно-любимый имъ Пьеръ возвратился въ Москву и страдаетъ грудью, а еще болѣе того меланхоліей, и что врачи ему предписываютъ провести нынѣшнее лѣто непремѣнно въ деревнѣ, но ихъ усадьба съ весьма дурнымъ климатомъ; да и живя въ сообществѣ одной только матери, Пьеръ, конечно, будетъ скучать, а потому Александръ Яковличъ проситъ, не позволимъ ли мы его милому повѣсѣ пріѣхать къ намъ погостить мѣсяца на два, что, конечно, мы позволимъ ему съ великою готовностью.

Сусанна Николаевна ничего на это не возразила и только въ продолженіе всего остального обѣда не прикоснулась уже ни къ одному блюду.

Gnädige Frau, а также и Сверстовъ, это замѣтили и, предчувствуя, что тутъ что-то скрывается, по окончаніи обѣда, переглянувшись другъ съ другомъ, ушли къ себѣ наверхъ подъ тѣмъ предлогомъ, что Сверстову надобно было собираться въ дорогу, а gnädige Frau, конечно, въ этомъ случаѣ должна была помогать ему. Егоръ Егорычъ пошелъ, по обыкновенію, въ свой кабинетъ, а Сусанна Николаевна пошла тоже за нимъ.

— Я полагаю, — начала она, облизывая безпрестанно свои хорошенькія пересыхающія губки: — что будетъ неловко и невозможно даже пригласить Углакова къ намъ въ деревню.

— Почему? — спросилъ Егоръ Егорычъ, видимо встревоженный этими словами жены.

— Потому что я еще женщина молодая, а Углаковъ такой повѣса, что Богъ знаетъ что про меня могутъ сказать...

— Кто жъ можетъ сказать? Здѣсь и сказать даже некому! — возразилъ Егоръ Егорычъ прежнимъ встревоженнымъ тономъ. — Но ты, можетъ-быть, имѣешь какой-нибудь другой болѣе серьезный поводъ не желать его пріѣзда сюда?

Для Сусанны Николаевны настала страшная и рѣшительная минута. Сказать правду Егору Егорычу она боялась, и не за себя, нѣтъ, а за него; но промолчать было невозможно.

— Имѣю! — проговорила она глухимъ голосомъ.

— Какой? — спросилъ Егоръ Егорычъ тоже глухимъ голосомъ.

— Углаковъ мнѣ объяснялся въ любви! — произнесла Сусанна Николаевна, потупляя въ землю глаза.

— И тебя то пугаетъ, что онъ, вѣроятно, и здѣсь... здѣсь повторитъ это... свое это объясненіе? — бормоталъ Егоръ Егорычъ.

— Непремѣнно повторитъ! — подтвердила Сусанна Николаевна.

Егоръ Егорычъ при этомъ безпокойно пошевелился въ своемъ креслѣ.

— Что мужчина объясняется въ любви замужней женщинѣ — это еще небольшая бѣда, если только въ ней самой есть противодѣйствіе къ тому, но...—и, произнеся это *но,* Егоръ Егорычъ на мгновеніе пріостановился, какъ бы желая собраться съ духомъ: — но когда и она тоже носитъ въ душѣ элементъ симпатіи къ нему, то...—тутъ уже Егоръ Егорычъ остановился на *то:* — то ей остается одно: или побѣдить себя и вырвать изъ души свою склонность, или, что̀ гораздо естественнѣе, итти безъ оглядки, куда влечется она своимъ чувствомъ.

— Я хочу побѣдить себя! — почти воскликнула Сусанна Николаевна, обрадовавшись, что Егоръ Егорычъ какъ бы подсказалъ ей фразу, опредѣляющую то, что̀ она твердо рѣшилась дѣлать.

— Позволь! — остановилъ ее Егоръ Егорычъ, видимо, хотѣвшій не уступать въ благородномъ сподвижничествѣ:—принимая какое-нибудь бремя на себя, надобно сообразить, достанетъ ли въ насъ силы нести его, и почти безошибочно можно сказать, что нѣтъ, не достанетъ, и что скорѣе оно придавитъ и уморитъ насъ, какъ это и случилось съ Людмилой Николаевной, съ которой я не допущу тебя нести общую участь, и съ настоящей минуты прошу тебя итти туда, куда влекутъ твои пожеланья... Напъ бракъ духа, и потому ничего отъ того не утрачивается.

— О, нѣтъ,—произнесла со стономъ Сусанна Николаевна:— я ничего не желаю кромѣ того, чтобы быть вамъ женой вѣрной, и, видитъ Богъ, ни въ чемъ еще передъ вами не виновна.

— Вѣрю!—сказалъ съ торжественностью Егоръ Егорычъ:— но все-таки повторяю тебѣ: испытай себя, соразмѣрный ли своимъ силамъ берешь ты подвигъ!

— Соразмѣрный, успокойтесь! Я сама очень хорошо понимаю, что Углаковъ мальчикъ еще, что я не должна и не могу его полюбить; но тутъ, я увѣрена въ томъ, что дьяволъ меня смущаетъ, отъ котораго, умоляю васъ, Егоръ Егорычъ, спасите меня!

Проговоривъ это, Сусанна Николаевна упала передъ мужемъ на колѣни и склонила къ нему свою голову. Егоръ Егорычъ поцѣловалъ ее съ нѣжностью въ темя и проговорилъ опять-таки величавымъ тономъ:

— Молись и вмѣстѣ съ тѣмъ призови въ помощь къ молитвѣ разумъ твой! Сейчасъ ты очень разумную вещь сказала, что Углаковъ тебѣ не пара и не стоитъ твоей любви; ты женщина серьезно-мыслящая, а онъ вѣтреный и увлекающійся мальчишка.

— Все это я знаю очень хорошо, — произнесла Сусанна Николаевна, поднявшись съ колѣнъ и опускаясь на прежнее свое мѣсто.

Супруги нѣкоторое время молчали, и каждый изъ нихъ находился подъ гнетомъ своихъ собственныхъ тяжелыхъ мыслей.

— Однако какъ же мнѣ отвѣчать Углакову? — заговорилъ первый Егоръ Егорычъ, слегка какъ бы при этомъ усмѣхнувшись.

— Ахъ, я вамъ надиктую! Позвольте, пожалуйста, мнѣ это! — проговорила нервнымъ и торопливымъ голосомъ Сусанна Николаевна.

— Диктуй! — не возбранилъ ей съ той же горькой усмѣшкой Егоръ Егорычъ.

Сусанна Николаевна торопливо и нескладно начала диктовать:

«Милостивый государь Александръ Яковлевичъ! Сколько бы намъ ни пріятно было видѣть у насъ вашего добраго Пьера, но, къ нашему горю, мы не можемъ этого сдѣлать, потому что нынѣшнимъ лѣтомъ уѣзжаемъ за границу...»

На этихъ словахъ Егоръ Егорычъ остановился писать.

— Но я тогда солгу Углакову! — сказалъ онъ.

— Нѣтъ, Егоръ Егорычъ, вы не солжете, потому что я прошу, умоляю васъ уѣхать куда-нибудь изъ Кузьмищева... ну, хоть на Кавказъ, что ли... Всѣ вонъ туда ѣздятъ... или за границу...

— Ужъ лучше за границу,—рѣшилъ Егоръ Егорычъ и дописалъ письмо, какъ продиктовала ему Сусанна Николаевна, которая, впрочемъ, потомъ сама прочла письмо, какъ бы желая удостовѣриться, не измѣнилъ ли чего-нибудь Егоръ Егорычъ въ главномъ значеніи письма; однако тамъ было написано только то, что она желала. Егоръ Егорычъ, запечатавъ письмо, вручилъ его Сусаннѣ Николаевнѣ, сказавъ съ прежней грустной усмѣшкой:

— Сама можешь и отправить!

— Хорошо, merci! — поблагодарила она его.

Сколь ни мирно и ни дружески кончилось, какъ мы видѣли, такое роковое объясненіе супруговъ, тѣмъ не менѣе оно кинуло ихъ въ неизмѣримый омутъ страданій. Егоръ Егорычъ понялъ, что Сусанна Николаевна, при всей своей духовной высотѣ, все-таки женщина молодая, а между тѣмъ до этого онъ считалъ ее почти безтѣлесной. Сусанна Николаевна мучилась, въ свою очередь, отъ мысли, что какой пустой и ничтожной женщиной она должна теперь казаться Егору Егорычу. По наружности, впрочемъ, въ Кузьмищевѣ на другой же день пошло все по-старому, кромѣ того развѣ, что Сверстовъ еще въ шесть часовъ утра ускакалъ въ городъ къ Аггею Никитичу. Обыкновенно хозяева и gnädige Frau все почти время проводили въ спальнѣ у Егора Егорыча, и разговоръ у нихъ, повидимому, шелъ довольно оживленный, но въ то же время всѣ бесѣдующіе, не выключая и gnädige Frau, очень скучавшую на этотъ разъ по мужѣ, чувствовали, что все это были одни только слова, слова и слова, говоримыя изъ приличія и совершенно не выражавшія того, что внутри думалось и чувствовалось.

И такимъ образомъ въ одну изъ сихъ бесѣдъ Сусанна Николаевна, въ присутствіи Егора Егорыча, но только врядъ ли съ вѣдома его, сказала:

— А я, gnädige Frau, поздравьте меня, скоро уѣзжаю съ Егоромъ Егорычемъ за границу.

— Я поздравить васъ готова, но я никакъ того не ожидала,—проговорила та, удивленная такимъ извѣстіемъ.

— Это намъ обоимъ необходимо! — подхватила настойчивымъ голосомъ Сусанна Николаевна, взглядывая мелькомъ на Егора Егорыча, сидѣвшаго съ нахмуреннымъ лицомъ.

— Ея и мое здоровье требуютъ того,—пробормоталъ онъ.

— Буду скучать отъ разлуки съ вами и завидовать вамъ,— сказала grädige Frau.

— Но вы ужъ бывали за границей, а я еще нѣтъ! — воскликнула опять какимъ-то неестественно-веселымъ голосомъ Сусанна Николаевна:—и мнѣ ужасно хочется сдѣлать это путешествіе.

Егоръ Егорычъ при этомъ не проронилъ уже ни слова.

Докторъ черезъ недѣлю какую-нибудь прискакалъ обратно изъ своей поѣздки, и такъ какъ онъ пріѣхалъ въ Кузьмищево поздно ночью, когда всѣ спали, то и побесѣдовалъ только съ gnädige Frau.

— Ну, что вы тамъ надѣлали? — спросила она, отыскавъ предварительно въ буфетѣ для супруга ужинъ съ присоединеніемъ графинчика водки.

— О, мы съ Аггеемъ Никитичемъ натворили чудесъ много!— отвѣчалъ Сверстовъ, ероша свою курчавую голову: — во-первыхъ, Тулузова посадили въ тюрьму...

Gnädige Frau выразила въ лицѣ своемъ нѣкоторое недоумѣніе.

— Значитъ, онъ въ самомъ дѣлѣ виновнымъ оказывается?— замѣтила она, опасаясь, не черезъ край ли хватилъ тутъ Аггей Никитичъ.

— Какъ есть припертъ вилами со всѣхъ сторонъ: прежде всего, самъ сбивается въ показаніяхъ; потомъ его уличаетъ на всѣхъ пунктахъ какой-то пьяный поручикъ, котораго нарочно привезли изъ Москвы; затѣмъ Тулузовъ впалъ въ противорѣчіе съ главнымъ пособникомъ въ дѣлѣ, управляющимъ своимъ, котораго Аггей Никитичъ тоже упряталъ въ тюрьму.

Въ лицѣ у gnädige Frau все-таки выразилось нѣсколько оробѣлое недоумѣніе.

— Но я надѣюсь, что высшее начальство всѣ ваши дѣйствія одобритъ,—сказала она.

— Еще бы! — подхватилъ Сверстовъ: — губернаторъ подъ рукою велѣлъ передать Аггею Никитичу, что министръ конфиденціально предложилъ ему дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ съ неуклонною строгостью.

— Да, тогда другое дѣло!—произнесла успокоеннымъ голосомъ gnädige Frau.—А у насъ здѣсь тоже есть неожиданность: Егоръ Егорычъ и Сусанна Николаевна уѣзжаютъ за границу.

— Вотъ тебѣ на! — воскликнулъ докторъ съ нѣкоторымъ испугомъ.—Что это значитъ и зачѣмъ?

— Говорятъ, что оба больны, и ждали только тебя, чтобы съ тобою посовѣтоваться, куда имъ именно ѣхать.

— А я почему знаю куда?.. Для меня эта госпожа Европа совершенно невѣдома!.. И для какого чорта въ нее ѣздить!— проговорилъ докторъ съ досадой.

— Ну, этого ты не говори! Въ Европу ѣздить пріятно и полезно. Я сама это на себѣ испытала!.. Но тутъ другое... и я, пожалуй, согласна съ твоимъ предположеніемъ.

— Касательно амура? — спросилъ Сверстовъ.

— Да, — подтвердила gnädige Frau, всегда обыкновенно медленнѣе мужа и не сразу понимавшая вещи.

— Но къ кому же?—поинтересовался тотъ.

— Вѣроятно,—начала gnädige Frau, произнося слова секретнѣйшимъ шопотомъ:—ты помнишь, что Егоръ Егорычъ, читая письмо Углакова, упоминалъ о какомъ-то Пьерѣ...

— Такъ, такъ, такъ!..—затараторилъ Сверстовъ:—вотъ гдѣ раки-то зимуютъ!

— Но, конечно, если тутъ и любовь, то въ самомъ благородномъ смыслѣ,—поспѣшила добавить gnädige Frau.

— Разумѣется!—не отвергнулъ Сверстовъ и затѣмъ, вздохнувъ, проговорилъ:—Что дѣлать? Законъ природы, его же не прейдеши!

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

Городъ, гдѣ Аггей Никитичъ пребывалъ исправникомъ, былъ самый большой и зажиточный изъ всѣхъ уѣздныхъ городовъ описываемой мною губерніи. Стоялъ онъ на берегу весьма значительнаго озера и былъ раскиданъ частью по узкой долинѣ, прилегающей къ самому озеру, а частью по горамъ, тутъ же сразу круто начинающимся. По долинѣ этой тянулась главная улица города, на которой красовалось десятка полтора каменныхъ домовъ, а въ концѣ ея грозно выглядывалъ острогъ съ толстыми желѣзными рѣшетками въ окнахъ и съ стоявшими въ нѣсколькихъ мѣстахъ часовыми. Въ острогѣ этомъ въ настоящее время были заключены Аггеемъ Никитичемъ Тулузовъ, а также и управляющій его, Савелій Власьевъ. Вообще Аггей Никитичъ держалъ себя въ службѣ довольно непонятно для всѣхъ другихъ чиновниковъ: мѣсто его, по своей доходности съ разныхъ статей (съ раскольниковъ, съ лѣсопромышленниковъ, съ рыбаковъ на черную снасть), могло считаться золотымъ дномъ и, пожалуй бы, не уступало даже мѣсту губернскаго почтмейстера; но вся эта благодать была не для Аггея Никитича: онъ съ своей службы получалъ только жалованье да нѣсколько сотъ рублей за земскихъ лошадей, которыхъ ему не доставляли натурой, платя взамѣнъ того деньги. Въ смыслѣ безкорыстія и прирожденной честности, Аггей Никитичъ совершенно походилъ на Сверстова, съ той лишь разницей, что докторъ былъ неряхой въ одеждѣ, а Аггей Никитичъ очень любилъ пофрантить; но зато Сверстовъ расходовался на водку и на съѣдомое, Аггей же Никитичъ могъ ѣсть что угодно и сколько угодно: много и мало! До какой степени пагубно и разрушительно дѣйствовало на Мирону Дмитріевну безкорыстіе ея мужа—сказать невозможно: она подурнѣла, посѣдѣла, лишилась еще

двухъ-трехъ зубовъ, вмѣсто которыхъ купить вставные ей было будто бы не на что да и негдѣ, такъ что всякій разъ, выѣзжая куда-нибудь, она залѣпляла пустыя мѣста между зубами бѣлымъ воскомъ, очень искусно придавая ему форму зуба; освѣжающія притиранья у мѣстныхъ продавцовъ тоже были таковы, что даже молодыя мѣщанки, которыя были поумнѣе, ихъ не употребляли. Перенося всѣ эти лишенія, Миропа Дмитріевна весьма справедливо въ мысляхъ своихъ уподобляла себя человѣку, который стоитъ по горло въ водѣ, жаждетъ пить и ни капли не можетъ проглотить этой воды, потому что Аггей Никитичъ, несмотря на свое ротозѣйство, сумѣлъ однако прекратить всякіе пути для достиженія Миропой Дмитріевной главной цѣли ея жизни; только въ послѣднее время она успѣла открыть маленькую лазейку для себя, и то произошло отчасти случайно. За какіе-нибудь полгода передъ тѣмъ къ нимъ въ городъ прибылъ новый откупщикъ, Рамзаевъ, которому, собственно, Тулузовъ передалъ этотъ уѣздъ на откупъ отъ себя. Откупщикъ сей былъ полупромотавшійся помѣщикъ и состоялъ въ бракѣ, если не съ дочерью, то, по крайней мѣрѣ, съ сестрою какого-то генерала. Оба супруга были одинаково чехвальны, пожалуй, недалеки умомъ, но при этомъ довольно лукавы и предусмотрительны. Миропа Дмитріевна, по своимъ отдаленнымъ соображеніямъ, сочла нужнымъ познакомиться съ Рамзаевыми и посредствомъ лести и угодливости въ два-три визита просто очаровала откупщицу и, сдѣлавшись потомъ каждодневной гостьей ея, однажды принялась разсуждать о томъ, какъ трудно жить людямъ бѣднымъ.

— Вы посмотрите, — перешла она уже прямо къ дѣлу: — вотъ какія у меня перчатки!

И Миропа Дмитріевна показала штопанныя и расперештопанныя перчатки.

— А вотъ мои башмаки! — продолжала она и высунула изъ-подъ платья продырявленный носокъ своего ботинка.

Откупщица, дама лѣтъ пятидесяти, если не съ безобразнымъ, то съ сильно перекошеннымъ отъ постояннаго флюса лицомъ, но, несмотря на то, сидѣвшая у себя дома въ брильянтовыхъ серьгахъ, въ шелковомъ платьѣ и даже, о чемъ обыкновенно со смѣхомъ разсказывала ея горничная, въ шелковыхъ кальсонахъ подъ юбкой, была поражена ужаснымъ положеніемъ Миропы Дмитріевны.

— Но развѣ вашъ мужъ не даетъ вамъ ничего на туалетъ? — спросила она голосомъ, исполненнымъ искренняго участія.

— Ему давать не изъ чего: мы живемъ только жалованьемъ,—произнесла съ грустью Мирона Дмитріевна.

— Какъ же это?—проговорила съ удивленіемъ и потупляя нѣсколько глаза откупщица:—вы еще съ откупа получаете!

— Ни копейки! — объяснила съ оттѣнкомъ благородства Мирона Дмитріевна.

— Неужели откупъ вамъ не платитъ? — спросила откупщица съ возрастающимъ недоумѣніемъ.

— Откупъ, конечно, готовъ бы былъ платить,—отвѣтила съ печальной усмѣшкой Мирона Дмитріевна: — но мужъ мой (я не знаю, какъ его назвать) въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ человѣкъ сумасшедшій; онъ говоритъ: «Царь назначилъ мнѣ жалованье, то я и долженъ только это получать».

Говоря это, Мирона Дмитріевна старалась передразнить грубый и, по ея мнѣнію, дурацкій голосъ Аггея Никитича.

— А о томъ, какъ и на что мы должны жить, Аггей Никитичъ и не помышляетъ,—заключила она.

— Однако какъ же вы въ этомъ случаѣ поступаете и справляетесь съ вашимъ хозяйствомъ? — сказала съ прежнимъ участіемъ откупщица.

— Поступаю такъ, что ѣмъ одинъ только черный хлѣбъ и хожу въ худыхъ башмакахъ.

Мирона Дмитріевна въ этомъ случаѣ лгала безсовѣстнымъ образомъ: она ѣла каждодневно очень лакомые кусочки, такъ что, не говоря о чемъ другомъ, одного варенья наваривала пуда по три въ годъ и все это единственной своей особой съѣдала; но Аггея Никитича она дѣйствительно держала впроголодь, и когда онъ, возвращаясь изъ суда съ достаточно возбужденнымъ аппетитомъ, спрашивалъ ее:

— А что, Мира, мы будемъ обѣдать сегодня?

— Да я не знаю,—отвѣчала Мирона Дмитріевна сентиментальнымъ голосомъ: — что-нибудь тамъ сдѣлано, если только лавочникъ отпустилъ въ долгъ.

— Почему же въ долгъ? — осмѣливался иногда замѣтить Аггей Никитичъ: — я, кажется, недавно отдалъ тебѣ мое жалованье.

— Что же ты,—возражала ему Мирона Дмитріевна тихимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ядовитымъ голосомъ:—думаешь, что я куда-нибудь растранжириваю твое великое жалованье? Такъ, пожалуйста, не давай мнѣ ничего и распоряжайся хозяйствомъ самъ.

На слова «твое великое жалованье» она дѣлала замѣтное удареніе и очень хорошо, конечно, знала, что самъ хозяйничать Аггей Никитичъ не сумѣетъ, да и не захочетъ. Онъ же,

въ свою очередь, совершенно понималъ, что все это ему мстятъ за его безкорыстіе по службѣ, тогда какъ если бы только Миропа Дмитріевна была хорошая женщина, то должна была бы похвалить его за то, а не язвить постоянно какой-то нуждой, которой и быть не могло, потому что у Миропы Дмитріевны былъ собственный капиталъ, простиравшійся вмѣстѣ съ недвижимыми имѣніями тысячъ до пятидесяти, о чемъ она имѣла неосторожность признаться Аггею Никитичу, заманивая его жениться на ней.

Возвращаюсь однако къ описанію тѣхъ отношеній, которыя установились между Миропой Дмитріевной и откупщицей послѣ ихъ откровенной бесѣды. Откупщица въ то же утро передала мужу своему о стѣсненномъ положеніи Звѣревыхъ и, переговоривъ съ нимъ, сказала Миропѣ Дмитріевнѣ:

— Если Аггей Никитичъ не желаетъ получать съ откупа, то мы готовы вамъ платить.

Миропа Дмитріевна при этомъ сильно смутилась и вспыхнула.

— Но я не смѣю, боюсь, потому что, если Аггей Никитичъ узнаетъ это, такъ я не знаю... онъ прибьетъ, убьетъ меня!.. Онъ, я вамъ говорю, сумасшедшій человѣкъ въ этомъ отношеніи.

— Да онъ и не узнаетъ о томъ!—возразила откупщица:— это только будетъ извѣстно Теофилу Терентьичу (имя откупщика), мнѣ и вамъ, и мы васъ просимъ объ одномъ: растолковать Аггею Никитичу, что нельзя же такъ поступать, какъ онъ поступаетъ съ Василіемъ Ивановичемъ Тулузовымъ; согласитесь: генералъ, откупщикъ столькихъ губерній посаженъ имъ въ острогъ, и это, по словамъ мужа моего, можетъ кончиться очень дурно для Аггея Никитича.

— Развѣ я того не понимаю, почтеннѣйшая Анна Прохоровна (имя откупщицы), и не предсказывала Аггею Никитичу, что съ нимъ можетъ быть; но онъ (таить я не хочу предъ вами) такой упрямый олухъ, что когда упрется во что, такъ надобно очень много времени, чтобы повернуть его въ другую сторону.

— Все-таки, значитъ, вы имѣете на него вліяніе? — проговорила откупщица, хорошо понимавшая силу женской хитрости.

— Конечно, безъ сомнѣнія! — воскликнула Миропа Дмитріевна.—И какъ онъ ни капризенъ, но, въ сущности, малый ребенокъ, который тѣмъ только существуетъ, что я вожу его на помочахъ.

Говоря о своемъ вліяніи на мужа, Миропа Дмитріевна имѣла цѣлью закрѣпить свое право получать за это вліяніе

деньги и получать ихъ сколько возможно подольше и побольше.

Вслѣдъ затѣмъ откупщица, при первой же уплатѣ мѣсячныхъ денегъ, напомнила Миропѣ Дмитріевнѣ:

— Надѣюсь, что вашими внушеніями облегчится хоть немного участь бѣднаго Василія Ивановича.

— Все, что̀ зависитъ отъ меня, я сдѣлаю и имѣю нѣкоторую надежду на успѣхъ,—отвѣтила на это Миропа Дмитріевна и повела съ перваго же дня незамѣтную, но вмѣстѣ съ тѣмъ ни на минуту не прерываемую атаку на мужа, начавъ ее съ того, что велѣла приготовить къ обѣду гораздо болѣе вкусныя блюда, чѣмъ прежде: борщъ малороссійскій, вареники, сосиски подъ капустой; мало того, подала даже будто бы гдѣ-то и случайно отысканную бутылку наливки, хотя, говоря правду, такой наливки у Миропы Дмитріевны стояло въ подвалѣ бутылокъ до пятидесяти. Аггею Никитичу, конечно, все это кинулось въ глаза.

— Что̀ у насъ за праздникъ сегодня? — сказалъ онъ не безъ ироніи.

— Никакого праздника нѣтъ, — возразила ему невиннѣйшимъ голосомъ Миропа Дмитріевна:—но наскучило ѣсть одно и то же; живемъ, никакими удовольствіями не пользуясь; надобно же, по крайней мѣрѣ, ѣсть, что̀ намъ нравится.

— Разумѣется! — подхватилъ Аггей Никитичъ, очень довольный, съ своей стороны, такимъ взглядомъ жены.

Не ограничиваясь вкуснымъ обѣдомъ и угощеніемъ Аггея Никитича наливкой, Миропа Дмитріевна по окончаніи трапезы хотѣла-было даже адресоваться къ нему съ супружескими ласками, на которыя она съ давняго уже времени была очень скупа, и Аггей Никитичъ, понимая, что это тоже была месть ему, чувствовалъ за то къ Миропѣ Дмитріевнѣ не гнѣвъ, нѣтъ, а скорѣе презрѣніе. «Вотъ видите ли, чѣмъ жѣлаетъ наказать меня»,—думалъ онъ и не позволялъ себѣ, конечно, ни однимъ намекомъ потребовать отъ Миропы Дмитріевны должныхъ мужу нѣжностей. Но когда она въ настоящія минуты сама обратилась къ нему съ заявленіемъ оныхъ, то онъ довольно рѣзко уклонился отъ того. Миропу Дмитріевну это удивило, тѣмъ болѣе, что она считала Аггея Никитича до сихъ поръ влюбленнымъ въ нее, и внушило ей даже подозрѣніе, нѣтъ ли у нея соперницы. «Но кто же могъ быть таковою? Неужели служанки замѣнили ему меня?» — спрашивала она себя мысленно, хотя это казалось ей совершенно невозможнымъ, потому что въ услуженіи у нея были тѣ же двѣ крѣпостныя рабыни: горничная Агаша и кухарка Семеновна, до того ста-

рыя и безобразныя, что на нихъ взглянуть даже было гадко. «Но Аггей Никитичъ весьма часто ѣздилъ въ уѣздъ и, можетъ-быть, тамъ развлекался?»—подумала она и рѣшилась въ эту сторону направить свое ревнивое око, тогда какъ ей слѣдовало сосредоточить свое вниманіе на иномъ пунктѣ, тѣмъ болѣе, что пунктъ этотъ былъ весьма недалекъ отъ ихъ квартиры, словомъ, тутъ же на горѣ, въ довольно красивомъ домикѣ, на которомъ виднѣлась съ орломъ наверху вывѣска, гласящая: «Аптека Вибеля», и въ аптекѣ-то сей Аггей Никитичъ послѣдніе дни жилъ всей своей молодой душой.

Здѣсь, впрочемъ, будетъ нелишнимъ замѣтить, что когда кто-либо и о чемъ-либо постоянно мечтаетъ и постоянно одного желаетъ, то врядъ ли каждому не удастся осуществить этого желанія своего. Главною мечтою Аггея Никитича, какъ это знаетъ читатель, съ самыхъ юныхъ лѣтъ было стремленіе стяжать любовь хорошенькой женщины и даже, если хотите, любовь незаконную. Такой любви Миропа Дмитріевна, безъ сомнѣнія, не осуществила нисколько для него, такъ какъ чувство ея къ нему было больше практическое, основанное на расчетѣ, что̀ ясно доказало дальнѣйшее поведеніе Миропы Дмитріевны, окончательно уничтожившее въ Аггеѣ Никитичѣ всякую склонность къ ней, а между тѣмъ онъ былъ человѣкъ съ душой поэтической, и нравственная пустота томила его; исканія въ масонствѣ какъ-то не вполнѣ удавались ему, ибо съ Егоромъ Егорычемъ онъ переписывался рѣдко, да и то все по однимъ только дѣламъ; ограничиваться же исключительно интересами службы Аггей Никитичъ никогда не могъ, и въ силу того послѣдніе года онъ предался чтенію романовъ, которые доставалъ, какъ и другіе чиновники, за маленькую плату отъ смотрителя уѣзднаго училища; тутъ онъ, между прочимъ, наскочилъ на повѣсть Марлинскаго «Фрегатъ Надежда». Безъ преувеличенія можно сказать, что дрожь пронимала Аггея Никитича, когда онъ читалъ хоть и вычурныя, но своего рода энергическія страницы сего романа: княгиня, капитанъ, гибнувшій фрегатъ, значитъ, съ одной стороны—долгъ службы, а съ другой—любовь,—отъ всего этого у Аггея Никитича захватывало дыханіе. Равнымъ образомъ не безслѣдно прошелъ для него появившійся тогда романъ Лермонтова: «Герой нашего времени». Самъ герой романа, впрочемъ, не понравился Аггею Никитичу; онъ сейчасъ въ немъ подмѣтилъ гвардейскаго ломаку, но зато княжна Мери и дама съ родинкой на щекѣ очаровали его. Но вотъ однажды Аггей Никитичъ, страдая отъ мозоли, зашелъ въ аптеку Вибеля и засталъ тамъ самого аптекаря, который былъ уже старикъ, изъ обрусѣвшихъ

нѣмцевъ, и котораго Аггей Никитичъ еще прежде немного зналъ, но не вѣдалъ лишь одного, что Вибель лѣтъ за десять передъ тѣмъ женился на какой-то молоденькой особѣ, которая куда-то на довольно продолжительное время уѣзжала отъ него, а нынѣ снова возвратилась. Аггей Никитичъ подошелъ къ аптекарю и едва только выговорилъ: «А позвольте васъ спросить...», какъ изъ дверей въ промежуткѣ между шкапами, изъ коихъ на одномъ было написано narcotica, а на другомъ hegoica, появилась молодая женщина, нельзя сказать, чтобы очень красивая лицомъ, но зато необыкновенно стройная, съ чрезвычайно ловкими и граціозными манерами, и одѣтая совершенно по-домашнему.

— Генрику, я пояденъ на спацеръ *),— сказала она, обращаясь къ старому аптекарю.

— Добрже, — отвѣчалъ онъ ей не совсѣмъ чистымъ польскимъ акцентомъ.

Аггей Никитичъ, услыхавъ звуки столь любимаго, хотя и не вполнѣ ему знакомаго языка, исполнился восторга и, не удержавшись, воскликнулъ, обращаясь къ молодой дамѣ:

— Съ пржіемносціонъ видзенъ, же пани полька? *)

— Да, по происхожденію полька, но по душѣ русская, — отвѣчала ему та.

— Это еще пріятнѣе слышать, — произнесъ Аггей Никитичъ, принявъ слова молодой польки болѣе за любезность, такъ какъ въ зрачкахъ ея безпрерывно вскидываемыхъ и потупляемыхъ глазъ и въ гордой посадкѣ всего ея тѣла онъ ощущалъ въ ней завзятую польку.

— А панъ кто таки? — спросила она.

— Я прежде былъ офицеръ, долго стоялъ въ Царствѣ Польскомъ и считаю это время счастливѣйшимъ въ своей жизни,—объяснилъ Аггей Никитичъ, очень бы желавшій сказать все это по-польски, но побоявшійся, что, пожалуй, какъ-нибудь ошибется и скажетъ неблагопристойность, что съ нимъ разъ и случилось въ Царствѣ Польскомъ.

— А теперь вы что? — спросила ужъ по-русски пани.

— Теперь я исправникъ здѣшній,—отвѣчалъ Аггей Никитичъ, нѣсколько потупляясь, ибо онъ зналъ, что поляки не любятъ русскихъ чиновниковъ; но на этотъ разъ онъ, повидимому, ошибся.

— О-то, Боже мой, я же васъ знаю! — воскликнула аптекарша. — Но скажите, неужели вашъ городъ всегда такой скучный?

*) Генрихъ, я поѣду прогуляться.

**) Съ удовольствіемъ вижу, что вы, сударыня, полька!

— Всегда,—отвѣчалъ съ грустной ироніей Аггей Никитичъ.

— Это ужасно!—произнесла аптекарша, пожавъ плечами.— У меня тутъ одно развлеченіе, что я часа по два катаюсь по городу,—присовокупила она будто бы случайно и въ то же время кинувъ мимолетный взглядъ на молодцоватаго исправника.

— Гдѣ жъ вы именно катаетесь?—не преминулъ тотъ спросить ее.

— Ахъ, да по этой вашей глупой, длинной улицѣ,—отвѣчала пани: — ѣзжу по ней взадъ и впередъ; по крайней мѣрѣ дышу свѣжимъ воздухомъ, а не противными этими травами.

Всѣ эти переговоры старикъ-аптекарь слушалъ молча и сурово и наконецъ, повидимому, не вытерпѣвъ дольше, отнесся къ Аггею Никитичу:

— О чемъ вамъ угодно было спросить меня?

Тотъ очутился въ затруднительномъ положеніи: сказать при такой прелестной дамѣ, что пришелъ за пластыремъ для мозоли, казалось ему совершенно невѣжливымъ.

— У меня въ плечѣ ревматизмъ, и мнѣ совѣтуютъ залѣпить чѣмъ-нибудь это мѣсто,—придумалъ онъ.

— Да, это хорошо,—одобрилъ нѣмецъ и крикнулъ старшему помощнику своему:—Папье-фаяръ!

Тотъ отмахнулъ копеекъ на пятьдесятъ фаяру и, свернувъ его въ трубочку, подалъ Аггею Никитичу.

Молодая пани между тѣмъ не уходила изъ аптекарской залы. Сначала она внимательно смотрѣла на довольно красиваго помощника, приготовлявшаго Аггею Никитичу папье-фаяръ, а потомъ и на Аггея Никитича, который, въ свою очередь, раскланявшись съ старымъ аптекаремъ и его молодой супругой, вышелъ изъ аптеки съ совершенно отуманенной головой. Не нужно, я думаю, говорить, что онъ на другой же день съ одиннадцати еще часовъ принялся ѣздить по длинной улицѣ, на которой часовъ въ двѣнадцать встрѣтилъ пани аптекаршу на скромныхъ саночкахъ, но одѣтою съ тою прелестью, съ какой умѣютъ одѣваться польки. Аггей Никитичъ почтительно снялъ передъ пани шапку, и она ему низко-низко поклонилась. Подобныя встрѣчи Аггея Никитича съ молодою аптекаршей стали потомъ повторяться каждодневно, и нельзя при этомъ не удивиться, какимъ образомъ Миропа Дмитріевна, дама столь проницательная, не подмѣтила рѣзкой перемѣны, которая произошла въ наружности Аггея Никитича съ перваго же дня его знакомства съ очаровательной аптекаршей. Не говоря уже о томъ, что каждое утро онъ надѣвалъ лучшій

сюртукъ, лучшую шинель свою, что бакенбарды его стали опять плотно прилегать къ щекамъ, такъ какъ Аггей Никитичъ держалъ ихъ цѣлыя ночи крѣпко привязанными бѣлой косынкой, но самое выраженіе глазъ и лица его было совершенно иное: онъ какъ бы расцѣлъ, ожилъ и ясно давалъ тѣмъ знать, что любить и быть любимымъ было главнымъ его призваніемъ въ жизни.

Въ тотъ день, въ который Миропа Дмитріевна задумала предпринять противъ Аггея Никитича атаку, его постигнуло нѣчто болѣе серьезное, чѣмъ мимолетныя встрѣчи съ пани, потому что она не то что встрѣтилась съ нимъ, а, нагнавъ, велѣла кучеру ѣхать рядомъ и отнеслась къ Аггею Никитичу:

— Панъ Звѣревъ, узнайте, пожалуйста, когда начнутся собранія: ихъ затѣваетъ здѣшній откупщикъ, но мужъ отъ меня это таитъ, а я непремѣнно хочу бывать на этихъ собраніяхъ! Узнаете?

— Съ великою готовностью,—отвѣчалъ Аггей Никитичъ, обрадованный надеждою, что онъ будетъ встрѣчаться съ аптекаршей не только что на улицѣ, но и въ собраніяхъ, станетъ танцовать съ нею, разговаривать. — Я послѣзавтра же увѣдомлю васъ объ этомъ! — присовокупилъ онъ.

— Дзенкуенъ! *) — произнесла пани аптекарша и крикнула кучеру: — Пошелъ!

Тотъ пустилъ лошадь полной рысью; но и Аггей Никитичъ, не преминувъ сказать своему кучеру: «Пошелъ и ты скоро!», нагналъ аптекаршу.

— О-то, мы гоняемся съ вами; посмотримъ, кто кого обгонитъ!—весело воскликнула пани и велѣла кучеру ѣхать еще скорѣе.

Аггей Никитичъ на своемъ иноходцѣ тоже не отставалъ отъ нея; такимъ образомъ они ѣхали, только что не касаясь другъ друга плечами, и хоть не говорили между собою, но зато ласково и весело переглядывались.

Дома Аггея Никитича ожидалъ опять-таки пріятный обѣдъ съ вишневкою и съ замѣтною нѣжностью со стороны супруги. Онъ же, сѣвъ за столъ, немедля сказалъ Миропѣ Дмитріевнѣ:

— Ты сегодня поѣдешь къ своей откупщицѣ?

— Непремѣнно!—отвѣчала Миропа Дмитріевна.

— Спроси ее, правда ли, что она съ мужемъ своимъ затѣваетъ устроить здѣсь на всю зиму собраніе?.. Если это справедливо, то скажи, чтобы они меня также записали.

— Да тутъ нечего спрашивать, я знаю, что они это устран-

*) Благодарю.

ваютъ, и полагаю, что ты будешь записанъ у нихъ раньше всѣхъ, потому что всякій разъ, какъ я бываю у нихъ, мужъ и жена тебя до небесъ расхваливаютъ,—проговорила Миропа Дмитріевна, очень довольная подобнымъ желаніемъ Аггея Никитича, такъ какъ это могло его нѣсколько сблизить съ откупщикомъ и съ милой откупщицей; кромѣ того, такое благородное развлеченіе, какъ дворянскія собранія, отвлечетъ Аггея Никитича отъ другихъ гадкихъ удовольствій, которыя, можетъ-быть, онъ устраиваетъ себѣ гдѣ-нибудь по деревнямъ.

Аггей Никитичъ, въ свою очередь, тоже кое-что какъ бы соображалъ при этомъ.

— А ты запишешься и будешь выѣзжать?—спросилъ онъ Миропу Дмитріевну.

Голосъ его при этомъ какъ-то странно звучалъ.

— Нѣтъ,—произнесла она покорнымъ и приниженнымъ тономъ.—Чтобы выѣзжать, надобно имѣть туалетъ, а это при нашихъ средствахъ совершенно невозможно,—дополнила она, не утерпѣвъ, чтобы не кольнуть мужа бѣдностью.

Аггей Никитичъ сдѣлалъ видъ, что не слыхалъ этой фразы Миропы Дмитріевны, и довольно откровенно объяснилъ ей:

— Точно что, какіе ужъ тебѣ выѣзды! Выѣзжать хорошо молоденькимъ, а то, какъ на пятый десятокъ перевалитъ, такъ даже нейдетъ это къ женщинамъ, по пословицѣ: «сорокъ лѣтъ—бабій вѣкъ!».

Услыхавъ это, Миропа Дмитріевна вспыхнула даже въ лицѣ отъ тайной досады, и скажи Аггей Никитичъ такую глупость при прежнихъ обстоятельствахъ, то ему попало бы за то на орѣхи; но тутъ Миропа Дмитріевна смиренно проглотила горькую пилюльку.

— Это не то, что бабій вѣкъ, а, разумѣется, въ такіе года женщины должны нравиться не постороннимъ, но желать, чтобы ихъ мужъ любилъ! — проговорила она и хотѣла, повидимому, снова вызвать мужа на нѣжности, но онъ и на этотъ разъ не пошелъ на то, такъ что упорство его показалось наконецъ Миропѣ Дмитріевнѣ оскорбительнымъ.

II.

Предполагаемыя собранія начались въ уѣздномъ городѣ и осуществились они, дѣйствительно благодаря нравственному и матеріальному содѣйствію Рамзаевыхъ, такъ какъ они дали безплатно для этихъ собраній свой крѣпостной оркестръ, человѣкъ въ двадцать, и оркестръ весьма недурной по той причинѣ, что Рамзаевъ былъ страстный любитель музыки и по

большей части самъ являлся дирижеромъ своихъ музыкантовъ, при чемъ съ неустаннымъ вниманіемъ глядѣлъ въ развернутыя передъ нимъ ноты, строго въ извѣстныхъ мѣстахъ взмахивалъ капельмейстерской палочкой, а въ пассажахъ тихихъ и мелодическихъ широко разводилъ руки и понижалъ ихъ, поспѣшно утирая иногда потъ съ своего лица, весьма напоминавшаго обликъ барана. Нельзя однако не замѣтить, что Рамзаевъ рѣдко замѣчалъ настоящія ошибки, дѣлаемыя его музыкантами, а потому почти навѣрное можно предположить, что онъ любилъ не столько сущность музыки, сколько ея шумъ, а еще болѣе того повелительныя капельмейстерскія движенія. Въ первомъ собраніи, какъ и ожидали всѣ того, Рамзаевъ лично управлялъ своимъ оркестромъ. Танцы начались съ вальса, и на этотъ вальсъ Аггей Никитичъ, въ новомъ съ иголочки фракѣ, пригласилъ очаровательную аптекаршу, которая поистинѣ была очаровательна, если не лицомъ, то туалетомъ, отличавшимся не роскошью, нѣтъ, а вкусомъ. Въ началѣ вальса у Аггея Никитича и его дамы произошла нѣкоторая путаница, вслѣдствіе того, что онъ умѣлъ вальсировать въ три пріема, а молодая аптекарша, по болѣе новой модѣ, стала-было танцовать въ два темпа. Впрочемъ, она была такъ ловка, что, подмѣтивъ это, принялась тоже выдѣлывать своими ножками болѣе мелкія па, и такимъ образомъ оба они при громѣ музыки облетали залу вихремъ и рѣшительно затмили собою другія пары, которыхъ, впрочемъ, немного и было: студентъ Демидовскаго лицея, пріѣхавшій на праздникъ къ родителямъ и вертѣвшійся съ родной сестрой своей, исполняя это съ полнымъ родственнымъ равнодушіемъ, а за нимъ вслѣдъ вертѣлся весьма малорослый инвалидный поручикъ, бывшій на цѣлую голову ниже своей дамы.

Откупщицы не было еще въ собраніи. Благодаря постоянно терзавшему ее флюсу, она съ утра втирала въ щеку разныя успокаивающія мази и только часовъ въ десять вечера имѣла силы облечься въ шелковое шумящее платье, украситься брильянтами и прибыть въ собраніе. Вальсъ въ это время уже кончился.

— Танцы не начинались? — спросила она, проходя мимо мужа, стоявшаго передъ своимъ пюпитромъ.

— Начались!—отвѣчалъ ей тотъ торопливо и махнулъ палочкой.

Музыка грянула, но желающихъ танцовать вальсъ больше не оказалось. Откупщица, оглядѣвъ все общество и узрѣвъ Аггея Никитича, направилась къ нему и сказала:

— А я на Миропу Дмитріевну сердита; отчего жъ она, я вижу, не пріѣхала?

— Куда ей!—произнесъ онъ явно неуважительнымъ тономъ.

— По крайней мѣрѣ, я надѣюсь, что вы будете постоянно посѣщать наши собранія?—проговорила откупщица.

— Непремѣнно-съ!—отвѣчалъ Аггей Никитичъ.

— Но вы, кажется, незнакомы съ моимъ мужемъ?—спохватилась откупщица.

— Да-съ, незнакомъ!—объяснилъ Аггей Никитичъ.

— Позвольте мнѣ представить вамъ его! — проговорила откупщица и, взявъ Аггея Никитича за руку, подвела его къ Рамзаеву, что-то такое запальчиво толковавшему своимъ музыкантамъ.

— Ѳеофилъ Терентьичъ, господинъ исправникъ желаетъ съ тобою познакомиться, — принуждена была почти прокричать ему откупщица.

— Весьма радъ!—уразумѣлъ наконецъ тотъ.—Вы видите, я не столько почетный членъ собранія, сколько музыкантъ.

Такое заявленіе откупщика Аггею Никитичу понравилось.

— Это дѣлаетъ вамъ честь! — отозвался онъ и поспѣшно повернулъ свою голову назадъ съ цѣлью поймать своимъ взоромъ прелестную аптекаршу, которая, какъ говорилось тогда, сидѣла poncha1amtent въ не очень покойномъ креслѣ.

— О, я вижу, пани откупщица ухаживаетъ за вами! — сказала она, когда Аггей Никитичъ съ тайнымъ трепетомъ въ сердцѣ приблизился къ ней.

— Я не знаю, что̀ ей нужно отъ меня, — отвѣчалъ Аггей Никитичъ, смѣясь и въ то же время опускаясь на близъ стоявшее кресло.

Разговоръ, впрочемъ, на этомъ и прекратился; но зато между паномъ исправникомъ и пани аптекаршей началась перестрѣлка взглядами.

Откупщикъ между тѣмъ повелѣлъ оркестру играть французскую кадриль. Слѣдуя законамъ приличія, которые Аггей Никитичъ любилъ всегда исполнять, онъ пригласилъ m-me откупщицу на кадриль, но та, вспыхнувъ, вѣроятно, отъ удовольствія, объявила ему, что она лѣтъ пять уже какъ не танцуетъ. Послѣ отказа ея Аггей Никитичъ на первыхъ порахъ подумалъ-было адресовать свое приглашеніе къ какой-либо изъ другихъ дамъ, но оказалось, что все это были или очень молодыя дѣвицы, нескладно одѣтыя въ розовыя платьица, или толстыя съ красными лицами барыни, тяжело дышавшія отъ туго стянутыхъ корсетовъ. Натурально, что всѣ онѣ показались Аггею Никитичу противными, и онъ съ нѣкоторымъ конфузомъ снова пригласилъ аптекаршу, которая, кинувъ на него немного насмѣшливый взглядъ, изъявила согласіе. Танцующихъ

набралось довольно, паръ до десяти, и двѣ тому были причины: одна изъ нихъ была та, что французская кадриль, какъ извѣстно, нашимъ тяжеловатымъ сѣвернымъ натурамъ пришлась болѣе подходящею, чѣмъ другіе рѣзвые танцы: въ ней всѣ могли выхаживать — старые и молодые, дрессированные въ танцовальномъ искусствѣ и не дрессированные; второй причиной оказалось то обстоятельство, что мужчины среднихъ лѣтъ успѣли уже сходить въ буфетъ и, нѣсколько воодушевившись тамъ штритеровской водкой, подняли своихъ тяжеловѣсныхъ дамъ съ ихъ сѣдалищъ. Раздавшееся шарканье ногами было столь громко, что его очень явственно слышали молодые мѣщане и мѣщанки, стоявшіе на улицѣ и глазѣвшіе въ окна собранія. Собственно же разговоры дамъ съ ихъ кавалерами не отличались особеннымъ одушевленіемъ, а это ясно свидѣтельствовало, что недостаточно еще было поглощено штритеровки. Даже Аггей Никитичъ и пани аптекарша мало говорили, и только ужъ къ концу кадрили она спросила его:

— А вы, панъ Звѣревъ, женаты?

— Женатъ,—отвѣчалъ Аггей Никитичъ, невольно вздохнувъ при этомъ.—Точно такъ же, какъ и вы вѣдь замужемъ?—присовокупилъ онъ не безъ грустной ироніи.

— Точно такъ же, какъ и я,—отвѣчала тоже не безъ грусти аптекарша.

Послѣ танцевъ Аггеемъ Никитичемъ завладѣлъ его предмѣстникъ по исправничеству, одѣтый въ тотъ же ополченскій мундиръ, въ которомъ присутствовалъ на балѣ у сенатора, и бывшій на этотъ разъ сильно выпившимъ.

— Богъ только меня спасалъ отъ этого злодѣя, нашего бывшаго губернскаго предводителя Крапчика, — толковалъ онъ, шамкая своимъ беззубымъ ртомъ:—совсѣмъ-было подъ уголовщину подвелъ, и я по смерть мою буду богомольцемъ за сенатора; онъ втѣпоры заступился за меня, а потомъ и дворяне почтили мою службу и на слѣдующую баллотировку повысили меня изъ засѣдателей въ исправники. Теперь бы вотъ покойный Петръ Григорьичъ полюбовался, какъ его зятекъ-то въ тюрьму угодилъ, и вамъ очень всѣ благодарны, что вы этого архибестію не пожалѣли. Не льстя вамъ говорю, что вы достойный мнѣ преемникъ.

Всѣ эти возгласы полупьянаго ополченца Аггей Никитичъ слушалъ совершенно невнимательно и, нисколько не помышляя о своихъ служебныхъ подвигахъ, старался не потерять изъ глазъ аптекарши, стоявшей около мужа, который игралъ въ карты съ почтмейстеромъ, мрачнымъ на видъ старикомъ, украшеннымъ нѣсколькими орденами. Поболтавъ нѣсколько времени, ополче-

нецъ наконецъ оставилъ Аггея Никитича въ покоѣ, но его немедля же подцѣпила откупщица.

— Аггей Никитичъ, подойдите и посидите со мной! — сказала она ему ласковымъ голосомъ.

Аггей Никитичъ подошелъ къ ней, но не сѣлъ.

— Вы, я думаю, не подозрѣваете, какъ я люблю вашу супругу; это такая умная женщина, что, ей-Богу, я рѣдко такихъ встрѣчала, и вы должны быть очень счастливы въ вашей семейной жизни.

Въ отвѣтъ на то Аггей Никитичъ больше какъ-то промычалъ:

— Да, ничего,—и вмѣстѣ съ тѣмъ направилъ свое ухо къ столу, гдѣ играли аптекарь и почтмейстеръ, около которыхъ продолжала стоять аптекарша.

— Ты, татка *), не скоро еще кончишь играть? — спросила она, имѣя, повидимому, привычку называть мужа «таткой».

— Не скоро,—отвѣчалъ ей тотъ и началъ медленно тасовать карты.

Видя это, аптекарша, которой наскучило наконецъ стоять пѣшкой за стуломъ мужа, ушла въ заднія комнаты, а между играющими потомъ завязался довольно странный разговоръ.

— Какъ вы говорите, что ничего не было? — началъ его украшенный орденами почтмейстеръ:—у меня есть подлинный актъ двадцать седьмого года, гдѣ сказано, что путь нашъ еще не прерванъ, если мы только будемъ исполнять правила, предписанныя намъ нашимъ статутомъ.

— Да надобно знать, сколько статутовъ этихъ было!—произнесъ аптекарь и иронически захохоталъ.

— А сколько?—огрызнулся на него почтмейстеръ.

— Много, очень много! Я съ восемьсотъ десятаго года веду списокъ тому, и выходитъ, что отъ Соединенныхъ Друзей отдѣлилась Палестина; Директорія — Владиміръ распалась на Елисавету, Александра и Петра! Въ пятнадцатомъ же году въ главной Директоріи существовали: Елисавета, Александръ, Соединенные Друзья, а въ Астреѣ—Петръ, Изида и Нептунъ. Развѣ было что-нибудь подобное въ Европѣ?

— Было, еще почище нашего было,—возразилъ ему почтмейстеръ.

— Нѣтъ, не было!—отпарировалъ-было ему рѣшительнымъ тономъ нѣмецъ.

— Какъ нѣтъ? — прикрикнулъ почтмейстеръ и затѣмъ нѣсколько уже ядовитымъ голосомъ спросилъ:—Тампліеры были?

---

*) Папа.

— Да, были!—отвѣчалъ ему, нисколько не сробѣвъ, аптекарь.

— Розенкрейцеры тоже?

— Тоже!

— Иллюминаты существовали?

— Существовали!

— Мартинистовъ, полагаю, вы не отвергаете?

— Не отвергаю; но развѣ это то же, что̀ у васъ?

— Да!—проговорилъ почтмейстеръ, поднимая свои густыя и сѣдыя брови вверхъ.

— Такъ, по-вашему, пожалуй, лютеране, квакеры, индепенденты, реформаты, баптисты—то же, что ваши раскольники?

— А нешто не то же? — произнесъ самохвально почтмейстеръ.

— Ну, послѣ этого говорить съ вами объ этомъ больше нельзя!—воскликнулъ аптекарь.

— И не говорите! Какъ наказали, скажите, пожалуйста! Мнѣ всегда о чемъ бы то ни было противно говорить съ вами!—началъ ужъ ругаться почтмейстеръ.

— Это можетъ быть, но только вы умѣрьте ваши выраженія! — остановилъ его довольно кротко аптекарь и началъ дрожащими отъ волненія руками сдавать карты, и почтмейстеръ съ окончательно нахмуреннымъ лицомъ сталъ принимать ихъ.

Въ пылу спора оба собесѣдника совершенно забыли, что въ одной съ ними комнатѣ находились Аггей Никитичъ и откупщица, которая, услыхавъ перебранку между аптекаремъ и почтмейстеромъ, спросила:

— Что̀ это, въ картахъ, что ли, они разссорились?

— Вѣроятно,—слукавилъ Аггей Никитичъ, такъ какъ, будучи нѣсколько наметанъ въ масонскихъ терминахъ, онъ сейчасъ догадался, что почтмейстеръ и аптекарь были масоны, и, весьма обрадовавшись такому открытію, возымѣлъ по этому поводу намѣреніе нѣчто предпринять; но, чтобы доскональнѣе убѣдиться въ своемъ предположеніи, онъ оставилъ откупщицу и подошелъ къ ходившему по залѣ съ заложенными назадъ руками ополченцу.

— Скажите,—вопросилъ онъ его прямо:—аптекарь здѣшній и почтмейстеръ—масоны?

— Заклятые! Не знаю, какъ нынче, но прежде мнѣ городничій сказывалъ, что оба они подъ присмотромъ полиціи находились.

— Но все-таки они люди хорошіе,—протянулъ Аггей Никитичъ.

— Ну, про почтмейстера никто что-то этого не говори-

валъ; онъ, одно слово, изъ кутейниковъ; на деньгу такой жадный, какъ я не знаю что: мало, что съ крестьянъ беретъ за каждое письмо по десяти копеекъ, но еще принеси ему всякаго деревенскаго добра, и яичекъ, и маслица, и ягодокъ!— объяснилъ ополченецъ.

— Ахъ, онъ негодяй этакій! — воскликнулъ Аггей Никитичъ:—жаль, что я не губернскій почтмейстеръ теперь, я бы его сейчасъ же изъ службы вытурилъ; а аптекарь тоже такой?

— Нѣтъ, тотъ не такой! — возразилъ поспѣшно ополченецъ:—и хоть и нѣмецъ, но добрѣйшій души человѣкъ; съ больнаго, про котораго только знаетъ, что очень бѣденъ, никогда за лѣкарство ничего не беретъ... Или теперь этотъ поступокъ его съ женою?.. Поди-ка, кто нынче такъ поступитъ?

— Какой же поступокъ?—спросилъ Аггей Никитичъ.

— Да вѣдь она года три тому назадъ, — началъ ужъ шопотомъ разсказывать ополченецъ:—убѣгала отъ него съ офицеромъ однимъ, такъ онъ, знаете, никому ни единымъ словомъ не промолвился о томъ и всѣмъ говорилъ, что она уѣхала къ родителямъ своимъ.

— Можетъ-быть, она въ самомъ дѣлѣ къ родителямъ уѣзжала? — спросилъ Аггей Никитичъ, вспыхнувъ немного въ лицѣ.

— Какое къ родителямъ!—отвергнулъ, разсмѣявшись, ополченецъ. — Вѣдь видѣли здѣсь, какъ она въ одномъ экипажѣ съ офицеромъ-то уѣхала... Наконецъ ихъ въ Вильнѣ кое-кто изъ здѣшнихъ видѣлъ; они на одной квартирѣ и жили.

Аггей Никитичъ замѣтно былъ пораженъ такой повостью, хотя это нисколько въ его мнѣніи не уменьшило прелести аптекарши. Мы по прежнимъ еще даннымъ знаемъ, до какой степени Аггей Никитичъ въ этомъ отношеніи былъ свободномыслящій человѣкъ, тѣмъ болѣе, что это обстоятельство ему самому подавало больше надежды достигнуть благосклонности пани Вибель.

— А теперь она разлюбила офицера?—спросилъ онъ.

— Это ужъ Богъ знаетъ, кто изъ нихъ кого разлюбилъ; но когда она опять вернулась къ мужу, то этотъ самолюбивый нѣмецъ, говорятъ, не сказалъ даже ей, что знаетъ, гдѣ она была и что дѣлала.

Когда вскорѣ затѣмъ пани Вибель вышла наконецъ изъ заднихъ комнатъ и начала танцовать французскую кадриль съ инвалиднымъ поручикомъ, Аггей Никитичъ долго и пристально на нее смотрѣлъ, при чемъ открылъ въ ея лицѣ замѣтные слѣды пережитыхъ страданій, а въ то же время у него все болѣе и болѣе созрѣвалъ задуманный имъ планъ,

каковой онъ намѣревался начать съ письма къ Егору Егорычу, написать которое Аггею Никитичу было нелегко, ибо онъ заранѣе зналъ, что въ письмѣ этомъ ему придется много лгать и скрывать; но могущественная властительница людей, любовь, заставила его все это забыть, и Аггей Никитичъ въ продолженіе двухъ дней, слѣдовавшихъ за собраніемъ, сочинилъ и отправилъ Марѳину посланіе, въ коемъ съ разнаго рода экивоками изъяснилъ, что, находясь по отдаленности мѣста жительства Егора Егорыча безъ руководителя на пути къ масонству, онъ къ великому счастью своему узналъ, что въ ихъ городѣ есть честный и добрый масонъ—аптекарь Вибель... Но явиться къ сему почтенному человѣку, — излагалъ далѣе Аггей Никитичъ, — прямо отъ себя съ просьбой о посвященіи въ таинства масонства онъ не смѣлъ и потому умолялъ Егора Егорыча снабдить его рекомендательнымъ письмомъ, съ которымъ будто бы можно, какъ съ золотыми ключами Петра, пройти даже въ рай. Что̀ собственно разумѣлъ Аггей Никитичъ въ глубинѣ своихъ чувствъ подъ именемъ рая, читатель, можетъ-быть, догадывается!

На повѣрку, впрочемъ, оказалось, что Егоръ Егорычъ не зналъ аптекаря, зато очень хорошо знала и была даже дружна съ Herr Вибелемъ gnädige Frau, которая, подтвердивъ, что это дѣйствительно былъ въ самыхъ молодыхъ годахъ серьезнѣйшій масонъ, съ большимъ удовольствіемъ изъявила готовность написать къ Herr Вибелю рекомендацію о Herr Звѣревѣ и при этомъ такъ одушевилась воспоминаніями, что весь разговоръ вела съ Егоромъ Егорычемъ по-нѣмецки, а потомъ тоже по-нѣмецки написала и самое письмо, которое Егоръ Егорычъ при коротенькой записочкѣ отъ себя препроводилъ къ Аггею Никитичу; сей же послѣдній, получивъ оное, исполнился весьма естественнымъ желаніемъ узнать, что̀ о немъ пишутъ, но сдѣлать это, по незнанію нѣмецкаго языка, было для него невозможно, и онъ возложилъ нѣкоторую надежду на помощь Миропы Дмитріевны, которая ему неоднократно хвасталась, что она знаетъ по-французски и по-нѣмецки.

— А что̀, ты одно письмецо нѣмецкое можешь перевести?— спросилъ онъ ее.

— Какое письмецо и отъ кого? — пожелала прежде всего узнать Миропа Дмитріевна.

— Письмо отъ докторши Сверстовой, которая живетъ у Егора Егорыча.

— Но о чемъ она можетъ писать тебѣ?—сказала съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ Миропа Дмитріевна.

— Она не ко мнѣ это пишетъ,—говорилъ Аггей Никитичъ, видимо, опасаясь проговориться въ каждомъ словѣ: — но къ нѣкоему Вибелю, здѣшнему аптекарю.

— Ну да, я знаю его!—подхватила Миропа Дмитріевна:— краснорожій изъ себя, и отъ него, говорятъ, жена убѣгала... И что ты за почтальонъ такой, чтобы передавать письма?

— Я не почтальонъ,—произнесъ обмиравшій втайнѣ Аггей Никитичъ:—но Сверстова не знаетъ адреса господина Вибеля.

— Да для чего въ уѣздномъ городѣ знать адресъ? Здѣсь всѣ знаютъ аптеку, — произнесла насмѣшливо Миропа Дмитріевна, видимо начавшая что-то такое тутъ подозрѣвать, и потомъ прибавила: — Какъ же ты можешь распечатывать чужія письма?

— Я не распечатываю, — воскликнулъ при этомъ Аггей Никитичъ: — но письмо это прислано мнѣ незапечатаннымъ, чтобы я прочелъ его, потому что оно обо мнѣ.

— О тебѣ?.. Вибелю? Но о чемъ?

— О томъ, что Вибель масонъ, а черезъ масоновъ, какъ ты знаешь, мы только и имѣемъ средства, чѣмъ существовать.

Такого рода доводъ показался Миропѣ Дмитріевнѣ довольно основательнымъ, такъ что она тоже пожелала узнать содержаніе письма, но когда Аггей Никитичъ подалъ ей его, то Миропа Дмитріевна, пробѣжавъ глазами довольно мелкій почеркъ gnädige Frau, ничего не уразумѣла.

— Вотъ видишь,—принялась она вывертываться:—я прежде знала по-нѣмецки, но теперь позабыла, а потому надобно гдѣ-нибудь достать лексиконъ.

— Это я могу, — сказалъ Аггей Никитичъ и принесъ Миропѣ Дмитріевнѣ еще съ гимназіи сохраненный имъ довольно скудный нѣмецкій словарь, но оказалось, что она и съ лексикономъ плохо обращалась, такъ что Аггей Никитичъ въ этомъ случаѣ явился гораздо опытнѣе ея, чѣмъ Миропа Дмитріевна не преминула воспользоваться.

— У меня очень плохи глаза,—сказала она:—а ты пріищи мнѣ прежде всѣ слова по-нѣмецки, и завтра мы переведемъ съ тобой вмѣстѣ.

— Добрже, — одобрилъ Аггей Никитичъ и, уйдя къ себѣ, пріискалъ всѣ слова, какія только сумѣлъ найти въ лексиконѣ.

Поутру онъ преподнесъ Миропѣ Дмитріевнѣ письмо и тетрадь со словами, а затѣмъ они вкупѣ стали переводить и все-таки весьма смутно поняли содержаніе письма, что было и не удивительно, такъ какъ gnädige Frau написала свое посланіе довольно изысканно и краснорѣчиво.

Въ переводѣ письмо ея должно было быть таково:

«Достопочтенный господинъ Вибель!

«Широкій потокъ времени, раздѣлившій наше прежнее знакомство, не лишаетъ меня однако надежды, что вы еще не забыли Эммы, жены покойнаго пастора Клейнберга, а по псевдониму ложи—Alba Rosa. Письмо это я пишу, чтобы рекомендовать вамъ служащаго въ вашемъ городѣ господина Звѣрева, за котораго объявляетъ себя поручителемъ господинъ Марѳинъ, знаменитѣйшій сподвижникъ русскаго масонства. Раскройте ваши дружескія объятія господину Звѣреву. Онъ, по отзывамъ господина Марѳина и моего теперешняго мужа доктора Сверстова, рыцарь по смѣлости и честности и неофитъ, готовый принять въ свою душу все прекрасное. Я увѣрена, что вы не отвергнете его, тѣмъ болѣе, что наше стадо съ каждымъ днемъ уменьшается, и привлечь хотя еще одну новую овцу будетъ заслугою передъ нашимъ орденомъ.

«Сверстова».

Сколь ни мало, какъ я уже сказалъ, Звѣревы могли перевести, но все-таки они болѣе уже чувствомъ поняли, что gnädige Frau чрезвычайно расхваливала Аггея Никитича.

— Когда же ты поѣдешь съ этимъ письмомъ къ Вибелю?— спросила его Миропа Дмитріевна.

— Да какъ-нибудь тутъ зайду къ нему, — отвѣчалъ съ нѣкоторой небрежностью Аггей Никитичъ и, конечно, въ этомъ случаѣ хитрилъ.

Онъ прежде, чѣмъ сдѣлать визитъ аптекарю, вознамѣрился позондировать пани Вибель и счелъ за лучшее сдѣлать это не въ собраніи, гдѣ было все-таки довольно многолюдно, а на своихъ утреннихъ встрѣчахъ съ ней, которыя происходили такимъ образомъ, что Аггей Никитичъ просто нагонялъ экипажъ пани Вибель и ѣхалъ съ ней рядомъ, что повторилъ онъ и въ настоящемъ случаѣ.

— Я имѣю надобность быть у вашего мужа,—сказалъ онъ.

— А развѣ у васъ весь вышелъ папье-фаяръ?—спросила насмѣшливо аптекарша.

— Неужели же,—возразилъ Аггей Никитичъ:—къ вашему супругу только можно имѣть надобность, что за папье-фаяръ?

— О, нѣтъ! — воскликнула пани Вибель: — вы можете получить отъ него магнезію, ревень, солодковый корень...

— А кромѣ этого, ничего у него нѣтъ? — спросилъ Аггей Никитичъ.

— Ничего нѣтъ! — отвѣчала пани и засмѣялась.

Аггей Никитичъ тоже улыбнулся.

— Я не то что желаю что-нибудь получить отъ господина

Вибеля,—началъ онъ:—но у меня есть къ нему письмо отъ одной дамы.

— Отъ дамы? Ахъ, это интересно! — снова воскликнула пани. — Отъ молоденькой и хорошенькой?

— Напротивъ, не отъ молоденькой и не отъ хорошенькой; въ этомъ случаѣ вы совершенно можете успокоить вашу ревность.

— Ревность?—произнесла какъ бы въ невольномъ удивленіи пани. — О, панъ Звѣревъ, я вамъ очень благодарна, что вы успоксили меня въ *этомъ отношеніи*. Я дѣйствительно,— продолжала она съ кокетливой граціей: — ужасно ревную моего «татку», но не къ женщинамъ, а къ его коту, котораго онъ, вообразите, лелѣетъ, цѣлуетъ, моетъ, расчесываетъ гребнемъ.

Честный аптекарь дѣйствительно, когда супруга отъ него уѣхала, взялъ къ себѣ на воспитаніе маленькаго котенка ангорской породы, вырастилъ, выхолилъ его и привязался къ нему всею душою, такъ что даже по возвращеніи вѣтреной супруги своей продолжалъ питать нѣжность къ своему любимцу, который между тѣмъ постарѣлъ, глаза имѣлъ какіе-то гноящіеся, шерсть на немъ была, по случаю множества любовныхъ дуэлей, во многихъ мѣстахъ выдрана, а пушистый ангорскій хвостъ наполовину откушенъ сосѣдними собаками. Все это аптекарша не преминула довольно подробно описать Аггею Никитичу, который покатылся со смѣху, воображая фигуру кота, и вмѣстѣ съ тѣмъ упивался восторгомъ, слыша такіе насмѣшливые отзывы пани Вибель о своемъ супругѣ.

— Но когда жъ однако я могу застать господина Вибеля? — спросилъ онъ.

— Когда хотите, онъ цѣлые дни торчитъ въ своей аптекѣ,— объяснила пани.

— Но я желалъ бы застать и васъ дома, — проговорилъ Аггей Никитичъ.

— О, пане добродзѣю, какъ я вамъ благодарна за то! — воскликнула пани и низко поклонилась Аггею Никитичу.

— Въ такомъ случаѣ, назначьте мнѣ часъ!

— Часъ?—протянула она:—всего лучше... одиннадцать часовъ вечера; тогда мужъ навѣрное спитъ, а я еще сижу.

Аггей Никитичъ снова веселѣйшимъ образомъ захохоталъ.

— Но что жъ вы дѣлаете, сидя одне? — спросилъ онъ.

— Мечтаю.

— О чемъ?

— Угадайте!

— Угадать нетрудно! — сказалъ, пожимая плечами, Аггей Никитичъ.

— Ну, угадывайте! — разрѣшила ему пани.

— Вы мечтаете о прошедшемъ, — проговорилъ Аггей Никитичъ.

Пани при этомъ замѣтно вспыхнула.

— Можетъ-быть, немножко о прошедшемъ, а можетъ-быть, и о настоящемъ!—произнесла она кокетливо и крикнула кучеру: — Пошелъ!

Тотъ поѣхалъ быстрѣе.

Аггей Никитичъ, начинавшій нѣсколько поотставать отъ своей спутницы, погрузился-было въ сладкія грезы, но аптекарша снова велѣла кучеру ѣхать тише, такъ что Аггей Никитичъ опять поровнялся съ нею.

— Не желаете ли, чтобы я предувѣдомила мужа, что вы хотите быть у него? — спросила она.

— Пожалуйста! — сказалъ Аггей Никитичъ.

— Но въ какое же время? — поинтересовалась сама пани Вибель узнать поточнѣе время.

— Вечеромъ, часовъ въ шесть, — объяснилъ Аггей Никитичъ, разсчитавъ, что сначала онъ переговоритъ съ аптекаремъ, а потомъ тотъ, вѣроятно, пригласитъ его остаться чай пить, и такимъ образомъ Аггей Никитичъ цѣлый вечеръ проведетъ съ очаровательной пани.

— Можно это?

— О, да, можно! Но мужъ, вѣроятно, спроситъ, отъ какой дамы письмо.

— Письмо отъ его бывшей ревельской знакомой, госпожи Сверстовой, — сказалъ Аггей Никитичъ, припомнивъ все, что только онъ вкупѣ съ Мироной Дмитріевной понялъ изъ письма.

— Ревельской знакомой!—повторила себѣ аптекарша и велѣла кучеру ѣхать по направленію къ дому, гдѣ тотчасъ же передала мужу порученіе Аггея Никитича.

Вибель на первыхъ порахъ исполнился недоумѣнія; но затѣмъ, со свойственною нѣмцамъ послѣдовательностью, началъ перебирать мысленно своихъ знакомыхъ дамъ въ Ревелѣ и тутъ съ удивительной ясностью вспомнилъ вдову пастора, на которой самъ было-подумывалъ жениться и которую перебилъ у него однако русскій докторъ Сверстовъ. Воспоминанія эти такъ оживили старика, что онъ сталъ потирать себѣ руки и полушептать:

— Посмотримъ, посмотримъ, что мнѣ пишетъ Alba Rosa?

— Какая это Alba Rosa? — спросила-было его молодая супруга.

— Это не твое дѣло, — отвѣтилъ онъ ей и рѣшительнымъ жестомъ далъ понять, чтобы она уходила.

Пани аптекарша, сдѣлавъ презрительную мину, ушла.

III.

Аггею Никитичу хоть и предстояло вечеромъ свиданіе съ пани Вибель, однако онъ не утерпѣлъ и выѣхалъ поутру прокатиться, при чемъ, какъ водится, встрѣтилъ ее. Разговаривали они между собою, впрочемъ, на этотъ разъ немного, и пани Вибель только крикнула ему:

— Вы будете у насъ сегодня?

— Буду! — крикнулъ ей тоже Аггей Никитичъ.

Отобѣдавъ, онъ еще часовъ съ пяти занялся своимъ туалетомъ и издержалъ нѣсколько умывальниковъ воды для обмыванія рукъ, шеи и лица, при чемъ фыркалъ и откашливался на весь домъ; затѣмъ вычистилъ себѣ угольнымъ порошкомъ зубы и слегка тронулъ чернымъ фиксатуаромъ свой алякокъ, усы и бакенбарды. Идя въ аптеку, Аггей Никитичъ соображалъ, какъ его встрѣтитъ пани Вибель: въ такомъ ли дезабилье, въ какомъ она явилась, когда онъ увидѣлъ ее въ первый разъ, или принарядится? Если она будетъ *растрепашкой*, то это скверно, а если наоборотъ, то хорошо: значитъ, она прямо для него прифрантится. Стараго аптекаря онъ засталъ попрежнему стоявшимъ у конторки и, расшаркавшись передъ нимъ, передалъ ему письмо gnädige Frau. Принявъ оное и замѣтивъ на верху конверта маленькій крестикъ, весьма отчетливо изображавшій два масонскіе молоточка, Вибель улыбнулся; но, прочитавъ самое посланіе, онъ окинулъ Аггея Никитича испытующимъ взглядомъ и медленно, выходя изъ-за конторки, проговорилъ ему:

— Покорнѣйше прошу пожаловать ко мнѣ въ кабинетъ!

Аггей Никитичъ пошелъ за нимъ и въ дверяхъ кабинета, между тѣми же двумя шкапами съ narcotica и heroica, встрѣтилъ пани Вибель, которая была одѣта далеко не по-домашнему и торопливо сказала ему:

— Панъ Звѣревъ, когда вы переговорите съ таткой, приходите ко мнѣ чай пить!

— Да, прошу васъ,—поддержалъ ее Вибель.

Аггей Никитичъ молчаливымъ поклономъ изъявилъ благодарность обоимъ супругамъ за такое приглашеніе: расчетъ его, какъ видитъ читатель, удался вполнѣ.

Кабинетъ стараго аптекаря оказался типомъ кабинетовъ аккуратныхъ, дѣльныхъ и расчетливыхъ нѣмцевъ. Все убранство въ немъ хоть было довольно небогатое, но прочное, чисто содержимое и явно носящее на себѣ аптекарскій характеръ: въ нѣсколькихъ витринахъ пестрѣли искусно высушен-

ныя растенія разныхъ странъ и по преимуществу тѣ, которыя употреблялись для лѣкарствъ; на окнахъ лежали стеклянныя трубочки и стояла лампа Берцеліуса, а также виднѣлись паяльная трубка и четырехугольный кусокъ угля, предназначенные, вѣроятно, для сухого анализа; наконецъ тутъ же валялась фарфоровая воронка, съ воткнутою въ нее пропускною бумагой; сверхъ того, на одномъ покойномъ креслѣ лежалъ котъ съ полузакрытыми, гноящимися глазами.

Усѣвшись самъ и усадивъ своего гостя, старый аптекарь, видимо, хотѣлъ прежде всего разспросить о gnädige Frau.

— Госпожа Сверстова гдѣ же теперь живетъ?—сказалъ онъ.

— У Егора Егорыча Мареина, у котораго мужъ ея служитъ врачомъ,—объяснилъ Аггей Никитичъ.

— Понимаю!—произнесъ не безъ глубокомыслія Вибель.—Я слыхалъ о господинѣ Мареннѣ!.. Это богатый русскій помѣщикъ?

— Очень богатый и при этомъ масонъ.

— Такъ!—подтвердилъ Вибель.—Эмма Карловна,—продолжалъ онъ затѣмъ медленно:—рекомендуетъ мнѣ васъ, какъ человѣка, ищущаго и еще не обрѣтшаго истиннаго пути.

— Совершенно не обрѣтшаго!—подхватилъ Аггей Никитичъ, закидывая голову немного назадъ отъ напора разнообразныхъ чувствованій и отъ сознанія, что если онъ искалъ въ настоящія минуты, то не того, чего искалъ прежде.

— И вы находите меня способнымъ подвести васъ къ этому пути?—спросилъ Вибель.

— Вполнѣ! — отрѣзалъ ему Аггей Никитичъ.

— Но изъ чего же вы заключили это?—допытывался Вибель.

— Изъ того, что вы были подъ присмотромъ полиціи!— снова отрѣзалъ Аггей Никитичъ.

— И теперь даже нахожусь!—воскликнулъ Вибель съ явною гордостью: — а поэтому вы понимаете, какъ тутъ нужно поступать?

- Понимаю, — отвѣчалъ Аггей Никитичъ.

— Прежде всего надобно быть молчаливымъ, какъ рыба; такъ?

— Такъ! — произнесъ Аггей Никитичъ.

Вибель послѣ того погрузился въ соображенія.

— Значитъ, нашу работу мы должны раздѣлить на значительное число уроковъ.

— Непремѣнно-съ! — воскликнулъ Аггей Никитичъ, обрадованный такимъ намѣреніемъ Вибеля.

— А въ настоящій вечеръ вамъ угодно будетъ выслушать мое первое вступленіе?

— Съ величайшею радостью!—произнесъ Аггей Никитичъ, уже струхнувшій, чтобы не черезчуръ долго его наставникъ затянулъ свое вступленіе.

— Если такъ, то...—сказалъ Вибель и, вставъ съ кресла, поспѣшилъ поплотнѣе притворить дверь, что̀ онъ, наученный, вѣроятно, прежнимъ опытомъ, сдѣлалъ весьма предусмотрительно, ибо въ эту дверь подсматривала и подслушивала его молодая супруга, которой онъ сдѣлалъ свой обычный повелительный жестъ, послѣ чего она, кокетливо высунувъ ему немного языкъ, удалилась, а Вибель заперъ дверь на замо̀къ.

— Вамъ, можетъ-быть, извѣстно,—началъ онъ, снова усѣвшись въ кресло: — что франк-масонство есть союзъ?

— Извѣстно, — отвѣчалъ Аггей Никитичъ.

— Но почему же это союзъ? — вопросилъ его Вибель.

Аггей Никитичъ не сумѣлъ объяснить, почему.

— Потому,—продолжалъ Вибель:—что проявленіемъ стремленія людей къ религіи, къ добру, къ божественной жизни не можетъ быть единичное существо, но только сонмъ существъ, кои сливаются въ желаніи не личнаго, но общаго блага.

Проговоривъ это, Вибель взглянулъ на Аггея Никитича, какъ бы желая извѣдать, понимаетъ ли неофитъ, что̀ ему говорится, и, убѣдившись, что тотъ понимаетъ, продолжалъ съ еще бо̀льшимъ одушевленіемъ:

— Это стремленіе любить, соединяться, создаетъ цѣлый рядъ союзовъ, изъ коихъ одни тѣсны, каковы союзы: дружественные, любовные, брачные, семейные, корпоративные; другіе, какъ, напримѣръ, союзы сословные, государственные и церковные, болѣе всеобъемлющи. Но самымъ широкимъ союзомъ является тотъ, который ставитъ для себя лишь предѣлъ человѣческаго чувствованія и мышленія. Изъ этого союза не изгоняются тѣ, которые вѣруютъ иначе, но только тѣ, которые хотятъ не того и поступаютъ не такъ; этотъ-то «союзъ союзовъ» и есть франк-масонство. Кромѣ сего союза, нѣтъ ни одного, въ основѣ котораго лежало бы понятное лишь добрымъ людямъ. Въ масонствѣ связываются всѣ контрасты человѣчества и человѣческой исторіи. Оно собираетъ въ свой храмъ изъ разсѣянія всѣхъ добрыхъ, имѣя своей цѣлью обмѣнъ мыслей, дабы сравнять всѣ враждебныя шероховатости. Совершается это и будетъ совершаться дотолѣ, пока человѣчество не проникнется чувствомъ любви и не сольется въ общей гармоніи.

Аггей Никитичъ слушалъ Вибеля все съ болѣе и болѣе возрастающимъ утомленіемъ, потому что, когда поучали его Егоръ Егорычъ и Мартынъ Степанычъ, то они старались

снисходить къ уровню понятій Аггея Никитича, тогда какъ добродушный нѣмецъ сразу втащилъ его на высоту отвлеченностей и не спускалъ оттуда ни на минуту.

— Мы, люди... — началъ-было онъ снова, но въ это время послышался стукъ въ дверь.

— Wer ist da? — сердито отозвался на это Вибель.

— Позвольте мнѣ ключъ, достать medicamenta heroica!— отвѣчалъ ему тоже по-нѣмецки голосъ помощника.

— Какого именно?—спросилъ его на томъ же языкѣ Вибель.

— Mercurius sublimatus corrosivus,—пояснилъ помощникъ.

— Ah, ja, gleichviel! — проговорилъ Herr Вибель и, знаменательно качнувъ головой Аггею Никитичу, замѣтилъ: — Это вотъ свидѣтельствуетъ о нравахъ здѣшнихъ!

Аггей Никитичъ также отвѣтилъ ему знаменательнымъ кивкомъ, понявъ, что хотѣлъ сказать аптекарь.

А затѣмъ Herr Вибель, отперевъ дверь, сунулъ помощнику ключъ и, снова заперевъ ее, принялся, не теряя минуты, за поученіе:

— Намъ, людямъ, не дано *ангельства*, и наши чувственныя побужденія приравниваютъ насъ къ животнымъ; но мы не должны симъ побужденіямъ совершенно подчиняться, ибо иначе можемъ унизиться *до звѣрства*, чувства совершенно противоположнаго *гуманности*, каковую намъ слѣдуетъ развивать въ себѣ, отдавая нашей чувственности не болѣе того, сколько нужно для нашего благоденствія.

На этихъ словахъ Вибеля раздался уже не легкій ударъ въ дверь, а громкій стукъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ послышался повелительный голосъ пани Вибель:

— Генрику, пора чай пить; панъ Звѣревъ, идите чай пить!

Вибель при этомъ развелъ руками.

— Мѣшаютъ!.. Какъ тутъ быть? — произнесъ онъ.

— Мѣшаютъ-съ! — подтвердилъ Аггей Никитичъ какъ бы тономъ сожалѣнія и въ то же время поднимаясь со стула.

— Подождите! — остановилъ его аптекарь. — Когда жъ вы еще желаете прослушать меня?

Аггей Никитичъ затруднился нѣсколько отвѣтомъ.

— Завтра вечеромъ? — рѣшилъ за него Вибель.

— Будьте такъ добры, завтра! — подхватилъ вспыхнувшій въ лицѣ отъ удовольствія Аггей Никитичъ.

Послѣ этого Вибель повелъ своего гостя въ маленькую столовую, гдѣ за чисто вычищеннымъ самоваромъ сидѣла пани Вибель, кажется, еще кое-что прибавившая къ украшенію своего туалета; глазами она указала Аггею Никитичу на мѣсто рядомъ съ ней, а старый аптекарь помѣстился нѣ-

сколько вдали и закурилъ свою трубку съ гнущимся волосянымъ чубукомъ, изображавшую турка въ чалмѣ. Табакъ, имъ куримый, оказался довольно благоухающимъ и, вѣроятно, не дешевымъ.

— Генрику, отчего жъ ты не предложишь курить Аггею Никитичу? — сказала пани Вибель.

— А, извините!—произнесъ Генрикъ и, обтеревъ костяной мундштукъ трубки, хотѣлъ-было предложить ее Аггею Никитичу.

— Нѣтъ, пожалуйста!—отказался тотъ, кланяясь.—Я курю Жуковъ табакъ.

— Да, это другой табакъ, это кнастеръ; а сигары курите вы?..—спросилъ Вибель.

— Сигары я курю,—отвѣчалъ Аггей Никитичъ.

Услышавъ это, Вибель торопливо сходилъ въ свой кабинетъ и принесъ оттуда ящикъ сигаръ.

— Рекомендую: суха и прекрасно свернута,—сказалъ онъ, подавая одну изъ нихъ Аггею Никитичу, который довольно неумѣло закурилъ сигару, при чемъ пани Вибель подавала ему свѣчку, и руки ихъ прикоснулись одна къ другой.

Herr Вибель вмѣстѣ съ сигарами захватилъ также и кота своего, котораго, уложивъ на колѣни, сталъ незамѣтно для супруги гладить.

Пани Вибель пододвинула къ Аггею Никитичу налитый стаканъ, а вмѣстѣ съ онымъ сливки, варенье, лимонъ обсахаренный, и проговорила:

— Цо панъ собѣ еще жычи *)?

— Дзенкуенъ, опручь гербаты ницъ вѣнцей **),—отвѣчалъ Аггей Никитичъ, и всѣ потомъ занялись чаемъ, который, какъ извѣстно, вызываетъ нѣсколько къ разговорчивости, что̀ немедля же и обнаружила пани Вибель

— Скажите, вамъ нравится, какъ его?.. панъ, панъ... ну, знаю! панъ откупщикъ?—сказала она.

Аггей Никитичъ пожалъ плечами.

— По-моему,—отвѣтилъ онъ:—господинъ Рамзаевъ... человѣкъ очень странный.

— Не странный, а просто дуракъ,—болѣе рѣшительно опредѣлила пани аптекарша.

— Почему же онъ дуракъ? — пожелалъ знать Вибель, ударивъ тихонько рукой кота, который началъ-было ужъ довольно громко мурлыкать.

— Ахъ, татка, какъ же ты не понимаешь этого!—восклик-

*) Чего еще хочетъ панъ?

**) Благодарю, кромѣ чаю, ничего не хочу.

нула необыкновенно мило пани Вибель: — Рамзаевъ, магнатъ здѣшній, богатый человѣкъ, и вдругъ стоитъ вмѣстѣ съ оркестромъ въ лакейской, точно ему не на что нанять капельмейстера!..

— Что жъ, стоитъ съ оркестромъ,—возразилъ ей мужъ: — если онъ самъ музыкантъ и любитъ дирижировать!

— Это конечно! — согласился Аггей Никитичъ, которому понравился такой взглядъ Herr Вибеля:—все-таки по нашимъ русскимъ понятіямъ, знаете, это странно.

— Мало, что странно, а глупо и смѣшно! — подхватила аптекарша, видимо любившая позлословить своихъ ближнихъ. — А какъ вы находите его Анну Прохоровну, которая къ вамъ неравнодушна?—отнеслась она къ Аггею Никитичу.

— Я нахожу, что она не женщина даже, а какая-то толстая, полинялая кукла.

Herr Вибель при этомъ покачалъ головой.

Дальнѣйшій разговоръ продолжался въ томъ же тонѣ, и только Аггей Никитичъ, замѣтивъ, что старому аптекарю не совсѣмъ нравится злословіе, нѣсколько сдерживался, но зато пани Вибель шла crescendo и даже стала говорить сальности.

— Вы обратили, панъ Звѣревъ, вниманіе на этого несчастнаго инвалиднаго поручика? У него животъ кривой, какъ будто бы онъ его вывихнулъ.

Аггей Никитичъ, припомнивъ фигуру инвалиднаго поручика и мысленно согласившись, что у того животъ былъ нѣсколько кривой, улыбнулся. Досталось равнымъ образомъ отъ пани Вибель и высокой дѣвицѣ, танцовавшей съ поручикомъ вальсъ, которая была собственно дочь ополченца и не отличалась ни умомъ ни красотой.

— Эту длинную m-lle здѣсь прозвали чортовой зубочисткой!—объяснила она о ней.

Аггей Никитичъ снова улыбнулся, но мужъ ей замѣтилъ съ легкимъ укоромъ:

— А кто же прозвалъ ее, какъ не ты?

— Конечно, я!—призналась пани Вибель и, замѣтивъ, что Генрикъ ея широко и всласть зѣвнулъ, сказала ему:—что жъ ты, татка, сидишь тутъ и мучишься? Ступай къ себѣ спать.

Аггей Никитичъ, разумѣется, при этомъ поспѣшилъ взяться за фуражку.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Вы извольте оставаться и посидите со мной!—воскликнула ему торопливо аптекарша, отнимая отъ него фуражку.

— Посидите съ ней! — попросилъ его и Вибель, а затѣмъ, сказавъ:—до завтра!—ушелъ вмѣстѣ съ котомъ своимъ.

Оставшись такимъ образомъ съ глазу на глазъ, панъ исправникъ и пани аптекарша почувствовали нѣкоторый конфузъ.

— Ну-съ! — начала она, уложивъ красивый подбородочекъ на кулаки своихъ опершихся на столъ рукъ, которыя при этомъ обнажились до локтя.

— Ну-съ! — повторилъ тоже и Аггей Никитичъ, невольно устремляя глаза на обнаженныя руки аптекарши.

— Завтра вы, по приказанію мужа, я слышу, опять къ намъ явитесь?—продолжала пани Вибель.

— Я явлюсь, если вы тоже меня пригласите, — замѣтилъ ей Аггей Никитичъ.

— О, я не смѣю того! Это слишкомъ большая честь для меня!—проговорила плутоватымъ голосомъ пани Вибель и засмѣялась: своей прелестной кокетливостью она окончательно поражала Аггея Никитича. — Но я желала бы знать, панъ Звѣревъ, о чемъ вы, запершись, говорили съ мужемъ.

Вопросъ этотъ весьма затруднилъ Аггея Никитича.

— Онъ меня разспрашивалъ о госпожѣ Сверстовой, отъ которой я доставилъ ему письмо,— объяснилъ-было онъ.

— Но что же онъ васъ разспрашивалъ?—любопытствовала пани Вибель.

— Разспрашивалъ, гдѣ и какъ она живетъ,—отвертывался, какъ умѣлъ, Аггей Никитичъ.

— Нѣтъ, не то,—отвергнула пани Вибель.

— А васъ все по этому случаю мучитъ ревность? — спросилъ Аггей Никитичъ.

— Отвяжитесь, пожалуйста, съ вашей ревностью! Что вы на меня выдумываете?—возразила ужъ съ досадой пани Вибель.—Я только хочу догадаться, почему съ вами такъ любезенъ мужъ.

— Я не знаю,—заперся Аггей Никитичъ.

— О, вы знаете; но не хотите, вижу, сказать мнѣ правду, тогда и я вамъ во всю жизнь мою не скажу никакой моей тайны!

Аггей Никитичъ приведенъ былъ въ отчаяніе такимъ рѣшеніемъ пани Вибель.

— Теперь я пока никакъ не могу сказать правды,—проговорилъ онъ.

— Но когда же вамъ можно будетъ сказать мнѣ ее?

— Да, можетъ-быть, завтра, а если не завтра, такъ потомъ, впослѣдствіи времени,—говорилъ Аггей Никитичъ.

— И всю правду мнѣ скажете? — переспросила съ удареніемъ пани Вибель.

— Всю, — отвѣчалъ ей глухимъ голосомъ Аггей Никитичъ

и затѣмъ началъ молча созерцать пани Вибель, да и она въ свою очередь тоже молча созерцала его.

Наконецъ, часу въ двѣнадцатомъ, Аггей Никитичъ счелъ за нужное раскланяться, и пани Вибель больше не удерживала его.

Всю ночь Аггей Никитичъ придумывалъ, какъ ему вывернуться изъ затруднительнаго положенія, въ которое онъ поставленъ былъ любопытствомъ пани Вибель, и въ итогѣ рѣшился переговорить о томъ, не прямо, конечно, но издалека съ старымъ аптекаремъ, придя къ которому, на этотъ разъ засталъ его сидящимъ въ кабинетѣ и видимо предвкушавшимъ пріятную для себя бесѣду. Увидавъ вошедшаго гостя, Вибель немедля же предложилъ ему сигару, но Аггей Никитичъ, прежде чѣмъ закурить ее, спросилъ:

— Объясните мнѣ, Herr Вибель, вы вчера изволили сказать, что о масонствѣ надо быть молчаливымъ, какъ рыба; но неужели же семейнымъ своимъ, напримѣръ, я женѣ моей не долженъ разсказывать, что желаю быть масономъ?

— Отчего жъ не разсказывать?.. Не пойдетъ же она съ доносомъ на васъ къ правительству,—объяснилъ ему тотъ.

— А супруга ваша, извините за нескромный вопросъ, знаетъ, что вы масонъ?—допытывался Аггей Никитичъ.

— Да, я ей говорилъ и предлагалъ вступить въ нашъ орденъ; но она преданная католичка и говоритъ, что это грѣхъ.

Услышавъ такого рода объясненіе, Аггей Никитичъ вздохнулъ свободнѣе, потому что онъ, по его соображеніямъ, могъ касательно масонства быть до нѣкоторой степени откровененъ съ пани Вибель.

— Но тогда зачѣмъ же все-таки въ масонствѣ есть скрытность?—повторилъ онъ еще разъ.

Вибель развелъ при этомъ руками.

— Я не знаю, что̀ вы разумѣете подъ скрытностью масоновъ,—сказалъ онъ: — если то, что они не разсказываютъ о знакахъ, посредствомъ коихъ могутъ узнавать другъ друга, и не разглашаютъ о своихъ символахъ въ обрядахъ, то это единственно потому, чтобы не дать возможности людямъ непосвященнымъ выдавать себя за франк-масоновъ и безъ всякаго права пользоваться благотворительностью братьевъ.

— Это весьма благоразумно, — замѣтилъ Аггей Никитичъ.

— Да, весьма,—повторилъ за нимъ Вибель: — но скажите, васъ знакомилъ кто-нибудь со средствами къ распознаванію собратьевъ своихъ и съ символами нашими?

— Никто; я пока только еще читалъ нѣкоторыя масонскія сочиненія,—отвѣчалъ Аггей Никитичъ.

— Тогда возьмите эти лежащіе на столѣ бѣлый листъ бумаги и карандашъ! — повелѣлъ ему Вибель, и когда Аггей Никитичъ исполнилъ это приказаніе, старикъ принялся диктовать ему:

— Масоны могутъ узнавать другъ друга троякимъ способомъ, изъ коихъ каждый дѣйствуетъ на особое чувство: на зрѣніе—знакъ, на слухъ—слово, на осязаніе—прикосновеніе. Знакъ состоитъ въ слѣдующемъ: братъ, желающій его сдѣлать другому брату, складываетъ большой палецъ и указательные такъ, чтобы образовать треугольникъ.

И Вибель показалъ на практикѣ, какъ слѣдуетъ складывать пальцы.

— Отвѣтствующій братъ,—продолжалъ онъ:—дѣлаетъ то же самое; послѣ чего оба брата соединяютъ концы своихъ указательныхъ пальцевъ.

Здѣсь Вибель, заставивъ Аггея Никитича сдѣлать изъ пальцевъ треугольникъ, приблизилъ къ нимъ свои пальцы, тоже сложенные въ треугольникъ, и тогда образовалась фигура, похожая на два треугольника, прикасающіеся одинъ къ другому вершинами.

— Я теперь,—добавилъ онъ:—изображаю знакъ огня, а вы—знакъ воды, поняли?

— Понялъ,—отвѣчалъ Аггей Никитичъ, хотя въ сущности весьма мало понялъ.

— Въ прикосновеніи,—воскликнулъ вслѣдъ затѣмъ Вибель:—каждый вопрошающій и отвѣтствующій протягиваетъ правую руку такъ, чтобы большой палецъ былъ приподнятъ вверхъ и, взявъ потомъ другъ друга за руки, крѣпко пожимаютъ ихъ для выраженія братскаго соединенія, сродства и вѣрности.

Таковое прикосновеніе Herr Вибель тоже не преминулъ показать Аггею Никитичу на практикѣ.

— Слово, — толковалъ онъ далѣе: — произносится такимъ образомъ, что вопрошающій шепчетъ отвѣтствующему: А и Е.

— Но что же это за слова такія? — невольно полюбопытствовалъ Аггей Никитичъ.

Вибель вполнѣ объяснить это нѣсколько затруднился.

— Полагаю, что первая буква обозначаетъ Адонирама, а вторая—Іегову.

Аггей Никитичъ выразилъ кивкомъ головы, что это имъ понято. Онъ дѣйствительно объ Іеговѣ и объ Адонирамѣ слыхалъ и читалъ.

— Отвѣтствующій, — снова приступилъ Вибель къ поученію:—немедленно при этомъ поднимаетъ ладонь къ лицу своему и потихоньку шикаетъ, напоминая тѣмъ вопрошающему

о молчаніи; потомъ оба брата лобызаются, три раза прикладывая щеку къ щекѣ... Записали всѣ мои слова?

— Записалъ-съ,—отвѣчалъ Аггей Никитичъ покорнымъ голосомъ.

— Поэтому перейдемъ теперь къ символамъ! — возгласилъ Вибель (важность въ немъ и самодовольство увеличивались съ каждымъ словомъ его). — Символы наши суть: молотокъ, изображающій власть, каковую имѣетъ убѣжденіе надъ человѣческимъ духомъ; угломѣръ—символъ справедливости, поэтому онъ же и символъ нравственности, влекущей человѣка къ дѣланію добра; наконецъ циркуль—символъ круга, образуемаго человѣческимъ обществомъ вообще и союзомъ франкмасоновъ въ частности. Эти-то три возвышенныя идеи — истиннаго, добраго и прекраснаго — составляютъ три основные столба, на которыхъ покоится зданіе франк-масонскаго союза и которые, нося три масонскія имени: имя мудрости, имя крѣпости и имя красоты, служатъ, говоря языкомъ ремесла, причаломъ образа дѣйствій вольнаго каменщика. «Мудрость,—говорятъ масоны:—руководитъ нашими поступками, крѣпость ихъ основываетъ, а красота украшаетъ». Иныхъ тайнъ масоны не имѣютъ никакихъ; но зато масонство само есть тайна, потому что его истинное и внутреннее значеніе можетъ открыться только тому, кто живетъ въ союзѣ масонскомъ и совершенствуется постояннымъ участіемъ въ работахъ.

Аггею Никитичу, старательно писавшему подъ диктантъ Вибеля, становилось наконецъ невыносимо скучно и утомительно, но разговорившійся риторъ не замѣчалъ того и потянулъ со стола довольно толстую писанную тетрадку, предполагая, повидимому, изъ нея диктовать.

— Это ритуалъ одной ложи,—сказалъ онъ, но въ это время, къ неописанной радости Аггея Никитича, послышался стукъ и миленькій голосокъ пани Вибель:

— Прошенъ исьць пиць гербатенъ, мнѣ безъ васъ тенскно *)!

— О, съ этимъ чаемъ!—произнесъ съ досадой Вибель; но, подумавъ, присовокупилъ: — А повиноваться надо!

Аггей Никитичъ ничего на это не сказалъ и въ душѣ готовъ былъ обнять Вибеля за такую покорность того женѣ.

Старикъ между тѣмъ поднялся и, подумавъ немного, сказалъ:

— Этотъ ритуалъ вы возьмите домой! Переписанъ онъ,

*) Прошу итти пить чай! Мнѣ безъ васъ скучно!

какъ вы видите, прекрасно; изучите его, и я васъ проэкзаменую потомъ.

— Очень вамъ благодаренъ; непремѣнно выучу! — подхватилъ Аггей Никитичъ.

За чаемъ, собственно, повторилось почти то же, что происходило и въ предыдущій вечеръ. Пани Вибель кокетливо взглядывала на Аггея Никитича, который, въ свою очередь, то потуплялся, то взмахивалъ на нее свои добрые черные глаза; а Вибель, первоначально медленно глотавшій свой чай, вдругъ потомъ, какъ бы вспомнивъ что-то такое, торопливо всталъ со стула и отнесся къ Аггею Никитичу:

— Извините, мнѣ еще нужно нѣчто обдумать для нашей завтрашней бесѣды; вы придете, да?

— Непремѣнно!—отвѣтилъ радостно Аггей Никитичъ.

— Gute Nacht!—произнесъ въ заключеніе Вибель и ушелъ.

— Можете вы мнѣ сказать, о чемъ я васъ спрашивала вчера? — проговорила тотчасъ же послѣ его ухода пани Вибель.

— Могу,—протянулъ Аггей Никитичъ.

— Говорите!—приказала она ему, и лицо ея приняло такое плутоватое выраженіе, по которому смѣло можно было заключить, что она, кажется, сама догадалась, о чемъ бесѣдовали Вибель и Аггей Никитичъ; но только послѣдняго она хотѣла испытать, насколько онъ будетъ съ ней откровененъ.

Аггей Никитичъ нѣсколько мгновеній соображалъ.

— Мужъ вашъ, — произнесъ онъ, какъ бы нѣсколько затрудненнымъ голосомъ: — масонъ.

— Да, — отвѣтила ему пани, уставивъ взглядъ свой на Аггея Никитича.

— И я тоже посвящаюсь въ масонство,—объяснилъ онъ ей.

Пани Вибель замѣтно при этомъ вспыхнула.

— Для масонства собственно? — спросила она.

Тутъ ужъ Аггей Никитичъ покраснѣлъ.

— Отвѣчу вашимъ выраженіемъ: *отчасти!* — придумалъ онъ отвѣтить.

— Моимъ выраженіемъ?!—повторила пани.—Ахъ, я ужасно рада, что вы сдѣлаетесь масономъ; вы тогда будете самымъ близкимъ другомъ моего мужа и станете часто бывать у насъ.

— Буду часто бывать, какъ только вы позволите.

Пани на это ничего не отвѣчала и только какъ бы еще болѣе смутилась; затѣмъ послѣдовалъ разговоръ о томъ, будетъ ли Аггей Никитичъ въ слѣдующее воскресенье въ собраніи, на что онъ отвѣчалъ, что если пани Вибель будетъ, такъ и онъ будетъ; а она ему повторила, что если онъ будетъ, то

и она будетъ. Словомъ, Аггей Никитичъ ушелъ домой, не находя предѣловъ своему счастью: онъ почти не сомнѣвался, что пани Вибель влюбилась въ него.

IV

Могучая волна времени гнала дни за днями, а вмѣстѣ измѣняла и отношенія между лицами, которыхъ я представилъ вниманію читателя въ предыдущихъ трехъ главахъ. Прежде всего надобно пояснить, что Аггей Никитичъ закончилъ слѣдствіе о Тулузовѣ и представилъ его въ уѣздный судъ, о чемъ передавая Миропѣ Дмитріевнѣ, онъ сказалъ:

— Я очень радъ, что развязался съ этимъ проклятымъ дѣломъ!

Но Мирона Дмитріевна, кажется, была не рада этому: какъ женщина практически-сообразительная, она очень хорошо поняла, что Аггей Никитичъ потерялъ теперь всякое вліяніе на судьбу Тулузова, стало-быть, она будетъ не столь нужна Рамзаеву, съ котораго Мирона Дмитріевна весьма аккуратно получала каждый мѣсяцъ свой гонораръ. Эта мысль до такой степени разсердила и обезпокоила ее, что она съ гнѣвомъ и насмѣшкой сказала своему вислоухому супругу:

— Какъ же ты такъ дорожилъ прежде этимъ дѣломъ, а теперь радуешься, что развязался съ нимъ?

— Не вѣкъ же имъ дорожить; я все, что мнѣ слѣдовало исполнилъ.

— Ну, ты еще погоди, что тебѣ будетъ за это исполненіе твое!—продолжала съ той же досадой Мирона Дмитріевна.

Въ отвѣтъ на это Аггей Никитичъ только презрительно усмѣхнулся, что, конечно, еще болѣе разсердило Мирону Дмитріевну, и она, не желая болѣе разсуждать съ подобнымъ олухомъ, поспѣшила побѣжать къ Рамзаевымъ, чтобы развѣдать, какъ и что у нихъ происходитъ.

Анна Прохоровна, принявъ Мирону Дмитріевну съ тѣмъ же уваженіемъ и съ той же дружбой, какъ и прежде, сама даже первая заговорила о тулузовскомъ дѣлѣ.

— Отъ Аггея Никитича поступило наконецъ это дѣло въ уѣздный судъ!

— Да, онъ мнѣ говорилъ объ этомъ,—подхватила Мирона Дмитріевна.

— Вчера къ мужу самъ судья привозилъ все дѣло; они разсматривали его и находятъ, что Аггей Никитичъ почти оправдалъ Василія Иваныча,—продолжала уже съ таинственностью откупщица, и слова ея отчасти были справедливы,

ибо Аггей Никитичъ, весь поглощенный совершенно инымъ интересомъ, предоставилъ конецъ слѣдствія вести секретарю, который, заранѣе, конечно, подмазанный, собиралъ только то, что требовалось не къ обвиненію, а для оправданія подсудимаго.

Миропа Дмитріевна между тѣмъ знаменательно качнула головой.

— Иначе быть не могло; я постоянно ему это внушала,— произнесла она.

— Мы съ Теофиломъ Терентьичемъ такъ и поняли,—продолжала съ прежнею таинственностью откупщица: — и говоримъ вамъ за то тысячу разъ mercі.

— Это ужъ слишкомъ!—возразила Миропа Дмитріевна:—я главнымъ образомъ пришла къ вамъ не затѣмъ, чтобы отъ васъ слышать благодарность, а васъ поблагодарить за ваши благодѣянія нашему семейству и сказать, что мы теперь, конечно, не имѣемъ болѣе правъ на то...

— Что вы, что вы!—воскликнула откупщица съ испугомъ.— Теофилъ Терентьичъ, напротивъ, желаетъ увеличить вамъ плату. Помилуйте, исправникъ всегда нуженъ для откупа!

— Нѣтъ-съ, этого увеличиванья я никакъ не допущу! — воскликнула въ свою очередь Миропа Дмитріевна.

— Мы тамъ увидимъ!—заключила откупщица.

Успокоившись въ этомъ отношеніи, Миропа Дмитріевна начала соображать, зачѣмъ Аггей Никитичъ почти каждый вечеръ ходитъ къ аптекарю, и спросила какъ-то его объ этомъ.

— Какъ зачѣмъ?—произнесъ тотъ, не пошевеливъ ни однимъ мускуломъ въ лицѣ.—Я хожу, потому что посвящаюсь въ масонство, которое, ты знаешь, всегда было цѣлью моей жизни.

— Мало ли что было,—замѣтила злобно-насмѣшливымъ тономъ Миропа Дмитріевна:—а теперь тебѣ зачѣмъ оно нужно?

Аггей Никитичъ пожалъ плечами.

— Я не понимаю, что ты хочешь сказать,—отозвался онъ сурово.

— Чего жъ тутъ не понимать?—продолжала тѣмъ же злымъ тономъ Миропа Дмитріевна. — Ты прежде желалъ масономъ быть, чтобы получить мѣсто, которое было-получилъ, но на зло мнѣ бросилъ его.

— Да, я точно также по милости масоновъ исправникъ теперь, — сказалъ, тоже не совсѣмъ добрымъ смѣхомъ засмѣявшись, Аггей Никитичъ.

— Пожалуйста, прошу тебя, не ссылайся на это! Ты безъ всякихъ масоновъ можешь быть всю жизнь исправникомъ, потому что тебя всѣ очень любятъ и считаютъ за примѣрнаго чиновника.

— Но я вовсе не для служебной выгоды желаю масонства, а этого требуетъ мой духъ, душа моя!—объяснилъ наконецъ Аггей Никитичъ.

— Не говори ты мнѣ этихъ глупостей! Душа его, духъ требуетъ!..—почти крикнула Миропа Дмитріевна.

— Нѣтъ, душа моя и духъ мой не глупость! — возразилъ ей рѣзко и видимо обидѣвшись Аггей Никитичъ.

— Какъ же! Очень ужъ они, какъ я вижу, умны у тебя!.. Что же вы съ этимъ старымъ хрычомъ, аптекаремъ, читаете, что ли, или онъ учитъ тебя чему-нибудь?

— Разговариваемъ и читаемъ, — проговорилъ Аггей Никитичъ.

— А кто другіе еще у него бываютъ?

— Никого!

— А жена его тутъ же съ нимъ сидитъ?

— Нѣтъ!

— Ты, значитъ, никогда не видалъ ея?

— Видалъ, когда она тутъ проходила.

— Куда проходила?

— Къ себѣ тамъ.

— Откуда?

— Да я не знаю откуда.

Сколь ни тяготилъ Аггея Никитича подобный допросъ, однако онъ сумѣлъ произнести свои отвѣты съ такою апатіей, что совершенно уничтожилъ въ Миропѣ Дмитріевнѣ всякое подозрѣніе. А вмѣстѣ съ тѣмъ предпринялъ и другую предосторожность въ томъ смыслѣ, что сталъ не такъ часто бывать у Вибелей, отзываясь тѣмъ, что будто бы очень занятъ службой, а все обдумывалъ, какъ ему объясниться съ пани. Открыться ей въ любви на словахъ у Аггея Никитича рѣшительно не хватало ни умѣнья ни смѣлости. Будь она дѣвушка, онъ скорѣй бы рѣшился бухнуть ей о своей страсти; но она была замужняя женщина, а потому Аггею Никитичу казалось не совсѣмъ благороднымъ сбивать ее съ истиннаго пути. Положимъ, что пани Вибель прежде еще до него соскакивала съ сего пути; но она все-таки опять вернулась на этотъ путь, а онъ опять, такъ сказать, вызывалъ ее сдѣлать козла въ сторону. Любовь, разумѣется, пересилила всѣ эти соображенія, и Аггей Никитичъ ждалъ только удобной минуты, чтобы совершить задуманное. Однажды онъ въ кабинетѣ у своего наставника засталъ также его супругу. Аггей Никитичъ полагалъ, что она сейчасъ уйдетъ, однако вышло не то: пани продолжала сидѣть; самъ же Вибель, видимо, находился въ конфузливомъ положеніи.

— Она,—сказалъ онъ, указавъ на жену пальцемъ:—также желаетъ быть посвященною въ ученіе масоновъ.

— Вотъ какъ! — воскликнулъ нѣсколько съ удивленіемъ Аггей Никитичъ.

— Что жъ, вы развѣ не рады моему товариществу?—спросила пани Вибель.

— Какъ это возможно, чтобы я не радъ былъ? Я въ восторгѣ!—проговорилъ Аггей Никитичъ.

— И я тоже въ восторгѣ!—подхватила пани Вибель.

— А если вы оба рады, такъ и прекратите ваше пустословіе!—остановилъ ихъ аптекарь, сжигаемый нетерпѣніемъ приступить къ поученію. — Нынѣшнюю бесѣду нашу, — продолжалъ онъ: — мы начнемъ съ вопроса, какъ франк-масонство относится къ государству и церкви. Обойти эти основные элементы человѣческаго общества масоны не могли, ибо иначе имъ пришлось бы избѣгать всего, что составляетъ самое глубокое содержаніе жизни людей; но вмѣстѣ съ тѣмъ они не образуютъ собою ни политическихъ ни религіозныхъ партій. Цѣль ихъ единая: внушить людямъ гуманность, чтобы они за католикомъ, за лютераниномъ, за православнымъ не забывали человѣка. Масоны требуютъ, чтобы каждый, не будучи индифферентенъ, признавалъ въ то же время истинную терпимость.

Слово «терпимость», повидимому, не ускользнуло отъ вниманія слушателей, такъ что они даже переглянулись между собой, при чемъ Аггей Никитичъ какъ бы опросилъ своимъ взглядомъ: «А что, г. Вибель самъ-то терпѣливъ ли и добръ?»— «Да»,—отвѣтила ему, кажется, тоже взоромъ пани.

— Хотя франк-масоны не предписываютъ догматовъ, — развивалъ далѣе свою мысль наставникъ: — тѣмъ не менѣе они признаютъ три истины, лежащія въ самой натурѣ человѣка и которыя утверждаетъ разумъ нашъ—эти истины: бытіе Бога, безсмертіе души и стремленіе къ добродѣтели. Масоны поклоняются всемогущему Строителю и Содержителю вселенной и утверждаютъ, что изъ Него исходитъ всякая тѣлесная, умственная и нравственная жизнь, не дѣлая при этомъ никакого опредѣленнаго представленія о сверхчувственномъ. Убѣжденіе въ томъ, что душа наша безсмертна, мы должны питать въ себѣ для успокоенія духа нашего и для возможности утѣшенія въ страданіяхъ. Истинный масонъ не можетъ представить себѣ полнаго уничтоженія самостоятельнаго и мыслящаго существа, и потому объ умершихъ братьяхъ мы говоримъ: «Они отошли въ вѣчный востокъ», то-есть чтобы снова ожить; но опять-таки, какъ и о конечной при-

чинѣ всякаго бытія, мы не даемъ будущей жизни никакого опредѣленія.

Проговоривъ это, почтенный риторъ развелъ съ явною торжественностью руками, желая тѣмъ указать своимъ слушателямъ, что онъ прорекъ нѣчто весьма важное, и когда къ нему въ этотъ моментъ подошелъ-было приласкаться котъ, то Вибель вмѣсто того, чтобы взять любимца на колѣни, крикнулъ ему: «Брысь!», и сверхъ того отщелкнулъ его своимъ табачнымъ носовымъ платкомъ, а самъ снова обратился къ напутствованію.

— Необходимость добродѣтели,—возглашалъ онъ:—глубоко внѣдрена въ существѣ франк-масонства; отъ всего, что оскорбляетъ добродѣтель, масонство отвращается, потому что въ одной только добродѣтели оно видитъ путь къ спасенію и счастью человѣчества.

— Татка, да что ты называешь добродѣтелью? — воскликнула пани Вибель.

— Я называю добродѣтелью все, что дѣлается согласно съ совѣстью нашей, которая есть не что иное, какъ голосъ нашего неиспорченнаго сердца, и по которой мы, какъ по компасу, чувствуемъ: идемъ ли прямо къ путеводной точкѣ нашего бытія, или уклоняемся отъ нея.

При этомъ Аггея Никитича замѣтно покоробило, а пани Вибель ничего, и она только, соскучившись почти до истерики отъ разглагольствованія своего супруга, вышла въ сосѣднюю комнату и громко приказала своей горничной тутъ же въ кабинетѣ накрыть столъ для чая. Вибель, конечно, былъ удивленъ такимъ распоряженіемъ и спросилъ ее:

— Но отчего же мы сегодня не въ столовой будемъ пить чай?

— Оттого, что ты Аггея Никитича не выпустишь отсюда, а онъ и я утомились тебя слушать.

— Помилуйте, нисколько! — возразилъ Аггей Никитичъ, весьма смущенный такой откровенностью пани Вибель.

Но тутъ вмѣшался самъ Вибель.

— Если вы чувствуете утомленіе,—отозвался онъ:—то лучше прекратить занятія, ибо гораздо полезнѣе меньше выслушать, но зато съ полнымъ вниманіемъ, чѣмъ много, но невнимательно. По крайней мѣрѣ вы, господинъ Звѣревъ, то, что я теперь говорилъ, уяснили себѣ вполнѣ?

— Уяснилъ-съ!—отвѣчалъ, вспыхнувъ въ лицѣ, Аггей Никитичъ, предчувствуя, что Вибель начнетъ экзаменовать его, и тотъ дѣйствительно спросилъ:

— Что же именно я сказалъ?

Аггей Никитичъ пришпорилъ свою память насколько могъ.

— Вы изволили говорить, что масоны признаютъ три истины: Бога, безсмертную душу и будущую жизнь! — отвѣтилъ онъ.

— Не то, не то!—остановилъ его Вибель. — Безсмертная душа и будущая жизнь одно и то же; а я о третьей истинѣ говорилъ, совершенно отдѣльной.

У Аггея Никитича, какъ на зло, совершенно захлестнуло въ головѣ, какая еще была упомянута Вибелемъ третья истина; но его выручила пани Вибель.

— Ты говорилъ о добродѣтели,—сказала она строго мужу:— и говорилъ, по-моему, совершенно справедливо, что добродѣтель есть голосъ нашего сердца, что когда мы его слушаемся, тогда мы добродѣтельны, а когда не слушаемся, то притворщики.

— Такъ, такъ! — подтвердилъ на свою голову старый аптекарь.

— И что сердце наше есть наша совѣсть!—заключила пани Вибель.

— И это такъ, но я сказалъ, что неиспорченное сердце,— возразилъ ей мужъ:—ибо многими за голосъ сердца принимается не нравственная потребность справедливости и любви, а скорѣй пожеланія тѣлесныя, тщеславныя, гнѣвныя, эгоистическія, говоря о которыхъ, мы, пожалуй, можемъ убѣдить другихъ; но ими никогда нельзя убѣдить самого себя, потому что въ глубинѣ нашей совѣсти мы непремѣнно будемъ чувствовать, что это не то, нехорошо, ненравственно.

— Э, очень это туманно!—произнесла пани Вибель.—Пей, татка, лучше чай, а вы, панъ Звѣревъ, не слушайте его больше!

Вибель добродушно улыбнулся.

— Какова деспотка! — воскликнулъ онъ, показывая Аггею Никитичу на жену.

Тотъ при этомъ невольно потупился, втайнѣ думая, что съ какой бы радостью онъ подчинился на всю жизнь такой очаровательной деспоткѣ.

Дѣло Тулузова, какъ надобно было ожидать, уѣздный судъ рѣшилъ весьма скоро и представилъ на ревизію въ уголовную палату. Тулузовъ оставленъ былъ въ подозрѣніи и вмѣстѣ съ дѣломъ перевезенъ изъ уѣзднаго острога въ губернскій, откуда его, впрочемъ, немедля выпустили и оставили содержаться подъ присмотромъ полиціи у себя на квартирѣ.

Услыхавъ обо всемъ этомъ, Аггей Никитичъ только пожималъ плечами, но ни строчки не написалъ о томъ ни Егору Его-

рычу ни Сверстову, ибо ему было не до того: онъ ждалъ все благопріятной минуты для объясненія съ пани Вибель, или съ Марьей Станиславовной, какъ пора мнѣ наконецъ назвать ее по имени, и удобная минута эта встрѣтилась. Откупщикъ, обрадованный улучшеніемъ положенія своего патрона, вознамѣрился всему обществу уѣзднаго города задать пиръ велій и придумалъ для этого пира форму пикника съ катаньемъ по озеру на лодкахъ. Въ помощь себѣ для составленія программы этого увеселенія Рамзаевъ пригласилъ Аггея Никитича, который съ величайшимъ удовольствіемъ изъявилъ готовность па то. Между ними положено было впереди всѣхъ ѣхать на лодкѣ самому откупщику съ музыкантами и хоромъ пѣвцовъ. Слѣдовавшая за нимъ большая и разукрашенная лодка предназначалась для почтенныхъ лицъ общества, а именно для госпожи откупщицы, для Миропы Дмитріевны и еще для двухъ-трехъ дамъ изъ толстыхъ; старый ополченецъ, почтмейстеръ и аптекарь тоже отнесены были къ этому разряду. Замыкать это шествіе долженъ былъ Аггей Никитичъ на небольшомъ катерѣ, рулемъ котораго онъ взялся лично управлять; сопутниками же его были всѣ молодыя особы, то-есть пани Вибель, долговязая дочь ополченца вмѣстѣ съ женихомъ своимъ, инвалиднымъ поручикомъ, и еще нѣсколько неуклюжихъ дѣвицъ. Далѣе возникъ вопросъ: куда наши плаватели пристанутъ, гдѣ бы они могли потанцовать и поужинать? Вопросъ этотъ сверхъ ожиданія разрѣшилъ Вибель, сказавъ, что у одного его пріятеля, Дмитрія Васильича Кавинина (о которомъ, если помнитъ читатель, упоминалъ Сергѣй Степанычъ въ своемъ разговорѣ съ Егоромъ Егорычемъ), можно попросить позволенія отпраздновать сей пикникъ въ усадьбѣ того, въ саду, который, по словамъ Вибеля, могъ назваться королевскимъ садомъ. Всѣ, разумѣется, изъявили на это согласіе, и черезъ недѣлю же Вибель прислалъ откупщику мало что разрѣшеніе отъ Кавинина, но благодарность, что для своего милаго удовольствія они избрали его садикъ, въ который Рамзаевъ не замедлилъ отправить всякаго рода яства и питія съ приказаніемъ устроить на самомъ красивомъ мѣстѣ сада двѣ платформы: одну для танцующихъ, а другую для музыкантовъ и хора пѣвцовъ, а также развѣсить по главнымъ аллеямъ бумажные фонарики и шкалики изъ разноцвѣтнаго стекла для иллюминаціи. Когда все это было приготовлено, то въ одинъ совершенно безоблачный и нѣсколько прохладный день наша маленькая флотилія тронулась на прогулку. Аггей Никитичъ, стоявшій у руля въ своемъ отставномъ военномъ вицмундирѣ, являлъ собою весьма красивую фигуру. О пани

Вибель говоритъ нечего: она была, по своей прическѣ и вообще по всему своему лѣтнему туалету, какая-то фея воздушная. Конечно, нельзя умолчать и о томъ, что откупщица почти царственно блистала своими брильянтами, и что украсила себя тоже разными цѣнными вещами Миропа Дмитріевна, но въ ихъ тѣлесахъ не было ни молодости ни воздушности, потому что m-me Рамзаева съ молодыхъ еще лѣтъ походила на раздувшійся и неудачно-испеченный папошникъ, а Миропа Дмитріевна послѣднее время значительно поразбухла. Откупщикъ съ перваго движенія своей флотиліи велѣлъ музыкантамъ грянуть такой воинственный маршъ, что какъ будто бы это шелъ грозный флотъ громить неприступную крѣпость; на половинѣ пути перестали играть маршъ, и, вмѣсто того, хоръ пѣвцовъ подъ тихій аккомпанементъ оркестра запѣлъ:

Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!

Эта выдумка Рамзаева очень понравилась всѣмъ дамамъ: онѣ дружно захлопали въ ладоши, и одна только Миропа Дмитріевна пальцемъ не пошевелила и все время глядѣла на сидѣвшую въ катерѣ молодую аптекаршу, которая вовсе не показалась ей такой *выдрой*, какъ о ней говорили въ обществѣ, а, напротивъ, Миропа Дмитріевна нашла ее очень интересною, такъ что подозрѣніе насчетъ Аггея Никитича снова въ ней воскресло, и она рѣшилась наблюдать за ними; но Аггей Никитичъ самъ тоже былъ не промахъ въ этомъ случаѣ, и когда подъѣхали къ саду, то онъ... Впрочемъ, прежде всего я долженъ описать садъ, который былъ дѣйствительно между сосѣдними помѣщичьими садами замѣчателенъ по той причинѣ, что владѣлецъ его, Дмитрій Васильичъ Кавининъ, теперь безногій и почти безрукій подагрикъ, всю молодость прожилъ въ Англіи, гдѣ, насмотрѣвшись на прихотливые сады, задумалъ, переселясь на житье въ деревню, устроить у себя садъ чисто въ англійскомъ вкусѣ и, будучи человѣкомъ одинокимъ и богатымъ, выписалъ садовника-англичанина, который оказался хоть пьяницею великимъ, но мастеромъ своего дѣла. Англичанинъ прежній запущенный барскій садъ разбилъ по новому и математически-правильному плану, устроилъ твердыя дорожки и газоны, которые своею гладкостью напоминали ковры, тѣмъ болѣе, что мѣстами они были украшены цвѣтными клумбами, обложенными затѣйливыми глиняными рамками. На одномъ изъ такихъ газоновъ въ нѣсколько глухомъ мѣстѣ сада, по рисунку самого Кавинина, было сдѣлано изъ цвѣтныхъ клумбъ какъ бы нѣчто похожее на масонскій коверъ,

въ срединѣ котораго высилась мраморная тумба, тоже какъ бы напоминающая жертвенникъ масонскій; на верхней доскѣ этой тумбы были сдѣланы солнечные часы. Густо разросшіяся аллеи стараго сада англичанинъ сровнялъ и подстригъ. Такое обновленіе сада производилось, конечно, лѣтъ двадцать тому назадъ; но Дмитрій Васильичъ далъ англичанину на выучку трехъ-четырехъ молодыхъ мальчиковъ, а потому, когда англичанинъ умеръ, или, точнѣе сказать, опился, то выросшіе мальчики, давно превратившіеся изъ Петрушекъ и Ванекъ въ Петровъ и Ивановъ, до сихъ поръ обрабатывали садъ приблизительно въ томъ видѣ, какъ преподалъ имъ англичанинъ: русскіе люди, какъ извѣстно, сами измышлять не умѣютъ, но зато очень скоро выучиваютъ другими народами придуманное и твердо это запоминаютъ. Когда наше маленькое общество вошло въ садъ, то, за исключеніемъ аптекаря и почтмейстера, весьма часто посѣщавшихъ своего собрата по масонству, остальные всѣ почти ахнули, такъ какъ никто изъ нихъ никогда во всю жизнь свою и не видывалъ такого прекраснаго сада. Самъ Дмитрій Васильичъ сидѣлъ въ это время на балконѣ въ покойныхъ катающихся креслахъ: ходить онъ, по милости подагры, не могъ. Вибель представилъ ему кавалеровъ и дамъ. Дмитрій Васильичъ всѣхъ ихъ привѣтствовалъ весьма любезно и попенялъ только откупщику, зачѣмъ тотъ трудился присылать запасы, и что онъ долженъ былъ бы только извѣстить Дмитрія Васильича, что такіе пріятные гости желаютъ посѣтить его садъ, тогда, конечно, все бы было приготовлено. На это Рамзаевъ, извинившись въ своемъ поступкѣ, объяснилъ, что этотъ пикникъ онъ даетъ въ благодарность своимъ добрымъ знакомымъ и потому проситъ у Дмитрія Васильича позволенія быть немножко хозяиномъ въ его саду. «Будьте тутъ какъ бы дома!»—отвѣчалъ ему тотъ. Представляя Кавинину вмѣстѣ съ прочими господами Звѣрева, Вибель чуть ли не сдѣлалъ при этомъ нѣкотораго масонскаго знака, потому что Дмитрій Васильичъ своей распухшей подагрической рукой долго и крѣпко пожималъ могучую длань Аггея Никитича, а затѣмъ послѣдовало все, что обыкновенно слѣдуетъ на всевозможныхъ пикникахъ. Хворый Кавининъ, впрочемъ, такъ какъ ему запрещено было по вечерамъ спускаться въ садъ, пожелалъ играть въ преферансъ, который составлялъ единственное его развлеченіе и въ который онъ до сихъ поръ мастерски игралъ. Партнерами его вызвались быть откупщица и Миропа Дмитріевна; на другомъ столѣ на томъ же балконѣ затѣяли вистъ съ болваномъ аптекарь, почтмейстеръ и ополченецъ; молодежь же вся хлынула въ

садъ. Лакеи стали разносить чай, послѣ котораго все танцующее общество собралось на платформу, и подъ режимомъ откупщика начались танцы. Миропа Дмитріевна, сколь ни занята была игрою, взглядывала по временамъ на танцующихъ, желая видѣть, съ кѣмъ именно танцуетъ супругъ ея; но Аггей Никитичъ и тутъ оказалъ необыкновенную предусмотрительность: первую кадриль онъ танцовалъ съ одной изъ толстыхъ дамъ, несмотря на все отвращеніе къ сей дамѣ, которая, кромѣ своей безобразной фигуры, носила съ собою какую-то атмосферу погребной сыроватости; на вторую кадриль Аггей Никитичъ пригласилъ долговязую невѣсту инвалиднаго поручика. Пани Вибель, все это подмѣчавшая, начала, какъ кажется, немножко дуться на своего поклонника, но Аггей Никитичъ и это перенесъ, разсчитывая на вальсъ, на который пригласилъ ужъ пани Вибель. Танецъ этотъ они давно танцовали весьма согласно въ три темпа, а въ настоящемъ случаѣ оба даже превзошли самихъ себя; съ перваго же тура они смотрѣли своими блистающими зрачками другъ другу въ очи: Аггей Никитичъ совсѣмъ пламенно, а пани Вибель хотя нѣсколько томнѣе, можетъ-быть, потому, что глаза ея были сѣрые, но тоже пламенно. Все это ускользнуло отъ вниманія Миропы Дмитріевны отчасти потому, что танцы происходили довольно далеко отъ нея, а сверхъ того она передъ тѣмъ поставила огромный ремизъ, благодаря которому ей предстоялъ значительный проигрышъ, ибо игра, изъ угожденія Кавинину, была по десяти копеекъ за фишку. Танцы наконецъ прекратились, и хоръ пѣвцовъ началъ пѣть извѣстную въ то время пѣсню:

Грибъ-боровикъ,
Всѣмъ грибамъ полковникъ,
Подъ дубомъ стоючи,
На всѣ грибы глядючи,
Повелѣлъ, приказалъ:
Всѣмъ грибамъ на войну итти.

Молодежь, совершенно не понимавшая скрытаго значенія сей, повидимому, простой пѣсни, разбрелась по аллеямъ сада, но Аггей Никитичъ опять-таки выдержалъ принятую имъ систему осторожности. Онъ къ пани Вибель не подходилъ даже близко и шелъ въ толпѣ съ кѣмъ ни попало, но зато, когда балкона стало не видать, онъ, какъ бы случайно предложивъ пани Вибель свою руку, тотчасъ же свернулъ съ нею на боковую дорожку, что, конечно, никому не могло показаться страннымъ, ибо еще ранѣе его своротилъ въ сторону съ своей невѣстой инвалидный поручикъ; ушли также въ сторону нѣ-

сколько молодыхъ дѣвицъ, желавшихъ, какъ надо думать, поговорить между собою о томъ, что онѣ считали говорить при своихъ маменькахъ неудобнымъ. Аггей Никитичъ между тѣмъ велъ свою даму все далѣе и далѣе; мракъ началъ ихъ окружать полный, и Аггей Никитичъ вдругъ обнялъ пани Вибель, приподнялъ ее, какъ перышко, кверху и поцѣловалъ. Она прильнула своими устами къ его устамъ и стремительно повторила свой прежній вопросъ:

— Вы ходите къ мужу учиться только масонству?

— Нѣтъ!—отвѣчалъ ей на этотъ разъ совершенно откровенно Аггей Никитичъ.—А вы тоже для масонства слушаете поученія вашего мужа?

— О, нисколько,—отвѣчала, нервно разсмѣявшись, пани:—я слушаю, чтобы видѣть васъ.

— Вы не женщина, а божество!—могъ только воскликнуть Аггей Никитичъ и снова обнялъ пани Вибель съ такимъ сильнымъ увлеченіемъ, что та поспѣшила отстраниться отъ него и произнесла:

— Вы безумствуете! Опомнитесь, гдѣ мы...

— Для меня это все равно! — отвѣчалъ Аггей Никитичъ: его многообильная кровь прилила ему окончательно въ голову.

— Но для меня не все равно; поверните назадъ!—приказала ему пани Вибель.

Аггей Никитичъ хоть и дышалъ тяжело, но повернулъ. Руки у обоихъ ходенемъ-ходили.

— Неужели, — проговорила пани Вибель, когда они стали подходить къ освященнымъ аллеямъ, на которыхъ виднѣлись нѣкоторые изъ гуляющихъ:—вы еще сомнѣваетесь, что я уже ваша?

— Нѣтъ, не сомнѣваюсь,—отозвался Аггей Никитичъ глухимъ голосомъ.

Затѣмъ пикникъ кончился, какъ всѣ пикники. Старики, кончивъ свою игру, а молодежь, протанцовавъ еще кадриль, отправились въ обратный путь на освѣщенныхъ фонарями лодкахъ, и хоръ пѣвцовъ снова запѣлъ пѣсню о боровикѣ, повелѣвающемъ другимъ грибамъ на войну итти, но...

Не послушались бѣлянки:
Мы-де чистыя дворянки,
Неповинны мы тебѣ
На войну итти;
Отказалися опенки:
У насъ ноги сухи, тонки;
Не пошли и мухоморы:
Мы-де сами сенаторы.

Посреди такого всеобщаго ликованія одна только Мирона

Дмитріевна сидѣла въ лодкѣ злая-презлая, но не на мужа, за которымъ она ничего не замѣтила, а на этого стараго чорта и богача Кавинина, которому она проиграла тридцать рублей, и когда ему платила, такъ онъ принялъ ассигнаціи смѣясь, какъ будто бы это были щенки!

V.

Въ тотъ самый день, какъ откупщикъ праздновалъ пикникъ, въ Гёттингенѣ къ отелю «zur Krone», который и тогда былъ лучшимъ въ городѣ, подъѣхала дорожная извозчичья карета. Стоявшій около гостиницы гаускнехтъ ея поспѣшилъ отворить дверцы кареты, и изъ нея вышли Сусанна Николаевна и Егоръ Егорычъ, постарѣвшій, сгорбившійся и совсѣмъ, какъ видно, больной, а вслѣдъ за ними, чего, вѣроятно, не ожидаетъ читатель, появился Антипъ Ильичъ. Сей вѣрный камердинеръ не въ первый уже разъ былъ за границей и, нѣкогда проживъ съ своимъ, тогда еще молодымъ бариномъ болѣе трехъ лѣтъ въ Германіи, онъ выучился даже говорить по-нѣмецки. Въ настоящую же поѣздку Егора Егорыча Антипъ Ильичъ, видя, до какой степени господинъ его слабъ и недуженъ, настоялъ, чтобы его тоже взяли, убѣждая тѣмъ, что онъ все-таки будетъ усерднѣе служить, чѣмъ какіе-нибудь иностранные наемные лакеи. Выйдя изъ кареты и видимо прибодряясь, Антипъ Ильичъ поспѣшно сказалъ гаускнехту, что нужны два большіе номера.

Гаускнехтъ сначала исполнился удивленія, услышавъ отъ Антипа Ильича не то нѣмецкія, не то какія-то неизвѣстныя слова; но эти же слова повторилъ ему Егоръ Егорычъ.

— А, понимаю! — воскликнулъ тогда гаускнехтъ и повелъ моихъ путниковъ черезъ ворота на дворъ, на которомъ развѣшены были окорока ветчины, колбасы, туловище дикой козы, а также сидѣли двѣ краснощекія нѣмки и чистили картофель. По не совсѣмъ новой, но чисто вымытой лѣстницѣ Марѳины взобрались во второй этажъ, гдѣ выбрали себѣ три номера, одинъ (самый большой) для Сусанны Николаевны, другой (поменьше) Егору Егорычу и третій (еще поменьше) Антипу Ильичу. Гаускнехтъ, громадный и сильный мужикъ, едва смогъ въ нѣсколько пріемовъ перетаскать изъ кареты въ номера многообильный багажъ Марѳиныхъ и, заключивъ изъ этого, что пріѣхавшіе иностранцы были очень богатые господа, возвѣстилъ о томъ хозяину своему, обыкновенно сидѣвшему въ нижнемъ отдѣленіи отеля и съ утра до ночи ѣвшему тамъ или пившему съ кѣмъ-либо изъ друзей своихъ. Хозяинъ, въ свою

очередь, не преминулъ самъ войти къ новоприбывшимъ и почтительно просилъ ихъ записать свои фамиліи въ номерной книгѣ, въ каковой Егоръ Егорычъ и начерталъ: «Les russes: colonel Marfin, sa femme et son ami». Удовлетворившись этимъ, хозяинъ отеля спросилъ: какъ господамъ русскимъ угодно обѣдать, у себя ли въ номерахъ, или въ общей залѣ за табльдотомъ.

— За табльдотъ придемъ! — отвѣчалъ Егоръ Егорычъ.

Послѣ хозяина въ номеръ учинили набѣгъ тѣ краснощекія медхенъ, которыхъ мы видѣли за чисткою картофеля. Онѣ притащили съ собою огромные умывальники и графины съ водой, взбили своими здоровыми и красноватыми руками валоподобныя подушки, постлали на всѣ матрацы чистое бѣлье и сверхъ того на каждую постель положили по тонкой перинѣ вмѣсто одѣяла. Пробовалъ-было Антипъ Ильичъ и симъ дѣвицамъ что-то такое по-нѣмецки растолковать и посовѣтовать; но тѣ его еще меньше гаускнехта поняли и, восклицая: «Was? Wie gefällt?», переглядывались между собою и усмѣхались. Видимо, что старикъ совсѣмъ ужъ забылъ нѣмецкій языкъ. Обстановка въ номерахъ была наконецъ приведена въ должный порядокъ; Марѳины и Антипъ Ильичъ умылись и пріодѣлись. Собственно дорѳгой путники не были особенно утомлены, такъ какъ проѣхали всего только нѣсколько миль отъ Гарца, по которому Егоръ Егорычъ, въ воспоминаніе своихъ прежнихъ юношескихъ поѣздокъ въ эти горы, провезъ Сусанну Николаевну, а потомъ прибылъ съ нею въ Гёттингенъ, желая показать Сусаннѣ Николаевнѣ университетскій городъ; кромѣ того, она и сама, такъ много слышавшая отъ gnädige Frau о Гёттингенѣ, хотѣла побывать въ немъ.

Вскорѣ на церковной башнѣ пробило часъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ раздался обѣденный звонокъ въ отелѣ.

— Пойдемте!—сказалъ Егоръ Егорычъ Сусаннѣ Николаевнѣ и Антипу Ильичу, которому онъ еще въ Россіи объявилъ, что если старый камердинеръ непремѣнно хочетъ ѣхать съ нимъ за границу, то долженъ быть не слугою, а другомъ ихъ семьи, на что Антипъ Ильичъ хоть и конфузливо, но согласился.

— Ты за обѣдомъ увидишь студентовъ здѣшнихъ! — предупредилъ Егоръ Егорычъ Сусанну Николаевну, сходя съ лѣстницы.

Она на это улыбнулась и проговорила:

— Я очень рада посмотрѣть на нѣмецкихъ студентовъ.

Вообще Сусанну Николаевну, какъ натуру молодую и впечатлительную, чрезвычайно заняло и развлекло путешествіе. Она еще въ Петербургѣ съ трепетною радостью сѣла на па-

роходъ и съ первымъ же поворотомъ колесъ начала жадно вдыхать здоровой грудью свѣжій и сыроватый морской воздухъ. Сидя весь день на палубѣ, она смотрѣла то на безконечную даль моря, то внимательно вглядывалась въ странный для нея цвѣтъ морской воды. На сушѣ Сусанна Николаевна немало любовалась обработанными нѣмецкими пажитями, которыя скорѣе походили на сады, чѣмъ на наши сѣверныя русскія поля. Небольшіе города Германіи, которые попадались имъ по дорогѣ и въ которыхъ они иногда для отдыха Егора Егорыча останавливались, тоже нравились Сусаннѣ Николаевнѣ, и одно въ этомъ случаѣ удивляло ее, что она очень мало слышала въ этихъ городкахъ, сравнительно съ нашими, колокольнаго звона, тогда какъ, прослушавъ изъ устъ Егора Егорыча еще въ самые первые дни ихъ брака его собственный переводъ шиллеровскаго «Колокола», ожидала, что въ Германіи только и дѣлаютъ, что звонятъ.

Понятно, что при такомъ разнообразіи дорожныхъ впечатлѣній мысль объ Углаковѣ въ воспоминаніи Сусанны Николаевны начинала все болѣе блѣднѣть, и ее гораздо сильнѣе грызло то, что Егоръ Егорычъ на ея глазахъ съ каждымъ днемъ вянулъ и таялъ, чему главной причиной Сусанна Николаевна считала свою сумасшедшую откровенность, которую она обнаружила, признавшись ему въ любви къ Углакову. Егоръ Егорычъ тоже считалъ себя виновнымъ противъ Сусанны Николаевны; впрочемъ, насколько онъ въ этомъ отношеніи полагалъ себя виноватымъ, опредѣлить даже трудно, и можно сказать лишь одно, что только его нѣкогда геройское сердце могло еще выдерживать столь тяжелыя и вмѣстѣ съ тѣмъ тайныя муки.

За табльдотъ на этотъ разъ собрались не одни студенты, а и болѣе пожилые люди, усѣвшіеся на другомъ столѣ, за которымъ помѣстился также Егоръ Егорычъ съ своей женой и другомъ. Сусанна Николаевна съ жаднымъ вниманіемъ начала оглядывать все общество, и нѣмцы поразили ее прежде всего какою-то однообразною молодцоватостью; кромѣ того, на всѣхъ почти лицахъ, молодыхъ и пожилыхъ, виднѣлись замѣтные рубцы, изъ коихъ иные были совсѣмъ зажившіе, другіе красноватые, а нѣкоторые даже залѣпленные еще пластырями. До крайности заинтересованная этимъ, Сусанна Николаевна спросила Егора Егорыча, отчего эти рубцы у всѣхъ студентовъ?

— Оттого, что они безпрестанно дерутся на дуэляхъ, — объяснилъ Егоръ Егорычъ.

— И ты дрался, когда студировалъ здѣсь? — поинтересовалась Сусанна Николаевна.

— И я; знакъ даже того имѣю на рукѣ, — проговорилъ Егоръ Егорычъ и, отвернувъ обшлагъ рукава, показалъ довольно значительный рубецъ на рукѣ.

Блаженствуя отъ мысли, что сопровождаетъ барина, Антипъ Ильичъ въ то же время страдалъ въ смыслѣ пищи, ибо онъ уже около трехъ лѣтъ совершенно не ѣлъ мяса; но въ Европѣ чѣмъ же ему оставалось питаться? Чаю не было, кофе онъ самъ не пилъ, горячія всѣ были мясныя, — значитъ, только рыбкой, когда ее подавали къ столу, картофелемъ и пирожными съ чѣмъ-нибудь сладенькимъ, да и тѣ были ему не по вкусу, такъ какъ Антипъ Ильичъ былъ сластена великій, а варенья, подаваемыя за табльдотомъ, были все какія-то кислыя.

Послѣ обѣда Сусанна Николаевна прилегла на постель и даже задремала-было; но на улицѣ невдолгѣ раздалась музыка до такой степени стройная и согласная, что Сусаннѣ Николаевнѣ сквозь сонъ показалась какими-то райскими звуками; она встала и пошла къ Егору Егорычу, чтобы узнать, гдѣ играютъ.

— А вотъ посмотри! — отвѣчалъ ей тотъ, показывая на открытое окно.

Сусанна Николаевна выглянула изъ окна и увидѣла еще вдали тянувшуюся процессію, впереди которой ѣхалъ верхомъ на небойкой и худощавой лошади какъ бы герольдъ и держалъ въ рукахъ знамя; за нимъ ѣхали музыканты и тянулось нѣсколько колясокъ, наполненныхъ студентами, а также и пожилыми людьми; на всѣхъ ихъ были надѣты ленты, перевязи и странной формы фуражки.

— Что такое это значитъ?—воскликнула Сусанна Николаевна.

— Это такъ называемый коммершъ, на которыхъ обыкновенно празднуютъ и ликуютъ настоящіе и бывшіе студенты.

— Но отчего они въ такихъ театральныхъ костюмахъ? — разспрашивала съ любопытствомъ Сусанна Николаевна.

— Это отще остатки среднихъ вѣковъ, и ты вотъ замѣть: на нѣкоторыхъ однѣ фуражки, а на другихъ другія, а также неодинакія и перевязи. Это означаетъ, что сегодня происходитъ торжество, сколько вижу, двухъ или даже трехъ корпорацій; на этихъ торжествахъ они пьютъ пиво, поютъ и наконецъ ссорятся между собой.

— Изъ-за чего?

— Чаще всего ни изъ-за чего; обыкновенно какой-нибудь молодой корпорантъ подходитъ тоже къ молодому члену другой корпораціи и говоритъ ему: «dummer Junge»—и на другой день дуэль.

— И при этомъ они убиваютъ другъ друга?

— Нѣтъ, потому что лобъ, глаза, а также грудь и желудокъ защищены, и по большей части они исцарапаютъ другъ другу лица, хотя бываютъ и смертные случаи.

— Какъ же профессора ихъ не запрещаютъ имъ этихъ дуэлей?

— Напротивъ, профессора поддерживаютъ это, что̀, по-моему, до нѣкоторой степени основательно; во-первыхъ, это открываетъ клапанъ молодечеству, столь свойственному юношамъ, развиваетъ въ нихъ потомъ храбрость, а главнѣе всего, этотъ обычай (по крайней мѣрѣ такъ это было въ мое время) до того сильно коренится въ нравахъ всего нѣмецкаго общества, что иногда молодыя дѣвицы отказываютъ въ рукѣ тѣмъ студентамъ, у которыхъ нѣтъ на лицѣ шрама.

— А на чемъ же основывается разница этихъ корпорацій?

— Болѣе всего на началѣ разныхъ мѣстностей и народностей, а частью исповѣданій, а также и по наклонностямъ молодыхъ людей къ той или другой философской системѣ; это я знаю по собственному опыту: насъ, русскихъ, въ то время студировало только двое: Пилецкій и я, и онъ меня ввелъ въ корпорацію мистиковъ.

— Но твой противникъ, съ которымъ ты дрался, изъ какой былъ корпораціи?

— Даже не знаю изъ какой, и это былъ, какъ мнѣ потомъ разсказывали, какой-то венгерскій авантюристъ, который, узнавъ, что я русскій, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Вы дерзко взглянули на даму, съ которой я вчера шелъ, а потому вы...» и хотѣлъ, конечно, сказать: «dummer Junge!», но я не далъ ему этого договорить и мгновенно же воскликнулъ: «Вы dummer Junge, а не я!»

На другой день Мареины пошли осматривать достопримѣчательности Гёттингена, которыхъ, впрочемъ, оказалось немного: валъ, идущій кругомъ города, съ устроеннымъ на немъ прекраснымъ бульваромъ, и университетъ, подходя къ которому, Егоръ Егорычъ указалъ на маленькій погребокъ и сказалъ Сусаннѣ Николаевнѣ:

— Чуть ли вотъ не тутъ существовала ложа, въ которой посвящалась въ масонство gnädige Frau.

— Въ такомъ случаѣ нельзя ли туда зайти и посмотрѣть?— воскликнула Сусанна Николаевна.

— Теперь тамъ, я думаю, ничего нѣтъ, — возразилъ ей Егоръ Егорычъ.

— А можетъ-быть, что-нибудь осталось, — подхватила Сусанна Николаевна.

Они зашли въ погребокъ; но въ немъ дѣйствительно, кромѣ магенбиттеру и другихъ водокъ, ничего не было. Чтобы замаскировать свое посѣщеніе, Сусанна Николаевна купила маленькую бутылку киршвассера.

Въ слѣдующіе затѣмъ два-три дня они почувствовали такую скуку въ Гёттингенѣ, что поспѣшили отправиться въ Кассель, гдѣ, отдохнувъ отъ переѣзда, стали осматривать кассельскій садъ, церковь св. Мартына, синагогу, Museum Friedericianum и скульптурную галлерею.

— Кассель, по-моему, лучше и интереснѣе Берлина!—восклицала почти на каждомъ шагу Сусанна Николаевна.

— Еще-бы, Берлинъ — казармы и больше ничего! — согласился съ ней Егоръ Егорычъ.

Но еще болѣе Касселя очаровала Сусанну Николаевну обсаженная густо разросшимися каштанами дорога къ замку Вильгельмсгёе, куда повезъ ее, а также и Антипа Ильича, Егоръ Егорычъ. Съ приближеніемъ къ Вильгельмсгёе, Сусанна Николаевна еще издали замѣтила какую-то фигуру, высоко виднѣющуюся на горѣ среди замка.

— Что это такое?—сказала она.

— Это громадная статуя Геркулеса!—объяснилъ ей Егоръ Егорычъ.

— Что жъ, мы туда сходимъ? — спросила съ живымъ любопытствомъ Сусанна Николаевна.

— Пожалуй,—отвѣтилъ ей протяжно Егоръ Егорычъ.

— Нѣтъ, сударь, вамъ туда всходить высоко; вы и безъ того, смотрите, какой блѣдный, — вмѣшался въ разговоръ Антипъ Ильичъ.

— Да, это правда! — подтвердила, спохватившись, Сусанна Николаевна и тоже замѣтивши, что Егоръ Егорычъ былъ сильно утомленъ.

Такимъ образомъ мои путешественники, пріѣхавъ въ Вильгельмсгёе, усѣлись на дворцовой площадкѣ передъ главнымъ дворомъ.

— Чѣмъ же мнѣ васъ угощать тутъ? — проговорилъ Егоръ Егорычъ; потомъ, какъ бы припомнивъ нѣчто, онъ сказалъ лакею, давно уже почтительно стоявшему вблизи ихъ столика:

— Дайте намъ «боль», который я самъ здѣсь приготовлю.

Тотъ немедля же принесъ и поставилъ на столикъ бутылку рейнвейна, клубнику, апельсинъ и мелкій сахаръ.

— Это любимый нѣмецкій напитокъ, особенно въ жаркіе дни, какъ сегодня, — пояснилъ Егоръ Егорычъ.

Довольно умѣло приготовивъ «боль», онъ предложилъ своимъ компаньонамъ выпить по стаканчику сего напитка, а также

и себѣ налилъ стаканъ; но Сусаннѣ Николаевнѣ рѣшительно не понравился «боль», и она только выловила изъ стакана землянику и скушала ее. Антипъ Ильичъ тоже затруднился допить свою порцію, и послѣ нѣсколькихъ глотковъ онъ конфузливо доложилъ Егору Егорычу:

— Крѣпко мнѣ, сударь, это очень!

— Разбавь водой и положи побольше сахару! — посовѣтовалъ ему Егоръ Егорычъ.

Антипъ Ильичъ, разсыропивъ рейнвейнъ водой и всыпавъ въ стаканъ огромное количество сахару, покончилъ съ «болемъ» и послѣ того тотчасъ раскраснѣлся въ лицѣ, какъ маковъ цвѣтъ.

Въ противоположность своимъ сотоварищамъ, Егоръ Егорычъ, выпивъ съ удовольствіемъ свой стаканъ, выпилъ затѣмъ и еще стаканъ, дѣлая это, кажется, для того, чтобы прибодриться немного; но онъ нисколько не достигнулъ того, а только еще болѣе осовѣлъ, такъ что, возвращаясь назадъ въ Кассель, Егоръ Егорычъ всю дорогу дремалъ и даже слегка похрапывалъ.

Осмотрѣвъ такимъ образомъ Кассель, Марѳины направили свой путь въ Кёльнъ. Егоръ Егорычъ въ этомъ случаѣ имѣлъ въ виду показать Сусаннѣ Николаевнѣ кёльнскій соборъ, заранѣе предчувствуя, въ какой восторгъ она придетъ отъ этого храма, и ожиданіе его вполнѣ оправдалось; случилось такъ, что въ Кёльнъ они пріѣхали къ обѣду и въ четыре часа отправились въ соборъ, гдѣ совершалось подготовленіе къ первому причащенію молодыхъ дѣвушекъ. Когда Марѳины въ сопровожденіи Антипа Ильича вошли въ храмъ, то юныя причастницы и все словно бы прехорошенькія, въ своихъ бѣлыхъ платьицахъ, въ тюлевыхъ вуаляхъ и цвѣтахъ, чопорно сидѣли на церковныхъ лавкахъ, и между ними нѣтъ-нѣтъ да и промелькнетъ какой-нибудь молодой и тоже красивый собою каноникъ. Патеры же стояли съ наклоненными головами передъ алтарями, на которыхъ горѣли свѣчи, слабо споря съ дневнымъ еще свѣтомъ, пробивавшимся въ расписныя стекла собора.

Охваченная всѣмъ этимъ, Сусанна Николаевна просто начала молиться по-русски, шепча молитвы и даже крестясь; то же самое дѣлалъ и Антипъ Ильичъ, только креститься въ нерусскомъ храмѣ онъ считалъ грѣхомъ. Но Егоръ Егорычъ погруженъ былъ въ какія-то случайныя размышленія по поводу незабытаго имъ изреченія Сперанскаго, который въ своемъ письмѣ о мистическомъ богословіи говорилъ, что одни только ангелы и мудрые востока, т.-е. три царя, пришедшіе ко Христу на поклоненіе, знали Его небесное достоин-

ство; а въ кёльнскомъ соборѣ отведено такое огромное значеніе симъ царямъ, но отчего же и простые пастыри не символизированы тутъ? — спросилъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ себя.

Изъ Кёльна Егоръ Егорычъ вознамѣрился проѣхать съ Сусанной Николаевной по Рейну до Майнца, ожидая на этомъ пути видѣть, какъ Сусанна Николаевна станетъ любоваться видами поэтической рѣки Германіи; но недуги Егора Егорыча лишили его этого удовольствія, потому что, какъ только мои путники вошли на пароходъ, то на нихъ подулъ такой холодный вѣтеръ, что Антипъ Ильичъ поспѣшилъ немедленно же увести своего господина въ каюту; Сусанна же Николаевна осталась на палубѣ, гдѣ къ ней обратился съ разговоромъ болтливѣйшій изъ болтливѣйшихъ эльзасцевъ и началъ ей по-французски объяснять, что виднѣющіеся мѣстами замки на горахъ называются разбойничьими гнѣздами, потому что въ нихъ прежде жили бароны и грабили проѣзжавшія по Рейну суда, и что въ ихъ даже пароходъ скоро выстрѣлятъ,—и дѣйствительно на одномъ поворотѣ Рейна раздался выстрѣлъ. Указалъ потомъ эльзасецъ Сусаннѣ Николаевнѣ на гору, покрытую виноградниками, гдѣ будто бы исключительно выдѣлывается знаменитое вино іоганнисбергеръ. Когда эльзасецъ наконецъ оставилъ въ покоѣ Сусанну Николаевну, къ ней подошелъ выходившій по временамъ на палубу Антипъ Ильичъ.

— А вѣдь наша Волга, сударыня, лучше Рейна, — сказалъ онъ.

— Чѣмъ же? — спросила его Сусанна Николаевна.

— У насъ все церкви и монастыри проѣзжаешь, а тутъ ни одного креста не видать.

— Но въ Кёльнѣ развѣ тебѣ не понравился соборъ?—возразила ему Сусанна Николаевна.

— Это что говорить: храмъ благословенный! Священниковъ только не разберешь и не увидишь, гдѣ они,—замѣтилъ Антипъ Ильичъ.

Переночевавъ въ Майнцѣ, мои путешественники опять-таки по плану Егора Егорыча отправились въ Гейдельбергъ. Южная Германія тутъ уже сильно начинала давать себя чувствовать. Воздухъ былъ напоенъ ароматами растеній; деревья были все хоть небольшія, но сочныя.

Поля, конечно, не были съ такою тщательностью обработаны, какъ въ Сѣверной Германіи, но неопытный бы даже глазъ замѣтилъ, что они были плодовитѣе.

По пріѣздѣ въ Гейдельбергъ, Егоръ Егорычъ серьезно расхворался и слегъ почти въ постель. Сусанна Николаевна

ужасно перепугалась и стала совѣщаться съ Антипомъ Ильичомъ, не послать ли за докторомъ.

— Ничего, сударыня! Егоръ Егорычъ немножко соснутъ; съ ними это бываетъ; они и прежде всегда были, какъ малый ребенокъ!—успокаивалъ ее тотъ, и дня черезъ два Егоръ Егорычъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ бы воспрянулъ, если не тѣломъ, то духомъ, и, мучимый мыслью, что всѣ эти дни Сусанна Николаевна сидѣла около его постели и скучала, велѣлъ взять коляску, чтобы ѣхать въ высившіяся надъ Гейдельбергомъ развалины когда-то очень красиваго замка.

Сусанна Николаевна сначала было-настаивала, чтобы Егоръ Егорычъ этого не дѣлалъ, говоря, что будто бы ее вовсе не интересуетъ замокъ. Егоръ Егорычъ однако не повѣрилъ ей, и они отправились. Многимъ, конечно, извѣстно, что видъ изъ замка на рѣку Неккаръ и прирейнскую долину весьма живописенъ; Сусанна Николаевна по крайней мѣрѣ съ полчаса любовалась на эту картину. Антипа Ильича болѣе всего заинтересовала оставшаяся отъ дворца неразрушенная стѣна съ множествомъ лѣпныхъ статуй. Долго и внимательно разсматривалъ ихъ старикъ, а потомъ, подойдя къ Егору Егорычу, проговорилъ:

— Смѣю васъ спросить, замокъ этотъ не былъ ли прежде масонскимъ замкомъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Егоръ Егорычъ, нѣсколько удивленный такимъ вопросомъ Антипа Ильича: — но почему же ты это думаешь?

— Потому что хорошо ужъ очень все изображено, — объяснилъ Антипъ Ильичъ, простодушно полагавшій, что все хорошее должно было принадлежать масонамъ.

Егоръ Егорычъ вскорѣ началъ чувствовать легкій ознобъ отъ наступившихъ сумерекъ. Онъ сказалъ о томъ Сусаннѣ Николаевнѣ, и они немедля же отправились въ гостиницу свою, но на главной улицѣ Гейдельберга ихъ остановило шествіе студентовъ съ факелами въ рукахъ и съ музыкой впереди. Извозчикъ ихъ поспѣшно повернулъ экипажъ нѣсколько съ сторону и не безъ гордости проговорилъ:

— Это факельцугъ!

Сусанна Николаевна только было-хотѣла спросить его что-то такое въ дополненіе, какъ изъ толпы раздался русскій возгласъ:

— Почтеннѣйшій Егоръ Егорычъ, m-me Марѳина, какъ вы здѣсь?

Тѣ оглянулись на этотъ зовъ и увидѣли бѣжавшаго къ ихъ экипажу гегеліанца.

— А, здравствуйте!—сказалъ Егоръ Егорычъ, протягивая ему руку.

— Здравствуйте! — проговорила и Сусанна Николаевна привѣтливо гегеліанцу.—Куда это идутъ студенты? — прибавила она.

— Они идутъ чествовать одного изъ своихъ профессоровъ,— объяснилъ тотъ.

— Въ чемъ же это чествованіе будетъ состоять?—разспрашивала Сусанна Николаевна.

— Пока еще неизвѣстно; шествіе это устроилось совершенно экспромптомъ, по случаю свадьбы профессора, и мы всѣ идемъ, не имѣя никакой опредѣленной программы.

— Ахъ, какъ бы я желала посмотрѣть на всю эту церемонію!—произнесла Сусанна Николаевна.

— Тогда вотъ что̀ мы сдѣлаемъ!—началъ Егоръ Егорычъ.— М-г Терховъ, — обратился онъ потомъ къ гегеліанцу: — вы сведите мою жену на эту церемонію, а я усталъ и поѣду домой.

— Но какъ же ты одинъ поѣдешь, когда такъ дурно себя чувствуешь?—произнесла нерѣшительнымъ голосомъ Сусанна Николаевна.

— Что̀ за вздоръ! Со мной Антипъ Ильичъ поѣдетъ. А вы сберегите мою супругу! — отнесся онъ въ заключеніе къ Терхову.

— Съ великой готовностью,—отвѣчалъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ Терховъ. — Но только я попрошу васъ пойти пѣшкомъ,—пояснилъ онъ Сусаннѣ Николаевнѣ.

— О, я этого не боюсь; но мнѣ совѣстно, что я стѣсняю васъ собою! — говорила Сусанна Николаевна, выходя изъ экипажа.

— Нисколько!—отвѣтилъ ей Терховъ.

Егоръ Егорычъ, мотнувъ потомъ имъ обоимъ головой, велѣлъ кучеру ѣхать въ гостиницу.

Сусанна Николаевна между тѣмъ, оставшаяся въ толпѣ съ полузнакомымъ ей молодымъ человѣкомъ, сначала, конечно, конфузилась; но Терховъ велъ ее подъ-руку съ такой осторожной вѣжливостью, что она совершенно потомъ успокоилась.

Факельцугъ остановился передъ домомъ профессора, и въ то время, какъ музыканты играли хвалебную серенаду новобрачнымъ, весь цугъ махалъ факелами. Въ отвѣтъ на это, на небольшомъ балкончикѣ дома показался профессоръ, а равно и супруга его, сколько можно было разсмотрѣть при темнотѣ, весьма уже немолодая. Профессоръ произнесъ своимъ почитателямъ довольно длинную и нѣжную рѣчь. Факельцугъ,

весь гуртомъ, захлопалъ ему, послѣ чего всѣ стали расходиться. Студенты шумно отправились въ разныя таверны, а молодые рабочіе, участвовавшіе тоже въ церемоніи,—въ свои кабаки. Сусанну Николаевну Терховъ повелъ подъ-руку къ ея отелю, и ей вдругъ пришла въ голову мысль спросить своего кавалера объ Углаковыхъ, у которыхъ она его встрѣчала.

— Развѣ вы не знаете, что Пьеръ Углаковъ умеръ?—воскликнулъ Терховъ.

Сусанна Николаевна вздрогнула.

— Давно ли?—спросила она взволнованнымъ голосомъ.

— Недавно,—отвѣчалъ Терховъ.

— Что же, онъ заболѣлъ вдругъ?—разспрашивала Сусанна Николаевна.

— Не думаю, чтобы вдругъ; но, какъ мнѣ писали, онъ самъ былъ причиной своей смерти: кутилъ и пилъ, какъ я не знаю кто!

Волненіе Сусанны Николаевны все болѣе и болѣе усиливалось.

— Главное, влюбился въ какую-то француженку изъ кондитерской Люке, — продолжалъ Терховъ: — та окончательно истощила его кошелекъ и здоровье; хорошаго исхода подобной жизни ожидать было нечего.

Сусанна Николаевна вздохнула нѣсколько свободнѣе: значитъ, Углаковъ не отъ тоски же по ней умеръ!

— Ну, а вы что здѣсь дѣлаете?—спросила она.

— Я-то, понятно, что, — отвѣчалъ Терховъ: — но какъ вы съ вашимъ супругомъ сюда попали?

— Попали мы потому, что мнѣ захотѣлось путешествовать (Сусанна Николаевна при этомъ слегка покраснѣла), ну, а потомъ Егору Егорычу необходимо было посовѣтоваться съ докторами, чтобы они ему прописали какія нужно воды.

— Чего же лучше сдѣлать это, какъ здѣсь; въ Гейдельбергѣ есть весьма знаменитые доктора,—проговорилъ Терховъ.

— Да, это было бы очень хорошо; но Егоръ Егорычъ прежде всего хочетъ мнѣ показать любимые имъ университетскіе города, потомъ Римъ, Италію и Швейцарію.

— Во всякомъ случаѣ, вы позволите мнѣ завтра явиться къ вамъ?—спросилъ Терховъ.

— Даже прошу васъ! Егоръ Егорычъ очень будетъ радъ вамъ,—отвѣтила Сусанна Николаевна.

Возвратясь въ своей отель, она нашла Егора Егорыча хоть въ постели, но еще не спящимъ, и не удержалась, чтобы не разсказать ему о смерти Углакова. Егоръ Егорычъ первое что устремилъ на нее внимательный и безпокойный

взглядъ; Сусанна Николаевна однако употребила всѣ силы, чтобы скрыть взволновавшія ее печальныя чувствованія.

— Но правда ли еще это?—спросилъ онъ.

— Какъ же не правда? Терховъ его пріятель, — замѣтила Сусанна Николаевна.

— Я знаю это; но мнѣ думается, что старики Углаковы увѣдомили бы меня о такомъ страшномъ горѣ своемъ.

— Развѣ до того имъ теперь, чтобы увѣдомлять кого бы то ни было. Кромѣ того, они, вѣроятно, не знаютъ, гдѣ мы.

— Это можетъ быть!—согласился Егоръ Егорычъ: — и вообще я очень неаккуратно получаю письма. Сверстовъ, конечно, писалъ мнѣ недавно; но меня удивляетъ Звѣревъ, котораго я просилъ особымъ письмомъ увѣдомить меня о дѣлѣ Тулузова и адресовать въ Гейдельбергъ poste restante, однако письма нѣтъ. Я нахожу, что это невѣжливо съ его стороны.

— Разумѣется, невѣжливо! — согласилась Сусанна Николаевна.

VI.

Аггей Никитичъ и самъ понималъ, что онъ былъ виноватъ передъ Егоромъ Егорычемъ, но вначалѣ онъ почти трусилъ отвѣтить Марѳину на вопросъ того о дѣлѣ Тулузова, въ которомъ Аггей Никитичъ, хоть и смутно, но сознавалъ себя если не неправымъ, то бездѣйствовавшимъ, а потомъ и забылъ даже, что ему нужно было что-нибудь отвѣтить Егору Егорычу, такъ какъ пани Вибель, говоря Аггею Никитичу, что *она уже его*, сказала не фразу, и потому можете себѣ представить, что̀ произошло съ моимъ пятидесятилѣтнимъ мечтателемъ; онъ ходилъ, не чувствуя земли подъ собою, а между тѣмъ ему надобно было каждый вечеръ выслушивать масонскія поученія аптекаря, на которыхъ вмѣстѣ съ нимъ присутствовала пани Вибель, что̀ окончательно уже развлекало и волновало Аггея Никитича. Вибель же, все болѣе и болѣе прилѣплявшійся къ ораторству, часто не выпускалъ отъ себя своихъ слушателей часовъ по пяти.

— Многіе,—говорилъ онъ почти съ запальчивымъ одушевленіемъ:—думаютъ, что масонство владѣетъ таинственными науками и что мы можемъ превращать куски камней въ слитки золота, того не подозрѣвая, что если бы люди достигли этого, то золото сравнялось бы съ камнемъ и потеряло бы всякую цѣнность. Другіе мнятъ отыскать въ нашихъ лабораторіяхъ универсальное лѣкарство, способное удержать наше тѣло отъ тлѣнія; но масоны нисколько того не желаютъ, ибо

съ увѣренностью ждутъ жизни духа безъ тѣлесной оболочки. Третьи безумцы, принимая скорлупу за яицо, смѣются надъ нашими обрядами, называя ихъ нелѣпыми и дѣтскими забавами; но гдѣ же тутъ, спрашиваю васъ, нелѣпости, когда мы въ нашихъ собраніяхъ совѣщаемся подобно всякимъ другимъ обществамъ о дѣлахъ и нуждахъ масонства; потомъ дѣйствительно совершаемъ нѣкоторыя символическія церемоніи при пріемахъ въ первую и при повышеніяхъ во вторую и третью степени. Вы, господинъ Звѣревъ, вѣроятно, знакомы до нѣкоторой степени съ этими обрядами, ибо я давно вручилъ вамъ ритуалъ. Потрудитесь мнѣ разсказать его вкратцѣ!

При этомъ Аггей Никитичъ долженъ былъ бы про себя воскликнуть: «Heu me miserum!». Ритуалъ онъ прочелъ всего одинъ разъ, а потому въ отвѣтахъ своихъ сталъ Богъ знаетъ что̀ такое путать.

— Поютъ сначалъ пѣснь,—сказалъ онъ.

— Какую?—спросилъ Вибель.

— Словъ я не помню,—отвѣчалъ Аггей Никитичъ, краснѣя въ лицѣ.

— Да что̀ ты, татка, все спрашиваешь? Ты самъ разсказывай!—вмѣшалась въ разговоръ пани Вибель.

— Я спрашиваю затѣмъ, что хочу узнать степень внимательности и трудолюбія господина Звѣрева,—возразилъ ей мужъ.

— У меня на стихи совершенно нѣтъ памяти,—произнесъ тотъ смущеннымъ тономъ.

— Но, кромѣ пѣнія, что̀ далѣе бываетъ?

— Далѣе... — тянулъ, какъ школьникъ, свой отвѣтъ Аггей Никитичъ:—вводятъ ищущаго.

— Куда вводятъ?—уже вспылилъ Вибель.

— Въ ложу,—несмѣло отвѣчалъ Аггей Никитичъ.

— Кто вводитъ?—пыталъ его наставникъ.

На это Аггей Никитичъ рѣшительно не могъ отвѣтить и счелъ за лучшее признаться:

— Я, Генрихъ Ѳедорычъ, не успѣлъ еще внимательно вчитаться въ ритуалъ. Я все послѣднее время былъ занятъ дѣломъ Тулузова, о которомъ вы, я думаю, слышали; однѣхъ бумагъ надобно было написать чортову пропасть!

— А если вы заняты были, то другое дѣло, такъ бы вы мнѣ и сказали о томъ! — воскликнулъ Вибель. — Бесѣду объ обрядахъ мы можемъ отложить на будущее время, а теперь перейдемъ къ исторіи масонства.

Тутъ Вибель взялъ со стола тетрадку, такъ же тщательно и красиво переписанную, какъ и ритуалъ, и началъ ее читать:— «Изъ числа учрежденій и союзовъ, съ коими масоны приво·

дятся въ связь, суть слѣдующіе: a) *мистеріи египтянъ*, b) древнія греческія *элевзинскія таинства*, c) *пивагорейскій союзъ*, d) іудейскія секты *терапевтовъ* и *ессеевъ*, e) *строительныя корпораціи римлянъ;* но не думаю, чтобы это было справедливо; разгромъ, произведенный великимъ переселеніемъ народовъ, былъ столь силенъ и такъ долго тянулся, что невозможно даже вообразить, чтобы въ продолженіе этого страшнаго времени могла произойти передача какихъ-либо тайныхъ ученій и обрядовъ. Наконецъ, есть средневѣковыя корпораціи, къ которымъ въ зависимость ставятъ франк-масонскій союзъ, это *орденъ рыцарей храма;* но и то, по-моему, сомнительно, и съ достовѣрностью можно утверждать одно, что франк-масонскій союзъ дѣйствительно находится въ тѣсной связи съ *корпораціями каменщиковъ* и *каменотесовъ*, особенно процвѣтавшими въ Германіи и Англіи. Эти общества, безъ сомнѣнія, суть плоды монастырей, кои всѣ стремились къ украшенію храмовъ, а равно и жилищъ своихъ. Каменщики и другіе рабочіе, производившіе эти постройки, обыкновенно устраивали около церквей такъ называемыя *строительныя ложи.* Съ теченіемъ времени однако, въ тринадцатомъ, напримѣръ, столѣтіи таковыя ложи стали появляться отдѣльно отъ церквей, и когда ихъ накопилось значительное количество, то онѣ, войдя въ сношенія между собою, образовали одинъ большой союзъ нѣмецкихъ каменотесовъ. Члены его обязывались вести благочестивую и высоко-нравственную жизнь. Пріемъ въ братство сопровождался особыми обрядами, которые, разумѣется, заимствованы были изъ монастырскихъ строительныхъ ложъ и представляютъ собою подражаніе постриженію бенедиктинцевъ. Что касается до Англіи, то образованіе каменщиками въ ней общества относятъ къ началу тысячелѣтія, когда Эдвинъ, сынъ короля Адельстана, собралъ первое собраніе въ городѣ Іоркѣ; но въ этомъ можно сомнѣваться, ибо документы, на коихъ основалось такое мнѣніе, оказались неподлинными, и потому гораздо вѣроятнѣе заключить, что въ Англію, собственно, перенесли нѣмецкіе каменотесы свой институтъ вмѣстѣ съ готическимъ стилемъ».

Прочитавъ все это, Вибель утомился нѣсколько и, остановившись, вмѣстѣ съ тѣмъ сообразилъ нѣчто.

— Далѣе, мнѣ слѣдовало бы,—продолжалъ онъ:—начать излагать вамъ строго-историческіе факты, окончательно утвержденные и всѣми признанные; но это, полагаю, вы съ большимъ успѣхомъ и пользой для себя сами можете сдѣлать, а потому вотъ вамъ сія тетрадь, которую сначала вы, господинъ Звѣревъ, прочтите, а потомъ и ты, Мари, прочтешь.

— Но зачѣмъ намъ врозь читать съ Аггеемъ Никитичемъ? Мы съ нимъ прочтемъ вмѣстѣ,—отозвалась та.

— Это ваше дѣло, лишь бы вы къ исторіи масонства не отнеслись такъ же небрежно, какъ отнесся Аггей Никитичъ къ ритуалу,—проговорилъ аптекарь не безъ ядовитости, которую, впрочемъ, постарался смягчить доброю улыбкой.

— Да, въ отношеніи ритуала я ужасно виноватъ, — сознался тотъ.

— Исторію мы внимательно прочтемъ и долго будемъ читать ее,—подхватила пани Вибель.

Сарказмъ замѣтно чувствовался въ тонѣ ея голоса.

— И вы вотъ что сдѣлайте, панъ Звѣревъ! Татка послѣ обѣда всегда спитъ, а вы приходите ко мнѣ въ садъ, гдѣ я бываю, и тамъ въ бесѣдкѣ мы будемъ съ вами читать!—прибавила она Аггею Никитичу.

— Къ вашимъ услугамъ, если только Генрихъ Ѳедорычъ позволитъ!—проговорилъ тотъ.

— Генрихъ Ѳедорычъ вамъ все позволитъ и только предувѣдомляетъ, что будетъ экзаменовать васъ,—сказалъ Вибель опять-таки съ нѣкоторой ядовитостью: втайнѣ онъ былъ очень недоволенъ тѣмъ невниманіемъ, которое обнаружилъ Аггей Никитичъ въ отношеніи къ ритуалу, хотя тотъ и сворачивалъ на множество занятій.

— Но не послѣзавтра же ты начнешь насъ экзаменовать, потому что завтра мы, я думаю, очень немного еще прочтемъ?—возразила пани Вибель.

— Я начну, — отвѣтилъ на это Вибель: — когда вы сами скажете, что готовы къ испытанію.

— Вотъ это отлично будетъ!—похвалила пани Вибель.

— Да, это будетъ...

Но что будетъ, Аггей Никитичъ замялся докончить. Онъ не привыкъ еще совсѣмъ спокойно лгать, какъ, видимо, привыкла это дѣлать пани Вибель.

Вслѣдъ затѣмъ каждое послѣобѣда почтенный аптекарь укладывался спать, пани же Вибель выходила въ садъ, къ ней являлся Аггей Никитичъ, и они отправлялись въ бесѣдку изучать историческіе факты масонства; къ чаю неофиты возвращались въ домъ, гдѣ ихъ уже ожидалъ Вибель, сидя за самоваромъ съ трубкой въ зубахъ и держа на колѣняхъ кота.

Но прочнаго счастья, какъ извѣстно, въ мірѣ нѣтъ. Тотъ же самый красивый помощникъ, на котораго пани Вибель пристально глядѣла, когда онъ приготовлялъ для Аггея Никитича папье-фаяръ въ первое посѣщеніе того аптеки, вдругъ вздумалъ каждое послѣобѣда тоже выходить въ садъ и со-

бирать съ помощью аптекарскаго ученика разныя лѣкарственныя растенія, обильно насаженныя предусмотрительнымъ Вибелемъ въ своемъ собственномъ саду, и, собирая эти растенія, помощникъ по преимуществу старался быть около бесѣдки, такъ что моимъ влюбленнымъ почти слова откровеннаго нельзя было произнесть другъ съ другомъ. Прошли такимъ образомъ день-два; пани Вибель не вытерпѣла наконецъ и передала Аггею Никитичу записку, въ которой объявляла ему, что въ слѣдующіе дни имъ гораздо удобнѣе будетъ видаться не послѣобѣда, а часовъ въ двѣнадцать ночи, въ каковое время она тихонько будетъ выходить въ садъ, и чтобы Аггей Никитичъ прокрадывался въ него черезъ калитку, которая имѣлась въ задней стѣнѣ сада и никогда не запиралась. Новый способъ свиданія еще болѣе плѣнилъ Аггея Никитича; ночь, луна, садъ, таинственное прохожденіе сквозь маленькую калитку заманчиво нарисовались въ его воображеніи, и онъ началъ поступать такъ: часовъ въ одиннадцать уходилъ спать, при чемъ спальню свою запиралъ, а въ половинѣ двѣнадцатаго снова одѣвался и, выскочивъ въ окно прямо на улицу, направлялся къ саду аптекаря. Калитку Аггей Никитичъ заставалъ незапертою, и съ первыхъ же шаговъ его по саду кидалась ему въ объятія пани Вибель. О, какъ блаженны были эти ночи для Аггея Никитича! Не говоря уже объ утѣхахъ любви, какъ будто бы и все другое соединялось, чтобы доставить ему наслажденіе: погода стояла сухая, теплая, и когда онъ, при первомъ еще брезгѣ зари, возвращался по совершенно безлюднымъ улицамъ, то попадавшіяся ему навстрѣчу собаки, конечно, всѣ знавшія Аггея Никитича, ласково виляли передъ нимъ хвостами и казались ему добрыми друзьями, вышедшими поздравить его съ великимъ счастьемъ, которое онъ переживалъ. Подойдя къ окну своей спальни, онъ тихо отпиралъ его и однимъ прыжкомъ прыгалъ въ спальню, гдѣ, раздѣвшись и улегшись, засыпалъ крѣпчайшимъ сномъ часовъ до десяти, не внушая никакого подозрѣнія Миропѣ Дмитріевнѣ, такъ какъ она знала, что Аггей Никитичъ всегда любилъ спать долго по утрамъ, и вообще Миропа Дмитріевна послѣднее время весьма мало думала о своемъ супругѣ, ибо ее занимала собственная довольно серьезная мысль: видя, какъ Рамзаевъ — человѣкъ не особенно практическій и расчетливый — богатѣлъ съ каждымъ днемъ, Миропа Дмитріевна вздумала попросить его съ принятіемъ, конечно, залоговъ отъ нея взять ее въ долю, когда онъ на слѣдующій годъ будетъ брать новый откупъ; но Рамзаевъ наотрѣзъ отказалъ ей въ томъ, говоря, что откупное дѣло рис-

кованное, и что онъ никогда не позволитъ себѣ вовлекать въ него своихъ добрыхъ знакомыхъ. Опѣшенная симъ отказомъ Мирона Дмитріевна придумала другое; но, впрочемъ, помолчу пока о прозаическихъ планахъ Мироны Дмитріевны и обращусь опять къ поэзіи.

Въ два часа темнѣйшей и теплѣйшей августовской ночи Аггей Никитичъ, усталый отъ ласкъ и поцѣлуевъ пани Вибель, распрощался съ нею и пошелъ къ калиткѣ; но, къ удивленію своему, нашелъ ее запертою. Онъ пробовалъ-было растворить ее натискомъ плеча; однако калитка упорствовала; такимъ образомъ мой сѣдовласый любовникъ очутился въ совершенной облавѣ, потому что калитка эта была единственною для выхода изъ сада, да еще домовый балконъ, чрезъ который, конечно, нечего и думать было пройти. Сообразивъ все это, Аггей Никитичъ взобрался на акацію, а съ нея шагнулъ на верхній брусъ забора и, ухватившись за вѣтку той же акаціи, попробовалъ спрыгнуть на землю, до которой было аршина четыре; вѣтка при этомъ обломилась, и Аггей Никитичъ упалъ, но сейчасъ же и поднялся съ земли, при чемъ онъ, какъ это послѣ уже припомнилъ, почувствовалъ, что что-то такое обронилъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ раздались два громкіе голоса:

«Кто это? Воръ, воръ!»—и два человѣка, неузнанные имъ въ темнотѣ, бросились-было схватить Аггея Никитича; однако вмѣсто того онъ ихъ схватилъ за шивороты и, отбросивъ отъ себя въ растущую у забора крапиву, отправился усиленнымъ шагомъ домой. Ночь эту Аггей Никитичъ не спалъ спокойно, какъ прежнія ночи: его главнымъ образомъ безпокоило, кто такіе могли быть эти люди, видимо, запершіе калитку и подстерегавшіе его. Скрыть это происшествіе отъ пани Вибель Аггей Никитичъ нашелъ невозможнымъ, и на другой день, придя послѣ обѣда въ аптеку, онъ разсказалъ ей все и задалъ тотъ же вопросъ, который дѣлалъ самому себѣ, о томъ, кто же могли быть эти два человѣка? Пани Вибель при этомъ чрезвычайно сконфузилась.

— О, это я знаю! Это помощникъ мужа, который его обкрадываетъ и терпѣть не можетъ меня, потому что я предостерегаю Генриха противъ него.

— Стало-быть, онъ непремѣнно разскажетъ о томъ Генриху Ѳедоровичу?—сказалъ смущеннымъ голосомъ Аггей Никитичъ.

— Не думаю,—произнесла пани Вибель тоже не безъ смущенія: — впрочемъ, это мы увидимъ. Мужъ сегодня желаетъ продолжать свои поученія; пойдемте къ нему.

Аггей Никитичъ пошелъ за нею. При входѣ ихъ въ кабинетъ, старый аптекарь, по спокойно-добродушному выраженію лица коего можно было догадаться, что онъ ничего еще не вѣдаетъ, крикнулъ имъ:

— Я наконецъ соскучился и хочу продолжать васъ учить.

— Я говорила, татка, объ этомъ Аггею Никитичу; ты отлично это сдѣлаешь: намъ самимъ читать въ такой жаръ ужасно трудно. Кромѣ того, мы многаго не понимаемъ; но когда ты говоришь, изъ твоего голоса многое узнаешь. Не правда ли?—отнеслась она къ Аггею Никитичу.

— Еще бы!—смогъ только отвѣтить тотъ.

— Франк-масоновъ,—началъ, не откладывая времени, поучать своихъ неофитовъ аптекарь:—упрекаютъ, что они много заботятся о матеріальныхъ выгодахъ своихъ сочленовъ, совершенно забывая другихъ людей, которые бы болѣе достойны по своимъ человѣческимъ правамъ ихъ покровительства. Это утвержденіе, въ частности, можетъ-быть, иногда справедливое, совершенно ложно, насколько оно относится къ масонству, какъ союзу. Выгоды, стяжаемыя франк-масонами отъ ихъ союза, не матеріальныя, ибо франк-масонство есть умственное понятіе, и потому даваемыя имъ блага—чисто-духовной природы. Выгоды эти суть: спокойная совѣсть, узы дружбы, которыя связываютъ благородныхъ масоновъ между собою, и наконецъ благодарность сирыхъ и бѣдныхъ, которымъ они оказываютъ свою помощь. Далѣе, масоновъ упрекаютъ, что они устраиваютъ празднества и мотаютъ на это деньги; но я васъ спрашиваю, столько ли стоятъ наши умѣренныя трепезы, сколько издерживается на пиршества королевскія, политическія и иногда даже на глупо-увеселительныя. Въ концѣ концовъ нынѣ многіе утверждаютъ, что существованіе франк-масонскаго союза безполезно, ибо идея гуманности, хранимая симъ союзомъ, разрабатывается множествомъ другихъ спеціальныхъ обществъ. Положимъ, что это такъ, но тутъ не надо забывать, что цѣли другихъ обществъ слишкомъ ограничены, замкнуты, слишкомъ внѣшни и не касаются внутренняго міра работающихъ вкупѣ членовъ, и вотъ почему нашъ союзъ не только не падаетъ, а еще разрастается, и доказательствомъ тому служитъ, что къ намъ постоянно идутъ новые ищущіе неофиты, какъ и вы оба пришли съ открытыми сердцами и съ духовной жаждой слышать масонскія поученія... Впрочемъ, на сей разъ достаточно. Я вижу, что утомилъ ваше вниманіе. Идемте пить чай!

Проговоривъ это, Вебель всталъ и пошелъ въ столовую, забывъ даже взять къ себѣ на руки кота, который, впрочемъ,

самъ побѣжалъ за нимъ, держа свой обгрызанный хвостъ перпендикулярно. Пани Вибель и вмѣстѣ съ ней Аггей Никитичъ умышленно поотстали немного отъ аптекаря.

— Завтра вы не приходите къ намъ,—проговорила она тихой скороговоркой:—а гуляйте утромъ по Длинной улицѣ; я тоже выйду туда.

Аггей Никитичъ въ отвѣтъ на это кивнулъ головой и, напившись чаю, не замедлилъ уйти домой. Пани же Вибель, оставшись съ мужемъ вдвоемъ, вдругъ подошла къ нему и, прогнавъ кота, вскочившаго-было на колѣни къ своему патрону, сама заняла его мѣсто и начала цѣловать своего стараго Генрика.

— Ахъ, татко, какой ты умный!—говорила она.

— Умный?—переспросилъ съ самодовольствомъ аптекарь.

— Очень, татко, ты у меня умный, и какіе мы съ паномъ Звѣревымъ дураки противъ тебя!

— Учитесь, читайте, слушайте меня, и вы поумнѣете!—утѣшалъ ее аптекарь.

— Нѣтъ, кажется, мы никогда не поумнѣемъ,—сказала совершенно какъ бы искреннимъ голосомъ пани и затѣмъ нѣжно прильнула головой къ плечу мужа, что̀ вызвало его тоже на нѣжнѣйшій поцѣлуй, который старикъ напечатлѣлъ на ея лбу, а она послѣ того поспѣшила слегка обтереть рукой это мѣсто на лбу.

Пока все это происходило, злобствующій молодой аптекарскій помощникъ, съ которымъ пани Вебель (грѣха этого нечего теперь таить) кокетничала и даже поощряла его большими надеждами до встрѣчи съ Аггеемъ Никитичемъ, помощникъ этотъ шелъ къ почтмейстеру, аки бы къ другу аптекаря, и, заставъ того мрачно раскладывавшимъ одинъ изъ сложнѣйшихъ пасьянсовъ, прямо объяснилъ, что явился къ нему за совѣтомъ касательно Herr Вибеля, а затѣмъ, разсказавъ все происшествіе прошедшей ночи, присовокупилъ, что соскочившій со стѣны человѣкъ былъ исправникъ Звѣревъ, такъ какъ на мѣстѣ побѣга того былъ найденъ выроненный Аггеемъ Никитичемъ бумажникъ, въ которомъ находилась записка пани Вибель, ясно опредѣлявшая ея отношенія къ господину Звѣреву. Почтмейстеръ, разсмотрѣвъ этотъ бумажникъ и прочитавъ записку молодой пани, исполнился замѣтною радостью; онъ давно уже былъ ужаснымъ ненавистникомъ женщинъ, и особенно молодыхъ.

— Я не знаю, какъ мнѣ тутъ поступить?—спросилъ его аптекарскій помощникъ.

— Никакъ!—отрѣзалъ ему почтмейстеръ.—Бумажникъ этотъ я возьму у васъ и все сдѣлаю за васъ.

— Но Herr Вибель, пожалуй, разсердится, что я сказалъ не ему, а вамъ,—возразилъ-было помощникъ.

— А пускай его сердится; мнѣ развѣ въ первый разъ съ нимъ ссориться?—отвѣчалъ совершенно равнодушно почтмейстеръ, вовсе, кажется, не думавшій, что можетъ произойти изъ всего этого для Вибеля, а равно и для аптекарскаго помощника, помышляя единственно о томъ, какъ онъ преподнесетъ пакостную вѣсть своему другу Вибелю.

Вообще преподносить подобныя вѣсти было страстью этого густоброваго масона, такъ что онъ имѣлъ даже въ обществѣ названіе коршуна, и многіе знакомые его, при встрѣчѣ съ нимъ, безъ церемоніи говорили ему: «Ну, прокаркайте что-нибудь!», и почтмейстеръ почти каждый разъ находилъ что-нибудь прокаркать. Въ настоящемъ случаѣ онъ, отправившись на другой же день къ своему другу, прокаркалъ пакостную вѣсть въ короткихъ словахъ и передалъ при этомъ какъ бумажникъ Аггея Никитича, такъ и письмо пани Вибель. Старый аптекарь, несмотря на свой спокойный и твердый характеръ, поблѣднѣлъ и, мрачно взглянувъ на почтмейстера, тоже мрачно смотрѣвшаго на своего друга, сказалъ:

— Это не ваше дѣло, и вы напрасно въ него вмѣшались.

— А коли не мое, такъ прощайте!.. Расхлебывайте сами, какъ знаете!—сказалъ почтмейстеръ и, проходя мимо помощника, не преминулъ и тому прокаркать:

— Васъ, вѣроятно, выгонятъ!

Тотъ на это пожалъ лишь плечами и нисколько не раскаивался въ своемъ поступкѣ: до того сильно было въ немъ чувство злобы и ревности.

Цѣлые два дня послѣ того старый аптекарь ничего не предпринималъ и ничего не говорилъ женѣ. Наконецъ, на третій день, когда она къ нему пришла въ кабинетъ, заискивающая и ласкающаяся, онъ проговорилъ ей:

— Отчего къ намъ такъ давно не является господинъ Звѣревъ?

— Вѣроятно, онъ уѣхалъ въ уѣздъ,—отвѣтила пани на первыхъ порахъ бойко.

— Можетъ-быть, я мѣшаю ему бывать у васъ?—спросилъ вдругъ аптекарь.

Тутъ ужъ пани вспыхнула и растерялась.

— Для чего мяновицѣ панъ*)?—сказала она.

— Ну, Марья Станиславовна,—отвѣчалъ ей старый аптекарь:—не будемте больше играть въ жмурки. Когда вамъ

*) Отчего же именно вы?

угодно было въ первый разъ убѣжать отъ меня, я объяснилъ себѣ вашъ поступокъ, что вы его сдѣлали по молодости, по увлеченію, и когда вы написали мнѣ потомъ; что желаете ко мнѣ возвратиться, я вамъ позволилъ это съ такимъ лишь условіемъ, что если вы другой разъ мнѣ измѣните, то я вамъ не прощу того и не захочу болѣе своимъ честнымъ именемъ прикрывать ваши постыдные поступки, ибо это ужъ не безразсудное увлеченіе, а простой развратъ. Запираться въ этомъ случаѣ вы не трудитесь: у меня въ рукахъ ваше письмо господину Звѣреву, найденное въ его бумажникѣ, который онъ уронилъ, прыгая черезъ заборъ послѣ тайнаго свиданія съ вами. Письмо это я уничтожаю, а бумажникъ передаю вамъ для врученія господину Звѣреву.

Сказавъ это, Вибель письмо разорвалъ, а бумажникъ подалъ пани Вибель.

Та взяла бумажникъ и глядѣла на мужа вопрошающимъ взглядомъ.

— Кромѣ того-съ,—продолжалъ аптекарь:—я требую, чтобы вы наняли совершенно отдѣльное помѣщеніе и жили бы тамъ.

— Но на что же я буду жить тамъ?—воскликнула пани.—Если вы со мной такъ поступаете, такъ я подамъ на васъ жалобу, чтобы вы обезпечили меня.

Старый аптекарь грустно усмѣхнулся.

— Жаловаться вамъ будетъ не за что на меня,—сказалъ онъ:—я не на словахъ только гуманный масонъ и по возможности обезпечу ваше существованіе, но не хочу лишь оставаться слѣпцомъ и глупцомъ, ничего будто бы не видящимъ и не понимающимъ.

Пани Вибель, бывшей подъ вліяніемъ ея сильнаго увлеченія Звѣревымъ, даже понравилось такое предложеніе со стороны мужа, потому что это давало ей возможность видаться съ своимъ обожаемымъ паномъ каждодневно безъ всякой осторожности и опасности.

— Если такъ, то я готова и завтра же найду себѣ особую квартиру,—проговорила она, гордо взмахнувъ головой, и сейчасъ же потомъ ушла гулять, такъ какъ былъ двѣнадцатый часъ, и она надѣялась на Длинной улицѣ встрѣтить Аггея Никитича, который дѣйствительно давно уже бродилъ по этой улицѣ и былъ замѣтно разстроенъ и печаленъ.

Пани Вибель передала ему весь разговоръ свой съ мужемъ.

Аггей Никитичъ, выслушавъ ее, просіялъ.

— Да это превосходно!—воскликнулъ онъ.

— Конечно, превосходно,—подхватила пани Вибель, впрочемъ, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ сомнѣнія:—только, пане

добродзею, я прошу васъ, пріищите вы мнѣ квартиру, а то я не умѣю этого сдѣлать.

— Непремѣнно, сегодня же пріищу!—подхватилъ Аггей Никитичъ и, разставшись съ пани Вибель, пошелъ исполнять ея порученіе.

Квартира была имъ пріискана у одной просвирни, недорогая, очень чистенькая и въ совершенно уединенной части города. Платить за эту квартиру Аггей Никитичъ предположилъ изъ своего кармана и вообще большую часть жалованья издерживать на пани Вибель, а не на домашній обиходъ, что̀ ему въ настоящее время удобно было сдѣлать, ибо Миропа Дмитріевна наканунѣ передъ тѣмъ уѣхала въ Малороссію, чтобы продать тамошнее имѣньице свое, а потомъ намѣревалась проѣхать въ Москву, чтобы и тутъ развязаться съ своимъ домишкомъ, который годъ отъ году все болѣе разваливался и не приносилъ ей почти никакого дохода.

VII.

Почтенный аптекарь разсчиталъ такъ, что если бы онъ удалилъ отъ себя жену безъ всякой вины съ ея стороны, а только по несогласію въ характерахъ, то долженъ былъ бы удѣлять ей половину своего годового дохода, простиравшагося до двухъ тысячъ на ассигнаціи; но она имъ удалена за дурное поведеніе, то пусть ужъ довольствуется четвертью всего дохода,—сумма, на которую весьма возможно было бы существовать одинокой женщинѣ въ уѣздномъ городкѣ, но только не пани Вибель. Аптекарь, зная хорошо свойства своей супруги, поступилъ осторожно въ этомъ случаѣ. Онъ ей выдалъ всего только за мѣсяцъ впередъ; Аггей же Никитичъ, получившій свои квартирныя деньги за треть, всѣ ихъ принесъ пани Вибель на новоселье, умоляя принять отъ него эту маленькую сумму. Пани ужасно конфузилась, говорила, что деньги она получила отъ мужа; Аггей Никитичъ слышать однако ничего не хотѣлъ, и пани уступила его просьбѣ, а затѣмъ въ продолженіе слѣдующей недѣли такъ распорядилась своимъ капиталомъ, что у нея не осталось копейки въ карманѣ; зато въ ближайшій праздникъ она встрѣтила пришедшаго къ ней Аггея Никитича въ такомъ восхитительномъ новомъ платьѣ, что онъ, ахнувъ отъ восторга и удивленія, воскликнулъ:

— Кто могъ сшить на васъ такую прелесть?

— Здѣшняя портниха; она очень хорошая мастерица. Потомъ я сама матерію и прикладъ выбирала и показывала ей, какъ надобно сдѣлать.

— Непремѣнно все это дѣлалось по вашему вкусу! — продолжалъ восклицать Аггей Никитичъ.

Послѣ того, разумѣется, послѣдовала нѣжная, или, скажу даже болѣе того, страстная сцена любви: Аггей Никитичъ по крайней мѣрѣ съ полчаса стоялъ передъ божественной пани на колѣняхъ, цѣловалъ ея грудь, лицо, а она съ своей стороны отвѣчала ему такими же ласками и съ неменьшею страстью, хоть внутри немножко и грызъ ее червякъ при невольной мысли о томъ, что на какія же деньги она будетъ кушать потомъ. На другой день, впрочемъ, пани Вибель эту сторону жизни успѣла на время обезпечить себѣ кредитомъ въ съѣстныхъ и бакалейныхъ лавкахъ, придя въ которыя, она съ гоноромъ объявила сидѣльцамъ, что будетъ присылать свою дѣвушку Танюшу, составлявшую единственное крѣпостное достояніе ея шляхетскаго наслѣдства, и будетъ брать запасы на книжку, по которой сама пани какъ-нибудь зайдетъ и расплатится. Лавочники на первыхъ порахъ согласились. Кромѣ того, Марья Станиславовна попыталась-было ту же Танюшу послать съ письмомъ къ своему супругу, прося его дать ей еще денегъ за мѣсяцъ впередъ. На просьбу эту старый аптекарь увѣдомилъ Марью Станиславовну тоже письмомъ, тщательнѣйшимъ образомъ запечатаннымъ, что денегъ онъ ей до конца мѣсяца не вышлетъ и не будетъ никогда высылать ранѣе срока. Пани Вибель очутилась въ весьма непріятномъ положеніи, потому что сверхъ запасовъ надобно было купить дровъ, заплатить хозяевамъ за квартиру; кромѣ того, много другихъ мелочныхъ расходовъ предстояло, о которыхъ пани Вибель, ни бывши дѣвушкой, ни выйдя замужъ за Вибеля, ни даже убѣгая съ офицеромъ въ Вильну, понятія не имѣла. Конечно, ближе всего ей было сказать Аггею Никитичу о своей нуждѣ; но это до того казалось совѣстно Марьѣ Станиславовнѣ, что она проплакала всю ночь и утро, разсуждая такъ, что не ради же денегъ она полюбила этого человѣка, и когда къ ней вечеромъ пришелъ Аггей Никитичъ, она ему ни слова не сказала о себѣ и только была грустна, что̀ замѣтивъ, Аггей Никитичъ сталъ-было разспрашивать Марью Станиславовну; но она и тутъ не призналась, зато открыла Аггею Никитичу причину ея печали Танюша. Безъ преувеличенія можно сказать, что дѣвушка эта, сопровождавшая свою пани въ первый ея побѣгъ отъ мужа и нынѣ, какъ мы видимъ, при ней состоящая, была самымъ преданнымъ и вѣрнымъ другомъ Марьи Станиславовны въ силу того, можетъ-быть, что своими нравственными качествами и отчасти даже наружностью представляла собой какъ бы повтореніе той: также довольно строй-

ная, также любящая кокетливо одѣться, она была столь же, если еще не больше, склонна увлекаться коварными мужчинами, а равно и съ своей стороны поковарствовать противъ нихъ. Въ настоящемъ случаѣ Танюша, провожая по лѣстницѣ Аггея Никитича, не преминула ему сказать:

— Вамъ ничего не говорила Марья Станиславовна?

— Нѣтъ!—отвѣчалъ онъ:—я вижу, что она какая-то скучная, и спрашивалъ даже ее; она говоритъ, что ничего.

— Какъ ничего!—произнесла, усмѣхнувшись, Танюша: — у нихъ ни копейки нѣтъ денегъ; издержали все на платье, а теперь и сидимъ на бобахъ.

— Но стоитъ ли отъ этого быть скучною,—замѣтилъ Аггей Никитичъ.

— Конечно-съ; но лавочники эти проклятые пристаютъ, когда имъ заплатятъ?—объяснила Танюша.

Въ первыя минуты Аггей Никитичъ мысленно попенялъ на Марью Станиславовну за ея скрытность, а обсудивъ потомъ, увидѣлъ въ этомъ величайшее благородство съ ея стороны и, конечно, счелъ себя обязаннымъ помочь пани Вибель, хоть это было ему не такъ легко, ибо у него самого имѣлось въ кошелькѣ только пять рублей. Взять у приходорасходчика впередъ жалованье можно было бы, но Аггей Никитичъ по своей щепетильности въ службѣ никогда не дѣлалъ этого. «Ба!»—воскликнулъ онъ вдругъ, ударивъ себя по лбу и тѣмъ тономъ, какимъ нѣкогда Архимедъ произнесъ: «эврика!», и эврика Аггея Никитича состояла въ томъ, что онъ вспомнилъ о тяжелѣйшихъ карманныхъ золотыхъ часахъ покойнаго отца, а также о дюжинѣ столовыхъ ложекъ, и предположилъ часы продать, а ложки заложить. Вырученная за это сумма, конечно, была не Богъ знаетъ какъ велика; но все-таки Аггей Никитичъ, втайнѣ торжествуя, принесъ ее къ пани Вибель и первоначально сказалъ:

— Мери (Аггей Никитичъ именовалъ такъ пани Вибель, запомнивъ, что въ «Героѣ нашего времени» такъ называли княжну Лиговскую), вамъ, вѣроятно, первое обзаведеніе вашего хозяйства вскочило въ копеечку, и вотъ возьмите, пожалуйста, эти деньги, которыя у меня совершенно лишнія.

Пани Вибель не разыгрывала на этотъ разъ комедіи, а, взявъ торопливо подаваемыя ей Аггеемъ Никитичемъ ассигнаціи, принялась его цѣловать, мысленно обѣщаясь самой себѣ не мотать больше, каковое намѣреніе она въ продолженіе мѣсяца строго исполняла, и мѣсяцъ этотъ можно назвать счастливѣйшимъ мѣсяцемъ любви Аггея Никитича и пани Вибель. Они никого не видѣли, ни о чемъ не слыхали, и только иногда

по темнымъ вечерамъ прокатывались въ дрожкахъ Аггея Никитича по городу, при чемъ однажды онъ уговорилъ Марью Станиславовну заѣхать къ нему на квартиру, гдѣ провелъ ее прямо въ своей кабинетъ, въ которомъ были развѣшаны сохраняемыя имъ еще изображенія красивыхъ женщинъ.

— А это все дамы, въ которыхъ вы были влюблены! — воскликнула пани.

— Я никогда ихъ не видѣлъ, это картины, а не портреты!

— Э, не лгите, пожалуйста!—возразила ему пани.

— Увѣряю васъ!—утверждалъ Аггей Никитичъ, усаживаясь вмѣстѣ съ Марьей Станиславовной на диванъ и обнимая ее одной рукой за талію.—Я,—продолжалъ онъ, имѣя при этомъ весело-томные глаза: — настоящимъ образомъ былъ только влюбленъ въ тебя и прежде еще въ одну прелестную дѣвушку— Людмилу Рыжову.

— Гдѣ же теперь эта дѣвушка? — спросила Марья Станиславовна.

— О, она давно умерла! — отвѣчалъ Аггей Никитичъ, и взглядъ его принялъ уже грустный оттѣнокъ.

— Оттого, можетъ-быть, что ты измѣнилъ ей? — спросила Марья Станиславовна.

— Я не могъ измѣнить ей, потому что она любила другого и умерла отъ неблагополучныхъ родовъ.

— Бѣдненькая! — произнесла Марья Станиславовна: — но при чемъ же вы, панъ, тутъ были?

— Ни при чемъ!.. Я только идеально былъ влюбленъ въ нее.

— О, милый ты, милый! Какой ты хорошій!—воскликнула пани Вибель и уже сама обняла Аггея Никитича за шею.

— А ты, — произнесъ онъ, окончательно разнѣженный:— кромѣ меня, кого еще любила?

— Я любила...—начала пани Вибель, поднявъ свои бровки и почти съ дѣтской откровенностью:—любила одного студента въ Вильнѣ.

— Поляка?

— Поляка; но его потомъ куда-то услали.

— Гм!—произнесъ многозначительно Аггей Никитичъ.

— Послѣ того мнѣ нравились еще два-три господина; но это такъ себѣ...

— А того офицера, съ которымъ ты уѣзжала отъ мужа?— спросилъ вдругъ Аггей Никитичъ.

Лицо пани Вибель приняло при этомъ болѣе серьезное выраженіе.

— Ты развѣ объ этомъ слышалъ?—проговорила она.

— Слышалъ.

— Офицера этого (онъ тоже былъ полякъ) я много любила.

— Отчего жъ вы разошлись? — любопытствовалъ Аггей Никитичъ.

— Онъ женился на другой, и съ тѣхъ поръ я стала поляковъ ненавидѣть, такъ же, какъ нѣмцевъ, и теперь хочу любить только русскихъ.

Въ слѣдующіе засимъ два мѣсяца Аггей Никитичъ все болѣе привязывался къ божественной Мери, а она не то чтобы хладѣла къ нему, но стала скучать нѣсколько своей совершенно уединенной жизнью, тѣмъ болѣе, что въ уѣздный городъ начало съѣзжаться для зимнихъ удовольствій сосѣднее дворянство. Рамзаевъ, успѣвшій на откупныхъ торгахъ оставить за собой сказанный уѣздный городъ, предполагалъ каждую недѣлю давать балы. Пани Вибель, хоть она скрывала это отъ Аггея Никитича, ужасно хотѣлось быть приглашенною на эти вечера; но она не знала еще, удостоятъ ли ее этой чести, такъ какъ она была заявленною разводкой и весьма справедливо предполагала, что объ ея отношеніяхъ къ Аггею Никитичу трезвонитъ весь городъ; но волѣ судебъ однако послѣднее обстоятельство было причиною, что ее пригласили, и пригласили даже съ особымъ почетомъ. Передъ началомъ баловъ между Рамзаевымъ и Анною Прохоровной произошло такого рода совѣщаніе:

— А какъ намъ быть теперь съ Звѣревымъ? — сказалъ онъ женѣ.

Та сначала вопросительно взглянула на него.

— Мирона Дмитріена, которая урезонивала этого дуботола въ отношеніи Тулузова и меня, говорятъ, уѣхала куда-то, разссорившись съ нимъ, потому что онъ связался съ этой хорошенькой аптекаршей...

— Слышала это я, — произнесла невеселымъ голосомъ Анна Прохоровна.

— Значитъ, черезъ кого же мы будемъ платить положенное исправникамъ?—спросилъ Рамзаевъ.

— Да ты съѣзди къ Звѣреву и предложи ему самому получать!—посовѣтовала Анна Прохоровна.

— А если онъ закричитъ на меня и начнетъ говорить мнѣ дерзости? Управляющаго Тулузова, Савелья Власьева, онъ прибилъ даже,—замѣтилъ Рамзаевъ.

— Тебя прибить онъ не посмѣетъ,—возразила Анна Прохоровна:—а если и скажетъ тебѣ что-нибудь непріятное, то ты можешь объяснить, что такъ дѣлается вездѣ, во всѣхъ откупахъ.

— Еще бы не вездѣ!—подхватилъ Рамзаевъ:—а то чѣмъ же бы жили всѣ эти чиновничишки?

— Значитъ, на что же послѣ того можетъ обидѣться Звѣревъ?

— На то, что онъ тамъ какой-то особенный благородникъ и масонъ, говорятъ.

— Почтмейстеръ тоже масонъ, однако ты посылаешь ему по ведру вина въ мѣсяцъ,—возразила Анна Прохоровна.

— Посылаю, и онъ еще проситъ, чтобы по два ведра ему давали,—объяснилъ Размаевъ.

— По-моему, двухъ онъ не стоитъ!—замѣтила откупщица:— кромѣ того, если ты хочешь, я съѣзжу къ этой молоденькой дамѣ, Вибель, которую я непремѣнно хочу пригласить на наши балы,

— Вотъ это будетъ недурно!—одобрилъ откупщикъ.

Въ результатѣ такого совѣщанія Танюша въ весьма непродолжительномъ времени почти лобъ-объ-лобъ встрѣтилась съ лакеемъ откупщицы, хорошо ей знакомымъ, который первымъ дѣломъ, ни слова еще не проговоривъ, сдѣлалъ въ отношеніи Танюши весьма вольное движеніе, которое, конечно, она оттолкнула и проговорила:

— Что вы, отъ барыни, что ли, вашей?

— Какое отъ барыни? Съ ней самой! Принимаетъ ваша-то?

— Приметъ, зовите!

Лакей пошелъ звать свою барыню, а Танюша поспѣшила доложить своей барынѣ, прикрикнувъ даже на ту:

— Поправьтесь немного и выходите: откупщица къ вамъ пріѣхала!

Марья Станиславовна вышла навстрѣчу гостьѣ, которая, плывя по небольшимъ комнатамъ пани Вибель, производила какъ бы какой-то электрическій трескъ своимъ шелковымъ платьемъ; про блондовый чепецъ на ней и говорить нечего: это былъ какой-то эоиръ, совершенно воздушное безе, спустившееся на рѣдковатые волосы Анны Прохоровны, и одно только несчастіе: постоянно поражаемая флюсомъ щека ея, по необходимости, была завязана бѣлой косынкой.

— Я непремѣнно хотѣла быть у васъ...—начала откупщица.

— Мегсі!—отвѣтила пани Вибель.

Затѣмъ гостья и хозяйка усѣлись.

— Будутъ нынче какія-нибудь удовольствія у насъ?—спросила Марья Станиславовна, какъ будто бы ничего не знавшая.

— Собранія, вѣроятно, не устроятся; но у насъ будутъ балы каждую недѣлю, потому что, согласитесь, гораздо же пріятнѣе видѣть тѣхъ, которыхъ желаешь видѣть, а въ собраніи бываютъ всѣ, кто хочетъ.

— Это справедливо! — подхватила Марья Станиславовна,

мучимая безпокойнымъ вопросомъ: пригласятъ ли ее на эти вечера.

Къ успокоенію ея откупщица ооъявила:

— На васъ, какъ на самую блестящую даму, я непремѣнно разсчитываю и прошу васъ быть украшеніемъ нашихъ баловъ.

— Oh, grand merci, madame! — воскликнула на это пани Вибель. — Но я теперь разводка и не знаю, какъ это можетъ показаться здѣшнему обществу.

— У насъ будетъ, — возразила откупщица: — не здѣшнее общество, а наше общество, которое, конечно... Vous comprenez?

— Oh, oui, je comprends... Merci еще разъ!.. Буду являться къ вамъ. Когда же начнутся ваши балы?

— Черезъ двѣ недѣли по вторникамъ! — отвѣчала Анна Прохоровна. — Надобно, чтобы общество пособралось.

— Конечно! — согласилась пани Вибель и, когда откупщица отъ нея уѣхала, она осталась-было въ неописанномъ восторгѣ отъ мысли, что снова будетъ появляться на балахъ, танцовать тамъ, всѣхъ поражать прекраснымъ туалетомъ...

Но какимъ?—возсталъ вдругъ при этомъ роковой вопросъ. Всѣ ея бальныя платья у нея были прошлогодняго фасона; значитъ, неизбѣжно надобно было сдѣлать по крайней мѣрѣ два-три совершенно новыя платья, и тутъ ужъ пани Вибель, забывъ всякое благородство и деликатность, побѣжала сама, въ сопровожденіи Танюши, къ Аггею Никитичу и застала его собирающимся итти къ ней.

Увидѣвъ такъ неожиданно явившуюся пани, онъ даже испугался.

— Не случилось ли чего-нибудь? — спросилъ онъ.

— Случилось, и случилось очень важное; садись и слушай! — отвѣчала задыхающимся отъ быстрой ходьбы голосомъ пани Вибель.—Сегодня у меня была откупщица съ визитомъ.

— Откупщица? — переспросилъ Аггей Никитичъ, вытаращивъ даже отъ удивленія глаза.

— Да, пріѣзжала звать на свои балы. Я непремѣнно хочу бывать на этихъ балахъ, и мнѣ необходимо сдѣлать себѣ туалетъ, но у меня денегъ нѣтъ. Душка, достань мнѣ ихъ, займи хоть гдѣ-нибудь для меня! Я чувствую, что глупо, гадко поступаю, беря у тебя деньги...

— Какъ тебѣ не совѣстно это говорить? — перебилъ ее Аггей Никитичъ. — Что жъ тутъ дурного, что молодая женщина желаетъ выѣзжать въ свѣтъ и быть тамъ прилично одѣтою? Я тебѣ достану денегъ и принесу ихъ завтра же.

— Достань, татка! — воскликнула еще разъ пани Вибель.

Разъѣхавшись съ мужемъ, она стала Аггея Никитича называть «таткой».

— Достану! — повторилъ онъ, рѣшившись на этотъ разъ взять у приходорасходчика жалованье впередъ, что̀ сдѣлать ему было, повидимому, весьма нелегко, потому что, идя поутру въ судъ, Аггей Никитичъ всю дорогу какъ-то тяжело дышалъ, и по крайней мѣрѣ до половины присутствія у него недоставало духу позвать къ себѣ приходорасходчика; наконецъ, когда тотъ самъ случайно зашелъ въ присутственную камеру, то Аггѣй Никитичъ воспользовался симъ случаемъ и воззвалъ къ нему какимъ-то глухимъ тономъ:

— Спиридонъ Максимычъ!

— Что̀ прикажете-съ? — отозвался тотъ.

— А что̀, вы не можете ли дать мнѣ жалованье впередъ и квартирныя? — продолжалъ Аггей Никитичъ тѣмъ же тономъ.

— Жалованье можно-съ, но квартирныя и столовыя вы ужъ получили,—объяснилъ приходорасходчикъ.

— Это я знаю; однако все-таки не можете ли вы ссудить меня?

Аггей Никитичъ, кажется, немножко разсчитывалъ, не предложитъ ли приходорасходчикъ ссудить ему изъ своего кармана.

— Изъ переходящихъ суммъ это очень легко, — пояснилъ тотъ.

— Изъ чужихъ-то денегъ? Нѣтъ-съ, я этого не желаю.

— Что̀ жъ за важность? Прежніе исправники всегда и поскольку еще изъ переходящихъ суммъ брали впередъ.

— Ну, это ихъ дѣло, а я этого не хочу! Принесите пока только жалованье!

Приходорасходчикъ принесъ жалованье, но—увы!—его не хватило бы на три волана къ платью пани Вибель, такъ что Аггей Никитичъ предпринялъ другое рѣшеніе: онъ вознамѣрился продать свою пару лошадей; тогда, конечно, ему не на чемъ будетъ ѣздить въ уѣздъ для производства дѣлъ. «Ну, и чортъ ихъ дери!—подумалъ почти съ ожесточеніемъ Аггей Никитичъ:—стану командировать на эти дѣла засѣдателя».

Изъ всего этого читатель видитъ, какъ мой мечтатель все ниже и ниже спускался въ смыслѣ служебнаго долга; но этимъ еще не ограничилось: Аггей Никитичъ въ этотъ же день по этому пути такъ шагнулъ, что самъ потомъ не могъ дать себѣ въ томъ яснаго отчета. Случилось это... Впрочемъ, представимъ все лучше въ образахъ: въ три часа Аггей Никитичъ сбирается итти продавать свою пару лошадей, и вдругъ передъ его домомъ остановилась тоже пара, но только

внушительнѣйшая, въ сбруѣ съ серебрянымъ наборомъ, запряженная во внушительнѣйшія сани, въ которыхъ сидѣлъ откупщикъ во внушительнѣйшей бекешѣ и старавшійся придать своей физіономіи внушительнѣйшее выраженіе. Войдя къ Аггею Никитичу, Рамзаевъ началъ съ такого рода фразы:

— Позвольте мнѣ снова представиться вамъ! Теперь я уже не случайный откупщикъ, а, вѣроятно, останусь здѣсь надолго.

Аггей Никитичъ, полагая, что Рамзаевъ пріѣхалъ къ нему, чтобы пригласить его на балы, съ своей стороны выразилъ, что Теофилъ Терентьичъ дѣлаетъ ему своимъ визитомъ большую честь; послѣ чего откупщикъ началъ издалека подходить къ болѣе важной цѣли своего посѣщенія:

— Нынче откупа пошли выгодно для насъ; цѣны на торгахъ состоялись невысоки; кромѣ того, правительствомъ обѣщаны намъ разнаго рода льготы, и мнѣ въ Петербургѣ говорили, что есть даже секретный циркуляръ начальникамъ губерній не стѣснять откупщиковъ и допускать каждаго изъ нихъ торговать, какъ онъ умѣетъ!

— Циркуляра такого не могло быть! — выразился на первыхъ порахъ Аггей Никитичъ.

— Есть, есть! — воскликнулъ съ лукавой усмѣшечкой откупщикъ: — но, конечно, намъ это мало поможетъ, если ближайшіе наши начальники, то-есть городская и земская полиція, захотятъ притѣснять насъ.

Аггей Никитичъ началъ немножко сознавать, къ чему Рамзаевъ клонилъ свою рѣчь.

— Я не знаю, какъ другія полиціи; но я никогда не стѣснялъ откупа, какъ и впредь не буду стѣснять, — произнесъ онъ, желая, кажется, отклонить откупщика отъ того, что̀ тотъ намѣренъ былъ сдѣлать.

— А это еще болѣе обязываетъ мой откупъ быть благодарнымъ и предложить вамъ получать отъ меня то, что̀ всѣ въ мірѣ исправники получаютъ,—подхватилъ откупщикъ.

На лицѣ Аггея Никитича начали выступать то красныя, то желтыя пятна.

— Нѣтъ, зачѣмъ же? — проговорилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Затѣмъ-съ, что это такъ слѣдуетъ! — сказалъ настойчиво откупщикъ и выложилъ передъ Аггеемъ Никитичемъ тысячу рублей. — Это за полгода: я нарочно привезъ деньги самъ, чтобы никто изъ служащихъ у меня не зналъ ничего объ этомъ.

— А совѣсть моя и ваша тоже не будутъ знать объ этомъ? — проговорилъ тѣмъ же глухимъ голосомъ бѣдный Аггей Никитичъ.

— Какая тутъ совѣсть и въ чемъ тутъ совѣсть? Человѣка, что ли, мы съ вами убили?—воскликнулъ, смѣясь, откупщикъ.— Я, какъ вы знаете, самъ тоже не торгашъ и не подьячій, а музыкантъ и артистъ въ душѣ, но я понимаю жизнь, вы же, будучи благороднѣйшимъ человѣкомъ, мало, видно, ее знаете; а потому позвольте мнѣ въ этомъ случаѣ быть руководителемъ вашимъ.

— Благодарю васъ!—сказалъ Аггей Никитичъ съ окончательно искаженнымъ лицомъ.

Откупщикъ послѣ того недолго просидѣлъ и, попросивъ только Аггея Никитича непремѣнно бывать на его балахъ, уѣхалъ, весьма довольный успѣхомъ своего посѣщенія; а Аггей Никитичъ поспѣшилъ отправиться къ пани Вибель, чтобы передать ей неправильно стяжанныя имъ съ откупа деньги, каковыя онъ выложилъ передъ пани полною суммою. Та, увидѣвъ столько денегъ, пришла въ удивленіе и восторгъ и, не помня, что̀ дѣлаетъ, вскрикнула:

— Танюша, поди сюда и посмотри, что̀ у насъ тутъ!

Аггей Никитичъ обмеръ при этомъ и проговорилъ по-польски:

— Цо пани роби? Пани мнѣ компромитуе!

— Ахъ, такъ!.. Пржепрашамъ, розумѣмъ! *) — произнесла пани и, торопливо спрятавъ деньги въ столъ, сказала вошедшей Танюшѣ:

— Дай мнѣ шляпку и салопъ! Я ѣду съ Аггеемъ Никитичемъ.

Танюша ушла приготовить то и другое.

— Ты на лошади и поѣдешь со мной въ ряды? Я сегодня хочу закупить все нужное для бальнаго платья.

— Поѣду!—отвѣчалъ Аггей Никитичъ, думавшій-было возразить, что ловко ли это будетъ, но не сказалъ однако того потому, что съ самаго утра какъ бы утратилъ всякую собственную волю.

Въ рядахъ мои любовники, какъ нарочно, встрѣтили откупщицу, что-то такое закупавшую себѣ. Она очень привѣтливо поклонилась Аггею Никитичу, а также и пани Вибель; но та, вся поглощенная соображеніями о своемъ платьѣ, торопливо мотнула ей головой и обратилась къ торговцамъ съ вопросами, есть ли у нихъ то, и другое, и третье. Они ей отвѣчали, что все это есть, и показывали ей разныя разности, но на повѣрку выходило, что все это не то, чего желала пани Вибель, такъ что она пришла почти въ отчаяніе и воскликнула:

---

*) — Что вы дѣлаете? Вы меня позорите!
— Ахъ да! Виновата понимаю!

— Это ужасно, какъ у васъ малъ выборъ! Ну, посмотрите, m-me Рамзаева, — обратилась пани къ откупщицѣ: — что за смѣшной рисунокъ этой матеріи, и посовѣтуйте, ради Бога, что мнѣ взять на платье!

Та съ удовольствіемъ поспѣшила на помощь къ Марьѣ Станиславовнѣ; видимо, что обѣ онѣ были знатоки и любительницы этого дѣла.

— Эта матерія нехороша!—сказала рѣшительнымъ тономъ откупщица.—Вы дайте лучше гладкую матерію, которую я у васъ брала! — прибавила она торговцу.

Подали гладкую матерію. Та дѣйствительно была хороша.

— Но не темна ли она для меня?—спросила пани Вибель свою совѣтчицу.

— Почему жъ? Она довольно свѣтлая, отдѣлается цвѣтами, кружевами,—успокоила ее та:—и берта, конечно, къ платью должна быть.

— Берта у меня есть превосходная!—радостно воскликнула пани Вибель.

— Сколько же вамъ прикажете отрѣзать матеріи. — спросилъ торговецъ.

— Мнѣ обыкновенно идетъ на платье восемнадцать аршинъ, но прибавьте еще аршина два-три, чтобы не было недостатка!— небрежно отвѣтила пани Вибель.

Торговецъ принялся отмахивать на желѣзномъ аршинѣ выбранную матерію, при чемъ ее сильно натягивалъ.

— Почемъ же за аршинъ вы уступите эту матерію?—сдѣлала торговцу довольно существенный вопросъ откупщица.

— По четыре съ полтиной,—отвѣчалъ онъ.

— Что за пустяки такіе вы говорите?—почти прикрикнула на него откупщица. — Я у васъ покупала ее по четыре рубля.

— Мы вамъ уступили, вы наша постоянная покупательница,—нѣсколько подобострастно объяснилъ ей торговецъ.

— Это вздоръ! Извольте уступить ее за ту же цѣну Марьѣ Станиславовнѣ! Она моя пріятельница,—приказала она.

— Слушаю-съ!—сказалъ торговецъ и, обратившись къ пани Вибель, проговорилъ:—восемьдесятъ рублей слѣдуетъ съ васъ.

Пани вынула изъ кармана деньги и, отсчитавъ изъ нихъ нужное число ассигнацій, положила ихъ на прилавокъ.

Аггея Никитича при этомъ сильно покоробило: ему мнилось, что откупщица въ положенныхъ пани Вибель на прилавокъ ассигнаціяхъ узнала свои ассигнаціи, при чемъ она, вѣроятно, съ презрѣніемъ думала о немъ; когда же обѣ дамы, обмѣнявшись искренно-дружескими поцѣлуями, разстались, а

пани, заѣхавъ еще въ двѣ лавки, — изъ которыхъ въ одной были ленты хорошія, а въ другой тюль, — велѣла кучеру ѣхать къ дому ея, то Аггей Никитичъ, сидя въ саняхъ неподвижно, какъ монументъ, молчалъ. Пани Вибель подмѣтила это и по возвращеніи домой, какъ бы забывъ объ матеріи и лентахъ, принялась ласкаться къ Аггею Никитичу. Онъ, конечно, отвѣчалъ ей тѣмъ же, но въ глубинѣ его совѣсти было нехорошо, неспокойно, и ему противъ воли припомнились слова аптекаря, говорившаго, что во многихъ поступкахъ человѣкъ можетъ совершенно оправдать себя передъ другими, но только не передъ самимъ собою. Въ сущности, если не по строгой морали разсуждать, что̀ такое сдѣлалъ Аггей Никитичъ? Онъ взялъ почти поощряемую правительствомъ взятку съ откупщика, и взялъ для того, чтобы потѣшить этими деньгами страстно любимую женщину; это съ одной стороны даже казалось ему благороднымъ, но съ другой—въ немъ что-то такое говорило, что это скверно и нечестно!

VIII.

Первый балъ Рамзаевыхъ украсился посѣщеніемъ новой, столичной особы, Екатерины Петровны Тулузовой, которая болѣе уже мѣсяца сдѣлалась провинціальной жительницею, вслѣдствіе того, что супругъ ея, Василій Иванычъ Тулузовъ, былъ, какъ мы знаемъ, по рѣшенію суда, оставленъ въ подозрѣніи; но уголовная палата совершенно его оправдала, и когда дѣло поступило въ сенатъ, онъ, будучи освобожденъ изъ-подъ домашняго ареста, былъ взятъ на поруки однимъ изъ своихъ друзей, а вслѣдъ затѣмъ отправился на житье въ Москву. Услыхавъ обо всемъ этомъ, Екатерина Петровна сочла болѣе удобнымъ для себя оставить шумную столицу и переѣхать хоть и въ уединенное, но богатое и привольное Синьково, захвативъ съ собой камеръ-юнкера, съ которымъ, впрочемъ, она была довольно холодна и относилась къ нему даже съ замѣтнымъ неуваженіемъ, ибо очень хорошо видѣла, что онъ каждую минуту стремился чѣмъ-нибудь поживиться отъ нея; а Екатерина Петровна, наученная опытомъ прежнихъ лѣтъ, приняла твердое намѣреніе продовольствовать своего адоратёра только хорошими обѣдами—и больше ничего.

Между тѣмъ Рамзаевъ, хоть Екатерина Петровна находилась въ открыто-враждебныхъ отношеніяхъ со своимъ супругомъ, а его благодѣтелемъ, тѣмъ не менѣе счелъ себя обязаннымъ ѣхать въ Синьково и пригласить ее на свои балы. Таковое приглашеніе онъ адресовалъ и камеръ-юнкеру, съ

которымъ его познакомила Екатерина Петровна, немножко привравъ и довольно внушительно произнеся:

— Chambellan de la cour de Sa Majesté Impériale.

Переносимся теперь прямо на балъ. Музыка уже играла; Рамзаевъ въ этотъ разъ не дирижировалъ и только, стоя невдалекѣ отъ оркестра, взглядомъ поддавалъ музыкантамъ на извѣстныхъ мѣстахъ пылу. Пани Вибель — я опять-таки долженъ повторить — была наряднѣе, милѣе и граціознѣе всѣхъ другихъ молодыхъ дамъ и танцовала кадриль съ Аггеемъ Никитичемъ, когда пріѣхала Тулузова въ сопровожденіи камеръ-юнкера, который за послѣднее время выучился носить въ глазу стеклышко. Туалетъ на Екатеринѣ Петровнѣ, по богатству своему, оказался далеко превосходящимъ туалетъ откупщицы, такъ что та, исполнившись почти благоговѣнія къ Екатеринѣ Петровнѣ, поспѣшила ей, какъ бы царственной какой особѣ, представить все остальное общество, при чемъ инвалидный поручикъ очень низко по-офицерски склонилъ свою голову передъ этой, какъ онъ понималъ, грандъ-дамъ; высокая же супруга его, бывшая въ извѣстномъ положеніи и напоминавшая своей фигурой версту, немного разбухшую въ верхней половинѣ, при знакомствѣ съ грандъ-дамъ почему-то покраснѣла. Аггей Никитичъ почти не расшаркался передъ Екатериной Петровной; но она, напротивъ, окинула его съ головы до ногъ внимательнѣйшимъ взоромъ, зато ужъ на пани Вибель взглянула черезчуръ свысока; Марья Станиславовна однако не потерялась и отвѣтила этой черномазой госпожѣ тѣмъ гордымъ взглядомъ, къ какому способны соплеменницы Марины Мнишекъ, что̀, повидимому, очень понравилось камеръ-юнкеру, который, желая хорошенько разсмотрѣть молодую дамочку, выкинулъ ради этого—движеніемъ личного мускула— изъ глаза свое стеклышко, такъ какъ сквозь него онъ ничего не видѣлъ и носилъ его только для моды.

Сколь ни мимолетны были всѣ эти первоначальныя впечатлѣнія, произведенныя описываемыми мною лицами другъ на друга, они однако повторялись въ продолженіе всего бала, и положительно можно было сказать, что m-me Тулузова стремилась къ Аггею Никитичу, а инвалидный поручикъ стремился къ ней, что̀ Екатеринѣ Петровнѣ было не совсѣмъ лестно. Камеръ-юнкеръ съ большимъ вниманіемъ разспрашивалъ о пани Вибель мрачнаго почтмейстера, который, конечно, прокаркнулъ о ней всякую гадость; но несмотря на то московскій франтъ всякій разъ, встрѣчаясь съ прелестной дамочкой, спѣшилъ выкинуть изъ глаза стеклышко и нѣжно посмотрѣть на нее; равнымъ образомъ Марья Станиславовна

плѣнила, кажется, и откупщика, который ей между прочими любезностями сказалъ, что недавно выписанную имъ рѣзвѣйшую мазурку онъ намѣренъ назвать «à la pany Wibel». Аггей Никитичъ, конечно, всѣхъ этихъ мелочей не замѣчалъ; одно только показалось ему страннымъ, что когда онъ началъ танцовать вальсъ съ пани Вибель, то она не поддѣлывалась подъ его манеру, а танцовала по-своему въ два пріема, такъ что имъ едва возможно было протанцовать одинъ туръ; но съ камеръ-юнкеромъ, пригласившимъ послѣ того пани Вибель и умѣвшимъ, конечно, танцовать вальсъ въ два пріема, она носилась по залѣ, какъ бабочка.

Болѣе сказать о балѣ нечего, кромѣ того лишь, что всѣ разъѣхались очень поздно, что̀ однако не помѣшало Аггею Никитичу, подвезшему пани Вибель въ своихъ саняхъ къ ея квартирѣ, хоть ненадолго, но все-таки зайти къ ней.

Вскорѣ послѣ бала наступилъ Николинъ день, и по случаю именинъ государя императора все служащее и не служащее общество съѣхалось къ торжественной обѣднѣ въ соборъ. Дамы при этомъ красовались въ своихъ самыхъ нарядныхъ салопахъ, а между ними, конечно, была и пани Вибель, успѣвшая, къ великому счастью своему, почти передъ тѣмъ, какъ разойтись съ мужемъ, заставить его сдѣлать ей отличнѣйшій салопъ съ собольимъ воротникомъ. Мужчины же служащіе были въ мундирахъ, какой у кого оказался, и Аггей Никитичъ, конечно, облекся въ свой отставной мундиръ карабинернаго полка, изъ котораго онъ, надобно сказать, какъ бы еще повыросъ и замѣтно пораздобрѣлъ. Посреди мундирныхъ мужчинъ появился и камеръ-юнкеръ, который такой эффектъ произвелъ на всѣхъ молящихся своимъ золотымъ мундиромъ, что описать трудно. Въ уѣздномъ городкѣ никто почти и не видывалъ придворныхъ мундировъ. Пани Вибель тоже немало была поражена нарядомъ камеръ-юнкера, такъ что всю обѣдню не спускала съ него глазъ, хотя собственно лица его не видѣла и замѣчала только, что онъ то выкинетъ изъ глаза движеніемъ щеки стеклышко, то опять вставитъ его рукою въ глазъ. Послѣ обѣдни откупщикъ тутъ же въ церкви пригласилъ все знакомое ему общество къ себѣ на полуофиціальный обѣдъ, видимо, желая разыгрывать въ уѣздномъ городкѣ какъ бы роль губернатора. На обѣдъ этотъ, разумѣется, всѣ съѣхались, а также прибыла и m-me Тулузова, не бывшая въ соборѣ, но получившая отъ Рамзаева приглашеніе съ нарочнымъ, посланнымъ къ ней въ Синьково. За столомъ хозяева посадили Екатерину Петровну по правую руку самого амфитріона, а по лѣвую онъ, злодѣй, пригласилъ сѣсть пани Вибель, кото-

рая на такую честь, кажется, не обратила никакого вниманія и весь обѣдъ занята была сравненіемъ фрака Аггея Никитича, еще прошлой зимой сильно поношеннаго, съ фракомъ мизернаго камеръ-юнкера, который у того, по начавшей уже проникать въ Россію модѣ, былъ очень широкій, но вмѣстѣ съ тѣмъ сидѣлъ на немъ складно. Не преминула пани Вибель сравнить и бѣлье на сихъ джентльменахъ, при чемъ оказалось, что у Аггея Никитича изъ-подъ жилета чрезвычайно неуклюже торчала приготовленная ему неумѣлой Агашей густонакрахмаленная коленкоровая манишка, а на камеръ-юнкерѣ бѣлѣлось тончайшее голландское полотно. Пока Марья Станиславовна дѣлала всѣ эти наблюденія, хозяиномъ провозглашенъ былъ тостъ за здравіе государя императора; оркестръ сыгралъ народный гимнъ, и къ концу обѣда всѣ подвыпили, не выключая даже дамъ, и особенно разрумянилась Екатерина Петровна, которая послѣ горячаго выпила хересу, передъ рыбой портвейну, а послѣ мяса краснаго вина, — и не рюмку, а стаканъ; шампанскаго тоже не то что глотала понемногу изъ бокала, а разомъ его опустошала. Тотчасъ же вслѣдъ за обѣдомъ затѣялись танцы, въ продолженіе которыхъ Аггей Никитичъ, вѣроятно, вслѣдствіе выпитаго вина, былъ нѣсколько болѣе внимателенъ къ явно стремящейся къ нему Екатеринѣ Петровнѣ, и она, очень довольная тѣмъ, сразу же затѣяла съ нимъ почти интимный разговоръ.

— М-г Звѣревъ, — сказала она: — вы дружны съ Маронными, съ которыми я тоже была прежде знакома и даже родня Егору Егорычу по первому моему мужу: — скажите, гдѣ они теперь, и правда ли, что уѣхали за границу?

— Они за границей-съ, — отвѣчалъ Аггей Никитичъ съ болѣзненнымъ чувствомъ въ сердцѣ.

— А скажите, дѣло о моемъ мужѣ вы производили?

— Я-съ, — отвѣчалъ Аггей Никитичъ съ мрачнымъ оттѣнкомъ въ голосѣ.

— Но неужели же онъ такъ правъ, что могъ вывернуться?

Въ отвѣтъ на это Аггей Никитичъ первоначально пожалъ только плечами.

— Вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь говорить мнѣ все; я съ мужемъ моимъ давно во враждѣ, а о васъ я слышу ото всѣхъ, какъ о честнѣйшемъ человѣкѣ.

Все это Екатерина Петровна говорила, не столько, кажется, интересуясь дѣломъ своего супруга, сколько желая приласкаться къ Аггею Никитичу и продлить съ нимъ бесѣду.

— По-моему, господинъ Тулузовъ совершенно неправъ, и что если его оправдали и оправдаютъ, такъ этому причина...

— Деньги! — подхватила Екатерина Петровна.

— Разумѣется! — подтвердилъ Аггей Никитичъ.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! — произнесла съ легкимъ вздохомъ Екатерина Петровна. — Но вы, конечно, помните, m-r Звѣревъ, что мы съ вами старые знакомые; вы были на моей второй свадьбѣ.

— Я хорошо это помню, — отвѣчалъ ей вѣжливо Аггей Никитичъ.

— Надѣюсь, что вы посѣтите меня въ моей усадьбѣ? — присовокупила она какъ бы нѣсколько стыдливымъ голосомъ.

— Благодарю васъ покорно!.. Непремѣнно-съ!—проговорилъ Аггей Никитичъ и началъ отыскивать глазами пани Вибель, которая въ это время сидѣла на довольно отдаленномъ диванѣ, и рядомъ съ ней помѣщался камеръ-юнкеръ въ неприличнѣйшей, по мнѣнію Аггея Никитича, позѣ.

Надобно сказать, что сей московскій пятиметръ, заѣхавъ въ глухую провинцію, вознамѣрился держать себя какъ ему угодно: во-первыхъ, за обѣдомъ онъ напился почти допьяна, а потомъ, сидя въ настоящія минуты около молодой женщины, онъ не только развалился на диванѣ, но даже, совершенно откинувъ борты своего фрака, держалъ руки засунутыми за проймы жилета. Взбѣшенный всѣмъ этимъ, Аггей Никитичъ, пользуясь тѣмъ, что началась мазурка, подошелъ къ Марьѣ Станиславовнѣ и напомнилъ ей, что она танцуетъ съ нимъ сей танецъ. Пани Вибель не совсѣмъ торопливо подала ему руку и по окончаніи тура замѣтно желала занять прежнее мѣсто, но когда Аггей Никитичъ подвелъ ее къ дивану, то камеръ-юнкеръ съ явнымъ умысломъ подставилъ ему ногу, что̀ почувствовавъ, Аггей Никитичъ съ такою силою отшвырнулъ своей ногой сухопарую лутошку своего противника, что тотъ чуть не слетѣлъ съ дивана и грозно воскликнулъ:

— Monsieur!

— Pardon! — отвѣтилъ на это небрежно Аггей Никитичъ и присовокупилъ пани Вибель по-польски: — То быдло, недосыць, же ноги подставя, але и самъ сіенъ еще обража *).

Пани ужасно сконфузилась.

— Недоразумѣмъ, цо панъ муви **), — сказала она.

— А то мувенъ, же прошенъ панiонъ сiонсць не на канапенъ, а на то кржесло ***)!—почти приказалъ ей Аггей Никитичъ.

Пани Вибель повиновалась, но, видимо, надулась.

---

*) Эта скотина ноги подставляетъ, да еще самъ потомъ кричитъ.

**) Я не понимаю, что̀ вы говорите.

***) Я говорю, чтобы вы изволили сѣсть не на диванъ, а на это кресло!

Послѣ мазурки вплоть до ужина, безъ котораго хозяева никого изъ гостей своихъ не хотѣли пустить домой, Марьей Станиславовной завладѣлъ откупщикъ и сталъ объяснять ей, что вотъ жена его столь счастлива, что была съ визитомъ у пани, но что онъ не смѣетъ себѣ позволить этого.

— Отчего жъ? — спросила она его.

— Потому что я уже старикъ и боюсь вамъ быть скучнымъ.

— О, нѣтъ, пожилыхъ мужчинъ я люблю больше, чѣмъ мальчиковъ молодыхъ!

— Мы это отчасти знаемъ, — произнесъ откупщикъ и, таинственно усмѣхнувшись, взглянулъ на стоявшаго въ дверяхъ Аггея Никитича, который если не прислушивался къ ихъ разговору, то все-таки смотрѣлъ на нихъ.

— Отчего вы сегодня не дирижировали своимъ оркестромъ?— спросила вдругъ пани Вибель.

— Ахъ, я занятъ сегодня другимъ! — произнесъ откупщикъ.

— Да, вы заняты другимъ!.. — повторила протяжно его слова пани Вибель; но что̀ такое это было другое—она не спросила откупщика, а, взглянувъ только не безъ значенія на него, встала съ своего мѣста и подошла къ Аггею Никитичу.

Здѣсь я не могу пройти молчаніемъ странную участь Марьи Станиславовны. Кажется, еще съ четырнадцатилѣтняго возраста ея всѣ почти мужчины, знавшіе молоденькую панну, считали какимъ-то правомъ для себя ухаживать за нею. И Марья Станиславовна отъ этого ухаживанья чувствовала великое удовольствіе. Аггей Никитичъ совершенно не подозрѣвалъ этой черты въ ней.

Торжество Николина дня заключилось наконецъ тѣмъ, что Екатерина Петровна пригласила къ себѣ въ Синьково все общество пріѣхать въ будущую среду на обѣдъ.

Вслѣдствіе такого приглашенія, для пани Вибель возникъ вопросъ, какъ и съ кѣмъ ей доѣхать до Синькова. Ѣхать одной—не на чемъ. Отправиться съ Аггеемъ Никитичемъ—это значило прямо указать всѣмъ на ея отношенія къ нему; такъ что на другой день, когда Аггей Никитичъ пришелъ къ ней, она стала съ нимъ совѣтоваться, какъ лучше поступить. Аггей Никитичъ съ своей стороны тоже находилъ совершенно неприличнымъ ѣхать ей въ его экипажѣ и придумалъ-было нанять для Марьи Станиславовны особую тройку; но и то было какъ-то странно. Къ счастью однако всѣ эти затрудненія устранилъ откупщикъ, пріѣхавшій къ пани Вибель съ визитомъ и первымъ же дѣломъ спросившій ее, будетъ ли она у m-me Тулузовой.

— Непремѣнно была бы, но вотъ тутъ какое препятствіе!.. —

объявила та и затѣмъ разсказала, въ чемъ собственно состояло препятствіе.

— Но какъ вамъ не грѣхъ говорить даже объ этомъ! — воскликнулъ откупщикъ. — Вы, конечно, должны ѣхать съ моей женой въ возкѣ, который у насъ очень покойный и теплый.

— Ахъ, я очень буду вамъ благодарна, но боюсь, что этого, можетъ-быть, не пожелаетъ Анна Прохоровна! — проговорила пани Вибель.

— Отчего жъ ей не пожелать? Напротивъ, — возразилъ откупщикъ: — она вамъ будетъ обязана, потому что, вмѣсто того, чтобы скучать одной въ возкѣ, она поѣдетъ съ компаньонкой. А вамъ не угодно ли будетъ со мной ѣхать въ крытыхъ саняхъ? — обратился онъ къ Аггею Никитичу.

— Зачѣмъ же я буду обременять васъ, когда у меня своя кибитка есть? — отказался тотъ.

— Я знаю, что есть! — подхватилъ тотъ. — Но въ такомъ случаѣ я возьму съ собой поручика; онъ меня просилъ взять его съ собой.

Такимъ образомъ въ ближайшую среду всѣ гости почти одновременно выѣхали изъ города и направились къ Синькову, гдѣ они застали какъ самую хозяйку, такъ равно и пребывавшаго у нея камеръ-юнкера съ какими-то озлобленными физіономіями. Дѣло въ томъ, что Екатерина Петровна почти окончательно разссорилась съ своимъ адоратёромъ, и ссора эта началась съ нижеслѣдующаго.

— А что, у васъ этотъ долговязый исправникъ будетъ также на обѣдѣ? — спросилъ камеръ-юнкеръ.

— Будетъ! Отчего жъ ему не быть? Онъ давнишній мой знакомый и совершенно безкорыстный человѣкъ, хоть и исправникъ.

— Сомнѣваюсь въ томъ! — произнесъ съ злобной усмѣшкой камеръ-юнкеръ. — Что онъ мужчина здоровый, это я вижу, но честности его не вполнѣ вѣрю.

— Аггею Никитичу, я думаю, ни тепло ни холодно отъ того, вѣрите ли вы въ его честность, или нѣтъ! — замѣтила съ полупрезрѣніемъ Екатерина Петровна.

— Безъ сомнѣнія! — подхватилъ камеръ-юнкеръ:—особенно, когда господинъ Звѣревъ, по своей молодцоватости и могучести, имѣетъ, вѣроятно, весьма лестное о немъ мнѣніе многихъ дамъ.

— Изъ чего жъ вы заключаете, что о немъ существуетъ такое мнѣніе? — спросила Екатерина Петровна, понявъ, что этотъ камешекъ въ ея огородъ кинутъ.

— Да изъ того, что эта прелестная m-me Вибель, говорятъ, его любовница.

Екатерина Петровна широко раскрыла глаза: она никакъ не ожидала услышать то, что̀ слышала.

— Кто жъ вамъ сообщилъ это? — спросила она.

— Сообщилъ мнѣ на обѣдѣ у откупщика этотъ старикъ съ густыми бровями, который и у васъ тутъ былъ раза два.

— Это почтмейстеръ нашъ; но какъ же ему извѣстно это?

— Не знаю какъ; по крайней мѣрѣ, онъ мнѣ довольно подробно разсказалъ, что̀ эта дамочка жена его пріятеля, здѣшняго аптекаря, что съ мужемъ она теперь не живетъ, а пребываетъ въ любви съ Звѣревымъ.

— Всего скорѣе, что почтмейстеръ вамъ навралъ! — возразила Екатерина Петровна. — Онъ очень злой и ехидный выдумщикъ: покойный отецъ мой всегда его такъ понималъ.

— Можетъ-быть; но я сегодня же испытаю справедливость словъ его, — произнесъ тономъ фата камеръ-юнкеръ.

— Какимъ же образомъ вы испытаете это? — спросила его въ свою очередь тѣмъ же насмѣшливо-неуважительнымъ тономъ Екатерина Петровна, и въ этомъ случаѣ ее подталкивала не ревность, а скорѣе уже озлобленіе противъ камеръ-юнкера.

— Испытаю это тѣмъ, что буду ухаживать за m-me Вибель.

— Для какой же это цѣли? Любопытно знать.

— Ни для какой! Отъ скуки!

— Отъ скуки только?.. Я сама тоже скучаю и отъ скуки тоже буду ухаживать за молодцоватымъ исправникомъ.

— Вамъ поэтому малорослые мужчины надоѣли?

— Надоѣли!—отвѣтила ему откровенно Екатерина Петровна.

— Точно такъ же, какъ и мнѣ всякаго рода belles femmes, и тутъ, знаете, можетъ случиться то, что̀ описано въ одномъ прекрасномъ романѣ Гёте подъ названіемъ: «Die Wahlverwandschaften».

— Пожалуйста, не говорите со мной разными учеными словами; я ихъ не знаю и не понимаю!—сказала Екатерина Петровна.

Въ отвѣтъ на это камеръ-юнкеръ захохоталъ обиднѣйшимъ для нея смѣхомъ.

— Тутъ ни единаго слова ученаго нѣтъ,—продолжалъ онъ, какъ бы желая еще болѣе оскорбить Екатерину Петровну: — кромѣ того, что, по закону предрасположенія, неродственныя натуры расходятся, а родственныя сливаются. Такъ и здѣсь,— присовокупилъ камеръ-юнкеръ съ умышленнымъ цинизмомъ:— великорослые сольются между собою, а также и малорослые...

— Не самолюбивы ли вы нѣсколько?—возразила ему Екатерина Петровна.

Всѣ эти взаимныя колкости пошли бы, вѣроятно, и далѣе между ними, если бы по дорогѣ къ Синькову не показались ѣдущіе экипажи съ гостями; но все-таки программа, начертанная въ предыдущемъ спорѣ Екатериною Петровною, а равно и постылымъ ея другомъ, начала выполняться съ точностью. Камеръ-юнкеръ на этотъ разъ уже не просто стремился къ пани Вибель, а уцѣпился за нее; Екатерина же Петровна совершенно забыла своихъ почтенныхъ гостей, каковы были откупщикъ и откупщица, и, вовсе не обращая вниманія на инвалиднаго поручика, явно желавшаго ей понравиться, стремилась къ Аггею Никитичу. Такого рода натиски и отпоры, разумѣется, кончились бы не Богъ знаетъ чѣмъ, если бы не случилось одно обстоятельство, сразу перевернувшее ходъ описываемыхъ мною событій. Аггей Никитичъ, одолѣваемый любезностями хозяйки, чтобы хоть на время спастись отъ нихъ, сошелъ внизъ, въ бильярдную, покурить, гдѣ, просидѣвъ около четверти часа, сталъ возвращаться назадъ въ залу; но, запутавшись въ переходахъ большого дома, не попалъ въ нее и очутился около боскетной, передѣланной нынѣ Екатериною Петровною въ будуаръ. Онъ еще издали увидалъ въ этомъ будуарѣ пани Вибель и камеръ-юнкера, которые сидѣли вдвоемъ и о чемъ-то бесѣдовали. Одного этого обстоятельства достаточно было, чтобы у Аггея Никитича вся кровь прилила въ голову, и онъ рѣшился на поступокъ не совсѣмъ благородный: рѣшился подслушать то, что говорили пани Вибель и камеръ-юнкеръ, ради чего Аггей Никитичъ не вошелъ въ самый будуаръ, а, остановившись за шерстяной перегородкой, раздѣлявшей боскетную на двѣ комнаты, тихо опустился на кресло, стоявшее около умывальника, у котораго Екатерина Петровна обыкновенно чистила по нѣскольку разъ въ день зубы крѣпчайшимъ нюхательнымъ табакомъ, научившись этому въ Москвѣ у одной своей пріятельницы, говорившей, что это божественное наслажденіе, которое Екатерина Петровна тоже нашла божественнымъ. Съ занятой позиціи Аггей Никитичъ сталъ слышать весь разговоръ пани Вибель и камеръ-юнкера.

— Вы, значитъ, не знаете, — говорилъ послѣдній съ одушевленіемъ:—что такое эти господа карабинерные офицеры и какъ ихъ разумѣютъ въ Москвѣ: генералъ-губернаторъ стѣсняется приглашать ихъ къ себѣ на балы, потому что они мало что съѣдаютъ все, что попадается, съ жадностью шакаловъ, но еще насуютъ себѣ за фалды, въ карманы мундира конфетъ, апельсиновъ, и все это, если который неосторожно сядетъ, раздавитъ, и изъ-подъ него потечетъ.

Пани Вибель на такой подлый отзывъ о карабинерныхъ

офицерахъ, хоть знала, что Аггей Никитичъ тоже былъ когда-то карабинеромъ, вмѣсто того, чтобы обидѣться, разразилась смѣхомъ.

— Ха-ха-ха!.. Ха-ха-ха!.. Не смѣшите меня, monsieur, такъ! — воскликнула она.

Но monsieur не унимался.

— Увѣряю васъ!—продолжалъ онъ съ еще бо́льшимъ одушевленіемъ:—господинъ Звѣревъ, вѣроятно, тоже это дѣлалъ, и можете себѣ представить, когда онъ подавилъ своей особою несчастные груши и апельсины, то каково имъ было.

Пани Вибель и на это сначала: «ха-ха-ха!» и ужъ только потомъ, поопомнившись, она произнесла:

— Нѣтъ, онъ не дѣлалъ этого!

— И вы увѣрены, что изъ-подъ него никогда не текло?

Тутъ пани Вибель опять не могла удержаться и опять: «ха-ха-ха!.. ха-ха-ха!».

— А замѣтили ли вы, — острилъ расходившійся камеръ-юнкеръ:—какъ господинъ Звѣревъ танцовалъ съ вами вальсъ? Онъ все старался толочься на одномъ мѣстѣ и все васъ въ грудь животомъ толкалъ.

Пани Вибель снова захохотала и полувозразила:

— Ахъ, это оттого, что онъ танцуетъ вальсъ по-нѣмецки, медленно, а нынче танцуютъ быстро!—и затѣмъ снова тѣ же: «ха-ха-ха!».

Долѣе Аггей Никитичъ не въ состояніи былъ подслушивать. Онъ, осторожно поднявшись съ кресла, вышелъ изъ боскетной и нашелъ наконецъ залу, гдѣ, поспѣшно подойдя къ инвалидному поручику и проговоривъ ему: «Мнѣ нужно сказать вамъ два слова!», взялъ его подъ-руку и повелъ въ бильярдную, въ которой на этотъ разъ не было ни души.

— Сейчасъ этотъ... — началъ Аггей Никитичъ съ дрожащими губами и красный до багровости: — здѣшній камеръ-юнкеръ оскорбилъ честь полка, въ которомъ я служилъ... Онъ одной знакомой мнѣ дамѣ говорилъ, что насъ, карабинеровъ, никто въ Москвѣ не приглашаетъ на балы, потому что мы обыкновенно подбираемъ тамъ фрукты и разсовываемъ ихъ по карманамъ своимъ.

Инвалидный поручикъ пришелъ въ негодованіе.

— Возможно ли это,—воскликнулъ онъ:—когда карабинерные офицеры считаются лучшими въ арміи, почти тѣ же гвардейцы?!

— Это совершенно справедливо,—подхватилъ Аггей Никитичъ (у него при этомъ на губахъ была уже бѣленькая пѣнка): — а потому я прошу васъ, какъ честнаго офицера,

быть моимъ секундантомъ и передать отъ меня господину камеръ-юнкеру вызовъ на дуэль.

— Къ вашимъ услугамъ!—отвѣчалъ поручикъ, приподнявъ свои съ желтою суконною рогожкой эполеты и съ гордодовольнымъ выраженіемъ въ лицѣ: онъ былъ хоть не изъ умныхъ, съ какой-то совершенно круглой головой и съ такими же круглыми ушами, но не изъ трусливыхъ.

— Дуэль на-смерть, понимаете?—продолжалъ Аггей Никитичъ:—такъ что, если онъ промахнется и я промахнусь, опять стрѣляться до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь изъ насъ не будетъ убитъ или смертельно раненъ!.. Понимаете?.. Или онъ, или я не должны существовать!

— Понимаю-съ! — подхватилъ поручикъ. — Если васъ онъ убьетъ, я его вызову! Не смѣй онъ оскорблять чести русскихъ офицеровъ!

— Отлично!—одобрилъ Аггей Никитичъ.—Я сейчасъ уѣду, и вотъ вамъ записка отъ меня къ господину камеръ-юнкеру!—заключилъ онъ и, отыскавъ въ карманѣ клочокъ бумаги, написалъ на немъ карандашомъ, дрожащимъ отъ бѣшенства почеркомъ:

«Вамъ угодно было обозвать меня и всѣхъ другихъ офицеровъ карабинернаго полка, къ числу которыхъ я имѣлъ честь принадлежать, ворами фруктовъ на балахъ, и за это оскорбленіе я прошу васъ назначить моему секунданту часъ, мѣсто и оружіе».

Передавъ эту записку поручику, Аггей Никитичъ уѣхалъ. Приглашенный имъ секундантъ не замедлилъ исполнить возложенное на него порученіе и, тотчасъ же отыскавъ камеръ-юнкера, пригласилъ его сойти въ бильярдную и вручилъ ему посланіе Аггея Никитича, пробѣжавъ которое, петиметръ нисколько не смутился.

— Все это очень прекрасно-съ,—сказалъ онъ:—но у меня нѣтъ секунданта, и я, не зная здѣсь никого, не знаю, къ кому обратиться; а потому не угодно ли вамъ будетъ пріѣхать ко мнѣ съ этимъ вызовомъ въ Москву, куда я вскорѣ уѣзжаю.

— Но нельзя же намъ ѣздить за вами, куда вы прикажете!—замѣтилъ поручикъ, крайне удивленный словами камеръ-юнкера.

— Нельзя же и мнѣ къ вамъ выходить на барьеръ, когда васъ двое, а я одинъ!—возразилъ ему тотъ.

— Но все-таки вашъ отвѣтъ я нахожу неудовлетворительнымъ, и потому потрудитесь его написать вашей рукой!—потребовалъ поручикъ.

— Ахъ, сдѣлайте милость, сколько вамъ угодно!—отвѣчалъ съ обычнымъ ему цинизмомъ камеръ-юнкеръ и на оборотѣ записки Аггея Никитича написалъ сказанное имъ поручику.

Надобно сказать, что сей петиметръ былъ довольно опытенъ въ отвертываньи отъ дуэлей, на которыя его нѣсколько разъ вызывали разные господа за то, что онъ то насплетничаетъ что-нибудь, то сострить, если не особенно умно, то всегда очень оскорбительно, и ему всегда удавалось выходить сухимъ изъ воды: у однихъ онъ просилъ прощенья, другимъ говорилъ, что презираетъ дуэли и считаетъ ихъ варварскимъ обычаемъ, а на третьихъ наконецъ просто жаловался начальству и просилъ себѣ помощи отъ полиціи.

Въ настоящемъ случаѣ мы видѣли, какъ онъ уклонился отъ вызова Аггея Никитича, и, не ограничиваясь тѣмъ, когда всѣ гости уѣхали изъ Синькова, онъ поспѣшилъ войти въ спальню Екатерины Петровны, куда она ушла-было.

— Я пришелъ къ вамъ докончить тотъ разговоръ, который мы начали съ вами поутру и въ которомъ дошли до Рубикона,—сказалъ онъ.

— Опять прошу васъ, перестаньте блистать вашей ученостью,—перебила его Екатерина Петровна:—и говорите, что вамъ угодно отъ меня!?

— Мнѣ угодно, чтобы вы дали мнѣ лошадей, которыя довезли бы меня до почтоваго тракта.

— Хоть цѣлый шестерикъ! — проговорила Екатерина Петровна и, опасаясь, что камеръ-юнкеръ, пожалуй, попроситъ у нея денегъ на дорогу, присовокупила, мотнувъ ему поспѣшно головой:—Черезъ полчаса вамъ лошади будутъ готовы.

— Слушаю-съ, — отвѣтилъ на это камеръ-юнкеръ: — и на прощанье желаю вамъ какъ можно скорѣе стяжать себѣ любовь великорослаго исправника.

— А я вамъ желаю добиться любви какой-нибудь глупой замоскворѣцкой купчихи, которую вы могли бы обирать, — объяснила ему Екатерина Петровна.

— О, когда бы такое счастье снизошло на меня!—воскликнулъ камеръ-юнкеръ и отправился въ свое отдѣленіе, чтобы собраться въ дорогу.

Черезъ какой-нибудь часъ онъ совсѣмъ уже уѣхалъ изъ Синькова, къ великому удовольствію Екатерины Петровны, которая дѣйствительно начинала не на шутку мечтать объ Аггеѣ Никитичѣ.

IX.

Аггей Никитичъ, возвратясь изъ Синькова, конечно, не спалъ и, прохаживаясь длинными шагами по своей зальцѣ, поджидалъ, какого рода отвѣтъ привезетъ ему поручикъ. Тотъ, не заѣзжая даже домой, явился къ нему часу во второмъ ночи.

Узнавъ изъ записки, какъ взглянулъ господинъ камеръ-юнкеръ на вызовъ, Аггей Никитичъ пришелъ въ несказанную ярость.

— Я завтра же поутру поѣду къ нему, мерзавцу, и дамъ ему при его любовницѣ пощечину!—кричалъ онъ на весь домъ.

— Стóитъ того, стóитъ-съ!—кричалъ и поручикъ вслѣдъ за нимъ:—но только онъ спрячется отъ васъ, убѣжитъ.

— Нѣтъ, не убѣжитъ!.. И что̀ такое онъ говоритъ?.. Секунданта у него нѣтъ?.. Пусть возьметъ вашего тестя!.. Тотъ не откажется...

— Никакъ не откажется! — поручился за ополченца поручикъ.—Старикъ еще храбрый, и очень даже. Но мнѣ поэтому опять надо ѣхать съ вами въ Синьково?

— Непремѣнно!—подхватилъ Аггей Никитичъ.

— Слушаю-съ!—проговорилъ поручикъ покорнымъ тономъ.—Съѣзжу только къ женѣ повидаться съ нею.

— Повидайтесь и ко мнѣ скорѣй, а тамъ и въ Синьково!

— Не замедлю-съ!—сказалъ поручикъ и дѣйствительно не замедлилъ.

Разбудивъ жену, не ѣздившую по случаю своего положенія къ Екатеринѣ Петровнѣ, и разсказавъ ей, что̀ произошло между камеръ-юнкеромъ и Аггеемъ Никитичемъ, онъ объявилъ, что сей послѣдній пригласилъ его быть секундантомъ на долженствующей послѣдовать дуэли, а потому онъ чѣмъ свѣтъ отправляется въ Синьково. Долговязая супруга его нисколько этого не испугалась, а, напротивъ, сама стала поощрять мужа хорошенько проучить этого штафирку за то, что онъ смѣлъ оскорбить всѣхъ офицеровъ: она, видно, была достойною дочерью храбраго ополченца, дравшагося въ двѣнадцатомъ году съ французами. Покончивъ такимъ образомъ переговоры свои съ супругою, поручикъ, почти не заснувъ нисколько, отправился, едва только забрезжилась зимняя заря, къ Аггею Никитичу, и вскорѣ они уже ѣхали въ Синьково, имѣя оба, кажется, одинаковое намѣреніе, въ случаѣ новаго отказа камеръ-юнкера, дать ему по здоровой пощечинѣ. Въ синьковскомъ домѣ ихъ встрѣтилъ полусонный лакей, которому они сказали:

— Проведи насъ къ вашему господину камеръ-юнкеру!

— Онъ уѣхалъ-съ!—отвѣтилъ лакей.

Оба путника мои отъ удивленія закинули головы свои назадъ и спросили:

— Куда?

— Надо полагать, что въ Москву,—объяснилъ лакей.

— Я говорилъ, что онъ спрячется или удеретъ куда-нибудь! — подхватилъ поручикъ, очень опечаленный тѣмъ, что лишился возможности явиться въ роли секунданта и тѣмъ по-

казать обществу, что онъ не гарниза пузатая, какъ обыкновенно тогда называли инвалидныхъ начальниковъ, но такой же, какъ и прочіе офицеры арміи.

— Ну, это я еще посмотрю, какъ онъ спрячется отъ меня!— проговорилъ мрачнымъ голосомъ Аггей Никитичъ и послѣ того отнесся строго къ лакею:—Если ты врешь, что камеръ-юнкеръ уѣхалъ въ Москву, такъ это безполезно: я перешарю всю усадьбу!

— Да помилуйте-съ,—урезонивалъ его тотъ:—что же мнѣ врать? Коли мнѣ не вѣрите, извольте спросить Катерину Петровну!

— Непремѣнно спрошу!—проговорилъ столь же строго Аггей Никитичъ:—доложи Катеринѣ Петровнѣ, что мы пріѣхали!

— Онѣ еще почиваютъ-съ,—объяснилъ лакей, начинавшій уже немножко и трусить грознаго исправника.

— Это ничего, мы подождемъ; пойдемте въ залу! — распоряжался Аггей Никитичъ и, проведя своего товарища въ залу, усѣлся тамъ съ нимъ.

Екатерина Петровна, впрочемъ, недолго заставила дожидаться себя. Сробѣвшій, какъ мы видѣли, лакей пошелъ и разсказалъ о пріѣздѣ нежданныхъ гостей горничной Екатерины Петровны, а та, не утерпѣвъ, сказала о томъ барынѣ. Екатерина Петровна не спала передъ тѣмъ почти всю ночь, подъ вліяніемъ двоякаго рода чувствованій: злобы противъ камеръ-юнкера и нѣкоторыхъ сладкихъ чаяній касательно Аггея Никитича. Услыхавъ, что сей послѣдній пріѣхалъ къ ней и пріѣхалъ не одинъ, а съ инвалиднымъ поручикомъ, она, обрадовавшись и немного встревожившись, поспѣшно встала и начала одѣваться; но когда горничная подала-было ей обыкновенное домашнее платье, то Екатерина Петровна съ досадой отшвырнула это платье и велѣла подать себѣ щеголеватый капотъ, очень изящный утренній чепчикъ и бархатныя туфли,—словомъ, костюмъ, въ который она наряжалась въ Москвѣ, принимая театральнаго женъ-премьера, заѣзжавшаго къ ней обыкновенно передъ репетиціей. Закончивъ свой туалетъ тѣмъ, что подбѣлила себѣ лицо пудрой, она вышла въ будуаръ, гдѣ усѣвшись, послала горничную пригласить къ ней Аггея Никитича, а также и поручика. Тѣ оба вошли въ будуаръ съ какимъ-то свирѣпымъ апломбомъ. Аггей Никитичъ, впрочемъ, извинившись въ столь раннемъ визитѣ, сказалъ, что онъ и его товарищъ пріѣхали не затѣмъ, чтобы безпокоить Екатерину Петровну, но что они имѣютъ надобность видѣть господина камеръ-юнкера.

— Ни имени ни фамиліи котораго, вы извините меня, я

не знаю! — произнесъ Аггей Никитичъ явно презрительнымъ тономъ и затѣмъ продолжалъ:—Къ сожалѣнію, намъ сказали, что онъ уѣхалъ, а потому мы просимъ васъ подтвердить, правда ли это?

— Совершенная правда!—отвѣчала Екатерина Петровна.

— Значитъ, онъ бѣжалъ отъ насъ? — воскликнулъ Аггей Никитичъ.

— Отъ васъ?—спросила Екатерина Петровна, начинавшая уже терять нить всякихъ соображеній.

— Отъ насъ,—повторилъ Аггей Никитичъ:—потому что я ему черезъ господина поручика послалъ вызовъ на дуэль.

— На дуэль?.. За что?—воскликнула Екатерина Петровна, какъ бы даже не повѣрившая словамъ Аггея Никитича.

— Онъ-съ, — началъ Аггей Никитичъ: — опозорилъ тотъ полкъ, въ которомъ я служилъ, и, сверхъ того, оскорбилъ и меня.

— Скажите, какой негодяй!—проговорила, не удержавшись, Екатерина Петровна. — Но гдѣ же и когда это было? Я ничего не слыхала о томъ.

— Было это въ этой самой комнатѣ,—сказалъ Аггей Никитичъ неопредѣленно, не желая называть имени пани Вибель.

— И когда я,—вмѣшался въ разговоръ поручикъ, замѣтно пріосанившись: — передалъ господину камеръ-юнкеру вызовъ Аггея Никитича, то онъ мнѣ отвѣчалъ, что уѣзжаетъ въ Москву, и чтобы мы тамъ его вызывали.

— Вотъ это прелестно, милѣй всего!—продолжала восклицать Екатерина Петровна, имѣвшая то свойство, что когда она разрывала свои любовныя связи, то обыкновенно утрачивала о предметахъ своей страсти всякое хоть сколько-нибудь доброе воспоминаніе и, кромѣ злобы, ничего не чувствовала въ отношеніи ихъ.

— Но мы однако его найдемъ и въ Москвѣ,—сказалъ Аггей Никитичъ:—если вы будете такъ добры, что сообщите намъ, гдѣ живетъ господинъ камеръ-юнкеръ.

— Съ большимъ бы удовольствіемъ это сдѣлала, если бы только знала его адресъ, — отвѣчала Екатерина Петровна:— котораго, вѣроятно, онъ самъ не знаетъ, потому что послѣдній годъ рѣшительно пребывалъ гдѣ день, гдѣ ночь.

— Гдѣ день, гдѣ ночь! Хорошъ же мальчикъ!—произнесъ Аггей Никитичъ и мрачно склонилъ свою голову, а потомъ вдругъ всталъ и началъ раскланиваться съ Екатериной Петровной.

— Вы хотите уѣхать?—спросила его та.

— Да, мнѣ не совсѣмъ здоровится,—проговорилъ Аггей Ни-

китичъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мотнулъ головой своему товарищу, мечтательно созерцавшему дебелую фигуру Екатерины Петровны.

Надобно сказать, что поручикъ издавна любилъ дамъ полныхъ и черноволосыхъ, и если женился на сухопарой и совершенно бѣлобрысой дочкѣ ополченца, то это чисто былъ бракъ по расчету.

— По крайней мѣрѣ вы напейтесь чаю у меня, — останавливала-было Екатерина Петровна.

— Нѣтъ-съ, благодарнымъ! — отказался Аггей Никитичъ и пошелъ, а за нимъ послѣдовалъ и поручикъ, кинувъ только еще разъ мечтательный взглядъ на Екатерину Петровну, которая наконецъ замѣтила это.

Всю дорогу поручикъ старался выпытать у Аггея Никитича, что̀ онъ дальше намѣренъ предпринять; но тотъ отмалчивался, такъ какъ дѣйствительно чувствовалъ, что съ нимъ происходитъ что-то очень неладное въ смыслѣ физическомъ и еще болѣе того въ нравственномъ; онъ уже ясно предчувствовалъ, что все это глупое и оскорбительное для него событіе прекратитъ его поэтическое существованіе, которымъ онъ такъ искренно наслаждался послѣднее время, и что затѣмъ для него настанетъ суровая и мрачная пора. Возвратившись домой и разставшись съ поручикомъ, Аггей Никитичъ легъ въ постель, а къ вечеру захворалъ той же горячкой, которой былъ боленъ послѣ похоронъ Людмилы Николаевны. О своей болѣзни Аггей Никитичъ не увѣдомилъ пани Вибель, а также не послалъ и за докторомъ, желая, кажется, одного, чтобы какъ-нибудь поскорѣй умереть.

Пани Вибель, въ свою очередь, тоже мучилась. Узнавъ еще въ Синьковѣ, что Аггей Никитичъ вдругъ совершенно неожиданно уѣхалъ домой, она отчасти поняла, что причиной того было ея маленькое кокетство, которое она позволила себѣ съ камеръ-юнкеромъ. Несмотря на то, Марья Станиславовна все-таки весь слѣдующій день, разумѣется, ожидала, что Аггей Никитичъ придетъ къ ней. Прошло однако все утро, весь полдень; наступилъ наконецъ вечеръ, когда къ ней Аггей Никитичъ непремѣнно ужъ являлся, но на этотъ разъ онъ не шелъ. Пани Вибель не вытерпѣла долѣе и послала Танюшу узнать, что̀ такое съ Аггеемъ Никитичемъ и почему онъ къ ней нейдетъ. Та прямо пробралась въ кабинетъ Аггея Никитича, гдѣ онъ лежалъ почти въ забытьѣ. Разбудивъ его, она ему сказала, что Марья Станиславовна очень безпокоится, отчего Аггей Никитичъ не былъ у нея.

— Скажи, что я спалъ, потому что передъ этимъ очень

много и долго не спалъ,—отвѣтилъ онъ что-то такое и снова погрузился какъ бы въ забытье.

Танюшѣ подумалось, что онъ пьянъ, о чемъ она, возвратясь къ госпожѣ, и доложила той.

— Какъ пьянъ?.. Что за глупости ты говоришь?—проговорила пани и по темнымъ суметнымъ улицамъ уѣзднаго городка сама отправилась къ Аггею Никитичу, котораго застала въ томъ же дремотномъ состояніи.

— Аггей Никитичъ, Аггей Никитичъ!—окликнула она его нетерпѣливо.

Онъ сначала полуоткрылъ глаза, но потомъ, кажется, догадавшись, кто его зоветъ, открылъ ужъ ихъ совсѣмъ, и когда узналъ окончательно Марью Станиславовну, то къ нему снова возвратилось полное сознаніе со всѣми подробностями его ощущеній и мыслей.

— Я не ожидалъ васъ видѣть, — проговорилъ онъ первоначально.

— Какъ и почему ты не ожидалъ меня видѣть?—воскликнула, уже горячась, пани Вибель.

— Такъ не ожидалъ!.. — отвѣтилъ Аггей Никитичъ. — Мы къ людямъ, которыхъ презираемъ, не ходимъ.

— Кто презираетъ, кого презираетъ?—говорила пани Вибель, начавшая, какъ и Танюша, думать, что Аггей Никитичъ въ самомъ дѣлѣ пьянъ.

— Презираете вы меня!—отчеканилъ онъ съ удареніемъ.

— Я?.. Тебя?.. Да что ты, бредишь, что ли, или выпилъ много?—горячилась Марья Станиславовна.

— Да, я выпилъ, — произнесъ, глубоко вздохнувъ, Аггей Никитичъ:—но только не вина, а отравы.

— Отравы онъ выпилъ!.. Если ты это шутишь, такъ глупо такъ шутить: изволь сейчасъ же вставать, одѣнься и не говори больше нелѣпостей!

— По-вашему, я говорю глупости и нелѣпости! — сказалъ Аггей Никитичъ грустно-ироническимъ тономъ и не думая, повидимому, подняться съ постели. — Для меня это не новость; я знаю теперь, что вы давно считаете меня «смѣшнымъ дуракомъ».

Пани Вибель при этомъ вспыхнула и, окончательно разсердившись, воскликнула:

— Да ты хоть кому покажешься дуракомъ; выдумалъ что-то такое въ своей фантазіи и расписываетъ!.. Я его презираю; скажите, пожалуйста!

Марью Станиславовну больше всего обидѣли слова Аггея Никитича, что она его презираетъ.

«Такъ для чего же я съ нимъ сошлась?—пробѣжало въ ея маленькой головкѣ. — Не изъ-за денегъ же его!.. Я для него разъѣхалась съ мужемъ, надо мной вотъ тотъ же камеръ-юнкеръ и даже Рамзаевъ подсмѣиваются за мою любовь къ нему, а онъ ничего этого не понимаетъ и за какой-то вздоръ еще капризничаетъ!»

— Я очень хорошо догадываюсь, за что ты взбѣсился на меня: за то, что я немножко побольше поговорила съ камеръ-юнкеромъ.

Аггей Никитичъ при этомъ грустно и злобно усмѣхнулся.

— Нѣтъ, вы съ нимъ говорили немного,— сказалъ онъ:— но вы очень смѣялись, когда онъ васъ забавлялъ своими насмѣшками на мой счетъ.

Пани Вибель при этомъ ужъ нахмурилась и стремительно спросила:

— Но какъ же ты это знаешь?

— Я слышалъ вашъ разговоръ въ этой угольной комнатѣ въ Синьковѣ.

— О, ты поэтому подслушивалъ! Какъ это благородно! Но въ этомъ разговорѣ ничего особеннаго и не было; онъ болталъ разный вздоръ, и я дѣйствительно разсмѣялась... Что жъ тутъ такого важнаго?

— Какъ?—почти рявкнулъ на это Аггей Никитичъ, быстро поднимаясь съ дивана и сбрасывая съ него свои длинныя ноги. — Это не важность, когда вамъ говорятъ, что я ворую апельсины на балахъ, раздавливаю ихъ, и изъ-подъ меня течетъ?

— Онъ это не про тебя говорилъ, а про другихъ!—думала было немножко поувернуться пани Вибель.

— Нѣтъ-съ, про меня! — кричалъ Аггей Никитичъ, дрожа всѣмъ корпусомъ отъ начинавшаго его бить озноба.

— Но если и про тебя, опять это только глупо и смѣшно, не больше.

— Нѣтъ, это не смѣшно!—возразилъ ей грозно Аггей Никитичъ. — И что бы, вы думаете, сдѣлалъ я, когда бы мнѣ кто-нибудь сказалъ, что вы уродъ, что вы глупая и развратная женщина? Это вѣдь тоже была бы нелѣпость! Что же бы, я—сталъ надъ тѣмъ смѣяться?

— И ты бы разсмѣялся, если считаешь это неправдой.

— Ну, я не знаю, что тутъ считать правдой или неправдой, но я бы того человѣка вышвырнулъ въ окно, будь даже это женщина!

— Не могла же я, какъ ты, вышвырнуть въ окно камеръ-юнкера; къ тому же окно и закрыто было, — замѣтила насмѣшливо пани Вибель.

— Гдѣ вамъ вышвыривать его въ окно! Вы, напротивъ, упивались его пошлыми остротами на мой счетъ,—произнесъ Аггей Никитичъ и хлобыснулся снова на диванъ, такъ какъ лихорадочный припадокъ окончательно имъ овладѣлъ.

Будь пани Вибель нѣсколько поумнѣй и похитрѣй, ей стоило только прекратить этотъ разговоръ и признаться Аггею Никитичу, что она дѣйствительно дурно поступила, то, можетъ-быть, все бы кончилось благополучно; но, во-первыхъ, она нисколько не считала себя дурно поступившею, а напротивъ, въ намекахъ и колкостяхъ Аггея Никитича видѣла совершенно несправедливое оскорбленіе ея; сверхъ того, по темпераменту своему она была очень вспыльчива, такъ что, когда Аггей Никитичъ произнесъ фразу, что пани Вибель упивалась болтовней камеръ-юнкера, она встала съ кресла и съ тѣмъ гордымъ видомъ полки, каковой обнаружила при первомъ знакомствѣ своемъ съ откупщицей, произнесла:

— Вы, я вижу, порядочныхъ женщинъ не умѣете понимать, а потому я лучше уйду отъ васъ, и приходите ужъ вы ко мнѣ раскаяться, когда опомнитесь отъ вашего глупаго гнѣва!

— Мнѣ же раскаяться? Нѣтъ!— воскликнулъ Аггей Никитичъ.—«Довольно мнѣ предъ гордою полячкой унижаться!» — продекламировалъ онъ, перевравъ немного, изъ «Сцены у фонтана».

— Но гордая полячка тоже передъ вами не унизится! — воскликнула съ своей стороны пани Вибель и ушла.

Аггея Никитича долго еще билъ потомъ лихорадочный ознобъ; затѣмъ съ нимъ начался жаръ, и онъ впалъ въ безпамятство. Заѣхавшій къ нему поручикъ, чтобы узнать, что онъ предприметъ касательно дуэли, увидѣвъ Аггея Никитича въ совершенно безсознательномъ положеніи, поскакалъ позвать доктора; но тотъ былъ въ отъѣздѣ, почему поручикъ бросился къ аптекарю и, заставъ того еще не спавшимъ, объяснилъ ему, что доктора нѣтъ въ городѣ, а между тѣмъ исправникъ ихъ, господинъ Звѣревъ, находится въ отчаянномъ положеніи, и потому онъ проситъ господина аптекаря посѣтить больного. Поручикъ въ эти минуты совершенно забылъ, въ какихъ отношеніяхъ находился Аггей Никитичъ съ аптекаремъ; но сей послѣдній, получивъ такое приглашеніе, первоначально впалъ въ нѣкоторое размышленіе и въ довольно сильную борьбу съ самимъ собою, но въ концѣ концовъ гуманный масонъ восторжествовалъ въ немъ надъ оскорбленнымъ мужемъ.

— Извольте, я съ вами поѣду, хоть я не докторъ!—проговорилъ онъ.

Въ сущности же онъ былъ гораздо болѣе искусный докторъ, чѣмъ городовой врачъ изъ семинаристовъ, умѣвшій только напиваться и брать взятки на рекрутскихъ наборахъ.

Входя въ домъ Аггея Никитича, почтенный аптекарь не совсѣмъ покойнымъ взоромъ осматривалъ комнаты; онъ, кажется, боялся встрѣтить тутъ жену свою; но, впрочемъ, увидѣвъ больного дѣйствительно въ опасномъ положеніи, онъ забылъ все и исключительно предался заботамъ врача; обложивъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ громадную фигуру Аггея Никитича горчичниками, онъ съѣздилъ въ аптеку, привезъ оттуда нужныя лѣкарства и такимъ образомъ просидѣлъ вмѣстѣ съ поручикомъ у больного до самаго утра, когда тотъ началъ нѣсколько посвободнѣе дышать и, повидимому, заснулъ довольно спокойнымъ сномъ. Уѣхавъ затѣмъ съ поручикомъ, онъ сказалъ, что въ двѣнадцать часовъ снова будетъ у больного, вслѣдствіе чего поручикъ тоже еще съ ранняго утра явился къ Аггею Никитичу, который уже проснулся, и прямо, не подумавъ, бухнулъ ему, что онъ привозилъ къ нему не доктора, а аптекаря. Аггея Никитича при этомъ передернуло всего.

— И онъ поѣхалъ съ вами?

— Поѣхалъ, и потомъ еще самъ ѣздилъ въ аптеку свою за лѣкарствами для васъ.

Аггей Никитичъ понялъ суть дѣла, и поступокъ гуманнаго масона такъ поразилъ его, что у него слезы выступили на глазахъ, что повторилось еще въ большей степени, когда гуманный масонъ въ двѣнадцать часовъ пріѣхалъ къ нему. Аггею Никитичу было стыдно и совѣстно противъ старика, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ возродилось сильное желаніе снова приступить къ масонскому образованію себя.

Въ маленькомъ городкѣ между тѣмъ всѣ стали толковать о случившемся въ Синьковѣ и о послѣдствіяхъ того. Первый поручикъ сталъ встрѣчному и поперечному разсказывать, что Аггей Никитичъ черезъ посредство его вызывалъ камеръ-юнкера на дуэль за то, что тотъ оскорбилъ честь карабинерныхъ офицеровъ; откупщикъ же въ этомъ случаѣ не соглашался съ нимъ и утверждалъ, что Аггей Никитичъ сдѣлалъ это изъ ревности, такъ какъ пани Вибель позволила себѣ въ Синьковѣ обращаться съ камеръ-юнкеромъ до такой степени вольно, что можно было подумать все. Наконецъ поручикъ разгласилъ о томъ, что Аггей Никитичъ лежитъ въ горячкѣ, и что его лѣчитъ не докторъ, а аптекарь, его злѣйшій бы, кажется, врагъ. Все это дошло, конечно, до Екатерины Петровны, которая, узнавъ о болѣзни Аггея Никитича, встревожилась до

такой степени, что, забывъ строгость уѣздныхъ приличій, вдругъ пріѣхала навѣстить его, и хотя не была имъ принята, но черезъ три дня снова посѣтила Аггея Никитича, при чемъ горничная Агаша, по приказанію барина, объявила ей, что Аггей Никитичъ никого изъ дамъ не принимаетъ и принимать не будетъ, каковой отвѣтъ крайне обидѣлъ и огорчилъ Екатерину Петровну. Немало также ставило втупикъ и откупщицу все, что она слышала объ Аггеѣ Никитичѣ и пани Вибель, тѣмъ болѣе, что она не вполнѣ вѣрила, чтобы у той было что-нибудь серьезное съ Аггеемъ Никитичемъ, и простодушно полагала, что Марья Станиславовна, какъ объяснила та ей, ѣхавъ съ нею въ возкѣ въ Синьково, разошлась съ мужемъ по нестерпимости характера его. Вмѣстѣ съ тѣмъ откупщицу удивляла Миропа Дмитріевна, которая, сколько уже времени уѣхавъ изъ ихъ города, строчки не написала ей, что казалось Аннѣ Прохоровнѣ просто неблагодарностью со стороны Миропы Дмитріевны. Чтобы хоть сколько-нибудь разгадать всю эту путаницу, откупщица вознамѣрилась съѣздить къ бѣдной пани Вибель, которую рѣшительно считала жертвою всякаго рода глупыхъ сплетенъ. Она застала Марью Станиславовну на себя непохожею и, какъ бы не зная ничего, спросила ее:

— Что такое съ вами? Васъ нигдѣ не видать! Вы или больны, или огорчены чѣмъ-нибудь?

— Нѣтъ,—отвѣчала-было сначала пани Вибель, но ее выдали навернувшіяся на глазахъ слезы.

— Однако, я вижу, вы плачете, моя милая! — продолжала откупщица голосомъ, полнымъ участія.

Пани Вибель молчала.

— Можетъ-быть, васъ безпокоятъ какія-нибудь новыя непріятности съ мужемъ?—присовокупила откупщица.

— Нисколько, и развѣ онъ смѣетъ дѣлать мнѣ непріятности!—возразила уже съ высокомѣріемъ пани Вибель.

— Ну такъ что же? — приставала къ ней откупщица.— Тутъ, я вамъ говорю, идутъ по городу такія розсказни!..

— Какія? — спросила стремительно и съ безпокойствомъ пани Вибель.

— Говорятъ, что изъ-за васъ, что ли, или за что другое произошла дуэль у Аггея Никитича съ камеръ-юнкеромъ.

— Это вздоръ! Никакой дуэли у нихъ не было, — отвергнула пани Вибель.

— Не было, потому что этотъ камеръ-юнкеришка струсилъ и бѣжалъ въ Москву.

— Онъ бѣжалъ въ Москву?—переспросила пани Вибель.

— Да,—подтвердила откупщица. — Ну, а это вы, конечно, знаете, что Аггей Никитичъ теперь опасно боленъ?

— Знаю, что боленъ, но вовсе не опасно.

— Какъ же этотъ дурачокъ, инвалидный поручикъ, у насъ въ домѣ разсказывалъ, что Аггей Никитичъ будто бы все время лежитъ въ безпамятствѣ, что его лѣчитъ вашъ мужъ и бываетъ у него по нѣсколько разъ въ день?

— Мой мужъ?.. Ха-ха-ха...—засмѣялась пани Вибель; она рѣшительно не повѣрила тому, что̀ слышала, и сказала откупщицѣ:—Это ужъ никакъ не можетъ быть!

— Не знаю, но говорятъ, что лѣчитъ,—повторила та: ей, конечно, хотѣлось бы разузнать еще многое отъ пани Вибель, но она не рѣшалась, видя, что Марья Станиславовна была очень разстроена, особенно послѣ того, какъ откупщица сказала ей, что Аггея Никитича лѣчитъ аптекарь, а потому она, нѣжнѣйшимъ образомъ распростившись съ пани Вибель, умоляла ее не скучать и пріѣзжать къ ней въ домъ для развлеченія, въ какое только угодно время, а главное, быть откровенной съ ней и не скрывать ничего.

— О, да, разумѣется!—говорила ей въ отвѣтъ Марья Станиславовна и, когда откупщица отъ нея убралась, она немедля же позвала къ себѣ свою наперсницу, Танюшу, и почти крикнула ей:

— Ты знаешь: Аггея Никитича, который, говорятъ, будто бы тамъ чѣмъ-то боленъ, лѣчитъ мой мужъ?!

— Нѣтъ, какъ это возможно!—усомнилась та.

— Возможно, говорятъ; поди сейчасъ же къ прислугѣ Аггея Никитича! Мнѣ теперь, значитъ, и появиться къ нему нельзя, потому что я могу встрѣтиться съ мужемъ. Поди, узнай, правда ли это?

Танюша, обезпокоенная такой новостью почти не менѣе госпожи своей, очень проворно сбѣгала и донесла, что Аггея Никитича въ самомъ дѣлѣ лѣчитъ Генрихъ Ѳедорычъ и что даже теперь сидитъ у него и читаетъ ему какую-то книгу.

Аптекарь дѣйствительно, услыхавъ отъ Аггея Никитича желаніе снова предаться изученію масонства, принялся, не обращаясь особенно къ медицинскимъ пособіямъ, врачевать своего больного масонскими поученіями.

Это событіе, подтвержденное Танюшей, не столько огорчило пани Вибель, сколько взбѣсило ее.

«О, вотъ что̀ вы изволите продѣлывать, господинъ Звѣревъ! Значитъ, вамъ было дорого масонство, но не я, и меня вы только взяли на минутное развлеченіе, а что главнымъ образомъ вамъ хочется быть такимъ же дуракомъ, какъ и су-

пругъ мой... Ну, хорошо, наслаждайтесь этимъ!» — рѣшила мысленно пани Вибель и, одѣвшись въ одно изъ самыхъ изящныхъ платьевъ своихъ, поѣхала къ откупщицѣ, и, конечно, не ради криворожей госпожи Рамзаевой, а для ея супруга, которому пани Вибель задумала свертѣть голову.

Откупщицу она нашла до такой степени страдающей отъ своего флюса, что та почти ничего не понимала и не видѣла, что̀ вокругъ нея происходитъ, чѣмъ воспользовавшись, пани Вибель все время разговаривала съ m-r Рамзаевымъ, кидая при этомъ на него довольно знаменательные и вызывающіе взгляды.

X.

Всѣ люди, какъ извѣстно, старѣясь, дѣлаются болѣе и болѣе рабами своихъ главныхъ прирожденныхъ инстинктовъ. Прирожденный же Миропѣ Дмитріевнѣ инстинктъ состоялъ въ жаждѣ пріобрѣтенія имущественныхъ благъ (авторъ подозрѣваетъ, что Миропа Дмитріевна, по своему отдаленному происхожденію, врядъ ли была не изъ жидовокъ). Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ она думала, что жить и не наживаться — это прозябаніе, а не жизнь. Въ силу такого мнѣнія Миропа Дмитріевна, по выходѣ замужъ за Зудченко, а также бывши вдовою, каждый годъ что-нибудь пріобрѣтала, и только сдѣлавшись женою безалабернаго Звѣрева, Миропа Дмитріевна какъ бы утратила эту способность и стала даже почти проживаться, такъ какъ, въ чаяніи большихъ выгодъ отъ почтамтской службы мужа, она много истратилась на переѣздъ изъ Москвы въ губернію, а въ результатѣ этой службы, какъ мы знаемъ, получила шишъ. Затѣмъ новый переѣздъ изъ губернскаго города въ уѣздный тоже повлекъ расходъ. Наконецъ это скрытное вытягиванье денегъ отъ Рамзаева, отказъ того взять ее въ часть по откупу до того утомили и истерзали практическую душу Миропы Дмитріевны, что она, послѣ долгихъ безсонныхъ ночей и обдумываній, составила себѣ твердый планъ разстаться съ своимъ супругомъ, въ которомъ ничего не находила лестнаго и пріятнаго для себя. Ради этой цѣли она объявила Аггею Никитичу, что поѣдетъ въ Малороссію продать тамъ свое заглазное имѣнье, откуда переправится въ Москву, чтобы и тамъ тоже продать свой домишко на Гороховомъ полѣ, начинавшій приходить въ окончательную ветхость. Аггей Никитичъ втайнѣ исполнился восторгомъ отъ такого намѣренія Миропы Дмитріевны, но не показалъ ей того. Такимъ образомъ супруги по наружности

разстались довольно мирно, но тѣмъ не менѣе переписываться между собой они почти не переписывались, и тѣмъ временемъ, какъ Аггей Никитичъ куролесилъ съ пани Вибель и съ камеръ-юнкеромъ, Миропа Дмитріевна окончила съ успѣхомъ свои продажи и, поселившись окончательно въ Москвѣ, вознамѣрилась заняться ростовщичествомъ, въ коемъ она еще прежде практиковалась, ссужая карабинерныхъ офицеровъ небольшими суммами за большіе проценты. Въ настоящее время она предполагала развить это дѣло на болѣе серьезную и широкую руку, и сначала оно пошло у нея очень недурно: во-первыхъ, Миропа Дмитріевна недополучила съ лица, купившаго у нея домъ, двухъ тысячъ рублей и оставила ему эту сумму за двадцать процентовъ въ годъ подъ закладную на самый домъ, и послѣ того ей открылась весьма крупная и выгодная операція, которой предшествовала маленькая сцена въ кофейной Печкина, каковую мнѣ необходимо для ясности разсказа описать.

Въ одинъ изъ вечеровъ въ бильярдной кофейной сидѣли актеръ Максинька и камеръ-юнкеръ; оба они, видимо, заняты были весьма серьезнымъ разговоромъ.

— Вы говорите, что это одна дама отдаетъ деньги подъ проценты?—спрашивалъ камеръ-юнкеръ.

— Дама; вотъ тутъ въ кофейной офицеръ сказывалъ объ этомъ магистратскому секретарю, котораго теперь выгнали изъ службы, и онъ все нюхаетъ, гдѣ бы ему занять,—объяснилъ важнымъ тономъ Максинька.

— А фамилію и адресъ этой дамы вы знаете?—продолжалъ разспрашивать камеръ-юнкеръ.

— Знаю и думаю тоже направить къ ней лыжи; говорятъ, она дама очень обходительная.

— Отправимтесь вмѣстѣ; можетъ-быть, заведемъ съ ней очень пріятное знакомство.

— Еще бы не пріятное! — подхватилъ Максинька и захохоталъ.

Условившись такимъ образомъ, они на другой же день поѣхали въ нанятой для большаго шика камеръ-юнкеромъ коляскѣ къ дамѣ, дающей деньги подъ проценты, при чемъ оказалось, что Максинька зналъ только, что эта дама живетъ на Гороховомъ Полѣ въ домѣ, бывшемъ госпожи Зудченко; но для смѣтливаго камеръ-юнкера этого было достаточно. Пріѣхавъ на Гороховое Поле, онъ очень скоро отыскалъ бывшій домъ госпожи Зудченко и въ немъ обрѣлъ нужную ему даму: въ особѣ Миропы Дмитріевны. Камеръ-юнкеръ сначала не взялъ съ собою Максиньки, а велѣлъ ему остаться въ эки-

пажѣ. Максинька безпрекословно покорился такому приказанію и очень былъ доволенъ тѣмъ, что сидѣть въ коляскѣ, и что всѣ проходящіе взглядываютъ на него съ нѣкоторой аттенціей.

Войдя въ квартиру Миропы Дмитріевны, камеръ-юнкеръ велѣлъ доложить о себѣ, съ подробнымъ изложеніемъ всего своего титула, который однако вовсе не удивилъ и не поразилъ Миропы Дмитріевны, такъ какъ она заранѣе ожидала, что ее будутъ посѣщать разные важные господа; камеръ-юнкеръ началъ разговоръ свой съ нею извиненіями.

— Pardon, madame, что я, не будучи вамъ знакомъ, позволяю себѣ безпокоить васъ!—произнесъ онъ.

— Это ничего!—отвѣчала Мирона Дмитріевна съ замѣтной важностью и вмѣстѣ съ тѣмъ благосклонно.

— Я слышалъ,—продолжалъ камеръ-юнкеръ: — что вы, по добротѣ вашей, ссужаете деньгами людей, которые желаютъ занять ихъ.

— Да, это правда,—не отвергнула Мирона Дмитріевна: — но прежде всего мнѣ желательно вамъ сказать, что я хоть и женщина, но привыкла дѣлать эти дѣла аккуратно и осмотрительно, а потому даю деньги подъ крѣпостныя заемныя письма, проценты обыкновенно беру впередъ и, въ случаѣ неуплаты въ срокъ капитала, немедленно подаю ко взысканію, и тутъ ужъ мой должникъ меня не упроситъ никакими отговорками и извиненіями!

— Вы отлично дѣлаете,—похвалилъ ее камеръ-юнкеръ:—и это показываетъ только, что вы умная женщина; но какъ великъ вашъ процентъ?

— Двадцать пять копеекъ съ рубля въ годъ! — объявила Мирона Дмитріевна.

— Процентъ почти обыкновенный, — отозвался камеръ-юнкеръ, слегка, впрочемъ, пожавъ плечами: — и я согласенъ платить такой.

— Позвольте-съ, это еще не все,—остановила его Мирона Дмитріевна.—Я всегда требую, чтобы былъ поручитель.

Послѣднее условіе, повидимому, сильно смутило камеръ-юнкера.

— Вы поручителя желаете?—переспросилъ онъ.

— Да,—отвѣчала Мирона Дмитріевна.

Камеръ-юнкеръ нѣкоторое время какъ бы придумывалъ.

— Конечно,—началъ онъ:—я могъ бы найти поручителя, но тутъ вотъ какое обстоятельство замѣшалось: заемъ этотъ я дѣлаю собственно для женитьбы на очень богатой невѣстѣ, и просить кого-нибудь въ поручители изъ нашего круга—зна-

чить непремѣнно огласить, что я дѣлаю свадьбу на заемныя деньги; но это можетъ обезпокоить невѣсту и родителей ея, а потому понимаете?..

— Понимаю, только у меня правило не давать безъ поручительства никому, — произнесла совершенно безстрастнымъ голосомъ Мирона Дмитріевна.

— Правило ужасное!—сказалъ окончательно растерявшійся камеръ-юнкеръ. — Впрочемъ, что жъ я, и забылъ совсѣмъ; я сейчасъ же могу вамъ представить поручителя!—воскликнулъ онъ, какъ бы мгновенно оживившись, послѣ чего, побѣжавъ на улицу къ Максинькѣ, разсказалъ ему все, и сей благородный другъ ни минуты не колебался самъ предложить себя въ поручители. Пожавъ ему руку съ чувствомъ благодарности, камеръ-юнкеръ ввелъ его къ Миропѣ Дмитріевнѣ.

— Это одинъ изъ нашихъ даровитѣйшихъ артистовъ, и онъ готовъ быть моимъ поручителемъ,—объяснилъ онъ той.

— Но какую вамъ сумму угодно занять у меня?—спросила Мирона Дмитріевна камеръ-юнкера.

— Пятнадцать тысячъ!—хватилъ онъ.

Мирона Дмитріевна почти испугалась, услыхавъ такую громадную сумму.

— Эта сумма очень большая!—проговорила она.

— Но чѣмъ больше она, тѣмъ выгоднѣе для васъ, потому что я буду платить вамъ двадцать пять процентовъ, — убѣждалъ ее камеръ-юнкеръ.

— Вѣдь это вы, m-me Зудченко, въ одинъ годъ наживете три тысячи семьсотъ пятьдесятъ рублей; это жалованье Павла Степаныча Мочалова,—убѣждалъ ее съ своей стороны Максинька.

— Я не знаю, сколько тамъ вашъ Павелъ Степанычъ получаетъ,—отвѣтила ему только что не съ презрѣніемъ Мирона Дмитріевна:—но тутъ кто же мнѣ поручится, что господинъ камеръ-юнкеръ не умретъ?

— Я ручаюсь; а если онъ умретъ, такъ я заплачу за него или отецъ его!—возразилъ ей Максинька.

— Отецъ за меня заплатитъ!—подхватилъ камеръ-юнкеръ, хоть у него никакого отца не было.

— Отцы рѣдко платятъ!—не согласилась съ нимъ Мирона Дмитріевна.—Но даже если бы я и знала вашего отца, все-таки такую сумму не могу иначе довѣрить, какъ подъ закладъ чего-нибудь движимаго или недвижимаго.

Максинька и камеръ-юнкеръ переглянулись между собой.

— Но какую же сумму,—спросилъ послѣдній:—вы рѣшились бы дать мнѣ подъ заемное письмо?

Миропа Дмитріевна впала въ нерѣшительность: назначить маленькую сумму было невыгодно, а большую—опасно, и потому, прежде чѣмъ объявить опредѣленный отвѣтъ, она хотѣла еще кое-что разузнать, и безъ всякой церемоніи спросила камеръ-юнкера:

— Вы настоящій камеръ-юнкеръ или вымышленный?

— Настоящій!—отвѣтилъ ей тотъ, вовсе, кажется, не обидѣвшись такимъ вопросомъ.

— Но какъ же я могу удостовѣриться въ томъ?—допытывалась Миропа Дмитріевна.

— Спросите въ мѣстѣ моего служенія!—объяснилъ камеръ-юнкеръ и подалъ ей свою карточку, на которой значилось мѣсто его служенія.

— Да, это мнѣ необходимо сдѣлать, а то, вы знаете, занимая деньги, часто называютъ себя генералами, сенаторами и камергерами.

— Знаю это я, — воскликнулъ камеръ-юнкеръ: — и даже самъ прошу васъ справиться и убѣдиться, что я не лжецаревичъ!

— Хотя называться лжецаревичемъ очень опасно!—замѣтила ему Миропа Дмитріевна.

— Вѣроятно!—согласился камеръ-юнкеръ.

— Очень опасно,—повторила Миропа Дмитріевна:—потому что тогда васъ по моему иску посадятъ не въ долговое отдѣленіе, а въ тюрьму!

— Ну, меня не посадятъ ни въ долговое ни въ тюрьму!—отвѣчалъ на это камеръ-юнкеръ и засмѣялся.

Засмѣялся также и Максинька и подтвердилъ:

— Въ тюрьму его не посадятъ.

— Я тоже не думаю того,—согласилась Миропа Дмитріевна.

— Итакъ, — заключилъ камеръ-юнкеръ: — когда же мнѣ можно явиться къ вамъ за деньгами?

— Послѣзавтра; завтра я соображу, а послѣзавтра вы пріѣзжайте ко мнѣ, и мы отправимся въ гражданскую палату.

— Но все-таки я не знаю, велика ли будетъ сумма, которою вы одолжите меня?—хотѣлъ-было добиться отъ нея камеръ-юнкеръ.

— И это я могу вамъ сказать не раньше, какъ послѣзавтра.

— Ну-съ, буду ждать этого блаженнаго послѣзавтра!—проговорилъ камеръ-юнкеръ и, поцѣловавъ у Миропы Дмитріевны ручку, отправился съ своимъ другомъ въ кофейную, гдѣ въ изъявленіе своей благодарности угостилъ своего поручителя отличнымъ завтракомъ, каковой Максинька съѣлъ съ аппети-

томъ голоднаго волка. Мирона же Дмитріевна, какъ сказала, такъ и сдѣлала: въ то же утро она справилась въ мѣстѣ служенія камеръ-юнкера, гдѣ ей подтвердили, что онъ дѣйствительно тутъ служитъ и что даже представленъ въ камергеры.

— А состояніе у него есть или нѣтъ?—захотѣла узнать затѣмъ Мирона Дмитріевна.

— О состояніи вы можете справиться въ первомъ отдѣленіи,—объяснили ей, указавъ на слѣдующую комнату.

Мирона Дмитріевна перешла въ первое отдѣленіе и тамъ собственными глазами прочла въ формулярномъ спискѣ камеръ-юнкера, что за нимъ числится триста душъ, которыя у него дѣйствительно когда-то были, но онъ ихъ давнымъ-давно продалъ и только не находилъ нужнымъ дѣлать о томъ отмѣтку въ своемъ формулярѣ.

Успокоенная сими точными свѣдѣніями, Мирона Дмитріевна рѣшилась повѣрить камеръ-юнкеру десять тысячъ, о чемъ и объявила ему, когда онъ пріѣхалъ къ ней вмѣстѣ съ Максинькой, и таковымъ рѣшеніемъ обрадовала ихъ несказанно, такъ какъ они, кажется, никакъ не ожидали выцарапать у Мироны Дмитріевны столь крупную цифру. Въ гражданской палатѣ, когда стали писать заемное письмо, то Мирона Дмитріевна должна была назвать свою фамилію, услыхавъ которую, камеръ-юнкеръ точно какъ бы встрепенулся.

— А не родственница ли вы одному исправнику, Звѣреву, съ которомъ я познакомился въ уѣздномъ городѣ?—спросилъ онъ.

Мирона Дмитріевна по совершенно непонятному предчувствію не захотѣла себя назвать женою этого исправника и сказала только:

— Нѣтъ, это однофамилецъ мой! Его, кажется, зовутъ Аггей Никитичъ?

— Кажется, такъ; помню только, что у него какое-то дурацкое имя,—говорилъ камеръ-юнкеръ:—и между тѣмъ онъ въ этомъ городишкѣ разыгрываетъ роль какого-то льва... Плѣнилъ жену аптекаря, увезъ ее отъ мужа и живетъ съ ней...

При этомъ извѣстіи Мирона Дмитріевна не совладѣла съ собой и вся вспыхнула.

— Вы говорите, онъ живетъ съ аптекаршей?—спросила она.

— Живетъ и почти явно это дѣлаетъ; сверхъ того, чудитъ еще чортъ знаетъ что, ревнуетъ ее ко всѣмъ, вызываетъ на дуэль...—говорилъ камеръ-юнкеръ; но такъ такъ въ это время было окончательно изготовлено заемное письмо и его слѣдовало вручить Миронѣ Дмитріевнѣ, а она, съ своей стороны, должна была отсчитать десять тысячъ камеръ-юнкеру, то обрядъ этотъ прекратилъ разговоръ объ Аггеѣ Никитичѣ.

Для Миропы Дмитріевны, впрочемъ, было совершенно достаточно того, что она услыхала. Возвратясь домой съ физіономіей фуріи, Мирона Дмитріевна, не откладывая времени, написала своему супругу хорошенькое письмецо, въ коемъ изъяснила:

«Я всегда считала тебя олухомъ съ тѣхъ поръ, какъ съ глазъ моихъ спала повязка, по выходѣ моемъ за тебя замужъ... (Тутъ бы собственно Миропѣ Дмитріевнѣ слѣдовало сказать: съ тѣхъ поръ, какъ ты не захотѣлъ на службѣ брать взятки). Но теперь я вижу, что, кромѣ того, ты человѣкъ самой низкой души, ты обманщикъ, притворщикъ и развратникъ. Какъ ты смѣлъ позволить себѣ черезъ какіе-нибудь два-три дома отъ насъ завести себѣ любовницу, эту потаскушку-аптекаршу? Неужели ты думалъ, что я никогда этого не узнаю, или, когда узнаю, то позволю тебѣ это дѣлать? Изъ какихъ благополучій?—интересно знать! Что ты, прелестнымъ бракомъ твоимъ со мной наградилъ меня титулами, чинами, почестями, богатствомъ? Кажется, этого нѣтъ, а только унизилъ меня: изъ полковницы я сдѣлалась майоршей и проживала на тебя деньги мои. Всякая дура, баба деревенская, не станетъ этого терпѣть, и потому я не хочу съ тобой больше жить. Чортъ съ тобой; не смѣй писать мнѣ ни являться ко мнѣ, чему ты, конечно, будешь очень радъ, находясь, вѣроятно, цѣлые дни въ объятіяхъ твоей мерзавки!

«Остаюсь ненавидящая и презирающая тебя

«Мирона Зудченко».

Аггей Никитичъ предъ тѣмъ, какъ получить ему такое грозное посланіе, продолжалъ снова все болѣе и болѣе входить въ интересъ масонства, которое съ прежнимъ увлеченіемъ преподавалъ ему каждый вечеръ почтенный аптекарь, и вотъ въ одинъ изъ таковыхъ вечеровъ Вибель читалъ своему неофиту рукописную тетрадку, предувѣдомивъ его, что это—извлеченіе изъ сборника, принадлежавшаго нѣкоему ученому послѣдователю Новикова.

— «Мнѣнія о высшихъ цѣляхъ нашего ордена,—возглашалъ Вибель, закрывая глаза: — столь разнообразны, что описать оныя во всѣхъ ихъ оттѣнкахъ такъ же трудно, какъ многоразличную зелень полей, луговъ и лѣсовъ, когда лѣтній вѣтеръ навѣваетъ на нихъ тѣни облаковъ. Нѣкоторые думаютъ, что цѣли сіи состоятъ въ томъ, чтобы дѣлать людей болѣе добродѣтельными посредствомъ ожиданій, напрягающихъ и возвышающихъ нашу душу, посредствомъ братской помощи и общественной радости, и такимъ образомъ мало-по-малу соединить людей достойныхъ въ всеобщій союзъ, который не

только бы укрѣплялъ каждаго особенно, но служилъ бы и къ тому, чтобы соединенными силами увлекать даже тѣхъ, кои безъ энтузіастическихъ видовъ не взяли бы въ томъ участія».

На этихъ словахъ Вибель пріостановился и, проговоривъ наскоро отъ себя:—Съ этимъ мнѣніемъ я болѣе чѣмъ съ какимъ-нибудь согласенъ!—продолжалъ дальше читать:

— «Другіе думаютъ, что сіе, конечно, составляетъ одну изъ цѣлей, при которой бо́льшая часть братій остается, да сія жъ внутренняя работа есть и необходимое средство къ полученію *бо́льшаго*. Но что́ же сіе *бо́льшее*? Оно есть испытаніе натуры вещей и чрезъ то пріобрѣтеніе себѣ силы и власти къ моральному исправленію людей, власти къ познанію обновленія нашего тѣла, къ превращенію металловъ и къ проявленію невидимаго божественнаго царства. Нѣкоторые думаютъ, что сіе есть, конечно, то богатство, которое приходитъ къ намъ съ премудростью, но что цѣль есть собственно сама премудрость, соединенная съ Божествомъ. Иные почитаютъ такую цѣль за мечту и невозможность и думаютъ, что распространеніе человѣколюбія, нравственности и общественности, радостное, мудрое наслажденіе жизнью и спокойное ожиданіе смерти есть истинная и удобная для достиженія цѣль. Мораль и религія стараются сіе произвести средствами важными, а орденъ нашъ — подъ завѣсомъ удовольственныхъ занятій. Вообще мнѣніе братьевъ различествуетъ въ томъ, что одни почитаютъ сію цѣль *преданіемъ уже пріобрѣтенной мудрости*, сообщенной даромъ Провидѣнія высшимъ главамъ ордена, для принятія коего, конечно, надлежитъ имъ работать. Другіе же принимаютъ цѣль ордена за *несовершившееся еще намѣреніе*, но къ совершенію коего ведетъ работа по предписанію ордена, и что она можетъ-быть, весьма рѣдко здѣсь на землѣ и познается; но когда настанетъ время зрѣлости, она явится и до какой степени возсіяетъ — опредѣлить нельзя, да и не нужно: самое блистательнѣйшее не кажется невозможнымъ! Довольно, что всѣ вообще признаютъ цѣлью приближеніе человѣка къ нѣкоторому образу совершенства, не говоря, есть ли то состояніе первозданной славы и невинности, или преобразованіе по Христу, или тысячелѣтнее царствіе, или глубоко добродѣтельная, радостная мудрость, въ семъ ли мірѣ то совершится, или по ту сторону гроба, но токмо каждый стремится къ совершенству, какъ умѣетъ, по любезнѣйшему образу своего воображенія, и *мудрѣйшій не смѣется ни надъ однимъ изъ нихъ, хотъ иногда и всѣ заставляютъ его улыбаться*, ибо въ мозгу человѣческомъ ко всякому нѣчто примѣшивалось».

Изъ всего этого чтенія аптекаря Аггей Никитичъ уразумѣлъ,

что цѣль каждаго человѣка—совершенствоваться и вслѣдствіе того дѣлаться счастливымъ. «Но совершенствуюсь ли я хоть сколько-нибудь?—задалъ онъ себѣ вопросъ.—Казалось бы, что такъ: тѣло мое, за которое укорялъ меня Егоръ Егорычъ, изнурено болѣзнью и горестями; страстей теперь я не имѣю никакихъ; злобы тоже ни противъ кого не питаю, но чувствую ли я хоть маленькое счастье въ чемъ-нибудь? — Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!—отвѣтилъ себѣ троекратно Аггей Никитичъ.—А между тѣмъ хоть масоны, можетъ-быть, эту земную любовь считаютъ грѣхомъ, но должно сознаться, что я былъ только совершенно счастливъ, когда наслаждался полной любовью пани Вибель; вотъ бы тутъ надо спросить господъ масоновъ, какъ бы они объяснили мнѣ это?»

При такого рода размышленіяхъ Аггею Никитичу подали письмо Миропы Дмитріевны, прочитавъ которое, онъ прежде всего выразилъ въ лицѣ своемъ презрѣніе, а потомъ разорвалъ письмо на мелкіе клочки и бросилъ ихъ на полъ. Старикъ Вибель замѣтилъ это и, какъ человѣкъ деликатный, не спросилъ, разумѣется, Аггея Никитича, что такое его встревожило, а прервалъ лишь свое чтеніе и сказалъ:

— Если вамъ что-либо показалось неяснымъ, то послѣзавтра, будучи у васъ, я все вамъ разъясню.

Аггей Никитичъ крѣпкимъ пожатіемъ поблагодарилъ его за такое намѣреніе, и когда Вибель ушелъ отъ него, то въ головѣ моего безумнаго романтика появилась цѣлая вереница новыхъ мыслей, выводовъ и желаній. «Итакъ, я сталъ свободенъ,—думалъ онъ:—но зачѣмъ же мнѣ эта свобода? При другихъ обстоятельствахъ я всю бы жизнь, конечно, отдалъ пани Вибель, но теперь...» О, какъ проклиналъ себя Аггей Никитичъ за свою глупую исторію въ Синьковѣ съ камеръ-юнкеромъ, за свою непристойную выходку противъ пани Вибель, даже за свое возобновленіе знакомства съ добрѣйшимъ аптекаремъ, и въ головѣ его возникло намѣреніе опять сойтись съ пани Вибель, сказать ей, что онъ свободенъ, и умолять ее, чтобы она ему все простила, а затѣмъ, не разсуждая больше ни о чемъ, Аггей Никитичъ не далѣе какъ черезъ день отправился на квартиру пани Вибель, но, къ ужасу своему, еще подходя, онъ увидѣлъ, что ставни квартиры пани Вибель были затворены. Аггей Никитичъ порывисто отмахнулъ калитку у воротъ и вошелъ на дворъ домика, на которомъ увидѣлъ сидѣвшую на прилавкѣ просвирню и кормившую кашей сбѣгавшихся къ ней со всѣхъ сторонъ крошечныхъ куриныхъ цыплятъ.

— А Марья Станиславовна гдѣ?—спросилъ онъ ее.

— Она еще въ прошломъ мѣсяцѣ уѣхала съ нашимъ откупщикомъ въ ихъ имѣнье и будетъ гостить у нихъ все лѣто.

— Квартиру же эту она за собой оставила?

— Ничего не сказала, и я вотъ не знаю, отдавать ли ее или нѣтъ?

— Да вы бы написали Марьѣ Станиславовнѣ,—посовѣтовалъ Аггей Никитичъ немного дрожащимъ голосомъ.

— Писала ужъ, но она не отвѣчаетъ, и я хотѣла-было къ вамъ итти, попросить васъ: не напишите ли вы ей; тогда тоже вы вмѣстѣ съ ней нанимали квартиру.

— Я не могу ей писать, я больше не въ перепискѣ съ Марьей Станиславовной, — объяснилъ Аггей Никитичъ, покраснѣвъ.

— Слышали мы это! — произнесла просвирня печальнымъ тономъ:—вѣтреная женщина, больше ничего! Уѣзжая, всѣмъ говорила, что ее приглашаетъ Анна Прохоровна, а прислуга откупщицкая смѣется и разсказываетъ, что ее увезъ съ собой самъ откупщикъ; ну, а онъ тоже, всѣмъ извѣстно, какой насчетъ этого скверный!

Аггей Никитичъ, еще болѣе покраснѣвъ, прекратилъ разговоръ съ глупой просвирней и пошелъ домой, унося въ душѣ новыя подозрѣнія насчетъ пани Вибель. «Уѣхать гостить, и къ кому же? Къ человѣку, котораго она сама называла дуракомъ!.. Впрочемъ, что же! Она и меня, вѣроятно, считала дуракомъ: однако это не помѣшало ей отвѣчать на мою любовь... Очень ужъ она охотница большая до любви!» — заключилъ Аггей Никитичъ въ мысляхъ своихъ съ совершенно несвойственною ему ядовитостью и вмѣстѣ съ тѣмъ касательно самого себя дошелъ до отчаяннаго убѣжденія, что для него все теперь въ жизни погибло, о чемъ рѣшился сказать аптекарю, который аккуратнѣйшимъ образомъ пришелъ къ нему въ назначенное время и, замѣтивъ, что Аггей Никитичъ былъ съ какимъ-то перекошеннымъ, печальнымъ и почти зеленымъ лицомъ, спросилъ его:

— Вы опять себя дурно чувствуете?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Аггей Никитичъ:—я много думалъ о самомъ себѣ и о своемъ положеніи и рѣшился итти въ монастырь.

Нѣмецъ при этомъ широко раскрылъ глаза свои.

— Въ какой? — сказалъ онъ.

— Я пойду тамъ въ какой-нибудь, — проговорилъ мрачно Аггей Никитичъ.

— Но зачѣмъ же именно въ монастырь?—замѣтилъ Вибель.

— Для успокоенія души моей!—объяснилъ Аггей Никитичъ.

Что-то въ родѣ усмѣшки появилось на губахъ Вибеля.

— Монастырь какъ я думаю, есть смущеніе души, а не успокоеніе, — опредѣлилъ онъ.

— Но куда жъ мнѣ наконецъ бѣжать отъ самого себя?— воскликнулъ Аггей Никитичъ съ ожесточеніемъ. — Служить я тутъ не могу и жить въ здѣшнемъ городѣ тоже; куда жъ уйду и гдѣ спрячусь?

— Спрячьтесь въ масонство и продолжайте итти по этому пути! — посовѣтовалъ ему Вибель.

— Этимъ путемъ я неспособенъ итти!.. Если бы для масонства нужно было выйти въ бранное поле, я бы вышелъ первый и показалъ бы себя, а что иное я могу дѣлать?

Вибель потеръ себѣ лобъ рукою.

— Вотъ что пришло мнѣ въ голову!—началъ онъ.—Если бы вы дополнили нѣсколько ваше масонское воспитаніе.

— Для чего? — спросилъ сурово Аггей Никитичъ.

— Для того,—продолжалъ Вибель неторопливо:—что, какъ извѣстно мнѣ отъ достовѣрныхъ людей, въ Петербургѣ предполагается правительствомъ составить миссію для распространенія православія между иновѣрцами, и у меня есть связь съ лицомъ, отъ котораго зависитъ назначеніе въ эту комиссію. Хотите, я готовъ васъ рекомендовать въ оную.

— Но какъ же я стану распространять православіе, когда самъ его не знаю?—возразилъ Аггей Никитичъ.

Тутъ лицо Вибеля сдѣлалось строгимъ и повелительнымъ.

— Вы не православіе должны распространять, а масонство!—проговорилъ онъ.

Точно бы свѣтлый лучъ какой освѣтилъ лицо Аггея Никитича.

— Нѣтъ сомнѣнія, что я готовъ; но не знаю, совладѣю ли съ этимъ, — произнесъ онъ.

— Отчего жъ вамъ не совладѣть? — возразилъ Вибель. — Если даже вы совершенно неопытны въ дѣлѣ миссіонерства, то мы станемъ снабжать васъ въ нашихъ письмахъ совѣтами, сообразно тому, какъ вы будете описывать намъ вашу дѣятельность, а равно и то, что вамъ представится посреди иновѣрцевъ.

— Буду все описывать-съ и исполнять всѣ ваши приказанія!—проговорилъ Аггей Никитичъ, дѣйствительно готовый все исполнять, лишь бы ему спастись отъ службы и, главное, отъ житья въ уѣздномъ городкѣ, гдѣ нѣкогда онъ былъ столь блаженъ и гдѣ теперь столь несчастливъ.

— Не позволите ли вы мнѣ написать о вашемъ предложеніи Егору Егорычу Марѳину и доктору Сверстову, мужу gnädige Frau? — спросилъ онъ.

— Непремѣнно напишите! — разрѣшилъ ему аптекарь.

Аггей Никитичъ, исполнившись надежды, что для него не все еще погибло, немедля же по уходѣ аптекаря написалъ письма къ Егору Егорычу и Сверстову, сущность которыхъ состояла въ томъ, что онъ передавалъ имъ о своемъ намѣреніи поступить въ миссіонеры аки бы для распространенія православія, но въ самомъ дѣлѣ для внушенія иновѣрцамъ масонства. Послѣднія слова Аггей Никитичъ въ обоихъ письмахъ подчеркнулъ. Отвѣтъ отъ Сверстова онъ очень скоро получилъ, въ коемъ тотъ писалъ ему: «Гряди, и я бы самъ пошелъ за тобой, но начинаю ужъ хворать и на прощанье хочу побранить тебя за то, что ты, по слухамъ, сильно сбрендилъ въ дѣлѣ Тулузова, который, говорятъ, теперь совершенно оправданъ, и это останется грѣхомъ на твоей душѣ». Аггей Никитичъ очень хорошо понималъ, что это былъ грѣхъ его, и ожидалъ отъ Егора Егорыча еще болѣе сильнаго выговора, но тотъ ему почему-то ничего не отвѣчалъ.

XI.

На Тверскомъ бульварѣ къ большому дому, заключавшему въ себѣ нѣсколько средней величины квартиръ, имѣвшихъ на петербургскій манеръ общую лѣстницу и даже швейцара при оной, или, точнѣе сказать, отставного унтеръ-офицера, разъ подошелъ господинъ весьма неприглядной наружности, одѣтый дурно, съ лицомъ опухшимъ. Отворивъ входную дверь сказаннаго дома, онъ проговорилъ охриплымъ голосомъ унтеръ-офицеру:

— Здѣсь господа Лябьевы живутъ?

— Здѣсь,—отвѣчалъ тотъ не очень доброхотно.

— Ты можешь имъ доложить обо мнѣ?—спросилъ прибывшій.

— Кто же вы такой?—спросилъ, въ свою очередь, унтеръ-офицеръ.

— Я Янгуржеевъ, пріятель господина Лябьева; поди доложи!—какъ бы уже приказалъ прибывшій.

Унтеръ-офицеръ, впрочемъ, прежде чѣмъ пойти докладывать, посмотрѣлъ на вѣшалку, стоявшую въ сѣняхъ, и, убѣдившись, что на ней ничего не висѣло, ушелъ и довольно долго не возвращался назадъ, а когда показался на лѣстницѣ, то еще съ верхней ступеньки ея крикнулъ Янгуржееву окончательно непривѣтливымъ голосомъ.

— Ихъ дома нѣтъ; Лябьевъ боленъ, не принимаетъ.

— Какъ боленъ и дома нѣтъ?—спросилъ-было Янгуржеевъ.

— Такъ, не велѣно васъ принимать, вотъ и все!—объяснилъ солдатъ, сойдя съ лѣстницы, и потомъ, отворивъ входную дверь,

указалъ движеніемъ руки господину Янгуржееву убиратьсл, откуда пришелъ.

— Отдай, по крайней мѣрѣ, Лябьеву письмо отъ меня!— снова полуприказалъ тотъ, подавая письмо, каковое солдатъ медлилъ принять отъ него.

— Да о чемъ вы пишете имъ?—сказалъ онъ.

— Это не твое дѣло, дуракъ этакій! Ты долженъ отдать,— вспылилъ Янгуржеевъ и, бросивъ письмо на прилавокъ, ушелъ.

— Еще ругается, пропоецъ этакій!.. Ну, приди ты у меня въ другой разъ, я-те спроважу въ полицію!—проговорилъ ему вслѣдъ солдатъ; письмо Янгуржеева, впрочемъ, онъ отдалъ Лябьевымъ, отъ которыхъ черезъ горничную получилъ новое приказаніе никогда не принимать Янгуржеева.

— Я его и не приму; видалъ я этакихъ оборванцевъ-то, немало ихъ спровадилъ,—объявилъ солдатъ.

Здѣсь считаю нелишнимъ сказать, что жизнь Лябьевыхъ въ ссылкѣ, въ маленькомъ сибирскомъ городкѣ, не только ихъ не сломила, а, напротивъ, какъ бы освѣжила и прибодрила. У Лябьева прежде всего окончательно пропала страсть къ картамъ, внушенная ему той развращенной средой, среди которой онъ съ молодыхъ лѣтъ пребывалъ, потомъ къ нему возвратились его художественныя наклонности. Онъ, безъ преувеличенія говоря, цѣлые дни проводилъ въ разнаго рода музыкальныхъ упражненіяхъ: переучилъ безъ всякой, разумѣется, платы всѣхъ молодыхъ уѣздныхъ барышень играть хоть сколько-нибудь сносно на фортепіано, самъ игралъ и творилъ. Муза Николаевна тоже снова пристрастилась къ музыкѣ, и, къ вящшему еще благополучію ея, у нея родился ребенокъ-сынъ, который не только что не умеръ, но былъ прездоровенькій и, какъ надо ожидать, должно-быть, будущій музыкантъ, потому что когда плакалъ, то стоило только заиграть на фортепіано, онъ сейчасъ же притихалъ и начиналъ прислушиваться. Дозволеніе возвратиться въ Москву Лябьевы приняли не съ особенной радостью и, пожалуй бы, даже не возвратились изъ Сибири, если бы не желали жить поближе къ Мароинымъ. Изъ всего этого можно понять, сколь непріятно было имъ посѣщеніе Янгуржеева; особенно оно болѣзненно подѣйствовало на Аркадія Михайлыча, такъ что онъ почти растерянымъ голосомъ спросилъ Музу Николаевну:

— Что мнѣ дѣлать съ этимъ мерзавцемъ?

Тутъ ужъ Муза Николаевна возстала со всей энергіей, насколько та ей была свойственна.

— Дѣлать то, что я уже приказала швейцару: прогнать его и больше ничего,—сказала она.

— Янгуржеева нельзя прогнать: ты не знаешь его!.. Если только я ему нуженъ, такъ онъ всюду будетъ меня встрѣчать: на этомъ вотъ бульварѣ, на тротуарѣ, въ обществѣ! Я всегда его терпѣть не могъ и никогда не имѣлъ силы спастись отъ него.

— Въ такомъ случаѣ уѣдемъ въ нашу подмосковную,— придумала Муза Николаевна.

— Но я хотѣлъ бы теперь здѣсь пожить; меня всѣ пріятели мои встрѣчаютъ съ такимъ радушіемъ, что мнѣ желательно побывать между ними.

Къ счастью, всѣ эти недоумѣнія Лябьевыхъ разрѣшила пріѣхавшая къ нимъ Аграфена Васильевна, продолжавшая попрежнему жить въ Москвѣ съ ребятишками въ своемъ оригинальномъ домѣ (старичище, ея супругъ, полгода тому назадъ померъ). Лябьевы съ первыхъ же словъ разсказали Аграфенѣ Васильевнѣ о визитѣ и о письмѣ Янгуржеева.

— Ахъ, онъ, жуликъ этакій, и къ вамъ пробрался!—воскликнула она.

— А у васъ онъ бываетъ?—спросилъ Лябьевъ.

— Какъ же!.. Сколько разъ послѣ смерти мужа наскакивалъ посѣтить меня, но я велѣла ему сказать, что если онъ будетъ жаловать ко мнѣ, то я велю лакеямъ въ шею его гонять.

— И я ему сказала чрезъ швейцара, чтобы ноги его не было у насъ въ домѣ,— подхватила Муза Николаевна:—потому что, согласитесь, Аграфена Васильевна, на все же есть мѣра: онъ довелъ мужа до Сибири, а когда того ссылали, не пришелъ даже проститься къ намъ, и хоть Аркадій всегда сердится за это на меня, но я прямо скажу, что въ этомъ ужасномъ нашемъ дѣлѣ онъ менѣе виноватъ, чѣмъ Янгуржеевъ.

— Ну, какъ же менѣе?—возразилъ Лябьевъ.

— Пожалуйста, хоть теперь-то не скрывай этого! Всѣ знаютъ, что ты только принялъ все на себя!—сказала съ запальчивостью Муза Николаевна.

— Да этого черномазый-то и самъ не скрываетъ!—подхватила Аграфена Васильевна.— У насъ въ домѣ хвастался: «Дураки, говоритъ, въ водѣ тонутъ, а умные изъ нея сухоньки выходятъ!»

— Вотъ видите, какой онъ прелестный человѣкъ,—произнесла Муза Николаевна:— и послѣ всего этого еще осмѣливается писать Аркадію письма!.. Прочти, пожалуйста, Аграфенѣ Васильевнѣ письмо Янгуржеева!—прибавила она мужу.

— Что тутъ? Богъ съ нимъ! Все-таки человѣкъ въ не-

счастьѣ!—возразилъ на это Лябьевъ.—Письмо обыкновенное: пишетъ и проситъ денегъ взаймы.

— Нѣтъ, кромѣ того: онъ говоритъ, что помогалъ тебѣ и ссужалъ тебя; а когда и чѣмъ онъ тебѣ помогалъ?—горячилась Муза Николаевна.

— То-есть, какъ онъ мнѣ помогалъ! — отвѣчалъ, усмѣхнувшись и покраснѣвъ немного въ лицѣ, Лябьевъ:—онъ мнѣ совѣтовалъ и даже училъ меня играть навѣрняка, говоря, что если меня по большей части обыгрывали такимъ способомъ, такъ почему и мнѣ не прибѣгнуть къ подобному же средству.

— И какъ же ты послѣ этого еще колеблешься, быть ли съ нимъ знакомымъ, или нѣтъ? — допрашивала Муза Николаевна.

— Я не въ этомъ колеблюсь,—ствѣчалъ Лябьевъ:—но увѣренъ только въ томъ, что Янгуржеевъ отъ меня не отстанетъ.

— Какъ же онъ отъ тебя не отстанетъ? — спросила уже Аграфена Васильевна.

— А такъ, что поймаетъ меня въ какомъ-нибудь обществѣ; наговоритъ мнѣ, можетъ-быть, любезностей, отъ которыхъ трудно будетъ отвертѣться, или, наоборотъ, затѣетъ со мною ссору и наговоритъ мнѣ такихъ дерзостей, что я долженъ буду вызвать его на дуэль.

— Вотъ это умно будетъ съ твоей стороны, очень умно! Чтобы тебя опять въ солдаты разжаловали! — воскликнула Муза Николаевна, и на ея глазахъ показались слезы.

— Я, конечно, этого не сдѣлаю теперь, — поспѣшилъ ее успокоить Лябьевъ:—но все-таки можетъ выйти скандалъ.

— Гдѣ же это онъ поймаетъ тебя?—вмѣшалась снова въ разговоръ Аграфена Васильевна.

— Вездѣ я могу его встрѣтить; онъ, вѣроятно, попрежнему бываетъ всюду,—сказалъ Лябьевъ.

— Ну, нѣтъ, дяденька, это шалишь!—возразила Аграфена Васильевна.—Его теперь никуда не пускаютъ, да ему не въ чемъ и показаться-то прежнимъ знакомымъ своимъ: у него сапогъ даже порядочныхъ нѣтъ; по кабакамъ онъ точно что шляется. Я вотъ, сюда ѣхадчи, видѣла, что онъ завернулъ въ полпивную, но ты по кабакамъ-то, чай, не ходишь?

— Слава Богу, пока еще не хожу,—отвѣчалъ, усмѣхнувшись, Лябьевъ.

— Ну, такъ что же? Стоитъ ли и разговаривать объ этомъ черномазомъ дьяволѣ!—отозвалась Аграфена Васильевна, но это она говорила не вполнѣ искренно и втайнѣ думала, что *черномазый дьяволъ* непремѣнно какъ-нибудь пролѣзетъ къ Лябьевымъ,

и подъ вліяніемъ этого безпокойства дня черезъ два она, снова пріѣхавъ къ нимъ, узнала, къ великому своему удовольствію, что Янгуржеевъ не являлся къ Лябьевымъ, хотя, въ сущности, тотъ являлся, но съ нимъ уже безъ всякаго доклада господамъ распорядился самолично унтеръ-офицеръ.

— Если вы, ваше благородіе, будете шляться къ намъ, такъ васъ велѣно свести вонъ тутъ недалеко къ господину оберъ-полицеймейстеру,—сказалъ онъ, внушительно показавъ пальцемъ Янгуржееву на оберъ-полицеймейстерское крыльцо.

Калмыкъ ни слова не возразилъ на это и ретировался назадъ, такъ какъ послѣднее время онъ сильно побаивался оберъ-полицеймейстера, который передъ тѣмъ только выдержалъ его при частномъ домѣ около трехъ мѣсяцевъ по подозрѣнію въ кражѣ шинели въ одномъ изъ клубовъ, въ который Янгуржееву удалось какъ-то проникнуть.

Аграфена Васильевна нашла, впрочемъ, Лябьевыхъ опечаленными другимъ горемъ. Они получили отъ Сусанны Николаевны письмо, коимъ она увѣдомляла, что ея безцѣнный Егоръ Егорычъ скончался на кораблѣ во время плаванія около береговъ Франціи, и что теперь она ума не приложитъ, какъ ей удастся довести до Россіи дорогіе останки супруга, который въ послѣднія минуты своей жизни просилъ непремѣнно похоронить его въ Кузьмищевѣ, рядомъ съ могилами отца и матери.

Доказательствомъ тому, сколь тяжело было Сусаннѣ Николаевнѣ написать это письмо, служили оставшіеся на немъ явные и обильные слѣды слезъ ея.

Аграфена же Васильевна это извѣстіе съ своей стороны встрѣтила почти до неприличія равнодушно.

— Ну, Богъ съ нимъ!.. Что тутъ старикамъ самимъ маяться и другихъ маять!—проговорила она.

— Мы, конечно,—сказала Муза Николаевна:—не столько о смерти Егора Егорыча сокрушаемся, сколько о Сусаннѣ, которая теперь должна везти гробъ изъ этакой дали.

— Что жъ за важность, довезетъ! — сказала и на это совершенно безучастно Аграфена Васильевна.—Я такъ тѣло-то моего благовѣрнаго на почтовыхъ отмахала въ Тулу, чтобы похоронить его тоже въ селѣ нашемъ.

— Что это, Аграфена Васильевна, вы говорите?.. Какъ это возможно: на почтовыхъ? — замѣтила, грустно усмѣхнувшись, Муза Николаевна.

— Право, на почтовыхъ! Ничего, всю дорогу лежалъ благополучнымъ манеромъ; живой-то, бывало, часто ругался, а тутъ ницкнетъ, смирнехонекъ.

— Вамъ это легче было сдѣлать, потому что вы долго пожили съ вашимъ мужемъ, поразлюбили его, конечно, а Сусанна только что не боготворила Егора Егорыча,—разъясняла Муза Николаевна.

— О, подите-ка вы! — возразила ей съ досадой Аграфена Васильевна:—боготворила его она!.. Этакого стараго сморчка!.. Теперь это дѣло прошлое, значитъ, говорить можно, а я знаю навѣрное, что она любила Петрушу Углакова.

— Это правда, что у нея немножко кружилась отъ него голова,—согласилась Муза Николаевна:—но развѣ можно это назвать любовью?

— А что жъ это такое, по-вашему? — стояла на своемъ Аграфена Васильевна.—Робѣла только очень, а какъ бы посмѣлѣе была, такъ другое бы случилось; теперь бы, можетъ-быть, бѣдняжка Петруша не лежалъ въ сырой землѣ!

— Не отъ Сусанны же въ самомъ дѣлѣ онъ померъ; это будетъ безбожная клевета на сестру! — возразила съ досадой Муза Николаевна.

— Отъ нея ли, или отъ чего другого, только началъ пить да пить; а вѣдь хмельной богатырь хоть кого сломитъ.

— Пить онъ началъ никакъ не по милости сестры, потому что пилъ еще прежде!—оспаривала Муза Николаевна.—Кромѣ того, у него другая привязанность была, которая, говорятъ, точно что измучила его.

— Это что за привязанность! Онъ держалъ ее, чтобы только размыкать горе. Говорить тутъ нечего: всѣ вы, барыни, какъ-то на это нежалостливы; вамъ бы самимъ было хорошо, да наряжаться было бы во что, а тамъ хошь трава не расти; есть ли около васъ, кого вы любите, али нѣтъ, вамъ все равно. Мы, цыганки, горячѣе васъ сердцемъ: любить, такъ ужъ любить безъ оглядки. Недаромъ ваши мужчины насъ хвалятъ больше, чѣмъ васъ... Сколько мнѣ тоже говорили: «Что, говоритъ, наши барыни? Это квашенки крупичатыя, а вы, говоритъ, желѣзо каленое». Такъ я сказываю, а? — заключила Аграфена Васильевна, обращаясь къ Лябьеву.

— Пожалуй, что и такъ!—отвѣчалъ тотъ.

При подобномъ разговорѣ Муза Николаевна, разумѣется, могла только краснѣть.

Невдолгѣ послѣ того для упомянутаго мною швейцара выпало опять щекотливое объясненіе съ однимъ изъ незнакомыхъ ему посѣтителей, который, пожалуй бы, и не простому солдату могъ внушить недоумѣніе. Во-первыхъ, это былъ какъ бы монахъ, въ скуфьѣ и въ одномъ подрясникѣ, перетянутомъ широкимъ кожанымъ поясомъ; его значительно посѣдѣвшіе

волосы были, видимо, недавно стрижены и не вполнѣ еще отросли, и вмѣстѣ съ тѣмъ на шеѣ у него висѣлъ орденъ Станислава, а на груди красовались Анна и двѣ медали, турецкой и польской кампаній. Подозрительный стражъ предположилъ, что это былъ какой-нибудь мошенникъ и нарочно такъ нарядился, а потому онъ спросилъ этого страннаго посѣтителя, по своей манерѣ, довольно грубо:

— Кто вы такой и что̀ вамъ надо?

— Я миссіонеръ и желаю видѣть господина Лябьева,—отвѣчалъ (читатель, конечно, уже догадался) Аггей Никитичъ.

Солдатъ пришелъ въ окончательное недоумѣніе, пустить или прогнать этого барина?

— Да вы изъ полковыхъ дьячковъ, что ли? — придумалъ онъ спросить.

— Въ родѣ того; я имѣю письмо къ господину Лябьеву отъ его превосходительства Александра Яковлевича Углакова.

Какъ только услышалъ солдатъ о письмѣ, такъ, даже не обративъ вниманія на то, что оно было отъ какого-то его превосходительства, не пустилъ бы, вѣроятно, Аггея Никитича; но въ это время вышелъ изъ своей квартиры Аркадій Михайлычъ, собравшійся куда-то уходить, что̀ увидавъ, солдатъ радостнымъ голосомъ воскликнулъ:

— Да вонъ онъ, господинъ Лябьевъ!.. Къ вамъ опять какой-то пришелъ,—присовокупилъ онъ сему послѣднему.

Аггей Никитичъ поспѣшилъ уже не по-свѣтски, а по-монашески поклониться Лябьеву, котораго поклонъ этотъ и вообще вся наружность Аггея Никитича тоже удивили.

— Я знакомый человѣкъ Егора Егорыча, облагодѣтельствованный имъ, и меня прислалъ къ вамъ, какъ къ ближайшимъ родственникамъ Егора Егорыча, Александръ Яковличъ Углаковъ.

Съ этими словами Аггей Никитичъ вручилъ Лябьеву письмо отъ Углакова, пробѣжавъ которое, тотъ съ замѣтною аттенціей просилъ Аггея Никитича пожаловать наверхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ съ нимъ воротился назадъ. Видѣвшій все это унтеръ-офицеръ рѣшилъ въ мысляхъ своихъ, что это, должно-быть, не дьячокъ, а священникъ полковой.

Введя Аггея Никитича въ свою квартиру, Лябьевъ прямо провелъ его къ Музѣ Николаевнѣ и объяснилъ ей, что это господинъ Звѣревъ, другъ Егора Егорыча.

— Monsieur Звѣревъ? — переспросила Муза Николаевна, припомнившая множество разсказовъ Сусанны Николаевны о томъ, какъ нѣкто Звѣревъ, хоть и недальній, но добрый карабинерный офицеръ, былъ влюбленъ въ Людмилу и какъ потомъ все стремился сдѣлаться масономъ.

— Очень рада съ вами познакомиться!—произнесла она.— Я такъ много слышала о васъ хорошаго!—заключила она, съ любопытствомъ осматривая странную одежду Аггея Никитича, который ей поклонился тоже смиренно и по-монашески.

Лябьевъ между тѣмъ, взглянувъ на часы, проговорилъ:

— Вы меня извините, я долженъ уѣхать: у насъ сегодня музыкальный вечеръ!

Тогда Аггей Никитичъ обратился къ Музѣ Николаевнѣ.

— Вы позволите мнѣ остаться у васъ на нѣсколько минутъ, — проговорилъ онъ.

— Ахъ, пожалуйста!—подхватила Муза Николаевна.

Лябьевъ послѣ того скоро уѣхалъ.

— Отчего я васъ вижу въ монашеской одеждѣ? Вы, мнѣ говорили, прежде были военный?—спросила Муза Николаевна своего гостя.

Аггей Никитичъ при этомъ поникъ еще ниже и безъ того уже потупленной головой своей.

— Былъ-съ я и военный,—началъ онъ повѣствовать свою исторію:—былъ потомъ и штатскимъ чиновникомъ, а теперь сталъ по моимъ душевнымъ горестямъ полумонахомъ и поступилъ въ миссіонеры.

— Скажите, вы хорошо были знакомы съ моей матерью и сестрами, когда онѣ жили въ Москвѣ?

— Имѣлъ это счастье, только, къ сожалѣнію, недолго имъ пользовался; когда этотъ ударъ разразился надъ вашимъ семействомъ, я чуть не умеръ съ отчаянія и сожалѣю даже, что не умеръ!..

При этихъ словахъ у Аггея Никитича навернулись на глазахъ слезы.

Муза Николаевна догадывалась, на что намекалъ Аггей Никитичъ; но, не желая, чтобы упомянуто было имя Людмилы, перемѣнила разговоръ на другое.

— Вы женаты однако?—спросила она.

Этотъ вопросъ чувствительно укололъ Аггея Никитича.

— Я женатъ единственно по своей глупости и по хитрости женской!—сказалъ онъ съ удареніемъ.—Я, какъ вамъ докладывалъ, едва не умеръ, и меня бы, вѣроятно, отправили въ госпиталь; но тутъ явилась на помощь мнѣ одна благодѣтельная особа, въ домѣ которой жила ваша матушка. Особа эта начала ходить за мной, я не говорю ужъ, какъ сестра или мать, но какъ сидѣлка, какъ служанка самая усердная. Согласитесь, что я долженъ былъ оцѣнить это.

— Конечно!—согласилась Муза Николаевна.

— Ну, а тутъ вышелъ такой случай: послѣ болѣзни я сдѣ-

лался религіозенъ, и Егоръ Егорычъ произвелъ на меня очень сильное впечатлѣніе своими наставленіями и своимъ вѣроученіемъ.

— Но вы знаете ли, что Егоръ Егорычъ померъ? — перебила Аггея Никитича Муза Николаевна.

— Знаю-съ; нѣсколько еще дней тому назадъ я услыхалъ объ этомъ отъ Александра Яковлевича Углакова, который, собственно, и прислалъ меня спросить васъ, извѣстно ли вамъ это?

— Но отъ кого Александръ Яковлевичъ могъ узнать о томъ? — недоумѣвала Муза Николаевна. — Можетъ-быть, Сусанна писала ему?

— Нѣтъ, не Сусанна Николаевна, а какой-то русскій, который вмѣстѣ съ ними путешествовалъ.

— Какой же это можетъ быть русскій?—продолжала недоумѣвать Муза Николаевна.

— Въ письмѣ Александра Яковлевича упомянуто о немъ,— сказалъ Аггей Никитичъ.

— Да письмо-то Аркадій увезъ съ собой, — продолжала Муза Николаевна тѣмъ же недоумѣвающимъ тономъ: ее очень удивляло, почему Сусанна не упоминала ей ни о какомъ русскомъ. «Конечно, весьма возможно, что въ такія минуты она все перезабыла!»—объяснила себѣ Муза Николаевна.—Ну-съ, слушаю дальнѣйшія ваши похожденія! — отнеслась она къ Аггею Никитичу.

Аггей Никитичъ глубоко вздохнулъ.

— Дальнѣйшія мои похожденія столь же печальны были, какъ и прежнія!—произнесъ онъ.—Въ отношеніи госпожи, о которой вамъ говорилъ, я исполнилъ свой долгъ: я женился на ней; мало того, по ея желанію, оставилъ военную службу и получилъ, благодаря милостивому содѣйствію Егора Егорыча, очень видное и почетное мѣсто губернскаго почтмейстера, начальника всѣхъ почтъ въ губерніи, съ прекраснымъ окладомъ жалованья. Кажется, можно было бы удовлетвориться и благодарить только Бога, но супругѣ моей показалось этого мало, такъ какъ она выходила за меня замужъ вовсе не потому, что любила меня, а затѣмъ, чтобы я бралъ на службѣ взятки для нея, но, когда я не сталъ этого дѣлать, она сама задумала брать ихъ.

— Господи! — воскликнула Муза Николаевна, никогда не воображавшая услышать о такомъ женскомъ порокѣ. — Но кто же ей сталъ давать взятки?

— Она довольно лукаво это сдѣлала и устроила такъ, что мнѣ всѣ почтмейстера начали предлагать благодарности; она

меня еще думала соблазнить, но я сразу пресѣкъ это, вышелъ даже въ отставку изъ этой службы и поступилъ въ исправники. Супругѣ моей, конечно, это былъ ножъ острый, потому что она находила службу исправника менѣе выгодною, и въ отмщеніе за это каждый день укоряла меня бѣдностью, а бѣдности, кажется, никакой не должно было бы существовать: жалованье я получалъ порядочное, у нея было имѣніе въ Малороссіи, домъ въ Москвѣ, капиталъ довольно крупный, и всего этого ей было мало.

— Значитъ, она совсѣмъ дрянная женщина!—воскликнула съ негодованіемъ Муза Николаевна.

— Совсѣмъ!—подтвердилъ Аггей Никитичъ.

— Но теперь вы разошлись съ ней?

— Совершенно, или, какъ вамъ сказать, она скорѣй разошлась со мной и написала мнѣ, что ей невыгодно оставаться моей женой.

Муза Николаевна пожимала только плечами.

— Если ваша жена такая, какъ вы говорите о ней, то что же васъ можетъ огорчать, когда вы разстались съ ней?

— Я нисколько не огорчаюсь, даже радуюсь, и въ восторгѣ отъ этого. Я морально убитъ-съ другимъ, убитъ тѣмъ, что разошелся съ другой женщиной, передъ которой я ужасъ что такое натворилъ.

— Какъ?—полувоскликнула Муза Николаевна, широко раскрывая отъ удивленія глаза. — Стало-быть, у васъ былъ новый романъ?

— Новый! — отвѣчалъ откровенно и наивно Аггей Никитичъ.

— Кто жъ это такая была? — любопытствовала Муза Николаевна.

— Это одна полька, прелестнѣйшее и чудное существо; но, какъ всѣ польки, существо кокетливое, чего я не понялъ, или, лучше сказать, отъ любви къ ней, не разсудивъ этого, сразу же изломалъ и перековеркалъ все и, какъ говорится, неизвѣстно для чего сжегъ свои корабли, потомъ, одумавшись и опомнившись, хотѣлъ-было воротить утраченное счастье, но было уже поздно. Она, очень натурально, оскорбилась на меня и уѣхала съ однимъ семействомъ въ деревню, а я остался одинъ, какъ этотъ дубъ, про который поется, что одинъ-одинъ бѣдняжечка стоитъ на гладкой высотѣ.

— И вы въ миссіонерствѣ хотите утопить ваше горе? — проговорила съ участіемъ Муза Николаевна.

— Постараюсь, если только возможно,—отвѣчалъ, вздохнувъ, Аггей Никитичъ.

— Но куда же именно вы поѣдете? — разспрашивала Муза Николаевна.

— Въ Сибирь, вѣроятно.

— Но что же вы будете тамъ дѣлать?

— Буду творить волю пославшихъ мя! — произнесъ Аггей Никитичъ многознаменательно. — Мнѣ, впрочемъ, лучше объ этомъ не говорить, а я поспѣшу исполнить приказаніе Александра Яковлевича, который поручилъ мнѣ спросить васъ, провезутъ ли тѣло Егора Егорыча чрезъ Москву?

— Непремѣнно; иначе нельзя проѣхать въ Кузьмищево,— отвѣчала Муза Николаевна.

Аггей Никитичъ при этомъ потеръ себѣ лобъ.

— Въ такомъ случаѣ Александръ Яковлевичъ, у котораго я теперь живу, предполагалъ бы устроить торжественную встрѣчу для бренныхъ останковъ, всѣмъ дорогихъ, Егора Егорыча.

— Это бы очень было хорошо, — подхватила Муза Николаевна:—но я не знаю ни того, куда писать сестрѣ, ни того, когда она пріѣдетъ сюда.

— Это, вѣроятно, узнается: тотъ же русскій пишетъ Александру Яковлевичу, что онъ будетъ увѣдомлять его по мѣрѣ приближенія тѣла къ Петербургу.

«Опять этотъ русскій!»—снова промелькнуло въ умѣ Музы Николаевны, и у нея даже зародилось подозрѣніе касательно отношеній этого русскаго къ Сусаннѣ Николаевнѣ.

Побесѣдовавъ такимъ образомъ съ m-me Лябьевой, Аггей Никитичъ ушелъ отъ нея подъ вліяніемъ воспоминаній о пани Вибель. «Ты виноватъ и виноватъ!» — твердила ему совѣсть, но когда онъ въ своемъ длинноломъ подрясникѣ медленно переходилъ пространство между Тверскимъ бульваромъ и Страстнымъ, то вдругъ надъ самымъ ухомъ его раздался крикъ: «пади, пади!». Аггей Никитичъ взмахнулъ головой и отшатнулся назадъ: на него наѣхалъ-было фаэтонъ, въ которомъ сидѣла расфранченная до послѣдней степени пани Вибель, а рядомъ съ ней откупщикъ Рамзаевъ, гадкій, безобразный и вдобавокъ еще пьяный. Аггей Никитичъ понялъ хорошо, что совѣсть его въ отношеніи этой госпожи должна была оставаться покойна. Тѣмъ не менѣе эта мимолетная встрѣча потрясла все его существо. Почти шатаясь, онъ вошелъ на Страстной бульваръ, гдѣ, сѣвъ на лавочку, поникъ головой и прослезился.

XII.

Передъ обычнымъ субботнимъ обѣдомъ въ Англійскомъ клубѣ нѣкоторые изъ членовъ что-то такое шопотомъ передавали другъ другу, при чемъ, вѣроятно, изъ опасенія, чтобы

ихъ не подслушали лакеи, старались говорить больше по-французски.

— Avez-vous entendu?

— Oui, mais je voudrais savoir, où cela aura lieu?

— Je ne puis rien vous dire là-dessus.

— Mais c'est fort dangereux!

— Je crois bien, mais que voulez-vous?.. Noblesse oblige.

— Сергѣй Степанычъ здѣсь?

— Говорятъ.

— Не говорятъ, а я самъ его видѣлъ; онъ сегодня будетъ обѣдать здѣсь.

— Ахъ, какъ я радъ этому!

Посреди такого галдѣнья, человѣкъ пять или шесть, все уже людей весьма пожилыхъ, ходили съ замѣтно важными и исполненными таинственности лицами. Изъ нихъ по преимуществу кидались въ глаза, во-первыхъ, если только помнитъ его читатель, Батеневъ съ орлинымъ носомъ и потомъ другой господинъ съ добродушнѣйшею физіономіей и съ полноватымъ животомъ гурмана, котораго всѣ называли Павломъ Петровичемъ. Эти пять-шесть человѣкъ на адресуемые къ нимъ вопросы одни отдѣлывались молчаніемъ, а другіе произносили: «Nous ne savons rien!». Наконецъ появился Сергѣй Степанычъ. Онъ прямо подошелъ къ Батеневу и спросилъ его:

— Князь здѣсь?

— Нѣтъ, гдѣ ему? Совсѣмъ слѣпнетъ. Меня командировалъ за себя!

— Поэтому вы будете говорить рѣчь вмѣсто князя?—спросилъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ Сергѣй Степанычъ.

— Я буду; хошь, не хошь, а пой! — отвѣчалъ мрачнымъ голосомъ Батеневъ.

Въ это же самое время на концѣ стола, за которымъ въ числѣ другихъ, по преимуществу крупныхъ чиновниковъ Москвы, сидѣлъ оберъ-полицеймейстеръ, происходилъ такого рода разговоръ:

— Правда ли, что тѣло Мароина привезли изъ-за границы въ Москву? — спросилъ оберъ-полицеймейстера хорошо намъ по своимъ похожденіямъ извѣстный камеръ-юнкеръ, а нынѣ ужъ даже камергеръ.

— Правда,—отвѣчалъ тотъ ему неохотно и направилъ свой взглядъ къ тому мѣсту обѣденнаго стола, гдѣ помѣщался Сергѣй Степанычъ вмѣстѣ съ Батеневымъ и Павломъ Петровичемъ.

— Но говорятъ, что они устраиваютъ совершить траурную ложу?

— Вы, можетъ-быть, это знаете, а я нѣтъ,—отвѣтилъ ему съ явнымъ презрѣніемъ оберъ-полицеймейстеръ.

Камергеръ немного прикусилъ языкъ.

— Вотъ они, эти господа! Какія-нибудь невинныя удовольствія на аѳинскихъ вечерахъ запрещаютъ, а тутъ чортъ знаетъ что̀ затѣваютъ, это ничего!—шепнулъ онъ шипящимъ голосомъ своему сосѣду, который, въ отвѣтъ на это, только отвернулся отъ камергера: явно, что monsieur le chambellan потерялъ всякій престижъ въ la haute volée.

Когда за жаркимъ стали въ разныхъ группахъ пить шампанское, то оберъ-полицеймейстеръ, взявъ бокалъ, подошелъ къ Сергѣю Степанычу.

— Не могу удержаться, чтобы не выпить за вашъ благополучный пріѣздъ сюда,—сказалъ онъ.

— Grand merci!—отвѣтилъ Сергѣй Степанычъ. Затѣмъ онъ проворно поднялся со стула и, взявъ оберъ-полицеймейстера подъ-руку, отвелъ его нѣсколько въ сторону отъ обѣденнаго стола. — Надѣюсь, что намъ позволятъ прахъ нашего достойнаго друга почтить, какъ онъ заслужилъ того?—спросилъ онъ вполголоса.

— Я говорилъ сегодня объ этомъ съ генералъ-губернаторомъ,—отвѣчалъ оберъ-полицеймейстеръ:—онъ разрѣшаетъ и проситъ только, чтобы не было большой огласки.

— Никакой! Будутъ только свои, — отвѣтилъ Сергѣй Степанычъ и сѣлъ опять на прежнее мѣсто.

На другой день въ почтамтской церкви Архангела Гавріила совершилась заупокойная обѣдня по усопшемъ боляринѣ Егорѣ Егорычѣ Маѳинѣ. Священники были облачены въ черныя ризы, а равно и бо̀льшая часть публики являла на себѣ признаки траура. Въ толпѣ молящихся было очень много знакомыхъ намъ лицъ. Прежде всѣхъ, конечно, Сусанна Николаевна, похудѣвшая, истомленная, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ ея прекрасныхъ глазахъ выражалась какая-то увѣренность, что умершій преисполненъ теперь радостей загробной жизни. Около нея стояли Сергѣй Степанычъ и Лябьевы, мужъ и жена, gnädige Frau и Сверстовъ, который своей растрепанной физіономіей напоминалъ добраго и печальнаго пуделя, измученнаго хлопотами по чужимъ горямъ. На мужской собственно половинѣ стояли совсѣмъ сгорбившійся, сморщенный, какъ старый грибъ, Углаковъ, Батеневъ и Павелъ Петровичъ, а также и Аггей Никитичъ Звѣревъ, въ скромной одеждѣ монастырскаго послушника. У самыхъ двверей храма виднѣлись Терховъ (гегеліанецъ) и Антипъ Ильичъ, на щекахъ котораго тѣни не оставалось прежняго старческаго румянца.

По окончаніи службы, когда начали выходить изъ церкви, то на паперти къ Сусаннѣ Николаевнѣ подошелъ Аггей Никитичъ; она, уже слышавшая отъ Лябьевыхъ обо всемъ, что съ нимъ произошло, привѣтливо поклонилась ему, и Аггей Никитичъ тихимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ умоляющимъ голосомъ проговорилъ:

— Сусанна Николаевна, позвольте мнѣ быть на вашемъ вечернемъ собраніи и помянуть съ другими душу Егора Егорыча.

Сусанна Николаевна сильно затруднилась, что ему отвѣчать.

— Я, право, не знаю, возможно ли это... — сказала она, боязливо взглядывая на стоявшаго около нея Сверстова.

— Я думаю, можно!.. Но лучше я прежде спрошу Сергѣя Степаныча,—присовокупилъ онъ и проворно пошелъ обратно въ церковь, гдѣ, въ сопровожденіи старика Углакова, Сергѣй Степанычъ вмѣстѣ съ Батеневымъ разсматривали изображенія и надписи на церковныхъ стѣнахъ, при чемъ сей послѣдній что-то такое внушительно толковалъ.

Когда Сверстовъ передалъ Сергѣю Степанычу просьбу Аггея Никитича съ поясненіемъ, что тотъ теперь миссіонеръ и совсѣмъ готовый масонъ, то сей послѣдній возразилъ:

— Однако онъ не былъ нигдѣ принятъ въ ложу?

— Не былъ, потому что негдѣ было принять, — объяснилъ Сверстовъ.

Сергѣй Степанычъ нѣкоторое время подумалъ.

— Я съ своей стороны готовъ это дозволить господину Звѣреву, но какъ вотъ другіе! — произнесъ онъ и обратился къ Батеневу, Углакову и Павлу Петровичу: — Какъ вы, господа, полагаете?

Послѣдніе двое прямо объявили, что они согласны, но Батеневъ, злобно усмѣхнувшись, сказалъ:

— Моя-съ изба съ краю, и я ничего не знаю.

— Разрѣшите господину Звѣреву быть на собраніи!—проговорилъ Сергѣй Степанычъ Сверстову, который, возвратясь на паперть церкви, объявилъ Аггею Никитичу:

— Можете быть!

Тотъ ему низко поклонился.

Сусанна Николаевна поѣхала въ свою гостиницу въ каретѣ, сопровождаемая Музой Николаевной, gnädige Frau и Терховымъ.

Въ подвальномъ этажѣ одного изъ домовъ около почтамта сквозь завѣшенныя окна виднѣлось освѣщеніе. Часу въ девятомъ вечера къ этому дому стали подъѣзжать возки и ка-

реты. Экипажи, впрочемъ, сейчасъ же уѣзжали, а пріѣхавшіе въ нихъ проходили пѣшкомъ во внутренность двора. Въ сказанномъ подвальномъ помѣщеніи должна была совершиться траурная масонская ложа по умершемъ братѣ Firma Rupes. Всѣ стѣны огромнаго помѣщенія были выкрашены черной краской. На простой эстрадѣ, обитой чернымъ сукномъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно въ масонскихъ ложахъ разстилался коверъ, стоялъ черный гробъ, окруженный тремя подсвѣчниками со свѣчами. На крышкѣ гроба, въ ногахъ онаго, лежалъ знакъ великаго мастера, а на черномъ пьедесталѣ горѣлъ съ благовоннымъ куреніемъ спиртъ; въ головѣ гроба на крышкѣ лежалъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ, и тутъ же около стояла чаша съ солью. Всѣ собравшіеся братья, въ числѣ которыхъ находились также Сусанна Николаевна и gnädige Frau, были въ черныхъ одеждахъ или имѣли на сторонѣ сердца черный изъ лентъ приколотый бантъ, а иные—черный флёръ около лѣвой руки. Великій мастеръ, который былъ не кто иной, какъ Сергѣй Степанычъ, въ траурной мантіи и съ золотымъ знакомъ гросмейстера на шеѣ, открывъ ложу обычнымъ порядкомъ, сошелъ со своего стула и, подойдя къ гробу, погасилъ на западѣ одну свѣчу, говоря: «Земля еси и въ землю пойдеши!». При погашеніи второй свѣчи онъ произнесъ: «Прискорбна есть душа моя даже до смерти!». При погашеніи третьей свѣчи онъ сказалъ: «Яко возмеши духъ, и въ персть свою обратится». Послѣ чего великій мастеръ сталъ у головы гроба, имѣя въ правой рукѣ молотокъ, а надзиратели, Батеневъ и Павелъ Петровичъ, стали въ ногахъ гроба. Великій мастеръ ударилъ по гробу три раза молоткомъ; надзиратели сдѣлали то же самое.

Великій мастеръ. Кто есть человѣкъ, смерти вкусить не могущій? Возможетъ ли кто искупить отъ гроба душу свою?

Нѣкоторое молчаніе.

Великій мастеръ. Человѣкъ скитается яко тѣнь, яко цвѣтъ сельный отцвѣтаетъ. Сокровиществуетъ и не вѣсть кому соберетъ, умретъ и ничего изъ славы сей земли съ собой не понесетъ. Нагъ приходитъ въ міръ сей и нагъ уходитъ. Господь даде, Господь и взя.

Снова нѣкоторая пауза.

Великій мастеръ. Да умремъ смертію праведныхъ и да уподобимся имъ кончиною нашею! Господь есть Богъ нашъ, Той есть съ нами до смерти.

Всѣ братья окружаютъ гробъ и пріемлютъ молитвенное положеніе, а великій мастеръ читаетъ молитву:

«Отецъ всемогущій, Тебѣ вручаемъ душу брата нашего;

отверзи ей дверь живота, возложи на нее брачное одѣяніе правды, болѣе торжественное одѣяніе субботы вѣчныя, да представится она Тебѣ чиста и непорочна, и услышитъ радостную пѣснь побѣды!»

Всѣ братья громогласно восклицаютъ: «Аминь!».

Снова послѣ нѣкотораго молчанія великій мастеръ продолжаетъ:

«Божѣ преславный, всякаго блага начало, милосердія источниче, ниспошли на насъ, грѣшныхъ и недостойныхъ рабовъ Твоихъ, благословеніе Твое, укрѣпи торжественное каменщическое общительство наше союзомъ братолюбія и единодушія; подаждь, о, Господи, да сіе во смерти увѣряющее свидѣтельство напоминаетъ намъ приближающуюся судьбину нашу и да пріуготовитъ она насъ къ страшному сему часу, когда бы онъ насъ ни постигнулъ; да возможемъ Твоею милосердою десницей быть пріятыми въ вѣчное царствованіе Твое и тамъ въ безконечной чистой радости получить милостивое воздаяніе смиренной и добродѣтельной жизни».

Послѣ этой рѣчи великаго мастера, братья, поцѣловавшись, запѣли довольно нескладно на голосъ: «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ»:

Отецъ духовъ, Творецъ вселенной,
И жизнь и смерть въ Твоихъ рукахъ!
Прейдя срокъ намъ опредѣленный,
Мы станемъ пепелъ, тлѣнъ и прахъ;
Ты духъ, намъ вдунутый Тобою,
Зовешь къ блаженству и покою.
Ты жизнь всего творишь отъ тлѣнья,
Изъ тьмы изводишь въ вѣчный свѣтъ,
Чудесной силой обновленья
Воздѣйствуешь—и смерти нѣтъ.
Дай силы намъ и чувства новы,
Да свергнемъ смертныя оковы!
Къ Себѣ отъ насъ воззвалъ Ты брата,
Изъ плоти духъ Ты сотворилъ;
Печальна намъ сія утрата,
Но Ты живешь, и братъ нашъ живъ!
Мы духъ его Тебѣ вручаемъ,
Отца о братѣ умоляемъ:
Пріими его, святыхъ Святѣйшій,
И въ лонѣ отчемъ упокой:
Да внидетъ въ Твой чертогъ свѣтлѣйшій
И пребываетъ въ немъ съ Тобой!

По окончаніи пѣнія великій мастеръ снова ударилъ трекратно по гробу, а за нимъ повторили то же и надзиратели. Великій мастеръ, сѣвъ снова на свой стулъ, произнесъ:

— Между членами нашего общества существуетъ отъ глу-

бочайшей древности переданный обычай, чтобы по смерти каждаго достойнаго брата совершались воспоминательные и таинственные обряды. Сіе установлено сколько во изъявленіе любви нашей, и за гробомъ братьямъ нашимъ сопутствующей, столько же и во знаменіе того, что истинныхъ свободныхъ каменщиковъ въ духѣ связь и по отшествіи ихъ отъ міра сего не прерывается. Слѣдуя сему достохвальному обычаю и по особой вѣрности нашего усопшаго брата, Егора Егорыча Мареина, коего память мы чтимъ и коего потерю оплакиваемъ, собрались мы въ священный нашъ храмъ. Братія, внемлите предпринимаемому мною теперь дѣйствію.

Затѣмъ великій мастеръ, вставъ и снова подойдя къ гробу, взялъ изъ стоящей чаши горсть соли и сказалъ:

— Суха была кость наша, потребися надежда наша, мертвы быхомъ... (Держа соль надъ гробомъ) Отъ четырехъ вѣтровъ пріиди, душа, и вдуни на мертвія сія и да оживутъ! (Изображая солью четверть окружности) Се глаголетъ Господь костемъ симъ: се Азъ введу въ васъ духъ животный... (Продолжая другую четверть окружности) И дамъ духъ Мой въ васъ, и увѣсте, яко Азъ есмь въ васъ... (Дѣлая третью четверть окружности) И отверзу гробы ваши и изведу васъ отъ гробовъ вашихъ, людіе Мои... (Заканчивая окружность) И введу васъ въ землю Израилеву... (Проводя діаметръ въ кругу) И поставлю вы на земли вашей, и увѣсте, яко Азъ глаголахъ и сотворю, глаголетъ Господь, тако.

Братья восклицаютъ: «Аминь!».

Засимъ великій мастеръ началъ зажигать стоящія около гроба свѣчи, говоря при зажженіи первой свѣчи: «Вы есте соль земли», второй свѣчи: «Вы есте свѣтъ міру», третьей свѣчи: «Вы есте родъ избранъ, царское священіе, языкъ святъ, люди обновленія!».

По совершеніи этого обряда, великій мастеръ, удаляясь на свое мѣсто, взглянулъ вмѣстѣ съ тѣмъ на Батенева, который, вставъ на эстраду, проговорилъ изустную рѣчь:

— Гробъ, предстоящій взорамъ нашимъ, братья, изображаетъ тлѣніе и смерть, печальные предметы, напоминающіе намъ гибельные слѣды паденія человѣка, предназначеннаго въ первобытномъ состояніи своемъ къ наслажденію непрестаннымъ бытіемъ и сохранившаго даже доселѣ сіе желаніе; но, на горе намъ, истинная жизнь, вдунутая въ міръ, поглощена смертію, и нынѣ влачимая нами жизнь представляетъ бореніе и дисгармонію, слѣдовательно состояніе насильственное и несогласное съ великимъ предопредѣленіемъ человѣка, а потому смерть и тлѣніе содѣлались непремѣннымъ закономъ, которому

всѣ мы, а равно и натура вся, должны подвергнуться, дабы могли мы быть возвращены въ первоначальное свое благородство и достоинство. Смерть и тлѣніе есть ключъ, отверзающій свѣтъ, сокровенный во всѣхъ тѣлахъ, кои суть его темницы; она есть та работная храмина, въ коей отдѣляются чуждыя смѣшенія отъ небеснаго и неизмѣннаго начала и гдѣ разрушеніе одного служитъ основаніемъ къ рожденію другого. Положеніе сіе есть общее, особенно относительно возрожденія человѣческаго, и все, что̀ въ натурѣ можно видѣть тѣлесно, то въ насъ духовно происходить должно. Въ каждомъ изъ насъ долженъ совершаться процессъ духовнаго и тѣлеснаго тлѣнія, и въ насъ должны опредѣляться чуждыя смѣшенія отъ небеснаго начала. Изъ сего вы видите, любезные братья, что нѣтъ иного пути къ возрожденію, къ возвращенію въ первобытное состояніе, какъ путь добродѣланія, смиренія, путь креста и смерти. Нынѣ оплакиваемый нами братъ всегда являлъ собою высокій примѣръ сихъ качествъ. Мы всѣ, здѣсь стоящіе, имѣли счастіе знать его и быть свидѣтелями или слышать о его непоколебимой вѣрности святому ордену, видѣли и испытали на себѣ, съ какою отеческою заботливостью старался онъ утверждать другихъ на семъ пути, видѣли вѣрность его въ строгомъ отверженіи всего излишняго, льстящаго чувствамъ, видѣли покорность его неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, преданность его въ ношеніи самыхъ чувствительныхъ для сердца нашего крестовъ, которые онъ испыталъ въ потерѣ близкихъ ему и нѣжно-любимыхъ людей; мы слышали о терпѣніи его въ болѣзняхъ и страданіяхъ послѣднихъ двухъ лѣтъ. Вотъ нѣкоторыя черты вѣрности и покорности къ судьбамъ Божіимъ сего незабвеннаго для насъ мужа; но кто можетъ изслѣдовать внутренніе опыты и кресты, имъ пройденные, кои Господь употребляетъ, яко сильнѣйшее средство къ утвержденію по пути, ведущему къ Нему? Кто можетъ судить о внутреннемъ процессѣ, съ нимъ совершившемся въ послѣднее время жизни его? Здѣсь я приведу собственныя слова Егора Егорыча, имъ довѣренныя мнѣ въ одномъ изъ посланій своихъ. «Я переношу теперь,—писалъ онъ:—такія искушенія, которыя и пересказать не могу, и изъ всего того вижу со стороны человѣка единую бѣдность и ничтожество, а со стороны Бога единое милосердіе». Разсужденіе о семъ важномъ процессѣ пусть сдѣлаютъ тѣ, кои болѣе или менѣе испытали оный на самихъ себѣ; я же могу сказать лишь то, что сей взятый отъ насъ братъ нашъ, яко злато въ горнилѣ, проходилъ путь очищенія, необходимый для всякаго истинно посвятившаго себя служенію Богу, какъ говоритъ Сирахъ: процессъ

сей есть буйство и болѣзнь для человѣковъ, живущихъ въ разумѣ и не покоряющихся вѣрѣ, но для насъ, признавшихъ путь внутренняго тлѣнія, онъ долженъ быть предметомъ глубокаго и безмолвнаго уваженія. Въ заключеніе я напомню кротость Егора Егорыча, несмотря на сангвиническій темпераментъ, его любовь и снисходительность къ недостаткамъ другихъ, его неутомимую дѣятельность въ назиданіи братьевъ и исполненное силою духа слово. Онъ можетъ быть уподобленъ рѣкѣ, коей источникъ сокрытъ и невидимъ, но въ которомъ утолили жажду свою многіе странники, изведенные имъ изъ плѣненія египетскаго и идущіе въ собственную землю. Въ сей-то таинственный источникъ, отъ коего чествуемый нами братъ заимствовалъ силу и сладость ученія, онъ сокрылся нынѣ и въ немъ почерпаетъ теперь безпрепятственно воду жизни. Да возвеселится духъ его въ Сіонѣ со всѣми любящими и друзьями Божьими. Союзъ его съ нами неразлученъ; цѣпь, коей верхніе звены теряются въ небесахъ и въ коей усопшій другъ нашъ занимаетъ пріуготованное ему мѣсто, касается и насъ. Будемъ подкрѣплены благодатію Господа и Спасителя нашего, сохраняя вѣрность до смерти!

Послѣ рѣчи Батенева устроилось путешествіе, при чемъ снова была пропѣта пѣснь: «Отецъ духовъ, Творецъ вселенной!», и шли въ такомъ порядкѣ: собиратели милостыни (Антипъ Ильичъ и Аггей Никитичъ) съ жезлами въ рукахъ; обрядоначальникъ (докторъ Сверстовъ) съ мечомъ; секретарь (gnädige Frau) съ актами; оба надзирателя со свѣчами; мастеръ стула тоже со свѣчой. По окончаніи шествія обрядоначальникъ положилъ знакъ умершаго на пьедесталъ, а великій мастеръ сказалъ:

— Братъ первый надзиратель, который часъ?

Отвѣтъ. Полночь.

Великій мастеръ. Время ли закрыть ложу?

Отвѣтъ. Время, почтенный мастеръ.

Великій мастеръ. Братъ первый надзиратель, не имѣетъ ли кто чего предложить на пользу ложи?

Братъ надзиратель опросилъ братій и отъ всѣхъ получилъ въ отвѣтъ только вздохи печальные, которыми какъ бы говорилось, что какую теперь пользу можно принести масонству, когда все въ немъ или задушено, или предано осмѣянію.

Великій мастеръ. Братъ собиратель милостыни, исполняйте вашу должность!

Аггей Никитичъ, наученный Антипомъ Ильичомъ, пошелъ обходить съ тарелочкой собраніе; вклады, нельзя сказать, чтобы обильные были, и одна только Сусанна Николаевна положила на блюдо пакетъ съ тысячью рублей.

Послѣ сего великій мастеръ произнесъ заключительное слово:

— Закрываю сію печальную мастерскую ложу именемъ всѣхъ высокихъ начальниковъ ордена и особливо именемъ высокодостойнаго нашего старошотландскаго мастера со всѣми честьми масонства!

Затѣмъ Сергѣй Степанычъ громко и троекратно ударилъ эфесомъ висѣвшей на немъ шпаги, вынимая оную до половины и снова опуская ее въ ножны.

На другой день съ ранняго утра тѣло Егора Егорыча должно было слѣдовать въ Кузьмищево для погребенія тамъ рядомъ съ родителями. Сусанна Николаевна хотѣла-было непремѣнно слѣдовать за гробомъ; но какъ это до такой степени утомило ее, что, пріѣхавъ въ Москву, она едва ноги двигала, то Лябьева, вкупѣ съ gnädige Frau, отговорили ее отъ того, и сопровождать тѣло Егора Егорыча взялся Сверстовъ, а равно и Антипъ Ильичъ, который убѣдительнѣйшимъ образомъ доказывалъ Сусаннѣ Николаевнѣ, что зачѣмъ же ей ѣхать, когда онъ, Антипъ Ильичъ, ѣдетъ, и неужели же онъ позволитъ, чтобы покойника чѣмъ-нибудь потревожили.

— Поѣдемъ, какъ слѣдуетъ, тихонько, — объяснялъ Антипъ Ильичъ: — въ селахъ, которыя намъ встрѣтятся на дорогѣ, будемъ служить краткія литіи; въ Кузьмищево прибудетъ къ тѣлу отецъ Василій, я уже писалъ ему объ этомъ, а потомъ вы изволите пожаловать съ вашими сродственниками на погребеніе, и все совершится по чину.

Сусанна Николаевна согласилась наконецъ выѣхать дня черезъ два послѣ отправленія гроба, но все-таки эти два дня она ужасно волновалась и мучилась, сознавая, что ей не хотѣлось и было чрезвычайно грустно разстаться съ Терховымъ. Читатель на первыхъ порахъ, можетъ-быть, удивится; но, разсудивъ, поймётъ, что такого рода чувствованіе въ Сусаннѣ Николаевнѣ явилось такимъ прямымъ и естественнымъ послѣдствіемъ, что иначе и быть не могло. Вообразите вы себѣ одно: болѣе года Сусанна Николаевна видѣла Терхова почти каждодневно, и онъ оказалъ столько услугъ Егору Егорычу, что, конечно, сынъ бы родной не сдѣлалъ для него столько. Изыскивая, какъ бы и чѣмъ помочь страдальцу и развлечь его, Терховъ однажды привезъ къ Егору Егорычу, съ предварительнаго, разумѣется, позволенія отъ него, извѣстнѣйшаго въ то время во всей Европѣ гомеопата-доктора, который, войдя къ Егору Егорычу, первое, что сдѣлалъ масонскій знакъ мастера. Егоръ Егорычъ, сейчасъ же это замѣтившій, отвѣтилъ ему таковымъ же, а затѣмъ началось объясненіе между докторомъ и его паціентомъ на нѣмецкомъ языкѣ.

— Вы розенкрейцеръ? — спросилъ докторъ.

— Былъ имъ прежде, но теперь мартинистъ.

Нѣмецъ, кажется, не совсѣмъ понялъ этотъ отвѣтъ.

— Вы поэтому французъ? — проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, — возразилъ Егоръ Егорычъ: — я хоть и мартинистъ, но мартинистъ русскій.

Нѣмецъ и этого отвѣта Егора Егорыча не понялъ и выразился по-нѣмецки такъ:

— Я просилъ бы васъ, почтенный господинъ, объяснить мнѣ, кого вы называете русскими мартинистами.

— Я называю русскими мартинистами, — началъ Егоръ Егорычъ, приподнимаясь немного на постели: — тѣхъ, кои, будучи православными, исповѣдуютъ мистицизмъ, и не по Бему, а по правиламъ и житію отцовъ нашей церкви, по правиламъ аскетовъ.

Выраженіе «по правиламъ аскетовъ» гомеопатъ понялъ, но все-таки не могъ уяснить себѣ, что такое собственно русскій мартинизмъ, и хотѣлъ по крайней мѣрѣ узнать, что какого бы тамъ союза ни было, но масонъ ли Егоръ Егорычъ?

— Съ восемнадцатилѣтняго возраста моей жизни масонъ! — воскликнулъ тотъ.

Удовлетворившись такимъ отвѣтомъ, гомеопатъ сталъ разспрашивать Егора Егорыча о припадкахъ его болѣзни, и когда все это выслушалъ, то произнесъ:

— Не позволите ли вы мнѣ, почтенный господинъ, произнести надъ вами нѣсколько магнитизерскихъ манипуляцій (ученый докторъ былъ кромѣ того, что гомеопатъ, еще магнитизеръ).

— Съ великимъ удовольствіемъ, — сказалъ Егоръ Егорычъ, всегда любившій всякаго рода таинственныя и малообъяснимыя лѣченія.

— Лягте спокойнѣе! — повелѣлъ ему докторъ.

Егоръ Егорычъ вытянулся на постели и положилъ обѣ руки свои на подложечку: онъ желалъ одновременно съ магнитизированіемъ предаться «умному дѣланію».

Докторъ сдѣлалъ сначала довольно тихія магнитизерскія движенія, потомъ ихъ все усиливалъ и учащалъ, стараясь смотрѣть на Егора Егорыча упорнымъ взглядомъ; но въ отвѣтъ на это тотъ смотрѣлъ на него тоже упорно и лихорадочно-блестящими глазами. У доктора наконецъ началъ выступать потъ на лбу отъ дѣлаемыхъ имъ магнитизерскихъ движеній, но Егоръ Егорычъ не засыпалъ.

— Тѣло ваше слишкомъ убито, и его не нужно усыплять, чтобы вызвать духъ!.. Онъ въ васъ явенъ, а, напротивъ, на-

добно помочь вашей слабой матеріальной силѣ, что̀ и сдѣлаютъ, я полагаю, вотъ эти три крупинки.

Проговоривъ это, гомеопатъ вынулъ изъ своей аптечки, возимой имъ обыкновенно въ боковомъ карманѣ фрака, порошокъ съ тремя крупинками, каковыя и высыпалъ Егору Егорычу на языкъ. Затѣмъ онъ попросилъ Егора Егорыча остаться въ абсолютномъ покоѣ. Егоръ Егорычъ постарался остаться въ абсолютномъ покоѣ, опять-таки не отнимая рукъ отъ солнечнаго сплетенія. Въ такомъ положеніи онъ пролежалъ около получаса.

— Чувствуете ли вы нѣкоторое успокоеніе? — спросилъ гомеопатъ.

— Да, какъ будто бы, — отвѣчалъ Егоръ Егорычъ.

— Примите еще три крупинки! — продолжалъ гомеопатъ, высыпая новый пріемъ на языкъ Егора Егорыча, который, проглотивъ крупинки, черезъ весьма непродолжительное время проговорилъ:

— Теперь мнѣ совсѣмъ хорошо.

Гомеопатъ съ удовольствіемъ потеръ себѣ руки и распрощался съ Егоромъ Егорычемъ масонскимъ способомъ.

Около двухъ мѣсяцевъ продолжалось лѣченіе этого рода. Терховъ всякій разъ привозилъ доктора самъ и все время, пока тотъ сидѣлъ у больного, онъ бесѣдовалъ съ Сусанной Николаевной. Егору Егорычу по временамъ дѣлалось то лучше, то хуже, но въ результатѣ онъ все-таки слабѣлъ, и докторъ счелъ нужнымъ объявить, что однихъ гомеопатическихъ средствъ недостаточно для возстановленія физическихъ силъ Егора Егорыча, и что ихъ надобно соединить съ житьемъ въ горной мѣстности. Хлопоты для отысканія таковой мѣстности опять принялъ на себя Терховъ и обрѣлъ оную на довольно порядочной высотѣ Шварцвальда; но на бѣду тутъ же существовала мыза для лѣченія молокомъ. Завѣдующій этою мызою врачъ, съ необыкновенно черными бакенбардами и, вѣроятно, изъ переродившихся жидовъ, почти насильно ворвавшись къ Марѳинымъ, сталъ съ наглостью, свойственною его расѣ, убѣждать Сусанну Николаевну и Терхова въ превосходствѣ лѣченія молокомъ, особенно для стариковъ. Тѣ, съ своей стороны, предложили Егору Егорычу, не пожелаетъ ли онъ полѣчиться молокомъ; тотъ согласился, но черезъ недѣлю же его постигнуло такое желудочное разстройство, что Сусанна Николаевна испугалась даже за жизнь мужа, а Терховъ поскакалъ въ Баденъ и привезъ оттуда настоящаго врача, не-спеціалиста, который, внимательно изслѣдовавъ больного, объявилъ, что у Егора Егорыча чахотка, и что если желаютъ его под-

держать, то предприняли бы морское путешествіе, каковое, конечно, Марѳины, въ сопровожденіи того же Терхова, предприняли, начавъ его съ Средиземнаго мори; но когда корабль перешелъ въ Атлантическій океанъ, то вблизи Бордо, — странное стеченіе обстоятельствъ, — вблизи этого города, гдѣ нѣкогда возникла ложа мартинистовъ, Егоръ Егорычъ скончался. Снова хлопоты, которыя весьма находчиво преодолѣлъ Терховъ тѣмъ, что посредствомъ разспросовъ успѣлъ отыскать стараго масона-мартиниста, лицо весьма важное въ городѣ; онъ явился и объяснилъ все, что слѣдовало, о Марѳинѣ. Старый мартинистъ принялъ живое участіе въ оставшейся вдовѣ и схлопоталъ ей возможность довезти тѣло супруга на одномъ французскомъ пароходѣ вплоть до Петербурга; но возвращаюсь къ настоящему.

Когда вышесказанные два дня прошли и Сусанна Николаевна, имѣвшая твердое намѣреніе погребсти себя на всю жизнь въ Кузьмищевѣ около дорогого ей праха, собиралась уѣхать изъ Москвы, то между нею и Терховымъ произошелъ такого рода разговоръ:

— Вы теперь ужъ долго, вѣроятно, не появитесь сюда? — спросилъ онъ.

— Вѣроятно; я очень больна. Но вы, если будете такъ добры, навѣстите меня, умирающую, въ моей усадьбѣ, въ Кузьмищевѣ... До него не очень далеко отсюда.

Терховъ расцвѣлъ.

— Я пріѣду, если вы мнѣ позволите это, предварительно переписавшись съ вами,—проговорилъ онъ.

— Непремѣнно переписавшись!—подхватила Сусанна Николаевна, и всю дорогу до Кузьмищева она думала: «Господи, какая я грѣшница!».

XIII.

Сусанна Николаевна и Муза Николаевна каждонедѣльно между собою переписывались, и вмѣстѣ съ тѣмъ Терховъ, тоже весьма часто бывая у Лябьевыхъ, все о чемъ-то съ нѣкоторою таинственностью объяснялся съ Музой Николаевной, такъ что это замѣтилъ наконецъ Аркадій Михайловичъ и сказалъ, конечно, шутя женѣ:

— Что это у тебя идетъ за шептанье съ Терховымъ? Ты смотри у меня: на старости лѣтъ не согрѣши!

— Что ты выдумалъ! — произнесла, какъ бы нѣсколько смутившись, Муза Николаевна:—если бы кто-нибудь за мной настоящимъ манеромъ ухаживалъ, такъ развѣ ты бы это замѣтилъ?

— Какъ бы это такъ я не замѣтилъ?—возразилъ Лябьевъ.

— Да такъ, не замѣтилъ бы; а тутъ, если и есть что-нибудь, такъ другое.

— Что же это другое?

— Не скажу!

— Ну, Муза, милая, скажи! — сталъ приставать Лябьевъ.

— Не скажу!—повторила еще разъ Муза Николаевна.

— Отчего жъ не екажешь? Что за глупости такія!

— Оттого, что ты сейчасъ всѣмъ разболтаешь!

— Не разболтаю, ей-Богу!—воскликнулъ, перекрестившись даже, Лябьевъ.

— Не увѣряй, пожалуйста! Знаю я тебя!—стояла на своемъ Муза Николаевна.

— О, когда такъ, то я знаю безъ тебя и буду всѣмъ объ этомъ разсказывать!

— Что ты знаешь и что будешь разсказывать?—спросила Муза Николаевна, опять немного смутившись.

— Знаю я, — произнесъ, самодовольно мотнувъ головой, Лябьевъ: — во-первыхъ, тутъ дѣло идетъ о Сусаннѣ Николаевнѣ.

— Можетъ-быть! — согласилась не умѣвшая лгать Муза Николаевна.

— Потомъ о Терховѣ!

Муза Николаевна при этомъ потупилась.

— О немъ?—спросилъ Лябьевъ.

— Можетъ-быть!—отвѣчала и на это Муза Николаевна.

— А далѣе ты разсказывай! — проговорилъ Лябьевъ и усѣлся даже, чтобы слушать жену.

— Да то, что я въ очень странномъ положеніи... — начала Муза Николаевна, сама того не сознавая, говорить все откровенно: — Терховъ мнѣ признался, что онъ влюбленъ въ Сусанну...

— Такъ и подобаетъ, ничего нѣтъ тутъ страннаго! — подхватилъ Лябьевъ.

— Странно то, — продолжала Муза Николаевна:—что онъ просилъ меня сдѣлать отъ него предложеніе Сусаннѣ, но въ настоящее время я нахожу это совершенно невозможнымъ.

— Почему?—спросилъ Лябьевъ.

— Потому что послѣ смерти Егора Егорыча прошло всего только шесть мѣсяцевъ, и Сусанна, какъ, помнишь, на сценѣ говорилъ Мочаловъ, башмаковъ еще не износила, въ которыхъ шла за гробомъ мужа.

— Положимъ, что башмаки она ужъ износила! — замѣтилъ Лябьевъ:—кромѣ того, если Терховъ просилъ тебя передать отъ

него предложеніе Сусаннѣ, такъ, можетъ-быть, они заранѣе объ этомъ переговорили: они за границей цѣлый годъ каждый день видѣлись.

— Нисколько не переговорили! — возразила Муза Николаевна:—Терховъ такъ былъ деликатенъ, что ни однимъ словомъ не намекнулъ Сусаннѣ о своемъ чувствѣ.

— Словомъ, можетъ-быть, не намекалъ; но то же самое можно сказать дѣйствіями. Впрочемъ, пусть будетъ по-твоему, что на сей предметъ ничѣмъ не было намекнуто, потому что тогда этому служилъ препятствіемъ умирающій мужъ; теперь же этого препятствія не существуетъ.

— Только не для Сусанны; я скажу тебѣ прямо, что я намекала ей не о Терховѣ, конечно, а такъ вообще, какъ она будетъ располагать свою жизнь, думаетъ ли выйти когда-нибудь замужъ, и она мнѣ утвердительно отвѣчала, что она ни на что не рѣшится, пока не прочтетъ завѣщанія Егора Егорыча.

— Но какое же это такое завѣщаніе? — недоумѣвалъ Лябьевъ: — ты сама же мнѣ говорила, что Егоръ Егорычъ передъ отъѣздомъ за границу передалъ Сусаннѣ Николаевнѣ все свое состояніе по купчей крѣпости.

— Ахъ, это вовсе не о состояніи завѣщаніе, а скорѣй посмертное наставленіе Сусаннѣ, какъ она должна будетъ поступать передъ Богомъ, передъ ближнимъ и передъ самимъ собою.

— Такъ что, если въ этомъ завѣщаніи сказано, чтобы она не выходила замужъ, такъ она и не выйдетъ?—спросилъ Лябьевъ.

— Вѣроятно,—проговорила Муза Николаевна.

— Глупости какія, и глупости потому, что Сусанна, вѣроятно, со временемъ сама не послушается этого приказанія.

— И это возможно!—не отвергнула Муза Николаевна.

— Ломаки вы, барыни, вотъ что! Справедливо васъ Аграфена Васильевна называетъ недотрогами,—сказалъ Лябьевъ.

Побесѣдовавъ такимъ образомъ съ супругой своей, онъ въ тотъ же день вечеромъ завернулъ въ кофейную Печкина, которую все еще любилъ посѣщать, какъ главное прибѣжище художественныхъ силъ Москвы. Въ настоящемъ случаѣ Лябьевъ изъ этихъ художественныхъ силъ нашелъ только Максиньку, возсѣдавшаго передъ знакомымъ намъ частнымъ приставомъ, который угощалъ его пивомъ. Лябьевъ подсѣлъ къ нимъ.

— Интересную штуку онъ разсказываетъ,—произнесъ Максинька съ обычною ему важностью и указывая на частнаго пристава.

— О чемъ?—спросилъ Лябьевъ.

— О томъ-съ, какъ мы, по требованію епархіальнаго начальства, замазывали въ этой, знаете, масонской церкви, около почтамта, разныя надписи.

— Стало-быть, нынче сильно преслѣдуютъ масоновъ?—сказалъ Лябьевъ.

— Ужасно-съ! Раскольниковъ тоже велятъ душить, такъ что того и гляди, что попадешься въ какомъ-нибудь этакомъ случаѣ, и тебя турнутъ; лучше ужъ я самъ заблаговременно уйду и возьму частную службу, тѣмъ больше, что у меня есть такая на виду.

— Какая же и гдѣ это у васъ на виду частная служба?—проговорилъ надменно и съ недовѣріемъ Максинька.

— У Тулузова, у откупщика,—нехотя отвѣчалъ ему приставъ и снова обратился къ Лябьеву: — Ахъ, чтобы не забыть, кстати разговоръ объ этомъ зашелъ: позвольте васъ спросить, какъ приходится господину Марѳину жена Тулузова: родственница она ему или нѣтъ?

— Если вы хотите, то родственница,—отвѣчалъ, стараясь припомнить, Лябьевъ: — но только сводная родня: она была замужемъ за роднымъ племянникомъ Марѳина; но почему васъ это интересуетъ?

— По тому обстоятельству, — продолжалъ приставъ: — что я, какъ вамъ докладывалъ, перехожу на службу къ господину Тулузову главноуправляющимъ по его откупамъ; прежняго своего управляющаго Савелія Власьева онъ прогналъ за плутовство и за грубость и мнѣ теперь предлагаетъ это мѣсто.

— Но говорятъ,—возразилъ на это Лябьевъ:—этотъ Тулузовъ ужасный человѣкъ!

— Все это клевета-съ, безстыдная и подлая клевета какого-то докторишки! — воскликнулъ съ одушевленіемъ приставъ:—заслуги Василія Иваныча еще со временемъ оцѣнитъ Россія!

Максинька при этомъ иронически улыбался: онъ такъ понималъ, что частный приставъ все это вретъ; но не позволилъ себѣ высказать это въ надеждѣ, что тотъ его еще угоститъ пивомъ.

— Главное желаніе теперь Василія Иваныча развестись съ своей супругой, и это онъ поручаетъ тоже мнѣ,—продолжалъ между тѣмъ приставъ.

— Но почему же именно онъ желаетъ развестись съ ней?—спросилъ Лябьевъ.

— Потому, что очень ужъ она безобразничаетъ, не говоря уже о томъ, что здѣсь, въ Москвѣ, она вела весьма вольную жизнь...

— Съ нашимъ Петькой возжалась!—подхватилъ Максинька.

— Не съ однимъ вашимъ Петькой,—отозвался приставъ:— мало ли тутъ у нея было; а поселившись теперь въ деревнѣ, вдосталь принялась откалывать разныя штуки: сначала связалась съ тамошнимъ инвалиднымъ поручикомъ, разстроила было его семейную жизнь, а теперь, говорятъ, пьетъ напропалую и кутитъ съ мужиками своими.

— Фу ты, Боже мой, какая мерзость! — невольно воскликнулъ Лябьевъ.

— По-вашему вотъ мерзость, а по законамъ нашимъ это ничего не значитъ!—воскликнулъ тоже и частный приставъ.— Даже любовныя письма госпожи Тулузовой, въ которыхъ она одному здѣшнему аристократику пишетъ: «Будь, душенька, тутъ-то!», или прямо: «Пріѣзжай, душенька, ко мнѣ ночевать; жду тебя съ распростертыми объятіями», и того не берутъ во вниманіе.

— Это она писала къ этому камеръ-юнкеру, который прежде все сюда ходилъ? — спросилъ Максинька.

— Тому самому! — подтвердилъ приставъ.

— Но гдѣ жъ вы могли достать эти письма?—проговорилъ Лябьевъ.

— Мы ихъ купили у этого господина за пятьсотъ рублей... штукъ двадцать; баричи-то наши до чего нынче доходятъ: своего состоянія нема, изъ службы отовсюду повыгнали, теперь и пребываетъ шатающимъ, болтающимъ, моли Бога о насъ. Но извините однако, мнѣ пора ѣхать по наряду въ театръ, — заключилъ приставъ и, распрощавшись съ своими собесѣдниками, проворно ушелъ и затѣмъ, какимъ-то кубаремъ спустившись съ лѣстницы, направился въ театръ.

— Этотъ приставъ—подлецъ великій! — сказалъ тотчасъ же послѣ его ухода Максинька.

— Великій? — повторилъ Лябьевъ.

— Ухъ какой, первѣйшій изъ первѣйшихъ! Говоритъ, въ частную службу идетъ, а какая и зачѣмъ ему служба нужна? Будетъ ужъ, нахапалъ, тысячъ триста имѣетъ въ ломбардѣ.

— Не можетъ быть! — не повѣрилъ Лябьевъ.

— Увѣряю васъ, но что объ этомъ говорить! Позвольте мнѣ лучше предложить вамъ выпить со мной пива! — сказалъ Максинька, рѣшившійся на свой счетъ угостить себя и Лябьева.

— О, нѣтъ-съ, — не позволилъ ему тотъ: — лучше я васъ угощу, и не пивомъ, а портеромъ.

— Благодарю, — сказалъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ Максинька, и когда портеръ былъ поданъ и розлитъ, онъ поднялъ свой стаканъ вверхъ и произнесъ громогласно:

— Пью за ваше здоровье, какъ за перваго русскаго композитора!

— Не врите, не врите, Максинька, — остановилъ его Лябьевъ:—есть много другихъ получше меня: первый русскій композиторъ Глинка.

— Такъ!—не отвергнулъ Максинька.

Затѣмъ, по уходѣ Лябьева, Максинька пребывалъ нѣкоторое время какъ бы въ нерѣшительномъ состояніи, а потомъ вдругъ проговорилъ необыкновенно веселымъ голосомъ половому:

— Миша, дай-ка мнѣ еще бутылочку пива!

— Да вы и безъ того много надолжали; хозяинъ велѣлъ только вамъ вѣрить до двадцати паръ, а вы ужъ...

— Ну, ну, ну! Что за счеты!—остановилъ его Максинька одновременно ласковымъ и повелительнымъ голосомъ.

Половой, усмѣхнувшись, пошелъ и принесъ Максинькѣ бутылку пива, которую тотъ принялся распивать съ величайшимъ наслажденіемъ, видимо, предаваясь въ это время самымъ благороднѣйшимъ чувствованіямъ.

Однажды, это ужъ было въ началѣ лѣта, Муза Николаевна получила весьма странное письмо отъ Сусанны Николаевны.

«Музочка, душенька, ангелъ мой,—писала та:—пріѣзжай ко мнѣ, не медля ни минуты, въ Кузьмищево, иначе я умру. Я не знаю, что со мною будетъ; я, можетъ-быть, съ ума сойду. Я рѣшилась наконецъ распечатать завѣщаніе Егора Егорыча. Оно страшно и отрадно для меня, и какая, Музочка, я гадкая женщина. Всего я не могу тебѣ написать, у меня на это ни силъ ни смѣлости не хватаетъ».

Когда Муза Николаевна показала это письмо Лябьеву, онъ сказалъ:

— Тебѣ надобно ѣхать!

— Непремѣнно,—подхватила Муза Николаевна:—а то Сусанна, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ съ ума сойдетъ.

— Положимъ, что съ ума не сойдетъ,—возразилъ Лябьевъ:—и я напередъ увѣренъ, что все это творится съ ней по милости Терхова: онъ тутъ главную роль играетъ.

— Конечно, безъ сомнѣнія!—подхватила Муза Николаевна.

— А съ нимъ ты передъ отъѣздомъ не повидаешься?—спросилъ Лябьевъ.

Муза Николаевна нѣсколько мгновеній подумала.

— Но зачѣмъ мнѣ съ нимъ видѣться?—начала она съ вопроса.—Подать ему какую-нибудь надежду отъ себя—это опасно: можетъ-быть, ты и я въ этомъ ошибаемся, и это совсѣмъ не то...

— Отчего же не то? — сказалъ съ недоумѣніемъ Лябьевъ.

— Оттого что... какъ это знать?.. можетъ-быть, Егоръ Егорычъ завѣщалъ Сусаннѣ итти въ монастырь.

— Какія глупости! — воскликнулъ Лябьевъ. — Тогда къ чему же ея фраза, что ей отрадно и страшно?

— Къ тому, что итти въ монастырь Сусаннѣ отрадно, а вмѣстѣ съ тѣмъ она боится, сумѣетъ ли вынести монастырскую жизнь.

— Нѣтъ, твое предположеніе—вздоръ! — отвергнулъ съ рѣшительностью Лябьевъ.

— Не спорю, но ты согласись, что мнѣ лучше не видѣться съ Терховымъ, и отъ этого надобно уѣхать какъ можно скорѣе, завтра же!

— Завтра же и поѣзжай!—разрѣшилъ ей Аркадій Михайлычъ.

— Я поѣду, но меня тутъ двѣ вещи безпокоятъ: во-первыхъ, нашъ мальчуганъ; при немъ, разумѣется, останется няня, а потомъ и ты не изволь уходить изъ дому надолго.

— Куда жъ мнѣ уходить? — отозвался Лябьевъ.

— Да въ тотъ же клубъ, гдѣ ты уже былъ и поигралъ тамъ, — замѣтила съ легкой укоризной Муза Николаевна, болѣе всего на свѣтѣ боявшаяся, чтобы къ мужу не возвратилась его прежняя страсть къ картамъ.

Лябьевъ, въ свою очередь, былъ весьма сконфуженъ такимъ замѣчаніемъ жены.

— Что жъ, что я былъ въ клубѣ; я тамъ выигралъ, а не проигралъ!—проговорилъ онъ какимъ-то нетвердымъ голосомъ.

— Это ничего не значитъ, — возразила ему супруга: — сегодня ты выигралъ, а завтра проиграешь вдвое больше; и зачѣмъ ты опять началъ играть, скажи, пожалуйста?

— Ахъ, Муза, ты, я вижу, до сихъ поръ меня не понимаешь! — произнесъ Лябьевъ и взялъ себя за голову, какъ бы желая тѣмъ выразить, что его давно гложетъ какое-то затаенное горе.

— Напротивъ, я тебя очень хорошо понимаю,—не согласилась съ нимъ Муза Николаевна:—тебѣ скучно безъ картъ.

— Скучно; а почему мнѣ скучно?

— Потому, что ты недоволенъ всѣмъ, что ты теперь ни напишешь.

— Да какъ же мнѣ быть довольнымъ? Даже друзья мои, которые, когда я сыграю что-нибудь свое, прималчиваютъ, и если не хулятъ, то и не хвалятъ.

— Ну, что жъ съ этимъ дѣлать? Надобно быть довольнымъ тѣмъ, что есть; имя себѣ ты сдѣлалъ, — утѣшала его Муза Николаевна.

— Какое у меня имя! — возразилъ съ досадой Лябьевъ.— Я не музыкантъ даже настоящій, а только дилетантъ.

— Но что жъ такое, что дилетантъ? Точно такъ же, какъ и другіе; у васъ все больше дилетанты; это-то ужъ, Аркадій, я понимаю, потому что сама тоже немножко принадлежу къ вашему кругу.

— Нѣтъ, Михаилъ Иванычъ Глинка не дилетантъ! — воскликнулъ, иронически разсмѣявшись, Лябьевъ. — Что такое его «Жизнь за Царя»?.. Это цѣлый міръ, который онъ создалъ одинъ, безъ всякихъ хоть сколько-нибудь достойныхъ ему предшественниковъ,—создалъ, легко сказать, оперу, большую, европейскую, а мы только попискиваемъ романсики. Я вотъ просвисталъ удачно «Соловья», да тѣмъ и кончилъ.

— Что ты говоришь: тѣмъ кончилъ? Мало ли твоихъ вещей?—продолжала возражать Муза Николаевна.

— Вещичекъ, вещичекъ!—поправилъ ее Лябьевъ.—А все это отчего? Михаилъ Иванычъ выросъ посреди оркестра настоящаго, хорошаго оркестра, который былъ у его дяди, а потомъ мало ли у кого и гдѣ онъ учился: онъ бралъ уроки у Омана, Ценнера, Карла Мейера, у Цейлера, да и не перечтешь всѣхъ, а я что?.. По натурѣ моей, я знаю, что у меня былъ талантъ, но какое же музыкальное воспитаніе я получилъ? Обо мнѣ гораздо больше хлопотали, чтобы я чисто произносилъ по-французски и хорошо танцовалъ.

— Этого ужъ не воротишь, — подхватила Муза Николаевна: — но мы должны утѣшать себя теперь тѣмъ, что у насъ сынъ будетъ музыкантъ, и мы его станемъ ужъ серьезно учить.

— Непремѣнно, непремѣнно! — прокричалъ на всю комнату Лябьевъ.—Я продамъ все, но повезу его въ лучшую консерваторію въ Европѣ.

— Прежде еще ты самъ его долженъ учить, а потому тебѣ играть въ карты будетъ некогда.

На этихъ словахъ Музы Николаевны старая нянька ввела маленькаго Лябьева, очень хорошенькаго собою мальчика, которому было уже три года.

Мать сейчасъ же посадила его себѣ на колѣни и спросила:

— Миша, ты будешь музыкантомъ?

— Да,—громко сказалъ Миша, мотнувъ своей большой кудрявой головой.

— А кто изъ насъ лучше играетъ: я или папаша?

— Онъ, папаша!—отвѣчалъ Миша и указалъ своимъ пухленькимъ пальцемъ на отца.

XIV.

Музѣ Николаевнѣ пришлось ѣхать въ Кузьмищево, конечно, мимо знакомой намъ деревни Сосунцы, откуда повезъ ее тоже знакомый намъ Иванъ Дороѳеевъ, который уже не торговлей занимался, а возилъ сосѣднихъ баръ, купцовъ, а также переправлялъ въ Петербургъ по зимамъ сало, масло, медъ, грибы и отъ всего этого, повидимому, сильно раздышался: къ прежней избѣ онъ пристроилъ еще другую—большую; обѣ онѣ у него были обшиты тесомъ и выкрашены, на деревенскій, разумѣется, вкусъ, пестровато и глуповато, но зато краска была терта на чудеснѣйшемъ льняномъ маслѣ и блестѣла, какъ бы покрытая лакомъ. Услыхавъ, что сдаютъ свезти въ Кузьмищево ѣдущую изъ Москвы барыню, Иванъ Дороѳеевъ, значительно уже посѣдѣвшій, но все еще молодцоватый собою, вышелъ, какъ водится, на улицу. Сторговавшись съ извозчикомъ въ цѣнѣ, онъ не работника послалъ везти барыню, а захотѣлъ самъ ѣхать и заложилъ лучшую свою тройку въ бричку, въ которой ѣхала Муза Николаевна вдвоемъ съ горничной; затѣмъ, усѣвшись на козлы и выѣхавъ изъ деревни въ поле, Иванъ Дороѳеевъ не преминулъ вступить въ разговоръ съ своими сѣдоками.

— Надо-быть, вы изволите ѣхать къ Сусаннѣ Николаевнѣ?—обратился онъ прямо къ Музѣ Николаевнѣ, сразу разобравъ, кто горничная и кто барыня.

— Къ Сусаннѣ Николаевнѣ; я сестра ей,—отвѣчала та.

Иванъ Дороѳеевъ вглядѣлся повнимательнѣе въ Музу Николаевну.

— Вотъ бить-то бы меня, дурака! Не призналъ я васъ, скажите на милость!—произнесъ онъ: — вы еще маленькой у насъ останавливались, когда проѣзжали съ мамашей вашей.

— Да, я тогда была очень молода; я младшая изъ всѣхъ сестеръ.

— Вижу, вижу теперь, сударыня, а тоже, чай, замужемъ?

— Давно!—отвѣчала Муза Николаевна, невольно подумавъ про себя: «мало что замужемъ, но и въ Сибири пожила». — Здорова ли сестра?—прибавила она.

— Здорова-съ; своими глазами видѣлъ, что онѣ изволятъ сидѣть на балконѣ... Ѣздилъ тоже въ Кузьмищево, пустошь луговую въ кортому взять; своего-то сѣна у насъ, по крестьянскому нашему состоянію, мало, а я семь лошадей держу для извоза; надоче было объ этомъ переговорить съ Сергѣемъ Николаичемъ Сверстовымъ,—изволите, полагаю, знать?

— Очень хорошо знаю; развѣ онъ теперь управляетъ у сестры имѣніемъ?

— Онъ-съ завѣдуетъ, да и допрежь того, при старикѣ еще, Сергѣй Николаичъ всѣмъ заправлялъ: у нихъ такъ это шло, что онъ по полевой части завѣдываетъ, а супруга его... какъ ей имя-то?.. смѣшное такое...

— Gnädige Frau,—напомнила ему Муза Николаевна.

— Такъ, кажись; но какъ же, сударыня, у ней имя этакое?.. иностранное, что ли, оно?..

— Это не имя, а прозвище, и значитъ «почтенная женщина».

— Вотъ что-съ, понимаю,—проговорилъ Иванъ Дороѳеевъ:— и ее справедливо называютъ почтенной женщиной: такая доточная и разсудительная барыня, что и сказать нельзя; господинъ докторъ больше добрый, но она теперича по дому ли что, или насчетъ денегъ, и даже по конторской части, все это подъ ея распоряженіемъ. Сусаннѣ Николаевнѣ за доброту ея послалъ Богъ такихъ управляющихъ; всѣ мы, даже сосѣди ихніе, тому радуемся. Теперь такъ болтаютъ, что конскій заводъ ваша сестрица хочетъ порѣшить, а чтобы въ больницѣ больше помѣщалось простого народа,—дай ей Богъ здоровья за то! Это что говорить? Господамъ, сударыня, — продолжалъ онъ больше уже размышляющимъ тономъ:—которые богатые, такъ и слѣдствуетъ: праведниками чрезъ то могутъ быть; намъ такъ вотъ, мужикамъ, не подъ силу того, и въ царство-то небесное не за что попасть!

— Почему же?—спросила Муза Николаевна, нѣсколько удивленная такимъ мнѣніемъ Ивана Дороѳеева.

— Потому что-съ,—объяснилъ онъ:—намъ надо всю жизнь плутовать, а то откедова же добудешь? Извольте-ка вы разсудить: съ мужика баринъ беретъ, царь беретъ, всякій что ни на есть чиновникъ беретъ, а вѣдь у насъ только двѣ руки на работу, какъ и у другихъ прочихъ; за неволю плутуешь, и иди потомъ за то въ адъ кромѣшный.

— Но какъ же, господинъ извозчикъ, вы это говорите? Мало ли святыхъ было изъ мужиковъ и изъ нашей братьи, дворовыхъ!—возразила ему горничная Музы Николаевны, женщина среднихъ лѣтъ и тоже, должно-быть, бойкая на языкъ.

— Да это, можетъ-быть, голубушка, у васъ, въ Москвѣ, а по нашимъ мѣстамъ что-то не слыхать того, по той причинѣ, что, въ міру живучи, не спасешься, а въ монастыри-то нынче простой народъ не принимаютъ, все кутейники и кутейницы туда лѣзутъ, благо ихъ какъ саранчи голодной развелось.

Разсуждая такимъ образомъ, Иванъ Дороѳеевъ уже проѣхалъ шедшій изъ Сосунцовъ лѣсъ, и по сторонамъ сталъ

открываться тотъ же ландшафтъ, который я нѣкогда описывалъ, но только лѣтній и дневной. Стоявшія почти на окраинѣ горизонта деревни виднѣлись ясно. Мельница близъ дороги попрежнему махала своими длинными крыльями; на поляхъ высилась слегка волнуемая вѣтромъ рожь. По мѣстамъ на лугахъ сгребали сѣно бабы въ однѣхъ рубахахъ, но съ красными платками на головахъ. Всѣ онѣ кланялись проѣзжающей барынѣ, на что Муза Николаевна отвѣчала низкимъ и привѣтливымъ поклономъ; московская же горничная ея едва только склоняла имъ голову, желая тѣмъ выразить свое столичное превосходство. Далѣе, въ паровомъ полѣ гулялъ табунъ лошадей, отъ котораго отбившись молодой жеребенокъ какъ бы изъ любопытства подбѣжалъ довольно близко къ дорогѣ и, поднявъ свою тонкую голову, заржалъ, на что Иванъ Дороѳеевъ, крикнувъ: «Я-те, дьяволенокъ этакій!», хлопнулъ по воздуху плетью. Напуганный этимъ, жеребенокъ повернулъ назадъ и маршъ-маршемъ понесся къ маткѣ. До Кузьмищева наконецъ было весьма недалеко. Иванъ Дороѳеевъ сталъ погонять лошадей, приговаривая: «Ну, ну, ну, матушки, выносите съ горки на горки, а кучеру на водку!». Спустившееся между тѣмъ довольно низко солнце прямо свѣтило моимъ путникамъ въ глаза, такъ что Иванъ Дороѳеевъ, приложивъ ко лбу руку, на подобіе глазного зонтика, нѣсколько минутъ смотрѣлъ вдаль, а потомъ какъ бы самъ съ собою проговорилъ:

— Къ намъ навстрѣчу, надо-быть, ѣдетъ чья-то коляска.

— Коляска? Какая, чья? — спросила стремительно Муза Николаевна.

Иванъ Дороѳеевъ продолжалъ изъ-подъ руки смотрѣть вдаль.

— Да чуть ли не Сусанна Николаевна; это ихняя вороная четверка. Ишь ты, дышловыя-то какъ ноги мечутъ, словно львы!

— Сусанна?—воскликнула Муза Николаевна и высунулась вся изъ брички, чтобы лучше разсмотрѣть даль.

— Она самая-съ, — отвѣчалъ утвердительно Иванъ Дороѳеевъ и погналъ лошадей во всѣ лопатки.

Когда бричка и коляска съѣхались, то обѣ сестры взвизгнули и, едва давъ отпереть дверцы экипажей, выскочили проворно на дорогу и бросились другъ къ другу въ объятія, при чемъ Сусанна Николаевна рыдала и дрожала всѣмъ тѣломъ, такъ что Муза Николаевна принуждена была поддерживать ее.

— Ну, сядемъ, я съ тобой поѣду!—сказала она.

— Нѣтъ, нѣтъ,—возразила Сусанна Николаевна совершенно взволнованнымъ голосомъ:—я хочу съ тобой пойти пѣшкомъ!

Видимо, что ей больше всего хотѣлось остаться поскорѣе съ сестрой вдвоемъ.

— Пойдемъ!—отвѣчала ей покорно Муза Николаевна.

Онѣ пошли, а экипажи поѣхали сзади ихъ.

Несмотря на свой разстроенный видъ, Сусанна Николаевна, слегка опиравшаяся на руку сестры, была художественно-прекрасна: ея довольно высокій станъ представлялъ классическую стройность; траурная вуаль шляпки развѣвалась по воздуху; глаза были исполнены лихорадочнаго огня; замѣтный румянецъ покрывалъ ея обычно блѣдное лицо. Крѣпко пожимая руку Музы Николаевны, она ей отвѣчала:

— Благодарю, спасибо тебѣ, Музочка, что ты пріѣхала; я тебѣ одной все скажу; здѣсь услышатъ; сядемъ лучше въ коляску!

И обѣ сестры сѣли въ коляску.

— Поѣзжай скорѣй! — приказала Сусанна Николаевна кучеру.

Кони-львы, еще вырощенные и пріѣзженные покойнымъ Егоромъ Егорычемъ, понеслись стрѣлой, такъ что Иванъ Дороѳеичъ началъ уже отставать на своей тройкѣ, на что горничная Музы Николаевны выразила неудовольствіе.

— Да какъ же, милостивая государыня, быть-то тутъ? — сказалъ онъ ей съ своей стороны насмѣшливо:—тѣ-то лошади жеребцы, а у меня всѣ кобылы

— Ахъ, пожалуйста, это все равно!—проговорила съ гримасою горничная.

— Какъ все равно? Мужикъ или баба, развѣ они одинаково могутъ бѣгать? Бабы-то словно бы всѣ косолапыя, а не прямоногія.

— Прошу васъ оставить ваши глупыя шутки! Я не такая, какъ, можетъ, вы думаете, — остановила его съ сердцемъ горничная.

— Да это какъ вамъ угодно, а я о васъ ничего худого не думаю,—проговорилъ тѣмъ же насмѣшливымъ голосомъ Иванъ Дороѳеевъ и продолжалъ ѣхать средней рысцой.

Горничная ужасно на это бѣсилась, но уже молчала.

Въ коляскѣ Сусаннѣ Николаевнѣ, повидимому, снова хотѣлось заговорить съ сестрой откровенно, но и тутъ было нельзя: на передней лавочкѣ чопорно возсѣдала gnädige Frau, имѣвшая послѣднее время правиломъ для себя сопровождать Сусанну Николаевну всюду.

По пріѣздѣ въ Кузьмищево, Сусанна Николаевна взяла-было сестру за руку и повела къ себѣ, но gnädige Frau остановила ее, проговоривъ:

— Музѣ Николаевнѣ надобно съ дороги умыться и перемѣнить свой туалетъ.

— Да, я ужасно какая!—подтвердила Муза Николаевна.

— Ну, поди, переодѣнься, только скорѣй приходи ко мнѣ!—разрѣшила ей Сусанна Николаевна.

Gnädige Frau направила Музу Николаевну наверхъ, въ ту самую комнату, которую та занимала въ дѣвичествѣ своемъ.

— Ваше прежнее пепелище! — проговорила она и вмѣстѣ съ тѣмъ притворила довольно плотно дверь комнаты.—Я имѣю вамъ два слова сказать...—продолжала gnädige Frau съ явною уже таинственностью:—вы внимательнѣй разспросите Сусанну Николаевну, что̀ такое съ ней; она волнуется и плачетъ цѣлые дни... Мы третій день ѣздимъ къ вамъ навстрѣчу, какъ будто бы вы могли перелетѣть изъ Москвы!

— Можетъ-быть, она стала тосковать послѣ того, какъ прочла духовное завѣщаніе Егора Егорыча.

Gnädige Frau отвѣчала на это, пожавъ плечами:

— Я даже не знаю, прочла ли его Сусанна Николаевна; она тутъ какъ-то проговаривала, что намѣрена вскрыть духовное завѣщаніе, потому что прошло гораздо болѣе девяти мѣсяцевъ.

— Почему же до девяти мѣсяцевъ нельзя было вскрыть завѣщанія? — невольно перебила gnädige Frau Муза Николаевна.

— Это наше масонское правило! — объяснила та: — мы убѣждены, что человѣкъ не умираетъ полною смертью, воспринявъ которую, онъ только погружается въ землю, какъ бы въ лоно матери, и въ продолженіе девяти мѣсяцевъ, подобно младенцу, изъ ветхаго Адама преобразуется въ новаго, или, лучше сказать, первобытнаго, безгрѣховнаго Адама; изъ плоти онъ переходитъ въ духъ, и до девяти мѣсяцевъ связь всякаго умершаго съ землею не прекращается; онъ, можетъ-быть, даже чувствуетъ все, что̀ здѣсь происходитъ; но вдругъ кто-нибудь недоволенъ завѣщанной имъ волей... Согласитесь, что это будетъ тревожить умершаго, нарушится спокойствіе праха. Поняли меня?

— Да, — отвѣчала Муза Николаевна, хотя, говоря правду, она очень мало поняла, а потому поспѣшила перевести разговоръ на сестру: — Но какъ же и въ чемъ Сусанна проводитъ время?

— Въ томъ, что мучится и страдаетъ, и со мной ни о чемъ серьезно не говоритъ!—слегка воскликнула gnädige Frau, видимо, обижавшаяся, что Сусанна Николаевна, особенно послѣ возвращенія изъ-за границы, была съ нею скрытна.—Однако

я васъ не задерживаю, поспѣшите къ сестрицѣ вашей! — заключила она и, уйдя, послала къ Музѣ Николаевнѣ горничную, съ помощью которой та очень скоро переодѣлась и прошла къ сестрѣ, сидѣвшей въ прежде бывшей спальнѣ Егора Егорыча и нынѣ составлявшей постоянное мѣстопребываніе Сусанны Николаевны.

Въ комнатѣ этой все оставалось попрежнему; только портретъ Юнга Сусанна Николаевна замѣнила мастерскимъ портретомъ Егора Егорыча, который она упросила его снять съ себя за границей, и въ этомъ случаѣ опять-таки помогъ ей Терховъ, который нарочно съѣздилъ изъ Бадена въ Мюнхенъ и привезъ художника еще молодого, но причисляющагося къ первоклассным портретистамъ. Портретомъ же Юнга завладѣла gnädige Frau и повѣсила его надъ своей кроватью, считая изображеніе мистическаго поэта лучшимъ украшеніемъ своего скромнаго обиталища. Сусанна Николаевна, когда вошла къ ней Муза, сидѣла съ глазами, опущенными на исписанный листъ бумаги. Увидѣвъ сестру, она подала ей этотъ исписанный листъ и проговорила:

— Прочти и научи меня, что мнѣ дѣлать!

Муза Николаевна начала читать. Передавать читателю буквально, что писалъ Егоръ Егорычъ, довольно трудно. Видимо, что онъ уже былъ въ сильно болѣзненномъ состояніи. Мысли и чувствованія у него путались и были накиданы безъ всякой связи. Одно можно было вывести изъ всѣхъ его отвлеченныхъ выраженій и восклицаній, это—вопль невыносимыхъ страданій и мукъ о томъ, что онъ заѣлъ молодость и весь вѣкъ Сусанны Николаевны. Прося объ отпущеніи ему этого грѣха, Егоръ Егорычъ вмѣстѣ съ тѣмъ умолялъ свою супругу предаться всѣмъ радостямъ земной жизни, прелесть которой можетъ оцѣнить только человѣкъ, уже лежащій на одрѣ смерти, и первою изъ земныхъ радостей Егоръ Егорычъ считалъ любовь. «Ты должна полюбить, — писалъ онъ прямо:—чувства этого во всей полнотѣ ты еще не испытала. Благословляю тебя быть женой и матерью: любящее сердце твое требуетъ этого. Въ выборѣ твоемъ ты не ошибешься: около тебя стоитъ человѣкъ, который любитъ тебя и достоинъ быть тобою любимымъ. Онъ есть Терховъ. Я его внимательно изучалъ: это человѣкъ чистаго сердца и глубоко-серьезнаго ума. Идя среди искусовъ жизни подъ его руководствомъ, ты будешь такъ же приближаться къ Богу, какъ приближалась бы, идя со мной по пути масонства». Далѣе шли приказанія Сусаннѣ Николаевнѣ никого не брать въ управляющіе, кромѣ Сверстова, которому сверхъ того сейчасъ отдѣлить по купчей крѣ-

пости усадьбу въ сорокъ душъ. Въ концѣ своего завѣщанія Егоръ Егорычъ просилъ Сусанну Николаевну о томъ, что если будетъ у ней ребенокъ — сынъ, то чтобы она исходатайствовала ему фамилію Терховъ-Марѳинъ.

— Все это очень умно, очень благородно, и тебѣ остается только поступить, какъ написано Егоромъ Егорычемъ.

— Но, милая Муза,—воскликнула Сусанна Николаевна: — неужели ты не понимаешь, что не Егоръ Егорычъ виноватъ передо мной, а я уморила его тѣмъ, что на его глазахъ увлекалась разными господами?!

— Ну, положимъ, такъ; я согласна съ тобой, хоть тутъ слова правды нѣтъ; но теперь Егоръ Егорычъ умеръ, и ты, я думаю, должна исполнить волю его во всѣхъ отношеніяхъ; а потому я завтра же напишу Терхову, чтобы онъ пріѣхалъ.

— Сохрани Боже, сохрани Боже! — почти закричала Сусанна Николаевна.

— Почему же Боже сохрани?—возразила Муза Николаевна.— Неужели въ самомъ дѣлѣ въ двадцать восемь лѣтъ ты думаешь жить въ этой глуши одна, ходить только на могилу мужа твоего? Ты съ ума сойдешь, если будешь вести такую жизнь.

— Знаю, можетъ-быть,—подтвердила Сусанна Николаевна:— но пойми ты меня: мнѣ не только что людей всѣхъ здѣшнихъ, но даже стѣнъ этихъ будетъ стыдно, что я сдѣлаюсь женой другого.

— Тогда поѣдемъ въ Москву, если тебѣ такъ стыдно здѣсь,—сказала на это Муза Николаевна.

— Въ Москвѣ—да, лучше... тамъ еще, можетъ-быть, я могу; но покуда не будемъ объ этомъ говорить!—попросила Сусанна Николаевна.

Вскорѣ послѣ того былъ накрытъ ужинъ, на который пришелъ также и возвратившійся съ своихъ хозяйственныхъ хлопотъ докторъ. Искренно обрадованный пріѣздомъ Музы Николаевны, онъ съ первыхъ же словъ отнесся къ ней съ вопросомъ:

— Извините вы меня, сударыня, но не извѣстно ли вамъ, по жизни вашей въ Москвѣ, что творитъ тамъ нѣкто дѣйствительный статскій совѣтникъ Тулузовъ, котораго-было я упряталъ въ острогъ, но который ужъ давно выпущенъ?

— Извѣстно немного,—отвѣтила ему Муза Николаевна:— онъ живетъ теперь большимъ бариномъ, даетъ роскошные обѣды и набираетъ себѣ все больше и больше откуповъ.

— Вотъ какъ-съ!—произнесъ Сверстовъ съ перекошеннымъ отъ затаенной злости лицомъ. — Егоръ Егорычъ, значитъ,

справедливо предсказывалъ, что у насъ не Христосъ выгонитъ изъ храма мытарей, а мытари выгонятъ рыбарей, что масонство на долгіе годы должно умереть, и возсіяетъ во всемъ своемъ величіи откупщицкая и кабацкая сила. Посмотримъ-съ, посмотримъ, какую пользу правительство извлечетъ изъ этого для себя и для народа; но только я на этомъ не удовлетворюсь!.. нѣтъ, я подамъ прошеніе на Высочайшее имя: пусть или меня сошлютъ въ каторгу, если я клеветникъ, или Тулузова въ рудники упрячутъ, когда я докажу, что онъ убійца.

— Что за вздоръ ты говоришь! Развѣ можно теперь доказать это?—возразила мужу gnädige Frau.

— Такъ что же мнѣ,—воскликнулъ онъ:—съ неочищенной душой и предстать на Страшный Судъ?

— Чѣмъ же не очищена душа твоя будетъ? — продолжала возражать gnädige Frau.—Ты пытался, ты доносилъ, тебѣ не повѣрили, и въ грѣхѣ будутъ виноваты они, а не ты.

— Но я долженъ пытаться не одинъ, а десять, двадцать разъ!—кипятился докторъ.

— Тогда тебя, пожалуй, сочтутъ за человѣка не въ полномъ разсудкѣ и посадятъ въ сумасшедшій домъ!—предусмотрительно и насмѣшливо замѣтила gnädige Frau.

— Можетъ-быть,—согласился докторъ:—по крайней мѣрѣ, я тогда исполню все, что было въ моей возможности.

— Да это исполняй, кто тебѣ мѣшаетъ!—заключила этотъ споръ тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ gnädige Frau, очень хорошо знавшая, что она сумѣетъ не допустить мужа подать такую несообразную съ здравымъ разсудкомъ просьбу.

Послѣ ужина сейчасъ же всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, и Муза Николаевна, утомленная трехдневной дорогой, заснула-было крѣпчайшимъ сномъ, но часу въ первомъ ее вдругъ разбудила горничная и проговорила испуганнымъ голосомъ:

— Пожалуйте къ сестрицѣ, имъ очень нехорошо-съ!

— Что такое съ ней?—спросила въ свою очередь съ испугомъ Муза Николаевна.

— Не знаю-съ; при нихъ Ѳаддеевна осталась, а я за вами побѣжала,—сказала горничная.

Муза Николаевна въ одной сорочкѣ, надѣвъ только на босую ногу туфли, пошла къ сестрѣ, которую она нашла почти лежащею въ объятіяхъ Ѳаддеевны и имѣющею глаза закрытыми. Муза Николаевна осторожно подошла къ ней.

— Тебѣ нездоровится, Сусанна?—окликнула она ее.

— Да, но дай мнѣ твою руку! — отвѣчала на это Сусанна Николаевна, все-таки не открывая глазъ.

Муза Николаевна приняла ее изъ объятій Ѳаддеевны въ свои объятія.

— Это, должно-быть, съ ними сдѣлалось отъ глазу чьего-нибудь нехорошаго; съ камешка ихъ надобно спрыснуть,— шепнула ей старуха и, уйдя изъ комнаты, тотчасъ же возвратилась назадъ съ оттопыренными щеками.

Муза Николаевна не успѣла еще ничего изъ ея словъ понять, какъ старуха, проговоривъ: «Свять, свять, свять, Господь Богъ Саваоѳъ!», брызнула на Сусанну Николаевну изо рта воды. Та вскрикнула и открыла глаза. Старуха, снова пробормотавъ: «Свять, свять, свять, Господь Богъ Саваоѳъ!», еще брызнула разъ. Сусанна Николаевна ужъ задрожала всѣмъ тѣломъ, а Муза Николаевна воскликнула: «Что ты такое дѣлаешь?». Но старуха, проговоривъ въ третій разъ: «Свять, свять, свять...», опять брызнула на Сусанну Николаевну.

— Будетъ, будетъ, уйдите, оставьте меня съ сестрой!—сказала ей наконецъ Сусанна Николаевна.

— Уйду, матушка; теперь все пройдетъ!—сказала увѣреннымъ тономъ старуха и ушла.

— Что такое съ тобой случилось?—спрашивала Муза Николаевна.

— Я... — отвѣчала Сусанна Николаевна, какъ бы боясь остановить свой взглядъ на чемъ-нибудь попристальнѣе. Комната была освѣщена только горѣвшей передъ образомъ Казанской Божіей Матери лампадкой.—Я,—повторила Сусанна Николаевна:—видѣла вотъ его...—и она указала при этомъ рукой на портретъ Егора Егорыча:—и того!..

— Терхова?—спросила Муза Николаевна.

— Да...—произнесла съ усиліемъ надъ собой Сусанна Николаевна: — мужъ мнѣ все указывалъ вдаль, а другой мнѣ говорилъ: «Вы уморите меня, какъ уморили Углакова!».

— Ты заснула, Сусанна, и видѣла это во снѣ,—старалась ей объяснить Муза Николаевна.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не спала; я давно не сплю ни одной ночи,—не согласилась Сусанна Николаевна.

— Тогда это твои обыкновенныя галлюцинаціи, — продолжала успокаивать ее Муза Николаевна.

— Это и не галлюцинаціи, — возразила Сусанна Николаевна:—которыя, когда бывали со мной, то очень неясныя, а тутъ я разсмотрѣла всѣ черты Егора Егорыча и слышала голосъ Терхова отъ слова до слова.

— Еще бы тебѣ не видѣть и не слышать, когда ты только объ этомъ и думаешь! Но вотъ что, мое сокровище: я не оставлю тебя здѣсь и увезу съ собой въ Москву; ты здѣсь

окружена только тѣмъ, чего ужъ нельзя возвратить, а того, что ты желаешь видѣть, нѣтъ около тебя. Кромѣ того, послѣднее твое видѣніе можетъ и сбыться: Терховъ въ самомъ дѣлѣ можетъ умереть съ тоски!—рѣшилась ужъ немножко припугнуть сестру Муза Николаевна.

Сусанна Николаевна при этихъ словахъ ея вздрогнула.

— Хорошо, я готова уѣхать отсюда!—проговорила она.

— Завтра же?—подхватила Муза Николаевна.

— Хоть завтра, мнѣ все равно.

— А въ Москвѣ, что же, съ Терховымъ ты увидишься?

— А въ Москвѣ вы дѣлайте со мною, что хотите; пойми ты, что я утратила всякій умъ и всякую волю.

— Ну, мы тамъ знаемъ, что сдѣлать!—заключила Муза Николаевна и на другой день объявила прислугѣ, что Сусанна Николаевна уѣзжаетъ съ ней надолго въ Москву, и потому чтобы все нужное для этого было приготовлено; сказала она также о томъ и gnädige Frau, у которой при такомъ извѣстіи заискрились слезы на глазахъ.

— Зачѣмъ же Сусанна Николаевна такъ спѣшитъ уѣхать отсюда?—спросила она печальнымъ голосомъ.

— Затѣмъ,—отвѣчала ей съ лукавою улыбочкой Муза Николаевна:—что ее тамъ одинъ господинъ очень ждетъ.

— Господинъ?..—произнесла съ удивленнымъ лицомъ gnädige Frau. — Но который тоже нравится и Сусаннѣ Николаевнѣ?—присовокупила она, смекнувъ, въ чемъ дѣло.

— Нравится; кромѣ того, Егоръ Егорычъ самъ въ своемъ завѣщаніи написалъ Сусаннѣ, чтобы она непремѣнно вышла за этого господина.

Лицо gnädige Frau приняло радостное выраженіе.

— Значитъ, онъ долженъ быть очень хорошій человѣкъ.

— Такой же, какъ Егоръ Егорычъ: уменъ, ученый, серьезный и вдобавокъ молодой.

Gnädige Frau скрестила при этомъ набожно руки на груди.

— Danke Dir, mein Gott, dafür! — произнесла она и затѣмъ продолжала окончательно растроганнымъ голосомъ: — У меня одна къ вамъ, добрѣйшая Муза Николаевна, просьба: увѣдомляйте меня хоть коротенько обо всемъ, что произойдетъ съ Сусанной Николаевной! Я считаю ее моей дочерью духовной. Когда она была замужемъ за Егоромъ Егорычемъ, я знала, что она хоть не вполнѣ, но была счастлива; теперь же, какъ я ни успокоена вашими словами...

Тутъ полившіяся изъ глазъ слезы захватили дыханіе у gnädige Frau, и она не въ состояніи была продолжать своей рѣчи.

— Непремѣнно, непремѣнно буду писать вамъ! — обѣщала ей Муза Николаевна.

Весь день послѣ того прошелъ въ сборахъ, въ которыхъ Сусанна Николаевна не принимала никакого участія. Она сидѣла въ своей комнатѣ и все время смотрѣла на портретъ Егора Егорыча. Въ послѣднія минуты отъѣзда она, впрочемъ, постаралась переломить себя и вышла въ гостиную, гдѣ лица, долженствовавшія провожать ее, находились въ сборѣ, и изъ числа ихъ gnädige Frau была съ глазами, опухнувшими отъ слезъ; Сверстовъ все ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и какъ-то нервно потиралъ себѣ руки; на добродушно-глуповатой физіономіи Ѳаддеевны было написано удовольствіе отъ мысли, что она вылѣчила барыню, спрыснувъ ее водой съ камешка. Наконецъ явился Антипъ Ильичъ, почти ничего уже не видѣвшій и едва державшійся на своихъ тонкихъ ногахъ, но все еще благообразный собою.

— Сядьте, старичокъ! — первое, что̀ приказала ему gnädige Frau.

Антипъ Ильичъ, съ трудомъ отыскавъ глазами стулъ, сѣлъ.

— Сядьте и вы!—приказала gnädige Frau Ѳаддеевнѣ.

И та опустилась на кресло, постаравшись сѣсть рядомъ съ Сусанной Николаевной.

— Лошади поданы-съ! — проговорилъ, взглянувъ въ окно, Сверстовъ, видимо, мучимый всей этой сценой разставанья и рѣшительно не понимавшій, что̀ тутъ собственно происходитъ.

Всѣ поднялись. Сусанна Николаевна и Муза Николаевна сѣли на заднюю скамейку огромной четырехмѣстной кареты, а горничныя ихъ—на переднюю. Вороные кони Егора Егорыча, запряженные уже шестеркой съ отчаяннымъ молодымъ форейторомъ на выносѣ, быстро помчали отъѣзжающихъ; несмотря на то, долго еще видно было, что Сусанна Николаевна все выглядывала изъ кареты и смотрѣла по направленію къ Кузьмищеву, въ отвѣтъ на что gnädige Frau махала ей бѣлымъ платкомъ своимъ. Сверстову наконецъ наскучило такое сентиментальничанье барынь.

— Пойдемъ въ комнаты!—сказалъ онъ женѣ.

Та пошла за нимъ.

— Что̀ за сумасшествіе творитъ Сусанна Николаевна! Поѣхала въ Москву на пыль, на жаръ... Что̀ ей, видно, надоѣло здоровье?—проговорилъ докторъ искренно-сердитымъ голосомъ.

— Она поѣхала затѣмъ, что въ ея жизни скоро, вѣроятно, произойдетъ переломъ, и она выйдетъ снова замужъ,—открыла мужу gnädige Frau.

— Немножко скоренько!—замѣтилъ съ иронією докторъ.

— Нисколько не скоренько! — возразила gnädige Frau. — Самъ Егоръ Егорычъ, въ своемъ завѣщаніи, велѣлъ ей выйти за этого человѣка.

— Это, вѣроятно, за Терхова?—спросилъ докторъ.

— Вѣроятно, за него,—подтвердила gnädige Frau.

— Тогда къ чему же всѣ эти слезы и волненія? Старый мужъ разрѣшилъ, новый, кажется, попадается человѣкъ хорошій; надобно радоваться, а не печалиться: дѣло житейское, обыкновенное!..—восклицалъ докторъ.

— То-то, что тутъ не очень обыкновенное,—возразила gnädige Frau: — потому что тебѣ говорить нечего, какъ Сусанна Николаевна любила Егора Егорыча; сверхъ того, горничная Сусанны Николаевны, которая, какъ ты знаешь, не врунья, говорила мнѣ, что Сусанна Николаевна...

Докторъ былъ совершенно опѣшенъ.

— Неужели же то, что я какъ-то прежде подозрѣвалъ, правда?—проговорилъ онъ.

— Что ты подозрѣвалъ?—спросила его gnädige Frau.

Сверстовъ не вдругъ отвѣтилъ женѣ, а, поерошивъ многократно свою голову, наконецъ проговорилъ:

— Мнѣ Егоръ Егорычъ, бывши еще холостымъ, говорилъ какъ-то разъ шутя, что онъ многократно влюблялся только духомъ, а не тѣломъ; но тогда зачѣмъ же было жениться?..

— Отчего жъ не жениться? Неужели же необходимо, чтобы это было?—проговорила, слегка покраснѣвъ, gnädige Frau.

— Необходимо, чтобы было! — восклицалъ докторъ. — Это тебѣ всѣ физіологи скажутъ.

— Вздоръ!— отвергла gnädige Frau.

— Нѣтъ, не вздоръ!—воскликнулъ докторъ и счелъ за лучшее прекратить съ старой бабой объ этомъ разговоръ.

Недѣли черезъ двѣ потомъ они получили отъ Музы Николаевны письмо, которымъ она увѣдомляла ихъ, что Сусанна Николаевна вышла замужъ за Терхова, и что теперь пока молодые уѣхали за границу, гдѣ, вѣроятно, пробудутъ недолго и возвратятся на житье въ Кузьмищево.

Понятно, что отъѣздъ молодыхъ на чужбину случился оттого, что Сусаннѣ Николаевнѣ, по выходѣ ея замужъ, и въ Москвѣ было стыдно оставаться, какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ она совершила какой-нибудь постыдный поступокъ.

XV.

Отдаваясь прирожденному влеченію, Мирона Дмитріевна задумала быть хозяйкой. Для сей цѣли Мирона Дмитріевна наняла верхній этажъ одного изъ самыхъ большихъ домовъ на

Никитской и разбила этотъ этажъ на номера, которые выкрасила, убрала мебелью и надъ окнами оныхъ съ улицы прибила вывѣску: «Меблированныя комнаты со столомъ госпожи Звѣревой». Однимъ изъ первыхъ, желающихъ посмотрѣть ея номера, явился тотъ же мизерный камергеръ, ея должникъ на столь значительную сумму. Какимъ образомъ могло это случиться, Миропа Дмитріевна сначала объяснить даже себѣ не могла, потому что съ тѣхъ поръ, какъ вручила ему десять тысячъ, она въ глаза его не видала у себя въ домикѣ на Гороховомъ Полѣ, а тутъ вдругъ онъ, точно съ неба свалившись, предсталъ предъ нею. Въ первыя минуты Миропа Дмитріевна подумала, не деньги ли заплатить пришелъ къ ней камергеръ, но оказалось не то.

— Миропа Дмитріевна, вы квартиры открыли?—воскликнулъ онъ необыкновенно радостнымъ голосомъ и съ чувствомъ поцѣловалъ у нея руку.

— Да,—отвѣчала ему коротко и не совсѣмъ благосклонно Миропа Дмитріевна.

— Тогда я непремѣнно желаю нанять у васъ два-три номера!—продолжалъ тѣмъ же радостнымъ голосомъ камергеръ.

— Какимъ образомъ вы, такой богатый человѣкъ,—возразила ему немножко обезпокоеннымъ голосомъ Миропа Дмитріевна:—станете жить въ номерахъ, тѣмъ больше, что вы теперь, вѣроятно, уже женились?

— Слава Богу, нѣтъ-съ!—воскликнулъ камергеръ.—Imaginez, за меня хотѣли выдать дѣвушку самаго большого свѣта, но которая уже имѣла двоихъ дѣтей отъ своего крѣпостного лакея!

— Возможно ли это!—произнесла съ недовѣрчивостью Миропа Дмитріевна.

— Очень возможно-съ! Вы не знаете послѣ этого большого свѣта!—проговорилъ съ удареніемъ камергеръ.

— Однако вы сами принадлежите къ этому большому свѣту,—замѣтила ему не безъ ядовитости Миропа Дмитріевна.

— Я никогда душой не принадлежалъ свѣту! — отвергнулъ камергеръ какъ бы съ нѣкоторымъ даже негодованіемъ.—Дѣло теперь не въ томъ-съ, а вы извольте мнѣ прежде показать ваши номера!

Показывать номера для Миропы Дмитріевны было большимъ наслажденіемъ, такъ какъ она сама была убѣждена, что номера ея прехорошенькіе; но камергеръ ей сказалъ даже еще болѣе того: входя почти въ каждый номеръ, онъ разѣвалъ какъ бы отъ удивленія ротъ и восклицалъ:

— Это чудо, прелесть что̀ такое! Смѣю васъ завѣрить, что и за границей такихъ номеровъ немного.

— А вы бывали за границей?—спросила его Мирона Дмитріевна.

— Сколько разъ, по цѣлому году тамъ живалъ! — совралъ камергеръ, ни разу не бывавшій за границей:—но тамъ номера существуютъ при другихъ условіяхъ; тамъ въ такъ называемыхъ chambres garnies живутъ весьма богатые и знатные люди; иногда министры занимаютъ даже помѣщенія въ отеляхъ. Но вы рѣшились въ нашей полуазіатской Москвѣ затѣять то же, вивать вамъ, вивать! Вотъ что только можно сказать!

— Мнѣ пріятно это слышать отъ васъ,—проговорила Мирона Дмитріевна расчувствованнымъ голосомъ.

Но когда затѣмъ они вошли въ самый лучшій и большой номеръ, то камергеръ не произносилъ ужъ опредѣленныхъ похвалъ, а просто сталъ перечислять всѣ достоинства и украшенія номера.

— Почти четыре комнаты,—говорилъ онъ:—зеркала въ золотыхъ рамахъ, мебель обита шелкомъ, перегородка краснаго дерева, коверъ персидскій... Ну-съ, это окончательно Европа! И такъ какъ я считаю себя все-таки принадлежащимъ больше къ европейцамъ, чѣмъ къ москвичамъ, то позвольте мнѣ этотъ номеръ оставить за собою!

Мирона Дмитріевна сдѣлала маленькую гримасу.

— Онъ довольно дорогъ по цѣнѣ своей,—сказала она.

— А именно?—спросилъ камергеръ.

— Безъ стола сто рублей, а со столомъ двѣсти,—запросила ровно вдвое Мирона Дмитріевна противъ того, сколько прежде предполагала взять за этотъ номеръ.

— Я согласенъ на эту цѣну,—проговорилъ камергеръ съ тою же поспѣшною готовностью, съ какою онъ прежде согласился на проценты, требуемые Миропою Дмитріевною; но она опять-таки отвѣтить на это нѣкоторое время медлила.

— И что же это,—проговорила она, потупляя немного глаза:—опять будетъ новый заемъ?

— Нисколько-съ,—отвѣчалъ ей камергеръ.—Скажите мнѣ только, за сколько времени вы желаете получить деньги?

— Чѣмъ за большее, тѣмъ лучше,—отвѣчала, улыбнувшись, Мирона Дмитріевна.

— За три мѣсяца угодно?

— Извольте,—проговорила Мирона Дмитріевна, и камергеръ, съ своей стороны, вынувъ изъ кармана довольно толстый бумажникъ, отсчиталъ изъ него шестьсотъ рублей.

— Мегсі!—сказала Мирона Дмитріевна.—Сейчасъ я вамъ расписку дамъ въ получкѣ.

— Ни, ни, ни!—остановилъ ее камергеръ.—Я завтра же переѣду къ вамъ; значитъ, товаръ я свой получилъ, а раньше срока, я надѣюсь, вы меня не прогоните?

— Еще бы!—произнесла съ благородствомъ Миропа Дмитріевна.

Камергеръ невдолгѣ переѣхалъ къ ней въ номеръ, и одно страннымъ показалось Миропѣ Дмитріевнѣ, что никакихъ съ собой вещицъ модныхъ для украшенія онъ не привезъ.

— А камердинеръ у васъ, конечно, будетъ, а можетъ-быть, и двое?—продолжала Миропа Дмитріевна.

— Ни одного-съ! — отрѣзалъ ей камергеръ. — Мнѣ эти пьяницы до того надоѣли, что я видѣть ихъ рожъ не могу и совершенно удовлетворюсь вашей женской прислугой, которая, конечно, у васъ будетъ?..

— Но только не молоденькая и не хорошенькая,—замѣтила съ лукавой улыбкой Миропа Дмитріевна.

— Этого не нужно, потому что сама хозяйка у насъ хорошенькая,—проговорилъ камергеръ.

— Скажите, какой комплиментъ!—отвѣтила довольно насмѣшливо Миропа Дмитріевна.

Но камергера это не остановило: онъ сталъ разсыпаться предъ Миропою Дмитріевною въ любезностяхъ, какъ только встрѣчался съ нею, особенно если это было съ глазу на глазъ, пріискивалъ для номеровъ ея постояльцевъ, самъ напрашивался исполнять небольшія порученія Миропы Дмитріевны по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ; наконецъ въ одинъ вечеръ упросилъ ее ѣхать съ нимъ въ театръ, въ кресла, которыя были имъ взяты рядомъ, во второмъ ряду, а въ первомъ ряду, какъ очень хорошо видѣла Миропа Дмитріевна, сидѣли все князья и генералы, съ которыми камергеръ со всѣми былъ знакомъ. Ведя изъ театра свою даму подъ-руку, онъ высказался прямо, что влюбленъ въ нее съ первой же встрѣчи съ нею. Такого рода объясненіе, которое Миропа Дмитріевна почти ожидала, тѣмъ не менѣе смутило ее и обезпокоило: первый вопросъ, который ей представился, искренно ли говоритъ камергеръ; но тутъ явилась въ головѣ ея иллюзія самообольщенія. «Конечно, искренно!»—подшепнула ей эта иллюзія. Какъ бы то ни было, однако Миропа Дмитріевна рѣшилась не сразу сдаваться на сладкія рѣчи камергера.

— Вы забываете, что я замужемъ,—произнесла она.

— Очень это я помню,—продолжалъ воспламененнымъ тономъ камергеръ:—но мужъ вашъ негодяй: онъ бросилъ васъ, и вы должны теперь жить своимъ трудомъ!

— Ахъ, это что! Я всегда жила своимъ трудомъ.

— Такъ что же васъ въ этомъ случаѣ останавливаетъ?— спросилъ самолюбиво камергеръ.

— Я васъ очень мало знаю!—отвѣтила ему съ легкимъ восклицаніемъ Миропа Дмитріевна.

— Но въ душѣ вашей вы ко мнѣ ничего не чувствуете?.. Никакого расположенія? — воскликнулъ камергеръ, ероша какъ бы съ нѣкоторымъ отчаяніемъ себѣ голову.

— Ничего особеннаго: я вижу только, что вы умный и любезный молодой человѣкъ, — объяснила ему Миропа Дмитріевна.

Камергеръ поникъ какъ бы отъ грусти головою.

— Буду стараться, чтобы вы лучше меня узнали,—проговорилъ онъ.

На этомъ пока и кончился разговоръ камергера съ Миропой Дмитріевной. Въ слѣдующіе затѣмъ дни Миропа Дмитріевна, сама обыкновенно сидѣвшая за общимъ столомъ своихъ постояльцевъ, очень хорошо замѣчала, что камергеръ былъ грустенъ и только по временамъ какъ-то знаменательно взглядывалъ на нее. Миропа Дмитріевна, несмотря на то, все-таки рѣшилась повыдержать его. Но вотъ однажды камергеръ, встрѣтивъ ее въ коридорѣ, сказалъ такого рода фразу:

— Любовь, въ случаѣ успѣха, вызываетъ мужчинъ на самоотверженіе, на великія жертвы для женщинъ, а въ случаѣ неуспѣха, на месть, на подлость, я даже не знаю, на что...

Миропа Дмитріевна ничего ему на это не отвѣтила, но, придя къ себѣ въ номеръ и размысливъ, сильно встревожилась всѣми словами его. «На месть?—спросила она себя.— Но какъ же, чѣмъ онъ можетъ мнѣ мстить?»—«Очень просто,— отвѣтила ей на это ея предусмотрительная практичность:—не заплатитъ мнѣ денегъ, которыя долженъ, и тогда тягайся съ нимъ по судамъ!» Мысль эта почти лишила разсудка Миропу Дмитріевну, такъ что ею снова овладѣли иллюзіи. «Лучше ужъ отдаться ему,—подумала она:—и тогда онъ, конечно, заплатитъ мнѣ всю сумму сполна и даже, можетъ-быть, подпишетъ на меня все свое остальное состояніе». Принявъ сіе намѣреніе, Миропа Дмитріевна въ первый же послѣ того обѣдъ сказала, конечно, не громко камергеру:

— Сядьте со мною рядомъ; вы самый старшій мой постоялецъ, а потому должны занимать первое подлѣ меня мѣсто.

Камергеръ исполнилъ ея приказаніе и, бывъ за обѣдомъ очень веселъ, спросилъ Миропу Дмитріевну шопотомъ, не позволитъ ли она ему послать взять бутылку вина и выпить съ ней на брудершафтъ.

— Нѣтъ, это лучше послѣ.

— Но гдѣ же?—спросилъ торопливо камергеръ.—У васъ?

— Нѣтъ, лучше у васъ, въ вашемъ номерѣ.

— Да вы никогда ко мнѣ не ходите.

— Сегодня я приду къ вамъ.

Возникшая на такихъ основаніяхъ любовь поддерживалась нѣсколько мѣсяцевъ. Мирона Дмитріевна опомнилась первая, и именно въ тотъ день, какъ наступилъ срокъ уплаты по векселю. Она ожидала, что онъ ей заплатитъ, или, по крайней мѣрѣ, скажетъ ей что-нибудь по этому предмету. Камергеръ однако ничего не сказалъ ей и какъ бы даже забылъ о своемъ займѣ. Сколь ни скребли кошки на сердцѣ у Миропы Дмитріевны, она молчала еще нѣкоторое время; но, увидѣвъ наконецъ, что камергеръ ничего съ ней не заговариваетъ о деньгахъ, а въ то же время былъ любезенъ и даже плененъ съ ней, такъ что Миропѣ Дмитріевнѣ начало становиться это гадко,—отрезвившись такимъ образомъ отъ всякаго увлеченія симъ невзрачнымъ господиномъ, который ей не нравился никогда, она наконецъ пришла къ нему въ номеръ и начала разговоръ кроткимъ и почти нѣжнымъ тономъ:

— Страшно я нуждаюсь теперь въ деньгахъ: постояльцы нѣкоторые не платятъ, запасы дорожаютъ, номера къ осени надобно почистить: не можешь ли ты мнѣ уплатить твой долгъ?

Лицо камергера приняло мгновенно мрачное выраженіе.

— Я никакъ не ожидалъ отъ тебя услышать вдругъ подобное желаніе! — проговорилъ, онъ, гордо поднимая свою голову. — Согласись, что такой суммы въ одинъ день не соберешь, и я могу тебѣ только уплатить за номеръ и за столъ, если ты считаешь себя въ правѣ брать съ меня за это.

Этихъ словъ было достаточно, чтобы камергеръ сразу разоблачилъ себя: Мирона Дмитріевна поняла, что онъ хочетъ подтибрить себѣ ея десять тысячъ и вдобавокъ еще потомъ жить на ея счетъ. Безчестности подобной Мирона Дмитріевна не встрѣчала еще въ жизни, особенно между молодыми людьми, и потому вознамѣрилась подѣйствовать хоть сколько-нибудь на совѣсть камергера.

— Я прошу тебя уплатить мнѣ не вдругъ, а въ нѣсколько сроковъ,—продолжала она прежнимъ деликатнымъ и кроткимъ тономъ:—ты самъ знаешь, что я женщина бѣдная и живу своимъ трудомъ.

— Напротивъ, я знаю, что ты женщина богатая, такъ какъ занимаешься ростовщичествомъ,—возразилъ камергеръ:—но я любовь всегда понималъ не по-вашему, по-ростовщи-

чески, а полагалъ, что разъ мужчина съ женщиной сошлись, у нихъ все должно быть общее: думы, чувства, состояніе... Вы говорите, что живете своимъ трудомъ (ужъ измѣнилъ камергеръ «ты» на «вы»), прекрасно-съ; тогда разскажите мнѣ ваши средства, ваши дѣла, всѣ ваши намѣренія, и я буду работать вмѣстѣ съ вами.

— Но прежде разскажите мнѣ о вашемъ состояніи,—измѣнила тоже и Миропа Дмитріевна «ты» на «вы»:—я тоже буду помогать вамъ въ нихъ.

— Нѣтъ-съ, послѣ сегодняшняго разговора вашего со мной я не могу быть съ вами откровеннымъ, потому что вы слишкомъ мало меня любите!—объяснилъ съ надменностью камергеръ.

— Такъ зачѣмъ же я-то буду говорить вамъ? Дура, что ли, я? Помощи вашей мнѣ никакой не нужно, а вы извольте заплатить мнѣ долгъ и съѣзжайте съ моей квартиры.

— О, если вы такъ заговорили, то смотрите, не раскайтесь!— воскликнулъ камергеръ ожесточеннымъ голосомъ.

— Не раскаюсь,—произнесла Миропа Дмитріевна съ рѣшительностью, хотя слезы и готовы были хлынуть изъ ея глазъ, не отъ любви, конечно, къ камергеру, а отъ злости на него, что онъ такъ надругался надъ нею.

— Раскаетесь,— проговорилъ камергеръ: — потому что я вамъ долга моего тогда не заплачу!

— Заплатите; я сумѣю съ васъ взыскать! — едва достало силы у Миропы Дмитріевны проговорить, послѣ чего она поспѣшно ушла.

Понятно, что послѣ такого рода объясненія кратковременная и неискренняя любовь любящихъ превратилась въ искреннюю ненависть. Камергеръ, впрочемъ, думалъ-было еще какъ-нибудь уладить дѣло и даже написалъ съ нѣкоторымъ пылкимъ оттѣнкомъ письмо къ Миропѣ Дмитріевнѣ, въ которомъ изъяснялъ, что вчера онъ вспылилъ по той причинѣ, что совершенно не ожидалъ услышать отъ нея требованія такой быстрой уплаты долга, который онъ тѣмъ не менѣе считаетъ священнымъ для себя долгомъ и возвратитъ ей *непремѣнно*. Миропа Дмитріевна была однако не изъ такихъ женщинъ, чтобы могла быть успокоена одними пустыми обѣщаніями. Какъ нѣкогда она разъ навсегда убѣдилась, что Аггей Никитичъ дуракъ, непригодный къ семейной жизни, такъ теперь была совершенно увѣрена, что камергеръ былъ подлецъ великій, противъ котораго надобно держать ухо востро. На письмо камергера она отвѣтила весьма коротко: «Прошу васъ о томъ же, что̀ вамъ говорила: съѣзжайте съ моей квартиры

и позаботьтесь объ уплатѣ мнѣ должныхъ вами денегъ. Я хоть и женщина, но законы знаю». Затѣмъ Мирона Дмитріевна бросилась въ то присутственное мѣсто, изъ котораго почерпала свѣдѣнія о состояніи камергера. Тамъ она совершенно неожиданно услыхала, что онъ давнымъ-давно въ отставкѣ, и что даже не камергеръ теперь.

— Но какъ же!.. Гдѣ его формулярный списокъ?—воскликала почти въ полусумасшествіи Мирона Дмитріевна.

— Онъ у насъ, но ему выданъ аттестатъ о службѣ,—отвѣчали ей.

— Покажите мнѣ этотъ аттестатъ! — неистовствовала Мирона Дмитріевна.

Ей показали формулярный списокъ и копію съ аттестата.

— Но тутъ написано, что у него триста душъ! — кричала она.

— Написано,—отвѣтили ей.

— Но гдѣ же онѣ?

— Въ аттестатѣ сказано, въ какой губерніи.

— Что жъ, мнѣ и ѣхать въ такую губернію? — кричала Мирона Дмитріевна.

— Это какъ вамъ угодно,—отвѣтили ей.

— Ну, я теперь знаю, что мнѣ угодно!—воскликнула Мирона Дмитріевна и помчалась къ оберъ-полицеймейстеру, которому съ плачемъ и воплями выпечатала, что она бѣдная женщина, ограбленная теперь какимъ-то камергеромъ, который живетъ у нея на квартирѣ.

Оберъ-полицеймейстеръ, довольно привычный, вѣроятно, ко всякаго рода женскимъ воплямъ, отвѣтилъ ей довольно сухо:

— Для меня словеснаго объясненія недостаточно; вы должны мнѣ подать докладную записку.

— Она у меня готова, ваше превосходительство; вотъ она!—воскликнула Мирона Дмитріевна, вынимая проворно изъ ридикюля бумагу, пробѣжавъ которую, оберъ-полицеймейстеръ велѣлъ стоявшему навытяжкѣ казаку съѣздить за толстенькимъ частнымъ приставомъ.

Тотъ явился весьма скоро.

— Въ вашемъ участкѣ проживаетъ подавшая мнѣ докладную записку госпожа Звѣрева? — спросилъ его начальническимъ тономъ оберъ-полицеймейстеръ.

— Въ моемъ-съ,—отвѣчалъ приставъ, тоже пробѣжавъ записку.

— Госпожа эта здѣсь налицо!—сказалъ оберъ-полицеймейстеръ, указывая на Мирону Дмитріевну.—Разузнайте подробно дѣло и направьте госпожу Звѣреву, что слѣдуетъ ей предпринять,

Частный приставъ поклономъ головы выразилъ, что исполнитъ все приказанное ему, послѣ чего, пригласивъ Миропу Дмитріевну отойти съ нимъ въ сторонку, сталъ ее разспрашивать. Миропа Дмитріевна очень точно и подробно все разсказала ему, умолчавъ, конечно, о своихъ сердечныхъ отношеніяхъ къ камергеру. Выслушавъ свою кліентку, частный приставъ прежде всего довольно рѣшительно объявилъ, что она ничего не взыщетъ съ выгнаннаго изъ всѣхъ службъ камергера.

— Но какъ же, у него въ формулярѣ значится, что онъ имѣетъ триста душъ!—воскликнула Миропа Дмитріевна.

Частный приставъ при этомъ невольно разсмѣялся.

— Развѣ можно касательно состоянія вѣрить формулярамъ?—сказалъ онъ ей вѣжливо.

— Такъ что же я должна теперь дѣлать, если онъ такой подлецъ, что пишетъ въ бумагахъ, чего у него нѣтъ?

— Сдѣлать вы съ нимъ можете одно: посадить въ долговое отдѣленіе, съ платою, конечно, отъ себя каждомѣсячно...

— Но это будетъ только новая трата! — воскликнула Миропа Дмитріевна.

— Разумѣется,—подтвердилъ частный приставъ.

— Ну, тогда, что же, онъ всю жизнь будетъ жить у меня на квартирѣ, и я должна буду содержать его?

— Нѣтъ, съ квартиры мы его сгонимъ,—успокоилъ ее на этотъ счетъ приставъ.

Да, я прошу васъ; иначе я буду ужъ жаловаться генералъ-губернатору,—говорила окончательно разсвирѣпѣвшая Миропа Дмитріевна.

— Сгонимъ-съ! — повторилъ толстенькій приставъ, и дѣйствительно на другой же день онъ еще раннимъ утромъ пріѣхалъ къ экс-камергеру, бесѣдовалъ съ нимъ долго, послѣ чего тотъ куда-то передъ обѣдомъ уѣхалъ, я не говорю: переѣхалъ, потому что ему перевозить съ собой было нечего.

Въ тотъ же вечеръ экс-камергеръ сидѣлъ въ кофейной и ругмя-ругалъ Максинькѣ полицію, съ чѣмъ тотъ вполнѣ соглашался!

ЭПИЛОГЪ.

Наступилъ сорокъ восьмой годъ. Во Франціи произошелъ крупный переворотъ: Луи-Филиппъ бѣжалъ, Тюильри былъ захваченъ, и объявлена была республика; главнымъ правителемъ былъ назначенъ Ламартинъ; вопросъ рабочихъ высту-

пилъ на первый планъ. Революціонное движеніе отразилось затѣмъ почти по всей Европѣ; между прочимъ, въ Дрезденѣ нашъ русскій, Бакунинъ, былъ схваченъ на баррикадахъ. Можно себѣ вообразить, какимъ ужасомъ отразилось все это на нашемъ правительствѣ: оно, какъ разсказывали потомъ, увѣрено было, что и у насъ вслѣдствіе заимствованія такъ называемыхъ въ то время западныхъ идей произойдетъ, пожалуй, то же самое. Заимствованіе это главнымъ образомъ, конечно, могло произойти изъ тогдашнихъ журналовъ и изъ профессорскихъ лекцій. Въ силу этого, гроза разразилась исключительно на этихъ двухъ отрасляхъ государственнаго дерева. Цензоры, и безъ того уже достаточно строгіе, подчинены были наблюденію особаго негласнаго комитета. Въ университетахъ, и главнымъ образомъ московскомъ, нѣкоторые профессора поспѣшили оставить службу. Философію поручено было читать попамъ. Обо всемъ этомъ я упоминаю потому, что такого рода крутые распорядки коснулись одного изъ выведенныхъ мною лицъ, а именно гегеліанца Терхова, которому предстояла возможность получить каѳедру философіи; но ему ея не дали по той причинѣ, что онъ былъ послѣдователь Гегеля—философа, казалось бы, вовсе не разрушавшаго, а, напротивъ, стремившагося все существующее оправдать разумомъ. Понимая ходъ событій, а также и страну свою, Терховъ нисколько не удивился своей неудачѣ и переговорилъ объ этомъ только съ своей молодой супругой, съ которой онъ уже проживалъ въ привольномъ Кузьмищевѣ, гдѣ также проживали и Лябьевы, куда Муза Николаевна сочла за лучшее перевезти своего супруга на продолжительное житье, такъ какъ онъ въ Москвѣ опять началъ частенько поигрывать въ карты.

Вечеръ въ кузьмищевскомъ домѣ, сплошь освѣщенномъ; въ залѣ шумѣло молодое поколѣніе, три-четыре дворовыхъ мальчика и даже двѣ дѣвочки. Всѣми ими дирижировалъ юный Лябьевъ, который, набрякивая что-то на фортепіано, заставлялъ ихъ хлопать въ ладоши. Тутъ же присутствовалъ на рукахъ кормилицы и сынъ Сусанны Николаевны, про котораго пока еще только возможно сказать, что глаза у него были точь въ точь такіе же, какъ у Людмилы Николаевны. Вошелъ Сверстовъ, откуда-то пріѣхавшій, грязный, растрепанный.

— У-у-у!—закричали при видѣ его дѣти.

— У-у-у!—отвѣтилъ онъ имъ, распростирая объ руки.

— Дядя, ну!—почти скомандовалъ ему молодой Лябьевъ.

Сверстовъ понялъ его и сталъ на четвереньки: мгновенно же

на спину къ нему влѣзли маленькій Лябьевъ, два дворовые мальчика и дѣвочка, которая была посмѣлѣе. Сверстовъ провезъ ихъ кругомъ всей залы и наконецъ, въ свою очередь, скомандовалъ имъ: «Долой!». Дѣти соскочили съ него и все-таки побѣжали-было за нимъ, но онъ имъ сказалъ:

— Прочь, не до васъ, играйте тутъ!—и самъ прошелъ въ гостиную, гдѣ сидѣло старшее общество.

Первая, конечно, его замѣтила gnädige Frau и, бросивъ на него безпокойный взглядъ, спросила:

— Гдѣ ты это такъ долго былъ?

— У станового все бесѣдовалъ,—отвѣчалъ онъ въ одно и то же время злобно и весело.

— Зачѣмъ же онъ тебя собственно вызывалъ? — спросила съ свойственной ей точностью gnädige Frau.

— Вызывалъ, чтобы прошеніе на Высочайшее имя возвратить и отобрать отъ меня подписку, чтобы я таковыхъ не подавалъ впредь.

— Я это ожидала; но этимъ все и кончилось?—продолжала gnädige Frau.

— Нѣтъ, не однимъ этимъ!—отвѣчалъ Сверстовъ и затѣмъ, потеревъ себѣ руки, присовокупилъ:—Онъ мнѣ еще сообщилъ, что господинъ Тулузовъ, обличать котораго мнѣ воспрещено, зарѣзанъ своимъ бывшимъ управляющимъ по откупу, Савеліемъ Власьевымъ, который, просидѣвъ съ нимъ въ острогѣ, сталъ съ него требовать значительную сумму въ вознагражденіе. Тотъ ему не далъ и погрозилъ ссылкой... А тутъ ужъ разно разсказываютъ: одни говорятъ, что этотъ управляющій сразу бросился на барина съ ножомъ, но другіе — что Тулузовъ успѣлъ его сослать, и тотъ однако бѣжалъ изъ-подъ конвоя и, пробравшись къ своему патрону ночью, зарѣзалъ его. Словомъ, негодяй негодяя наказалъ, вотъ въ чемъ тутъ главное поученіе. Правительство у насъ подобныхъ людей не преслѣдуетъ, такъ они сами тонутъ въ омутѣ своей собственной мерзости.

Разсказъ этотъ произвелъ мрачное впечатлѣніе на всѣхъ, которое какъ бы желая разсѣять, Муза Николаевна сказала:

— А я вамъ также могу сообщить новость! Я получила письмо, и ты не можешь вообразить себѣ—отъ кого...—обратилась она къ мужу.—Отъ Аггея Никитича!

— Что жъ онъ тебѣ пишетъ?—спросила съ живымъ любопытствомъ Сусанна Николаевна.

— А вотъ прочтите!—отвѣчала Муза Николаевна, подавая письмо, прочитать которое взялся Терховъ.

«Добрѣйшая изъ добрѣйшихъ Муза Николаевна! — началъ

онъ читать не безъ нѣкоторой иронiи въ голосѣ.—Кромѣ васъ, мнѣ некому сказать о моемъ счастьѣ. Я былъ всю жизнь ищущiй, но не того, чего я желалъ. Въ масонствѣ я былъ дуракъ, миссiонерство мнѣ не удалось, и теперь я членъ одного изъ сибирскихъ управленiй, поэтому имѣю кусокъ хлѣба. Но все это вздоръ передъ тѣмъ, что со мной совершилось. Я въ Сибири встрѣтилъ пани Вибель, пріѣхавшую туда съ однимъ бариномъ, Рамзаевымъ, который теперь сталъ сибирскимъ откупщикомъ. Онъ, какъ аристократъ великiй, окружилъ ее богатою роскошью, но она,—какая игра судьбы!—встрѣтясь со мной въ Иркутскѣ, ринулась ко мнѣ всей душой, наплевала на своего магната и живетъ теперь со мной на моей маленькой квартиркѣ. Болѣе писать вамъ ничего не смѣю. Какъ женщина умная и добрая, вы поймете меня».

На откровенныхъ словахъ сего простого, но все-таки поэтическаго человѣка я и кончаю мой романъ.

Оглавленіе

VI ТОМА.

стр.

Масоны. Романъ въ пяти частяхъ.

Часть первая 3
Часть вторая 118
Часть третья 247
Часть четвертая 395
Часть пятая 561